Второе двадцатипятилѣтіе.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1888

1.

Приложенъ портретъ фельдмаршала князя Барятинскаго (въ молодости).

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи,

на Страстномъ бульварѣ.

1888.

Въ конторѣ **РУССКАГО АРХИВА**

(Москва, Ермолаевская Садовая, д. 175),

вышло новонайденное сочиненіе Императрицы ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ:

ЖИТІЕ ПРЕПОДОБНАГО СЕРГІЯ РАДОНЕЖСКАГО.

Съ предисловіемъ П. И. Бартенева и со снимкомъ.

Цѣна 50 к. съ пересылкою.

ОТПЕЧАТАНО И ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ

ФРАНЦУЗСКОЕ ПОЛНОЕ ИЗДАНІЕ

MEMOIRES DE LA COMTESSE EDLING

demoiselle d'honneur de Sa Majesté l'Impératrice Élisabeth Alexeevna. Малая 8-ка, 284 стр., на веленевой бумагѣ. Цѣна 3 рубля или 6 франковъ съ пересылкою. Получать можно въ Москвѣ, въ Конторѣ „Русскаго Архива" (Садовая, д. 175) и на Кузнецкомъ Мосту, въ книжномъ магазинѣ Готье. Въ Въ Парижѣ rue Bonaparte, 28, у Леру (Ernest Leroux).

Стихотворенія **В. А. Жуковскаго**. Цѣна 50 коп.

Стихотворенія **А. С. Пушкина**. Цѣна 40 коп. Въ этотъ сборникъ вошли стихотворенія, которыя появились при жизни поэта, а изъ посмертныхъ только наилучшія и вполнѣ его достойныя.

Стихотворенія **Ѳ. И. Тютчева**. Новое изданіе. Цѣна 50 коп.

Стихотворенія **Н. М. Языкова**. Цѣна 40 коп. За пересылку каждаго изъ этихъ сборниковъ—5 коп.

Выписывающіе всѣ четыре книжки получаютъ ихъ съ пересылкою за 1 р. 20 коп.

А. С. Пушкинъ. Два выпуска его новонайденныхъ сочиненій, его бумаги, черновыя его письма и наброски, выдержки изъ его записокъ, переписка его и письма къ нему разныхъ лицъ, замѣтки на его сочиненія и статьи о немъ (князя П. П. Вяземскаго, по бумагамъ Остафьевскаго архива, П. И. Бартенева, Г. С. Чирикова, Зеленецкаго, М. Н. Лонгинова, князя П. А. Вяземскаго, И. С. Аксакова, князя В. Ѳ. Одоевскаго и др.) со снимкомъ. Цѣна каждому выпуску ОДИНЪ РУБЛЬ, за пересылку 10 к.

Полное собраніе сочиненій **А. С. Хомякова**. Четыре тома Цѣна каждому тому **3** рубля съ пересылкою **3** р. **30** к.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ.

1888.

1.

Въ 1888 году „Русскій Архивъ“ выходитъ двѣнадцать разъ въ годъ. Каждые четыре выпуска составятъ особую книгу, съ отдѣльнымъ счетомъ страницъ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ.

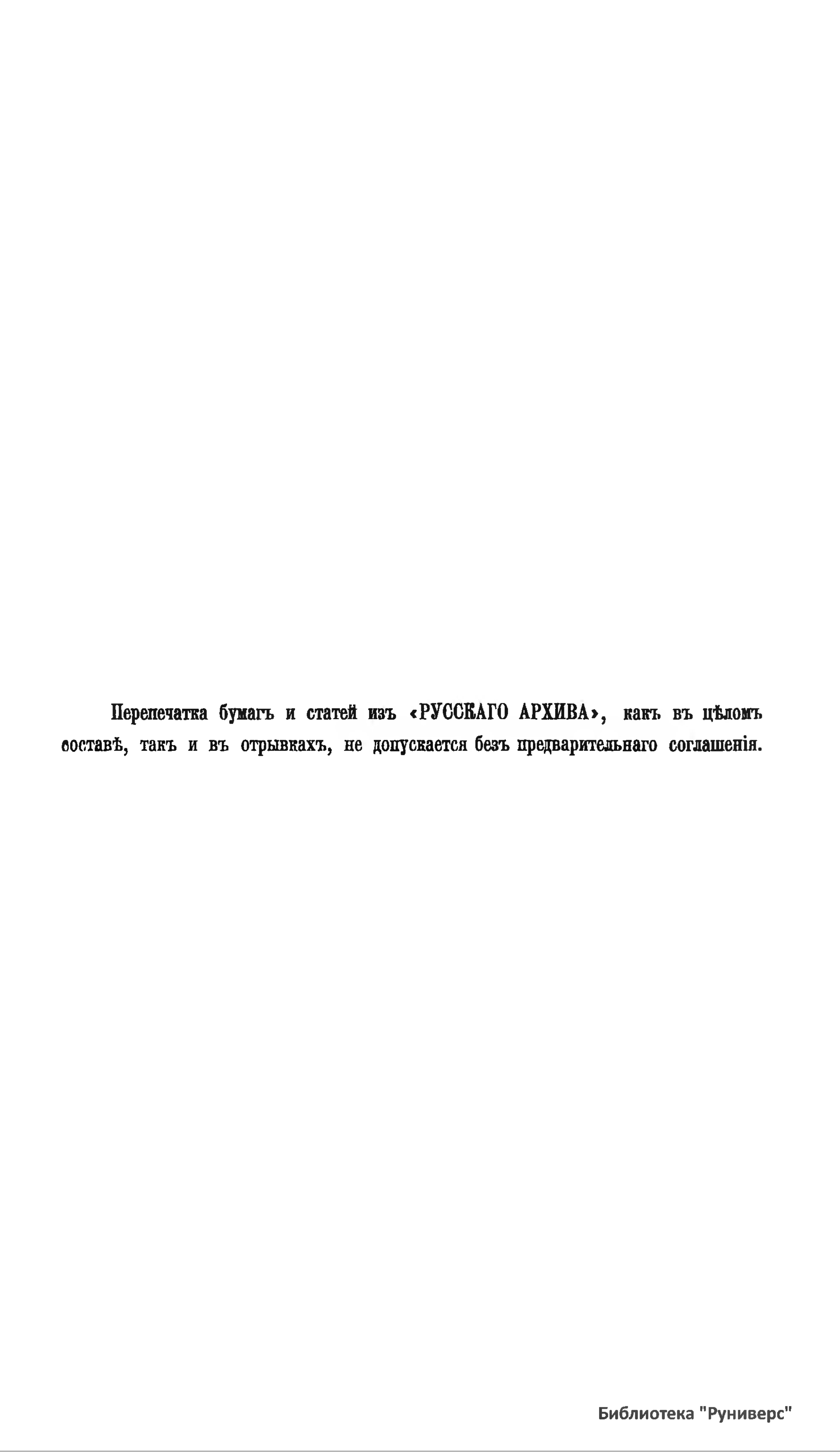
γνῶθι σεαυτόν.

1888.

КНИГА ПЕРВАЯ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи
на Страстномъ бульварѣ.
1888.

ПИСЬМА ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ

КЪ РЕЙНГОЛЬДУ ВИЛЬГЕЛЬМУ ФОНЪ ПОЛЬМАНУ.

1.

Mein lieber Herr. Sagen Sie die Wahrheit: die Kayserin hält eine sehr exacte Correspondenz mit ihren Wirtschaft. Ich hoffe auch alles gut zu Ende zu bringen. Verderben sie mir nur nichts durch unnütze Geschwätze von den Weibern und Leuten im Hause. Je weniger Geschnack, je besser. Wer Ohren hat zu hören, der höre nichts. Ich bin gesund und wünsche Ihnen desgleichen.

Kiew, d. 26 Februar 1787.

Das angeschlossene Schreiben bitte ich nach der Adresse abzugeben.

Переводъ. Мой любезный господинъ. Скажите правду: Императрица ведетъ очень исправную переписку съ вашимъ хозяйствомъ. Я и надѣюсь все привести къ хорошему концу; только не испортите мнѣ ничего безполезною болтовнею съ женщинами и домашними людьми. Чѣмъ менѣе пустыхъ толковъ, тѣмъ лучше. У кого есть уши, чтобы слышать, тотъ ничего не слушай. Я здорова и желаю вамъ того же. Кіевъ, 26 Февраля 1787. Прилагаемое писаніе прошу отдать кому надписано *).

*) Т.-е. принцессѣ Августѣ Виртембергской. Переписка съ ней Екатерины Великой должна храниться у насъ въ Государственномъ и въ Штутгардскомъ архивѣ, гдѣ, какъ намъ извѣстно, находятся, подъ печатями, бумаги, касающіяся этой злополучной женщины (Сб. Р. Ист. Общ. XXIII, 417). П. Б.

2.

Mein lieber Herr. Ihren Brief aus Lohde von 12-ten März habe ich gestern wohl empfangen. Meine Antwort auf die geschickte Beylage finden Sie hier angeschlossen. Es ist mir lieb, daß es ihnen auf Lohde gefällt. Wir sind hier alle gesund und wohl. In 14 Tagen ungefähr werde ich von hier zu Wasser abfahren. Ihren Report von der Verfassung bey der Abgabe der Lohdenschen Güter werde ich erwarten. In übrigen bleiben Sie gesund und wohl.

Kiew, den 1 April 1787.

Переводъ. Мой любезный господинъ. Письмо ваше изъ Лоде, отъ 12 Марта, я исправно получила вчера. При семъ слѣдуетъ мой отвѣтъ на присланное приложеніе. Мнѣ пріятно, что вамъ хорошо жить въ Лоде. Мы здѣсь всѣ здоровы и благополучны. Недѣли черезъ двѣ поѣду я отсюда водою. Буду ждать вашего отчета о томъ, какъ устроена передача имѣній, принадлежащихъ зȧмку Лоде. За симъ будьте здоровы и благополучны. Кіевъ, 1 Апрѣля 1787.

3 *).

Mein Herr. Den 22 April bin ich von Kief zu Wasser abgefahren. Den 25 des Morgens sind wir vor Kaniew angekommen und nachdem die Anker geworfen wurden, so haben meine Chaloupen dem König von Pohlen aus Kaniew nach meiner Galere gebracht, und den Mittag hat er bey mir am Bord gespeist und den Nachmittag bey uns zugebracht. Gegen neun Uhr Abends ist er wieder nach Kaniew gebracht worden. Bey seiner Ankunft, bey Tafel zu seiner Gesundheit und bey seiner Abreise wurden alle Kanonen an unseren Schiffen gelöset.

---

*) Письмо это, какъ и слѣдующія два, 14 Мая и 13 Августа 1787 г., было напечатано во 2-мъ томѣ Блумовой біографіи графа Сиверса (Leipzig, 1857), на стр. 478—480, 544 и 557. П. Б.

So bald er nach Kaniew zurück kam, hat er ein Feuerwerk anzünden lassen und meine Suite zur Abendmahlzeit bey sich gehabt. Die Nacht blieben wir zu Anker vor Kanief und den 26 ganz früh sind wir weiter gerudert. Zwei Tage haben wir contrairen Wind nachdem gehabt. Im übrigen seynd wir alle gesund und frisch. Mit mir seynd der kayserliche Gesandte, der englische und französiche Envoyés, der Prince de Ligne, der Prince de Nassau, der Hettman Graf Branitzky und seine Gemahlin, der Graf Skavronsky und seine Gewahlin, beyde des Fürsten Potemkin Nichten, der Fürst Potemkin, der Graf Mamonow, die Kammer = Fräulein Pratassow, der Oberstallmeister Narischkin, Graf Ivan Czernichef und seine Tochter, 4 Cammerherrn, 4 Cammerjunker, Graf Besborodka, Graf von Anhalt, Fürst Barátinsky, Rehbinder, die Obristen Nibaupier, Koslof, Lwow, mein Cabinet-Secretair Grapowitzky, und in allem auf dem Schiffe 2800 Mann, ausser die Leute des Kiewschen Gouvernements, so uns begleiten. Jezt seynd wir mitten auf dem Dnepr. Das linke Ufer ist das russische, das rechte das polnische. Morgen komme ich nach Krementschoug, von wo dieser Brief wird über Moskow abgefertigt werden. Dieses schreibe ich auf meiner Galere den 29 April 1787. Leben Sie wohl und seyn Sie artig. In Krementschoug werde ich zwey oder drey Tage bleiben, und dann gehen wir den Dniepr weiter hinunter bis zu den Wasserfällen. Sie sollen österS von uns Nachricht bekommen. Die beyden Ufer des Flusses seynd grün, und alle Weiden und Birken haben schon ziemlich grosse Blätter. Die Enten und anderes Flügelwild fliegt uns vielfältig um die Ohren. Die polnische Seite ist hoch, die russische meist flach. Aber so ein Geschrei von Fröschen habe ich noch niemahls gehört wie hier. Sehen Sie was ich für ein guter Correspondent bin. Grüssen Sie von meinetwegen wem gehört. Wir haben das schönste und angenehmste Fruhlingswetter. In meiner Cajute seynd den gantzen Tag alle Fenster auf.

Den 30 April. Heute bin ich hier in Krementschoug angekommen. Hier seynd die Eichen schon mit ziemlich grossen Laub geziert, und es ist heute so warm wie bey uns im Juli Monath. Ich logiere in einem charmant schönen Haus, hinter welchem ein Wald von Eichenbäumen ist und ein Garten, worin Hecken von Fruchtbäumen gepflantzt seyn. Das ist das General-Haus. Den 3 May gehe ich von hier weiter.

Надпись на четвертой страницѣ: Егермейстеру Полманну. Ihr Brief von 9 April bekomme ich so eben. Den 3 May gehe ich von hier. Die Beylage geben Sie an wem gebührt. Ich schicke ihnen hiesige Kirschenblüth und Caloufer, damit Sie sehen wie der hiesige Himmelstrich ist.

Переводъ. Мой господинъ. 22-го Апрѣля уѣхала я изъ Кіева водою. 25-го утромъ прибыли мы передъ Каневъ, и какъ скоро брошенъ былъ якорь, шлюпки мои перевезли ко мнѣ на галеру изъ Канева короля Польскаго. Онъ обѣдалъ у меня на галерѣ и провелъ у насъ послѣобѣденное время, а около 9-ти часовъ вечера его отвезли назадъ въ Каневъ. Когда онъ прибылъ и въ теченіи обѣда, при возглашеніи его здоровья и когда онъ уѣзжалъ, стрѣляли изъ всѣхъ пушекъ нашихъ судовъ. Возвратившись въ Каневъ, онъ немедленно велѣлъ пустить фейерверкъ, и вечеромъ моя свита у него ужинала. Ночь провели мы на якорѣ передъ Каневымъ, а 26-го раннимъ утромъ поплыли далѣе. Два слѣдующія дня дулъ противный вѣтеръ. Впрочемъ всѣ мы здоровы и не утомились. Со мною находятся цесарскій посолъ, Англійскій и Французскій посланники, князь Делинь, князь Нассау, гетманъ графъ Браницкій и его супруга, графъ Скавронскій и его супруга (обѣ племянницы князя Потемкина), князь Потемкинъ, графъ Мамоновъ, камеръ-фрейлина Протасова, оберъ-шталмейстеръ Нарышкинъ, графъ Иванъ Чернышовъ и его дочь, 4 камергера, 4 камеръ-юнкера, графъ Безбородко, графъ Ангальтъ, князь Барятинскій, Ребиндеръ, полковники Рибопьеръ, Козловъ, Львовъ, мой кабинетный секретарь Храповицкій, и всего на судахъ 2800 человѣкъ, кромѣ сопровождающихъ насъ Кіевскихъ чиновниковъ. Теперь мы на серединѣ Днѣпра. Лѣвый берегъ Русскій, правый Польскій. Завтра мы будемъ въ Кременчугѣ, откуда это письмо пошлется черезъ Москву. Я пишу это на галерѣ моей 29-го Апрѣля 1787. Живите здорово и ведите себя исправно. Въ Кременчугѣ пробуду я два или три дня, а

потомъ мы спустимся внизъ по Днѣпру до пороговъ. Вы будете чаще получать отъ насъ извѣстія. Оба берега рѣки покрыты зеленью, и на всѣхъ ивахъ и березахъ уже довольно большіе цвѣты. Утки и другая дичь со всѣхъ сторонъ оглашаютъ нашъ слухъ. Польская сторона гориста, Русская большею частью низменна. Но такого лягущачья кваканья я никогда не слыхивала какъ здѣсь. Посмотрите, какая хорошая я кореспондентка. Поклонитесь отъ меня кому подобаетъ. У насъ прекраснѣйшая и пріятнѣйшая весенняя погода. По цѣлымъ днямъ у меня въ каютѣ всѣ окна настежъ.—30-го Апрѣля. Сегодня прибыла я сюда въ Кременчугъ. Здѣшніе дубы уже порядочно распустились, и нынче такъ тепло, какъ у насъ въ Іюлѣ мѣсяцѣ. Я стою въ прекрасномъ и миломъ домѣ, позади котораго дубовая роща и садъ, гдѣ посѣяны ряды плодовыхъ деревьевъ. Это домъ генеральскій. 3-го Мая я ѣду отсюда дальше.—Сейчасъ получаю письмо ваше отъ 9 Апрѣля. 3-го Мая уѣзжаю отсюда. Приложенное отдайте кому слѣдуетъ. Посылаю вамъ цвѣту со здѣшней вишни и калуферу, чтобы вы знали, каковъ здѣсь климатъ *).

4.

Mein lieber Herr. Ihren Brief von 23 April habe ich gestern in der sehr schönen und wohl gebauten Stadt Херсонъ empfangen. Es ist mir lieb daß sie alle gesund seyn. Ich bin auch wohl und zufrieden hier seit drey Tage. Sagen sie an der Pr., daß ihr Schwager, der die polnische Frau hat, es auch so weit gebracht hat, das der Frauen Mutter jetzt dahin gereiset ist um ihre Tochter aus der Hölle zu erlösen. Sie muß dem Manne die Stiefeln abziehen und seine Wäsche waschen, sonst schlägt er ihr. Adieu, leben Sie wohl.

Cherson, den 14 May 1787.

Montag gehe ich von hier nach Taurien.

На оборотѣ: Егеръмейстеру Полманну въ Лодѣ.

*) Вишневый цвѣтъ и трава калуферъ доселѣ сохранились при подлинномъ письмѣ. П. Б.

Переводъ. Мой любезный господинъ. Ваше письмо отъ 23-го Апрѣля получено мною вчера въ очень прекрасномъ и хорошо выстроенномъ городѣ Херсонѣ. Мнѣ пріятно, что вы всѣ здоровы. Я здѣсь уже три дня, тоже благополучна и довольна. Скажите принцессѣ, что шуринъ ея, у котораго жена Полька, дошелъ также до того, что мать этой жены нынѣ поѣхала туда выручать дочь свою изъ ада. Ей приходится стягивать сапоги съ супруга и мыть ему бѣлье; иначе онъ ее колотитъ *). Прощайте. Живите здорово. Херсонъ, 14-го Марта 1787. Въ Понедѣльникъ отправляюсь я отсюда въ Тавриду.

5.

Mein lieber Herr. Ihren Brief von 24 Juli habe ich gestern mit Beylage empfangen. Die kleine Frau, wie es scheint, hat keine grosse Lust von hier weg zu gehen, und sie hat auch nicht groß Unrecht: sie will ruhig leben. Von Mann, von Verwandten hat sie keine oder wenig Ruhe zu hoffen. Es gefällt ihr in Lohde des Sommers. Im Winter wäre ihr Wunsch in Revel zu seyn. Wie ist ihr Haus, mein Herr, in Revel? Warum sollte sie in Revel des Winters nicht Umgang haben mit standesgemässigen Leuten? Grösseren Staat als ihre Einkünfte wären ist nicht von nöthen. Ich habe ihnen in meinem letzteren Briefe geschrieben, daß sie eine schriftliche Berechnung machen, ohnegefähr was sie von nothen hat, was sie von Lohde bekommt und was das Haus geben kann, was in der Wirthschaft fehlt? Ist ihr Haus zu verkaufen? Ist es groß genug? Haben sie ein Plan von Hause? Wie seynd Sie mit der kleinen Frau zufrieden? Sie scheint sehr zufrieden zu seyn und liebt ihnen und die Mad. Wilde ungemein. Was macht die Mad. Wilde? Was macht die gantze Wirthschafft? Leben Sie wohl.

Szarsko Celo, d. 2 August 1787.

---

*) Говорится про втораго брата великой княгини Маріи Θеодоровны Людвига, принца Виртембергскаго, женатаго (съ 1784 г.) на сестрѣ князя Адама Чарторижскаго (впослѣдствіи столь извѣстнаго въ царствованіе Александра Павловича). Онъ впослѣдствіи развелся съ нею, вступилъ въ Польскую службу и дрался противъ Русскихъ войскъ, а позднѣе перешелъ на службу къ ненавидѣвшему Екатерину Прусскому королю. Младшій его братъ, женатый на Генріеттѣ Нассауской, тоже дурно жилъ со своею супругою. П. Б.

Переводъ. Мой любезный господинъ. Письмо ваше отъ 21-го Іюля съ приложеніемъ получила я вчера. Кажется, что маленькой женщинѣ не очень хочется отсюда уѣзжать, и конечно въ этомъ она довольно права: она желаетъ жить спокойно [1]). Отъ мужа, отъ родныхъ нѣтъ ей или мало надежды на спокойствіе. Ей полюбилось въ Лоде лѣтомъ, а зимой ей бы желательно быть въ Ревелѣ. Каковъ вашъ Ревельскій домъ? Отчего бы ей не пользоваться зимою въ Ревелѣ обществомъ подходящихъ къ ней людей? Вести жизнь свыше ея доходовъ нѣтъ надобности. Въ послѣднемъ письмѣ [2]) я вамъ писала, чтобы вы сдѣлали письменное примѣрное расчисленіе тому, что̀ ей нужно, что̀ она получаетъ съ Лоде, что̀ можетъ дать домъ, чего недостаетъ въ хозяйствѣ. Вашъ домъ продается ли? Довольно ли онъ великъ, есть ли у васъ ему планъ? [3]) Какъ довольны вы маленькой женщиной? Кажется, что она очень довольна и чрезвычайно любитъ васъ и госпожу Вильде. Что̀ подѣлываетъ г-жа Вильде? [4]) Какъ идетъ все хозяйство? Живите здорово. Царское Село, 2-го Августа 1787.

6.

Mein lieber Herr! Ihren Brief von 10 August habe ich heute erhalten. Freilich hat die Prinzeß den klügsten und ruhigsten Entschluß genommen in Lohde des Sommers und im Winter in Revel zu verbleiben. Da dieses jetzt ihr Wunsch ist, so wäre nur eintzigst die Frage ob ihr Haus, mein Herr, in Revel im Stande ist im Winter bewohnt zu seyn. Ob dies Haus convenable meublirt ist? Ich habe bei Rehbinder den Plan genohmen, und nach dem Plane scheint es äusserlich besser wie innerlich außsehen; aber nach dem Plane kann man kein Haus judiciren. Wenn es der Princeß gefällt, so können wir wohl darüber eins werden; wo nicht, so schaffen Sie ihr ein besseres

---

[1]) Кажется, что не только спокойно, но и весело. Въ Лоде и Ревелѣ сохранилось преданіе, что̀ къ принцессѣ Августѣ съѣзжались гости-сосѣди. Танцы продолжались за полночь, и принцесса постановила правиломъ не прекращать ихъ пока не истреплятся танцовальные башмаки. А родители, кажется, были ради-родёхоньки, что дочь ихъ живетъ на Русскія деньги; отецъ же принцессы явно бралъ сторону своего зятя (Сборн. Р. И. Общ. XXIII, 417), П. Б.

[2]) Этого письма у насъ не имѣется. П. Б.

[3]) По мѣстному преданію Польману принадлежалъ домъ въ Ревелѣ, на Морской улицѣ, нынѣ занимаемый Почтовою Конторою. П. Б.

[4]) Дама, пріѣхавшая съ принцессою изъ Брауншвейга. П. Б.

und verkaufen sie ihr Haus dem Banck oder wem sie wollen. Die Prinzessin sagt: wenn die Leute in Revel so umgänglich seynd wie der Jägermeister Pollman und die Mad. Wilde, so will sie schon recht gut mit sie zufrieden seyn. Sorgen Sie väterlich für ihre kleine Wirtschaft, helfen Sie ihr solche einzurichten, und wenn alles in Stande wird seyn, und auf dem Lande nichts mehr zu thun ist, so ziehen sie nach Revel in Gottes Nahmen. Es ist mir lieb daß ihre Wirtschaft so gut geht und daß sie alle so zufrieden sein. Wenn Madame Wilde bleiben will, so ist es mir sehr angenehm. Leben Sie wohl. Ich werde ihren Etat erwarten, und da die kleine Frau sich so gut aufführt, und ihr Vertrauen in mir gesetzt hat, so wird sie es nicht zu bereuen haben.

Petersb., den 13 August 1787.

Переводъ. Мой любезный господинъ. Письмо ваше отъ 10-го Августа получила я вчера. Конечно, принятое принцессою рѣшеніе самое благоразумное и спокойное—проводить лѣто въ Лоде и зиму въ Ревелѣ. Такъ какъ теперь таково ея желаніе, то остается только одинъ вопросъ, можно ли жить зимою въ вашемъ Ревельскомъ домѣ? Прилично ли меблированъ этотъ домъ? Я взяла планъ у Ребиндера, и по плану домъ лучше снаружи, нежели внутри; но рѣшительно судить ни о какомъ домѣ невозможно по плану. Если онъ нравится принцессѣ, то мы можемъ придти къ соглашенію; а если нѣтъ, то доставьте ей получше, и продайте вашъ домъ въ Банкъ или кому хотите. Принцесса говоритъ: Если люди въ Ревелѣ такъ обходительны какъ егермейстеръ Польманъ и г-жа Вильде, то ей будетъ съ ними очень пріятно. Позаботьтесь отечески объ ея маленькомъ хозяйствѣ, помогите ей устроить его; и, когда все уладится и въ деревнѣ нечего будетъ дѣлать, переѣзжайте съ Богомъ въ Ревель *). Мнѣ пріятно, что хозяйство у васъ такъ хорошо идетъ и что вы всѣ живете въ удовольствіи. Если г-жа Вильде хочетъ оставаться, то это

---

*) Неизвѣстно, провела ли принцесса послѣднюю зиму жизни своей въ Ревелѣ. Было бы любопытно этого доискаться. Замѣчательно, что о помѣщеніи ея въ Екатеринтальскомъ Ревельскомъ дворцѣ ничего не говорится; не готовился ли этотъ дворецъ для Бобринскаго, который вскорѣ затѣмъ водворенъ былъ въ Ревелѣ? П. Б.

мнѣ очень пріятно. Прощайте. Я буду ждать вашего разсчета, и какъ скоро малютка теперь такъ хорошо себя ведетъ и возложила на меня свое довѣріе, то въ этомъ она не будетъ каяться. Петербургъ, 13-го Августа 1787.

7.

Mein lieber Herr. Sie werden dencken, daß ich bin sehr faul geworden, weil ich auf ihre Briefe von 13-tem Dec. bis heute nicht geantwortet habe; aber allerley Umstände haben diese Antwort verzögert. Hier schicke ich Ihnen Nachricht von dem Kauf und Verkauf des Hauses der Prinzessin. Ribaupierre ist ein Schweizer, er hat des Generals Bibicofs Tochter geheirathet. Das Haus hat er, seine Frau, Schwager und Schwiegermutter gekauft. Ribaupierre ist ein grundehrlich Gemüth. Die Familie der Frau ist bemittelt. Ich glaube daß sie werden richtig bezahlen, denn daß Geld ist leicht zu kriegen mit Versetzung des Hauses in Lombard. Daß die Prinzessin ihnen 5000 r. lehnet gegen Versicherung, daran habe ich nichts auszusetzen. Adieu. Ich wünsche ihnen ein gutes neues Jahr. Den 6 Jan. 1788.

Переводъ. Мой любезный господинъ. Вы подумаете, что я очень облѣнилась, потому что до сегодня не отвѣчала на письмо ваше отъ 13-го Декабря. Но разныя обстоятельства замедляли этотъ отвѣтъ. При семъ посылаю вамъ увѣдомленіе о покупкѣ и продажѣ принцессина дома *). Рибопьеръ—Швейцарецъ. Онъ женился на дочери генерала Бибикова. Домъ купили онъ, его жена, зять и теща. Рибопьеръ—отмѣнно-честное существо. Семейство жены его со средствами. Я думаю, что они исправно заплатятъ, такъ какъ денегъ легко достать подъ залогъ дома въ Ломбардѣ. Чтобы принцесса ссудила вамъ 5000 подъ обезпеченіе, противъ этого я ничего не имѣю возразить. Прощайте. Желаю вамъ хорошаго новаго года. 6-го Января 1788.

---

*) Огромный Петербургскій домъ на Моховой (почти на углу Пантелеймоновской), въ наши дни принадлежавшій С. И. Мальцову и потомъ принцу Ольденбургскому. Екатерина купила въ началѣ 1785 года этотъ домъ у графа Скавронскаго и подарила принцессѣ Виртембергской, которой недолго пришлось имъ пользоваться. Его отдѣлывалъ и убиралъ извѣстный своимъ художественнымъ вкусомъ Н. А. Львовъ (см. Сочиненія Хемницера, изд. Я. К. Грота, стр. 69). П. Б.

Между этимъ и слѣдующимъ письмомъ протекъ почти цѣлый годъ. Занятая Шведскою войною, Екатерина все таки писала къ Польману и принцессѣ Августѣ, и посылала ей Французскія книги (Дневникъ Храповицкаго, 5 Іюня 1788), а слѣдующимъ письмомъ захотѣла успокоить обитателей за̀мка Лоде, конечно находившихся въ тревогѣ и опасеніи Шведской высадки. Государыня не знала, что въ за̀мкѣ уже разыгрывалась драма, кончившаяся 14 Сентября того же 1788 года гибелью принцессы.

8.

Mein lieber Herr. Ihren Brief von 13 August habe ich heute erhalten. Aus Finland ist weiter nichts neues als daß die Finnen dem Könige von Schweden haben sagen lassen, daß sie gegen uns nicht dienen werden. Sie fordern einen Reichstag. Davon will er aber nichts hören, und er hat austreuen lassen, daß er den H. Graff Pouschkin wit 4000 Mann gefangen genohmen hat. Der König denkt mit Lügen und Trügen durch die Welt zu kommen. Man sagt, daß die Schweden auch bald denen Finnen folgen werden. Wir werden sehen was daraus werden wird. Ich glaube, daß er verrückt im Kopfe ist. Adieu, leben Sie wohl. Den 30 Aug. 1788.

Переводъ. Мой любезный господинъ. Письмо ваше отъ 13-го Августа я получила сегодня. Изъ Финляндіи нѣтъ ничего новаго кромѣ того, что Финны послали сказать Шведскому королю, что они не станутъ ему служить противъ насъ. Они требуютъ сейма, о чемъ онъ не хочетъ слышать. Онъ распустилъ слухъ, будто взялъ въ плѣнъ графа Пушкина съ 4000 человѣкъ. Король думаетъ пробавляться ложью и обманомъ. Говорятъ, что скоро и Шведы послѣдуютъ за Финнами. Посмотримъ, что̀ изъ этого выйдетъ. Я думаю, что онъ повредился умомъ. Прощайте. Живите здорово. 30-го Августа 1788.

*

За сообщеніе этихъ писемъ читатели „Русскаго Архива“ обязаны благодарностью господину секретарю Эстляндскаго дворянства барону Гаральду Романовичу фонъ-Толю. Онъ списалъ ихъ съ подлинниковъ, хранящихся у г-жи Польманъ (урожд. Бременъ), покойный супругъ которой былъ племянникомъ и наслѣдникомъ генерала фонъ-Польмана. Егермейстеръ генералъ-лейтенантъ Рейнгольдъ Вильгельмъ фонъ-Польманъ (1727—1795),

нѣкогда главноуправляющій въ Царскомъ Селѣ и пріятель князя Г. Г. Орлова (который владѣлъ зáмкомъ Лоде и временно въ немъ жилъ) имѣлъ по сосѣдству съ Лоде мызу Леверъ и, кажется, уже былъ вдовцомъ (послѣ супруги своей, урожд. Доротеи Іоанны фонъ-Врангель), когда выпало ему на долю водвориться въ зáмкѣ Лоде въ качествѣ блюстителя за спокойствіемъ принцессы Августы Виртембергской. У Нѣмцевъ, Французовъ и Англичанъ печатаются романы про эту несчастную красавицу-принцессу, въ которыхъ изображаютъ ее какъ жертву Екатерининской ревности (къ графу Мамонову) и Екатерину же винятъ въ ея насильственной кончинѣ. Это опять сущая клевета.

Принцесса Августа (род. 1764) или Зельмира, какъ называетъ ее почему-то Екатерина въ своихъ письмахъ къ Гримму, дочь славнаго полководца и масона герцога Брауншвейгскаго (чтò убитъ подъ Іеною въ 1806 г.) и сестра Англійской королевы Каролины (супруги Георга IV), провела въ Россіи слишкомъ шесть лѣтъ, и изъ нихъ четыре года съ супругомъ своимъ, старшимъ братомъ великой княгини Маріи Ѳедоровны, принцемъ Фридрихомъ (род. 1754), племянникомъ бездѣтнаго владѣтельнаго герцога Виртембергскаго. Любя невѣстку свою, Екатерина покровительствовала ея многочисленной роднѣ и въ 1782 году приняла этого принца, сопровождавшаго сестру свою и ея супруга во время путешествія ихъ по Европѣ, въ Русскую службу. Онъ получилъ должность Финляндскаго генералъ-губернатора (имъ открыта Выборгская губернія, и подъ Выборгомъ онъ устроилъ себѣ приморское помѣстье Монрепо). Есть основаніе думать, что въ Петербургѣ былъ онъ орудіемъ Фридриха Великаго, по кончинѣ котораго (въ Августѣ 1786) Екатерина рѣшилась отъ него отдѣлаться. Страстный охотникъ до воинской выправки, онъ могъ имѣть и въ этомъ отношеніи непріятное для Екатерины вліяніе на великаго князя Павла Петровича. Въ письмахъ къ Гримму Екатерина жалуется на Прусское ехидное вмѣшательство въ ея семейныя дѣла.

Состоялъ онъ въ арміи, командовалъ дивизіей и былъ временно (1783) губернаторомъ Херсона; но тамъ не взлюбилъ его князь Потемкинъ, скоро замѣтившій его пронырство. Принцъ Фридрихъ отличался необыкновенною грузностью и былъ до безобразія тученъ. Впослѣдствіи онъ не могъ кушать иначе какъ за особымъ столомъ, въ которомъ сдѣланъ былъ выемъ для его живота. Толстяки не рѣдко одарены тонкимъ умомъ; таковъ былъ и этотъ принцъ. Но умъ его направлялся преимущественно къ цѣлямъ своекорыстнымъ. Онъ умѣлъ такъ искусно обдѣлывать свои дѣла, что, по кончинѣ несчастной Зельмиры, королевскій Англійскій домъ не побоялся выдать за него свою принцессу. Онъ наслѣдовалъ отцу своему въ герцогствѣ Виртембергскомъ и позднѣе вкрался въ милость къ Наполеону, который сдѣлалъ его королемъ Виртембергскимъ. Изъ троихъ дѣтей его отъ перваго брака, сына Вильгельма (второй король Виртембергскій, женатый на нашей Екатеринѣ Павловнѣ), Павла (отецъ великой княгини Елены Павловны) и королевы Вестфальской Екатерины, послѣдніе двое родились въ Пе-

тербургѣ. Но съ матерью ихъ, молодою Августою, обходился онъ нещадно. Екатерина разсказываетъ, что онъ таскалъ ее по полу за косу, запиралъ на ключъ и держалъ несчастную женщину подъ самымъ строгимъ надзоромъ: чтобы доводить свои жалобы до Екатерины, она бросала записочки въ форточку, довѣренное лицо подымало ихъ на улицѣ и относило къ Государынѣ. Екатерина по собственному опыту знала, какова жизнь съ подобнымъ существомъ, и дѣятельно вступилась за принцессу. Еще осенью 1786 года завела она переписку съ ея родителями о разводѣ супруговъ (Архивъ Кн. Воронцова XII, 449—455). Въ исходѣ 1786 года все было готово къ Таврическому путешествію Екатерины. Только что передъ тѣмъ воцарившійся новый король Прусскій почти явно враждовалъ противъ Россіи. Уѣзжая на долго и не имѣвъ возможности увезти съ собою своихъ внуковъ, Екатерина естественно опасалась оставить въ Петербургѣ принца Фридриха, преданнаго выгодамъ Пруссіи; она воспользовалась его отношеніями къ женѣ, чтобы предложить ему отъѣздъ изъ Россіи. Французскій посолъ графъ Сегюръ разсказываетъ такъ [1]):

«Дворъ былъ неожиданно смущенъ и огорченъ довольно непристойною сценою. Принцесса Виртембергская, невѣстка великой княгини, вмѣсто того чтобы по обыкновенію послѣ представленія въ Эрмитажѣ послѣдовать за нею, побѣжала въ покои Государыни, кинулась ей въ ноги и стала молить о защитѣ отъ ея мужа, который, по словамъ ея, обращался съ нею очень жестоко. Она объявила, что болѣе не въ силахъ переносить его тиранство и оскорбленія, которыя конечно умножатся по отъѣздѣ Государыни.

«Надо полагать, что она подкрѣпила свою жалобу весьма важными обстоятельствами и подробностями; потому что въ тотъ же вечеръ Екатерина написала принцу Виртембергскому строгое письмо и приказала ему оставить ея службу и ѣхать назадъ въ Германію.

«Принцесса осталась въ Эрмитажѣ, гдѣ по приказанію ея величества ей приготовили комнаты». Взявъ подъ свое покровительство принцессу, Екатерина сочла долгомъ обезпечить ея спокойствіе, пока родители ея не рѣшатъ ея участи; но родитель повелъ дѣло о разводѣ и тянулъ его въ денежныхъ разсчетахъ. Отпустить принцессу домой значило подвергнуть ее всякимъ оскорбленіямъ.

Сцена съ Зельмирою происходила 17 Декабря, а наканунѣ великая княгиня Марья Ѳедоровна писала князю Потемкину жалобное письмо [2]), въ которомъ умоляла его уговорить Государыню, чтобы она не увозила Александра и Константина Павловичей въ Кіевъ, либо позволила ей съ ея супругомъ прослѣдовать туда же. Нездоровье обоихъ

---

[1]) Mémoires, souvenirs et anecdotes, изданіе 1824 года, томъ II-й, стр. 432.

[2]) Р. Архивъ 1879, I, 367.

мальчиковъ рѣшило Екатерину оставить ихъ въ Зимнемъ Дворцѣ. Принцу же Виртембергскому пришлось уѣзжать по добру, по здорову. Трехъ малютокъ дѣтей своихъ онъ увезъ съ собою въ Брауншвейгъ, а мать ихъ до 30 Декабря оставалась въ Зимнемъ дворцѣ. Вызванный изъ-подъ Ревеля Польманъ отправился съ нею на житье въ за̂мокъ Лоде.

Этотъ за̂мокъ, одно изъ древнѣйшихъ сооруженій Балтійскаго побережья, построенный въ началѣ XIII-го вѣка, еще раньше самаго Ревеля, первыми меченосцами и служившій имъ боевою твердынею въ кровавой борьбѣ съ мѣстнымъ Эстонскимъ населеніемъ, находится въ Викскомъ уѣздѣ, во ста слишкомъ верстахъ за Ревелемъ и верстахъ въ сорока отъ Гапсаля. Пожары и передѣлки опустошили его снаружи и внутри; но и теперь еще онъ поражаетъ путешественниковъ своею громадностью и столпостѣнами. Въ 1771 году 19 Марта князь Г. Г. Орловъ купилъ этотъ за̂мокъ съ 53 Эстляндскими гаками земли за 140 т. рублей у генералъ-лейтенанта барона фонъ-Лёвена *), но владѣлъ имъ не долго: въ 1786 году Лоде находится уже въ казенномъ вѣдомствѣ, и въ немъ гарнизонъ изъ 30 солдатъ. Въ Ревельскомъ губернскомъ архивѣ сохранилось дѣло (№ 94-й за 1787 г.), изъ котораго видно, что именнымъ указомъ отъ 22 Декабря 1786 года за̂мокъ и имѣніе Лоде изъяты изъ-подъ власти и подсудности мѣстныхъ учрежденій и ввѣрены егермейстеру г.-л-ту фонъ-Польману, который обязанъ былъ отдавать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ непосредственно самой Государынѣ. Вмѣстѣ съ этимъ повелѣно выдать Польману для устройства за̂мка, соотвѣтственно его временному назначенію и на другія издержки, доходъ съ имѣнія Лоде за 1786 годъ. Въ виду этого Польманъ, принявъ запасы хлѣба и незначительную наличную сумму, хранившуюся въ самомъ за̂мкѣ, обратился къ тогдашнему Эстляндскому губернатору, генералъ-майору Врангелю съ просьбой объ отпускѣ ему внесеннаго уже въ Казенную Палату дохода съ имѣнія за 1786 годъ въ количествѣ 2.000 рублей. Губернаторъ, сдѣлавъ соотвѣтственное распоряженіе, прежде чѣмъ выдать деньги, представилъ о томъ генералъ - губернатору графу Броуну, который въ отвѣтѣ своемъ отъ 31-го Марта 1787 года не только одобрилъ дѣйствія г.-м. Врангеля, но и изъявилъ готовность, въ случаѣ надобности, ассигновать еще больше денегъ изъ хранившихся особо въ Казенной Палатѣ доходовъ со сказаннаго имѣнія за прошлые годы. Вмѣстѣ съ

---

*) Купчая, совершенная въ Петербургѣ, сохранилась у нынѣшняго владѣльца, графа Льва Николаевича Буксгевдена. Она писана по-нѣмецки на Русской гербовой бумагѣ цѣною въ 50 к. (!) Покупщикъ подписался: Graf Orlof. Свидѣтелями: нашъ Р. В. фонъ-Польманъ, графъ Робертъ Дугласъ, Фридрихъ Гагманъ и Каспаръ Бергъ.

тѣмъ графъ Броунъ предложилъ губернатору откомандировать Гапсальскаго уѣзднаго врача Рубенау въ распоряженіе егермейстера Польмана, что̀ и было исполнено и затѣмъ поручено Балтійспортскому уѣздному врачу Нибергу, на время отсутствія врача Рубенау, отправлять его обязанности.

Въ числѣ прочихъ бумагахъ въ этомъ дѣлѣ (относящихся частію до заразительной и смертельной эпидеміи, появившейся на островѣ Даго, частію до жалобы Польмана на Балтійспортскій нижній судъ, который принималъ прошенія отъ крестьянъ за̀мка Лоде) имѣются еще двѣ замѣчательныя, именно: 1) указъ изъ Ревельскаго намѣстническаго правленія отъ 14 Октября 1788 года, на имя Гольденбекскаго пробста и проповѣдника Даля. Этимъ указомъ предписывается пробсту тѣло покойной принцессы Виртембергской, до воспослѣдованія подлежащаго Высочайшаго повелѣнія Ея Императорскаго Величества, поставить въ склепъ Гольденбекской церкви и объ этомъ немедленно сообщить «генералъ-лейтенанту, дѣйствительному камергеру» Польману; 2) предложеніе графа Броуна Ревельскому губернатору отъ 21 Февраля 1789 года, въ коемъ значится, что такъ какъ въ минувшемъ году (1788) скончалась въ за̀мкѣ Лоде принцесса Виртембергская, урожденная принцесса Брауншвейгская, то не угодно ли будетъ его превосходительству чрезъ нижній земскій судъ распорядиться о снесеніи устроенныхъ вслѣдствіе предложенія отъ 1787 г. (тутъ не выставлены число и мѣсяцъ) на дорогахъ, ведущихъ въ за̀мокъ Лоде, заставъ и воротъ. Къ сему присовокупляетъ генералъ-губернаторъ, что если въ за̀мкѣ еще остались какія-либо вещи покойной принцессы, то слѣдуетъ ихъ хранить подъ хорошимъ присмотромъ. Въ отвѣтъ на это губернаторъ 28 Февраля 1789 г. представилъ графу Броуну, что принадлежащія къ за̀мку Лоде имѣнія по прежнему состоятъ въ полномъ распоряженіи г.-л. Польмана, обязаннаго дать отчетъ только Ея Императорскому Величеству, а также, что Польманъ, на храненіи коего находятся вещи покойной принцессы, нѣкоторыя изъ нихъ отослалъ въ С.-Петербургъ и, наконецъ, что еще въ послѣднее время къ нему отправлено было нѣсколько курьеровъ. Въ чемъ именно заключались эти пересылки между Лоде и Петербургомъ, до сихъ поръ остается тайною.

Въ двухъ съ небольшимъ верстахъ отъ Лоде находится огромная приходская церковь, съ обширнымъ погостомъ и небольшимъ числомъ жилыхъ строеній для духовенства. Это мѣсто называется Гольденбекъ. На погостѣ семейныя группы могилъ, въ которыхъ покоятся старинные державцы тамошняго края, бароны Майдели, графы Эссены, Пиллары-фонъ-Пильхау и за послѣднее время графы Буксгевдены. На краю

церковной ограды такъ-называемая капелла, куда ставятъ покойниковъ до преданія ихъ землѣ. Въ 1885 году (когда случилось намъ посѣтить эти мѣста и пользоваться гостепріимствомъ любезныхъ обитателей зáмка Лоде), Гольденбекскимъ пасторомъ былъ Павелъ Эбергардъ. По его словамъ, въ эту капеллу Польманъ поставилъ гробъ принцессы Августы, заперъ на ключъ и приставилъ караульнаго. Сей послѣдній, услыхавъ крикъ въ капеллѣ, побѣжалъ въ зáмокъ, но Польманъ въ теченіи цѣлаго дня не пріѣзжалъ въ капеллу. Такъ какъ предполагалось, что родители можетъ быть захотятъ перевезти къ себѣ въ Брауншвейгъ останки Августы, то настоящихъ похоронъ не было, и Зельмира предана землѣ лишь въ нынѣшнемъ столѣтіи, когда подросли ея дѣти. Она положена въ самой серединѣ Гольденбекской кирки. Надъ нею очень грубая каменная и тяжелая плита, обведенная довольно высокою, но самою простою желѣзною рѣшеткою. На плитѣ читаемъ:

Hic jacet in pace Augusta Carolina Friderica Luisa, Ducis Brunsuicensis Guelfvibytani Filia, Friderici Guilielmi Caroli Ducis Wurtembergenssis et Supremi Praefecti Wiburgensis Uxor. Nata d. III Dec. MDCCLXIV. Denata d. XIV Sept. MDCCLXXXVIII.

Въ Дневникѣ Храповицкаго нѣсколько разъ записано о принцессѣ Августѣ и о Польманѣ. Вотъ эти мѣста.

5-го Іюня 1788. Писали къ Польману и къ прицнессѣ Виртембергской и послали Французскія книги. Она любитъ чтеніе и время проводитъ съ Польманомъ и его семьею; ежелибъ не было ему шестидесяти лѣтъ, то бы его сочли ея любовникомъ. Не говорятъ ли сего?—Я не слыхалъ.

21-го Сентября 1788. Спрошенъ послѣ обѣда и посыланъ на дачу къ графу Безбородкѣ, по случаю полученнаго по эстафетѣ увѣдомленія отъ Польмана о смерти принцессы Виртембергской. Сказывали, что она умерла отъ остановившихся кровей; съ нею и прежде то случалось. Жаль ея. Осмѣлился сказать, что она, въ несчастіи своемъ, кромѣ Вашего Величества иной защиты не имѣла.

10-го Октября 1788. Разговоръ о смерти принцессы Виртемберской, и что нѣтъ отвѣта отъ Польмана на письмо Ея Величества отъ 21-го Сентября. Я сказалъ, что начинаютъ говорить о томъ въ городѣ, чаятельно, по слухамъ изъ Ревеля. Написали письма къ отцу ея и къ матери, поставя 23-е Сентября.

19-го Ноября 1788. Спрошенъ послѣ обѣда для отправленія курьера къ Польману, съ тѣмъ, дабы онъ, по желанію родителей покойной принцессы, прислалъ обстоятельное описаніе о всемъ, относящемся къ болѣзни ея и рановременной смерти. Тутъ говорено о обоюдной

ихъ другъ къ другу привязанности, очень похожей на любовь. Вопросъ у меня.—Здѣсь не было слышно, развѣ были рѣчи въ тѣхъ мѣстахъ, кои ближе, и притомъ г-жа Вильде должна знать.—Она не смѣетъ говорить и мнѣ только сказала, что когда онъ не велитъ, то и гулять не поѣдетъ».

За̀мокъ Лоде вскорѣ потомъ былъ пожалованъ Екатериною графу Ѳ. Ѳ. Буксгевдену, который, по семейному преданію, подъ коврами въ принцессиной комнатѣ нашелъ запекшуюся кровь. Комната эта угольная; нынѣ, послѣ передѣлокъ на современное житье, она составляетъ четвертую долю столовой. Кажется, что г-жа Вильде въ 1788 году уѣхала изъ за̀мка, и къ ней, можетъ быть, относятся слѣдующія слова герцогини Браунгшвейгской князю Путятину, который привезъ родителямъ принцессы оставшіяся послѣ нея вещи: «Изъ всѣхъ извѣстныхъ ей обстоятельствъ страннѣе и непонятнѣе ей то, что покойная ея дочь возненавидѣла приближенную и пріѣхавшую съ нею въ Россію женщину и что съ помощью г-на Польмана, отвращеніемъ и холодностью, принудила она сію женщину возвратиться въ Брауншвейгъ» [1].

Въ 1815 году нѣкто Англичанинъ Враксаль напечаталъ свои Записки, и въ нихъ разсказалъ, будто графъ С. Р. Воронцовъ обвинялъ короля Виртембергскаго и Екатерину Великую въ гибели принцессы Августы. Враксаль, по требованію графа Воронцова, присужденъ былъ за то къ шестимѣсячному тюремному заключенію [2]. Процессъ этотъ надѣлалъ большаго шуму и былъ вѣроятно поводомъ къ тому, что сынъ принцессы испросилъ у своего шурина императора Александра Павловича позволеніе произвести разслѣдованіе на мѣстѣ. Что̀ тутъ было найдено, намъ неизвѣстно; но гораздо позднѣе, уже въ наши дни, потребовалось сдѣлать поправки въ полу Гольденберской церкви (который весь устлапъ надгробіями). По настоянію барона Пиллара вскрытъ былъ гробъ принцессы, и присутствовавшій при этомъ тогдашній кистеръ сказывалъ намъ, что кости лежатъ правильно, а не навзничъ; но тамъ гдѣ былъ животъ, находятся маленькій черепъ и младенческія косточки. По общему мѣстному преданію, беременная принцесса насильственно схоронена Польманомъ. Сохранились портреты сего послѣдняго. Это былъ красивый мущина. Въ 1789 году Польманъ жилъ еще въ Лоде. Екатерина, какъ видно, подозрѣвала эту связь, но могла узнать правду лишь позднѣе. Во всякомъ случаѣ надо признать, что дѣйствіями ея по отношенію къ злополучной принцессѣ руководило благородное и великодушное человѣколюбіе. Повѣсть ея страданій изложена въ письмахъ Екатерины къ Гримму. П. Б.

---

[1]) Р. Архивъ, 1879 I, 113.

[2]) Архивъ Князя Воронцова, XVII, 392—397, 454—458.

СЕНАТЪ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ.

Императорское Русское Историческое Общество издало въ своемъ Сборникѣ пять томовъ бумагъ Екатерины II-й, извлеченныхъ изъ Государственнаго Архива; но это собраніе не могло, конечно, исчерпать всей массы документовъ, хранящихся въ этомъ послѣднемъ. Подтвержденіемъ тому служитъ, между прочимъ, черновой набросокъ манифеста о внутреннихъ преобразованіяхъ, относящійся уже къ концу царствованія Екатерины (въ началѣ его упоминается «о 33-лѣтнемъ теченіи царствованія», слѣдовательно актъ относится къ 1795 году) и прерывающійся на словахъ: «глава первая. О Сенатѣ». Актомъ этимъ Императрица думала учредить въ Имперіи «необходимо нужныя постановленія для единообразія и способнѣйшаго теченія дѣлъ и разумныхъ узаконеній» (Русск. Арх. 1886, II, стр. 111).

Проектъ Екатерины II-й о новомъ положеніи Сената не былъ исполненъ; но онъ имѣетъ свою исторію, которой мы и посвящаемъ настоящую статью.

*

Со вступленіемъ на престолъ Екатерины II-й Сенатъ снова занялъ первенствующее положеніе: на него возложено обсужденіе всѣхъ государственныхъ дѣлъ [1]). Уже въ началѣ промелькнула было мысль объ *Императорскомъ Совѣтѣ* [2]), былъ составленъ и проектъ его Н. И. Панинымъ; но въ немъ нашлись олигархическія стремленія [3]), и

---

[1]) Сборн. Русск. Ист. Общ. т. VII, 101, 105, 162; XII, 30.

[2]) Тамъ же, VII, 143.

[3]) Въ докладѣ Панина говорится „о разумномъ раздѣленіи власти между нѣкоторымъ малымъ числомъ избранныхъ къ тому единственно персонъ“ (тамъ же, стр. 203). По проекту ихъ полагалось не свыше 8-ми, какъ и написано было Императрицею (201, 211). Докладъ и проектъ Панина направлены противъ „фаворитовъ и припадочныхъ людей“ послѣдняго времени, подъ которыми разумѣлись Шуваловы (204—217).

планъ этого учрежденія, на который дала даже свое согласіе Императрица, былъ разстроенъ [4]). Екатерина исполнила только вторую половину проекта Панина, раздѣливъ Сенатъ (1763) на департаменты (числомъ шесть) и учредивъ статсъ-секретарей [5]). Въ сущности этотъ новый порядокъ не представлялъ ничего новаго, а былъ вызванъ исключительно необходимостью ускорить теченіе дѣлъ въ Сенатѣ [6]).

Тѣмъ не менѣе, Екатерина была недовольна Сенатомъ. Въ секретнѣйшемъ наставленіи новому генералъ-прокурору князю А. А. Вяземскому читаемъ: «Въ Сенатѣ найдете вы *двѣ партіи*; но здравая политика съ моей стороны требуетъ оныя отнюдь не уважать, дабы имъ чрезъ то не подать твердости, и онѣ бы скорѣе тѣмъ исчезли. Обѣ партіи стараться будутъ нынѣ васъ уловить въ свою сторону. Вы въ одной найдете людей честныхъ нравовъ, хотя и не дальновидныхъ разумомъ; *въ другой думаю, что виды далѣе простираются,* но не ясно, всегда-ли оные полезны. Иной думаетъ для того, *что онъ долго былъ въ той или другой землѣ, то вездѣ по политикѣ той его любимой земли все учреждать должно* [7]), а все другое безъ изъятія заслуживаетъ его критики, не смотря на то, что вездѣ внутреннія распоряженія *на нравахъ націи* основываются. Вамъ не должно уважать ни ту,

---

[4]) Тамъ же 200—217. Планъ подписанъ 28 Дек. 1762, но потомъ подпись Императрицы на этой бумагѣ надорвана, и актъ объ Императ. Совѣтѣ остался необнародованнымъ. Были написаны и имена лицъ, которыя долженствовали войти въ составъ Совѣта. Возраженіе на проектъ Панина фельдцейхмейстера Вильбуа у Блюма (Ein rusisch. Staatsmann, Graf I. I. Sievers Denkwürdigkeiten, I, 144—146). Благопріятное мнѣніе неизвѣстнаго автора, подпис. 7 Февр. 1763 г. въ Воронц. Арх. (т. XXVI, 1—4); другое въ Сборн. Русск. Ист. Общ. (VII, 217—221). Между тѣмъ въ Екатерининской комиссіи Вильбуа является усерднымъ защитникомъ Остзейскихъ привилегій (Вѣстн. Евр. 1878 г. I, 243—244). Впрочемъ въ важныхъ случаяхъ Императрица созывала иногда совѣтъ или конференцію изъ назначенныхъ ею лицъ (Соловьевъ, XXV, 182).

[5]) Какъ извѣстно, при Аннѣ Іоанновнѣ Сенатъ былъ раздѣленъ на пять департаментовъ, причемъ также имѣлось въ виду освободить его отъ вліянія канцеляріи.

[6]) Императрица выражается: „Ужасная медлительность въ Сенатѣ *всѣхъ дѣлъ*“ (1763 г. Сборн. VII, 324, 335). „Правит. Сенатъ тогда составлялъ одинъ департаментъ. Сей слушалъ аппелляціонныя дѣла не экстрактами, но самое дѣло со всѣми обстоятельствами, и чтеніе дѣла о выгонѣ города Мосальска занимало при вступленіи моемъ на престолъ первыя шесть недѣль засѣданія Сената. Сенатъ опредѣлялъ воеводъ, но числа городовъ въ Имперіи не зналъ“. Тоже говоритъ Екатерина о количествѣ доходовъ и т. п. Съ раздѣленіемъ Сената на шесть департ. предписано было слушать изъ дѣлъ экстракты, а не самыя дѣла (Сборн. XXVII, 170—173).

[7]) Здѣсь очевидно имѣется въ виду тотъ же Н. И. Панинъ (Сборн. Р. И. Общ. VII, 150—151; XLII, 467).

ни другую сторону, обходиться должно учтиво и безпристрастно, выслушать всякаго, имѣя только единственно пользу отечества и справедливость въ виду, и твердыми шагами идти кратчайшимъ путемъ къ истинѣ. Въ чемъ вы будете сумнительны, спроситесь со мною и совершенно надѣйтеся на Бога и на меня; а я, видя такое ваше угодное мнѣ поведеніе, васъ не выдамъ».

Далѣе Екатерина изображаетъ положеніе дѣлъ въ Сенатѣ, какое она застала и которое она старалась измѣнить на первыхъ порахъ. «Сенатъ, говоритъ она, установленъ для исполненія законовъ [8]), ему предписанныхъ; а онъ *часто* выдавалъ законы, раздавалъ чины, достоинства, деньги, однимъ словомъ, почти все [9]), и утѣснялъ прочія судебныя мѣста въ ихъ законахъ и преимуществахъ, такъ что и мнѣ случилось слышать въ Сенатѣ, что одной коллегіи хотѣли сдѣлать выговоръ за то только, что она свое мнѣніе осмѣлилась въ Сенатъ представить, до чего однакожъ я тогда не допустила, но говорила господамъ присутствующимъ, что сему радоваться надлежитъ, что законъ исполняютъ. Чрезъ такія гоненія нижнихъ мѣстъ они пришли въ толь великій упадокъ, что и регламентъ вовсе позабыли, которымъ повелѣвается противъ сенатскихъ указовъ, *если оные не въ силѣ законовъ, представлять въ Сенатъ, а напослѣдокъ и ко мнѣ.* Раболѣпство персонъ, въ сихъ мѣстахъ находящихся, неописанное, и добра ожидать не можно, пока сей вредъ не пресѣчется. Одна *форма лишь канцелярская* исполняется, а думать еще и нынѣ не смѣютъ прямо, хотя въ томъ и интересъ государственный страждетъ. Сенатъ же, вышедъ единожды изъ своихъ границъ, и нынѣ съ трудомъ привыкаетъ къ порядку, въ которомъ ему быть надлежитъ. Можетъ быть, что *и для любочестія* инымъ членамъ прежніе примѣры прелестны; однакожъ покамѣстъ я жива, то останется какъ долгъ велитъ. Россійская имперія есть столь обширна, что, кромѣ самодержавнаго государя, всякая другая форма правленія вредна ей; ибо все прочее медлительнѣе въ исполненіяхъ и многое множество страстей разныхъ въ себѣ имѣетъ, которыя всѣ къ раздробленію власти и силы влекутъ, нежели одного государя, имѣющаго всѣ способы къ пресѣченію всякаго вреда»....

При этомъ Екатерина сознавала, что труднѣе всего будетъ править канцеляріею сенатскою и не быть подчиненными обманутому, и ссылалась на герцога Ришелье, «который говаривалъ, что ему меньше

---

[8]) Въ своемъ „Наказѣ“ Екатерина говоритъ: „Въ Россіи Сенатъ есть хранилище законовъ“ (статья 26).

[9]) Комментаріи къ этимъ обвиненіямъ см. въ Сборн. Р. И. Общ. (бумаги Екатерины II-й) т. VII, 324, 325; т. XXVII, 170—175; XLII, 341—344.

труда править государствомъ и Европу вводить въ свои виды, нежели править королевскою антикаморою: понеже всѣ празднoживущіе придворные ему противны были и препятствовали его большимъ видамъ своими низкими интригами» [10]).

Чтобы понять и оцѣнить нѣкоторые намеки «секретнѣйшаго наставленія» Екатерины II, необходимо припомнить положеніе Сената въ XVIII вѣкѣ. Петръ Великій высоко поставилъ значеніе Сената, какъ «высшаго управительнаго учрежденія въ государствѣ», и такова была его роль на дѣлѣ, по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія [11]). Но по смерти Петра, по видамъ Меншикова, Екатерина I учреждаетъ для важныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ государственныхъ дѣлъ *Верховный Тайный Совѣтъ*, причемъ Сенату вмѣнено въ непремѣнную обязанность исполнять указы Совѣта. Попытка Сената на первыхъ порахъ отстоять свое положеніе была отстранена. Далѣе, самый титулъ Сената *Правительствующій*, какъ *непристойное ему наименованіе*, замѣненъ былъ словомъ *Высокій*. Извѣстно, какую роль игралъ Совѣтъ въ промежутокъ со дня кончины Петра II-го до прибытія въ Москву Анны Іоанновны, и съ «Описи Сенатскаго архива» приводится 56 повелѣній, объявленныхъ имъ отъ имени избранной Императрицы [12]). Черезъ нѣсколько дней по дѣйствительномъ вступленіи на престомъ Анны Верховный Тайный Совѣтъ уничтоженъ, и возстановленъ Правительствующій Сенатъ на началахъ, указанныхъ Петромъ Великимъ. Но такое положеніе его на самомъ дѣлѣ продолжалось недолго. Уже въ Ноябрѣ 1731 г. учрежденъ былъ при дворѣ *Кабинетъ* съ тремя кабинетъ-министрами, который въ скоромъ времени пріобрѣтаетъ почти такое же значеніе, какимъ пользовался въ два предыдущія царствованія Верховный Тайный Совѣтъ.

Съ восшествіемъ на престолъ Елисаветы Петровны ясно обнаруживается стремленіе правительства упрочить и продолжать то, что было начато и создано Петромъ Великимъ. Такъ, въ Декабрѣ 1741 г. поручено Сенату разсмотрѣть вопросъ о дальнѣшемъ существованіи Кабинета министровъ, а въ именномъ указѣ 12 Декабря того же года выражена даже мысль, что возникновеніе такихъ учрежденій какъ

---

[10]) Сборн. Р. И. О. VII, 348, 349; Чтен. М. О. И, 1858, I, 101—104.

[11]) См. о Сенатѣ въ цар. Петра Великаго, В. С. Петровскаго, М. 1875; Сенатъ при Петрѣ Великомъ П. Иванова (Ж. М. Ю. 1859, № 1).

[12]) О дѣятельности этого учрежденія даетъ обстоятельное понятіе предпринятое Им. Р. И. Общ. изданіе его протоколовъ. (Сборн. т. LV и LVI).

Верховный Тайный Совѣтъ и Кабинетъ-министровъ не соотвѣтствуетъ началамъ, положеннымъ въ основаніе государственнаго управленія Петромъ Великимъ, такъ какъ «пронскомъ нѣкоторыхъ, прежній порядокъ правленія, установленный отъ нашего государя родителя, нарушенъ вновь изобрѣтеннымъ Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ, а въ царствованіе Анны Іоанновны сочиненіемъ Кабинета, въ равной силѣ какъ былъ Верховный Тайный Совѣтъ, и токмо имя перемѣнено, отчего произошло многое упущеніе дѣлъ государственныхъ внутреннихъ всякаго званія, а правосудіе уже и весьма въ слабость пришло». Тѣмъ же указомъ Правительствующему Сенату возвращались «бывшая сила и власть въ управленіи внутреннихъ всякаго званія государственныхъ дѣлъ, на основаніи имѣющихся въ Сенатѣ указовъ и регламентовъ» [13]).

Правда, вмѣстѣ съ тѣмъ установлено было при Высочайшемъ дворѣ, для важныхъ внѣшнихъ дѣлъ, особое совѣщательное учрежденіе—*Конференція*; но до 1756 г. сія послѣдняя не имѣла никакого вліянія на дѣла внутренняго управленія, такъ какъ она завѣдывала лишь внѣшними дѣлами и притомъ не была постояннымъ учрежденіемъ, а созывалась по мѣрѣ надобности. Поэтому и въ сенатскихъ дѣлахъ до 1756 г. не встрѣчаемъ ничего, что̀ напоминало бы о существованіи Конференціи.

Между тѣмъ, значительное усложненіе дѣлъ передъ Семилѣтней войной и тяжелое положеніе канцлера Бестужева-Рюмина среди борьбы партій побудили послѣдняго настаивать передъ Императрицею на учрежденіи при дворѣ постояннаго *тайнаго военнаго совѣта*, который вѣдалъ бы всю политическую систему и состоялъ изъ наидостойнѣйшихъ монаршей довѣренности персонъ. Тогда Елисавета призвала къ дѣятельности туже Конференцію, какъ постоянное учрежденіе, опредѣливъ вмѣстѣ съ тѣмъ и ея отношенія къ другимъ учрежденіямъ [14]). Съ этого времени и до конца царствованія Елисаветы Петровны въ Конференціи сосредоточиваются всѣ внѣшнія и внутреннія государственныя дѣла, и за подписью ея членовъ издаются высочайшіе указы, что̀, конечно, возвышало Конференцію надъ всѣми прочими орга-

---

[13]) П. С. Зак. № 8480.

[14]) Соловьевъ, т. XXIV, 25—27. Такъ понимали ея положеніе и современники. Панинъ выражается: „Увидѣли скоропостижную войну, требующую дѣйствительныхъ ресурсовъ. Нужно стало собрать въ одно мѣсто раскиданныя части, составляющія государство и его правленіе. Сдѣлали конференцію—монстръ, ни на что̀ не похожій: не было въ ней ничего учрежденнаго, слѣдовательно все безотвѣтственное“ и т. д. (Сборникъ Русск. И. Общ. VII, 207).

нами управленія [15]). При всемъ томъ, учрежденіе это далеко не получило той силы и вліянія, которыми пользовались въ свое время Верховный Тайный Совѣтъ и Кабинетъ-министровъ. Поручая въ 1760 г. Сенату исправить вкравшіяся въ управленіе злоупотребленія, Елисавета Петровна обращается къ нему, «какъ *первому* государственному мѣсту по своей должности и по данной власти».

Чтобы судить о дѣятельности Сената въ царств. Елисаветы, достаточно сказать, что онъ участвовалъ въ цѣломъ рядѣ распоряженій по военнымъ вопросамъ [16]), по морскому вѣдомству, по духовному управленію, по дѣламъ финансовымъ, торговымъ и промышленнымъ, по судебнымъ дѣламъ (и государственнымъ преступленіямъ), по народному образованію, по дѣламъ, касающимся Малороссіи, иностранныхъ поселенцевъ, внутренняго благоустройства. Въ такомъ важномъ вопросѣ, какъ отмѣна смертной казни, Сенатъ принималъ самое дѣятельное участіе и значительно способствовалъ его благопріятному разрѣшенію [17]). Подтвержденіемъ многосторонней дѣятельности Сената можетъ служить число статей Полн. Собр. Законовъ, относящихся къ періоду 1740—1762 г.: акты исходившіе непосредственно отъ верховной власти, составляютъ лишь $^1/_5$ часть всего, внесеннаго въ П. С. Законовъ матеріала, тогда какъ остальныя $^4/_5$ состоятъ преимущественно изъ постановленій Сената по всѣмъ частямъ государственнаго управленія.

По вступленіи на престолъ Петра III Конференція была упразднена, а вслѣдъ затѣмъ является при дворѣ Совѣтъ (Собраніе) изъ лицъ, близкихъ къ Императору, которое тотчасъ пріобрѣтаетъ господствующее значеніе. Сенату повелѣвалось уже не приводить въ исполненіе, до предварительной Высочайшей аппробаціи, всѣхъ его указовъ, составляющихъ или новый законъ, или же объясненіе и дополненіе прежнихъ законоположеній. Впрочемъ новое учрежденіе просуществовало всего 40 дней и потому не могло существенно подѣйствовать на положеніе Сената [18]).

---

[15]) Такъ, въ засѣд. Конференціи 30 Сент. 1757 г. былъ рѣшенъ такой важный вопросъ, какъ положеніе объ управленіи монастырскими вотчинами (П. С. Зак. т. XIV, № 10,765).

[16]) Любопытный споръ Сената съ Военной Коллегіей 1753 г. (о власти) см. въ Чт. М. О. Ист. 1865, I, стр. 1—36.

[17]) Соловьевъ, XXIII, 213—215. Съ такимъ же вниманіемъ отнесся Сенатъ къ вопросамъ о генеральномъ межеваніи и уничтоженіи внутреннихъ таможенъ (тамъ же 130—131; 220—221); къ учрежденію гимназій и школъ въ губерніяхъ и т. п. (Высшая администрація Россіи XVIII столѣтія, А. Градовскаго, с. 166—199).

[18]) Опись Высоч. указамъ и повелѣн., хран. въ Спб. сенат. арх. за XVIII вѣкъ. Т. III, 1740—1762. Сост. П. Барановъ (предисловіе).

То уваженіе, какимъ пользовался Сенатъ при Елисаветѣ Петровнѣ, повидимому даетъ основаніе заключать, что онъ стоялъ въ это время на высотѣ своихъ правъ и значенія: онъ становится, дѣйствительно, высшимъ политическимъ учрежденіемъ, вѣдающимъ всѣ отрасли государственной дѣятельности. И такая роль утвердилась за нимъ фактически, «неприлежаніемъ къ дѣламъ нѣкоторыхъ моихъ предковъ», какъ объясняетъ Екатерина II [19]). Само собою понятно, что Екатерина, будучи одарена сильной волей, жаждой дѣятельности и рѣшительною наклонностію къ личному управленію, не могла уже вполнѣ довѣриться какому-либо учрежденію, поручить ему все бремя администраціи; а задуманныя ею преобразованія требовали отъ нея постояннаго вниманія и личнаго наблюденія. Этимъ, быть можетъ, объясняется многое, сдѣланное ею по отношенію къ Сенату [20]). Въ свою очередь и Сенатъ не пытался болѣе присвоить себѣ ту власть, противъ которой такъ настойчиво возражаетъ Императрица.

Въ наказѣ своему депутату князю М. Н. Волконскому Сенатъ вовсе не касается собственныхъ правъ и нуждъ [21]). Между тѣмъ и раздѣленіемъ дѣлъ по департаментамъ, и образованіемъ цѣлаго ряда новыхъ отраслей управленія, и разработкою важнѣйшихъ вопросовъ въ особыхъ коммиссіяхъ (доклады которыхъ иногда непосредственно поступали къ Императрицѣ, минуя общее собраніе Сената) кругъ дѣятельности Сената значительно измѣняется [22]). При томъ въ скоромъ времени преобладающимъ вліяніемъ на ходъ дѣлъ въ Сенатѣ сталъ пользоваться генералъ-прокуроръ кн. А. А. Вяземскій, въ рукахъ котораго постепенно сосредоточиваются важнѣйшія отрасли управленія. Въ дѣйствительности онъ сталъ первымъ министромъ, соединивъ въ своемъ лицѣ званія министра юстиціи, финансовъ и государственнаго казначея. Въ его вѣдѣніи находились также герольдмейстерская часть, а потомъ ассигнаціонный банкъ, почтовое управленіе и тайная экспедиція [23]).

Дѣло бывшаго передъ тѣмъ ген.-прокура Глѣбова дало поводъ Екатеринѣ высказать и въ отдѣльности нѣкоторымъ сенаторамъ (какъ П. С. Сумарокову), такъ и въ самомъ Сенатѣ горькія истины по поводу

---

[19]) Обзоръ исторіи Рус. права. Проф. Владимірскаго-Буданова, I, 209—210. Ср. Сборн. Рус. Ист. Общ. VII, 347.

[20]) Начало Рус. госуд. права, А. Градовскаго, II, 139.

[21]) Сборн. Р. И. Общ. XLIII, 1—19.

[22]) „Высшая администрація XVIII стол.“ А. Градовскаго, с. 207—220 и д.

[23]) Онъ соединялъ на дѣлѣ званія министровъ юстиціи, внутр. дѣлъ и финансовъ (Ѳ. Дмитріевъ, Рус. Арх. 1868, с. 1576).

участія въ откупахъ и пристрастія въ сужденіи о дѣлахъ, прикосновенныхъ къ этимъ послѣднимъ [24]).

Политическія событія (первая Турецкая война) побудили, однако, Екатерину прибѣгнуть къ созданію новаго учрежденія, отъ котораго она уклонилась въ началѣ своего царствованія. Мы говоримъ о возникновеніи при дворѣ Совѣта (1768 г.), который сначала ограничивался политическими дѣлами, но постепенно его вліяніе и власть распространились на всѣ важнѣйшія отрасли управленія, а въ томъ числѣ и на предметы вѣдѣнія Сената [25]).

Переходя затѣмъ къ дѣятельности Сената, прежде всего замѣтимъ, что въ началѣ своего царствованія Екатерина II обращается къ нему по всѣмъ важнѣйшимъ распоряженіямъ, касавшимся утвержденія новаго порядка и управленія [26]), и когда гр. А. П. Бестужевъ-Рюминъ, столь усердствовавшій своими предложеніями Императрицѣ, возбудилъ было вопросъ о правѣ Сената издавать узаконенія, подтверждающія прежнія, то Екатерина писала ему: «Благодарю за яблоки; а что вы пишете объ указахъ, нынѣ отъ Сената обнародованныхъ, то въ отвѣтъ вамъ скажу, что вамъ самимъ извѣстно, что Сенатъ можетъ въ подтвержденіе законовъ и въ исполненіе оныхъ указы выдавать; сверхъ того оный подтвердительный указъ предковъ моихъ въ моемъ присутствіи читанъ; и такъ только остается мнѣ благодарить васъ за ревность и усердіе ко мнѣ, которыя вы мнѣ оказываете при всякомъ случаѣ» [27]).

Въ первые два мѣсяца своего царствованія Екатерина присутствовала въ Сенатѣ 15 разъ, а съ Сентября до конца 1762 г.— 11 разъ [28]). Иногда составлялись чрезвычайныя засѣданія Сената и Коллегій въ ея присутствіи [29]). Съ учрежденіемъ Совѣта Екатерина очень часто присутствуетъ уже въ засѣданіяхъ сего послѣдняго и не бываетъ болѣе въ Сенатѣ, объявляя ему свою волю на письмѣ или черезъ генералъ-прокурора [30]). При всей обширности и разносторонности дѣятельности Сената въ означенный періодъ, нельзя, однако, не

---

[24]) Сборн. Р. И. Общ. VII, 235—37.

[25]) Арх. Госуд. Сов. т. I, 4—7, 593. Сбор. XLII, 442—43. Уже послѣ Турецкой войны Екатерина выражалась, что Совѣтъ былъ учрежденъ на время войны и что онъ долженъ быть упраздненъ, когда сталъ ненужнымъ (тамъ же 356).

[26]) Соловьевъ. Ист. Рос. XXV, 137—149. Сенатъ въ началѣ царствованія Екатерины II, Древн. и Нов. Рос. 1875, т. I, 22—29.

[27]) Сборн. Р. И. Общ. т. VII, 127.

[28]) Соловьевъ, XXV, 136, 173, 262.

[29]) Соловьевъ XXVI, 129.

[30]) Тамъ же XXIX, 117.

замѣтить постоянно направляющей воли [31]) Императрицы, которая, въ случаѣ замѣченныхъ отступленій, дѣлала даже весьма внушительныя наставленія Сенату [32]). Въ щекотливыхъ вопросахъ (какъ ограниченіе пытки, отношеніе къ волшебникамъ и колдунамъ), Сенатъ дѣйствовалъ въ духѣ Екатерины [33]).

Однако, въ разсматриваемый періодъ мы встрѣчаемъ два случая, въ которыхъ Сенатъ проявилъ самостоятельность, несмотря на то, что въ нихъ принимали участіе лица, сильныя по своему вліянію при дворѣ. Первый случай относится къ самому началу дѣятельности князя Вяземскаго въ должности генералъ-прокурора. Разногласіе касалось правъ генералъ-рекетмейстера. Въ засѣданіи 30 Янв. 1764 г. девять сенаторовъ полагали, чтобъ генералъ-рекетмейстеру принимать только такія прошенія, которыя означены въ его инструкціи, а прочія принимать по департаментамъ оберъ-секретарямъ; но пять сенаторовъ подали мнѣніе, чтобы всѣ челобитныя принимать одному генералъ-рекетмейстеру. Мнѣнія эти въ засѣданіи 13 Февр. читаны были въ присутствіи Государыни и, не смотря на старанія согласить сенаторовъ, каждый изъ нихъ остался при своемъ. Послѣ этого князь Вяземскій подалъ дѣло на Высочайшее разсмотрѣніе и представилъ свое мнѣніе, согласное съ меньшинствомъ. Государыня на донесеніи написала: «генералъ-рекетмейстеру поступать по своей инструкціи, а челобитныя принимать по департаментамъ» [34]).

Второе дѣло относится къ половинѣ 1772 г. По случаю бывшей въ Москвѣ чумы Бецкій объявилъ Сенату изустное повелѣніе Императрицы—принимать въ Воспитательный Домъ малолѣтнихъ дѣтей, шатающихся безъ всякаго призрѣнія. Тогда Сенатъ рѣшилъ подать Императрицѣ докладъ слѣдующаго содержанія: «1) устные указы принимать велѣно только отъ сенаторовъ, генералъ-прокурора, президентовъ первыхъ трехъ коллегій и отъ дежурныхъ генералъ-адъютантовъ; но Бецкій не имѣетъ ни одного изъ этихъ званій; 2) новый указъ отмѣняетъ прежніе относительно шатающихся малолѣтнихъ; а въ Вос-

---

[31]) О дѣятельности Сената по 1774 годъ см. у Соловьева (по протоколамъ Сената), томы XXV, стр. 136—173; 265—295; XXVI, 18—52; 126—155; XXVII, 5—144; XXIX 117—158.

[32]) См. тамъ же, особенно т. XXV, 173; XXVI, 262—263; XXVII, 6, 36; XXIX, 117, 156. Екатерина обращалась къ Сенату *съ упреками* по поводу „пристрастія въ дѣлахъ", „междоусобнаго несогласія", „взаимной вражды" и „ненависти партій" (Чт. М. О. Ист. 1858, II, 171; Соловьевъ XXVI, 262).

[33]) Тамъ же XXVII, с. 9; XXIX, 118—120. Ср. Записки Державина (Соч. VI, 628—629; 642, 658).

[34]) Соловьевъ XXVI, 21.

питательный Домъ идутъ одни подкидыши и зазорнорожденные младенцы. Можетъ произойти такое злоупотребленіе, что помѣщичьи люди и солдаты, матросы и другіе служилые люди, желая избавить дѣтей своихъ, первые отъ помѣщиковъ, а послѣдніе отъ службы, станутъ приводить ихъ въ Воспитательный Домъ; да могутъ быть приведены и такія дѣти, которыя зайдутъ далеко отъ дома по ребячеству, а родители ихъ вовсе не хотятъ отдавать ихъ въ Воспитательный Домъ и будутъ плакать, что лишились своихъ дѣтей; помѣщики лишатся крестьянъ, а государство служилыхъ людей». Генералъ-прокуроръ испугался дурнаго впечатлѣнія, какое этотъ докладъ могъ произвести на Государыню и черезъ нѣсколько дней предложилъ, не соизволитъ ли Сенатъ отмѣнить свое опредѣленіе и принять рапортъ Бецкаго къ извѣстію; потому что Бецкій никакой отъ Сената революціи не требуетъ, а извѣщаетъ только, что онъ о томъ писалъ отъ себя въ Воспитательный Домъ. «Но Сенатъ *(что̀ случалось рѣдко)* остался при своемъ прежнемъ мнѣніи», замѣчаетъ историкъ Соловьевъ [35]).

По прежнему Екатерина бывала недовольна разногласіями и медленностью въ рѣшеніяхъ Сената [36]), въ особенности по апеляціоннымъ дѣламъ. Поэтому съ учрежденіемъ при дворѣ Совѣта, она стала передавать эти дѣла на разсмотрѣніе этого послѣдняго [37]).

Но случались и болѣе существенныя разногласія. Замѣчательно, что вскорѣ послѣ Пугачевскаго бунта такимъ предметомъ разногласія между Императрицею и Сенатомъ послужили отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ. Вотъ что̀ писала Екатерина кн. Вяземскому въ 1775 г.: «Пророчествовать можно, что если за жизнь одного помѣщика въ отвѣтъ и наказаніе будутъ истреблять цѣлыя деревни, то бунтъ всѣхъ крѣпостныхъ деревень воспослѣдуетъ и что положеніе помѣщичьихъ крестьянъ таково критическое, что окромя тишиной и человѣколюбивыми учрежденіями ничѣмъ ибѣгнуть не можно». «Генеральнаго освобожденія несноснаго жестокаго ига не воспослѣдуетъ; ибо, не имѣвъ обороны ни въ законахъ и нигдѣ, слѣдовательно самая малость можетъ привести ихъ въ отчаяніе, кольми паче мстительный такой законъ, *какъ Сенатъ вздумалъ не кстати и не къ ладу издать*. И такъ прошу быть весьма осторожну въ такихъ случаяхъ, дабы не ускорить и безъ того довольно грозящую бѣду, если въ новомъ уза-

---

[35]) Тамъ же XXIX, 179—180.

[36]) Сборн. Р. И. Общ. т. X, 283—284.

[37]) Тамъ же XLII, 437—438, 442—443. Со временемъ же Совѣтъ сдѣлался высшею инстанціею относительно самаго Сената (Записки Державина. Соч. VI, 628—631, 658—659).

коненіи не будутъ взяты мѣры къ пресѣченію сихъ опасныхъ слѣдствій [38]); ибо, если мы не согласимся на уменьшеніе жестокости и умѣреніе человѣческому роду нестерпимаго положенія, то противъ нашей воли сами оную возьмутъ рано или поздно» [39]).

И личный составъ Сената также повидимому не удовлетворялъ всѣмъ требованіямъ Государыни. Вотъ что́ писала она въ 1783 г. князю Потемкину: «Подполковникъ Вадковскій на сихъ дняхъ умеръ, и въ Сенатѣ пока по департаментамъ *пусто становится*; ибо *и больныхъ много*. Не знаю, за кого взяться. *Армейскихъ* требовать не смѣть; по губерніямъ молоды. Заглянула *въ придворныхъ*, прошу смотрѣть, кому по старшинству слѣдуетъ въ тайные совѣтники. *Право, тутъ выбрать немного*. Знаю, что въ Сенатѣ иногда *bouche-trou* (т.-е. затычки) *съ именами быть могутъ*; но признаюсь, что дѣльныхъ людей лучше бы хотѣла. Буде кого знаешь, скажи мнѣ». [40]).

Причинъ такому положенію вещей было много. Вотъ что о томъ свидѣтельствуетъ одинъ изъ видныхъ дѣятелей царствованія Екатерины. Императрица, по словамъ Сиверса, съ самого начала своего царствованія, хотѣла поднять значеніе Сената. Положеніе вещей, созданное перемѣнами въ государственномъ строѣ по смерти Петра Великаго, побудило ее раздѣлить Сенатъ (1763) на шесть самостоятельныхъ департаментовъ. Иногда съ большою торжественностью присутствовала она на сенатскихъ засѣданіяхъ, давала сенаторамъ аудіенціи и вообще была съ ними очень ласкова. Но Сенатъ выигрывалъ только во внѣшней обстановкѣ и расширялся въ объемѣ: количество его членовъ, отдѣленій и экспедицій умножилось, а прочнаго политическаго значенія онъ все-таки не пріобрѣлъ. Самое раздробленіе на департаменты лишало его отчасти того авторитета, который пріобрѣтаетъ обыкновенно цѣлая плотная корпорація. Въ общественномъ мнѣніи ему много вредилъ способъ назначенія его членовъ: мало-по-малу вошло въ обычай опредѣлять въ Сенатъ губернаторовъ и другихъ правительственныхъ лицъ, почему либо оказавшихся непригодными на своемъ мѣстѣ; это былъ родъ почетной отставки. Наконецъ и система Вяземскаго не мало подрывала значеніе корпораціи. Благодаря ему, доступъ мнѣній сенаторовъ къ Императрицѣ сталъ невозможнымъ; онъ

---

[38]) Изъ сенаторскихъ дѣлъ видно, что въ 1777-хъ годахъ составленіе соотвѣтственнаго закона поручено было коммиссіи уложенія (Соловьевъ, XXIX, 134).

[39]) XVIII вѣкъ, изд. П. И. Бартеневымъ, т. III, 390.

[40]) Сборн. Р. И. Общ. XXVII, 288. Рѣзкій отзывъ Державина о сенаторахъ см. Соч. его, изд. Ак. Наукъ, т. VI, 668, примѣч.

добился постановленія, чтобы дѣла рѣшались большинствомъ, а подобрать себѣ партію большинства онъ всегда имѣлъ возможность, при извѣстномъ составѣ членовъ [41]). Еслибъ и большинство было противъ, то у него въ запасѣ оставалось множество формальностей, чтобы оттянуть или повернуть дѣло какъ ему хотѣлось. Онъ обыкновенно предъявлялъ собственныя предложенія, скрываясь всегда за именемъ Императрицы; представлялъ къ рѣшенію нумера дѣлъ не по очереди, а по своему усмотрѣнію; вносилъ въ общее собраніе дѣла̀, заранѣе рѣшивъ ихъ въ ту или другую сторону; однимъ словомъ, поступалъ совершенно вопреки инструкціи Петра I, по которой генералъ-прокуроръ долженъ былъ стараться только проводить мнѣнія сенаторовъ къ единогласію [42]).

По отзывамъ современниковъ, князь Вяземскій былъ человѣкъ трудолюбивый, но не блистательнаго ума. Его образовала въ должности сама Императрица, а онъ любилъ утверждать передъ нею, что блестящее состояніе государства было только слѣдствіемъ точнаго исполненія имъ мудрыхъ наставленій Императрицы и такимъ образомъ пользовался значительнымъ вліяніемъ на нее. Онъ былъ человѣкъ дѣловой, умѣвшій охранять порядокъ и точность, но недостаточно образованный, скупой и мстительный [43]). При этомъ онъ не любилъ гласности и когда однажды Императрица пожелала напечатать какую-то статистическую записку, то князь Вяземскій поспѣшилъ къ ней и объявилъ, что если эта записка появится въ печати, то ему невозможно будетъ оставаться при своей должности [44]). Въ теченіе своего продолжительнаго управленія († 8 Янв. 1793 г.) онъ успѣлъ насолить многимъ вельможамъ; но Екатерина цѣнила въ немъ извѣстныя качества и мало обращала вниманія на жалобы противъ него [45]). Сенатъ также находился въ

---

[41]) См. Соловьевъ, XXVI, 133; Чт. М. О. Ист. 1864, I, 102—103. „Вяземскій, не вмѣшиваясь въ него (дѣло Иркут. намѣстн. Якоби 1792 г.), умѣлъ такъ искусно стороною дѣйствовать, что весь (почти) Сенатъ былъ на его сторонѣ“ и т. д. (Державинъ, VI, 643, ср. 673).

[42]) Blum, II, 147—149; ср. Гр. Як. Сиверсъ въ соч. Д. И. Иловайскаго, стр. 564—565. Авторъ справедливо замѣчаетъ: „Впрочемъ, напрасно было бы приписывать личности Вяземскаго слишкомъ много вліянія на значеніе Сената. Причины, конечно, лежали въ общемъ строѣ государственнаго механизма“. Объ этомъ см. у Щербатова: Статистика въ разсужденіи Россіи (Чт. М. О. Ист. 1859 г. II, 65—69).

[43]) Щербатовъ, Дашкова, Сабатье де-Кадръ, Порошинъ, Державинъ и др.

[44]) Рус. Архивъ, 1871, 67.

[45]) По поводу болѣзни его въ 1790 г. Императрица выразилась: „Жаль князя Вяземскаго: онъ мой ученикъ, и сколько я за него выдержала“ (Зап. Храповицкаго, стр. 322—23). „Кн. Вяземскаго сама формировала“ (279); „всѣ называли дрки“ (323). Порошинъ пишетъ:

полномъ къ нему подчиненіи. Князь Вяземскій позволялъ себѣ дѣлать выговоръ сенаторамъ въ собраніи за поздній пріѣздъ, и никто изъ нихъ не рѣшался возражать ему [46]).

Екатерининская коммиссія несомнѣнно имѣла вліяніе на послѣдующую законодательную дѣятельность Императрицы. Есть рядъ актовъ, указывающихъ на продолженіе дѣятельности частныхъ коммиссій, послѣ распущенія общей коммиссіи, и на распоряженія правительства по этому предмету [47]). И Екатерина откровенно сознавалась, что Коммиссія Уложенія подала ей свѣтъ и свѣдѣнія о всей Имперіи и что она всѣ части закона собрала и разобрала по матеріямъ [48]); она неоднократно признавала, что дѣйствія коммиссіи были удачны [49]). И если, по собственному признанію Екатерины, Турецкая война помѣшала занятіямъ общей коммиссіи, то донесенія Бибикова и Панина во время Пугачевщины (которой сначала при дворѣ не придавали никакого значенія, но о которой потомъ Екатерина иначе уже судила) должны были еще болѣе убѣдить ее въ необходимости всесторонней реформы [50]). Такъ, по поводу этихъ донесеній, она обѣщаетъ заняться школами, какъ только утихнетъ Пугачевщина [51]); а князь Волконскій,

---

„Н. И. Панинъ изволилъ долго разговаривать со мною о нынѣшнемъ генералъ-прокурорѣ кн. Вяземскомъ, и удивляться, какъ фортуна его въ оное мѣсто поставила; упоминаемо тутъ было о разныхъ случаяхъ, которые могутъ оправдать сіе удивленіе“ (изд. Рус. Стар. 520). По смерти кн. Вяземскаго Екатерина замѣтила: „Онъ всѣхъ развязалъ и домашнимъ далъ покой“ (Храповицкій, 418).

[46]) Записки Гарновскаго (Рус. Стар. т. XII, 484).

[47]) П. С. Законовъ, №№ 13,119; 13,156; 13,221 13,229; 13,437 и др. Записки Бибикова, 25—29. Въ одной собственноручной запискѣ Екатерины находимъ любопытное указаніе на эти работы: „По теперешнимъ обстоятельствамъ повелѣваемъ въ оной коммиссіи впредъ до 1 Янв. будущаго 1772 г. *засѣданій во дворцѣ* не имѣть; члены же частныхъ коммиссій могутъ между тѣмъ исправлять на нихъ возложенныя работы по сему дѣлу *по домамъ*“ (25 Окт. 1771 г. Сборн. Р. И. Общ., т. XIII, 181).

[48]) Рус. Архивъ 1865, 469—480; Сборн. XXVII, 170—177.

[49]) Дневникъ Храповицкаго, 33; Рус. Арх. 1878, III, 137—144. Сборн. XXIII, 403, 417. По офиціальнымъ даннымъ коммиссія уложенія была упразднена въ 1774 г., а осталась одна канцелярія для справокъ (Обозр. историч. свѣд. о Сводѣ Законовъ, по док. II отд. Е. И. В. канцеляріи, Спб. 1837 г. с. 33); но есть указаніе, что въ 1775 г. Екатерина думала дать коммиссіи постоянное назначеніе (XVIII вѣкъ, I, 160); а о передачѣ въ коммиссію замѣчаній Державина, касающихся губернскаго управленія 1784—85 гг., упоминается въ его Запискахъ (VI, 562, 566, 577).

[50]) Сборн. Р. И. Общ. XIX, 429.

[51]) Зап. Ак. Наукъ, ч. VII, 158. Данныя о занятіяхъ училищной коммиссіи, состоявшей изъ депутатовъ, относительно устройства школъ, въ 1769—71 гг., недавно напеч. по

представлявшій ей свой проектъ о губерніяхъ и судебныхъ учрежденіяхъ [52]), прямо говоритъ, что бунтъ Пугачева и другія обстоятельства убѣдили его въ томъ, что «есть недостатокъ въ самомъ положеніи государственнаго правленія, вышедшемъ изъ порядка черезъ разныя причины».

Съ переѣздомъ двора въ Москву въ 1775 г., здѣсь мы находимъ почти всѣ департаменты Сената, Синодъ, важнѣйшія коллегіи и коммиссіи и въ томъ числѣ *уложенную коммиссію* [53]); а Учрежденіе о губерніяхъ, вышедшее вскорѣ затѣмъ, Екатерина прямо связываетъ съ трудомъ сей послѣдней [54]). Переписка ея съ заграничными друзьями показываетъ намъ, какъ шла эта работа, какими авторитетами руководствовалась Екатерина въ своихъ планахъ реформъ, начало которыхъ было положено указаннымъ учрежденіемъ.

«Я только что дала моей имперіи Учрежденіе о губерніяхъ, пишетъ Екатерина Вольтеру (въ концѣ 1775), которое содержитъ въ себѣ 215 печатныхъ страницъ in 4° и, какъ говорятъ, ни въ чемъ не уступаетъ Наказу. Мнѣ больше нравится первое: это плодъ пятимѣсячной работы, исполненной мною одной. Я приказала перевести его и тогда пришлю вамъ» [55]). Нѣсколько позже (14 Іюля 1776 г.) она пишетъ тому же Вольтеру: «Законоположенія, которыхъ вы у меня просите, переведены еще только на Нѣмецкій языкъ; ничего нѣтъ труднѣе какъ имѣть хорошій Французскій переводъ какого бы то ни было Русскаго сочиненія. Русскій языкъ такъ богатъ, такъ выразителенъ и допускаетъ столько сочетаній словъ, что съ нимъ можно обращаться какъ вамъ угодно; между тѣмъ какъ Французскій такъ бѣденъ и такъ мудренъ, что надо быть вами, чтобы съумѣть такъ воспользоваться имъ и сдѣлать изъ него употребленіе, какое вамъ удалось» [56]).

архив. матеріаламъ гр. Д. А. Толстымъ (Взглядъ на учебную часть въ Россіи въ XVIII ст. до 1782 г., стр. 63—76). Коммиссія объ училищахъ представила проектъ о деревенскихъ и городскихъ училищахъ въ 114 статьяхъ (Сборн. историч. свѣд. о сводѣ закон. 32). Коммиссія благочинія представила 381 статью объ устройствѣ полиціи; коммиссія о госуд. родахъ—51 статью о дворянствѣ, 13 главъ о среднемъ состояніи и проектъ о казачьемъ состояніи и т. п. (тамъ же 32—33), принятыя повидимому въ соображеніе при составленіи дворянской грамоты и городоваго положенія (51).

[52]) XVIII вѣкъ, I, 160; Сборн. Р. И. Общ., V, 122—127.

[53]) П. С. Зак. т. XX, № 14,390.

[54]) Тамъ же № 14,392 стр. 230. Весь ходъ этихъ трудовъ описанъ Екатериною въ ея позднѣйшей запискѣ (Окт. 1779, Сборн. XXVIII, 171—177).

[55]) Сборн. Рус. Ист. Общ., т. XIII, 57.

[56]) Тамъ же стр. 86.

Новый свой трудъ Екатерина называетъ сухимъ и скучнымъ и совѣтуетъ не искать въ немъ ничего, кромѣ стройности и здраваго смысла. «Во всей этой массѣ, прибавляетъ она, конечно не проглядываетъ ни геній, ни умъ, но за то заключается много пользы».

Затѣмъ, уже въ 1777 году Екатерина снова пишетъ Вольтеру: «Наше законодательное зданіе мало по малу воздвигается; *основаніемъ ему служитъ Наказъ для составленія Уложенія*, посланный вамъ десять лѣтъ тому назадъ; вы увидите, что это учрежденіе не противорѣчитъ духу его, *а прямо изъ него истекаетъ*.... За этимъ учрежденіемъ будутъ слѣдовать другія: о финансахъ, торговли, полиціи и пр., составленіемъ которыхъ занимаются уже *два года*, а затѣмъ и изданіе Уложенія будетъ уже дѣломъ легкимъ и скорымъ. Вотъ что̀ я предполагала бы въ немъ сдѣлать: по части уголовной (распредѣленіе преступленій по категоріямъ не можетъ быть велико) важно соразмѣрить наказанія съ преступленіями. Я полагаю, что это должно составлять отдѣльный трудъ. Мнѣ кажется, что опредѣленіе свойства и силы доказательствъ и подозрѣній могло бы быть подчинено систематичной и весьма простой формѣ посредствомъ допросовъ, которые разъяснили бы дѣло. Я убѣждена и признала въ своемъ учрежденіи, что лучшій и болѣе вѣрный способъ уголовнаго судопроизводства есть тотъ, когда дѣла подобнаго рода разсматриваются чрезъ извѣстные сроки, *тремя инстанціями*, безъ чего личная безопасность могла бы быть во власти страстей, невѣжества, невольныхъ промаховъ или вспыльчивости. Вотъ предосторожности, которыя могли бы не понравиться инквизиціи; но разумъ имѣетъ свои законы, рано или поздно одерживающіе верхъ надъ предразсудкомъ. Не сомнѣваюсь, что Бернское общество одобритъ мой взглядъ, такъ какъ вы одинъ изъ членовъ его» [57]).

Сообщая о выходѣ своего *учрежденія* Гримму, Екатерина прибавляетъ: «Это мое лучшее произведеніе, и въ сравненіи съ этимъ трудомъ Наказъ мой представляется мнѣ въ сію минуту не болѣе какъ пустой болтовней» [58]).

Въ другомъ мѣстѣ, возвращаясь къ обѣщанному Вольтеромъ сочиненію по уголовнымъ законамъ, Екатерина пишетъ: «Признаюсь, что чтеніе вашего произведенія было бы для меня большимъ утѣшеніемъ; за нимъ я отдохнула бы отъ занятій по составленію учрежденія о

---

[57]) Тамъ же XXVII, 136, 137. Бернское экономическое общество назначило премію за разрѣшеніе вопроса о соразмѣрности между преступленіями и наказаніями.

[58]) Сборн. Р. И. Общ. т. XXIII, стр. 39; Русск. Арх. 1878, III, 25.

финансахъ, соотвѣтствующаго началамъ 1767 года, занятій, которыя продолжаются уже *два года* и которымъ я не предвижу конца; между тѣмъ все основано только на слѣдующихъ словахъ: *жить и давать жить»* [59]).

Въ періодъ своей законодательной дѣятельности Екатерина много интересовалась политическою и экономическою литературою. Такъ, она читаетъ извѣстное сочиненіе аббата Рейналя «Философская и политическая исторія торговли въ обѣихъ Индіяхъ», изд. въ 1770 г. [60]); сочиненія Штрубе-де-Пирмона, профес. С.-Петерб. Академіи Наукъ [61]), Le petit code de la raison humaine etc., in fol (Londres 1774) [62]). Разговоры аббата Гальяни [63]). Не былъ забытъ и неизмѣнный другъ Блакстонъ, съ помощью котораго Екатерина привыкла разматывать свои нитки [64]), и Парижская Энциклопедія, въ которой она разсчитываетъ найти все, что ей нужно [65]). Къ Блакстону Екатерина обра-

---

[59]) Сборн. Р. И. Общ. XXVII, 138.

[60]) Тамъ же, XIII, 358 (Сент. 1773 г.).

[61]) О немъ см. у Пекарскаго (Ист. Акад. Наукъ, I, 671—689).

Въ 1767 г. Екатерина, занятая законодательными проектами, просила Штрубе-де-Пирмона, черезъ Миллера, доставить его рукописныя юридическія работы, и онъ представилъ ей тогда: Les lois de Iaroslaf u Introduction aux lois modernes de l'empire de Russie. Онъ принималъ участіе въ двухъ комиссіяхъ по составленію Уложенія до Екатерины II-й. Другія сочиненія его были слѣдующія: 1) Recherche nouvelle de l'origine et de fondements du droit de la nature, S. Pt. 1740 (308 стр., дань уваженія наставнику Христ. Томазію); 2) Sur l'origine et les changements des lois russiennes. S. Pt. 1756 (рѣчь); 3) Lettres russiennes, S. Pt. 1760 (270 стр., въ опроверж. тѣхъ мѣстъ въ Lettres persannes Монтескье, въ которыхъ говорится о деспотизмѣ и рабствѣ, съ доказательствами, что въ Россіи правленіе не деспотическое); 4) Introduction à la jurisprudence naturelle (1767. восп. вел. кн. Павлу Петровичу, 153 стр., руководство для кадетскаго корпуса); 5) Catechisme de la nature, où l'on a tâché de mettre dans un plus grand jour les fondements de la jurisprudence naturelle, de la morale strictement dite et de la politique privée (1-е изданіе 1732. 2-е 1774).

[62]) Сборн. Р. И. Общ. XXVII, 38 (1 Мая 1775 г.).

[63]) Письмо къ Гримму (Нояб. 1777). Сборн. Р. И. Общ. XXIII, 70; Рус. Арх. 1878, III, 37. Это „Dialogues sur le commerce des blès" (1770 г.).

[64]) Письма къ Гримму (Авг. 1776), Сборн. Р. И. Общ. XXIII, 52, 57, Рус. Арх. 1878, III, 32, 33).

[65]) Сборн. Р. И. О. XXIII, 19; Р. Арх. 16 (Февр. 1775). „Въ 8-ми томахъ Энциклопедіи пріискалъ слова, къ дуэлямъ относящіяся, и подалъ обще съ Воинск. артикуломъ и Морск. уставомъ, заложа статьи о поединкахъ" (Храповицкій, 24; стр. 25, 26, 27, 29, 32, 41, о составленіи манифеста о дуэляхъ), Манифестъ о дуэляхъ изданъ 21 Апрѣля 1787 г. въ Кіевѣ.

щается по всѣмъ юридическимъ вопросамъ, о договорахъ или контрактахъ и др. [65]), разыскиваетъ подробное описаніе Англіи и Валлиса и путешествіе по Сибири Гмелина старшаго (Іоганна); про-

---

[65]) Храповицкій: „Читана выписка изъ Блакстона о договорахъ или контрактахъ для разсчета по дѣлу Долгова и работниковъ, не хотящихъ работать при Фонтанной" (стр. 42). Екатерина пользовалась не совсѣмъ удачнымъ Франц. переводомъ его сочиненія (Commentaires sur les lois d'Angleterre, trad. par Gomicourt, Brux. 6 v. 1774—1776). Существуетъ подробный, еще неизданный, разборъ этого сочиненія, писанный Екатериною (См. Дневн. Храповиц., изд. Барсуковымъ, 499).

Вильямъ Блакстонъ (Blackstone, 1723—1780), сперва адвокатъ въ Лондонѣ, а потомъ профессоръ въ Оксфордѣ по каѳедрѣ общаго Англійскаго права, членъ парламента и судья Court of Common pleas, извѣстенъ сочиненіями: Analysis of the Laws of England (Oxf. 1754), это родъ энциклопедіи и методологіи Англійскаго права, Lowtracts (2 v. Lond. 1762) и Commentaries on the Laws of England (Oxf. 1765—1768, 4 v). Послѣднее много разъ издавалось и комментировалось до настоящаго времени и въ Англіи, и въ Соединенныхъ Штатахъ, а также переведено на иностранные языки. Въ своемъ изложеніи авторъ держится историческо-прагматическаго метода; относительно устройства правительствъ онъ слѣдуетъ теоріи Монтескье о раздѣленіи властей, хотя вноситъ въ нее свои, не всегда удачныя соображенія; въ политическомъ отношеніи—онъ ратуетъ за преимущества короны. Мнѣніями своими относительно религіозной терпимости и по другимъ вопросамъ онъ вызвалъ рѣзкіе нападки со стороны извѣстнаго Бентама. Тѣмъ не менѣе по его книгѣ Англичане учились законамъ своей страны, а она была весьма популярна даже въ школахъ. „Мы не принадлежимъ къ числу почитателей политическихъ ученій, изложенныхъ въ комментаріяхъ Блакстона, говоритъ Маколей; но когда мы сравниваемъ состояніе, въ которомъ находилась политическая наука въ концѣ правленія Георга II, съ состояніемъ, въ которомъ она была, когда Іаковъ II вступилъ на престолъ, невозможнымъ становится не согласиться, что произошелъ огромный прогрессъ" (Сочин. т. II, 387—388). Руд. Гнейстъ замѣчаетъ: „Англійская юриспруденція получила прочный фундаментъ въ знаменитыхъ Commentaries Блакстона. Главная заслуга этого труда заключается въ безпристрастіи, съ которымъ авторъ устанавливаетъ свои положенія, въ наглядности и легкости изложенія, а также въ своеобразномъ оптимизмѣ, дышащемъ душевною чистотою и умѣньемъ возвести Англійскую конституцію въ идеалъ, въ такую эпоху, когда администрація виговъ отличалась явною испорченностью... Книга Блакстона, благодаря той связи, которую она имѣла съ классическимъ образованіемъ и съ дѣленіемъ власти, установленнымъ Монтескье, до сихъ поръ оказываетъ рѣшающее вліяніе на тѣ представленія объ Англійской конституціи, которыя распространены на континентѣ. Достоинство сочиненія Блакстона заключается не въ обширности историческихъ изысканій, не въ глубинѣ философскихъ взглядовъ, а въ безпристрастіи, съ которымъ авторъ относится къ защитникамъ обоихъ существующихъ воззрѣній на Англійскія государственныя учрежденія; спокойно взвѣшиваетъ онъ всѣ pro и contra, сопоставляетъ факты и мотивы, разсматриваетъ прецеденты глубокой старины, среднихъ вѣковъ и новѣйшаго времени, а затѣмъ съ привычнымъ безпристрастіемъ судьи произноситъ свой приговоръ. Ясность и изящество изложенія сдѣлали Блакстона центральною

сматриваетъ всѣ карты Россіи, начиная съ Кириловскаго атласа [66]). Гримма она проситъ увѣдомить Неккера, что Шуваловъ доставилъ ей

личностью въ той области, которая называется Англійскимъ государственнымъ правомъ. Даже современная наука Англійскаго государственнаго права ушла не особенно далеко отъ толкованій Блакстона" (Ист. госуд. учрежд. Англіи, стр. 831).

Но возвратимся къ Екатеринѣ.

Вотъ что говоритъ она въ письмѣ къ Гримму (4 Авг. 1776 г.) о своемъ знакомствѣ съ трудомъ Блакстона: „Мнѣ мало одного секретаря для всѣхъ присылокъ, которыя я получаю и которыхъ никогда не читаю, въ особенности отъ этихъ проклятыхъ экономистовъ и всѣхъ вашихъ Парижскихъ риѳмачей. Каждому хочется поучить меня своимъ крикомъ. Блакстонъ не присылалъ мнѣ своихъ записокъ, а между тѣмъ *онъ одинъ уже два года* имѣетъ быть читаемъ ея величествомъ, и его записки со мною неразлучны. Это неистощимый доставитель *предметовъ и мыслей*. Я ничего не сдѣлала изъ того что имѣется въ его книгѣ; но это мои нитки, *которыя я разматываю по своему*" (Русск. Арх. 1878, III, 31—32, Сборн. т. XXIII, 52). Съ именемъ Блакстона она соединяетъ свои лучшія воспоминанія (Сборн. стр. 66, 92); а его называетъ своимъ „любимымъ писателемъ" (т. же 159). Гр. Безбородкѣ она пишетъ: „*Въ кадетскомъ корпусѣ* полезнѣе книги Билефельдовой (членъ Берлинской акад., авторъ Institutions politiques, съ нимъ Екатерина переписывалась въ 1765 г., Сборн. Р. И. Общ. XIII, 3—4) „чаю, быть могутъ Commentaires sur les lois anglaises de m. Blackstone", т. же т. XLII, 286). Въ шести томахъ его „Комментаріевъ" Екатерина могла найти историческія справки по интересовавшимъ ее вопросамъ въ области государственнаго и гражданскаго права и необходимое объясненіе весьма сложныхъ юридическихъ вопросовъ. Тому же Безбородкѣ она пишетъ: „Соймоновъ сдѣлалъ для меня *выписки изъ законовъ*, или реестры онымъ, нынѣ зимою; сіи реестры прошу положить вмѣстѣ: они мнѣ много помогаютъ, *ибо сдѣланы по Блакстоновымъ заглавіямъ*" (т. же 284; ср. также п. Гримма къ Екатеринѣ, 1794 г., т. XLIV, 560). Какъ извѣстно, въ своей правительственной дѣятельности Екатерина любила обращаться къ опыту другихъ и историческимъ даннымъ. Такъ, при составленіи своего Наказа, она проситъ достать ей, черезъ Англійскаго посла Букингама, хорошій Французскій переводъ „великой хартіи"; въ коммиссіи предлагаетъ прочесть „великую хартію" (она была читана 13 Ноября 1767 года), а для руководства при составленіи журналовъ коммиссіи посылаетъ Бибикову журналы Англійскаго парламента, чтобы по образцу ихъ были напечатаны свѣдѣнія о дѣйствіяхъ коммиссіи въ Вѣдомостяхъ (Зап. Бибикова, 51; два эпизода изъ царств. Екатерины II, бар. Бюлера, Рус. Вѣстникъ 1870, № 3, стр. 186; Сборн. X, 253; Екатерининск. Комм. В. Сергѣевича, Вѣстн. Евр. 1878 г. № 1, 244; наше соч. Время Екатерины II, вып. II, стр. 551). Въ заключеніе упомянемъ, что въ 1780—1782 гг. въ Москвѣ было издано соч. того же Блакстона: „Истолкованіе Англійскихъ законовъ" (неоконч.) въ 3-хъ томахъ, перев. съ Англ. яз. на Русск. проф. С. Е. Десницкимъ, *по Высочайшему повелѣнію* (Біографич. словарь проф. и препод. Моск. Унив., I, 301); а даровитые проф. Моск. Унив. Десницкій и И. А. Третьяковъ, учившіеся въ Англіи (1761—1768) и пріобрѣвшіе тамъ степень доктора правъ, были между прочимъ послѣдователями его метода изложенія (т. же т. II, 506).

[66]) Сборн. Р. И. О. XIII, 364—365 (1773).

книгу послѣдняго «О законахъ, относящихся до хлѣба и о торговлѣ имъ»[67]), которую она читаетъ сама и помѣстила ее въ число своихъ классическихъ книгъ: «это въ родѣ Блакстона», прибавляетъ она. Книга Неккера удостоилась краснаго карандаша [68]). Въ набросках ея руки за это время находимъ мысли, вошедшія потомъ въ ея Учрежденіе о губерніяхъ [69]).

Сообщая Гримму о выходѣ этого послѣдняго, Екатерина прибавляетъ: «Съ тѣхъ поръ какъ я здѣсь (т.-е. въ Москвѣ, въ 1775 г), я ужасно много исписала бумаги»[70]). И Сиверсъ свидѣтельствуетъ, что осенью 1775 г. Екатерина составила уже проектъ *сенатской реформы*, которую предполагала осуществить въ слѣдующемъ году. Но когда Императрица возвратилась въ Петербургъ, проектъ подвергся дѣйствію разныхъ интригъ: Потемкинъ и министры убѣдили отложить исполненіе его до окончанія областной реформы въ цѣломъ государствѣ [71]). Вяземскій, конечно, менѣе всѣхъ могъ желать этого преобразованія, направленнаго къ болѣе точному опредѣленію обязанностей Сената. Въ реформѣ областнаго устройства онъ не имѣлъ дѣятельнаго участія; ему приходилось только переписывать на-бѣло готовые планы. Онъ ясно видѣлъ, что генералъ-губернаторы становятся ближе къ особѣ государя, чѣмъ прежніе губернаторы; и слѣдовательно генералъ-прокуроръ терялъ часть своего вліянія на областное управленіе. Съ этого времени и вражда его къ Сиверсу, принимавшему участіе въ вопросѣ о реформѣ Сената, еще болѣе усилилась. Но, по словамъ послѣдняго, не одинъ онъ, а многіе вельможи не радовались новымъ учрежденіямъ, которыя вызвали массу провинціальнаго дворянства къ политической дѣятельности, чѣмъ и полагались нѣкоторыя преграды господству придворной аристократіи. По словамъ Сиверса, Вяземскій явился душою и орудіемъ глухой оппозиціи. Всѣми, зависящими отъ него средствами, онъ старался повредить новымъ гу-

---

[67]) De la législation et du commerce des grains. Paris. 1775.

[68]) Сборн. Р. И. О. XXIII, 66; Русск. Арх. 1878. III, 36.

[70]) Необходимо замѣтить, что и Екатерина (Русск. Стар. 1880, т. XXIX, 1047) и кн. Волконскій (Сборн. Р. И. О. V, 121—127) причиною смѣшенія властей и т. п. недостатковъ считали отмѣну преобразованій Петра Великаго въ послѣдующее время. Объ отношеніи кн. Волконскаго и Сиверса къ учрежденію 1775 г. см. XVIII вѣкъ, I, 160—161. Blum, II, 85—91. Сборн. XIII, 355—56.

[71]) Русск. Архивъ 1878, III, 25; Сборн. Р. И. Общ. XXIII, 38 (29 Ноября 1775).

[72]) Быть можетъ, къ этому же предмету относится собственноручный эскизъ манифеста Екатерины II-й 1778 г. (Сборн. Р. И. Общ. XXVII, 161—166).

бернскимъ учрежденіямъ и добился цѣлаго ряда указовъ, которыми подрывались ихъ первоначальное назначеніе и авторитетъ намѣстниковъ. Генералъ-губернаторы охладѣли со временемъ къ своей должности. Они перестали лично присутствовать въ губернскомъ правленіи, что впослѣдствіи обратилось въ обычай. Мало этого: генералъ-губернаторы впослѣдствіи нерѣдко отсутствовали изъ своего намѣстничества и жили въ столицѣ; оставлено было также прежнее правило не подчинять одному лицу болѣе двухъ губерній [72]).

Не сразу были введены учрежденія о губерніяхъ повсемѣстно. На это понадобилось много послѣдующихъ лѣтъ [73]). Въ Апрѣлѣ 1782 г. изданъ Уставъ благочинія; въ Сентябрѣ того же года (1782) открыта была Коммиссія объ учрежденіи народныхъ училищъ, уставъ которыхъ изданъ 5 Августа 1786 года [74]); въ Апрѣлѣ 1785 появляется грамота на права и выгоды городамъ Россійской имперіи и жалованная дворянству грамота; въ 1787 г. положеніе для установленія сельскаго порядка въ казенныхъ селеніяхъ вѣдомства директора экономіи Екатеринославскаго намѣстничества [75]).

По прежнему Екатерина вѣрила въ торжество началъ, высказанныхъ ею въ 1767 году [76]). Понятно, что она не могла забыть и о реформѣ Сената: послѣ указанныхъ актовъ правительственной дѣятельности, она являлась какъ бы неизбѣжнымъ хронологическимъ слѣдствіемъ. И здѣсь мы опять встрѣчаемся съ старыми друзьями Императрицы: Наказомъ, Блакстономъ и т. п. Впервыя вновь зашла рѣчь о Сенатѣ повидимому въ концѣ 1786 г. [77]), а въ Апрѣлѣ 1787 г.,

---

[72]) Blum, II, 155—168; соч. Д. И. Иловайскаго, 565, 566.

[73]) Губернія, ея земскія и правит. учрежд., А. Лохьицкаго, Спб. 1856, с, 51—54; Губерн. служебникъ 1777—1796 гг., сост. кн. Н. Туркестановымъ, Спб. 1869.

[74]) Необходимо, однако, замѣтить, что еще въ 1775 г., по Учрежденію о губерніяхъ, открытіе городскихъ и сельскихъ училищъ возлагалось на приказы обществ. призрѣнія. И Екатерина писала Безбородкѣ: „Предписывается въ городѣ учредить школы на точномъ основаніи 384 статьи учрежденій нашихъ отъ 7 Ноября" (Сборн. Р. И. Общ. XLII, 285). Ср. Ист. стат. обозр. учеб. завед. Спб. учебн. округа 1715—1828. А. Воронова, Спб. 1849; Город. училища въ цар. Екат. II, гр. Д. А. Толстаго, Спб. 1886 г.

[75]) П. С. Зак. т. XXII, № 16, 603. Оно было распространено потомъ на губ. Перм. Тоб., Волог. и Яросл., а быть можетъ и нѣк. др. (т. XXIII, № 16, 840). Проектъ импер. Екатерины II объ устр. свободн. сельск. обывателей изъ Госуд. Арх., сооб. В. И. Вешняковымъ (Сборн. Р. И. Общ. т. XX, 447—498). О финансовомъ управленіи въ цар. Екатер. II (1775—1796 г.) см. статью А. Куломзина (Юридич. Вѣстн., 1869, II, 1—38).

[76]) Письмо къ Гримму въ концѣ 1785 г. (Сборн. Р. Ист. Общ. т. XXIII, 372—73); Рус. Арх. 1878, III, 123.

[77]) Въ Дек. 1786 г. (10 числа) въ дневникѣ Храповицкаго записано: „Послѣ подачи

когда Екатерина была въ Кіевѣ, у Храповицкаго отмѣчено: «Взять Наказъ коммиссіи Уложенія для сличенія съ записками *изъ Блакстона* по работѣ *о Сенатѣ*.... Докладывалъ, что много готоваго, *и тѣмъ коронуются труды*. Вторично спрошиванъ; приказано взять въ дорогу. Тутъ всѣ интересованы, *и законъ останется на вѣки*. Я сказалъ: когда Англичане хранятъ свою шартру, то мы сохранить умѣемъ *томъ, счастіе всѣхъ составляющій*. Говорено о утвержденіи самодержавства, о расправной палатѣ и генеральномъ судѣ.»

Спустя нѣсколько дней, Екатерина снова возвращается къ этому предмету: «Приказано дополнить справками, по сдѣланнымъ замѣчаніямъ, всю выписку *изъ Блакстона*.» Спустя мѣсяцъ, Храповицкій отмѣтилъ (на пути): «Позванъ гр. Безбородко. Спрашивалъ, что̀ готовить къ 28 Іюня: *все будетъ мелочь безъ большой работы о Сенатѣ*. Хорошо, что, отдыхая теперь, съ свѣжею головою и лучшими свѣдѣніями, можно прилежнѣе работать въ Эрмитажѣ». По возвращеніи въ Петербургъ до конца года Императрица продолжала работать надъ своимъ проектомъ, руководясь все тѣмъ же Блакстономъ и знакомясь съ сенатскимъ дѣлопроизводствомъ [78]).

Но проекту этому не суждено было осуществиться. Наступившія политическія обстоятельства (война съ Турціей и Швеціей) и особенное вниманіе, выказанное Екатериною къ событіямъ во Франціи, на долго отвлекли ее отъ этой работы. Въ Мартѣ 1788 г. Храповицкій отмѣчаетъ: «Разговоръ о соединеніи казны Кабинета и казначействъ въ банковыя кладовыя; я отвѣчалъ, что соединеніе финансовъ войдетъ въ Казенный Департаментъ Сената. *Кончилось тѣмъ, что не время теперь дѣлать реформы* [79])». Но и послѣ того Екатерина про-

---

послѣднихъ листовъ *изъ Блакстона*, говорено было, что некогда начинать работу, а надобно отдохнуть и начинать въ Кіевѣ». (Стр. 20, по изд. Н. П. Барсукова).

[78]) Стр. 32, 35, 43, 54—55, 59. Въ Іюлѣ (31) 1787 г.: „Говорено, что работаютъ о Сенатѣ и отданы прочитанные листы *изъ Блакстона*" (43). „Сколько видно, упражнялись въ составленіи наказа Сенату, и читано при мнѣ начало". (45). Авг. 1787 г., Храповицкій дѣлаетъ указанія на нѣкоторыя черты предполагавшейся реформы: „Подалъ раздѣленія казенной палаты на экспедиціи. Сказано, что сіе потребно для составленія сенатскаго Казеннаго Департамента и что теперь, имѣя время, читаютъ реестръ рѣшенныхъ въ Сенатѣ дѣлъ въ 1786 г., для нужнаго соображенія по извѣстной работѣ" (54, Нояб. 1787 г.). „Сказано, что много прочтено реестра рѣшенныхъ въ Сенатѣ дѣлъ въ 1786 г. (55) и разные вопросы по реестру дѣлъ въ 1786 г. въ Сенатѣ рѣшенныхъ" (59). Разсматривали манифестъ о раздѣленіи Сената на департаменты". (51).

[79]) Тамъ же, 71.

должала нѣкоторое время интересоваться этимъ дѣломъ [80]), выражая неудовольствіе на порядокъ веденія дѣлъ въ Сенатѣ [81]).

О такомъ положеніи вещей мы можемъ судить между прочимъ по протоколу Совѣта отъ 15 Мая 1788 г., въ которомъ читаемъ: «Совѣту предложенъ проектъ указа, даннаго генералъ-прокурору о напоминаніи Сенату, а черезъ него и прочимъ мѣстамъ, дабы дѣла, касающіяся до разныхъ казнѣ принадлежащихъ взысканій, немедленно рѣшены и къ исполненію приводимы были. Генералъ-прокуроръ и члены Совѣта, присутствующіе въ Сенатѣ, разсуждая о пользѣ въ исполненіи сего повелѣнія, разсуждали и о томъ, что *по учрежденію въ новомъ образѣ внутреннихъ въ государствѣ правительствъ,* столько умножилось отношеній ихъ въ Сенатъ, *что доколѣ сей пребудетъ на старомъ положеніи,* нѣтъ физической возможности очистить разсмотрѣніемъ годъ отъ году входящія въ оный дѣла, и ежели одного рода разсматривать преимущественно, то въ то время возрастаетъ остановка для другихъ накопляющихся. Въ такомъ наипаче положеніи есть первый департаментъ Сената, гдѣ вѣдомы касающіяся до казенныхъ взысканій дѣла. Потому, дабы не приключать теченію другихъ остановки, которыя не меньше немедленнаго отправленія требуютъ, можно бы изъ сего департамента часть таковыхъ дѣлъ отдѣлить на разсмотрѣніе четвертому никакъ не обремененному» [82]).

Въ чемъ же могла состоять та реформа, которая должна была столь существенно повліять на дѣятельность Сената? Вотъ что нахо-

---

[80]) Тамъ же 81: „Приказано взять сенатскіе доклады отъ 1782—1786 годъ" (Май 1788 г.).

[81]) „Позванъ былъ для прочтенія генералъ-прокурорской бумаги о городскихъ доходахъ, и послѣ посыланъ былъ сказать, чтобъ предложить сенаторамъ справку о доходахъ и расходахъ каждаго города; за ихъ спорами пропадаетъ полмилліона дохода". (Храповицкій, 56).

[82]) Архивъ Госуд. Совѣта, т. I, ч. II, стр. 3—4.

При Павлѣ I оказалось, что отъ прошлаго царствованія осталось въ Сенатѣ нерѣшенныхъ дѣлъ—11476 (Градовскій, Высшая администрація, 258).

Въ особенности Императрица была недовольна Московскимъ департаментомъ Сената. Вотъ что̀ писала она въ 1791 году „Слышу я, что много порядковъ въ Московскихъ Сената департаментахъ завелось; что оные департаменты мѣшаются въ дѣла въ нижнихъ мѣстахъ не рѣшенныя; хватаютъ дѣла и вступаютъ сами собою въ изслѣдованія и рѣшенія, Сенату совсѣмъ неприличныя. А въ законѣ Государя Петра Великаго написано, что въ Сенатѣ дѣлъ никакихъ нѣтъ; Сенату иного не предписано, какъ только смотрѣть, исполненъ ли законъ или нѣтъ. Слышу я, что по три опредѣленія пишутъ и подписываютъ объ одномъ дѣлѣ:—которое ни есть изъ нихъ несумнѣнно не по законамъ; а иногда и по два и по три дѣла мѣшаютъ въ одно опредѣленіе... Господинъ Соймоновъ знаетъ, какъ здѣсь при мнѣ поступаютъ. Я съ прискорбіемъ вижу, что всѣ просители сюда обращаются" и т. п. (XLII, 461).

димъ мы въ *проектѣ указа Сенату*, составленномъ *въ истекающій 26 годъ царствованія Екатерины II* (то-есть 1788 г.): «Учрежденіе и установленіе учредительнаго Сената. Предсѣдатель Особа Императорскаго Величества. Государевы намѣстники, когда пріѣдутъ въ столицу, и главнокомандующій въ столицѣ, засѣдаютъ въ общемъ собраніи и въ томъ департаментѣ, гдѣ вѣдаются дѣла его вѣдомства. Сенатъ раздѣляется *на 4 департамента*. Засѣдаетъ не менѣе 12 засѣдателей Сената. Каждый департаментъ раздѣляется на 3 присутствія. Къ каждому приписаны дѣла одной изъ полосъ Россіи—южной, средней, сѣверной.

Въ первомъ департаментѣ всѣ дѣла государственныя и исполнительныя. Жалобы на намѣстническія правленія.

Второму—уголовныя, слѣдственныя въ преступленіи должностей и тайной экспедиціи (прибавлено рукою Екатерины II: уголовныя палаты).

Третьему—аппелляціи на коллегіи или палаты гражданскаго суда и по генеральному межеванію (прибавлено рукою Екатерины II).

Четвертому—государственныя домостроительныя или экономическія и казенныя дѣла. Казенныя палаты.

Раздѣленіе на департаменты временное, не непремѣнное, не непоколебимое. Сенатъ не есть судебное мѣсто, но хранилище узаконеній.

Въ каждый департаментъ опредѣляется 4 дѣйств. стат. совѣтн. и стат. совѣтникъ—для доклада дѣлъ.

Каждый департаментъ (имѣетъ) сенатскаго прокурора, сенатскаго стряпчаго казенныхъ дѣлъ и сенатскаго стряпчаго уголовныхъ дѣлъ.

Генеральный судъ составляется изъ Сената, Синода, 4-хъ первыхъ классовъ Имперіи и изъ предсѣдателей госуд. и прочихъ судебныхъ палатъ или какой на лицо находящихся въ томъ мѣстѣ» [83]).

По этому проекту Сенатъ очевидно приводился въ непосредственную связь съ Учрежденіемъ о губерніяхъ Екатерины II. Снова обратилась Императрица къ тому же предмету уже въ концѣ своего царствованія, о чемъ свидѣтельствуетъ тотъ набросокъ указа, который послужилъ поводомъ для настоящей нашей статьи. Со своей стороны,

---

[83]) Проектъ означеннаго указа хранится въ арх. Госуд. Совѣта, а намъ сообщенъ проф. А. В. Романовичемъ-Славатинскимъ, которому и приносимъ здѣсь нашу искреннюю признательность.

Сперанскій, упоминая объ этомъ проектѣ Сената, замѣчаетъ: „Для дѣлъ важнѣйшихъ полагаемо было устроить въ Сенатѣ Верховный уголовный и Верховный совѣстный судъ. Сенатъ судебный учредить въ обѣихъ столицахъ, въ Кіевѣ и Казани“ и т. п. (Арх. историч. и практич. свѣд. Калачева, 1859, кн. III, 32).

въ дополненіе къ нему, приведемъ указанія, имѣющія отношенія къ этому періоду работы Екатерины II.

Статсъ-секретарь А. М. Грибовскій, вступившій въ эту должность въ Августѣ 1795 г., говоритъ о своемъ времени: «Въ обыкновенные дни Государыня въ Зимнемъ дворцѣ вставала въ 7 часовъ и до 9-ти занималась въ зеркальномъ кабинетѣ по большей части *сочиненіемъ устава для Сената*»[84]). И далѣе: «Она занимается уставомъ Сенату. Стыдъ за неправое рѣшеніе. Удовольствіе, что я знаю канцелярскій порядокъ. «Ты первый будешь исполнитель сего устава», сказала она мнѣ. *Слова ея о сенатской канцеляріи.* Трощинскій переписываетъ ихъ *съ ея рукописи.* Собранныя свѣдѣнія вмѣстѣ съ онымъ находятъ»[85]).

«Мысль объ устройствѣ Сената была главною мыслію послѣднихъ лѣтъ царствованія Екатерины II», замѣчаетъ Сперанскій[86]); тѣмъ не менѣе она не была приведена въ исполненіе. Написавъ: «Глава первая. О Сенатѣ», перо выпало изъ рукъ Императрицы.

Такимъ образомъ въ вопросѣ о реформѣ Сената ясно различаются *три періода* (1775, 1787, 1795 гг.), указывающіе намъ на «работу» самой Императрицы, которою она думала «учредить законы на незыблемыхъ основаніяхъ». Поэтому, чтобы судить о взаимномъ отношеніи этихъ работъ, о вліяніи на нихъ Блакстона[87]) и характерѣ самого труда, весьма желательно изданіе бумагъ Екатерины, относящихся къ настоящему предмету, которое составило бы весьма цѣнное дополненіе къ напечатаннымъ уже ея письмамъ и документамъ. Тѣмъ болѣе это желательно, что сама Императрица считала «все мелочью безъ большей работы о Сенатѣ». Тогда выяснилось бы вполнѣ, въ какомъ отношеніи находится къ послѣдней и извѣстный проектъ

---

[84]) Записки о импер. Екатеринѣ Великой, М. 1864, стр. 51, 58.

[85]) Тамъ же 96.

[86]) Сборн. Р. И. Общ. т. XXX, стр. 448—449.

[87]) Очевидно къ 1786—1788 гг. относится еще слѣдующая записка Екатерины къ Храповицкому (безъ года и числа): „Всѣ выписи изъ Блакстона прочесть *съ перомъ въ рукахъ* и замѣчая приличное *для внесенія въ законы.* Потомъ прочесть узаконенія наши по частямъ и выписи, по тѣмъ частямъ поданныя генералъ-прокуроромъ, равномѣрно *съ перомъ въ рукахъ*, замѣчая, что̀ *внести въ новое узаконеніе*, что̀ оставить безъ внесенія". Собственноручн. письма и зап. имп. Екатерины II къ А. В. Храповицкому 1783—1793, М. 1872, стр. 61—62; Русск. Архивъ 1872; 2062—2098).

„Много разъ изволила говорить о желаніи ея образовать Сенатъ согласно ея Учрежденію о губерніяхъ; но войны и прочія политическія обстоятельства препятствовали ей приняться за сей важный трудъ. Наконецъ въ послѣднихъ годѣхъ своей жизни принялась было, но смерть великія ея намѣренія пресѣкла" (Державинъ VI, 221).

Безбородки, въ которомъ также есть статьи о высшемъ совѣстномъ судѣ и генеральномъ уголовномъ судѣ, но въ который входятъ и статьи о правахъ Сената, о порядкѣ разсмотрѣнія въ немъ законовъ, о расширеніи состава Сената [88]). Наконецъ, изданіе бумагъ Екатерины II о Сенатѣ имѣетъ значеніе и для послѣдующихъ работъ по этому предмету [89]).

Извѣстно, что Екатерина никогда не позволяла говорить при себѣ худо о Петрѣ Великомъ [90]); но подъ конецъ царствованія у нея проскальзывала иногда досадливая нота на счетъ его преобразованій. «Замѣчанія ея о законахъ Петра I-го: Онъ самъ не зналъ, какіе законы учредить для государства надобно. Необдуманныя заведенія Петербурга». И, напротивъ, совсѣмъ иначе отзывалась она о своихъ учрежденіяхъ [91]). Тѣмъ не менѣе Екатерина какъ будто опасалась прикоснуться къ творенію Петра Великаго. Но окружающая дѣйствительность вызывала иногда горькія признанія. «Я очень рада, сказала

---

[88]) Сборн. Р. И. Общ. XXIX, 647—652.

[89]) Вотъ любопытное и важное указаніе на бумаги Екатерины, занимающія вниманіе читателя въ настоящей статьѣ: „Р. И. Доброхотовъ, состоящій на службѣ при архивѣ Государственнаго Совѣта (говоритъ Калачовъ) въ числѣ составляемыхъ имъ описей журналамъ и другимъ бумагамъ, хранящимся въ архивѣ Госуд. Совѣта, остановился въ особенности на приведеніи въ порядокъ и описаніи дѣлъ общаго собранія совѣта (1810—1843-й годъ), не бывшихъ на предварительномъ разсмотрѣніи въ департаментахъ этого учрежденія, и бумагъ комитета Государственнаго Совѣта, существовавшаго въ 1810—1811 годахъ. Послѣднія были совершенно разбиты, и пріурочить ихъ къ извѣстнымъ годамъ и дѣламъ стоило, конечно, большихъ трудовъ. Но эти труды вознаградились съ избыткомъ, когда въ портфеляхъ, приведенныхъ въ порядокъ, оказались не только работы Госуд. Совѣта по окончательному образованію министерствъ и самого Совѣта, *но и бывшія доселѣ почти неизвѣстными бумаги по предполагавшемуся преобразованію Правительствующаго Сената*. Здѣсь нашлись не только проекты Сената судебнаго и Сената правительственнаго, *но также драгоцѣнныя статьи, касающіяся преобразованія Сената въ концѣ XVIII вѣка, частью написанныя, частью исправленныя рукою Екатерины II*, и замѣчанія, высказанныя даровитѣйшими изъ членовъ Госуд. Совѣта на первые изъ означенныхъ проектовъ, принадлежавшихъ (какъ оказывается по оставшимся бумагамъ), гр. Сперанскому, дававшему свои опроверженія на сдѣланныя въ этихъ проектахъ справки. 7 Авг. 1811 г. оба проекта Сперанскаго были утверждены общимъ собраніемъ Госуд. Совѣта, но затѣмъ дальнѣйшаго движенія не получили“. (О работахъ слушателей Археолог. Института въ архивахъ и осмотрѣнныхъ ими памятникахъ древностей въ 1879 г., Н. В. Калачова, Сборн. Археол. Инст. кн. III, Спб. 1880 г., стр. 45—46).

[90]) Грибовскій, 42.

[91]) Тамъ же, 94: „Слова ея. Замѣчанія ея объ Учрежденіи о губерніяхъ, что *все прежде до того худо было*“.

однажды Екатерина Грибовскому, что ты знаешь канцелярскій порядокъ, ты будешь первый исполнитель моего *устава Сенату*; но я васъ предупреждаю, что *сенатская канцелярія одолѣла Сенатъ, который хочу я отъ канцеляріи освободить;* за несправедливыя же его рѣшенія положу наказаніе: «*да будетъ ему стыдно*». Но ей на это замѣчали, что, кромѣ Сената, и по другимъ мѣстамъ *тоже дѣлается* [92]). Въ другой разъ зашла рѣчь *о законахъ, которые никакъ не удалось сдѣлать неподвижными*, отмѣтилъ въ своихъ Запискахъ Грибовскій [93]). При этомъ заслуживаетъ вниманія, что причиною неудачъ Державинъ [94]) называетъ тѣ самыя обстоятельства, на которыя въ свое время указывалъ Сиверсъ.

Къ вопросу о реформѣ Сената снова пришлось обратиться въ началѣ царствованія Александра I, причемъ и въ неофиціальномъ комитетѣ, и въ самомъ Сенатѣ онъ разсматривался въ своемъ историческомъ развитіи, и о тогдашнемъ положеніи этого учрежденія по прежнему высказывались [95]) строгія сужденія. Но лица, желавшія ему улучшенія, обращали свои взоры къ виновнику его бытія. Трудъ Екатерины II и на этотъ разъ очевидно остался достояніемъ архива [96]).

В. Иконниковъ.

1887, 1-го Ноября. Кіевъ.

---

[92]) Тамъ же, 26.

[93]) Тамъ же, 99.

[94]) Соч. Державина, VI, 668, 673. По словамъ Державина, она чувствовала, что много дано было власти одному человѣку (т.-е. генералъ-прокурору, тамъ же, 220). Дмитріевъ также смотритъ на этотъ предметъ. (Взглядъ на мою жизнь 138, и д.).

[95]) Мнѣнія гг. Завадовскаго и А. Р. Воронцова (Чтен. М. О. Ист. 1864, I, 100—111; 1862, II, 94—101; 1859, I, 89—102). Державинъ попытался составить проектъ въ духѣ Екатерины II, но онъ не былъ осуществленъ. (Отзывъ о немъ Ѳ. Дмитріева, Р. Арх. 1868, с. 1584—586; Чт. М. О. Ист. 1858, II, 122—127; Гротъ, Жизнь Державина, I, 788—796).

[96]) „Нынѣ благополучно царствующій императоръ (т.-е. Александръ I), говоритъ Державинъ, въ скоромъ времени усмотрѣлъ тяжелую руку, лежащую на Сенатѣ, генералъ-прокурора и всеподавляющую... Онъ тотчасъ издалъ указъ о возстановленіи правъ Сената“ (VI, 221).

1812-й годъ.

Изъ дневника конно-гвардейскаго офицера Ѳ. Я. Мирковича.

Приступая къ печатанію дневника покойнаго генералъ-отъ-инфантеріи Ѳ. Я. Мирковича, считаемъ нужнымъ предпослать краткую біографическую записку. Ѳедоръ Яковлевичъ Мирковичъ въ 1809 году произведенъ былъ изъ камеръ-пажей въ подпоручики конной гвардіи шефомъ полка цесаревича Константиномъ Павловичемъ и назначенъ въ свой эскадронъ. Въ сраженіи подъ Бородинымъ Ѳ. Я. Мирковичъ былъ тяжело раненъ и могъ возвратиться въ ряды полка лишь черезъ годъ. Онъ совершилъ кампанію 1813 года и вмѣстѣ съ полкомъ вступилъ 19-го Марта 1814 г. въ Парижъ. Страдая долгое время отъ полученной раны, Ѳедоръ Яковлевичъ въ 1819 году просилъ о зачисленіи его по кавалеріи, чтобы предпринять серіозное лѣченіе и воспользоваться необходимымъ при этомъ отдыхомъ. Но съ открытіемъ военныхъ дѣйствій противъ Турокъ въ 1828 году, онъ возвращается къ дѣйствительной службѣ. По окончаніи войны онъ получаетъ назначеніе вице-предсѣдателя дивана княжества Молдавіи и становится однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ графа Киселева по устройству вновь образованныхъ княжествъ Валахіи и Молдавіи. Затѣмъ въ 1835 году онъ получилъ должность директора 2-го Кадетскаго Корпуса, а въ 1840 назначенъ Виленскимъ генералъ-губернаторомъ, въ 1850 сенаторомъ и инспекторомъ Военно-Учебныхъ Заведеній, а затѣмъ членомъ Комитета о раненныхъ. Ѳ. Я. Мирковичъ скончался въ 1866 г. Одною изъ высшихъ наградъ, которой онъ удостоился, было зачисленіе его (въ пятидесятилѣтнюю годовщину вступленія въ Парижъ) въ лейбъ-гвардіи Конный полкъ.

*

27-го Марта. Сегодня одиннадцатый день нашего похода. Я начинаю только теперь свой дневникъ, такъ какъ, вслѣдствіе поспѣшности, съ которою мы шли, до сихъ поръ не имѣлъ къ тому времени.

Въ первый разъ разстался я съ моими родителями. Никогда я еще не испытывалъ такого сильнаго горя, какъ въ день нашей разлуки: это было 17-го Марта.

Нашъ первый ночлегъ былъ въ Стрѣльнѣ, въ 18 верстахъ отъ Петербурга. Почтенный нашъ другъ г-нъ Бальзо *) пріѣхалъ въ Стрѣльну, чтобы провести вмѣстѣ съ нами еще нѣсколько часовъ и распроститься; онъ проночевалъ у насъ. Я съ братомъ стояли на квартирѣ съ Лукинымъ и Сиверцовымъ въ маленькой избушкѣ, занимавшей не болѣе двухъ квадратныхъ сажень. Нашъ другъ Кошкуль пришелъ тоже насъ проводить. На слѣдующій день мы встали въ 7 часовъ и, распростившись съ друзьями, отправились съ полкомъ въ дальнѣйшій путь на Ропшу; тамъ былъ привалъ, и смотритель Ропшинскаго дворца Лалаевъ пригласилъ офицеровъ нашего полка на завтракъ. Послѣ сытнаго завтрака, полкъ продолжалъ переходъ до Витина, которое отстояло на 28 верстъ отъ Стрѣльны. Отдохнувъ, мы собрались на обѣдъ къ полковнику Андреевскому. Обѣдъ былъ очень хорошъ, и бесѣда весьма оживленна; у насъ всегда садилось за столъ 12 человѣкъ; непритворная веселось и свойственная военнымъ откровенность господствовали въ нашемъ разговорѣ.

Изъ Витина пошли мы на Черковицы, переходъ былъ слишкомъ 38 верстъ, по ужаснѣйшей дорогѣ; въ этотъ день мы очень устали. Намъ отвели помѣщеніе въ несчастной хижинѣ. Но войти въ нее мы были очень рады: она намъ показалась лучше всякаго дворца. На слѣдующій день къ выступленію полка пріѣхалъ великій князь Константинъ Павловичъ *). Его Высочество поздоровался съ людьми, съ офицерами милостиво разговаривалъ и шутилъ; пробывъ нѣкоторое время съ полкомъ, онъ отправился вмѣстѣ съ Опочининымъ по дорогѣ къ Нарвѣ.

Хотя переходъ былъ всего въ 18 верстъ, но сильный морозъ и страшный вѣтеръ дѣлали его невыносимымъ. Послѣ долгихъ страданій' наконецъ пришли мы въ деревню, принадлежащую графинѣ Головиной. Она находилась въ 4-хъ верстахъ отъ Ополья. Управляющій имѣніемъ своею неловкостію насъ очень забавлялъ. Мнѣ не до того было: я чувствовалъ необходимость согрѣться и разстался съ компаніею, чтобы лечь, но черезъ часъ пришелъ полковникъ Голицынъ, разбудилъ меня и провелъ у насъ вечеръ.

---

*) Французскій эмигрантъ, лигитимистъ, бывшій гувернеръ Ѳ. Я. Мирковича. Весь дневникъ этотъ въ подлинникѣ писанъ по-французски.

**) Великій князь Константинъ Павловичъ состоялъ шефомъ л.-гв. Коннаго полка.

21-го числа направились мы къ Нарвѣ, погода была хотя холодная, но сухая; мы шли въ шинеляхъ. Вступленіе въ городъ было неудачно. Его Высочество нашелъ неприличнымъ, что солдаты шли въ шинеляхъ, придрался къ какимъ-то безпорядкамъ въ полку, разсердился и вслѣдствіе того арестовалъ полковаго командира Арсеньева и командира 1-го эскадрона полковника Андреевскаго, а всѣмъ прочимъ офицерамъ запретилъ выходить изъ квартиръ. Подобное запрещеніе показалось мнѣ съ братомъ весьма тягостнымъ. Но пріѣздъ моего отца въ Нарву заставилъ насъ забыть обо всемъ. Въ его родительскихъ объятіяхъ нашли мы снова то счастіе, котораго были лишены уже пять дней.

22-го Марта была дневка, и она пришлась весьма кстати: вопервыхъ, она дала намъ возможность провести цѣлый день съ нашимъ дорогимъ родителемъ и вовторыхъ, мы могли отдохнуть отъ пятидневнаго похода въ 140 верстъ.

Отецъ пробылъ у насъ до 8 часовъ вечера; долѣе оставаться ему нельзя было, такъ какъ у него были спѣшныя дѣла въ Ревелѣ, куда онъ ѣхалъ. Мы еще разъ простились съ нашимъ родителемъ; разставаніе это не обошлось безъ слезъ. Проводивъ отца, мы пошли съ визитомъ къ хозяйкѣ дома, которая уже пятый разъ посылала насъ приглашать къ себѣ. Она была вдова пастора и имѣла двухъ премилыхъ и хорошо воспитанныхъ дочерей; мы провели у нихъ пріятный вечеръ. Разговоръ этихъ двухъ дѣвицъ, полный простоты, нравился намъ гораздо болѣе вычурныхъ фразъ столичныхъ барышень.

23-го выступили мы изъ Нарвы съ большимъ парадомъ. Его Высочество проводилъ насъ три версты за городъ и вернулся въ Нарву.

На половинѣ перехода полкъ сдѣлалъ привалъ, и мы зашли закусить въ одну изъ крестьянскихъ избъ; но каково было наше удивленіе, когда мы тамъ нашли Сорокина *), который былъ командированъ губернскимъ правленіемъ для исправленія дорогъ. Свиданіе съ Сорокинымъ было мнѣ тѣмъ радостнѣе, что оно доставляло мнѣ случай отправить съ нимъ письмо къ моимъ родителямъ. Онъ обѣщалъ придти къ намъ на мѣсто ночлега и сдержалъ слово: въ пять часовъ онъ отыскалъ насъ въ одной деревушкѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Поли, провелъ съ нами вечеръ и обѣщался вновь насъ навѣстить въ Гдовѣ.

24-го мы остановились за нѣсколько верстъ передъ Купковымъ, послѣ 25 верстъ, сдѣланныхъ безъ шинелей по сильному морозу. Его Высочество догналъ полкъ въ 12 часовъ и провелъ остальную часть

---

*) Сорокинъ былъ подчиненнымъ Ѳ. Я. Мирковича во время нахожденія его въ Брестѣ и сохранялъ большую привязанность къ нему и къ его семейству.

дня и ночь при полку. Офицеры нашего эскадрона провели весь день у полковника Андреевскаго, а вечеромъ Орловъ *), Лукинъ и я составили партію въ бостонъ.

25-го числа Его Высочество самъ повелъ полкъ въ Гдовъ; погода была очень холодная, и какъ это былъ день полковаго праздника, онъ пожаловалъ нижнимъ чинамъ по чаркѣ водки и позволилъ надѣть шинели, чтỏ слѣдовало считать выраженіемъ особаго его благоволенія. По недостатку мѣста въ самомъ городѣ, нашъ эскадронъ былъ расположенъ въ деревушкѣ, въ восьми верстахъ впереди по большой дорогѣ. Вечеромъ къ намъ пріѣхалъ Голицынъ съ офицерами своего эскадрона. Чтобы занять гостей, полковникъ послалъ за деревенскими музыкантами и за плясунами. Шумъ былъ большой, и это всѣхъ очень забавляло.

26-го Марта день былъ чудесный; намъ предстоялъ переходъ всего въ 20 верстъ, и это мы сдѣлали какъ прогулку. Великій Князь шелъ съ полкомъ и остановился со свитою въ Замогильѣ, а эскадроны расположились по окрестнымъ деревнямъ; нашъ эскадронъ сдѣлалъ четыре версты въ сторону къ рыбацкой деревнѣ Сосновкѣ. Отдохнувъ отъ четырехъ дней похода и хорошенько пообѣдавъ, наши офицеры рѣшились отдать визитъ Голицыну, для чего наняли четыре крестьянскія подводы и отправились въ деревню, гдѣ стоялъ 2-й эскадронъ. Пробывъ тамъ вечеръ и напившись чаю, мы вернулись. Голицынъ съ офицерами проводили насъ домой и пробыли остальную часть вечера у насъ. Орловъ, Лукинъ и я составили свою маленькую партію въ бостонъ.

27-го была дневка. Братъ мой Александръ получилъ приказаніе идти хлѣбопекомъ въ Псковъ и отправился за полученіемъ нужныхъ бумагъ къ полковому командиру; вернувшись отъ него, онъ почувствовалъ сильную головную боль, не обѣдалъ съ нами, несмотря на то, что за обѣдомъ была превосходная уха, и лёгъ. Послѣ обѣда я написалъ письмо къ родителямъ, чтобы его отправить съ братомъ; наши же товарищи пошли прогуляться. Къ семи часамъ брату не было лучше, напротивъ жаръ усилился, и онъ весь былъ въ поту. Въ такомъ положеніи я не хотѣлъ отпустить его и просилъ полковника его не отправлять. Но перемѣнить распоряженіе не было времени; поэтому я рѣшился принять на себя его командировку, хотя и прискорбно было разставаться съ больнымъ братомъ. Я отправился въ туже ночь на маленькихъ саняхъ вмѣстѣ съ человѣкомъ. Черезъ часъ былъ я въ Жельчи, гдѣ собрана была моя команда. Мы перемѣнили лошадей и поѣхали далѣе въ Латышкино. Пріѣхавъ въ Латышкино, я зашелъ на станцію,

---

*) Впослѣдствіи князь и шефъ 4-го эскадрона конной гвардіи.

и каково было мое удивленіе когда я услышалъ, что кто-то меня зоветъ по имени: это былъ опять Сорокинъ, который ночевалъ на станціи. Я былъ обрадованъ этою встрѣчею и пока перекладывали лошадей, я написалъ нѣсколько словъ моимъ родителямъ. Въ семь часовъ утра пріѣхалъ я въ Псковъ, послѣ холодной ночи, проведенной безъ сна на маленькихъ саняхъ, въ которыхъ нельзя было протянуть ногъ. Въ Псковѣ я занялъ комнату въ гостинницѣ, напился кофе, переодѣлся и отправился къ губернатору князю Шаховскому, который приказалъ немедленно отвести необходимое помѣщеніе для хлѣбопеченія, а равно отпустить слѣдуемое количество муки. Черезъ два часа все уже было сдѣлано, и въ 11 часовъ мои люди приступили къ работѣ. Дѣла было не мало—надо было испечь 41½ четверть муки. Пустивъ работу въ ходъ, я вернулся въ свой номеръ совершенно усталый и спросилъ обѣдъ, который оказался очень плохимъ.

29-го я отправился въ деревню, гдѣ мои люди пекли хлѣбъ и, найдя все въ совершенномъ порядкѣ, вернулся въ городъ. Я еще не окончательно отдохнулъ отъ похода и потому воспользовался удобствомъ своего помѣщенія, чтобы хорошенько отдохнуть.

30-го Марта вступилъ въ Псковъ уланскій полкъ. Его Высочество прибылъ вмѣстѣ съ полкомъ; я представился Великому Князю, который принялъ меня хорошо.

31-го числа унтеръ-офицеры моей команды донесли, что хлѣбъ готовъ, и я приказалъ сдать его въ эскадроны. Въ 12 часовъ пошелъ я на встрѣчу нашему полку, вступающему въ городъ. Первою моею заботою было увидѣть брата; я нашелъ его на отведенной ему квартирѣ въ концѣ города; болѣзнь его выяснилась: это была перемежающаяся лихорадка. Я предложилъ ему перейти ко мнѣ, чтобы быть въ самомъ городѣ; онъ согласился, и ему дали комнату возлѣ моей квартиры. Вечеромъ офицеры нашего эскадрона отправились въ клубъ, и когда братъ легъ, я тоже туда пошелъ.

Въ клубѣ былъ концертъ, на который собралось городское общество; оно состояло изъ пяти-шести штатскихъ и десятка дамъ, въ томъ числѣ было нѣсколько старухъ и четыре молодыя дамы, чрезвычайно жеманныя. Оркестръ состоялъ изъ пяти плохихъ скрипачей, которые намъ безпощадно драли уши, играя сонату Плейеля. Сиверцовъ и я не имѣли терпѣнья дождаться до конца; посмѣявшись вдоволь надъ этимъ провинціальнымъ собраніемъ, мы ушли домой.

1-го Апрѣля отправился я со всѣми офицерами нашего полка на разводъ. Великій Князь, проводивъ выступавшій уланскій полкъ, прибылъ тоже къ разводу. Онъ былъ очень не въ духѣ и приказалъ

арестовать находившагося въ караулѣ Беклемишева за то, что у него былъ неформенный палашъ.

Послѣ развода всѣ офицеры отправились къ губернатору князю Шаховскому на завтракъ. Завтракъ былъ тощій, но любезность хозяина вознаграждала его недостатки. Отъ губернатора пошелъ я къ коммиссіонеру, отъ котораго получилъ муку, за квитанціей и другими бумагами, которыя я тотчасъ же представилъ полковому командиру. Остальную часть дня провелъ я съ братомъ. Вечеромъ навѣстили брата Голицынъ и Лукинъ; мы напились кофею, провели часъ съ братомъ и потомъ отправились втроемъ на однихъ дрожкахъ въ клубъ, гдѣ былъ заказанъ офицерами ужинъ; въ клубѣ мы скромно провели вечеръ, я игралъ въ шахматы и въ бильярдъ, а послѣ ужина всѣ разошлись домой.

2-го Апрѣля въ восемь часовъ выступилъ полкъ изъ Пскова; погода была ужасная; братъ слѣдовалъ за полкомъ въ экипажѣ. Его Высочество сдѣлалъ нѣсколько верстъ съ полкомъ и потомъ сѣлъ въ сани и отправился въ Островъ, гдѣ уланскій полкъ долженъ былъ переправляться черезъ рѣку Великую.

Полковой штабъ расположился на ночлегъ въ Орлахъ, въ 30 верстахъ отъ Пскова. Квартиры нашего эскадрона были нѣсколько далѣе, и мы стояли въ верстѣ отъ полковника, къ которому собрались къ обѣду. Послѣ обѣда мы разошлись, получивъ приказаніе быть готовымъ къ выступленію въ восемь часовъ утра.

3-го Апрѣля братъ Александръ выѣхалъ въ пять часовъ утра, чтобы прибыть на ночлегъ до лихорадочнаго пароксизма. Насъ разбудили люди въ семь часовъ, говоря, что полкъ уже выступилъ; мы поспѣшно одѣлись и догнали полкъ въ пяти верстахъ отъ Острова. Приказаніе было перемѣнено: вмѣсто восьми часовъ, полкъ долженъ былъ выступить въ пять часовъ утра, чтобы къ 10 быть въ Островѣ, гдѣ насъ ожидалъ Великій Князь. Онъ выѣхалъ на встрѣчу полку, пропустилъ мимо себя и приказалъ переправляться черезъ рѣку. Въ самомъ городѣ переправляться было уже опасно, и потому мы пошли вдоль рѣки искать удобнаго мѣста, чтобы перейти по льду; мѣсто это нашли мы только на шестой верстѣ. Въ этотъ день мы сдѣлали слишкомъ 40 верстъ.

4-го Апрѣля. Его Высочество шелъ этотъ день съ полкомъ; погода была чудесная, ночлегъ назначенъ былъ въ Ѳедосинѣ.

5-го Апрѣля стояли мы въ Вышгородѣ; помѣщеніе наше было до чрезвычайности плохо. Эта деревня представляла самый жалкій видъ: ужасы войны не могли бы сдѣлать бо́льшаго опустошенія. Картина страшнѣйшей бѣдности намъ представилась. Люди ѣли хлѣбъ съ

соломою, а скотъ питался древесною корою и околѣвалъ отъ недостатка въ кормѣ. Всѣ крестьяне были нищіе. Однимъ словомъ, видъ этой нищеты былъ ужасенъ.

Когда миновалъ у брата пароксизмъ лихорадки, поѣхали мы съ Голицынымъ и съ нимъ къ полковнику, который стоялъ въ шести верстахъ отъ насъ у православнаго священника. Тамъ мы провели весь день; а вечеромъ Орловъ, Лукинъ и я составили партію въ бостонъ. Полковникъ оставилъ брата на ночь у себя, а я съ Голицынымъ поѣхалъ въ свою деревню, чтобы провести плохую ночь на соломѣ, которую только могли достать за 10 верстъ, и то по дорогой цѣнѣ.

6-го была дневка. Чтобы не видѣть той ужасной картины, которая была у меня постоянно передъ глазами, я съ утра поѣхалъ къ полковнику и провелъ все утро съ братомъ; ему стало лучше. Мы хорошо пообѣдали, вечеромъ составили обычную партію бостона и въ 10 часовъ разошлись. Братъ остался у полковника. Это была послѣдняя Русская деревня, въ которой намъ приходилось стоять.

7-го должны были мы выступить въ восемь часовъ утра и ожидать полкъ на большой дорогѣ. Когда эскадронъ собрался, мы стали около одной деревни на большой дорогѣ, гдѣ ожидали остальные эскадроны полка; въ это время мимо насъ проѣхалъ драгунскій офицеръ графъ Толстой, посланный курьеромъ къ Его Высочеству отъ Чичерина, съ извѣстіемъ, что Двина разошлась; къ этому Толстой добавилъ, что всѣ войска нашей колонны, которыя шли впереди насъ, остановились въ своихъ квартирахъ. Не прошло и полчаса послѣ отъѣзда Толстаго, какъ къ нашему эскадрону подъѣхалъ Великій Князь съ адъютантомъ. Онъ поздоровался съ людьми и спросилъ меня о здоровьи моего брата; поговоривъ нѣкоторое время съ полковникомъ, онъ поѣхалъ далѣе въ Динабургъ и приказалъ нашему эскадрону идти, не дожидаясь остальной части полка. Мы пришли на мѣсто въ шестомъ часу вечера, сдѣлавъ переходъ почти въ 50 верстъ; это былъ первый ночлегъ въ Бѣлоруссіи, и мы были очень рады увидѣть Жидовъ: только благодаря ихъ посредству можно было получать все необходимое; народъ въ этихъ мѣстахъ былъ до такой степени бѣденъ и вслѣдствіе бѣдности такъ загрубѣлъ, что съ нимъ нельзя было разговориться. Александръ пріѣхалъ къ намъ уже въ 11 часовъ вечера; онъ оставался у православнаго священника до окончанія пароксизма лихорадки и потомъ долго отыскивалъ наши квартиры. Онъ привезъ намъ извѣстіе, что мы остаемся нѣсколько дней на настоящихъ квартирахъ, такъ какъ, вслѣдствіе невозможности переправиться черезъ Двину, всѣ полки остановились. Въ эту ночь я получилъ отъ матуш-

ки письмо и былъ въ восторгѣ, что имѣлъ отъ нея извѣстіе; но отецъ еще не вернулся (изъ Ревеля) и потому намъ не писалъ.

Помѣщеніе, которое мы занимали, было очень плохо и какъ мы думали, что намъ придется по крайней мѣрѣ пробыть здѣсь недѣлю, то мы на другое же утро отправились отыскивать въ окрестностяхъ помѣщичьей усадьбы. Полковникъ отыскалъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ деревни фольварокъ, гдѣ жилъ Полякъ-арендаторъ. Въ этомъ фольваркѣ расположился полковникъ съ Орловымъ, и какъ въ этотъ день мы ничего не отыскали, то полковникъ оставилъ у себя моего брата. Арендаторъ былъ большой оригиналъ. Онъ указалъ намъ для квартиры домъ ксендза, который былъ не въ далекомъ разстояніи. На другой же день отправились мы къ ксендзу просить, чтобы онъ насъ принялъ къ себѣ въ домъ; ксендзъ согласился, и мы не мѣшкая переѣхали къ нему.

10-го мы поѣхали къ полковнику въ телѣжкѣ ксендза. Тамъ нашли уже столъ накрытымъ для обѣда, который приказано было раньше подать, потому что ожидали, что въ тотъ же день мы должны будемъ выступить. Приказаніе это было намъ передано только въ пять часовъ, и мы немедленно выступили въ Люценъ, который былъ отъ насъ въ 10-ти верстахъ. Нашъ эскадронъ долженъ былъ сдѣлать еще пять верстъ за Люценъ; мы пришли на мѣсто въ девять часовъ вечера, по уши въ грязи. Намъ пришлось стоять у помѣщика-Нѣмца, мы всѣ расположились въ маленькой комнаткѣ.

Такъ какъ Великаго Князя не было съ полкомъ, то Андреевскій дозволилъ брату остаться три дня у ксендза и догнать полкъ уже въ Динабургѣ; этотъ отдыхъ долженъ былъ быть ему очень полезенъ. Помѣщикъ угостилъ насъ совершенно-Нѣмецкимъ ужиномъ, но какъ мы были голодны, то были весьма признательны за его вниманіе.

12-го Апрѣля, въ 9 часовъ утра, выступили мы по дорогѣ въ г. Рѣжицы. Въ городѣ былъ сдѣланъ только привалъ. Рѣжицы такой же Жидовскій городокъ, какъ и Люценъ. Пройдя еще 12 верстъ отъ города, мы остановились на мызѣ одного Польскаго графа. Солдаты и наша прислуга уже второй день не находили продовольствія, а лошади получали уменьшенную дачу овса и почти не имѣли сѣна. Въ этихъ мѣстахъ былъ тогда большой голодъ, а магазины были недостаточно снабжены.

13-го шли мы на село Розентовъ, которое было въ 20 верстахъ отъ Рѣжицы; тамъ расположился полковой штабъ, а мы сдѣлали еще нѣсколько верстъ и стали въ той же деревнѣ, гдѣ расположился эскадронъ, въ домѣ управляющаго этимъ имѣніемъ. Здѣсь, къ величайшей нашей радости, нашли мы хлѣбъ и мясо для людей.

14-го была дневка; съ большимъ трудомъ нашли у окрестныхъ помѣщиковъ достаточное количество припасовъ для пищи людей и фуражу для лошадей.

15-го въ 9 часовъ утра выступили мы по дорогѣ въ Каменецъ (18 верстъ отъ Розентова). Управляющій, у котораго мы дневали, сказалъ, что есть изъ ихъ деревни проселочная дорога, которая прямо шла на Каменецъ, и этимъ путемъ выигрывалось пять верстъ. Полковникъ, не колеблясь, рѣшился идти по этой дорогѣ, и мы взяли проводника. Дорога была очень хороша, но вдругъ пришла къ ручью, чрезъ который надо было перейти. Такъ какъ я ѣхалъ впереди, то мнѣ приходилось первому перейти ручей; я далъ лошади волю, она сдѣлала скачекъ, котораго я не ожидалъ, ледъ не выдержалъ, лошадь провалилась задними ногами, опрокинулась и вышла на берегъ. Я упалъ въ ручей и былъ по поясъ въ водѣ; ухватившись за льдину, я вскарабкался однако на берегъ. Послѣ разныхъ похожденій мы наконецъ добрались до квартиръ; оказалось, что мы ничего не выиграли, напротивъ, даже сдѣлали лишнее, да вдобавокъ стоянка намъ попалась плохая; но за то въ утѣшеніе достали для лошадей хорошій фуражъ. Кухня наша опоздала, мы обѣдали только въ семь часовъ; долгое это ожиданіе не уменьшило моего аппетита.

16-го нашъ эскадронъ пришелъ въ два часа, сдѣлавъ на пути привалъ передъ Жидовскою корчмой, гдѣ людямъ дали по чаркѣ водки. На привалѣ имѣли мы случай еще ближе узнать Жидовъ. Мы удивлялись уму, смѣтливости и промышленному духу этого племени, разсѣяннаго по всему земному шару; насъ поражало умное и плутоватое выраженіе ихъ лицъ, только ихъ нечистота насъ отталкивала. Нашъ ночлегъ былъ въ Малиновкѣ, прекрасной Русской деревнѣ, которыя весьма рѣдко встрѣчаются въ этихъ мѣстахъ. Полковой штабъ былъ въ Васильевкѣ, въ пяти верстахъ отъ насъ и въ 18 верстахъ отъ Динабурга.

Въ полночь разбудилъ меня пріѣздъ брата; лихорадка схватила его дорогой, а плохія лошади тащили его 20 верстъ цѣлый день. Я всталъ напиться съ нимъ чаю, и мы проговорили нѣкоторое время. Передъ тѣмъ, чтобы лечь спать, Александръ приказалъ накормить привезшаго его подводчика и поручилъ людямъ присмотрѣть, чтобы онъ не уѣхалъ. Такая предосторожность была необходима, такъ какъ доставать перемѣнныя подводы было неимовѣрно-трудно; но не успѣли мы еще заснуть, какъ услышали, что повозка выѣхала изъ воротъ. Братъ позвалъ своего человѣка и приказалъ ему поскакать верхомъ въ погоню за бѣглецомъ, и какъ посланный не возвращался, то ему послали въ помощь еще человѣка, также верхомъ. Черезъ полчаса

оба посланные возвратились, не найдя повозки, не смотря на то, что они подняли всю деревню. Утомленные и раздосадованные этою неудачею, мы вторично легли спать, предоставивъ устройство нашихъ дѣлъ судьбѣ. И дѣйствительно, все устроилось: къ утру приготовлена была для брата телѣжка, запряженная парою. Наши люди заставили мужичка, у котораго мы ночевали, отыскать подводу, такъ какъ по его винѣ старый подводчикъ улизнулъ.

Нашъ эскадронъ вышелъ изъ деревни въ 8 часовъ, направляясь на Динабургъ; переходъ предстоялъ большой, но за то погода была отличная. За шесть верстъ до города мы остановились, поджидая остальныя части полка; этимъ временемъ мы воспользовались, чтобы позавтракать. Въ теченіи одного часа весь полкъ уже собрался, и мы выступили. Подъ самымъ городомъ полкъ остановился, ожидая Великаго Князя. Его Высочество выѣхалъ къ намъ на встрѣчу; онъ видимо былъ обрадованъ, когда насъ увидѣлъ послѣ десятидневной разлуки съ полкомъ. Въ это время полкъ проходилъ мимо него, онъ со мною поздоровался и удостоилъ меня поклономъ. Вступивъ вмѣстѣ съ полкомъ въ городъ, онъ совершенно неожиданно сдѣлалъ полку ученье, на большой площади. Ученье шло отлично, всѣ построенія были сдѣланы съ замѣчательною точностью и быстротою, не смотря на то, что полкъ сдѣлалъ въ теченіи одного мѣсяца 700 верстъ. Великій Князь былъ отмѣнно доволенъ и выразилъ свое благоволеніе всѣмъ офицерамъ, а нижнимъ чинамъ пожаловалъ по рублю. Послѣ ученья пошли мы обѣдать въ гостинницу.

Въ Динабургѣ отвели намъ для квартиры маленькую Жидовскую комнату, въ которую помѣстили Лукина, Сиверцова, брата и меня; тѣснота была большая, и всю ночь не могли заснуть отъ насѣкомыхъ.

Слѣдующій день, 18-го Апрѣля, была дневка; утромъ я написалъ родителямъ письмо и отнесъ его самъ на почту. Я былъ дежурнымъ по эскадрону и отправился осматривать размѣщеніе лошадей. Въ эскадронѣ засталъ я полковника и Орлова, съ коими вмѣстѣ обошли эскадронъ. Вечеромъ офицеры нашего полка забавлялись скачкою на городской площади и бились объ закладъ съ офицерами Донскихъ казаковъ, кто кого обскачетъ; казаки однако остались назади. Побывъ нѣкоторое время на площади, я пошелъ къ полковнику Арсеньеву просить о выдачѣ билета для взиманія подводы для брата. Получивъ просимый билетъ, я поспѣшилъ домой успокоить брата, который ужасно боялся остаться безъ лошадей. Я былъ очень радъ, что могъ оказать ему эту услугу.

19-го, въ 5 часовъ утра, выѣхалъ братъ: онъ хотѣлъ переправиться черезъ Двину прежде полка. Вскорѣ послѣ него и мы вышли.

такъ какъ въ 6 часовъ весь полкъ собрался на городской площади, въ ожиданіи Великаго Князя. Его Высочество не заставилъ себя долго ждать. Онъ провелъ полкъ двѣ версты за городъ до рѣки, гдѣ ожидали насъ суда для переправы. Нашъ эскадронъ переправился первымъ. Я съ Лукинымъ и со 2-мъ взводомъ сѣлъ на второй растшифъ. Человѣкъ, который держалъ руль, не умѣлъ имъ управлять и спустилъ наше судно на версту внизъ по теченію, такъ что принуждены были при помощи веревки поднять наше судно противъ теченія къ мѣсту переправы, гдѣ, перемѣнивъ кормчаго, мы снова начали переправу; наконецъ, послѣ долгихъ усилій, добрались мы до другаго берега. Переправа черезъ рѣку, которая въ этомъ мѣстѣ имѣла не болѣе шестидесяти саженъ, продолжалась слишкомъ часъ.

Въ 10 часовъ весь эскадронъ былъ уже на лѣвомъ берегу Двины; а въ 11 часовъ пошли мы далѣе, не дожидаясь остальныхъ эскадроновъ полка. Полкъ окончилъ переправу только къ 5 часамъ вечера; все произошло благополучно, и только одно небольшое приключеніе случилось подъ самый конецъ: на послѣдней лодкѣ переправлялись унтеръ-офицеръ и два рядовые со своими лошадьми; лошади чего-то испугались, дрогнули, покачнули лодку, которая опрокинулась, солдаты сейчасъ же перескочили на берегъ, такъ какъ лодка не успѣла еще далеко отойти, но унтеръ-офицеръ и лошади попали въ воду и спаслись только вплавь.

Намъ предстоялъ въ этотъ день переходъ приблизительно въ 50 верстъ, и мы пришли на мѣсто только въ 7 часовъ вечера. За это вознаграждены были мы хорошимъ пріемомъ нашего хозяина. Наши квартиры были въ шести верстахъ отъ Трисвята, гдѣ стоялъ полковой штабъ у одного помѣщика-Поляка, который насъ отлично принялъ, и имѣлъ счастливую мысль приготовить къ нашему приходу прекрасный обѣдъ. Мы выразили ему нашу признательность тѣмъ, что очистили всѣ блюда и осушили всѣ бутылки. Отобѣдавъ, мы разстались съ нашимъ гостепріимнымъ хозяиномъ и прилегли отдохнуть съ намѣреніемъ напиться чаю въ 10 часовъ; но мы до того устали, что, не раздѣваясь, проспали до 7-ми часовъ слѣдующаго утра. Нашъ внимательный хозяинъ угостилъ насъ чаемъ, а часъ спустя предложилъ завтракъ. Въ половинѣ девятаго пришелъ Голицынъ съ своимъ эскадрономъ, и мы выступили вмѣстѣ. У корчмы на большой дорогѣ стали мы поджидать полковаго штаба. Черезъ полчаса весь полкъ собрался. Его Высочество шелъ вмѣстѣ съ полкомъ. Я былъ въ авангардѣ; погода была ужасная, шелъ дождь. Около полудня мы вступили въ Видзы. Жиды изъ мѣстечка вышли на встрѣчу Его Высочеству.

Намъ отвели очень хорошія квартиры. Меня помѣстили къ бургомистру, въ двухъ шагахъ отъ полковника. Въ три часа собрались мы у Андріевскаго къ обѣду. Левъ Голицынъ и Сольданъ обѣдали съ нами. Въ серединѣ обѣда пріѣхалъ и Александръ; ему пришлось было дорогою остановиться по случаю нездоровья, но теперь казалось, что ему лучше. Послѣ обѣда мы съ братомъ удалились, прочіе остались играть въ квиндичи.

Въ 10 часовъ вечера пошелъ я съ Андреемъ Голицынымъ въ католическую церковь; была Страстная Суббота, и мы хотѣли слушать пасхальную утреню. Скоро пришло еще нѣсколько нашихъ офицеровъ. Послѣ того мы тоже полюбопытствовали познакомиться съ обрядами живущихъ здѣсь раскольниковъ и потому отправились большимъ обществомъ въ ихъ моленную; но тамъ была такая духота и такой смрадъ, что мы не могли долѣе остаться и предпочли помолиться Богу каждый у себя дома.

21-го Апрѣля былъ первый день Свѣтлаго праздника. Въ 7 часовъ утра собралъ я людей моего взвода и свою прислугу и по Русскому обычаю похристосовался съ каждымъ изъ нихъ. Въ 8 часовъ утра всѣ офицеры отправились съ поздравленіями къ Его Высочеству. Онъ былъ очень веселъ, съ каждымъ изъ насъ похристосовался, а меня еще спросилъ о здоровьи брата и угостилъ насъ завтракомъ, послѣ котораго мы пошли другъ къ другу съ поздравленіями. У насъ существуетъ обычай обѣдать въ этотъ день въ своемъ семействѣ; мы всѣ здѣсь сироты, и наше семейство составляютъ товарищи, и потому рѣшено было провести этотъ день всѣмъ вмѣстѣ. Мы пригласили всѣхъ офицеровъ полка обѣдать въ свою эскадронную артель. Такое братское сближеніе намъ до того было пріятно, что рѣшили и слѣдующіе три дня провести подобнымъ же образомъ. За обѣдомъ у насъ были Жидовская музыка и Шампанское; мы пили за здоровье Государя, Великаго Князя, а гости предложили тостъ за наше здоровье.

Въ Понедѣльникъ отправились мы всѣ на разводъ въ 9 часовъ утра. Его Высочество спросилъ о здоровьи моего брата. Въ 11 часовъ Великій Князь пошелъ въ Еврейскую синагогу; мы его сопровождали. Онъ приказалъ Евреямъ пѣть. Мы всѣ удивились, когда услышали это пѣніе; невозможно было бы подражать этимъ страннымъ и неестественнымъ голосамъ. Обѣдали мы въ этотъ день во 2-мъ эскадронѣ у Голицына. Церемоніалъ былъ тотъ же, съ тою только перемѣною, что вмѣсто Жидовской музыки, которая намъ надоѣла, къ обѣду позвали полковыхъ трубачей; общество оставалось у Голицына до 8 часовъ вечера, и потомъ всѣ пошли къ вечерней зарѣ.

Во Вторникъ, въ 5 часовъ утра, Великій Князь поѣхалъ въ Вильну; но, не смотря на это развода не отмѣнили.

Въ 2 часа офицеры нашего эскадрона и эскадрона Голицына собрались, чтобы ѣхать обѣдать къ Льву Голицыну. Мы сѣли на лошадей; это была превеселая кавалькада. Обѣдъ былъ весьма оживленъ, за обѣдомъ была музыка и прекрасное вино. Саловъ, не обращая вниманія на направляемые противъ него сарказмы, очень хорошо хозяйничалъ. Послѣ обѣда всѣ вышли на дворъ, гдѣ играли, и въ 7 часовъ мы распростились съ хозяевами.

Въ Среду должны мы были обѣдать у Сольдана, но папа Сольданъ заболѣлъ и извинился, что не могъ принять. Я отобѣдалъ въ гостинницѣ, провелъ весь день съ братомъ, а вечеромъ пошелъ къ нашему полковнику.

Послѣ развода, въ Четвергъ, я напился чаю и пошелъ пѣшкомъ гулять. Въ 2 часа пошелъ я къ Сарачинскому; онъ давалъ братскій обѣдъ, всѣ Масоны полка были въ сборѣ. Обѣдъ кончился въ 6 часовъ, и всѣ разошлись, а къ 8 часамъ мы собрались слушать музыку у зори.

Въ Пятницу, въ 7 часовъ утра, меня разбудилъ барабанный бой. Я послалъ узнать, что̀ это такое, и мнѣ сказали, что проходили піонеры. Я повернулся на другой бокъ и заснулъ. Послѣ развода я зашелъ къ офицеру Семеновскаго полка Пушкину, который рядомъ со мною жилъ, и онъ мнѣ сказалъ, что утромъ проходили не піонеры, а 1-я гренадерская и 1-я фузелерная роты ихъ полка. Я былъ знако̀мъ со всѣми офицерами этихъ ротъ, и мнѣ очень хотѣлось съ ними повидаться. Живо велѣлъ я осѣдлать лошадь и поскакалъ имъ въ догоню; чрезъ $^3/_4$ часа я ихъ догналъ, они были 7 или 8 верстъ отъ города. Я имъ обрадовался какъ роднымъ и нашелъ здѣсь: двухъ Гурко, Хитрова, двухъ Фридериксовъ и Вадковскаго. Я ихъ проводилъ до квартиръ. Мы говорили о походѣ, о его пріятностяхъ и непріятностяхъ и о нашемъ препровожденіи времени. Заключивъ нашъ разговоръ самыми пламенными пожеланіями полнаго успѣха нашему оружію, мы разстались.

Въ 4 часа вернулся изъ Вильны Великій Князь. Послѣ обѣда я просидѣлъ съ братомъ до 8 часовъ, а въ 8 часовъ пошелъ въ синагогу, гдѣ у насъ былъ условленный rendez-vous. У Жидовъ начинался шабашъ, и мы всѣ согласились пойти послушать ихъ пѣніе. Я остался въ синагогѣ до конца службы и въ $9^1/_2$ часовъ съ разодранными ушами пришелъ домой и легъ спать.

Въ Субботу 27 Апрѣля былъ день рожденія Великаго Князя; въ 8 часовъ мы всѣ пошли его поздравить. Онъ вышелъ къ намъ съ

сіяющимъ лицомъ; черты его выражали откровенность и доброту; подобное выраженіе имѣло всегда лицо Великаго Князя, когда онъ былъ веселъ.

Государь принялъ въ Вильнѣ Константина Павловича болѣе чѣмъ съ братскою любовію. Онъ пожаловалъ его четырехлѣтняго сына въ корнеты конной гвардіи (слова Великаго Князя полковнику).

Его Высочество сообщилъ намъ странное извѣстіе, будто Наполеонъ велѣлъ разстрѣлять трехъ женщинъ въ Калэ (дѣло безпримѣрное) за то, что онѣ попались въ какихъ-то дурныхъ намѣреніяхъ.

Послѣ развода я пошелъ прогуляться, обѣдалъ у полковника и остальную часть дня провелъ съ братомъ. Вечеромъ пошелъ пить чай къ Голицыну, гдѣ и сыгралъ нѣсколько партій въ бильярдъ. Весь городъ былъ иллюминованъ; жители старались сдѣлать это какъ можно лучше. На городской площади, гдѣ жилъ Великій Князь, играла полковая музыка. Послѣ ужина Его Высочество вышелъ на площадь и прогуливался съ офицерами. Праздникъ кончился лишь когда Великій Князь вернулся домой.

Въ Воскресенье былъ день рожденія Олсуфьева; Великій Князь, который его очень любитъ, намѣревался цѣлый день его мучить сюрпризами. Въ 6 часовъ утра разбудили Олсуфьева барабанщики, которымъ приказано было барабанить подъ его окнами; въ 7 часовъ трубачи пришли играть тушъ подъ его окнами; въ 8 часовъ весь корпусъ офицеровъ нашего полка, по приказанію Его Высочества, пришелъ поздравить Олсуфьева. Послѣ развода, въ 10 часовъ, Олсуфьевъ пригласилъ насъ къ себѣ на завтракъ. Послѣ завтрака я переодѣлся и пошелъ вмѣстѣ съ товарищами гулять. Былъ базарный день, и въ городѣ было пропасть народа. Въ первомъ часу прошелъ черезъ Видзы баталіонъ гвардейской артиллеріи; онъ состоялъ изъ 50 орудій. Въ баталіонѣ этомъ былъ образцовый порядокъ.

Я обѣдалъ у полковника и послѣ обѣда вмѣстѣ съ Палицыными и Голицыными пошелъ гулять. Проходя мимо оконъ Олсуфьева, услышали мы музыку; насъ подмывало любопытство узнать, что̀ это было; оказалось что это былъ еще сюрпризъ, устроенный Великимъ Княземъ. Мы рѣшились зайдти къ Олсуфьеву. Палицынъ вбѣжалъ первымъ въ комнату, и, обращаясь къ хозяину, съ торжественностью сказалъ: «Ахъ, какъ это хорошо!» Но въ эту минуту увидѣлъ онъ въ углу Великаго Князя и съ поспѣшностію сдѣлалъ три шага назадъ, точно будто онъ обжегся; не замѣтивъ этого, мы смѣло вошли въ комнату и были удивлены не менѣе Палицына, встрѣтить тамъ Его Высочество. Онъ посмѣялся нашему смущенію и милостиво пригласилъ насъ остаться и присутствовать при праздникѣ, который онъ устроилъ. Это былъ балъ

для Жиденятъ и Жидовочекъ. Мы помирали со смѣху, смотря, какъ они плясали подъ звуки Жидовской музыки, что̀ походило на пляску пигмеевъ или куколъ. Удовольствіе это продолжалось болѣе часу. По окончаніи бала мы пошли къ зорѣ слушать музыку. Вечеромъ, по приказанію Великаго Князя, городъ былъ иллюминованъ, и музыканты играли, а пѣсенники пѣли. Одаренные пылкимъ воображеніемъ могли представить себѣ, что они находятся въ Петергофѣ, въ день тезоименитства Государя.

Въ 10 часовъ Великій Князь распростился съ нами, и публика, утомленная удовольствіями, составлявшими эпоху въ жизни города Видзъ, разошлась тоже.

Въ Понедѣльникъ, 29-го Апрѣля, въ 8 час., утра было полковое ученье въ присутствіи Его Высочества, который остался вполнѣ имъ доволенъ; послѣ ученія былъ разводъ, кончившійся ранѣе обыкновеннаго, по случаю дождя. Я напился чаю, провелъ часть дня съ братомъ и написалъ письмо; отобѣдавъ у полковника, я скоро вернулся домой. Вечеромъ я проѣздилъ своихъ лошадей, прогулялся и пилъ чай у Андреевскаго.

2 Мая я былъ дежурнымъ и все утро провелъ дома. Въ часъ я отправился вмѣстѣ съ вахмистромъ Ващенкой осматривать эскадронъ и изъ эскадрона пошелъ прямо къ полковнику обѣдать; послѣ обѣда я сыгралъ нѣсколько партій въ бильярдъ съ Сергѣемъ Голицынымъ и, возвратившись домой, принялся писать къ родителямъ и къ Кошкулю. Прослушавъ зорю, я отнесъ письма къ Палицыну, который отправлялъ въ Петербургъ эстафету отъ Его Высочества. Отъ Палицына я прошелъ къ Андреевскому, а въ 11 часовъ, отправившись въ обходъ, встрѣтилъ Икскуля, который хотѣлъ у меня переночевать. Мы отправились въ гостинницу поужинать и нашли тамъ Олсуфьева, Голицына и Ващенка.

Въ Пятницу, 3-го Мая, все утро провелъ я съ братомъ; въ часъ пришли за мною Палицынъ и Лукинъ, чтобы ѣхать обѣдать къ Леонтьеву. Мы сѣли въ тѣлежку, запряженную тройкою. Самъ Палицынъ правилъ, мы ѣхали очень скоро. У Леонтьева время провели очень хорошо. За обѣдомъ насъ всѣхъ смѣшилъ Саловъ, неизысканностью своего обращенія. Послѣ обѣда играли въ городки и гуляли, а въ 6 часовъ мы вернулись въ городъ. До зари я оставался дома, а потомъ пошелъ на музыку и къ Андреевскому; тамъ играли въ квиндичи.

На слѣдующій день послѣ развода, Олсуфьевъ и Потаповъ пили у меня чай; послѣ этого я пошелъ за полученіемъ моего и братнинаго жалованья, что̀ составляло 220 рублей, и остальную часть утра за-

нялся своимъ маленькимъ хозяйствомъ и лошадьми. Обѣдалъ у полковника и взялъ у него весьма любопытную книгу о службѣ Генеральнаго Штаба, послѣ обѣда я игралъ въ свайку и потомъ отправился домой, чтобы заняться чтеніемъ. Въ 8 часовъ я сдѣлалъ прогулку верхомъ за городъ и вернулся къ зорѣ.

6-го Мая, въ Понедѣльникъ, я всталъ въ пять часовъ утра. Въ шесть часовъ у насъ было ученье за городомъ. Его Высочество дѣлалъ ученье тремъ эскадронамъ и остался ими весьма доволенъ; ученье дѣйствительно шло очень хорошо, не смотря на то, что мы учились на парномъ полѣ и на болотѣ. Въ восемь часовъ былъ разводъ; я оставался дома до обѣденнаго часа; послѣ обѣда у полковника мы играли въ свайку. Въ четыре часа я получилъ приказаніе отправиться на фуражировку; но только что успѣлъ я собрать людей и приготовиться къ отправленію, какъ получена была отмѣна этого приказанія. Весьма обрадованный такою перемѣною, отправился я домой.

7-го Мая, во время развода, я получилъ приказаніе отправиться въ Динабургъ, чтобы привезти купленный фуражъ въ Видзы. Отъ каждаго эскадрона посылали по одному офицеру; но судьба меня и на этотъ разъ избавила отъ командировки: рѣшено было послать одного офицера ото всего полка, и я остался.

Утро побылъ я дома и потомъ, встрѣтивъ Олсуфьева, я съ нимъ гулялъ до обѣда. Обѣдать я пошелъ къ Андреевскому, да и послѣ обѣда мы играли въ свайку; въ четыре часа я ушелъ, условившись съ С. Голицынымъ поѣхать вмѣстѣ верхомъ кататься. Сережа заѣхалъ за мною, и мы отправились къ Беклемишевымъ, которые были въ четырехъ или пяти верстахъ отъ города; у нихъ мы провели часъ времени и, напившись чаю, поѣхали обратно. Вечеръ я провелъ у полковника и, поужинавъ въ веселомъ обществѣ, вернулся домой.

8-го Мая мы были всѣ приглашены къ полковнику Леонтьеву обѣдать. Его Высочество уѣхалъ, чтобы сдѣлать ученіе Егерскому полку и долженъ былъ вернуться не ранѣе вечера.

Разводъ прошелъ обычнымъ порядкомъ, послѣ него я напился чаю и провелъ утро дома за чтеніемъ книги, въ которой была изложена служба Генеральнаго Штаба. Въ два часа я пошелъ къ полковнику, и мы скоро сѣли на лошадей, чтобы отправиться къ Леонтьеву; погода была превосходная, мы имѣли прекрасный обѣдъ съ музыкой и весьма пріятно провели время. Послѣ обѣда мы играли въ городки, боролись и бѣгали.

Въ 9 часовъ мы уже были на зорѣ. Его Высочество разсказывалъ намъ объ ученіи, сдѣланномъ имъ Егерскому полку, которымъ онъ былъ отмѣнно доволенъ.

10-го Андреевскій, Голицынъ и Воейковъ зашли къ намъ до развода, и потомъ мы всѣ вмѣстѣ пошли къ Олсуфьеву, но не заставъ его дома, мы тѣмъ не менѣе остались на его квартирѣ до развода, такъ какъ на дворѣ было очень холодно. Послѣ развода всѣ спѣшили домой погрѣться около печки. Погода была ужасная и не позволяла высовывать изъ дому носа. Я занялся чтеніемъ до полудня, потомъ, позавтракавъ, вздремнулъ немного передъ обѣдомъ. Въ два часа я пошелъ къ полковнику, съ нимъ я сыгралъ двѣ партіи въ бильярдъ, а послѣ обѣда сѣлъ играть въ шахматы съ графомъ Трусесомъ. Вернувшись послѣ обѣда домой, я въ этотъ день уже болѣе не выходилъ. Въ восемь часовъ Трусесъ и Беклемишевъ пришли пить чай къ намъ и провели у насъ часть вечера.

11-го къ намъ пришелъ Андреевскій съ предложеніемъ прогуляться верхами; я принялъ охотно предложеніе, приказалъ сѣдлать лошадей, которыхъ скоро подали; къ намъ присоединился Сиверцовъ. Мы отправились за городъ, окрестности котораго были очень хороши; ѣздили мы довольно долго, любовались живописными видами и восхищались превосходной погодой. Поэты правы, когда они воспѣваютъ весну. Во время прогулки разговоръ шелъ о любовныхъ похожденіяхъ; откровенность полковника насъ всѣхъ потѣшала. Въ городъ вернулись мы въ 9 часовъ, и вся компанія, напившись у меня чаю, пошла къ Голицыну.

13-го было ученье. Великій Князь былъ имъ недоволенъ и приказалъ арестовать Лукина и меня за ошибки, сдѣланныя солдатами нашихъ взводовъ; но какъ ученье кончилось хорошо, Его Высочество наложенное на насъ взысканіе отмѣнилъ. Послѣ ученія мы пошли къ разводу. Чаю я напился только въ 10 часовъ, и какъ я былъ очень утомленъ, то легъ спать и проспалъ до тѣхъ поръ, пока меня не разбудилъ посланный отъ полковника человѣкъ, съ приглашеніемъ къ обѣду. Въ этотъ день у насъ обѣдалъ полковникъ Кавалергардскаго полка Левашевъ. Къ концу обѣда пріѣхали генералъ Бороздинъ и Шульгинъ. Послѣ обѣда завязался большой споръ о фуражѣ, который кончился большою партіею въ квиндичи, стоившей 5.000 рублей генералу Бороздину.

Во Вторникъ, 14-го числа, я былъ дежурнымъ; послѣ развода я оставался дома и занимался чтеніемъ. Въ 12 часовъ я отправился къ Сарачинскому на собраніе Франмасоновъ. Собраніе было открыто, и работы происходили въ Еврейскомъ театрѣ, обращенномъ въ мастерскую для подмастерьевъ (apprentis). Принимали въ братья Воейкова. Я не мало посмѣялся надо всѣми происходившими тамъ продѣлками и надъ ролью, которую мы разыгрывали. Покончивъ работу, братья всѣ

отправились къ Голицынымъ, у которыхъ былъ банкетъ. Здѣсь по обыкновенію предложены были обязательные тосты. Послѣ обѣда я съ нѣкоторыми офицерами пошелъ къ генералу Бороздину, чтобы выразить ему сожалѣніе всѣхъ братьевъ Масоновъ о томъ, что они лишены были его просвѣщеннаго участія въ своемъ засѣданіи. Генералъ благодарилъ за оказанное вниманіе и извинялся, объясняя, что по случаю сильной головной боли, не позволявшей ему выйти изъ комнаты, онъ не могъ участвовать въ собраніи.

15-го числа Его Высочество не былъ на разводѣ: онъ выѣхалъ наканунѣ вечеромъ для осмотра полковъ Преображенскаго и Семеновскаго и воротился только сегодня въ четыре часа. Тотчасъ послѣ развода пріѣхали ко мнѣ два знакомые офицера Егерскаго полка Корсаковъ и Штрандманъ. Они пріѣхали въ Видзы по дѣламъ и остановились у меня. Я былъ крайне обрадованъ ихъ посѣщеніемъ и пробылъ съ ними все утро.

21-го числа были имянины Его Высочества. Ночью пріѣхали въ Видзы Ожаровскій и Потоцкій и заняли комнату въ гостинницѣ. Въ 8 часовъ мы всѣ отправились его поздравить; мы нашли тамъ уже все окружное дворянство и множество гвардейскихъ офицеровъ, пріѣхавшихъ нарочно, чтобы поздравить Великаго Князя. Корпусъ офицеровъ нашего полка приготовилъ въ честь Его Высочества праздество и просилъ его удостоить обѣдъ своимъ посѣщеніемъ. На этотъ случай одинъ нежилой домъ, бывшій даже безъ оконъ, былъ превращенъ въ великолѣпную залу, въ которой накрыли столъ на 80 приборовъ. Зала была украшена всѣми цвѣтами, которые могли только набрать въ окрестностяхъ; однимъ словомъ, она была очень хорошо устроена. А на площади передъ домомъ установлены были столы для обѣда, приготовленные для солдатъ. Въ часъ пополудни всѣ офицеры полка верхами собрались передъ домомъ Его Высочества. Онъ вышелъ въ половинѣ втораго, сѣлъ верхомъ и поѣхалъ, а мы поскакали за нимъ. Кромѣ насъ, Великаго Князя сопровождали еще всѣ генералы и штабъ-офицеры, пріѣхавшіе его поздравить. Подъѣхавъ къ дому, гдѣ было приготовлено пиршество, Его Высочество поздоровался съ людьми и потомъ вошелъ въ залу. Офицеры поспѣшили соскочить съ коней, чтобы его встрѣтить у входа. Казалось, что собралась одна большая семья, которая праздновала и угощала своего самаго любимаго и почитаемаго члена. Столъ былъ превосходный, все подавалось отлично и въ изобиліи, такъ что и въ столицѣ нельзя бы это лучше сдѣлать. Здоровье Государя и Его Высочества пили при громогласныхъ ура и звукахъ трубъ и литавръ. По окончаніи обѣда, Великій Князь благодарилъ офицеровъ; видно было, какъ онъ былъ взволно-

ванъ этими выраженіями преданности къ нему офицеровъ полка, который онъ такъ любилъ. Великаго Князя проводили съ тою же церемоніею. Слѣзая съ лошади, онъ еще разъ благодарилъ офицеровъ и до того разчувствовался, что у него на глазахъ навернулись слезы. Всѣ разошлись по домамъ, чтобы немного отдохнуть, а въ 8 часовъ собрались къ зорѣ. Праздникъ этотъ еще не кончился. Въ 10 часовъ Великій Князь отправился пѣшкомъ въ сопровожденіи всѣхъ офицеровъ смотрѣть фейерверкъ, который былъ устроенъ за городомъ. Фейерверкъ былъ довольно хорошъ и вполнѣ удался. Когда онъ кончился, всѣ вернулись на большую площадь; тутъ былъ щитъ со шкаликами, изображающій звѣзду, посреди которой горѣлъ вензель Великаго Князя; на площади и по всѣмъ улицамъ горѣли плошки, и всѣ окна были освѣщены; три хора музыкантовъ Конногвардейскій, Морской и Еврейскій играли весь вечеръ, да еще пѣлъ хоръ Еврейскихъ пѣвчихъ. Народу собралось много со всѣхъ окрестностей; всѣ хотѣли видѣть праздникъ, который останется памятнымъ для жителей Видзъ и который, надо сказать, дѣйствительно вполнѣ удался. Всего удивительнѣе то, что, не смотря на недостатокъ средствъ въ Видзахъ, все что̀ только было задумано, удалось превосходно. Это обстоятельство придавало еще бо́льшую цѣну празднику. Праздникъ кончился лишь въ первомъ часу ночи.

На другой день въ 8 часовъ у насъ было ученье всему полку. Его Высочество хотѣлъ показать полкъ всѣмъ пріѣхавшимъ въ Видзы генераламъ: Винценгероде, графу Ожаровскому, Бороздину и многимъ другимъ. Ученье шло превосходно, всѣ построенія дѣлались съ удивительною отчетливостью и точностію. Великій Князь былъ чрезвычайно доволенъ; когда онъ благодарилъ офицеровъ и солдатъ, то на глазахъ его были видны слезы; при этомъ онъ сказалъ, что болѣе чѣмъ доволенъ, видя, что все исполнялось не только хорошо, какъ это всегда должно быть, но съ удивительнымъ усердіемъ и съ полнымъ желаніемъ исполнить все то, что̀ онъ желалъ. Это ученье завершило нашъ праздникъ. Его Высочество пригласилъ всѣхъ офицеровъ къ себѣ обѣдать въ Субботу, а нижнимъ чинамъ пожаловалъ по рублю и по чаркѣ водки. Послѣ развода Его Высочество насъ всѣхъ удивилъ прочтеніемъ письма какого-то Французскаго офицера къ одной Русской барынѣ въ Петербургъ. Хотя особа не была названа, но каждый изъ насъ ее узналъ сейчасъ же. Письмо это заключало въ себѣ выраженіе любви и привязанности, которыя офицеръ сохранялъ къ своей прекрасной возлюбленной; онъ напоминалъ ей про счастливое время, проведенное вмѣстѣ и говорилъ о тяжкой разлукѣ, которая до сихъ поръ лишала его всякой надежды опять увидѣться.

Но теперь, говорилъ онъ, блеснулъ лучъ надежды: утверждаютъ, что у насъ будетъ война съ Россіей; если это справедливо, то двухъ выигранныхъ сраженій, безъ сомнѣнія, достаточно, чтобы намъ попасть въ Петербургъ. Могутъ-ли, продолжалъ онъ, ваши еще варварскія, дурно дисциплинированныя полчища противустоять генію нашего императора? Къ этому прибавилъ онъ еще много грубаго и плоскаго хвастовства и дерзко отзывался о Русскихъ, находившихся тогда въ Берлинѣ; но Французская галантерейность не позволяла ему отзываться подобнымъ образомъ о Русскихъ женщинахъ. Въ концѣ письма онъ спрашивалъ о ребенкѣ, котораго онъ имѣлъ отъ нея и который родился въ Москвѣ, просилъ дать о себѣ извѣстія и заключалъ письмо увѣреніями въ своихъ самыхъ пламенныхъ чувствахъ. Въ P. S. заключалась еще уморительная выходка: онъ просилъ приготовить ему хорошенькую квартирку въ Петербургѣ, чтобы избавить его отъ труда искать себѣ квартиру, когда они (т.-е. Французы) тамъ будутъ. Этотъ офицеръ былъ адъютантомъ генерала Удино; недавно произведенный въ полковники, онъ подписывался L. G. Его письмо насъ крайне потѣшало. По этому случаю Великій Князь разсказалъ нѣсколько анекдотовъ и разсуждалъ объ обязанностяхъ мужей въ разныхъ положеніяхъ жизни. Этотъ разговоръ былъ очень занимателенъ, особенно для меня, такъ какъ мнѣ впервыя приходилось быть свидѣтелемъ такого непринужденнаго разговора Великаго Князя съ офицерами.

25-го. Великій Князь давалъ въ этотъ день обѣдъ всѣмъ офицерамъ, не исключая больныхъ, дежурныхъ и даже находящихся въ караулѣ. Мы всѣ собрались въ помѣщеніе, гдѣ должно было происходить пиршество. Его Высочество туда прибылъ въ 2 часа вмѣстѣ съ генераломъ Бороздинымъ. Онъ былъ въ очень хорошемъ настроеніи духа, много шутилъ и между прочимъ сказалъ, что онъ хочетъ угостить Палицына *) Аравійскою камедью, а брата хиною. Обѣдъ былъ отличный; все подавалось въ изобиліи, и вина были превосходныя; за обѣдомъ господствовала полная свобода, такъ что все общество представляло одну дружную семью. Его Высочество самъ очень оживлялъ бесѣду. Всѣ были вполнѣ довольны праздникомъ.

Въ Воскресенье, 26-го числа, всѣ офицеры послѣ развода собрались на квартирѣ Олсуфьева, чтобы обсудить поступки одного Польскаго дворянина, который, будучи пьянъ, бросалъ камни въ окно и разбилъ стекла въ томъ домѣ, гдѣ офицеры давали обѣдъ Великому

---

*) Офицеръ полка, который тоже былъ болѣнъ.

Князю. Офицеры не хотѣли сдѣлать его несчастнымъ и рѣшили, чтобы онъ письменно просилъ прощенія у всего общества офицеровъ, а до исполненія сего, его держали подъ арестомъ. Спасенный такимъ образомъ отъ разстрѣлянья, онъ съ величайшею охотою написалъ требуемое извинительное письмо, представилъ письмо въ полкъ и былъ отправленъ въ свое имѣніе.

Въ 12 часовъ я пошелъ прогуляться и, проходя мимо оконъ Четвертинскаго, зашелъ къ нему позавтракать и пробылъ тамъ до обѣда. Въ 2 часа я пошелъ вмѣстѣ съ Лукинымъ и Беклемишевымъ обѣдать къ Андреевскому и тотчасъ же послѣ обѣда поспѣшилъ вернуться домой, чтобы написать письмо къ родителямъ и къ Кошкулю, такъ какъ въ тотъ же вечеръ должна была быть отправлена эстафета.

27-го. Я вернулся домой въ 5 часовъ и принялся за чтеніе Тактики Гибера (Essai sur la tactique par Guibert). Я восхищался этимъ авторомъ и находилъ слогъ его до того завлекательнымъ, что просто поглощалъ его книгу.

28-го. Въ продолженіи всего обѣда говорили о масонствѣ. Столыпинъ, который у насъ обѣдалъ, и Орловъ съ большимъ жаромъ и очень основательно говорили противъ масонства; я раздѣлялъ ихъ мнѣнія, но долженъ былъ молчать и съ досады кусалъ себѣ губы. Этотъ разговоръ меня до того затронулъ, что я по окончаніи обѣда поспѣшилъ уйти домой, чтобы забыть скорѣе сдѣланную мною, почти противъ желанія, глупость *), которой я себѣ не прощу во всю жизнь. Въ шесть часовъ пошелъ я на фланкёрское ученье нашего эскадрона, а оттуда къ зарѣ. Проснувшись 1-го Іюня, я узналъ, что Его Высочество пріѣхалъ изъ Вильны. Я поспѣшилъ къ разводу, и тамъ мы отъ него узнали, что 3-го числа полкъ долженъ былъ выступить изъ Видзъ въ Свѣнцяны, которыя отстояли верстъ на 60.

2-го Іюня, на разводѣ, я узналъ непріятную новость: намъ привезли кирасы. Они были чрезвычайно неудобны, особенно на мой ростъ. Въ 12 часовъ я пошелъ примѣрять свои цѣпи. За обѣдомъ на прощаніи съ Видзами у насъ была Жидовская музыка. Послѣ обѣда я поспѣшилъ уйти домой, чтобы сдѣлать необходимыя приготовленія къ походу. Въ два часа ночи меня разбудилъ стукъ въ дверь дома; хозяйка отворила окно и спросила, кто тамъ? Я узналъ голосъ Лукина, который, задыхаясь, требовалъ, чтобы скорѣе отворили дверь, чтобы сообщить намъ важное извѣстіе. Я спросилъ Лукина, какое извѣстіе? Миръ съ Турціею, и мы остаемся въ Видзахъ. Александръ и я были

---

*) Вѣроятно—вступленіе въ масонство.

въ восторгѣ. Нашъ другъ насъ пригласилъ идти будить всѣхъ, чтобы подѣлиться этимъ радостнымъ извѣстіемъ. Александръ одѣлся, а я пошелъ какъ былъ въ одной шинелишкѣ и безъ шапки. Ночь была чудная; на встрѣчу намъ попался Олсуфьевъ, который отправилъ меня домой одѣться, чтобы я не простудился. Я поспѣшилъ это исполнить и догналъ наше общество черезъ четверть часа; всѣ офицеры собрались въ гостинницѣ и принялись за Шампанское. Мы подняли кубки за здоровье Государя и за славу Россіи; всю ночь мы провели въ гостинницѣ и вернулись домой только утромъ.

Въ два часа я пошелъ къ Сарачинскому. Масоны были въ сборѣ и работали. Вице-президентъ ложи раздавалъ званія мастера и подмастерья, затѣмъ должны были принять въ Масоны Салова, но какъ онъ не хотѣлъ подчиниться правиламъ и обычаямъ масоновъ (несмотря на все свое желаніе быть въ числѣ Масонскихъ братьевъ), ему отказали въ пріемѣ. Труды Масоновъ закончились праздничнымъ обѣдомъ.

Въ шесть часовъ я поѣхалъ вмѣстѣ съ Иксюлемъ навѣстить П.... котораго застали за декохтомъ. Поговоривъ съ нимъ полчаса, мы принялись читать Расина и повторять лучшія мѣста изъ Федры и Британника. Напившись чаю у П., я отправился пѣшкомъ въ городъ; погода была восхитительная, и въ продолженіи всей дороги я повторялъ наизустъ стихи.

Вечеромъ я былъ на фланкёрскомъ ученіи, а въ девять часовъ пошелъ къ зорѣ. Андрей Голицынъ меня представилъ м-мъ Сольданъ, которая наканунѣ поселилась въ томъ же домѣ, гдѣ и я. Сосѣдство это меня немного разстроивало; но тѣмъ не менѣе я счелъ нужнымъ ей сказать, что считаю за честь быть въ ея сосѣдствѣ. Только что я вернулся домой и принялся за чай, какъ узналъ, что въ расположеніи нашего эскадрона пожаръ. Я поспѣшилъ къ эскадрону, но зарева отъ огня не было видно. На мѣстѣ я узналъ, что злонамѣренные люди хотѣли поджечь городъ и для того подложили подъ одну изъ конюшень нашего эскадрона сѣру и горящіе уголья. Къ счастію, это было во время усмотрѣно, и начались розыски поджигателей. Всѣ наши офицеры, и въ томъ числѣ я, собрались около того мѣста, гдѣ былъ подложенъ огонь. Послѣ долгихъ толковъ рѣшили предоставить Шульгину произвести разслѣдованіе. Это кончилось ничѣмъ. Въ 11 часовъ вернулся я съ ночнаго обхода и приказалъ поставить свою кровать въ устроенный мною баракъ, гдѣ я прекрасно провелъ ночь.

Въ Среду, 12 числа, Сиверцовъ и я сбирались съѣздить въ Измайловскій полкъ. Его Высочество намъ разрѣшилъ эту поѣздку, и мы намѣрены были отправиться послѣ обѣда. Утромъ я былъ у м-мъ Сольданъ. Вернувшись отъ обѣда у полковника, я нѣсколько прина-

рядился и въ ожиданіи Сиверцова немного отдохнулъ. Въ семь часовъ мы отправились, разсчитывая пріѣхать въ Измайловскій полкъ къ 10 часамъ; но каково было наше неудовольствіе и наша досада, когда мы всю ночь пространствовали, и лишь въ пять часовъ утра пріѣхать въ расположеніе Измайловскаго полка; въ довершеніе неудачи, мы не застали офицеровъ, которыхъ искали и желали видѣть. Полкъ былъ расположенъ на разстояніи 30 верстъ, и офицеры весьма рѣдко видѣлись, такъ что даже и не знали, гдѣ были расположены роты ихъ полка. Но по счастливому случаю мы попали въ 1-ю роту, которою командовалъ Сомовъ. Утомленный продолжительнымъ путешествіемъ въ тележкѣ и не найдя моего пріятеля Васькова, я рѣшился зайти къ Сомову, котораго мы застали еще въ постели.

Утомленный отъ дороги, я проспалъ до полудня. Затѣмъ сдѣлалъ прогулку по окрестностямъ, которыя очень живописны, и любовался красотами природы. За мною пришли, чтобы позвать обѣдать. Обѣдъ былъ плохой; намъ дали каши, которую я съ неохотою ѣлъ, несмотря на то, что былъ голоденъ. Послѣ обѣда всѣ сѣли за бостонъ, кромѣ меня. Мнѣ было очень скучно, и я предложилъ Сиверцову уѣхать.

На другой день (это была Пятница 14-е число) хозяйка, отворивъ окно, которое находилось противъ моего барака, разбудила меня сообщеніемъ извѣстія, будто мы тотчасъ же выступаемъ. Я поспѣшилъ къ разводу, чтобы въ томъ удостовѣриться. Извѣстіе подтвердилось. Кудашевъ привезъ изъ Вильны приказаніе отъ Государя о немедленномъ движеніи на Свѣнцяны. Французы переступили нашу границу 12-го числа этого мѣсяца и овладѣли безъ сопротивленія Ковной и Гродной. Говорятъ, что ихъ нарочно впустили безъ сопротивленія, какъ утверждали наши политики. Армія князя Багратіона должна была соединиться съ арміею Барклая. Свѣнцяны должны быть такъ называемымъ пиво̀ (pivot) всѣхъ военныхъ операцій, такъ какъ въ окрестностяхъ этого пункта мы располагали всѣми операціонными линіями. Мы входили въ составъ 5-го корпуса, которымъ командовалъ Его Высочество Цесаревичъ. Этотъ корпусъ составлялъ резервъ арміи Барклая.

Извѣстіе о походѣ меня обрадовало. Мнѣ живо представилось, что я долженъ стремиться къ славѣ, служить отечеству и быть ему полезнымъ. Я приказалъ людямъ скорѣе укладывать вещи. Въ 12 часовъ, по звуку генералъ-марша, полкъ собрался на городской площади. Великій Князь подъѣхалъ къ полку и обратился къ намъ съ краткою рѣчью, которая тронула всѣ сердца. Мнѣ кажется, что въ подобныхъ случаяхъ и некраснорѣчивый ораторъ можетъ тронуть самыя невозмутимыя сердца, если только его слова искренни и выливаются изъ

сердца. Великій Князь сказалъ солдатамъ: «Ну, мои друзья, мои ста-«рые сослуживцы! Настала пора, когда вы можете быть полезными «отечеству, когда вы должны ему послужить и не пожалѣть для него «никакими жертвами. Докажите, что вы Русскіе. Я надѣюсь и даже «вполнѣ увѣренъ, что вы поддержите ту славу и честь, которыя вы «пріобрѣли въ прежнихъ кампаніяхъ. Смѣлѣе! Побѣда будетъ съ вами. «Ну весело въ походъ, пѣсенники впередъ и трубачамъ играть!» Мы покинули Видзы, проникнутые сказанными намъ словами и преисполненные радостью, что наступаетъ наконецъ время, когда мы можемъ доказать, какъ усердно мы служимъ. Поселяне тѣхъ деревень, гдѣ мы стояли, насъ нѣсколько проводили и, прощаясь съ нами, пожелали намъ счастія. Дѣйствительно, въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ нашего пребыванія тамъ, полкъ съумѣлъ пріобрѣсти общую любовь, и мы раставались съ жителями съ такимъ сожалѣніемъ, точно будто мы съ ними вѣкъ прожили.

Насъ направили на Свѣнцяны. Его Высочество шелъ съ нами. Переходъ былъ верстъ въ 40; въ этотъ день мы сдѣлали два привала и въ 11 часу вечера стали на почлегъ въ деревнѣ въ 10 верстахъ отъ Свѣнцянъ. Утомленные большимъ переходомъ, мы принуждены были расположиться на ночлегъ подъ открытымъ небомъ всѣ вмѣстѣ. Намъ не оставалось много времени на отдыхъ, такъ какъ на другой же день (Четвергъ, 15-го числа), въ 4 часа, мы должны были вступить въ Свѣнцяны. Засѣдлавъ лошадей, мы ждали приказанія выступить. Въ этомъ ожиданіи пробыли мы до 12 часовъ дня, когда получено было приказаніе разсѣдлать лошадей и быть готовымъ къ походу на слѣдующее утро. Нашъ эскадронъ стоялъ вмѣстѣ съ эскадрономъ Голицына, а остальные два были въ полверстѣ отъ насъ. Намъ приготовили на скорую руку отличный обѣдъ, и мы всѣ вмѣстѣ отобѣдали, а потомъ я прилегъ, чтобы наверстать потерянный сонъ, а въ пять часовъ я принялся писать свой дневникъ, котораго въ теченіи 5-ти дней я не имѣлъ времени вести. Своимъ дневникомъ я занимался весь вечеръ. Въ девять часовъ мы поужинали, а въ 10 легли спать подъ открытымъ небомъ.

16-го числа въ шесть часовъ утра мы были уже готовы, чтобы выступить и только ожидали, чтобы къ намъ присоединились Кавалергарды. Въ восемь часовъ мы вмѣстѣ двинулись по направленію къ Свѣнцянамъ. Не доходя одной версты до этого города, къ намъ присоединились Кирасиры Его Величества, и мы всѣ вступили съ музыкой въ городъ. Пройдя чрезъ городъ, всѣ три полка выстроились въ ожиданіи Цесаревича. Его Высочество, объѣхавъ фронтъ, поздоровался съ людьми и пропустилъ полки мимо себя. Послѣ парада мы сдѣлали еще нѣсколько верстъ. Вмѣстѣ съ нами пришла на ночлегъ гвардей-

ская пѣхота, которая расположилась биваками. Кавалерія размѣстилась по сосѣднимъ деревнямъ. Нашъ эскадронъ расположили въ большомъ сараѣ, а офицерамъ отвели квартиры въ столярной мастерской, что̀ было въ сто разъ лучше биваковъ, въ особенности въ этотъ день, когда шелъ проливной дождь.

Когда разставили эскадронъ, мы пришли на назначенную для офицеровъ квартиру и застали обѣдъ уже приготовленнымъ. Вечеромъ я пошелъ вмѣстѣ съ Лукинымъ и Голицинымъ гулять въ прекрасный садъ, который находился возлѣ нашей квартиры. Возвращаясь домой мы встрѣтили Его Высочество, который шелъ осматривать расположеніе эскадрона; мы пошли за нимъ и, когда онъ ушелъ, мы отправились пить чай. У офицеровъ политика шла своимъ путемъ: безконечные споры продолжались, и только сонъ прекращалъ ихъ.

17-го числа, послѣ хорошо проведенной ночи, въ веселомъ и шумномъ обществѣ, мы всѣ въ одно время проснулись и встали. Напившись чаю, я велѣлъ осѣдлать свою лошадь и отправился въ лагерь, который отстоялъ отъ насъ на ¼ версты, чтобы повидаться съ старыми товарищами. Я всѣхъ ихъ засталъ въ добромъ здоровьи, они были весьма обрадованы меня увидѣть и съ радостію ожидали боя. Я провелъ съ ними весьма пріятно утро и возвратился домой лишь въ часъ къ обѣду. Наши политики между тѣмъ ни на минуту не переставали спорить; спорили до упада и хрипоты. Мы послѣ отдыха принялись за чай, и споры опять начались еще съ бо̀льшимъ ожесточеніемъ: всякій хотѣлъ поддерживать свои доводы и предположенія. По достовѣрнѣйшимъ извѣстіямъ однако Французы быстро наступали на насъ, и имъ не препятствовали наступать. Вся наша армія должна была отступить къ Свѣнцянамъ, которые должны были служить пиво̀ всѣхъ дальнѣйшихъ операцій.

Орловъ съ казаками имѣлъ весьма счастливое дѣло, которое доставило ему 120 плѣнныхъ; при этомъ онъ потерялъ всего нѣсколько человѣкъ. Непріятелю предоставили занять Вильну съ ея окрестностями и предполагали, что онъ не далѣе тридцати верстъ отъ насъ. Въ приказаніи сказано было, чтобы вся пѣхота нашего корпуса была готова къ пяти часамъ утра, для отступленія къ Давгелишкамъ, которыя отстояли на 25 верстъ отъ Видзъ. Кавалерія должна была быть тоже готова къ пяти часамъ.

18-го числа, когда мы поднялись, то застали пѣхоту уже на готовѣ къ выступленію. Съ пяти часовъ утра наши лошади были тоже осѣдланы, но намъ приказано было ожидать на тѣхъ же мѣстахъ новыхъ приказаній. Весь день лилъ проливной дождь, и мы провели время въ спорахъ по поводу различныхъ извѣстій и ходившихъ слуховъ,

основанныхъ на предположеніяхъ; все это сбивало съ толку, и я рѣшилъ никого не слушать и не вмѣшиваться въ споры. Въ сущности никто не понималъ настоящихъ дѣйствій, а видя, что наша армія отступаетъ, всякій желалъ отыскать тому причину и объяснялъ отступленіе по своему, что́ служило поводомъ къ новымъ толкамъ. Пѣхота отступила къ Давгелишкамъ, гдѣ она расположилась на бивакахъ, а четыре кирасирскіе полка и конная артилерія остались на прежнихъ мѣстахъ. Цѣлый день мы были въ готовности выступить по первому приказанію; только въ 11 часовъ вечера получено приказаніе разсѣдлывать и быть готовымъ къ выступленію на слѣдующее утро въ четыре часа.

19-го числа, съ четырехъ часовъ утра, мы были уже готовы къ выступленію; въ 9-ть часовъ утра мы узнали, что корпусъ Тучкова отступаетъ и долженъ занять наши мѣста, что Французы очень близко отъ насъ, и что аріергардъ имѣлъ удачное дѣло, но все-таки продолжаетъ отступать. Въ 12 часовъ мы получили приказаніе вмѣстѣ съ прочими кирасирскими полками и съ конною артилеріею, отступить къ Свѣнцянамъ. Прибывъ въ Свѣнцяны, мы увидѣли, что корпусъ Тучкова приближается, и намъ приказано было двигаться къ Давгелишкамъ. Это былъ первый переходъ, который приходилось намъ дѣлать на пути отступленія и, признаюсь, этотъ переходъ произвелъ на меня тяжелое впечатлѣніе: мы уступали пять губерній, не имѣвъ еще ни одного дѣла, за исключеніемъ стычекъ на аванпостахъ. Солдаты, какъ и мы, не постигали плана въ дѣйствіяхъ нашей арміи, и замѣтно было, какъ неблагопріятно на нихъ подѣйствовало отступленіе.

Государь перенесъ свою главную квартиру въ Видзы и доро́гой насъ обогналъ; на видъ онъ казался очень довольнымъ и всѣмъ намъ милостиво кланялся. Его Высочество шелъ съ полкомъ. Мы прошли чрезъ Давгелишки и застали тамъ пѣхоту, которая была расположена на бивакахъ по обѣ стороны большой дороги. Я имѣлъ удовольствіе увидѣть и обнять всѣхъ моихъ прежнихъ товарищей; пройдя расположеніе пѣхоты, мы сдѣлали еще нѣсколько верстъ и остановились въ деревушкѣ, гдѣ должны были провести ночь. Въ этой деревушкѣ мы не нашли живой души; больно было видѣть раззореніе своихъ соотечественниковъ, особенно для того, который еще не видалъ войны. Я думаю, что я правъ, называя жителей этихъ мѣстъ нашими соотечественниками, потому что они наши подданные, и уже тридцать лѣтъ какъ называютъ ихъ также какъ и насъ Русскими, и многіе наши помѣщики имѣютъ въ этихъ мѣстахъ помѣстья.

Мы провели ночь всѣ вмѣстѣ въ одной хижинѣ.

19-го числа, въ 8 часовъ утра, мы выступили по направленію къ Видзамъ, и намъ велѣно было остановиться въ девяти верстахъ

отъ этого города. Пѣхота поднялась въ полночь и шла впереди насъ. Когда мы пришли къ мѣсту, назначенному для ночлега, то застали уже гвардейскую пѣхоту, расположенную бивакомъ. Намъ указали квартиры въ деревнѣ, которыя отстояли отъ большой дороги на версту. Невозможно себѣ представить болѣе грустной картины, чѣмъ та, которая намъ представилась въ деревнѣ, въ которую мы вступили. Зашедшіе туда мародеры грабили бѣдныхъ крестьянъ и раззоряли ихъ имущества и въ какой-нибудь часъ времени уничтожали то благосостояніе крестьянъ, стоившее имъ столькихъ заботъ и трудовъ. Этимъ варварамъ недостаточно было отнять у крестьянъ хлѣбъ и скотъ, но надо было переломать всю утварь и посуду крестьянъ и разорвать ихъ одежду. Бѣдные поселяне убѣжали въ лѣса, и мы не застали въ деревнѣ ни одной души. Всего ужаснѣе, что это происходитъ въ своей сторонѣ.

Во время обѣда получено было приказаніе разсѣдлывать и оставаться на тѣхъ же мѣстахъ до слѣдующаго дня. Я пришелъ отдохнуть и перемѣнилъ платье, которое промокло отъ дождя, лившаго безпрерывно все время похода. Около 5 часовъ, офицеры нашего эскадрона отправились къ полковнику Голицыну, который съ своимъ эскадрономъ находился въ самомъ близкомъ разстояніи отъ деревни, нами занимаемой. Ихъ деревня была въ томъ же положеніи какъ и наша; въ ней тоже не было ни души: всѣ жители покинули родной кровъ. Со всѣхъ сторонъ слышно было только о грабежахъ и разбояхъ; я былъ въ самомъ мизантропическомъ настроеніи и избѣгалъ общества.

20-го числа была дневка; въ этотъ день мы получили извѣстіе лишь о томъ, что аріергардъ нашъ сражался и затѣмъ отступилъ къ Свѣнцянамъ и что наши сожгли провіантскій магазинъ, заключавшій 15.000 четвертей муки и овса, такъ какъ перевести все это количество хлѣба не было возможности.

Около полудня я поѣхалъ къ П... У нихъ я провелъ нѣкоторое время и возвратился къ обѣду; послѣ обѣда я пришелъ отдохнуть, такъ какъ я очень плохо провелъ предыдущую ночь, а въ семь часовъ велѣлъ осѣдлать свою лошадь и поѣхалъ въ лагерь, отстоящій отъ насъ въ 4-хъ верстахъ, чтобы повидаться съ друзьями. Я былъ очень обрадованъ всѣхъ ихъ видѣть. Я былъ у Макарова, который жилъ съ Петинымъ, тамъ я засталъ Г..., Дамаса и Удома. Я съ ними поразговорился и узналъ отъ нихъ, что Балашовъ воротился уже отъ Наполеона и что Платовъ съ 10,000 казаковъ присоединился къ Багратіону. Когда я пріѣхалъ, Петина не было дома, но онъ скоро вернулся и вмѣстѣ съ нимъ пришли Анненковъ, Кавелинъ и Глазенапъ; мы пили чай, и я пробылъ съ ними до девяти часовъ вечера въ веселыхъ

разговорахъ, вспоминая прошлое. Какъ бываютъ пріятны подобные разговоры! Мои товарищи меня немного проводили, и я, разставшись съ ними, поскакалъ домой. Дорогой я встрѣтилъ раненыхъ гвардейскихъ уланъ, которые мнѣ разсказали о дѣлѣ бывшемъ у нихъ съ Французами. Впереди вели десять плѣнныхъ; изъ нихъ только двое было Французовъ, остальные были другихъ націй. Странно видѣть столько разныхъ народовъ, служащихъ одному повелителю. Весьма желательно было бы, чтобы среди огромныхъ его предпріятій случилось тоже, что случилось со строителями Вавилонской башни. Я воротился домой къ десяти часамъ и имѣлъ удовольствіе получить письмо отъ родителей. Къ ужину мы всѣ собрались, и всякій изъ насъ разсказывалъ тѣ новости, которыя ему удалось собрать. Вообще всѣ были того мнѣнія, что Государь долженъ былъ быть доволенъ тѣмъ, что всѣ его предположенія осуществлялись согласно его желаніямъ: всѣ корпуса собрались, армія отступала къ Двинѣ, для соединенія съ арміею Багратіона въ примѣрномъ порядкѣ, возвратился Балашовъ и помощь оказывается Шведами, которые высадили въ Курляндію 20.000-й корпусъ.

Въ Субботу, 21 Іюня, приказано было къ десяти часамъ быть на большой дорогѣ и ожидать остальные кирасирскіе полки, чтобы вмѣстѣ съ ними идти. Пока мы поджидали, мимо насъ прошли корпуса Баговута и Тучкова. Надо отдать справедливость, что это были чудныя войска; особенно хороша была артиллерія, лошади были у нея отличныя и у людей здоровый видъ. Мимо насъ прошло семь ротъ артиллеріи, въ каждой по 12 орудій, и 16.000 пѣхоты, при которой находился еще одинъ драгунскій полкъ. Когда эти войска прошли, мы двинулись къ Видзамъ; но мы не остановились въ этомъ городѣ, а прошли еще три версты далѣе, по дорогѣ къ Друѣ и остановились въ одной деревушкѣ. Жара была чрезвычайная, и мы были страшно запылены. Въ деревнѣ оказался обильный колодезь со свѣжею водой, что насъ всѣхъ обрадовало. Послѣ часоваго отдыха я получилъ отъ полковника приглашеніе отправиться вмѣстѣ съ нимъ въ г. Видзы. Намъ заложили телѣгу, и мы поѣхали. Хотя прошло всего восемь дней съ тѣхъ поръ какъ мы выступили изъ Видзъ, города этого нельзя было узнать. Мы сдѣлали два или три визита офицерамъ Преображенскаго полка (Государь назначилъ для своего конвоя 1-й баталіонъ Преображенскаго полка и 1 эскадронъ Кавалергардовъ). Потомъ мы поѣхали провѣдать своихъ Видзскихъ знакомыхъ, но мы никого не нашли: Поляки и Польки, Жиды и Жидовки со своею движимостью уѣхали, и въ Видзахъ остались одни лишь пустые дома.

(Продолженіе будетъ).

ЗАПИСКИ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА МУРАВЬЕВА-КАРСКАГО *).

1821 годъ.

Начато въ Тифлисѣ, 2-го Января 1821.

На дняхъ ко мнѣ явились два артилерійскіе офицеры, подпоручикъ Рюминъ и графъ Катани, которые назначены для слѣдованія со мной къ Туркменскимъ берегамъ. Я занимаюсь съ ними и показываю имъ употребленіе секстанта и средства къ опредѣленію широты.

26-го Января былъ со мной одинъ случай, который здѣсь помѣщаю для показанія корыстолюбивыхъ нравовъ Азіатцовъ. Ко мнѣ пришелъ поутру здѣшній Аздибъ или начальникъ магометанскаго духовенства, человѣкъ занимающій важное мѣсто, съ состояніемъ, и со мной очень мало знакомый. Наговоривъ мнѣ множество учтивостей и лести самой низкой, онъ подалъ мнѣ письмо порусски писанное, которымъ просилъ меня купить для его дочери семь съ полов. аршинъ желтаго атласа на платье. Меня удивилъ сей поступокъ. Онъ не стыдился срамить дочь свою и получить отказъ отъ меня съ выговоромъ за такую просьбу. Корыстолюбіе все преодолѣваетъ въ сихъ людяхъ.

27-го числа Кіатъ-ага давалъ обѣдъ, на который приглашено было человѣкъ съ десять; но онъ никакъ изъ своего карману не рѣшился сдѣлать сего, не на счетъ положеннаго ему отъ казны содержанія—обычай Азіатцовъ. Впрочемъ должно удивляться уму и способностямъ сего человѣка, родившагося въ степяхъ.

30-го. Я обѣдалъ у И. А. Вельяминова, который, получивъ записку изъ Георгіевска отъ Алексѣя Петровича, рѣшился наконецъ отпустить офицерамъ артилерійскимъ, при мнѣ находящимся, столовыя деньги. Дѣло Кіата о сю пору еще не кончено. Вотъ уже скоро два года какъ онъ подавалъ просьбу главнокомандующему, въ которой

*) См. „Русскій Архивъ“ 1885—1887 годовъ.

онъ просилъ о возвращеніи ему денегъ отъ одного Астраханскаго Армянина, который ѣздилъ къ нимъ на берега, бралъ у него деньги и далъ ему росписку въ нихъ. Росписка при бумагѣ была послана къ Астраханскому губернатору; но о сю пору ни денегъ, ни отвѣта оттуда, хотя главнокомандующій уже три раза о томъ писалъ въ Астрахань. Вотъ порядокъ, въ которомъ находятся здѣшнія дѣла. Точно такъ писано было уже мѣсяца полтора тому назадъ къ барону Вреде въ Кубу, чтобы онъ доставилъ сюда списки садовъ и домовъ въ Дербентѣ, отобранныхъ въ казну отъ разныхъ бѣглецовъ, тамошнихъ жителей, дабы отдать садъ и домъ Петровичу; но о сю пору еще никакого отвѣта на сіе нѣтъ.

31-го. Вчера послѣ обѣда я взялъ первый урокъ Персидскаго языка.

5 Февраля. Я ходилъ смотрѣть здѣшній монетный дворъ, въ которомъ перебивается всякій годъ на наши деньги до 50000 рублей изъ серебра покупаемаго изъ Турціи.

6-го. Я былъ дежурнымъ въ здѣшнемъ благородномъ собраніи. Не могу никакъ отдѣлаться отъ общества, въ которое меня назначили директоромъ и въ которомъ я стыжусь находиться.

8-го отправился отсюда Туркменскій посланникъ Кіатъ-ага съ сыномъ своимъ Якши-Магмедомъ въ Баку. Они прощались съ И. А. Вельяминовымъ и получили порядочные подарки: отцу подарили сукна, парчи, золотыя серги и 200 червонцевъ, а сыну сукна и парчи. Петровичу же 100 червонцевъ. Но сей послѣдній оказался опять Армяниatъ. Онъ вытребовалъ себѣ прогоны на двухъ лишнихъ лошадей. Я его крѣпко бранилъ за его плутовство. Онъ уже нѣсколько разъ заставлялъ меня раскаиваться въ томъ, что я его отличалъ. Отправленіе Турменцевъ вчера не обошлось безъ шуму. Я принужденъ былъ идти жаловаться къ Вельяминову на казаковъ, которые не давали ни конвойныхъ. ни подушекъ къ сѣдламъ. Офицера за сіе арестовали, а казаковъ перепороли, и Туркменцы отправились къ 9-ти часамъ вечера.

9-го. По утру я ходилъ въ чертежную и видѣлъ новую карту Грузіи, которую Верховскій началъ составлять. Еслибъ онъ долѣе остался оберъ-квартирмейстеромъ при здѣшнемъ корпусѣ и не отлучался бы отъ нашей части по частымъ препорученіямъ, то онъ бы привелъ въ настоящій порядокъ нашу часть, находящуюся о сю пору въ большомъ упущеніи.

11-го. Я вчера получилъ письмо отъ Корсакова, по которому я долженъ совершенно терять надежду къ исполненію давнишнихъ желаній моихъ. Согласіе съ одной стороны противурѣчится несогла-

сіемъ стариковъ, которые смотрятъ весьма много на состояніе. И въ самомъ дѣлѣ, обстоятельства мои не такого рода, чтобы я могъ приступить къ исполненію сей цѣли. Разстроенныя дѣла батюшки должны меня заставить служить въ Грузіи, гдѣ я имѣю больше средствъ содержать себя.

20-го. Я ходилъ поутру въ горную экспедицію, гдѣ тамошній начальникъ Карпинскій показывалъ мнѣ собраніе древнихъ монетъ одного горнаго же чиновника Гольцова, который недавно умеръ скоропостижно. Сіе собраніе уже давно извѣстно; оно состоитъ, кажется, изъ шести сотъ медалей, въ числѣ коихъ можетъ быть до 50-ти отличныхъ.

Здѣсь случилось съ мѣсяцъ тому назадъ странное происшествіе. Вице-губернаторъ, прокуроръ и четыре совѣтника, свидѣтельствуя казначейство, нашли всѣ деньги въ цѣлости; но, спустя нѣсколько минутъ, когда они опять въ комнату казначейскую вошли, то не нашелся одинъ мѣшокъ въ 600 червонцевъ. Не знали на кого подозрѣніе въ семъ воровствѣ имѣть, потому что кромѣ сихъ чиновниковъ никто туда не заходилъ; стали примѣчать за ними и въ скоромъ времени увидѣли, что прокуроръ, не имѣвшій никогда денегъ, сталъ покупать разныя вещи и платить долги свои. Подозрѣніе пало на него; домъ его обставили часовыми и обыскали; денегъ не нашли. Онъ отвѣчалъ, что деньги даны ему были Наумовымъ, Поповымъ, Ладинскимъ и многими другими; тѣхъ подъ присягой спрашивали. Они въ самомъ дѣлѣ дали нѣсколько денегъ, и то было давно. Онъ сослался на одного артилерійскаго офицера Шарыгина, будто тотъ ему давалъ денегъ. Шарыгинъ, будучи дальній родственникъ его женѣ, хотѣлъ имъ помочь и объявилъ, что онъ точно давалъ прокурору деньги; но Шарыгинъ человѣкъ бѣдный и не имѣетъ столько достатка. Сіе подало на него подозрѣніе; его также обставили часовыми, дабы никто съ нимъ говорить не могъ, привели его къ присягѣ, и онъ сознался, что сихъ денегъ прокурору не давалъ; черезъ сіе стало открываться преступленіе прокурора, который не могъ болѣе показать, отъ кого онъ сіи деньги получилъ. Вчера его арестовали.

Вчера получено здѣсь извѣстіе о томъ, что Алексѣй Петровичъ пожалованъ орденомъ Св. Владимира первой степени. Талызинъ назначенъ къ нему въ адъютанты съ переводомъ въ молодую гвардію.

Третьяго дня прокуроръ сознался въ сдѣланномъ имъ воровствѣ и показалъ остальныхъ триста червонцевъ, зарытые имъ въ нужномъ мѣстѣ.

25-го. Пріѣхалъ отъ Алексѣя Петровича фельдъегерь, который привезъ награжденія для здѣшняго корпуса, и между прочимъ брил-

ліантовую Аннинскую звѣзду для Алексѣя Вельяминова и бриллїантовый перстень съ вензелемъ для Верховскаго.

Я былъ поутру у И. А. Вельяминова. Онъ читалъ мою записку объ отправленіи, которую я ему послалъ, былъ ею доволенъ и обѣщался все по ней исполнить. На дняхъ онъ назначилъ тоже достаточныя столовыя деньги для меня и для офицеровъ артилерійскихъ, обѣщался дать награжденіе денежное и командѣ, слѣдующей со мною. Онъ согласился на всѣ мои требованія.

16 Марта. Я принималъ поутру отъ Верховскаго инструменты, потребныя для съемки на Восточномъ берегу моря.

Ввечеру я былъ у коменданта; онъ сказалъ мнѣ, что послѣ многихъ шалостей, дерзостей и безпорядковъ учиненныхъ Шишковымъ, онъ принужденъ былъ его силою взять на гауптвахту, гдѣ онъ просидитъ долгое время. Развратное поведеніе сего человѣка не имѣетъ мѣры.

Вчера я былъ два раза у Могилевскаго за своимъ отправленіемъ. Бумаги мои еще не начали писать и не прежде какъ на будущей недѣлѣ начнутъ; а причины сему никакой нѣтъ кромы биліарда и бостона, который занимаетъ у Могилевскаго, какъ у другихъ служащихъ, большую половину дня или почти весь день и часть ночи; между тѣмъ время проходитъ, и я боюсь, чтобы опять не опоздали отправить меня. Алексѣй Петровичъ, уѣзжая отсюда, сбирался всякій день заняться Туркменскими дѣлами, и всякій день въ назначенное время я приходилъ къ нему съ Кіатомъ и Могилевскимъ. Онъ игралъ большую часть дня въ биліардъ или въ бостонъ и откладывалъ дѣло до другаго дня; наконецъ онъ уѣхалъ, не сказавъ ничего и не отдавъ даже Могилевскому бумагу, полученную имъ изъ Петербурга: утвержденное Государемъ рѣшеніе комитета Азіатскихъ дѣлъ, въ которой показаны были дѣйствія, долженствующія быть нынѣшняго года на восточномъ берегу Каспійскаго моря.

20-го. Я дѣлалъ вечеръ и прощался съ знакомыми и пріятелями. Садъ передъ моимъ домомъ былъ освѣщенъ; праздникъ былъ веселый и хорошо удался. Послѣ многихъ хлопотъ и нималыхъ затрудненій, я получилъ наконецъ свое отправленіе.

26-го числа ввечеру и долженъ былъ считать себя весьма счастливымъ, что оное еще не протянули цѣлый мѣсяцъ.

27-го числа уѣхалъ отсюда Базилевичъ въ Баку для осмотра артилеріи.

Получивъ отправленіе, я послалъ одинъ списокъ моихъ распоряженій въ случаѣ погибели къ брату Александру, одинъ отдалъ ста-

рику князю Бебутову, а одинъ оставилъ у себя, потомъ отслужилъ молебенъ и собрался въ дорогу. Я извѣстилъ тоже письмомъ Алексѣя Петровича о скоромъ отъѣздѣ моемъ изъ Тифлиса.

Второе путешествіе въ Туркменію.

Отправленіе, полученное мною отъ г.-лейт. Вельяминова, заключалось въ слѣдующемъ.

1) Свиты Его Императорскаго Величества по квартирмейстерской части г-ну полковнику и кавалеру Муравьеву. Г-нъ главнокомандующій въ Грузіи, его высокопревосходительство Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, изволилъ предположить, дабы въ теченіе нынѣшняго лѣта сдѣлать новую экспедицію къ Трухменскимъ берегамъ, какъ для пріобрѣтенія яснѣйшихъ понятій объ ихъ положеніи и удобствахъ къ какимъ-либо заведеніямъ, такъ и въ особенности для отысканія выгоднаго мѣста къ построенію крѣпости, которая Трухменскимъ народамъ, ищущимъ покровительства Россіи, могла бы служить защитою отъ ихъ сосѣдей, и вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечивать складку Россійскихъ товаровъ, по случаю предполагаемаго привлеченія къ сему мѣсту Хивинской торговли и укрытія нашихъ торговыхъ сношеній съ разными обитателями Восточныхъ береговъ Каспійскаго моря.

Употребленіе васъ въ экспедицію 1819 года доставило правительству о разныхъ поколѣніяхъ Трухменскихъ народовъ и ихъ соотношеніяхъ ко своимъ сосѣдямъ весьма полезныя и основательныя свѣдѣнія, которыя познакомили оное съ краемъ дотолѣ вообще мало извѣстнымъ. Въ семъ же случаѣ оправданныя на самомъ опытѣ отличныя ваши познанія, соединяемыя съ благоразуміемъ и ревностнымъ усердіемъ къ пользамъ службы Его Императорскаго Величества, побудили г-на главнокомандующаго въ Грузіи избрать васъ главнымъ начальникомъ для совершенія сей новой экспедиціи. Вслѣдствіе чего поручаю вашему высокоблагородію съ полученія сего отправиться въ Баку, гдѣ вы найдете въ готовности два военныя судна, назначенныя въ сію экспедицію, на которыя принявъ пѣхотную команду Бакинскаго гарнизона, назначенную въ числѣ 50 человѣкъ при одномъ офицерѣ, и изъ Ленкорана одно легкое полевое орудіе съ однимъ комплектнымъ количествомъ зарядовъ при двѣнадцати артилерійскихъ служителяхъ, имѣете немедленно отправиться къ Трухменскимъ берегамъ; причемъ для руководства вашего въ операціяхъ, предназначаемыхъ къ вашему исполненію, я нахожу нужнымъ, сообразно съ волей г-на главноуправляющаго въ Грузіи, предписать вамъ слѣдующее.

1) По прибытіи вашемъ въ Красноводскую пристань немедленно заняться съемкою Красноводской косы, сѣвернаго берега Балханскаго залива и острововъ, въ заливѣ находящихся; потомъ можете приступить къ обозрѣнію Балханскихъ горъ, на коихъ по увѣренію жителей имѣется строевой лѣсъ. Только въ семъ послѣднемъ предпріятіи, какъ долженствующемъ отдалить васъ отъ береговъ и слѣдовательно отъ прикрытія военныхъ су-

довъ, вы должны предварительно взять всѣ мѣры благоразумной осторожности и неиначе рѣшиться на сіе, какъ удостовѣрясь совершенно въ искреннихъ къ вамъ расположеніяхъ Трухменскаго народа и притомъ обезпечивъ себя благонадежными изъ почетнѣйшихъ старшинъ аманатами, кои во все то время пока продолжится обозрѣніе Балханскихъ горъ (чрезъ васъ-ли самихъ, или что̀ всего лучше, чрезъ посланнаго отъ васъ офицера подъ прикрытіемъ благонадежной воинской команды), должны будутъ оставаться на нашихъ военныхъ судахъ. Такую осторожность не худо наблюдать и во всѣхъ другихъ случаяхъ, когда обстоятельства будутъ требовать самимъ вамъ имѣть на берегу сношенія съ Трухменскими народами или посылать кого изъ офицеровъ во внутренность земли. Въ помощь же вамъ для съемокъ и употребленія въ разныя по службѣ порученія, командируются подъ распоряженіе ваше весьма отличные артилерійскіе офицеры гг. подпоручики Рюминъ и Катани, которые вмѣстѣ съ вами и должны изъ Тифлиса отправиться въ предположенную экспедицію.

2) По обозрѣніи и съемкѣ вышепоименованныхъ мѣстъ главнѣйшею обязанностію вашею будетъ избрать на оныхъ и опредѣлить одно мѣсто, наиболѣе выгодное какъ по удобству пристани, такъ и по возможности имѣть въ изобиліи хорошую прѣсную воду для построенія на ономъ крѣпости, долженствующей въ послѣдствіи помѣщать въ себѣ Россійскій гарнизонъ и разныя торговыя заведенія.

3) Когда сіи важнѣйшіе предметы нынѣшней экспедиціи будутъ вами исполнены, то не оставьте предпринять обозрѣнія Кендерлинскаго залива, острова Агизъ-Ады, а если время позволитъ, то можете также плыть на Сѣверъ и обозрѣть Александръ-Бай, Мангышлакъ, устье Эмбы и далѣе восточные берега Каспійскаго моря.

4) Командиръ военныхъ судовъ, назначенный въ сію экспедицію, долженствуетъ состоять въ совершенной отъ васъ зависимости по всѣмъ операціямъ къ исполненію вамъ предписаннымъ, исключая управленія самими судами и морской команды, какъ такихъ предметовъ, кои непосредственно относятся до морскаго начальства. Впрочемъ, для лучшаго усмотрѣнія вами всѣхъ обязанностей, возложенныхъ отъ начальства на командира военныхъ судовъ, прилагается присемъ копія съ инструкціи, ему данной.

5) Трухменскаго старшину Кіатъ-Бега съ сыномъ его, ожидающихъ васъ въ Бакѣ, не оставьте взять съ собою на суда и доставить въ мѣсто ихъ жительства. Не нужно мнѣ напоминать вамъ о ласковомъ и уважительномъ съ нимъ обхожденіи; ибо вы сами довольно знаете, какъ достоинство его, такъ и ту пользу, какой правительство ожидаетъ отъ его преданности къ Россіи. Прилагаемое при семъ письмо отъ меня на его имя имѣете лично вручить ему въ Бакѣ, съ чайнымъ погребцомъ, который получите отъ казначея г-на Майвалдова; копія же съ письма моего къ нему прилагается здѣсь для вашего свѣдѣнія.

6) При сношеніяхъ вашихъ съ главнѣйшими старшинами и даже простымъ Трухменскимъ народомъ, старайтесь ласковымъ обхожденіемъ, также

удовлетвореніемъ ихъ просьбъ, не превышающихъ вашей власти и возможности, и наипаче строгою справедливостію на случай обидъ, кѣмъ-либо изъ вашей команды имъ нанесенныхъ, поселить въ семъ народѣ добрую къ намъ вѣру, искренность и чистосердечное расположеніе къ Россійскому правительству; причемъ, если начальники разныхъ Трухменскихъ поколѣній, исключая признающихъ надъ собою зависимость Персидскаго государства, сами добровольно изъявятъ предъ вами желаніе свое принять присягу на вѣрность подданства Его Императорскому Величеству, то не отклоняйтесь отъ такого ихъ расположенія и по обычаямъ той земли приведите ихъ къ присягѣ съ приличнымъ сему случаю торжествомъ. Однако никакое съ вашей стороны настояніе о семъ, а и того меньше принужденіе не должны имѣть мѣста.

7) Равнымъ образомъ при добровольномъ же согласіи старшинъ дать въ залогъ своей вѣрности аманатовъ, можете принять двухъ или не болѣе трехъ по выбору вашему изъ почетнѣйшихъ старшинъ, или ихъ дѣтей, коихъ при возвращеніи экспедиціи возьмете съ собою для пребыванія ихъ въ Бакѣ, гдѣ назначится имъ отъ казны пристойное содержаніе. Кіатъ-Бегу по мнѣнію моему гораздо для дѣлъ нашихъ будетъ полезнѣе остаться въ мѣстѣ его жительства, дабы онъ могъ отъ Трухменскаго народа болѣе и болѣе пріобрѣтать къ себѣ довѣренности и вліянія на оный. Между тѣмъ для пріобученія Трухменцовъ признавать въ лицѣ его нѣкоторую надъ собою власть необходимо нужно, чтобы вы при сношеніяхъ своихъ съ главнѣйшими старшинами употребляли Кіатъ-Бега во всѣ дѣла, а сами бы подавали имъ примѣръ уваженія къ нему, какъ особѣ пользующейся особенною довѣренностію Россійскаго правительства, которое готово чрезъ его посредство доставлять всякія возможныя выгоды для Трухменскаго народа.

8) Принять за ненарушимое правило, дабы не только не приближаться къ Астрабадскому култуку и никого не посылать въ городъ Астрабадъ изъ ввѣренной вамъ команды, по какимъ бы то ни было порученіямъ, но даже и въ самыхъ Трухменцахъ при нынѣшнихъ нашихъ дружественныхъ связяхъ съ Персіею стараться отклонять всякія того рода покушенія, кои они по надеждѣ на покровительство Россіи вздумали бы паче чаянія предпринять, и которыя могли бы подать Персіянамъ хотя малѣйшую причину подозрѣвать въ соучастіи съ ними Россійское правительство: ибо постоянная и непремѣнная воля Государя Императора состоитъ въ томъ, дабы всемѣрно сохранять святость заключеннаго съ Персіей мирнаго трактата и поддерживать доброе согласіе съ сею державою.

9) Буде найдете кого-либо изъ Трухменцовъ человѣка вѣрнаго и скромнаго, то можете изъ одного любопытства послать его въ Хиву, для развѣданія о происходящемъ тамъ и для узнанія расположенія къ намъ Хивинскаго хана; но отнюдь съ вашей стороны не начинайте съ симъ владѣльцемъ никакихъ сношеній. Если же бы онъ самъ, свѣдавъ о нахожденіи вашемъ на Трухменскихъ берегахъ, прислалъ къ вамъ своихъ людей съ какими-либо порученіями, въ такомъ случаѣ посланныхъ примите сколь

можно ласково и, увѣривъ ихъ въ самомъ искреннемъ расположеніи г-на главнокомандующаго въ Грузіи къ ихъ хану и желаніи его всегда продолжать дружественныя съ нимъ связи, отпустите ихъ отъ себя довольными. На порученія же, какія къ вамъ будутъ, если въ нихъ заключаться будетъ важность, не отвѣтствуя ничего рѣшительнаго, отзовитесь тѣмъ только, что вы объ оныхъ представите на усмотрѣніе самого г-на главнокомандующаго; притомъ безъ затрудненія согласитесь принять на суда посланцевъ отъ Хивинскаго хана, на случай еслибы онъ самъ пожелалъ отправить таковыхъ въ Тифлисъ къ г-ну главнокомандующему. Только въ семъ случаѣ постарайтесь предварительно вывѣдать о настоящихъ причинахъ такого посольства и отклонить оное подъ благовиднымъ предлогомъ, въ случаѣ буде бы причины сіи признаны вами были несовмѣстными съ достоинствомъ имперіи, дабы избѣжать такимъ образомъ всякихъ открытыхъ неудовольствій и разрыва въ сношеніяхъ. Сверхъ того примите мѣры, чтобы посольство сіе, когда оное должно будетъ принять, не было по обычаю Азіатцевъ слишкомъ многолюдно, для отвращенія излишнихъ со стороны казны на оное издержекъ.

10) Въ разсужденіи вещей, кои изъ Астрахани на военныхъ судахъ будутъ къ вамъ доставлены, также тѣхъ, кои вами самими будутъ въ Бакѣ искуплены и 500 четвертей пшеницы, долженствующей изъ Бакинскаго магазина погрузиться на судно, я представляю употребленіе оныхъ собственному вашему усмотрѣнію, то-есть продать ихъ Трухменскому народу умѣренными цѣнами, не гонясь за прибытками казны, и нѣкоторую часть даже подарить имъ, буде по соображенію обстоятельствъ вы признаете сіе полезнымъ для будущихъ предположеній правительства.

11) Хотя по встрѣтившимся обстоятельствамъ и признано много за необходимое продолжить сію экспедицію шесть мѣсяцевъ; но какъ изъ распоряженій самого г-на главнокомандующаго, предназначавшаго было заготовленіе морской провизіи только на два мѣсяца, должно заключать о желаніи его, дабы оная безъ особенной надобности не была продолжаема, то и постарайтесь сколько возможно скорѣе, окончивъ всѣ возложенныя на васъ порученія, возвратиться съ судами въ Баку.

12) Для привлеченія тѣхъ изъ Туркменскихъ старшинъ, коихъ наиболѣе нужно къ намъ привязать, отпускается для подарковъ имъ въ ваше распоряженіе потребное количество экстраординарныхъ вещей, кои по прилагаемому присемъ реестру извольте принять отъ г-на казначея Майвалдова вмѣстѣ съ 1500 руб. сер., назначенныхъ мною для покупки вами въ Баки разныхъ вещей, нужныхъ для продажи Туркменамъ.

13) На собственное ваше содержаніе во все продолженіе экспедиціи назначается мною въ мѣсяцъ по 100 рублей, артилерійскимъ двумъ офицерамъ по 45 р., пѣхотному офицеру при воинской командѣ изъ Бакинскаго гарнизона по 30 р. и фельдшеру Степанову по 9 р., что̀ все по расчисленію на семь мѣсяцевъ составитъ 534 червонца и одинъ руб. сер. Сверхъ того отпускается вамъ экстраординарной суммы 300 червонцевъ, да на

прогоны до Баки и обратно со всѣми при васъ чиновниками 200 рублей, полагая на 15 лошадей и особо 500 червонцевъ для доставленія Бакинскому коменданту г-ну полковнику Меликову, на закупку морской провизіи. Всю сію сумму заключающуюся на 1.334 червонца и 351 р. сер., вы получите также отъ казначея г-на Майвалдова съ двумя снуровыми книгами за моимъ подписомъ, въ коихъ должны быть записываемы расходы въ отпущенной вамъ денежной суммѣ и экстраординарныхъ вещахъ.

14) Для письменныхъ дѣлъ на Татарскомъ языкѣ позволяю вамъ изъ Баки взять одного мирзу, которому совмѣстно съ переводчикомъ Муратовымъ назначите пристойное по усмотрѣнію вашему содержаніе изъ экстраординарной суммы, а въ случаѣ недостатка въ оной можете употреблять и ту сумму, которая будетъ вами выручена за продажу хлѣба и разныхъ вещей Туркменскому народу.

Въ заключеніи же мнѣ весьма пріятно присовокупить, что начальство отъ извѣстныхъ вашихъ талантовъ, предусмотрительности и ревностнаго усердія къ пользамъ службы Его Императорскаго Величества съ увѣренностію будетъ ожидать важныхъ успѣховъ отъ сей начальству вашему порученной экспедиціи и надѣется совершенно, что ваше высокоблагородіе ничего съ своей стороны полезнаго и достойнаго уваженія не упустите изъ виду, чѣмъ самымъ вящую снищите къ себѣ признательность высшаго правительства.

*

29-го Марта я выѣхалъ изъ Тифлиса. Рюминъ оставался для оканчиванія нѣкоторыхъ порученій, данныхъ ему Вельяминовымъ. Я ночевалъ того числа на Соганлугскомъ посту. Со мной были и провожали меня баронъ Унгернъ, Жихаревъ, Боборыкинъ и Соколовскій. Мы шли поздно. На разсвѣтѣ я былъ крайне удивленъ прибытіемъ Якубовича. Онъ изъ Карачагей выбылъ было на первый постъ, полагая встрѣтить меня по дорогѣ въ Кахетію; но встрѣтился съ подполковникомъ Фирсовымъ, который сказалъ ему, что я выѣхалъ изъ Тифлиса по Елисаветпольской дорогѣ. Онъ пустился меня нагонять, проѣхалъ 120 верстъ въ однѣ сутки на своемъ конѣ и нагналъ меня въ Соганлугѣ. Человѣкъ сей привязанъ ко мнѣ безъ мѣры, и всякъ, зная его любовь, долженъ дорожить ею; отличныя качества его достойны всякаго уваженія. Я простился съ Якубовичемъ, прося его выѣхать къ 10-му числу Апрѣля мѣсяца на Мингичаурскую переправу, дабы меня встрѣтить. Онъ мнѣ сіе обѣщался сдѣлать.

30-го числа я ночевалъ на Салаглинскомъ посту, гдѣ поутру 31-го числа навѣстилъ меня тамошній приставъ Казахинской дистанціи подполк. Лапинскій. Со мною ѣхалъ вмѣстѣ корпусный оберъ-священникъ протопопъ Тимоѳей, который ѣдетъ черезъ Дагестанъ на линію.

Прибывши въ Шамхоръ, я написалъ къ Елисаветпольскому окружному начальнику М. П. Пономареву записку, коей просилъ его о вы-

сылкѣ мнѣ лошадей. Онъ самъ находился въ то время въ 12-ти верстахъ отъ Шамхора, гдѣ производилъ надъ разбойниками слѣдствіе и гдѣ онъ нѣсколько дней уже занимался выживаніемъ саранчи, которая въ несказанномъ множествѣ носилась по полямъ Елисаветпольскаго округа и истребляла весь хлѣбъ, который нынѣшній годъ подавалъ хорошую надежду жителямъ своимъ урожаемъ. 2-го Апрѣля я послалъ Катани впередъ въ Елисаветполь для заготовленія мнѣ квартиры, а за нимъ и самъ поѣхалъ. Отъѣхавши половину дороги, я увидалъ Пономарева въ сторонѣ, въ полѣ, воюющаго съ саранчей и посѣтилъ его. Старикъ былъ очень радъ обнять меня, и мы вмѣстѣ поѣхали въ Елисаветполь, куда и прибыли послѣ полудня.

Я остановился у Армянскаго архимандрита въ предмѣстьѣ Килисакянтѣ и въ тотъ же день навѣстилъ домъ Пономарева, въ которомъ былъ принятъ со свойственными сему старику и его семейству ласками и доброжелательствомъ.

3-го числа поутру я занимался бумагами, писалъ къ И. А. Вельяминову, прося его прислать ко мнѣ въ Баку описаніе и смѣты строеній, предположенныхъ Ладыжинскимъ, который плавалъ по восточнымъ берегамъ моря при Екатеринѣ.

Товарищъ мой Катани оказывается славнымъ малымъ. Расторопность его, добрый нравъ и способности отличны. Онъ не даромъ былъ любимецъ генерала Базилевича.

Отобѣдавъ у Пономарева, я сходилъ къ вечернѣ въ Армянскую церковь, гдѣ служилъ мой хозяинъ архимандритъ; день сей былъ Вербнаго Воскресенья. Кромѣ шума, безпорядка и драки, которые происходили отъ прихожанъ во время служенія, мнѣ весьма не понравился обычай, знаменующій нравы Армянъ. Царскія двери были заперты, и послѣ многихъ молитвъ и обрядовъ, священникъ, говорившій проповѣдь слушателямъ, предложилъ отперетъ двери тому, кто больше дастъ за сіе денегъ, оцѣня сіе въ 8 рублей серебромъ. Аукціонъ начался. Никто больше не далъ, и какой-то старикъ, вѣрно богачъ, расщедрился, далъ 8 рублей и отворилъ двери. За нимъ весь народъ съ шумомъ и дракой ворвался въ алтарь, и тѣмъ служба и торгъ кончились.

На вечеръ Пономаревъ по старому обычаю своему назвался на праздникъ ко мнѣ или, лучше сказать, на попойку. Уважая прежнее пріятельство наше, я его позвалъ и человѣкъ 20 его пріятелей, которыхъ я въ глаза не зналъ. Всѣ были довольны, ибо всѣ перепились, и я довольно рано отдѣлался отъ сихъ гостей. Такого рода праздники напомнили мнѣ наше путешествіе съ Пономаревымъ въ 1819 году, когда и былъ свидѣтелемъ всякій день подобнаго кабака; но я уже те-

перь откупился, и будетъ съ нихъ. Срамное празднество такого рода не позволяется нами между слугами нашими; здѣсь же я долженъ былъ сдѣлать сіе, дабы меня не назвали гордецомъ, либо скрягой. Я бы и на сіе мнѣніе гостей моихъ мало посмотрѣлъ, еслибъ не хотѣлъ сдѣлать удовольствіе Пономареву.

5-го пріѣхалъ сюда изъ Баку инженеръ-генералъ-маіоръ Хотяевъ, который, осмотрѣвъ свой округъ, возвращается въ Тифлисъ.

7-го прибылъ сюда изъ Карабага маіоръ Дистерло съ женой и дѣтьми, которыхъ онъ хочетъ окрестить въ лютеранскую вѣру въ Нѣмецкой колоніи. Батюшка нашъ отстаетъ отъ насъ; онъ святилъ здѣсь вновь сооруженную церковь, во имя Захарія и Елисаветы, и остался погулять на праздникахъ.

8-го числа я выѣхалъ изъ Елисаветполя, дабы избѣжать праздника, который опаснѣе тамъ чѣмъ въ другихъ мѣстахъ по множеству любящихъ старые обряды, какъ-то цѣлованье и пьянство. Я прибылъ ночевать на первую станцію Куракчай, откуда генералы Мадатовъ и Базилевичъ только-что выѣхали. Первый изъ нихъ ѣздилъ для обозрѣнія трехъ ханствъ, ему ввѣренныхъ, а второй для смотра артилеріи.

Пріѣхавъ рано на станцію, я ходилъ въ тотъ же вечеръ на охоту съ ружьемъ, видѣлъ множество дичи; но не удалось ни по одной изъ нихъ выстрѣлить; дичь же, водящаяся въ тѣхъ мѣстахъ, есть джейраны, олени, фазаны, куропатки, зайцы, лисицы, шакалы, кабаны, иногда встрѣчаются и барсы. Стоя въ кустахъ, какой-то звѣрь пробѣжалъ мимо меня; я не могъ его видѣть за густотою березы, но по шуму, съ которымъ онъ пробѣжалъ, и по топоту ногъ его я полагалъ, что то долженъ былъ быть немалый звѣрь.

9-го. Армянинъ, высланный отъ Пономарева, выставилъ лошадей только на Кургулачаѣ, а на Куракчаѣ и не показался. Я послалъ на Кургулачай, чтобы его съ лошадьми привели на Куракчай, и самъ поѣхалъ; встрѣтивъ его, связалъ и велъ пѣшаго на веревочкѣ до самаго Мингичаура; на станціяхъ же сажалъ его въ колодки. Неповиновеніе жителей къ начальникамъ сихъ областей невѣроятно; причиною же сему безпечность и корыстолюбіе нашихъ, угнетающихъ бѣдныхъ и не обращающихъ вниманія на проступки богатыхъ.

10-го числа, въ день Воскресенія Христова, я выѣхалъ изъ Мингичаура и переправился черезъ Куру. Нухинскій комендантъ Старковъ выставилъ для меня тутъ лошадей и послалъ со мной сына одного старшины до границы Ширванской.

12-го меня нагналъ князь Мадатовъ, который ѣхалъ изъ Нухи въ Ширвань. Онъ посадилъ меня въ коляску и довезъ до Новой Шемахи, гдѣ мы ночевали въ деревнѣ Татарской, отстоящей на три версты отъ

поста. Тутъ мы нашли Макаева, пристава Ширванской области, Грузина, необтесаннаго, необразованнаго, безграмотнаго, который держится различными неправдами на своемъ мѣстѣ. По изгнаніи Мустафы-хана изъ его богатыхъ владѣній, Армяне и Грузины, жадные къ деньгамъ, заняли всѣ мѣста до управленія касающіяся; насиліе, воровство и грабежъ водворились въ ханствѣ. Одна казна получаетъ ежегоднаго дохода отъ Ширванскаго ханства 125000 червонцевъ; но народъ обремененъ тяжелыми податьми и угнетенъ откупщиками. Всѣ возможныя рукодѣлія, промыслы и занятія платятъ величайшіе откупа; при ханѣ даже женщины были на откупу, и когда нѣкто изъ жителей хотѣлъ жениться или взять наложницу, то онъ платилъ откупщику деньги. За дѣвку цѣна откупная была выше чѣмъ за женщину.

Прибывъ въ вышеупомянутую деревню и найдя кругъ подлыхъ людей, въ который я попался, я бы не медлилъ ни минуты оставить оный; но мнѣ хотѣлось чрезвычайно видѣть городъ Фитдагъ, новую столицу хана, и потому я рѣшился потерпѣть сутки.

Мадатовъ, представлявшій изъ себя вѣчно шута въ Тифлисѣ, мнѣ очень нравился своими сужденіями въ семъ мѣстѣ, гдѣ ему не было никакой нужды представлять шута. Онъ судилъ здраво и основательно.

13-го числа я отправилъ вьюки съ Катани по большой дорогѣ и самъ поѣхалъ съ Мадатовымъ въ Фитдагъ. Мы ѣхали чудесными мѣстами, обработанными, плодоносными, орошенными свѣжими водами. Гористыя мѣста сіи заслуживаютъ вниманія: они единственны красотою и богатствами своими. Переѣздъ былъ 40 верстъ; мы все поднимались къ Кавказскимъ горамъ и пріѣхали къ подошвѣ скалы, на которой построенъ Фитдагъ. Въѣздъ чрезвычайно трудный; около трехъ верстъ дорога идетъ извилинами по скалѣ и очень крута; на вершинѣ же стоитъ, среди вѣчныхъ тумановъ, ханскій бывшій за̀мокъ. Онъ выстроенъ на подобіе всѣхъ домовъ вельможъ въ Персіи, извѣстныхъ въ прежнихъ описаніяхъ моихъ. Пестрая живопись, безъ вкуса и безъ знанія, яркими цвѣтами своими поражаетъ пріѣзжаго, и весь уборъ дворца сего, почитающійся у Азіатцевъ пышнымъ, можетъ назваться бѣднымъ и страннымъ. Самый городъ Фитдагъ лежитъ нѣсколько пониже за за̀мкомъ и весь въ виду съ верху. Онъ дурно выстроенъ и состоитъ весь изъ лачугъ.

14-го я отправился изъ Фитдага, гдѣ провелъ время весьма непріятно и скучно; спустился съ горъ и пріѣхалъ въ Старую Шемаху. Я ѣхалъ мѣстами несравненно лучше тѣхъ, которыя ведутъ изъ Новой Шемахи въ Фитдагъ. Сады, луга, воды все было прелестно и, можно даже сказать, единственно. Правительство наше хочетъ перевести жителей Фитдага въ Старую Шемаху и населить снова древнія развалины и величественныя зданія прежней столицы Ширвана;

но жители охотно желаютъ населить Новую Шамаху, дабы быть среди своихъ кочевыхъ единоплеменниковъ. Они не постигаютъ своихъ выгодъ, и правительство понудитъ ихъ къ переселенію въ старый городъ, гдѣ воздухъ гораздо здоровѣе, чѣмъ въ новомъ. Перемѣнивъ лошадей, я слѣдовалъ далѣе и прибылъ ввечеру на Морозинскій казачій постъ, гдѣ меня Катани со вьюками дожидался.

16-го я пріѣхалъ въ Баку и остановился на той же квартирѣ, на которой прежде съ Пономаревымъ стоялъ. Я обѣдалъ у коменданта Меликова. Суда, назначенныя для отплытія со мной, еще не прибыли изъ Астрахани, и полагаютъ, что они не прежде 10-го числа будущаго мѣсяца сюда прибудутъ. Корветъ за нѣсколько дней до прибытія моего сюда отплылъ въ Сару. Онъ такъ сдѣлался худъ, что не въ состояніи болѣе плыть, и потому ни Басаргина, ни его офицеровъ никого здѣсь не было. Одинъ отецъ Тимоѳей только здѣсь находился. Остолоповъ, командиръ шкоута «Св. Поликарпъ», женился на дочери таможеннаго начальника Александровскаго и находится здѣсь, ожидая полученія отставки.

17-го пріѣхалъ сюда г.-м. Базилевичъ изъ Кубы. Я провелъ три дня съ нимъ вмѣстѣ. Онъ мнѣ во все время пребыванія здѣсь также нравился, какъ и въ Тифлисѣ. По пріѣздѣ сюда я взялъ къ себѣ опять въ мирзы или письмоводители для Турецкаго языка здѣшняго жителя Магмедъ-Гуссейна, который съ Пономаревымъ былъ въ 1819 году въ Туркменіи. Для конвоированія моего въ Туркменію отправляется со мной 50 человѣкъ здѣшняго гарнизона, а также прапорщикъ Кузьмичукъ, который со мной ходилъ въ 1819 году.

18-го я былъ посѣщенъ всѣми властями здѣшними, которыя немало надоѣдали мнѣ, но которыхъ должно было принять. Послѣ обѣда я ѣздилъ съ Базилевичемъ на огни. Я заходилъ въ кельи къ Индѣйцамъ, у которыхъ горѣлъ во всякой комнатѣ огонь. Пламя, поднесенное къ отверстіямъ трубъ, проведенныхъ въ комнаты, зажигало испареніе водотворнаго газа, изъ оныхъ исходящее. Я видѣлъ нынѣшній разъ ихъ образа̀. Мнѣніе, что они поклоняются идоламъ, совершенно ложно: они къ нимъ имѣютъ тоже уваженіе какъ и мы къ образамъ и видятъ въ нихъ только изображеніе божества. Богъ изображается у нихъ куклой, наряженной въ парчевомъ платьѣ, сидящей на престолѣ вышиною въ полфута. Кукла сія поставлена въ углу комнаты на небольшомъ подножьѣ и завѣшена занавѣсью; она окружена разными вещёнками, вышитыми шелкомъ и выкрашенными довольно пестро, которыя они называютъ изображеніями святыхъ угодниковъ. Весь сей столикъ величиною въ $1\frac{1}{2}$ фута квадратныхъ и довольно схожъ на лавку съ дѣтскими игрушками. Передъ симъ столикомъ стоятъ два коло-

кольчика и раковина съ двуми отверстіями. Они дуютъ въ нее и, производя звукъ, подобный мычанію быка, сзываютъ другъ друга на молитву. Огню они не поклоняются, а видятъ въ немъ одно изъ началъ всѣхъ вещей въ природѣ и считаютъ его за самое лучшее и чистое созданіе Бога. Они варятъ на семъ огнѣ и освѣщаются имъ, что̀ ясно доказываетъ, что они не разумѣютъ въ немъ Создателя. Извѣстіе сіе я узналъ отъ старосты ихъ, Индѣйца, который, живучи уже нѣсколько лѣтъ въ Астрахани, выучился порядочно говорить порусски. Когда Индѣйцы подносятъ огонь для зажженія онаго на жертвенникѣ, стоящемъ среди двора керванъ-сарая, въ которомъ они живутъ, то они произносятъ очень скоро и часто: «брамъ, брамъ, брамъ, брамъ» нараспѣвъ. Я заходилъ въ келью одного Индѣйца, котораго я видѣлъ въ прошломъ году голаго, сидящаго надъ огнемъ. Онъ также былъ и нынче совершенно голый; дѣтородныя части однѣ только были подвязаны въ небольшомъ кошелькѣ. Изнуренное, высохшее тѣло его показывало мученика. Онъ былъ запертъ въ кельи; я отворилъ ее, онъ выбѣжалъ и съ бѣшенствомъ началъ ругаться за то, что я взошелъ къ нему. Сидя такимъ образомъ уже шесть лѣтъ въ заперти, онъ помѣшался. Я удивился, какимъ образомъ люди могутъ жить такъ долго въ нуждѣ и въ праздномъ положеніи. Онъ ничего не имѣетъ въ своей кельи кромѣ огня, который вѣчно горитъ среди оной на земляномъ полу. Другаго я видѣлъ, который готовился въ священное званіе; у него было продѣты въ оба уха два большіе деревянные блока, имѣющіе въ поперечникѣ до 3 дюймовъ и въ толщинѣ до $^1/_2$ дюйма. Самаго первосвященника ихъ въ то время тутъ не было. Волосы на головѣ имѣютъ 4 аршина длины.

19-го. Мы всѣ обѣдали у плацъ-маіора, а послѣ обѣда ѣздили на транспортъ, содержащій здѣсь брандвахту. Имъ командуетъ лейтенантъ Юрьевъ, Семенъ Михайловичъ, братъ того, который былъ съ нами въ экспедиціи 1819 г. Того же числа поутру я ходилъ съ Базилевичемъ на Дѣвичью башню, построенную въ отдаленныхъ временахъ на берегу моря. Она имѣетъ до 20-ти саженъ въ вышину и до 5-ти въ поперечникѣ. Неизвѣстно, кѣмъ она построена; она служитъ теперь маякомъ для судовъ, плывущихъ въ Бакинскій заливъ.

Теперь бываетъ у меня съ утра до вечера Кіатъ, который несказанно обрадованъ моимъ прибытіемъ. Онъ встрѣчалъ меня и обнялъ съ душевною радостью. Переводчикъ Петровичъ еще не прибылъ; онъ просрочилъ отпускъ свой въ Дербентѣ, и я принужденъ былъ писать къ тамошнему коменданту Бухвостову, чтобы его выслали ко мнѣ.

20-го поутру очень рано, Базилевичъ уѣхалъ отсюда на Старую Шемаху. Я обѣдалъ у Александровскаго, таможеннаго началь-

ника. Я тамъ свидѣлся и разговаривалъ съ человѣкомъ, котораго я всѣ эти дни у коменданта встрѣчалъ—Алексѣемъ Өедоровичемъ Каминскимъ. Онъ присланъ сюда изъ Оренбурга для слѣдственнаго дѣла надъ таможней Бакинской. Онъ говорилъ, что у нихъ было извѣстно о моей поѣздкѣ въ Хиву, что въ тоже самое время былъ посланъ отъ ихъ главнокомандующаго Эссена чиновникъ переодѣтый въ Хиву, котораго шесть мѣсяцевъ держали въ заперти, стращали смертью и наконецъ выпустили. Сей чиновникъ былъ въ Хивѣ въ одно время со мною. Его оттуда вывезли ночью, дабы онъ не видалъ города. Сей самый чиновникъ говорилъ мнѣ о посольствѣ въ Бухарію, отправившемся подъ предводительствомъ Негри; отрядъ изъ 400 человѣкъ и двухъ орудій состоящій провожаетъ ихъ. Негри, говорятъ, чрезвычайно боится; заготовленія же ихъ въ дорогу были огромны.

22-го. Я ходилъ по крѣпостной стѣнѣ и заходилъ въ развалины шахскаго дома и мечети, подлѣ него выстроенной. Я дивился красотѣ и величію сихъ развалинъ, служащихъ памятниками пышнаго владѣльца. Нельзя почти повѣрить, чтобы зданія сіи были произведенія Азіатцевъ. Искусно выведенные своды и подписи, высѣченныя съ отличнымъ радѣніемъ на камняхъ, показываютъ опытныхъ ,и знающихъ зодчихъ.

23-го. День святаго Георгія. Здѣшніе маіоры придрались къ крестику въ полукругѣ, который въ календарѣ былъ и все утро надоѣдали мнѣ. Скучныя поздравленія сіи продолжались до вечера: мнѣ ничего не дали дѣлать, и къ вечеру я могъ только спастись отъ нихъ въ банѣ у плацъ-маіора.

24-го придрались къ Воскресенью и также все утро ничего мнѣ не дали дѣлать. Ввечеру я былъ на транспортѣ и смотрѣлъ удобства сего судна для вмѣщенія тяжестей и команды, принадлежащихъ къ нашей экспедиціи. Вчера Кіатъ меня удивилъ своею искренностію. Ему хотѣлось признаться, а между тѣмъ признаніе сіе ему тяжело было; наконецъ онъ рѣшился и сознался мнѣ, что когда я изъ Красноводска отправлялся въ Хиву и сторговался съ Сеидомъ за 40 червонцевъ, то онъ попользовался изъ сего числа 6-ю и Петровичъ 6-ю, что у нихъ дѣло сіе было прежде сговорено. И такъ въ самое время отправленія моего я былъ уже почти проданъ, и кѣмъ же? Тѣми людьми, на которыхъ я долженъ былъ всего больше надѣяться. Петровичъ—сущій Армянинъ. Кіатъ признался мнѣ и просилъ у меня прощенія. Я велѣлъ ему раздать сіи шесть червонцевъ бѣднымъ, и онъ съ удовольствіемъ принялъ сіе на себя, говоря, что онъ уже больше шести червонцевъ раздалъ, но и еще сіи шесть раздастъ.

27-го. День рожденія великаго князя Константина Павловича; здѣшніе герои опять всѣ перебывали у меня и отняли у меня все утро.

27-го. Я ходилъ купаться въ морѣ. Ввечеру пріѣхалъ изъ Дербента Петровичъ. Разспросивъ обстоятельно объ его поведеніи, я узналъ, что онъ дѣлалъ разныя мерзости. Первая была та, что, получивъ въ Тифлисѣ содержаніе на 10 человѣкъ, по пріѣздѣ сюда содержалъ ихъ только восемь, требовалъ отъ коменданта здѣшняго содержанія на Туркменовъ и выгадалъ тѣмъ за тѣ два дня содержаніе, т.-е. 10 рубл. сер. Послѣ того, получивъ здѣсь содержаніе на 12 дней, онъ только выдалъ Кіату на 10 дней, что̀ ему составило еще 10 рубл. сер. Онъ просрочилъ время отпуска своего. Сіи мерзости и еще многія другія были причиною, что я его посадилъ на гаубвахту, гдѣ я намѣренъ его порядочно выморить.

30-го Апрѣля ввечеру я велѣлъ выпустить съ гаубвахты Петровича. Онъ признался въ деньгахъ, которыя отъ Кіата взялъ во время отправленія въ Хиву; только я узналъ отъ него сіе дѣло иначе: изъ 40 червонцевъ, за которые сторговался съ Сеидомъ, Кіатъ ему Сеиду далъ ихъ только двадцать, себѣ же взялъ 12, а Петровичу 8. Въ сей чертѣ обнаруживается нравственность Туркменовъ и Армянъ.

1-го Мая я пущалъ пробныя ракеты изъ приготовляемыхъ для моей поѣздки на Туркменскіе берега; они удались очень хорошо.

2-го я былъ ввечеру у плацъ-маіора, чтобы не возродилась у этихъ людей мысль, будто я отъ гордости съ ними не знаюсь. Саранча, которая здѣсь было завелась на поляхъ и истребляла хлѣбъ, вся погибла на сихъ дняхъ отъ холода и дождя. Въ Эриванской области, не далеко отъ Эчміадзинскаго монастыря, есть одинъ колодезь, около котораго живутъ особаго рода дрозды; когда саранча истребляетъ поля, то жители отправляются къ сему колодцу, покупаютъ за большія деньги нѣсколько чашъ сей воды у Персіянъ и, привезя ее на свои поля, выливаютъ ее; за сей водой прилетаютъ большія стада сихъ скворцовъ, которые истребляютъ саранчу. Я самъ не видалъ сихъ птицъ, но говорятъ, что онѣ сѣроватаго цвѣта и имѣютъ на крыльяхъ перья розоваго цвѣта. Въ Ширванѣ въ нынѣшнемъ году много сихъ птицъ.

3-го пріѣхалъ сюда ввечеру изъ Елисаветполя отецъ Петръ, который пѣнялъ мнѣ, что я не дождался въ Елисаветполѣ праздниковъ, говоря, что весело было до крайности: ѣли и пили славно и наплясались до-сыта.

5-го я получилъ при летучей картѣ бумаги отъ И. А. Вельяминова. Онъ прислалъ ко мнѣ описанія и смѣты маіора Ладыжинскаго и предписаніе къ коменданту и капитанъ-лейтенанту Николаеву, дабы

они снеслись между собою о продовольствіи людей, имѣющихъ быть на судахъ, и чтобы послѣдній, т.-е. Николаевъ, довольствовалъ бы всю эскадру своимъ провіантомъ изъ Саринскаго магазейна.

Ссора и раздоръ поселились со вчерашняго дня между моимъ мирзой и Петровичемъ. Дабы взбѣсить мирзу, алчнаго какъ всякій Азіатецъ къ деньгамъ и пристающаго ко мнѣ нахально, чтобы я ему денегъ много далъ, я поздравилъ Петровича при мирзѣ съ 20-ю червонцами въ мѣсяцъ, будто назначенными ему отъ Вельяминова на столовыя издержки. Мирза повѣрилъ и съ тѣхъ поръ при мнѣ все ссорится съ Петровичемъ; за моими же глазами подличаетъ передъ нимъ и проситъ у него покровительства.

8-го я получилъ по летучей картѣ предписаніе отъ Вельяминова-старика, коимъ онъ увѣдомляетъ, что предписалъ согласно требованію моему барону Вреде въ Кубу прислать мнѣ изъ своей бригады восемь палатокъ для команды, которая отплываетъ со мной; также онъ предписалъ въ Дербентъ инженерной командѣ о выдачѣ мнѣ нужнаго шанцеваго инструмента. Вчера внезапно умерла здѣсь отъ родовъ жена почтмейстера Жданова, оставивъ большое семейство.

9-го. Вчера ввечеру, легши въ постель, я услышалъ на карнизѣ въ своей спальной шорохъ, продолжавшійся довольно долго; я полагалъ, что щекатурка сыпалась отъ потолка на бумагу, тутъ лежащую. Я всталъ и, высмотрѣвъ всѣ углы, увидѣлъ сороконожку, которая по стѣнѣ вверхъ ползла и укрылась въ щелку. Я въ первый разъ видѣлъ сіе противное и опасное насѣкомое. Его можно причислить къ ядовитымъ змѣямъ; оно длиною въ четверть аршина, толщиною съ большаго червяка и имѣетъ множество короткихъ ногъ, проворно ползаетъ, похоже на змѣю и бросается также какъ змѣя, дабы ужалить, если ее тронешь. Тѣло и ноги не имѣютъ пуху, но гладки и такого же рода какъ у лягушекъ. Вчерашнюю убили.

10-го. Я ходилъ ввечеру прогуливаться въ садъ одного Армянина Григорьева, единственный садъ, который въ Бакѣ имѣется. Онъ разведенъ за Армянскимъ форштадтомъ, не великъ, но будетъ довольно хорошъ. Но издержки потребныя на разведеніе и содержаніе сего сада превосходятъ выгоды отъ него получаемыя, и хозяинъ занимается имъ только для своего удовольствія по охотѣ своей къ садоводству, наживъ себѣ отъ торговли Персидской хорошее состояніе. Весь садъ наполняется водой изъ одного колодца, изъ котораго вода добывается посредствомъ кожаннаго мѣшка, достающаго по 25 ведеръ воды въ одинъ разъ и выливающаго ее въ бассейнъ, къ которому проведены водопроводы. Колодезь глубокъ, онъ имѣетъ до 8 или 10-ти саженъ глубины. Простая машина, которою достается вода изъ колодца въ

большомъ количествѣ, скоро движется посредствомъ одной лошади.

13-го. Я получилъ письмо изъ Россіи. Меня извѣщаютъ между прочимъ о выѣздѣ Алексѣя Петровича изъ Петербурга въ Лайбахъ къ Государю около 1-го числа Апрѣля.

Здѣшній командиръ гарнизоннаго баталіона маіоръ Кандауровъ давно уже, съ самаго прибытія моего, повадился ходить ко мнѣ всякое утро и всякій вечеръ и, докучая мнѣ глупѣйшими разговорами, не даетъ ничего дѣлать. Калитка моя запирается накрѣпко отъ всѣхъ гостей, и особливо отъ него, а часовому приказано не пускать его. Не взирая на то, онъ врывался ко мнѣ, когда отворялась калитка для впущенія смѣны. Часовой не смѣлъ не пущать его, боясь наказанія. Нынче онъ нашелъ новую дорогу: идя по стѣнѣ городской, онъ пробирается по крышамъ ко мнѣ. И тутъ нашлось средство: я снималъ лѣстницу, приставленную съ моего двора, и онъ оставался на крышѣ. Вчера особливо, возвращаясь домой ввечеру, мнѣ сказали, что Кандауровъ стережетъ меня на крышѣ сосѣда. Не могши войти въ комнату, я принужденъ былъ бѣжать изъ дома какъ отъ чумы. Онъ видѣлъ сіе, но не перестаетъ докучивать, и по старому будетъ продолжать врываться на крыши сосѣдей.

15-го. Я получилъ изъ Кубы восемь палатокъ для своего отряда. Лейтенантъ Остолоповъ получилъ предписаніе отъ эскадроннаго командира удовольствовать отрядъ морской провизіей изъ Бакинскаго морскаго магазейна. И такъ по прибытіи судовъ кажется, что не должно быть остановки въ моемъ отправленіи. Ввечеру я допустилъ Кандаурова до меня и удовлетворилъ его, позволивъ ему долго и много поговорить; но за то онъ теперь опять будетъ долгое время ходить ко мнѣ по крышамъ безъ всякаго успѣха.

16-го я досталъ себѣ клавикорды отъ Квитковскаго, здѣшняго таможеннаго чиновника; онѣ всѣ были въ несчастномъ положеніи. Я исправилъ ихъ и теперь могу съ удовольствіемъ провести вечеръ, занимаясь музыкой.

17-го. Вчера приплыло сюда изъ Решта пятеро Индѣйцевъ, путешествующихъ уже годъ изъ своего отечества къ Бакинскимъ огнямъ.

Ввечеру я ходилъ смотрѣть ученіе команды назначенной къ отплытію со мной. Кандауровъ выбралъ, кажется, самыхъ плохихъ, старыхъ и слабыхъ людей въ мой отрядъ; они понятія не имѣютъ о выправкѣ и ученіи. Къ сему клонились безпрерывныя и несносныя посѣщенія его и услуги. Послѣ того я ходилъ смотрѣть борьбу здѣшнихъ жителей и удивлялся ловкости, силѣ и искусству нѣкоторыхъ борцовъ.

20-го я получилъ письмо отъ Базилевича изъ Тифлиса, коимъ онъ увѣдомляетъ меня объ слухахъ ходящихъ про Алексѣя Петровича, что онъ будетъ начальствовать 80,000 корпусомъ въ Италіи; также, что половина гвардіи выступила въ походъ

25-го я не могъ глазъ сомкнуть во всю ночь по причинѣ жару и мошекъ, которые начинаютъ становиться очень сильными въ Бакѣ. Вставши до разсвѣта, я ходилъ смотрѣть ученіе моего отряда. Люди поправляются и, имѣя сильную охоту идти со мной, прилежны.

27-го я дѣлалъ ученіе артилеристамъ идущимъ со мной; никто изъ нихъ своего дѣла не знаетъ, и всякій боится орудія. Фейерверкеръ, командуя орудіемъ, сталъ передъ нимъ въ самое время выстрѣла и былъ обожженъ порохомъ порядочнымъ образомъ. Я вчера дѣлалъ пробу надъ верблюдами, примѣнялъ ихъ къ орудію, впрягъ, и они повезли орудіе очень хорошо. Въ Туркменіи мнѣ не будетъ другаго средства возить орудіе свое и тяжести какъ на верблюдахъ. Въ скорыхъ движеніяхъ передніе верблюды не могутъ служить; они слишкомъ вялы для сего; но я доказалъ вчерашнимъ опытомъ вопреки обыкновеннаго мнѣнія, полагающаго невозможнымъ все то что̀ въ первый разъ дѣлается, что верблюды могутъ очень хорошо орудія возить.

Вчера я отпустилъ Петровича въ домовой отпускъ въ Дербентъ на 17 дней сроку.

28-го былъ у меня одинъ иностранецъ, пріѣхавшій сюда третьяго дня. Имя его Черфало. Онъ шкиперъ, родомъ съ острова Занта, семи островов. Онъ ѣздилъ по всему свѣту и теперь пріѣхалъ сюда изъ Индіи черезъ Багдадъ и Персію, ѣдетъ черезъ Астрахань въ отечество—Грекъ въ родѣ Армянина, говоритъ дурно по-французски, и кажется, неважнаго происхожденія. Онъ называетъ себя родственникомъ Каподистріи и если съ нимъ увидится, то будетъ, также какъ и его земляки, пользоваться большимъ жалованьемъ при хорошемъ мѣстѣ отъ насъ, и онъ пріумножитъ число непотребныхъ иностранцевъ, преимуществующихъ при денежныхъ мѣстахъ въ нашемъ отечествѣ.

29-го приплылъ сюда изъ Сары транспортъ, содержавшій здѣсь брандвахту. На немъ прибылъ эскадронный командиръ Семенъ Александровичъ Николаевъ нарочно для отправленія и осмотра судовъ, долженствующихъ изъ Астрахани прибыть. Съ нимъ прибылъ и бывшій командиръ морской артилеріи на корветѣ лейтенантъ Линицкій.

30-го. Былъ у меня Николаевъ и сынъ его, котораго онъ посылаетъ въ экспедицію на Туркменскіе берега.

31-го. Я дѣлалъ ученіе артилеристовъ своихъ изъ пушки ядрами въ цѣль. Изъ восьми пять попало въ мишень. Я не надѣялся на

такое удачное ученіе отъ гарнизонныхъ, которые уже давно не приступались къ орудіямъ.

1 Іюня я выводилъ дивизіонъ свой къ сдѣланной мишени и пріучалъ людей къ стрѣльбѣ въ цѣль глиняными пулями; стрѣляли довольно хорошо и гораздо лучше того чего можно было ожидать отъ людей непривычныхъ къ своему дѣлу.

2-го я обѣдалъ на транспортѣ у лейт. Юрьева, послѣ чего ѣздилъ на гребномъ суднѣ къ затопленному керванъ сераю, о которомъ я упоминалъ въ первомъ путешествіи своемъ въ Баку. Керванъ-серай сей нынѣ всякій годъ показывается болѣе изъ воды; море понижается, и въ теченіе восьми лѣтъ онъ уже около аршина показался; жители не знаютъ по преданіямъ своимъ когда строенія сіи были затоплены.

6-го, ввечеру, я ходилъ пѣшкомъ со своими и морскими офицерами въ Шихову деревню, которая лежитъ на берегу моря въ семи верстахъ отсюда на Югъ; назадъ же мы возвратились на катерѣ шкоутномъ, который насъ дожидался въ Шиховой деревнѣ. Мы прибыли на транспортъ поздно и остались тамъ ночевать. Шихова деревня замѣчательна по мечети имѣющейся въ ней. Мечеть сія выстроена чрезвычайно хорошо и нравилась бы красотой своей, правильностію и вкусомъ въ Европѣ. Она построена изъ большихъ точеныхъ камней. Минаретъ имѣетъ болѣе десяти саженей въ вышину. Рѣзная работа на камняхъ удивительная; въ мечети похоронена дѣва, коей тѣло изъ Гиляна привезенѣ и которую мусульмане называютъ святой. Ей приписываютъ много чудотворныхъ свойствъ въ изцѣливаніи больныхъ; женщины безплодныя тоже отправляются на богомолье въ сію мечеть и, переночевавъ въ ней, возвращаются къ мужьямъ своимъ беременныя. Много могильныхъ памятниковъ окружаютъ сію мечеть; между прочими надгробный памятникъ Фетъ-али-хана Дагестанскаго, котораго тѣло было отрыто до пришествія Русскихъ и отвезено въ Персію. Деревня состоитъ изъ десяти дворовъ, поселенныхъ въ обширныхъ развалинахъ большой деревни. Видъ страненъ и печаленъ: каменья грудами лежатъ между скалами и моремъ; никакая зелень не оживляетъ сего печальнаго зрѣлища.

Идучи дорогой съ Шиховой деревни, я останавливался смотрѣть нефтяные колодцы, изъ которыхъ одинъ находится въ морѣ около берега. Нефть набирается въ деревянный срубъ, поставленный въ водѣ.

10-го. Въ день рожденія Н. Н. М. я ожидалъ непремѣнно радостнаго извѣстія, и въ самомъ дѣлѣ судно казенное, изъ Астрахани плывущее, показалось на горизонтѣ моря.

11-го къ вечеру прибыли сюда мои суда изъ Астрахани: транспортъ «Кура» и пакетботъ. Командира послѣдняго судна, кап.-л. Рать-

кова я довольно поздно видѣлъ у Вартанга; онъ былъ такъ пьянъ, что съ трудомъ могъ на ногахъ стоять.

13-го поутру явился ко мнѣ Ратьковъ. Онъ былъ въ хорошемъ положеніи. Суда прибывшія сюда не привезли провіанта. Сіе нѣсколько затрудняетъ наше отправленіе, ибо они запасены только на три мѣсяца на свою команду; посему Николаевъ вступилъ въ сношеніе съ комендантомъ, дабы замѣнить недостатокъ въ морской провизіи другими съѣстными припасами. Морскіе чиновники довольно медленно готовятся и задерживаютъ тѣмъ мое отправленіе. Лейтенантъ Ладыжинскій, командиръ транспорта, смѣняется лейтенантомъ Юрьевымъ.

Вчера, 20-го, прибѣжалъ ко мнѣ одинъ Татаринъ, который въ сосѣдствѣ нашемъ живетъ и бросился къ ногамъ моимъ просить защиты, дабы я ему возвратилъ жену его. Онъ самъ безъ малаго полоумный, слѣпой и въ лицѣ имѣетъ нѣчто звѣрю подобнаго, впрочемъ здоровый, хотя и отвратительный мужчина лѣтъ 33. Жена его ребенокъ лѣтъ 12 или 13. Аббасъ, мужъ ея вышеописанный, часто бивалъ ее; на сихъ же дняхъ, пришедши домой, спросилъ плову. Жена его плову не изготовила, онъ началъ ее бить, на крикъ ея мать прибѣжала и увела дочь свою. Аббасъ же огорченъ крайне симъ случаемъ, потому что лишился, можетъ быть, какихъ нибудь золотыхъ украшеній, бывшихъ на шеѣ у жены его. Онъ просилъ меня, чтобы я далъ ему солдата, которому онъ хотѣлъ показать жительство своей жены, дабы онъ ее насильно привелъ назадъ. Я посылалъ его къ плацъ-маіору. «Дай мнѣ денегъ, говорилъ онъ: къ плацъ-маіору безъ денегъ ходить нельзя». Наконецъ я его уговорилъ идти и не знаю, чѣмъ сіе дѣло кончилось. Вотъ примѣръ здѣшнихъ браковъ, обхожденія съ женами и корыстолюбія.

23-го. Случилось со мною происшествіе довольно непріятное. Я былъ посѣщенъ Остолоповымъ, который началъ увѣрять меня, что бараны, о которыхъ уже нѣсколько разъ дѣло было, были украдены въ 1819 году съ острова Огурчинскаго не его людьми. Остолоповъ ссылался на Кузмичука, который тогда находился на его суднѣ. Такъ какъ и прежде сего Остолоповъ на него ссылался, я спрашивалъ Кузмичука, который сказалъ мнѣ, что пять барановъ точно было привезено съ Огурчинскаго; но на Огурчинскомъ бараны пасутся всегда одни безъ пастуховъ, и потому бараны сіи, выходитъ, краденые. Когда я сказалъ Остолопову, что Кузмичукъ видѣлъ привезенныхъ съ Огурчинскаго барановъ, онъ сталъ выражаться сильными бранными словами на его счетъ. Къ тому времени пришелъ ко мнѣ Иванъ Степановичъ Линицкій пьяный и сталъ жаловаться на дурное мнѣніе, которое начальство имѣетъ о морскихъ офицерахъ, полагая ихъ торгашами

(что совершенно справедливо). Онъ очень огорчился выговоромъ, который получилъ Басаргинъ за многіе поступки его, описанные въ моемъ журналѣ 1819 года и, ссылаясь на меня, вышелъ изъ должнаго уваженія. Я сперва принялъ его слова въ шутку, такъ какъ и всегда принималъ; но, видя что онъ не перестаетъ, я просилъ его молчать. Онъ замолчалъ и ушелъ. Мнѣ слова Остолоповы были очень непріятны. Не желая увеличить шуму, я смолчалъ; послѣ обѣда же написалъ къ Остолопову записку, въ которой, напоминая ему его изрѣченія, я просилъ его быть осторожнѣе впередъ. Записка моя была довольно колкая; я полагалъ, что послѣ сего не остается больше ничего какъ вызвать на поединокъ. Остолоповъ пришелъ ко мнѣ ввечеру и извинился, говоря, что никогда у него не было намѣренія огорчить меня. Я забылъ прошедшее, взявъ себѣ за правило то что уже давно и нѣсколько разъ повторялъ себѣ, не называть гордостью со своей стороны сухое обращеніе съ людьми принадлежащими къ обществу мнѣ неприличествующему.

24-го я служилъ молебенъ на берегу моря съ командою отплывающей со мною, послѣ чего мы всѣ были у коменданта на завтракѣ, а потомъ перебрались на транспортъ. Ввечеру я занимался отправленіемъ бумагъ и писемъ, писалъ между тѣмъ и къ Алексѣю Петровичу. Послѣ того я послалъ предписаніе Ратькову на пакетботъ при первомъ попутномъ вѣтрѣ сняться съ якоря, плыть къ Нефтяному острову и остановиться въ бухтѣ находящейся въ южной сторонѣ сего острова. Первое намѣреніе мое было пристать къ этому острову съ западной стороны, дабы быть ближе къ Красноводску; но послѣ, посовѣтовавшись съ Ратьковымъ, я рѣшился пристать съ южной стороны, хотя и путь далѣе, потому что съ западной стороны пристанище наше не было бы ничѣмъ прикрыто и сообщеніе съ берегомъ затруднительно. Командиръ транспорта «Куры» (на которомъ умѣстилась вся команда и Кіатъ) лейтенантъ Юрьевъ; мичмана у него Николаевъ и Макаровъ; сверхъ того есть еще одинъ артилерійскій офицеръ и штурманъ. Юрьевъ самъ, кажется, благородный человѣкъ. Командиръ пакетбота и нашей эскадры лейт. Ратьковъ человѣкъ не трезвый, но хорошій и исполнительный офицеръ; при немъ тоже три офицера; судно его по малости своей не могло принять ни одного человѣка. Священникъ нашей эскадры у него находится. Повидимому должна наша экспедиція хорошо кончиться: усердіе и единодушіе у всѣхъ равные.

(Продолженіе будетъ.)

Фото-Гравюра Шереръ, Набгольцъ и К°. въ Москвѣ.

Князь А. И. Барятинскій.

ФЕЛЬДМАРШАЛЪ
КНЯЗЬ А. И. БАРЯТИНСКІЙ.

Глава I.

Происхожденіе князей Барятинскихъ. — Дѣдъ и отецъ фельдмаршала. — Гороскопъ. — Двѣ записки отца.

Родоначальникомъ князей Барятинскихъ былъ Александръ Андреевичъ Мезецкій-Барятинскій, принадлежавшій къ потомству Св. Князя Михаила Черниговскаго. Названіе Барятинскаго князь Александръ принялъ по владѣнію Барятинскою волостью на рѣкѣ Клетомѣ, въ нынѣшнемъ Мещовскомъ уѣздѣ, Калужской губерніи. Многіе изъ потомковъ его отличались на государственной службѣ: Михаилъ Ѳедоровичъ Барятинскій въ Ливонской войнѣ 1579 г., воевода Иванъ Михаиловичъ въ Литовской войнѣ 1581 г., онъ же въ 1582 г. ходилъ въ Казань и противъ мятежныхъ Черемисъ; въ 1592 г. былъ посылаемъ къ Датскому королю Фридриху, для окончательнаго опредѣленія границъ въ Лапландіи.

Князь Иванъ Ѳедоровичъ отличался въ 1713 г. въ войнѣ съ Шведами, а въ 1719 г. разбилъ ихъ отрядъ подъ самымъ Стокгольмомъ. Онъ участвовалъ съ Петромъ I-мъ въ Персидскомъ походѣ и въ чинѣ бригадира былъ комендантомъ въ Баку. По кончинѣ Петра II-го князь Иванъ противился олигархическимъ замысламъ Долгорукихъ и прочихъ, желавшихъ огра-

ничить самодержавную власть Анны Іоанновны, и во все время ея царствованія былъ постоянно отличаемъ; послѣ былъ онъ назначенъ главнокомандующимъ въ Москвѣ, наконецъ генералъ-губернаторомъ Малороссіи, гдѣ и умеръ въ Маѣ 1738 г., въ чинѣ генералъ-аншефа, къ сожалѣнію мѣстнаго населенія, которымъ онъ управлялъ съ большою кротостью.

Дѣдъ фельдмаршала, князь Иванъ Сергѣевичъ (внукъ генералъ-аншефа Ивана Ѳедоровича) генералъ-поручикъ и Александровскій кавалеръ, былъ женатъ на принцессѣ Голштейнъ-Бекской. Онъ служилъ въ лейбъ-компаніи Елисаветы Петровны, находясь при ней ординарцемъ до самой ея кончины. Петръ III назначилъ его флигель-адъютантомъ. Императрица Екатерина II отдавала ему справедливость, хотя онъ сохранилъ непоколебимую вѣрность Петру. Она опредѣлила его кавалеромъ при наслѣдникѣ престола, которому онъ всегда говорилъ правду, на что Павелъ Петровичъ иногда досадовалъ и жаловался другимъ приближеннымъ, однако сохранялъ къ Ивану Сергѣевичу признательность. Въ 1763 году онъ, 25 лѣтъ, пожалованъ въ полковники и отправленъ въ Швецію съ особымъ порученіемъ, затѣмъ занималъ постъ посланника Екатерины II при королѣ Людовикѣ XVI, въ самое блестящее время его царствованія. Онъ съ Австрійскимъ посломъ, въ качествѣ посредниковъ, подписалъ Версальскій миръ 3-го Сентября 1783 г. и получилъ портреты государей Франціи, Англіи и Испаніи осыпанные бриллiантами. Онъ же произвелъ негоціацію при покореніи нами Крыма. Онъ сопровождалъ Великаго Князя Павла Петровича съ супругою Маріею Ѳеодоровною, когда они путешествовали по Европѣ подъ именемъ Comte et Comtesse du Nord, и получилъ отъ нихъ готовальню съ портретами и надписью Souvenir d'amitié. На прощальной аудіенціи, Людовикъ XVI подарилъ ему свой портретъ, украшенный бриллiантами и написалъ императрицѣ Екатеринѣ лестный объ немъ отзывъ за умѣніе въ теченіе 12-ти лѣтъ поддерживать добрыя отношенія между двумя государствами. Императоръ Павелъ, встрѣтивъ князя Ивана Сергѣевича въ Москвѣ, дружественно обнялъ его и подарилъ ему бриллiантами украшенную табакерку; императоръ Александръ I-й, предъ въѣздомъ въ Москву на корона-

цію, останавливался въ загородномъ домѣ князя и тоже подарилъ ему табакерку богато осыпанную камнями.

Единственный сынъ его, князь Иванъ Ивановичъ, началъ службу въ Семеновскомъ полку и участвовалъ въ знаменитомъ штурмѣ Праги (1794 г.), гдѣ и получилъ Георгіевскій крестъ. Въ послѣдніе годы царствованія императрицы Екатерины былъ онъ однимъ изъ самыхъ блестящихъ представителей высшаго придворнаго общества и по словамъ князя Адама Чарторыйскаго (Mémoires) отличался остроуміемъ, подъ часъ довольно колкимъ. Перейдя затѣмъ въ дипломатическую службу, былъ онъ секретаремъ посольства въ Лондонѣ, при графѣ С. Р. Воронцовѣ. Тутъ онъ женился на дочери лорда Шерборна, но вскорѣ овдовѣлъ; затѣмъ былъ долгое время нашимъ посланникомъ при Баварскомъ дворѣ, а по выходѣ въ отставку графа С. Р. Воронцова ему предложенъ былъ постъ посла въ Лондонѣ; но онъ отказался отъ этого важнаго и почетнаго назначенія, предпочитая поселиться въ деревнѣ и посвятить свою жизнь на устройство своихъ обширныхъ имѣній, съ примѣненіемъ на практикѣ пріобрѣтенныхъ во время путешествій по Европѣ агрономическихъ познаній. Князь Иванъ Ивановичъ въ 1813 г. вторично женился въ Теплицѣ на дочери Прусскаго при Вѣнскомъ дворѣ посланника, графа Келлера, отъ которой имѣлъ семь человѣкъ дѣтей.

Первенцомъ его былъ сынъ Александръ, будущій фельдмаршалъ, родившійся 2-го Мая 1815 г. Воспріемникомъ отъ святой купели былъ Алексѣй Ивановичъ Машкинъ.

Вскорѣ по рожденіи ребенка, неизвѣстный человѣкъ оставилъ на лѣстницѣ дома рисунокъ—гороскопъ, какъ полагаютъ, произведеніе одного изъ членовъ существовавшихъ тогда въ Россіи Масонскихъ ложъ. Предсказанія гороскопа не вполнѣ сбылись; но все-таки замѣчательно, что оправдалось главное пророчество о побѣдахъ на Востокѣ, о призрѣніи плѣнника; а совѣтъ быть великодушнымъ къ побѣжденнымъ сдѣлался девизомъ покойнаго фельдмаршала. Странно однако, что въ гороскопѣ годъ рожденія означенъ 1814-й, тогда какъ, по метрическимъ книгамъ и другимъ несомнѣннымъ даннымъ, это былъ 1815 годъ.

Князь Иванъ Ивановичъ Барятинскій, по словамъ покойнаго графа П. Х. Граббе (бывшаго военнымъ агентомъ въ Мюнхенѣ) „высокій, видный, тонкій мужчина, съ правильными, пріятными чертами лица, волосы съ просѣдью, коротко подстриженные; жестъ скорый, нетерпѣливый; общее выраженіе свѣтскаго человѣка и знатности“, былъ человѣкъ высокообразованный и умный. Озабоченный воспитаніемъ старшаго сына, онъ уже въ Сентябрѣ 1815 года составилъ программу его воспитанія. Записка (на Французскомъ языкѣ) носитъ названіе: Мысли о воспитаніи моего сына“, а черезъ нѣсколько лѣтъ (1821 г.) онъ написалъ еще другую записку, родъ наставленій сыну: „Conseils à mon fils aîné“. Обѣ записки замѣчательны во многихъ отношеніяхъ, и мы приводимъ ихъ здѣсь (первую почти цѣликомъ, вторую въ извлеченіи).

„До семилѣтняго возраста воспитаніе мальчика скорѣе физическое, чѣмъ нравственное. Внушеніе ему о правдѣ и неправдѣ слѣдуетъ дѣлать съ ранней поры. Ложь и неумѣренность главные пороки дѣтства. Необходимо быть неумолимымъ въ искорененіи лжи, потому что она унижаетъ человѣка.

„До пятилѣтняго возраста можно будетъ оставить сына моего на рукахъ женщинъ.

„Какъ только онъ будетъ въ состояніи бѣгать и прыгать, слѣдуетъ постараться укрѣпить его тѣлодвиженіемъ и холоднымъ купаньемъ, къ которому надо пріучить постепенно. Купаніе въ рѣкѣ самое здоровое. Надо будетъ достать ему двѣ или три маленькихъ верховыхъ лошадки, на которыхъ онъ будетъ поочереди ѣздить безъ сѣдла: ничто не придаетъ больше ловкости, какъ этотъ способъ ѣзды кочевыхъ народовъ. Сыновья нашихъ крестьянъ—наѣздники съ ранней поры и скачутъ на отцовскихъ лошадяхъ съ пяти или шести лѣтъ съ изумительною ловкостью.

„Когда мой сынъ достигнетъ семилѣтняго возраста, я бы желалъ, чтобы онъ началъ учиться Славянскому, Латинскому, Греческому, и въ особенности родному языку. Съ этого возраста до двѣнадцати лѣтъ онъ пріобрѣтетъ нѣкоторыя познанія по этимъ языкамъ, а въ 14 и 15 лѣтъ онъ будетъ въ состояніи, съ пользою читать классическихъ авторовъ.

Изученіе рисованія и ариѳметики должно будетъ идти рядомъ съ изученіемъ мертвыхъ языковъ, т.-е. съ семи лѣтъ.

„Въ 12 лѣтъ надо будетъ постараться пріохотить его къ механикѣ; ничего нѣтъ легче: слѣдуетъ только съ семилѣтняго возраста наполнить его комнату маленькими моделями, чтобы возбудить въ немъ любопытство и, въ особенности, слѣдуетъ ясно и безъ педантизма объяснять ему основныя начала механики. Эта наука безсознательно поведетъ его къ знанію практической математики. Предшествуемая высшей математикой, это родъ метафизики и для взрослаго, а тѣмъ болѣе для ребенка. Надо его заставлять дѣлать чертежи машинъ и въ особенности объяснять ихъ.

„Вообще было бы хорошо пріучить его примѣнять на каждомъ шагу развитія его умственныхъ способностей практику къ теоріи. Механика заставитъ его полюбить земледѣліе, которому она каждый день оказываетъ столь важныя услуги, а земледѣліе пріохотитъ его къ химіи, имѣющей къ ней такія близкія отношенія. Съ восьми до пятнадцатилѣтняго возраста надо будетъ его учить, занимая разнообразными опытами; и особенно надо постараться вызвать въ немъ соревнованіе, назначая ему награды, состоящія изъ хорошихъ книгъ, земледѣльческихъ орудій и другихъ, имѣющихъ отношеніе къ изучаемымъ имъ наукамъ.

„Я желаю также, чтобы въ его распоряженіе предоставили нѣсколько десятинъ земли, на которыхъ онъ бы производилъ агрономическіе опыты. Это будетъ новый способъ доставлять ему движеніе. Ему слѣдуетъ дать легкій и хорошій плугъ, также борону, маленькую сѣяльную машину и т. д.

„Непремѣнно нужно будетъ освоить его со всѣми этими инструментами, научить его размежеванію полей, заставлять его анализировать составъ почвъ, научить его отличать разныя травы луговъ, заставлять его вести по-русски списки о посѣвахъ и урожаѣ его пашни.

„На землю, назначенную ему, слѣдуетъ смотрѣть, какъ на разсадникъ хлѣбныхъ растеній, имѣющую двойную цѣль: обучать его и въ тоже время доставлять значительное количество зерна, въ виду лучшей эксплуатаціи моихъ земель.

„Вырученная имъ съ своихъ полевыхъ работъ сумма денегъ будетъ предназначена въ пользу бѣдныхъ. Онъ долженъ будетъ самъ распредѣлять ихъ между ними. Употребленіе химіи до того необходимо и обыкновенно, что она должна быть неизбѣжною частью хорошаго воспитанія. Это одна изъ наукъ, наиболѣе важныхъ для крупнаго землевладѣльца и даже для государственнаго человѣка. Она особенно необходима въ такой странѣ, какъ наша, гдѣ много еще предстоитъ сдѣлать и гдѣ знающій химикъ долженъ считаться цивилизаторомъ и, въ нѣкоторомъ родѣ, созидателемъ.

„Я требую также, чтобы сынъ мой упражнялся съ способными и образованными землемѣрами въ межеваніи. Ему необходимо знаніе тригонометріи. Можно легко замѣтить по этимъ различнымъ родамъ занятій, что я желаю, чтобы сынъ мой воспитывался въ деревнѣ до 16-тилѣтняго возраста, когда онъ долженъ начать путешествовать.

„Практическое по преимуществу образованіе должно сдѣлать изъ него человѣка въ томъ возрастѣ, когда другіе мальчики играютъ комедіи, муштруются во фронтѣ, занимаясь вообще однѣми глупостями. Я хочу, чтобы онъ былъ въ состояніи управляться съ топоромъ, со стругомъ и плугомъ, чтобы онъ искусно точилъ, могъ измѣрить всякаго рода мѣстность, умѣлъ бы плавать, бороться, носить тяжести, ѣздить верхомъ, стрѣлять; вообще, чтобы всѣ эти упражненія были употреблены въ дѣло для развитія его нравственныхъ и физическихъ способностей.

„Онъ долженъ положить себѣ за постоянное правило выучивать наизусть стихи нѣкоторыхъ Латинскихъ и Греческихъ классиковъ и декламировать ихъ вслухъ. Память его слѣдуетъ постоянно упражнять. Надо заставлять его сочинять рѣчи по-русски на нравственныя и историческія темы. Первый отдѣлъ исторіи, которой его будутъ учить, долженъ быть отечественный. Также слѣдуетъ поступить и съ изученіемъ географіи. Это предварительное ознакомленіе будетъ ему очень полезно при предстоящемъ ему путешествіи по отечеству. Слѣдуетъ заставлять его по одному разу въ мѣсяцъ произносить громкія рѣчи, имъ самимъ составленныя и,

лучше всего, при многочисленныхъ слушателяхъ *). Такъ какъ я хочу, чтобы мой сынъ съ раннихъ лѣтъ путешествовалъ, то онъ долженъ пріобрѣсти силу, ловкость и всякія познанія, нужныя для умѣнья примѣнять на каждомъ шагу практику къ теоріи. Все должно быть въ дѣйствіи во время путешествія.

„Путешествуя, живешь полною жизнью. Умственныя и физическія способности раньше развиваются, и съ такою стремительностію и энергіею, которую молодые люди, воспитанные въ городахъ и университетахъ, не могутъ постигнуть. Мой сынъ увидитъ, чтò читаютъ другія дѣти. Это научитъ его съ ранней поры оцѣнивать по достоинству всѣ иллюзіи, которыми питаютъ молодыхъ людей въ академіяхъ, и ненавидѣть пороки, губящіе ихъ, когда они вступаютъ въ свѣтъ. Вмѣстѣ съ путешествіемъ кругъ его понятій будетъ расширяться.

„Слѣдуетъ постараться ознакомить его со статистикой и исторіей каждой страны, посѣщаемой имъ. Такимъ образомъ, онъ пріобрѣтетъ массу познаній, которыхъ профессора исторіи и статистики никогда не могли бы сообщить ему въ четырехъ стѣнахъ кабинета.

---

*) Къ сожалѣнію, эта часть была совершенно упущена изъ виду, и князь Александръ Ивановичъ, вообще хорошій разскащикъ въ тѣсномъ кругу приближенныхъ лицъ, отличался чрезвычайною застѣнчивостію, когда нужно было говорить въ большомъ обществѣ. Покойный графъ В. А. Соллогубъ, въ своихъ воспоминаніяхъ (см. Историч. Вѣстникъ, Январь 1886 г.) между прочимъ разсказываетъ слѣдующее: „Фельдмаршалъ князь А. И. Барятинскій, невозмутимый подъ пулями, увлекательный въ бесѣдахъ интимныхъ, конфузился и терялся, когда ему приходилось говорить офиціально. Когда онъ жилъ въ Деревенькахъ, имѣніи, наслѣдованномъ имъ отъ графа Толстаго, я посѣтилъ его, и, по обыкновенію, онъ продержалъ меня до глубокой ночи, читая мнѣ свои письма и статьи о государственныхъ дѣлахъ. Все его интересовало. Обо всемъ онъ имѣлъ твердое мнѣніе. „Позвольте спросить“, замѣтилъ я, „отъ чего же вы не живете въ Петербургѣ и не присутствуете въ Государственномъ Совѣтѣ?“—„Оттого“, отвѣчалъ печально князь, „что я застѣнчивъ, не могу говорить“, и, говоря это, онъ запнулся, какъ будто видя себя въ засѣданіи. Застѣнчивыхъ людей вообще много на свѣтѣ; но въ Россіи ихъ болѣе всего: мы не пріучены говорить въ обществѣ, и ораторство у насъ пока еще рѣдкое исключеніе...“

„Я желаю, чтобы слѣдующія лица сопутствовали ему въ его шестилѣтнемъ путешествіи по отечеству:

1) Докторъ, хорошій химикъ и ботаникъ, безъ различія какой націи.

2) Механикъ—Англичанинъ, Голландецъ или Швейцарецъ.

3) Нѣмецъ, знающій Греческій и Латинскій языки.

4) Почтенный наставникъ, для руководства всѣмъ его воспитаніемъ.

„Я желаю, чтобы этотъ наставникъ былъ твердаго, но кроткаго характера, честный и съ основательнымъ образованіемъ, доброй нравственности, въ возрастѣ отъ 35 до 40 лѣтъ, и чтобы онъ ни въ чемъ не отставалъ отъ этого плана воспитанія.

„Я желаю также, чтобы мой сынъ былъ сопровождаемъ Русскимъ учителемъ, хорошо знакомымъ съ своимъ отечествомъ, съ его законами и исторіею. Необходимо будетъ познакомить сына моего, насколько возможно, со всѣми нововведеніями, съ формами нашего суда и администраціи, уяснить ему чудовищныя злоупотребленія, которыя вкрались въ наше законодательство, заставить его посѣщать всѣ учрежденія и фабрики страны, обращать его вниманіе на различныя мѣстныя производства, однимъ словомъ, чтобы онъ замѣчалъ все интересное въ посѣщаемыхъ имъ областяхъ Имперіи. Онъ долженъ будетъ вести порусски дневникъ своего путешествія и переводить его на Французскій, Англійскій или на тотъ языкъ, съ которымъ онъ больше всего освоится. Слогъ его долженъ быть чистъ, ясенъ и сжатъ. Я требую, чтобы онъ путешествовалъ четыре года по Европейской, а остальные два по Азіатской Россіи. Послѣ шести лѣтъ путешествія по отечеству, надо будетъ послать его черезъ Кронштадтъ, моремъ, въ Голландію, которую онъ будетъ изучать въ теченіи года; оттуда онъ отправится въ Англію, гдѣ останется въ продолженіи двухъ лѣтъ. Тамъ надо найти образованнаго человѣка, который, вмѣстѣ съ вышеупомянутыми лицами, сопровождалъ бы его во всѣ три королевства Великобританіи, государственное устройство которыхъ должно быть ему основательно объяснено, чтобы онъ могъ изучать съ величайшимъ вниманіемъ всѣ чудеса человѣческой куль-

туры. Послѣ двухъ лѣтъ пребыванія въ Англіи, онъ долженъ продолжать свое путешествіе по Европѣ слѣдующимъ образомъ: онъ начнетъ съ Франціи, Испаніи и Италіи, оттуда онъ отправится въ Швейцарію и Германію, чтобы возвратиться въ отечество черезъ Данію, Норвегію и Швецію.

„Мнѣ нѣтъ надобности совѣтовать ему изучать все, объѣзжая Европу; я надѣюсь, что онъ къ этому привыкнетъ съ 16-ти лѣтняго возраста. Когда, достигнувъ 25—26 лѣтъ, сынъ мой возвратится въ Россію, онъ непремѣнно будетъ полезнымъ слугою своего отечества. Надо будетъ опредѣлить его въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ или Финансовъ, и можно предвидѣть, что онъ будетъ лучше знать Россію, чѣмъ большинство управляющихъ министровъ, попавшихъ на эти мѣста изъ придворныхъ куртизановъ, и руководимыхъ корыстолюбивыми невѣждами-секретарями. Лишнее было бы говорить здѣсь, что сынъ мой долженъ быть ознакомленъ съ своей религіей духовнымъ отцомъ. Это само собою разумѣется. Надо постараться внушить ему чувство энтузіазма къ отечеству, желаніе изучить его, быть ему полезнымъ и отличаться на службѣ своего Государя, котораго онъ долженъ уважать и ему повиноваться, каковъ бы ни былъ его характеръ, почитая въ немъ своего Монарха, которому онъ присягалъ. Если Богъ дастъ моему сыну усердно, отлично и добросовѣстно послужить своему отечеству, онъ можетъ удалиться въ концѣ своей службы съ честью въ свои прекрасныя владѣнія, чтобы просвѣщать тамъ своихъ крестьянъ, осчастливить ихъ и ввести употребленіе искусствъ и ремеслъ, которыя увеличатъ его состояніе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, доставятъ занятіе массѣ праздныхъ людей. Съ тѣмъ воспитаніемъ, которое онъ получитъ, я увѣренъ, что онъ усовершенствуетъ все оставленное мною ему и будетъ полезенъ на службѣ, а слѣдовательно и отечеству.

„Я прошу, какъ милости, со стороны моей жены, не дѣлать изъ него ни военнаго, ни придворнаго, ни дипломата. У насъ и безъ того много героевъ, декорированныхъ хвастуновъ, куртизановъ. Россія больной гигантъ; долгъ людей, избранныхъ по своему происхожденію и богатству, дѣйствительно служить и поддерживать государство“.

Мысли прекрасныя, очевидно навѣянныя долгимъ пребываніемъ на Западѣ, въ особенности въ Англіи....

Во второй запискѣ князь Иванъ Ивановичъ обращался къ сыну съ слѣдующими совѣтами:

„Ты, по всей вѣроятности, будешь это читать, когда я перестану существовать!... Прежде всего я тебѣ совѣтую бояться и любить Бога и затѣмъ избѣгать тѣхъ, которые этого не дѣлаютъ. Надо быть хорошимъ христіаниномъ, такъ какъ христіанскіе принципы божественны, и поступать, насколько ты будешь въ состояніи, по наставленію Евангелія. Въ десяти заповѣдяхъ Моисея и въ Молитвѣ Господней ты найдешь весь необходимый матеріалъ для образованія изъ себя честнаго человѣка *).

„Дѣлай это для пользы и счастія своего и твоего ближняго.

„Мнѣ не надо тебѣ совѣтовать любить твоихъ братьевъ, твоихъ сестеръ.

„Что касается сыновней любви къ твоей милой и доброй матери, которая составила счастье моей жизни и никогда не переставала существовать для счастья своихъ дѣтей, я увѣренъ, что ты всегда будешь вести себя такъ, чтобы осчастливить ее. Этотъ совѣтъ заключаетъ въ себѣ вообще весь родъ поведенія, котораго ты долженъ держаться въ отношеніи къ ней.

„Ты никогда не будешь самъ по себѣ счастливъ, если пренебрежешь своими сыновними обязанностями; ты будешь отвергнутъ Богомъ и людьми.

---

*) Этотъ совѣтъ глубоко запалъ въ душу князя Александра Ивановича: онъ былъ искренно религіозенъ и набоженъ, какъ никто, не изъ вполнѣ близкихъ къ нему людей, и предполагать не могъ. Каждое утро и вечеръ, гдѣ бы онъ ни былъ, въ дорогѣ, въ походахъ, онъ молился, нерѣдко становясь на колѣни, предъ маленькимъ образомъ-складнемъ, который неизмѣнно вѣшалъ въ головахъ своей кровати, поставленной непремѣнно головой на Сѣверъ. Но онъ не любилъ показывать своей набожности; даже въ обществѣ, если затрогивались религіозные вопросы, онъ относился къ нимъ какъ бы совершенно равнодушно. Быть можетъ, и это было послѣдствіемъ застѣнчивости, нежеланія вступать въ пренія, требующія плавной, сильной рѣчи и аргументацій....

„Если ты будешь имѣть желаніе жениться молодымъ и увѣренность сдѣлать твою жену счастливой, женись; но женись хорошо!... Главное счастье жизни мы испытываемъ, имѣя добродѣтельную, любезную, хорошую и кроткую подругу. Не забывай быть снисходительнымъ къ ея недостаткамъ; въ особенности не будь съ нею суровъ. Ничто такъ не отталкиваетъ жену отъ мужа, какъ жесткость обращенія. Такое обращеніе несправедливо. Она будетъ искать противъ тебя чужой помощи. Старайся никогда не ссориться съ нею на глазахъ свѣта. Это также смѣшно, какъ и мало деликатно въ отношеніи къ ней и къ другимъ. Ты будешь служить предметомъ насмѣшекъ, и люди будутъ имѣть на это полное право. Публичныя сцены дѣлаются басней и посмѣяніемъ злыхъ языковъ, а ихъ очень много. Будь остороженъ въ выборѣ подругъ твоей жены; лучше было бы, по возможности, не допускать ея имѣть ихъ, и самому замѣнять ей всѣхъ свѣтскихъ друзей. Но и ты также не долженъ имѣть другаго друга, кромѣ твоей жены. Не скрывай отъ нея никогда ничего. Большое счастье доставляетъ возможность гогорить вслухъ со вторымъ собой; я никогда ничего не скрывалъ отъ твоей прекрасной матери. Она была мною, а я ею. Этому-то согласію я обязанъ всѣмъ моимъ счастьемъ въ жизни.

„Милое мое дитя, не упускай никогда изъ виду одного обстоятельства: исполнять добросовѣстно свои обязанности. Это доставитъ тебѣ внутреннее удовлетвореніе, которое поставитъ тебя выше всѣхъ жизненныхъ событій.

„Будь другомъ, подпорой, совѣтникомъ и наставникомъ своихъ братьевъ. Это друзья, дарованные тебѣ природою. Не отказывай имъ ни въ чемъ и не требуй отъ нихъ слишкомъ многаго. Чѣмъ добрѣе ты будешь въ отношеніи къ нимъ, тѣмъ болѣе вы подружитесь. Доброта—душа дружбы. Ничего нѣтъ трогательнѣе братьевъ-друзей.

„Провидѣніе даровало тебѣ прекрасное сердце. Можетъ быть, Оно допуститъ меня наслаждаться развитіемъ твоихъ нравственныхъ качествъ. Но, если Оно полагаетъ иначе, то убѣждаю тебя, мое дорогое дитя, никогда не измѣнять великой добродѣтели, пренебреженной въ нашъ эгоистическій вѣкъ:—признательности. Никогда не забывай тѣхъ, которые

заботились о тебѣ въ дѣтствѣ, которые воспитывали тебя въ твоей юности, которымъ ты обязанъ ихъ привязанностью въ дни своей жизни; но оберегайся людскихъ рѣчей. Я въ своей жизни былъ, къ несчастію, недовѣрчивъ; но недовѣрчивость явилась послѣ того, какъ разглядѣлъ я всю лживость людей, послѣ того, какъ былъ ими обманутъ. Юность довѣрчива, часто—слишкомъ. Остерегайся этихъ вредныхъ иллюзій.

„Употребляй всѣ возможныя физическія и нравственныя средства, чтобы просвѣтить страну, гдѣ находятся твои владѣнія. Этимъ прекрасно будешь служить своему Государю, странѣ и самому себѣ. Продолжай то, что̀ я началъ. Усовершенствуй, но не вводи много новыхъ преобразованій. До сихъ поръ (1821 г.) учрежденія мои мнѣ дорого обходятся и приносятъ мало доходовъ. Постройки разоряютъ. Можно себѣ позволять только постройки необходимыхъ зданій съ экономической цѣлью, и то умѣренно.

„Посвяти себя съ ранней поры земледѣлію. Обыкновенно знаніе и занятіе имъ люди откладываютъ до зрѣлаго возраста, когда нѣтъ больше ни силы, ни дѣятельности. Люди воображаютъ, что когда они больше не въ состояніи служить своему отечеству и ни на что уже негодны, они могутъ по крайней мѣрѣ спокойно сажать у себя дома капусту.... Странная и гибельная ошибка! Она обязана своимъ возникновеніемъ ошибочному воспитанію и предразсудкамъ, дѣтской суетности родителей, желанія которыхъ сосредоточиваются въ томъ, чтобы дѣти ихъ блистали въ свѣтѣ и какимъ бы то ни было способомъ сдѣлали себѣ карьеру, причемъ они никогда не забываютъ прибавлять, что это дѣлается для пользы ихъ государя и отечества. Это смѣшное воспитаніе даетъ съ ранней поры дѣтямъ манію къ чинамъ и орденамъ. Потому-то большинство изъ нихъ ничто иное, какъ обезьяны или разукрашенные попугаи. Весьма немногіе изъ нихъ образованы солиднымъ и полезнымъ образомъ. Я спрашиваю у всѣхъ разсудительныхъ людей: не превосходятъ ли пользою всѣхъ великихъ полководцевъ или извѣстнѣйшихъ дипломатовъ нашего вѣка такіе люди, какъ покойный герцогъ Бедфордскій и такіе, какъ теперь еще живущіе, г-нъ Кокъ въ Англіи, или какъ г-нъ Ластери, Домбаль и т. д. во

Франціи, или Фелленбергъ и Пиктетъ въ Швейцаріи, или Таеръ въ Германіи? Вотъ настоящіе цивилизаторы націй, опоры общества, благодѣтели рода человѣческаго.

„Какое призваніе можетъ быть лучше для человѣка богатаго, который употребляетъ свое состояніе на процвѣтаніе своего государства, улучшая земледѣліе, вводя искусства и ремесла, доставляющія довольство и счастіе обществу, и который своимъ примѣромъ цивилизуетъ родную страну? Какой досугъ благороднѣе заботы по украшенію своихъ нивъ прекрасными фермами, хорошими сельскими постройками, хорошими жилищами, въ которыхъ дышатъ довольствіе и чистота, покрывать свои поля прекрасными урожаями и улучшать ихъ каждый годъ систематическими полераздѣленіями? Все радуетъ просвѣщеннаго агронома! Вотъ что я желаю, чтобъ изъ тебя вышло, мое дорогое дитя, какъ для твоего собственнаго счастья, такъ и изъ любви къ моему отечеству. Изъ плана воспитанія, набросаннаго мною для тебя, ты увидишь, что я желаю, чтò бы ты зналъ и чтò бы изъ тебя вышло. Будь прилеженъ въ одно и тоже время, какъ къ земледѣлію, такъ и къ химіи и къ механикѣ. Эти двѣ науки будутъ источникомъ радости для тебя и двѣ сильныя подпоры для знанія науки земледѣлія“.

Глава II.

Начало воспитанія.—Вліяніе матери.—Дѣтскія воспоминанія.—Гувернеръ Дюпанъ.—Отправленіе въ Москву.—Влеченіе къ военной службѣ и вступленіе въ школу гвардейскихъ юнкеровъ.—Пребываніе въ школѣ.—Производство въ офицеры.

Еще при жизни отца программа воспитанія приводилась въ исполненіе: было отдѣлено небольшое пространство земли, на которой мальчикъ самъ работалъ; сдѣлали миніатюрный плугъ, которымъ онъ самъ пахалъ *); въ учебной комнатѣ было множество моделей разныхъ земледѣльческихъ орудій, мельницъ и т. п., сохраняющихся и теперь въ с. Ивановскомъ. Все направлялось къ тому, чтобы готовить сына къ роли крупнаго землевладѣльца, который, кромѣ собственной пользы, могъ бы, подобно отцу, улучшать бытъ своихъ крестьянъ и имѣть большое, полезное вліяніе на окрестное населеніе и сосѣднихъ помѣщиковъ.

Но князь Иванъ Ивановичъ умеръ (въ 1825 г.), когда сыну едва минуло десять лѣтъ, и мечтамъ его не суждено было сбыться. Едва ли однако пришлось пожалѣть объ этомъ князю Александру Ивановичу. На сколько бы удалось ему, при исторически сложившихся въ Россіи общественныхъ условіяхъ и крѣпостныхъ порядкахъ, оправдать надежды на важную роль крупнаго землевладѣльца, даже при наилучшей подготовкѣ и самомъ искреннемъ желаніи, вопросъ трудно разрѣшимый; но въ той роли, которую предназначила ему судьба, заслуги его государству оказались дѣйствительно великими, и ими только приготовилъ онъ себѣ почетное мѣсто въ Русской исторіи, память, далеко оставляющую за собою дѣянія всѣхъ его предковъ.

---

*) Въ с. Ивановскомъ до сихъ поръ сохранилась картина, изображающая маленькаго пахаря—будущаго фельдмаршала.

Князь Иванъ Ивановичъ жилъ открыто; къ нему безпрестанно съѣзжались гости изъ разныхъ слоевъ общества; въ домѣ былъ постоянный театръ, въ которомъ игрались піесы на Русскомъ и Французскомъ языкахъ, первыя большею частью дворовыми людьми, а вторыя разными лицами, членами семейства, гувернерами, гувернантками и сосѣдними помѣщиками. Кромѣ того былъ оркестръ изъ 40 или 50 музыкантовъ, составленный изъ крѣпостныхъ людей. Давались концерты, въ которыхъ принимали участіе жившіе тогда въ сосѣдствѣ, извѣстные меломаны графы Михаилъ и Матвѣй Юрьевичи Віельгорскіе. Самъ князь Иванъ Ивановичъ страстно любилъ музыку и такъ увлекался ею, что часто упрекалъ себя въ потерѣ времени, вслѣдствіе чего строго запретилъ преподаваніе музыки своимъ четыремъ сыновьямъ, что̀ и было свято исполнено.

Для сына Александра былъ выписанъ изъ Швейцаріи, особенно рекомендованный по части агрономіи и промышленности, какъ человѣкъ высокой нравственности и имѣвшій многостороннее образованіе, нѣкто m-r Дюпанъ, который и былъ при немъ въ качествѣ гувернера. Этотъ самый m-r Дюпанъ, по окончаніи занятій съ Александромъ Ивановичемъ, поступилъ къ графу Алексѣю Алексѣевичу Бобринскому воспитателемъ двухъ старшихъ его сыновей и былъ главнымъ его сотрудникомъ при созданіи несуществовавшей до тѣхъ поръ въ Россіи отрасли промышленности сахарныхъ заводовъ *).

Главное нравственное вліяніе на Александра Ивановича въ дѣтствѣ, юношествѣ и, даже позже, было вліяніе его матери. При характерѣ самомъ самостоятельномъ и твердомъ, у него были самыя нѣжныя чувства, почти женственныя.

Покойный фельдмаршалъ любилъ разсказывать происшествія и анекдоты изъ ранней поры своей жизни. Между

---

*) Этотъ же Дюпанъ пережилъ своего питомца и присутствовалъ въ 1879 году при отпѣваніи фельдмаршала въ Женевѣ.

прочимъ онъ вспоминалъ, какъ въ 1825 году, чрезъ два мѣсяца послѣ смерти отца, императоръ Александръ Павловичъ, по пути изъ Петербурга на Югъ (откуда онъ уже не вернулся), заѣхалъ въ Ивановское, чтобы навѣстить вдову-мать князя Александра Ивановича; она была въ большомъ горѣ, больна и не могла выйти на встрѣчу Государя, а послала своего десятилѣтняго сына принимать Его Величество. Князь въ послѣдствіи разсказывалъ, какъ былъ пораженъ статностью и красотою Государя, который, подъѣхавъ въ открытой коляскѣ къ крыльцу, ловко соскочилъ, обнялъ и поцѣловалъ молодаго хозяина, и, сказавъ ему: „Веди меня къ твоей матери", пошелъ съ нимъ вверхъ по лѣстницѣ. Тутъ, къ удивленію ребенка, кучеръ Государя *), только что слѣзшій съ козелъ и отдавшій возжи другому кучеру, пошелъ вслѣдъ за Государемъ по лѣстницѣ. (Это дѣлалось, какъ Александръ Ивановичъ потомъ узналъ, постоянно при путешествіяхъ Государя по Русскимъ провинціямъ). Императоръ подозвалъ Ильюшку и велѣлъ ему поцѣловать руку у молодаго барина...

Александръ Ивановичъ былъ чрезвычайно похожъ и лицомъ и голосомъ на свою мать; въ молодыхъ годахъ сходство доходило до того, что онъ воспользовался имъ для слѣдующей шалости. Въ домѣ гостила молодая дама, близко знакомая княгинѣ, которая почти каждое утро навѣщала свою гостью, когда та еще одѣвалась. Молодой повѣса былъ неравнодушенъ къ подругѣ матери и, однажды, заставилъ камеристку одѣть себя въ костюмъ княгини, постучалъ утромъ въ комнату красавицы и голосомъ матери спросилъ, можно-ли войти. „Entrez", послѣдовалъ отвѣтъ. Юноша вошелъ въ комнату; дама, сидѣвшая за туалетнымъ столомъ, предъ зеркаломъ видѣла его отраженіе, но была увѣрена, что это сама княгиня и только, когда шалунъ поцѣловалъ ее въ щеку, замѣтила свою ошибку... Послѣдовало изгнаніе дерзкаго повѣсы изъ комнаты.

---

*) Извѣстный Илья или Ильюшка Байковъ, имѣвшій кажется, чинъ коллежскаго совѣтника.

Будучи десяти, двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, онъ по Воскресеньямъ собиралъ своихъ сестеръ и братьевъ и самымъ серіознымъ образомъ, считая себя чѣмъ-то въ родѣ духовнаго лица, читалъ имъ проповѣди и религіозныя наставленія собственнаго сочиненія. Нѣкоторыя изъ проповѣдей сохранились до сихъ поръ.

Когда ему минуло 14 лѣтъ, мать отправила его со вторымъ сыномъ Владиміромъ въ Москву, для усовершенствованія въ наукахъ; оба брата были ввѣрены попеченію знакомыхъ семейству лицъ, между прочимъ графу Александру Никитичу Панину и теткѣ его г-жѣ Новосильцовой; братья часто бывали въ то время въ домѣ графа Владиміра Григорьевича Орлова, бывшаго президента Академіи Наукъ.

Воспитаніемъ ихъ занимался извѣстный тогда педагогъ, Англичанинъ Эвансъ, который преподавалъ молодымъ людямъ классиковъ и литературу.

Вскорѣ однако явилось у старшаго брата сильное влеченіе къ военной службѣ. Въ то время это было общимъ увлеченіемъ всей дворянской молодежи; само правительство поддерживало въ обществѣ такое направленіе, а блестящія формы кавалерійскихъ полковъ кружили молодыя головы обоихъ половъ. Всѣ усилія заставить князя Александра слѣдовать назначенной для него отцомъ программѣ оказались тщетными. Его должны были отправить въ Петербургъ, гдѣ, съ Высочайшаго разрѣшенія, сообщеннаго инженеръ-генераломъ графомъ Опперманомъ 26-го Іюня 1831 года директору Школы Гвардейскихъ Юнкеровъ и Подпрапорщиковъ, онъ и былъ зачисленъ юнкеромъ Кавалергардскаго полка.

6-го Августа явился молодой человѣкъ въ школу, въ одинъ день съ сыновьями Шамхала Тарковскаго, Шахъ-Вали и Мехти-Асханъ-ханомъ.

Школа была учреждена по инціативѣ императора Николая, съ цѣлью докончить военное воспитаніе тѣхъ молодыхъ дворянъ, которые, хотя бы поступали на службу изъ

университетовъ, не могли получать въ нихъ достаточныхъ въ военныхъ наукахъ познаній и, главное, дать молодымъ людямъ твердыя понятія о строгой подчиненности, дисциплинѣ и прочихъ обязанностяхъ, присущихъ военному званію, а тѣмъ болѣе гвардейскому офицеру. Вообще предписывалось наиболѣе имѣть въ виду строгую подчиненность и дисциплину, какъ основы хорошо организованнаго войска. Слѣдовало образовать непоколебимыхъ и вѣрныхъ защитниковъ Государя и Отечества, къ чему и должно было клониться исключительно все обученіе.

Такимъ образомъ, собственно научная сторона образованія очевидно отодвигалась на второй планъ и, при довольно ограниченной программѣ, многаго отъ воспитанниковъ школы нельзя было и ожидать. За то подчиненность, привычка строго относиться къ своимъ обязанностямъ, безпрекословно исполнять приказанія старшихъ, вкоренялись на всю жизнь. Не обходилось, конечно, безъ шалостей; особенно кавалерійскіе юнкера вносили особый элементъ удальства, товарищескихъ пирушекъ съ шампанскимъ и жженкой; но къ этому относились не особенно строго: это была дань духу времени; лишь бы не было шума и какихъ-нибудь неприличныхъ поступковъ. Само собою, вліяніе подобной школы въ теченіе двухъ лѣтъ и въ такіе молодые годы не могло не оставлять на юношахъ замѣтныхъ слѣдовъ. Нужно однако сказать, что князь Барятинскій, считавшійся по наукамъ и даже по фронту не въ числѣ лучшихъ воспитанниковъ (это видно изъ списковъ 1832 г., гдѣ онъ по наукамъ показанъ во II-мъ, а по фронту даже въ III разрядѣ) ни одного раза не подвергался какимъ-нибудь взысканіямъ. Я просмотрѣлъ всѣ приказы по школѣ, въ которыхъ немало встрѣтилъ строгихъ наказаній за проступки, вовсе несчитаемые теперь проступками *), но о князѣ Барятинскомъ ничего не нашелъ. Очевидно, онъ ис-

*) Напримѣръ, подпрапорщикъ Батюшковъ былъ арестованъ на недѣлю за то, что по набережной гулялъ рядомъ съ роднымъ братомъ, прапорщикомъ Преображенскаго полка.

полнялъ всѣ требованія строжайшей дисциплины и велъ себя хорошо.

Всѣхъ юнкеровъ вмѣстѣ съ княземъ Барятинскимъ было 245; но изъ числа ихъ только два имени пріобрѣли общую, громкую извѣстность: одинъ, Лермонтовъ, какъ замѣчательный поэтъ, къ несчастію слишкомъ рано погибшій; другой, какъ природный военный талантъ, покоритель Кавказа и государственный человѣкъ, съ самостоятельными взглядами на важнѣйшіе вопросы нашего политическаго и внутренняго развитія. Еще можно причислить отчасти къ вышедшимъ изъ ряда обыкновенныхъ военно-служащихъ покойнаго члена государственнаго совѣта графа Э. Т. Баранова и барона И. А. Вревскаго, убитаго въ 1858 г. (въ званіи генералъ-лейтенанта и командующаго войсками Лезгинской линіи), при неудачномъ штурмѣ аула Китури.

Восьмаго Ноября 1833 года князь Барятинскій, за слабые успѣхи въ наукахъ, былъ произведенъ въ корнеты, въ Гатчинскій кирасирскій полкъ (тогда армейскій), а товарищъ его Твороговъ въ кавалергардскій,—значитъ, считался гораздо лучшимъ. Увы, оцѣнка школьнаго начальства часто бываетъ ошибочна...

Глава III.

1834—1841 Г.

Служба въ Кирасирскомъ полку. — Крупная шалость. — Командированіе на Кавказъ.— Военныя дѣйствія на Западномъ Кавказѣ. — Участіе князя Барятинскаго въ дѣлахъ съ Горцами. — Тяжелая рана и завѣщаніе князя. — Выздоровленіе и возвращеніе въ Петербургъ. — Письмо Колюбакина и его послѣдствія. — Назначеніе состоять при Наслѣдникѣ Цесаревичѣ. — Отпускъ за границу. — Знакомство съ Гульяновымъ и пріобрѣтеніе библіотеки. — Знакомство съ замѣчательными людьми. — Вторичное путешествіе по Европѣ съ Наслѣдникомъ. — Собираніе музея рѣдкостей. — Пріобрѣтеніе библіотекъ. — Передача ихъ въ Историческій и Румянцовскій музеи. — Поѣздка въ Петербургъ съ извѣстіемъ о невѣстѣ Наслѣдника. — Свѣтская жизнь въ Петербургѣ и приключеніе на скачкахъ. — Проявленіе самостоятельнаго характера. — Примѣры этого.

Втораго Декабря 1833 г. князь Барятинскій прибылъ въ полкъ, приведенъ къ присягѣ на вѣрность службы и зачисленъ въ шестой эскадронъ.

Двухлѣтняя служба въ Гатчинскихъ кирасирахъ была, согласно съ тогдашними кавалерійскими нравами, рядомъ кутежей, шалостей, праздной свѣтской жизни. Все это не считалось однако чѣмъ нибудь предосудительнымъ, не только въ глазахъ товарищей и знакомыхъ, но и въ глазахъ высшихъ властей; даже напротивъ, какъ послѣдствія молодости и удальства, свойственнаго военному человѣку вообще, а кавалеристу въ особенности, всѣ эти кутежи и повѣсничанья, лишь бы не заключали въ себѣ ничего безчестнаго, доставляли высшимъ властямъ особый родъ удовольствія, скрываемаго подъ личиной строгости...

Странно, что въ полковомъ архивѣ не сохранилось никакихъ слѣдовъ дисциплинарныхъ взысканій съ князя Барятинскаго, хотя, по разсказамъ близкихъ къ нему людей, арестамъ онъ подвергался нерѣдко, а нѣкоторыя шалости выходили изъ разряда обыкновенныхъ. Такъ, слышалъ я, нѣсколько молодыхъ офицеровъ съ княземъ во главѣ справляли похороны живаго полковника-командира, устроили торжественное шествіе по Гатчинѣ съ гробомъ, при пѣвчихъ и проч., чѣмъ, само собою, произвели немалый шумъ... Разсказывали и иначе: на Невкѣ, или Черной рѣчкѣ весь Пе-

тербургскій аристократическій beau-monde праздновалъ чьи-то имянины въ разукрашенныхъ гондолахъ, съ музыкой, пѣвцами, пѣвицами и проч.; вдругъ въ среду гондолъ влетаетъ яликъ, на которомъ стоитъ черный гробъ, и пѣвчіе поютъ „со святыми упокой". Гребцы—князь Барятинскій, кавалергарды Сергѣй Трубецкой, Кротковъ; у руля тоже ихъ товарищъ. Гробъ сбрасывается въ воду, раздаются крики—„покойника утопили!" произошла ужасная суматоха, дамы въ обморокъ, вмѣшательство полиціи, бѣгство шалуновъ!... Этотъ разсказъ гораздо ближе къ правдѣ, какъ передали мнѣ впослѣдствіи близкіе къ князю Александру Ивановичу. Впрочемъ и та и другая шалость, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, едвали особенно кого поражали. Однако окончилась для шалуновъ эта исторія довольно печально: продолжительнымъ арестомъ на пять или шесть мѣсяцевъ поплатился князь Александръ Ивановичъ; князь Трубецкой переведенъ тѣмъ же чиномъ въ армейскій полкъ; Кротковъ, какъ старшій, былъ еще строже наказанъ. Впрочемъ особыхъ послѣдствій для служебной карьеры князя это не имѣло и письменныхъ слѣдовъ не осталось никакихъ.

Въ 1834 или 1835 г., разъ вечеромъ, у кн. Т. было довольно большое собраніе молодыхъ офицеровъ, кавалергардовъ и изъ другихъ полковъ. Въ числѣ ихъ были Александръ Ив. Барятинскій и Лермонтовъ, бывшіе товарищи по юнкерской школѣ. Разговоръ былъ оживленный, о разныхъ предметахъ; между прочимъ, Лермонтовъ настаивалъ на всегдашней его мысли, что человѣкъ, имѣющій силу для борьбы съ душевными недугами, не въ состояніи побороть физическую боль. Тогда, не говоря ни слова, Барятинскій снялъ колпакъ съ горящей лампы, взялъ въ руку стекло и, не прибавляя скорости, тихими шагами, блѣдный прошелъ черезъ комнату и поставилъ ламповое стекло на столъ цѣлымъ; но рука его была сожжена почти до кости, и нѣсколько недѣль носилъ онъ ее на привязи, страдая сильною лихорадкою.

Около того же времени, на Каменно-Островской дачѣ, принадлежащей великому князю Михаилу Павловичу, стояли,

на покатомъ газонѣ передъ дворцомъ, обращенныя къ рѣкѣ четыре пушки, подаренныя великому князю послѣ Польской войны. Веселая компанія офицеровъ, въ томъ числѣ и князь Барятинскій, привязали передъ наступленіемъ ночи къ одной изъ пушекъ веревки, которыя соединили съ поплавками опущеннаго въ воду невода. Ночью, когда неводъ былъ потащенъ рыбаками, орудіе покатилось медленно въ воду; неизвѣстно, было ли оно въ послѣдствіи вытащено или осталось въ водѣ и до сихъ поръ.

Должно быть надоѣла молодому корнету, наконецъ, эта пустая жизнь. Таившаяся въ немъ потребность дѣйствительной боевой дѣятельности, потребность осуществленія честолюбивыхъ мечтаній всякаго истинно-военнаго человѣка, мечтаній не только о крестахъ и чинахъ, но о власти, о славѣ, о томъ, что̀ можно назвать приготовленіемъ себѣ мѣста въ памяти потомства, въ исторіи, взяла свое: онъ попросился на Кавказъ, въ классическую страну войны, боевыхъ тревогъ.

Высочайшимъ повелѣніемъ, объявленнымъ 24 Марта 1835 года по гвардейскому корпусу, князь Барятинскій былъ командированъ въ войска Кавказскаго корпуса на все время предстоявшихъ въ томъ году военныхъ дѣйствій.

Тогда, въ половинѣ тридцатыхъ годовъ, начались тѣ усиленныя дѣйствія противъ горцевъ Западнаго Кавказа, которыя указывали на рѣшимость правительства покорить враждебныя племена прочно и водворить среди нихъ Русскую власть. У насъ начали сознавать безплодность разрозненныхъ, непослѣдовательныхъ походовъ-экспедицій, для наказанія и устрашенія отдѣльныхъ обществъ и ауловъ; рѣшили слѣдовать выработанному плану, извѣстной системѣ, и обратили главнѣйшее вниманіе на западную часть Кавказа, чтобъ обезпечить Восточный берегъ Чернаго моря отъ враждебныхъ намъ сношеній Черкесовъ съ Турками, Англичанами и разными авантюристами, снабжавшими горцевъ оружіемъ, порохомъ, да кстати поддерживавшими торговлю гаремнымъ товаромъ. Дѣло было поручено одному изъ луч-

шихъ генераловъ, А. А. Вельяминову, бывшему прежде ближайшимъ помощникомъ А. П. Ермолова.

Результатомъ предпринятыхъ дѣйствій должно было быть занятіе морскаго берега, устройство при устьяхъ рѣчекъ укрѣпленій, для препятствованія подходу Турецкихъ судовъ, и покореніе Черкескихъ племенъ, которыя, такимъ образомъ, должны были очутиться между нашими укрѣпленными линіями—Кубанскою и береговою. Что этотъ планъ не былъ и не могъ быть вполнѣ выполненъ, что онъ въ самой основной мысли былъ ложенъ, что нѣсколько лѣтъ усиленныхъ военныхъ дѣйствій, стоившихъ немалыхъ жертвъ и расходовъ, не дали почти никакого результата, объ этомъ я здѣсь не буду распространяться, чтобы не отдаляться отъ прямой задачи біографа и, такъ сказать, не забѣгать впередъ: мнѣ еще придется вернуться къ ходу Кавказской войны, къ ея различнымъ направленіямъ въ разныя эпохи, когда князю Барятинскому суждено было выступить важнѣйшимъ дѣятелемъ, наконецъ и рѣшителемъ этой войны.

Въ Апрѣлѣ 1835 года князь Александръ Ивановичъ простился съ Петербургомъ и уѣхалъ на Кавказъ.

Въ отрядѣ генерала Вельяминова не было регулярной кавалеріи, и потому онъ былъ прикомандированъ къ конному полку Черноморскихъ казаковъ.

Военныя дѣйствія отряда начались очень поздно. Недостатокъ средствъ и удобныхъ путей сообщенія требовали много времени и усилій. Только въ половинѣ Іюля выступилъ отрядъ изъ Ольгинскаго укрѣпленія на берегу Кубани. Движеніе стѣснялось громаднымъ транспортомъ въ три тысячи подводъ, на которыхъ, кромѣ продовольственныхъ и боевыхъ запасовъ, везлись и строительные матеріалы для возведенія новыхъ укрѣпленій. Обозъ растягивался на шесть верстъ и двигался какъ въ ящикѣ изъ войскъ; каждыя 15 минутъ происходили остановки отъ безпрерывныхъ поломокъ. На второй день движенія, напримѣръ, ихъ было до 200, а чрезъ одну сломанную телѣгу останавливался весь отрядъ!...

Прибывъ въ построенное въ предшествовавшемъ году укрѣпленіе Абинъ, отрядъ остановился, чтобы заготовить для гарнизона дровъ, сѣна и обезпечить его на зиму продовольствіемъ. Каждый день при этомъ происходили перестрѣлки, и нѣсколько раненыхъ увеличивали населеніе лазарета. Наконецъ, 16-го Августа, отрядъ двинулся далѣе въ Атакуафъ, гдѣ заложилъ промежуточное укрѣпленіе между Абиномъ и Геленджикомъ. Переходы дѣлались не болѣе трехъ-четырехъ верстъ въ день, дороги были трудно проходимыя, обозъ едва двигался; а перестрѣлки и необходимость направлять стрѣлковыя цѣпи по кручамъ, оврагамъ и лѣсистымъ чащамъ задерживали на каждомъ шагу. Всю тягость похода, конечно, выносила на себѣ пѣхота; конницѣ же, по свойству мѣстности, почти нечего было дѣлать. Тѣмъ не менѣе уже одно движеніе войскъ при такихъ условіяхъ было хорошею школою для молодаго офицера и давало наблюдательному человѣку достаточно матеріала для изученія горной войны, примѣненія къ ея разнообразнѣйшимъ случайностямъ и пріемамъ и къ устраненію ихъ, по возможности, съ наименьшими жертвами.

Когда укрѣпленіе было на столько возведено, что гарнизонъ могъ въ немъ достаточно закрыться, отрядъ двинулся далѣе для истребленія Черкесскихъ ауловъ въ ближайшихъ окрестностяхъ и, начиная съ 11-го Сентября, каждый день сопровождался жаркими перестрѣлками.

21-го Сентября командиръ Кабардинскаго полка, полковникъ Пирятинскій былъ посланъ съ отдѣльной колонной разорить значительный аулъ Бгана-Хабль. При отступленіи завязалось упорное дѣло, вынудившее послать изъ лагеря подкрѣпленіе изъ одного батальона и четырехъ сотенъ Черноморскихъ казаковъ, подъ командою полковника Безобразова. Чтобы вытѣснить изъ лѣса, примыкающаго къ дорогѣ, засѣвшихъ тамъ нѣсколько сотъ Натухайцевъ, полковникъ Безобразовъ приказалъ батальону съ одной стороны, а части спѣшенныхъ казаковъ, подъ командою корнета князя Барятинскаго, съ другой атаковать горцевъ. Сдѣлавъ нѣсколько

выстрѣловъ, казаки, увлеченные княземъ, бросились въ лѣсъ съ пиками. Дѣло завязалось жаркое; озлобленные горцы отчаянно насѣдали на наши цѣпи, разстояніе между сражавшимися сближалось на нѣсколько шаговъ, и въ одномъ мѣстѣ князь былъ тяжело раненъ ружейнымъ выстрѣломъ въ бокъ. Здѣсь судьбѣ угодно было впервыя завязать боевое товарищество князя Барятинскаго съ Кабардинцами, съ которыми впослѣдствіи сроднилъ онъ навсегда имя свое.

Рана была опасная, благополучный исходъ болѣе чѣмъ сомнительный. По разсказамъ покойнаго генералъ-адъютанта Безобразова, на глазахъ котораго происходило дѣло, у палатки раненаго уже стоялъ наскоро сколоченный гробъ.... Чувствуя близость смерти, князь продиктовалъ Безобразову нѣчто въ родѣ завѣщанія, которое сохранилось до сихъ поръ, и я привожу его здѣсь.

„Людей всѣхъ бывшихъ при немъ — на свободу. Якову 6.000 рубл. и домъ въ деревнѣ Ивановской; Новикову и Корчажину съ семействомъ по 2.000 рубл.; казаку 200 рубл. (вѣроятно вѣстовому). Несшимъ его — награжденіе. Безобразову Карабахскаго; брату Владиміру лошадь и саблю, князю Долгорукову пистолетъ; матери возвратить браслетъ; сестрамъ по кольцу; Колюбакину ружье; Трубецкому Александру кольцо, ему принадлежавшее; шкатулку старшему брату; полковнику Горскому коляску. Тѣло перевести въ Ивановское. Воронаго коня-рысака князю Сергѣю Трубецкому; оставленное оружіе у Перовскаго раздѣлить ему съ Сергѣемъ Голицынымъ. Отнестись къ родительницѣ для приличнаго награжденія пріобщавшаго его священника отца Ивана и докторовъ Земскаго и Фрейтага денежными наградами. Изложенное здѣсь была послѣдняя воля умирающаго князя Александра Ивановича Барятинскаго; въ томъ свидѣтельствуемъ: въ должности адъютанта гвардіи подпоручикъ Бибиковъ; въ томъ свидѣтельствую конно-гренадерскаго полка поручикъ Горголи; въ томъ свидѣтельствую лейбъ-гвардіи Гродненскаго гусарскаго полка поручикъ Романовъ“. Далѣе приписка ру-

кою Безобразова: „Картины Вернета Поль Г. (неразборчиво); воля его, чтобы полковникъ Безобразовъ, знавши связи его со многими товарищами, распредѣлилъ нѣкоторыя бездѣлицы, ему принадлежавшія, въ память лучшимъ его друзьямъ. Объявленнаго имъ долга Палицыну 600 р., Казнакову 200".

Еще за три мѣсяца до этого. вѣроятно предчувствуя недоброе, князь Барятинскій собственноручно написалъ слѣдующую записку: „Въ случаѣ смерти моей, поручаю князю Григорію Алексѣевичу Долгорукову распорядиться по своему усмотрѣнію оставшимся послѣ меня движимымъ имуществомъ, въ чемъ и даю сіе свидѣтельство. 13-го Іюня 1835 г." Свидѣтелемъ подписался: „20-й артиллерійской бригады бомбардиръ Сергѣй Кривцовъ". (Декабристъ).

Однако смерть пощадила человѣка, которому суждено было совершить такъ много для пользы и славы Русскаго оружія. Раненнаго увезли въ Ставрополь, гдѣ его принялъ къ себѣ старшій адъютантъ штаба Кусаковъ и, благодаря отличному уходу, возможнымъ удобствамъ, и, главное, молодому, крѣпкому организму, онъ на столько поправился, что оказалось возможнымъ перевезти его въ Петербургъ. Здѣсь, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ лѣченія, онъ почти совершенно выздоровѣлъ, хотя засѣвшую въ кости пулю вынуть не могли, и такъ она осталась на всю жизнь.

Находившійся въ отрядѣ разжалованнымъ, извѣстный Николай Петровичъ Колюбакинъ (немирнóй) по порученію генерала Вельяминова, написалъ къ княгинѣ Барятинской весьма краснорѣчивое, трогательное письмо, разсказавъ о замѣчательной храбрости ея сына, о тяжелой ранѣ имъ полученной и о сожалѣніи всего отряда. Пораженная горемъ мать показала письмо Императрицѣ Александрѣ Ѳедоровнѣ; оно сдѣлалось извѣстнымъ Государю Николаю Павловичу и всему высшему Петербургскому обществу.

Благодаря этому письму и засвидѣтельствованію генерала Вельяминова о примѣрномъ мужествѣ, оказанномъ кня-

земъ Александромъ Ивановичемъ, Государь обратилъ на него особое вниманіе, выразившееся въ производствѣ въ поручики, пожалованіи золотой сабли „за храбрость“ и личномъ посѣщеніи Наслѣдникомъ Цесаревичемъ раненаго въ его квартирѣ (при чемъ Великій Князь самъ вручилъ ему пожалованную саблю), наконецъ и назначеніемъ состоять при Его Высочествѣ, о чемъ было объявлено въ высочайшемъ приказѣ 31-го Января 1836 г. Эта перемѣна въ служебномъ положеніи князя была началомъ всего послѣдовавшаго быстраго движенія по іерархической лѣстницѣ и, безъ сомнѣнія, содѣйствовала справедливой оцѣнкѣ дѣйствительныхъ достоинствъ его.

Для возстановленія здоровья князь Александръ Ивановичъ получилъ продолжительный отпускъ за границу. Онъ путешествовалъ по разнымъ странамъ Европы; стараясь пополнить недостатки своего образованія, слушалъ въ разныхъ городахъ университетскія лекціи и особенно въ Марсели славившагося тогда профессора математики. Тамъ же онъ познакомился съ Гульяновымъ, извѣстнымъ Русскимъ лингвистомъ, этнографомъ и египтологомъ. Старикъ Гульяновъ, видя въ молодомъ человѣкѣ любознательность, жажду познаній, что̀ тогда такъ рѣдко встрѣчали въ кругу свѣтской молодежи, очень къ нему привязался. Будучи совершенно одинокимъ, не имѣя никого родныхъ и близкихъ, старикъ предложилъ князю сдѣлаться наслѣдникомъ его весьма цѣнной, многими трудами собранной библіотеки, и въ 1840 году, въ Дармштатѣ, былъ заключенъ съ нимъ договоръ, въ силу котораго за довольно значительную сумму, библіотека, оставленная въ полномъ пожизненномъ пользованіи Гульянова, послѣ его смерти становилась собственностью князя. Эта услуга дозволила Русскому ученому, боровшемуся уже съ тяжкимъ недугомъ, окончить давно начатое изданіе сочиненія: Archéologie Egyptienne ou recherches sur l'expression des signes hieroglyphiques et sur les élements de la langue sacré des Egyptiens, 3 vol.“, и вполнѣ обезпечила послѣдніе годы годы труженической жизни Гульянова, скончавшагося на чужбинѣ.

Во время этихъ же путешествій по Европѣ, въ бытность въ Парижѣ, князь посѣщалъ тамошнее общество и познакомился съ многими замѣчательными людьми того времени: съ Талейраномъ, съ Поццо ди Борго, между прочими и съ извѣстною портретистскою Vigée Le Brun. Князь разсказывалъ, что видѣлъ у нея снятые ею съ натуры портреты королевы Маріи Антуанеты и другихъ лицъ несчастной королевской фамиліи; но еще удивительнѣе были портреты m-me Dubarry, любовницы Людовика XV. Когда князь Александръ Ивановичъ выразилъ удивленіе, что художница могла знать Dubarry, m-me Le Brun отвѣчала, что во время писанія этого портрета она была даже нѣсколькими годами старше Dubarry.

Въ тоже время князь Ал. Ив. хорошо познакомился съ молодымъ графомъ de Falloux, извѣстнымъ въ послѣдствіи писателемъ, бывшимъ министромъ. De Falloux при встрѣчахъ съ знакомыми Русскими всегда отзывался съ большой похвалой о способностяхъ князя Ал. Ив. и говорилъ, что при первомъ же знакомствѣ, не взирая, что князю было всего лѣтъ 20, предвидѣлъ предстоявшую ему блестящую будущность. Въ своихъ запискахъ, напечатанныхъ во Французскомъ журналѣ „Le Correspondant“ (Февраль 1887, стр. 600) графъ De Falloux между прочимъ говоритъ: „L'aristocratie Russe, à cette date (1835), était loin d'appeler l'émancipation de paysans, mais elle la prévoyait et tacitement s'y préparait. J'ai dû à l'amitié du prince Alexandre Bariatinsky, plus turd vainquer de Schamyl et feldmaréchal, la communication d'un mémoire intime que lui avait légué son père et qui contenait, sur les abus du servage, sur l'imposibilité de leur prolongation, sur l'initiative souhaitable de la noblesse Russe, les plus nobles et le plus lumineuses instructions“ *).

---

*) Русская аристократія въ это время (1835 г.) далека была отъ мысли вызывать освобожденіе крестьянъ, хотя и предвидѣла его; она молча, пассивно готовилась къ нему. Я обязанъ дружбѣ кн. Александра Барятинскаго, впослѣдствіи побѣдителя Шамиля и фельдмаршала, сообщеніемъ частной записки, завѣщанной ему отцомъ, въ которой излагались злоупотребленія крѣпостнымъ правомъ. Говорилось о невозможности продолжительнаго его существованія, о желатель-

Въ Англіи князь проводилъ по нѣскольку мѣсяцевъ въ кругу высшаго общества, познакомился съ своеобразною его жизнью и обычаями. Во время зимняго сезона, посѣщая богатые зàмки Англійской знати, онъ участвовалъ въ любимомъ лихомъ спортѣ Англичанъ—охотѣ съ гончими на лисицъ и даже между ними успѣлъ пріобрѣсти славу смѣлаго, искуснаго наѣздника.

Среди этой свѣтской жизни и удовольствій, князь встрѣчался съ государственными людьми, извѣстными въ то время въ мірѣ военномъ и политическомъ; между прочими съ Робертомъ Пилемъ, Пальмерстономъ, лордомъ Гранвилемъ, фельдмаршаломъ герцогомъ Веллингтономъ и маркизомъ Англези, командовавшимъ кавалеріею подъ Ватерлоо. Знакомство съ этими лицами развило въ немъ являвшееся уже съ молодыхъ лѣтъ влеченіе къ изученію военнополитическихъ вопросовъ; онъ принялся за тщательное изслѣдованіе Англійскаго государственнаго строя, увлекался учрежденіями Англичанъ, ролью, которую играла въ теченіе стольких вѣковъ Англійская nobility, служившая постоянно уравновѣшивающимъ элементомъ. Онъ приписывалъ этому сословію важное историческое значеніе, именно той отличительной чертѣ его, что оно не составляло замкнутой, никому недоступной касты, а, напротивъ, принимало въ свою среду людей всѣхъ классовъ народа, конечно людей пріобрѣтшихъ извѣстность на какомъ либо поприщѣ. Въ тоже время это высшее сословіе сливалось съ народòмъ еще посредствомъ младшихъ сыновей, вносившихъ въ народную среду плоды высшаго развитія и болѣе утонченнаго воспитанія.

Быть можетъ во время этого пребыванія въ Англіи князь Барятинскій впервыя почерпнулъ мысли о маіоратахъ, ихъ основаніяхъ и правилахъ, усвоивъ ихъ еще подробнѣе пребываніемъ вслѣдъ за Англіею въ Австріи. Безъ сомнѣнія,

---

номъ со стороны Русскаго дворянства починѣ; вообще записка заключала въ себѣ самыя благородныя, свѣтлыя мысли и наставленія.

подъ вліяніемъ этихъ впечатлѣній, онъ впослѣдствіи въ своихъ имѣніяхъ, совмѣстно съ братьями, привелъ въ исполненіе давно задуманный планъ учрежденія маіората, а гораздо позже представлялъ на высшее усмотрѣніе свои взгляды на этотъ предметъ.

Въ 1838—39 годахъ, во время путешествія по Европѣ съ Великимъ Княземъ Наслѣдникомъ Александромъ Николаевичемъ, въ свитѣ котораго находился и другъ князя Барятинскаго, графъ Іосифъ Михайловичъ Віельгорскій, онъ, не смотря на неразлучныя съ такимъ образомъ жизни развлеченія, находилъ время интересоваться и болѣе серьезными предметами. Оба друга посвящали главнымъ образомъ свое вниманіе всему касающемуся исторіи Россіи и Славянскихъ народовъ. Съ этою цѣлью они собирали сочиненія на разныхъ языкахъ, рукописи, древности, картины, оружіе, историческіе портреты и проч. Расходы дѣлались общіе, съ условіемъ, что со смертію одного все переходитъ въ собственность остающагося въ живыхъ.

Сохранилось нѣсколько писемъ графа Віельгорскаго къ князю, изъ которыхъ видно, съ какимъ неослабѣвающимъ усердіемъ они относились къ своему предпріятію—основанію музея, названнаго ими „Русскій Сборникъ". 28 Ноября 1838 г. изъ Рима Віельгорскій писалъ, между прочимъ: „Я сдѣлалъ такую находку для нашего кабинета, что едва удержался на ногахъ отъ восхищенія. Это три картины Русскія, подобныхъ которымъ нѣтъ во всей Россіи. Я тебѣ не пишу, что́ это именно такое и гдѣ онѣ, потому что если Жуковскій узнаетъ, то тотчасъ заставитъ Великаго Князя купить. Я далъ уже порученіе достать ихъ и, быть можетъ, мы ихъ получимъ за безцѣнокъ; владѣлецъ картинъ не понимаетъ ихъ важности и продаетъ дешево; я обѣщалъ до трехъ тысячъ и каждый день ожидаю извѣстій объ успѣхѣ. Здѣсь я надѣюсь купить много Латинскихъ и Итальянскихъ книгъ, относящихся до Россіи и Славянскихъ земель. Въ будущемъ году наша библіотека будетъ имѣть до 2000 томовъ однѣхъ иностранныхъ сочиненій".

„Здѣсь 26 Русскихъ художниковъ, ожидающихъ заказовъ и сидящихъ безъ работы; никто изъ нашихъ дворянъ имъ ничего не заказываетъ“.

Въ слѣдующемъ письмѣ отъ Декабря Віельгорскій говоритъ подробнѣе о картинахъ. „1-я, портретъ боярина Микулина, посла нашего въ Лондонѣ, въ 1600 году, онъ очень хорошо сохраненъ и прекрасной работы; 2-я, когда Татары около 1570 года наводнили Россію, царь Іоаннъ Грозный собирался бѣжать въ Новгородъ и просилъ королеву Елисавету дать ему убѣжище въ Англіи и отыскать невѣсту; тогда былъ сдѣланъ портретъ его и отправленъ въ Лондонъ. По всѣмъ справкамъ это долженъ быть тотъ же самый портретъ; онъ хорошо сдѣланъ и хорошо сохраненъ. Слѣдовательно, это первый Русскій портретъ существующій! 3-я, самая большая драгоцѣнность въ отношеніи костюма, картина представляющая князя Прозоровскаго, пóсла нашего въ Лондонѣ (при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ) съ своими сыновьями. Здѣсь видна вся пышность и великолѣпіе боярскаго костюма; одинъ изъ сыновей подаетъ ему шапку, другой жезлъ; видны всѣ подробности кафтана, рубашки, унизанной жемчугомъ, шапки, покрытой дорогими каменьями; работа удивительная. Это неоцѣнимая рѣдкость. Я окаменѣлъ, когда увидѣлъ. Эта одна картина, которую нашъ консулъ въ Генуѣ Смирновъ продаетъ и хочетъ за нее 8000 франковъ наличными деньгами. Съ другими онъ разстаться не хочетъ. Всѣ три онъ нашелъ въ Лондонѣ у антикварія, который хотѣлъ ихъ замазать, не понимая буквъ, которыя на нихъ назначены (sic). На картинѣ Прозоровскаго есть описаніе оной Славянскими буквами. Чтò скажешь? Я равнодушно объ этомъ не могу думать.... Между тѣмъ я здѣсь собралъ до 50 сочиненій Латинскихъ и Итальянскихъ. Ты ихъ у меня увидишь. Одно 1557 г., другое 1600 г. съ картинами Русскими“.

Въ другомъ письмѣ, отъ 30 Января 1839 года, Віельгорскій сообщалъ своему другу, что какой-то Шуховъ въ Москвѣ собралъ для нихъ: 1) ножъ, оправленный въ золото, съ яхонтами, боярина Головина; 2) рукопись съ надписью

патріарховъ; 3) грамоту императрицы Анны; 4) указъ Екатерины съ собственноручными приписками; 5) грамоту бургомистровъ г. Риги, по коей Петръ I-й утверждаетъ ихъ права на сто лѣтъ; 6) часы патріарха Никона; 7) грамоту царя Михаила Өеодоровича Ляпунову; 8) 11 указовъ Петра I-го бригадиру Кропотову, съ собственноручными отмѣтками; 9) письмо Макарова о смерти Петра I-го; 10) универсалъ Меншикова; 11) Татарскій шлемъ съ Куликова поля. „Работы по Русской библіографіи сильно подвигаются и теперь, прибавляетъ Віельгорскій, я составляю Французскую библіографію о Россіи, трудъ громадный. Беръ писалъ мнѣ, что досталъ для тебя Крамера (Polonia 1589, fol), о которомъ ты хлопоталъ“ и т. д.

Однимъ словомъ, молодые люди не исключительно предавались окружавшей ихъ пустой, свѣтской жизни, и находили средства и время для занятій, доказывающихъ стремленіе къ пріобрѣтенію серьезныхъ историческихъ познаній. О достоинствѣ же собираемыхъ ими книгъ и рукописей можно судить потому, что Археографическая Комиссія, подъ предсѣдательствомъ министра народнаго просвѣщенія Норова, приступая къ изданію матеріаловъ къ исторіи Петра Великаго и особенно въ подробности дѣла Шакловитаго, 10 Марта 1847 г. № 41 обращалась къ князю Александру Ивановичу Барятинскому съ просьбою сообщить нѣсколько свитковъ слѣдственнаго дѣла о Шакловитомъ, находящихся въ принадлежавшемъ ему собраніи.

Графъ Віельгорскій умеръ въ 1839-мъ году, и его собранія перешли въ собственность князя Барятинскаго. Эти собранія составляли въ то время почтенную цифру 12 тыс. томовъ; но цифра эта не осуществляла еще завѣтной мысли князя, желавшаго создать изъ своей библіотеки стройное цѣлое, сдѣлавъ ее доступною для ученыхъ изслѣдователей. Съ этою цѣлью онъ одинъ изъ первыхъ воспользовался предложеніемъ вдовы Гильфердинга и въ началѣ 1873 года пріобрѣлъ библіотеку ея покойнаго мужа, состоявшую изъ 2.700 слишкомъ томовъ и заключавшую въ себѣ обильные

матеріалы сравнительнаго языкознанія, исторіи и этнографіи Славянскихъ народовъ. Но и этимъ значительнымъ приращеніемъ покойный фельдмаршалъ еще не удовольствовался. Уже съ 1866 года не оставляла его мысль о пріобрѣтеніи одной изъ замѣчательнѣйшихъ библіотекъ, составлявшей собственность поселившагося въ Женевѣ Русскаго, г-на Касаткина. Веденные со вдовою его, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, переговоры увѣнчались наконецъ въ 1874 году успѣхомъ, и библіотека, вмѣщавшая въ себѣ 25 тыс. книгъ по разнымъ отраслямъ науки, а также значительную коллекцію эстамповъ, была пріобрѣтена за 45 т. франковъ.

Такимъ образомъ, цѣною большихъ усилій, настойчивости и пожертвованій, составилась огромная библіотека изъ шестнадцати особыхъ отдѣловъ въ числѣ около 42 т. томовъ, приведенная въ полный, стройный порядокъ и систему. Послѣ смерти фельдмаршала, библіотека, согласно его волѣ, досталась младшему его брату, которому онъ при жизни неоднократно передавалъ свое желаніе, чтобы она могла принести пользу ученому міру. Для достиженія этой цѣли, въ 1882 году было рѣшено передать всю библіотеку въ Московскій Императорскій Историческій и Румянцовскій музеи въ 25-лѣтнее пользованіе съ предоставленіемъ права всѣмъ посѣщать ее съ научными цѣлями, на общихъ правилахъ, существующихъ для публичныхъ библіотекъ. Эта передача была окончательно произведена въ Сентябрѣ 1887 года.

Когда выборъ Великаго Князя Цесаревича Александра Николаевича палъ на принцессу Гессенъ-Дармштадскую, Его Высочество послалъ съ этимъ радостнымъ извѣстіемъ къ родителямъ своего адъютанта князя Барятинскаго. Проскакавъ безъ остановки до Петербурга, князь на 11-й день рано утромъ явился прямо въ Зимній Дворецъ къ Императору Николаю. Государь былъ пораженъ быстротою этого путешествія (тогда это называлось чуть не баснословно-быстрой ѣздой). Обрадованный извѣстіемъ, Николай Павловичъ самъ повелъ князя въ свою уборную, велѣлъ ему умыться въ

своемъ присутствіи и все время распрашивалъ о сынѣ и невѣстѣ, послалъ за Императрицей, бывшей еще въ постели, за Великими Княжнами и сообщилъ имъ радостное извѣстіе.

По возвращеніи въ 1840 году съ Наслѣдникомъ изъ-за границы, князь Александръ Ивановичъ жилъ большею частію въ Петербургѣ, велъ свѣтскую жизнь, держалъ скаковыхъ лошадей и самъ участвовалъ въ Царскосельскихъ скачкахъ. На одной изъ нихъ, съ самыми трудными препятствіями, подъѣзжая уже первымъ къ царской трибунѣ, когда оставалось преодолѣть одно препятствіе, лошадь (чистокровная Англійская кобыла) задѣла задними копытами за барьеръ, упала, переломила себѣ шею и околѣла на мѣстѣ; ѣздокъ же, перелетѣвъ чрезъ голову лошади на значительное разстояніе, лишился чувствъ и былъ вынесенъ замертво, къ крайнему испугу всѣхъ присутствовавшихъ. Около мѣсяца находился онъ въ безсознательномъ состояніи.

По выздоровленіи, князь Барятинскій продолжалъ туже придворную, свѣтскую жизнь, пользуясь большимъ успѣхомъ въ дамскомъ обществѣ, что̀ и неудивительно, если вспомнить какой статный красавецъ былъ этотъ представитель рода князей Барятинскихъ. Само собою, Александръ Ивановичъ принималъ участіе во всѣхъ придворныхъ празднествахъ, на которыхъ обращалъ на себя особое вниманіе. Въ Царскосельскомъ арсеналѣ и теперь еще можно видѣть желѣзные рыцарскіе доспѣхи и оружіе лицъ, участвовавшихъ въ бывшемъ въ 1842 г. каруселѣ, въ томъ числѣ и князя. Но и тогда уже, хотя въ маленькихъ чинахъ, онъ заявлялъ нѣкоторую самостоятельность и твердость характера, о чемъ можно судить по слѣдующимъ примѣрамъ. Въ Государственномъ Совѣтѣ обсуждалось дѣло, касавшееся крупнаго процесса между двумя землевладѣльцами, изъ которыхъ одинъ князь Витгенштейнъ былъ въ родствѣ съ Александромъ Ивановичемъ (другой былъ графъ Тышкевичъ). Въ правотѣ Витгенштейна князь былъ убѣжденъ. Самъ Государь и члены Государственнаго Совѣта были противнаго мнѣнія. Доставъ за-

писку подробно излагавшую все дѣло, князь Александръ Ивановичъ тщательно изучилъ ее, переписалъ, а всѣ тѣ мѣста, въ которыхъ онъ находилъ явныя противорѣчія, отмѣтилъ красными чернилами и явился прямо къ Государю съ этою запискою. Кто помнитъ тѣ времена, тотъ ясно себѣ представитъ, какою долею смѣлости нужно было обладать для подобнаго поступка.

Другой примѣръ настойчивости въ защитѣ праваго дѣла еще поразительнѣе. Въ 40-хъ годахъ, въ Вильнѣ, былъ арестованъ докторъ медицины Мяновскій по подозрѣнію въ участіи въ мятежныхъ дѣйствіяхъ и содержался уже около двухъ лѣтъ въ строгомъ заточеніи, съ изнурительными лишеніями. Князь Барятинскій, отъ сестры своей, жившей въ то время въ своемъ имѣньи Веркахъ, недалеко отъ Вильны, узналъ о положеніи Мяновскаго и притомъ о большомъ сомнѣніи на счетъ правдивости доноса, вызвавшаго преслѣдованіе Мяновскаго. Онъ опять обратился прямо къ Государю, и Николай Павловичъ приказалъ флигель-адъютанту Назимову произвести слѣдствіе. Послѣ дѣло это перешло еще и къ генералъ-адъютанту Кавелину. По строгомъ разслѣдованіи въ Вильнѣ, ложность обвиненія Мяновскаго была доказана, и докторъ былъ тотчасъ же освобожденъ, обвинитель же его строго наказанъ. Мяновскій въ послѣдствіи переѣхалъ въ Петербургъ, былъ домашнимъ врачемъ Великой Княгини Маріи Николаевны, имѣлъ громадную практику, затѣмъ былъ ректоромъ Варшавскаго университета.

Въ позднѣйшее время, уже будучи на высшихъ ступеняхъ военной іерархіи, князь Александръ Ивановичъ много разъ имѣлъ случай проявить тѣже черты твердости характера и душевной доброты. Такъ однажды въ Скерневицахъ, когда у князя гостилъ Цесаревичъ Александръ Александровичъ съ Супругою, въ одной изъ охотъ устроенныхъ фельдмаршаломъ для Его Высочества, онъ просилъ разрѣшенія Великаго Князя взять съ собою на охоту католическаго священника, хорошо знакомаго со всѣми мѣстными условіями

для наилучшаго выслѣживанія дичи. Великій Князь согласился и былъ очень доволенъ указаніями ксендза, а послѣ спросилъ, чѣмъ могъ бы наградить его за доставленное удовольствіе. Ксендзъ воспользовался такимъ милостивымъ вниманіемъ и просилъ объ освобожденіи двухъ, безвинно сосланныхъ въ отдаленныя губерніи ксендзовъ—друзей его. По произведенному изслѣдованію, эти два священника оказались дѣйствительно заслуживающими помилованія, и они были освобождены изъ ссылки. Само собою, совершилось это лишь благодаря князю Александру Ивановичу, нарочно и устроившему участіе въ охотѣ священника и поддержавшему его просьбу.

НОВОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ ЛЕРМОНТОВА.

Сердце.

У сердца сокровищъ такъ много!
Какъ въ море — въ открытую грудь
Они такъ обильно отъ Бога
Живыми струями текутъ.

И жаждетъ душа подѣлиться
Въ избыткѣ съ другою душой,
И сердцу влюбленному биться
Привольно въ груди молодой.

Но что? говорятъ: неизбѣжно
Придетъ, злое время придетъ,
И все что люблю я такъ нѣжно,
Какъ призракъ вдали пропадетъ,

И будто въ груди благородной
Изсякнутъ живыя струи,
И сердцу разсудокъ холодный
Предпишетъ законы свои.

И сердца богатства я взвѣшу,
На рынокъ пойду ихъ мѣнять.
Кого же я этимъ утѣшу?
Что жъ будетъ меня утѣшать?

Увы! говорятъ: неизбѣжно
Придетъ злое время, придетъ!
И все что люблю я такъ нѣжно,
Какъ призракъ вдали пропадетъ!

1812 *).

*) Съ подлинника, принадлежащаго А. Н. Бахметевой и подареннаго ей пріятелемъ поэта, Н. Н. Поливановымъ. П. Б.

МЕЛОЧИ.

Дочь гетмана графа Разумовскаго, извѣстная Наталья Кириловна Загряжская, которой разсказовъ про старину заслушивался Пушкинъ, была не только очень умна, но добра и благотворительна. Цѣлыя поколѣнія уважали и любили эту старуху. Мѣткіе отзывы ея пересказывались въ обществѣ. На блестящихъ собраніяхъ у канцлера князя Кочубея (женатаго на ея племянницѣ Васильчиковой), она оживляла бесѣду, и вокругъ нея тѣснились лучшіе представители общества. Ея связи съ дипломатическимъ кругомъ заведены были еще въ прошломъ вѣкѣ и поддерживались по преданію, чему способствовало то, что братъ ея князь Андрей Кириловичъ перебывалъ на посольствахъ при многихъ дворахъ. Славный графъ С. Р. Воронцовъ, равно какъ и лордъ Мальмсбюри, были ея пріятелями. Вотъ любопытная черта въ ея характерѣ, напоминающая объ ея Малороссійскомъ происхожденіи. Въ старости она охромѣла, и въ карету ее сажали не иначе какъ на кожанныхъ носилкахъ; движеніе по лѣстницамъ сдѣлалось для нея совсѣмъ затруднительно. Но у нея всегда было за кого просить министровъ и людей высокопоставленныхъ. Подъѣзжая къ крыльцу такого лица, она посылала звать его къ себѣ; а между тѣмъ у нея было отдано приказаніе выѣздному слугѣ отворять дверцу кареты лишь тогда, какъ она постучитъ своею палкою. Если человѣкъ очень ей нуженъ, она пригласитъ его сѣсть къ себѣ въ карету, въ противномъ случаѣ переговоритъ съ нимъ, опустивъ каретное окно. Вызванный сановникъ спѣшилъ покончить бесѣду, во всемъ соглашался и долженъ былъ исполнить данныя ей обѣщанія, подвергаясь иначе неудовольствію канцлера Кочубея, который звалъ Наталью Кириловну матушкой и котораго она, кажется, держала въ повиновеніи, живя у него въ домѣ. Просить и ходайствовать за другихъ стало ей за обычай и, совсѣмъ состарившись, она иногда въ дѣлахъ тяжебныхъ, по забывчивости, хлопотала за обѣ стороны.

(*Слышано отъ внучатной ея племянницы княжны В. Н. Репниной.*)

*

Кто-то изъ иностранныхъ дипломатовъ однажды позволилъ себѣ спросить у Императора Николая Павловича, за чѣмъ въ Россіи умножается число войскъ.—„За тѣмъ, отвѣчалъ Государь, чтобы меня о томъ не спрашивали.“

(*Отъ графа Д. Н. Блудова*).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1888 года.

(ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ.)

Въ 1888 году въ „Русскомъ Архивѣ“ печатается біографія фельдмаршала князя А. И. Барятинскаго, написанная А. Л. Зиссерманомъ по неизданнымъ служебнымъ и частнымъ бумагамъ, съ портретами и рисунками.

Президентъ Императорской Академіи Наукъ графъ Д. А. Толстой почтилъ наше изданіе, передавъ намъ Записки предка своего графа П. А. Толстаго. Въ 1888 году продолжатся печатаніемъ въ „Русскомъ Архивѣ“ Записки Н. Н. Карскаго и Воспоминанія (экономическія и бытовыя) В. А. Кокорева. Сенаторъ Н. П. Семеновъ помѣститъ въ „Русскомъ Архивѣ“ нѣсколько важныхъ бумагъ по исторіи раскрѣпощенія помѣщичьихъ крестьянъ. Къ изданію въ „Русскомъ Архивѣ“ приготовлены нѣкоторыя новооткрытыя бумаги императрицы Екатерины Великой и князя Долгорукаго (Русскаго посла при Фридрихѣ Великомъ), письма изъ Петербурга въ Берлинъ Масона, письма баронессы Криднеръ и графа Каподистріи къ графинѣ Эдлингъ, переписка о поединкѣ Пушкина и пр. и пр. Намъ дозволено пользоваться сокровищами Государственнаго Архива. Словомъ, запасы „Русскаго Архива“ обильны.

Историческое освѣщеніе минувшаго получило въ нашъ вѣкъ великую важность. Оно сказывается даже при самомъ простомъ подборѣ матеріаловъ, и отъ того, какъ смотритъ издатель на свою работу, зависитъ часто самое содержаніе его книжекъ. Не имѣвъ доселѣ возможности выразить въ особомъ изложеніи нашъ образъ мыслей въ этомъ отношеніи, предлагаемъ читателямъ въ 1888 году сборникъ статей Николая Михайловича Павлова. Наша дѣятельность одинаково протекала между двумя направленіями Московской печати. Связанные пріязнью съ И. С. Аксаковымъ, оба мы въ тоже время сохраняли неизмѣнное уваженіе къ трудамъ М. Н. Каткова, нашего профессора и наставника. Но историческія занятія страхуютъ отъ одностороннихъ увлеченій, заставляя доискиваться примиренія въ духѣ истины. Въ такомъ смыслѣ и обсужены наши внутренніе и бытовые вопросы въ предлагаемомъ сборникѣ, который самъ представляетъ собою историческую книгу.

Цѣна Сборнику въ отдѣльной продажѣ **два** рубля. Для подпищиковъ „Русскаго Архива" на 1888 годъ **одинъ** рубль съ пересылкою.

Годовая цѣна „Русскому Архиву" въ 1888 году за 12 книжекъ съ пересылкою и доставкою—**девять** рублей, со сборникомъ статей Н. М. Павлова **десять** рублей.

Для Германіи — **одиннадцать** рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ **двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается **въ Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива", близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ; въ **Петербургѣ**, на Невскомъ, въ домѣ 49, кв. 74-я и въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени".

Составитель и издатель „Русскаго Архива" **ПЕТРЪ БАРТЕНЕВЪ.**

РУССКІЙ АРХИВЪ

1888

2.

Приложенъ для подписавшихся сборникъ статей Н. М. Павлова (Н. Вицина):
„Наше переходное время“.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1888.

ПУТЕШЕСТВІЕ СТОЛЬНИКА П. А. ТОЛСТАГО

1697—1699.

Въ библіотекѣ Казанскаго университета находится рукопись, озаглавленная „Путешествіе стольника Петра Толстаго по Европѣ въ силу царскаго указа отъ 7205 года Января 11-го дня, т.-е. 1697 года по Р. Х. На 161 полулистахъ". Краткое содержаніе этой рукописи изложено г. Артемьевымъ въ его „Описаніи рукописей, хранящихся въ библіотекѣ Императорскаго Казанскаго университета". Спб. 1882 г. стр. 57—59.

Путешествіе это совершено Петромъ Андреевичемъ Толстымъ, впослѣдствіи извѣстнымъ министромъ императора Петра Великаго.

Въ 1859 г. Нилъ Александровичъ Поповъ описалъ эту рукопись, сдѣлавъ изъ нея довольно подробныя выписки, въ помѣщенной въ „Атенеѣ" статьѣ „Путешествіе въ Италію и на о. Мальту стольника П. А. Толстаго въ 1697 и 1698 годахъ" (стр. 300—339). Въ 860 г. г-нъ Поповъ опять коснулся вкратцѣ этой рукописи въ помѣщенной имъ въ Майской книжкѣ „Русскаго Вѣстника" статьѣ „Изъ жизни П. А. Толстаго, одного изъ слѣдователей по дѣлу царевича Алексѣя Петровича" (стр. 319—346), а въ 1875 г. вновь привелъ ее въ біографіи графа Петра Андреевича Толстаго напечатанной въ изданіи „Древняя и Новая Россія" (стр. 226—244). Но вполнѣ рукопись эта не была напечатана; потому, полагаю, читатели „Русскаго Архива" не найдутъ излишнимъ помѣщеніе точной ея копіи, списанной съ подлинника, принадлежащаго Казанскому университету.

Въ 1697 году посланы были императоромъ Петромъ въ чужіе края 37 человѣкъ лучшихъ фамилій для науки воинскихъ дѣлъ, именно морскаго дѣла, для чего дана имъ была соотвѣтственная инструкція и велѣно, по возможности, участвовать въ морскомъ бою, и взять съ собою по одному солдату или своего человѣка, чтобы пріучать ихъ къ мореплаванію. Въ числѣ ихъ былъ стольникъ Петръ Толстой. Въ выданной ему рекомендательной проѣзжей грамотѣ сказано: „Въ той Великаго Государя вышеписанной грамотѣ написано: Петръ Толстой дворянинъ и безъ прозванія для того, чтобъ въ иноземныхъ краяхъ подлинно не вѣдали какого чина и ка-

кихъ породъ для той вышеписанной науки въ ихъ государства посланы". Кромѣ того дано ему особое рекомендательное письмо къ Венеціанскому дожу Сильвестро Валоріо. Въ то время Толстому было 52 года (онъ родился въ 1645 году), онъ былъ уже отцомъ и дѣдомъ, и готовность его начать въ эти годы изучать новыя спеціальныя науки, къ которымъ притомъ онъ не имѣлъ особой склонности, показываетъ замѣчательную силу воли: явно, онъ былъ проникнутъ сознаніемъ необходимости предстоявшихъ преобразованій и готовился тѣмъ или другимъ способомъ принять въ нихъ участіе. Хотя онъ исполнилъ добросовѣстно данную ему инструкцію и выучился морскому дѣлу, какъ было приказано, но посвятилъ преимущественно свое время на знакомство съ мѣстностями: онъ объѣхалъ всю Италію, изучилъ ее внимательно и вполнѣ овладѣлъ Итальянскимъ языкомъ, на которомъ впослѣдствіи говорилъ и писалъ *).

Толстой выѣхалъ изъ Москвы 26-го Февраля 1697 года, дѣлая въ день отъ 3 до 40 верстъ, и отправился обратно въ Москву изъ Силезіи, проѣхавъ 1412 верстъ.

Сдѣланное имъ описаніе своего путешествія, по характеру, складу понятій и воззрѣній и по направленію своему, всецѣло принадлежитъ эпохѣ древней Россіи, что́ и понятно, потому что оно было написано до наступленія реформеннаго времени. Проникнутый глубокою религіозностію, знатокъ церковной обрядности, Толстой болѣе всего обращалъ вниманіе на храмы и богослуженіе, на различія вѣроисповѣданій, на ученія христіанскихъ церквей.

Въ этомъ отношеніи любопытны сообщенныя имъ свѣдѣнія о положеніи Уніатовъ въ западныхъ (тогда Польскихъ) провинціяхъ. Изъ нихъ видно, что Унія сдѣлала тогда еще мало успѣховъ и что латынство не успѣло изуродовать православныхъ обрядовъ въ уніатской церкви; а Римская церковь дѣлала только усилія къ своему распространенію. Такъ онъ пишетъ: „Жители Могилева мѣщане всѣ благочестивой вѣры"... „Въ томъ городѣ Римской вѣры людей немного, и костеловъ Римскихъ только два, и тѣ гораздо небольшіе, одинъ каменный, зѣло древній, другой деревянный, въ которомъ служатъ езувиты, и каменный костелъ называютъ фарою, и служатъ въ немъ плебаны; да на предмѣстьи церковь Римская деревянная, у той церкви живутъ законники Римскіе".... „Въ Могилевѣ жъ вновь строятъ езувиты каменный кляшторъ, то есть монастырь Польскій, и построено ужъ много того монастыря каменнымъ строеніемъ". Между тѣмъ въ Могилевѣ было въ это время два православныхъ монастыря, одинъ мужской, другой женскій, а въ посадѣ 11 православныхъ церквей. О городѣ

---

*) Это пригодилось ему впослѣдствіи, когда государь послалъ его найти и привезти изъ Италіи въ Россію царевича Алексѣя Петровича. П. Б.

Борисовѣ онъ говоритъ: „Жители въ городѣ Борисовѣ и на посадѣ благочестивой Греческой вѣры“.. „Тутъ же предъ посадомъ монастырь благочестивой Греческой вѣры“.... „Въ томъ городѣ Борисовѣ Уніатовъ нѣтъ“. „Въ Борисовѣ жъ есть костелъ Римской вѣры одинъ деревянный; въ немъ служатъ Плебаны, то есть бѣлые попы“. Въ Минскѣ былъ уніатскій монастырь Базиліановъ; „убранія въ той церкви“, отмѣчаетъ путешественникъ, „всѣ по обыкновенію благочестивой Греческой вѣры“. Латинство сдѣлало уже тогда довольно успѣховъ въ Минскѣ; въ немъ было четыре мужскихъ Римско - католическихъ монастыря: Іезуитскій, Бернардинскій, Доминиканскій и Францисканскій и два женскихъ —Бенедиктинокъ и Бернардинокъ; былъ тамъ также и православный монастырь. Въ Слонимѣ Толстой нашелъ три мужскихъ монастыря и одинъ женскій, а въ городѣ Мирѣ—костелъ и уніатскую церковь. Напротивъ того, объ Оршѣ, гдѣ онъ былъ на возвратномъ пути въ Россію, у него записано: „народу больше Греческой вѣры, церкви всѣ Греческія, уніатовъ и церквей ихъ въ Оршѣ нѣтъ“. Вообще видно, что въ это время Бѣлоруссія еще мало была окатоличена.

Почти по всѣмъ городамъ, Толстой описываетъ алтари и престолы въ костелахъ, одежду священнослужителей, Римское богослуженіе, церковныя процессіи и т. п. Не забылъ онъ также отмѣтить нѣкоторыя незначительныя обрядовыя разницы въ церквахъ западнаго края съ Русскою.

Вообще онъ все сравнивалъ съ тѣмъ, что̀ зналъ и видѣлъ въ Россіи. Такъ о рѣкѣ Вислѣ въ Варшавѣ онъ говоритъ: „Та рѣка Висла величествомъ подобна рѣкѣ Волгѣ, текущей подъ городомъ Ярославлемъ“. Мѣриломъ для него была Москва: рѣку Москву сравниваетъ онъ съ видѣнными имъ рѣками во время путешествія, а католическіе костелы съ Успенскимъ соборомъ, находящійся въ немъ образъ Владимирской Божіей Матери съ образомъ Ченстоховской Богородицы и т. п. Его поражало то чего не могъ онъ найти тогда въ своемъ отечествѣ; такъ онъ описываетъ госпитали и видѣнное въ нихъ бальзамированіе, оранжереи или, какъ ихъ называетъ, „чуланы“, арсеналы и адмиралтейства, гостинницы, театры, игорные дома (редуты), уличные фонари. „Отъ тѣхъ фонарей въ Вѣнѣ“, приписываетъ онъ, „по вся ночи бываетъ по улицамъ и переулкамъ великая свѣтлость“ и т. п. Вообще онъ отмѣчаетъ то, чего прежде не видалъ, такъ что изъ его описанія отрицательно, такъ сказать, можно узнать чего не было въ Россіи. Напримѣръ у него записано: „Никогда въ Римѣ по улицамъ и переулкамъ грязи не бываетъ“, или же: „Въ Венеціи саней не знаютъ, цвѣты во весь годъ бываютъ“. Говоря объ Итальянкахъ, онъ прибавляетъ: „Главы имѣютъ жены и дѣвицы непокровенны“.

Пріѣхавъ въ Варшаву во время отпѣванія короля Іоанна Собіескаго, Толстой присутствовалъ на сеймѣ и такъ описываетъ сенаторскую избу,

къ которой этотъ сеймъ происходилъ: „Въ той палатѣ бываетъ у Поляковъ сеймъ, у которой палаты окна великія, окончины были стекольчатыя, всѣ повыломлены, и окна разбиты отъ нестройнаго совѣта и отъ несогласія во всѣхъ дѣлахъ пьяныхъ Поляковъ. Всегда у нихъ между собою мало бываетъ согласія, въ чемъ они много государства своего растеряли; однакожъ, когда напьются пьяны, не тужатъ о томъ и не скорбятъ, хотя бы и всѣ сгибли". Указывая мѣстность, гдѣ происходитъ избраніе короля, „великій сарай досчатый, который Поляки называютъ шопою, подобно тому какъ дѣлаются покои скотскіе", онъ говоритъ: „во истину и Поляки своимъ дѣломъ во всемъ подобны скотинѣ, понеже не могутъ никакого государственнаго дѣла сдѣлать безъ боя и безъ драки, и для того о всякихъ дѣлахъ выѣзжаютъ думать въ поле, чтобъ имъ просторно было безъ размышленія побиваться и гинуть въ томъ вышеписанномъ сараѣ".

Морскому дѣлу началъ учиться П. А. Толстой въ Венеціи у капитана Георгія Роджи, и 12-го Сентября началъ свою морскую практику, заходилъ въ Зару въ Далмаціи, въ Корсунь, Траву и возвратился въ Венецію 3 Ноября, испытавъ сильную бурю при переходѣ туда изъ Поренцы, впрочемъ, какъ пишетъ: „въ добромъ здравіи, однакожъ видѣлъ много смертныхъ страховъ", и получилъ аттестатъ отъ капитана корабля „Елисавета", на которомъ плавалъ.

Въ Мартѣ слѣдующаго года онъ сдѣлалъ сухопутное путешествіе по сѣверной Италіи, побывалъ въ Виченцѣ, Веронѣ, Бергамо и Миланѣ. Болѣе всего интересовали его храмы, монастыри и находящіяся въ нихъ чудотворныя иконы и мощи, также церковныя процессіи; онъ описываетъ ихъ съ большою подробностію, и все касающееся до религіи обращаетъ на себя особое его вниманіе; такъ, разсказывая о православной церкви св. Георгія въ Венеціи, онъ отмѣчаетъ нѣкоторыя богослужебныя разности церквей Греческой и Русской.

1-го Іюня онъ пошелъ опять изъ Венеціи въ море; въ Дубровникѣ представлялся князю Рагузскому. „А говорилъ со мною князь Рагузскій, приписываетъ онъ, „Славянскимъ языкомъ". Побывавъ въ Албаніи, онъ свидѣтельствуетъ, что живущіе тамъ Сербы „къ Московскому народу зѣло привѣтны и почитательны". Затѣмъ отправился онъ въ Катарро и въ Баръ для поклоненія мощамъ св. Николая. Плаваніе до Бара продолжалось до 22-го Іюня, и капитанъ фрегадона Каретели выдалъ ему аттестатъ, въ которомъ сказано, что встрѣтились они съ Турецкими корсарами, но что Турки отъ нихъ ушли. Въ этомъ аттестатѣ упомянуто, что во время бури, „именованный дворянинъ Московскій, купно съ солдатомъ, всегда былъ небоязливъ, стоя и опираяся злой фортунѣ".

Пріѣхавъ 29-го Іюня въ Неаполь, Толстой описываетъ подробно этотъ городъ и его окрестности, а также видѣнную имъ тамъ казнь ко-

лесованія. Затѣмъ отправился онъ въ Мальту. На этомъ переходѣ видѣли они кита и едва успѣли ускользнуть отъ Турецкихъ кораблей, съ одного изъ коихъ въ нихъ стрѣляли. Повидимому Толстой довольно ознакомился уже съ морскимъ дѣломъ, потому что поправилъ невѣрно намѣченный капитаномъ его судна путь къ Мальтѣ. Въ этомъ городѣ онъ представлялся гросмейстеру ордена; тотъ присылалъ ему ежедневно свою карету съ Мальтійскимъ кавалеромъ, съ которымъ Русскій путешественникъ разговаривалъ по-итальянски. При отъѣздѣ изъ Мальты гросмейстеръ выдалъ ему листъ, въ которомъ изложилъ почетный его пріемъ, а также упомянулъ объ опасности, которой онъ подвергался, при встрѣчѣ съ Турецкими судами. Довольно подробно описанъ въ рукописи городъ Мальта, и изложены правила Мальтійскаго ордена. Послѣ этого Толстой посѣтилъ Сицилію, былъ въ Мессинѣ и, возвратившись въ Неаполь, поѣхалъ въ Римъ.

Въ Римъ пріѣхалъ онъ 13 Августа и посвятилъ все свое время на ознакомленіе съ памятниками вѣры и религіозныхъ предметовъ. И здѣсь, какъ въ Польскихъ провинціяхъ, онъ старался вникнуть въ положеніе Уніатовъ. Описывая уніатскую церковь въ Римѣ, онъ говоритъ, что въ ней совершается ежедневно литургія по Римскому обряду, а послѣ нея уніатская, и молятъ Бога на своей обѣднѣ за папу Римскаго. „У той церкви служатъ два попа уніатскихъ и мудрствуютъ всѣ Уніаты о исхожденіи Святаго Духа равно съ католиками... При той уніатской церкви построенъ домъ, въ томъ домѣ живутъ три человѣка Езувитовъ, которые учатъ Уніатовъ до философіи и богословія и иныхъ высокихъ наукъ и держатъ у себя уніатскихъ учениковъ по 24 человѣка на папежской платѣ; а архіепископу уніатскому даетъ папа изъ своей казны на годъ по 500 шкудовъ Римскихъ“. Объ единственной въ Римѣ православной церкви находимъ въ его запискахъ такую замѣтку: „Въ Римѣ есть одна Греческая церковь, которая мало что не пустѣетъ для изгнанія отъ Римлянъ, для того что Римляне желаютъ того, чтобъ всѣ Греки были съ ними въ одной вѣрѣ“. Римскіе прелаты не могли не замѣтить глубокой религіозности Русскаго путешественника и оказывали ему всевозможную предупредительность: папа прислалъ ему винъ и сыра, а Римскій губернаторъ снабжалъ его ежедневно каретою и поручилъ одному папскому дворянину показывать ему достопримѣчательности города. Самъ папа указывалъ чрезъ своего шталмейстера (конюшаго) святыню, которую слѣдуетъ ему видѣть въ Римѣ, и сталъ посылать ему карету „на четырехъ коняхъ“,

Описаніе Рима авторъ излагаетъ въ особой статьѣ, равно какъ описаніе Флоренціи и Болоньи.

25 Октября Толстой получилъ предписаніе отъ боярина Ѳедора Алексѣевича Головина возвратиться въ Москву. Уѣзжая изъ Венеціи, онъ получилъ аттестатъ отъ учителей математики и морскихъ наукъ, а также и

отъ Венеціанскаго дожа. Въ Москву онъ возвратился 27 Ноября 1699 г. „въ добромъ здоровьѣ, за что благодаритъ всемилостиваго Господа Бога и Пресвятую Богородицу и Угодниковъ Божіихъ, что изъ такъ далекихъ краевъ и изъ нужнаго странствія волею Божіею возвратился въ отечество свое въ добромъ здоровьѣ", и этими словами оканчиваетъ свои записки, проникнутыя вѣрою и благочестіемъ.

Не сдѣлался морякомъ П. А. Толстой; но изъ него вышелъ искусный дипломатъ, ознакомленный съ Европейскою цивилизаціею, къ чему послужило ему продолжавшееся почти два года Итальянское его путешествіе. Чрезъ три года по возвращеніи въ Россію, онъ назначенъ былъ посломъ въ Константинополь и, занимая этотъ постъ въ теченіе 12 лѣтъ, оказалъ существенныя услуги политикѣ своего Императора во время войны Петра Великаго съ Карломъ XII, но поплатился за то долгимъ сидѣньемъ въ глубокой земляной темницѣ Семибашенскаго за́мка.

Графъ Дмитрій Толстой.

3 Августа 1887 г.
Село Маково.

ПУТЕВОЙ ДНЕВНИКЪ П. А. ТОЛСТАГО.

7205 *) года Генваря 11-го дня, по указу великаго государя, велѣно комнатнымъ стольникамъ князю Юрію княжъ Юрьеву сыну Трубецкому; князьямъ Петру, Өедору княжъ Алексѣевымъ, Димитрію княжъ Михайлову дѣтямъ Голицынымъ; князю Борису княжъ Иванову сыну Куракину, Василію, Володимиру Петровымъ дѣтямъ Шереметевымъ; Михаилу Аөанасьеву сыну Матюшкину; князю Ивану княжъ Данилову сыну Гагину, князю Якову княжъ Иванову сыну Лобанову-Ростовскому, Михаилу Өедорову сыну Ртищеву, Авраму Өедорову сыну Лопухину; князьямъ Юрію, Михаилу, Андрею княжъ Яковлевымъ дѣтямъ Хилковымъ, Ивану, Матвѣю, Юрію Алексѣевымъ дѣтямъ Раевскимъ; князю Григорію княжъ Өедорову, князю Владимиру княжъ Михайлову дѣтямъ Долгоруковымъ; Александру, Сергѣю Ивановымъ дѣтямъ, Алексѣю Матвѣеву сыну Милославскому, князю Ивану княжъ Никитину сыну Урусову, Петру Андрееву сыну Толстому, Никитѣ Иванову, Өедору Емельянову дѣтямъ Бутурлинымъ, Василію Семенову сыну Толочанову, Василію Михайлову сыну Глѣбову, Юрію Өедорову сыну Ладыженскому, Михаилу Ильину сыну Чирикову, Андрею, Ивану, Михаилу Петровымъ дѣтямъ Измаиловымъ, велѣно ѣхать въ Европскія христіанскія государства для науки воинскихъ дѣлъ; а которымъ наукамъ велѣно имъ учиться, о томъ даны каждому изъ нихъ статьи.

По тому великаго государя указу изъ вышепоименованныхъ стольниковъ, Петру Толстому даны статьи, а въ нихъ писано:

Статьи подлежащія ученію.

1. Знать чертежи или карты, компасы и прочіе признаки морскіе.

2. Владѣть судномъ какъ въ бою, такъ и въ простомъ шествіи, знать всѣ снасти и инструменты къ тому принадлежащіе, парусы, веревки, а на каторгахъ и иныхъ судахъ весла и проч.

*) Т.-е. 1697 года.

3. Сколько возможно искать того, чтобъ быть на морѣ во время боя; а кому не случится, то съ прилежаніемъ искать того, какъ въ то время поступать; однакожъ обоимъ, видѣвшимъ и не видѣвшимъ бой, отъ начальниковъ морскихъ взять на то свидѣтельствованные листы за руками ихъ и за печатьми, что они въ томъ дѣлѣ достойны службы своея.

4. Если кто похочетъ впредъ получить милость бо̀льшую по возвращеніи своемъ, то къ симъ вышеписаннымъ повелѣніямъ и ученію научился бы знать, какъ дѣлать тѣ суды, на которыхъ они искушеніе свое примутъ.

5. Когда возвращаться будутъ къ Москвѣ, долженъ всякій по два человѣка искусныхъ мастеровъ морскаго дѣла привезть съ собою до Москвы на своихъ проторяхъ, а тѣ протори, какъ пріѣдутъ, будутъ имъ заплочены. Да сверхъ того отсюда изъ солдатъ даны будутъ для того изъ ученія по одному человѣку. А кто изъ солдатъ взять не похочетъ, тѣмъ или знакомца, или человѣка своего тому жъ выучить, а солдатамъ прокормъ будетъ изъ казны. А буде кромѣ солдатъ кто кого выучитъ, за всякаго человѣка за прокормъ дано будетъ по сту рублевъ. И о томъ, солдатъ кто взять похочетъ или изъ своихъ кого учить, объявлять комиссаръ-генералу немедленно.

6. Съ Москвы ѣхать симъ зимнимъ временемъ, чтобъ къ послѣднимъ числамъ Февраля никто здѣсь не остался.

7. Пасы и проѣзжія даны будутъ изъ Посольскаго Приказа, и о томъ роспись и указъ въ Посольскій Приказъ пошлются вскорѣ.

*

И того же 7205 года Генваря въ 30-й день прислана проѣзжая грамота на дворъ къ Петру Андрееву Толстому, а въ ней пишетъ:

Божіею милостію мы, пресвѣтлѣйшій и державнѣйшій великій государь, царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ всея Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ, Московскій, Кіевскій, Владимирскій, Новгородскій, царь Казанскій, Астраханскій и Сибирскій, государь Псковскій и великій князь Смоленскій, Тверской, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій и иныхъ, государь и великій князь Новгорода и Низовской земли, Черниговскій, Рязанской, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлозерскій, Удорскій, Обдорскій, Кондійскій и всея сѣверныя страны повелитель и государь Иверской земли, Карталинскихъ и Грузинскихъ царей, Черкасскихъ и Горскихъ князей, Кабардинской земли и иныхъ многихъ государствъ и земель восточныхъ, западныхъ и сѣверныхъ отчинъ, дѣдичъ и наслѣдникъ, государь и обладатель. Наше царское величество пресвѣтлѣйшимъ и державнѣйшимъ великимъ государямъ, цесарскому величеству Римскому и королевскимъ

величествамъ, любительнѣйшимъ братьямъ и друзьямъ нашимъ, здравія и благопоспѣшныхъ поведеній, непрестаннаго и всегдашняго приращенія, такожде всѣмъ вобче и коему надо особно, свѣтлѣйшимъ електорамъ и инымъ принципамъ наиянснѣйшей Рѣчи Посполитой и обоимъ народамъ коруны Польской и великаго княжества Литовскаго и инымъ рѣчамъ посполитымъ, ихъ правителямъ духовнымъ и мірскимъ, арцибископамъ, бископамъ, князьямъ, генераламъ, воеводамъ, маркграфамъ, графамъ, кастелланамъ, а въ войскахъ гетманамъ, полковникамъ и инымъ начальнымъ людямъ, баронамъ, старостамъ, войтамъ, шляхтѣ, подвластнымъ начальникамъ, президентамъ, комендантамъ, капитанамъ, намѣстникамъ, вицедоминамъ, губернаторамъ, ротмистрамъ, хорунжимъ, предводителямъ и властителямъ городовъ, городковъ, селъ и какихъ ни есть мѣстъ и обществъ правителямъ, бурмистрамъ, а на морѣ адмираламъ и вице-адмираламъ и прочимъ начальнымъ и вольнымъ добытчикамъ морскимъ; а пристанищъ, мостовъ и переправъ воднымъ стражамъ и инымъ, которые настоящею грамотою употреблены будутъ, какого ни есть состоянія, чина, степени, достоинства или преимущества суть, благоволеніе и всякое благо объявляемъ. По нашему царскаго величества указу посланъ въ Европскія христіанскія государства, княжества и вольные города дворянинъ нашъ урожденный Петръ Андреевъ для науки воинскихъ дѣлъ; и какъ въ какое государство или княжество или вольный городъ пріѣдетъ, и пресвѣтлѣйшимъ, державнѣйшимъ и великимъ государямъ, цесарскому величеству Римскому и королевскимъ величествамъ, любительнѣйшимъ братьямъ и друзьямъ нашимъ, такожде всѣмъ вобче и коемуждо особно, свѣтлѣйшимъ електорамъ и инымъ принцыпамъ наиянснѣйшей Рѣчи Посполитой Польской и Литовской и инымъ рѣчамъ посполитымъ и ихъ правителямъ духовнымъ и мірскимъ, князьямъ, генераламъ, адмираламъ и всѣмъ вышеименованнымъ, каковы ни есть состоящія степени, чина, достоинства или преимущества, велѣть его для нашего царскаго величества со всѣми при немъ будущими людьми, рухлядью и вещами, которыя съ собою имѣть будетъ, сухимъ путемъ и морскимъ пропускать вездѣ безъ задержанія и жить ему, гдѣ случай покажетъ, безопасно, повольнѣе. И дабы тому вышерѣченному дворянину Петру, какъ туда ѣдущему, такъ и назадъ въ государство наше возвращающемуся, въ пути его нигдѣ никакого препятствія, озлобленія и никакой досады не было. А наипаче, гдѣ нужда какая приключится, учинено бы было въ требованіи его всякое вспоможеніе, и повольность, и благопривѣтствованіе. А у насъ въ государствахъ нашихъ взаимно вашимъ, прилучившимся нашимъ царскаго величества благоволеніемъ и милостію, по тому жъ, воздано будетъ. Для безопаснаго проѣзда и житія дана ему сія нашего царскаго величества свидѣтельствованная грамота.

Писана во дворѣ, въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ, лѣта отъ созданія міра 7205, мѣсяца Генваря въ 30-й день. Государствованія нашего въ 15-й годъ.

У подлинной великаго государя грамоты печать на красномъ

воску. Въ той великаго государя вышеписанной грамотѣ написанъ Петръ Толстой дворяниномъ и безъ прозванія для того, чтобъ въ иноземческихъ краяхъ подлинно не вѣдали, какого чина и какихъ породъ для той вышеписсанной науки въ ихъ государства посланы.

Вышеименованнымъ комнатнымъ стольникамъ даны великаго государя двѣ грамоты въ Италію къ принцыпу Венецкому о пріемности ихъ; а въ нихъ пишетъ: Божіею милостію мы (и т. д.)

Пресвѣтлѣйшему и вельможному князю и господину Сильвестру Валорію, Божіею милостію арцдуку владѣтельства Венецкаго и всему сенату Венецкому наше царскаго величества благопривѣтствованное поздравленіе. По нашему великаго государя, нашего царскаго величества, указу отпущены къ вамъ въ Венецію нашего царскаго величества дворяне, которые охотно и тщательно намѣрены въ Европѣ присмотрѣться къ новымъ воинскимъ искусствамъ и поведеніямъ. И того рода мы, великій государь, благоволительно желаемъ, какъ тѣ дворяне наши во владѣніе вашей свѣтлости прибудутъ, дабы ваша свѣтлость въ городахъ, гдѣ они себѣ случаи употребятъ, побыть имъ позволили и всякое къ нимъ доброхотство и въ требованіяхъ ихъ спомогательство и повольность благопривѣтливо явили; а когда оные, исполня намѣреніе свое, похотятъ возвратиться въ государства наши, тогда ваша свѣтлость безъ задержанія ихъ отпустили. А у насъ великаго государя въ нашихъ государствахъ вашей свѣтлости людямъ взамѣнъ того жъ воздано будетъ и прочая.

Вышеписанныя великаго государя къ Венецкому принцыпу грамоты отданы комнатнымъ стольникамъ, одна князю Петру, княжъ Алексѣеву сыну Голицыну, а другая Володимиру Петрову сыну Шереметеву. И по тому великаго государя указу я, Петръ Андреевъ, сынъ Толстой съ Москвы въ Италію поѣхалъ въ 205 г. въ Февралѣ въ 26-й день и стоялъ въ Дорогомиловской слободѣ.

Февраля въ 28-й день, поѣхавъ изъ Дорогомиловской слободы, ночевалъ въ деревнѣ Одинцовѣ, отъ Москвы 15 верстъ.

Марта въ 1-й день. Пріѣхалъ къ обѣду въ село Вязему, отъ деревни Одинцова 15 верстъ. Того жъ числа ночевать пріѣхалъ въ Дѣвичій монастырь съ село Кубинское, отъ Вязьмы 20 верстъ.

Марта во 2-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ вотчину окольничаго Өедора Тихоновича Зыкова въ деревню Капово, отъ Кубинскаго 15 верстъ. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ Можайскъ, отъ Капова 25 верстъ. Въ Можайскѣ стоялъ въ Ямской слободѣ. Можайскъ—городъ каменный, на горѣ, въ которомъ на воротахъ церковь чудотворца Николая. Въ той церкви образъ св. Николая рѣзной работы древній, отъ котораго всегда вѣрно приходящимъ изливаются чудеса неоскудно. Отъ Можайска въ полуверстѣ подъ Лужецкимъ монастыремъ течетъ Москва-рѣка.

Марта въ 3-й день. Поѣхавъ изъ Можайска, пріѣхалъ обѣдать въ вотчину Колоцкаго монастыря въ деревню Острожекъ, отъ Можайска 30 верстъ. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ вотчину Сергѣя Аврамова сына Лопухина, въ село Царевозаймище, отъ деревни Острожка 40 верстъ.

Марта въ 4-й день. Въ вышеписанномъ селѣ Царевозаймищѣ обѣдалъ. Того же дня пріѣхалъ ночевать въ вотчину Ивановскаго монастыря что̀ въ Вязьмѣ, въ село Ѳедоровское, отъ Царевозаймища 28 верстъ.

Марта въ 5-й день. Пріѣхалъ въ Вязьму къ обѣду, отъ села Ѳедоровскаго 12 верстъ. Стоялъ въ Вязьмѣ за рядами, на дворѣ посадскаго человѣка. Въ Вязьмѣ два города деревянные, у большаго города пять башень каменныхъ. Въ городѣ двѣ церкви каменныя, за городомъ монастырь Іоанна-Крестителя; ограда того монастыря деревянная, а церкви въ томъ монастырѣ каменныя. Подъ городомъ Вязьмою течетъ рѣка Вязьма. Того же дня пріѣхалъ ночевать въ село Семлево, отъ Вязьмы 20 верстъ. Въ томъ селѣ живутъ рейтары.

Марта въ 6-й день. Обѣдалъ въ селѣ Семлевѣ. Того же дня пріѣхалъ ночевать въ Болдинъ монастырь, отъ Семлева 40 верстъ. Въ томъ Болдинѣ монастырѣ церковь соборная каменная, другая церковь съ трапезою каменною, но деревяннаго строенія. Въ томъ монастырѣ слушалъ того жъ дня вечерню. Соборная въ томъ монастырѣ церковь во имя Пресвятой Троицы, а въ придѣлѣ преподобнаго Герасима мощи лежатъ подъ спудомъ.

Марта въ 7-й день. Пріѣхалъ къ обѣду въ городъ Дорогобужъ, отъ Болдина монастыря 10 верстъ. Городъ Дорогобужъ весь деревянный, стоитъ на горѣ надъ рѣкой Днѣпромъ, другой городъ нижній, оба города рубленые. Въ Дорогобужѣ стоялъ въ большой слободѣ на мѣщанскомъ дворѣ, близъ рядовъ. Въ Дорогобужѣ того жъ дня слушалъ обѣдню въ соборной церкви. Соборная церковь въ нижнемъ городѣ деревянная, построена крестовидная, во имя Рождества Христова. Того же дня пріѣхалъ ночевать въ вотчину Бизюкова монастыря, въ село Усвятье, отъ Дорогобужа 8 верстъ.

Марта въ 8-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ Ямскую слободу, Смоленскаго уѣзда, которая называется Пнёво, отъ Усвятья 42 версты. Отъ той вышеупомяненной Ямской слободы Пнёвы, не доѣзжая за три версты, переѣхалъ рѣку Днѣпръ по льду въ лѣсу. Въ томъ мѣстѣ рѣка Днѣпръ гораздо неширока. Изъ той Ямской слободы Пнёва послалъ напередъ человѣка въ Смоленскъ для заимки двора. Того-жъ числа пріѣхалъ ночевать въ вотчину Смоленскаго шляхтича жены,

вдовы Станкѣевичевой, въ деревню Цурикову, отъ Ямской вышепомяненной слободы Пнёвы 10 верстъ.

Марта въ 9-й день. Прiѣхалъ въ городъ Смоленскъ въ четвертомъ часу дня, а не доѣзжая до Смоленска за три версты, спустился съ берегу на рѣку Днѣпръ и ѣхалъ до Смоленска по рѣкѣ по льду. Въ городъ Смоленскъ въѣхалъ въ Днѣпровскiе ворота. Отъ деревни Цурикова до Смоленска 30 верстъ. Въ Смоленскѣ стоялъ на мѣщанскомъ дворѣ, близъ рядовъ. Городъ Смоленскъ стоитъ на горахъ надъ рѣкой Днѣпромъ, весь каменный, устроенъ предивною крѣпостью. Въ городѣ Смоленскѣ отворено двое воротъ; одни называются Днѣпровскiе, которые къ рѣкѣ Днѣпру, а другiе называются Молоховскiе, а иныя проѣзжiя башни завалены. Въ Смоленскѣ соборная церковь зачата строить новая, зѣло велика и высока и имѣетъ на себѣ въ высоту три окна, изъ которыхъ однѣ круглыя. Въ той церкви алтари отвалились, и стоитъ недостроена. Въ Смоленскѣ монастырь Аврамiевскiй, въ немъ церковь деревянная, въ немъ архимандритъ; чинъ имѣетъ тотъ монастырь по Субботамъ читать акаѳистъ Пресвятой Богородицѣ предъ обѣднею. Въ Смоленскѣ жъ монастырь дѣвическiй святаго Вознесенiя Господня; въ немъ церковь новая построена каменная, еще не освящена. Въ томъ монастырѣ игуменья. Митрополита Смоленскаго домъ ограду имѣетъ каменную, хоромы деревянные низкiе; того дома на воротахъ построена церковь деревянная во имя Св. Богоявленiя. Имѣетъ на себѣ Смоленскъ 32 башни глухихъ кромѣ проѣзжихъ воротъ. По тѣмъ по всѣмъ башнямъ пушекъ великихъ, изрядныхъ мѣдныхъ много. На Днѣпровскихъ воротахъ стоитъ образъ Пресвятой Богородицы, Смоленская чудотворная икона, гдѣ непрестанно множество приходитъ народу, и съ вѣрою приходящимъ бываютъ отъ той святой иконы многiя чудеса.

Марта въ 11-й день. Которые люди мои ѣхали со мною съ Москвы до Смоленска, тѣхъ людей отпустилъ изъ Смоленска къ Москвѣ и съ лошадьми. Въ Смоленскѣ жъ монастырь мужескiй во имя Св. Троицы, строенiя въ немъ всѣ деревянныя; въ томъ монастырѣ игуменъ. Отъ Днѣпровскихъ воротъ сдѣланъ черезъ рѣку Днѣпръ мостъ деревянный великiй и зѣло высокiй, который никогда льдомъ и вешнею водою не портитъ за обороною Смоленскихъ жителей. За рѣкою Днѣпромъ отъ Смоленска великiя слободы, между которыми церковь каменная во имя св. Апостоловъ Петра и Павла, а прежде та церковь была костеломъ Римскимъ. За рѣкою Днѣпромъ отъ Смоленска построены многiя торговыя лавки, въ которыхъ всякихъ товаровъ много. Въ тѣхъ же Заднѣпровскихъ воротахъ построенъ гостинный дворъ деревянный, на которомъ бываютъ торговые иноземцы съ разными това-

рами. Въ Смоленскѣ построены амбары великіе на блони, то-есть на площади, въ которыхъ много великихъ пушекъ мѣдныхъ и всякихъ военныхъ припасовъ и мелкаго ружья. Въ Смоленскѣ я жилъ Марта до 18 числа для того, что путь зимній началъ портиться, и почали быть по дорогѣ воды.

Марта въ 18-й день. Поѣхалъ изъ Смоленска въ надлежащій свой путь и пріѣхалъ того дня ночевать въ деревню Яковичи, отъ Смоленска двѣ мили.

Марта въ 19-й день. Пріѣхалъ обѣдать во дворцовое село Жарковки, отъ Яковичъ 4 мили; въ томъ селѣ Жарковкахъ того числа ночевалъ для того, что дорога была зѣло трудна.

Марта въ 20-й день. Изъ Жарковокъ пріѣхалъ обѣдать во дворцовое село Красное, отъ Жарковокъ 3 мили. Того числа въ томъ селѣ Красномъ и ночевалъ.

Марта въ 21-й день. Изъ села Краснаго пріѣхалъ обѣдать во дворцовое село Звѣровичи, отъ Краснаго 2 мили. Того числа въ томъ селѣ Звѣровичахъ и ночевалъ для того, что путь зимній испортился, и на саняхъ ѣхать стало невозможно. Тутъ перебрался съ саней на телѣги.

Марта въ 22-й день. Послѣ обѣда поѣхалъ изъ Звѣровичей, пріѣхалъ ночевать въ деревню дворцовыхъ волостей, которая называется Василевичи, отъ Звѣровичей 3 версты, а до Польской границы не доѣхалъ. Та деревня Василевичи двѣ версты, и въ той деревнѣ въ 23-й день обѣдалъ. Того-жъ числа послѣ обѣда изъ деревни Василевичи пріѣхалъ къ Польскому рубежу, къ рѣкѣ Иватѣ, которая граничитъ Московское государство съ Польскимъ и Литовскимъ. На той рѣчкѣ отъ Смоленской стороны построена дворцовая деревня Бурцова, а на другой сторонѣ рѣчки Иваты противъ деревни Бурцова построена деревня Волкова Польскаго короля; отъ Смоленска деревня Бурцова 14 миль. Того жъ числа, переѣхавъ границу, пріѣхалъ ночевать въ село Романово, отъ границы 2 мили. То село Романово княжны Слуцкой, а въ опекѣ или въ оборонѣ воеводы Троицкаго, пана Оляховскаго. Въ томъ селѣ жители разныхъ вѣръ: есть благочестивые Греческаго закона, есть Католики, есть немало и Жидовъ. Греческой святой вѣры въ томъ селѣ одна церковь во имя Св. Троицы.

Марта въ 24-й день. Послѣ обѣда изъ села Романова проѣхалъ въ мѣстность гетмана Литовскаго Сапѣги, въ деревню Котелеву, отъ Романова двѣ мили. Того жъ числа изъ деревни Котелева пріѣхалъ ночевать въ маетность великаго гетмана Литовскаго Сапѣги, въ село Горки. То село Горки гетманъ Сапѣга взялъ въ приданое своему сыну Григорію у пана Полубенскаго за дочерью. Въ томъ селѣ Горкахъ

есть благочестивая Греческаго закона церковь одна, а уніатскихъ двѣ церкви, Римскій костелъ одинъ, Жидовская божница одна. То село великое, въ немъ есть всякихъ жителей больше тысячи дворовъ разныхъ вѣръ, Греческаго закона, и Римляне, и Уніаты, и Жиды. Отъ деревни Котелева до села Горокъ одна миля. Въ томъ селѣ Горкахъ Марта въ 25-й день, то-есть на праздникъ Благовѣщенія Пресвятой Богородицы, слушалъ обѣдню во благочестивой Греческаго закона церкви, которая во имя Пресв. Богородицы честнаго и славнаго Успенія. Въ томъ селѣ стоялъ на мѣщанскомъ дворѣ, которые мѣщане суть благочестивой Греческой вѣры. Того-жъ числа послѣ обѣда, поѣхавъ изъ села Горокъ, пріѣхалъ ночевать въ маетность того же вышеупомянутаго Литовскаго великаго гетмана Сапѣги, въ село Городецкое, отъ Горокъ 2 мили, и стоялъ на дворѣ у шляхтича пана Тетерскаго; въ томъ селѣ церковь уніатская.

Марта въ 26-й день. Изъ села Городецкаго пріѣхалъ обѣдать того-жъ гетмана Сапѣги въ деревню Губино, отъ села Городецкаго одна миля; того-жъ числа изъ села Губина пріѣхалъ ночевать въ королевскую маетность, въ деревню Губари. Та деревня Могилевскаго уѣзда. Отъ Губина до Губарей 2 мили.

Марта въ 27-й день. Изъ деревни Губарей поѣхалъ послѣ обѣда и пріѣхалъ ночевать въ королевскую маетность Могилевскаго же уѣзда, деревню Ждановичи. Подъ тою деревнею Ждановичами переѣзжалъ черезъ рѣку Басъ съ великою трудностью отъ разлитія великихъ водъ. Отъ деревни Губарей одна миля.

Марта въ 28-й день, то-есть въ Недѣлю Цвѣтоносную, обѣдалъ въ вышепомянутой деревнѣ Ждановичахъ и послѣ обѣда изъ той деревни поѣхалъ ночевать въ королевскую маетность, деревню Воиново, отъ Ждановичей 3 мили.

Марта въ 29-й день. Изъ деревни Воинова пріѣхалъ ночевать въ село Лупаново, отъ Воинова 3 мили; въ томъ мѣстѣ путь надлежалъ мнѣ ѣхать подлѣ рѣки Днѣпра по лѣвую сторону. То помяненное село Лупаново противъ города Могилева на берегу рѣки Днѣпра.

Марта въ 30-й день. Переѣхавъ рѣку Днѣпръ на паромѣ, пріѣхалъ въ городъ короля Польскаго Могилевъ. На томъ перевозѣ немалая была конфузія, т.-е. замѣшаніе отъ Могилевскихъ начальниковъ для того, что Могилевцы имѣли нѣкоторое опасеніе, и перевозить было Москвичей черезъ рѣку Днѣпръ въ Могилевѣ не велѣли. Для того замѣшанія ходилъ я на ратушу съ проѣзжею великаго государя грамотою, гдѣ, ту проѣзжую грамоту смотря, бурмистры отослали меня съ тою грамотою въ верхній городъ. Въ томъ верхнемъ городѣ, ту проѣзжую грамоту смотря, отослали меня съ тою грамотою на дворъ

одного начальнаго человѣка, который въ то время былъ отъ гетмана Литовскаго Сапѣги прислалъ въ Могилевъ, который называется панъ Бурба. Тотъ помяненный Бурба, смотря ту проѣзжую грамоту, велѣлъ меня, со всѣми при мнѣ бывшими людьми и вещами, перевезть черезъ рѣку Днѣпръ и велѣлъ мнѣ стоять на предмѣстьѣ, а не въ городѣ, а въ городъ велѣлъ пускать меня временно, для какой нужды случится. И стоялъ я на предмѣстьѣ на дворѣ у мѣщанина, который благочестивой Греческой вѣры. Городъ Могилевъ великъ, и около города посады великіе, много въ посадахъ садовъ. Тотъ городъ Могилевъ много больше Смоленска. Кругомъ посадовъ городъ земляной, отъ рѣки Днѣпра зачатъ и паки къ рѣкѣ Днѣпру приведенъ. Верхній городъ земляной же, зѣло высокъ; въ городѣ двое проѣзжихъ воротъ каменныхъ да двое деревянныхъ, башенъ кругомъ нѣтъ. Въ Могилевѣ живутъ купецкіе люди. Тотъ городъ каменный, называется королевская экономія, т.-е. королевскій, дворцовый, а Поляки по просту называютъ тотъ городъ королевская кухня. Жители Могилева мѣщане, всѣ благочестивой Греческой вѣры. Въ Могилевѣ монастырь благочестивый, называется Братскимъ, живутъ въ немъ иноки. Около монастыря ограда каменная, и церковь въ немъ соборная каменная же немалая, изряднаго строенія. Въ томъ же городѣ другой монастырь благочестивый называется Спасскимъ, въ немъ церковь деревянная. На посадѣ три церкви каменныя да восемь деревянныхъ, всего 11 церквей благочестивыхъ; да за городомъ, въ двухъ верстахъ отъ Могилева, монастырь мужескій, въ немъ церковь каменная изряднаго строенія; за городомъ же монастырь Николаевскій, а въ немъ живутъ инокини благочестивой Греческой вѣры. Въ томъ монастырѣ церковь каменная изряднаго строенія. На посадѣ мѣщанскихъ богатыхъ домовъ зѣло много строенія каменнаго, многіе домы деревяннаго хорошаго строенія. Въ томъ городѣ Могилевѣ много живетъ Евреевъ, и зѣло богаты и домы имѣютъ изрядные. Мѣщанскихъ домовъ въ Могилевѣ и на посадѣ съ 20000, а Жидовскихъ съ 10000. Въ томъ городѣ улицы вымощены дикимъ камнемъ, рядовъ въ Могилевѣ много, въ которыхъ зѣло много для продаванія всякихъ товаровъ изрядныхъ; въ рядахъ лавки каменныя. Въ томъ городѣ Римской вѣры людей немного, и костеловъ Римскихъ въ Могилевѣ только два, и тѣ гораздо небогаты, одинъ каменный, зѣло древній, другой деревянный, въ которомъ служатъ Езувиты, а каменный костелъ называютъ Фарою, и служатъ въ немъ Плебаны; да на предмѣстьѣ церковь Римская деревянная; у той церкви живутъ законники Римскіе. Алтари въ Римскихъ костелахъ сдѣланы по обыкновенію Римскому безъ перегради и безъ дверей, также и престолы по ихъ западному обыкновенію, а для приходящихъ подѣланы въ Рим-

скихъ церквахъ мѣста, гдѣ приходящіе стоятъ и садятся. Тогожъ числа былъ я въ Кармилитанскомъ костелѣ; тутъ сдѣланы въ алтарь двое дверей, подобно какъ бываетъ въ восточной церкви—южные и сѣверные, и написаны на нихъ образы Мельхиседека и Аарона. Между тѣхъ двухъ дверей сдѣланъ престолъ, а царскихъ дверей нѣтъ. Въ томъ же костелѣ еще другихъ пять престоловъ; въ томъ костелѣ украшеніе святымъ иконамъ и убраніе престоламъ хорошее, подобно восточнымъ церквамъ; и главы на нихъ и кресты есть четвероконечные, и колокольни у костеловъ есть, и колокола невеликіе, бываетъ и благовѣстъ; и звонятъ, какъ у Греческихъ церквей въ Малой Россіи, очепами. Въ томъ городѣ хлѣбъ купятъ высокою цѣною, харчу всякаго много, и рыбы живой немало, однакожъ все недешево. Правитель того города называется вицъ-экономъ, а въ мою бытность въ Могилевѣ его не было; былъ въ то время въ Вильнѣ у гетмана Сапѣги.

Марта въ 31-й день, т.-е. въ Среду Страстной недѣли, былъ я въ вышепомяненномъ Братскомъ монастырѣ у преждеосвященой обѣдни; въ томъ монастырѣ церковь соборная великая, въ ней 8 столповъ, около столповъ сдѣланы хоры. Строеніе въ той церкви изрядной рѣзной работы золоченое. Та церковь вся подписана стѣннымъ письмомъ изряднымъ, иконостасъ рѣзной, золоченый, великій, изрядной работы. На Страстной недѣлѣ въ той церкви иконостасъ весь и святыя иконы завѣшаны были крашениною вишневою, и по той крашенинѣ писаны Страсти Христовы живо добрымъ письмомъ. Служба въ той церкви отправляется Греческаго, обыкновенія, зѣло чинно, святыя иконы у столповъ изрядныхъ писемъ и зѣло богатымъ украшеніемъ убраны. Та церковь построена во имя Св. Богоявленія. У той церкви по обѣимъ сторонамъ по придѣлу, одинъ во имя Сошествія Св. Духа, другой во имя Рождества Пресвятой Богородицы. Того жъ дня былъ я за городомъ въ церкви Воскресенія Господня; та церковь деревянная, иконостасъ въ ней золоченый, рѣзной и завѣшанъ былъ на Страстной недѣлѣ такъ же, какъ и въ помяненномъ Братскомъ монастырѣ для воспоминанія святыхъ Господнихъ Страстей. Тогоже дня былъ я въ Римской каменной церкви, гдѣ службу отправляютъ Плебаны, т.-е. бѣлые попы; тотъ костелъ великъ, называютъ его во имя Успенія Пресвятой Богородицы; въ томъ костелѣ строеніе по обыкновенію Римскому, суть въ немъ три престола, убора хорошаго нѣтъ. На правой сторонѣ въ томъ костелѣ сдѣланъ гробъ Господень, на которомъ лежала плащаница; тотъ гробъ сдѣланъ подобно кровати и убранъ разными матеріями, и по краямъ завѣсы; по немъ сдѣлано множество зеркалъ небольшихъ и среднихъ, а у самой стѣны поставлено великое зеркало, и издалека зрѣнію человѣческому является изрядный преспективъ; около

того гроба множество лампадъ съ масломъ, которыя всѣ были запалены въ потребное время. Въ томъ же костелѣ на хорахъ стоятъ органы небольшіе. Въ Могилевѣ же вновь строятъ Езувиты каменный кляшторъ, т.-е. монастырь немалый, построено уже много того монастыря каменнымъ строеніемъ.

Апрѣля въ 1-й день, т.-е. въ Четвертокъ Страстной недѣли, былъ я въ церкви Воскресенія Христова; въ то время въ той церкви не было дѣйства омовенія ногъ по обыкновенію Греческаго закона, и въ соборной церкви у нихъ того дѣйства не бываетъ. На литургіяхъ, на ектеніяхъ въ мою бытность въ Могилевѣ упоминали о царяхъ православныхъ и великихъ князьяхъ, о панахъ и о всемъ воинствѣ для того, что въ то время короля Польскаго еще было не избрано; также на ектеніяхъ упоминаютъ о вселенскихъ патріархахъ православныхъ и о Кіевскомъ митрополитѣ православномъ же. Священники имѣютъ во облаченіи ризы короткія и подризники полотняные долгіе, бѣлые, подольники шитые.

Апрѣля во 2-й день, т.-е. въ Великій Пятокъ, былъ я у вечерни въ Братскомъ монастырѣ; вечерня была въ то время въ теплой церкви; та теплая церковь каменная, безъ сводовъ и съ накатнымъ потолкомъ; иконостасъ въ той церкви и всякое строеніе изрядное, построена та церковь во имя святаго евангелиста Іоанна Богослова. Въ то время, какъ на вечернѣ пропѣли стиховну, изъ алтаря священники вынесли на главахъ плащаницу и понесли въ большую соборную церковь Св. Богоявленія, а священниковъ было въ облаченіи пять человѣкъ, а дьяконовъ было въ облаченіи три человѣка. Какъ несли святую плащаницу, въ то время звонъ былъ въ томъ монастырѣ великій; та плащаница писанная по бѣлому атласу, и положили ту плащаницу въ большой соборной церкви предъ царскими дверями. Подъ тою плащаницею въ большой соборной церкви вмѣсто гроба былъ столъ обитъ полотномъ, а сѣни надъ плащаницею, и иныхъ надписей и лампадъ, и никакого убора и украшенія не было. И какъ принесли въ большую церковь, въ то время пѣли стихиру «пріидите ублажимъ» и цѣловали плащаницу всѣ. Потомъ казнадеи сказывали казаніе на каѳедрахъ о распятіи и погребеніи Господнемъ, а въ Великую Субботу кругомъ церкви тамъ плащаницы не носятъ.

Тотъ городъ Могилевъ по королевскимъ привилегіямъ вольный городъ, а економъ мѣщанъ Могилевскихъ ни въ чемъ не вѣдаетъ, а судитъ ихъ во всякихъ дѣлахъ войтъ. Отъ пріѣзда съ Московской стороны на лѣвой сторонѣ Могилева течетъ рѣка Дубровка и впала въ рѣку Днѣпръ подлѣ самой Могилевской стѣны.

Апрѣля въ 3-й день, т.-е. въ Великую Субботу, былъ я у обѣдни въ Братскомъ монастырѣ и въ соборной церкви того монастыря. Темныя завѣсы отъ иконостаса отобраны были, и убрана была та церковь уборами изрядными.

Апрѣля въ 4-й день. Въ ночь Святой Пасхи въ пятомъ часу начался быть въ Могилевѣ у благочестивыхъ Греческихъ церквей благовѣстъ къ заутрени, и я въ то время былъ у заутрени въ Братскомъ монастырѣ. Около того монастыря, и по воротамъ градскимъ, и по стѣнамъ во время утренняго пѣнія было немало стрѣльбы изъ пушекъ; также и у иныхъ приходскихъ церквей благочестивыхъ во время великоденской утрени была пушечная стрѣльба немалая. Могилевскіе жители къ утрени на Святую Пасху яицъ не приносятъ. Того же числа въ день Св. Пасхи слушалъ литургію въ Братскомъ монастырѣ въ соборной церкви. Святую литургію служилъ намѣстникъ и съ нимъ шесть человѣкъ священниковъ, да три человѣка дьяконовъ, всѣ были въ золотомъ облаченіи, зѣло богатомъ. Въ то время во всемъ иконостасѣ предъ всѣми святыми иконами свѣтъ былъ предивный, золоченыхъ превеликихъ свѣчей запалено было множество, и въ самыхъ верхнихъ поясахъ запалено свѣчъ премного жъ. А какъ начали читать Апостолъ, въ то время изъ многихъ пушекъ стрѣляли трикраты. Св. Евангеліе читали священники и дьяконы, которые были въ службѣ; всѣхъ читало Св. Евангеліе десять человѣкъ. Въ алтарѣ изъ тѣхъ читало два человѣка священниковъ предъ царскими дверьми, въ церкви одинъ священникъ, у четырехъ столповъ четыре человѣка, отъ западныхъ дверей до амвона три человѣка дьяконовъ. И на чтеніи Святаго Евангелія на всякомъ возгласѣ звонили шестью по шести кратъ, и изъ пушекъ стрѣляли поединожды; а какъ дочли Св. Евангеліе, въ тотъ часъ стрѣльба изъ пушекъ была великая. Какъ начали пѣть Херувимскую пѣснь, въ то время выстрѣлили изъ пушекъ единожды, и отъ сѣверныхъ дверей знатныхъ мѣщанъ 24 чел. вышло съ великими свѣчами восковыми зелеными и стали противъ алтаря и стояли доколѣ выходъ со Св. Дарами кончился. Въ то время выстрѣлили изъ пушекъ трижды. Вдругъ на словахъ Христовыхъ паки была стрѣльба изъ пушекъ; также стрѣляли во время пѣнія причастника; а на явленіи св. тѣла Христова и святой крови была великая пушечная стрѣльба у той братской церкви и по всему городу, и потомъ выстрѣлили шестью изъ пушекъ, и по отпускѣ св. литургіи выстрѣлили изъ пушекъ трижды. И какъ понесли артусъ, и паки мѣщане 24 человѣка съ великими помяненными свѣчами шли кругомъ артуса; въ то время великій былъ звонъ, по томъ звонѣ, изъ одной великой пушки стрѣляли. Въ день Св. Пасхи Могилевскіе жители благочестивой Греческой вѣры

имѣютъ обыкновеніе изъ домовъ своихъ никуда не выходить, всѣ въ своихъ домахъ пребываютъ тотъ весь день. Въ то время въ церквахъ предъ царскими дверьми ставятъ столы во знаменіе гроба Господня, гдѣ лежала плащаница. Того же числа у вечерни былъ я въ Братскомъ монастырѣ; священниковъ въ облаченіи было 6 человѣкъ, дьяконовъ 3 человѣка, и по вечерни казнадей на каѳедрѣ сказывалъ казаніе зѣло изрядно.

Апрѣля въ 5-й день, т.-е. въ Понедѣльникъ Святой недѣли, былъ я у обѣдни въ Николаевскомъ дѣвичьемъ монастырѣ. Тамъ церковь каменная, иконостасъ великій, золоченый; тамъ во время чтенія Св. Евангелія, и на Херувимской пѣсни, и на словахъ Христовыхъ, и на причастіи стрѣльба была у той церкви изъ пушекъ, и предъ царскими дверьми становились мѣщане съ великими изрядными свѣчами 14 человѣкъ. И тогожъ дня была въ Могилевѣ процессія, ходили со святыми крестами отъ всѣхъ благочестивыхъ церквей къ церкви Воскресенія Христова. Въ той процессіи священники шли въ облаченіи и въ шапкахъ своихъ, которые всегда носятъ, и передъ церковью Воскресенія Христова прочли Св. Евангеліе, и сказалъ казнадѣй казаніе предъ церковью на каѳедрѣ въ стихирѣ бѣломъ миткалиномъ и въ епитрахили.

Апрѣля въ 6-й день, во Вторникъ Св. недѣли, былъ я у обѣдни въ церкви Воскресенія Христова, что̀ близко города. Въ той церкви уборы и иконостасъ изрядные; у праваго клироса въ той церкви стоитъ образъ чудотворный Пресвятой Богородицы. Тогожъ числа былъ я въ домѣ Могилевскаго мѣщанина, который называется Захарій Антуфьевичъ. Домъ имѣетъ тотъ мѣщанинъ немалый, строеніе на дворѣ каменное, строеніе и уборы у него въ палатахъ хорошіе и сосудовъ серебряныхъ немало. Отъ того мѣщанина звалъ меня къ себѣ въ домъ другой мѣщанинъ Могилевскій, который называется Касковичъ; тотъ мѣщанинъ домъ имѣетъ за городомъ, за рѣкою Дубровкой; въ домѣ его строеніе деревянное хоромное изрядное. Всѣ мѣщане Могилевскіе ко мнѣ были зѣло пріятны люди добрые и зѣло богатые.

Тогожъ числа поѣхалъ я изъ Могилева въ подлежащій свой путь и рѣку Дубровку переѣхалъ подъ городомъ Могилевомъ по мосту, ночевалъ на лѣсу, отъ Могилева отъѣхавъ Польскихъ 2 мили. Всей бытности моей въ Могилевѣ было 8 дней.

Апрѣля въ 7-й день. Съ того стана пріѣхалъ обѣдать въ мѣстность коруннаго гетмана польнаго пана Потоцкаго, въ деревню Булыжичи, отъ стана гдѣ ночевалъ Польскихъ 2 мили. Того-же числа пріѣхалъ ночевать въ мѣстечко Половчинъ, отъ Булыжичей 2 мили. То мѣстечко Половчинъ Литовскаго Польскаго пана Слушки. Въ томъ

мѣстечкѣ есть церковь благочестивая Греческая и домъ гетманскій не великій.

Апрѣля въ 8-й день. Отъ мѣстечка Половчина проѣхалъ Польскихъ 3 мили, пріѣхалъ обѣдать, проѣхавъ мѣстечко Тетерино на лѣсу. То мѣстечко Тетерино Литовскаго канцлера, сына князя Огинскаго. Въ томъ мѣстечкѣ 3 церкви уніатскихъ. Того-же числа пріѣхалъ ночевать въ мѣстность подкоморія Литовскаго Мильскаго, въ деревню Крутую, отъ стана Польскаго 2 мили и ночевалъ, проѣхавъ ту деревню на лѣсу.

Апрѣля въ 9-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ мѣстность маршала Литовскаго, въ деревню Еллянъ, отъ деревни Крутой Польскихъ 2 мили. Того-же числа проѣхалъ мимо мѣстности подскарбія Литовскаго Сапѣги, мѣстечка Бобръ; то мѣстечко великое, и домовъ Жидовскихъ въ немъ богатыхъ много, и мѣсто людное; у самого подскарбія въ томъ мѣстечкѣ дворъ невеликій, строеніе деревянное, низкое. Отъ Еллянъ до того мѣстечка Польскихъ 2 мили. Того-же числа пріѣхалъ ночевать въ маетность князя Сангушки, въ мѣстечко Крупень, отъ мѣстечка Бобра 2 мили, а отъ Еллянъ Польскихъ 4 мили, а не доѣхавъ того помяненнаго мѣстечка, переѣзжалъ рѣку Бобръ по мосту.

Апрѣля въ 10-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ Борисовскій повѣтъ, въ мѣстность воеводы Полоцкаго пана Слушки въ мѣстечко Нагу, отъ Крупени 2 мили. Въ томъ мѣстечкѣ Нагѣ наѣхалъ на меня иноземецъ цесарской породы и сказалъ, что онъ ѣдетъ въ службу къ великому государю къ Москвѣ. Того-жъ числа пріѣхалъ въ маетность того-жъ помяненнаго воеводы Полоцкаго, въ мѣстечко Ложницы, отъ Наги 3 мили и, проѣхавъ отъ того мѣстечка Польскихъ 2 мили, ночевалъ на лѣсу; отъ Наги Польскихъ 5 миль.

Апрѣля въ 11-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ городъ Борисовъ, отъ стана гдѣ ночевалъ Польскихъ 2 мили; всего отъ Могилева до Борисова 24 мили Польскихъ, а Московскихъ 120 верстъ, а отъ Москвы до Борисова 730 верстъ. Городъ Борисовъ имѣетъ въ себѣ зáмокъ земляной; въ томъ зáмкѣ строенія никакого нѣтъ, только одинъ дворъ воеводы Полоцкаго пана Слушки, потому что тотъ городъ Борисовъ его маетность. Посадъ около того зáмка невеликій, жители въ городѣ Борисовѣ и на посадѣ благочестивой Греческой вѣры. Рѣка течетъ подъ Борисовомъ, зовомая Береза; въ томъ городѣ Жидовскихъ домовъ много. Тутъ же предъ посадомъ монастырь благочестивой Греческой вѣры. Церковь въ томъ монастырѣ соборная во имя Воскресенія Христова. Въ томъ монастырѣ живутъ монахи, всего 7 человѣкъ и имѣютъ у себя игумена; въ томъ монастырѣ въ недѣлю Ѳомину слушалъ я святой литургіи. Въ Борисовѣ стоялъ я на мѣщан-

скомъ дворѣ; въ томъ городѣ Борисовѣ уніатовъ нѣтъ. Въ Борисовѣжъ есть костелъ Римской вѣры; одинъ деревянный, въ немъ служатъ Плебаны, т.-е. бѣлые попы; въ томъ костелѣ я былъ при службѣ Римской; тотъ костелъ сдѣланъ во имя Пресвятой Богородицы; у того костела на лѣвой сторонѣ сдѣлана малая каморка, которую Поляки называютъ закрестьемъ; въ томъ закрестьѣ ксендзъ ихъ при мнѣ облачался къ службѣ готовясь: въ началѣ надѣлъ на себя стихарь полотняный бѣлый, во всемъ подобный Греческимъ стихарямъ, потомъ положилъ на себя епитрахиль, которая не сшитая и мѣрою Греческой епитрахили у́же, и положилъ ее на себя крестовидно и подпоясался поясомъ—не плоскимъ, толстымъ шнуромъ, и на лѣвую руку положилъ одинъ поручъ узокъ, дологъ и не подобенъ нимало Греческимъ поручамъ; на правую руку поруча не клалъ и ризы надѣлъ, что̀ Поляки называютъ орнатъ, подобныя не такимъ какъ Греческія ризы; накшталичъ—какъ бываютъ архіерейскіе сакосы, только не сшиты бока и не застеганы, и рукава зѣло коротки; а на всѣхъ одеждахъ нашиты кресты. И облачась, вышелъ изъ закрестья, имѣя въ рукахъ сосуды, и тогда бывшіе тамъ люди Римской вѣры всѣ упали на колѣни передъ тѣмъ Плебаномъ. Хлопчикъ въ бѣломъ стихарѣ несъ книгу, которая называется ихъ языкомъ лицалъ, а по-славянски служебникъ, и положилъ ту книгу и сосуды священные поставилъ на престолъ, на которомъ ему отправлять мшу, т.-е. служить обѣдню, и разогнулъ часть полотна подобно какъ литонъ, и въ томъ мѣстѣ камень, что̀ Римляне имѣютъ за антиминсъ и, учиня то, покадилъ стоя на колѣняхъ; и открывъ на престолѣ кивотъ, вынулъ другой потиръ, и, покрывъ золотою пеленою, поднялъ высоко и обратился съ тѣмъ потиромъ лицомъ къ народу. Тогда всѣ бывшіе тамъ Римляне упали на колѣни; въ то время на хорахъ играли на органахъ. И поставилъ тотъ потиръ надъ кивотомъ, изъ котораго его вынулъ (въ томъ потирѣ имѣютъ они освященные сакраменты) и началъ отправлять службу. Во время той службы на хорахъ пѣли Латинскимъ языкомъ; въ той службѣ вливалъ въ потиръ вино и воду изъ разныхъ сосудовъ, потомъ вынулъ изъ серебряной коробки оплатокъ и положилъ на дискосъ, а дискосъ—малая тарелка вызолоченная, а ничего на ней не изображено, и читалъ молитвы, и во время словъ Христовыхъ подносилъ или подымалъ высоко безъ дискоса оплатокъ, держа руками выше головы, чтобъ можно всѣмъ бывшимъ при мшѣ людямъ его видѣть; потомъ подносилъ или подымалъ такъ же высоко потиръ. Въ томъ подношеніи люди бывшіе тамъ Римляне на словахъ Христовыхъ всѣ падали на колѣни; всю мшу служилъ тотъ Плебанъ со страхомъ и, обращаяся къ народу, осѣнялъ рукою, подавая миръ всѣмъ; Латин-

скимъ языкомъ говорилъ молитву «Отче нашъ» и иныя многія молитвы читалъ и, помяненнаго оплатка отломя часть, положилъ въ потиръ и покрылъ, а теплоты не клалъ; и потомъ, стоя у престола, многажды упадалъ на колѣни, престолъ цѣловалъ и оплатокъ потребилъ. Потомъ изъ келиха, или изъ потира все выпилъ и, пополоскавъ потиръ, паки все то выпилъ же. Съ нимъ были въ сослуженіи какъ пономари два мальчика въ бѣлыхъ стихаряхъ и стояли у алтаря на колѣняхъ и звонили въ колокольчики, подавая народу знакъ, въ которое время потребно всѣмъ упасть на колѣни. Потомъ Плебанъ, потребя все изъ потира, вытеръ потиръ губою и полотномъ и поставилъ на него дискосъ и положилъ покровы и, обратясь къ людямъ, осѣнилъ народъ рукою. Потиръ съ запасными дарами поставилъ паки въ кивотъ, въ которомъ прежде стоялъ, а служащіе сосуды поднявъ отнесъ паки въ помянутое закрестье; а другой Плебанъ въ то время кропилъ весь народъ освященной водой. Какъ служащій Плебанъ разоблачился, и изъ того закрестья вышелъ въ облаченіи другой Плебанъ въ иныхъ ризахъ и съ другими сосудами; и на томъ же престолѣ въ тоже время по отпускѣ первой служилъ другую мшу подобно первой. Престолъ, на которомъ служатъ мши, поставленъ отъ помоста на трехъ ступеняхъ, долгій и узкій, а не во всѣ стороны равный. На томъ престолѣ поставленъ помяненный кивотъ, въ которомъ ставятъ потиръ съ помяненнымъ сакраментомъ. На томъ кивотѣ образъ распятія Христова. Престолъ обиваютъ изрядными парчами, а сверхъ обоя постилаютъ простыню бѣлую, а на ней литанъ, а въ немъ камень. А поставленъ бываетъ престолъ въ Римской церкви къ стѣнѣ, а кругомъ его обхода не бываетъ, и Евангелія на престолѣ нѣтъ. Въ томъ помяненномъ костелѣ на престолѣ стоитъ образъ Пресвятой Богородицы съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, написанъ подобно какъ пишутъ образъ Смоленской Пресвятой Богородицы, а младенецъ написанъ на лѣвой рукѣ; тотъ образъ написанъ письмомъ изряднаго мастерства подобнаго Московскимъ письмамъ. На той св. иконѣ у образа Пресвятой Богородицы лѣвое око и щека лѣвая и носъ весь черны, какъ бы чернилами замазаны; однакожъ скрозь ту черность мало мало что является знакъ образа. О томъ чудномъ знакѣ черномъ по вопрошенію моему сказалъ мнѣ ксендзъ Римскій, что та св. икона стояла прежде въ благочестивой Греческой церкви въ мѣстечкѣ, которое называется Гумнажъ, отъ Борисова 3 мили, и какъ-де великій государь Московскій царь Алексѣй Михайловичъ, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ, завоевалъ городъ Борисовъ, и ту икону изъ того мѣстечка принесли въ Борисовъ, и поставлена-де была та святая икона въ замкѣ, и какъ-де воеводъ Московскихъ изъ Бо-

рисова взяли къ Москвѣ, ту святую Богородичину икону перенесли въ помяненный Воскресенскій благочестивый монастырь Греческой вѣры; и стояла-де та святая икона въ томъ монастырѣ пять лѣтъ, а тогда чернаго пятна въ то время на той святой иконѣ не было; и какъ-де городъ Борисовъ по договорамъ утвердился въ королевской сторонѣ Польской, и ту-де святую икону Римляне изъ помяненнаго благочестиваго Воскресенскаго монастыря взяли въ Римскій костелъ; и какъ-де ту икону въ Римскій костелъ внесли, и отъ того-де часа явилось на той иконѣ самое малое черное пятно, величествомъ съ Московскую копѣйку, и нáчало отъ того времени прибывать, даже и до нынѣ по вся дни того пятна прибываетъ; и много-де того пятна покушались, чтобы краской то пятно закрыть, и многіе-де мастеры, иконники и живописцы, прикоснувшіеся къ той святой иконѣ для записанія того пятна, пострадали ручной болѣзнью и паки отъ той-де святой иконы исцѣленіе получили, и нынѣ-де уже о томъ и покушатися не смѣютъ, чтобы то пятно исправить.—Въ томъ же костелѣ лежитъ камень сѣрый, на немъ знатно ступени ногъ человѣческихъ, якобы человѣкъ стоялъ и изобразилъ бы ступени ножныя на какой мягкой матеріи, и сказали, что-де тотъ камень найденъ въ давнихъ лѣтахъ на лѣсу и принесенъ въ Борисовъ съ тою вышеупомяненною святою иконою Пресв. Богородицы. Въ томъ же костелѣ стоятъ на престолѣ шесть шандаловъ серебрянныхъ, въ нихъ поставлены свѣчи бѣлыя, великія, которыя зажигаютъ во время службы.

Того-же числа поѣхалъ изъ Борисова и рѣку Березу переѣхалъ на паромѣ и ночевалъ на берегу.

Апрѣля въ 12-й день. Отъѣхавъ отъ рѣки Березы, пріѣхалъ обѣдать, проѣхавъ маетность воеводы Полоцкаго пана Слушки, въ мѣстечко Жидино, отъ Борисова 4 Польскихъ мили. Того-же числа пріѣхалъ ночевать въ маетность подстолія Мазовецкаго пана Пронскевича, къ деревнѣ Заболотье, отъ Жидина пять Польскихъ миль.

Апрѣля въ 13-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ корчму, которая зовется Городище, отъ Заболотья 3 Польскихъ мили. Того-же числа пріѣхалъ ночевать въ городъ Минскъ, отъ той корчмы, гдѣ обѣдалъ 4 Польскихъ мили; всего отъ Борисова до Минска 14 миль Польскихъ, а Русскихъ 70 верстъ, а отъ Москвы до Минска 800 верстъ. Городъ Минскъ—маетность короля Польскаго, имѣетъ около себя валъ земляной; въ немъ живетъ староста панъ Завиша. Въ мою бытность въ Минскѣ онъ не былъ, а былъ въ то время въ своей маетности. Домъ его въ Минскѣ въ зáмкѣ, строеніе деревянное, великое, низкое и брусяное. Въ Минскѣ же есть домъ великій съ каменнымъ строеніемъ пана Глѣбовича; стоитъ пустъ, жителей въ немъ никого нѣтъ. Городъ

Минскъ меньше Могилева многимъ; строенія каменнаго въ Минскѣ немало. Того-же дня былъ я въ уніатскомъ монастырѣ, при которомъ живутъ старцы-Уніаты и старицы-Уніатки. Въ томъ монастырѣ церковь каменная великая, въ которой своды изрядные, какихъ сводовъ мало въ Польшѣ обрѣтается въ каменномъ строеніи. Убранія въ той церкви всѣ по обыкновенію благочестивой Греческой вѣры, и иконостасъ въ той церкви небогатый, на иконахъ оклады великіе; старцы, которые въ той церкви служатъ, называются Василіяне, т.-е. закона Василія Великаго. Въ той церкви въ алтарѣ на престолѣ антиминсъ печатный какъ и благочестивые Греческіе антиминсы. Тѣ старцы-Уніаты пріемлютъ за главу папу Римскаго и въ служеніи за него молятъ Бога. Того-жъ дня былъ я въ Барнадынскомъ кляшторѣ, въ которомъ костелъ небогатаго строенія. Законники Барнадыны Римской вѣры, носятъ на голомъ тѣлѣ власяницы безъ рубашекъ и ходятъ босы на колодкахъ. Въ Минскѣ есть много домовъ каменныхъ, и въ рядахъ, гдѣ торгуютъ, лавки каменныя, и товаровъ есть немало. Въ Минскѣ есть монастырь благочестивой Греческой вѣры во имя святыхъ апостоловъ Петра и Павла. Въ томъ монастырѣ церковь каменная великая изряднаго строенія подобна Могилевской Братскаго монастыря соборной церкви. Въ томъ монастырѣ есть игуменъ, и братіи есть малое число; тутъ же приходятъ и инокини. Скрозь Минскъ течетъ рѣка Висловица невеликая, на ней есть мельница о четырехъ камняхъ, и черезъ ту рѣку мостъ изрядный деревянный.

Апрѣля въ 14-й день. Былъ я въ помяненномъ Петропавловскомъ монастырѣ у обѣдни. Въ томъ монастырѣ въ церкви восемь столповъ каменныхъ, иконостасъ въ той церкви писанный небогатый. По сторонамъ той церкви два придѣла, въ придѣлахъ иконы изрядныхъ писемъ, оклады на иконахъ серебряные зѣло богатые.

Апрѣля въ 15-й день. Былъ я у обѣдни въ томъ же монастырѣ; въ то время въ той помяненной большой каменный церкви святыхъ апостоловъ Петра и Павла поставленъ былъ на срединѣ церкви гробъ и покрытъ атласнымъ вишневымъ покровомъ, на томъ покровѣ нашиты кресты; по обѣ стороны того гроба поставлены скамьи, на тѣхъ скамьяхъ поставлено по три свѣчи великія золоченыя въ подсвѣчникахъ; да въ головахъ того гроба поставлены также двѣ свѣчи и въ стаканѣ кутья; и сказали мнѣ, что въ томъ монастырѣ есть обыкновеніе по вся Четвертки ставить тутъ тотъ гробъ и отправлять памяти по усопшихъ. Послѣ литургіи игуменъ служилъ у того помяненнаго гроба панихиду, и съ нимъ было въ облаченіи два человѣка священниковъ; на игуменѣ и на священникахъ ризы были черныя бархатныя. И бывшіе

въ то время люди въ церкви благочестивой Греческой вѣры стояли всѣ со свѣчами.

Того дня Римляне праздновали по своему новому календарю память святому Марку Евангелисту, и была у нихъ процессія, т.-е. ходъ со крестами, а ходили изъ Доминиканскаго кляштора, а шли такимъ порядкомъ: напереди несли хоругви, за хоругвами шли Барнадыны по два человѣка и несли крестъ, на немъ образъ рѣзной распятія Христова; позади Барнадыновъ шли Доминиканы и несли крестъ же съ распятіемъ и выходили съ тою процессіею за городъ къ костелу и оттоль пришли паки въ городъ; и съ ними шелъ каноникъ, т.-е. якобы протопопъ, на немъ мантія по голубой землѣ парча золотая, и пришли съ тою процессіею въ Доминиканскій костелъ и скоро въ костелъ вошли, въ тотъ часъ въ томъ костелѣ на хорахъ начали играть на органахъ. Въ томъ костелѣ на небольшомъ алтарѣ стоитъ образъ Пресвятой Богородицы Русскаго письма; предъ тѣмъ образомъ служилъ Доминиканъ мшу, а другіе два Доминикана въ той же церкви и въ тоже время служили мши у столповъ на особыхъ престолахъ и, отслужа мши, помяненнаго канонника изъ того костела проводили съ крестами до той церкви, отъ которой сначала пошли, и паки кресты назадъ отнесли. Народу въ той процессіи мужскаго и женскаго пола зѣло было много. И въ тотъ день Римляне всѣ мяса не ѣли. Тогожъ числа былъ я въ кляшторѣ у Францишкановъ; тѣ Францишканы имѣютъ на себѣ одежды власяныя черныя, такія жъ какъ и Барнадыны, а пояса имѣютъ веревки съ узлами и бороды не всѣ брѣютъ, а житіе имѣютъ безъимянное: ничего своего не имѣютъ, питаются милостынею, всегда ходятъ по улицамъ и просятъ милостыню. А убраніе въ костелѣ ихъ такъ же какъ и въ прочихъ Римскихъ церквахъ; а во всѣхъ Римскихъ костелахъ образъ Пресвятой Богородицы украшаютъ паче иныхъ иконъ. Тогожъ дня былъ я въ кляшторѣ у Езуитовъ, тѣ живутъ свободнѣе всѣхъ Римскихъ законниковъ, только простираются излиха на проповѣдь Христову. Въ Минскѣ жъ церковь уніатская, при ней живутъ старицы-Уніатки, которыя называются Базиліянки; та уніатская церковь каменная. Кляшторъ Доминиканскій каменный, костелъ Барнадынскій, костелъ Езувитскій каменные, костелъ Францишканскій деревянный не великъ; кляшторъ каменный дѣвическій, въ немъ живутъ монахини Бенедиктинки. Тогожъ числа былъ я въ кляшторѣ у паненъ Барнадынокъ и у паненъ Бенедиктинокъ. Дѣвицы Барнадынки ходятъ въ черномъ, на голомъ тѣлѣ вмѣсто рубашекъ носятъ власяницы толстыя и подпоясаны веревками съ узлами, ступаютъ всегда босыми ногами въ зимѣ и въ лѣтѣ и на колодкахъ, въ костелъ входятъ тайной лѣстницей, устроенной въ стѣнѣ, и стоятъ на хорахъ, смотря въ ко-

стелъ малыми скважинами скрозь рѣшетокъ, чтобы ихъ люди не видѣли. Тѣ Барнадынки при мнѣ играли на органахъ на хорахъ и пѣли зѣло предивно. Вечерни и утрени отправляютъ сами безъ попа, только къ нимъ приходитъ ксендзъ для отправленія мши. Бенедиктинки ходятъ въ бѣлыхъ одеждахъ и на головахъ носятъ уборы бѣлые, зѣло изрядно убираются, а въ костелъ входятъ также стѣною тайно и стоятъ въ сокровенныхъ мѣстахъ, чтобъ никѣмъ были видимы. Тѣ Бенедиктинки играли на органахъ и вспѣвали при мнѣ зѣло преудивительно. Въ Минскѣ я жилъ два дня.

Апрѣля въ 16-й день. Поѣхалъ я изъ Минска и ночевалъ того числа отъѣхавъ отъ Минска 3 мили, проѣхавъ Черкасскую корчму.

Апрѣля въ 17-й день. Пріѣхалъ обѣдать къ корчмѣ, проѣхавъ маетность подканцлера Литовскаго князя Радзивила, въ мѣстечко Кайданово; то мѣстечко Кайданово отъ стана, гдѣ ночевалъ, 2 мили. То мѣстечко Кайданово каменное и башни въ томъ за́мкѣ каменныя, домовъ богатыхъ въ томъ мѣстечкѣ много. Въ томъ же мѣстечкѣ церковь благочестивая Греческой вѣры деревянная. Того жъ числа пріѣхалъ въ маетность пана Житемскаго, подкоморія Литовскаго, къ деревнѣ Засолье; отъ корчмы 3 мили.

Апрѣля въ 18-й день пріѣхалъ обѣдать въ маетность помяненнаго Радзивила, въ деревню Жуковъ Борокъ, отъ деревни Засолья Польск. 3 мили, и обѣдалъ на берегу у рѣки Немолти; и того же дня переѣхалъ рѣку Немолть и пріѣхалъ ночевать въ городъ Миръ, отъ рѣки Немолти Польскихъ 2 мили, а отъ Минска до Мира 13 миль Польскихъ, а Русскихъ 65 верстъ, а отъМосквы 865 верстъ. Городъ Миръ—маетность князя Радзивила, сына подканцлера Литовскаго. Тотъ городъ земляной, въ немъ есть церковь уніатская да костелъ Римскій каменные, служатъ попы бѣлые; въ тотъ городъ четверо воротъ проѣзжихъ каменныхъ; въ томъ городѣ домы мѣщанскіе богатые и Жидовъ много. Мѣсто невелико, а домовъ изрядняго строенія много. И стоитъ тотъ городъ зѣло изрядно, а рѣки подъ нимъ никакой нѣтъ; отъ того города близко за́мокъ сдѣланъ земляной, въ за́мкѣ сдѣланъ домъ великій каменный, по угламъ башни круглыя, и ворота въ томъ домѣ сдѣланы башнею круглою зѣло высокіе, а домъ сдѣланъ четвероугольный. Въ той помяненной башнѣ надъ воротами сдѣланъ костелъ Римскій изряднымъ строеніемъ, а между башенъ вмѣсто стѣнъ подѣланы все палаты зѣло изрядныя и съ двухъ сторонъ высокія, въ три жилья вверхъ. Тотъ домъ весь вымощенъ камнемъ и вокругъ того дома пропущена вода. Отъ того же города Мира съ полверсты мѣсто великое сосновой рощи огорожено; то суть того жъ помяненнаго Радзивила звѣринецъ. Въ томъ звѣринцѣ много оленей, лосей, сайгановъ, козъ дикихъ и

иныхъ тому подобныхъ родовъ звѣрей. Въ вышепомяненномъ Радзивиловомъ каменномъ домѣ стоитъ вахта, т.-е. караулъ, солдаты на его платѣ; на томъ помяненномъ дворѣ всѣхъ его Радзивиловыхъ палатъ 80, и кругомъ палатъ построены каменные переходы.

Апрѣля въ 19-й день. Поѣхавъ изъ Мира, пріѣхалъ обѣдать въ деревню Полонку, отъ города Мира Польскихъ 3 мили. Та деревня—маетность воеводы Бѣльскаго. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ маетность кавалерскую пана Патца, въ мѣстечко Хвостовичи, отъ деревни Полонки Польскихъ 3 мили.

Апрѣля въ 20-й день. Обѣдалъ въ мѣстечкѣ Хвостовичахъ; въ томъ мѣстечкѣ есть церковь уніатская да костелъ Римскій деревянные, у того помяненнаго костела придѣлана палата каменная, въ той палатѣ стоитъ чудотворный образъ Пресвятой Богородицы рѣзной работы съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, а тотъ образъ привезъ изъ Рима Радзивилъ, который называется Сиротка. На томъ святомъ образѣ богатыя три ризы кавалерскія, данныя или приложенныя отъ кавалера Мальтійскаго пана Нядицкаго. Предъ тѣмъ образомъ 8 лампадъ серебряныхъ. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать на лѣсъ, проѣхавъ мѣстечко Полонку 2 мили, отъ Хвостовичей 5 миль. То мѣстечко разной шляхты. Въ томъ мѣстечкѣ прежде сего былъ бой у князя Ивана Хованскаго съ Поляками, когда побили Поляки Московскія рати подъ Ляховичами полкъ князя Ивана Хованскаго.

Апрѣля въ 21-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ городъ Слонимъ, отъ стана 3 мили, отъ города Мира 13 Польскихъ миль, а Московскихъ 65 верстъ, отъ Москвы до Слонима 930 верстъ. Городъ Слонимъ мѣсто немалое, а строенія въ немъ хорошаго, великаго нѣтъ. На рѣкѣ стоитъ на Счарѣ. Много въ томъ городѣ домовъ Жидовскихъ; тотъ городъ—маетность матери гетмана Литовскаго пана Сапѣги. Въ томъ городѣ и домъ ея есть; кругомъ дома сдѣланъ за́мокъ земляной, хоромы деревянные древняго строенія немалые были и обвѣтшали. Въ томъ городѣ три кляштора Римскихъ, одинъ каменный, т.-е. дѣвическій Барнадынскаго закона, другой мужскій Доминиканскаго закона, въ третьемъ живутъ каноники, которые ходятъ въ бѣломъ такъ же, какъ и Доминиканы, а наверху носятъ короткіе плащики бѣлые, подобные короткимъ мантіямъ. Въ тѣхъ кляшторахъ костелы каменные великіе, однакожъ лучшій костелъ въ каменномъ кляшторѣ, т.-е. въ дѣвическомъ монастырѣ. У Барнадыновъ въ томъ же городѣ еще есть кляшторъ каменный Барнадынскій мужескій. Тогожъ числа ночевалъ въ Слонимѣ.

Апрѣля въ 22-й день. Поѣхалъ обѣдать въ маетность подстаросты Волчинскаго пана Жуковскаго, въ мѣстечко Ивашковичи, отъ

Слонима 4 мили; и подъ тѣмъ мѣстечкомъ переѣхалъ на паромѣ чрезъ рѣку Зелву. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать, проѣхавъ село Мениричи отъ Ивашковичей 2 Польскихъ мили.

Апрѣля въ 23-й день. Проѣхавъ село Пѣтухово, пріѣхалъ обѣдать къ корчмѣ, отъ стана 3 мили, отъ села Пѣтухова Польскихъ 2 мили; а то село Пѣтухово пана Курчи, воеводы Брестскаго. Въ томъ мѣстѣ костелъ каменный, другой деревянный, и домъ барскій деревянный. Строеніе домовое немалое, тутъ же пруды вокругъ дома немалые, а отъ Миниричъ до села Пѣтухова 2 мили. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ маетность подчашія Литовскаго пана Кришпа, въ мѣстечко Висловичи, отъ корчмы Польскихъ 4 мили. Въ томъ мѣстечкѣ домъ пана Кришпы великій, и пруды кругомъ дома великіе; а не доѣхавъ того мѣстечка Висловичи, проѣхалъ мѣстечко Мстибовъ, отъ корчмы, въ которой обѣдалъ, Польскихъ 2 мили. То мѣстечко Мстибовъ—маетность князя Огинскаго, канцлерова сына. Въ томъ мѣстечкѣ Мстибовѣ того дня была ярмарка и многолюдство великое. Отъ Мстибова до Висловичей 2 мили.

Апрѣля въ 24-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ маетность хорунжаго Брестскаго пана Шельскаго, въ мѣстечко Еловку, отъ Висловичей 2 мили. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать на боръ, отъ Еловки 3 мили.

Апрѣля въ 25-й день. Проѣхалъ маетность королевскую, мѣстечко Нарву, отъ того мѣстечка, гдѣ ночевалъ, одна миля; подъ тѣмъ мѣстечкомъ Нарвою рѣка Нарва, чрезъ ту рѣку переѣхалъ по мосту. Та рѣка Нарова граничитъ Литву съ Польшей. И пріѣхалъ обѣдать въ маетность стольника коруннаго пана Браницкаго, въ мѣстечко Плѣнники, отъ Нарвы 2 мили, отъ стана 3 мили. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ королевскую маетность, въ мѣстечко Бѣльскъ, отъ Плѣнникъ 2 мили. То мѣстечко Бѣльскъ немалое; знатно, что прежъ сего былъ городъ немалый, многія мѣста по улицамъ въ томъ мѣстечкѣ мощены камнемъ. И не доѣзжая того мѣстечка задолго на часъ, начался быть по дорогѣ мостъ каменный; также и проѣхавъ мѣстечко такая жъ дорога мощеная камнемъ. Немало въ томъ мѣстечкѣ жителей, мало что не всѣ благочестивой Греческой вѣры. Въ томъ же мѣстечкѣ монастырь благочестиваго Греческаго закона, именуется Чувотворца Николая; въ томъ монастырѣ живутъ монахи; въ томъ мѣстечкѣ уніатскихъ четыре церкви, въ томъ же мѣстечкѣ одинъ кляшторъ Римскаго закона, въ которомъ живутъ Кармилитаны. Мѣщане въ томъ мѣстечкѣ богатые люди. Въ бытность мою въ Бѣльскѣ стояла гусарская хоровга. Отъ Слонима до Бѣльска 22 мили Польскихъ, а Московскихъ 110 верстъ, а отъ Москвы до Бѣльска 1040 верстъ

Апрѣля въ 26-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ маетность канцлерова сына, а гетмана Сапѣги племянника, въ мѣстечко Бонцкъ, отъ Бѣльска 2 мили. Тогожъ числа пріѣхалъ ночевать въ маетность пана Осолинскаго въ деревню Чарну, отъ Бонцка Польскихъ 3 мили.

Апрѣля въ 27-й день. Пріѣхалъ къ рѣкѣ Бугу и ту рѣку переѣхалъ на паромѣ и обѣдалъ въ деревнѣ Кременѣ и ночевалъ тутъ же; та деревня Кременъ пана Лисинскаго. Отъ деревни Чармы до рѣки Буга Польскихъ 4 мили. Рѣка Бугъ великая, многимъ больше Москвы рѣки, и зѣло быстра. Отъ пріѣзда съ Московской стороны на берегу рѣки Буга село Крамиловчи, а по другую сторону на берегу жъ вышепомяненная деревня Кременъ. То село Крамиловчи и деревня Кременъ одного пана Лисинскаго маетность.

Апрѣля въ 28-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ маетность воеводы Плоцкаго въ деревню Замково, отъ деревни Кремена Польскихъ 4 м. Тогожъ числа пріѣхалъ ночевать въ маетность воеводы Плоцкого жъ, старосты Варшавскаго, пана Красинскаго, въ мѣстечко Венгрово, отъ деревни Замкова Польскихъ 2 мили. Отъ Бѣльска до Венгрова 13 миль съ полумилею Польскихъ, а Московскихъ 67 верстъ съ полуверстою, а отъ Москвы до Венгрова 1107 верстъ съ полуверстою. То мѣстечко граничитъ или раздѣляетъ Подляшіе съ Мазовіею. Отъ Венгрова коршавендетъ *) или развлекается Мазовша и належитъ до коруны Венгровъ; мѣстечко немалое, и домы въ немъ богатые деревяннаго строенія, жители Венгровскіе всѣ Римскаго закона. Въ томъ же Венгровѣ есть много Лютерановъ и Кальвинистовъ. Въ томъ мѣстечкѣ есть костелъ Римскій великій каменный, многимъ больше Московской соборной церкви. Строенія тотъ костелъ древняго, уборъ въ томъ костелѣ богатый. Подъ тѣмъ мѣстечкомъ пруды великіе, а рѣки никакой нѣтъ.

Апрѣля въ 29-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ маетность пана Оборскаго каштеляна Осолинскаго, въ село Доброе, отъ Венгрова П. 4 м. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ маетность ловчаго коруннаго пана Ловецкаго въ село Пустильники, отъ с. Добраго П. три мили.

Апрѣля въ 30-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ маетность хоронжаго панцырной хоругви, пана Гребовскаго, въ мѣстечко Окунево, отъ села Пустильниковъ двѣ мили. Того же числа пріѣхалъ ночевать въ Варшаву, отъ Окунева три мили, отъ Венгрова до Варшавы 11 миль Польскихъ, а Московскихъ 55 верстъ. Отъ Смоленска до Варшавы Польскихъ 161 миля, а Московскихъ 805 верстъ, а отъ Москвы до Варшавы 1162 версты съ полуверстою. Варшава есть мѣсто великое, на лѣвомъ берегу рѣки Вислы положенное. Рѣка Висла есть великая, течетъ отъ Полудня на Сѣверъ. Въ Варшавѣ около города посадовъ

*) ?. П. Б.

нѣтъ, только одинъ замокъ королевскій на берегу рѣки Вислы; тотъ замокъ каменный, изряднымъ строеніемъ сдѣланный. Кляшторовъ и костеловъ каменныхъ въ Варшавѣ много, всѣ Римскаго закона; и домовъ сенаторскихъ великихъ изряднаго каменнаго строенія немало. Варшава вся сидитъ на берегу рѣки Вислы; въ Варшавѣ садовъ изрядныхъ много; черезъ рѣку Вислу народъ и всякія вещи подъ Варшавой перевозятъ на паромахъ. Та рѣка Висла величествомъ подобна рѣкѣ Волгѣ, текущей подъ городомъ Ярославлемъ. Въ бытность свою въ Варшавѣ стоялъ на другой сторонѣ Вислы отъ Варшавы отъ пріѣзда съ Московской стороны въ слободахъ, которое мѣсто называется Прага. Въ тѣхъ слободахъ дворы строенія деревяннаго. Для того въ тѣхъ слободахъ я стоялъ, что въ Варшавѣ постоялаго двора въ самомъ мѣстѣ себѣ не съискалъ, понеже пріѣздъ мой въ Варшаву прилучился подъ часъ или во время самой елекціи, которая елекція въ то время у Поляковъ была для обиранія короля Польскаго, и съѣздъ въ Варшаву въ то время былъ великій всѣхъ сенаторовъ Рѣчи Посполитой, обоихъ народовъ, какъ коруны Польской, такъ и княжества Литовскаго; и въ помяненномъ мѣстѣ Прагѣ, гдѣ я стоялъ, съ великимъ трудомъ постоялый дворъ себѣ пріискалъ. Пріѣзжая къ Варшавѣ, послалъ я о себѣ вѣдомость резиденту Московскому, бывшему въ то время въ Варшавѣ, дьяку Алексѣю Никитину. По той моей вѣдомости онъ Алексѣй выѣхалъ изъ Варшавы на встрѣчу мнѣ двѣ версты и, видясь со мной, пріискалъ мнѣ постоялый дворъ, на которомъ я стоялъ въ Прагѣ на берегу рѣки Вислы противъ королевскаго замка, который въ Варшавѣ.

Рѣка Висла впадаетъ въ море, которое называютъ Италъяне Марбалтико, подъ городомъ Гданскомъ; по той рѣкѣ Вислѣ ходятъ суды великіе съ хлѣбомъ и со всякими товарами. Когда въ Польшѣ умретъ король, тогда по смерти королевской въ Варшавѣ начальствуетъ примасъ, арцибископъ Гнезненскій и кардиналъ.

Мая въ 1-й день. Изъ вышепомяненнаго мѣста Праги ѣздилъ въ самое мѣсто въ Варшаву, черезъ рѣку Вислу переѣхалъ въ лодкѣ и съ берега рѣки Вислы взошелъ въ Варшаву на гору по каменной лѣстницѣ, которыя лѣстницы подѣланы изъ верхняго города къ рѣкѣ Вислѣ для сходовъ и, пришедъ въ замокъ, былъ на королевскомъ дворѣ. Тотъ короля Польскаго дворъ невеликъ, палаты на томъ дворѣ построены съ четырехъ сторонъ, вмѣсто ограды тому двору тѣ палаты въ высоту въ четыре жилья; крылецъ къ тѣмъ палатамъ выставныхъ нѣтъ, подѣланы лѣстницы между палатъ на томъ дворѣ, четверо воротъ проѣзжихъ подѣлано подъ палатами. Въ тѣхъ королевскихъ палатахъ въ сѣняхъ стоитъ караулъ солдатъ, и по стѣнамъ виситъ

ружье солдатское. У дверей изъ сѣней въ палаты стоятъ два человѣка солдатъ въ Нѣмецкомъ платьѣ съ протазанами или съ алебардами. Въ то время въ томъ королевскомъ домѣ на всѣхъ было платье черное по смерти короля Польскаго Яна Собѣскаго Изъ тѣхъ сѣней вышелъ въ палату, которая палата есть немалая, обита вся чернымъ сукномъ; въ той палатѣ на лѣвой сторонѣ сдѣланъ немалый рундукъ, къ стѣнѣ три ступени вверхъ, обитъ тотъ рундукъ бархатомъ червчатымъ, по сшивкамъ кладены кружева золотныя. На томъ рундукѣ поставленъ гробъ, въ которомъ лежитъ тѣло Польскаго короля Яна Собѣскаго. Тотъ его гробъ весь обитъ оксамитомъ золотнымъ, и галуны и бахрамы золотные, гвозди серебрянные золоченые. Кругомъ того гроба по ступенямъ помяненнаго рундука поставлено 30 шандаловъ серебряныхъ великихъ, въ которыхъ свѣчи высокія, вощаныя бѣлыя. Въ ногахъ королевскаго тѣла стоятъ два человѣка караульщиковъ съ алебардами. На верху того гроба положена корона золотая, въ ногахъ подлѣ гроба положена подушка участковая золотная, а на ней поставлена шкатулка золотая сдѣлана подобіемъ сердца человѣческаго; въ ту шкатулку при погребеніи королевскаго тѣла, вынувъ изъ него сердце, положатъ и погребутъ то королевское сердце въ Варшавѣ, а тѣло королевское повезутъ въ Краковъ и тамъ похоронятъ. Какъ я въ ту вышепомянутую палату вошелъ, въ то время тамъ служили на трехъ престолахъ три ксендза мши, т.-е. обѣдни за душу умершаго короля. Облаченіе на трехъ Римскихъ попахъ все черное; надъ гробомъ, въ которомъ тѣло королевское лежитъ, поставлена персона его, писана на холстинѣ въ золоченыхъ рѣзныхъ рамахъ. Между тѣми королевскими палатами есть одна палата великая, которую Поляки называютъ изба сенаторская; въ той палатѣ бываетъ у Поляковъ сеймъ, у которой палаты окна великія; окончины были стекольчатыя, всѣ повыломаны, и окна разбиты отъ нестройнаго совѣта и отъ несогласія во всѣхъ дѣлахъ пьяныхъ Поляковъ; а покоевыя королевскія палаты отъ той палаты далеко. Въ бытность мою въ Варшавѣ умершаго короля Польскаго Яна Собѣскаго жены и дѣтей въ Варшавѣ не было: выѣхали въ Пруссы для того, что есть обыкновеніе у Поляковъ такое, что когда король Польскій умретъ, и учинятъ Поляки елекцію для обранія новаго короля, въ то время умершаго короля Польскаго жену и дѣтей и сродниковъ изъ Варшавы высылаютъ вонъ.

Того жъ числа былъ я въ костелѣ, который называется Ѳара, т.-е. соборный; тотъ костелъ великій и богатый; въ томъ костелѣ на лѣвой сторонѣ у стѣны стоитъ образъ распятія Христова и сдѣланъ рѣзною работою изрядною; у того образа на главѣ волосы

подобные человѣческимъ волосамъ черные, и сказываютъ Поляки, что будто тѣ волосы по вся годы стригутъ, и паки-де тѣ волосы отростаютъ. Въ томъ же костелѣ на хорахъ надъ западными дверьми стоятъ органы зѣло великіе, какіе величествомъ мало гдѣ обрѣтаются. Въ томъ костелѣ много престоловъ по всѣмъ сторонамъ, и уборы изрядные, и богатство многое. Тотъ костелъ отъ помяненнаго королевскаго дома недалеко, и многіе мѣщанскіе домы каменнаго и изряднаго строенія и великіе подлѣ самаго королевскаго дома построены. Въ одну стѣну подъ тѣми мѣщанскими домами многія лавки каменныя изрядныя, въ которыхъ зѣло много всякихъ товаровъ. Подъ тѣми лавками погребы каменные великіе, гдѣ много продажныхъ виноградныхъ винъ разныхъ, которыхъ Поляки нерѣдко и немало употребляютъ, для того и цѣною немалою ихъ купятъ. Въ Варшавѣ иноземцевъ пріѣзжихъ изъ разныхъ государствъ бываютъ немало.

Въ Варшавѣ дома и всякое строеніе въ замкѣ все каменное, палатъ изрядныхъ и высокихъ въ четыре жилья въ высоту много, палаты всѣ строены стѣнами по улицамъ. Тотъ замокъ весь намощенъ каменемъ, посреди того замка ратуша построена каменная высока; въ томъ замкѣ сенаторскихъ домовъ нѣтъ, все живутъ мѣщане. За городомъ, близко рѣки Вислы есть кляшторъ каменный великій, въ томъ кляшторѣ-костелъ каменный же великій изряднаго строенія; въ томъ кляшторѣ живутъ Римской вѣры законники Доминиканы. У воротъ вышеписаннаго замка сдѣланъ столбъ зѣло высокій, изъ камени вытесанъ, на томъ столбѣ поставлена персона Владислава, бывшаго древле короля Польскаго, вылита изъ мѣди и вызолочена, имѣя въ своей рукѣ лѣвой крестъ, а въ правой рукѣ обнаженный держитъ мечъ. Домы тамъ сенаторскіе великіе каменнаго строенія за городомъ, потому что городъ верхній невеликъ, и не можно въ немъ такимъ тремъ или четыремъ домамъ умѣститься.

Для елекціи черезъ рѣку Вислу сдѣланъ былъ мостъ на судахъ, и по тому мосту стоялъ караулъ, потому что во время елекціи между Поляковъ бываютъ многія ссоры, ибо также и у Литвы между собою, и у Поляковъ съ Литвою бываютъ многія драки и смертное убійство; а больше на мосту дерутся за ссоры и за пьянство, и всегда у нихъ между собою мало бываетъ согласія, въ чемъ они много государства своего растеряли. Однакожъ, когда напьются пьяны, не тужатъ о томъ и не скорбятъ, хотя бъ и всѣ сгибли. А когда елекціи въ Варшавѣ не бываетъ, тогда и моста черезъ рѣку Вислу не бываетъ. Посему можно разумѣть разумъ или пьяную глупость Поляковъ, ибо на перевозахъ рѣки Вислы много погибаетъ людей и скота и всякихъ ко употребленію человѣческому вещей во время вѣтра и волненія той

рѣки, понеже и паромовъ добрыхъ для перевоза Поляки не имѣютъ. Также иныя многія въ томъ есть имъ трудности, когда во время крайнихъ нуждъ всякіе люди, за зѣльнымъ дыханіемъ вѣтра и за великими водными волнами, не могутъ ту рѣку переѣхать и всякихъ потребъ перевозити и въ томъ терпятъ великую невыгоду. А начальники Польскіе, то видя, за бездѣльнымъ своимъ гуляніемъ моста черезъ ту рѣку подъ Варшавой не имѣютъ для упокоенія народа. А мню, для того любятъ перевозы, что, на тѣхъ перевозахъ съѣзжаяся, пьяные рубятся, не знаютъ за что и какъ души ихъ какъ мухи погибаютъ.

Въ лавкахъ за всякими товарами сидятъ мѣщане, богатые люди сами, и жены ихъ, и дочери-дѣвицы въ богатыхъ уборахъ и въ зазоръ себѣ того не ставятъ. По городу и въ маетности ѣздятъ сенаторы и жены ихъ дочери-дѣвицы въ каретахъ и въ зазоръ себѣ того не ставятъ. Въ кареты закладываютъ по шести коней добрыхъ и въ богатыхъ уборахъ. Отъ города Варшавы за рѣкою Вислою въ слободахъ, чтó называется Прага, есть кляшторъ мужескій, въ томъ кляшторѣ живутъ законники Барнадыны. Въ Варшавѣ для продажи хлѣбныхъ товаровъ и всякихъ харчевыхъ припасовъ есть немало, только цѣна всему противъ Московскаго высокая.

Мая во 2-й день. Былъ я паки въ зáмкѣ Варшавскомъ и въ вышеписанномъ большомъ костелѣ, чтò называется Ѳара или соборная церковь, слушалъ мши Римскія, т.-е обѣдни. Въ то время на многихъ въ той церкви престолахъ служили мши разные Римскіе попы, всѣ въ одно время. А какъ на большомъ настоящемъ алтарѣ служили мшу, въ то время играли на органахъ, которые два органа стоятъ въ томъ костелѣ на хорахъ по обѣимъ сторонамъ алтаря надъ крылосами; а на большихъ органахъ, которые въ томъ костелѣ стоятъ надъ западными дверьми, въ то время не играли, а играютъ на тѣхъ органахъ великихъ въ праздники во время мши, т.-е. обѣдни.

Того жъ числа по обѣдѣ ѣздилъ смотрѣть домы сенаторскіе и былъ въ домѣ канцлера Литовскаго пана Радзивила. Въ томъ его домѣ палаты великія и строеніе изрядное многое. Потолки въ палатахъ дѣланы Итальянскою работою изъ гипса, подобны альбастру рѣзному; и уборъ богатый, и палатъ зѣло много. Одна палата обита бархатомъ червчатымъ, двѣ палаты обиты золотными парчами, двѣ палаты обиты байбереками золотными, и всякихъ вещей для украшенія въ тѣхъ палатахъ много.

Потомъ былъ я за городомъ въ саду маршала великаго короннаго пана Любомирскаго, въ которомъ видѣлъ строеніе великое и зѣло изрядное, водъ пропускныхъ много, на всѣхъ сторонахъ сада есть фонтаны хорошія. На срединѣ того сада построены палаты предив-

ныя, между которыми въ срединѣ сдѣлана мыльня, и къ той мыльнѣ сдѣланы со всѣхъ сторонъ изрядныя фонтаны дивнымъ и богатымъ строеніемъ, и въ срединѣ той мыльни сдѣланы преудивительныя фонтаны. Въ той же мыльнѣ и въ палатахъ, которыя палаты построены кругомъ той мыльни, стѣны всѣ изнутри дѣланы гипсомъ изрядной работой, какъ альбастровыя рѣзныя. Во многихъ мѣстахъ убраны тѣхъ палатъ стѣны внутри раковинами, и зеркалы великія вставлены въ тѣхъ стѣнахъ, и иными предивными штуками построены, чего подробно описать невозможно. Въ тѣхъ палатахъ печи изрядныя, кофейня обдѣлана гипсомъ преславной работы; уборовъ въ тѣхъ палатахъ кругомъ мыльни изрядныхъ много, столовъ предивныхъ, креселъ изрядныхъ, зеркалъ и картинъ узорочныхъ и иныхъ всякихъ уборовъ зѣло много.

Въ Варшавѣ домъ есть воеводы Плоцкаго, строится вновь еще, въ совершенство не построенъ, зѣло изряденъ и безмѣрно великъ. Палаты великія и зѣло изрядною пропорціею построены на срединѣ двора, такъ же и у всѣхъ сенаторскихъ домовъ палатное строеніе строено на срединѣ дворовъ, а не по улицамъ; а по улицамъ въ Варшавѣ стоятъ домы и палаты мѣщанскіе.

Мая въ 3-й день. Ѣздилъ я изъ Варшавы на королевское подворье умершаго короля Яна Собѣскаго, отъ Варшавы 5 верстъ. Тамъ построенъ домъ его великій, строеніе все каменное, палаты построены великія, у которыхъ снаружи всѣ стѣны оставлены каменными изрядными рѣзьбами. Палатъ числомъ есть тамъ зѣло много. Изъ тѣхъ палатъ подѣланы многіе ходы въ садъ великій, который при тѣхъ палатахъ построенъ. Тѣ палаты низкія, а наверху тѣхъ палатъ построены многія палаты, въ которыхъ стѣны всѣ окладены цѣнными досками цвѣтными изрядной работы. Во всѣхъ тѣхъ палатахъ подѣланы вмѣсто печекъ камины альбастровые, иные гипсовые изрядные предивной Итальянской рѣзной работы. Также и потолки въ тѣхъ палатахъ подѣланы альбастровые рѣзные и гипсовые; и картинъ изрядныхъ въ тѣхъ палатахъ много Итальянскихъ дивныхъ, живописныхъ писемъ. Въ двухъ палатахъ тамъ есть полы аспидные изрядные, сдѣланы изъ разныхъ мраморовъ или аспидовъ узоромъ; а обитія въ тѣхъ палатахъ знатно что было, только въ бытность мою было обрано по смерти короля Польскаго, ибо его короля въ тѣхъ палатахъ не стало. Позади тѣхъ палатъ подѣланы гульбища или площади изрядныя, широкія, въ которыхъ по стѣнамъ писано изряднымъ живописнымъ письмомъ. За тѣми палатами построенъ садъ великій изрядною пропорціею; въ томъ саду пропущено много изрядныхъ, чистыхъ водъ, и фонтаны подѣланы предивныя во многихъ мѣстахъ разными видами,

а для поливанія цвѣтовъ стоитъ вода въ великихъ мѣдныхъ чеканныхъ чашахъ изрядной работы. Въ томъ саду деревъ всякихъ плодовитыхъ, также травъ и цвѣтовъ изрядныхъ разныхъ родовъ, много. Въ томъ саду есть деревья померанцевыя и винныхъ ягодъ; тѣ деревья посажены въ ящикахъ и поставлены подлѣ стѣны низко въ землѣ, и надъ ними сдѣлана кровля для того, что въ зимѣ тѣ деревья покрываютъ и нагрѣваютъ то мѣсто, гдѣ онѣ зимою стоятъ, печью, а лѣтомъ въ теплые дни выносятъ оттуда и ставятъ гдѣ потребно. Въ томъ же саду есть два пруда изрядныхъ, въ которыхъ рыбы много. Близко тѣхъ прудовъ подѣланы два чердака круглые, предивные; невеликія стѣны тѣхъ чердаковъ внутри подѣланы изъ хрусталей; въ окошкахъ и около окошекъ множество вставлено цвѣтныхъ камней varениковъ, и зѣло устроены тѣ чердаки богато и хорошо, и весь тотъ садъ построенъ безмѣрно хорошо. Въ томъ же помяненномъ умершаго короля домѣ въ сараяхъ стоятъ 8 каретъ да 2 коляски его изрядныя и зѣло богатыя предивной Французской работы, и по всѣмъ каретамъ и коляскамъ особые шоры цугами предивно богатые. И когда тотъ король Янъ Собѣскій былъ живъ, сказывали, что въ томъ домѣ зѣло любилъ жить и построилъ его въ купленной своей маетности, которая нынѣ со всѣмъ вышеписаннымъ строеніемъ отдана женѣ его и дѣтямъ.

Мая въ 4-й день. Былъ у меня Московскій резидентъ дьякъ Алексѣй Никитинъ и привезъ ко мнѣ проѣзжій листъ отъ примаса и говорилъ мнѣ, чтобъ я съѣздилъ къ папежскому нунціушу, который присланъ отъ папы Римскаго изъ Рима и живетъ въ Варшавѣ для управленія духовныхъ дѣлъ, и чтобы я взялъ отъ него о свободномъ себѣ проѣздѣ и о пріемности во Итальянскихъ краяхъ листъ. По тѣмъ его Алексѣевымъ словамъ пріѣхалъ я къ вышеписанному папежскому нунціушу на дворъ, гдѣ встрѣтилъ меня одинъ Римскій попъ и, освѣдомясь отъ меня, какого я государства и какого чина человѣкъ, тотчасъ сказалъ обо мнѣ тому нунціушу, который меня принялъ зѣло любительно. Въ палатахъ того нунціуша уборы изрядные; первая палата отъ сѣней обита вся красными сукнами, на передней стѣнѣ въ той палатѣ прибиты изрядныя шпалеры. Другая палата обита бархатомъ малиновымъ, по сшивкамъ на бархатахъ кладены кружева золотныя, а тѣ бархаты сшиваны черезъ полосу съ золотоглавами по малиновой землѣ. Противъ дверей въ той палатѣ у передней стѣны сдѣланъ рундукъ; на томъ рундукѣ поставлены кресла того нунціуша обитыя малиновымъ бархатомъ; надъ тѣми его креслами поставленъ балдахинъ, обитъ малиновымъ бархатомъ же. Въ той же палатѣ иныхъ креселъ много, обиты малиновымъ же бархатомъ съ золотными галунами и бахрамами. Въ той же палатѣ встрѣтилъ меня нунціушъ самъ,

имѣлъ на себѣ одежду черную, какъ есть обычай духовнымъ Римскимъ носить, сверхъ одежды на шеѣ великая чепь золотая, и на ней крестъ алмазный, въ которомъ зѣло великихъ алмазовъ много; на верху одежда бархатная червчатая, черная жъ, и говорилъ со мною чрезъ переводчика Италъянскимъ языкомъ, и обѣщалъ ко мнѣ тотчасъ прислать проѣзжій листъ на дворъ о пріѣздѣ моемъ въ Италію, за что я ему благодарствовалъ. Отъ него пошелъ, и проводилъ меня самъ нунціушъ въ сѣни, а которые при немъ были, тѣхъ всѣхъ послалъ за мною на низъ съ крыльца, а были при немъ все духовные, а мірскихъ никого не было. Тотъ домъ, въ которомъ онъ живетъ, не великъ, и палаты не гораздо пространны. Того жъ дня тотъ нунціушъ прислалъ ко мнѣ на дворъ о проѣздѣ моемъ листъ, какого я отъ него желалъ.

Того-жъ числа поѣхалъ я изъ Варшавы, живши въ Варшавѣ пять дней; рѣку Вислу проѣхалъ по мосту, который мостъ сдѣланъ на стругахъ для елекціи, и заѣхалъ на дворъ къ резиденту Московскому дьяку Алексѣю Никитину и отъ него ѣздилъ смотрѣть то мѣсто, гдѣ изготовлено у Поляковъ быть елекціи, отъ Варшавы съ полверсты. На полѣ сдѣланъ валъ немалый, и кругомъ выкопанъ ровъ. Въ тотъ валъ сдѣлано четыре въѣзда, тутъ съѣзжаются послы изъ повѣтовъ и начальные люди отъ хоронгвей, а посполъство все бываетъ за валомъ; вокругъ того вала къ одной сторонѣ сдѣланъ великій сарай досчаный, который Поляки называютъ шопою, подобно тому какъ дѣлаются покои скотскіе. Воистину, и Поляки своимъ дѣломъ во всемъ подобятся скотинѣ, понеже не могутъ никакого государственнаго дѣла сдѣлать безъ боя и безъ драки, и для того о всякихъ дѣлахъ выѣзжаютъ думать въ поле, чтобъ имъ пространно было безъ размышленія побиватися и гинуть въ томъ вышеписанномъ сараѣ. Много сдѣлано лавокъ, на которыхъ засѣдаютъ сенаторы; въ первомъ мѣстѣ садится примасъ, т.-е. арцибископъ Гнезненскій и отъ него бископы по мѣстамъ, воеводы и прочіе сенаторы, а противъ лица примасова садится маршалокъ великой королевской шляхты, который задаетъ голосы чинно, доколѣ не всѣ пьяны.

Смотря то мѣсто, поѣхалъ я того же числа въ надлежащій свой путь и ночевалъ на полѣ, отъ Варшавы 1 миля.

Мая въ 5-й день. Пріѣхалъ обѣдать, проѣхавъ село Даранбы на поле, отъ того мѣста гдѣ ночевалъ Польскихъ 3 мили. Того-жъ числа пріѣхалъ ночевать, проѣхавъ маетность арцибископа Гнезненскаго, мѣстечко Мстолово, гдѣ обѣдалъ отъ того мѣста Польскихъ 4 мили. Въ томъ помяненномъ мѣстечкѣ костелъ каменный великій. Не доѣзжая того мѣстечка, есть домъ каменный великій того жъ арцыби-

скопа Гнезненскаго, зѣло изряднымъ строеніемъ устроенъ; кругомъ того двора садъ великій и около того сада воды великія.

Мая въ 6-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ маетность пана Сирацкаго, въ мѣстечко Нарову, отъ Метолова 4 мили. То мѣстечко немалое; и того дня въ томъ мѣстечкѣ была ярманка. Въ томъ мѣстечкѣ домъ пана Сирацкаго каменнаго строенія, и три костела Римскихъ великихъ каменныхъ. Того-жъ числа пріѣхалъ ночевать въ маетность арцыбископа Гнезненскаго, въ деревню Черницу, отъ Наровы 2 мили. Ѣхавъ отъ Наровы, встрѣтилъ обозъ посла цесарскаго, который ѣхалъ въ Варшаву на елекцію. Въ томъ обозѣ шесть каретъ и телѣгъ много; за тѣмъ обозомъ встрѣтилъ самого цесарскаго посла, который разговаривалъ со мною зѣло пріятно. Тотъ посолъ ѣхалъ въ рыдванѣ золоченомъ изрядной работы на шести лошадяхъ; въ томъ же рыдванѣ переднемъ сидѣлъ одинъ человѣкъ цесарецъ. Тотъ вышепомянутый посолъ суть духовная особа, бископъ Венецкій; за нимъ въ другомъ рыдванѣ ѣхало четыре человѣка на шести лошадяхъ, при немъ верховыхъ людей никого не было.

Мая въ 7-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ маетность бископа Куявскаго, въ мѣстечко Волборы, отъ Черницы 4 мили. Въ томъ мѣстечкѣ домъ бископа Куявскаго великій каменнаго строенія. Въ томъ же мѣстечкѣ костелъ Римскій великій каменный, и мѣстечко то немалое. Того-жъ числа пріѣхалъ ночевать въ городъ Петроковъ, отъ Волборъ 2 мили. Тотъ городъ Петроковъ маетность королевская и мѣсто суть немалое. Въ томъ городѣ домъ королевскій великій каменнаго строенія; въ томъ же городѣ три кляштора каменные и костелъ великій каменный, который называется Ѳара, и домовъ каменныхъ мѣщанскихъ богатыхъ много. Староста въ томъ городѣ воевода Сендомирскій, и домъ его въ томъ городѣ каменный. Обычай того города: когда скончается король, тогда тотъ городъ бываетъ запертъ до тѣхъ мѣстъ, какъ выберутъ короля Польскаго. Отъ Варшавы до Петрокова 20 миль Польскихъ, а Московскихъ 100 верстъ, а отъ Москвы до Петрокова 1262 версты съ полуверстою.

Мая въ 9-й день. Проѣхалъ маетность королевскую, мѣстечко Радомское отъ того мѣста гдѣ ночевалъ одна миля. Въ томъ мѣстечкѣ костелъ Римскій каменный великій, который называется Ѳарою, т.-е. соборный костелъ, да кляшторъ каменный же великій, въ немъ живутъ законники Барнадины; строеніе и уборы въ тѣхъ костелахъ богатые. Староста въ томъ мѣстечкѣ панъ Мечинскій. И пріѣхалъ обѣдать на мельницу, которая построена на рѣкѣ Вартѣ.

Мая въ 10-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ Ченстоховскій монастырь отъ стана, гдѣ ночевалъ, 3 мили; а отъ Варшавы до Ченстоховскаго

монастыря 32 мили Польскихъ, а Московскихъ 160 верстъ, а отъ Москвы до Ченстохова 1324 версты съ полуверстою. Ченстохово—мѣстечко короля Польскаго невеликое, а богатыхъ людей живетъ въ немъ много. Два костела въ немъ каменныхъ, замка въ Ченстоховѣ нѣтъ. Отъ того мѣста съ полверсты кляшторъ каменный Пресвятой Богородицы, построенъ на высокой каменной горѣ. Въ томъ кляшторѣ поставленъ въ костелѣ Римскомъ образъ Пресвятой Богородицы письма Евангелиста Луки, чудотворная икона. Хотящаго же вѣдать подлинно о томъ святомъ Пресвятыя Дѣвы образѣ и о чудесахъ, отъ него бывающихъ, отсылаю до читанія гисторіи печатной на Польскомъ языкѣ о томъ святомъ образѣ и о чудесахъ, отъ него бывающихъ. Въ томъ кляшторѣ живутъ законники Римскаго закона, которые называются Павліяне или еремиты Павликіи, т.-е. чина Св. Павла. Тѣ законники одежду носятъ бѣлую, бородъ не брѣютъ и не стригутъ, только усовъ мало подстригаютъ; суть крѣпкаго житія. Тотъ кляшторъ великій, въ немъ костелы каменные предивнымъ строеніемъ; снаружи многія изрядныя рѣзьбы каменныя. Кругомъ того кляштора ровъ великій выкладенъ камнемъ бѣлымъ и сѣрымъ дикимъ; ограда того кляштора каменная. Въ тотъ кляшторъ ворота одни каменные; въ тѣхъ воротахъ всегда стоитъ караулъ солдатъ съ ружьемъ по 20 человѣкъ. Въ томъ кляшторѣ костелъ большой каменный гораздо великъ, сдѣланъ изряднымъ Итальянскимъ мастерствомъ. Своды того костела каменные, обдѣланы всѣ гипсомъ предивною работою; по стѣнамъ того костела внутри поставлены картины многія изрядныхъ живописныхъ писемъ, а писано на тѣхъ картинахъ житіе Св. Павла Ѳивейскаго, и отъ того костела на правую сторону двери въ каплицу, т.-е. въ придѣлъ св. Павла Ѳивейскаго. Въ той каплицѣ изнутри всѣ стѣны мраморыя или аспидныя, дѣланы великими столпами какъ бываютъ деревянные столбы столярной доброй работы съ капителями; въ той каплицѣ и помостъ весь мраморный. На той же сторонѣ другая каплица, вверхъ 6 ступеней; въ той каплицѣ внутри всѣ стѣны мѣдныя прорѣзныя золоченыя, подъ той каплицею внизъ сходъ въ 5 ступеней. Тамъ есть каплица же Св. Ангела-Хранителя; въ ту каплицу приводятъ бѣснующихся, и заклинаютъ попы Римскіе; въ мою бытность въ той каплицѣ лежала одна жена Римлянина, бѣсомъ одержимая и мучимая, надъ которой я видѣлъ одного законника, читающаго молитвы. Сказываютъ того кляштора законники, что-де никто изъ той каплицы неисцѣленъ не выходитъ. Изъ того жъ помяненнаго костела есть ходъ налѣво чрезъ паперть въ тотъ костелъ, гдѣ стоитъ чудотворный образъ Пресвятой Богородицы письма Св. Евангелиста Луки. Та святая икона мѣрою подобна той святой иконѣ, что̀ на Мос-

квѣ стоитъ въ соборной церкви письма Луки же Евангелиста, которая называется Владимірская. Та помяненная святая икона Ченстоховская поставлена въ костелѣ Римскомъ надъ алтаремъ высоко, и закрывается та икона серебрянною доскою, которая доска задвигается сверху, и на той помяненной серебрянной доскѣ вылитъ образъ сошествія Св. Духа, изрядною работою. Той святой иконы кивотъ сдѣланъ изъ орѣховаго дерева, около котораго множество серебра. Сдѣлана дивною работою; на той святой иконѣ риза бархатная червчатая, на которой нашито множество клейнодовъ, т.-е. запонъ алмазныхъ, яхонтовыхъ и изумрудныхъ, и чепей золотыхъ, и жемчугу великаго бурмицкаго около той святой иконы, досокъ великихъ золотыхъ и серебрянныхъ множество, на которыхъ выбиты и вырѣзаны образы разные. Подъ тою же святою иконою лежатъ двѣ булавы золотыя съ каменіемъ, приложенныя нѣкоторыми Польскими гетманами. Въ томъ костелѣ и по стѣнамъ около той святой иконы много прикладныхъ сабель въ золотыхъ оправахъ съ каменіемъ. Предъ тѣмъ святымъ образомъ съ обѣихъ сторонъ поставлено шесть подсвѣчниковъ великихъ серебряныхъ да пять лампадъ великихъ же серебрянныхъ чеканныхъ, въ которыхъ непрестанно горитъ масло деревянное. Въ томъ костелѣ всѣ стѣны обиты алтабасами, и своды въ томъ костелѣ всѣ сдѣланы изъ гипсу изряднымъ мастерствомъ и вызолочены всѣ. Ту святую икону открываютъ во время пѣнія и для приходящихъ молебщиковъ. Въ томъ и въ другомъ великихъ костелахъ поставлены органы великіе, изрядные. Подлѣ того костела придѣлана палата великая, въ которой стоятъ сосуды церковные и ризы и всякія костельныя вещи. Въ той палатѣ впереди сдѣланъ алтарь Римскій, на которомъ отправляютъ мшу, т.-е. обѣдню. Подлѣ стѣнъ въ той палатѣ подѣланы великіе ящики и поставцы изрядною столярною работою, и выписаны, и вызолочены изрядно, въ которыхъ ящикахъ и въ поставцахъ множество ризъ поповскихъ избранныхъ, сдѣланныхъ изъ золотыхъ парчей и обнизанныхъ жемчугомъ съ каменіемъ и съ запонами изрядными. Въ тѣхъ же поставцахъ кадилъ серебрянныхъ великихъ и подсвѣчниковъ серебрянныхъ великихъ, сосудовъ золотыхъ съ каменіемъ и серебрянныхъ—всего того множество. Крестовъ великихъ золотыхъ и серебрянныхъ много-жъ съ каменіями и съ запонами изрядными. Въ той же палатѣ стоитъ сосудъ или дароносица, въ которомъ ставятъ Римляне освященные оплатки. Тотъ сосудъ весь золотой, великій съ каменьями, съ алмазами и яхонтами, и съ изумрудами и запонами изрядными, сдѣланъ высотою больше аршина изрядною преудивительною работою прорѣзною, въ которомъ множество каменія изряднаго: алмазовъ, яхонтовъ, изумрудовъ, между которыми каменьями на

верхъ поставленъ одинъ алмазъ зѣло великъ, какихъ алмазовъ мало великостью обрѣтается на всемъ свѣтѣ. Около того сосуда множество зеренъ бурмитскихъ предивныхъ, и есть тотъ сосудъ зѣло многоцѣненъ. Въ томъ кляшторѣ аптека изрядная, великая, въ которой я видѣлъ много всякихъ лекарствъ, и уборъ всякій въ той аптекѣ изрядный. Законниковъ въ томъ кляшторѣ 70 человѣкъ, всѣ имѣютъ общее жительство и ѣдятъ всѣ по вся дни въ трапезѣ; трапеза сдѣлана изрядная, великая, сводовъ въ ней нѣтъ, потолокъ накатной рѣзной дивной работы; скамьи и столы изрядные, также и скатерти, и полотенцы ручныя изрядныя жъ; сосудовъ оловянныхъ и мѣдныхъ много, ложки и у ножей черенки, и вилки всѣ серебрянные. И въ пищѣ и въ платьѣ всякое довольство изрядное. Въ томъ кляшторѣ всякій законникъ имѣетъ себѣ свою келью, и другъ къ другу мало ходятъ. Кельи всѣ построены рядомъ каменныя, предивныя, только невеликія; между кельями подѣланы переходы широкіе каменные изрядные. Въ томъ кляшторѣ есть академія, учатся высокимъ наукамъ, даже и до философіи. А гдѣ у нихъ бываютъ диспуты, и для того особая сдѣлана палата великая, длинная наверху подлѣ костела, въ которомъ стоитъ воспомяненный образъ чудотворной Пресвятой Богородицы. Въ той палатѣ подѣланы окна великія, и убрана та палата изрядно. Тотъ кляшторъ деревяннаго строенія, на томъ мѣстѣ отъ начала своего имѣетъ быть неподвижно 360 лѣтъ, подданныхъ имѣетъ подъ собою 200 дворовъ. Въ томъ кляшторѣ въ костелахъ всякія богатства, данныя отъ приходящихъ молебщиковъ, которыхъ въ томъ кляшторѣ всегдѣ бываетъ со всѣхъ сторонъ множество, и изъ дальнихъ христіанскихъ краевъ пріѣзжаетъ много народу. Отъ того великаго Ченстоховскаго кляштора недалеко, малымъ меньше полверсты, другой есть кляшторъ каменный невеликъ, который называютъ Новиціанскій, т.-е. кто желаетъ быть законникомъ въ томъ Ченстоховскомъ монастырѣ, тотъ, вступя по закону, повиненъ жить въ томъ Новиціанскомъ монастырѣ годъ или два, а потомъ примутъ его до большаго воспомяненнаго кляштора. Во томъ Новиціанскомъ монастырѣ въ мою бытность было 20 человѣкъ законниковъ новопостриженныхъ. Близко великаго кляштора есть и слобода великая, и ряды немалые, и лавокъ много. Строеніе въ слободѣ и въ рядахъ все деревянное, и въ лавкахъ есть товаровъ немало, а паче всего много книгъ Латинскихъ и Польскихъ всякихъ печатныхъ; въ тѣхъ же лавкахъ продаютъ образы Пресвятой Богородицы, которые называютъ Ченстоховскіе, писаны на мѣди и по полотну, и на деревѣ разнымъ величествомъ, кому въ какую мѣру потребно, четвероугольные и круглые.

Мая въ 11-й день. Послѣ обѣда выѣхалъ изъ той слободы отъ монастыря Ченстоховскаго, который называютъ Поляки на Ясной Горѣ, и пріѣхалъ въ вышепомянутый Новиціанскій кляшторъ; въ томъ кляшторѣ костелъ каменный во имя святыя мученицы Варвары. Того кляштора строеніе каменное изрядное, въ томъ помяненномъ костелѣ уборъ изрядный столярской работы изъ орѣховаго заморскаго дерева и изъ гебану. Подлѣ того костела капица, т.-е. придѣлъ во имя Св. Николая Мирликійскаго чудотворца, въ которой капицѣ я видѣлъ въ ковчегахъ много святыхъ мощей и иныхъ святынь. Изъ того кляштора поѣхавъ, пріѣхалъ ночевать на мельницу ксендза Леховскаго, отъ Ченстоховскаго великаго монастыря 2 мили.

Мая въ 12-й день. Пріѣхалъ къ цесарской границѣ; между цесарскимъ государствомъ и Польскимъ королевствомъ въ томъ мѣстѣ граничитъ болото, а иныхъ никакихъ признаковъ нѣтъ. За тѣмъ помяненнымъ болотомъ въ цесарской сторонѣ деревня Каменица, до цесарской границы 3 мили. Отъ Варшавы до цесарской границы 35 миль Польскихъ, а Московскихъ 105 верстъ, а отъ Москвы до цесарской границы 1367 верстъ съ полуверстою. И переѣхавъ цесарскую границу, того дня ѣхалъ Шленскою землею, въ которой землѣ великій Шленскій городъ, называется Бреславль, отъ котораго я проѣхалъ въ 20-ти миляхъ и пріѣхалъ того дня обѣдать къ желѣзнымъ заводамъ, къ деревнѣ Кузницѣ; отъ стану, гдѣ ночевалъ, 3 мили. Та деревня Кузница во владѣніи у Шленца мѣщанина, который живетъ въ Бреславлѣ и называется Шпилеръ. Тутъ заводъ желѣзный средній не зѣло великъ, въ немъ два горна, а руды желѣзной много. Того дня пріѣхалъ ночевать въ цесарскій городъ, который называется Терновыя Горы, отъ желѣзныхъ заводовъ двѣ мили. Въ томъ мѣстечкѣ около слободы крѣпостей Польскихъ нѣтъ, ни валу, ни стѣнъ, только ровъ невеликій. То мѣсто невеликое, жителей того мѣста богатыхъ людей много. Среди того мѣста есть домы мѣщанскіе каменные хорошіе, лавокъ и въ нихъ товаровъ въ томъ городѣ немало. Костелъ одинъ великій, а два небольшіе каменные. Въ томъ городѣ шляхетскихъ домовъ нѣтъ, всѣ мѣщанскіе люди живутъ. Въ томъ городѣ нанялъ я себѣ фурмановъ до городка Опавы, а своихъ лошадей, на которыхъ съ Москвы ѣхалъ съ человѣкомъ своимъ отъ Терновыхъ Горъ, отпустилъ къ Москвѣ; а отъ Варшавы до тѣхъ Терновыхъ Горъ 39 миль Польскихъ, а Московскихъ 145 верстъ, а отъ Москвы до Терновыхъ Горъ 1412 верстъ съ полуверстою.

Мая въ 15-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ городъ Рацыбуръ, отъ мѣстечка Рудъ 4 мили, отъ Терновыхъ Горъ 10 миль цесарскихъ, а Московскихъ 50 верстъ. Тотъ городъ Рацыбуръ каменный, и домы въ

немъ каменные. Тотъ городъ Рацыбуръ многимъ больше Терновыхъ Горъ. Въ Рацыбурѣ товаровъ всякихъ много. Замокъ въ немъ т.-е. верхній городъ каменный; въ томъ замкѣ живетъ цесарскаго величества графъ. Домъ его каменный, великій, также въ томъ замкѣ костелъ великій каменный. Около графова дома садъ великій, а кругомъ за́мка и кругомъ домовъ многихъ пропущены воды изъ рѣки, которая рѣка подъ городомъ Рацыбуромъ и называется Одра, которую я переѣхалъ по мосту. Посреди города Рацыбура сдѣланы изрядныя двѣ фонтаны, изъ которыхъ исходятъ воды и вливаются въ ящики великіе; изъ тѣхъ ящиковъ берутъ воду во всѣ домы на всякія потребы. Въ томъ городѣ домовъ мѣщанскихъ каменныхъ много изряднаго строенія.

Тогожъ числа пріѣхалъ ночевать въ городъ Опаву, отъ Рацыбура 4 мили, отъ Терновыхъ Горъ 14 миль цесарскихъ, а Московскихъ 75 верстъ, а отъ границы Польской 18 миль цесарскихъ, а отъ Москвы до Опавы 1472 версты съ полуверстою. Опава — городъ каменнный великій, и воды сквозь тотъ городъ пропущены многія, строеніе въ томъ городѣ каменное изрядное, костелы великіе, также и домы хорошіе, палаты высокія въ четыре жилья вверхъ, архитектура въ домовомъ строеніи изрядная, и многія палаты писаны съ лица изрядными живописными письмами. Въ Опавѣ у большаго костела сдѣланъ столбъ каменный, на томъ столбѣ поставленъ образъ Пресвятой Богородицы литой, золотой, величествомъ въ мѣру человѣческаго возраста, изрядною работою сдѣланъ. У того жъ помяненнаго столба внизу поставлены четыре образа ангельскихъ, вырѣзаны изъ каменій большихъ изрядною работою. Близко того столба сдѣлана фонтана круглая, и вода течетъ изъ той фонтаны изъ четырехъ мѣстъ; наверху той фонтаны сдѣланъ звѣрь, а на немъ образъ Спасовъ рѣзной работы поставленъ. Тотъ городъ Опава цесарскій, въ Шленской же землѣ; управляетъ тѣмъ городомъ цесарскій графъ литенантъ или секретарь тайнаго цесарскаго совѣта. Съ того города сбирается на цесаря со всякаго мѣщанскаго двора въ годъ по сту ефимковъ, да на вышепомяненнаго графа, который тѣмъ городомъ управляетъ, сбирается со всякаго мѣщанскаго двора въ годъ по 6 ефимковъ. Тотъ городъ Опава великъ гораздо и многолюденъ. Въ томъ городѣ Опавѣ, также и въ вышепомяненномъ городѣ Рацыбурѣ, въ бытность мою стояло цесарскихъ солдатъ по 4 человѣка въ квартирѣ. Въ томъ городѣ Опавѣ много рядовъ, лавокъ каменныхъ, и всякихъ товаровъ довольно, и товары не гораздо дороги.

Мая въ 16-й день, т.-е. въ недѣлю седьмую по Св. Пасхѣ, у Римлянъ того года въ тотъ день по ихъ Римскому календарю праздникъ былъ Св. Троицы. Того числа стоялъ я въ помяненномъ городѣ

Опавѣ для того, что у нихъ въ тотъ день было великое торжество, и фурманы того дня въ дорогу ѣхать не похотѣли и не смѣли подъ страхомъ. И того дня былъ я въ костелѣ у Езувитовъ въ кляшторѣ, гдѣ отправляли мшу на большомъ алтарѣ. Тотъ костелъ каменный великій, работы изрядной рѣзной, а въ срединѣ того костела богатство невеликое. Мшу отправлялъ попъ Римскій да съ нимъ сослужителей было 6 человѣкъ, во время той мши на хорахъ въ томъ костелѣ играла музыка на органахъ и на скрипицахъ и на иныхъ инструментахъ, трубили на трубахъ, и по литаврамъ и по барабанамъ били въ томъ же костелѣ и на тѣхъ же хорахъ. Въ томъ же костелѣ по обѣ стороны алтаря лежали въ великихъ горшкахъ вѣтви зеленыя, отрѣзанныя отъ разныхъ родовъ деревъ и травы, и цвѣты многіе; а молитвъ колѣнопреклонныхъ въ Римской церкви въ недѣлю пятидесятую не читаютъ. Въ тотъ день въ томъ костелѣ многіе Римляне причащалися тѣла Христова, иные предъ зачатіемъ обѣдни, иные при отпускѣ; причащалъ мірскихъ людей одинъ попъ Римскій по отпускѣ обѣдни тотъ, который служилъ мшу; потомъ, отпустя мшу и причастя всѣхъ причастниковъ, казалъ казаніе Езувита, на каѳедрѣ стоя, не тотъ который служилъ того дня обѣдню; тотъ казнодѣй памяненный Езувита положилъ тему сими словесы Св. Іоанна Богослова, написанными въ Святомъ Евангеліи: «аще, Азъ не иду, Утѣшитель не пріидетъ» и приводилъ тотъ казнодѣй о томъ, какъ достоитъ человѣку изготовить сердце свое ко принятію Св. Духа, и таково изрядно сказывалъ, что всѣ слушащіе отъ него умилилися сердцами и довольно многіе плакали. Въ томъ городѣ около великаго торговища много великихъ каменныхъ домовъ изрядного строенія, на томъ же торговищѣ сдѣланы три фонтаны изрядныя, тутъ же костелъ Римскій великій каменный, который именуется Ѳара, т.-е. соборный, и близко того костела на паперти сдѣланы балясы и за балясами сдѣлано властно какъ гора, и на той горѣ поставленъ образъ Спасителевъ, вырѣзанъ изъ дерева тѣмъ подобіемъ какъ Господь Іисусъ молился Богу Отцу Своему предъ вольнымъ Своимъ страданіемъ, глаголя: «Отче, аще возможно, да мимо идетъ отъ Меня чаша сія». Предъ тѣмъ помяненнымъ Спасовымъ образомъ поставленъ образъ рѣзной изъ дерева съ показанною чашею и крестомъ. Тутъ же образы святыхъ апостоловъ спящихъ Петра, Іакова и Іоанна вырѣзаны изъ дерева жъ. То мѣсто сдѣлано изрядною работою. Городъ Опава многимъ больше столичнаго Польскаго мѣста Варшавы и строеніемъ гораздо лучше.

Того жъ дня былъ я на весперѣ, т.-е. у вечерни въ томъ же помяненномъ костелѣ, въ которомъ былъ я у обѣдни. Тамъ было паки казаніе, на той же помяненной каѳедрѣ казалъ Езувита другой, не

тотъ, который казалъ послѣ обѣдни; сему казанію положилъ тему изъ Апостольскихъ Дѣяній сице: «Сниде Духъ Святый во огненныхъ языцахъ, и начаша Апостоли глаголати странными глаголы». Во время той вечерни въ томъ же костелѣ играла на хорахъ музыка тажъ, что̀ и во время обѣдни въ томъ костелѣ играла. — Какъ ѣхалъ отъ Рацыбура къ Опавѣ, и отъ меня въ трехъ миляхъ были въ лѣвой сторонѣ великія Венгерскія горы и зѣло высокія, которыя высотою равняются оболокамъ.

Мая въ 17-й день. Поутру поѣхалъ изъ Опавы, нанявъ фурмановъ, и пріѣхалъ обѣдать на Муравскую границу, отъ Опавы три мили, а граничитъ Шленскую землю съ Муравской землей рѣка Муравица, а та Муравская земля цесарскаго владѣнія. И стоялъ въ деревнѣ Гортурѣ у корчмы и выѣхалъ въ Муравскую землю, ѣхалъ ею до города Ульмунца высокими каменными горами, и дорога та вся зѣло каменистая. Тѣ обѣ Шленскія и Муравскія земли по хлѣбородію видомъ являются лучше Польской земли. Отъ Польской границы до Муравской земли 21 миля цесарскихъ.

Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ село Боронъ, отъ деревни Гортуры двѣ мили. Не доѣхавъ того села Борона за милю, проѣхавъ городокъ, который называется Дворецъ; тотъ городокъ строенія каменнаго, отъ Опавы до того городка четыре мили.

Мая въ 18-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ городъ Ульмунцъ, отъ села Борона три мили, отъ Опавы восемь миль цесарскихъ, а Московскихъ 40 верстъ, а отъ Москвы до города Ульмунца 1512 верстъ съ полуверстою. Не доѣзжая того города Ульмунца за милю цесарскую на высокой горѣ кляшторъ, т.-е. монастырь великій. Въ монастырѣ живутъ законники Римскіе, которые называются Кармилитаны. Въ томъ монастырѣ церковь Римская великая каменная, внутри той церкви отъ помоста до верху всѣ стѣны также и своды всѣ сдѣланы изрядною Итальянскою работою изъ гипсу. Въ той церкви на одномъ престолѣ лежатъ мощи мученика Виктора, принесены изъ Рима; въ томъ монастырѣ былъ я во время обѣдни.

(Продолженіе будетъ.)

СНОШЕНІЯ СЪ АБИССИНІЕЙ.

Историческая справка по архивнымъ матеріаламъ *).

Начавшійся дѣлежъ Краснаго Моря между нѣкоторыми западно-европейскими державами въ настоящее время обратилъ серіозное вниманіе Европейской публики и печати на нечуждую намъ страну, Абиссинію. По словамъ Берлинскаго корреспондента *Московскихъ Вѣдомостей* «большинство Европейской печати признаетъ чрезвычайную важность Абиссиніи, какъ фактора въ Красноморскомъ и вообще Восточно-Африканскомъ вопросѣ, усматривая въ духовной связи ея съ Россіей самое благопріятное условіе для извлеченія этой страны изъ ея нравственнаго изолированія и введенія ея въ кругъ цивилизованныхъ странъ». Нѣмецкая газета *Reichsbote* прямо высказывается за Русскій протекторатъ надъ Абиссиніей. Тотъ же Берлинскій корреспондентъ утверждаетъ, что въ политическихъ сферахъ Берлина находятъ практичною мысль, высказанную *Московскими Вѣдомостями*, что возстановленная Абиссинія могла бы стать сторожемъ южныхъ воротъ Краснаго Моря, какъ держава нейтральная и непритязательная. Англія и Италія смотрятъ на это, конечно, иначе: въ Абиссиніи онѣ видятъ себѣ лакомый кусокъ и заранѣе предвкушаютъ пріятность завладѣнія имъ; они желаютъ дѣйствовать не столько словомъ, сколько войсками.

---

*) Хранятся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ среди Саксонскихъ дѣлъ 1674—1684 годовъ и доселѣ не были извѣстны: о нихъ не упоминается даже въ *Исторіи Россіи* С. М. Соловьева. Въ изданномъ въ Берлинѣ сборникѣ: *Relation du voyage en Russie fait en 1684 par L. Rinhuber*, Berlin, 1883, помѣщено что относится къ этому вопросу въ Готской герцогской библіотекѣ; критическій отчетъ о сборникѣ представленъ А. И. Фехнеромъ въ *S.-Petersburger Zeitung* 1883, № 232, и проф. А. Г. Брикнеромъ въ статьѣ „Лаврентій Рингуберъ", *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1884, II. Имѣя въ виду воспроизвести вопросъ по матеріаламъ Московскаго Главнаго Архива, мы пользуемся здѣсь печатными данными только для связи этихъ матеріаловъ.

Такъ трактовалось объ Абиссинскомъ вопросѣ въ 1885 году. Интересно, что о немъ имѣли совѣщаніе наши дипломаты еще за два вѣка тому назадъ. Абиссинія была важна тогда не какъ хранительница воротъ Краснаго Моря и лакомый кусокъ для Италіи и Англіи, но какъ страна близкая съ нами по вѣрѣ и естественный возможный намъ союзникъ въ борьбѣ съ мусульманскою Турціей и отчасти какъ торговый рынокъ.

Однимъ изъ наиболѣе важныхъ виновниковъ возбужденія его въ этомъ смыслѣ былъ тогда Саксонскій ученый Іовъ Лудольфъ. Авторъ перваго въ Европейской литературѣ болѣе или менѣе обстоятельнаго историко-географическаго сочиненія объ Абиссиніи и главный совѣтникъ Саксонскаго герцога Эрнста по религіозно-политическимъ дѣламъ, Лудольфъ внушалъ своему покровителю мысль, и постоянно поддерживалъ его въ ней, о заведеніи съ Россіей тѣсныхъ сношеній съ цѣлію между прочимъ организаціи торговой связи съ Китаемъ и возбужденія чрезъ Россію Абиссиніи къ военнымъ дѣйствіямъ противъ Турціи. О составленіи противотурецкой коалиціи хлопотало тогда и наше правительство. Алексѣй Михайловичъ снарядилъ, съ подобнымъ порученіемъ, въ качествѣ своихъ чрезвычайныхъ пословъ, Украинцова въ Скандинавію, Виніуса въ Англію и Францію, Менезіуса въ Германію и Италію. Секретаремъ при посольствѣ Менезіуса былъ Саксонецъ Лаврентій Рингуберъ, школьный учитель въ подмосковной Нѣмецкой Слободѣ. Когда Рингуберъ, на возвратномъ пути въ Россію, заѣхалъ на свою родину, то получилъ (1674) отъ герцога Эрнста грамоту къ нашему государю и особыя предложенія. Предложенія состояли изъ 20 пунктовъ; послѣдніе пять касались Абиссиніи. Именно: «О государствѣ Абиссинскомъ, Муринское тожъ, пресвѣтлѣйшій князь Эрнстъ собственные давно имѣетъ совѣты и людей Абиссинскій языкъ знающихъ имать (пунктъ 15). Абиссини христіане суть и вѣрою зѣло подобные Грекамъ (16). Абиссини Туркамъ суть непріятели (17). Абиссинская страна жемчугомъ, златомъ и сребромъ есть изобильнѣйшая, чѣмъ Абиссине дорожатъ (18). Во страну Абиссиновъ ѣхать недобрѣ трудно, аще ли будетъ кто бъ языкъ зналъ (19). Пресвѣтлѣйшій князь Саксонскій Эрнстъ совѣтовъ желаетъ тайныхъ, его царскому величеству и христіанскому окреству полезныхъ; того ради проситъ, дабы его царское величество послать кого со мною (то-есть съ Рингуберомъ) къ себѣ изволилъ изъ Приказу, подъячаго или иного кого. Сице уразумѣтися мочно, каково и котораго намѣренія къ великому государю, къ его царскому величеству, есть хвальнѣйшій Саксонскій князь Эрнстъ чрезъ своихъ посланниковъ о тѣхъ дѣлахъ потому будетъ содѣвать (20)».

Въ бесѣдѣ съ А. С. Матвѣевымъ Рингуберъ развивалъ мысль о возможности заключенія тѣснаго союза между Россіей и Абиссиніей съ цѣлію общихъ военныхъ дѣйствій противъ Турціи, доказывая, что въ религіи, нравахъ и обычаяхъ много сроднаго между обѣими странами. Матвѣевъ отнесся къ его мыслямъ сочувственно и велѣлъ ему изложить ихъ на письмѣ. Результатомъ было снаряженіе къ Эрнсту, въ качествѣ гонца, Посольскаго приказа подьячаго Семена Михайловича Протопопова. Предупреждая въ Саксоніи объ имѣющемъ быть пріѣздѣ Протопопова, Рингуберъ, въ своихъ туда письмахъ, увѣрялъ, что «Саксонія, сдѣлавшись наставницей Московскаго государства и орудіемъ къ открытію новыхъ путей для распространенія цивизизаціи на Сѣверо-востокѣ, пріобрѣтетъ громкую славу и что осуществленіе этихъ мыслей сдѣлается главною задачей дѣятельности его самого, Рингубера».

За болѣзнію герцога Эрнста, переговоры съ Протопоповымъ велъ его сынъ герцогъ Фридрихъ. Касательно обмѣна мыслей объ Абиссиніи Протопоповъ доносилъ нашему правительству: «Князь Фридрихъ и совѣтники княжіе говорили: Абиссинское государство древнее, и государь у нихъ свой, котораго себѣ почитаютъ королемъ и пребываетъ въ своемъ владѣтельствѣ донынѣ. А стоитъ то Абиссинское государство близъ Египта, граничитъ съ Турскимъ да съ Персицкимъ государствы, люди самые Греческія вѣры, духовного чину отъ владыкъ и священникъ много, и земля жатвеннымъ плодомъ и всякими вещьми изобильна. А путь къ тѣмъ Абиссинамъ чрезъ Царь-городъ и Персицкое государство належитъ. Языкъ у нихъ народной свой, Абиссинской. И отъ Обиссинь одинъ человѣкъ, именемъ Григорій Дедомъ Амгара, у отца Эрнеста князя былъ; также и отца его посланецъ въ Абисинь посланъ же для осмотру государства и обычаевъ тамошняго народа. И великій государь, его царское величество, изволилъ бы со Абиссинскимъ владѣтелемъ учинити ссылку, которую приметъ отъ его цесарскаго величества въ милость, побуждая его въ нынѣшнее время на того жъ бусурмана находящаго Турка, и изволилъ бы объявить свой государской и иныхъ государей по совѣту походъ. А чаютъ они: для его царскаго величества и превысокаго монарха имени и присланной къ нему милости и для единыя Греческаго закона вѣры съ своей стороны онъ, владѣтель, промыслъ надъ нимъ Туркомъ имѣть будетъ же».

Смерть Алексѣя Михайловича и болѣзнь Эрнста препятствовали немедленному развитію завязавшихся сношеній Россіи съ Саксоніей. Рингубера однако не покидала мысль о восточной миссіи. Попытавшись повыгоднѣе пристроиться въ Россіи, Вѣнѣ, Парижѣ, Лондонѣ и проч. и нигдѣ не получивъ прочнаго мѣста, онъ, когда вступили на

престолъ Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи, добился для себя посольскаго къ нимъ порученія отъ Саксонскихъ государей, герцога Фридриха и курфюрста Іоанна-Георга. Саксонское правительство одобряло его намѣреніе проникнуть чрезъ Россію въ Персію и Африку. Лудольфъ находилъ его вполнѣ способнымъ къ выполненію взятой имъ на себя задачи; самъ Рингуберъ мечталъ сдѣлаться полезнымъ и вліятельнымъ совѣтникомъ для Абиссинскаго правительства и надѣялся содѣйствовать распространенію тамъ Европейской цивилизаціи и сближенію этой страны съ другими христіанскими державами. Прибывъ въ Москву (1684 г.), Рингуберъ постарался войти въ расположеніе князя В. В. Голицына, поднесъ ему сочиненіе Лудольфа *Historia Habissinica* и развивалъ предъ нимъ мысли о восточномъ вопросѣ и въ частности объ Абиссиніи, выставляя на видъ, что Россія должна отправить туда своего посланника и что самъ онъ готовъ участвовать въ этомъ путешествіи. Ему опять велѣно было изложить свои мысли на бумагѣ, и 23 Іюня 1684 года онъ подалъ въ Посольскій Приказъ письменное изложеніе своихъ мнѣній, гдѣ онъ яснѣе и полнѣе развилъ то что̀ было предложено имъ еще ранѣе въ 1674 году. Для лучшаго рѣшенія восточнаго вопроса, «сокрушенія Турецкихъ силъ», Рингуберъ считалъ необходимымъ для Европейскихъ государей воздвигнуть «новаго непріятеля на Турки». «И такой, писалъ онъ, безъ сомнѣнія, будетъ, когда отъ вашего царскаго величества извѣстится король королей Ѳеіопіи, который себѣ Негузу именуетъ, и есть самодержецъ Ѳеіопскій. Сей со своимъ народомъ патріарха Александрійскаго благоговѣйно почитаетъ и отъ него своего митрополита пріемлетъ. Есть того ради древняя оная церковь Ѳеіопская возведена отъ Александрійской церквѣ, которую Евангелистъ Святый Маркъ во Египтѣ насади, и сія въ множайшихъ статьяхъ съ Восточною Церковію согласуется. Имѣютъ Ѳеіопи на своемъ языкѣ Библію Ветхаго и Новаго Завѣта, какову имѣютъ и на Москвѣ; имѣютъ правила Апостоловъ и святыхъ отцевъ, яко и три первые вселенскіе соборы, и сія, яко правило своея вѣры, сохраняютъ. Въ единаго Бога во Пресвятѣй Троицѣ вѣруютъ, и чрезъ вѣру во Іисуса Христа, истиннаго Бога, Отцу единосущнаго и истиннаго человѣка, отъ Пресвятѣйшія Маріи Приснодѣвы, Госпожи нашея, спасеннымъ быти себѣ вѣруютъ. Крестъ святый лобызаютъ и имъ себѣ знаменуютъ. Въ крещеніи трижды себѣ погружаютъ, исповѣдываютъ грѣхи предъ священниками и Святыя Тайны подъ общими виды, хлѣбомъ и виномъ, а хлѣбъ квасный употребляютъ. Церкви ихъ древнимъ обычаемъ созданы суть, живописныя только имѣютъ иконы, молитвы своя и священнодѣйствіе стоя отправляютъ. Священницы посягаютъ, а ко вторымъ не приступаютъ. Постятся безъ разрѣшенія Среду и Пя-

токъ, хранятъ Великій Постъ и иные, которые Церковь Греческая держитъ. Послѣ праздника Пасхи даже до Пятидесятницы никакого у нихъ поста нѣтъ. Имѣютъ иноки чинъ Святаго Антонія съ архимандриты и съ игумены, а живутъ безъ женъ и иная многая. Вѣру Римско-католическую не признаютъ. Притомъ иного ничего не желаютъ сице, яко Святаго Христова гроба и церкви Костантинопольской отъ Турки свободитися».

«Будутъ со мною седмь или осмь, которые хотятъ тамо ѣхати: два, которые умѣютъ языкъ, потомъ дохторъ и цирюльникъ, и художникъ рудознательный, и дѣлатель пищальный; однакожъ изъ Нѣмецкой и Галанской странъ ѣхати не хотятъ, покамѣстъ отъ мене не будутъ подтвержены, что ихъ царское величества вольной пріѣздъ даже до Астрахани имъ премилостиво будутъ поволити и единаго своего посланника изволятъ послати въ Эѳіопію или въ Габесинскую землю. Того ради приказаніемъ пресвѣтлѣйшаго курфирста и иныхъ въ будущую зиму отпущены будутъ изъ Саксонской земли въ Московское государство и въ Астрахань и потомъ изъ Персиды и Сураты морскимъ путемъ поѣдутъ даже до пристанища Арска; и притомъ надобно и Армянъ съ собою взяти, чтобы подъ купецкимъ дѣломъ могли хранитися отъ навѣта Турковъ».

«Однако, можетъ кто воспросити: чесо ради въ началѣ ихъ царское величество такъ посылати посылку увѣщеваютъ, а не иный кто изъ королей Европскихъ? Отвѣщаемъ: зане возрадуются Габесины, слышаше быти великихъ государей царей и великихъ князей Россіи самодержцевъ, ихъ же королей Сѣвера языкомъ Эѳіопскимъ именовати подобаетъ; возвеселятся, аще услышатъ Церковь Восточную въ Россіи цвѣтущую и множающуюся, которая подъ утѣсненіемъ Турскаго ига стонетъ и едва не искоренится; Габесинскимъ же людемъ не такъ благопріятно случилося бы, аще ихъ цесарское величество, или Гишпанскій, или Французскій короли къ нимъ послали бы, бояся, да нѣкогда вѣра Римско-католическая вновь къ нимъ введена была, якоже дѣла всѣ тѣ на письмѣ пишетъ славнаго мужа Іова Людольфа, цесарскаго величества совѣтника, «Исторія Эѳіопская», который нынѣ реченную книгу ихъ царскому величеству, имъ же подобаетъ, съ покорностію и смиреннымъ объявленіемъ приноситъ и предаетъ».

Въ заключеніе Рингуберъ увѣрялъ: «Приказали мнѣ думные люди курфирста и князя, чтобъ я предложилъ сія дѣла, которыя достойны вѣдомости ихъ царскому величеству, и что многіе суть государи и иные великіе люди, которые отпускъ такой къ Абисинскому государству уже отъ многова времени желаютъ; яко и впредь о тѣхъ дѣлѣхъ бо̀льшая глаголана будетъ, и писана, и подложена премудрому совѣту ихъ царскаго величества, которымъ со святѣйшимъ патріархомъ и пре-

разумными сенаторы и думными бояры, которые разсудити могуть, что про самодержавства Россійскаго достоинство и всѣмъ христіаномъ добро подобаетъ быть и совершитися».

Опредѣленнаго отвѣта на предложеніе Рингубера отъ нашихъ бояръ не послѣдовало. Ихъ вниманіе скоро было обращено на длинныя жалобы Рингубера о недостаточности выдаваемаго ему «государева жалованья» и на ошибки въ царскихъ титулахъ, допущенныя въ представленныхъ Рингуберомъ грамотахъ Саксонскихъ государей къ нашимъ царямъ. Рингуберъ сталъ просить возвратнаго себѣ отпуска въ Саксонію, мотивируя тѣмъ, что «нынѣ въ Персиду и въ Африку самъ итить» не можетъ, но долженъ «прежде курфирста Саксонскаго ко двору возвратитися и товарыщей лутчыхъ съ собою воспріяти». Отказа въ этомъ ему не было, и онъ былъ отпущенъ. Въ отвѣтныхъ царскихъ грамотахъ курфюрсту и герцогу Саксонскимъ выражалась готовность пребывать съ ними въ любви и дружбѣ, обѣщаніе покровительства жившимъ въ Россіи Нѣмцамъ и напоминанія объ исполненіи обѣщаній о присылкѣ въ Россію горныхъ мастеровъ и оружія. Этимъ наши обозначили, чего собственно желали они отъ Саксоніи. О Рингуберѣ въ грамотѣ къ курфюрсту было сказано: «Вышеимянованнаго вашего присланнаго дохтура по вашему письму и прошенію указали мы, великіе государи, чрезъ государства наши въ Персиду отпустить. И тотъ дохтуръ въ Персиду ѣхать не похотѣлъ, и намъ великимъ государемъ билъ челомъ, чтобъ его отпустить къ вашей свѣтлости. И мы, великіе государи, по его челобитью, къ вамъ, пожаловавъ нашимъ царскаго величества жалованьемъ, отпустить его повелѣли». Объ Абиссиніи не было сказано ни слова.

Отношенія завязавшіяся между Русскимъ и Саксонскимъ правительствами затронули слишкомъ широкія для того времени задачи, чтобы на ихъ почвѣ могло произойти тогда какое-либо серіозное примѣненіе. Къ тому же князь В. В. Голицынъ надѣялся на успѣхъ въ борьбѣ съ Турціей и безъ содѣйствія такихъ союзниковъ какъ Абиссиняне. Результаты его борьбы извѣстны.

Дм. Цвѣтаевъ.

Читатели припомнятъ что въ тѣ времена самая Вѣна едва спаслась отъ Турецкаго разгрома. Посредствомъ Россіи возбудить Абиссинію противъ Турокъ казалось тогда возможнымъ. П. Б.

НАПОЛЕОНЪ ПЕРВЫЙ И КНЯЗЬ А. М. БѢЛОСЕЛЬСКІЙ-БѢЛОЗЕРСКІЙ.

Извѣстный своею любовью къ просвѣщенію, другъ и покровитель художниковъ, самъ писавшій и печатавшій на Русскомъ и Французскомъ языкахъ, оберъ-шенкъ и д. т. совѣтникъ князь Александръ Михайловичъ Бѣлосельскій-Бѣлозерскій (1752—1809), будучи посланникомъ въ Туринѣ (откуда онъ писалъ любопытныя письма о Французской революціи, напечатанныя въ „Русскомъ Архивѣ" 1877 года), лишился первой супруги своей Варвары Яковлевны (1764 - 1792) ур. Татищевой, и по благочестію своему надъ прахомъ ея воздвигъ православную часовню, съ тѣмъ чтобы она служила усыпальницею для Русскихъ людей, кому доведется умереть въ тѣхъ краяхъ (онъ зналъ, какія затрудненія въ такихъ случаяхъ производятся нетерпимымъ католическимъ духовенствомъ). Сколько намъ памятно, издано было и гравированное изображеніе этой часовни. Вскорѣ потомъ весь край тотъ достался Франціи. Князя Бѣлосельскаго заботила судьба дорогой могилы, и съ этою заботою своей онъ обратился въ 1802 году къ Первому Консулу, черезъ представителя Французской республики при нашемъ дворѣ Гедувиля, который отправилъ въ Парижъ къ Талейрану слѣдующее письмо.

Hédouville à Talleirand.

St.-Pétersbourg, la 2-ème conférence de l'an X [1].

Citoyen ministre.

J'ai l'honneur de vous faire passer une lettre que le prince Bélosselsky m'a engagé à vous adresser pour le Premier Consul. Le prince Bélosselsky était en 1792 ministre de Russie à Turin. Il y perdit sa

---

[1]) Эта помѣта, равно какъ и на письмѣ Наполеона, сдѣлана вѣроятно позднѣе, уже во Французскомъ государственномъ архивѣ. П. Б.

première femme, et sa religion s'opposant à ce qu'elle puisse être inhumée dans le lieu de sépulture des catholiques romains, le roi de Sardaigne lui donna une chapelle que l'on construisit sur les rives du Po, et le prince y fit élever un cénotaphe qu'il se chargea d'entretenir. Il destina le caveau de la chapelle à servir de lieu de sépulture aux catholiques grecs. Il réclame la proprieté de ce monument, et je vous pris de vouloir bien mettre sa lettre sous les yeux du Premier Consul, si vous le jugez convenable, et de faire connaître au général Jourdan la décision qu'il aura prise sur la démarche du prince Bélosselsky.

Salut et respect.

Hédouville [2]).

Бонапартъ, по поводу этого заявленія, написалъ князю Бѣлосельскому своего рода рескриптъ, хорошо зная, что содержаніе его произведетъ благопріятное дѣйствіе въ высшемъ Петербургскомъ обществѣ.

Bonaparte au prince Bélosselsky.

Paris, fin de l'an X.

Prince Bélosselsky. J'ai lu votre lettre. Elle respire les sentiments d'une piété et d'une tendresse dont j'ai été touché.

J'ai donné ordre qu'on me rendît comte du monument que vous réclamez. Je désire qu'il se trouve encore aux lieux où il a été élevé et que le temple que vous avez consacré à Dieu en mémoire de la femme qui vous est toujours chère, puisse être rendu à l'usage auquel

---

[2]) Переводъ. Гедувиль Талейрану. Спб. Второй день конференціи X-го года. Гражданинъ-министръ. Имѣю честь препроводить къ вамъ письмо, которое князь Бѣлосельскій просилъ меня доставить Первому Консулу. Князь Бѣлосельскій въ 1792 году былъ Русскимъ министромъ въ Туринѣ. Тамъ лишился онъ первой своей супруги и какъ по своему вѣроисповѣданію она не могла быть похоронена на Римско-католическомъ кладбищѣ, то король Сардинскій далъ ему часовню, которую построили на берегу рѣки По и въ которой князь воздвигъ памятникъ съ обязательствомъ ихъ поддерживать. Подвалъ часовни назначенъ имъ былъ для погребенія Греческихъ католиковъ. Онъ предъявляетъ право собственности на эти сооруженія, и я прошу васъ, благоволите, если сочтете удобнымъ, представить его письмо Первому Консулу, а рѣшеніе его относительно князя Бѣлосельскаго сообщите генералу Журдану. Привѣтъ и почтеніе. Гедувиль.

il a été voué. Les honneurs rendus à la cendre des morts sont pour ceux qui survivent une anticipation du bonheur de se chérir au delà du terme de toute existence, et quand un tel sentiment est consacré par la religion, je ne connais rien qui soit plus digne d'être proposé pour exemple et d'obtenir le respect de tous les gouvernements.

Bonaparte [3]).

Намъ неизвѣстно, исполнилъ ли Наполеонъ свое обѣщаніе и какова была дальнѣйшая судьба Русской часовни въ Туринѣ. Недавно отыскивалъ слѣдовъ ея одинъ нашъ путешественникъ. Приводимъ выписку изъ письма его къ намъ:

„Въ бытность въ Туринѣ въ Сентябрѣ 1881 года мнѣ очень хотѣлось отыскать могилу княгини Варвары Яковлевны Бѣлосельской. Послѣ долгихъ поисковъ и разспросовъ мы узнали, что кладбище, гдѣ покоился ея прахъ, уже давно не существуетъ и кажется застроено домами; но насъ повезли къ какой-то церкви или монастырю въ части города отдаленной отъ рѣки По и тамъ, въ открытой галлереѣ на дворѣ около церкви, мы нашли много памятниковъ, которые были туда перенесены послѣ упраздненія кладбища. Въ числѣ этихъ памятниковъ насъ поразилъ одинъ очень большихъ размѣровъ и занимавшій собою цѣлый простѣнокъ между столбами поддерживающими сводъ галлереи. Памятникъ былъ изъ самыхъ простыхъ матеріаловъ и находящіяся на немъ статуи были гипсовыя. Онъ состоялъ изъ большаго четвероугольнаго пьедестала, на одномъ только изъ фасовъ котораго была высѣчена надпись, а сверхъ пьедестала находились двѣ или три статуи алегорическихъ фигуръ, драпированныхъ по античному въ псевдо-классическомъ стилѣ начала нынѣшняго или конца прошлаго столѣтія. Мы только по надписи на памятникѣ могли узнать или вѣрнѣе догадаться, что памятникъ стоялъ или долженъ былъ стоять когда-то надъ мо-

---

[3]) *Переводъ*. Бонапартъ князю Бѣлосельскому. Парижъ въ исходѣ X-го года. Князь Бѣлосельскій. Я прочелъ ваше письмо. Оно дышетъ чувствами благочестія и нѣжности, которыя меня тронули. Я приказалъ подать мнѣ отчетъ о памятникѣ, котораго вы просите. Желаю, чтобы онъ сохранился на томъ мѣстѣ гдѣ былъ воздвигнутъ и чтобы храмъ, посвященный вами Богу въ память всегда любимой супруги, могъ по прежнему служить своему назначенію. Честь воздаваемая праху почившихъ составляетъ для остающихся въ живыхъ предвкушеніе счастія быть любиму за предѣлами всякаго существованія, и коль скоро подобное чувство освящено вѣрою, я не знаю ничего болѣе достойнаго подражанія и уваженія со стороны всякаго рода правительствъ. Бонапартъ.

гилою княгини Варвары Яковлевны, потому что намъ была знакома вычурная эпитафія, сочиненная княземъ Бѣлосельскимъ для своей первой жены, и именно эта эпитафія оказалась высѣченною на найденномъ нами памятникѣ. Эпитафія эта длинная и сентиментальная; она начинается словами: „O sentiment, sentiment!“ Это нѣчто въ родѣ поэтическаго возгласа, въ которомъ упоминается и о „époux éploré“.

Любопытно бы узнать, былъ ли кто-еще погребенъ въ подвалѣ воздвигнутой княземъ Бѣлосельскимъ Туринской часовни.

Выше напечатанные документы недавно-найдены во Французскомъ государственномъ Архивѣ и любезно сообщены намъ внукою князя Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго княгинею Елисаветою Эсперовною Трубецкою. П. Б.

1812-й годъ.

Изъ дневника конно-гвардейскаго офицера Ѳ. Я. Мирковича. *)

Въ Воскресенье 22 Іюня, въ 2 часа утра, вся гвардейская пѣхота прошла чрезъ деревню, въ которой мы стояли. Она направилась по дорогѣ къ Друѣ и расположилась на ночлегъ въ Самоши; главная квартира должна была расположиться въ Бельмонтѣ. Въ 7 часовъ чрезъ нашу деревню проѣхалъ верхомъ Государь; онъ остановился передъ офицерами, которые находились на дорогѣ и изволилъ съ ними разговаривать; въ 8 часовъ нашъ полкъ выступилъ, прочіе кирасирскіе полки подошли. Въ Видзахъ къ нимъ присоединился полкъ Бул...., такъ что въ нашемъ корпусѣ было пять кирасирскихъ полковъ, а остальные пять были въ арміи князя Багратіона. Въ этотъ день жара была чрезвычайная, и намъ предстоялъ длинный переходъ; дорога была очень узка, шла большею частію чрезъ лѣса. Многочисленные обозы весьма стѣсняли наше слѣдованіе. Пройдя дефиле въ имѣніи гр. Могучи, гдѣ былъ сквернѣйшій мостъ, мы обогнали всю пѣхоту. Въ 7 часовъ вечера мы пришли на ночлегъ въ имѣніе Польскаго помѣщика графа Мирскаго; нашъ эскадронъ расположился на его мызѣ, а прочіе въ деревняхъ. Мыза гр. Мирскаго была въ трехъ верстахъ отъ большой дороги и въ одной милѣ отъ Самоши. Мы были очень рады найдти хорошую квартиру послѣ этого ужаснаго перехода. Никогда еще не было столь утомительнаго перехода. Переходъ въ 7 миль, безъ привала, въ жару, утомилъ лошадей; но къ счастію на слѣдующій день мы должны были выступить лишь въ 7 часовъ вечера: безъ этого отдыха многія бы изъ нашихъ лошадей заболѣли. Намъ досталось очень хорошее помѣщеніе у Польскаго помѣщика; онъ угостилъ насъ кофеемъ и прекраснымъ ужиномъ, который замѣнилъ намъ обѣдъ; въ этотъ день мы съ 8 часовъ утра ничего не ѣли. Мы превосходно вы-

---

*) См. выше, стр. 43. Пользуемся случаемъ исправить ошибку въ объявленіи о „Русскомъ Архивѣ“ на 1888 годъ, гдѣ генералъ отъ инфантеріи Ѳ. Я. Мирковичъ названъ *генералъ-адъютантомъ*: этого званія онъ не имѣлъ. П. Б.

спались и отлично отдохнули; можетъ быть это послѣдняя ночь, которую приходилось провести такъ удобно: со дня на день ожидали мы, что придется стоять на бивакахъ, такъ какъ всѣ ожидали чего нибудь рѣшительнаго. На слѣдующій день (24 числа) утро было чудесное. Позавтракавъ, я сдѣлалъ прогулку въ саду и потомъ сѣлъ писать; въ часъ намъ подали прекрасный обѣдъ. Между тѣмъ нашъ хозяинъ дѣлалъ распоряженія, чтобы переѣзжать на другую сторону Двины. Пріѣхавшій коммисаръ опечаталъ всѣ амбары помѣщика; изъ нихъ должно было забрать хлѣбъ, чтобы онъ не достался въ руки непріятелю. Въ амбарахъ нашли большіе запасы хлѣба и водки, которые забрали. Пріѣхавшій сюда коммисаръ былъ тотъ самый, которому приказано было при нашемъ отступленіи сжечь магазинъ въ Вильнѣ. Этотъ магазинъ имѣлъ 20.000 четвертей муки и крупъ. Этотъ же коммисаръ намъ сказалъ, что и Колтыньянскій магазинъ въ 15.000 четвертей тоже сожженъ; въ Свѣнцянахъ сожгли магазинъ въ 5.000 четвертей. Но графъ Витгенштейнъ имѣлъ время спасти Гробинскій магазинъ, заключавшій весьма значительное количество хлѣба. Мы предполагали выступить въ 7 часовъ вечера, но въ 3 часа пополудни было приказаніе сѣдлать и черезъ часъ выступать. Полкъ вышелъ на большую дорогу, гдѣ была уже въ сборѣ вся кирасирская дивизія, ожидавшая лишь приказанія двинуться. Но Его Величество не пріѣзжалъ, и вся пѣхота и артиллерія прошли мимо насъ. Приходилось ожидать по крайней мѣрѣ 4 ч., чтобы пропустить 27 баталіоновъ корпуса Цесаревича, всю артиллерію, 70 орудій и слѣдовавшія за войскомъ тяжести. Дождь начался въ 5 ч. и лилъ всю ночь; до 10 часовъ мы оставались, сложа руки, на мѣстѣ. Когда весь корпусъ прошелъ, то и насъ двинули. Всю ночь была сильная гроза и совершенная темнота. Ложная тревога, по которой насъ подняли внезапно, произошла отъ опрометчивости въ главной квартирѣ. Близь перехода чрезъ Диспу два дефилея называются Угоръ; чрезъ одинъ изъ нихъ мы перешли вчера, близь имѣнія гр. Могучи, а другой находился отъ перваго немного далѣе. Одинъ гусарскій офицеръ изъ полка Палена, раненный при отступленіи аріергарда чрезъ дальній Угоръ (гдѣ Паленъ со своимъ полкомъ имѣлъ довольно значительное дѣло и потерялъ трехъ офицеровъ и довольно много людей) проѣзжалъ чрезъ главную квартиру. Его спросили: гдѣ онъ былъ раненъ? Онъ сказалъ: при отступленіи чрезъ дефилей у Угоръ. При этихъ словахъ распространяется паническій страхъ. Раненнаго обстоятельно не распросили; показалось, что уже видятъ непріятеля, ударили тревогу; въ полчаса весь корпусъ вышелъ въ ружье и собрался, и за тѣмъ приказано было отступать. Нашъ полкъ и одинъ армейскій кирасирскій полкъ пошли за пѣхотою, а два

другіе полка нашей дивизіи оставлены были подъ начальствомъ генерала Бороздина для прикрытія отступленія. Это было весьма тяжелое движеніе; всю ночь была гроза, и мы двигались самымъ медленнымъ шагомъ: мы сдѣлали всего 10 верстъ до 4 час. утра. Насъ пріостановили близъ деревни, чтобы дать отдохнуть людямъ и лошадямъ; пѣхота расположилась биваками; мы имѣли время немного выспаться и пообѣдать, какъ получили приказаніе двинуться. Въ 2 часа сдѣлалась нестерпимая жара и духота. Мы шли по направленію къ Дриссѣ; до Кричева, гдѣ былъ назначенъ ночлегъ, оставалось всего 7 верстъ. Главная квартира была въ 8 верстахъ отъ насъ. Къ вечеру погода сдѣлалась чудная, и мы имѣли время отдохнуть. Поужинавъ хорошенько, я легъ спать въ саду, гдѣ превосходно провелъ ночь.

Среда 25. Въ 2 часа должны мы были выступить; все утро я писалъ письма, которыя я переслалъ съ эстафетою, отправленною Великому Князю. Пообѣдавъ, мы пошли въ походъ въ 2 часа; сдѣлавъ двѣ мили, мы остановились въ Леонполѣ, гдѣ имѣли ночлегъ; вмѣстѣ съ нами расположился и Его Высочество, а также Астраханскій полкъ и конная артиллерія. Мы стояли на берегу Двины, время было чудное, и мы пошли купаться. Послѣ хорошо проведенной ночи, намъ приказано было 27 числа быть готовыми къ походу къ 2 часамъ пополудни; утромъ мы долго спали, потомъ выкупавшись пораньше отобѣдали, а въ 2 часа мы были на конѣ. Вся кирасирская дивизія шла вмѣстѣ вдоль берега Двины по направленію къ Дриссѣ, и противъ этого города мы должны были расположиться бивуакомъ. Государь пропустилъ насъ мимо себя, и за тѣмъ указали намъ мѣсто, гдѣ мы расположились бивуаками. Пѣхота пришла часъ спустя и расположилась передъ нами. Мы любовались чудеснымъ видомъ 30-ти тысячъ человѣкъ расположенныхъ на бивакѣ. Позиція эта была очень хороша и сильна; тылъ позиціи упирался въ Двину, черезъ которую перекинуто было нѣсколько мостовъ, прикрытыхъ сильными тетъ-де-понами. Вся армія состояла изъ 120.000 человѣкъ и должна была собраться въ этотъ лагерь 27 числа; она бивуакировала вдоль Двины, отъ Динабурга до Дриссы. Чрезъ Двину были устроены прекрасные мосты, у Динабурга, Креславки, Друи и Дриссы, чтобы обезпечить переправу въ случаѣ неудачнаго дѣла. Мы ожидали непріятеля съ нетерпѣніемъ, войска у насъ были превосходныя, позиція была хорошо укрѣплена, войска горѣли желаніемъ сразиться съ противникомъ—чего было намъ нужно еще? Но о противникѣ ничего не было слышно, и увѣряли, что онъ измѣнилъ свою операціонную линію. Государь Императоръ обнародовалъ манифестъ, въ которомъ объяснялъ причину отступленія войскъ къ Двинѣ. Протяженіе нашей границы не представляло возможности

ее повсемѣстно охранять достаточными силами; различные корпуса нашей арміи были расбросаны и не имѣли времени соединиться въ минуту вторженія непріятеля, который перешелъ границу, безъ объявленія войны, вопреки всѣмъ законамъ международнаго права. Не было иного средства соединить наши разбросанные корпуса и избавить ихъ отъ пораженія по одиночкѣ, какъ заставить ихъ отступить и сосредоточить на заранѣе избранномъ пунктѣ. Теперь мы всѣ соединились. Въ 10 ч. веч. начался сильный дождь, который шелъ всю ночь и промочилъ насъ совсѣмъ. 29-го числа была хорошая погода, и мы выложили всѣ свои вещи, чтобы просушить ихъ на солнцѣ. Утромъ я навѣстилъ артиллериста Алымова, а послѣ обѣда залегъ спать. Меня разбудили въ 5 часовъ, чтобы идти на молебствіе, которое служили передъ полкомъ по приказанію Барклая, по случаю праздника Святыхъ Петра и Павла. Послѣ молебствія пришли меня навѣстить мои друзья: Васьковъ, Адл. *) и оба Алымовы; мы напились чаю, потомъ до самой зари гуляли. Обыкновенно по пробитіи зари мы разставались. Когда я возвратился въ нашъ лагерь, мнѣ сказали, что князь Репнинъ, который находился у Друи, донесъ въ главную квартиру, что Французы приближались къ Друѣ. Донесеніе это привезъ одинъ изъ нашихъ эстандартъ-юнкеровъ Шишковъ. Протасовъ со своимъ полкомъ находился у Друи; онъ былъ почти увѣренъ, что будетъ въ дѣлѣ ранѣе насъ. Немедленно по полученіи этого извѣстія отрядили корпусъ графа Витгенштейна по направленію, гдѣ предполагали непріятеля. Въ 10 ч. я легъ спать; ночь была очень холодная и дулъ сильный вѣтеръ, такъ что я закутался въ свою шубу.

30-го Іюня все утро я писалъ. Потомъ поѣхалъ верхомъ къ Васькову и Алымову, чтобы вмѣстѣ съ ними прогуляться, но, не найдя ихъ, я зашелъ къ Анненкову. Мы съ нимъ сдѣлали прогулку, погода была превосходная, потомъ мы позавтракали въ его бивакѣ. Покритиковавъ предположенія политиковъ и посмѣявшись надъ ихъ досадою, что ни одно изъ ихъ предположеній не осуществилось, мы разошлись (каждый пошелъ въ свою сторону) обѣдать. Анненковъ съ Кавелинымъ пришли ко мнѣ пить чай и предложили объѣхать лагерь, чтобы осмотрѣть расположеніе войскъ; Васьковъ и Алымовъ къ намъ присоединились, такъ что образовалась довольно большая кавалькада. Прогулка продолжалась до 9 часовъ. Я узналъ весьма пріятную новость: Англичане предложили свои услуги, чтобы патрулировать Двину отъ Риги до Динабурга канонерскими лодками.—1-го Іюля было холодно какъ осенью. Я весь день не снималъ шинели, не высовывалъ носа изъ своего

*) Владимиръ Өедоровичъ Адлербергъ? П. Б.

барака. Вечеромъ мы были обрадованы извѣстіемъ, что Платовъ имѣлъ удачное дѣло съ Французами и взялъ 500 плѣнныхъ, 30 оберъ-офицеровъ и 3 штабъ-офицеровъ. Въ 10 час. получено приказаніе быть всю ночь въ совершенной готовности къ выступленію. Мы провели всю ночь въ ожиданіи, но лишь къ 6 ч. велѣно было сѣдлать. Черезъ ¼ часа полкъ былъ уже выстроенъ и выровненъ. Его Высочество пріѣхалъ, поздоровался съ людьми и ободрилъ ихъ, сказавъ, что скоро мы встрѣтимся съ непріятелемъ и дадимъ ему себя знать. Но оказалось совершенно иное: намъ приказали перейдти за Двину, и мы пошли вдоль праваго ея берега до того мѣста, гдѣ былъ расположенъ корпусъ Дохтурова, который продвинулся далѣе вдоль того же берега.

Пронесся слухъ, что Багратіонъ разбилъ непріятельскій корпусъ, изъ котораго взялъ 5000 плѣнныхъ и заставилъ непріятеля предпринять обратное движеніе, и вслѣдствіе того именно Дохтурова приблизили къ князю Багратіону. Нашъ обѣдъ могъ быть готовъ лишь къ 6 часамъ, и потому мы занялись устройствомъ своихъ биваковъ; прождавъ долго обѣда, мы съ тѣмъ большимъ аппетитомъ его съѣли. Несмотря на то, что былъ Іюль мѣсяцъ, погода была очень холодная. 3-го числа я былъ дежурнымъ; съ утра я отправился къ эскадрону, а затѣмъ до обѣда пробылъ у себя въ баракѣ, гдѣ сидѣлъ за писаніемъ. Отобѣдали мы очень рано, и затѣмъ полковникъ, братъ и я сѣли играть въ бостонъ. Игра продолжалась до 5 часовъ; потомъ пришелъ къ намъ Орловъ, и мы съ нимъ разговаривали до 6 часовъ, когда я пошелъ къ водопою. Послѣ того собрались мы всѣ въ кружокъ, чтобы побесѣдовать. Въ это время приблизился Великій Князь и сообщилъ намъ чрезвычайно пріятную новость: Кульневъ, перейдя съ полкомъ Двину у Друи, встрѣтился съ четырьмя полками конныхъ егерей; онъ разбилъ два полка и взялъ въ плѣнъ генерала. Платовъ со своей стороны имѣлъ опять удачное дѣло и взялъ 700 плѣнныхъ. Эти счастливые успѣхи усугубляли мужество нашихъ солдатъ: они просто выходили изъ себя отъ того, что такъ долго не приходилось имъ увидѣть врага. Нетерпѣніе ихъ было такъ велико, что когда около 8 часовъ вечера въ пѣхотѣ случилась фальшивая тревога, наши люди, безъ всякаго приказанія, поспѣшили сѣдлать лошадей. Надо признаться, что подобное рвеніе должно глубоко трогать всякаго честнаго военнаго, любящаго свое отечество. 4-го, въ 11 часовъ получено было приказаніе быть готовымъ на случай тревоги. Вчера одинъ Жидъ пріѣхалъ изъ Видзъ и привезъ разную провизію и напитки, которые подкрѣпили наши силы; мы встрѣтили его точно стараго пріятеля.

Въ 2 часа мы поднялись съ бивака и направились на Волчицы, гдѣ нашъ корпусъ соединился съ корпусами Тучкова, Дохтурова, Уварова и поступили въ аріергардъ. Вся армія уже переправилась черезъ Двину и слѣдовала къ Полоцку. Въ 7 часовъ мы пришли на мѣсто и имѣли удобный ночлегъ. Я провелъ превосходно ночь подъ открытымъ небомъ; въ 10 часовъ приказали намъ выступить. Мы слѣдовали по тому-же направленію вдоль праваго берега Дриссы и послѣ 7-ми часоваго похода мы остановились въ Соколищѣ, гдѣ былъ превосходный бивакъ. Въ 5 часовъ мы заняли назначенныя намъ мѣста, но лишь часомъ позже, когда нашъ бивакъ былъ готовъ, могли мы расположиться отдыхать. Погода была превосходная, и мѣстность очаровательная; мы провели пріятно вечеръ, а ночью я такъ спалъ какъ давно не случалось. 6-го числа я проснулся въ 6 часовъ; утро было чудное, въ этотъ день мы сдѣлали переходъ въ 40 верстъ и прошли чрезъ Полоцкъ въ 11 часовъ вечера; мы расположились на ночлегъ въ одной верстѣ отъ города. Несмотря на сумерки, мы могли замѣтить, что Полоцкъ хорошенькій городъ и хорошо обстроенъ. Главная квартира была переносена въ Полоцкъ. Около 12-ти часовъ пришли мы къ тому мѣсту, гдѣ должны были провести ночь; шелъ дождь, и въ воздухѣ была сырость. Чтобы согрѣться, развели огонь, и мы легли спать. Отъ усталости вслѣдствіе большаго перехода мы хорошо спали, не чувствуя ни сырости, ни холода. Въ Воскресенье 7-го числа меня разбудили извѣстіемъ, которое привело меня въ восторгъ: Платовъ отнялъ у непріятеля 12 орудій и въ этомъ дѣлѣ забралъ 1200 плѣнныхъ. По случаю этой побѣды въ полкахъ служили молебны. Все 7-е число мы пробыли подъ Полоцкомъ. 2-й и 4-й корпуса нашей арміи утромъ выступили далѣе, но 3-й корпусъ и нашъ ожидали приказаній. Приказаніе было отдано, чтобы мы на слѣдующій день въ 6-ть часовъ выступили. Мы провели еще одну хорошую ночь, а 8 числа къ 6 часамъ мы были готовы къ выступленію, но лишь въ 7 часовъ тронулись съ мѣста. Намъ предстоялъ переходъ въ 25 верстъ по направленію къ Витебску. Сначала мы шли по большой дорогѣ изъ Полоцка въ Витебскъ, но отойдя нѣсколько верстъ отъ Полоцка, мы направились по проселочнымъ дорогамъ, которыя сокращали разстояніе. Армія шла на Витебскъ двумя колоннами: одна состояла изъ 2-го и 4-го корпуса и шла по большой дорогѣ; ей приходилось сдѣлать 110 верстъ; другая колонна состояла изъ 3-го и нашего корпуса, она шла проселочными дорогами, и ей приходилось сдѣлать всего 80 верстъ. Мы пришли на мѣсто ночлега въ 5 час. послѣ весьма утомительнаго перехода, такъ какъ все время приходилось обгонять то артилерійскіе парки, то пѣхоту, такъ что происходили частыя остановки. Всякій

спѣшилъ въ свой бивакъ отдохнуть, и мы собрались лишь къ обѣду. Обѣдали всѣ съ большимъ апетитомъ, такъ какъ было уже 7 часовъ, и съ утра никто ничего не ѣлъ. Послѣ обѣда я съ полковникомъ пошелъ въ лагерь егерей, провѣдать знакомыхъ. Но всѣ они до того были утомлены, что спали мертвымъ сномъ. Такъ какъ егеря довольно далеко отъ насъ стояли, то мы возвратились лишь въ 9 часовъ. Во Вторникъ 9-го числа я былъ дежурнымъ. Полкъ выступилъ въ 10 часовъ; жара была чрезвычайная; намъ предстоялъ опять большой переходъ, такъ какъ мы шли форсированымъ маршемъ. Пройдя 30 верстъ, мы остановились близъ Сорочекъ. Мы пришли въ 6 часовъ на мѣсто, я напился чаю и легъ спать, нашъ обѣдъ или правильнѣе ужинъ поспѣлъ лишь къ 9 часамъ. Намъ подали цыплятъ и простоквашу. Это было настоящимъ лакомствомъ, ибо болѣе двухъ недѣль намъ не приходилось ѣсть ничего подобнаго. 10-го числа въ 4 часа утра я всталъ, чтобы находиться при водопоѣ, по окончаніи котораго я опять заснулъ. Въ 7 часовъ меня разбудилъ сильный дождь, который залилъ совершенно мой бивакъ. Дождь шелъ цѣлый день; въ этотъ день мы сдѣлали всего 15 верстъ, такъ какъ мы должны были сообразоваться съ движеніемъ другой колонны. Погода была отвратительная, и намъ пришлось имѣть плохой ночлегъ. Мы довольно поздно обѣдали, и я провелъ прескверно ночь. 11-го около полуночи дождь пересталъ, но мы уже совершенно промокли. Утромъ я выпилъ стаканъ чаю съ ромомъ, чтобы предохранить себя отъ вліянія сырости. Полкъ построили къ 10 часамъ для выступленія; но когда мы хотѣли тронуться съ мѣста, курьеръ насъ остановилъ. Это былъ Кудашевъ, который ѣхалъ изъ главной квартиры къ Его Высочеству съ извѣстіемъ объ окончательномъ заключеніи мира съ Турціею и о скоромъ соединеніи нашей арміи съ кн. Багратіономъ. Это извѣстіе привело всѣхъ въ восторгъ. Великій Князь прочелъ полученныя извѣстія передъ фронтомъ, на что̀ отвѣчали громкими криками «ура». Немедленно сообщили всей дивизіи это радостное извѣстіе, и мы всѣ въ радостномъ настроеніи духа выступили. Въ 2 часа мы прошли чрезъ Витебскъ и, пройдя $^1/_2$ версты за городъ, расположились на ночлегъ. Всѣ корпуса первой арміи были въ сборѣ, и бивакъ былъ очень великъ.

12-го числа послѣ обѣда я былъ у полковника Арсеньева. Онъ ѣздилъ въ городъ и сообщилъ намъ, что Его Высочество отъѣзжаетъ въ Москву. Мы съ В. и А. тоже поѣхали въ городъ посмотрѣть на него и отдать нѣкоторымъ визиты. Суббота 13-го числа сильная канонада въ нашемъ аваргардѣ меня разбудила, она началась съ разсвѣта. Васьковъ и Алымовъ пришли меня навѣстить; я съ ними позавтракалъ, и они провели у меня утро. Вдругъ кто-то вошелъ и ска-

залъ: «тревога»! Мои гости немедленно меня покинули; затрубили у насъ тревогу, и чрезъ 1/4 часа мы были на конѣ. Насъ двинули въ ту сторону, откуда слышны были выстрѣлы. Остермана сильно атаковали Французы. Выдержавъ ихъ атаки, онъ ихъ потѣснилъ, и завязалось большое авангардное дѣло, которое кончилось къ вечеру. Кавалергардскій полкъ и нашъ держали въ резервѣ, потому что у непріятеля была значительная кавалерія; но намъ не пришлось дѣйствовать вслѣдствіе неудобства мѣстности. На слѣдующій день дѣло опять возобновилось. Остерманъ принужденъ былъ отступить, не будучи въ состояніи дать отпоръ значительному числу Французскихъ войскъ. Въ продолженіи всего дня насъ передвигали, но въ дѣло не употребляли. Къ вечеру мы находились очень близко отъ непріятеля, и мы видѣли, какъ онъ вытѣснялъ нашу пѣхоту изъ лѣсу; его ядра свистѣли около насъ. Мы отступили къ Витебску ночью и возвратились въ нашъ прежній лагерь. Тамъ провели мы остальную часть ночи, и на слѣдующій день, т.-е. 15, въ 7 часовъ намъ приказано было занять другую позицію. Вся наша армія стала въ боевой порядокъ, и все было готово для генеральнаго сраженія, которое считали неизбѣжнымъ. Паленъ принялъ командованіе вмѣсто Остермана; онъ сильно потѣснилъ непріятеля, но долженъ былъ навести непріятеля на позицію, которую мы занимали. Въ 2 часа насъ повели совершенно въ противуположную сторону. Мостъ черезъ Двину въ Витебскѣ былъ сожженъ. 5-й и 6-й корпуса выступили, а мы остановились. Къ вечеру присоединилась къ намъ конная артилерія, которая была при нашемъ полку. Паленъ употребилъ ее съ большимъ успѣхомъ. Пѣхота дралась примѣрнымъ образомъ. Много забрали плѣнныхъ, а гвардейскіе казаки атаковали 6-ти орудейную батарею, которою они завладѣли; но потомъ непріятель ихъ отбилъ. 16-го въ 4 часа утра мы опять двинулись и расположились по ту сторону рѣчки, а по сю сторону рѣчки расположился 6-й корпусъ. Передъ обѣдомъ, который былъ въ 8 часовъ, я выкупался въ прелестномъ мѣстѣ; послѣ обѣда я пошелъ провѣдать Анненкова, который былъ отъ насъ очень близко; но только что я пришелъ къ нему, забили генералъ-маршъ. Я побѣжалъ домой, и черезъ полчаса мы уже были въ походѣ. Всѣ были въ невѣдѣніи, куда насъ ведутъ; но скоро узнали, что насъ направляютъ на Смоленскую дорогу, куда мы должны были какъ можно скорѣе поспѣть. 17 и 18 мы шли безостановочно и только дѣлали два привала, чтобы накормить людей и дать имъ немного отдохнуть. Жара была чрезвычайная.

18-го ночью остановились мы передъ Смоленскомъ, и хотя у каждаго изъ насъ сердце переполнено было грустью, при видѣ, что мы все далѣе и далѣе углубляемся въ свое отечество, мы однако уснули крѣп-

кимъ сномъ: до того усталость наша была велика. 19-го, въ 7 часовъ, приказано было сѣдлать; насъ остановили въ $^1/_2$ верстѣ отъ Смоленска и приказали расположиться бивакомъ въ колоннѣ. Къ разсвѣту къ намъ присоединилась вся наша армія, равно какъ и 7000 казаковъ Платова изъ арміи князя Багратіона. Весь день провели мы на тѣхъ-же мѣстахъ. Я написалъ къ родителямъ письмо, которое отправилъ изъ Смоленска по почтѣ и здѣсь-же я получилъ отъ нихъ два письма, которыя доставили мнѣ неописанную радость. Многіе изъ нашихъ офицеровъ пошли въ городъ, чтобы хорошенько покушать; но я предпочелъ отдохнуть дома и не ходилъ въ городъ, имѣвшій видъ больнаго на послѣднемъ издыханіи. Мы провели хорошую ночь и отлично выспались. 20-го мы проснулись въ 7 часовъ и напились кофею, что̀ было для насъ настоящимъ праздникомъ, бо̀льшимъ даже, чѣмъ день Св. Ильи. Братъ Александръ отправился въ городъ, а я остался дома писать свой дневникъ. Мнѣ передали слѣдующую новость: армія кн. Багратіона соединилась съ нашею, квартирмейстеръ его авангарда былъ уже въ Смоленскѣ (Смоленскъ казался намъ Палладіумомъ). Послѣ обѣда пришелъ ко мнѣ Симоновъ, я его 6 мѣсяцевъ не видалъ и былъ очень радъ его видѣть. Мы усѣлись разговаривать въ моемъ баракѣ и припоминали разныя пажескія шалости; вдругъ поднялась страшная буря, сильный вѣтеръ грозилъ опрокинуть нашъ шаткій чертогъ; мы разстались въ 8 часовъ.

Въ Воскресенье 21 числа. Вечеромъ я отправился посмотрѣть на Смоленскъ, не смотря на данное себѣ слово не быть въ этомъ городѣ, пока онъ не избавится отъ опасности попасть въ руки непріятельскія. Но мнѣ такъ хвалили Смоленскіе конфеты и мороженое, что я позабылъ о данномъ словѣ. Первый мой визитъ былъ къ кондитеру Савѣ Емельянову. Всѣ улицы были загромождены телѣгами и полны народа.

22-го былъ день тезоименитства вдовствующей Государыни; приказано было отслужить молебны во всѣхъ полкахъ. Во время обѣда услышали мы 20 пушечныхъ выстрѣловъ. Стрѣляли въ городѣ въ честь побѣды, одержанной Тормасовымъ подъ Кобринымъ. Онъ уничтожилъ непріятельскій корпусъ въ 7000 человѣкъ, взялъ въ плѣнъ 9 штабъ-офицеровъ, 62 оберъ-офицера и 2300 нижнихъ чиновъ, кромѣ того взялъ 8 орудій и 4 знамени. Говорили, что послѣ этого дѣла онъ долженъ былъ идти противъ 17000 непріятельскаго корпуса, которому онъ долженъ былъ зайдти въ тылъ. Двѣ соединившіяся наши арміи составили одну общую армію подъ начальствомъ Барклая. Князь Багратіонъ принялъ командованіе надъ большимъ авангардомъ. Увѣряли, что этотъ авангардъ долженъ былъ вскорѣ идти на встрѣчу непріятелю.

Графъ Витгенштейнъ со своимъ корпусомъ долженъ былъ прикрывать столицу, имѣя авангардъ Кульнева у Динабурга. Страшныя вооруженія дѣлались въ Имперіи. Смоленская, Московская и Калужская губерніи поставили 123 тыс. ополченцевъ, ихъ называли Московскою арміею. Все 23-е число я пробылъ у себя; жара была ужасная, лѣнь было и выходить; мы послѣдній разъ обѣдали вмѣстѣ, такъ какъ наша артель кончилась. Вечеромъ я побывалъ въ городѣ, сдѣлалъ нѣсколько нужныхъ покупокъ, зашелъ въ кондитерскую и къ 9-ти часамъ возвратился въ лагерь.

24-го числа я былъ дежурнымъ; приказано было быть готовыми для встрѣчи въ лагерѣ князя Багратіона. Онъ пріѣхалъ въ 10 часовъ.

Въ девять часовъ вечера было получено приказаніе быть готовыми на случай тревоги ночью, такъ какъ предполагали, что ночью пойдутъ. Но несмотря на это, мы провели ночь спокойно.

25-го все утро мы ожидали приказанія. Въ 12 часовъ я получилъ позволеніе отправиться въ городъ, но всего только до шести часовъ. Мнѣ хотѣлось хорошенько пообѣдать и выпить хорошаго вина, но вышло весьма неудачно: всѣ трактиры были заперты, и рѣшительно ничего нельзя было найдти. Чтобы хоть сколько-нибудь себя утѣшить, я зашелъ въ кондитерскую поѣсть мороженаго и возвратился въ лагерь къ двумъ часамъ. Для утоленія голода я долженъ былъ прибѣгнуть къ искусству моего повара, послѣ чего я легъ спать. Проснувшись въ шесть часовъ, я узналъ пріятную новость: Витгенштейнъ одержалъ побѣду надъ Удино; онъ взялъ 3 тыс. плѣнныхъ и преслѣдовалъ непріятеля. Игнатьевъ, посланный курьеромъ, уѣхалъ съ самаго поля сраженія.

26-го числа я былъ назначенъ на ординарцы къ министру. Я выѣхалъ изъ лагеря въ шесть часовъ утра и направился въ главную квартиру въ Смоленскъ; но тамъ я его уже не засталъ и долженъ былъ скакать, чтобы догнать его въ Выдрахъ, въ 25-ти верстахъ отъ Смоленска. Часъ спустя послѣ моего пріѣзда, онъ меня послалъ въ Колино, по дорогѣ къ Порѣчью, къ генералу Краснову, который командовалъ авангардомъ колонны, слѣдовавшей по этому пути. (Приказаніе, которое я ему передалъ отъ министра, какъ я его засталъ; радость, которую ему доставило привезенное мною приказаніе; сдѣланный мнѣ пріемъ, мое ночное путешествіе и возвращеніе).

27-го числа выступленіе назначено было въ два часа пополуночи, но потомъ оно было отложено; все утро я проспалъ, такъ какъ предъидущую ночь провелъ на конѣ. Къ полудню я возвратился въ расположеніе полка и засталъ обѣдъ готовымъ, мы съ братомъ Александромъ въ этотъ день хорошо пообѣдали, и я еще

успѣлъ выспаться до трехъ часовъ, когда получено было приказаніе выступать; движеніе всѣхъ колоннъ направлено было къ Смоленску, но не доходя 9-ти верстъ до города, мы свернули съ дороги влѣво къ Шеломцу и всю ночь шли по проселочнымъ дорогамъ, чтобы выйдти на большую дорогу изъ Порѣчья въ Смоленскъ. Это былъ самый безтолковый и утомительный переходъ; намъ пришлось пройти черезъ множество дефиле и по плохимъ мостамъ, въ совершенной темнотѣ. Обозы и артилерія задерживали насъ на каждомъ шагу.

Въ Воскресенье 28-го числа *), въ три часа пополуночи вышли мы на большую дорогу. Не доходя 15-ти верстъ до Смоленска, насъ остановили; едва успѣли мы сойдти съ лошадей, какъ пошелъ проливной дождь, пробравшій меня до костей; я до того былъ утомленъ отъ проведенныхъ безъ сна двухъ ночей, что легъ подъ деревомъ на землю и тотчасъ же заснулъ крѣпкимъ сномъ. Меня съ трудомъ разбудили къ чаю. Благодаря заботливости моего человѣка, покрывшаго меня большею кожею, я не промокъ отъ дождя. Напившись чаю, я нашелъ мой шалашъ устроеннымъ и опять заснулъ до 9-ти часовъ. Проснувшись я съ наслажденіемъ раздѣлся и отдалъ высушить свое платье. (Огни, которые мы ночью видѣли). Обѣдали мы въ 11 часовъ; остальное время я спалъ. Вечеромъ я отправился въ пѣхотный лагерь, который находился вблизи отъ нашего, но не засталъ никого изъ своихъ пріятелей и возвратился къ ужину домой.

29-го мы провели весь день на томъ же мѣстѣ, и армія не предпринимала никакого движенія. Ночью присоединились къ намъ два корпуса изъ арміи князя Багратіона; эту ночь насъ тоже не потревожили. Лошади наши въ теченіе двухъ сутокъ получили только немного сѣна и по два гарнца овса. 30-го въ 9 часовъ утра получено было приказаніе быть готовымъ къ походу; но въ 10 часовъ получена была отмѣна выступленія. Я отправился провѣдать своего пріятеля Васькова; обѣдалъ я у Алымова и вмѣстѣ съ ними вернулся домой. Вечеромъ я пошелъ ихъ проводить и, возвратившись домой, засталъ своего человѣка, котораго посылалъ въ Смоленскъ за покупками для стола. Онъ привезъ мнѣ барана въ подарокъ отъ Лярскаго, мужа А...., знавшаго меня, какъ родственника его тещи. Онъ былъ такъ добръ, что велѣлъ предложить мнѣ все, что только мнѣ понадобится.

Мы провели прекрасно ночь, и 31-го числа у насъ былъ просто царскій завтракъ. Это былъ настоящій праздникъ: кофе съ отличными

---

*) Платовъ имѣлъ успѣхъ надъ Себастіани, который командовалъ авангардомъ и взялъ у него 1,000 плѣнныхъ, его обозъ и канцелярію; въ ней между прочими бумагами найдено было приказаніе изъ Французской главной квартиры ожидать нападенія.

сливками, бѣлый хлѣбъ съ свѣжимъ масломъ. Утро я провелъ въ баракѣ, писалъ и читалъ Буфлера. Обѣдали мы по обыкновенію въ полдень, а за тѣмъ ложились спать. Походная жизнь не позволяла намъ вести правильный образъ жизни, мы жили какъ кочевые народы. Мы заботились только о томъ, чтобы свободныя минуты были отданы сну.

Августа 1-го мы оставались на тѣхъ же мѣстахъ. Въ 4 часа послѣ обѣда, поднялась пѣхота и направилась по той дорогѣ, по которой мы прошли; намъ же велѣно оставаться до утра на тѣхъ же мѣстахъ. Я забылъ упомянуть, что 5-го Іюля получено было радостное извѣстіе, что Витгенштейнъ атаковалъ Удино, совершенно его разбилъ и три дня его преслѣдовалъ до самаго Полоцка; корпусъ Удино состоялъ изъ отборныхъ гренадеръ—исключительно Французовъ. Дѣло было ужасное: съ обѣихъ сторонъ сражались какъ бѣшеные; но Французы были совершенно разбиты. Витгенштейнъ взялъ 3 тыс. плѣнныхъ, два орудія и знамя. Въ ту же ночь послѣ побѣды, онъ оставилъ поле сраженія и направился противъ Макдональда. Въ тоже время Тормасовъ, послѣ дѣла у Кобрина, двинулся къ Вильнѣ.

2-го Августа въ 6 часовъ утра, мы поднялись съ бивака и направились по Смоленской дорогѣ на Рудню. Мы слѣдовали за артилеріей и двигались очень тихо. Въ 6 часовъ вечера насъ остановили и, послѣ двухчасоваго отдыха, мы снова двинулись по той же дорогѣ и шли вплоть до 6-ти часовъ утра. Переходъ былъ ужасный: въ 24 часа мы всего сдѣлали 24 версты. 3-го мы пробыли цѣлый день на мѣстѣ, вся армія была въ сборѣ; вечеромъ получено было приказаніе быть готовымъ къ выступленію съ восходомъ солнца (Красновъ взялъ 40 плѣнныхъ изъ конвоя Наполеона у Порѣчья). 4-го въ 7 часовъ утра нашъ корпусъ тронулся по Смоленской дорогѣ; во время похода мы услышали пушечную пальбу и скоро затѣмъ узнали, что Французы находятся подъ стѣнами Смоленска; они атаковали съ 40 тысячами Невѣровскаго подъ Краснымъ, у котораго было всего пять тысячъ; онъ отступилъ на соединеніе съ Оленинымъ, у котораго было 4 тысячи и, продолжая вмѣстѣ отступленіе къ Смоленску, они соединились съ Раевскимъ и дали сильный отпоръ непріятелю, который подходилъ къ воротамъ города. Между тѣмъ обѣ арміи спѣшили къ Смоленску; мы были въ 35-ти верстахъ и сдѣлали этотъ переходъ въ 7 часовъ. Пѣхота отъ насъ не отставала; насъ поставили по Петербургской дорогѣ въ 6-ти верстахъ отъ Смоленска, но не позволили разсѣдлывать лошадей. Все было готово къ сраженію; Наполеонъ самъ командовалъ войсками, долженствующими взять Смоленскъ. 5-го числа я всталъ очень рано и слышалъ канонаду; нашъ корпусъ цѣлый день

оставался въ ожиданіи быть двинутымъ, лошади были осѣдланы и замундштучены. Но городъ защищали только корпусъ Дохтурова и дивизія Коновницына; число батарей было громадное, всею артилеріею командовалъ Костенецкій. Около полудня отъ непріятельскихъ выстрѣловъ городъ загорѣлся, непріятельскіе стрѣлки подошли къ самымъ стѣнамъ, пожаръ усиливался все болѣе и болѣе и къ вечеру представлялъ ужасающую картину; тѣмъ не менѣе непріятель былъ отброшенъ, и къ 10-ти часамъ все стихло.

Я пошелъ провѣдать моего пріятеля Васькова, который былъ третьяго дня въ дѣлѣ съ гренадерами подъ командою Оленина. Въ 12 часовъ ночи насъ двинули, но не успѣли мы пройдти нѣсколько шаговъ, какъ насъ вернули на прежнія мѣста. Мы провели спокойную ночь. 6-го рано утромъ наши очистили Смоленскъ, но успѣли все вывезти, орудія со стѣнъ, образъ Божіей Матери и все имущество жителей, такъ что непріятелю достались только опустошенные дома. Въ 12 часовъ дня мы отступили за 4 версты по той-же дорогѣ, и насъ выстроили въ боевой порядокъ, такъ какъ наши войска, перейдя на лѣвый берегъ Днѣпра, остановились въ этой части города и защищали переправу чрезъ рѣку. Въ 6 часовъ вечера нашъ корпусъ получилъ приказаніе еще отступить, а затѣмъ его двинули вправо отъ Петербургской дороги, чтобы перейти на Московскую, гдѣ онъ долженъ былъ присоединиться къ Багратіону. Мы шли всю ночь, и только 7-го въ 5 часовъ утра пришли къ деревнѣ, гдѣ насъ остановили, и въ этой деревнѣ провели весь день. Корпусъ Дохтурова въ 4 часа пополудни прошелъ мимо насъ; въ это время слышна была сильная канонада. Въ 8 часовъ получили мы приказаніе выступить и шли всю ночь, имѣя всего двухъ-часовой отдыхъ.—8-го, въ 9 часовъ утра, мы вышли на большую Московскую дорогу и, пройдя 7 верстъ по направленію къ столицѣ, перешли чрезъ Днѣпръ; отойдя двѣ версты, мы остановились, разсѣдлали и пробыли на этомъ мѣстѣ остальную часть дня и всю ночь, въ ожиданіи тревоги. На ночь лошадей осѣдлали.—9 числа въ 11 часовъ утра мы направились по Дорогобужской дорогѣ съ кавалерійскою дивизіею Уварова, и не доходя девяти верстъ до города остановились на бивакѣ.

10-го утромъ послали въ Дорогобужъ полковаго квартермистра, чтобы выбрать мѣсто для лагеря полка. Ожидали генеральнаго сраженія въ окрестностяхъ; вся наша армія должна была быть собрана на равнинахъ окружающихъ городъ. Багратіонъ со своею арміею долженъ былъ преградить путь непріятелю, если-бы послѣдній направился къ столицѣ. Мы простояли до 6 часовъ вечера на томъ-же мѣстѣ; къ вечеру насъ отодвинули на нѣсколько верстъ къ Дорогобужу, гдѣ мы соединились

со второю кирасирскою дивизіею; тутъ мы провели ночь 11-го числа. Въ 3 часа утра мимо насъ стали проходить войска Багратіона; они шли занимать позиціи вмѣстѣ съ первой арміею на Дорогобужскихъ равнинахъ. Въ 8 часовъ обѣ кирасирскія дивизіи и весь гвардейскій корпусъ присоединились къ арміи Багратіона и перешли на тѣ мѣста, которыя занимали наканунѣ. Войска строились въ боевой порядокъ и готовились къ бою. Французскіе стрѣлки принудили Платова, командовавшаго аріергардомъ, отступить; при этомъ ему приказано было навести непріятеля на наши главныя силы. Квартирмистры нашего корпуса были посланы въ Дорогобужъ, чтобы указать позиціи, которыя мы должны были занять; въ 10 часовъ вечера мы получили приказаніе выступить. Первоначальное предположеніе было измѣнено: рѣшено было избрать другую позицію, ближе къ городу, которую считали выгоднѣе и приказано было всѣмъ войскамъ отступить; нашъ корпусъ расположили влѣво отъ города на дорогѣ въ Смоленскъ и въ резервѣ за княземъ Багратіономъ. Цесаревичъ уѣхалъ въ Петербургъ.

12-го мы находились вблизи гвардейской пѣхоты, едва успѣли мы пообѣдать, какъ приказано было выступить. Мы сдѣлали всего $^1/_2$ версты, и насъ остановили съ кавалергардскимъ полкомъ у подошвы большой горы, командовавшей надъ непріятельскою позиціею. На горѣ была батарея въ 50 орудій. Мы поднялись на гору, чтобы посмотрѣть расположеніе войскъ, но не прошло и часу какъ получено было вновь приказаніе отступить. Непріятель своими манёврами принудилъ насъ отказаться отъ предположеннаго плана и поспѣшить отступить къ Вязьмѣ. Вечеромъ было получено въ главной квартирѣ извѣстіе о новой побѣдѣ гр. Витгенштейна, который находился въ Полоцкѣ, послѣ одержанной имъ второй побѣды надъ генераломъ Удино. Протасовъ со своимъ полкомъ взялъ 15 орудій. Мы шли всю ночь, переходъ былъ 27 верстъ, и 13-го въ 9 часовъ утра мы остановились на привалѣ. Поднявшись съ привала въ три часа и сдѣлавъ 23 версты, мы пришли на ночлегъ. Ночи становились очень холодными. 14-го рано утромъ приказали разсѣдлать лошадей; мы оставались до 8 часовъ на мѣстѣ, а затѣмъ получили приказаніе выступить. Сдѣлавъ 23 версты ночью, мы къ 2-мъ часамъ подошли къ Вязьмѣ; остальную часть ночи мы простояли подъ городомъ, а 15-го въ 7 часовъ утра мы прошли чрезъ городъ и расположились по другую сторону города. Здѣсь мы узнали, что главнокомандующій арміи замѣщенъ Бенигсеномъ и что обѣ западныя арміи подчинены Кутузову; подъ вечеръ пріѣхалъ въ нашъ лагерь Кнорингъ изъ эскадрона Протасова. Онъ прибылъ курьеромъ отъ Витгенштейна съ извѣстіемъ объ авангардномъ дѣлѣ, въ которомъ Полоцкъ былъ окончательно взятъ обратно, и Французы при-

нуждены отступить за Двину. Кнорингъ долженъ былъ съ этимъ извѣстіемъ ѣхать въ Петербургъ (разсказъ его о подвигахъ гр. Витгенштейна). Корпусъ гр. Витгенштейна изъ 20 тысячъ сократился до 16 тысячъ, поэтому можно себѣ представить число убитыхъ и раненыхъ у непріятеля. Полкъ Протасова отличился на глазахъ у всей арміи. Главная квартира графа была между Полоцкомъ и Динабургомъ, такъ что онъ преграждалъ путь къ Петербургу какъ Макдональду, находившемуся въ Динабургѣ, такъ и Сенъ-Сиру, бывшему въ Полоцкѣ. Удино, будучи тяжело раненъ, передалъ командованіе Сенъ-Сиру. Кнорингъ не могъ нахвалиться доблестью войскъ и сказалъ, что Витгенштейнъ не хотѣлъ вѣрить, что мы отступили за Смоленскъ. Онъ судилъ по себѣ, такъ какъ Французы при всякой встрѣчѣ съ нимъ имѣли неудачи, и ими овладѣвалъ паническій страхъ. Эскадронъ Протасова превратился въ два взвода; Кусовниковъ убитъ; вообще-же было больше раненыхъ, чѣмъ убитыхъ,—штандартъ былъ дважды прострѣленъ.

Вечеромъ мнѣ нездоровилось, проклятая крапивная лихорадка меня безпокоила; я послалъ за лѣкарствомъ въ городъ, но благодаря Бога къ утру она прошла. 16-го мы получили приказаніе быть въ полдень готовыми къ выступленію, но въ это время была слышна довольно сильная канонада по другую сторону города, и выступленіе наше было отложено до 5 часовъ. Сдѣлавъ 10 верстъ, мы остановились у Өедоровскаго. Во время всего перехода, насъ около 10-ти человѣкъ офицеровъ разговаривало съ Французскими фуражирами, взятыми въ плѣнъ казаками; плѣнные хвалили казаковъ и жаловались на сопровождавшихъ ихъ солдатъ (живые отвѣты Французовъ, ихъ остроты, веселое настроеніе духа, споръ канонира съ драгуномъ о положеніи плѣнныхъ).

17-го въ 5 часовъ утра было приказано выступить по направленію деревни Царево-Займище, находящейся на большой дорогѣ въ 25 верстахъ отъ нашего ночлега. Мы прибыли туда въ 3 часа пополудни, сдѣлавъ полуторачасовый привалъ посреди перехода; прибывъ къ мѣсту, я имѣлъ удовольствіе получить письмо отъ моихъ родителей. Я былъ въ восторгѣ, узнавъ, что они здоровы и бодры духомъ. Они сообщали мнѣ о вооруженіяхъ, которыя дѣлались со всѣхъ сторонъ, о духѣ патріотизма, господствовавшемъ вездѣ и о народной ненависти къ Французамъ. Въ деревняхъ оставались только женщины, старики и дѣти; всѣ вооружались, помѣщики оставляли все, чтобы спѣшить на службу отечеству (анекдотъ про Московскихъ купцовъ). Генералъ Кутузовъ прибылъ, онъ былъ возведенъ въ званіе свѣтлѣйшаго князя и назначенъ главнокомандующимъ всѣхъ армій Имперіи. Всѣ генералы обѣихъ армій, которые здѣсь находились, получили приказаніе собраться къ нему сегодня вечеромъ. Армія кн. Багратіона, которая за-

нимала Калужскую дорогу во время нашего отступленія отъ Дорогобужа, присоединилась къ намъ. Обѣ арміи были построены въ боевой порядокъ, наши лошади остались осѣдланными. Мы провели холодную и дождливую ночь.

Воскресенье, 18-го. Князь Кутузовъ объявилъ арміи, что онъ сдѣлаетъ смотръ въ 8 часовъ утра, но къ назначенному времени не прибылъ, а въ 12 часовъ мы получили приказаніе выступить въ походъ. Въ Царевѣ-Займищѣ вновь назначенный главнокомандующій насъ пропустилъ мимо себя, и мы послѣдовали въ Гжатскъ. 19-го, на разсвѣтѣ приказали сѣдлать лошадей. Гогель заѣхалъ ко мнѣ рано утромъ сказать, что у него есть случай переслать моимъ родителямъ письмо съ офицеромъ, ѣдущимъ въ Петербургъ; я рѣшился воспользоваться этимъ счастливымъ случаемъ и живо написалъ письмо. Милорадовичъ присоединился къ арміи съ подкрѣпленіемъ 25 тысячъ человѣкъ. Въ 10 часовъ приказано было разсѣдлать лошадей, и мы остались цѣлый день на мѣстахъ. Въ полку получено было приказаніе быть готовымъ встрѣтить кн. Кутузова, который хотѣлъ объѣхать войска, но онъ успѣлъ объѣхать только бивуакъ пѣхоты. Въ 8 часовъ получили мы приказаніе выступить и идти въ томъ-же направленіи. Сдѣлавъ 14 верстъ, мы остановились на ночлегъ, здѣсь мы провели ночь на 20-е и все двадцатое число. Александръ былъ назначенъ ординарцемъ, а я дежурнымъ. 21-го въ 8 часовъ утра получено было приказаніе выступить, но тронулись только въ 12 часовъ, такъ какъ должны были прикрывать аріергардъ, который отъ насъ былъ всего въ 3-хъ верстахъ. Отступивъ верстъ десять, мы подошли къ арміи, которая расположилась бивуакомъ, и я былъ посланъ за фуражемъ пять верстъ въ сторону (состояніе, въ которое приведена была казаками деревня, куда я прибылъ). Мы провели ночь на бивуакѣ, а въ 10 часовъ утра наша дивизія получила приказаніе выступить; вся армія отступила еще на 9 верстъ. Насъ расположили въ тылу всей арміи близъ чудеснаго лѣса. Намъ было передано, что тутъ предѣлъ нашего отсупленія и что будемъ драться. Признаюсь, давно было пора! Вечеромъ Васьковъ, Кавелинъ и Алымовъ навѣстили меня, Дьяковъ тоже пришелъ къ чаю; мы провели пріятный вечеръ, разсказывали анекдоты и много смѣялись.

23-го было чрезвычайно холодно, а ночью даже былъ морозъ; весь день была слышна канонада, но довольно далеко.

24-го числа съ восходомъ солнца канонада какъ будто-бы приблизилась. Алымовъ и Васьковъ пришли провести утро со мной, мы сѣли за карты. Въ 11 часовъ внезапно приказано было сѣдлать, но мы цѣлый день не тронулись съ мѣста; съ часу на часъ пушечная пальба все усиливалась, а къ вечеру вдали была слышна

сильная ружейная пальба. Очевидно было жаркое дѣло на нашемъ лѣвомъ флангѣ; ночь прекратила перестрѣлку. На другой день ожидали дѣла. Всю ночь остались лошади осѣдланными. 25-го въ 6 часовъ утра перестрѣлка возобновилась и продолжалась цѣлый день, но она была незначительна. Наша армія осталась на занятой ею позиціи. Во вчерашнемъ дѣлѣ войска наши покрыли себя новою славою: вторая кирасирская дивизія отличилась, въ особенности Малороссійскій полкъ, который взялъ пять орудій у непріятеля.

26-го съ трехъ часовъ утра началась ружейная перестрѣлка, а въ 5 часовъ пушечная пальба, которая все усиливалась; въ 8 часовъ насъ двинули и поставили, уступами, за центромъ арміи въ резервѣ. Не было дѣла болѣе жаркаго и болѣе ужаснаго. Нашъ полкъ ходилъ три раза въ атаку противъ кирасиръ и уланъ, моя лошадь была ранена пулей въ щеку, а послѣ третьей атаки ядро вырвало мнѣ часть правой ляжки, пронзило насквозь мою ногу. Бѣдный мой конь былъ убитъ на мѣстѣ, а я, не помню какъ упалъ на животъ и падая слышалъ, какъ кто-то вскрикнулъ: «Полковникъ, поручикъ вашъ убитъ!» Я сознавалъ, что я не убитъ; но мнѣ казалось, что рана моя была смертельна, и что обѣ мои ноги были оторваны. Я пролежалъ нѣсколько секундъ, какъ вдругъ четыре кирасира подняли меня и понесли на перевязку. Дорогою они говорили, что я не переживу этой раны и очень обо мнѣ сожалѣли. Я не потерялъ сознанія, ихъ рѣчи не навели на меня страха смерти, но обратили мои мысли къ моимъ добрымъ родителямъ. Мнѣ немедленно была сдѣлана перевязка и дали повозку, которая доставила меня въ Можайскъ, гдѣ я провелъ ночь. Дорогой я встрѣтилъ Орлова, который тоже былъ раненъ и отправлялся въ Можайскъ. Онъ заставилъ меня взять у него взаймы 100 рубл. и предложилъ ѣхать вмѣстѣ въ Москву, на что̀ я охотно согласился. Благодаря Палицыну, я получилъ въ городѣ квартиру для ночлега и хорошій стаканъ чаю, который я съ жадностью выпилъ, такъ какъ отъ стоновъ и крику у меня совершенно пересохло во рту. Я провелъ адскую ночь, но тѣмъ не менѣе, не смотря на страшную рану, надѣялся сохранить ногу, потому что кость и артеріи остались цѣлы. Множество моихъ друзей было убито и ранено, дорогой мой Васьковъ былъ раненъ пулей въ плечо. Дѣло это намъ стоило, какъ говорили, 30 тысячъ человѣкъ и отъ 45—50 тысячъ Французовъ. Наступившая ночь прекратила дѣло, а на слѣдующее утро обѣ арміи отступили, чтобы привести себя въ порядокъ.

27-го на разсвѣтѣ, казакъ пришелъ мнѣ сказать, что всѣ раненные должны покинуть городъ, такъ какъ армія отступаетъ. Я послалъ сказать Орлову, что ожидаю его, чтобы ѣхать вмѣстѣ; но онъ уже

раньше выѣхалъ, и я его не нагналъ. Отъѣхавъ 8 верстъ, я остановился близъ понтонной роты и попросилъ доктора; меня привезли къ Карцеву, который приказалъ отвести мнѣ комнату и прислалъ двухъ докторовъ, которые очень хорошо перевязали мнѣ рану. Карцевъ былъ такъ добръ, что прислалъ мнѣ супу; я послалъ за братомъ, который вскорѣ пріѣхалъ, и мы чрезвычайно были обрадованы, увидѣвши другъ друга. Онъ думалъ, что я не перенесу моей раны, много плакалъ, но утѣшился, когда меня увидѣлъ. Мы вмѣстѣ провели день, и я написалъ родителямъ. У Карцева собралось много раненыхъ: два Козляиновa, Клингеръ, Лагардъ, Макаровъ, Смитъ и я. Смитъ присоединился ко мнѣ, и мы условились ѣхать вмѣстѣ. Въ 7 часовъ Александръ меня покинулъ; послѣ того я заснулъ и ночь провелъ довольно хорошо.

28-го въ 6 часовъ надо было выступить въ дальнѣйшій путь. Карцевъ со своей ротой отошелъ за 20 верстъ, и всѣ раненые послѣдовали за нимъ. Врачъ не успѣлъ насъ перевязать до выступленія и обѣщалъ сдѣлать это немедленно по прибытіи на новое мѣсто. Мы догнали Карцева только въ 4 часа. Я провелъ довольно хорошую ночь, хотя у меня была лихорадка. Александръ провелъ ночь съ нами, и 29-го въ 6 часовъ утра мы выступили въ дальнѣйшій путь. Братъ проводилъ меня полъ-перехода. Мы пріѣхали въ деревню, названія которой я не помню, и мы въ ней застали полковника Арсеньева и доктора Кернера, который немедленно сдѣлалъ мнѣ перевязку; послѣ нѣсколькихъ часовъ отдыха мы продолжали дальнѣйшій путь. Мы находились въ недалекомъ разстояніи отъ главныхъ силъ нашей арміи, которая продолжала отступать. Ночь я провелъ въ отвратительномъ помѣщеніи, гдѣ за перегородкой ночевало около 30-ти солдатъ.

30-го въ семь часовъ утра мы двинулись дальше. Остановились мы въ имѣніи Голицына, куда пріѣхалъ и Александръ; это былъ день его ангела. Онъ привезъ съ собой полковаго доктора, который сдѣлалъ мнѣ перевязку. Г. Шевичъ и Дьяковъ зашли насъ провѣдать и пробыли съ нами съ часъ времени. Въ два часа мы выступили дальше и прибыли на ночлегъ въ большую деревню, отстоящую отъ Москвы въ 26-ти верстахъ. Въ этотъ разъ мы попали въ большое общество комисаріатскихъ офицеровъ, которые всю ночь играли въ штосъ (ихъ смѣшная наружность и манеры). Вся деревня была занята раненными, и намъ по необходимости пришлось воспользоваться гостепріимствомъ этихъ господъ. 31-го въ 7 часовъ утра мы были принуждены покинуть деревню вслѣдствіе пожара, который начался за два дома отъ нашего; мы поспѣшили удалиться и только успѣли выйти изъ деревни, какъ насъ нагналъ полкъ. Я увидѣлъ брата и всѣхъ офицеровъ; братъ проводилъ меня до слѣдующей деревни, которая нахо-

дилась въ 10-ти верстахъ отъ Москвы. Въ этой деревнѣ расположена была главная квартира. Кернеръ меня перевязалъ, и затѣмъ я продолжалъ свой путь, а Александръ присоединился къ полку; мы условились съ нимъ встрѣтиться въ городѣ.

31-го Августа братъ догналъ насъ у Арбатскихъ воротъ и проводилъ къ госпиталю въ Спасскихъ казармахъ. Мы долго его разыскивали, но на бѣду оказалось, что это госпиталь для солдатъ, и надо было сдѣлать еще нѣсколько верстъ до Головинскаго дворца, гдѣ былъ госпиталь для офицеровъ; мы туда прибыли въ полночь и къ счастію нашли комнату, въ которой провели ночь. Только благодаря заботамъ моего дорогаго Александра, который много потрудился, имѣли мы на ночь пріютъ; безъ него намъ пришлось бы ночевать подъ открытымъ небомъ. Онъ провелъ ночь съ нами и на другой день утромъ (1-го Сентября) розыскалъ инспектора госпиталя, который обѣщалъ намъ скоро доставить доктора. Александръ напился съ нами чаю, мы съ нимъ нѣжно попрощались, и онъ уѣхалъ.

Часъ спустя пришелъ докторъ, который сдѣлалъ намъ перевязки; мы предложили ему проводить насъ до Коломны, сказавъ ему прямо, что̀ мы могли ему предложить за его труды; онъ не отказалъ на отрѣзъ, но заявилъ намъ, что это трудно будетъ исполнить, обѣщалъ однако подумать и принести окончательный отвѣтъ. Въ тоже время онъ написалъ нѣсколько рецептовъ, чтобы составить намъ маленькую аптеку съ необходимыми лекарствами для нашихъ ранъ и ушелъ. Въ 4 часа онъ вернулся съ счастливымъ для насъ извѣстіемъ, что онъ рѣшился насъ сопровождать. Мы приказали скорѣе уложить наши вещи и въ 6 часовъ отправились по дорогѣ въ Коломну. Пройдя три версты, мы остановились на ночлегъ въ деревнѣ, гдѣ встрѣтили весьма радушный пріемъ со стороны крестьянъ. 2-го на разсвѣтѣ, мы опять пустились въ путь, и наши хозяева стали тоже выѣзжать со своими пожитками. Мы ѣхали цѣлый день, самымъ ужаснымъ образомъ, среди безконечнаго числа экипажей и обозовъ и въ 8 часовъ вечера переправились чрезъ Москву-рѣку на Варваринскомъ перевозѣ; это было въ 40 верстахъ отъ Москвы, и тутъ мы отдѣлались отъ обозовъ, которые остановились по сю сторону рѣки. 3-го мы обѣдали въ Бронницахъ и затѣмъ продолжали путь. 4-го мы совершили довольно спокойный переходъ; а 5-го въ 10 часовъ утра прибыли въ Коломну.

Мы были очень рады остановиться на нѣкоторое время, чтобы отдохнуть, но увы! мы могли воспользоваться отдыхомъ только 24 часа. Орловъ навѣстилъ меня утромъ, затѣмъ пришелъ вечеромъ вмѣстѣ съ графомъ Толстымъ и Путятой; они намъ посовѣтовали выѣхать, какъ можно скорѣе; мы провели довольно спокойно ночь и 6-го рано ут-

ромъ собирались выѣхать. Орловъ пришелъ поторопить нашъ отъѣздъ. Непріятель направился изъ Броницы въ Тулу, его разъѣзды были всего въ 35-ти верстахъ отъ Коломны. Всѣхъ раненныхъ нижнихъ чиновъ помѣстили въ баркахъ, чтобы спустить по рѣкѣ въ Касимовъ, а офицеровъ сухопутно направили туда же чрезъ Рязань. Въ 10 часовъ мы выступили изъ города и провели весь день въ ожиданіи переправы черезъ Оку у Коломенскаго перевоза. По большой дорогѣ мы поднялись вверхъ 6 верстъ, чтобы достать лодку для переправы; въ этотъ день мы сдѣлали всего 18 верстъ.

7-го мы сдѣлали 22 версты и остановились въ Зарайскѣ, гдѣ и обѣдали. Вечеромъ сдѣлали еще 8 верстъ и ночевали въ деревнѣ, находящейся въ верстѣ отъ большой дороги и принадлежащей генералу Шишкову.

8-го. Мы выступили рано и сдѣлали до обѣда 18 верстъ, а послѣ обѣда 16 в. Дорогою я встрѣтился съ Орловымъ; мы ночевали въ 14-ти верстахъ отъ Рязани и 9-го въ 6 часовъ утра пустились въ путь; въ этотъ день было очень холодно, мы шли скорѣе обыкновеннаго и пришли въ городъ въ 8 съ полов. часовъ. Въ полиціи мы записали наши фамиліи, и полицейскій офицеръ отвелъ намъ квартиры. Я получилъ очень удобное помѣщеніе у одного учителя и молилъ Бога о томъ, чтобы имѣть нѣсколько дней отдыха. Я приказалъ сдѣлать необходимыя для меня покупки и устроить въ повозкѣ нѣчто въ родѣ люльки, чтобы было удобнѣе ѣхать. Нашъ милый докторъ, который былъ всегда съ нами, позаботился пополнить запасъ лѣкарствъ, а вечеромъ поѣхалъ провѣдать своего отца, который жилъ въ семи верстахъ отъ города.

10-го. Я послалъ попросить священника, чтобы отслужить молебенъ; я изъ глубины души благодарилъ Господа за Его милосердіе и за мое спасеніе.

ЗАПИСКИ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА МУРАВЬЕВА-КАРСКАГО [1]).

1821 годъ.

Транспортъ „Кура", 26-го Іюня 1821.

25-го Іюня, въ 9-мъ часу утра мы снялись съ якоря съ S.W. вѣтромъ и шли тихо такъ, что сегодня поутру мы находились въ двѣнадцати миляхъ отъ Наргена, который мы вчера обошли съ лѣвой стороны, между симъ островомъ и Вульфомъ, оставя въ лѣвой сторонѣ подводные камни, по которымъ сей проливъ считается опаснымъ; пакетботъ обошелъ Наргенъ съ правой стороны. Пройдя островъ, суда шли рядомъ въ близкомъ разстояніи одно отъ другаго. Проходя мимо Наргена, мы видѣли осыпь обожженныхъ камней на немъ и ямы, происшедшія вѣроятно отъ изверженія огненнаго, видѣннаго изъ Баки на семъ островѣ за нѣсколько дней передъ моимъ отплытіемъ.

26-го мы шли довольно хорошо попутнымъ вѣтромъ и были бы ввечеру на восточномъ берегу моря, еслибъ пакетботъ, который отъ насъ во весь день отставалъ (съ намѣреніемъ или безъ намѣренія) не понудилъ бы насъ сблизиться; мы поворотили къ нему и до вечера шли назадъ; въ полдень же мы были подъ широтой 40°,—25′—10″—92.

Челекенская южная бухта.

27-го мы увидѣли Челекень или Нефтяной островъ, который по счисленію курса мы уже давно прошли (такъ невѣрны карты). Мы видѣли на западномъ берегу острова двѣ кибитки въ одномъ мѣстѣ и множество другихъ чрезъ косу Дервишскую, на южной сторонѣ Челекенскаго острова. Намъ слѣдовало обойти длинную косу, идущую отъ Челекеня на Югъ, коей продолженіе называется Дервишемъ, потомъ пройти между Дервишемъ и Огурчинскимъ: мѣсто неизвѣстное, въ которомъ мы ударились объ мель идучи съ корветомъ [2]) и кото-

---

[1]) См. выше, стр. 71.

[2]) Т.-е. въ прошломъ году. П. Б.

рой мы пройти не могли. Юрьевъ не рѣшился, боясь на мель наткнуться; я уговорилъ его пуститься, и мы прошли съ большою опасностью по двумъ саженямъ глубины. Пакетботъ прошелъ за нами, придерживаясь ближе къ Дервишу, гдѣ по словамъ жителей больше глубины. Въ семъ проливѣ, на срединѣ, есть подводный островъ, по обѣимъ сторонамъ котораго купеческія суда проходятъ съ грузомъ. Пройдя проливъ, мы поворотили на Сѣверъ и ввечеру легли на якорь на глубинѣ трехъ саженъ, верстахъ въ четырехъ отъ берега. Мы были посѣщены въ тотъ вечеръ вторымъ сыномъ Кіата Хидыромъ и другими Туркменами, которыхъ, накормивъ, я отправилъ назадъ, кромѣ Хидыра и Хевеса. Извѣстія, доставленныя намъ ими, были слѣдующія: Туркмены Хорасанскіе выгнали Шахъ-Заду изъ Мешеда—слухъ, который всякій годъ повторяется у Туркменъ. Нѣкоторые изъ старшинъ Іомудскихъ были побиты Текеями въ набѣгахъ, которые первые дѣлали на послѣднихъ по приказанію Шахъ-Зады Астрабадскаго. Другіе изъ старшинъ Іомудскихъ были разграблены Туркменами, поколѣніе Кёкленъ, нападавшими на нихъ. Въ Красноводскѣ нѣтъ никого жителей кромѣ рыбаковъ. Старшій сынъ Кіата Якши-Магмедъ, отправленный изъ Баки до моего прибытія на купеческомъ суднѣ къ Серебрянному бугру за рыбнымъ промысломъ, пріѣзжалъ въ Челекень, окончивши свои дѣла и уѣхалъ на томъ же суднѣ въ Баку. На Челекенѣ не имѣется нынѣ болѣе 80 или 100 дворовъ; водой они нуждаются и то пьютъ дурную, горькую и соленую изъ колодцевъ. Лѣнь ихъ причиной сему: они не хотѣли построить плотину противъ дождевой воды, которая могла бы, какъ обыкновенно, доставить имъ прѣсную воду изъ копаней.

28-го мы снялись съ якоря и, обойдя косу, тянущуюся съ Запада къ Востоку въ близкомъ разстояніи отъ берега, остановились на якорѣ въ одной верстѣ отъ кочевья. Пакетботъ же наткнулся на косу и принужденъ былъ заводить якорь на гребномъ суднѣ, дабы сняться съ оной. Я ѣздилъ на берегъ и былъ принятъ со всевозможнымъ привѣтствіемъ Кіатомъ; для меня была очищена прекрасная кибитка, которую убрали богатыми коврами; народъ былъ собранъ около нея. Оказывая Кіату особенное уваженіе, сказавъ Туркменамъ привѣтствіе и объявивъ имъ о почтеніи и послушаніи, которое они должны ему оказывать, я нашелъ во всѣхъ готовность къ исполненію выгодъ нашихъ. У кибитки моей былъ поставленъ караулъ, на берегу же артиллеристы учились ружьемъ и были готовы въ случаѣ тревоги вступить въ кочевье. Пробывъ нѣсколько времени въ кибиткѣ, я послалъ созвать къ себѣ всѣхъ старшинъ и стариковъ, поговорилъ съ ними и, найдя ихъ всѣхъ готовыхъ къ исполненію видовъ нашихъ, простился

и ушелъ, объявивъ имъ о хлѣбѣ, который со мной находился, и о другихъ вещахъ. Цѣну сему хлѣбу я принужденъ былъ положить очень дешевую, потому что незадолго до пріѣзда нашего Персидскія суда привозили въ Челекень хлѣбъ изъ Мазендерана и продали его по дешевой цѣнѣ. Желая, чтобы мой хлѣбъ хоть нѣсколькимъ подешевле былъ, я положилъ цѣну по три реала за восемь пудъ или по 6 рубл. ассигн. за восемь пудъ. Кіатъ обѣщался мнѣ купить весь хлѣбъ, въ случаѣ если жители не возьмутъ его. Изъ старшинъ, собравшихся ко мнѣ главнѣйшіе были мулла Каибъ и мулла Миришъ, у котораго пропали бараны на Огурчинскомъ острову. Въ третьемъ часу, распорядивши все, что нужно мнѣ будетъ въ Красноводскѣ, я поѣхалъ назадъ на судно. Ввечеру же далъ предписаніе Ратькову, чтобы онъ послалъ гребныя суда для промѣра глубины въ проливѣ между Дервишемъ и подводнымъ островомъ, находящимся между Дервишемъ и Огурчинскимъ. Ратьковъ самъ пріѣзжалъ къ нимъ и распорядился для исполненія сего, назначивъ два гребныя судна и четырехъ офицеровъ.

29-го я поѣхалъ съ Катани на верблюдахъ на средину острова. Первое мое направленіе было нѣсколько отклоняясь къ Западу отъ Сѣвера. Проѣхавъ семь верстъ голой равниной, я выѣхалъ въ горы, которыя тянутся съ восточной оконечности острова на западную. Горы сіи заключаютъ необыкновенное количество нефти; во многихъ мѣстахъ нефть съ давнихъ временъ, вытекая изъ колодцевъ, окаменѣла и образовала цѣлые бугры и большіе нефтяные камни. Изъ ущелій вытекаетъ рѣчка съ соленой водой, которая, спустившись на степь, теряется въ землѣ. Воды сіи вытекаютъ изъ родниковъ и влекутъ съ собою нефть, которая останавливается въ большихъ вырытыхъ для сего ямахъ, выпуская снизу воду. Съ вершины горы я поворотилъ налѣво и ѣхалъ по хребту еще верстъ восемь. Мнѣ открылось море и сѣверный заливъ Челекени; я не могъ видѣть сѣверной косы и Красноводска, потому что погода была не ясная, но я былъ не болѣе какъ въ пяти верстахъ отъ сѣвернаго берега, покрытаго высокими песчаными буграми. Весь хребетъ, склоняющійся къ западному берегу, усѣянъ нефтяными колодцами, принадлежащими разнымъ хозяевамъ. Сверхъ того собралъ я нѣсколько камней, весьма похожихъ на антимоній; по всѣмъ признакамъ ихъ можно тамъ найти въ большомъ количествѣ. Сверхъ сего еще имѣется тамъ земля, которая, будучи разведена на водѣ, даетъ краску рыжаго цвѣта. Въ двухъ мѣстахъ я видѣлъ тоже ручьи горячей воды, вытекающей изъ нефти, которые должны заключать сѣру; жители говорятъ, что воды сіи цѣлительныя.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ сія цѣпь кончается, островъ выдается мысомъ. На семъ мысу особенныя горы, которыя отдѣлены отъ цѣпи и

другаго цвѣта и свойствъ; въ нихъ есть обрывы и значительныя крутизны, въ которыхъ соленыя и горячія воды въ смѣси съ нефтью падаютъ каскадами, что̀ составляетъ довольно пріятный видъ. Отъ сихъ горъ я поѣхалъ къ двумъ кибиткамъ, находящимся южнѣе при колодцѣ Лачинъ, верстахъ въ двухъ отъ моря, а оттуда возвратился къ кочевью Ахъ-Акенъ. Я имѣлъ съ собою компасъ, посредствомъ котораго я сдѣлалъ глазомѣрную съемку тѣмъ мѣстамъ.

30-го Іюня въ полдень я началъ съемку южнаго берега Челекеня, отъ мѣста стоянки нашей въ лѣво, до косы Дервишской и ночевалъ на вершинѣ залива называющагося Кара-гёлъ.

1-го Іюля я пошелъ на Югъ по косѣ. Сильнѣйшій жаръ и глубокіе пески меня совершенно изнурили; вода наша приходила къ концу, и мы находились въ нуждѣ; жаръ и пески утомили меня до того, что я два раза, выбившись изъ силъ, принужденъ былъ лечь, не могши ни шагу впередъ подвинуться. Того же числа, ввечеру еще нѣсколько, я расположился лагеремъ на западномъ берегу косы; видѣлъ гребныя суда, отправленныя съ мичманомъ Николаевымъ для промѣриванія пролива между Дервишемъ и Огурчинскимъ; я дѣлалъ ему залпы изъ ружей, дабы онъ присталъ къ берегу, но онъ продолжалъ путь свой и отозвался тѣмъ, что не видалъ моего сигнала. Туркмены, коихъ при мнѣ было 9 человѣкъ для услуги, были мнѣ только въ тягость: хотя я имъ раза четыре до отправленія моего приказывалъ взять съ собою воды, отвѣчая съ своей стороны за продовольствіе ихъ, но они взяли воды только на полсутки, въ морѣ выпили ее и стали приставать ко мнѣ за оной. Пятерыхъ отослалъ я назадъ, а 4 со мной остались; продовольствіе, которое я имъ давалъ, они отправили въ кочевье свое, а у меня еще просили. Съ отправленными Туркменами я послалъ записку къ Ратькову, прося его о присылкѣ ко мнѣ воды и лодокъ для отплытія назадъ.

2-го поутру я продолжалъ съемку съ оконечности косы и увидѣлъ плывущія ко мнѣ два гребныя суда; они привезли ко мнѣ воды. Окончивши съемку, я отправился назадъ и послѣ полудня прибылъ на суда. Солнце обожгло плечи мои и спину до такой степени, что я съ трудомъ могъ поворачиваться.

Дервишъ соединенъ съ Челекенью; но на перешейкѣ, соединяющимъ ихъ, видны слѣды моря. Рыбы, оставшіяся на семъ перешейкѣ, доказываютъ сіе. Коса имѣетъ около 15 верстъ въ длину и двухъ въ ширину; пески покрываютъ почти всю косу, на коей копанцы оказываются всѣ съ соленой водой. Между тѣмъ какъ я занимался съемкой косы, Рюминъ ѣздилъ во внутренность Челекеня и снялъ видъ съ каскада горячей минеральной воды, находящагося въ западной сторонѣ

онаго; а мичманъ Николаевъ нашелъ форватеръ въ $3^1/_2$ сажени между Дервишемъ и Огурчинскимъ островами.

3-го числа я не съѣзжалъ съ судна; хотѣлъ отдохнуть отъ трудовъ, понесенныхъ мною, но не удалось. Я наносилъ съемку свою и изготовлялся къ другой. Лейтенантъ Ратьковъ между тѣмъ занемогъ очень крѣпко: съ нимъ сдѣлался припадокъ сумашествія, какъ и прежде съ нимъ бывало, отъ неумѣренности въ питьѣ.

4-го около полудня я съѣхалъ на берегъ и пошелъ на право южнымъ берегомъ Нефтянаго. До вечера я прошелъ около 10 верстъ и остановился ночевать на берегу; со мной ночевали и два гребныя суда, которыя были посланы подъ начальствомъ Николаева для измѣренія глубинъ. На семъ переходѣ я шелъ мимо древняго кладбища, называющагося Огумене; оно расположено на бугрѣ, около могилы Огумене (названіе женщины, которой Туркмены приписываютъ святость); могила сія обложена черепицами и рогами отъ горныхъ барановъ; сіи рога тоже воткнуты въ землю надъ всѣми другими могилами. Остовы похороненныхъ людей всѣ снаружи, потому что вѣтеръ смелъ песокъ, въ которомъ они были зарыты.

5-го числа я пошелъ далѣе на Востокъ и дошелъ къ вечеру до оконечности острова по глубокимъ пескамъ, имѣя на Югѣ заливъ, окруженный песчаными островами. Острова сіи, въ числѣ 62-хъ, имѣютъ всѣ особенныя названія и тянутся по восточной сторонѣ Челекеня къ Сѣверу, составляя между собою и Нефтянымъ проливъ, соединяющій южную Челекенскую бухту съ Красноводскимъ заливомъ.

6-го я отправилъ гребныя суда назадъ, приказавъ сдѣлать промѣры по заливу, а Катани оставилъ съ инструментами и людьми, чтобы снять песчаную высокую косу Гюнъ-Черюншеръ, идущую на Югъ; а самъ, взявши четверыхъ человѣкъ съ ружьями, поѣхалъ на верблюдѣ по срединѣ острова горами и къ вечеру послѣ безъ малаго 30 верстнаго перехода прибылъ къ судамъ, утомленный жаромъ и песками, которые на семъ островѣ несносны. Верстахъ въ четырехъ отъ восточной оконечности острова я видѣлъ солончакъ, изъ котораго Туркмены прежде добывали соль и продавали ее Русскимъ промышленникамъ, пріѣзжавшимъ къ нимъ за солью, но со времени соляныхъ откуповъ въ Бакѣ сей промыслъ запрещенъ. Персіяне не покупаютъ соли у Туркменъ, имѣя въ Астрабадѣ свои собственныя соляныя озера, и потому Челекенская соль остается теперь безъ всякаго употребленія. Старшина Таганъ-Ніасъ, бывшій въ 1820 году съ Кіатомъ въ Тифлисѣ, нынѣ ѣздилъ со мной; я получилъ отъ него слѣдующія свѣдѣнія о количествѣ нефти вывозимой ежегодно съ сего острова въ Персію. Однѣ обывательскія лодки вывозятъ оной 40.000 пудовъ, кото-

рую въ Астрабадѣ продаютъ. Промыслъ сей могъ безъ мѣры увеличиться, еслибъ лѣнь и малыя средства жителей не препятствовали имъ въ томъ. Кромѣ сего количества Персидскіе солдаты приходятъ ежегодно изъ Мазандрана и вывозятъ до 20.000 пудовъ нефти, которую они вымѣниваютъ на хлѣбъ. Соль ихъ прежде продавалась 23 пуда за 1 р. серебромъ. Соль сія каменная и въ большомъ количествѣ. Нефть и соль, богатѣйшія произведенія, однѣ могутъ только насъ привлечь къ сему острову, на которомъ едва могутъ люди жить.

По возвращеніи моемъ я заходилъ къ Кіату и узналъ отъ него, что Астрабадскій ханъ посылаетъ людей, чтобы его захватить. Должно взять самыя сильныя мѣры осторожности и для меня: ибо я имѣю со всѣхъ сторонъ непріятелей и вѣроломныхъ обывателей, которые за одинъ реалъ готовы продать своихъ ближнихъ родственниковъ. Въ путешествіи моемъ на Балканъ я долженъ тоже остерегаться Хивинскаго хана, который вѣрно будетъ посылать людей, дабы меня схватить. Туркмены по крайней мѣрѣ боятся сего и путешествія моего на Балканъ.

7-го я дѣлалъ празднество для Туркменъ въ кочевьѣ ихъ, искормилъ имъ 7 пудъ пшена; послѣ чего дѣлалъ игрища въ борьбѣ, въ бѣганіи, въ скачкѣ, въ стрѣльбѣ изъ пищалей и изъ луковъ. Я давалъ по реалу побѣдителямъ, при чемъ было видно ихъ малое искусство, алчность къ деньгамъ и всѣ подобныя плутовскія замашки для полученія денегъ. Послѣ сего я пустилъ нѣсколько ракетъ и швермановъ, чтò крайне удивило Туркменъ. Послѣ того я роздалъ подарки старшинамъ, сказавъ всякому какое нибудь привѣтствіе, сказочку или притчу. Я удовольствовалъ малымъ количествомъ многихъ.

8-го числа я занялся сборами въ дорогу, ибо намѣревался предпринять сухопутное путешествіе съ инструментомъ по западному берегу острова. Я велѣлъ изготовить 14 верблюдовъ для подъема воды и тяжестей и нѣсколько Туркменъ для провожденія насъ и ввечеру отправилъ обозъ съ командою, изъ 23 человѣкъ состоящей, къ Карагёлу на западный берегъ острова, гдѣ начинается Дервишская коса, на ночлегъ.

9-го числа я вручилъ Юрьеву предписаніе на имя Ратькова, который еще несовершенно выздоровѣлъ отъ своего припадка сумашествія, дабы суда плыли съ первымъ попутнымъ вѣтромъ къ оконечности косы Копалча, находящейся на сѣверной сторонѣ острова, гдѣ, взявши меня, пойдутъ къ Балкуинскому колодцу; а самъ поплылъ на лодкѣ къ Карагёлу, гдѣ нашелъ команду и началъ работу. Къ вечеру мы зашли въ глубочайшіе пески, изнурились и остановились ночевать на берегу моря. Бурдюки наши съ водой начали течь, и я, боясь, чтобы не остаться безъ оной, послалъ въ туже ночь четырехъ

солдатъ къ двумъ кибиткамъ недалеко отстоящимъ для добыванія оной; они пришли поздно и привезли только два бурдюка.

10-го я пустился впередъ съ инструментомъ и около полудня пришелъ къ началу косы, гдѣ сталъ лагеремъ и, ожидая судовъ, дабы идти на конецъ косы, гдѣ бы я былъ въ противномъ случаѣ удаленъ отъ воды, которой теперь сдѣлалъ запасъ на недѣлю, изъ кочевья отлежащаго отсюда верстъ на 6, къ сѣверному берегу острова, и состоящаго изъ 10-ти семействъ, которыя запаслись на нѣсколько времени дождевой водой. Сильный сѣверный вѣтеръ, продолжавшійся два дня сряду, заносилъ насъ пескомъ и препятствовалъ вѣроятно судамъ выйдти изъ бухты. Положеніе мое будетъ очень тѣсное, если они чрезъ 7 дней не покажутся; я взялъ здѣсь всѣ предосторожности въ случаѣ нападенія Туркменъ; по ночамъ обвожусь цѣпью часовыхъ.

11-го числа я стоялъ безъ дѣйствія; сильный вѣтеръ не утихалъ, судовъ не было видно, и я боялся идти на конецъ косы, дабы не отдалиться отъ воды, которую я могъ добывать изъ кочевья ближайшаго.

12-го поутру показались суда, они стали на якорь противъ моего лагеря. Юрьевъ съѣхалъ ко мнѣ и по прежнему находилъ затрудненіе въ измѣреніи глубины около косы Копалчи; но я, не смотря на него, далъ предписаніе Ратькову спустить гребныя суда и приказалъ двумъ офицерамъ измѣрить глубины по обѣимъ сторонамъ косы Копалчи, на оконечности оной и въ заливѣ по правой сторонѣ находящемся; между тѣмъ плыть съ судами на восточную сторону косы и равняться на ночлегахъ съ моимъ лагеремъ, а самъ послѣ полдня снялся и пошелъ съ инструментомъ къ сѣверной оконечности. Я въ тотъ день прошелъ только 7 верстъ; верблюдовъ я отпустилъ назадъ и нанялъ Туркестанскую лодку въ кочевьѣ для доставленія вещей моихъ около восточнаго берега косы. Туркменъ, который нанялся, все время спалъ; люди мои, не умѣя обращаться съ киржимомъ, тащили его на себѣ и пришли часу въ 1-мъ или 2-мъ ночи къ ночлегу; но я удивился, что суда, не слѣдуя моему предписанію при способномъ для нихъ вѣтрѣ, легли на якорь, не обойдя косы и не дойдя оконечности оной еще 6-ю верстами.

13-го числа въ полдень я пошелъ далѣе и къ вечеру дошелъ до конца косы, гдѣ расположился лагеремъ, и увидѣлъ гребныя суда, дѣлающія промѣры на оконечности косы. Я тутъ же нашелъ бударку съ пакетбота и, сѣвъ на нее, въ туже ночь прибылъ на пакетботъ. Ратьковъ оправлялся отъ своей болѣзни. Я спросилъ, не вѣтеръ ли былъ причиною тому, что онъ остановился на якорѣ не обойдя косы 12 числа. 13-го былъ вѣтеръ способный для плытія въ култукъ и еслибъ онъ тогда обошелъ косу, то легко бы могъ прибыть въ кул-

тукъ. Онъ сказалъ мнѣ, что вѣтеръ былъ сему причиною. Отъ него я прибылъ на транспортъ и спросилъ Юрьева о причинѣ, по которой они легли на якорь, не исполнивъ моего требованія. Юрьевъ сказалъ мнѣ, что вѣтеръ былъ спокойный, но что вѣрно Ратьковъ не счелъ за нужное заходить за косу. Я полагалъ, что Юрьевъ былъ причиною сего ослушанія, ибо онъ съ неудовольствіемъ поплылъ отъ меня 12 числа, не желая спускать гребныхъ судовъ, къ Ратькову и, зная его слабость, отсовѣтовалъ ему слѣдовать моему предписанію; видъ же, съ которымъ онъ мнѣ далъ сей отвѣтъ, удостовѣрялъ меня въ истинѣ моего предположенія, и потому 14-го числа вчера, сѣвъ съ командой на суда, я предписалъ Ратькову плыть къ Балкуинскимъ или Медовымъ колодцамъ, взявъ всѣ возможныя осторожности противъ нападенія отъ Туркменъ, которые по словамъ Кіата, подстрекаемые ханами Хивинскимъ и Астрабадскимъ, намѣреваются нападать на насъ. Я между тѣмъ спросилъ его, почему онъ не исполнилъ моего повелѣнія, представя ему, что если онъ имѣлъ на сіе законныя причины, то долженъ былъ объяснить ихъ мнѣ. Бумага моя была написана довольно строго и съ выговоромъ.

14-го передъ полднемъ мы снялись съ якоря и за неимѣніемъ вѣтра остановились въ виду Балкуинскихъ горъ. Онѣ казались намъ очень близки, и передъ вечеромъ я, взявъ 2 взвода солдатъ, отправился къ берегу съ Юрьевымъ и Рюминымъ для отысканія колодцевъ Балкуинскихъ. Горы, казавшіяся намъ близкими, были еще отдалены, и мы приплыли къ берегу послѣ захожденія солнца, пройдя около 15 верстъ. Я нашелъ колодцы Балкуи, въ коихъ вода была очень хороша, но не успѣлъ сходить къ Моисееву роднику и возвратился въ 10 часовъ вечера на транспортъ. Ратьковъ отвѣчалъ мнѣ, что онъ противъ Копалчи остановился на якорь за противнымъ вѣтромъ, что́ совершенно ложно, и я долженъ преставить буду объ ослушаніи его (коему причиною кажется Юрьевъ) начальству. Кіатъ вчера былъ со мной; онъ надоѣлъ мнѣ своими прихотьми и капризами, причиною которыхъ то, что я прочихъ Туркменъ, бывшихъ со мной на Копалчѣ, отправилъ въ Красноводскъ на ихъ же ладьѣ, не давъ имъ съ собою продовольствія, коимъ ихъ насытить нельзя. Службы отъ нихъ никакой нѣтъ, и они съ 1819 года привыкли считать насъ своими данниками; я принужденъ буду силою вывести ихъ изъ сего заблужденія.

15-го мы подвинулись ближе къ берегу и бросили якорь въ одной или полуторѣ верстѣ отъ берега, на $2^1/_2$ саженяхъ глубины. Я съѣхалъ на берегъ съ прикрытіемъ двухъ взводовъ солдатъ и съ нѣсколькими рабочими, для отысканія родника, называющагося Моисеевымъ. Въ 1819 г., когда я былъ въ Хивѣ, матросы отыскали его и, какъ Турк-

мены разсказывали, что какой-то пророкъ, нуждаясь въ водѣ, ударилъ жезломъ скалу, изъ которой побѣжала вода, то по сходству сего происшествія съ приключеніемъ Моисея и Израильтянъ въ пустынѣ матросы назвали сей родникъ Моисеевымъ. Вѣроятно, что жители отъ сего происшествія взяли свой разсказъ. Отправляясь на берегъ, Кіатъ говорилъ мнѣ, что должно заплатить два реала хозяину сего родника, живущаго на Красноводской косѣ, что хозяинъ сей есть потомокъ того пророка и издавна пользуется сими правами. Я ему отвѣчалъ наотрѣзъ, что я напрасно денегъ раздавать не намѣренъ, поѣхалъ, отыскалъ воду и велѣлъ разчищать родникъ. Вода сія хранится въ каменномъ ущельѣ, кажется въ небольшомъ количествѣ, и повидимому должна быть дождевая. Малое отверстіе, ведущее въ пещеру, въ которой сія вода хранится, препятствуетъ перемѣнѣ воздуха, и оттого вода сгнила и испущаетъ тяжелый, противный запахъ. При томъ же дикіе голуби, имѣющіе при семъ мѣстѣ свое жилище, засорили совершенно воду. Я началъ обрывать яму, выламывая большіе каменья, послѣ сталъ вычерпывать воду; къ вечеру работа наша еще не кончилась, и я возвратился на суда. Сильный вѣтеръ, продолжавшійся цѣлый день, не позволилъ морскимъ наливаться водой. Идя назадъ отъ Моисеева родника, я шелъ мимо кладбища Туркменскаго; у нѣкоторыхъ могилъ были поставлены памятники изъ бѣлаго камня съ высѣченными названіями похороненныхъ; среди ихъ груда камней, обложенная туровыми рогами, означала могилу какого-то важнаго и боголюбиваго старшины, умершаго въ старые годы. Изъ средины сихъ роговъ возвышался шестъ, на которомъ было навѣшано множество тряпокъ (жертвоприношенія Туркменъ). Моисеевъ родникъ лежитъ въ скалахъ, составляющихъ второй рядъ горъ, окружающихъ колодезь Балкуи. Дабы ихъ найти, должно отъ Балкуи идти близъ полверсты направо берегомъ и дойдя до оконечности перваго ряда каменныхъ горъ до другаго колодца. Тутъ должно поворотить налѣво въ ущелье, тянущееся между обоими рядами скалъ, дойти до вышеупомянутаго кладбища, а тамъ поворотясь нѣсколько направо находится родникъ между скалами, во второй цѣпи горъ.

16-го цѣлый день занимались на берегу очищеніемъ родника и всю воду вылили изъ онаго; на судахъ же морскіе занимались налитіемъ своихъ бочекъ водой.

17-го я ходилъ на берегъ отыскивать родникъ, который я видѣлъ въ ущельѣ въ лѣвой сторонѣ отъ горъ, искалъ его и не нашелъ; онъ, кажется, исчезъ. Въ Моисеевомъ же родникѣ духъ отъ воды сталъ не такъ тяжелъ и, кажется, что вода должна быть изъ родника. Между тѣмъ киржимъ, полный Туркменовъ, пріѣхалъ изъ Красноводска;

въ томъ числѣ были Таганъ-Ніасъ и Хидыръ. Я ихъ взялъ на судно, а прочихъ отпустилъ, и даже не накормилъ ихъ, какъ они сего ожидали. Въ числѣ отпущенныхъ былъ Алеке, пріѣхавшій изъ Челекени съ киржимомъ, и нѣкто Куветъ, который въ 1819 г. изъ Хивы со мной пріѣхалъ. Онъ нынѣ ѣхалъ въ Хиву, и я ему далъ письмо къ Юзъ-Башѣ-Ешъ-Незеру.

18-го я хотѣлъ съ судами подвинуться къ Красноводской косѣ, дабы, съѣхавъ на берегъ и обозрѣвъ ее, выбрать мѣсто выгодное для укрѣпленія, гдѣ бы я могъ держаться по отплытіи транспорта; но вѣтеръ былъ неспособный, и мы простояли цѣлый день на якорѣ безъ всякаго дѣла.

19-го по утру вѣтеръ былъ неспособный. Въ ожиданіи хорошаго я высадилъ пѣхоту на берегъ къ Балкуинскому колодцу, приказавъ ей идти берегомъ до верху Красноводскаго култука; вскорѣ послѣ сего вѣтеръ перемѣнился, мы поплыли и остановились на якорѣ въ одной верстѣ отъ берега. Я съѣхалъ въ намѣреніи перейти черезъ косу и увидѣть колодцы Сегрешемъ, лежащіе по западному берегу косы; но команды моей еще не было, и я не хотѣлъ пуститься туда безъ прикрытія. Я безпокоился о томъ, что люди долго шли, боясь, чтобы на нихъ не было нападенія, и потому послалъ къ нимъ остальныхъ четырехъ на встрѣчу. Ихъ нашли на вершинѣ култука, какъ имъ приказано было; мы же пристали верстами 10-ю южнѣе. Послѣ полудня только команда пришла и заняла лагерь, приготовленный на берегу. До слѣдующаго утра я ничего не предпринималъ.

20-го по утру я ходилъ къ Сегрешему; до него было верстъ до 10. Назадъ досталось мнѣ идти въ сильный жаръ. Воду изъ сихъ колодцевъ можно пить. Таганъ-Ніасъ говорилъ мнѣ, что верстъ 5 еще далѣе, если вырыть колодезь, то вода покажется очень хорошая; но, изнурившись и мало надѣясь на слова Туркменъ, я не ходилъ далѣе. По возвращеніи моемъ въ лагерь я выбралъ мѣсто для своего укрѣпленія, нѣсколько на Сѣверъ отъ своего лагеря, на вдающемся въ море небольшомъ мысу, и отправилъ одно гребное судно съ Таганъ Ніасомъ на оконечность косы Красноводской, для привезенія ко мнѣ киржима, бараковъ и кибитки для Туркменъ. Ходя по косѣ, я видѣлъ большихъ ящерицъ съ красными ушами; онѣ похожи на маленькихъ собачекъ, бросаются на людей и зубами ухватываются очень крѣпко.

21-го я заложилъ крѣпость или укрѣпленіе подлѣ своего лагеря, о четырехъ бастіонахъ. Вчера работа была довольно успѣшна; къ вечеру кончили больше двухъ бастіоновъ. Туркменовъ стало много набираться въ лагерь; вчера ихъ до 15-ти уже было. Вчера возвра-

тилось судно, посланное въ Красноводскъ; оно привезло мнѣ на образецъ воды Красноводской, которая довольно хороша.

24-го я созвалъ всѣхъ морскихъ офицеровъ къ себѣ на завтракъ, служилъ молебствіе въ крѣпости, освятилъ ее и назвалъ Вознесенскою; но она еще не была кончена, и потому работа продолжалась до полдня 27-го числа. Укрѣпленіе мое примкнуто къ крутому берегу моря, отстоящаго отъ берега саженяхъ въ 8-ми; крутизна сія песчаная, имѣетъ около 2-хъ саженъ въ вышину и впадаетъ маленькимъ мыскомъ въ море. На семъ мысу сложена у меня небольшая батарея изъ мѣшковъ, набитыхъ пескомъ, къ которой приставлено мое орудіе и караульная. Отъ сего мыса вправо и влѣво на 12 саженъ построены два бастіона, соединяющіеся съ двумя другими бастіонами отнесенными въ степь, тоже соединенные куртиною, такъ что все укрѣпленіе мое, имѣющее 40 саженъ въ окружности, состоитъ изъ четырехъ бастіононъ вышиною въ два аршина, соединенныхъ тремя куртинами. На всякомъ бастіонѣ стоитъ по орудію съ пакетбота. Къ морю же съ обѣихъ сторонъ укрѣпленія отъ крайнихъ бастіоновъ будутъ еще проведены стѣны. Пороховой погребъ, выстроенный изъ камня, покрытъ желѣзомъ, юфтями и пескомъ, и печка сдѣлана въ крутомъ берегу.

25-го и 26-го я занимался бумагами для отправленія транспорта, который 26-го ушелъ къ Балкуинскимъ колодцамъ для запасенія себя водой.

27-го послѣ обѣда я перешелъ въ крѣпость и устроилъ все въ порядкѣ. Глядя на нее, кажется невѣроятнымъ, чтобы 40 человѣкъ могли въ пять дней кончить такое строеніе.

28-го транспортъ «Кура» отправился отъ колодцевъ Балкуи обратно въ Баку. Вечеру Ратьковъ съѣзжалъ на берегъ, былъ долго и разсказывалъ мнѣ свои походы въ Америкѣ, въ Индіи и проч. Онъ воздерживается отъ пьянства и начинаетъ поправляться здоровьемъ.

30-го съ разсвѣтомъ я началъ съемку, взявши съ собою артилерійскихъ офицеровъ, 21 человѣка пѣхоты и шестерку, которую я нагрузилъ водою и провіантомъ. Я началъ съемку треугольниками на Югъ и, прошедши пять верстъ, остановился на ночлегъ на восточномъ берегу косы противъ берега, называющагося Кара-баба.

31-го я подвинулся со съемкой версты на четыре впередъ и остановился лагеремъ на узкомъ мѣстѣ косы. Она здѣсь не имѣетъ болѣе 70 саженъ ширины; вода на ней оказывается прѣсная, если разгрести песокъ неглубже аршина или полтора; если же глубже сего рыть, то вода оказывается горькой и соленая. Несчетное множество всякаго рода змѣй населяютъ здѣшнія мѣста. Нельзя тоже жаловаться

на недостатокъ всякаго рода ядовитыхъ насѣкомыхъ, какъ то скорпіоновъ, тарантулъ и проч. Въ Вознесенскомъ укрѣпленіи всякой день бивали по нѣскольку змѣй и много скорпіоновъ и тарантулъ въ нашихъ палаткахъ; вчера же ввечеру скорпіонъ ужалилъ Рюмина въ палецъ. Боль была очень сильная по словамъ его и не дала ему всю ночь спать, но дурныхъ послѣдствій не имѣла. Жители говорятъ, что здѣшніе скорпіоны несмертельны, но что напротивъ того тарантулы и горныя змѣи причиняютъ смерть своимъ ужаливаніемъ.

2-го Августа. Я поѣхалъ поутру въ Вознесенское укрѣпленіе, чтобы видѣть успѣхъ работъ. Я нашелъ стѣны отъ крайнихъ бастіоновъ къ морю довольно подвинутыми и трехъ легко больныхъ въ лагерѣ, въ томъ числѣ одного уязвленнаго скорпіономъ. Число ядовитыхъ насѣкомыхъ на сей косѣ небыкновенно велико: мы здѣсь убили разъ на 2 верстахъ 34 змѣи. Я обѣдалъ на пакетботѣ у Ратькова и отправилъ Туркменскій киржимъ на Дарджу къ муллѣ Каибу, за баранами и дровами. Мы уже нѣсколько дней не имѣемъ мяса.

Послѣ полдня я возвратился къ палаткамъ, продолжалъ съемку и нынѣшнюю ночь ночевалъ верстахъ въ 14-ти отъ крѣпости Вознесенской, при урочищѣ, называющемся Ала-дёпе. Вознесенское укрѣпленіе названо мною по здѣшнему Мурадабадъ, чтò значитъ Мурадомъ построенная. Мурадъ есть имя, данное мнѣ Туркменами, когда я въ Хиву отправлялся; оно значитъ *рѣшительное намѣреніе.*

3-го. Я подвинулся до урочища Гельче, гдѣ остался ночевать верстахъ въ 4-хъ отъ кочевья Красноводскаго, находящагося на концѣ косы. Я взялъ всѣ осторожности ночью, на случай нападенія. Ввечеру перехватили мы лодку, идущую отъ Балкуинскихъ горъ къ Красноводску; на ней было четыре человѣка, въ томъ числѣ и тотъ Туркменъ, который не задолго до пріѣзда нашего убилъ своего роднаго брата ножемъ, бѣжалъ и скрывался въ горахъ. Услышавъ, что сынъ убитаго имъ брата, мальчикъ 15 лѣтъ, ищущій дядю своего, чтобы его убить, уѣхалъ въ кочевье къ Гаджи-Ишану, чтò близъ Карабугаза, онъ возвращался къ своей кибиткѣ. Племянникъ его мирится съ нимъ, какъ говорятъ, за двухъ дѣвъ, которыя должны замѣнить сыну потерю отца. Одинъ изъ товарищей сего убійцы сказалъ одному изъ солдатъ моихъ Татарину, что въ кочевьѣ у Ишана есть Русскій невольникъ Муздуръ, взятый уже шесть лѣтъ въ плѣнъ; не могли порядочно узнать имени его хозяина.

4-го. Я продолжалъ поутру съемку и остановился къ полдню верстахъ въ 2 или 3-хъ отъ конца косы. Послѣ обѣда навѣстили меня всѣ старшины здѣшняго кочевья; въ томъ числѣ былъ и тотъ, который сказывалъ намъ прежде о Муздурскомъ невольникѣ. Я привелъ

его къ себѣ въ палатку тайкомъ и распросилъ. Хозяинъ сего невольника Іомудъ, поколѣнія Акъ, живетъ въ кочевьѣ у Ишана близъ Карабагаза; имя его Оразъ-Магмедъ, сынъ его зовется Курбанъ. Невольникъ Алексѣй; его хотѣли принудить къ принятію магометанской вѣры, но онъ устоялъ въ христіанствѣ. Доносщикъ самъ называется Балта; онъ поколѣнія Шихъ и обѣщался мнѣ выпросить несчастнаго. По прибытіи въ крѣпость я возьму всѣ мѣры, дабы выручить его.

5-го. Я началъ съемку конца косы, въ маштабѣ 5-ти дюймовъ въ верстѣ; я не успѣлъ окончить всѣхъ засѣчекъ на правомъ берегу косы и пробылъ цѣлый день на солнцѣ. Жаръ былъ очень сильный. Кочевье, здѣсь находящееся, состоитъ изъ 46 кибитокъ бѣдныхъ Туркменъ, коихъ большая часть состоитъ изъ Туркменъ Мангишлакскихъ и другихъ воровскихъ поколѣній. Вчера пріѣхали ко мнѣ изъ Атрека Сеидъ и Кульчи, ѣздившіе со мной въ Хиву; я ихъ отдалъ до возвращенія моего въ крѣпость въ гости къ одному Іомуду здѣшняго кочевья.

6-го и 7-го чиселъ. Я все продолжалъ съемку косы. На мѣстѣ нашего лагеря вырыли колодцы, въ коихъ вода показалась прѣсная; но роя яму глыбже, вода становилась горькая; вообще по всей косѣ Красноводской, начиная отъ возвышенія Кара-Баба, отстоящаго на 5 верстъ отъ Вознесенскаго на Югъ, показывается прѣсная вода въ каналахъ, но разныхъ свойствъ: иную можно только въ самой крайней нуждѣ пить, лучшая же изъ сихъ водъ имѣетъ вкусъ солоноватый и непріятный; она большею частію находится на западномъ берегу косы и на южной оконечности оной.

8-го. Я кончилъ до полудня съемку Красноводской косы. Передъ отплытіемъ своимъ я сходилъ на остатки укрѣпленія Петра Великаго, находящагося на концѣ косы, при самомъ раздвоеніи оной. Валъ, ровъ и бастіоны довольно еще примѣтны, хотя море залило сіи мѣста. По отбытіи Русскихъ они заросли мѣстами камышемъ, въ которомъ водится безчисленное множество змѣй. Укрѣпленіе было довольно обширно и могло содержать до тысячи человѣкъ. Впереди онаго сдѣлана была пристройка, родъ кронверка; мѣста для 3 орудій очень примѣтны въ бастіонахъ. Валъ, нынѣ смытый моремъ, сравнялся съ платформами; все укрѣпленіе построено безъ камня, но внутри его видны обломки жженныхъ кирпичей и чернаго камня, привезеннаго изъ Балкуи. Я рылъ мѣстахъ въ 20-ти по всему укрѣпленію и кромѣ горько-соленой воды ничего не нашелъ; но когда сталъ рыть въ передовомъ кронверкѣ, то нашелъ кладбище. Мертвыхъ зарывали безъ гробовъ, но яму обставляли высокими кольями, которые съ боковъ забирали досками; колья всѣ еще цѣлы, однакоже сгнили. Въ одной могилѣ я нашелъ мѣдную пуговицу и грошъ или денежку. Я также на-

шелъ желѣзную окись, слѣпившую ракушу съ пескомъ; разломавъ оную, видны слѣды четвероугольныхъ гвоздей, но гвоздя самаго нѣтъ. Сверхъ того еще нашлись въ могилахъ сосновыя шишки, кости, подметки съ каблуками и тряпки, коихъ часть была слѣплена какъ будто кровью. По всему же укрѣпленію видны были мѣстами уголья, кирпичи и деревянныя вещи, какъ-то снасти къ неводу и нѣсколько кожанныхъ каблуковъ. Передъ полднемъ, окончивъ поиски, я отплылъ и ввечеру прибылъ въ Вознесенское, гдѣ я нашелъ работу почти конченную и крѣпость обнесенную рвомъ, въ кибиткѣ же у Кіата множество голодныхъ Туркменъ, которые пришли его объѣдать; ибо я уже давно ничего не даю симъ гостямъ. Оразъ-Магмедъ, хозяинъ Русскаго невольника, уѣхалъ недавно въ Мангышлакъ за 400 барановъ, которыхъ у него угнали. Дабы его заманить къ намъ въ крѣпость, я сказалъ Кіату, что буде ему краденныхъ барановъ не возвратятъ, то я напишу письмо къ Туркменамъ Мангышлака, въ которомъ я имъ буду грозить нападеніемъ, если они не возворотятъ барановъ. Другую мѣру я взялъ слѣдующую: я обѣщался мѣнять хлѣбъ на барановъ, для привлеченія Туркменъ къ себѣ; если сіи средства мнѣ не удадутся, тогда я буду дѣйствовать явно силою. У Іомудовъ, нашихъ друзей, имѣется нѣсколько Русскихъ невольниковъ. Я сіе узналъ по Русскимъ надписямъ, сдѣланнымъ на арбузахъ, нынче изъ Атрека привезенныхъ. Въ залогъ сихъ послѣднихъ имѣю сына Кіата Якши-Магмеда залогомъ, и потому мнѣ должно теперь только выручить того, который у Оразъ-Магмеда находится, въ чемъ я надѣюсь успѣть.

12-го. Я ѣздилъ смотрѣть соленое озеро, которое верстахъ въ двухъ отъ укрѣпленія находится; оно имѣетъ около версты въ поперечникѣ и содержитъ наилучшую каменную соль изрозоватаго цвѣта во множествѣ. Я выломалъ нѣсколько плитъ сей соли и привезъ ихъ сюда. Мѣсто, изъ котораго выламывается плита, скоро опять наполняется составомъ соленымъ, который въ непродолжительномъ времени крѣпнетъ и становится такимъ же какъ и вырубленный кусокъ.

13-го. Я дѣлалъ испытаніе каменно-броса или балисты, которую я уже два дня работалъ. Десять человѣкъ посредствомъ веревокъ съ трудомъ могли натянуть закрученную лопатку, которая тяжести бросаетъ, отпустивши ее. Ударъ былъ очень силенъ, но размѣры орудія вѣрно не были хороши, потому что передовой камень перебросило только на двѣ или три сажени. Притомъ, если бы и лучше устроить сіе орудіе, то бы послѣ двухъ выстрѣловъ надлежало вновь закручивать веревки, которыя очень вытягивались. Намѣреніе мое было поставить нѣсколько такихъ орудій за стѣнами моего укрѣпленія; но

увидя всѣ сіи неудачи, я оставилъ намѣреніе сіе. Сегодня передъ разсвѣтомъ сдѣлалась у насъ тревога. Часовой, стоявшій на батареѣ, услышалъ крикъ за стѣной и, полагая непріятеля уже подъ укрѣпленіемъ, закричалъ *къ ружью!* Мы всѣ выскочили, и вышелъ на мѣсто непріятеля верблюдъ, который ревѣлъ; за нимъ вѣроятно волкъ гнался, ибо Туркмены наши не нашли другаго верблюда, который съ симъ всегда вмѣстѣ ходилъ. Испуганный верблюдъ забѣжалъ къ намъ въ крѣпость со стороны моря и о сю цору все еще не отходитъ отъ насъ.

15-го поутру я вышелъ изъ крѣпости и началъ съемку сѣверной оконечности Красноводской косы. Я работалъ до вечера безъ остановки, прошелъ на Сѣверъ 7 верстъ до култука Ахтіарскаго и за оный до конца каменныхъ горъ, тянущихся отъ Балкана по сѣверному берегу залива; послѣдняя гора называется Кайпата. Красноводская коса, соединяясь съ твердой землей, составляетъ заливъ, при которомъ было бы гораздо выгоднѣе для меня построить свое Вознесенское упрѣпленіе, по мѣстоположенію укрѣпленному самой природой и по близости камня и глины, находящихся на берегу моря. Я такъ было и располагалъ сначала, но имѣлъ слабость послушаться Юрьева, который, находя все невозможнымъ, отсовѣтовалъ мнѣ сіе мѣсто, не видавъ его. За послѣдней скалой Кайпаты есть Туркменское кладбище, заслуживающее, по словамъ Таганъ-Ніаса и Катани (ходившаго туда) вниманія; пещеры, разваленныя могилы и валяющіяся книги, курганы, надгробные камни съ надписями достойны примѣчанія, и я въ свободное время непремѣнно поѣду посмотрѣть сіи мѣста. Съ восточнаго берега, отпустивъ шестерку назадъ, я перешелъ на западный берегъ косы и расположился лагеремъ у колодцевъ Сегрешемъ. Коса въ семъ мѣстѣ имѣетъ четыре версты поперечника. Здѣсь прежде были огороды съ арбузами и дынями; но кочевья, прежде находившіяся въ сихъ мѣстахъ въ большомъ количествѣ, всѣ разошлись, опасаясь нападеній Тёке. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ какъ кочевья сіи были разбиты и ограблены, людей увели въ плѣнъ, и они послѣ того были выкупаемы родными за большія деньги. Могилы же убитыхъ разбросаны по нѣсколькимъ кладбищамъ, имѣющимся около здѣшнихъ мѣстъ.

Вчера поутру выѣхалъ изъ Вознесенскаго Сеидъ въ кочевье Хаджи-Ишана. Я его отправилъ въ Хиву, приказавъ ему вывѣдать тамошніе слухи о сраженіяхъ, которыя недавно будто тамъ случились, о нашемъ посольствѣ въ Бухарію и привезти одного Русскаго невольника изъ Хивы. Онъ отправился тайкомъ и долженъ черезъ 40 дней возвратиться.

14-го, выходя изъ крѣпости, я поручилъ Кузмичуку схватить Оразъ-Магмеда или сына его Курбана, хозяевъ Русскаго невольника

Алексѣя, буде они пріѣдутъ къ намъ за покупкой хлѣба, который я для сего именно обѣщался имъ нѣсколько четвертей продать.

16-го. Я продолжалъ съемку по западному берегу косы, подвигаясь на Югъ, и остановился ночевать противъ своего укрѣпленія. Поутру, прежде чѣмъ еще подниматься съ лагеря, я посылалъ Катани по берегу на Сѣверъ верстъ за шесть, къ косѣ Дарджа, на коей имѣется прекрасная прѣсная вода. Въ тѣхъ мѣстахъ земля производитъ всяваго рода плоды, но отдаленность сего мѣста отъ пристани не позволяетъ намъ избрать его для предполагаемаго заведенія.

17-го передъ полднемъ я возвратился сюда и засталъ всѣхъ оставшихся въ крѣпости людей больными поносомъ, который продолжался два дни, а на третій сталъ легче. Я полагалъ сперва, что Туркмены отравили колодецъ Балкуинскій, изъ котораго мы беремъ воду; но Туркмены пьютъ воду оттуда же, и потому подозрѣніе мое было ложное; а настоящая причина сего должна быть въ пищѣ и холодной водѣ, которую они пили послѣ работы. При томъ же на сихъ дняхъ были сильные сѣверные вѣтры. Прибывши сюда, я узналъ о дракѣ, которая случилась около Балкуинскаго колодца между матросами и Дарджинскими Туркменами, ѣздившими за водой. Туркменъ вынулъ ножъ, его отняли и послѣ отдали ему. Призвавъ урядника, я приказалъ ему привести ко мнѣ сего Туркмена, въ первый разъ какъ съ нимъ встрѣтится у колодцевъ. Сегодня ночью два волка съѣли верблюда, не болѣе какъ въ 25 саженяхъ отъ крѣпости и въ 5-ти саженяхъ отъ шалаша одного больнаго Туркмена, который живетъ за крѣпостью со старухой, своей матерью, на берегу моря.

18-го. Я посылалъ Рюмина съ инструментомъ къ заливу Ахтіарскому, серединою косы, дабы снять цѣпи покатыхъ возвышеній, тянущихся на Югъ по Красноводской косѣ. Послѣ полдня онъ возвратился, окончивъ свое дѣло. Холодъ начинаетъ быть ощутительнымъ, и погода сдѣлалась совершенно осенняя. Вода въ морѣ стала очень холодная.

Вчера ввечеру, четвертка, отъѣзжая отсюда къ пакетботу, опрокинулась на поворотѣ отъ сильнаго волненія. Люди на ней сидѣвшіе всѣ спаслись, но ружья и сумы въ ней бывшія потонули. Ратьковъ посылалъ меня просить объ водолазѣ, буде у меня таковой найдется; ихъ сыскалось двое, которые будутъ вытаскивать потонувшія ружья и сумы, какъ скоро погода затихнетъ. Нынѣшнюю ночь я посылалъ трехъ солдатъ сидѣть на убитомъ волками верблюдѣ, дабы ихъ застрѣлить; но ни одинъ изъ нихъ не показался. По слѣду сихъ звѣрей кажется, что это должны быть не волки, а гіены; ибо лапы ихъ, а особливо когти, необыкновенной величины, притомъ же слѣдъ ихъ не

волчій, и дерзость ихъ въ 15 шагахъ отъ людей съѣсть верблюда, доказываетъ, что звѣри сіи должны быть не волки, а гіены.

19. Кіатъ просился ѣхать на дняхъ въ Челекень для свершенія празднества жервоприношенія, которое у нихъ будетъ около десятаго числа сего луннаго мѣсяца, или нынѣшній годъ около 25 Августа. Я согласился. Онъ сверхъ того просилъ у меня позволенія послать шайку Туркменъ для разграбленія прибрежныхъ деревень вновь прибывшаго на воеводство въ Астрабадъ хана, личнаго непріятеля Кіату. Я отвѣчалъ ему, что онъ можетъ сіе сдѣлать, но безъ моего вѣдома. Но всѣ ихъ рѣшенія и намѣренія бываютъ только на однихъ словахъ, а дѣла никогда не бываетъ. Такъ точно мнѣ каждый день привозятъ извѣстія о шатающихся вблизи Балкана большихъ шайкахъ Туркменъ, поколѣнія Теке и Кёвленъ, о грабежахъ ихъ и о дракахъ между ними случающихся; но слухи сіи всѣ пустые. Однако извѣстіе о томъ, что Персіяне повѣсили одного важнаго старшину Туркменскаго Велъ-Кафьеръ - хана кажется справедливо, и казнь его должна быть сдѣлана по справедливости: ибо подобныхъ Туркменамъ, мошенникамъ и воришкамъ свѣтъ людей не производилъ. Я всякій день имѣю случай видѣть безчестность сихъ дикихъ людей, болѣе звѣрямъ подобныхъ. Я молчу, но настанетъ время, и кажется передъ отъѣздомъ моимъ, что они получатъ за свою безчестность и плутовство должное наказаніе. Надобно будетъ порядкомъ отодрать нѣсколько старшинъ ихъ.

Изъ кочевья Генчли прибыли сюда Туркмены съ баранами. Дабы развѣдать порядочно о Русскомъ невольникѣ, у нихъ имѣющемся, я приказалъ одному надежному и расторопному солдату познакомиться съ однимъ изъ прибывшихъ Туркменъ и объявить ему намѣреніе свое бѣжать, а между тѣмъ узнать о Русскомъ. Дѣло удалось: Туркменъ обрадовался предложенію солдата, обѣщался его увести и разсказалъ о несчастномъ невольникѣ все что̀ мы прежде о немъ слышали. Теперь я буду брать мѣры, чтобы достать сюда хозяина нашего соотечественника.

24-го. Къ удивленію моему я увидѣлъ поутру Сеида, возвращающагося на верблюдѣ. Онъ отъѣхалъ третью часть дороги до Хивы и видѣлся тамъ въ кочевьѣ съ Туркменами, которые ему сказали, что ему невозможно показаться въ Хивѣ, потому что его давно уже ханъ ищетъ убить. Сеидъ разбойникъ, и сверхъ того привозилъ меня въ Хиву: сіи двѣ причины весьма достаточны для хана, чтобъ его повѣсить. Ханъ, какъ кажется, не можетъ равнодушно вспомнить, что онъ имѣлъ глупость меня выпустить изъ Хивы. Я со своей стороны не понимаю, какая бѣшеная дерзость овладѣла мною, когда я рѣшился ѣхать къ нему. Богъ милостивый спасъ меня, и ничто не мо-

жетъ меня болѣе понудить идти на явную, мучительную и срамную смерть. Если бы судьба велѣла мнѣ попасться къ тѣмъ безчеловѣчнымъ Туркменамъ, я бы лишилъ себя жизни. Сеидъ возвратившись доставилъ мнѣ обратно всѣ деньги и вещи, коими я его на дорогу снабдилъ, кромѣ 61 реала, за которые онъ верблюда купилъ, котораго онъ сюда привелъ. «Чтò вамъ за польза была бы, сказалъ онъ, еслибъ я до Хивы доѣхалъ? Я бы вѣрно не возвратился, погибъ бы, и вы бы также никакихъ извѣстій не получили».

На сихъ дняхъ я былъ занятъ повѣркой съемки нашей, въ которой ошибка въ одномъ направленіи все покривила. Ошибка нашлась, и, кажется, сегодня все должно кончиться.

26-го Августа. Вчера возвратился Кульчи изъ кочевья Гаджи-Ишана, сказавъ мнѣ, что Оразъ-Магмедъ перекочевалъ въ другое мѣсто. Извѣстіе сіе пустое, и вѣрно Оразъ догадался о моемъ намѣреніи. Надобно приняться за другія мѣры. Сегодня, on the namsday of N. N. M. *) я ожидалъ прибытія транспорта, такъ какъ я къ 10-му числу Іюня ожидалъ судовъ въ Баку, чтò тогда и случилось; нынѣ же до сихъ поръ еще ничего не видать съ моря.

Вчера, 30-го Августа, пришло ко мнѣ 50 человѣкъ званыхъ гостей Туркменъ изъ кочевья Красноводскаго. Ихъ накормили пловомъ, послѣ сего я приказалъ разсыпать имъ 4 четверти пшеницы и отдалъ имъ ее на грабежъ; они метались какъ звѣри, разсыпали много, отнимали другъ у дружки и наконецъ разобрали пшеницу по поламъ своихъ кафтановъ. Въ девять часовъ утра священникъ служилъ въ крѣпости молебствіе, послѣ котораго команда производила бѣлый огонь изъ ружей, а изъ орудій было пущено 21 выстрѣлъ. Пакетботъ, убранный разноцвѣтными флагами, сдѣлалъ столько же выстрѣловъ. Послѣ сего Туркмены, собранные по срединѣ лагеря, прочли молитву по своему обычаю за Государя нашего. Потомъ я угостилъ морскихъ офицеровъ завтракомъ. Ратьковъ въ сей день палилъ изъ орудій и ружей до вечера; ввечеру же я освѣтилъ свое укрѣпленіе 500 плошекъ, налитыми нефтью и натраномъ, пущалъ ракеты и швермера, стрѣлялъ изъ орудій. Пакетботъ также пущалъ ракеты и производилъ огонь изъ оружей и пушекъ. Видъ былъ прекрасный, и такого празднества нельзя бы ожидать на здѣшнихъ берегахъ; Туркменовъ, накормивъ еще разъ, я отпустилъ. Они прошлую ночь всю пѣшкомъ протащились изъ своего аула, дабы поѣсть плову; ихъ накормили, и они также отправились назадъ, и старики и дѣти. Они просили у меня позволенія въ цѣль стрѣлять, полагая, что имъ будутъ по реалу

---

*) Т.-е. въ день имянинъ Н. Н. Мордвиновой (въ послѣдствіи Львовой). П. Б.

за выстрѣлъ бросать, какъ-то въ Челекенѣ было сдѣлано; но они ошиблись и, узнавши, что имъ ни гроша не будетъ, опустили головы и отправились. Иллюминація наша была хороша; но она бы еще лучше была, еслибъ не загашалъ плошки сѣверный вѣтеръ, такой сильный, какого я еще не зналъ въ здѣшнихъ мѣстахъ. Поутру порядочный дождь смочилъ нашъ лагерь.

Транспорта еще нѣтъ, но уже давно пора ему быть. Вѣтры были ему большею частью попутные. Пора намъ на Балканъ въ Кендерли и обратно въ свои домы; но всего нужнѣе намъ въ теперешнее время извѣстія отъ своихъ. Мы отдѣлены отъ обитаемаго свѣта уже третій мѣсяцъ.

1-го Сентября была у насъ тревога. Конный Туркменъ на прекрасной лошади пріѣхалъ къ намъ около 9-ти часовъ утра; видъ его, сбруя и одежда подали мнѣ подозрѣніе, что онъ долженъ быть разбойникъ. Я распрашивалъ его, узналъ, что онъ изъ кочевья Хаджи-Ишана, родомъ Барамша, поколѣнія Саланъ. Онъ былъ въ гостяхъ у Оразъ-Магмеда (хозяина Русскаго невольника) и ѣздилъ съ нимъ за украденными баранами въ Мангышлакъ. Онъ говорилъ мнѣ, что онъ теперь будетъ въ Красноводскѣ или въ Челекенѣ, куда онъ поѣхалъ для продажи масла. Поговоривъ съ нимъ не болѣе пяти минутъ, я его отпустилъ. Вслѣдъ за симъ прибѣжали ко мнѣ мои Туркмены и сказали, что пріѣхавшій Туркменъ Колиджъ объявилъ имъ, что онъ ночью, ѣхавши мимо одного колодца, видѣлъ слѣды четырнадцати лошадей и потому онъ полагалъ, что въ сосѣдствѣ нашемъ находятся разбойники. Едва онъ успѣлъ сіе сказать, какъ со всѣхъ сторонъ показались конные люди; двое изъ нихъ гнались за нашими баранами, которые въ полуторѣ верстѣ отъ крѣпости паслись; нѣкоторые приближались къ берегу Мазарли (на которомъ Рюминъ стоялъ съ утра съ четырьмя солдатами и бралъ направленія на горы), другіе скакали по буграмъ. Я послалъ въ туже минуту шесть человѣкъ къ Рюмину, приказавъ ему воротиться; другихъ я послалъ съ Кузмичукомъ на перерѣзъ тремъ ворамъ, которые гнали восемь верблюдовъ, украденныхъ ими за Карабабой, слѣдственно проѣхавъ нашу крѣпость. Какъ скоро они увидѣли, что имъ хотятъ дорогу перерѣзать, они погнали верблюдовъ въ скачь и ушли. Между тѣмъ Кульчи вскочилъ на лошадь Колиджа, поскакалъ къ Рюмину и, взявъ его на сѣдло, привезъ въ крѣпость безъ моего приказанія и, какъ кажется, по внушенію Колиджа; ибо всѣ Туркмены по словамъ его пришли ко мнѣ и сказали, что должно собрать всѣхъ людей находившихся за крѣпостью. Я велѣлъ за нимъ примѣчать. Другіе Туркмены безпокоились о уведенныхъ верблюдахъ, а болѣе о мальчикѣ Шамаметѣ, который у насъ въ крѣпости жилъ и

всякій день ходилъ версты за четыре отъ крѣпости поить верблюдовъ своего отца, уѣхавшаго въ Мангышлакъ; но Колиджъ былъ равнодушенъ и все смотрѣлъ со вниманіемъ на меня, стараясь угадать мои слова. Между тѣмъ барановъ пригнали, и остался за крѣпостью только одинъ отрядъ изъ 30-ти человѣкъ состоящій съ Кузмичукомъ, который гнался за ворами, но не могъ ихъ нагнать. Сеидъ смѣнилъ Кульчи на лошади Колиджа, погнался за хищниками, стрѣлялъ по нимъ и ранилъ одного верблюда; они по немъ стрѣляли, но не задѣли его. Онъ спрашивалъ ихъ, кто они такіе; они отвѣчали, что Теке; но они можетъ быть сіе сказали для того только, чтобы не подать на себя подозрѣнія, а можетъ быть были Іомуды. Впрочемъ Сеидъ говорилъ, что одежда ихъ была похожа на Хивинскую, и что по слѣдамъ сапогъ ихъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ они захватили Шамамета, видно было, что они должны быть изъ Хивы. Ихъ всего показалось около 18-ти человѣкъ. Я пустилъ ядро по одному изъ нихъ, который верстѣ въ полуторѣ скакалъ отъ крѣпости; его не задѣло, но ядро ударило въ землю подлѣ самой лошади его, которая испугавшись бросилась въ сторону. Когда я увидѣлъ, что ихъ болѣе нагнать нельзя и что солдаты понапрасну будутъ мучиться, бѣгая въ жаркій день въ глубокомъ пескѣ, я сдѣлалъ имъ сигналъ воротиться, а пакетботъ послалъ въ Ахтіарскій заливъ, дабы перехватить хищниковъ въ засадѣ, еслибы то возможно. Между тѣмъ я велѣлъ смотрѣть за Колиджемъ, дабы отправить его на пакетботъ по возвращеніи его, ибо на него есть сильное подозрѣніе. 1) Онъ объявилъ, что видѣлъ слѣды лошадей у колодца на разсвѣтѣ, слѣдственно онъ оставался позади ихъ; а когда онъ къ намъ пріѣзжалъ, то воры были и позади и впереди его. 2) Онъ пріѣхалъ къ баранамъ и не прямо въ крѣпость и не по дорогѣ къ крѣпости; слѣдственно надобно думать, что онъ намѣревался отогнать барановъ, или увести пастуха; но, увидѣвъ двухъ пастуховъ съ ружьями, не тронулъ ихъ. 3) Воры вслѣдъ за нимъ показались; еслибы онъ не ихъ шайки былъ, то бы его захватили. 4) Онъ говорилъ, что приказывалъ постухамъ гнать барановъ въ крѣпость, но что они, не знавши потурецки, не поняли его; изъ пастуховъ же одинъ былъ Татаринъ, и сей Татаринъ говоритъ, что онъ ихъ не предупреждалъ. 5) Татаринъ-пастухъ говоритъ, что онъ спрашивалъ ихъ, не убьютъ ли его въ крѣпости (вопросъ виновнаго), чего на допросѣ онъ не сказалъ. 6) Когда я его призвалъ, онъ мнѣ не говорилъ о хищникахъ и сказалъ сіе уже послѣ Сеиду, передъ самымъ тѣмъ временемъ какъ они показались; надобно думать, что онъ черезъ сіе хотѣлъ имъ время дать ближе подойти. 7) Когда же онъ говорилъ о ворахъ, то тотчасъ закричалъ, что надобно воротить всѣхъ людей въ

крѣпость, вѣроятно потому, что воры полагали, что Рюминъ, посланный съ солдатами на Мазарли, отрѣжетъ дорогу тѣмъ тремъ человѣкамъ, которые ѣздили за Карабабу верблюдовъ отгонять; они хотѣли, чтобы его свели, дабы имъ дать свободный проѣздъ. 8) Когда Рюминъ скакалъ назадъ на его лошади, то лошадь его все тянулась влѣво къ ворамъ, что̀ доказываетъ, что она изъ изъ шайки. 9) Онъ былъ верхомъ и говорилъ, что купилъ сію лошадь недавно, тогда какъ ему можно было на верблюдѣ ѣхать до нашей крѣпости. 10) Онъ говорилъ, что отсюда сбирался домой на Гюргень черезъ Балканъ; ему нельзя бы ѣхать, а изъ Красноводскаго тоже, потому что тутъ нѣтъ большихъ киржимовъ, да и лошадей у нихъ на лодкахъ возятъ только около береговъ. 11) Онъ поколѣнія Барамша, коего большая часть переселилась въ Хиву и въ связи съ Теке. 12) Когда я его второй разъ сталъ спрашивать, не стращая его и не показывая ни малѣйшаго подозрѣнія, онъ отъ страха сначала не могъ ничего выговорить. 13) Онъ былъ въ гостяхъ у Оразъ-Магмеда, въ кочевьи Генчли, и Оразъ-Мегмедъ, вѣрно догадавшись моего намѣренія захватить его, когда Кульчи ѣздилъ къ Хаджи-Ишану, велѣлъ сказать тогда съ Кульчей, что его дома нѣтъ, а онъ былъ дома. 14) Изъ сего кочевья Генчли ни одинъ человѣкъ не пріѣхалъ ко мнѣ на празднество 30-го Августа, вопреки моего зова. И такъ все доказываетъ его вину. Я его еще не уличалъ, но уличу и отправлю на пакетботъ; при томъ же вчера ввечеру, когда я сообщилъ свое сомнѣніе Аширъ-Магмеду, то онъ сказалъ мнѣ, что сего человѣка не знаетъ, и что мое подозрѣніе можетъ быть справедливое.

Ввечеру пришелъ ко мнѣ одинъ изъ рыбаковъ, находящихся на Дарджѣ; ихъ было девять человѣкъ, изъ нихъ восемь спаслись, но сына пришедшаго старика воры увезли; ихъ было 22 человѣка. По его словамъ онъ самъ уплылъ на лодкѣ въ море и высидѣлъ на камнѣ, торчавшемъ изъ воды, почти цѣлый день. Положеніе сего старика жалкое; онъ бѣденъ, у него отняли одного сына, который у него былъ и увезли всѣ снасти рыболовныя, которыми онъ кормился.

Вчера поутру мы видѣли на косѣ Копалчѣ большой дымъ. Я полагаю, что это долженъ быть маякъ, поданный намъ Кіатомъ, который вѣрно узналъ о семъ нападеніи и не могъ самъ сюда пріѣхать за противными вѣтрами. Если сіи хищники Хивинцы или Туркмены, посланные изъ Хивы для узнанія насъ, то ихъ должно быть болѣе 22-хъ человѣкъ; отрядъ ихъ долженъ состоять по крайней мѣрѣ изъ трехъ или четырехъ сотъ человѣкъ, которые скрываются за горами и въ скоромъ времени должны испытать нападеніе на насъ, и потому я прибавилъ осторожностей, и въ ожиданіи транспорта не буду от-

лучаться отъ крѣпости. При томъ же работы наши на съемкахъ кончены, и намъ болѣе нечего дѣлать какъ ожидать прибытія транспорта.

Вчера ввечеру, послѣ тревоги, внесли и поставили въ крѣпости большой каменный крестъ, высѣченный въ человѣческій ростъ солдатами по близости отсюда. Здѣшній камень, состоящій изъ затвердѣлой ракуши съ пескомъ, мягокъ и очень удобенъ для строенія. Крестъ сей будетъ здѣсь стоять памятникомъ пребыванія 60 Русскихъ, построившихъ въ нѣсколько дней довольно значительное укрѣпленіе.

2-го. Я сдѣлалъ пакетботу сигналъ возвратиться. Онъ сперва прислалъ ко мнѣ гребное судно, потомъ самъ тронулся. Я призвалъ Колиджа, уличалъ его въ знакомствѣ съ хищниками. Все противъ него доказывало, но онъ не признавался. Небойкій видъ его одинъ за него заступался: нельзя бы подумать, чтобы хищники послали его на такое отважное дѣло. Однако я его осудилъ, чтобы его застращать и отправилъ на пакетботъ, опустивъ его съ четырьмя караульными въ ровъ, а оттуда отвезли его повыше крѣпости съ полверсты, тамъ гдѣ его лодка дожидалась. Я съ нимъ послалъ до берега Петровича и велѣлъ еще сказать ему ложно, что одинъ изъ хищниковъ, пойманный пакетботомъ на Ахтіарѣ, объявилъ, что изъ товарищей ихъ одинъ попался къ намъ. Колиджа увѣщевали признаться и страхомъ, и добромъ, но ничего не узнали. Ввечеру я съѣздилъ на пакетботъ, видѣлъ Колиджа, стращалъ его, но еще болѣе увѣрился въ его невинности, и потому рѣшился его сегодня выпустить. Доказательствомъ его невинности служило то, что по распросамъ моимъ онъ мнѣ разсказалъ подробно о Русскомъ невольникѣ Алексѣѣ, имѣющемся у Оразъ-Магмеда. Я хотѣлъ было ему обѣщать свободу съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ Ораза либо Курбана ко мнѣ доставилъ, но увидѣлъ множество неудобствъ въ семъ, и потому рѣшился объявить о семъ Кіату, по прибытіи его, и отъ него требовать прямымъ путемъ, чтобы онъ мнѣ возвратилъ сего несчастнаго.

3-го. Я взялъ новыя мѣры для своей безопасности, приказавъ Ратькову всякій вечеръ присылать ночевать сюда десять матросовъ, вооруженныхъ карабинами; они составляютъ у меня второй резервъ. Поутру я возвратилъ на берегъ Колиджа, котораго содержали на пакетботѣ; онъ невиненъ: ему подобнаго олуха не пошлютъ на такое отважное дѣло.

Къ колодцамъ я сталъ посылать одного Туркмена за водой, дабы указать матросамъ, которые изъ пріѣзжающихъ Туркменъ за водой намъ непріятели. Вчера ѣздилъ Сеидъ, и они никого не встрѣтили. Матросамъ же я далъ записку непріятельскихъ намъ поколѣній, по которымъ велѣно было стрѣлять.

Ввечеру возвратился Кіатъ. Онъ былъ уже семь дней въ дорогѣ отъ Челекени и за противными вѣтрами не могъ добраться до насъ. Я ему разсказывалъ происшествія, у насъ случившіяся безъ него, какъ вдругъ услышали крикъ за крѣпостью, на Югъ по берегу. Я ударилъ тревогу, спустилъ мостъ и послалъ Кузмичука съ десятью человѣками узнать кто кричитъ. Привели Туркмена, который запыхавшись прибѣжалъ изъ Красноводскаго кочевья, за двадцать верстъ песками, съ извѣстіемъ, что транспортъ идетъ, для полученія муштулуга или награжденія за добрую вѣсть.

4-го. Поутру показался транспортъ, и къ полдню онъ легъ на якорѣ противъ моего укрѣпленія. Юрьевъ привезъ мнѣ предписаніе отъ Ивана Александровича, въ которомъ онъ извѣщаетъ о благодарности, которую онъ изъявилъ морскимъ офицерамъ вслѣдствіе моего донесенія. Морскіе офицеры были симъ очень довольны, а я еще болѣе. Вельяминовъ также прислалъ мнѣ по требованію моему 10 козаковъ Донскихъ, но молодыхъ, слабыхъ, оборванныхъ и почти безъ оружія. Я получилъ тоже изъ разныхъ мѣстъ 17 писемъ, въ коихъ особенныхъ новостей нѣтъ. Базилевичъ извѣщаетъ меня, что Алексѣй Петровичъ долженъ вскорѣ возвратиться на линію, а оттуда въ Грузію. Прочія извѣстія касаются до Турціи, гдѣ Греки сдѣлали сильное возмущеніе и гдѣ посланники Европейскихъ державъ, въ томъ числѣ и нашъ, находятся въ тѣсныхъ обстоятельствахъ. Впрочемъ въ сихъ запискахъ, гдѣ помѣщаются обстоятельства только лично до меня касающіяся, я скажу вообще, что отъ родныхъ и ближнихъ не получилъ непріятныхъ извѣстій, развѣ только одно письмо отъ Бурцова, въ которомъ онъ, какъ человѣкъ тронутый какимъ-нибудь важнымъ обстоятельствомъ, отрицается отъ связей, ото всего въ мірѣ. Богъ знаетъ чтò съ нимъ сдѣлалось. Сущность нрава его не можетъ такъ перемѣниться, и онъ не способенъ къ забытію старыхъ друзей.

Ввечеру сдѣлалась у меня почти тревога. Я объявилъ Кіату о намѣреніи моемъ избавить Алексѣя изъ неволи. Онъ хорошо принялъ мое предложеніе и разсказалъ мнѣ, какимъ образомъ сей несчастный попался въ руки къ Туркменамъ. Въ 1818 году одинъ Астраханскій судовщикъ, Армянинъ или Русскій, заѣхалъ въ Персидскій городъ Зинзили, чтò въ Гилянѣ, и не имѣвъ достаточно денегъ для уплаты за забранные товары, оставилъ тамъ судно свое съ Музурами, которые жили на берегу, сказавъ Персіянину, что онъ ихъ оставляетъ въ залогъ своего долга, на одинъ годъ. Годъ прошелъ, заимодавецъ принялъ сей мошенническій поступокъ за истинный, захватилъ Музуровъ и хотѣлъ продать ихъ въ неволю. Они сіе узнали и пустились бѣжать на захваченной ими лодкѣ, не могли пробраться къ Сѣверу и

поплыли къ Югу, дабы обойти восточнымъ берегомъ моря до Астрахани. Приставая на берега Мазандерана и Астрабада, ихъ хотѣли схватить; они ушли и пристали къ Огурчинскому острову. Туркмены, увидя ихъ, погнались за ними; они приплыли къ Красноводску, а оттуда въ Кендерлинъ, гдѣ ночевали тогда Мангишлакскіе Туркмены. Сихъ матросовъ было семь человѣкъ. Между Туркменами же былъ одинъ бѣглый солдатъ, который обманомъ заманилъ ихъ въ засаду, гдѣ ихъ Туркмены окружили и взяли, трехъ изъ нихъ продали въ Хиву. Одинъ изъ сихъ несчастныхъ Алексѣй, который теперь содержится у Оразъ-Магмеда.

Послѣ сего мы взяли мѣры къ освобожденію его и отправили Сеида-Таганъ-Ніаса и еще пятерыхъ Туркменъ, приказавъ имъ привести его, чего бы то ни стоило; сперва уговорить хозяина и послѣ того, если онъ не согласится, то взять его насильно. Они обѣщались исполнить порученіе наше. Я надѣюсь на Кіата; если не честность, то личныя его надежды и выгоды понудятъ его къ исполненію моего требованія. Туркмены отправились, но вскорѣ возвратились; они наѣхали на брошенный огонь и не рѣшились далѣе ѣхать. Я послалъ патруль, изъ 10-ти человѣкъ состоящій, за крѣпость: обошли всю равнину и бугры, но никого не нашли; между тѣмъ суда были въ готовности подать мнѣ скорую помощь.

Съ транспортомъ прибылъ сюда Якши-Магмедъ, сынъ Кіата, который въ Баку былъ. Отецъ на него былъ очень сердитъ за то, что онъ уѣхалъ въ Баку; но я ихъ помирилъ.

И такъ занятія мои на Красноводской косѣ теперь кончены, судно прибыло, осталось обозрѣніе Балкана. Я дождусь возвращенія посланныхъ мной Туркменъ и отправлюсь.

(Продолженіе будетъ).

ФЕЛЬДМАРШАЛЪ
КНЯЗЬ А. И. БАРЯТИНСКІЙ.

Глава IV *).

1841—1846.

Образованіе маіората и отказъ отъ него въ пользу брата.—Условія при отказѣ.—Движеніе по службѣ.—Вторичная командировка на Кавказъ.—Прикомандированіе къ Кабардинскому полку.—Наше положеніе на Кавказѣ.—Описаніе дѣйствій отряда.—Вступленіе въ Андію.—Славное дѣло князя Барятинскаго съ двумя ротами Кабардинцевъ, при чемъ онъ раненъ въ ногу.—Отзывъ объ этомъ дѣлѣ князя Воронцова.—Присужденіе Георгія 4-й степени.—Возвращеніе въ Петербургъ и отпускъ за границу.—Участіе въ преслѣдованіи Польскихъ инсургентовъ.

Князь Иванъ Ивановичъ, какъ уже было упомянуто, скончался въ 1825 году. Мысль его, выраженная въ посмертной волѣ, была направлена къ учрежденію заповѣднаго имѣнія. Воля его была принята вдовою и наслѣдниками и утверждена послѣдовательно тремя Государями.

Первоначально князь Иванъ Ивановичъ полагалъ образовать *изъ половины* всѣхъ его обширныхъ имѣній маіоратъ въ пользу старшаго сына, а остальную половину раздѣлить между прочими дѣтьми; но въ 1844 году всѣ братья, приступивъ къ исполненію мысли отца, рѣшились образовать маіоратъ изъ *всего* имѣнія въ пользу старшаго, Александра Ивановича, съ тѣмъ, чтобы онъ обязался выплатить братьямъ за наслѣдственныя части опредѣленные капиталы. Такимъ образомъ, князь Александръ Ивановичъ сталъ единоличнымъ владѣльцемъ значительнаго, богатѣйшаго имѣнія.

---

*) См. выше, стр. 93.

Въ 1850 году, послѣ шести лѣтъ пользованія, онъ рѣшился отказаться отъ своихъ правъ въ пользу втораго своего брата, князя Владимира Ивановича, который былъ женатъ и имѣлъ уже сына. Подарокъ этотъ онъ сдѣлалъ брату на Рождественскую ёлку, повѣсивъ на дерево записку о передачѣ маіората. Самъ Александръ Ивановичъ объявилъ, что онъ не думаетъ жениться, рѣшился посвятить всю жизнь военной службѣ и не имѣетъ никакой наклонности къ деревенской жизни и сельскому хозяйству. Онъ говорилъ, что надѣется самъ, своими трудами, на службѣ Государю и Отечеству, достигнуть высшихъ степеней военной іерархіи и получить право на соотвѣтственное обезпеченіе, родовое же имѣніе, такъ прекрасно устроенное родителемъ, желаетъ сохранить въ цѣлости въ потомствѣ. Во всякомъ случаѣ, это замѣчательное проявленіе широкой, щедрой его натуры. Передавъ состояніе брату, онъ выговорилъ себѣ получить единовременно 100.000 рублей, уплату его долговъ на 136.000 рубл., ежегодную ренту въ 7.000 рубл., уплату расходовъ на бѣлье, сколько ему потребуется и, по мѣрѣ надобности, *одинъ кашемировый халатъ* (?). Какое значеніе имѣло это послѣднее оригинальное требованіе, остается загадкой.

Всѣ эти обязательства были весьма легки, если принять во вниманіе размѣры состоянія и громадные доходы, отъ него получаемые *).

Между тѣмъ, собственно движеніе по службѣ совершалось съ достаточною быстротою. Въ 1838 г. князь Барятинскій былъ переведенъ въ лейбъ-гусарскій полкъ корнетомъ, въ 1839 г. произведенъ въ поручики, чрезъ три мѣсяца въ штабсъ-ротмистры, въ 1840 г. въ ротмистры и въ 1845 г. въ полковники; въ теченіи этого же времени онъ получилъ одинъ Русскій и десять иностранныхъ орденовъ, да три бриліантовыхъ перстня съ вензелями Высочайшихъ особъ.

Въ 1845 г. князь Барятинскій опять попросился на Кавказъ, для участвованія въ предстоявшихъ большихъ дѣй-

---

*) Впослѣдствіи императоръ Александръ II-й, по ходатайству князя Александра Ивановича, согласился на исключеніе лицъ женскаго пола изъ права владѣнія маіоратомъ.

ствіяхъ противъ горцевъ. По приказанію главнокомандовавшаго князя Воронцова, Александръ Ивановичъ былъ прикомандированъ къ Кабардинскому (тогда егерскій генералъ-адъютанта князя Чернышова) полку и 30-го Мая, приказомъ по полку, назначенъ командовать 3-мъ батальономъ.

Прошло десять лѣтъ съ того времени, когда князь Барятинскій первый разъ пріѣзжалъ на Кавказъ. Положеніе наше въ краѣ рѣзко измѣнилось: центръ тяжести перешелъ съ западнаго на восточный Кавказъ; успѣхи мюридизма подъ главенствомъ Шамиля приняли размѣры грозные, ни кѣмъ непредвидѣнные, всѣ завоеванія въ Чечнѣ и Дагестанѣ были потеряны; увеличеніе въ 1844 г. числа войскъ и военныхъ средствъ до весьма внушительныхъ размѣровъ не только оказалось безсильнымъ въ борьбѣ съ горцами, но даже какъ бы повредило намъ, ослабивъ въ глазахъ Азіатцевъ и въ нашихъ собственныхъ нашу силу, значеніе и превосходство регулярной, обильно всѣмъ снабженной арміи въ сравненіи съ безпорядочными скопищами горцевъ. Пришлось напрячь еще больше силъ, посвятить больше средствъ и болѣе серьезное вниманіе этой, казавшейся безконечною, войнѣ.

Съ этою цѣлью императоръ Николай рѣшился поставить во главѣ Кавказа лицо, облеченное громадною властью намѣстника и главнокомандующаго, и назначилъ на этотъ высокій постъ князя М. С. Воронцова, извѣстнаго опытностью военною и административною, съ тѣмъ, чтобы онъ употребилъ всю массу данныхъ ему средствъ для рѣшительнаго удара.

Не буду вдаваться здѣсь въ подробности плана предстоявшихъ дѣйствій, съ самаго начала не обѣщавшихъ особеннаго успѣха, а ограничусь разсказомъ о томъ, что̀ относится до участія въ дѣлѣ князя Александра Ивановича Барятинскаго *).

28-го Мая 1845 въ штабъ Кабардинскаго полка, крѣп. Внезапную, собрался Чеченскій отрядъ и, оставивъ здѣсь колесный обозъ, 31-го Мая въ 3½ ч. утра выступилъ въ горы.

---

*) Читатель, интересующійся подробностями событій 1845 г., можетъ найти ихъ въ моемъ сочиненіи: „Исторія Кабардинскаго полка“, изд. 1881 года.

2-го Іюня Чеченскій отрядъ перешелъ въ Хубару. Непріятель лишь издалека слѣдилъ за нашимъ движеніемъ и обмѣнялся нѣсколькими выстрѣлами съ аріергардомъ. Въ Гертме, мѣстѣ соединенія Чеченскаго и Дагестанскаго отрядовъ, устроили вагенбургъ, оставивъ въ немъ, подъ прикрытіемъ трехъ батальоновъ, полевыя орудія, парковыя повозки, черводарскихъ лошадей и менѣе нужныя тяжести. Позиція у Бортуная оказалась незанятою непріятелемъ, хотя вся дорога черезъ крутой, лѣсистый Теренгульскій оврагъ была усѣяна завалами, вѣроятно подготовленными прежде для преграждeнія намъ доступа. Саперы расчищали дорогу, войска тянулись непрерывною нитью; но крутость спуска и подъема, еще испорченныхъ проливнымъ дождемъ, до того затрудняла движеніе, что войска шли безостановочно всю ночь, пока очутились на позиціи за Теренгуломъ (гдѣ въ 1844 г. стоялъ Шамиль), а хвостъ колонны пришелъ еще нѣсколькими часами позже. Сильное утомленіе людей заставило сдѣлать здѣсь днёвку.

Не теряя времени, главнокомандующій выдвинулъ немного впередъ пѣхоту авангарда, а съ кавалеріей произвелъ рекогносцировку дороги чрезъ Бортунай къ Алмаку, въ ущелье Мичикалъ, которое, по свѣдѣніямъ, было сильно укрѣплено.

Хотя изъ Салатавіи въ Гумбетъ ведутъ двѣ дороги, но донесенія лазутчиковъ о состояніи этихъ путей были до того неопредѣленны и противорѣчили другъ другу, что князь Воронцовъ счелъ нужнымъ лично удостовѣриться въ ихъ показаніяхъ относительно казавшейся болѣе удобною дороги на Кыркъ. Съ этою цѣлью онъ 5-го Іюня приказалъ составить отрядъ изъ восьми батальоновъ съ 9-ю сотнями конницы и 8-ю орудіями, поручивъ командованіе имъ генералъ-маіору Пассеку, и двинулся съ нимъ къ перевалу Кыркъ. Дорога на разстояніи 15-ти верстъ все шла въ гору, жара мѣшала движенію; но въ 10 ч. войска уже были на краю перевала и увидѣли передъ собою Гумбетъ. Спускаться приходилось по узкой дорожкѣ, вьющейся надъ обрывомъ горы: въ одномъ мѣстѣ дорожка отвѣсно прерывалась, составляя уступъ вышиною болѣе сажени, и вся остальная часть спуска

оказывалась чрезвычайно крутою, особенно для артилеріи. Благодаря чрезвычайной быстротѣ движенія отряда, на перевалѣ никого кромѣ пикета не оказалось, и горцы, извѣщенные о нашемъ появленіи, начали поспѣшно стягиваться къ горѣ Анчимееръ, служащей ключемъ всей этой позиціи, которую непріятель очевидно намѣренъ былъ защищать, для чего и поставилъ на ней одно орудіе. Главнокомандующій, осмотрѣвъ позицію, приказалъ Пассеку спускаться и занять Анчимееръ, что̀ и было исполнено съ незначительною потерей егерями Куринскаго полка и Грузинскою милиціею.

Пользуясь успѣхомъ авангарда, главнокомандующій приказалъ обоимъ отрядамъ расположиться у бывшаго укрѣпленія Удачнаго (сооруженнаго въ 1839 г. генераломъ Граббе при движеніи на Ахульго). Между тѣмъ, Пассекъ въ то время, какъ Дагестанскій отрядъ перешелъ на позицію Мичикалъ, занялъ высоты Зунумееръ, желая поскорѣе очистить дорогу въ Андію.

Жаркая и знойная погода, стоявшая 5-го Іюня, въ день занятія Кырка, вдругъ перемѣнилась: съ 7-го Іюня начались страшные дожди и бури, а потомъ выпалъ глубокій снѣгъ; температура на Кыркѣ доходила до 6°. Особенно терпѣли отъ этой рѣзкой перемѣны погоды авангардныя войска Пассека, расположенныя на высокой горѣ, по колѣна въ снѣгу, безъ топлива, продовольствія и фуража для лошадей. Чтобы имѣть возможность хоть согрѣть въ чайникѣ воды, развели огонь, употребивъ на это всѣ Донскія пики. Хуже всѣхъ приходилось Грузинскимъ милиціонерамъ, непривыкшимъ къ подобной погодѣ, ни вообще къ такимъ трудамъ походной жизни и неодѣтымъ сообразно такому холоду,

9-го числа милицію и кавалерію пришлось спустить на Мичикалъ къ Дагестанскому отряду, а пѣхота оставалась на Зунумеерѣ до 12-го числа, и хотя ей съ большимъ трудомъ доставили немного дровъ и спирта, но положеніе ея все же было ужасное. Какова была стужа (въ Іюнѣ мѣсяцѣ) можно судить потому, что нѣсколько черводаровъ замерзло, а 450 человѣкъ, большею частію милиціонеровъ, обморозились, изъ которыхъ многіе потеряли руки и ноги, до 500 лошадей пали отъ холода и истощенія. Такая погода стояла на Гумбетѣ

въ продолженіи семи сутокъ. Дороги испортились до такой степени, что колонны, особенно съ червондарскими вьюками и съ артилеріею, при всѣхъ усиліяхъ, не успѣвали иногда дѣлать 6—8 верстъ въ сутки; случалось, что люди промокшіе оставались дня по три безъ горячей пищи и не имѣли возможности обсушиться по совершенному недостатку лѣса; трава тоже встрѣчалась большею частью самая скудная. Отъ столь необыкновеннаго и упорнаго холода и усиленныхъ трудовъ на походѣ, гдѣ по непроходимой дорогѣ приходилось артилерію почти постоянно тащить людьми, число больныхъ возросло значительно, а 12 человѣкъ замерзло.

Для удержанія въ нашихъ рукахъ перевала Кыркъ было выстроено полевое укрѣпленіе, гдѣ кромѣ гарнизона— двухъ ротъ съ двумя орудіями, былъ оставленъ особый отрядъ и всѣ запасные пороховые ящики.

10-го числа Чеченскій отрядъ соединился съ Дагестанскимъ и уже составилъ одинъ общій отрядъ, подъ начальствомъ самого главнокомандующаго. Въ тотъ же день, оставивъ въ Мичикалѣ два баталіона, сотню казаковъ и два орудія, отрядъ выступилъ къ Гораль-Гаку, гдѣ соединился съ авангардомъ Пассека, а 12-го числа расположился впереди аула Цилитль, въ виду Андійскихъ воротъ, укрѣпленныхъ горцами. Послѣ труднаго перехода и утомительнаго спуска съ чрезвычайно высокой и крутой горы, войска провели ночь подъ проливнымъ дождемъ, при сильной бурѣ, препятствовавшей развести огонь.

По свѣдѣніямъ лазутчиковъ, Шамиль сильно укрѣпилъ узкій проходъ, называемый Буцуръ-Калъ, намѣреваясь упорно защищаться; но когда 13-го числа генералъ Гурко съ небольшимъ отрядомъ приблизился къ заваламъ, то нашелъ ихъ незанятыми. Вѣроятно, Шамиль не надѣялся, чтобы они устояли противъ нашей артилеріи. Такимъ образомъ труднодоступный проходъ въ Андію достался намъ безъ боя, дорога была открыта. Послѣ продолжительнаго ненастья, 13-го числа показалось наконецъ солнце, и приказано было сдѣлать днёвку, для того чтобы доставить утомленнымъ войскамъ возможность отдохнуть и обсушиться.

Прежде чѣмъ двинуться дальше, на Буцуръ-Калѣ устроили сильный укрѣпленный постъ для обезпеченія сообщеній съ укрѣпленіемъ Евгеніевскимъ и оставили здѣсь два баталіона съ ротою саперовъ, при трехъ орудіяхъ.

Такъ, значительныя, повидимому, силы отряда исподволь таяли, а дѣйствительная встрѣча съ непріятелемъ была еще впереди...

Густымъ туманомъ были покрыты горы и вся окрестность, когда 14-го Іюня войска поднялись для движенія въ Андію. Но едва голова колонны ступила на землю, невидѣвшую еще никогда Русскихъ войскъ, туманъ разсѣялся, и солнце озарило подъ нашими ногами Андію, огражденную со всѣхъ сторонъ высокими хребтами горъ. Вся глубокая долина перерѣзана крутымъ широкимъ оврагомъ, съ боковыми откосами, въ которыхъ протекаютъ рѣка Годоръ и много ручьевъ и водопадовъ. У подошвы оврага разбросаны главные аулы: Анди, Гогатль и Рикуани. Отъ нихъ терасами поднимались засѣянныя поля, а надъ ними, ближе къ гребню горъ, обильныя пастбища.

Когда войска наши спускались въ долину, развалины ауловъ дымились. Они были сожжены по приказанію Шамиля, который увлекъ жителей насильно дальше, въ горы, такъ какъ они, на требованіе защищаться до послѣдней крайности противъ Русскихъ, заявили готовность лечь костьми, но съ условіемъ, чтобы и Шамиль съ своими мюридами и пушками оставался съ ними. Такое условное повиновеніе не удовлетворило имама. Не надѣясь здѣсь удержаться, онъ однако хотѣлъ лишить насъ возможности покореніемъ Андійцевъ пріобрѣсти обильныя вспомогательныя средства.

Отрядъ двигался двумя эшелонами; въ авангардѣ были 1-й и 3-й баталіоны Кабардинскаго полка съ двумя дружинами Грузинской милиціи и нѣсколькими сотнями конницы, при четырехъ орудіяхъ. Непріятель занялъ сильную позицію за р. Годоръ, укрѣпилъ ее и обстрѣливалъ подъемъ изъ 3-хъ орудій. Кавалерія наша заняла Гогатль, вступивъ въ него на

хвостѣ уходившихъ горцевъ, и продолжала движеніе, занимая постепенно покидаемые горцами хутора и наконецъ Анди. Въ слѣдъ за конницею былъ двинутъ 3-й батальонъ Кабардинскаго полка. Командиръ батальона, князь Барятинскій, видя завязавшееся между конницею и горцами жаркое дѣло, направился въ аулъ для ихъ поддержки. Отступавшій непріятель вдругъ остановился съ намѣреніемъ удержать аулъ за собою; но двѣ головныя роты бросились въ штыки, опрокинули и выбили Горцевъ изъ аула. Увлеченные боемъ, Кабардинцы быстро перешли Годоръ и, продолжая преслѣдованіе, начали подниматься на скалистыя высоты, занятыя главными силами непріятеля. Вся обширная, по крутому подъему мѣстность была усѣяна его толпами. Горцы видѣли, что горсть солдатъ грозитъ вытѣснить ихъ изъ позиціи, укрѣпленной природою и искусствомъ, усилили дѣйствіе своей артилеріи и открыли самый частый ружейный огонь. Командовавшій передовыми войсками полковникъ Козловскій, замѣтивъ опасное положеніе двухъ ротъ, которымъ ни остановиться, ни отступить было нельзя, чтобы не ободрить непріятеля и не дать ему возможности обрушиться на нихъ всею массою, повелъ имъ въ подкрѣпленіе остальныя двѣ роты 3-го батальона, имѣя правѣе себя обѣ дружины Грузинъ.

Между тѣмъ, князь Барятинскій, не взирая на усиленный огонь горцевъ, стремясь овладѣть во что́ бы ни стало позиціею и орудіями непріятеля, продолжалъ наступать и съ большими усиліями взобрался уже болѣе чѣмъ на половину крутой высокой горы. Шамиль, сосредоточивъ у своихъ значковъ толпы горцевъ, устремился на атакующихъ, надѣясь раздавить ихъ своею многочисленностью; но неустрашимыя роты Кабардинцевъ и часть милиціонеровъ, прикрываясь каждой терасой, встрѣчали непріятеля бѣглымъ огнемъ и съ крикомъ ура! отбивали его натиски, все подаваясь впередъ. Въ это время князь Барятинскій былъ раненъ въ голень правой ноги на вылетъ, одинъ ротный командиръ тяжело раненъ, другой тоже раненый, продолжая двигаться, убитъ, оба субальтернофицера ранены, а роты все продолжали наступленіе съ

одними фельдфебелями. Наконецъ подоспѣли другія двѣ роты 3-го баталіона, и горцы, выбитые изъ всѣхъ заваловъ, начали поспѣшно отступать, заботясь уже единственно о спасеніи своихъ орудій; раздались даже крики: „Спасайте имама, спасайте имама". На вершинѣ горы непріятель попробовалъ еще разъ остановиться, открылъ ружейный огонь и сталъ скатывать огромные камни; но наши безподобные егеря, не смотря на свое страшное утомленіе и всѣ понесенныя потери, поднялись, заняли вершину горы, скрывашуюся въ туманѣ густыхъ облаковъ, и очистили окончательно весь хребетъ отъ непріятеля.

Все происходившее на горѣ видно было всему отряду, всѣ слѣдили съ замѣтнымъ волненіемъ за горстью нашихъ храбрецовъ съ княземъ Барятинскимъ во главѣ. Князь Воронцовъ былъ восхищенъ подвигомъ и 16-го Іюня, между прочимъ, писалъ генералу Лидерсу: „Громъ непріятельскихъ орудій, какъ зовъ на славу, увлекъ нашихъ храбрецовъ на подвигъ, свѣтлымъ блескомъ озарившій наше оружіе. 3-й батальонъ Кабардинскаго полка, предводимый храбрымъ адъютантомъ Наслѣдника Цесаревича, полковникомъ княземъ Барятинскимъ, и спѣшившіеся конные казаки и милиціонеры, всего не болѣе 1200 человѣкъ, перенеслись быстро чрезъ овражистые берега за Анди, на крутую громадную гору, и смѣло атаковали въ шесть разъ сильнѣйшаго непріятеля, прикрытаго завалами и батареею. Осыпаемые градомъ пуль и картечи, егеря бросились въ штыки на встрѣчу горцевъ, рѣшившихся кинуться въ шашки, и опрокинули ихъ. Непріятель, спасая свои орудія, бѣжалъ. Изъ главныхъ виновниковъ въ столь блестящемъ успѣхѣ оружія нашего, полковника князя Барятинскаго, я считаю въ полной мѣрѣ достойнымъ награжденія орденомъ Св. Георгія 4-й степени: онъ шелъ впереди храбрѣйшихъ и подавалъ собою примѣръ мужества и неустрашимости въ дѣлѣ, которое въ лѣтописяхъ Кавказа всегда будетъ славно".

Въ письмѣ изъ Анди, отъ того же числа, къ княгинѣ, матери Александра Ивановича, князь Воронцовъ слѣдующимъ

образомъ отозвался объ его подвигѣ: „Съ особеннымъ удовольствіемъ сообщаю вамъ, что третьяго дня сынъ вашъ велъ себя героемъ; рана его не представляетъ никакой опасности. Орденская дума присудила ему Георгіевскій крестъ, столь желательный всему нашему дворянству, съ чѣмъ отъ души васъ поздравляю. Хотя рана и помѣшаетъ вашему сыну участвовать въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ и вести храбрыхъ солдатъ противъ непріятеля, но послѣ подвига, совершеннаго имъ въ виду всей арміи, подвига, внушившаго общее къ нему уваженіе, вы должны утѣшиться“.

Рана князя Барятинскаго не была такая тяжелая и опасная, какъ первая, полученная въ 1835 году, и не помѣшала ему принять участіе въ слѣдующихъ дѣйствіяхъ отряда. Онъ оставался при войскахъ до конца этой знаменитой экспедиціи, при печальномъ отступленіи къ Герзель-аулу потерялъ весь свой багажъ и своего повара, но счастливо вышелъ, между тѣмъ какъ многіе изъ раненыхъ подверглись гибели.

Возвратясь въ Петербургъ Георгіевскимъ кавалеромъ и оправившись отъ раны, князь Барятинскій взялъ отпускъ за границу для возстановленія здоровья. Въ Варшавѣ, онъ представлялся фельдмаршалу князю Паскевичу, который предложилъ ему принять участіе въ дѣйствіяхъ противу формировавшихся тогда на самой границѣ съ Австріею Польскихъ мятежниковъ. Само собою, князь Александръ Ивановичъ съ удовольствіемъ принялъ это предложеніе; да и какой же военный человѣкъ отказывается отъ подобныхъ случаевъ, хотя бы служба этого и не требовала отъ него?

Получивъ въ распоряженіе четыре сотни Донскихъ казаковъ, князь 15-го Февраля 1846 года выступилъ для преслѣдованія Краковскихъ повстанцевъ. Изъ рапорта генерала Панютина къ графу Ридигеру, отъ 21-го Февраля 1846 года видно, что князь Александръ Ивановичъ слѣдовалъ на сел. Кржежовицы, въ которомъ мятежники стрѣляли изъ домовъ, причемъ казаками взято много оружія, пороху и Австрійская зарядная фура. Узнавъ затѣмъ, что мятежники ретируются

на Хржановъ, гдѣ намѣрены были ночевать, князь, не взирая на усталость лошадей, поспѣшилъ за ними и преслѣдовалъ до Тржебини, но по совершенному изнуренію лошадей вынужденъ былъ остановиться, выславъ аванпосты къ Хржанову. Командующій кавалеріею повстанцевъ Мазараки завязалъ съ аванпостами перестрѣлку, и князь Барятинскій, подкрѣпивъ ихъ сотнею казаковъ, обратилъ Мазараки въ совершенное бѣгство, причемъ у него 20 человѣкъ убито, 17 взято въ плѣнъ, и освобожденъ изъ плѣна Австрійскій офицеръ. Затѣмъ князь Барятинскій, не справляясь о числѣ мятежниковъ, съ рѣшимостью и отличнымъ мужествомъ такъ быстро преслѣдовалъ все ихъ войско, сформировавшееся въ Краковскомъ округѣ, что отбросилъ его въ Прусскія границы, гдѣ тамошнимъ генераломъ Ророромъ они обезоружены въ числѣ 800 человѣкъ, въ томъ числѣ 200 весьма хорошей конницы.

Наградою этого кратковременнаго, лихаго партизанскаго дѣйствія была Анна 2-й степени.

Глава V.

1846—1848.

Возвращеніе въ Петербургъ. — Предложеніе князя Воронцова принять Кабардинскій полкъ. — Изъявленіе на это согласія. — Назначеніе командиромъ полка и флигель-адъютантомъ. — Переписка по этому поводу князя Воронцова. — Начало командованія полкомъ. — Разсказъ П. Г. Бѣлика.

Оправившись за границею отъ раны, князь Барятинскій возвратился въ Петербургъ къ своей почетной должности адъютанта Наслѣдника Цесаревича, пользуясь неизмѣннымъ расположеніемъ Его Высочества и Великой Княгини Цесаревны.

Между тѣмъ, прошлогоднее участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ на Кавказѣ и блистательный подвигъ на Андійскихъ высотахъ пріобрѣли князю Александру Ивановичу уваженіе маститаго вождя Кавказской арміи, князя Воронцова, опытный глазъ котораго угадалъ въ молодомъ, блестящемъ представителѣ Петербугскаго высшаго общества человѣка, способнаго къ серьезной военной дѣятельности въ краѣ. По этому, когда командиръ Кабардинскаго полка Козловскій, съ производствомъ въ генералъ-маіоры, долженъ былъ сдать полкъ, князь Воронцовъ не нашелъ ему лучшаго замѣстителя, какъ князя Барятинскаго, и 25-го Ноября 1846 г. написалъ ему слѣдующее письмо: *) „Любезный князь. Есть дѣло, по которому я долженъ спросить вашего мнѣнія. Дѣлаю это съ полною откровенностью и прошу у васъ такого же отвѣта. По соглашенію съ генераломъ Козловскимъ, будущею весною храбрый полкъ егерей князя Чернышова (т.-е. Кабардинскій) будетъ вакантнымъ; но назначеніе его будущаго командира не есть дѣло заурядное и требуетъ бóльшаго вниманія, чѣмъ въ обыкновенныхъ случаяхъ, даже въ Кавказ-

*) Всѣ письма князя Воронцова написаны на Французскомъ языкѣ. Впрочемъ и вся почти переписка вообще происходила на этомъ языкѣ. Для удобства читателей письма приводятся въ переводѣ.

ской арміи, гдѣ всѣ полки столь достойны и часто призываются выказывать свои военныя доблести. Вы знаете, что полки Кабардинскій и Куринскій, даже въ глазахъ ихъ соперниковъ, издавна считаются въ ряду первыхъ и, само собою, весьма важно, чтобы столь почетная извѣстность сохранилась за ними, и потому назначеніе имъ командировъ не должно быть дѣломъ случая. Вы служили и не разъ отличались съ Кабардинцами; солдаты и офицеры васъ знаютъ, уважаютъ и желаютъ васъ; здѣсь всѣ, и я больше всѣхъ, желали бы васъ видѣть во главѣ этого полка. Но желаете ли вы этого? Нѣтъ ли у васъ другихъ видовъ, которые помѣшаютъ вамъ согласиться на мое предложеніе? Вотъ о чемъ я васъ спрашиваю съ полною откровенностью и прошу также отвѣчать мнѣ. Если вы скажете „да", я приготовлю къ Февралю, или немного ранѣе, представленіе, чтобы вы могли принять полкъ къ открытію предстоящихъ военныхъ дѣйствій. Если вы согласитесь на отсылку представленія, то я прошу заблаговременно озаботиться выборомъ въ гвардіи отличнаго офицера, для командованія батальономъ. Это долженъ быть человѣкъ съ отличною репутаціею и совершенно знающій фронтовую службу".

„Вамъ пріятно будетъ, конечно, узнать, что Кабардинцы въ этомъ году опять заслужили общія похвалы и благодарность всѣхъ начальствующихъ лицъ своими боевыми подвигами и трудами при устройствѣ укрѣпленія на Ярыкъ-Су, не взирая на настоящія неблагопріятныя обстоятельства. Разъ храбрый Козловскій одинъ и въ другой съ генераломъ Витовскимъ показалъ неустрашимость и рѣшимость—послѣдствія его собственнаго характера и непоколебимой увѣренности въ беззавѣтной храбрости его солдатъ. Съ тремя батальонами, въ 400—500 чел. каждый, онъ выступилъ противъ наиба Гойтемира и разбилъ его; а въ другой разъ онъ не только отбилъ атаку Шамиля, но перешелъ въ наступленіе, прогналъ за Внезапную и заставилъ отступить въ горы. Не взирая на то, что непріятель три раза покушался разрушить работы наши по укрѣпленію Хасавъ-Юрта, храбрые Кабардинцы довершили устройство форта, и Кумыкская плоскость обезпечена теперь, какъ никогда еще".

„Я съ нетерпѣніемъ буду ожидать вашего отвѣта. Прошу васъ повергнуть меня къ стопамъ Великаго Князя Цесаревича и вѣрить, что я навсегда весь къ вашимъ услугамъ“.

Отвѣтъ былъ утвердительный; да иного нельзя было и ожидать послѣ такого лестнаго приглашенія. 3-го Марта 1847 г. князь Воронцовъ опять писалъ князю Барятинскому: „Не могу вамъ выразить, любезный князь, съ какою радостью получилъ я третьяго дня письма: ваше, Его Высочества и князя Чернышова, извѣщающаго меня объ утвержденіи Его Величествомъ назначенія васъ командиромъ Кабардинскаго полка“ [1]).

„И такъ, мое желаніе вполнѣ удовлетворено, и я совершенно спокоенъ на счетъ этого храбраго полка, на который я, какъ и на Куринскій, всегда взиралъ, какъ на цвѣтъ здѣшнихъ войскъ, на храбрѣйшихъ среди храбрыхъ героевъ Кавказа. Вы получите, къ тому же, полкъ хорошо устроенный и хорошо содержанный, въ чемъ надо отдать Козловскому справедливость; усердіе же ихъ, если это возможно, еще усилится, когда они узнаютъ, что вы назначены ихъ командиромъ“.

„Я буду весьма доволенъ если ваши переговоры съ княземъ Яшвилемъ будутъ имѣть успѣхъ; онъ будетъ у васъ отличнымъ баталіоннымъ командиромъ, какъ знакомый и уважаемый въ полку [2]). Если же, къ несчастію, князь Яшвиль не можетъ принять вашего предложенія, постарайтесь найти въ гвардіи или гренадерскомъ корпусѣ другаго хорошаго офицера, вполнѣ знакомаго съ фронтовою службою, въ честности и храбрости котораго не было бы никакихъ сомнѣній [3]).

---

[1]) Однако Государь, въ первую минуту, принялъ представленіе о назначеніи князя Барятинскаго какъ бы съ неудовольствіемъ и, призвавъ его къ себѣ, сказалъ: „Оставляешь моего сына?“ Въ голосѣ звучала укоризна, смутившая князя. „Я, В. В—во, желаю только послужить Вамъ во фронтѣ и противъ непріятеля, чтобы оправдать оказанныя мнѣ Вами милости“.—„Ну, Богъ съ тобой, поѣзжай!“ При этомъ пожаловалъ князя флигель-адъютантомъ.

[2]) Князь Яшвиль изъ лейбъ-гусаровъ, разжалованный за дуэль въ рядовые, служилъ въ Кабардинскомъ полку; послѣ, съ возвращеніемъ чиновъ, опять перешелъ въ лейбъ-гусары, которыми затѣмъ и командовалъ.

[3]) Князь Яшвиль предложенія не принялъ, и выборъ палъ на офицера Измайловскаго полка, барона Е. И. Майделя, въ послѣдствіи командира Кабардин-

„Что касается вашего выѣзда, то это зависитъ отъ васъ, и вы не должны стѣсняться; я знаю, что вы выѣдете какъ только будетъ возможно. Да, впрочемъ, для вашего полка нѣтъ ничего особаго въ виду, хотя, какъ вы знаете, полкъ постоянно лицомъ къ лицу съ непріятелемъ, и ружейные выстрѣлы не въ рѣдкость. Прощайте, любезный князь; еще разъ благодарю васъ за согласіе и обнимаю отъ всего сердца. Жена моя поручила мнѣ передать вамъ ея привѣтствіе, и какъ она рада вскорѣ увидѣть васъ здѣсь".

Приписка собственною рукою князя Воронцова: „До конца Апрѣля вы меня застанете въ Тифлисѣ, 1-го же Мая я думаю выѣхать во Владикавказъ. Надѣюсь, что мы увидимся съ вами до отправленія вашего въ полкъ."

Военный министръ князь Чернышовъ писалъ князю Воронцову:

Le prince Alexandre Bariatinsky, à son retour de l'étranger, s'est empressé, mon cher prince, de soumettre à Monseigneur le Grand-Duc Héritier la lettre si flatteuse que Vous avez bien voulu lui écrire pour lui proposer le commandement du régiment des chasseurs, qui porte mon nom; vivement pénétré de la confiance dont Vous l'honorez, il ne pouvait pas y répondre avant d'avoir pris les ordres de Son Altesse Impériale. Monseigneur le Grand-Duc Héritier, applaudissant aux sentiments que le prince Bariatinsky lui a témoignés à cette occasion, en a déféré à l'Empereur. Sa Majesté a daigné accueillir, avec la plus complète approbation, Votre choix, la profonde reconnaissance qu'il inspire au prince Bariatinsky et l'adhésion de Son Altesse, qui consent à se priver d'un aide-de-camp qu'elle distingue, à juste titre, pour en doter le corps du Caucase.

La brillante conduite du prince Bariatinsky en 1835 dans la vallée de l'Abyné et en 1845 sur les hauteurs d'Andy, l'affection qu'il a voué et su faire partager aux braves Cabardiens, quand Vous l'avez associé à leurs travaux, l'élan avec lequel il désire s'unir, d'une manière encore plus intime, à leur glorieuse destinée, garantissent à notre Auguste Maître que cette

---

скаго полка, извѣстнаго своею храбростью. Умеръ въ 1881 г. въ званіи генералъ-адъютанта и коменданта Петропавловской крѣпости.

alliance d'un jeune colonel, qui a déjà fait ses preuves avec un régiment, où l'héroïsme est traditionnel, justifiera Votre attente et la sienne. Sa Majesté se plaît d'ailleurs à voir un officier, qui a un beau nom et une belle fortune, se dévouer aux graves et importants devoirs qu'impose le service dans un pays où les distractions sont des combats. Cet exemple stimulera, sans doute, notre jeunesse militaire. En Vous sachant beaucoup de gré de ce choix judicieux, Sa Majesté y a reconnu, mon cher prince, les nobles sympathies qui Vous appellèrent, au début de Votre carrière, dans les rangs de notre vaillante armée du Caucase, dont Votre nom sera désormais inséparable dans les fastes de l'histoire.

L'Empereur n'attend que Votre présentation officielle pour la nomination définitive du prince Bariatinsky au poste d'honneur que Vous lui avez réservé. J'ai comme Vous la conviction qu'il gardera dignement les vieux drapeaux du régiment, dont je suis fier de porter l'uniforme; laissez-moi donc aussi Vous remercier pour Votre choix et agréez, mon cher prince, la nouvelle assurance de mon sincère attachement pour Vous *).

---

*) *Переводъ.* Князь Александръ Барятинскій, по возвращеніи своемъ изъ-за границы, поспѣшилъ, любезный князь, повергнуть на разсмотрѣніе Его Высочества Наслѣдника Цесаревича ваше лестное письмо, въ которомъ вы ему предлагаете командованіе егерскимъ полкомъ моего имени; глубоко тронутый довѣріемъ, котораго вы его удостоиваете, онъ не могъ вамъ отвѣчать, прежде чѣмъ получилъ на это разрѣшеніе Его Высочества. Наслѣдникъ Цесаревичъ, радуясь чувствамъ выраженнымъ, при этомъ случаѣ, княземъ Барятинскимъ, донесъ объ этомъ Государю. Его Величество вполнѣ одобряетъ вашъ выборъ, глубокую къ вамъ признательность князя Барятинскаго и согласіе Его Высочества, который готовъ лишиться адъютанта, справедливо заслуживающаго его расположенія, чтобы уступить его Кавказской арміи.

Блистательные подвиги князя Барятинскаго въ Абинской долинѣ въ 1835 году и на Андійскихъ высотахъ въ 1845 году, его расположеніе къ храбрымъ Кабардинцамъ, которое онъ сумѣлъ внушить и имъ къ себѣ, когда онъ раздѣлялъ ихъ труды,—рвеніе, съ которымъ онъ желаетъ еще тѣснѣе соединиться съ ихъ воинственною долею, все это ручается нашему Августѣйшему Вождю, что этотъ союзъ

Въ тотъ же день князь Воронцовъ написалъ князю Чернышову (тогда шефу Кабардинскаго полка): „Съ великою радостью получилъ я, любезный князь, ваше благосклонное письмо, отъ 12-го Февраля на счетъ назначенія князя Барятинскаго командиромъ храбраго полка, носящаго ваше имя. Очаровательно-лестный для меня способъ, которымъ Государь Императоръ выразился по поводу настоящаго случая, вызвалъ во мнѣ чувства глубокой признательности, которыя я и прошу васъ повергнуть къ стопамъ нашего августѣйшаго Монарха."

„Итакъ, храбрые Кабардинцы въ добрыхъ рукахъ, и князь Барятинскій во главѣ полка, въ рядахъ котораго онъ сдѣлалъ свои первые военные шаги, съумѣвъ заслужить уваженіе и любовь офицеровъ и солдатъ. Вы можете быть спокойны, князь, что ваши храбрые Кабардинцы будутъ всегда хорошо употреблены противъ непріятеля, постоянно находящагося въ ихъ сосѣдствѣ, будутъ отлично содержаны и вообще будутъ тѣмъ, чего отъ нихъ желаетъ Государь, какъ въ гарнизонной, такъ и въ полевой службѣ".

Князь Воронцовъ не ошибся: Александръ Ивановичъ Барятинскій оказался именно такимъ командиромъ, какой

молодаго полковника, уже выдержавшаго испытаніе, съ полкомъ, въ которомъ геройство традиціонно, оправдаетъ Его ожиданія и ваши. Его Величество доволенъ тѣмъ, что офицеръ съ прекраснымъ именемъ и отличнымъ состояніемъ посвящаетъ себя серьезнымъ и важнымъ обязанностямъ службы въ краѣ, гдѣ развлеченія суть битвы. Этотъ примѣръ, безъ сомнѣнія, подстрекнетъ къ подражанію нашу военную молодежь. Выражая вамъ свое удовольствіе за этотъ разсудительный выборъ, Его Величество узнаетъ въ немъ благородныя симпатіи, призвавшія васъ, дорогой князь, въ началѣ вашего военнаго поприща, въ ряды нашей храброй Кавказской арміи, съ которою ваше имя будетъ всегда неразлучно на страницахъ исторіи.

Государь ждетъ лишь вашего офиціальнаго представленія, чтобы окончательно назначить князя Барятинскаго на лестную должность, которую вы ему предназначили. Я вполнѣ раздѣляю съ вами убѣжденіе, что онъ достойно будетъ охранять старыя знамена того полка, мундиръ котораго я съ гордостью ношу. Позвольте же и мнѣ васъ поблагодарить за вашъ выборъ и примите вновь увѣреніе, любезный князь, въ моемъ искреннемъ къ вамъ расположеніи.

нуженъ былъ Кабардинскому полку, слава котораго гремѣла не только по всему Кавказу, но и во всей военной Россіи. Князю было 32 года; но у него было столько врожденныхъ способностей, что онѣ замѣняли и недостатокъ солиднаго образованія, и недостатокъ опытности. Смѣлость въ дѣйствіяхъ, не только военныхъ, но вообще въ службѣ и жизни, необычайный тактъ, умѣнье узнавать людей и пользоваться ими, умѣнье примѣняться къ обстоятельствамъ, вліять на толпу, заставлять ее повиноваться ему, бояться его, не прибѣгая къ крикамъ, распеканіямъ, жестокостямъ, или къ надоѣдливой педантической регламентаціи всякаго шага; обдуманность, наконецъ, всякаго своего поступка, всякаго слова, которое онъ собирался произносить въ роли начальника, все это выдвигало его изъ ряда обыкновенныхъ, заурядныхъ людей. Къ этому слѣдуетъ еще прибавить счастливую наружность, производившую немалое обаяніе, большое состояніе, дававшее возможность быть щедрымъ, связи и покровительство высокихъ сферъ, создавшія въ немъ крѣпкую вѣру въ свою счастливую звѣзду.

Послѣ Даргинской экспедиціи 1845 г. Кабардинскій полкъ, въ теченіи двухъ лѣтъ, находился какъ бы въ нѣкоторомъ загонѣ. Командиръ полка Козловскій не пользовался особымъ расположеніемъ высшихъ властей, особенно ближайшаго начальника лѣваго фланга генерала Фрейтага, хотя въ офиціальныхъ бумагахъ ему расточались комплименты. Экспедиціи въ Чечнѣ, для начавшейся тогда усиленной рубки въ лѣсахъ, совершались безъ участія Кабардинцевъ; слѣдовательно, полкъ былъ лишенъ случаевъ къ отличіямъ и наградамъ. Явилось нѣчто въ родѣ унынія и общаго недовольства; замѣчался какъ бы упадокъ въ нравственномъ отношеніи, отчасти распущенность даже и по полковому хозяйству.

Неудивительно послѣ этого, что въ полку, гдѣ многіе знали князя Барятинскаго съ 1845 года, вѣсть объ его назначеніи была принята съ восторгомъ, что многіе обнимались, цѣловались, поздравляя другъ друга. Его ждали какъ избавителя...

Князь Барятинскій пріѣхалъ, вступилъ въ командованіе полкомъ и, не прошло нѣсколькихъ дней, послѣдовало почти

общее разочарованіе, исподволь превратившееся въ неудовольствіе, даже отчасти во враждебное озлобленіе...

Что же случилось?

Князь пріѣхалъ съ предвзятыми понятіями о дисциплинѣ, почерпнутыми, быть можетъ, изъ Петербургскихъ порядковъ того времени, но вѣроятно болѣе изъ примѣровъ иностранныхъ армій. Подобные порядки однако вовсе не соотвѣтствовали духу Русскихъ войскъ вообще, а Кавказскихъ въ особенности. Кавказскія войска, воспитанныя на практической почвѣ постоянной войны, выработавшія издавна свой особый кодексъ отношеній къ начальству и подчиненнымъ, имѣли отличительную способность весьма мѣтко опредѣлять качества новичковъ изъ начальства, угадывать все притворное, напускное, подвергая ихъ осужденію, насмѣшкамъ; почти никто изъ новыхъ, пріѣзжихъ „изъ Россіи“, не избѣгалъ такой критики. Не избѣгъ ея и князь Барятинскій, какъ только сталъ относиться къ офицерамъ съ холодно-надменною педантичностью, примѣняя разныя строгости и взысканія въ неособенно важныхъ случаяхъ. Молва, какъ всегда, стала все преувеличивать и чѣмъ дальше она неслась, тѣмъ большіе принимала размѣры, а заброшенные по разнымъ укрѣпленіямъ и башнямъ, на жертву тоскѣ, офицеры вѣрили всякой пустой сплетнѣ. Напримѣръ, говорили, что всѣхъ неумѣющихъ болтать на иностранныхъ языкахъ, или не выпущенныхъ изъ кадетскихъ корпусовъ, командиръ гонитъ изъ полка, для чего имъ данъ шестимѣсячный срокъ. Между тѣмъ, князь тогда вовсе не чувствовалъ особаго расположенія къ гвардейскимъ франтамъ, къ Французской болтовнѣ и т. п. Онъ, напротивъ, отдавалъ явное предпочтеніе старымъ Кавказскимъ офицерамъ и даже отличавшимся нѣкоторою грубостью и неотесанностью. Быть оригиналомъ, въ смыслѣ Paysan du Danube, было лучшимъ средствомъ ему понравиться. Князь судилъ безошибочно о людяхъ своей среды; ихъ онъ видѣлъ насквозь. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ склоненъ искать самородковъ въ черноземѣ, иногда находилъ ихъ, иногда попадался и въ обманъ (ибо при всей его проницательности ему недоставало знанія такого сорта людей), да отчасти онъ дарилъ ихъ особою снисходительностью, за-

бавляясь ихъ простотою, хотя она была большею частью плодомъ хитрости, особенно практикуемою Малороссами... Образчикомъ такого человѣка былъ въ Кабардинскомъ полку нѣкто Тарасъ Ильченко, человѣкъ безобразнѣйшей наружности, достигшій изъ фельдфебелей чина подполковника (не умри онъ, достигъ бы пожалуй и генеральскаго чина). Ильченко потѣшалъ князя безпрерывными уморительными выходками и пользовался его неизмѣннымъ расположеніемъ. Онъ командовалъ фурштатами, завѣдывалъ разными хозяйственными отраслями, сѣнокосами и т. п. дѣлами, сопряженными съ денежными счетами и интересами полковаго командира. Прикидываться простоватымъ, почти глуповатымъ, яко бы прямодушно-грубымъ и при томъ до самоотверженія берегущимъ интересы своего начальника,—извѣстный маневръ многихъ простыхъ людей, дѣйствовавшихъ съ большимъ успѣхомъ такимъ способомъ при высокопоставленныхъ особахъ изъ аристократіи. Ильченко съумѣлъ пріобрѣсти полное довѣріе и считался безупречно-честнымъ человѣкомъ въ глазахъ князя. Какими путями онъ достигалъ этого, можно судить по слѣдующему примѣру. При недостаткѣ накошеннаго сѣна для полковыхъ лошадей, иногда оно покупалось у туземцевъ, привозившихъ на своихъ арбахъ сѣно въ Хасавъюртъ. Однажды Ильченко у воротъ укрѣпленія торговалъ сѣно; замѣтивъ, что идетъ князь Барятинскій, онъ какъ будто не видитъ его, горячо съ кумыкомъ сталъ спорить, торговаться, наконецъ, взялъ клокъ сѣна въ ротъ и сталъ жевать. Въ эту минуту подошелъ князь Барятинскій, и Ильченко поспѣшилъ вытянуться и взять подъ козырекъ, какъ бы скрывая клокъ сѣна.

— Что это, вы сѣно ѣдите? спросилъ князь съ изумленіемъ.

— Помилуйте, ваше сіятельство, вотъ Татаринъ дорогую цѣну запрашиваетъ, увѣряетъ, что сѣно отличное; а я ему доказываю, что сѣно плохое, не сочное, покупаю только по нуждѣ для полковыхъ лошадей и желаю дешевле купить.

Князь Барятинскій улыбнулся и чуть-ли не повѣрилъ этой выходкѣ, потому что сказалъ по-французски бывшему съ нимъ (не помню, кто именно это былъ) офицеру изъ приближенныхъ: Удивительный человѣкъ этотъ Ильченко; сѣно

жретъ, чтобы выторговать въ мою пользу нѣсколько копѣекъ! А между тѣмъ Ильченко полковое же сѣно показывалъ купленнымъ на сторонѣ и получалъ за него съ князя большія деньги!...

Когда у князя бывали балы, то приглашались всѣ полковыя дамы безъ исключенія, въ томъ числѣ и m-me Ильченко, здоровая, дебелая баба, подъ стать своему мужу, большая охотница до танцевъ. Когда ее выбирали въ мазуркѣ, она съ сіяющимъ отъ удовольствія лицомъ и съ какою-то грубою радостью бросалась въ плясъ, катясь какъ бочка. Мужъ стоялъ однажды въ дверяхъ залы и съ неподражаемой хохлацкой ироніей громко воскликнулъ: „Якъ копна сина валытъ!“ Это было тотчасъ передано князю, и онъ, какъ большой охотникъ до подобныхъ шутокъ, долго смѣялся, повторяя это выраженіе.

Въ другой разъ Ильченко опять далъ случай князю посмѣяться: у него былъ очень боленъ ребенокъ, и князь Барятинскій принималъ въ этомъ участіе, посылалъ доктора и, кажется, какое-то гомеопатическое средство. Утромъ является Ильченко по службѣ; князь встрѣчаетъ его вопросомъ:— „ну, что, какъ ребенокъ?“

— Оченно боленъ, ваше сіятельство.

„Что же, вы давали ему лекарство?“

— Ни, нашимъ дѣтямъ такія лекарства не годятся.

„Какъ не годятся, а чѣмъ же вы его лечите?“

— Я ему настоялъ рѣдьки съ перцемъ—тѣмъ сокомъ поимъ; это очень помогаетъ; мы уже много разъ такъ дѣлали.

Когда вышелъ Ильченко, князь обратился къ бывшимъ у него въ это время офицерамъ съ выраженіемъ удивленія. „Что за натура у этихъ людей! Ребенку, въ горячкѣ, даютъ рѣдьку съ перцемъ!“ и долго разсказывалъ о такомъ необыкновенномъ цѣлебномъ средствѣ и о такой натурѣ...

А Ильченко, само собою, вралъ, зная, что большой баринъ, при всемъ своемъ умѣ, простаго народа совсѣмъ не знаетъ, и нѣтъ ничего легче, какъ надувать его, надѣвъ маску почти дикости.

Распустили тогда въ полку слухъ, будто всѣхъ прибывающихъ въ полковую штабъ - квартиру офицеровъ князь

осматриваетъ какъ рекрутовъ, поворачиваетъ во всѣ стороны, и чуть какая неисправность въ платьѣ или обуви, арестуетъ. Въ дѣйствительности же ничего подобнаго не было, если не считать развѣ шуточнаго обращенія князя съ однимъ весьма ограниченно-забавнымъ прапорщикомъ.

Дошло до того, что офицеры стали уклоняться отъ хожденія съ оказіями въ полковой штабъ, къ чему прежде всегда стремились съ удовольствіемъ, такъ какъ это давало возможность хотя на нѣсколько часовъ вырваться изъ глухаго укрѣпленія, очутиться среди людей, среди женскаго общества, узнать что-нибудь новое, удовлетворить тѣмъ или другимъ потребностямъ, развлечься и т. д.

Обвиняли его еще въ послѣдствіи, что онъ не жалѣлъ солдатъ, гналъ исполненіе своихъ плановъ во что́ бы ни стало, причемъ людямъ мало приходилось отдыхать. Это отчасти и было въ дѣйствительности; но, вопервыхъ, въ военное время начальнику нерѣдко приходится требовать отъ войскъ крайняго напряженія силъ; вовторыхъ, Русскій солдатъ за это не въ претензіи, если онъ видитъ притомъ, что объ немъ заботятся, цѣнятъ его труды и отличаютъ. Самъ же князь Барятинскій лучшее тому доказательство, потому что солдаты любили его не меньше офицеровъ.

Одинъ изъ самыхъ приближенныхъ, искренно-преданныхъ князю Барятинскому бывшихъ офицеровъ Кабардинскаго полка П. Г. Бѣликъ разсказываетъ, что и онъ былъ въ числѣ озлобленныхъ, вѣрившихъ во всѣ эти росказни, такъ что когда получилъ приказаніе явиться въ кр. Внезапную (тогдашній штабъ полка) для принятія должности полковаго квартермистра, то не ѣхалъ двѣ недѣли подъ предлогомъ болѣзни, думая, что про него забудутъ и избавятъ отъ такой близкой къ лютому командиру службы. Но наконецъ долженъ былъ ѣхать, хоть и съ рѣшимостью, будь что̀ будетъ, отказаться отъ предложенной должности. Вотъ какъ описываетъ П. Г. Бѣликъ свое представленіе князю Барятинскому.

„Дѣло прошлое; я тогда былъ уже хорошо знако̀мъ съ войною, и не разъ случалось сходиться съ непріятелемъ; но ни разу я не чувствовалъ себя такъ сконфуженнымъ и потерявшимся, какъ назначеніемъ меня квартермистромъ.

„Когда насталъ роковой часъ выѣзда изъ Хасавъ-Юрта, товарищи провожали меня чуть не какъ осужденнаго; я даже прослезился.... Пока я доѣхалъ изъ Хасавъ-Юрта до Внезапной, чувство страха замѣнилось во мнѣ злобою, ненавистью и дерзкими мыслями на случай, если князь будетъ насиловать меня къ принятію должности квартермистра“.

„Въ такомъ скверномъ настроеніи духа, по прибытіи во Внезапную, я переодѣлся, отправился къ князю и засталъ его одного прохаживающимся по комнатѣ. Послѣ словъ: „честь имѣю явиться, прапорщикъ такой-то“, князь спросилъ:

— Почему вы такъ долго не являлись?

— Былъ боленъ, о чемъ отъ батальона было донесено полку.

— А теперь здоровы?

— Здоровъ.

— Ну, теперь слушайте, что́ я вамъ буду говорить. Я васъ назначилъ квартермистромъ, и завтра же приступите къ пріему должности. Принимайте осмотрительно; ибо я съ васъ буду взыскивать, если потомъ найду какую-либо неисправность. Слышите?

— Слышу, в. с-во; но позвольте мнѣ на это доложить, что я съ хозяйственною частью незнакомъ, а потому, изъ опасенія отвѣтственности, покорнѣйше прошу не оставьте освободить меня отъ этой должности; къ тому же я человѣкъ необразованный, малограмотный и чувствую себя неспособнымъ служить при васъ. (При этомъ послѣднемъ словѣ я махнулъ рукою, какъ бы въ доказательство нежеланія принять должность).

Пока я говорилъ, князь ходилъ, слушалъ и молчалъ; когда же я махнулъ рукою, тогда онъ, сильно покраснѣвъ, быстро подошелъ ко мнѣ и, возвысивъ голосъ, сказалъ: „Вы куда пришли?“

— Къ вашему сіятельству.

— А я кто такой?

— Командиръ полка.

— Какъ же вы смѣли придти ко мнѣ съ вашимъ нелѣпымъ заявленіемъ о нежеланіи исполнить приказаніе мое, какъ полковаго командира? Послѣ нѣкотораго молчанія: „Вы

знаете, что я вправѣ послать васъ на явную смерть, и тогда вы не смѣете ослушаться".

„Опять молчаніе. „Васъ Козловскій развратилъ своимъ добродушіемъ; вы не знаете дисциплины; вы не имѣете должнаго чувства повиновенія къ своему полковому командиру; теперь я понимаю, какъ съ вами обращаться и какъ съ вами поступать. Идите и завтра отправляйтесь въ батальонъ".

„Затѣмъ князь быстро отвернулся и ушелъ въ другую комнату. Я почувствовалъ себя сильно сконфуженнымъ.

„Выйдя отъ князя, я отправился въ полковую канцелярію, гдѣ разсказалъ адъютанту о моемъ разговорѣ съ княземъ. Тотъ меня сильно пожурилъ и пожалѣлъ о моемъ поведеніи. Въ это время пришелъ ординарецъ звать адъютанта, который, возвратясь черезъ десять минутъ, потребовалъ, чтобы я шелъ съ нимъ опять къ князю".

„Мы съ адъютантомъ стояли въ залѣ, когда князь появился изъ сосѣдней комнаты и, подойдя ко мнѣ, сказалъ: „вы какой губерніи?"

— Полтавской.

— Ну, вотъ и кстати, а я Кіевской, значитъ оба хохлы; будемъ служить вмѣстѣ. Затѣмъ обратился къ адъютанту и велѣлъ отдать приказаніе поручику Флоринскому, чтобы сдалъ должность, а мнѣ сказалъ: „а вы примите", и ушелъ.

„На другой день князь потребовалъ меня и спросилъ: „Приступили къ пріему должности?"

— Приступилъ.

— Ну-съ и прекрасно. Теперь слушайте: опредѣляю вамъ отъ себя 500 рублей прибавочнаго жалованья, обѣдъ и вечеромъ чай у меня; что же касается до неопытности вашей по части хозяйственной, то вы объ этомъ не безпокойтесь: я вамъ дамъ „Правила", какъ управлять полковымъ хозяйствомъ. Вотъ они (и, взявъ со стола огромную тетрадь, передалъ мнѣ). Читайте и руководствуйтесь ими; для васъ это будетъ полезно".

Глава VI.

„Правила“ о веденіи полковаго хозяйства. — Жалоба бабъ на свиней. — Эпизодъ съ „Правилами“. — Доносъ на Бѣлика и его послѣдствія. — Знаніе Малороссійскаго языка. — Характеристика князя, какъ полковаго командира. — Отзывъ генерала Коцебу.

Получивъ „Правила“, состоявшія изъ VII главъ и 98 параграфовъ; Бѣликъ набросился на нихъ съ большимъ любопытствомъ, но чтобы одолѣть толстую тетрадь какъ слѣдуетъ, требовалось не менѣе недѣли. Продолжаю выписку изъ его письма.

„Между тѣмъ, бывая у князя каждый день, я все больше и больше знакомился съ нимъ; онъ мнѣ окончательно понравился, я почувствовалъ къ нему искреннее расположеніе и, безъ стѣсненія, сталъ съ нимъ говорить о полковыхъ дѣлахъ, причемъ между нами часто, по несогласію въ мнѣніяхъ, происходили споры, кончавшіеся однако всегда благопріятно для меня, потому что князь могъ быть великимъ человѣкомъ, но не могъ знать, какъ хлѣбы пекутъ и кашу варятъ“.

„Въ пресловутыхъ „Правилахъ „VII-я глава была исключительно посвящена частному полковому хозяйству, какъ-то птицеводству, скотоводству, свиневодству, маслобойнѣ, коптильнѣ и проч. и проч. Въ примѣчаніи къ § 94 было, напримѣръ, сказано: съ половины Ноября не слѣдуетъ гонять свиней на пастьбу въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ лѣсовъ, а нужно держать въ загонѣ и поддерживать питательнымъ кормомъ, имѣющимся всегда въ изобиліи на солдатскихъ кухняхъ отъ разныхъ отбросковъ и остатковъ послѣ ужиновъ и обѣдовъ; для собиранія ихъ слѣдуетъ имѣть бочки или перерѣзы и каждый день вечеромъ перевозить ихъ на особо-устроенныхъ дрогахъ, гдѣ удобно помѣщались бы два или три перерѣза“.

„Прочитавъ всю эту премудрость, я заключилъ, что едва-ли князь читалъ „Правила“; ибо они вовсе не гармонировали съ правилами чести и положеніемъ командира полка, быв-

шаго въ тѣ времена для всѣхъ полу-богомъ, и потому я рѣшился сдѣлать князю объ этомъ особый докладъ. Но между тѣмъ на Внезапнинскомъ форштадтѣ разыгралась такая комедія: послѣ сдачи Козловскимъ полка, на полковомъ дворѣ остались принадлежащія ему шесть свиней, безъ всякаго назначенія, вѣрнѣе, просто забытыя; не получая корма, свиньи эти бродили по форштадту, по дворамъ и огородамъ и однажды забрались во дворъ къ одной солдаткѣ и пожрали у ней на 5 рублей капусты, только что купленной и привезенной издалека. Баба была бойкая и, зная, что эти свиньи уже многимъ надѣлали вреда, она собрала еще съ десятокъ бабъ и отправилась къ князю съ жалобою на свиней. Онъ стоялъ въ это время на батареѣ и видѣлъ, какъ эта бабья толпа съ шумомъ двигалась въ крѣпость; но полагалъ, что это компанія подъ вліяніемъ Бахуса. Однако, къ крайнему удивленію князя, черезъ нѣсколько минутъ бабы остановились передъ нимъ и завопили":

— „Помилуйте насъ, ваше с-во, мы люди бѣдные, а свиньи ваши раззоряютъ насъ; при Козловскомъ такой бѣды не было, а при васъ что̀ ни день, то бѣда. И пошли перечислять и вычислять разные убытки, причиненные имъ свиньями."

— Кому же эти свиньи принадлежатъ? спросилъ князь.

— Да вашему сіятельству, закричали бабы.

— У меня никакихъ свиней нѣтъ.

— Нѣтъ есть, есть; онѣ прежде назывались Козловскими, а теперь княжескими.

— Ну-съ, хорошо, ступайте, я сейчасъ разберу это дѣло, и приказалъ ординарцу позвать меня."

„Князь съ весьма серьезнымъ видомъ встрѣтилъ меня вопросомъ: „Что это за свиньи, на которыхъ бабы приходили ко мнѣ съ жалобою?"

— Козловскаго.

— Зачѣмъ же онъ оставилъ ихъ на полковомъ дворѣ?

— Полагаю, что онъ объ нихъ забылъ.

— Ну такъ напишите Козловскому отъ себя, чтобы онъ распорядился очистить полковой дворъ отъ этихъ безпокойныхъ животныхъ.

— Слушаю-съ. Но не прикажите-ли, ваше с-во, написать къ нему, чтобы онъ уступилъ вамъ этихъ свиней за сходную цѣну; свиньи породистыя и еще молодыя. Князь, очевидно взволнованный, покраснѣлъ и раздражительно спросилъ: „это зачѣмъ?“

— Да вѣдь вы же будете заводить свиней, птицу, скотъ и другое разнаго рода хозяйство.

— Кто это вамъ сказалъ?

— Въ „Правилахъ“, которыя изволили передать мнѣ для руководства, сказано объ этомъ.

— Не можетъ быть. Принесите эти „Правила“ сейчасъ.

„Когда я, черезъ десять минутъ, явился съ тетрадью, князь, съ лицомъ побагровѣвшимъ и съ компрессомъ на головѣ, сидѣлъ въ креслѣ.“

— Положите тетрадь на столъ, а сами идите; я васъ потомъ позову.“

Послѣ этого я прослужилъ съ княземъ семь лѣтъ и ни разу уже не слышалъ и слова отъ него объ этихъ проклятыхъ „Правилахъ“, которыя очевидно были писаны съ злымъ умысломъ, и подъ маскою доброжелательства переданы князю, въ увѣренности, что самъ онъ ихъ читать не станетъ, а передастъ должностному офицеру для руководства, какъ оно и случилось. Но кто былъ этотъ доброжелатель, для меня осталось тайною. Только черезъ 21 годъ послѣ этого, въ 1868 году, я былъ вызванъ княземъ въ его Курское имѣніе, гдѣ и прожилъ цѣлый мѣсяцъ. Тамъ однажды въ паркѣ сидѣли князь, княгиня и я; онъ, въ хорошемъ расположеніи духа, вспоминалъ и разсказывалъ разные случаи изъ Кавказской жизни и какъ онъ однажды назначалъ судную комиссію судить меня, причемъ много хохоталъ; а я разсказалъ княгинѣ, какъ его с-во явился на Кавказъ командовать полкомъ и привезъ „Правила“ для разведенія въ полку свиней и собиранія имъ отъ солдатскихъ обѣдовъ и ужиновъ корма. Князь отъ души смѣялся и потомъ сказалъ: „Да, этотъ злой человѣкъ уже издохъ; но полкъ и лѣвый флангъ вообще были для меня превосходною школою“. Однакоже имени автора „Правилъ“ такъ и не назвалъ.

До какой степени безпристрастно относился князь Александръ Ивановичъ къ своимъ приближеннымъ должностнымъ офицерамъ, можетъ показать слѣдующій случай съ тѣмъ же Бѣликомъ. Въ укрѣпленіи Ташъ-Кичу строился батальонный лазаретъ, на который было отпущено всего 950 р.; строитель, прапорщикъ Шабловскій, употребивъ 300 р. на покупку желѣза, стеколъ и проч., узналъ, что квартермистръ вывелъ по книгѣ 700 р. и обрадовался случаю насолить товарищу; онъ подалъ князю доносъ на Бѣлика. Александръ Ивановичъ призвалъ Бѣлика, сообщилъ ему доносъ и прибавилъ: „Я назначилъ комиссію разслѣдовать дѣло; берегитесь, если хоть тѣнь подозрѣнія падетъ на васъ: я васъ не пожалѣю. Комиссія, разобравъ дѣло, нашла, что расходъ выведенъ совершенно правильно, ибо кромѣ матеріаловъ, пріобрѣтенныхъ строителемъ, изъ полковаго штаба были посланы въ Ташъ-Кичу бревна, доски и т. д., купленныя по утвержденнымъ цѣнамъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что донощикъ былъ представленъ къ исключенію изъ полка, а Бѣликъ встрѣченъ княземъ весьма любезно. Положивъ ему руку на плечо, онъ сказалъ помалороссійски: „забудь, казакъ, усю нуду, я до тибо вірный буду“. (Это перефразировка Малороссійской пѣсни, гдѣ дѣвка кается передъ своимъ возлюбленнымъ: „забудь, казакъ, мою блуду, теперь вірна тоби буду“.)

Казалось страннымъ, откуда князь Барятинскій могъ знать такія Малороссійскія пѣсни? Но дѣло разъяснилось уже впослѣдствіи и совершенно случайно. Въ 1854 году, во время войны въ Азіятской Турціи, князь Александръ Ивановичъ, тогда начальникъ Главнаго штаба Кавказской арміи, пріѣхалъ временно къ войскамъ, дѣйствовавшимъ противъ Турокъ подъ командою князя Бебутова, въ качествѣ его помощника. Къ нему являлись по службѣ съ докладами разные командиры и въ томъ числѣ Черноморскаго казачьяго войска полковникъ Попко. Однажды князь пригласилъ его, послѣ служебнаго доклада, къ чаю и спросилъ: „вы вѣдь Малороссъ и конечно знаете Малороссійскій языкъ?“ На утвердительный отвѣтъ Попко, князь досталъ со стола книгу и, передавъ ее Попко, спросилъ: а съ этою книгою вы знакомы?

— Какъ не быть знакомымъ съ Энеидой Котляревскаго!

„Ну, такъ прочитайте мнѣ какую-нибудь главу изъ нея“.

Г. Попко, не раскрывая книги, прочиталъ наизустъ цѣлую главу.

„Прекрасно, прекрасно; теперь прослушайте меня“. И князь частью изъ книги, частью тоже наизустъ, прочиталъ одну изъ главъ и притомъ довольно правильно, хотя въ произношеніи нельзя было не замѣтить Великоросса.

Полковникъ Попко весьма былъ удивленъ и спросилъ князя, гдѣ онъ выучился Малороссійскому языку? Александръ Ивановичъ разсказалъ ему слѣдующее. Еще въ двадцатыхъ годахъ у нихъ въ имѣніи, с. Ивановскомъ, былъ садовникъ Малороссъ и при немъ нѣсколько парней, тоже хохловъ; садовникъ былъ отличный разскащикъ разныхъ народныхъ сказокъ и пѣлъ много своихъ родныхъ пѣсенъ Александру Ивановичу и брату его Владиміру, тогда 7—8 лѣтнему мальчику; имъ это доставляло такое большое удовольствіе, что они, какъ лучшую награду, считали, когда имъ позволяли безъ гувернера-Француза идти въ садъ, гдѣ тотчасъ и уходили къ садовнику слушать его сказки и пѣсни. Вотъ съ тѣхъ поръ они выучились Малороссійскому языку, очень полюбили все Малороссійское, а когда, много лѣтъ спустя, Александру Ивановичу случилось прочитать извѣстную Энеиду Котляревскаго, онъ такъ пристрастился къ ней, что книга эта стала его неразлучною спутницею и дома, и въ походахъ, и прочитываніе ея однимъ изъ пріятнѣйшихъ развлеченій. (Это разсказалъ мнѣ самъ И. Д. Попко, нынѣ генералъ-лейтенантъ и Ставропольскій губернскій предводитель дворянства).

Вообще должностнымъ офицерамъ, адъютанту, казначею, квартермистру и другимъ не легко было служить при князѣ, хотя хозяиномъ онъ не былъ никогда и по этой части ничего не зналъ. Впрочемъ, и въ отношеніи другихъ офицеровъ не скупился онъ на выговоры и аресты, когда считалъ кого-либо провинившимся, хотя вся эта строгость была ничто въ сравненіи съ практиковавшеюся въ тѣ времена въ Россіи и даже въ нѣкоторыхъ другихъ Кавказскихъ полкахъ. Онъ, главнымъ образомъ, не допускалъ фамильярности, и эта

черта сохранилась въ немъ навсегда, при всѣхъ положеніяхъ и со всѣми.

Упомянутыя выше неудовольствія и разочарованія продолжались не долго. Князь Александръ Ивановичъ, со свойственною ему наблюдательностью и смѣтливостью, быстро понялъ окружающую его новую среду, искренно, по убѣжденію сроднился съ нею, отбросилъ ошибочныя стороны своихъ предвзятыхъ теорій, сохранивъ однако навсегда строгое понятіе о военной дисциплинѣ—въ ея сущности, а не въ формахъ. Все было забыто, и полкъ уважалъ, любилъ и боялся своего командира совершенно искренно.

Во время командованія полкомъ, утративъ уже отчасти блескъ и свѣжесть молодости, князь Барятинскій началъ держать себя старикомъ, ходилъ немного сгорбившись, въ длиннополомъ сюртукѣ толстаго сукна, введенномъ на Кавказѣ въ моду княземъ Воронцовымъ, прихрамывалъ и жаловался на подагру. Занимательный собесѣдникъ, анекдотистъ, поклонникъ прекраснаго пола, знатокъ и охотникъ до хорошаго вина въ маленькомъ избранномъ кружкѣ, онъ былъ грозенъ въ дѣлахъ службы, особенно когда оставался чѣмъ-нибудь недоволенъ. Старые боевые штабъ-офицеры трепетали передъ его наморщенными бровями, передъ его нѣсколько-саркастическою, рѣзко-холодною рѣчью, указывавшею на сдѣланное упущеніе или отдававшею приказаніе. Рѣдко можно было встрѣтить человѣка, который умѣлъ бы такъ очаровать своимъ ласковымъ обращеніемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ заставить признавать себя старшимъ, внушающимъ уваженіе и повиновеніе. Съ удивительнымъ тактомъ пускалъ онъ въ ходъ эти двѣ пружины, вызывавшія въ подчиненныхъ боязнь прогнѣвить его и радость быть обласканнымъ; онъ управлялъ своими подчиненными не только какъ офицерами, но и какъ людьми, что̀ составляетъ весьма рѣдкій талантъ, необходимый для высшихъ начальствующихъ лицъ. Иногда онъ спускался до уровня понятій бѣдныхъ офицеровъ, не видавшихъ въ жизни ничего кромѣ полковаго штаба и казачьихъ станицъ. Съ непритворнымъ, казалось, участіемъ входилъ въ ихъ мысли, становился на ихъ точку зрѣнія, и все это

такъ тонко, такъ деликатно, что они были въ восхищеніи, не замѣчая добродушнаго обмана.

Часто принимая къ себѣ на обѣды и вечера всѣхъ офицеровъ, вступая то съ тѣмъ, то съ другимъ въ разговоры, князь Барятинскій, при своемъ рѣдкомъ умѣньи заглядывать въ душу человѣка, узнавалъ всѣхъ, оцѣнивалъ ихъ способности и безошибочно употреблялъ каждаго на то дѣло, на которое онъ былъ пригоденъ. Опять весьма рѣдкій талантъ, безъ котораго высшіе начальствующіе люди не могутъ съ успѣхомъ проявлять свою дѣятельность.

При большомъ состояніи и щедрости, князь не жалѣлъ ни своихъ денегъ, ни остававшихся у него въ экономіи полковыхъ, на различныя увеселенія, балы и т. п., могущіе доставить офицерскому обществу удовольствіе. Балы бывали оригинальные, только и возможные при тогдашней Кавказской обстановкѣ, съ ея элементами дико воинственнаго разгула; они возбуждали въ молодежи самыя фантастическія иллюзіи особыхъ чувствъ наслажденія жизнью, такъ гармонировавшія и съ окружающею природою. Могли ли офицеры не дорожить командиромъ, который доставлялъ такія удовольствія, для иныхъ совершенно новыя и невиданныя, для другихъ—воспоминанія о прежней, столичной жизни? И, само собою, большинство офицеровъ искренно любили своего командира и готовы были съ нимъ въ огонь и въ воду. О солдатахъ нечего и говорить: щедрый и храбрый человѣкъ всегда ихъ кумиръ. Для команды охотниковъ князь выписалъ изъ Бельгіи особыя ружья, противъ которыхъ Чеченцы съ своими винтовками уже не могли устоять, тогда какъ тогдашнія обыкновенныя солдатскія ружья въ стрѣльбѣ возбуждали только насмѣшки горцевъ.

Однимъ словомъ, князь Барятинскій, душой и тѣломъ военный человѣкъ, увлекавшійся поэтической стороной Кавказской боевой жизни, съумѣлъ въ короткое время привить полку особую притягательную силу: все молодое, стремившееся на Кавказъ за отличіями, за славой, жаждавшее сильныхъ ощущеній, просилось и поступало въ Кабардинскій полкъ, извѣстность котораго распространилась по всѣмъ военнымъ кружкамъ Россіи. Съ этого времени командованіе Кабардин-

скимъ полкомъ составляло предметъ честолюбивѣйшихъ мечтаній многихъ молодыхъ людей, поставленныхъ происхожденіемъ, связями, или и личными заслугами, на пути къ военной карьерѣ и извѣстности.

Уже въ то время князь Барятинскій проявлялъ свою непреклонную волю, свою настойчивость въ исполненіи задуманнаго, которыя и были причиною всѣхъ послѣдующихъ его успѣховъ. Не слѣдуетъ забывать, что въ ту эпоху командиръ Кабардинскаго полка имѣлъ важное значеніе и обширный кругъ дѣятельности: онъ командовалъ и всѣми войсками, находившимися на Кумыкской плоскости, и управлялъ туземцами, и начальствовалъ отдѣльными отрядами, дѣйствовавшими самостоятельно при движеніяхъ въ Аухъ, на Мичикъ или Гудермесъ; онъ вѣдалъ и всѣ работы, постройки, отвѣчалъ за отпускаемыя суммы, за отчеты инженеровъ и проч. Слѣдовательно, уже были случаи не только проявлять личную храбрость или способности полковаго командира, но и административныя, распорядительныя соображенія, умѣнье дѣйствовать при сознаніи большой отвѣтственности. Князь Барятинскій тогда уже носился съ мыслями, какъ слѣдуетъ повести дѣло, чтобы достигнуть цѣли и окончить вѣковую борьбу на Кавказѣ, казавшуюся многимъ, даже умнымъ людямъ, безконечною. Однимъ изъ важныхъ препятствій къ окончанію войны князь тогда уже признавалъ неудовлетворительное управленіе покорными горцами; ему казалось, что къ борьбѣ съ Шамилемъ и мюридизмомъ силою оружія слѣдуетъ прибавить борьбу гражданскую, устроивъ управленіе честное, гуманное; что слѣдовало оказывать полное уваженіе мусульманской религіи, шаріяту, еще болѣе мѣстнымъ народнымъ обычаямъ, адату, привлечь этимъ горцевъ къ Русскому владычеству и вырвать ихъ изъ подъ вліянія имама, наибы котораго изъ своекорыстія большею частію притѣсняли и обирали народъ, безъ того уже истощаемый бѣдствіями столь продолжительной войны. Эти мысли послужили основаніемъ образованію той администраціи горцами, которую ввелъ князь Барятинскій впослѣдствіи, бывши начальникомъ лѣваго фланга въ Чечнѣ и еще позже на всемъ Кавказѣ.

Черезъ десять лѣтъ, уже главнокомандующимъ, онъ тѣже мысли и планы привелъ въ исполненіе, часто вспоминая о Хасавъ-Юртѣ и о времени рожденія этихъ предположеній. Что я не преувеличиваю достоинствъ князя Барятинскаго такою оцѣнкою, можетъ служить доказательствомъ слѣдующій отрывокъ изъ письма къ нему генералъ-адъютанта Коцебу, отъ 3-го Ноября 1847 года изъ Тифлиса. „Позвольте мнѣ вамъ сказать, князь, что я считаю себя счастливымъ, познакомившись съ вами; хотя мы мало имѣли случаевъ уяснять наши взгляды на дѣла и людей Кавказа, однако я нахожу, что мы въ этомъ отношеніи вполнѣ сходимся. Желаю, чтобы и у васъ сохранилось такое же впечатлѣніе, какое я навсегда сохраню о немногихъ часахъ, проведенныхъ съ вами“.

Не говоря о томъ, что это писано начальникомъ главнаго штаба арміи, генералъ-адъютантомъ, давно бывшимъ на счету извѣстныхъ генераловъ, къ молодому полковнику, командиру полка, нужно было знать характеръ покойнаго графа Павла Евстафьевича Коцебу, отличавшагося строгостью своихъ сужденій и скупостью на комплименты, чтобы видѣть въ приведенныхъ словахъ серьезный отзывъ опытнаго, отлично знавшаго Кавказъ человѣка. Это уже оцѣнка вполнѣ авторитетная.

Вообще нужно сказать, командованіе Кабардинцами было дѣйствительною школою, создавшею князя Барятинскаго такимъ, какимъ онъ былъ впослѣдствіи на высшихъ ступеняхъ начальникъ, близкій и доступный подчиненнымъ, внушающій въ одно время и страхъ, и любовь; знающій Кавказъ, характеръ его населенія, мѣстныя условія, а потому легко усвоивающій всякую мысль, всякое предположеніе, до края относящіяся.

ВЪ ПАМЯТЬ НЕМНОГИХЪ.

Изъ записной книжки.

Чѣмъ долѣе живу, тѣмъ менѣе вѣрю медицинѣ [1]) или лучше сказать, медикамъ. Чтобъ быть въ полномъ смыслѣ хорошимъ врачемъ, надо соединить въ себѣ столько разнородныхъ качествъ, что всѣ они, взятыя вмѣстѣ, почти превышаютъ силы человѣческія. „Pour être bon médecin, monsieur, il faut avoir deux fois l'esprit d'un homme“ [2]). Такъ говорилъ докторъ медицины Карлъ Мазингъ, одинъ изъ тѣхъ немногихъ, которые именно были типомъ этого феномена—хорошаго врача. Для достиженія этого высокаго, свѣтлаго образа недостаточно многосторонняго, основательнаго знанія всѣхъ наукъ, входящихъ въ область медицины (а ихъ такъ много!); недостаточно шагъ за шагомъ неусыпно слѣдить за всѣми новѣйшими открытіями, за всѣми, можно сказать, революціями въ этой отрасли знаній, частью чтобъ испытать дѣйствительную истину ихъ, частью чтобъ, если нужно, опровергнуть ложныя стремленія; необходимо къ тому имѣть проницательный умъ, чтобъ усвоить всѣ эти знанія, вѣрный взглядъ въ діагностикѣ недуга тѣлеснаго, а иногда и душевнаго, который такъ часто бываетъ скрытой причиной тѣлеснаго; необходимы терпѣніе, энергія, твердость для вліянія на душу паціента, для возбужденія въ немъ той вѣры, которую долженъ больной питать къ своему врачу; онѣ же необходимы самому врачу для послѣдовательнаго наблюденія за страждущимъ. А главное, необходима *гуманность*, безъ которой врачъ, вмѣсто пользы, приноситъ больному одно раздраженіе. Скажу ли:

---

[1]) Не говорю о хиругіи; то—наука положительная; она въ девятнадцатомъ столѣтіи быстрыми шагами пошла впередъ и доставила свѣту много искусныхъ, несоримо-полезныхъ дѣятелей, какъ иностранныхъ, такъ и нашихъ Русскихъ; нѣкоторые изъ нихъ уже заслуженные профессора, другіе—молодые хирурги, образовавшіеся въ нашихъ Русскихъ университетахъ.

[2]) Т.-е: милостивый государь, хорошему медику надо имѣть двойной запасъ человѣческаго ума.

надобно ему самому быть *нравственнымъ* человѣкомъ? Да, дѣятельность врача—своего рода апостольство, подвижничество; а много ли людей, хотя ученыхъ и умныхъ, способны на подобное самоотверженіе!

Я знавала таковыхъ. Они, безъ сомнѣнія, снискали бы со временемъ славу, не уступающую славѣ свѣтила-Пирогова; но, къ несчастію, они не снесли трудовой, положенной себѣ задачи и погибли во цвѣтѣ лѣтъ, не успѣвъ письменными, научными трудами заявить себя ученому міру. Да, къ несчастію, на это подвижничество, на это апостольство необходимо желѣзное здоровье, а у нихъ его не было. Извѣстны они только небольшому кругу друзей и знакомыхъ, ихъ цѣнившихъ и многаго отъ нихъ ожидавшихъ. Но и этотъ кружокъ съ каждымъ днемъ рѣдѣетъ.... и скоро память о нихъ исчезнетъ, какъ исчезаетъ весною снѣгъ на нашихъ степныхъ равнинахъ. Хочу, хоть въ памятной книжкѣ своей, записать ихъ имена. Одинъ изъ нихъ, К. И. Мазингъ, кончившій курсъ въ Дерптскомъ университетѣ; другіе два, получившіе образованіе въ Московскомъ: Дмитрій Викторовичъ Насоновъ, служившій въ Ново-Екатерининской больницѣ и скончавшійся въ 1875-мъ г.; и Алексѣй Ивановичъ Дроздовъ, сначала военный медикъ, потомъ земскій врачъ въ г. Раненбургѣ, гдѣ память о его искусныхъ операціяхъ и сожалѣніе о немъ, какъ о человѣкѣ, живутъ до сихъ поръ во всемъ округѣ: онъ скончался въ началѣ 1874-го года.

Но объ этихъ подвижникахъ, мученикахъ своего призванія, буду говорить ниже. Теперь хочу описать двѣ, каждую, въ своемъ родѣ, оригинальнѣйшія личности.

Отецъ мой страдалъ какой-то нервной болѣзнію, отъ которой лѣчился въ двадцатыхъ и началѣ тридцатыхъ годовъ у лучшихъ въ то время врачей обѣихъ столицъ. Вѣроятно никто изъ нихъ болѣзни его не понялъ; его безжалостно изнуряли кровопусканіями, начиняли лѣкарствами и довели до того, что онъ принужденъ былъ отказаться отъ службы. Въ Мартѣ 1832-го года отецъ, по дѣламъ хозяйства, уѣхалъ въ степную деревню, а мы съ матушкой остались въ Москвѣ, ради нашихъ дѣтскихъ уроковъ. Вдругъ, въ Апрѣлѣ получаетъ матушка извѣстіе, что отецъ заболѣлъ въ деревнѣ, что его повезли обратно въ Москву, но что онъ дорогою остановился въ уѣздномъ городѣ Зарайскѣ, Рязанской губерніи, тамъ остался и проситъ ее немедленно къ нему пріѣхать. Матушка очень испугалась и тутъ же уѣхала, взявъ съ собою только меньшаго моего брата - шалуна, котораго боялась оставить безъ себя. Съ нами, старшими, была наша гувернантка, Александра Васильевна Сахарова, а мнѣ, четырнадцатилѣтней дѣвочкѣ, поручила мать все хозяйство. (Ежедневно, по вечерамъ, я сводила счетъ расходу и несказанно мучилась за непривычнымъ дѣломъ). Мнѣ же, по прошествіи нѣсколькихъ дней, поручено было письмомъ отъ матери все уложить и со всѣмъ домомъ пріѣхать въ Зарайскъ, куда мы и отправились въ своихъ экипажахъ и на своихъ лошадяхъ.

Чтобъ разсказъ мой былъ вполнѣ понятнымъ, необходимо нѣкоторое отступленіе, характеризующее тогдашнюю жизнь въ провинціи; а именно

то, что въ нашемъ Епифанскомъ уѣздѣ, Рязанской губерніи, въ началѣ тридцатыхъ годовъ, врачей вовсе не было. Былъ въ городѣ *одинъ* только *будто бы* врачъ, Никаноръ Семеновичъ Русаковъ, нигдѣ не учившійся, еле грамотный, бывшій *поваромъ* у помѣщицы Козловскаго уѣзда, Тамбовской губерніи; онъ былъ ея крѣпостнымъ дворовымъ человѣкомъ и совокуплялъ должность повара съ должностью управляющаго ея имѣніемъ [1]). Какъ попалъ онъ въ врачи, увидимъ изъ слѣдующаго.

Въ началѣ тридцатыхъ годовъ Никанору Семеновичу было лѣтъ около семидесяти. Онъ былъ маленькато роста, съ жиденькими сѣдыми волосами; бороду и усы брилъ, но не каждый день; сюртукъ носилъ длиннополый, бывшій съ нову темно-зеленый, а тогда какъ его помню желтоватый. Нрава Русаковъ былъ добродушнаго, наивенъ и простъ. При разговорѣ все больше хихикалъ, причемъ прищуривалъ свои маленькіе, сѣрые, всегда слезливые глаза, безъ рѣсницъ.

— Разскажите, Никифоръ Семеновичъ, какъ вы у барыни своей жили?

— Когда, *до* казака, или *послѣ* казака?

— Какого казака?

— Пугачá.

— Развѣ вы Пугачева помните?

— Какъ же. Ха! ха! ха!

— Что жъ тутъ смѣшнаго?

— Какъ не смѣшно. Всѣ мы тогда перепужались. Ужъ боялись мы этого казака, и! и! и! Барыня велѣла, чтобъ вездѣ въ деревнѣ и на усадьбѣ по ночамъ караулъ держали. А мужикамъ некогда; вѣстимо—работа! Караулили бабы, да ночью, со страху и забьются кто куда, въ кухню, въ овинъ ли. Знамо, бабѣ жутко ночью! А какъ Козловскій городничій [2]) испужался! хи! хи! хи!

— Разскажите, Никаноръ Семеновичъ! пристали мы.

— Въ Козловѣ (началъ онъ) извѣстно, колокольня въ соборѣ выше нашихъ деревенскихъ. Вотъ, какъ пошелъ слухъ о Пугачѣ-казакѣ, какъ онъ вездѣ грабитъ, да по городамъ начальниковъ вѣшаетъ, нашъ городничій и струхнулъ! Велѣлъ чтобъ, и день и ночь на соборной колокольнѣ стоялъ караульный и, какъ завидитъ съ колокольни казака, чтобъ въ колоколъ ударялъ. Стоитъ караульный такъ. Да ночью, на верху-то ему больно холодно показалось; онъ и привязалъ длинную веревку къ колоколу и спустилъ ее внизъ, а самъ ушелъ въ избу погрѣться. А тутъ на грѣхъ коза обывательская, откуда ни возьмись, да рогами въ ту веревку и запу-

---

[1]) Въ старину *поваръ* считался самымъ свѣдующимъ лицемъ въ деревенской дворнѣ. Сосѣдка наша Е. М. Шнейдеръ мнѣ говорила: „Какъ ему не знать толка въ хозяйствѣ? Вѣдь онъ—*поваръ!* На кухнѣ всегда сходятся всѣ люди, поваръ и навострится на все“. Она тутъ же повара поставила у себя управляющимъ. А врядъ ли на сходкахъ въ *кухнѣ* говорится о хозяйствѣ?..

[2]) *Городничими* назывались въ то время начальники уѣздныхъ городовъ.

тайся! Бьется коза въ веревкѣ, дергаетъ ее, а колокола́-то и зазвонили! Городничій проснулся, кричитъ:—Кто звонитъ?

Побѣжалъ солдатъ гарнизонный узнать; бѣжитъ назадъ.

— Коза, ваше благородіе!

— Казакъ! закричалъ городничій. Какъ вскочитъ, да въ конюшню.

— Запрягайте! оретъ.

Тройку тутъ же запрягли; сѣлъ онъ въ бричку и ускакалъ изъ города вонъ, куда глаза глядятъ, а самъ уѣзжамши, кричитъ неистовымъ голосомъ:

— Канальи, велите по всѣмъ церквамъ въ набатъ бить!

Забили въ набатъ во всѣхъ церквахъ, весь народъ взбудоражали. Вѣдь ночью дѣло-то было. Всѣ выбѣжали, кто въ чемъ былъ. Кто кричитъ: „пожаръ!“ Кто: „казакъ!“ Ха! ха! ха!

Козу нашли, а городничаго цѣлую недѣлю по уѣзду искали, насилу розыскали: гдѣ-то забившись былъ, да все кричалъ: „Казакъ!“

— Никаноръ Семеновичъ, а какъ, говорятъ, вы дурачка-то за умнаго продали?

— Ха! ха! ха! Барыня меня посылала, бывало, на базаръ хлѣбъ что ли, скотину какую, или лишнихъ кого изъ дворовыхъ, или изъ крестьянъ безтяглыхъ [1]) продавать“.

— Какъ? На базарѣ продавать? спросили мы съ ужасомъ.

— А какъ же?

— Да развѣ они давались продаваться по одиночкѣ?

— Смѣли они пикнуть! Нѣтъ, у нашей барыни расправа коротка была: розги! Вотъ, въ телѣгу посадишь съ собой дѣвку, либо малаго, иногда бабу или мужика, иногда дворовыхъ цѣлую семью—лишнихъ. Привезешь на базаръ и продаешь, а деньги—барынѣ. Въ рекрута продавали кто помоложеда поролсѣе. За этихъ рекрутовъ хор-рошія деньги брали! По пяти сотъ до восьми сотъ, даже по тыщенкѣ давали. Но такихъ мало было рослыхъто! А вотъ, ха! ха! ха! У насъ былъ на деревнѣ дурачекъ, ну какъ есть дуракъ. Я и говорю барынѣ:—Сударыня, аль не попробывать ли Ѳедьку свезти на базаръ?

А она: „Какой чортъ тебѣ за Ѳедьку копейку дастъ?

— Позвольте, сударыня-барыня, попробовать.

— Ну тебя, пробуй, пожалуй!“

Повезъ я Ѳедьку на базаръ, да во всю доро́гу стращаю его: „Ты молъ, Ѳедька, молчи; все молчи, не то выдеру! А какъ молчать будешь, пряничка дамъ“. А Ѳедька только тѣмъ плохъ былъ, что глупъ, а то па̀рень всѣмъ взялъ, ра́жій такой, здоровый. Выставилъ я его на базарѣ, а самъ все ему изподтишка грожу. Молчитъ. Подходятъ покупатели, смотрятъ ему руки ноги, вертятъ его—молчитъ. Въ зубы глядятъ, молчитъ!

---

[1]) *Безтяглый*, не имѣющій надѣла земли и не несущій поэтому *тягла*, т.-е. обязанности работать на барина.

— Что это твой малый все молчитъ? спрашиваютъ меня.—Смирёнъ, батюшка.

Такъ и продалъ его за умнаго, и хорошую цѣну взялъ. Хи! хи! хи!

— А какъ это вы, Никаноръ Семеновичъ, въ доктора́ попали?"

— Хи! хи! хи! Барыня моя померла, царство ей небесное, а мнѣ передъ смертью вольную дала. Куда-же мнѣ дѣваться? Я въ Епифань. Докторовъ тутъ—никого. Я же съ молоду былъ охотникъ разныя травки собирать; на кухнѣ ихъ варилъ, больнымъ раздавалъ. Въ Епифани сталъ лѣчить. Ко мнѣ больные ходятъ, а тамъ и къ себѣ стали купцы звать. Разъ прислалъ за мной богатѣющій здѣсь купецъ Морозовъ. Прихожу. Мой Морозовъ весь посинѣлъ, не дохнетъ, только хрипитъ.—Чтó это съ вами? спрашиваю. Куда тебѣ! онъ и говорить не можетъ, только руками машетъ. Сродничики мнѣ объясняютъ: такъ и такъ, молъ, рыбьей косточкой подавился „Давайте свѣчку въ *пятакъ*!" Приносятъ. Я свѣчу-то деревяннымъ масломъ смазалъ, да въ горло ему и тыкаю. Свѣча гнется. „Не такъ, говорю, давайте *въ гривенникъ*!" Принесли. Я и эту деревяннымъ масломъ смазалъ, да какъ ткну ему въ горло! Проскочила, да и кость вмѣстѣ съ ней-же. Ожилъ купецъ.

— Что жъ, онъ вамъ далъ за то, что вы ему жизнь спасли?

— Алтынникъ, всего *одинъ* цѣлковый далъ! Я ужъ потомъ жалѣлъ, жалѣлъ! Мнѣ бы съ нимъ поторговаться, пока онъ хрипѣлъ, тогда и ста рублей не пожалѣлъ бы!

— А операціи другія дѣлали?

— Хи! хи! хи! одному мужику ногу отнялъ.

— Развѣ у васъ были инструменты?

— Какіе тамъ инструменты! Привозятъ мужика ко мнѣ; ступня раздроблена, да запущена, ужъ антоновъ огонь показался. Вижу, бѣда неминучая, мужикъ помретъ. Чтò тутъ будешь дѣлать? Я оторвалъ длинную полоску холстины, намочилъ ее въ крѣпкую водку, да съ вечера пониже колѣнка обвязалъ вкругъ ноги мужику эту полоску; крѣпко на́крѣпко обвязалъ. Утромъ прихожу, развязываю перевязку—а нога-то какъ хлопнетъ! Отвалилась! Я даже самъ испужался. А голая кость торчитъ. Ну, кость-то я пилой столярной отпилилъ. Зажила нога, и мужикъ здоровехонекъ, только на деревяшкѣ ходитъ. Ха! ха! ха!

Никаноръ Семеновичъ былъ единственнымъ оспопрививателемъ въ нашихъ краяхъ. Каждую весну, въ Маѣ, по нашему приказанію, матери-крестьянки приносили своихъ непривитыхъ еще дѣтей въ контору и тамъ, подъ нашимъ присмотромъ, всѣмъ этимъ дѣтямъ прививали оспу. До 1862-го года *никогда* въ деревняхъ нашихъ не бывало эпидеміи оспы; но со времени освобожденія крестьянъ, хотя мы по прежнему приглашали къ себѣ оспопрививателя, почти всѣ крестьянскія бабы наотрѣзъ отказались нести дѣтей своихъ оспу прививать. „Мы, молъ, теперь *вольныя*, говорили онѣ: никто не можетъ насъ заставить ребятъ своихъ на муку нести".

Съ 1862-го года, ежедневно свирѣпствуетъ повсемѣстно въ уѣздѣ эпидемія этой страшной болѣзни, а въ 1883-мъ году умирало отъ оспы безчисленное множество дѣтей и даже взрослыхъ; рябыхъ же встрѣчаешь на каждомъ шагу [1]).

Никаноръ Семеновичъ шестидесятилѣтней практикой навострился; иногда онъ въ самомъ дѣлѣ помогалъ больнымъ крестьянамъ, организмъ которыхъ, не испорченный лѣкарствами, поддавался самымъ легкимъ, простымъ средствамъ. Такъ продолжалъ онъ быть у насъ годовымъ врачемъ, пока не ослабъ глазами и не увидали мы, какъ, составляя у насъ въ столовой порошки отъ кашля какому-то ребенку, онъ вмѣсто анисоваго порошка подсыпалъ во всѣ бумажки *шпанскихъ мухъ*. Съ тѣхъ поръ мы его уже не допускали до лѣченія кого бы то ни было, а только до игры въ дурачки со старшими дѣтьми. Конечно они пользовались его слабымъ зрѣніемъ; онъ всегда оставался дуракомъ, причемъ раздавался его заразительной смѣхъ: ха! ха! ха! Вторили ему дѣти: и онъ, и они были вполнѣ счастливы.

Никаноръ Семеновичъ скончался въ началѣ пятидесятыхъ годовъ.

Какъ мной выше сказано, больнаго отца моего, который конечно не довѣрялъ искусству Никанора Семеновича, повезли въ Москву, на *своихъ* лошадяхъ. На одной изъ станцій, гдѣ остановились лошадей кормить, отецъ встрѣтился съ какимъ-то господиномъ, который принялъ участіе въ его положеніи и, выслушавъ разсказъ о томъ, какъ отцу плохо помогали столичные врачи, сказалъ ему: „Вы бы съѣздили въ Зарайскъ. Кстати до Зарайска вамъ одна упряжка осталась“.

— Къ чему въ Зарайскъ? спросилъ съ удивленіемъ отецъ.

— Развѣ вы не слыхали? Въ Зарайскѣ живетъ и лѣчитъ такой врачъ, который всѣхъ вашихъ столичныхъ врачей за́поясъ заткнетъ“.

— Кто такой?

— Василій Сергѣевичъ Георгіевскій. Онъ былъ когда-то военнымъ медикомъ, вышелъ въ отставку, но военный мундиръ до сихъ поръ носитъ. Живетъ въ Зарайскѣ, и къ нему съѣзжаются больные со всѣхъ сторонъ, цѣлыми семьями живутъ въ городѣ. Пользуетъ Георгіевскій всякаго, и бѣднаго и богатаго. Вылѣчиваетъ самыя закоренѣлыя болѣзни, до тѣхъ поръ неизлѣчимыя. Просто—геній!

Сталъ проѣзжій разсказывать, какъ Георгіевскій его самого вылѣчилъ, и знакомыхъ его и отъ какихъ болѣзней ихъ избавилъ. Отецъ слушалъ и дивился.

---

[1]) Матушка мнѣ говаривала, что въ концѣ прошлаго столѣтія она въ высшемъ обществѣ видала очень много рябыхъ, испорченныхъ оспой, лицъ. Ей самой была привита *не* коровья, а настоящая, снятая съ больнаго, оспа, но съ больнаго, у котораго эта болѣзнь имѣлась въ *легкой* формѣ, такъ что слѣдовъ она не оставила. „А теперь, т.-е. въ 40-хъ годахъ, прибавила матушка, рябыхъ не только въ нашемъ обществѣ, но и въ народѣ, почти нигдѣ не видать“.

— Почему же, спросилъ онъ, по словамъ вашимъ, геніальный человѣкъ живетъ въ глухомъ, уѣздномъ городѣ, въ Зарайскѣ, а не въ столицахъ?

Проѣзжій пожалъ плечами.

— Участь нерѣдкая, къ прискорбію, нашихъ Русскихъ, даже геніальныхъ людей! Несчастіе—пьетъ запоемъ. По этой причинѣ онъ и военную службу принужденъ былъ оставить.

— А когда запьетъ, что̀ жъ тогда паціенты?

— Видите, онъ самъ не радъ своей слабости и чувствуетъ впередъ, *когда* ему запить. Это съ нимъ случается мѣсяца черезъ три-четыре, а иногда и большіе промежутки бываютъ между припадками. Какъ почувствуетъ онъ, что вотъ-вотъ запьетъ, то обойдетъ всѣхъ больныхъ и, по возможности, дастъ имъ наставленія на недѣлю или больше впередъ, а тамъ скроется. Во все время, какъ пьетъ, никому не показывается, запирается. Говорятъ, на немъ тогда человѣческаго образа нѣтъ. А какъ пройти тому времени, люди его уже знаютъ, обливаютъ его холодной водой, а если время лѣтнее, то везутъ его купать въ Осетрѣ [1]). Отрезвится и опять ѣдетъ по больнымъ.

— Ну, а если случится такой больной, которому *впередъ* наставленій дать нельзя?

— Не прогнѣвайтесь! Ужъ судьба его такова. Одинъ тифозный умеръ такимъ образомъ.

Отецъ подумалъ, подумалъ и рѣшился попытать счастья, остановиться въ Зарайскѣ.

— Когда еще, думалъ онъ, Георгіевскій запьетъ, а Московскіе доктора и трезвые меня чуть не уморили.

Къ отцу и мы вскорѣ перебрались. Домъ наняли намъ просторный, съ большимъ садомъ, послѣдній домъ при выѣздѣ изъ города. За садомъ простирались уже луга̀, поля и подгородныя рощи, куда мы ходили пѣшкомъ гулять. Воздухъ отличный. Осетръ невдалекѣ: мы въ немъ купались.

Городъ Зарайскъ, Рязанской губерніи, получилъ свое названіе отъ слова *заразилась*, т.-е. убилась. Древнее его имя было—*Заразъ*.

Во время Татарскаго ига удѣльный князь Зарайска, Михаилъ вытребованъ былъ ханомъ въ Золотую Орду и тамъ замученъ до смерти. Когда вѣрные слуги привезли его останки обратно на родину, то любившая его страстно молодая жена его, княгиня, съ отчаянья, бросилась изъ окна терема своего въ обрывъ, держа на рукахъ малолѣтняго сына своего и *заразилась*. Намъ показывали крутую гору, гдѣ въ тридцатыхъ годахъ оставались еще слѣды княжеской постройки на высокомъ, обрывистомъ берегу Осетра. Князь Михаилъ, супруга его и малолѣтній сынъ ихъ, Іоаннъ похоронены близъ соборнаго храма, выстроеннаго въ оградѣ кремля, древней крѣпости съ башнями и широкими каменными стѣнами, куда мы взбирались въ 1832 г. по полуразрушенной каменной лѣстницѣ. Памятникъ надъ

---

[1]) Осетръ—рѣка протекающая въ г. Зарайскѣ.

усопшими, имъ современный, состоялъ изъ удлиненной, четырехугольной, каменной, оштукатуренной подставки, на которой помѣщалось поперечное, общее подножіе тремъ плоскимъ, каменнымъ крестамъ, неправильной формы, съ округленными верхами; эти кресты также были оштукатурены; на нихъ по свѣтло-голубому полю—полинялыя, полустертыя изображенія святыхъ угодниковъ, а у подножія каждаго креста полукругъ, на которомъ въ 1832 году еще сохранились древнія надписи съ именами усопшихъ. Одинъ изъ крестовъ пониже другихъ двухъ—онъ обозначаетъ могилу малолѣтняго князя Іоанна. На подставкѣ мѣстами отвалилась штукатурка, а съ ней вмѣстѣ и лиловая краска, ее окрашивающая. Подставка съ крестами помѣщалась на возвышенной площадкѣ, къ которой вели три полуобрушенныя ступеньки, между камнями ступенекъ вездѣ проросла трава. Надъ памятникомъ выстроено было, вѣроятно изъ желанія оберегать его отъ непогоды, что-то въ родѣ павильона новѣйшей архитектуры; желѣзная его крыша выкрашена была ярко-зеленой краской; поддерживали ее четыре круглыя колоны, оштукатуренныя и выбѣленныя. Этотъ павильонъ, открытый со всѣхъ сторонъ, по моему, не достигалъ своей цѣли—сбереженія древняго памятника, а между тѣмъ рѣзалъ глаза: такъ не подходилъ онъ къ старинному стилю могильныхъ камней. Въ такомъ видѣ былъ въ 1832 году этотъ памятникъ, когда я его съ натуры срисовала акварелью. Съ тѣхъ поръ въ Зарайскѣ я не была и не знаю, былъ ли онъ возобновленъ или нѣтъ.

Василію Сергѣевичу Георгіевскому въ 1832 году было лѣтъ за сорокъ. Онъ былъ немного выше средняго роста, широкоплечій, коренастый; свѣтло-русые его волосы были коротко острижены, лице круглое, гладко выбритое, всегда красное; глаза почти бѣлые, до того цвѣтъ зрачковъ былъ блѣдно-голубой; черты лица и выраженіе его суровы. Никто, никогда не видалъ его улыбающимся, не только не слыхалъ его смѣха. Правую руку держалъ онъ всегда засунутую за бортъ застегнутаго до́-верхъ мундирнаго сюртука. Паціентовъ своихъ держалъ въ решпектѣ: не только съ ними не разговаривалъ, но и имъ запрещалъ разговаривать.

„Я васъ объ этомъ *не* спрашивалъ", говорилъ онъ.

У больныхъ, во время визита, никогда *не* садился, а, стоя, засунувъ руку за бортъ мундира, *допрашивалъ* паціента и требовалъ, чтобъ отвѣчали ему кратко, дѣльно и *только* на *его вопросы*. Когда осматривалъ больнаго, всегда требовалъ, чтобъ правая его рука была обнажена до плеча и тыкалъ въ нее указательнымъ пальцемъ. Избави Богъ, еслибъ кто посмѣлъ при немъ усмѣхнуться! Такъ взглянетъ или то скажетъ, что срѣжетъ всякую улыбку съ лица. Больные и родственники, за ними ходившіе, исполняли его приказанія въ точности: иначе бурю подниметъ.

Рецептовъ Георгіевскій никогда не писалъ, но объѣхавъ всѣхъ паціентовъ, самъ отправлялся въ городскую аптеку, и тамъ диктовалъ всѣ рецепты, никогда не ошибаясь ни въ одномъ, а наѣзжихъ въ Зарайскъ и лѣчившихся у него бывало иногда болѣе пятидесяти семей. Аптеку онъ

ревизовалъ строго каждыя двѣ недѣли. Однажды, въ бытность нашу въ Зарайскѣ, онъ налетѣлъ на аптекаря и при себѣ заставилъ его выкинуть до четырехъ сотъ сортовъ травъ, которыя нашелъ попортившимися. Аптекарь исполнялъ безпрекословно всѣ его приказанія, потому что присутствіе въ городѣ Георгіевскаго съ его паціентами обогатило аптеку. Мы иногда ходили туда за лекарствомъ отцу и любовались этой просторной, свѣтлой, богатой аптекой. Въ то время врядъ ли въ Москвѣ какая могла сравниться съ этой аптекой уѣзднаго городка. Мудрено ли, что мы тогда за полтораста верстъ посылывали изъ деревни въ Зарайскъ за необходимыми микстурами и проч.?

Отъ присутствія Георгіевскаго не одна аптека, а весь городъ преобразился и сталъ процвѣтать. Строились новые дома для отдачи квартиръ пріѣзжимъ семьямъ; торговля оживилась, по признанію самихъ купцовъ. Съѣстной рынокъ сталъ обширнѣе, и разнообразнѣе стали привозимые на него припасы. Георгіевскій и на мясныя и рыбныя лавки распространялъ свой самоуправный надзоръ: съѣстные припасы продавались всегда свѣжіе Словомъ, Георгіевскій былъ душою и двигателемъ всего городка.

У отца моего Василій Сергѣевичъ нашелъ какую-то весьма сложную болѣзнь, которую излѣчилъ, но о которой онъ не распространялся ни съ самимъ паціентомъ, ни съ матушкой, неусыпно ходившей за больнымъ. На слова онъ былъ очень скупъ, лишнихъ терять не любилъ.

„*Ваше* дѣло, говорилъ онъ паціенту, исполнять въ точности то, что̀ *я* предписываю. А *какая* у васъ болѣзнь, до этого *вамъ* дѣла нѣтъ. Дѣло это—мое“. И всѣ безмолвно его слушались: обижаться на его выходки было бы вполнѣ безполезно. Разскажу здѣсь нѣкоторыя изъ нихъ, очерчивающія оригинальность его образа.

Какой-то пріѣзжій изъ Москвы паціентъ пожелалъ призвать на консультацію съ Георгіевскимъ своего знакомаго врача, Московскую знаменитость. Георгіевскій согласился. Вызванный изъ столицы врачъ пріѣхалъ, Пріѣзжаетъ и Георгіевскій. Московская знаменитость любезно идетъ къ нему на встрѣчу въ залу, у самой двери съ нимъ раскланивается и, стоя, начинаетъ изливать передъ нимъ, уѣзднымъ врачемъ, котораго въ душѣ презираетъ, цѣлый потокъ свѣтскихъ привѣтствій и любезныхъ фразъ.

Георгіевскій стоитъ передъ нимъ неподвижно; рука его, какъ всегда, заложена за бортъ мундирнаго сюртука, даже не подаетъ ея медоточивому своему собрату по наукѣ; молчитъ, лице окаменѣло. Когда тотъ наконецъ кончилъ свои свѣтскія изліянія: „Какъ ваше имя и отчество?“ спросилъ его Георгіевскій.

— „Андрей Андреевичъ“, отвѣчаетъ съ удивленіемъ знаменитость.

— „Андрей Андреевичъ“, пойдемте къ больному.

И повернувшись спиной къ Москвичу, Георгіевскій зашагалъ по направленію къ комнатѣ паціента; смущенная до нельзя знаменитость поплелась за нимъ.

Въ Зарайскомъ уѣздѣ, въ богатомъ имѣніи своемъ, проживалъ съ семействомъ камергеръ С..., женатый на родной тёткѣ нашего безсмертнаго поэта Пушкина. Она въ 1832 году была уже пожилой женщиной, но полна претензіями. Позднѣе о Пушкинѣ не говорила она иначе какъ воздымая очи къ потолку: „Mon neveu, pauvre victime!“ [1]). Невольно, глядя на нее, бывало вспомнишь Грибоѣдова:

„Словечка въ простотѣ не скажетъ,
Все съ ужимкой!“

Дочь у С.... заболѣла; вся семья переѣхала въ городъ. Послали за Георгіевскимъ. Входитъ; правая рука за бортомъ сюртука. Старуха С... поджидаетъ его въ гостиной, лежа на диванѣ въ живописной позѣ и нюхая какія-то соли изъ флакона. Ломаясь, начинаетъ она распространяться ему о своемъ материнскомъ чувствѣ... А въ сущности двумъ ея дочерямъ, прелестнымъ дѣвушкамъ, было въ родительскомъ домѣ житье очень плохое. Врачъ стоитъ передъ ней, молчитъ минутъ пять. Наконецъ, надоѣло ему слушать пустыя рѣчи.

„Сударыня, ведите меня къ больной!“ отчеканилъ онъ строго и рѣзко.

Дочь онъ вылѣчилъ, но мать иначе о немъ не говорила какъ: „C'est un monstre!“ [2]).

Однажды привозятъ къ Василію Сергѣевичу богатаго степнаго помѣщика совершенно разслабленнаго. Онъ долго его разсматривалъ, потомъ говоритъ ему: „Могу васъ вылѣчить; вамъ вернутся прежнія силы и здоровье. Но стану лѣчить съ условіемъ“.

— Что̀ прикажете? спрашиваетъ жалобнымъ голосомъ больной.

„Прикажите вашимъ людямъ меня во всемъ слушаться, чего бы я ни приказалъ, слушаться одного меня и исполнять *все* по моему приказанію, не обращая никакого вниманія на то, что̀ бы *вы*, съ этой минуты, имъ говорили“. Бѣдный помѣщикъ такъ страдалъ отъ своего недуга, сдѣлавшаго изъ него безпомощное существо, что на все согласился. Надежда на исцѣленіе, на возвратъ утраченныхъ силъ ему, человѣку далеко еще нестарому, была слишкомъ заманчивою будущностью.

— Слышите? обратился онъ умирающимъ голосомъ къ собравшимся около него крѣпостнымъ своимъ служителямъ. „Слушайтесь во всемъ господина доктора. А меня—ни въ чемъ!“

„Нѣтъ!“ настаивалъ врачъ. „Этого мало. Поклянитесь имъ, что вы съ нихъ никогда не взыщете за то, что̀ они, по моему приказанію, будутъ дѣлать“.

— Клянусь! пропищалъ еще болѣе жалобнымъ голосомъ больной, которому всѣ эти, по его мнѣнію, пустыя слова, показались черезъ чуръ упомительными.

---

[1]) „Мой племянникъ, бѣдная жертва!“

[2]) „Это—чудовище!“

„Если такъ, то — бейте его!“ скомандовалъ Георгіевскій, указывая людямъ на барина [1]).

Приказаніе это сначала ошеломило слугъ. Но самимъ бариномъ дано было категорическое повелѣніе слушаться врача. А можетъ быть вскорѣ пріятно показалось имъ, рабамъ, вымѣстить на господинѣ давнишнія обиды? Слуги начали катать, валять барина, какъ говорится, на обѣ корки.

Ой! ой! ой! ай! ай! ай! завопилъ несчастный.

„Еще!“ командовалъ врачъ. Кулаки и пинки продолжали свое дѣло.

„Теперь довольно!“ остановилъ Георгіевскій расходившихся слугъ, „Отнесите его на кровать и уложите какъ слѣдуетъ“.

Ежедневно приходилъ Василій Сергѣевичъ къ помѣщику и заставлялъ слугъ его бить. Не прошло трехъ мѣсяцевъ, какъ паціентъ совершенно излѣчился и бодрымъ молодцемъ возвратился въ свое помѣстье. Говорятъ, онъ щедро наградилъ слугъ, способствовавшихъ его исцѣленію.

*

Отецъ мой скоро почувствовалъ облегченіе; но вредъ, нанесенный ему столичными кровопусканіями, тормозилъ полное выздоровленіе.

Вдругъ пронеслась страшная вѣсть: Василій Сергѣевичъ зáпилъ Отецъ мой, страдавшій нервами болѣе чѣмъ другимъ чѣмъ, сильно затосковалъ. Нѣсколько разъ въ день посылали узнавать *о здоровьѣ* врача. У дверей его дома толпился цѣлый рядъ слугъ, присланныхъ со всѣхъ улицъ города съ одной и той же цѣлью. Къ счастью, на этотъ разъ пароксизмъ продолжался не слишкомъ долго. Гуляя по городу, мы дѣти встрѣтили длинную линейку, гдѣ сидѣлъ Георгіевскій въ сопровожденіи нѣсколькихъ, оберегающихъ его, слугъ. Боже мой, на чтó онъ былъ похожъ! Лице его было багрово-синее, вздутое; глаза на немъ казались бѣлыми пятнами; они безсмысленно глядѣли впередъ; самъ онъ сидѣлъ неподвижно. Его везли купать въ Осетръ. Дня черезъ два, строгій и пасмурный Георгіевскій опять объѣзжалъ своихъ больныхъ.

Вѣроятно врачъ полюбилъ моего отца, съ тѣхъ поръ до фанатизма ему преданнаго; онъ оставался у него долѣе, чѣмъ у другихъ своихъ паціентовъ и даже говорилъ съ нимъ откровенно о своей слабости, называя ее *страшнымъ недугомъ*.

„Вы не можете себѣ представить того ужаснаго мученія, которое я испытываю, говорилъ онъ отцу. Точно у меня въ желудкѣ лежитъ высохшая губка, которая требуетъ вина, чтобы увлажиться; и сосетъ она меня.... тоскá дѣлается.... проситъ вина или самоубійства.... А вотъ теперь, прибавлялъ онъ, мнѣ даже запахъ вина противенъ: въ ротъ не возьму. Чтó бы я далъ тому, кто бы меня излѣчилъ! А самъ не нахожу средства противъ своего недуга.“

Онъ это говорилъ, конечно, съ глазу на глазъ отцу, который послѣ

---

[1]) Это не приспособленный ли къ Русскимъ нравамъ тотъ же *массажъ*, считающійся *новѣйшимъ открытіемъ Запада?*

пересказалъ намъ этотъ разговоръ. Отца моего Георгіевскій излѣчилъ совершенно, такъ что въ Августѣ мѣсяцѣ того же года мы всѣ вмѣстѣ возвратились въ степную деревню, гдѣ осенью отецъ мой могъ охотиться по своему обыкновенію. Прежней болѣзни не осталось и слѣда, силы и энергія возвратились ему сполна.

Георгіевскій не бралъ денегъ за визиты; по выздоровленіи, паціентъ отсылалъ ему въ конвертѣ то, что̀ могъ удѣлить. Не было случая, чтобы врачъ изъявилъ неудовольствіе за слишкомъ скудное вознагражденіе; съ бѣдныхъ онъ не бралъ ничего.

Георгіевскій былъ вдовецъ, имѣлъ одного только сына, который, по кончинѣ отца своего, наслѣдовалъ отъ него крупный капиталъ; но таланта его, можно даже сказать, генія не наслѣдовалъ. Василія Сергѣевича оплакали всѣ жители Зарайска и всей окружности. Онъ скончался въ началѣ пятидесятыхъ годовъ.

Теперь остается мнѣ отдать долгъ справедливости памяти тѣхъ трехъ свѣтлыхъ личностей, о которыхъ упомянула я въ началѣ этого очерка.

Докторъ медицины Карлъ Мазингъ кончилъ курсъ въ Дерптскомъ университетѣ, гдѣ слушалъ лекціи знаменитаго профессора Вальтера, обожаемаго своими слушателями какъ былъ обожаемъ въ Московскомъ университетѣ Т. Н. Грановскій (память котораго будетъ вѣчно жить въ сердцахъ тѣхъ, которые его хоть разъ видѣли и слушали, нетолько тѣхъ, которые образовались подъ вліяніемъ его пламенной рѣчи).

Женившись въ очень молодыхъ годахъ, и кончивши курсъ, К. Мазингъ поступилъ на службу въ 1841 году на сахарный заводъ графа А. А. Бобринскаго, въ село Михайловское, Тульской губерніи, въ тридцати верстахъ отъ имѣнія моего мужа. Искусствомъ своимъ, замѣчательнымъ дарованіемъ въ діагностикѣ, гуманостью и вниманіемъ къ больнымъ, онъ вскорѣ пріобрѣлъ не только большую практику въ обширномъ сосѣднемъ кругу, но и любовь и уваженіе всѣхъ, съ кѣмъ ни сближался. Многіе, начиная съ меня, обязаны ему жизнію и здоровьемъ. Никогда не отказывался онъ спѣшить къ паціенту, въ какую бы то ни было погоду и по какой бы ни было дорогѣ; а наши проселочныя и большія дороги куда какъ плохи! Однажды послали мы за г-номъ Мазингомъ, по случаю опасной болѣзни ребенка, въ началѣ Апрѣля мѣсяца. Пріѣхалъ; но мужъ мой, узнавъ, что врача вмѣстѣ съ экипажемъ свалили въ лужу, очень разсердился и сталъ бранить кучера.

„Не браните его, вступился Мазингъ. *Вѣдь иначе нельзя было проѣхать.*"

Когда у насъ заболѣлъ трехлѣтній ребенокъ отъ злокачественной кори, къ которой примѣшались воспаленіе мозга и дифтеритъ въ горлѣ, К. Мазингъ три дня и три ночи, не раздѣваясь, не разуваясь, не отходилъ отъ постели ребенка и—спасъ его. Замѣтивъ поблѣднѣвшее лице врача, мы съ трудомъ убѣдили его замѣнить сапоги туфлями и отдохнуть хоть

въ покойномъ креслѣ. Съ этихъ поръ мы полюбили Мазинга какъ друга. Благодарность—это слово слишкомъ холодно, чтобъ выразить то чувство, которое питали мы къ этому рѣдкому человѣку.

Такія самоотверженныя существа, какимъ былъ К. Мазингъ, недолговѣчны на землѣ. Не болѣе шести лѣтъ могъ онъ выдержать труженическіе свои подвиги. Ѣзда по отвратительнымъ дорогамъ, большею частью въ тряскихъ экипажахъ, научные труды, разнокачествённая, не всегда здоровая пища во время путешествій по практикѣ, подточили уже безъ того слабое здоровье. У него образовался ракъ въ желудкѣ. Понимая свое положеніе, онъ ѣздилъ совѣтоваться со столичными знаменитостями; всѣ ему сказали, что ему необходимъ тѣлесный и душевный покой. Но возможны ли они были въ его положеніи? У него были жена и трое дѣтей, которые существовали его трудами. Пока не совсѣмъ истощились его силы, онъ продолжалъ заниматься практикой съ какой-то лихорадочной ревностью. Ему хотѣлось сколотить хоть небольшую сумму, чтобъ обезпечить свое семейство. За мѣсяцъ до смерти онъ ужъ не могъ встать съ постели. Здѣшніе друзья чередовались, чтобъ помогать женѣ его ходить за страждущимъ и горько оплакали его кончину. Вдова его, съ небольшимъ капиталомъ въ шесть тысячъ рублей, вернулась къ роднымъ своимъ въ Лифляндію, гдѣ и воспитала дѣтей своихъ.

Дмитрій Викторовичъ Насоновъ въ 1874-мъ году былъ врачемъ-хирургомъ въ Ново-Екатерининской больницѣ въ Москвѣ и директоромъ лѣчебницы, устроенной на Покровкѣ богатымъ купцомъ Л. Какъ хирургъ онъ положительно дѣлалъ чудеса, а паціенты обожали его за гуманное съ ними обхожденіе, чего къ сожалѣнію нельзя сказать о всѣхъ больничныхъ врачахъ. Вотъ какъ я познакомилась съ Насоновымъ.

Весною 1874-го года, возвратясь изъ Москвы въ деревню, я увидала въ числѣ учениковъ нашей сельской школы мальчика лѣтъ двѣнадцати на костыляхъ.

— Чей ты мальчикъ?

— Сарычевъ Петруша.

— Отчего ты на костыляхъ?

— Съ лошади свалился, ногу зашибъ.

— Когда же это?

— Безъ васъ.

— Посылали за костоправомъ?

— Кто пошлетъ? Васъ не было. Мать моя давно померла, когда я еще былъ маленькій; а мачихѣ какое ей до меня дѣло? На что я ей?

— Кто жъ тебѣ ногу вправлялъ?

— Бабокъ приводили, цѣлыхъ три. Когда онѣ втроемъ мнѣ ногу тащили, я кричалъ во все село.

— Такъ и есть. Бабки ногу тебѣ выдернули изъ сустава! А можешь ты на нее теперь наступать?

— Не могу, да и въ колѣнкѣ свело.

Жаль намъ стало мальчика, лишеннаго всѣхъ радостей своего возраста. Бѣгутъ мальчики изъ школы, играютъ между собой, борятся, а бѣдный Петруша тащится на костыляхъ; только смотритъ издали на ихъ игры, ему недоступныя. Къ тому же онъ сирота, мачиха его, я знаю—змѣя. А мальчикъ умненькій, учится хорошо.

Показала Петрушу нашимъ уѣзднымъ врачамъ; они говорятъ: „Попробуйте свезти его въ Москву, въ Клинику".

Осенью повезли его съ собой. Въ Москвѣ запаслись у знакомыхъ рекомендательнымъ письмомъ къ Х..., тогда считавшемуся лучшимъ хирургомъ въ столицѣ; я отправилась къ нему съ мальчикомъ, котораго лакей мой принужденъ былъ выносить изъ кареты и вносить на рукахъ. Рекомендательное письмо послано было впередъ.

Дожидаемся въ пріемной. Идетъ Х..., за нимъ толпа студентовъ. Обращаюсь къ нему съ покорнѣйшей просьбой осмотрѣть больнаго. Осмотрѣлъ.

— Опоздали! сказалъ онъ холодно и сухо. „Слѣдовало привести мальчика *тотчасъ* послѣ ушиба".

Это, подумала я, и безъ васъ знаю; тотчасъ-то мы бы и безъ васъ справили! Зло меня разбирало.

Важно поплылъ Х... вонъ изъ пріемной, а за нимъ и его слушатели. Но одинъ изъ нихъ (дай Богъ ему здоровья!) остался и, обратившись ко мнѣ, сказалъ: „Напрасно вы мальчика сюда привезли. Обратитесь къ Насонову. Этотъ молодой врачъ дѣлаетъ чудеса".

Отъ души поблагодарила я студента, записала адресъ Насонова и на другой же день повезла его съ собой разыскивать Насонова. Нашли мы его въ его лѣчебницѣ на Покровкѣ. Онъ принялъ насъ участливо, со вниманіемъ осмотрѣлъ мальчика и сказалъ: „Ручаюсь вамъ, что онъ будетъ ходить точно также, какъ мы съ вами. Положите его въ Ново-Екатерининскую больницу, въ мою палату".

Такъ я и сдѣлала. Насоновъ два раза дѣлалъ Петрушѣ операцію, которая, благодаря хлороформу, прошла безболѣзненно, несмотря на то, что мальчику въ бедрѣ выламывали и вновь вправляли ногу. Петруша говорилъ, что Насоновъ обходился съ нимъ лучше отца роднаго; мальчикъ привязался къ нему со всѣмъ пыломъ благодарнаго сердца. Два мѣсяца пролежалъ Петруша въ больницѣ.

Вдругъ въ концѣ Января 1875-го года разнеслась для больныхъ страшная вѣсть: Насоновъ въ лѣчебницѣ своей заразился тифомъ и лежитъ безнадежно боленъ! Въ тотъ же день вся палата въ Ново-Екатерининской больницѣ опустѣла: всѣ больные выписались. Петрушу я взяла домой: онъ ходилъ уже *безъ* костыля, съ одной палкой.

Каждый день ѣздила я на квартиру Д. В. Насонова узнавать о ходѣ

его болѣзни, все надѣясь, не будетъ ли улучшенія. Но съ самаго начала болѣзнь обострилась, надежды не было никакой.

Насоновъ былъ средняго роста, сложенъ богатыремъ; красивое, свѣжее лицо, освѣщенное великолѣпными, въ душу просящимися голубыми глазами, было обрамлено цѣлой гривой бѣлокурыхъ кудрей. Говорятъ, онъ обладалъ силой Геркулесовской, пудовиками ворочалъ какъ мячиками. Въ своей квартирѣ имѣлъ онъ всѣ приспособленія для гимнастики, въ которой упражнялся ежедневно. Но тифъ, этотъ грозный бичъ юности, не щадящій ни силъ, ни красоты, сразилъ его во цвѣтѣ лѣтъ. Наука и человѣчество понесли въ немъ неисчислимую потерю.

Мы съ Петрушей были на его похоронахъ, осыпали цвѣтами гробъ его... Мальчикъ по немъ рыдалъ безутѣшно, говоря: „Лучше похоронилъ бы отца роднаго; тотъ только родилъ меня, а Насоновъ сдѣлалъ меня человѣкомъ“.

Другой талантливый медикъ-хирургъ, человѣкъ рѣдкій во всѣхъ отношеніяхъ, также какъ и Насоновъ погибшій во цвѣтѣ лѣтъ и силъ, не отъ тифа, а отъ чахотки, это—Алексѣй Ивановичъ Дроздовъ.

А. И. Дроздовъ былъ сынъ бѣднаго дьячка при церкви села Веретьева, Владимирской губерніи. Церковь эту звали „Погостомъ“, потому что она выстроена была не въ самомъ селѣ Веретьевѣ, а за полъ-версты отъ него, на горѣ, въ оградѣ, гдѣ помѣщались дома причета и около которой разстилался лѣсъ; видъ изъ ограды былъ очень красивый.

Отецъ Алексѣя Ивановича былъ человѣкъ бѣдный, но умный и трезвый. Изъ небольшаго своего дохода онъ выдалъ всѣхъ дочерей замужъ: одна изъ нихъ была за богатымъ купцомъ города Шуи, Ш—ъ. Единственнаго сына помѣстилъ онъ въ духовное училище, откуда мальчикъ перешелъ въ семинарію во Владимиръ, гдѣ кончилъ курсъ блистательно и поступилъ казеннымъ стипендіатомъ на медицинскій факультетъ Московскаго университета. Кончивши курсъ въ 1863-мъ году, онъ былъ назначенъ военнымъ медикомъ, но, прослуживши года, требуемые казной за его образованіе, онъ вышелъ въ отставку по просьбѣ общества города Раненбурга, которое, испытавъ его искусство, любя и уважая его какъ человѣка, уговорило его поступить въ ихъ городъ земскимъ врачемъ. Семейному человѣку земская служба болѣе съ руки, чѣмъ военная. Дроздовъ въ 1870-мъ году поселился съ молодой женой въ Раненбургѣ. И въ городѣ, и въ уѣздѣ онъ имѣлъ большую практику. Я слышала не разъ похвальные отзывы о немъ всѣхъ его знавшихъ и цѣнившихъ.

Въ то время, когда онъ служилъ военнымъ врачемъ, отъ 1863 до 1869 года, были ежегодные рекрутскіе наборы, и тутъ-то выказалъ Дроздовъ свою ничѣмъ не запятнанную честность. Пока въ другихъ городахъ медики при наборахъ наживали цѣлые десятки тысячъ, составляли себѣ капиталы, Дроздовъ, не смотря на соблазнъ, предстоявшій ему на каждомъ

шагу, остался по прежнему честенъ и бѣденъ. Но всеобщее уваженіе было съ тѣхъ поръ неотъемлемо имъ пріобрѣтено.

А. И. Дроздовъ, еще бывши въ семинаріи, лишился отца. Вдова, старушка-мать его, продолжала послѣ смерти мужа жить въ собственномъ домикѣ своемъ на Погостѣ. Сынъ никогда ея не забывалъ; отказывая себѣ во всемъ, всегда удѣлялъ ей на пропитанье деньги, которыя пересылалъ черезъ сестеръ по почтѣ. У матери бывалъ онъ рѣдко: дорога на Погостъ стоила дорого; откуда взять средства? Разъ только, будучи студентомъ, могъ онъ утѣшить ее пріѣздомъ къ ней на нѣсколько дней.

Будучи военнымъ врачемъ, Дроздовъ скоро дослужился до эполетовъ, до чина коллежскаго ассесора и ордена св. Станислава *). Онъ женился на образованной, красивой молодой дѣвушкѣ Англичанкѣ Леонидѣ Киртонъ, дочери капитана Англійскаго военнаго корабля; съ женой поѣхалъ онъ къ матери. Пріѣзжаютъ они на Погостъ, идутъ къ матери, въ ея домъ, небольшой, но чистенькій и опрятный. Матери нѣтъ: она у обѣдни. Молодая чета спѣшитъ въ церковь. Пока идетъ обѣдня, они стоятъ позади всѣхъ; но когда стали подходить ко кресту, Дроздовъ идетъ въ мундирѣ и ведетъ подъ руку красивую, нарядную свою жену. Они подходятъ къ матери, которая въ крестьянской одеждѣ, повязанная чернымъ, бумажнымъ платкомъ, кладетъ земные поклоны.

„Матушка!“ говоритъ Дроздовъ дрогнувшимъ отъ волненія голосомъ, „матушка!“

Старушка подымается и, ошеломленная блестящимъ, неожиданнымъ видѣніемъ, не узнаётъ своего сына.

„Матушка! Милая, дорогая, неужели вы не узнаете своего Алеши?“

Старушка всплеснула руками и, рыдая, повисла у него на шеѣ. Потомъ, оторвавшись отъ сына, она обратилась къ наполнявшимъ церковь прихожанамъ. „Православные!“ вскрикнула она внѣ себя, „братья, смотрите! Это онъ, сынъ мой, мой Алеша! Да смотрите же на него!“

Всѣ бывшіе въ церкви, не исключая самого священника, ихъ окружили, не вѣря глазамъ своимъ; радости, восклицаніямъ, поздравленіямъ не было конца. Всѣ изъ церкви проводили ихъ до дома матери. Добрая старушка почти обезумѣла отъ восторга. Но каково было ея удивленіе, ея утѣшеніе, когда она увидала, что красивая барыня, жена ея сына, цѣловала со слезами ея жесткія отъ трудовой жизни руки, помогала ей на сколько могла въ домѣ, ухаживала за ней, была почтительна и нѣжна какъ дочь родная, не важничала, не гордилась, а въ бѣдномъ ея жилищѣ всѣмъ была довольна и всегда весела. А какъ любила она ея Алешу! Старушка безъ радостныхъ слезъ не могла смотрѣть на своихъ молодыхъ. Послѣ непродолжительнаго ихъ гощенія, съ горькими слезами, но успокоенная на счетъ будущности сына, проводила его старуха-мать обратно на службу. Съ тѣхъ поръ они болѣе не видались.

*) Военные медики носили военный мундиръ съ эполетами, а чины получали статскіе.

Выше говорила я, что Дроздовъ въ 1870 году поселился земскимъ врачемъ въ городѣ Раненбургѣ. Въ 1871 году открылась въ городѣ и окрестностяхъ его сильная эпидемія холеры. Въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ Дроздовъ ни одной ночи не отдыхалъ дома. Едва онъ, измученный и усталый, вернется изъ уѣзда, какъ находитъ уже у своего крыльца свѣжихъ лошадей, его ожидающихъ и письмо, зовущее его на другой пунктъ. Часто не экипажъ, а простая телѣга увозила его за десятки верстъ. Вездѣ онъ поспѣвалъ, вездѣ неусыпнымъ трудомъ, искусствомъ и дѣятельностью приносилъ пользу страдавшимъ болѣе другихъ отъ эпидеміи простолюдинамъ. Но эти два мѣсяца непосильнаго труда потрясли его здоровье. Съ тѣхъ поръ у него открылся кашель: легкія были поражены.

Между помѣщиками Раненбургскаго уѣзда Алексѣй Ивановичъ имѣлъ большую практику; запишу, на сколько упомню, болѣе замѣчательныя его излѣченія.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ (бывшій директоромъ Рязанской гимназіи *) а потомъ Вятскимъ губернаторомъ) Николай Николаевичъ Семеновъ, семидесятилѣтній старикъ, занемогъ тифомъ, усложненнымъ плевритомъ. Онъ былъ боленъ безнадежно, и всѣ врачи осудили его на смерть, всѣ кромѣ Дроздова, который любилъ старика и не отходилъ отъ него. Наконецъ его усилія увѣнчались успѣхомъ. Н. Н. Семеновъ выздоровѣлъ и всей душой привязался къ своему спасителю. По совѣту Дроздова паціентъ его, по выздоровленію, уѣхалъ въ Ниццу, чтобъ упрочить возстановленіе силъ своихъ. Тамъ, въ 1874 году узналъ онъ о смерти Дроздова и горько его оплакалъ. Молодой вдовѣ онъ написалъ дружеское, сочувственное письмо и заказалъ въ Раненбургѣ заупокойныя обѣдни по новопреставленномъ рабѣ Божіи Алексіи, котораго пережилъ только двумя годами.

Тайный совѣтникъ І.... пріѣзжалъ обыкновенно на лѣто съ семействомъ своимъ въ имѣніе свое Раненбургскаго уѣзда. Въ 1872 году у него былъ ребенокъ трехъ-четырехъ лѣтъ, страдавшій дѣтскою болѣзнію въ родѣ медленной лихорадки. Петербургскіе медики безуспѣшно его лечили. По пріѣздѣ въ деревню, ребенку стало хуже. Г-ну І.... всѣ сосѣди наговорили такихъ чудесъ о своемъ земскомъ врачѣ, что онъ рѣшился его пригласить къ себѣ. Дроздовъ, осмотрѣвъ внимательно ребенка, начинаетъ его лѣчить и вылѣчиваетъ.

Не могу не записать здѣсь одного оригинальнаго случая въ практикѣ Алексѣя Ивановича. Присылаетъ за нимъ одна богатая помѣщица, жившая верстахъ въ десяти отъ города, присылаетъ свою щегольскую коляску, запряженную четверней отличныхъ коней. Ѣдетъ Дроздовъ. Пріѣхалъ. Видитъ – барыня совершенно здорова. Онъ ей говоритъ прямо, что она въ его медицинской помощи вовсе не нуждается. Барыня сердится, увѣряетъ, что онъ ошибается, что она очень больна и при этомъ бросаетъ томные

*) Благодарная память о Н. Н. Семеновѣ сохранилась у тогдашнихъ учениковъ Рязанской гимназіи. П. Б.

взгляды, беретъ интересныя позы. Дроздовъ, при всемъ своемъ хладнокровіи, начинаетъ кипятиться и хочетъ раскланиваться.

— Надѣюсь, докторъ, вы меня, больную, не захотите покинуть! говоритъ барыня и суетъ ему въ руку двадцатипятирублевую бумажку.

Дроздовъ нетерпѣливо пожимаетъ плечами и продолжаетъ ее увѣрять, что ей не слѣдуетъ прописывать никакого лѣкарства.

— Помилуйте, докторъ! Вотъ ко мнѣ ѣзжалъ очень часто г-нъ *** [называетъ имя другаго врача]; онъ мнѣ прописывалъ такія хорошія пилюли, очень дорогія, и онѣ мнѣ такъ помогали!

— Прошу васъ, покажите мнѣ рецептъ этихъ золотыхъ пилюль, полюбопытствовалъ врачъ.

— Вотъ онъ.

Дроздовъ беретъ рецептъ, читаетъ и съ трудомъ удерживается отъ смѣха. То былъ простой бѣлый хлѣбъ въ золотой оберткѣ.

— И часто къ вамъ ѣздилъ г-нъ ***?

— Очень часто. Я ему такъ благодарна! Каждый разъ я ему платила по двадцати пяти рублей.

— Ну-съ, сказалъ Дроздовъ, раскланиваясь, извините: *такихъ* пилюль я не умѣю прописывать!

Онъ уѣхалъ, и сколько эта барыня за нимъ ни присылала щегольскихъ экипажей и любезныхъ записокъ, онъ наотрѣзъ отказался къ ней ѣздить.

Кто-то въ шутку его пожурилъ за это: если хочетъ взбалмошная барыня деньгами сорить, къ чему отказываться карманъ ей подставлять? Но Дроздовъ былъ непреклоненъ, и стоило съ нимъ заговорить о г-жѣ ***, чтобъ его разсердить не на шутку.

Еще одинъ замѣчательный случай изъ его практики врѣзался у меня въ памяти. Присылаютъ за нимъ изъ одной сосѣдней деревни. Но этотъ разъ его привезли къ отставному, изъ солдатъ выслужившемуся, прапорщику Цѣнину, которому за службу, вмѣсто пенсіи, отрѣзали десятинъ пятьдесятъ земли. Жилъ этотъ Цѣнинъ въ простой избѣ, по мужицки, очень грязно. Сынъ его старшій по неосторожности нечаянно выстрѣлилъ въ упоръ въ младшую десятилѣтнюю сестру свою и цѣлымъ зарядомъ дроби разбилъ, размозжилъ ей руку отъ кисти почти до плеча.

Пріѣзжаетъ Дроздовъ; на всякій случай онъ захватилъ съ собою хирургическіе инструменты. Что жъ онъ находитъ? Дѣвочка съ раздробленной рукой лежитъ въ крестьянскомъ амбарѣ, гдѣ оконъ нѣтъ, а освѣщается онъ только тогда, когда отворяютъ единственную въ немъ дверь. Время было лѣтнее; дѣвочка въ сильномъ лихорадочномъ состояніи, рука пропала, кости раздроблены, мясо виситъ лохмотьями, начинается гангрена; медлить нечего. Дроздовъ тутъ-же, въ амбарѣ, безъ ассистента, безъ хлороформа [который немыслимъ безъ ассистента], съ помощью одной крестьянской бабы, которая держала ребенка, отнимаетъ у дѣвочки руку у самаго плеча, дѣлаетъ перевязку. Потомъ, не щадя себя, наѣзжаетъ изъ города всякій

разъ, когда нужно перемѣнять перевязку и давать средства для уничтоженія лихорадочнаго состоянія. Дѣвочка выздоровѣла и, хотя съ одной рукой, весело бѣжала навстрѣчу врачу, играла съ другими дѣтьми, ея сверстницами, со всей безпечностью своего возраста.

— Бѣдная! говорилъ Дроздовъ, теперь пока она еще не чувствуетъ своей утраты, но со временемъ куда какъ горько ей будетъ!

Братъ дѣвочки, искалѣчившій ее, въ послѣдствіи, отъ небрежности даннаго ему воспитанія, сдѣлался чѣмъ-то въ родѣ разбойника и, говорятъ, кончилъ тѣмъ, что присоединился къ шайкѣ подобныхъ ему негодяевъ и пропалъ безъ вѣсти.

Наконецъ, потрясенный съ самой холеры 1871-го года, организмъ не выдержалъ, пораженныя легкія сдѣлали свое дѣло; и злая чахотка свалила Дроздова. Московскіе врачи, къ которымъ онъ обратился, посовѣтовали ему перекочеваніе въ теплый край. Но съ чѣмъ ѣхать? Средствъ—никакихъ. Всю зиму 1873—1874-го года больной уже не выходилъ изъ дома. Однажды онъ, по просьбѣ одного паціента, попробовалъ навѣстить его, но тутъ же съ нимъ сдѣлался обморокъ. Друзья и знакомые, его любившіе, навѣщали его ежедневно. Молодая жена за нимъ ходила со всѣмъ самоотверженіемъ любви. Аполлонъ Петровичъ Вячесовой, тогда мировой посредникъ, потомъ предсѣдатель Раненбургской Земской Управы, искренній другъ Алексѣя Ивановича, часто приходилъ къ нему и приносилъ вѣсти изъ внѣшняго, политическаго и научнаго міра. Больной выслушивалъ ихъ съ жадностью. Такимъ образомъ принесъ онъ ему „указъ о всеобщей воинской повинности“. Глаза умирающаго заблистали: онъ ожпвился. — Великъ нашъ Русскій Царь, воскликнулъ онъ, и вѣчная ему хвала за доблестный подвигъ! Всѣхъ подданныхъ своихъ уравнялъ онъ передъ закономъ. Подвигъ великій! Какъ мнѣ жаль, что не доживу до того времени, какъ будутъ видны плоды этого подвига! По крайней мѣрѣ умираю спокойно, увидавъ возрастающее величіе моей родины, милой моей Россіи.

Екатерина Раевская.

Хуторъ Утёсъ.

НАШИ ПЕРВЫЕ КАРАНТИНЫ.

Замѣтка доктора Л. Ѳ. Змѣева.

Рихтеръ (Ист. Мед. въ Россіи II, 131 и пр.), ссылаясь на Указатель Россійск. Законовъ Максимовича, относитъ первые карантины въ Россіи ко времени Алексѣя Михайловича, когда съ появленіемъ чумы въ Москвѣ, по царскому указу 30 Іюля 1656 г., поставили «заставы крѣпкія», чтобы не пропускать никого въ Москву и гдѣ «изъ-за воротъ выспрашивали издали». На такихъ же заставахъ по Новгородской границѣ обмывали, окуривали дома и людей, платья жгли, вымораживали; а чрезъ Архангельскъ совсѣмъ не пропускали никого и ничего. И эти-то неважныя мѣры Рихтеру, какъ видно, хотѣлось отнести болѣе на счетъ мистицизма и вѣры въ астрологію, потому что тутъ же онъ разсказываетъ, какъ спрашивали доктора Энгельгардта о будущемъ и какъ онъ письменно предсказалъ моръ.

Немного ранѣе, подъ 1592 годомъ, Рихтеръ (I, 318) упоминаетъ о заставахъ во Ржевѣ, тоже по поводу мора.

При ближайшемъ знакомствѣ съ источниками (небезъизвѣстными впрочемъ и нашему историку) мы можемъ искать карантиновъ у насъ и много раньше. Такъ, въ Псковской Первой лѣтописи, стр. 294, читаемъ подъ 1521 годомъ «Князь.... велѣлъ улицу Петровскую (гдѣ появилась чума) заперети съ обою концевъ». Въ 1552 году изъ Пскова (Новгородская Вторая лѣтопись 155) зараза пробралась въ Новгородъ, и вотъ 16 Октября «бысть кличь въ Новѣгородѣ о Псковичехъ, о гостѣхъ, чтобы всѣ они ѣхали вонъ, часа того, изъ Новгорода, съ товарами какими ни буди; а поймаютъ гостя Псковитина на завтрее въ Новгородѣ, ино его выведши за городъ сжечи и съ товаромъ; а въ Новгородѣ выймутъ во дворѣ Псковитина, ино дворника бити кнутомъ, а Псковитина сжечи. И бысть застава на Псковской дорогѣ, чтобы не ѣздили во Псковъ ни изъ Пскова въ Новгородъ». Но и эта мѣра (къ тому же принятая несвоевременно, такъ какъ въ самомъ

Новгородѣ съ Іюля еще началось повѣтріе, въ Августѣ было наисильнѣйшее и продолжалось до 6 Декабря), не помогла, ибо въ Новгородѣ волостями умерло 279.594 человѣка. Слѣдовательно въ Октябрѣ «кличъ кликать» было не время.

Въ Псковской Первой же лѣтописи, стр. 317, подъ 1568 годомъ, во Псковѣ «стражи тѣ поставлены стерещи отъ мору». Смыслъ этой фразы дополняется стр. 253-ею Новгородской Третьей лѣтописи, гдѣ подъ тѣмъ же годомъ о чумѣ въ Великомъ Новѣгородѣ сказано: «и многіе люди помроша, а которые люди побѣгоша изъ града, и тѣхъ людей бѣглецовъ имаша и жгоша». Какой больше искать строгости въ оцѣпленіи?

Въ 1572 г. Октября 29, во время чумы въ Новгородѣ (читаемъ на стр. 169 Новгородской Второй лѣтописи) «которые есть на нихъ знамя смертоносное, у церкви погребати не велѣти, а велѣти ихъ изъ Новгорода выносити вонъ.... за шесть верстъ, по Волхову внизъ.... и поставили заставы по улицамъ и сторожей, въ которой улицѣ человѣкъ умретъ знаменемъ, и тѣ дворы запирали, и съ людьми, и кормили тѣхъ людей улицей и отцамъ духовнымъ покаивати тѣхъ людей знаменныхъ не велѣли; а учнетъ который священникъ тѣхъ людей каяти, бояръ не доложа, ино тѣхъ священниковъ велѣли жещи съ тѣми же людьми больными». 4 Ноября 572 г. больныхъ уже не было. Стало, мѣры приняты были удачно.

Такія же мѣры въ наши дни принимались и въ Вѣтлянкѣ. Поэтому едва ли можно сомнѣваться, что карантины у насъ существовали задолго до 1656 года; только не назывались они иностраннымъ словомъ, потому иноземцы о нихъ не знали и не записали. Не проводились они съ одинаковою повсюду энергіей, но это уже зависѣло отъ силы власти. А вѣра въ пользу такихъ мѣръ, какъ видно, существовала и безъ иноземныхъ учителей, такъ какъ въ 1521 году врачей-иностранцевъ не было даже и при царскомъ дворѣ, а позднѣе хотя и были, но ихъ тамъ держали въ терему, такъ сказать. А какъ относился къ нимъ народъ свидѣтельствуютъ лѣтописи, обзывавшіе доктора Бомелія посланникомъ черта, приставленнымъ къ Грозному для погибели христіанъ.

СЕКТАНТЪ ЮШКОВЪ.

Островъ Эзель и Аренсбургская на немъ крѣпость (нынѣ упраздненная) въ прошломъ и началѣ текущаго столѣтія служила мѣстомъ заточенія преступниковъ и сектантовъ, пребываніе которыхъ во внутреннихъ губерніяхъ признавалось неудобнымъ или даже опаснымъ. Такъ на островѣ Эзелѣ были поселены сообщники Пугачева, Яицкіе казаки Коноваловъ, Кочаровъ, Почиталинъ и Фофановъ (см. XVIII в. I, 366—387); на Эзель были сосланы княземъ Потемкинымъ духоборцы изъ южныхъ губерній въ девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія, проживавшіе здѣсь въ качествѣ поселенцевъ. На Эзель же былъ присланъ 5 Марта 1802 года изъ Саратовской губерніи крестьянинъ *Алексѣй Юшковъ*, но уже не поселенцемъ, а арестантомъ въ Аренсбургскую крѣпость для употребленія въ крѣпостныхъ работахъ. Преступленіе, за которое былъ сосланъ этотъ Юшковъ, изложено въ слѣдующемъ высочайшемъ повелѣніи Лифляндскому гражданскому губернатору, дѣйств. ст. сов. Рихтеру: «Саратовской губерніи гражданскій губернаторъ доставитъ къ вамъ чрезъ земскую полицію Камышенскаго округа, села Копенъ, крестьянина Алексѣя Юшкова, внушеніемъ своей ереси вовлекшаго къ самовольному сожженію крестьянъ той деревни съ женами и дѣтьми до пятидесяти четырехъ человѣкъ. Я поручаю вамъ, по принятіи его отослать его Юшкова на островъ Эзель въ работу и мнѣ донести. Въ С.-Петербургѣ, Сентября 28 дня 1802 года». На подлинномъ подписано собственною Его Императорскаго Величества рукою: «Александръ».

Надобно полагать, что Юшкова не слишкомъ строго содержали въ Аренсбургѣ, потому что онъ свелъ знакомство съ Аренсбургскими Русскими купцами, которые въ 1809 г. и сдѣлали попытку ходатайствовать объ освобожденіи его чрезъ тогдашняго главноуправляющаго гражданскою частію въ Ливонскихъ губерніяхъ, графа Буксгевдена *).

*) Въ началѣ 1808 года графъ Буксгевденъ былъ назначенъ главнокомандующимъ войскъ, дѣйствовавшихъ въ Финляндіи противъ Шведовъ, съ оставленіемъ въ должности Рижскаго военнаго губернатора и главнокомандующаго гражданскою частію въ Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи. Въ Мартѣ 1809 г. онъ сдалъ начальство надъ войсками въ Финляндіи генералу Кнорингу, прибылъ въ Петербургъ и 16 Марта предписалъ подчиненнымъ ему тремъ гражданскимъ губернаторамъ, дабы они по всѣмъ дѣламъ службы представляли донесенія ему, графу, не въ Финляндію, а въ Петербургъ. Графъ Буксгевденъ

Лѣтомъ 1809 г. графъ Буксгевденъ, по переѣздѣ изъ Петербурга на жительство въ за́мокъ Лоде, прибылъ на островъ Эзель для осмотра Аренсбургской крѣпости. Русскіе Аренсбургскіе купцы, воспользовавшись бытностію въ Аренсбургѣ графа, просили его объ освобожденіи Юшкова и вручили графу для памяти слѣдующую записку:

«Невольникъ Саратовской губерніи, Камышевской округи, села Копенъ, господина Нарышкина Дмитрія Львовича крестьянинъ Алексѣй Юшковъ присланъ въ Аренсбургъ прошлаго 1802 г., Марта 5 дня; а старъ, 70 лѣтъ, въ числѣ старообрядцевъ, въ томъ и оклеветанъ, а ничѣмъ не наказанъ. Всепокорнѣйше просимъ на наше поручительство уволить его изъ крѣпости».

Чрезъ нѣсколько времени, 2 Сентября 1809 г., купцы отправили къ графу Буксгевдену слѣдующее письмо:

«Сіятельнѣйшій графъ, милостивѣйшій государь! По всевысочайшему повелѣнію доставленный въ Аренсбургъ въ работу Саратовской губерніи Камышевской округи села Копены крестьянинъ Алексѣй Юшковъ, теперь будучи въ древнихъ 70-ти лѣтахъ, силою изнеможенный, никакой работы исправить уже не можетъ, а во время бытности вашего сіятельства въ Аренсбургѣ мы утруждали вашу особу просьбою о благоволеніи по вышеписанному, а о пропитаніи совсѣмъ не знали, а по требованію вашему въ письмѣ того не означили, а нынѣ увѣдомились: получаетъ только одну копѣйку на день, а человѣчество помочь ему требуетъ несчастному въ бѣдности. Сіятельнѣйшій графъ! Мы, надѣясь на человѣколюбіе и милосердіе ваше, вторительно всенижайше просимъ о неоставленіи нашей просьбы исходатайствовать милости у Его Императорскаго Величества для пропитанія на наше поручительство».

Письмо это подписали: купецъ Ипатъ Григорьевъ, Аренсбургскій купецъ Кузьма Чесноковъ, многодокучательный вашъ Иванъ Бѣлоусовъ.

Резолюція графа Буксгевдена на письма была: «*Преступленіе столь важно, что и просить не можно, а оставить до времени*».

Юшковъ такъ и не былъ освобожденъ. По всей вѣроятности, онъ умеръ въ Аренсбургѣ арестантомъ.

Е. Чешихинъ.

пробылъ тамъ 1809-й годъ и потомъ поселился въ Эстляндской губерніи въ замкѣ Лоде, пожалованномъ ему императрицею Екатериною II (см. Рус. Арх. 1888, I, 13), откуда и управлялъ губерніями. Заболѣвъ въ началѣ 1810 г., графъ Буксгевденъ просился въ отпускъ на границу и получилъ высочайшее дозволеніе отправиться въ чужіе края; 15 Іюня 1810 г. онъ предписалъ подчиненнымъ ему губернаторамъ не присылать ему въ Лоде никакихъ бумагъ. Онъ уже не оправился отъ постигшей его болѣзни и 23 Августа 1811 г. умеръ въ Лоде на 61 году отъ роду. На мѣсто графа Буксгевдена Рижскимъ военнымъ губернаторомъ и главноуправляющимъ гражданскою частію былъ назначенъ въ Іюнѣ 1810 года генералъ-лейтенантъ Иванъ Ивановичъ *Эссенъ*.

МОСКОВСКІЙ МИТРОПОЛИТЪ-ФИЛАРЕТЪ.

I.

Мудрость богомудраго.

О нашемъ приснопамятномъ архипастырѣ, въ Бозѣ почившемъ митрополитѣ Филаретѣ, немало было передано во всеобщую извѣстность, т.-е. чрезъ печатное слово, случаевъ, свидѣтельствующихъ о его необыкновенномъ умѣ, отличавшемся не только обширностію и дальновидностію, но даже своего рода прозорливостію. Но еще болѣе такихъ случаевъ передается устно, и какъ жаль что они, по обычной Русскому человѣку лѣности, не записываются. Уже стали рѣдѣть, сходить въ могилу, птенцы этого дивнаго орла; уже многое ими унесено туда, откуда не доходитъ къ намъ ни одного голоса,—унесено, безъ сомнѣнія, многое такое, что̀ могло бы пролить новые потоки свѣта на свѣтлую личность дивнаго во святителяхъ Филарета; останутся преданія, но преданія не рѣдко искажаются, и вмѣсто свѣта могутъ вносить даже мрачныя тѣни.

Вотъ случай, который дѣйствительно носитъ на себѣ печать мудрости богомудраго Филарета и отчасти напоминаетъ извѣстный судъ премудраго Соломона. Мнѣ разсказалъ его одинъ изъ почтеннѣйшихъ протоіереевъ Москвы и на вопросъ мой: почему онъ не передалъ такого истинно-замѣчательнаго случая печати? достойный пастырь, со свойственною ему скромностію, отвѣчалъ: Такихъ случаевъ немало; мы считали ихъ очень обыкновенными и притомъ, такъ сказать, домашними, дѣлами совѣсти.

Случай, о которомъ пойдетъ рѣчь, не подлежитъ и малѣйшему сомнѣнію. Онъ въ свое время передавался самимъ лицомъ, причастнымъ къ этому дѣлу.

Въ одномъ селѣ Московской епархіи долгое время священствовалъ іерей, котораго не только прихожане, но и всѣ знавшіе его искренно уважали и любили за примѣрную жизнь и ревностную дѣятельность, какъ истиннаго пастыря церкви. Такого мнѣнія о немъ былъ и митрополитъ Филаретъ. Но вотъ какому искушенію подвергся онъ. Заболѣлъ тяжкимъ недугомъ одинъ изъ его прихожанъ, очень достаточный поселянинъ; проситъ батюшку напутствовать его, т.-е. испо-

вѣдать и причастить Св. Таинъ. По совершеніи напутствія больной передаетъ своему духовному отцу довольно значительную сумму денегъ, съ просьбою, по его смерти, употребить эти деньги на благотворительныя дѣла по личному усмотрѣнію его, какъ священника. Отецъ духовный принялъ деньги, сказавши, что свято исполнитъ волю своего духовнаго сына. Но проходитъ нѣкоторое время, больной сталъ поправляться и наконецъ совсѣмъ выздоровѣлъ. Выздоровѣвши, приходитъ онъ къ своему батюшкѣ и проситъ возвратить деньги, которыми онъ пожелалъ лично распорядиться съ тою же благотворительною цѣлію. Такъ какъ напутствіе больнаго происходило безъ свидѣтелей, то священникъ сказалъ, что онъ никакихъ денегъ отъ своего духовнаго сына не бралъ.

Является обиженный къ митрополиту Филарету и разсказываетъ исторію, печальную не столько для него, сколько для его духовнаго отца. Филаретъ выслушиваетъ и, по дару своей дивной прозорливости, убѣждается, что разсказанное не подлежитъ сомнѣнію. «Иди съ миромъ и не говори, что былъ у меня», такъ напутствовалъ мудрецъ этого простеца и велѣлъ вызвать обвиняемаго. Является обвиняемый служитель алтаря Господня; митрополитъ съ ласкою принимаетъ его, какъ одного изъ достойнѣйшихъ пастырей своей епархіи, и говоритъ: Я желаю, чтобы ты завтра отслужилъ литургію въ моей крестовой церкви. Служитъ іерей Божій литургію, и вотъ настаютъ минуты принятія священникомъ Св. Таинъ. Іерей положилъ на свои скрестившіяся длани частицу Тѣла Христова и готовъ произносить: «Вѣрую, Господи и исповѣдаю», какъ является Филаретъ и говоритъ ангельски-тихимъ голосомъ: «Остановись! Взялъ деньги?»—Взялъ.—«Врагъ искусилъ тебя. Отдай. Теперь со страхомъ Божіимъ и вѣрою прими Св. Тайны во исцѣленіе согрѣшившей души твоей». Литургія кончилась. Священникъ подходитъ подъ благословеніе къ своему владыкѣ, конечно со страхомъ и трепетомъ; но мудрый архипастырь сказалъ только одно: «Теперь ты можешь съ миромъ отправиться домой».

Достигнута ли была бы цѣль сознанія, если бы провинившійся былъ встрѣченъ крикомъ и топаньемъ ногъ?...

Ив. Палимпсестовъ.

II.

Архипастырь и пастырь.

Назадъ тому около двухъ съ половиною лѣтъ скончался въ маститой старости, но при полной свѣжести духовныхъ силъ, одинъ изъ достойнѣйшихъ пастырей Москвы, протоіерей Александръ Григорьевичь Никольскій. Онъ былъ одинъ изъ лучшихъ магистровъ Московской Духовной Академіи и служилъ нѣкоторое время профессоромъ философіи въ Духовной Семинаріи. Среди пасомыхъ своихъ онъ надолго сохранилъ по себѣ память, какъ истинно-добрый пастырь, какъ открывшій въ своемъ приходѣ едва ли не первое попечительство о бѣдныхъ, и какъ своего рода создатель храма (Новаго Пимена); а среди Московскаго духовенства—какъ достойнѣйшій въ теченіи многихъ лѣтъ предсѣдатель благочинническихъ собраній, первый основатель мѣстнаго епархіальнаго свѣчнаго завода (дающаго теперь для нуждъ воспитывающихся дѣтей духовнаго званія до 45 т. р. ежегодно) и неутомимый проводникъ той мысли, что доходы и расходы православныхъ церквей должны подлежать самому строгому контролю, и т. д. Въ печати были помѣщены краткіе очерки дѣятельности этого достойнѣйшаго лица, между прочимъ отличавшагося особенною твердостію воли; но послѣ него осталась краткая, имъ самимъ составленная біографія, во многихъ отношеніяхъ замѣчательная. Надѣемся, что она въ свое время появится въ печати. Въ бумагахъ покойнаго протоіерея отыскалась одна, имѣющая по нашему мнѣнію высокую цѣнность. Приводимъ ее.

Ив. Палимпсестовъ.

Разсказъ протоіерея А. Г. Никольскаго.

Въ 1865 году, по одному безъимянному письму, покойный владыка потребовалъ отъ меня объясненія. Представленнымъ на бумагѣ объясненіемъ онъ остался доволенъ, но счелъ нужнымъ сдѣлать мнѣ замѣчаніе относительно рѣзкихъ выраженій объ авторѣ письма. Вмѣсто того, чтобы съ благодарностію выслушать дѣльное замѣчаніе, я, подъ вліяніемъ еще непрошедшей досады на доносчика, вздумалъ защищать тонъ своего показанія, и говорю, что «называю вещь по имени, лжеца за ложь лжецомъ и клеветника за клевету клеветникомъ». Владыка покачалъ головой и сказалъ: «Зовутъ человѣка по имени Иваномъ, зовутъ по имени и Ванькой; но прилично ли послѣднее названіе? Такъ и тебѣ слѣдовало бы соблюдать приличіе и умѣренность

о своемъ доносчикѣ». На это было мною сказано: Клевета крайне возмутительна; трудно удержаться отъ рѣзкаго слова *).

В. Жаль, въ духовномъ лицѣ нѣтъ настолько сдержанности и смиренія. Священникъ, по заповѣди Спасителя, долженъ на обиду сказать, что по грѣхамъ моимъ бо̀льшаго стою.

Я. Справедливо, но трудно это исполнить.

В. Трудно для самолюбія; но самолюбіе и должно распинать, особенно священнику, показывая въ томъ примѣръ другимъ.

Подъ вліяніемъ взволнованныхъ чувствъ, я не только не принялъ къ сердцу указанія на Евангельское слово, но осмѣлился еще сказать: если мы молча и терпѣливо будемъ переносить безъимянныя клеветы, не будетъ ли это поблажкою клеветникамъ? По моему, чтобы положить конецъ безъимяннымъ доносамъ, не слѣдуетъ совсѣмъ и принимать ихъ.

Владыка не только не обидѣлся моею дерзостію, но, вѣрно желая поучить меня кротости своимъ примѣромъ, сказалъ спокойно: «Положимъ, по безъимяннымъ письмамъ судить нельзя, я и не сужу, такъ какъ въ нихъ большею частію ложь; но какъ бываетъ и правда, то эта правда мнѣ даетъ возможность дѣлать, кому слѣдуетъ, нужныя предостереженія. Притомъ онѣ полезны духовенству тѣмъ, что учатъ большей осторожности.

Я. За то отравляютъ его спокойствіе, такъ какъ никто изъ насъ не можетъ быть увѣренъ, что нынѣ или завтра не будетъ на него безъимяннаго доноса.

В. Была бы совѣсть чиста, и тогда о чемъ безпокоиться?

Я. Но возможно ли быть настолько неукоризненнымъ, чтобы злой человѣкъ не нашелъ что сказать въ укоризну? Да и на самыхъ непорочныхъ людей бываютъ клеветы.

В. Клевета клеветой и останется; отъ этого никакого зла оклеветанному не будетъ.

Я. Намъ думается не такъ: какъ бы лживымъ ни оказался доносъ, мы никакъ не можемъ убѣдить себя въ томъ, что наша репутація во мнѣніи вашего высокопреосвященства чрезъ то болѣе или менѣе не пострадала.

В. Это значитъ не довѣрять своему начальнику и имѣть слишкомъ щекотливое самолюбіе.

За тѣмъ онъ много говорилъ о необходимости смиренія и благоразумной сдержанности для священника. Но жалѣю, мудрыя наставле-

---

*) Буква Я означаетъ Никольскій; В—(владыка) Филаретъ.

нія о смиреніи мною были выслушаны вовсе безъ смиренія, и я вышелъ отъ него съ прежней досадой въ душѣ, чего онъ не могъ не замѣтить, какъ увидимъ послѣ *).

Чрезъ нѣсколько дней мнѣ пришлось опять быть у владыки. При этомъ я спросилъ, не прикажетъ ли безъимянное письмо прочитать прихожанамъ.

— Какое? спросилъ онъ, забывъ въ самомъ дѣлѣ, или показывая видъ, что не помнитъ.

Я сказалъ, какое.

Онъ пристально взглянулъ на меня и спросилъ: Это для чего? Для того развѣ, чтобы и прихожане также разсердились на писавшаго, какъ и ты? Вѣдь это гордость въ тебѣ говоритъ.

— Нѣтъ не гордость, отвѣчаю я, а чувство чести.

Съ выраженіемъ глубокаго прискорбія и недовольства владыка говоритъ: Чувство чести! Не понимаете его и принимаете оскорбленное самолюбіе за чувство чести. Не въ томъ поставляли чувство чести Апостолы, чтобы раздражаться на дѣланныя имъ оскорбленія. Возьмите себѣ за правило ихъ слова: *укоряеми благословляемъ, хулими утѣшаемся*.

Сказавъ это, не безъ гнѣва отпустилъ онъ меня, и я съ большимъ безпокойствомъ воротился домой. Но не прошло часа по прибытіи моемъ домой, какъ является ко мнѣ гонецъ съ приказаніемъ явиться на подворье. Сердце мое забило сильную тревогу. Что-то будетъ! думаю себѣ. Являюсь. Было часовъ 5 вечера. Владыка въ это время сидѣлъ у себя въ кабинетѣ, на диванѣ, заваленный по обычаю кипою бумагъ. По преподаніи мнѣ благословенія, первымъ его словомъ было: «Прискорбно, что два раза мы разстаемся немирно; садись». Когда я сѣлъ, выбравши свободное отъ бумагъ кресло, онъ началъ говорить: «Признайся, что ты погорячился, и что нехорошо въ подобныхъ случаяхъ такъ поступать». Долго на этотъ предметъ разсуждалъ онъ, чтобы постепенно успокоить меня и возвратить къ подлежащимъ чувствамъ или къ настоящему взгляду на дѣло. Въ заключеніе говоритъ: «*будемъ мирны*», и подалъ знакъ, чтобы я подошелъ къ нему; благословляя, въ знакъ какъ бы полнаго примиренія, удостоилъ меня поцалованіемъ въ уста. Такимъ благодушіемъ и снисхожденіемъ великаго іерарха я былъ тронутъ до слезъ, и въ избыткѣ благоговѣйной

---

*) Среди дѣлаемыхъ мнѣ замѣчаній, не ускользнулъ отъ его зоркаго вниманія и слѣдующій промахъ въ моемъ объясненіи: „правоту своего дѣла готовъ отдать на судъ цѣлому свѣту".—„Къ чему эта хвастливая и весьма неосновательная фраза? Какъ будто весь свѣтъ, узнавъ о дѣлѣ протоіерея N, откроетъ по этому дѣлу сужденіе!!"

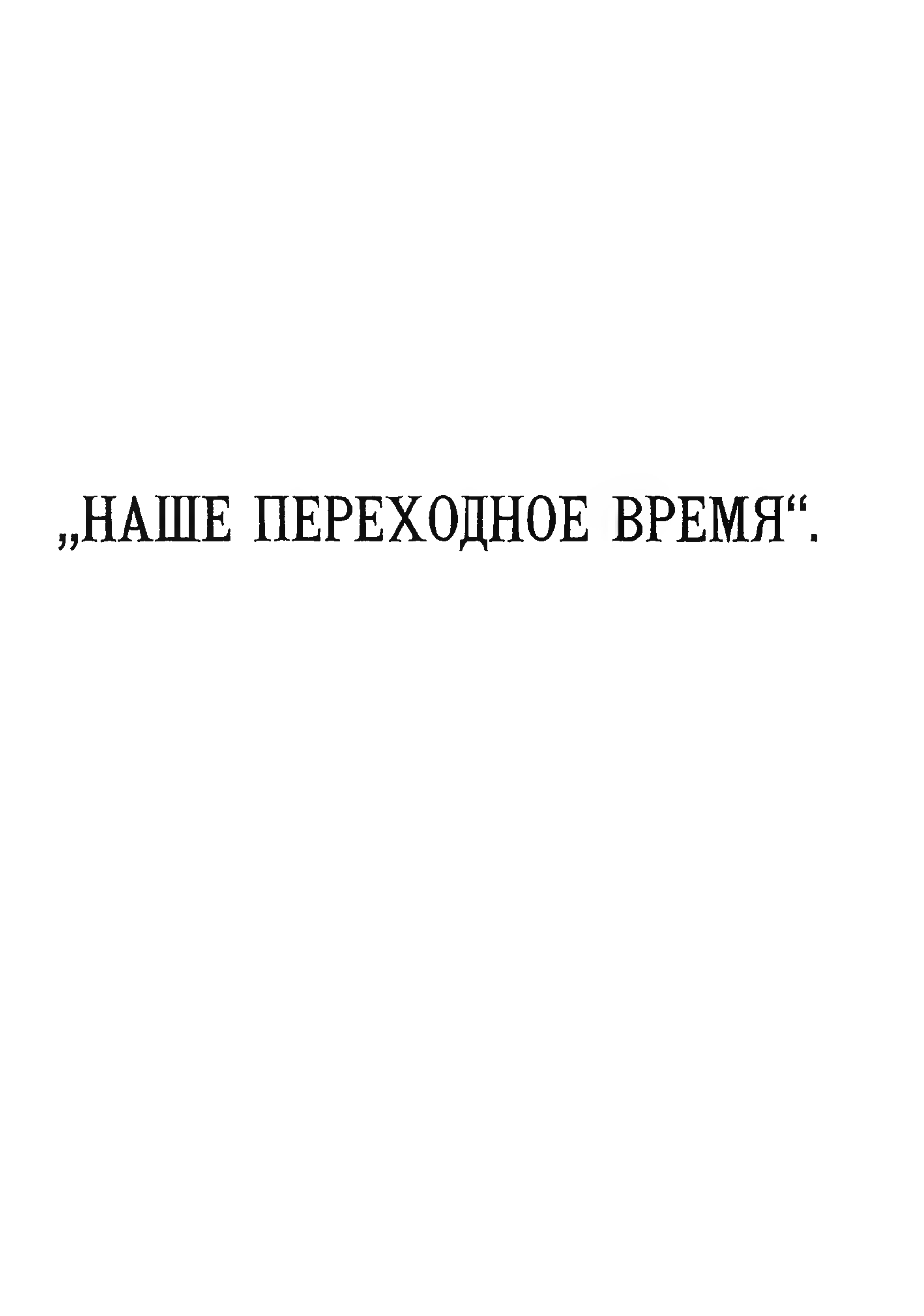
признательности палъ въ ноги и облобызалъ стопу его. Признаюсь, и легко и весело мнѣ стало въ душѣ, но въ тоже время и стыдно за свое недавнее неблагоразуміе и дерзость.

Этимъ не ограничилось его благоснисхожденіе и заботливость успокоить меня. Чрезъ мѣсяцъ, вѣроятно, для бо́льшаго убѣжденія меня, что непріятный случай не оставилъ въ немъ никакихъ слѣдовъ непріятнаго впечатлѣнія, онъ благоволилъ собственноручно внести мое имя въ списокъ лицъ, представленныхъ тогда къ наградамъ.

Не говоритъ ли этотъ случай ясно противъ ошибочнаго мнѣнія о гордости, недоступности и жестокости покойнаго архипастыря? Не доказываетъ ли онъ его необыкновеннаго умѣнья и отеческой заботливости исправлять наши нравственные недостатки и пріучать насъ къ такту? Прямое и откровенное слово онъ, какъ отецъ, готовъ былъ выслушивать.

Жалѣю, что и десятой доли сказаннаго мудрымъ архипастыремъ не могъ припомнить, и вышесказанное передаю не въ его обычно-сильныхъ, краткихъ и своеобразныхъ выраженіяхъ.

ПОПРАВКА. Подъ стихотвореніемъ Лермонтова *Сердце* въ 1-й книжкѣ Русскаго Архива сего года ошибкою выставленъ 1842 годъ. Слѣдуетъ **1841**: такъ находится въ своеручномъ подлинникѣ, хранящемся у А. П. Бахметевой. Оба стихотворенія, какъ это, такъ и напечатанное въ 12-й кн. Русскаго Архива 1887 („И ты думаешь, будто я хладенъ и нѣмъ“) написаны Лермонтовымъ на большомъ листѣ грубоватой бумаги, и на оборотной страницѣ при стихотвореніи *Сердце* сдѣланъ имъ рисунокъ, изображающій молодую дѣвушку и господина въ лѣтахъ. П. Б.

„НАШЕ ПЕРЕХОДНОЕ ВРЕМЯ“.

Н. М. ПАВЛОВЪ.

„НАШЕ ПЕРЕХОДНОЕ ВРЕМЯ".

(Сборникъ статей, помѣщавшихся преимущественно въ газетахъ: „День", „Москва" и „Русь").

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ „РУССКОМУ АРХИВУ" 1888 ГОДА.

Типографія **Т. И. Гагенъ,** Москва, Большая Лубянка, д. кн. Голицына.

Отъ автора.

Для реформенной эпохи 60-хъ и 70-хъ годовъ настаётъ потомство. Старое сошло, новое не наступило — такова минута, переживаемая русскимъ самосознаніемъ. Всего, что только вчера и еще сегодня по утру звали „днесь“ — больше нѣтъ. Оно уже въ минувшемъ, либо еще въ грядущемъ.

Въ такую минуту какъ не оглянуться на пройденный путь? И мы не думаемъ погрѣшить противъ своего времени изданіемъ своихъ сочиненій. Можетъ быть, послѣ той пресловутой поры выглянутъ они на свѣтъ болѣе современными чѣмъ тогда, какъ въ самый ея разгаръ писались, и во всякомъ случаѣ дадутъ для ея характеристики не лишній матерьялъ.

Мы свели эти недавнія и стародавнія писанья — не столько по годамъ, сколько по однородности содержанья — въ особые отдѣлы, а ихъ въ двѣ части. Въ первой: критическія статьи, во второй: такъ-называемая публицистика. Первую часть находимъ приличнымъ начать статьею, писанною двадцать-три года тому назадъ, именно по поводу «Русскаго Архива», одолжающаго теперь, на своемъ XXV-ти лѣтіи, такой радушный пріютъ нашему Сборнику.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

II. Полемика газеты „День“ съ „Московскими Вѣдомостями“ и съ газетою „Вѣсть“.

III. Новая общественная организація и старый казенный строй.

IV. По поводу разныхъ политическихъ событій, некрологи, замѣтки и мелочи.

V. Статьи разнаго содержанія.

I. Критическія статьи.

Черты направленій нашей литературы и ихъ оттѣнки.

,,Русскій Архивъ" изданъ при Чертковской библіотекѣ *Петромъ Бартеневымъ.* Годъ первый (1863). Изданіе второе. Русскій Архивъ 1864 и 65 гг.

Журналъ, предпринятый извѣстнымъ библіографомъ и библіоманомъ г. Бартеневымъ, все болѣе оцѣнивается публикой. Двѣнадцать тетрадей перваго выпуска отпечатаны вновь и изданы отдѣльною книгой; тетради 1864 года почти истощились въ продажѣ; наконецъ число подписчиковъ за этотъ годъ удвоилось. Остается пожелать и въ будущемъ такого-же возростающаго успѣха Русскому Архиву.

Успѣхъ этотъ знаменателенъ. Русскій Архивъ посвященъ нашей родной недавней старинѣ,—если не прямо исторіи въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, то исторіи нашей словесности, библіографіи, археологіи. Онъ посвященъ всему, въ чемъ сказывается общественный бытъ Русскихъ людей прошлаго времени и чѣмъ обыкновенно измѣряется нравственный уровень прошлыхъ поколѣній. Это отчасти придаетъ ему характеръ спеціальнаго журнала; заслуга въ томъ что и при спеціальности онъ живъ и разнообразенъ. Всякій образованный Русскій читатель найдетъ себѣ въ каждомъ его нумерѣ много страницъ, которыя прочтетъ съ удовольствіемъ. Хотите-ли знать содержаніе Русскаго Архива? На ряду съ важными историческими матеріалами: старинными актами и грамотами, иногда цѣлыми подлинными *дѣлами* (таившимися въ недоступныхъ архивахъ или составлявшими рѣдкость въ чьихъ-нибудь частныхъ рукахъ), — вы тутъ найдете еще множество любопытныхъ разсказовъ, то касающихся нашихъ первоклассныхъ поэтовъ и писателей, то служащихъ характеристикой великихъ отечественныхъ событій съ ихъ такъ-сказать анекдотической, оборотной стороны. Нерѣдко

еще они бросаютъ свѣтъ на такого рода личности и событія, которыя хотя не безъизвѣстны по слухамъ и по общественному преданію, однако все еще по той-ли по другой-ли причинѣ составляютъ у насъ какую-то недомолвку или прямо тайну.

Исторія и литература имѣютъ своихъ дѣятелей, свои строгіе курсы и свои классическія творенія; но еще много дѣла выпадаетъ и на долю хроникёровъ, и ихъ собирательная дѣятельность весьма желательна. Тѣ летучіе факты, которые не составляя эпохи въ жизни народа, однакожь передаютъ извѣстный ея оттѣнокъ съ удивительной выразительностью; тѣ случайныя подробности, которыя въ массѣ крупныхъ событій пропадаютъ обыкновенно для историка, но которыя сами по себѣ весьма любопытны и о которыхъ потомство жалѣетъ, что онѣ утратились — вотъ что̀ составляетъ у всѣхъ народовъ цѣлую отдѣльную литературу, близко соприкасающуюся съ ихъ исторіей и чѣмъ до сихъ поръ были такъ бѣдны мы, Русскіе. Надобно прибавить къ тому, что для современниковъ переживаемое время представляется обыкновенно чѣмъ-то самимъ по себѣ, оторваннымъ отъ исторіи и какъ бы *внѣ ея:* съ этой точки зрѣнія ничуть оно для нихъ не занимательно. Увы! это „настоящее“ время, этотъ длящійся моментъ исторіи, съ бѣгомъ годовъ за годами и десятилѣтія за десятилѣтіемъ, во-очію на глазахъ подростающихъ поколѣній — уходитъ въ историческую даль, гдѣ царствованіе скрывается за царствованіемъ, все глубже и глубже... и что̀ для нашихъ дѣдовъ была Петровская старина, то для нашихъ внуковъ уже станетъ Николаевская. Хорошо тому народу, у котораго преемственно отъ поколѣнія къ поколѣнію переходитъ сознанная, записанная и переданная живымъ преданіемъ вся мудрая опытность прошлаго, всѣ его уроки и всѣ традиціи. У насъ долгое время нельзя было похвалиться этимъ; у насъ только съ 18 вѣка начинается что-то похожее на это. Въ общей области народнаго самосознанія оно составляетъ значительную частицу. Мы, кажется, нисколько не преувеличимъ дѣла, если скажемъ, что Русскій Архивъ одинъ изъ первыхъ еще на Руси журналовъ, который является о̀рганомъ именно подобнаго рода самосознанія.

Что особенно придаётъ цѣну этому изданію—это именно то, что оно преслѣдуетъ историческій интересъ по преимуществу въ его общественномъ и бытовомъ значеніи. Не политическая только дѣятельность государства, а внутренняя жизнь Русскаго общества, обществен-

ный духъ той или другой эпохи, складъ и бытъ самого общества— вотъ что̀ всегда, повидимому, выступаетъ какъ-бы главною задачей Русскаго Архива и чѣмъ особенно — въ этомъ уже нѣтъ никакого сомнѣнія—въ немъ дорожатъ сами его читатели. Потому-ли, что въ древней Руси было мало этой „общественной силы", по тому-ли, что мало ее изслѣдовали; оттого-ли точно также, что за неимѣніемъ самого „общества" не осталось отъ старины и памятниковъ, въ которыхъ оно себя выражаетъ или, напротивъ, эти памятники существуютъ, но до сихъ поръ также не изслѣдованы,— все равно, понятно только, что Русскій Архивъ при указанной задачѣ по преимуществу обращается къ старинѣ недавней, отъ насъ наименѣе удаленной; напротивъ, эта задача становится тѣмъ труднѣе, чѣмъ отдаленнѣе само то время, которое онъ захватываетъ. Намъ пріятно однакожь сказать, что и матеріалы, оглашенные Русскимъ Архивомъ изъ старины до-Петровской, и всѣ-же статьи, относящіяся до нея прямо или косвенно—имѣютъ тотъ же характеръ, т. е. прямо обрисовываютъ состояніе общественныхъ нравовъ, служатъ какъ-бы для измѣренія уровня нашей старинной умственной жизни. Такія статьи, какъ напр. графа Уварова „Образъ Ангела-Хранителя съ похожденіями" и „Вѣтеръ", два отрывка изъ Русской символики, или „Сказаніе кіимъ святымъ каковыя благодати отъ Бога даны"— въ Русскомъ Архивѣ совершенно на своемъ мѣстѣ, и его постоянные читатели ихъ не минуютъ. Такіе историческіе матеріалы, какъ напр. изъ временъ Михаила Ѳедоровича „дѣло объ измѣнѣ Хмѣлевскаго", гдѣ ясно проглядываютъ и продѣлки старинныхъ дьяковъ, и разныя фамильярныя подробности тогдашняго быта, отношенія боярина къ любовницѣ и пр. или еще какъ напр. „Челобитная протопопа Аввакума царю Алексѣю Михайловичу", ярко рисующая именно состояніе общества тѣхъ временъ,— такіе матеріалы, говоримъ, совершенно соотвѣтствуютъ общей цѣли изданія, и ихъ — даже и изъ старины гораздо болѣе отдаленной— можно пожелать какъ можно болѣе Русскому Архиву.

Что касается до старины XVIII вѣка и ближайшей: Павла или Александра I и, наконецъ, почти вчерашней — то она находитъ себѣ постоянно въ Русскомъ Архивѣ самое разнообразное и полное выраженіе. Личности Петра, Екатерины, Елисаветы и другихъ высокихъ особъ этого періода (такъ еще таинственныя и въ наше время) съ каждымъ, можно сказать, новымъ нумеромъ журнала г. Бартенева выступаютъ передъ читателемъ все ярче и

живѣй. Многія загадочныя событія этой эпохи дополнены теперь новыми чертами и освѣщены болѣе натуральнымъ колоритомъ; другія, таинственныя до совершеннаго неупоминанія объ нихъ въ исторіи, впервые выдвигаются изъ своего запретнаго мрака, въ едва-едва брежжущемъ полусвѣтѣ. Все наше вельможество Аннинской, Елисаветинской и Екатерининской старины, также и нахлынувшіе отовсюду всякіе случайные люди за это время — объясняются мало-по-малу въ Русскомъ Архивѣ — то въ семейной перепискѣ другъ съ другомъ, то въ какихъ-нибудь новооткрытыхъ документахъ, то въ цѣлыхъ подлинныхъ *дѣлахъ*, дошедшихъ отъ того времени; то, наконецъ, въ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ знатоковъ анекдотической стороны 18-го вѣка. Всѣ эти Шуваловы, Воронцовы, Панины и другіе выступаютъ, наконецъ, передъ Русскимъ читателемъ не какъ монументальные остовы, поставленные на риторическія ходули, а какъ живые люди своего времени со всѣми его добрыми сторонами, но и со всѣми слабостями, со всею ложью его.

XVIII вѣкъ, замѣтимъ кстати, до сихъ поръ не имѣетъ у насъ *исторіи;* печатная историческая правда о самой первой *четверти* этого вѣка допущена у насъ весьма недавно. Справедливость требуетъ сказать, что событія этого времени и въ самомъ дѣлѣ еще недостаточно отступили отъ насъ (еще не удалились на разстояніе „историческаго выстрѣла“, какъ гдѣ-то выразился Бестужевъ-Марлинскій), чтобы можно было озирать ихъ строго-безпристрастнымъ взоромъ историка. Много смутныхъ преданій, много пристрастныхъ разсказовъ доходитъ еще и въ наше время отъ той эпохи, наконецъ много воспоминаній чисто личныхъ и имѣющихъ характеръ именно, такъ-называемыхъ, *личностей;* отсюда, по необходимости, исторія XVIII вѣка представляетъ еще для насъ почти исключительно одну лишь анекдотическую его сторону. Все это вмѣстѣ только увеличиваетъ заслугу издателя Русскаго Архива; современный читатель пока только въ немъ и можетъ слѣдить за исторіей, хотя и отрывочной но за то правдивой, трехъ послѣднихъ двадцатипятилѣтій прошлаго столѣтія. Будущій историкъ этой части Петербуржскаго періода найдетъ въ Русскомъ Архивѣ неисчерпаемый матеріалъ, при его занятіяхъ необходимый.

Ближайшее къ намъ время, (такъ-сказать наша вчерашняя старина) также весьма живо представлена въ Русскомъ Архивѣ, въ немъ собрано по этой части много любопытнаго. Не пере-

числяемъ всего богатаго и разнообразнаго содержанія этого отдѣла: пришлось бы выписывать почти цѣликомъ оглавленія нѣсколькихъ десятковъ книжекъ, вышедшихъ за три года. Но нельзя по крайней мѣрѣ не отмѣтить хоть нѣкоторыхъ статей, которыя наглядно познакомятъ читателей съ такимъ разнообразіемъ. Напримѣръ: „Разсказы очевидцевъ о пожарѣ зимняго Дворца въ 1837 году, графа Бенкендорфа, князя Орлова, барона Корфа, г. Барановича, барона Мирбаха“, или: „Отрывокъ изъ Записокъ графа Бенкендорфа о путешествіи по Россіи Императора Николая Павловича въ 1836 г. и о пребываніи его въ городѣ Чембарѣ, по случаю болѣзни“, или напр. „Разсказъ Н. В. Шеншина о поѣздкахъ его на Аландскіе острова, наканунѣ взятія Бомарсунда въ кампанію 1854 — 1855 года“ и многія другія.

Минуя богатство и разнообразіе библіографическаго отдѣла, минуя любопытный отдѣлъ Смѣси, гдѣ съ свѣдѣніями о новой Россіи мелькаютъ то и дѣло любопытныя замѣтки о старинѣ (укажемъ для примѣра на замѣтку: „Замѣчательный портретъ Ѳедора Никитича Романова, въ инокахъ Филаретъ“), — выберемъ на удачу двѣ темы, для примѣра читателю какъ онѣ представлены Русскимъ Архивомъ. Мы хотимъ указать въ немъ рядъ статей и замѣтокъ, относящихся напримѣръ до перваго нашего поэта, А. С. Пушкина, и еще, положимъ, до великой эпохи 12-го года.

Кромѣ нѣсколькихъ неизданныхъ стихотвореній великаго поэта, его писемъ къ кн. Репнину и другимъ (въ томъ числѣ замѣчательнѣе всѣхъ къ извѣстному гр. Бенкендорфу); кромѣ писемъ о немъ самомъ другихъ лицъ, а въ томъ числѣ извѣстнаго И. Инзова къ Булгакову; кромѣ, наконецъ, многихъ упоминаній объ немъ въ разныхъ другихъ статьяхъ и кромѣ мелкихъ замѣтокъ (напр. г. Лонгинова „объ отношеніяхъ А. С. Пушкина къ его дядѣ Льву Пушкину“ или „Изъ воспоминаній молодости, о Пушкинѣ. С“), читатель найдетъ здѣсь еще неизданные отрывки изъ письма Жуковскаго о кончинѣ Пушкина, „о перевозѣ тѣла Пушкина въ Святыя Горы“, чрезвычайно интересный разсказъ изъ писемъ М. П. Погодина „Чтеніе Пушкинымъ Бориса Годунова въ кружкѣ литераторовъ, основавшихъ Московскій Вѣстникъ въ 1826 году“; наконецъ прекрасную статью „Воспоминанія графа Соллогуба. Новыя свѣдѣнія о предсмертномъ поединкѣ Пушкина“. Въ связи съ подробностями роковой дуэли должно еще указать на „Оправданіе іезуита Гагарина по поводу участія въ гибели А. С. Пушкина“ (Р. А. 1865 г. Т. 8).

Изъ статей, замѣтокъ и различныхъ выписокъ, относящихся до эпохи 12-го года, отмѣтимъ слѣдующіе: „Матеріалы для исторіи 1812 года: 1) Письмо графа Ростопчина, 2) Французская афиша, 3) особы, составлявшія Французское правленіе въ Москвѣ, 4) Новодѣвичій монастырь". Особенно обращаемъ вниманіе на послѣднее. Это разсказъ очевидца, „старика Климыча, который недавно умеръ", простой солдатскій разсказъ, гдѣ передано много живыхъ подробностей о занятіи Москвы непріятелемъ и о безчинствахъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Сюда-же относится цѣлый отдѣльный эпизодъ объ исторіи фальшивыхъ бумажекъ, которыя Наполеонъ распространялъ въ Россіи по занятіи Москвы, — эпизодъ, возбуждавшій не одинъ разъ полемику и нѣсколько разъ подтвержденный Русскимъ Архивомъ, такъ что его достовѣрность, кажется, болѣе не можетъ подлежать сомнѣнію. Кромѣ многихъ другихъ сюда-же относящихся матеріаловъ, укажемъ на замѣчательнѣйшую въ своемъ родѣ статью „Отрывокъ изъ записокъ покойнаго графа Василія Алексѣевича Перовскаго". Графъ, тогда еще молодой офицеръ, былъ хищнически захваченъ въ плѣнъ Французами, -- очутился въ суматохѣ Московскаго пожара, видѣлъ замѣшательство великой арміи и самого полководца. Онъ вытерпѣлъ еще всѣ потрясающіе ужасы Французскаго плѣна: въ тогдашнюю суровую зиму слѣдовалъ съ конвоемъ въ числѣ плѣнныхъ къ разореннымъ предѣламъ Россіи, ежеминутно угрожаемый тѣмъ, что великодушный солдатъ Франціи и его пристрѣлитъ, какъ его отставшихъ товарищей... Все это, безъ малѣйшаго помысла о потомствѣ описано въ тѣхъ запискахъ — и тѣмъ онѣ важнѣе.

Скажемъ въ заключеніе, что Русскій Архивъ издается при Чертковской библіотекѣ — извѣстной не только въ Москвѣ, но и въ цѣлой Россіи. Многія рукописныя драгоцѣнности этой библіотеки служили Русскому Архиву постояннымъ матеріаломъ. Кромѣ того, къ нему приложено нѣсколько эстамповъ, изображающихъ разныя археологическія рѣдкости той-же Чертковской библіотеки. Наконецъ, при Русскомъ-же Архивѣ, въ видѣ прибавленій къ нему (впрочемъ это составляетъ исключительную льготу подписчиковъ 1-го года) издается „Каталогъ Чертковской библіотеки".

Такъ какъ эта библіотека заключаетъ образцово-полное собраніе книгъ „на церковно-славянскомъ, Русскомъ, Нѣмецкомъ, Французскомъ, Англійскомъ, даже Голландскомъ и Испанскомъ языкахъ", касающихся Россіи и по преимуществу ея исторіи — то понятно,

какой драгоцѣнный подарокъ составитъ этотъ ея каталогъ для всѣхъ, занимающихся или просто интересующихся Русской исторіей. Это — необходимый сборникъ, энциклопедическій указатель всѣхъ свѣдѣній, свидѣтельствъ и источниковъ, касающихся Россіи.

Газета „День“ 1865 *г.*

„Пчела“, сборникъ для народнаго чтенія. Составилъ и издалъ *Н. Щербина*, Спб. 1865 г.

Намъ пріятно указать на новую книгу для народнаго чтенія, составленную и изданную г. Щербиной. Своимъ внутреннимъ составомъ и всею внѣшностью она вполнѣ отвѣчаетъ потребностямъ тѣхъ, для кого назначена. Тутъ, — и въ выборѣ занимательнаго для народа чтенія; и въ щедромъ приложеніи любопытныхъ картинокъ; даже въ этомъ удачномъ названіи сборника „Пчелою“, вытисненномъ киноварью на первомъ листѣ, — во всемъ сказалась горячая любовь издателя къ предпринятому дѣлу и еще толковое знаніе этого самаго дѣла.

Намъ эта „народная“ книга тѣмъ особенно нравится, что въ ней нѣтъ никакихъ натяжекъ и столь извѣстнаго насилованія—въ угожденіе искомой задачи, „народности“. Въ этомъ сборникѣ просто приводятся лучшія мѣста изъ нашихъ поэтовъ и писателей, доступныя массѣ; помѣщены подлинные отрывки изъ лѣтописей и грамотъ; есть еще и царскіе манифесты, а также адресы самого народа къ царю, напр. по поводу послѣднихъ политическихъ событій.

За это нельзя не поблагодарить г. Щербину. Его живой примѣръ, лучше всякихъ теоретическихъ разсужденій, объяснитъ издателямъ и составителямъ народныхъ книгъ простую истину,— имъ повидимому неизвѣстную. Истина заключается въ томъ, что пишущій для дѣтей и для народа—вовсе не долженъ съ своей стороны, что называется, поддѣлываться подъ ихъ низкій уровень. Всякій талантливо написанный разсказъ, всякое живое описаніе—хотя-бы вовсе не для дѣтей или для народа ихъ назначалъ авторъ—непремѣнно будутъ поняты и дѣтьми и народомъ; безъ талантливости, напротивъ того, безъ живаго поэтическаго чувства въ самомъ повѣствованіи—авторъ никакъ не сдѣлаетъ его понятнымъ, сколько-бы ни поддѣлывался подъ низкій, по его понятію, уровень дитяти или

народа. Пишите художественнымъ Русскимъ языкомъ, будьте поэтомъ въ вашихъ разсказахъ и описаніяхъ—вотъ лучшій и единственный отвѣтъ тѣмъ, кто еще смущается у насъ вопросомъ: какъ и какимъ языкомъ писать для дѣтей и народа? Безъискуственный (хотя и старинный, церковно-книжный) языкъ нашихъ лѣтописей и поэтическіе ихъ разсказы—также какъ нельзя болѣе отвѣчаютъ этимъ требованіямъ. Языкъ грамотъ еще болѣе подходитъ къ обыкновенной разговорной рѣчи, особенно грамотъ не судейскихъ, а въ которыхъ самъ народъ и разные города переписывались другъ съ другомъ—напр. въ смутное время. Помѣщеніе ихъ въ народномъ сборникѣ „Пчелѣ“ дѣлаетъ честь г. Щербинѣ. Трудно найти въ старинной письменности что-нибудь болѣе доступное непосредственному Русскому чувству—чѣмъ эти самыя грамоты.

Намъ нравится сборникъ г. Щербины еще и въ другомъ отношеніи. Составители книгъ для первоначальнаго народнаго чтенія, какъ извѣстно, увлекаются докторальнымъ тономъ. Не воспитательное значеніе книги, а ея значеніе учительское, большею частью, они имѣютъ въ виду, когда пишутъ для народа. Представляя себѣ народъ невѣжественною массой, они въ своихъ книжкахъ (также и въ дѣтскихъ) стараются вразумить его, напр. о томъ, что гроза есть слѣдствіе электричества, что на желѣзной дорогѣ вагоны движутся парами и т. п. Спору нѣтъ, все это свѣдѣнія полезныя; но всѣмъ этимъ свѣдѣніямъ есть и свое настоящее мѣсто. Механика, физика и другія естественныя науки едва-ли еще нуждаются у насъ въ популяризаціи; свѣдѣнія-же, о которыхъ мы говорили, безъ сомнѣнія, въ этихъ популярныхъ курсахъ и найдутъ свое мѣсто. Какъ бы кто популярно ни изложилъ курса физики и механики—это не будетъ еще книга для народнаго чтенія; совсѣмъ не это на первыхъ порахъ нужно. Сборникъ г. Щербины, „Пчела“—представляетъ именно то, что нужно для первоначальнаго чтенія; книга эта—именно составлена для народа. „Учительства“, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, въ цѣлой книгѣ г. Щербины—нѣтъ никакого; но ея „воспитательное“ значеніе—несомнѣнно. Можно утвердительно сказать, что одна какая-нибудь талантливо написанная басня, одинъ живой поэтическій разсказъ въ состояніи болѣе подѣйствовать на душу дитяти или простолюдина и гораздо болѣе послужатъ къ расширенію его понятливости, чѣмъ даже цѣлые курсы популярной анатоміи. Дѣло въ томъ, что такъ-называемое развитіе, т. е. возбужденіе всѣхъ умственныхъ и душевныхъ способностей питомца,

направленное къ тому, чтобы внутренній его міръ слагался въ совершенной гармоніи и все болѣе и болѣе расширялся въ своемъ горизонтѣ — само по себѣ составляетъ такую задачу, съ которой никакъ не должно смѣшивать собственно такъ-называемаго ученія. Масса фактовъ, масса свѣдѣній — вотъ что составляетъ задачу ученія. Но воспитатель, прежде всего, озабоченъ цѣльнымъ развитіемъ внутренняго міра своего питомца; его умственныхъ способностей онъ никакъ не развиваетъ въ ущербъ всему строю души человѣческой. Развитіе нравственной личности въ человѣкѣ; расширеніе того внутренняго міра, который самъ собою отъ рожденія роится въ груди ребенка, складывается подъ вліяніемъ окружающихъ его впечатлѣній и въ строеніи котораго участвуютъ не только умственная способность, а всѣ факторы души человѣческой, — вотъ забота воспитателя. Вотъ чѣмъ обусловливается и тотъ характеръ, который должны имѣть книги, назначаемыя для первоначальнаго чтенія, все равно дѣтей-ли, народа-ли. Родной бытъ, прежде всего, оказываетъ вліяніе на умственный складъ и на образованіе личности въ ребенкѣ. Какъ первое воспитаніе съ матернимъ молокомъ передается уже ребенку въ колыбели, — также точно всему народу непосредственно уже самъ родной бытъ служитъ первою, для него самого часто незамѣтною, воспитательной ступенью. Все это, какъ нельзя болѣе, понято составителемъ и издателемъ „Пчелы“ и довольно будетъ бросить хотя бѣглый взглядъ на составъ этого изданія — чтобъ самъ читатель въ томъ убѣдился.

Г. Щербина раздѣлилъ сборникъ на четыре главныхъ отдѣла. Первый озаглавленъ: *Бытовое*. Тутъ вмѣстѣ съ баснями Крылова, Хемницера и др., гдѣ мѣтко схвачены многія подробности народнаго быта, читатель найдетъ еще стихотворенія Кольцова, Никитина и др. современныхъ поэтовъ, гдѣ типическія стороны нашего роднаго быта возстаютъ съ плотью и кровью, — непосредственное чувство дитяти или простолюдина непремѣнно пойметъ ихъ и горячо полюбитъ. Тутъ съ разсказами изъ народнаго быта г. Даля, читатель встрѣтитъ еще и отрывки изъ послѣдней повѣсти г-жи Кохановской „Рой“. Второй отдѣлъ озаглавленъ: *Русское-историческое*. Этотъ отдѣлъ наиболѣе удался составителю. Вся Русская исторія, отъ принятія христіанства до послѣдняго Польскаго мятежа, конечно, не могла себѣ тутъ найти мѣста; но однакожъ отдѣльные историческіе моменты, или правильнѣе даже будетъ сказать, историческіе мотивы за этотъ именно періодъ, всѣ нашли

себѣ здѣсь удачное выраженіе. Читатель усвоитъ ихъ себѣ гораздо лучше изъ этой книги, чѣмъ изъ любаго учебника съ сухой номенклатурой и ничего не говорящими таблицами. Вотъ какъ г. Щербина исполнилъ такую задачу; познакомимъ читателя съ его пріемомъ. Для ознакомленія съ древнѣйшимъ періодомъ Русской исторіи, составитель „Пчелы“ беретъ слѣдующіе фрагменты. Онъ предлагаетъ народу подлинный отрывокъ изъ Несторовой лѣтописи по Кенигсбергскому списку. О принятіи христіанства заставляетъ разсказывать нашего исторіографа, Карамзина. Тутъ же весьма кстати приведено стихотвореніе Хомякова: *Кіевъ*; это — цѣлая картина Кіева настоящихъ временъ, который доднесь хранитъ значеніе единой купели всего Русскаго народа: сюда собираются на поклонъ Русскіе люди — и отъ Дона и отъ Енисея, и отъ Чернаго и отъ Ледовитаго моря, и отъ Пскова, и изъ-подъ Москвы, и съ-подъ Алтая. Тутъ же, съ извѣстными переложеніями „Слова о полку Игоревѣ“ гг. Берга и Гербеля, читатель найдетъ подлинный отрывокъ изъ проповѣди Серапіона, со всей свѣжестью вчерашняго дня напоминающій о порабощеніи Руси Татарами.

Московскій періодъ, кромѣ прямо-историческихъ сюда относящихся свидѣтельствъ — (отрывокъ изъ Воскресенской и Никоновой лѣтописи и Авраамія Палицына, и окружныхъ грамотъ Смутнаго Времени) — доскажется еще читателю пѣснью про молодаго Калашникова, Лермонтова и отрывками изъ драмъ „Освобожденная Москва“ и „Мининъ“ и разсказомъ г. Данилевскаго „Вечеръ въ теремѣ“. Наконецъ тутъ собрано множество стихотвореній изъ Пушкина и изъ Языкова, Глинки и другихъ поэтовъ, такъ часто поминавшихъ Москву и ея народное значеніе въ государствѣ. Исторія отъ Петра до нашихъ временъ — вся промелькнетъ въ живыхъ образахъ то въ Пушкинскомъ описаніи Полтавскаго боя, то въ разсказахъ Полеваго о бѣгствѣ Ломоносова или о чтеніи его первыхъ стиховъ во дворцѣ у Анны Іоанновны; то, наконецъ, просто въ историческихъ анекдотахъ о Петрѣ I, Екатеринѣ II или Суворовѣ. Извѣстныя патріотическія письма Глинки о 12-мъ годѣ; разсказы священниковъ, солдатъ и всякихъ Русскихъ людей объ истребленіи Французовъ по деревнямъ, о Московскомъ пожарѣ; извѣстные на эту тему стихотворенія нашихъ лучшихъ поэтовъ — все берется составителемъ „Пчелы“ для того, чтобы живые, творческіе образы напечатлѣлись въ умѣ простолюдина, и они лучше „курсовыхъ учебниковъ“ познакомятъ съ духомъ эпохи двѣнадцатаго года.

Третій отдѣлъ названъ: *Обще-Славянское.* Такой переходъ, послѣ двухъ первыхъ отдѣловъ, можно смѣло сказать, не представитъ ничего неожиданнаго для читателя. Напротивъ того, набравшись чисто-русскихъ бытовыхъ и историческихъ впечатлѣній, читатель какъ нельзя болѣе пойметъ всю связь своей исторіи, своего народнаго духа съ остальнымъ Славянствомъ — и невольно будетъ узнавать въ каждомъ Славянинѣ своего ближняго. Тутъ съ разсказами о Кириллѣ и Меѳодіи (прямо по Нестору), съ описаніями Славянъ и разныхъ Славянскихъ городовъ г. Гильфердинга, опять мѣшаются стихотворенія нашихъ поэтовъ; приводятся еще и пѣсни Сербовъ, Болгаръ, Словаковъ и другихъ — и о Маркѣ Кралевичѣ, и объ царѣ Лазарѣ, и объ Людишѣ и Люборѣ. Отдѣлъ Славянскихъ пѣсень замыкается Русскими, какъ Малороссійскаго, такъ и Великорусскаго оттѣнка.

Наконецъ, четвертый отдѣлъ заключаетъ въ себѣ „*Духовно-нравственное*". Нѣтъ надобности долго останавливаться надъ доказательствомъ не только умѣстности, а и совершенной необходимости этого отдѣла въ книгѣ для первоначальнаго чтенія, особенно назначаемой для народа. Наша старина, не имѣя школъ и науки, почерпала уроки истинно-человѣческаго именно изъ этой области,— области, гдѣ нѣтъ ничего условнаго, а слѣдовательно все въ ней истинно-человѣческое, притомъ и общечеловѣческое въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Но что было встарь, тò и сейчасъ есть: тоже можно сказать и сейчасъ о нашемъ народѣ, обо всемъ православномъ крестьянствѣ. Не имѣя школъ и науки, оно тѣмъ сильнѣе ищетъ именно въ области „духовно-нравственнаго" возмѣстить всѣ свои общечеловѣческіе идеалы;—и по скольку эта область наиболѣе выражаетъ себя въ церкви, по стольку и нашъ народъ видитъ для себя въ церкви, кромѣ инаго ея значенія, значеніе чисто-воспитательное. Нѣтъ мудренаго, поэтому, что и подъ самымъ выраженіемъ: „духовно-нравственное" народъ привыкъ разумѣть по преимуществу все то, что запечатлѣно нѣкоторой церковностью. Составителю „Пчелы" нельзя не сказать спасибо за этотъ четвертый отдѣлъ его книги — и намъ опять пріятно прибавить, что онъ составленъ удачно и не менѣе талантливо, чѣмъ всѣ прочіе. Тутъ, со сказаніями о преподобномъ Сергіѣ, о святителяхъ Московскихъ — изъ Временника, Степенной книги и Никоновой лѣтописи — читатель найдетъ еще духовныя стихотворенія; кромѣ того такія статьи, какъ извѣстное „Свѣтлое Воскресеніе на Руси" Гоголя, или опи-

саніе Іерусалимской службы инока Парѳенія. Тутъ-же прочтутъ оду „Богъ“ Державина, переложеніе Псалмовъ Глинки, Языкова и др., „Всенощная въ селѣ“ изъ поэмы Бродяга; „Молитву“ Пушкина. Здѣсь-же особенно пріятно поражаетъ стихотвореніе Ломоносова къ „Русскимъ учащимся юношамъ“, которыхъ Русь

... видѣть таковыхъ желаетъ,
Какихъ зоветъ отъ странъ чужихъ.

Надо прибавить, что къ тексту приложено множество рисунковъ, и они очень оживляютъ изданіе. Выборъ картинокъ чрезвычайно удаченъ: это энциклопедія всего занимательнаго для народа въ Славянскомъ, Русскомъ и по преимуществу Русско-Московскомъ мірѣ. Тутъ онъ найдетъ столь популярныя у насъ изображенія и царь-пушки, и царь-колокола, и Ивана Великаго, и по возможности, какъ всѣ достопамятности нашей старины, такъ и всѣ извѣстнѣйшія дива новаго времени.

Отъ души желаемъ успѣха составителю и издателю этого новаго народнаго сборника; тѣмъ болѣе, что у насъ на Руси, еще скорѣе, чѣмъ въ древнемъ мірѣ, приходится повторять:

Habent sua fata libelli.

Газета „День“ 1865 г.

„Исторія Россіи въ картинахъ“. Текстъ и картины составлены *Золотовымъ*. Изданіе Дементьева.

Г-ну Золотову вспало на умъ—„ознакомить наглядно дѣтей и взрослыхъ простолюдиновъ съ важнѣйшими событіями въ жизни Русскаго народа“. Онъ составилъ для этой цѣли картины, а къ нимъ—объяснительный текстъ. Съ текстомъ внизу, эти картины отпечатаны на отдѣльныхъ полулистахъ большаго размѣра печатной бумаги, такъ что всѣ „могутъ быть наклеены, каждая отдѣльно на картонѣ, и въ такомъ видѣ развѣшаны по стѣнамъ“. Это, по мнѣнію г-на Золотова, особенно не худо-бы въ казармахъ, „потому что въ свободное время соберется около картины кружокъ любопытныхъ и одинъ грамотный, читая вслухъ текстъ, знакомитъ и неграмотныхъ съ событіями Русской исторіи“.

„Ну солдатушки-ребятушки, слушай!.. разскажу я вамъ, значитъ, про то, какъ земля наша Русская широко раскинулась“! въ такомъ казарменномъ духѣ цѣлая школа въ былое время писала

свои разсказы по части Русской исторіи и назначала ихъ именно для „дѣтей и взрослыхъ простолюдиновъ". Сознательно или безсознательно, г-нъ Золотовъ явился послѣдователемъ такой школы. Правда, самой этой прибаутки, т. е. *солдатушекъ-ребятушекъ* у него уже нѣтъ въ текстѣ; однако вся музыка этой прибаутки такъ и слышится уху читателей въ его отборныхъ выраженіяхъ и во многихъ оборотахъ. Нѣтъ! текстъ г-на Золотова ничуть не простой нашъ народный языкъ, а фальшивѣйшая подъ него поддѣлка. Это какая-то пародія на дѣйствительную молодцоватость и мѣткость бойкаго русскаго языка,—не живая, свободная рѣчь, а отталкивающая гримаса.

„Варяги ходили торговать, а подчасъ и пограбить, на это они были молодцы!", „такъ-то, вотъ, и начало слагаться Русское царство!", „а изъ дружины-то мало кто воротился!" „ну да вышло не такъ, какъ онъ думалъ!", „было таки, значитъ, съ кѣмъ повоевать!", „они, вѣстимо, полетѣли", „можно было потѣшиться Русскому мечу", „однимъ словомъ, въ волюшку потѣшились!".... спрашиваемъ у любаго читателя: неужели это не поддѣлка? неужели это не гримаса? Кто, впрочемъ, и не послышалъ бы еще фальши въ этихъ отрывочно-приведенныхъ изрѣченіяхъ, тотъ непремѣнно ее почувствуетъ, читая ихъ въ подлинникѣ: тамъ весь этотъ букетъ пряностей псевдо-народнаго вкуса перемѣшанъ еще цвѣтами краснорѣчія самого автора, уже чисто въ Кайдановскомъ духѣ.

„Не дремалъ Ангелъ-хранитель Новгорода!", „случай къ этому не замедлилъ представиться", „отсюда шагнулъ на Кавказъ", „ни стрѣла, ни копье, ни мечъ вражій не коснулись его", „нарочито для этого собранныхъ", „будучи далеко умнѣе всѣхъ прочихъ князей, и будучи всегда самъ вѣренъ своему слову" и пр. и пр. такими тяжеловѣсно-книжными оборотами и риторикой перепутаны еще тѣ выходки лже-народнаго вкуса. „Къ этому-то сращенію частей въ одно цѣлое сдѣлалъ рѣшительный шагъ Калита!" или: „такимъ, хоть и кровавымъ путемъ, но опять вся Русская земля пришла подъ управленіе одного князя" и т. п. вотъ какими „нарочитыми предложеніями" вяжутся у г-на Золотова всѣ эти *такъ-то вотъ*, и *вѣстимо!* Отсутствіе строгаго грамматическаго или синтаксическаго смысла переходитъ еще у г-на Золотова подчасъ въ отсутствіе строгаго смысла вообще. „Но, раболѣпствуя передъ ханами, говоритъ г-нъ Золотовъ объ Александрѣ Невскомъ, онъ требовалъ за то полнаго повиновенія отъ всѣхъ ему подвластныхъ". Строгаго смысла, какъ ви-

дитъ самъ читатель, въ этой фразѣ, конечно, нѣтъ. И это *но* и это *за то* тутъ рѣшительно не у мѣста; они даже могутъ сбить съ толку дѣтей и „взрослыхъ простолюдиновъ“.

Только казарменнымъ настроеніемъ духа можно объяснить себѣ многія выходки г-на Золотова не только въ текстѣ, но еще и въ самихъ картинахъ: выборъ сюжета для нихъ, большею частью, нельзя назвать счастливымъ. Картина, изображающая выковыриванье глаза Васильку (вѣрнѣе нельзя передать впечатлѣнія, производимаго ею), особенно поражаетъ странностью; если въ самомъ выборѣ такого сюжета сказалось мало художественнаго такта, то уже въ исполненіи—поражаетъ его совершенное отсутствіе. Картины, впрочемъ, вообще говоря, удачнѣе текста и много его удовлетворительнѣе; въ нихъ, по крайней мѣрѣ, замѣтно стараніе собрать какъ можно болѣе характеристическихъ чертъ всего домашняго обихода нашихъ предковъ.

„Обрадовались тупоумные Древляне“, говоритъ г-нъ Золотовъ, описывая извѣстное мщеніе Ольги, и подготовили вдоволь меду.... вотъ и началась тризна, сама Княгиня подчуетъ. „Ну, угостились-же они своимъ медкомъ! такъ угостились, что всѣ полегли у чановъ и заснули, тогда дружина перебила ихъ всѣхъ, какъ тетеревей“. Или въ томъ-же описаніи: „Пошли старшины Древлянскіе въ баню; но какъ только стали они париться, такъ и поддали имъ славнаго пару: заперли баню да и зажгли ее со всѣхъ четырехъ сторонъ“. Спрашиваемъ всякаго читателя: въ простомъ историческомъ изложеніи—такое, что называется, отливанье пуль со стороны автора и съ *поддачей пару* и съ *медкомъ, которымъ ужъ и угостились-же Древляне!..* неужели годится для дѣтей? неужели и эти мѣста писаны для „нагляднаго ознакомленія дѣтей“ съ Русской исторіей?.. Изложеніе какого-бы ни было историческаго факта само по себѣ не можетъ быть оскорбительно; но здѣсь въ высшей степени оскорбителенъ тонъ изложенія, дурной тонъ самаго автора,—и возможно-ли, желательно-ли по крайней мѣрѣ, чтобъ онъ приходился по вкусу даже въ казармахъ?

Писать для дѣтей вовсе не такое легкое дѣло, какъ это, можетъ быть, полагаетъ г. Золотовъ. Что свое изданіе онъ одинаково назначаетъ какъ для дѣтей, такъ и для „взрослыхъ простолюдиновъ“, это вполнѣ понятно и весьма естественно; у тѣхъ и у другихъ, дѣйствительно, много общаго. Главнымъ образомъ, то у нихъ общаго другъ съ другомъ, что, какъ дѣти такъ и „взрослые

простолюдины", особенно чутки ко всякому представленію лишь въ его поэтической оболочкѣ. Но поэтому-то и выходитъ, что всякій авторъ, желающій писать для дѣтей или для „взрослыхъ простолюдиновъ", долженъ быть, болѣе или менѣе, и самъ поэтомъ.— Подладиться подъ уровень дитяти не то значитъ, чтобы взрослый человѣкъ присѣлъ къ полу и запѣлъ фистулою; онъ долженъ говорить своимъ голосомъ и ни мало не стѣсняться своимъ большимъ ростомъ. Дѣтская, безъискусственная простота, не мудрствующая лукаво—вотъ что̀, прежде всего, нужно дѣтскому писателю, а также и писателю для „взрослыхъ простолюдиновъ".

Наши древніе лѣтописцы наиболѣе отличаются такою безъискусственностью, про нихъ-то собственно и сказано слово, что они писали, *не мудрствуя лукаво*. Тонъ нашихъ древнихъ лѣтописей, поэтому, и подходитъ наиболѣе подъ потребности какъ дѣтей, такъ и взрослыхъ простолюдиновъ—умѣйте только понять и оцѣнить сами эту простоту и безъискусственность разсказа лѣтописцевъ,— безъискусственность и простоту еще цѣлаго ихъ созерцанія; и передайте то и другое въ своей книгѣ, назначаемой для дѣтей. Отлично, если нынѣшній писатель самъ одушевленъ простодушнымъ чистосердечіемъ нашихъ благочестивыхъ лѣтописцевъ и самъ, какъ они, въ святынѣ души своей умалился до дитяти,—такой художникъ будетъ сокровищемъ для дѣтей и для „врослыхъ простолюдиновъ". Они поймутъ каждое его слово, будутъ сочувствовать всякому его душевному движенію. Они заслушаются его разсказовъ и безъ конца будутъ просить все новыхъ и новыхъ. Но и для писателя, искушеннаго всею мудростью человѣческаго развитія, писателя, соединяющаго въ себѣ съ міровымъ созерцаніемъ Гёте даже ясновидѣніе самого Шекспира, ничуть еще не отнята возможность понятно писать для дѣтей и для „взрослыхъ простолюдиновъ", быть ихъ лучшимъ и желаннѣйшимъ собесѣдникомъ. Такой-то, конечно, писатель и почувствуетъ глубже другихъ всю обаятельность, всю, такъ-сказать, искренность каждаго образа, каждаго представленія и всякаго описанія, которые мы поминутно встрѣчаемъ въ нашихъ лѣтописяхъ. Такой писатель, разсказывая напримѣръ о чудѣ съ Владиміромъ въ купели, съумѣетъ передать съ удивительнымъ искусствомъ всю безъискусственность и простоту нашего лѣтописнаго разсказа въ этомъ мѣстѣ. Сказывая, напримѣръ, о томъ, какъ Греческій монахъ смутилъ князя Владиміра картиной Страшнаго суда, онъ не подпортитъ цѣльнаго и худо-

жественнаго впечатлѣнія самого читателя никакимъ съ своей стороны пустословіемъ. Посмотримъ-же теперь, какъ г-нъ Золотовъ (въ расказѣ хоть бы именно объ этомъ Византійскомъ монахѣ, принесшемъ картину Страшнаго суда на показъ Владиміру) сейчасъ теряется въ своемъ достоинствѣ историка, и кстати-некстати топорщится прослыть передовымъ человѣкомъ. „Картина эта, говоритъ онъ, хотя конечно въ сущности нелѣпая, придуманная только на страхъ тѣмъ, которые еще крѣпко были слѣпы своимъ разумомъ, сильно однакожъ подѣйствовала на Владиміра и присутствовавшихъ при этомъ бояръ". Другой примѣръ въ этомъ родѣ: передавая художественный лѣтописный разсказъ о дѣтски-простодушномъ усердіи новообращенныхъ Славянъ (которые, вчера еще бывъ язычниками, сегодня разбивали и топтали своихъ идоловъ, низвергли и били Перуна) посмотрите опять, какъ г. Золотовъ, съ своей стороны, приходитъ за нихъ въ благородное негодованіе и горячится: „Конечно, говоритъ онъ, это было безсмысленно, просто глупо, потому что деревянный чурбанъ ничего не могъ чувствовать!" и пр. и пр. По поводу введенія христіанства въ Новгородѣ, вотъ какія разсужденія приходятъ на умъ г. Золотову. „Такъ совершилось крещеніе и во многихъ мѣстахъ, да и почти вездѣ, безъ должнаго подготовленія къ великому таинству. Если еще теперь нашъ неграмотный народъ большею частью не знаетъ ни молитвъ, ни заповѣдей—хотя уже около 8 вѣковъ Русская земля оглашается словомъ Божіимъ, такъ можно-ли обвинять нашихъ первыхъ христіанъ—что они съ истинами христіанской вѣры смѣшивали свои языческія понятія. Такъ напр. они думали, что христіанскій угодникъ св. Власій то же самое (?!), что былъ ихъ идолъ Волосъ, и молились ему о сохраненіи стадъ, какъ прежде молились о томъ Волосу. Въ пророкѣ Иліи они признали (?!) своего прежняго Перуна, который, какъ они думали (?!), ушелъ съ земли на небо и тамъ разъѣжая въ огненной колесницѣ, во время грозы гремитъ и бросаетъ молніи. Такъ какъ большая часть нашего народа, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, осталась при той-же умственной слѣпотѣ, въ какой находились и язычники, поэтому (?), многіе языческіе обычаи и до сихъ поръ удержались въ нашемъ простонародіи. Такъ напр. и теперь еще въ день Іоанна Крестителя, котораго простолюдины называютъ Иваномъ Купала, производится очищеніе водою и огнемъ...." и пр. и пр.

Всѣ эти жиденькія разсужденійца въ книгѣ г. Золотова, всѣ

эти выходки его благороднаго негодованія по тому поводу, что обращенные Славяне били и топтали идоловъ, всѣ эти заявленія о себѣ, какъ о передовомъ человѣкѣ, по нашему мнѣнію, могутъ значить только одно. Авторъ „Исторіи России въ картинахъ", очевидно, вовсе не понимаетъ эпическаго склада, во-первыхъ, нашихъ лѣтописныхъ разсказовъ а во-вторыхъ онъ не понимаетъ еще и всего эпическаго строя, не исключительно даже Русской, а вообще всякой народной жизни, въ ея бытовой и обрядовой сферѣ. Отъ писателя, обнаруживающаго такое непониманіе, едва-ли возможно требовать знанія, какъ тайнъ народнаго языка, такъ и самого народнаго быта. Ему, въ его положеніи, поневолѣ приходится ограничиться выходками дурнаго вкуса въ мнимо-народномъ духѣ; это понятно.

Не сочувствуй мы превосходной мысли издавать Русскую исторію въ картинахъ для нагляднаго ознакомленія съ нею дѣтей и „взрослыхъ простолюдиновъ", или, по крайней мѣрѣ, существуй у насъ уже много подобныхъ изданій—мы не сказали-бы ни слова о книгѣ г. Золотова. Хорошія изданія сами собой убили-бы дурныя, и Исторія России г. Золотова вытѣснилась-бы изъ упоребленія. Но въ этихъ изданіяхъ настоитъ, дѣйствительно, крайняя надобность, а сочиненіе г. Золотова гуляетъ по свѣту одно, безъ всякой конкурренціи: „взрослые простолюдины" и родители дѣтей волей-неволей накинутся, пожалуй, именно на него, на одно это появившееся изданіе. Поэтому мы и сочли долгомъ указать на его яркіе недостатки.

Выпуская въ свѣтъ свою „Исторію въ картинахъ" г. Золотовъ заявляетъ радостную надежду, что „такія картины мало-по-малу, можетъ быть, вытѣснятъ лубочныя", а въ казармахъ, прибавляетъ онъ, ихъ куда много!—Позволимъ и себѣ заявить надежду, еще болѣе по нашему мнѣнію радостную: появятся-же наконецъ, думаемъ, порядочныя руководства къ Русской исторіи, безъ картинъ и въ картинахъ и они, не можетъ быть, а навѣрно, вытѣснятъ изъ употребленія дѣтей и „взрослыхъ простолюдиновъ" — таблицы г. Золотова.

Газета „День" 1865 г.

„**Сынъ**.“ Разсказъ изъ временъ XVII вѣка. *Н. Костомарова.* Спб. 1865 г.

XVII вѣкъ! царствованіе Алексѣя Михайловича!—какое это богатое время для Русскаго романиста, для историческаго повѣствователя. Вслѣдъ за бурями Смутнаго Времени, которыя едва наконецъ заключились при первомъ Романовѣ,—съ другой стороны, уже почти на порогѣ громовой реформы Петра—царствованіе Алексѣя Михайловича истинно является какимъ-то свѣтлымъ, благословеннымъ промежуткомъ. Находили, правда, и тутъ разныя бѣды на государство: происходила война съ Польшей, явился Стенька Разинъ.... но всѣ бѣды, скоплявшіяся тогда надъ Россіей, расходились какъ-то легко и безоблачно и подчасъ несли за собою еще лучшее вёдро. Народъ приписывалъ это особенной милости Бога — къ своему добродушному и милосердному государю. Личный характеръ царя Алексѣя Михайловича былъ, въ самомъ дѣлѣ, таковъ что долженъ былъ возбуждать сочувствіе народа. Это былъ въ высшей степени Русскій человѣкъ, смиренный, незлобивый и правдивый. Царь, правда былъ извѣстенъ своей вспыльчивостью; но эта вспыльчивость поминутно переходила у него то въ наивный попрекъ грѣхамъ своимъ, то еще въ добродушную шутку надъ самимъ собою. Всегда здоровый тѣломъ, всегда добрый и веселый духомъ, онъ любилъ еще это свойственное его доброй природѣ довольство разливать на всѣхъ и вокругъ себя... Эту бодрость и веселость душевную, впрочемъ, порождала сама чистая, безупречная жизнь царя, вся глубокая нравственность этого богобоязненнаго и благочестиваго государя. Благодушный отецъ, какъ своего семейства такъ и своего народа, онъ въ сердцѣ носилъ постоянную увѣренность въ своей доброй совѣсти и въ строгомъ исполненіи своихъ обязанностей. Многіе прекрасные порывы его души хорошо обличали въ этомъ добромъ сынѣ Русскаго народнаго непосредственнаго быта—еще человѣка, способнаго понимать всѣ тончайшія нити, всѣ самыя сложныя сочетанія людской правды или неправды, силы или немощи человѣческой. Довольно прочитать его знаменитыя письма, собранныя и изданныя извѣстнымъ библіографомъ П. И. Бартеневымъ, или напр., прослѣдить его отношенія къ инокамъ любимаго Саввинскаго монастыря, наконецъ разобрать все его поведеніе въ дѣлѣ съ Никономъ, его бывшимъ пріятелемъ,—чтобы исполниться къ нему глубокой симпатіи еще въ

наше, такъ хвалящееся своей „гуманностью“, время, — чтобы живо почувствовать всю положительную сторону нашей древней Руси, нашего — нами запамятованнаго — Русскаго быта.

Царствованіе Алексѣя Михайловича, кромѣ того, важно въ другомъ отношеніи. Надо помнить, что весь циклъ преданій царскаго быта, именно въ періодъ Алексѣя Михайловича, достигаетъ полной своей апогеи, — царскій періодъ въ лицѣ именно Алексѣя Михайловича нашелъ себѣ самое яркое и полное выраженіе. Вслѣдъ за нимъ вскорѣ является уже, такъ называемый, имперскій періодъ; а изъ предшествовавшихъ царей — если и можно на кого указать какъ бы въ соотвѣтствіе — то развѣ-развѣ на Ѳеодора Іоанновича. Когда авторъ романа „Князь Серебряный“ захотѣлъ идею царя строго выдержать въ своемъ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ, то исторія за данный моментъ, очевидно, ему не ссужала довольно живыхъ красокъ и не представляла еще достаточнаго матеріала для того, чтобы выдерживать эту идею во всей вѣрности ея бытовыхъ подробностей. По крайней мѣрѣ, всѣ мѣста въ романѣ, гдѣ выставлено отношеніе самого народа къ царскому достоинству Іоанна — никакъ ужь не поражаютъ вѣрностью. Бытъ временъ царя Алексѣя Михайловича, въ нѣкоторомъ смыслѣ, даже можно будетъ вообще назвать апогеей самого древняго Русскаго быта. Всѣ формы жизни древней Руси сложились къ этому времени уже въ рѣзко-законченные типы; самое боярство никогда еще не процвѣтало у насъ такимъ пышнымъ цвѣтомъ, какъ во времена Алексѣя Михайловича; дьячество, воеводство, наконецъ жизнь помѣстнаго дворянства и крестьянства точно также, къ этому времени, уже сполна опредѣлились. Разные обряды и церемоніи, въ которыхъ несомнѣнно проявлялась національная жизнь народа и которые однакожъ, со времени единодержавія, только исподволь вносились въ общій кругооборотъ года — имѣли къ этому времени уже за собою давность вѣковаго преданія. У Котошихина, при всей его злобной ненависти къ Россіи, слышишь въ каждой строкѣ эту цѣльность описываемаго имъ быта, эту нерушимую прочность и законченность его, — сказать бы: какую-то обаятельную, эпическую стройность всей той патріархальности (не въ пошломъ смыслѣ этого, через-чуръ затасканнаго у насъ слова), которую самъ онъ старался изо всѣхъ силъ только очернить и выставить какъ можно ненавистнѣе.

Царствованіе Алексѣя Михайловича, — скажемъ въ заклю-

ченіе, — при всей своей старинѣ — не на столько еще и удалено отъ насъ, чтобы художникъ вовсе не угадывалъ хотя нѣкоторыхъ сторонъ его — въ дѣйствительности современной, — чтобы онъ не чувствовалъ хотя какихъ-нибудь его остатковъ въ самой нынѣшней жизни. Сказаннаго, полагаемъ, уже слишкомъ довольно, чтобы придти къ такому заключенію: если мы въ настоящее время жадно бросаемся на все, что̀ хотя сколько-нибудь служитъ къ разъясненію нашей народности и знакомитъ насъ съ доброй положительною стороною нашей древней Руси, — то именно періодъ Алексѣя Михайловича способенъ наиболѣе внушить художнику свѣтлыхъ мыслей, дать внятно-говорящихъ образовъ и выразительныхъ картинъ — для удовлетворенія такой задачи. Дешевое остроуміе пожалуй упрекнетъ насъ въ томъ, будто мы требуемъ отъ историка однѣхъ лишь розовенькихъ картинокъ, или напр. что мы темныхъ сторонъ XVII вѣка не видимъ. Но упрекъ такого рода, ясно, сюда не относится.

Посмотримъ же, какъ воспользовался г. Костомаровъ этимъ періодомъ? посмотримъ, какія картины особенно дороги ему въ этомъ періодѣ — и какъ онъ, почтенный историкъ, уяснилъ себѣ духъ и смыслъ разбираемой эпохи? Цѣль настоящаго разсказа (надобно къ тому прибавить, свидѣтельствуетъ самъ г-нъ Костомаровъ въ послѣсловіи), „цѣль настоящаго разсказа была представить, въ повѣствовательной формѣ, черты нравовъ, понятій, обычаевъ и домашняго быта въ XVII вѣкѣ". — „Для этого, прибавляетъ онъ, избраны историческая эпоха и частное событіе такого рода, гдѣ-бы удобно было связать поболѣе разныхъ явленій старинной жизни".

Вотъ какого рода это частное событіе и вотъ къ чему сводятся у г-на Костомарова „разныя явленія старинной жизни", — передадимъ ихъ вкратцѣ. Дворянскій сынъ Осипъ Нехорошевъ — герой разсказа — возвращается изъ похода въ Малороссію, на родину. Подъѣзжая къ родному селу, онъ рвется скорѣй обнять, послѣ разлуки, нѣжно-любимую мать и старика отца. Но отецъ его Капитонъ Михайловичъ, оказывается, не только по фамиліи Нехорошевъ, а и по жизни — не хорошій человѣкъ. Осипову мать, а свою жену, онъ, какъ разъ наканунѣ пріѣзда сына, убилъ до смерти палкой въ високъ — и бѣдный Осипъ попалъ въ домъ на отпѣваніе. Онъ видитъ свою родимую — съ запекшейся на вискѣ кровью — въ гробу. Кто бы ни былъ убійца, сынъ отомститъ смерть матери — сію же минуту рождается въ его головѣ рѣшеніе. Оси-

повъ отецъ, Капитонъ Михайловичъ, выходитъ на шумъ изъ своей комнаты; но Осипъ—какъ по тому уже, что съ самаго начала не засталъ отца у гроба при отпѣваніи, такъ и по теперешнимъ отцовымъ рѣчамъ,—въ немъ-то, Капитонѣ Михайловичѣ, и угадываетъ убійцу матери. Мщенье, мщенье и отцу родному! подкрѣпляетъ онъ теперь свое прежнее рѣшеніе и больше ничего не хочетъ имѣть общаго съ дурнымъ Нехорошевымъ. Осипъ, для исполненія задуманной цѣли, отправляется въ шайки—только-что кстати появившагося къ этому времени—Стеньки Разина. Онъ хочетъ извести своего отца, сжечь до тла всю его усадьбу—и ведетъ въ этомъ смыслѣ переговоры съ разбойниками. Но пока онъ съ ними переговаривается, пока еще совершаетъ нѣкоторые предварительные подвиги, дурной Нехорошевъ успѣлъ уже натворить много новыхъ чудесъ. При помощи одного изъ своихъ холопей, онъ отравилъ мужа красавицы Неонилы Филипповны и съ ней повѣнчался; на своей свадьбѣ онъ опоилъ всѣхъ гостей мертво-пьяными,—услыхавъ, что сынъ идетъ съ погромомъ на усадьбу—тайкомъ улизнулъ отъ гостей. Хорошій Нехорошевъ, кромѣ пьяныхъ гостей, никого не засталъ въ родномъ селѣ—и все-таки разорилъ и пожегъ тутъ все до основанія. Скоро самому Стенькѣ Разину отъ царскихъ войскъ пришлось плохо, а шайка подъ предводительствомъ Осипа Нехорошева и вся попалась въ плѣнъ. Недолго удалые томились въ неволѣ на воеводскомъ дворѣ; всѣхъ ихъ предали смерти: кого посадили на колъ, кого повѣсили. Осипъ на допросѣ сказалъ по всей правдѣ,—онъ не потаилъ да и не умалилъ ни одного изъ совершенныхъ имъ злодѣяній. Онъ указывалъ только—какія ужасныя причины заставили его изъ дворянина, вѣрнаго слуги государева, превратиться въ сообщника холопьихъ шаекъ! Онъ высчиталъ всѣ злодѣянія изверга, своего отца—и разсказалъ свою ужасную повѣсть. Воевода отвѣтилъ: „врешь"—и велѣлъ его посадить на колъ. „Медленно колъ пробивалъ ему кишки по мѣрѣ того, какъ тѣло его отъ тяжести опускалось, руки у него были завязаны назадъ... Въ невыразимыхъ мученіяхъ, Осипъ оставался одинъ среди гніющихъ труповъ, торчащихъ и висящихъ. Онъ мучился такъ почти сутки; воронъ выклевалъ ему глазъ еще живому..."—А что-же дурной Нехорошевъ? „Капитонъ Михайловичъ со своей молодой супругой возвратился въ Нехорошево, выпросилъ у правительства милость: „сто рублевъ на обстройку, потому что разоренъ отъ воровъ" и возобновилъ усадьбу. Пируя на старомъ мѣстѣ въ новыхъ

палатахъ съ прежними своими гостями, онъ—на припоминаніе одного изъ нихъ о несчастномъ Осипѣ—отвѣтилъ такъ... Но передадимъ знаменательное заключеніе во всей красотѣ подлинника:— „да погибнетъ память его отъ земли живущихъ! сказалъ отецъ Капитонъ Михайловичъ о своемъ сынѣ. Имя его никогда не вспомянется въ дому семъ! А кто его добромъ или худомъ мнѣ припомнитъ, того прошу не жаловать за порогъ нашъ.

— Аминь! сказалъ священникъ“.—Тутъ поставлена точка,— и, какъ частное событіе, такъ и разныя явленія старины окончились.

Прочитавъ такое странное содержаніе повѣсти, читатель увидитъ безъ сомнѣнія что оно ничуть не выражаетъ духа исторической эпохи, а больше характеризуетъ мрачное настроеніе души самого автора. Въ самомъ дѣлѣ, въ какой эпохѣ—начиная отъ Каина и Авеля и до нашихъ дней—не найдемъ болѣе или менѣе видныхъ образчиковъ человѣческой злости и глупости и примѣровъ всякаго безобразія! Кромѣ второстепенныхъ подробностей,— въ описаніи усадебъ или состава разбойническихъ шаекъ именно Стеньки Разина и тому подобныхъ, (подробностей, которыхъ совѣстно-бы и не знать такому историческому повѣствователю, какъ г-нъ Костомаровъ) которыя наконецъ въ разсказѣ составляютъ одну только внѣшность и служатъ часто ему канвою—что̀ тутъ изъ цѣлаго содержанія можетъ служить характеристикой эпохи Алексѣя Михайловича? Напротивъ того, весь этотъ намётанный соръ изъ образцовъ человѣческой глупости, злости и подлости,— все это подведеніе человѣческихъ дѣяній и всей жизни къ одному итогу нравственнаго уродства и полнѣйшаго безобразія,—все это мрачномысліе, наконецъ, не обличаетъ-ли говоримъ, въ самомъ авторѣ... по малой мѣрѣ: мизантропа, неспособнаго взирать съ ясностью на исторію человѣчества вообще, а на Русскую исторію—въ особенности.

Читатель вправѣ даже, сознаемся, заподозрить наше изложеніе повѣсти г-на Костомарова въ правдивости: онъ пожалуй, подумаетъ, что мы съ намѣреніемъ скрадывали въ „Сынѣ“ все то, что согрѣто теплымъ участіемъ автора и проникнуто дыханіемъ его нѣжной пріязни къ Руси. Читатель подумаетъ, пожалуй, что мы съ намѣреніемъ искажали самое еще это мрачномысліе поэта, въ которомъ надо было угадывать скорѣе капризъ и неуловимую прихоть шутливаго творчества, чѣмъ какую-то ненависть къ людскому роду

вообще, а къ „мирной Московіи“ въ особенности. Но, провѣряя наше изложеніе въ самомъ подлинникѣ, читатель встрѣтитъ вотъ развѣ какого рода подробности, — высчитаемъ нѣсколько примѣровъ. Кромѣ отца, у Осипа было еще двое дядей, которые— еслибъ были живы—могли-бы пожалуй удержать своего племянника, чтобъ онъ не поступалъ въ разбойничьи шайки; но одинъ изъ нихъ умеръ отъ ранъ боевыхъ, не доживъ до старости,— другой, Иванъ, умеръ слѣдующимъ образомъ. Во время межеваго разбирательства въ Нехорошовкѣ „..слово за слово, дали рукамъ волю, принялись потомъ за дубье; Иванъ бросился въ середину, и кто-то неосторожно хватилъ его въ високъ—тутъ Иванъ Нехорошевъ и душу Богу отдалъ“. Могъ-бы еще остановить Осипа ихъ сельскій священникъ; сынъ затаивъ месть въ груди и не занося на отца руку, могъ-бы предоставить убійцу на судъ Богу, а самъ остался-бы на весь вѣкъ мученикомъ или монахомъ; но дѣло въ томъ, оказывается, что попъ Іоаннъ былъ и врунъ и воръ, хуже самого Стеньки Разина. Хотя Степанъ Тимоѳеевичъ топилъ, между прочимъ, печи живыми людьми; но его еще авторъ „Сына“ нашелъ возможность идеализировать. Стенька, напр., не слишкомъ позволялъ козакамъ трогать чужихъ женъ и вообще противился ихъ сластолюбію за тѣмъ, чтобъ они крѣпче суровѣли въ своемъ походномъ бытѣ. Герой г-на Костомарова идеализируетъ эту черту такимъ образомъ. „Да развѣ мы — обратился Осипъ къ козакамъ, когда они хотѣли похватать чужихъ бабъ, на то идемъ, чтобъ людей зря-обижать? А знаешь-ли ты, какъ батюшка Степанъ Тимоѳеевичъ наказывалъ въ Астрахани козаковъ за безчинства, что̀ творили надъ женами посадскими, когда ихъ мужья уже пристали къ козачеству!“ и т. п. Но попа Іоанна даже и къ Стенькѣ не согласился приравнять авторъ „Сына“. На сѣтованія Осипа по своемъ отцѣ, убійцѣ его матери, вотъ какія нелѣпости проповѣдуетъ Іоаннъ: „И церковь повелѣваетъ мужу наказывать по винѣ жену свою, и кто наказанія женѣ не творитъ, тотъ самъ себѣ грѣхъ на душу возлагаетъ. Отецъ твой за вину ея, якоже подобаетъ мужу учити жену свою, ударилъ ее легко“... и пр. и пр., при томъ Іоаннъ тутъ же нагло богохульствуетъ и ничего больше не хочетъ отъ Осипа, какъ подачки, „по душѣ приноса“.—Оказывается еще, что не смотря даже на плохую компанію въ отцовской тюрьмѣ съ Іоанномъ, Осипъ не вдругъ развратился сердцемъ. Онъ все-таки не рѣшился, какъ сынъ, занести руку на отца; онъ придумалъ обра-

титься къ правосудію воеводы. Но воевода, вмѣсто того, чтобы защитить праваго, т. е. сына, и осудить виновнаго, т. е. отца — самъ еще больно „отодралъ батогами“ бѣднаго Осипа, и всѣ остальныя подробности встрѣчаются въ такомъ-же духѣ. Не выписываемъ, напримѣръ, подробностей женитьбы Капитона Нехорошева на Неонилѣ Филипповнѣ; отъ холопей, которые тутъ принимаютъ горячее участіе, до гостей опившихся на свадьбѣ... все подобрано одно лучше другаго.

Читателю, послѣ всего, простительно будетъ увлечься слѣдующей догадкой. Хотя г-нъ Костомаровъ и оговорилъ въ своемъ послѣсловіи, что вся цѣль его разсказа познакомить читателя съ духомъ избранной имъ эпохи, — однакожъ въ авторѣ „Сына“ не пересилилъ-ли художникъ историка? не отдался-ли онъ исключительно художественной сторонѣ своей задачи въ изображеніи людскихъ пороковъ вообще и древней Руси — по преимуществу? Можетъ быть, его повѣсть „Сынъ“ — мало удовлетворяя исторической задачѣ, блеститъ всѣми достоинствами художественнаго произведенія, и является истиннымъ chef d'oeuvre искусства? Анахронизмы, — даже совершенныя невѣрности въ историческомъ отношеніи — случаются даже у Шекспира; тѣмъ не менѣе однакожъ геній великъ и славенъ. Британскій поэтъ, изъ узкаго національнаго чувства, могъ наклеветать на Іоанну д'Аркъ, выставивъ непорочную дѣву вѣдьмой разврата — тѣмъ не менѣе однакожъ, въ самой этой піесѣ, не какъ историкъ, а какъ художникъ онъ остается великъ и силенъ по прежнему, какъ и въ остальныхъ сочиненіяхъ. Къ сожалѣнію и въ этомъ отношеніи критику — кромѣ развѣ Малороссійскаго казака Кручи — не надъ чѣмъ будетъ остановиться въ повѣсти: „Сынъ“. Мертвенность, сухость всего содержанія, несогрѣтаго ни даже намекомъ на какое-нибудь теплое участіе самого автора къ выбранной имъ темѣ жестоко отомстила сама за себя автору „Сына“ — мертвенной сухостью всего изложенія отъ первой строки до послѣдней. Книжность языка самого автора, ходульность рѣшительно каждой фразы главнаго героя, какая-то поддѣлка подъ языкъ старинныхъ книжниковъ въ рѣчахъ попа Іоанна и другихъ дѣйствующихъ лицъ — сплошь непріятно поражаютъ читателя. Мы уже не говоримъ о такого рода неточностяхъ выраженія, которыя, можетъ быть, у г-на Костомарова находятся въ связи съ субъективными историческими вѣрованіями: такъ, напримѣръ, тогдашнее Русское государство и самый народъ онъ величаетъ „Московіей“, — мы неостанавливаемся и надъ этими постоянными „сколь“ и

„столь“, надъ неуклюжими причастіями и дѣепричастіями, которыми испещрены у него всѣ описанія. Опускаемъ и это множество тяжеловѣсныхъ оборотовъ и неровностей слога, которыя однакожъ если извинительны въ бѣглой журнальной, хотя-бы и исторической статьѣ, то ничуть не извинительны въ такъ называемой, изящной словесности: въ романѣ или въ повѣсти. Но въ самыхъ еще патетическихъ сценахъ рѣшительно не чувствуется никакого оживленія; въ самыхъ страстныхъ рѣчахъ его героевъ—ни одного живаго слова, ни малѣйшаго лирическаго движенія.

Вотъ какимъ языкомъ ведется повѣсть временъ царя Алексѣя Михайловича,—представимъ примѣры на выдержку. „Стояли башни: одна изъ нихъ было четвероугольное зданіе съ претензіей бѣжать вверхъ“; „Капитонъ шолъ позади съ кислою миной“, „служилые для эффекта ударили въ тулумбасы“, „въ недоумѣніи Осипъ сдѣлалъ нѣсколько ступеней на лѣстницу“—„Закрывъ руками лице, Осипъ припалъ къ изголовью скамьи и долго рыдалъ, потомъ вскочилъ, прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, ударилъ себя въ грудь и, ставъ на колѣни передъ образомъ, произнесъ: Господи Боже карателю грѣшниковъ! покарай лихаго человѣка, лишившаго живота мать мою, хотя-бы то отецъ мой былъ!“ и пр. Или еще: „Осипъ сидѣлъ опустя голову, нѣсколько разъ закрывалъ лице руками и открывалъ, нѣсколько разъ припадалъ къ изголовью скамьи, потомъ вскочилъ и сказалъ: „Накажу, накажу того, кто лишилъ живота мать мою!“,.. „Господи! воскликнулъ онъ еще разъ: не дамъ очамъ моимъ дреманія!... Я пойду искать суда, приведу душегубца подъ кару закона!“—„Теперь я оплакалъ тебя, приснопамятная родная матушка и тебя вмѣстѣ батюшка!... Матушка въ сырой могилѣ, а батюшка на кару пойдетъ. Не минешь ты ее! отъ меня не минешь ты ее“... Перелистуйте всю книгу—и вы встрѣтите на каждой страницѣ образцы художественности такого рода.

Скажемъ въ заключеніе, что наряду съ такими красотами проскакиваютъ еще поминутно собственные афоризмы самого автора. Они промелькиваютъ то и дѣло, вставляемые будто между строкъ, какъ бы летучія замѣтки философа, въ краткихъ но сильныхъ рѣчахъ изрекающаго сентенціи на счетъ цѣлаго человѣчества. Авторъ „Сына“, очевидно, истощилъ въ своемъ беллетрическомъ трудѣ весь запасъ

„Ума холодныхъ наблюденій
И сердца горестныхъ замѣтъ“.

„Ключницу билъ мужъ, ключница била старостихъ, а послѣднія били своихъ подручницъ; женщины были подчиненнѣе мужчинъ: кромѣ того, что рабу била другая раба, ее билъ еще и собственный мужъ“... Такія фразы разсыпаны по всему сочиненію. Или: „коль скоро человѣка допрашивали съ видомъ власти и закона о его житьѣ-бытьѣ, надобно было лгать“—такіе афоризмы идутъ у г-на Костомарова рѣшительно ни за что, и совершенно пропадаютъ въ общемъ потокѣ его исторической ипохондріи. Но какъ понравятся вамъ еще, напримѣръ, слѣдующія! Описывая похоронную трапезу, куда, какъ извѣстно, приглашались и нищіе со всего околотка, г-нъ Костомаровъ напутствуетъ свое описаніе такою ироніей: „Христовы слова „нищіе всегда имате“, запечатлѣлись надъ всею исторіею Россіи“!.. Упомянувъ о древнемъ обычаѣ отпускать холопей на волю, г-нъ Костомаровъ ничѣмъ лучше въ этомъ мѣстѣ не нашелъ заключить своего описанія, какъ слѣдующей замѣткой: „и часто господа отпускали холоповъ на волю, а въ часъ смерти наипаче, потому что въ предсмертныя минуты, когда знаешь, что нельзя болѣе дѣлать зла, является охота къ добрымъ дѣламъ“...

Вотъ, что называется: съ двухъ-трехъ словъ, человѣкъ (мы хотимъ сказать ипохондрикъ) вылился весь!

Газета „День“ 1865 г.

„Воевода“ (Сонъ на Волгѣ). Комедія въ пяти дѣйствіяхъ. Съ прологомъ. Въ стихахъ. *А. Н. Островскаго.* („Современникъ“ 1865 г. № 1.)

I.

Идея художественнаго произведенія лишь на столько бываетъ ясна сознанію критика, на сколько она уяснена въ душѣ самого художника и на сколько для него самого не остается въ ней ничего недоговореннаго.

Смутное субъективное чувство поэта; волнующійся рядъ полуясныхъ представленій; цѣлый рой полусознанныхъ-полуразгаданныхъ впечатлѣній,—вотъ съ чего обыкновенно начинается первоначальное раздумье поэта, предтеча трудовъ его. Вотъ на чемъ его застаетъ первый процессъ творчества. Какъ ни ярки законченные ти-

пы Шекспировыхъ драмъ; какъ ни внятно каждая изъ нихъ выговариваетъ свой нескончаемо-глубокій смыслъ, носившійся въ сознаніи автора, — нѣтъ сомнѣнія, что въ душѣ и такого геніальнаго художника они зачинались именно съ темнаго субъективнаго чувства и нѣкоторое время колебались въ формѣ смутныхъ, неопредѣлившихся представленій. Во всякой литературѣ, однакожъ, не рѣдки такія произведенія, окончательная задача которыхъ не довольно была выяснена въ душѣ самихъ авторовъ. Смутное субъективное чувство поэта обличается въ нихъ недосказанностью отрывочностью, загадочностью цѣлаго содержанія. При всемъ блескѣ внѣшней отдѣлки,—при всемъ мастерствѣ, такъ сказать, технической работы—во внутреннемъ содержаніи такихъ произведеній чувствуется какой-то разладъ и рябитъ какая-то пестрота. Наконецъ, при множествѣ отдѣльныхъ картинъ и затрогиваемыхъ мотивовъ, отсутствіе содержанія, собственно говоря, и поражаетъ прежде всего читателя—въ такихъ произведеніяхъ.

Притомъ, одинъ и тотъ-же поэтъ, сильный въ обыкновенной сферѣ своихъ идеаловъ; мощный, пока занятъ обычными темами, наиболѣе сподручными для его вдохновенія, нерѣдко проявляетъ слабость и немощь, какъ только коснется другихъ темъ и перейдетъ къ области несподручныхъ для себя идеаловъ. Въ первомъ случаѣ онъ выступаетъ полнымъ хозяиномъ своей задачи, — всевѣдущимъ творцомъ своихъ образовъ, своихъ героевъ; во всей его работѣ слышна, прежде всего, смѣлость творчества, широта размаха; онъ распоряжается тутъ, какъ власть имѣющій и даетъ чувствовать поминутно, что таланта его для исполненія предположенной задачи хватитъ съ избыткомъ. Во второмъ случаѣ, то есть когда онъ обращается къ такимъ образамъ, которыхъ еле-еле осиливаетъ его фантазія, отношеніе къ нимъ художника становится несмѣло и несвободно; во всей его работѣ поражаетъ робость и какая-то кропотливая сдержанность. Поэтъ, перебирая одну за другой всѣ черточки въ характерѣ своихъ героевъ, рисуетъ ихъ полу-штрихами: онъ лучше предпочитаетъ захоронить ихъ въ тѣни, чѣмъ обличить погрѣшность ихъ возсозданія при болѣе яркомъ освѣщеніи. Онъ скупится тогда на самыя слова своихъ героевъ, лучше желая оставить въ нихъ многое недосказаннымъ на угадъ читателю лишь-бы самому въ ихъ рѣчахъ избѣжать какой-нибудь нечаянной, легко могущей прорваться, фальши.

Такова именно новая пьеса г-на Островскаго „Воевода, Сонъ

на Волгѣ": въ томъ и состоитъ главный недостатокъ этой, во многихъ отношеніяхъ прекрасной пьесы, что ея художественная задача не довольно выяснилась въ душѣ самого художника. Но помимо вопроса о талантѣ, помимо вопроса еще о любви или художественной охотѣ автора къ выбранной имъ темѣ — тутъ всему виною и другія причины. Талантъ г-на Островскаго нигдѣ можетъ быть, не обнаруживалъ такого крайняго напряженія, какъ именно въ этой пьесѣ. Если вы хотите видѣть образчикъ самаго добросовѣстнаго отношенія художника къ выбранной темѣ,—равную артистическую заботливость, какъ о наиболѣе важномъ, такъ и о второстепенныхъ подробностяхъ,— наконецъ, совершенство технической отдѣлки и то, что французы зовутъ le fini de la chose—читайте, именно, Сонъ на Волгѣ; отъ перваго стиха и до послѣдняго отдѣлка доведена здѣсь usque ad unguem. Но таково отношеніе современнаго Русскаго творчества къ идеаламъ былаго времени; такова для насъ въ настоящее время загадочность стариннаго Русскаго быта;— наконецъ, во всемъ нынѣшнемъ современномъ созерцаніи, таково отсутствіе въ насъ глубокихъ народныхъ инстинктовъ, — да такъ еще низокъ у насъ современный уровень исторической науки — что уже самая тема „Воеводы", (это „дѣйствіе, происходящее въ большомъ городѣ на Волгѣ въ половинѣ XVII столѣтія)" служила большою помѣхой автору и являлась истиннымъ камнемъ преткновенія для талантливаго и плодовитаго писателя. Попытка произвести на нашей сценѣ драму вполнѣ-народную—осталась не болѣе, какъ попыткой. Безсиліе современнаго творчества произвести что-нибудь цѣльное, что-нибудь мощно-художественное въ прямо-народномъ смыслѣ, знаменательно въ „Воеводѣ" въ высшей степени—и пьеса эта въ лѣтописяхъ нашего искусства на долго останется памятникомъ именно подобнаго рода безсилія нынѣшней переходной эпохи.

Задумавъ написать пьесу изъ Русскаго, несомнѣнно-народнаго быта, — взявъ матеріаломъ для художественнаго возсозданія историческую эпоху, гдѣ еще не было начатковъ раздвоенія, внесеннаго Петровскою реформой — авторъ, очевидно, самъ не видѣлъ ничего ярко-опредѣленнаго въ смутныхъ, мелькавшихъ передъ нимъ образахъ. Онъ былъ даже въ затрудненіи относительно того, въ какое отношеніе поставить самого себя, современнаго человѣка, къ дѣйствительности, имъ вызванной. Ни въ глубинѣ своего собственнаго созерцанія, ни во всей современной дѣйствительности не на-

ходилъ онъ никакихъ связующихъ нитей съ тѣмъ запамятованнымъ міромъ,—ничего такого, что̀ раскрыло-бы ему внутреннее зрѣніе на ту чуждую для его воображенія эпоху, что пролило-бы яркій свѣтъ для ея объясненія. Все что каждому изъ насъ было знакомо о прошлой старинѣ по неяснымъ слухамъ, что намъ грезилось какими-то отрывочными полузабытыми снами что̀ наконецъ, было намъ доступно болѣе со стороны чисто-внѣшней, такъ сказать декоративной.., все это оживаетъ и въ пьесѣ г-на Островскаго тѣмъ-же смутнымъ сномъ, тѣмъ-же недосказаннымъ намекомъ и также у него, опять болѣе всего, поражаетъ насъ своею чисто-внѣшней, декоративной стороною. „Сонъ на Волгѣ“—такимъ страннымъ заглавіемъ охарактеризовалъ г-нъ Островскій свою пьесу, которая носитъ еще и другое названіе: „Воевода“,—и это заглавіе „Сонъ на Волгѣ“ сказалось не даромъ. Вся пьеса дѣйствительно имѣетъ характеръ какой-то фантасмагоріи. Какъ въ либретто фантастической оперы мало дѣла до отчетливаго изображенія выводимыхъ лицъ и дѣйствія а уже вполнѣ довольно чтобы слышались лишь общіе ихъ мотивы,—такъ и тутъ. Всѣ мотивы древняго Русскаго быта, всѣ бытовые типы тогдашней эпохи, всѣ наконецъ „картины завѣтной Русской стороны“ спѣшатъ втѣсниться въ отмѣренную рамку пяти дѣйствій. Они толпятся безъ строго-опредѣленнаго плана—и художникъ видимо озабоченъ прежде всего только тѣмъ, чтобы,—нужны-ли они, ненужны-ли,—всѣмъ имъ дать равное мѣсто на сценѣ, чтобы не пропустить ни одного изъ нихъ въ своей фантасмагоріи... Эти образы однакожъ, разъ они съ талантомъ вызваны на сцену, сами собой уже начинаютъ громко заявлять о себѣ и предъявляютъ запросъ на ихъ художественную разгадку. Зритель или читатель,—не столько въ яркомъ сознаніи самого автора, сколько въ томъ именно, что̀ высказывается какъ-бы противъ его воли,—какъ будто и начинаетъ угадывать цѣльность всей пьесы и ея органическую идею. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ еще и досадуетъ на каждомъ шагу на эту робость и сдержанность автора, на эту утайчивость съ его стороны, на эти постоянные поводы въ пьесѣ къ истолкованію о̀бразовъ въ ту или другую сторону, на эти поводы и къ крайнимъ совершенно разнорѣчивымъ выводамъ. Чувствуется на каждомъ шагу страшная натуга таланта и что силъ художника—для имъ задуманной темы—едва хватаетъ.

Всѣ прежнія пьесы г-на Островскаго (мы тутъ не говоримъ о „Мининѣ“) можно будетъ пожалуй упрекнуть во многомъ; всѣ

они, имѣютъ свои характерные, одни и тѣ-же, общіе недостатки; однако ни одну изъ нихъ нельзя обвинить въ томъ, чѣмъ существенно грѣшитъ его „Сонъ на Волгѣ".

О пьесахъ г-на Островскаго можно вообще сказать слѣдующее. Типы у него слишкомъ однообразны и мотивы всѣхъ его драмъ крайне монотонны; душевная типичность его героевъ заслоняется у него передачею типическихъ чертъ самого быта и внутренняя правда постоянно загораживается правдой внѣшней. Можно еще сказать, что въ средѣ его дѣйствующихъ лицъ, самая драма вытекаетъ обыкновенно не изъ сильно-развитыхъ характеровъ, и не изъ глубокаго индивидуализма рѣзко-оригинальныхъ личностей, — а ограничивается лишь внѣшнею сшибкой „нравовъ", такъ называемыми семейными бурями и сценами: ихъ въ жизни вообще не оберешься; для нихъ даже не требуется сильно-развитыхъ натуръ или оригинально-индивидуалыхъ личностей. Довольно того чтобы всякое лицо вполнѣ отвѣчало своему бытовому типу, чтобы оно оставалось вѣрно тѣсному эгоизму своихъ комнатныхъ домашнихъ привычекъ — и вотъ уже потянется самъ собою цѣлый нескончаемый рядъ бурь и сценъ подобнаго рода. Можно будетъ, пожалуй, сказать наконецъ и то еще, что во всѣхъ прежнихъ пьесахъ г-на Островскаго самые идеалы какъ-то мелки, самый горизонтъ его творчества слишкомъ тѣсенъ, самая задача всегда узка; скудны-же и монотонны были у него и самые мотивы народной стихіи, которые онъ такъ неутомимо разработывалъ, — мелки-же были и неглубоки самыя струи народнаго духа, которыя онъ захватывалъ. Но никакъ нельзя сказать ни про одну изъ прежнихъ пьесъ г-на Островскаго (опять за исключеніемъ „Минина") что таланта его не хватало въ мѣру задуманной имъ темы. Велико-ли было или мало, глубоко или мелко все писанное имъ прежде — но во всѣхъ своихъ прежнихъ сочиненіяхъ онъ сполна исчерпывалъ предположенную задачу и она у него разрѣшалась легко и просто, безъ малѣйшей натуги творчества, не вводя критику ни въ какое недоразумѣніе, не представляя повода ни къ какой двусмысленности, ни къ какимъ разнорѣчивымъ выводамъ. Пьеса „Сонъ на Волгѣ", напротивъ того, изумляетъ широтою художественнаго замысла; она отличается, можно-бы сазать, неисчерпаемой глубиною затрогиваемыхъ въ ней сторонъ Русской жизни. Но, очутившись теперь не въ обиходной сферѣ своего таланта, авторъ уже слишкомъ робко и слишкомъ боязненно ихъ затрогиваетъ.

Онъ больше скользитъ по поверхности возбуждаемыхъ впечатлѣній; онъ не былъ достаточно силенъ совладать съ тѣми духами, которые явились на призывъ его. Эти стороны Русской жизни сами по себѣ уже весьма крупны и весьма глубоки, но онъ не исчерпалъ всей дѣйствительной глубины ихъ и не вдумался въ ихъ важность. Они, повторяемъ, уже далеко не мелки и очень глубоки, но самъ онъ ихъ беретъ и мелко и не глубоко.

II.

Прологъ вводитъ насъ во всю бездѣйственную косность, въ какую-то лѣнивую тишину и такъ сказать апатическую пассивность того міра и быта, которые будутъ раскрываться передъ нами въ цѣлыхъ пяти дѣйствіяхъ; мы знакомимся изъ этого пролога и съ завязкой драмы. Бирючь возвѣщаетъ народу царскій указъ, пришедшій изъ Москвы, посадскимъ и уѣзднымъ всякихъ чиновъ людямъ, касающійся общественнаго порядка. Народъ выслушиваетъ его очень равнодушно, ничего болѣе не видя въ такомъ указѣ и въ самомъ его оповѣщеніи, кромѣ мертвой формы и одного лишь обряда. Это, повидимому, его нисколько не касается. Народъ знаетъ, во первыхъ, что воровъ и вѣдуновъ, объ которыхъ такъ хорошо писано въ царской бумагѣ—у нихъ и ловитъ нѐ-кому: „людей служилыхъ мало“. Народъ знаетъ во вторыхъ и то, что пуще всякихъ разбойниковъ, которые слоняются по всему уѣзду, пуще вѣдуновъ и всякихъ лихихъ людей—донимаетъ его еще самъ царскій Воевода. Этотъ Воевода, Нечай Григорьевичъ Шалыгинъ, по всеобщимъ отзывамъ, алтынникъ, взяточникъ и кровопійца, никому отъ него житья не становится. Онъ—и старъ, да дюжъ; охочь до чужихъ женъ; держитъ у себя во дворѣ Олену, жену бѣглаго посадскаго, который и бѣжалъ отъ его притѣсненій. Онъ вдовецъ отъ двухъ женъ: молва народная говоритъ еще, что самъ онъ и загубилъ ихъ вѣкъ. Злой ревнивецъ, этотъ сѣверный Отелло, придумалъ своимъ женамъ казнь еще болѣе лютую и характеристическую, чѣмъ самъ Мавръ: онъ обѣихъ защекоталъ на смерть. Чувство своего превосходства и сознаніе своей власти постоянно слышится у него даже въ притворствѣ напущеннаго на себя смиренія, въ злобной но вполнѣ сдержанной ироніи.... Мы узнаёмъ, что онъ посватался за старшую дочь богатаго посадскаго Власа Дюжаго, Прасковью Власьевну. Мы узнаёмъ еще, что—кромѣ того,

что онъ со всѣми въ ссорѣ—онъ особливо въ ссорѣ съ бывшимъ губнымъ старостой, Семеномъ Бастрюковымъ, богатымъ мѣстнымъ дворяниномъ. Онъ тутъ-же въ прологѣ, не считая всѣхъ прежнихъ обидъ, оскорбилъ этого знатнаго дворянина нà-смерть. Обиженный, пользуясь общей ненавистью къ Воеводѣ, хочетъ сладить челобитье на него къ государю, самъ вызывается съ нимъ ѣхать въ Москву. Впрочемъ, и самая ненависть народа къ Воеводѣ — чисто пассивная и больше походитъ на простой обычай. Пока были губные старосты, народъ самъ просилъ воеводъ себѣ; теперь завелись воеводы, и ихъ не жалуютъ. Что Воевода непремѣнно лютъ, это какъ бы въ понятіяхъ народа; что Воевода падокъ на поминки—и это въ обычаѣ. Незначительные людишки, помалчивающіе себѣ и даже похваляющіеся тѣмъ, что позови ихъ къ суду — они во всемъ запрутся и на все будутъ отмалчиваться; спившіеся подьячіе, готовые написать хоть на отца роднаго крючкотворное челобитье—таковò почти сплошь все общество, проживающее „въ большомъ городѣ на Волгѣ". Слухи о грабежахъ, объ увѣчьяхъ, о разбоѣ, о различныхъ притѣсненіяхъ—таковы интересы, возникающіе въ этомъ обществѣ... Прологъ конченъ.

Первое дѣйствіе открывается сценой въ саду Власа Дюжаго; обѣ его дочери, Прасковья и Марья, вышли погулять въ садъ съ нянюшкой и сѣнными дѣвушками. Здѣсь мы знакомимся съ нареченной невѣстой Воеводы, Прасковьей Власьевной. Коротко сказать, это кусокъ мяса — и ничего больше. „Ей лишь-бы зàмужъ, разбирать не станетъ". Ей понятно и для нея это какъ нельзя болѣе просто, что выдадутъ замужъ, не спросивъ ея воли; прикажутъ — и конецъ; а милъ-ли — ее не спросятъ „Ѣшь сладкое, медовъ сыченыхъ въ волю, гора горой пуховики лебяжьи въ опочивальнѣ; хочешь спать, такъ спи; а нѣтъ — лежи, пусть тонетъ бѣло-тѣло и нѣжится"—таковъ ея идеалъ. Не такова сестра ея Марья Власьевна, нѣжная и глубоко-поэтическая натура. Ей въ терему и тѣсно, да и душно; ее манитъ на волюшку: лучше утопиться, говоритъ она, чѣмъ быть выданной замужъ противъ воли, какъ выдаютъ ея сестру Прасковью. На вопросъ нянюшки: какую имъ разсказать сказку? Любовную скажи! отвѣчаетъ она. И, оказывается, она давно любитъ одного молодца, сына того богатаго дворянина Бастрюкова, Семена Степановича. За что она полюбила — и сама не знаетъ; ей полюбился его веселый и живой нравъ, — таковъ онъ, по ея мнѣнію, что его полюбишь — такъ не разлюбишь

скоро; всей душой своею она вѣритъ и его безутѣшной тоскѣ по ней, его неизмѣнной любви. Какъ вообще во всѣхъ пьесахъ г-на Островскаго, такъ и здѣсь, характеры дѣйствующихъ лицъ сразу даются съ двухъ-трехъ штриховъ читателю и далѣе остаются въ цѣлой пьесѣ во всей ихъ неподвижности. Это не индивидуальныя личности, а общіе типы, сразу поконченные, безъ всякого дальнѣйшаго развитія. Семенъ Бастрюковъ, скоморохъ-гуляка, щёголь и волокита, такимъ штрихомъ обрисованъ у автора: „По нашему любить, такъ вотъ какъ; видишь булатный ножъ?" говоритъ онъ Марьѣ и вынимаетъ свой булатъ изъ-за пояса. Промолви только слово—и глазомъ не моргну, по рукоятку въ грудь пущу. Вели!" И сильнѣе этой черты не выпадаетъ больше ни одной на его долю въ цѣлой пьесѣ; онъ только остается постоянно вѣренъ типу гуляки-щеголя и еще влюбленнаго. Такъ и всѣ остальныя лица.

Бастрюковъ, прокравшись при помощи своихъ слугъ въ садъ Власа, склоняетъ Марью Власьевну къ побѣгу: такъ какъ Воевода, недругъ Бастрюкова рода, посватался за ея сестру Прасковью, то имъ, молодымъ влюбленнымъ, не остается больше и надежды на свадьбу. Отвѣтъ Марьи Власьевны таковъ: „Станемъ дожидаться, мнѣ лѣтъ не много; я не переростокъ. Своей охотой за другаго не пойду; а неволить станутъ—ну тогда, не знаю быть можетъ, парень выйдетъ на твое; тогда ломайте тынъ, готовьте лодку, бери въ охабку и тащи домой". Послѣ того, какъ влюбленные разстались, приходитъ въ садъ самъ Воевода, хочетъ посмотрѣть своей невѣсты. Въ гостяхъ ведетъ онъ себя истиннымъ умѣлымъ человѣкомъ и сообразно своему сану; ко всякому слову и привѣту найдется ловкій отвѣтъ дать—шутливъ, веселъ и привѣтливъ необычайно. Именно по пословицѣ: что̀ ни слово, то̀ подаритъ. Зная однако объ немъ молву народа; подготовленные еще нянюшкой Недвигой, которая плачется по такомъ женихѣ за свою невѣсту: („сѣдой, какъ лунь, согнутый, глядитъ медвѣдемъ, такъ и хочетъ съѣсть") мы теперь должны признать въ этомъ бодрящемся старикашкѣ искуснаго лицедѣя, страшнаго ипокрита; намъ становятся противны и шутливость, и привѣтливость, и вся напущенная любезность его. Въ то время, какъ онъ просится поглядѣть своей невѣсты, показывается въ саду Марья Власьевна. Завидѣлъ ея нѣжную красоту Воевода, и остолбенѣлъ. Довольно того, что Марья Власьевна понравилась ему пуще Прасковьи—все дѣло врозь: онъ больше не беретъ замужъ Пра-

сковью, ему родители должны отдать Марью Власьевну. Они не прекословятъ, идутъ домой бить по рукамъ. Тогда молодой Бастрюковъ свищетъ своихъ слугъ; тѣ разбираютъ тынъ въ саду хотятъ сейчасъ-же увезти Марью Власьевну изъ терема въ лодкѣ: лодку они оставили на рѣкѣ за садомъ; сама Марья Власьевна выбѣгаетъ на крыльцо и проситъ о помощи. Но домашніе подняли тревогу, Воевода вбѣгаетъ съ толпою слугъ; Бастрюковъ вынужденъ спасаться бѣгствомъ — а Воевода рѣшается сейчасъ-же перевезти новую невѣсту въ свой собственный дворъ на посадѣ и будетъ тамъ её беречь за семью замками. Вторая сцена этого дѣйствія происходитъ на дворѣ Бастрюкова; затосковалъ молодой скоморохъ по Марьѣ Власьевнѣ и хочетъ силой-ли, хитростью-ли, украсть невѣсту изъ двора воеводина. Слуги его приводятъ къ нему во дворъ способнаго на такія дѣла бѣглаго посадскаго Дубровина (того самаго, чья жена Олена также похищена Воеводой и живетъ у него въ рабыняхъ). Дубровинъ обѣщается Бастрюкову обдѣлать это дѣло, лишь-бы удалить на время самого Воеводу изъ города. Въ числѣ тюремныхъ колодниковъ есть одинъ отданный подъ судъ за чародѣйство, Мизгирь, которому суевѣрный Воевода довѣряетъ; стòитъ только подкараулить этого Мизгиря и онъ выпроводитъ за городъ Воеводу. Молодой Бастрюковъ на радости чуть только не братается съ Дубровинымъ; онъ хочетъ съ нимъ еще отправиться въ шайки разбойника Худояра, погулять на широкомъ Волжскомъ раздольи — и подымаетъ пиръ на весь міръ, велитъ давать вина и пѣть пѣсни: дымъ стоитъ коромысломъ.

Второе дѣйствіе открывается видомъ свѣтлицы въ воеводскомъ домѣ: это темница, приготовленная для Марьи Власьевны. Мы знакомимся со всѣми—сказать-бы азіатскими обычаями здѣшняго домашняго обихода. „Что-бъ день и ночь ворота на запорѣ! Чтобъ день и ночь кругъ дома сторожà! Чтобъ ни кому приходу и подсылу! Чтобъ сѣннымъ дѣвкамъ изъ воротъ ни шагу! На портомой водить за карауломъ! Слово каждое и дѣло чтобъ было мнѣ доподлинно извѣстно! Не только вѣсти въ домъ или изъ дому не проносить; а птица прилетѣла съ чужихъ хоромъ—чтобъ мнѣ про это вѣдать! Я батоговъ для васъ не пожалѣю за малую оплошку; за большую казненнымъ быть нещадно скорой казнью!" таковъ приказъ деспота въ домѣ, хозяина-воеводы своимъ челядинцамъ передъ отправленіемъ въ походъ на богомолье, въ загородный монастырь по слову подкупленнаго Мизгиря. Воевода выписываетъ еще

откуда-то старуху Ульяну для береженья невѣсты, — вотъ ея характеристика по собственному отзыву самого Воеводы: „Нравомъ ты свирѣпа, глядишь медвѣдемъ, ни грозой, ни лаской ничѣмъ не взять. Пили тебя на части—ты все свое. Ежовою щетиной ты обросла кругомъ: не надо бѣса, когда ты здѣся. Мнѣ того и нужно.“ А вотъ ей и приказъ воеводинъ: „Вся твоя забота беречь боярышню; отъ ней ни шагу не отходить. Какія будутъ рѣчи межь вами, сказывай!“ На прощанье съ Воеводой передъ отправленіемъ его за городъ, приходятъ къ нему въ гости: сама мать Марьи Власьевны съ дочерью. Опять Воевода съ ногъ до головы превращается въ олицетворенную привѣтливость и любезность; что̀ ни слово съ его стороны, то̀ глубокое знанье свѣта и всѣхъ приличій. Подумаешь, нѣтъ-то въ цѣломъ свѣтѣ человѣка умнѣе и добрѣе его: все-то онъ знаетъ, и весь-то онъ такой шутливый! Обращенье его съ Марьей Власьевной (которая отъ него отворачивается и пуще себя закутываетъ въ фату) отличается здѣсь сладострастіемъ тонко развращеннаго вкуса, чувственностью изощренной, почти артистической. Это уже не просто выступаетъ плоть съ своею грубою похотью; это плоть, которая прикидывается духомъ, это похоть притворяющаяся утонченнымъ художественнымъ стремленіемъ. Когда всѣ простились съ Воеводой, а мать невѣсты ушла съ женщинами дивиться жениховымъ подаркамъ, Марья Власьевна осталась одна съ шутомъ воеводинымъ, (онъ и выдалъ ее въ саду)— между ними происходитъ замѣчательная сцена. Открывъ теперь свое покрывало, она всю душу обнажила передъ шутомъ на распашку: „кабы не ты, гуляла-бъ я на волѣ! говоритъ она этой презрѣнной воеводиной твари. Постылый песъ, тебѣ-бы бѣса тѣшить! Ножа-то нѣтъ, зарѣзала-бъ тебя!“ Шутъ инстинктивно понялъ всю сущность этой сильной, непреклонной женской природы! „Вотъ такъ пылъ! кличетъ онъ своего „дядю“ (такъ зоветъ онъ своего господина): убилъ бобра! Нашла коса на камень!“

Вторая сцена этого дѣйствія переноситъ зрителя въ глубину лѣснаго ущелья подъ тотъ монастырь, куда Воевода пошелъ на богомолье. Нищіе, пустынникъ, разбойники (въ числѣ ихъ самъ Дубровинъ и оказывается тѣмъ Худояромъ, который наводилъ страхъ на всю округу) кстати-некстати являются здѣсь какъ-бы ужь принадлежностью такой глухой мѣстности. Выходъ Воеводы въ этой сценѣ добавляетъ прежнее о немъ представленіе еще однимъ новымъ штрихомъ въ умѣ читателя: впереди несутъ мѣшокъ съ день-

гами и Воевода щедро надѣляетъ изъ него просящихъ милостыню. Такое, впрочемъ, ипокритство не столько уже составляетъ личную его особенность, сколько необходимую принадлежность его высокаго сана. Все болѣе и болѣе начинаетъ поражать въ цѣлой пьесѣ это постоянное обращеніе нравственныхъ обязанностей и всего душевнаго благочестія — въ простой внѣшній обрядъ, соблюденіе лишь предписанной формальности. Бастрюковъ съ Худояромъ-Дубровинымъ и съ своими слугами, убѣдившись что Воевода точно пріѣхалъ въ здѣшній монастырь, отправляются въ городъ для похищенья дѣвицы изъ терема. А что̀ тѣмъ временемъ дѣлается въ теремѣ?

Дѣйствіе третье раскрываетъ передъ нами тайну древняго теремнаго заключенія, по крайней мѣрѣ въ домахъ такихъ деспотовъ, образцомъ которыхъ является нашъ Воевода. Такой теремъ оживаетъ теперь передъ нами со всѣмъ его бабьимъ пустомельствомъ, съ азіатскими своими нравами; со всѣми его обманами и хитростями, съ жизнью, которая переходитъ въ сонъ и мало чѣмъ рознится отъ прозябанія. Недвига, прежняя няня Марьи Власьевны, пришедшая навѣстить свою красавицу-забавницу; Ульяна, новая мамка, приставленная Воеводой, которая—какъ ни обросла ежевой шерстью и какъ ни была мало податлива на ласку и на приманку—такъ сразу и подалась на грубую матеріальную подачу,—какъ муха на медъ, такъ и напала на дѣвичьи дорогіе подарки и совсѣмъ запуталась въ нихъ, сразу готовая продать своего господина; Олена, которая приноситъ тайную вѣсточку дѣвицѣ объ ея ясномъ мо̀лодцѣ, обманомъ-хитростью успѣвшая втерется въ теремъ, — всѣ выведенныя здѣсь лица хорошо отвѣчаютъ изображаемому теремному быту и съ разныхъ сторонъ его дорисовываютъ.... Жизнь, гдѣ прежде всего и бросается въ глаза само отсутствіе жизни, спячка, снотворный застой, какое-то прозябаніе — теремная жизнь эта еще на глазахъ читателя переходитъ уже въ настоящій сонъ... Старуха Недвига разсказываетъ въ потемкахъ сказку, и сбивается, и засыпаетъ.... царитъ сонъ во всемъ теремѣ... Домовой прошелъ по немъ и сбилъ шлыкъ со старухи. Тѣмъ и оканчивается третье дѣйствіе.

Дѣйствіе четвертое происходитъ въ тѣсной крестьянской избушкѣ. Немощная, отживающая свой вѣкъ старуха сидитъ за люлькой и убаюкиваетъ ребенка,—спитъ будущій представитель сѣраго Русскаго народа въ своей люлькѣ, а старуха убаюкиваетъ его, что-

бы спалъ онъ еще крѣпче. Кое-какой народъ ужинаетъ въ избѣ, также готовится спать. Въ этихъ Гаврилахъ, Климахъ, Иванахъ, Курчаяхъ, Куликахъ и Сидорахъ признается мало индивидуальныхъ отличій; всѣхъ ихъ ровняетъ или рознитъ только бытъ, котораго они служатъ представителями: бурлакъ, крестьянинъ пахотный, бортникъ — вотъ и всѣ ихъ отличія. Кто какимъ промысломъ занятъ: идутъ-ли гужомъ изъ Нижняго обозомъ, — съ лубьемъ-ли изъ Унжи? таковы ихъ между собой разговоры. Воевода — чай лютъ! Вѣстимо лютъ — на то бояринъ! Лучше пойти спать на струги на рѣку, чѣмъ столкнуться тутъ съ воеводой; подальше отъ властей — отъ грѣха подальше — таковы ихъ вѣрованья, таковъ существенный итогъ ихъ житейскаго опыта. Воевода входитъ сюда на ночлегъ въ избу — и дѣйствительно, все разбѣжалось. Осталась одна старуха съ ребенкомъ; тотъ попрежнему крѣпко себѣ спитъ въ люлькѣ, она его попрежнему уговариваетъ спать и все спать крѣпче, крѣпче. Она поетъ про „бѣду". „Бѣда" не одна пришла, а привела „бѣду съ напастями да съ пропастями". Старуха убаюкиваетъ своего милаго-внученочка: пусть онъ спитъ уснетъ крестьянскій сынъ, пока изживемъ бѣду". Но когда бѣда минется? долго-ли еще длиться горю? „Поколь Богъ проститъ, царь сжалится". Долго ждать народу, значитъ, „пока бѣда минется", лучше ему спать безъ просыпу до того времени. — Но не спится воеводѣ на походномъ ночлегѣ въ крестьянской избѣ. — Онъ видитъ страшные сны. Передъ нимъ Московскій Кремль, царскія палаты, постельное крыльцо; дворяне ходятъ по лѣстницѣ, бояре на площадкѣ. Онъ видитъ что недруги его подаютъ на него царю челобитье; онъ слышитъ, что по царскому указу ему на воеводствѣ отказано: назначенъ новый воевода, который смѣнитъ его „въ большомъ на Волгѣ городѣ" — Снится ему еще, что увозятъ Волжскіе молодцы, подъ предводительствомъ Бастрюкова, его красавицу изъ терема. — Этотъ сонъ воеводы, являющійся передъ зрителемъ на сценѣ во всей роскоши декоративной обстановки, въ одномъ отношеніи — страшное злоупотребленіе со стороны автора; сонъ этотъ оказывается на дѣлѣ совершеннымъ явомъ: особливо сонъ про Москву. Тутъ не только нѣтъ ничего смутно-фантастическаго, чѣмъ-бы характеризовалось лишь внутреннее предчувствіе самого воеводы о скорой гибели, а напротивъ того всѣ штрихи живы и вѣрны дѣйствительности, даже обременены совершенно лишними подробностями будничной реальности. Воевода, напримѣръ, не просто видитъ во снѣ совершеніе

надъ собой приговора; нѣтъ, онъ тутъ узнаётъ фамилію будущаго, замѣсто его, воеводы: Поджарый, — не его только, а еще и кандидата на эту должность: Несытовъ. Наконецъ, Воевода очень складно переговаривается во снѣ съ своими обвинителями, выжидаетъ терпѣливо окончанія рѣчей думнаго дьяка и большаго дворянина и умѣетъ улучить минуту, когда слѣдуетъ подать театральную реплику. Можно, говоримъ, упрекнуть автора за излишнюю реальность этого будто бы сна Воеводы,—который на самомъ дѣлѣ составляетъ у автора цѣлую отдѣльную сцену, даже болѣе отдѣланную и лучше написанную въ историческомъ отношеніи чѣмъ многія другія. Но вопервыхъ, весьма не трудно будетъ убавить въ этомъ снѣ два-три штриха, наиболѣе по своей реальности обличающіе его поддѣлку— и тогда фантастичность его удовлетворитъ самыхъ строгихъ цѣнителей и судей. Во-вторыхъ, даже въ теперешнемъ его видѣ, этотъ сонъ составляетъ весьма ловкій пріемъ со стороны автора въ видахъ экономіи цѣлой пьесы. Эта Московская сцена видимо входила въ задачу художника и въ драмѣ чувствовалась ея потребность; но если бы она составила реальную сцену въ пьесѣ, а не вошла въ нее въ видѣ сна Воеводы, само дѣйствіе раздвоилось бы, не было бы и такъ сжато. — Воевода просыпается въ испугѣ отъ своихъ видѣній, кличетъ людей — и хочетъ, какъ можно скорѣе, перенестись въ свой теремъ.

Въ пятомъ дѣйствіи открывается садъ Воеводы или, правильнѣй говоря, внутренній дворъ его усадьбы. Тутъ выглядываетъ и теремъ, гдѣ заключена Марья Власьевна, — весь его наружный видъ въ крытыхъ и открытыхъ перильчатыхъ переходахъ. Бастрюковъ молодой здѣсь съ своими слугами и съ своимъ главнымъ пособникомъ, бывшимъ разбойникомъ Худояромъ. Вчерашній Худояръ, сегоднишній Дубровинъ явился сюда, чтобъ вырвать еще изъ плѣна жену свою, Олену... Изъ сцены свиданія мужа съ женою узнаёмъ новую черту Воеводы: онъ, правда, держалъ Олену у себя въ рабствѣ, всячески искалъ склонить ее отвѣчать ему любовью, однакожь не тронулъ ее за все это время... Что это за черта въ немъ, еще новая? — вопросъ этотъ остается только намѣченнымъ и неразъясненнымъ въ піесѣ.

Въ то самое время, когда всѣ сторожа на воеводскомъ дворѣ опоены до мертвецкаго сна молодцами, и когда уже все готово, чтобъ исхитить отсюда Марью Власьевну, — вдругъ нежданно-негаданно Воевода возвращается домой, и оставя своихъ людей и стрѣль-

цовъ за оградой, ждетъ, спрятавшись въ кусты со своимъ шутомъ, чѣмъ разрѣшится вся эта найденная имъ у себя тревога? Въ то самое время, какъ Марья Власьевна выходитъ въ садъ изъ терема и одинъ мигъ еще — всему-бы кончиться, Воевода выскакиваетъ на сцену, схватываетъ невѣсту за руку, — стрѣнулись и люди его.... Дубровина и другихъ молодцевъ изъ шайки перехватали и перевязали, Степанъ Бастрюковъ утекъ на конѣ. Теперь-то въ шутливомъ любезникѣ, въ привѣтливомъ и умѣломъ Воеводѣ просыпается деспотъ-извергъ, человѣкъ злѣе татарина. „За что-же ты хлѣбъ-соль мою и ласку совсѣмъ забыть хотѣла?" спрашиваетъ онъ Марью Власьевну, взявъ ее за руку, а съ другой стороны велѣвъ ее держать мамкѣ Ульянѣ. „И спасибо мнѣ за любовь-заботу не сказала, задумала покинуть, людямъ на смѣхъ и головѣ сѣдой на поруганье?... Аль ты не знаешь, Марья, что у меня женѣ прощенья нѣтъ за грѣхъ ея. И малъ-ли онъ, великъ-ли, а ей не жить. Прощайся съ бѣлымъ свѣтомъ! Ты не жена, такъ все равно невѣста. Я не хочу, чтобъ мнѣ въ глаза смѣялись. Мнѣ жаль тебя: такая молодая, а умирать придется. Ты хотѣла повеселѣй пожить. Смѣяться любишь (*ласкается*). И у меня ты вдоволь насмѣешься, и умирать тебѣ веселой смертью, красавица моя"!

Онъ уводитъ ее въ теремъ.

Что тамъ творится-готовится — читателю объясняютъ отчаянныя вопли Недвиги, старой няни Власьевны. — „Охъ, батюшки! вскрикиваетъ бѣдная старуха, когда ея питомицу увели въ теремъ. Ой смерть моя приходитъ! Убьетъ ее, до смерти защекочетъ. Защекоталъ двухъ женъ, разбойникъ! Хочетъ дитя мое родное загубить, красавицу, забавницу! На то-ли лелѣяли, ростили, вскормили мы яблоко наливчато свое! Бѣда моей головушкѣ! Пустите!..."

Не успѣла старуха проговорить этихъ словъ, какъ изъ терема съ хохотомъ выбѣгаетъ Марья Власьевна, — этотъ ея дикій хохотъ, все отчаяніе и незнаніе куда дѣться отъ гибели, наконецъ вопль ея: „Охъ, смерть моя!"... досказываютъ читателю страшную картину въ теремѣ. — „Не убѣжишь — поймаю!" кричитъ Воевода въ бѣшенномъ припадкѣ самаго дикаго сладострастія при видѣ смертной блѣдности Марьи, и вполнѣ увѣренный, что его жертвѣ некуда отъ него дѣться и ей не миновать рукъ его.

Входитъ вдругъ цѣлая толпа людей, — Бастрюковы, старикъ и сынъ, новый воевода, посадскіе, стрѣльцы, народъ и слуги. „По царскому указу, тебѣ Нечай Шалыгинъ, воеводство отказано!" раз-

дается роковое слово — и тяжесть такого слова, великая сила царскаго указа впрахъ разбиваютъ деспота-изверга; противъ рожна не прати — и онъ потупился. — Марья Власьевна тутъ-же отдается Степану Бастрюкову, Олёна возвращается своему мужу, а самъ Дубровинъ — вѣдомой воръ и бѣглый посадскій — сдается обществу на поруки и хочетъ опять водвориться въ посадѣ.

„Ну, какъ теперь Дубровинъ? не убѣжишь отъ насъ?“ спрашиваютъ его въ народѣ. „А тамъ какъ Богъ дастъ, отвѣчаетъ этотъ. Коли хорошъ да смиренъ воевода, не потѣснитъ, — такъ съ вами жить останусь и торговать начну, а коль обидитъ — опять сбѣгу, вы такъ про то и знайте!“ Староста возвѣщаетъ на весь народъ: „Посадскіе, готовьте-ка поминки, да на поклонъ несите воеводѣ. Почествовать его съ пріѣздомъ надо!“ Итакъ, что это въ заключеніе? „Le roi est mort, vive le roi“ — вотъ что̀ въ концѣ концовъ оказывается изъ пьесы!

„Ну, старый плохъ, каковъ-то новый будетъ?“ слышенъ вопросъ въ народѣ. „Да надо быть такой-же, коль не хуже“ — слышится и отвѣтъ на вопросъ въ народѣ. Пьеса кончена.

Нѣкоторымъ изъ читателей эти послѣдніе заключительные стихи, безъ сомнѣнья, покажутся чѣмъ-то совершенно-произвольнымъ. Читатели инаго рода, придутъ въ восторгъ отъ этого заключенія, — въ этомъ-то пессимизмѣ, пожалуй, и захотятъ видѣть все достоинство пьесы. Но со стороны автора тутъ нѣтъ ни малѣйшаго произвола. Можетъ быть, въ цѣлой пьесѣ не найдется еще стиховъ, такъ художественныхъ по своей внутренней необходимости — какъ именно эти заключительные стихи. Въ нихъ откликнулось все содержаніе пьесы. Чтеніе царскаго указа, этой съ Москвы пришедшей бумаги о новомъ воеводѣ, поставлено только тутъ въ параллель съ чтеніемъ того указа, которымъ бирючъ произвелъ такъ мало впечатлѣнія на толпу... еще въ прологѣ. „Мы думали, свѣжи, анъ все-тѣ-же!“ отвѣтилъ тогда народъ бирючу, оповѣстившему бумагу — и народъ остался совершенно равнодушенъ; давно для него всѣ эти „съ Москвы бумаги“ обратились въ простой заведенный порядокъ, отъ котораго не жди ни добра, ни худа, а скорѣе худа....

Радость народа, какъ царь смѣнилъ воеводу, выразилась восторженнымъ кликомъ: „а что? Отозвались тебѣ мірскія слезы! Ты знать забылъ, что міръ вздохнетъ, такъ до царя дойдетъ“ — но этотъ кликъ былъ именно кликомъ непосредственной и мгновенной радости, какъ всегда радуется человѣкъ торжеству правды

и наказанью порока, — а какого-нибудь разсчета на лучшее—тутъ нѣтъ. Самое отправленіе челобитья со стороны посадскихъ не представлялось имъ важнымъ дѣломъ, разрѣшенія котораго они бы ожидали съ трепетомъ. Нѣтъ, какъ въ прологѣ народъ пренаивно толкуетъ о томъ, что: „вотъ были прежде губные старосты, избираемые міромъ, такъ просили тогда себѣ у царя воеводъ, — а теперь, какъ вездѣ пошли воеводы, такъ нельзя безъ того, чтобъ не поспорить и съ воеводой", также точно и самое челобитье на воеводу представляется только заведеннымъ порядкомъ: дескать отчего и не воспользоваться при случаѣ, но собственно говоря пользы оттого никакой не жди и новый воевода будетъ непремѣнно таковъ-же. Это въ порядкѣ вещей; рано-ли-поздно-ли, въ свою очередь и на него пойдетъ въ Москву челобитье — и такъ безъ конца. Дьякъ въ четвертомъ дѣйствіи нельзя наивнѣй выражаетъ такое мнѣніе въ слѣдующихъ словахъ: „Безъ челобитья на городахъ живутъ-ли воеводы! Другой путемъ усѣсться не успѣетъ, глядишь — ужъ шлютъ."

Ясно, такимъ образомъ, что заключительные стихи, на которые мы обращали вниманіе, дѣйствительно вызваны содержаніемъ цѣлой пьесы и служатъ лишь отзывомъ всей ея идеи.

Разсказывая содержаніе пьесы, мы старались познакомить читателя съ характеромъ этой *идеи*. Постараемся теперь, для большей ея опредѣленности, вынуть ее изъ содержанія — и отнесемся къ ней уже совершенно критически.

III.

Въ народѣ, какъ во всякомъ отдѣльномъ человѣкѣ, злыя и добрыя его отличія запечатлѣны индивидуальнымъ характеромъ. Можно даже сказать, что извѣстныя добродѣтели народа предполагаютъ въ немъ извѣстные пороки; тѣ и другіе — обусловливаются взаимно. Это — одно и то-же, но либо въ положительномъ либо въ отрицательномъ проявленіи. Тѣ и другіе, словомъ сказать, являются только какъ-бы два розныхъ полюса всё одной и той-же органической сущности.

Иностранцы, которые описывали старинный бытъ Россіи и которымъ рѣзче бросались въ глаза наши національные недостатки, щедры негодованіемъ противъ насъ. Осадки темнаго язычества въ вѣрѣ и какое-то двоевѣріе; фетишизмъ, какъ замѣна набожности и

выполненный обрядъ, какъ замѣна совѣсти; вѣчная азіатская подозрительность и поклёпы другъ на друга; розное житье, каждаго особо, всѣхъ по своимъ угламъ; отсутствіе всякой легкости въ обращеніи и дикая исключительность; отсутствіе всего, что зовется уваженіемъ другихъ и самоуваженіемъ,—вотъ наши недостатки, по ихъ отзывамъ. Какое-то вѣчное посягательство на права ближняго, готовность самому потерпѣть и боль и убытки, лишь-бы тѣмъ сосѣду навредить вдесятеро; грубость, невѣжество, и въ довершеніе всего, еще какая-то похвальба своимъ невѣжествомъ, какое-то нахальство своимъ собственнымъ безобразіемъ и уродствомъ,—вотъ въ общихъ чертахъ тѣ наклонности и пороки, совокупность которыхъ иностранцы клеймятъ въ насъ названіемъ „Русской злобности", „die Russische Bosheit" и обыкновенно за которыми ничего въ насъ больше не видятъ. Но пусть будетъ по ихнему. Развѣ однако не одного-же именно Русскаго въ цѣломъ мірѣ характера хватитъ на то, чтобы вполнѣ заглушить всѣ эти темныя стороны — своими лучшими, свѣтлыми, и опять прямо-же національными сторонами! чтобы совладать съ тою „злобой" и вынести изъ борьбы съ нею всю чистоту, все величіе русскаго-же народнаго идеала! Какъ недостатки, такъ и достоинства всякаго народа — повторяемъ — всегда находятся во внутренней органической связи между собою и, уже по существу дѣла, неразрывны.

Понятно поэтому, что отъ художника, рисующаго типы и образы прямо-народной жизни — вовсе не того требуютъ, чтобы онъ непремѣнно рисовалъ лишь свѣтлыя и радостныя картины. Если фантазія его больше наклонена къ мрачному и онъ чувствуетъ наиболѣе сроднымъ своему таланту созерцаніе темной темени,—никто ему не указчикъ. Отъ художника требуется только, чтобы онъ не по личному произволу все подъ-огулъ затушевывалъ въ одинъ черный цвѣтъ (какъ это случилось напр. въ „Сынѣ", недавно нами разобранномъ „разсказѣ изъ XVII вѣка"). Должно требовать отъ художника, чтобы въ такомъ случаѣ всѣ выставляемые имъ злодѣи предъявляли по крайней мѣрѣ дѣйствительную правоспособность на приписываемыя имъ злодѣянія. Должно еще требовать отъ художника, чтобы вся возсоздаваемая имъ дѣйствительность имѣла-бы точно также свой собственный, свойственный ей характеръ, никому кромѣ ея не принадлежащій,—а не обратилась-бы она въ простое хаотическое смѣшеніе людскихъ золъ и неправдъ всякаго рода, всѣмъ вѣкамъ и всѣмъ народамъ одинаково присущихъ.

Что прежде всего заслуживаетъ великой похвалы въ пьесѣ „Воевода", это именно то̀, что авторъ одинаково не допустилъ, какъ какой-нибудь лживой идеализаціи стариннаго изображаемаго быта, такъ еще и намѣреннаго его искаженія къ худу. Имъ созерцаемая дѣйствительность и имъ вызванные образы (и теремной бытъ и разбойная гульба на Волгѣ; всѣ эти дьяки, подъячіе и воеводы, мамки да няньки Ульяны и прочія) уже сами по себѣ имѣютъ raison d'être въ пьесѣ. Они движутся и разыгрываются въ пьесѣ по собственной внутренней необходимости, а не по командѣ автора. Если выговариваемый ими смыслъ нерадостенъ и вызванная дѣйствительность, при всей свободѣ внутренняго развитія, наводитъ на тягостное раздумье — это уже не въ укоръ автору. Онъ только явился, значитъ, талантливымъ истолкователемъ той темени, которая въ самомъ дѣлѣ присуща этой жизни, этой дѣйствительности. Онъ вѣрно разгадалъ, значитъ, какія либо дѣйствительно темныя свойства народнаго духа, которыя поразили его вниманіе; ихъ-то художественное истолкованіе, ихъ поэтическая разгадка и могли составлять задачу его творчества.

Въ характерѣ Русскаго народа и въ само̀мъ складѣ Русской жизни есть одна особенность. Она столько же говоритъ въ пользу и приводитъ къ добру, сколько съ другой стороны служитъ къ невыгодѣ и грозитъ весьма недобрымъ. Русскій народъ — вполнѣ бытовой и бытовой по преимуществу. Въ этомъ заключается великая сила его устоя и богатство здоровыхъ, консервативныхъ началъ; въ этомъ же и опасность коснѣнія, застоя. Русскій народъ, неподатливый на чужой обычай и не разымчивый среди другихъ національностей, дѣлается разымчивъ въ собственномъ быту своемъ и являетъ страшную наклонность сполна уходить въ него и имъ поглощаться. Въ связи съ тѣмъ находится и другое явленіе: это такъ сказать хоровое начало въ Русскомъ народѣ, его жизнь въ общинѣ, его сила — толповая. Въ свою очередь и это грозитъ совершеннымъ поглощеніемъ личности и ея крайнимъ безсиліемъ, почти ея отсутствіемъ. Жизни при такихъ условіяхъ трудно бываетъ не перейти въ простое коснѣніе; бытъ, обычай, привычка — вотъ и все, къ чему она сводится; однимъ этимъ и исчерпывается все ея содержаніе; всему предстоитъ сойти на простую форму, закаменѣть въ обрядѣ. Какъ про народъ, живущій такимъ образомъ, такъ и про всякаго отдѣльнаго человѣка, можно

будетъ сказать, что не онъ живетъ, а ему живется. Здѣсь не мѣсто вдаваться въ подробнѣйшее опредѣленіе этого историческаго явленія, свойственнаго славянству вообще и искони. Здѣсь не мѣсто распространяться и о томъ, какъ оно въ частности специализировалось именно въ Русской исторіи и насколько еще, напримѣръ, византійское или татарское вліяніе участвовало въ сложеніи нашихъ нравовъ и нашего быта. Скажемъ только, что коснѣніе такого рода, духота всей спершейся жизни, это сплошное поползновеніе ея поглотиться въ самомъ бытѣ, сойти лишь на обычай и закаменѣть въ обрядѣ — никогда еще у насъ не достигали такого зенита, какъ именно въ половинѣ XVII вѣка, — и здѣсь-то именно уже и начинали прослышиваться запросы обновленія, начинались какія-то порыванія къ чему-то иному, лучшему... Въ области церковной — преобразованія Никона, въ гражданской — Уложеніе самого Алексѣя Михайловича, въ обществѣ появленіе такихъ личностей, какъ Артамонъ Матвѣевъ; въ тогдашней литературѣ такое событіе, какъ рукопись Крижанича (дѣлающая пересмотръ всей народной жизни за цѣлые вѣка и отмѣчающая: какія ея черты должны быть удержаны и усвоены на будущее время и какія должны быть отвергнуты) — выражаютъ собой такія порыванія. Дальнѣйшая реформа Петра, со всѣмъ что въ ней было страшнаго и насильственнаго, отчасти и является какъ небесная кара за тѣ грѣхи прошлаго быта, какъ историческая казнь ими произведенная.

Вотъ этотъ самый „застой“ (поползновеніе жизни сойти на обычай и поглощеніе въ немъ всего живаго, — порабощеніе личности человѣка бытовою житейщиной, жизнь безъ умственнаго интереса а по преимуществу въ утробу, — сонъ и прозябаніе, — какая-то бездѣйственная косность, лѣнивая тишина, пассивная апатія, словомъ сказать не бытъ самый, а уже плесень и закись его) и выступаетъ, какъ намъ кажется, въ пьесѣ „Сонъ на Волгѣ“ главною задачею автора.

Покрайней мѣрѣ, признавъ именно такую *идею* въ пьесѣ „Воевода“ — и можно будетъ хотя сколько-нибудь объяснить себѣ ея цѣльность и весь строй ея. Задачѣ такого рода отвѣчаютъ всѣ до одного выведенные характеры и одну эту идею можно слѣдить, какъ органическую въ цѣломъ произведеніи — отъ пролога до послѣдняго дѣйствія, отъ перваго стиха и до заключительнаго. Весь прологъ, какъ уже мы показали въ изложеніи, производитъ на зрителя впечатлѣніе именно въ этомъ смыслѣ. Самый первый

выходъ Воеводы, его начальный монологъ: „ты говоришь, что мѣстомъ вышло. Вѣрно. Воистину“ — какъ нельзя болѣе отвѣчаетъ тому-же. Разсказъ Воеводы раскрывающій все великое, по его мнѣнію, значеніе фаталистическаго выраженія: „ужъ такъ къ мѣсту вышло“; цѣлое опредѣленіе жизни, сказавшееся въ такомъ глубокомъ съ его стороны вѣрованіи, — развѣ это даромъ взялось у автора? Первое дѣйствіе отъ начала до конца еще болѣе усиливаетъ въ зрителѣ впечатлѣніе непосредственной жизни всѣхъ выведенныхъ лицъ и героевъ, лишенныхъ какихъ бы то ни было внутреннихъ запросовъ, сомнѣній, колебаній. Тутъ полное отсутствіе какого либо интеллектуальнаго движенія; все сошло на инстинктъ, можно-бы сказать. Все застоялось въ житьѣ-бытьѣ самомъ, — это ужъ не жизнь, исполненная всяческихъ интересовъ, а именно какое-то время провожаніе гдѣ никто не живетъ, а всѣмъ только живется. Бастрюковъ, гуляка и пустой малый, ничѣмъ больше не выказалъ своей душевной рѣшимости, какъ готовностью запустить въ собственную грудь кинжалъ по рукоятку.— Воевода, увидавъ Марью Власьевну, сразу бросаетъ прежнюю невѣсту Прасковью, беретъ себѣ эту, и родители тутъ-же ударяютъ по рукамъ. — Мать Прасковьи, Настасья, и сама старшая дочка представляются зрителю до такой степени захирѣвшими въ мутной тинѣ матерьяльной и какой-то животно-растительной жизни, что кромѣ этого ничего въ нихъ больше и нѣтъ. Сама Марья Власьевна. (изо всѣхъ лицъ наиболѣе симпатичное), сразу даетъ чувствовать, что если въ ней и есть задатки женственности и всего нѣжнаго — всему этому пропадать! „Купецкій сынъ женится честь-честью, а ты женись, какъ слѣдуетъ порядкомъ“ — вотъ ея первое слово любви Бастрюкову. Способность ко всему тому, что выказалось въ ней впослѣдствіи во дворѣ Воеводы — это съ ногъ до головы закутываніе себя фатою, погруженіе въ нѣмоту, такъ что не вышибишь изъ нея и слова, какое-то одервенѣніе всего существа, наконецъ дикій инстинктъ, прорвавшійся на распашку въ возгласѣ шуту: „Ножа-то нѣтъ, зарѣзала-бъ тебя“ — способность ко всему этому чувствуется въ ней уже съ самаго начала.

Второе дѣйствіе служитъ только развитіемъ перваго; не останавливаемся на немъ, довольно уже выяснивъ черты въ томъ же духѣ при самомъ изложеніи. Дѣйствіе третье — гдѣ обыкновенно, скажемъ мимоходомъ, у всякаго драматическаго писателя скрещиваются всѣ интересы его драмы и она обнаруживаетъ здѣсь свое

крайнее напряженіе, — все третье дѣйствіе сполна на глазахъ читателя усыпляетъ жизнь всего живущаго, слѣдитъ съ необыкновенной чуткостью за такимъ ея постояннымъ поползновеніемъ перейти въ сонъ, и заключительною сценой съ домовымъ, художественно передаетъ всю тайну такого перехода. Четвертое дѣйствіе, захватываетъ болѣе широкую сферу; заставляя зрителя заразъ задуматься и надъ колыбелью будущаго представителя сѣраго русскаго народа, этого спящаго младенца, котораго старуха убаюкиваетъ спать безъ просыпа до тѣхъ поръ, „пока Богъ проститъ, царь сжалится", и задуматься еще надъ тѣмъ „постельнымъ" крыльцомъ, съ котораго грезящіеся какъ во снѣ дьяки и бояре шлютъ заведеннымъ порядкомъ воеводъ на все царство, — собственно говоря, отвѣчаетъ той же мысли и способствуетъ впечатлѣнію зрителя въ томъ же духѣ. Въ пятомъ, наконецъ, дѣйствіи прорывается и разыгрывается лишь то̀, что уже назрѣло, такъ-сказать, на разстояніи цѣлой пьесы. Вся эта кабала быта, вся эта закись его, собранная и сосредоточенная на Воеводѣ, прорвалась и разразилась въ немъ пробужденіемъ всѣхъ невыразимо-дикихъ инстинктовъ... это не Москва, такъ сказать... а ужь „московщина": въ византійцѣ проснулся еще и татаринъ. Таже кабала быта и его закись сказалась на всѣхъ остальныхъ лицахъ. Когда изверга-деспота сняли съ воеводства, когда казалось-бы тутъ-то на радости и вздохнуть отъ всего сердца, весь народъ остался при томъ-же равнодушіи; все нашлось въ томъ же отупѣніи и въ той-же пассивности, — въ пассивности жизни, утратившей самую вѣру въ жизнь, безъ всякаго ожиданія чего-либо лучшаго, безъ всякой вѣры въ возможность борьбы со зломъ и надъ нимъ побѣды. Сбѣжать, уйти на Волгу — одно это и остается опять въ результатѣ, какъ исходъ для всякаго, кому уже стало черезъ силу тошно. Уйти можно еще, если не на Волгу—скажемъ пожалуй—такъ въ тотъ монастырь, который мелькнулъ передъ нами во второмъ дѣйствіи своими куполами: въ то ущеліе скалы, гдѣ рядомъ съ Худояромъ спасается еще и отшельникъ...

Но говоря это, мы высказываемъ уже величайшую похвалу автору; а на самомъ дѣлѣ пьеса едва-ли ее заслуживаетъ. Пусть въ Воеводѣ мало чего-нибудь рѣзко-индивидуальнаго: какъ всѣ здѣшнія лица, онъ больше проявляетъ не индивидуальныя свои черты, а черты само̀й сложившейся жизни, всего заматерѣвшаго въ своей косности здѣшняго быта. Какъ онъ, такъ и всѣ вы-

веденныя здѣсь лица, не сами за себя отвѣтчики, а уже тотъ породившій ихъ бытъ, въ немъ-же они и выросли. Въ этомъ смыслѣ, пожалуй, дикіе инстинкты Воеводы даже такіе, какъ его татарская ревность и самое это защекочиванье всѣхъ своихъ женъ на̀-смерть, могутъ быть допущены и становятся правдоподобны или даже неизбѣжны. Но въ такомъ случаѣ, автору слѣдовало бы глубже вдуматься во все страшное значеніе поднятой имъ темы, слѣдовало-бы глубже разъяснить и самую эту возможность и неизбѣжность. Въ пьесѣ, какъ она теперь дана авторомъ, это остается мало разъясненнымъ, какъ и многое другое, какъ почти все. Многое въ ней — если бы только авторъ глубже вдумался въ свою задачу — должно бы было получить иной оттѣнокъ, иначе выразиться, разыграться иначе; многое должно-бы пополниться и расшириться, а другое и сократиться. Пустынникъ во второмъ дѣйствіи, разбойникъ Худояръ, самые Калѣки Перехожіе, тутъ поставленные на мосту и пр. и пр. лишены въ пьесѣ настоящаго ихъ смысла, выходятъ призрачны и мелодраматичны. Имъ дѣйствительно подобало появиться на сценѣ, но не въ теперешнемъ жалкомъ видѣ; особенно у автора вышелъ жалокъ именно пустынникъ.

Смутное субъективное чувство поэта — сказали мы въ началѣ своей статьи — вотъ съ чего обыкновенно начинается первоначальное раздумье поэта. Но на этомъ все и остановилось въ пьесѣ г. Островскаго: „Сонъ на Волгѣ". Мотивы древняго Русскаго быта, всѣ бытовые типы тогдашней эпохи, всѣ наконецъ „картины завѣтной, Русской стороны" — не давали покою автору, просились у него въ кисть и слово; онъ захотѣлъ просто отдѣлаться отъ нихъ, столпивъ ихъ въ рамку пяти дѣйствій безъ глубоко-обдуманнаго плана.... Талантъ и условіе, что нашъ авторъ все-таки несомнѣнный художникъ, сдѣлали то̀, что образы эти какъ-то сами собой заговорили... не столько даже благодаря а вопреки автору. Смыслъ ихъ, по мѣрѣ того какъ художникъ вызывалъ своихъ духовъ передъ собою, все болѣе и болѣе перевѣшивалъ первоначальный замыселъ художника... и авторъ почелъ свою задачу вполнѣ оконченной, когда едва-едва успѣлъ совладать съ ними, еле-еле развелъ всѣхъ по своимъ мѣстамъ, чтобъ болѣе ими не смущаться. Совершенство технической отдѣлки, притомъ, въ значительной степени должно было закупить автора, какъ оно подкупаетъ и читателей въ его пользу.

Мы ничего не сказали о языкѣ „Сна на Волгѣ", о стихѣ г-на Островскаго. И стихъ и языкъ, относительно говоря, превосходны.

Иные авторы пишутъ у насъ такимъ „народнымъ языкомъ", что нельзя не осуждать его излишнюю и совершенно ненужную идіоматичность. Этими идіомами разсчетливый художникъ можетъ съ выгодой пользоваться для оттѣненія рѣчи напр. простонародья и только въ крайней необходимости позволительно прибѣгать къ нимъ. Мы отъ души желали-бы такимъ авторамъ, чтобъ народный Русскій языкъ въ ихъ пьесахъ походилъ на тотъ самый языкъ, образчикъ котораго представилъ теперь г-нъ Островскій въ „Воеводѣ". — Позволимъ себѣ только сдѣлать одно весьма существенное замѣчаніе, оговоривъ его съ возможною краткостью. Обратясь къ прямо-народному языку нашей пословицы и поговорки, авторъ невольно заговорилъ стихомъ; онъ нѐ-хотя въ своей рѣчи послышалъ и мѣрность и плавность; конечно не желаніе побѣждать трудности версификаціи заставило его писать свою пьесу стихами — все это такъ. Но намъ кажется еще, что разговорная рѣчь героевъ „комедіи" (какъ г-нъ Островскій назвалъ свою пьесу) все-таки не должна-бы вестись пятистопными ямбическими стихами. — Когда берутъ живые обороты нашей народной пословицы или нашей пѣсни, ритмъ невольно закрадывается въ рѣчь, но это ритмъ вольный а не искусственный: онъ иногда путается и сбивается совершенно особеннымъ, характернымъ образомъ. Совладать съ этой сбивчивостью вольнаго, живаго, русскаго ритма для стихотворца, пишущаго обще-принятыми тоническими стихами, разумѣется трудно. Но побѣдить эту трудность тѣмъ, чтобы сплошь всѣ сцены вести правильнымъ пятистопнымъ ямбомъ — едвали это будетъ уже настоящимъ разрѣшеніемъ задачи, дѣйствительнымъ преодолѣніемъ этой трудности. Пушкинскій пятистопный ямбъ „Бориса Годунова" имѣетъ свою собственную, присущую ему поэтическую стихію, которой не имѣетъ рѣчь нашей пословицы и поговорки; — правда Пушкинскаго поэтическаго стиха и правда этого пословичнаго склада совсѣмъ розныя и другъ другу чужія; смѣшивать ихъ не годится. Самая впрочемъ, туманность „Сна на Волгѣ", нѣкоторый въ немъ характеръ опернаго либретто, можетъ быть, были причиной того, что авторъ (вовсе и не думая побѣждать указанныхъ трудностей, къ чему обязывала-бы строгая реальность) просто почувствовалъ необходимость вести всю пьесу не прозою, а стихами.

Газета „День" 1865 г.

Пьеса „Воевода“ — на Московской сценѣ.

Въ критическомъ отдѣлѣ „Дня“ мы представили въ свое время довольно полный разборъ новой драмы г. Островскаго. На дняхъ „Сонъ на Волгѣ“ шелъ, первый разъ, на сценѣ здѣшняго театра. Любопытно свѣрить впечатлѣніе, произведенное простымъ чтеніемъ этой пьесы, съ тѣмъ — которое она производитъ на сценѣ.

Авторъ не можетъ сѣтовать на какую либо невнимательность къ его пьесѣ. Всѣ наличныя силы театра были призваны къ тому, чтобы придать ей успѣхъ во что бы то ни стало и постановку можно назвать во всѣхъ отношеніяхъ блестящею.

Каковъ-же результатъ?

Смутное, субъективное чувство поэта не выяснилось — говорили мы въ своей критической статьѣ по поводу „Сна на Волгѣ“ — до степени художественныхъ, внятно-говорящихъ образовъ. Пьеса имѣетъ характеръ какой-то фантасмагоріи; это скорѣй либретто для оперы. Въ драмѣ нѣтъ истинной цѣльности и вся она поражаетъ видомъ какой-то „сдѣланности“. Идея пьесы слышится тамъ-сямъ лишь намеками, обнаруживается отрывочно и всегда недосказанно то въ какихъ-нибудь отдѣльныхъ рѣчахъ лицъ второстепенныхъ, то въ разныхъ отступленіяхъ — больше лирическаго, чѣмъ драматическаго характера. И вотъ, — сколько теперь пьеса выиграла на сценѣ декоративнымъ впечатлѣніемъ, производимымъ на зрителя, столько-же и утратила въ своемъ чисто-литературномъ впечатлѣніи, которое въ извѣстной степени доставляла — при чтеніи.

Съ перваго выхода „воеводы“, съ перваго извѣстія объ его готовящейся свадьбѣ, зритель естественно занятъ имъ однимъ. Онъ слѣдитъ за драмой, готовою возникнуть изъ того, что „воевода“ бросилъ свою первую невѣсту и деспотически беретъ за себя сестру ея, нѣжную и поэтическую Настасью Власьевну — за разъ загубляя ея молодое счастье и счастье любимаго жениха ея, Бастрюкова. Зритель хочетъ быть свидѣтелемъ всѣхъ психическихъ потрясеній, которыя теперь выпадаютъ на долю и невѣсты, и Бастрюкова, и самого „воеводы“.... Онъ хочетъ скорѣе знать чѣмъ разразится ихъ характеръ во взаимныхъ сшибкахъ; наконецъ зритель ждетъ не дождется получить отъ автора всю поэтическую разгадку того звѣрства и той лютости, въ которыхъ всѣ не перестаютъ обвинять „воеводу“ съ самаго начала.

А на сценѣ, между тѣмъ, и разбойники катаются по Волгѣ

и деретъ уши бурлацкій напѣвъ „разъ—первой, разъ—другой“, и монастырь показывается въ отдаленіи, и калѣки перехожіе тянутъ стихъ: „отчего у насъ бѣлый, вольный свѣтъ“, и пустынникъ мелодраматически и весьма фальшиво проповѣдуетъ о бренности всего земнаго...

Такое изобиліе театральной обстановки, весь этотъ оперный или даже балетный декорумъ окончательно перевѣшиваютъ собою внутренній смыслъ пьесы и... на сценѣ его рѣшительно не становится. Къ тому же, какъ понятно, всѣ лучшія въ литературномъ отношеніи мѣста драмы; (эти, исполненныя лиризма картины и ȍбразы, напримѣръ все III дѣйствіе, засыпаніе терема, или въ I дѣйствіи времяпровожаніе въ саду дѣвицъ съ мамками—или еще пѣсня старухи, которую она поетъ надъ люлькой),—все это тормозитъ „дѣйствіе“ и—именно какъ лиризмъ—въ драмѣ совершенно пропадаетъ.

Въ чтеніи еще можно было угадывать индивидуальную связь дѣйствующихъ лицъ въ „Воеводѣ“—со всѣмъ соціальнымъ устройствомъ выведеннаго быта; въ чтеніи еще чувствовалась нѣкоторая гармонія между выведеннымъ міромъ и той частной, индивидуальной драмой, которая въ немъ разыгралась; даже самъ характеръ „воеводы“, могъ быть пожалуй оправданъ съ извѣстной точки зрѣнія и хоть нѣсколько давалъ чувствовать свою необходимость. Но разъ пьеса поставлена на сцену она уже не можетъ требовать себѣ такой усиленной внимательности и такой изощренной проницательности отъ зрителя, отъ глазѣющей театральной публики, какъ того можно было требовать отъ читателя—при чтеніи. Убиты и задавлены всѣмъ театральнымъ embarras de richesses—послѣдніе, художественные проблески пьесы.

Смутное неудовлетворенное впечатлѣніе, при полномъ утомленіи отъ оперно-балетной обстановки—вотъ всё, что можетъ вынести публика изъ театра послѣ „Сна на Волгѣ“ *).

Газета „День“ 1865 г.

---

*) Послѣ немногихъ представленій, пьеса окончательно пала и была снята со сцены. Она возобновлена уже въ послѣднее время, въ 80-хъ годахъ—послѣ многихъ сокращеній, измѣненій и совершенныхъ передѣлокъ, сдѣланныхъ въ ней, въ 80-хъ-же годахъ, самимъ авторомъ. *Позднѣйшее примѣчаніе.*

„Дмитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій". Драма *г. Островскаго.*

Тогда какъ *„Мининъ"* и *„Сонъ на Волгѣ"* съ первыхъ представленій упали на сценѣ, новая пьеса г. Островскаго *„Самозванецъ и Шуйскій"* напротивъ того привлекаетъ зрителей. Она весела и игрива въ дѣйствіи, оживлена картинами бальныхъ танцевъ при дворѣ Лжедимитрія, забавными уличными сценами, эффектными выходами и картинами.... чего же больше?

Отъ русской исторической драмы можно требовать больше этого; особенно мы вправѣ требовать бо̀льшаго отъ г. Островскаго. Его „Мининъ" и „Сонъ на Волгѣ" имѣютъ существенные недостатки и они на сценѣ выказываются еще нагляднѣе чѣмъ въ чтеніи; но внутреннею своею стороной, серьезностью предположенной задачи, хотя и не выполненіемъ ея, обѣ прежнія пьесы г. Островскаго, безспорно, стоятъ выше *„Самозванца"*. Новая пьеса г. Островскаго отличается чисто-внѣшнею исторической вѣрностью, этою грубой вѣрностью больше хронологическаго и топографическаго свойства.... А угаданъ-ли духъ эпохи? разгаданы-ли внутренніе мотивы изображаемыхъ событій? наконецъ, достаточно-ли проникъ авторъ въ душу своихъ героинь и героевъ, чтобы вѣрно выставить ихъ какъ въ художественномъ, такъ и историческомъ отношеніи? Пьеса на все это даетъ отрицательные отвѣты. Вся она представляетъ характеръ компиляціи и заимствована изъ компиляціи же другаго автора: мы разумѣемъ статьи г. Костомарова въ „Вѣстникѣ Европы" о смутномъ времени. Очевидно, драматургъ увлекся именно этими статьями Петербуржскаго профессора и не далъ себѣ труда самому допроситься у исторіи объ истинномъ значеніи выводимыхъ лицъ и событій. Здѣсь не мѣсто вдаваться въ критическую оцѣнку труда г. Костомарова. Довольно сказать, что существенный недостатокъ заключается въ слѣдующемъ: увлекаясь живописностью и драматизмомъ выводимыхъ событій, Петербуржскій профессоръ полной рукой черпаетъ изъ всевозможныхъ источниковъ матеріалы для своихъ картинъ и описаній, ничуть не заботясь о критической провѣркѣ источниковъ. Онъ отдаетъ предпочтеніе не тѣмъ изъ нихъ, которые послѣ строгой критики окажутся вѣрнѣе передающими факты, но въ которыхъ болѣе представляется искомой имъ живописности и драматизма. Поэтому при всей картинности и занимательности изложенія, сами выводимыя лица и сами выводимыя событія

мелькаютъ въ умѣ читателя не только безъ строго-опредѣленнаго выраженія, а еще и съ ясными чертами невозможнаго, ничѣмъ не замиреннаго въ нихъ, противорѣчія. Подчасъ они только исторически невѣрны, а подчасъ и искажены противъ исторіи. Г. Костомаровъ какъ будто даже избѣгаетъ (чуть-чуть не выказывая, что онъ это считаетъ мелочнымъ дѣломъ для историка) останавливаться на разъясненіи личностей, поступковъ или событій, замѣчая тѣ или другія несообразности въ массѣ современныхъ, противорѣчивыхъ отзывовъ. Онъ скользитъ по поверхности, лишь бы не нарушать плавности разсказа. А наряду съ этимъ являются еще у историка (можетъ быть даже помимо его и совершенно невольно) такія искаженія, которыя имѣютъ уже своимъ источникомъ общее созерцаніе г. Костомарова, слишкомъ извѣстное, по части русскаго быта, русской старины, русской исторіи. Такъ напримѣръ, Василій Ивановичъ Шуйскій выходитъ у него односторонне лукавъ и коваренъ, тогда какъ его соперникъ, самъ сорванецъ Лжедимитрій, напротивъ того, выставленъ односторонне же и умнымъ и находчивымъ и незлобивымъ и вообще исполненнымъ всякихъ прогрессивныхъ доблестей. Односторонность такого рода, вольная или невольная со стороны автора, обнаруживаетъ даже словно какую задачу: склонить все сочувствіе на сторону сорванца Самозванца и дать непремѣнно заподозрить и возненавидѣть Шуйскаго. Всѣ эти недостатки историческихъ этюдовъ г. Костомарова о Смутномъ Времени повторяетъ теперь и г. Островскій для публики на сценѣ, въ драмѣ своей: „Самозванецъ и Василій Шуйскій“. Мы внимательно слѣдили за представленіемъ, могли даже записать для удержанія въ памяти нѣсколько отдѣльныхъ стиховъ его пьесы, и теперь — пока не прочитали ее въ печати, ограничиваемся лишь общимъ указаніемъ на всѣ эти недостатки.

Театрально махали копьями и мечами обыватели Москвы, а польскіе паны и паньи плясали мазурку; театрально голосилъ Самозванецъ нѣчто въ родѣ того, что „*тѣнь Грознаго его усыновила*;“ наконецъ театрально отъ перваго до послѣдняго выхода коварствовалъ и лукавствовалъ Василій Ивановичъ Шуйскій, — вотъ общее впечатлѣніе, которое производитъ новая пьеса г. Островскаго. По паденіи занавѣса вся эта интермедія проносится пестрымъ сномъ, не оставляя въ памяти ни одного глубоко-задуманнаго положенія, ни одной задушевной ноты. Всего оживленнѣе вышла уличная сцена; та самая, гдѣ пирожники, разнощики и всякій уличный сбродъ

затѣваютъ ссору съ Поляками. Но эта сцена, не заключая какого нибудь серьезно-индивидуальнаго выраженія, а забавная сама по себѣ, прошла бы одинаково весело и игриво во всякомъ другомъ мѣстѣ. Въ историческомъ отношеніи, какъ мы сказали, пьеса поражаетъ больше внѣшней и грубой вѣрностью. Тѣ или другіе хронологическіе признаки, тѣ или другіе подлинныя фразы, которыя записаны исторіей и повторяются стереотипно у всѣхъ авторовъ, выводившихъ Самозванца, соблюдены и тутъ во всей точности. Убіеніе Лжедимитрія, какъ извѣстно, произошло въ майскую ночь: 17-го мая 1606 года значится и на афишѣ. Басмановъ первый извѣстилъ самозванца о тревогѣ и пошелъ на смерть съ извѣстнымъ изрѣченіемъ: „Мятежъ! Я умру, а ты спасайся": такъ происходитъ это и въ пьесѣ. Самъ Лжедимитрій, какъ извѣстно, кинулся въ толпу, махая мечемъ и крича: „я вамъ не Годуновъ!" Самую эту фразу: „Я вамъ не Годуновъ!" повторяетъ и г. Вильде. Всѣ подробности и „историческія вѣрности" такого рода соблюдены съ крайнею, дипломатическою точностью; даже актеры кстати и некстати, во всей пьесѣ, напираютъ на нихъ съ особенной силой и какъ бы указываютъ на нихъ пальцемъ, чтобъ они не затерялись для публики. Но никакіе хронологическіе признаки не способны повѣять на душу духомъ эпохи, когда самая эта эпоха не разгадана душой автора. Никакія отдѣльныя фразы, хотя бы и самыя подлинныя и записанныя во всѣхъ современныхъ источникахъ, не тронутъ зрителей, когда эти фразы насильственно вложены въ уста героевъ, ясное представленіе о которыхъ не успѣло сложиться въ творческомъ сознаніи самого автора.

Такая замѣчательная фраза, какъ „я вамъ не Годуновъ!" глубоко знаменательна въ Лжедимитріи историческомъ. Этотъ самоувѣренный, а не сознательный обманщикъ, слѣпое орудіе тайныхъ, отчасти для него самого сокрытыхъ силъ, Лжедимитрій съ самаго начала, еще бывъ въ Польшѣ, отличался неподдѣльной страстностью и негодованіемъ противъ Годунова. Онъ всегда съ пѣной на губахъ произносилъ имя царствовавшей въ Москвѣ династіи и, за одно съ народомъ въ то время, клялъ узурпатора. При этомъ вполнѣ понятно, что, вылетѣвъ съ мечомъ въ рукѣ, даже во время бунта, онъ могъ грозиться народу такими словами, — и фраза „я вамъ не Годуновъ!", при художественномъ возсозданіи этой таинственной личности, получила бы глубокій смыслъ. Но гдѣ ея необходимость въ томъ самозванцѣ, котораго себѣ представлялъ

или правильнѣе даже не представлялъ себѣ г. Островскій, и котораго выбивался изъ силъ передать на сценѣ г. Вильде? И эта и другія подобныя „подлинныя" фразы, вложенныя въ уста самозванцу безъ всякой внутренней необходимости, ничѣмъ не осмысленныя въ общемъ его представленіи у автора, ничего не говорятъ читателю или зрителю, а пропадаютъ въ пьесѣ совершенно безслѣдно. Вообще Лжедимитрій выставленъ у г. Островскаго, точно также какъ и въ историческихъ этюдахъ г. Костомарова, безъ точнаго опредѣленія со стороны автора, какъ онъ его понимаетъ: кто онъ — сознательный-ли воръ и обманщикъ, или самоувѣренный самозванецъ — орудіе другихъ лицъ? Въ сценѣ съ матерью Мареой (г-жа Васильева) онъ ей напрямикъ признается, какъ чужой; точно также и своей невѣстѣ Маринѣ (г-жа Ѳедотова-Познякова) онъ рекомендуетъ себя въ качествѣ простаго шляхтича. Наконецъ въ длинномъ монологѣ передъ трономъ, въ этой задушевной исповѣди съ самимъ собою, онъ также признаетъ себя бродягой и проходимцемъ. Что все это не совсѣмъ вѣрно относительно исторіи, тутъ распространяться не мѣсто. Но важно указать, что все это не имѣетъ большаго смысла и въ самой драмѣ г. Островскаго, такъ какъ противорѣчитъ другимъ мотивамъ, заключающимся тутъ же въ пьесѣ. Всѣ эти добровольныя признанія въ воровствѣ и мошенничествѣ мало вяжутся съ другими сценами, напримѣръ гдѣ Лжедимитрій, искренно вѣрующій въ свою истинность, является истинно-великодушнымъ съ виновными въ его непризнаніи. Онъ даже обижается тѣмъ, что мнѣнія и молва праздной толпы кажутся его приближеннымъ опасными и бросающими на него тѣнь подозрѣнія. Онъ оскорбленъ и уязвленъ въ своемъ самолюбіи, когда сами эти приближенные будто сомнѣваются-же въ немъ и избѣгаютъ что-то выговорить передъ нимъ до конца.

Василій Ивановичъ Шуйскій, послѣ Лжедимитрія, является главнымъ лицемъ драмы, а искусная игра г. Шумскаго выдвигаетъ его еще на первый планъ въ пьесѣ. Въ Шуйскомъ, какъ его представилъ г. Островскій, еще менѣе исторической и художественной правды, чѣмъ въ самомъ Самозванцѣ; начнемъ съ исторической. Всѣ наши учебники, правда, выдаютъ Шуйскаго за коварнаго и лукаваго интригана; почти всѣ выставляютъ его еще узурпаторомъ. Традиція, которой въ свое время подчинился Карамзинъ, перешла отъ него еще, какъ извѣстно, и къ Пушкину. Въ своемъ трудѣ „геніемъ Карамзина вдохновенномъ", поэтъ выводитъ Шуйскаго

лукавымъ царедворцемъ. Карамзинъ однако слишкомъ хорошо зналъ исторію, а Пушкинъ имѣлъ слишкомъ поэтическую природу для того, чтобы выставить въ Шуйскомъ одно воплощенное лукавство; у обоихъ сохранены за Шуйскимъ другія стороны его характера и живыя черты этой замѣчательной личности. У обоихъ въ Шуйскомъ угадывается тотъ именно бояринъ, а потомъ „выкрикнутый царь", который безстрашно обличалъ Самозванца и клалъ голову свою на плаху, который именно въ минуты испытанія и невзгоды наиболѣе поражалъ особеннымъ величіемъ духа. Шуйскій и въ предательскомъ плѣну у Сигизмунда не посрамилъ мономаховой шапки, не погнулъ ее передъ холопомъ шляхтичей. Но у г. Островскаго, увлекшагося по преимуществу даже не Карамзинымъ и не Пушкинымъ, а исключительно г. Костомаровымъ, Шуйскій выходитъ только лукавъ и коваренъ: онъ преслѣдуетъ въ самомъ свержении Лжедимитрія только свои крамольныя цѣли и ничего больше. Дѣло „коварнаго" Шуйскаго противъ „прогрессивнаго" Самозванца получаетъ, такимъ образомъ, въ драмѣ г. Островскаго характеръ какой-то темной интриги въ ретроградномъ духѣ, какой-то вопіющей и возмутительной неправды. Все это болѣе чѣмъ не вѣрно, это искажено. Въ средѣ тогдашняго боярства Василій Ивановичъ Шуйскій дѣйствительно выдавался особнякомъ, и на немъ не даромъ простые люди останавливали свои надежды. Въ интригѣ бояръ, заводившихъ самозванца, В. И. Шуйскій съ самаго начала не принималъ никакого, хотя бы самомалѣйшго участія. Въ то время, какъ Борисъ Годуновъ подозрѣвалъ уже всѣхъ бояръ въ солидарности съ этимъ гнуснымъ дѣломъ, и когда они явно передавались Лжедимитрію и явно накликали на Русь Литву, Шуйскій напротивъ того именно въ виду интриги съ Самозванцемъ сдѣлался болѣе чѣмъ когда нибудь преданъ Борису. Объ руку съ нимъ тутъ можно только поставить развѣ Ѳ. И. Мстиславскаго; но тогда какъ этотъ былъ и простъ и робокъ, Шуйскій отличался умомъ и твердостью. Поэтому, по поводу самозванцева дѣла, и въ началѣ и въ концѣ, народная молва всегда отличала Шуйскаго отъ всѣхъ прочихъ бояръ. Тогда какъ у всѣхъ у нихъ, по поводу этого дѣла, какъ это ясно обличалось для народа, рыльце было въ пуху, говоря языкомъ пословицы; за Шуйскимъ, напротивъ того, было его честное поведеніе относительно Самозванца. Онъ еще при Борисѣ, съ Красной площади, заклиналъ народъ не вѣрить Лжедимитрію и свидѣтельствовалъ объ его самозванствѣ; а потомъ весь-же народъ московскій видѣлъ его на плахѣ. Вотъ до-

стоинство и неоспоримая заслуга Шуйскаго въ этомъ дѣлѣ. Совершается бунтъ на московскихъ улицахъ, обманщикъ убитъ и растерзанъ чернью.... Кого Москва выберетъ въ цари? Шуйскому потомъ вся земля ставила въ укоръ, что онъ „сѣлъ на царствѣ, всей земли не спросяся;“ однакожь и всякій говорившій такъ, хотя бы напр. извѣстный Прокофій Ляпуновъ, не оспаривалъ въ этомъ случаѣ самыхъ правъ Шуйскаго; никто не оспаривалъ, что именно однакожь на Шуйскаго указалъ бы въ этомъ случаѣ и всеземскій, всенародный голосъ. Остается послѣ этого лишь одинъ вопросъ: почему однако Шуйскій, если былъ увѣренъ въ выборѣ ото всей земли, почему онъ такъ исторопился сѣсть на царствѣ? Самый спѣхъ его избранія нельзя-ли поставить ему въ вину и въ улику того, что сверженіе Самозванца онъ задумывалъ лишь въ качествѣ узурпатора? Исторія того времени даетъ на этотъ вопросъ отвѣтъ самый категорическій и притомъ въ совершенное оправданіе Шуйскаго. Дѣло въ томъ, что сама Москва въ ту минуту была поставлена въ необходимость исторопиться выборомъ царя; хотѣлъ-ли, не хотѣлъ-ли того Шуйскій, сама Москва нуждалась тутъ въ спѣхѣ. Припомнимъ, что въ то самое время, какъ въ Кремлѣ терзали трупъ „еретика самозванца“, вся провинція съ нетерпѣніемъ ожидала изъ столицы вѣстей о бракосочетаніи и вѣнчаніи своего „Краснаго Солнышка.“ Для Москвы, конечно, было достаточно какихъ-нибудь двухъ недѣль пребыванія Марины и Поляковъ въ Кремлѣ, чтобы досыта наглядѣться на безобразіе двора Лжедимитріева. Москва въ эти двѣ-три недѣли хорошо разгадала, что этотъ обманщикъ, вѣнчающійся съ Мариной, хуже Турки, а не сынъ царя; Москвѣ надо было покончить съ нимъ въ одинъ ударъ. Ей некогда да и нельзя было совѣщаться по этому дѣлу со всей землей; ей нельзя было переписываться, объ „еретичествѣ“ Самозванца и о необходимости бунта, „со всѣми городы.“ Москва, повторяемъ, убила злодѣя въ то именно время, когда провинція съ восторгомъ ожидала восторженныхъ вѣстей изъ столицы, когда вся Русь, во всѣхъ концахъ, ликовала еще на первыхъ радостяхъ о томъ, что „Красное Солнышко опять заблеститъ въ Москвѣ по старому, по бывалому.“ Понятно, что только, погубивъ „царя,“ Москва спохватилась въ своей невольной и вынужденной оплошности передъ провинціей, передъ цѣлой Россіей. Она, говоритъ одинъ современникъ очевидецъ, спохватилась по пословицѣ, какъ кошка, зная чье мясо съѣла. Не Шуйскій, а сама Москва,

почувствовала необходимость скорѣй покрыть дѣло бунта избраніемъ новаго царя тутъ же на мѣстѣ. Шуйскій, по необходимости одинъ онъ, представлялся кандидатомъ; его и „выкрикнули". Обстоятельства за ту минуту, скажемъ въ заключеніе, сложили все это дѣло именно такъ, какъ оно тогда совершилось; а лукавство Шуйскаго тутъ ни при чемъ.

Наперекоръ всему этому, Василій Ивановичъ Шуйскій въ драмѣ г. Островскаго представленъ лукавымъ и коварнымъ до низости: ни одной черты живаго человѣка не остается за Шуйскимъ, кромѣ лукавства; ни одного дѣла, кромѣ крамолы. Самая казнь его за обличеніе Лжедимитрія, тотъ фактъ что онъ обличалъ его, не убоясь плахи, будто намѣренно скраденъ въ драмѣ и сведенъ на нѣтъ. И Шуйскій въ этой пьесѣ не только лукавъ и коваренъ, онъ еще постоянно играетъ въ лукавство, онъ еще кстати и некстати кокетничаетъ своимъ коварствомъ. Авторъ задалъ ему какую-то спеціальную задачу: на показъ передъ публикой дивить и поражать міръ этимъ своимъ мастерствомъ, въ которомъ у него нѣтъ соперниковъ. Поэтому, являясь искаженіемъ относительно исторіи, это самое лукавство еще и въ художественномъ отношеніи выходитъ не удовлетворительно. Оно форсировано, является какимъ-то воплощеніемъ безъ всякихъ другихъ живыхъ или индивидуальныхъ сторонъ, оно выходитъ какъ-то приторно, рецептно и казенно, отъ начала до конца скучно и утомительно. Г. Шумскій исполнялъ трудную задачу, заданную ему авторомъ, безподобно; онъ конечно всего менѣе виновенъ, если игралъ какое-то воплощенное коварство, а живаго лица въ своей роли не давалъ слышать. Впрочемъ, вѣроятно подчиняясь утрировкѣ, которая тутъ сдѣлана самимъ авторомъ, невольно утрировалъ и г. Шумскій, — глазами, по крайней мѣрѣ. Онъ такъ по временамъ немилосердно таращилъ глаза и закатывалъ бѣлками, что форсированное лукавство Василія Ивановича Шуйскаго по временамъ казалось еще комично.

Оттого ли, что роль Марины исполняла г-жа Познякова и эта роль не подходитъ къ этой артисткѣ; оттого-ли единственно, что самому автору роль Марины особенно не удалася—это лицо показалось намъ всѣхъ блѣднѣе въ пьесѣ г. Островскаго. Сцена свиданія сильно напоминаетъ извѣстную сцену у фонтана Пушкина и тутъ повторенъ лишь тотъ самый мотивъ, который уже былъ взятъ нашимъ поэтомъ. Вся пресловутая „гордость" Марины тутъ выходитъ какъ-то ходульна и казенна. При той рѣзкости, съ ко-

торой выдается всюду въ исторіи Марининъ характеръ; при той яркости, съ которою ея образъ передаютъ намъ обильные источники того времени,—можно бы было требовать отъ художника болѣе живыхъ красокъ, болѣе индивидуальности въ изображеніи надменнаго характера этой героини; у г. Островскаго эта надменность напоминаетъ театральную рутину.

Однимъ изъ существенныхъ условій драмы, взятой изъ Русской исторіи, долженъ быть самый языкъ этой драмы, который былъ бы вѣренъ эпохѣ. Это не то значитъ, чтобы языкъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ былъ исполненъ мѣстныхъ оттѣнковъ и испещренъ idіоматизмами. Языкъ, какъ все живое, безъ сомнѣнія, развивается съ каждымъ вѣкомъ и было бы странно требовать, чтобы въ наше время русскій писатель писалъ исторію тѣмъ самымъ языкомъ, который представляется какъ бы закаменѣвшимъ въ прошлыхъ столѣтіяхъ; — не въ этомъ состоитъ и требованіе. Рѣчь человѣка — это самъ человѣкъ; всякое слово, всякое выраженіе, всякій образъ, передаваемый человѣческимъ словомъ, имѣютъ обаятельную связь съ самимъ говорящимъ; они, даже противъ воли говорящаго, оттѣняютъ и выясняютъ его личность, они проникаются его собственною индивидуальностью. Понятно, слѣдовательно, что и слова и рѣчи, влагаемыя авторомъ въ уста своихъ дѣйствующихъ лицъ, должны быть именно таковы, чтобы вполнѣ имъ соотвѣтствовали, шли бы къ нимъ; чтобы они сами въ себѣ заключали духъ и смыслъ, присущій выставляемымъ лицамъ. Иначе, всякое уклоненіе отъ этого закона и несоблюденіе этого условія сейчасъ же прозвучитъ фальшивой нотой въ выставленіи того или другаго лица. Было бы странно, напримѣръ, заставлять говорить нашихъ старинныхъ бояръ тѣмъ языкомъ, которымъ написаны, хоть-бы баллады Жуковскаго, Что касается до языка въ новой піесѣ г. Островскаго, то наряду съ мѣткими выраженіями и прямо русскими оборотами, съ пословицами и поговорками, этотъ языкъ переполненъ еще такими — то слишкомъ отвлеченными, то схоластическими выраженіями — что именно скорѣе напоминаетъ языкъ балладъ Жуковскаго. „Хоть руку на прощанье облобызать позволь!“ „Отри слезу!“, „Сомкни уста!“, „держу сей мечь и симъ мечемъ клянусь!“, „на встрѣчу ласкъ горячихъ и объятій“, „свѣтила мнѣ звѣздою путеводной!“... это уже изъ рукъ вонъ плохо въ русской исторической драмѣ, т. е. такой, гдѣ даже дагеротипная вѣрность минувшей эпохѣ составляетъ немаловажную задачу. Кстати, почему г. Остров-

скій пишетъ стихами? Стихъ, какъ это было ему замѣчаемо уже не одинъ разъ, имѣетъ свою собственную поэтическую, музыкальную правду, и необходимой для него стихіей представляется поэзія. Мы давно знаемъ г. Островскаго за даровитаго истолкователя гостиннодворскихъ типовъ, за комика, за драматурга пожалуй... Но съ какихъ поръ онъ самъ себя сталъ еще признавать стихотворцомъ-поэтомъ?

Газета „*Москва*“ 1867 г.

„Сватъ Ѳадѣичь“ — новаа пьеса *г. Чаева.*

Въ талантѣ г. Чаева много симпатичныхъ сторонъ. Онъ относится къ народному быту съ удивительной безъискусственностью и простотою. Въ его народныхъ пьесахъ нѣтъ и тѣни той прежней фальши, той псевдо-народности, которыми отличаются напримѣръ драмы Кукольника. Наконецъ самый языкъ, какимъ говорятъ его Русскіе люди, представляетъ попытку живаго народнаго языка. Авторъ уже извѣстенъ Московскому обществу двумя своими этюдами: Александръ Тверской и Дмитрій Самозванецъ. Мнѣнія на счетъ художественнаго значенія этихъ пьесъ могутъ быть весьма различны; — но что у г. Чаева въ его народныхъ сценахъ нѣтъ никакой фальши не только прежнихъ бывалыхъ драмъ но и новѣйшихъ въ народномъ вкусѣ и что его языкъ представляетъ замѣчательную попытку настоящаго народнаго языка — въ этомъ, кажется, всѣ сходятся единодушно.

Тоже можно сказать и по поводу его новой пьесы „Сватъ Ѳадѣичь“. Народный элементъ, въ его чистомъ видѣ, составляетъ неотъемлемое достоинство этой пьесы. Тутъ онъ до такой степени простъ и чистъ — нигдѣ не поставленъ на ходули, нигдѣ не подцвѣченъ какимъ-нибудь лживымъ эффектомъ, что даже именно съ этой стороны грозитъ автору опасность быть не поняту публикой. Наша публика такъ привыкла къ полуфранцузскому языку русскихъ мелодрамъ и водевилей (по чести сказать, оказать вліяніе да повліять и пр. и пр.), что настоящій русскій языкъ, нѣтъ мудренаго, ей покажется за татарскій. До такой степени она избалована иностранными типами на нашей сценѣ, такъ привѣтствуетъ за родное и за близкое для себя заносные типы даже гризетокъ и модистокъ — что вполнѣ-народные типы какого-нибудь кузнеца

Вакулы, бурмистра, или бурмистровой дочки, лѣсника, мельника и пр. пожалуй покажутся ей непонятными, если не подцвѣтить ихъ бенгальскимъ огнемъ „пейзанскихъ балетовъ".

Впрочемъ, что касается общаго равнодушія къ народнымъ пьесамъ нашего мало-народнаго театра, тутъ не все-же вина одной публики. Если и пьесѣ г-на Чаева, безспорно лучшей въ этомъ родѣ, не посчастливится на нашей сценѣ,—значительная доля вины падётъ на самого автора. Русскіе люди г. Чаева, безспорно, говорятъ на сценѣ живымъ русскимъ языкомъ; они одѣты въ простые зипуны да бараньи тулупы, а не въ ту мишуру и сплошной алый цвѣтъ, въ которые обыкновенно рядятъ Русскій хороводъ или Русскую свадьбу наши плохіе живописцы да Французскіе иллюстраціи. Все это уже значительный шагъ впередъ; но одного этого мало.

Въ пьесѣ „Сватъ Ѳадѣичь" все вѣрно списано съ натуры и всѣ штрихи исполнены несомнѣнной правды; но хотѣлось-бы чтобъ эта натуральная правда выдавалась еще впередъ передъ зрителемъ какъ правда выше-сознанная творчествомъ; хотѣлось-бы чтобы штрихи выходили сами по себѣ крупнѣе, не такъ дагеротипны и случайны. Они мелки и недовольно рельефны. Бытовая характеристика дѣйствующихъ лицъ, конечно, вещь также важная сама по себѣ,—но въ пьесѣ „Сватъ Ѳадѣичь" она выступаетъ на первый планъ и растягивается въ ущербъ дѣйствію. Дѣйствіе пьесы постоянно тормозится у нашего автора такою бытовой характеристикой каждаго изъ дѣйствующихъ лицъ. Та или другая сцена сходитъ при этомъ на простое описаніе нравовъ; на простую картину нравовъ сходитъ и вся пьеса. Пожалуй, онъ далъ очень граціозную картину, но не болѣе какъ картинку. Легко можно-бы, представляется намъ, всю эту пьесу „Сватъ Ѳадѣичь" отъ начала до конца повести съ бо̀льшимъ умѣньемъ: мы хотимъ сказать, что въ томъ самомъ видѣ, какъ она теперь написана авторомъ, она сама собой уже подсказываетъ легкую возможность и усилить драматическое дѣйствіе, и живѣе развить характеры.

Самъ герой пьесы, Ѳадѣичь—вѣдомый воръ, однако въ тоже время популярнѣйшій человѣкъ въ околоткѣ—не довольно выдается у автора и выходитъ безцвѣтенъ. Одно то̀, что народъ въ немъ мало видѣлъ разбойника, а больше угадывалъ своего защитника, уже давало много живыхъ красокъ и выдвигало много рельефныхъ сторонъ, которыми авторъ, по нашему мнѣнію, не довольно

воспользовался. Лучшія сцены выпали на долю двора бурмистра. Дочка его Таня, томящаяся въ загонѣ у злой мачихи; эта ея мачиха; наконецъ самъ старикъ, истый „бурмистръ графской вотчины",—составляютъ въ цѣлой пьесѣ лучшую картинку. Ея художественная граціозность невольно удержится въ памяти.

Особенно неудачно первое дѣйствіе—сцена говоруна-лѣсника въ кузницѣ у Вакулы. Она слишкомъ тянетъ одно и тоже впечатлѣніе зрителя. Съ чѣмъ занавѣсь поднялась, на томъ и спустилась: на разстояніи цѣлаго дѣйствія ничего для зрителя не прибавилось къ концу, чего бы не было сначала. Тутъ, вмѣсто длиннаго дѣйствія, довольно-бы краткой сцены. Въ интересѣ дѣйствія слѣдовало непремѣнно унять неотвязчиваго говоруна-лѣсника; а онъ какъ его Вакула ни гонитъ изъ кузницы — стоитъ себѣ на одномъ мѣстѣ да разсказываетъ. Какъ отдѣльная статуетка, фигура лѣсника пожалуй и удержится въ памяти; но тутъ, впрочемъ, половина похвалы приходится уже на долю талантливаго исполнителя-актера. Сокращенье его разсказовъ дало-бы сверхъ того возможность не отдѣлять первой картины отъ второй опущеніемъ занавѣси, какъ-бы на два отдѣльныхъ дѣйствія. А перенесите зрителя изъ кузницы Вакулы прямо въ бурмистровъ дворъ (такъ называемою на театральномъ языкѣ чистою перемѣной)—и въ сценическомъ отношеніи пьеса много выиграетъ. Вообще нельзя не пожалѣть, что какая-то робость слышна въ талантѣ г. Чаева: размашистость не будетъ ни въ какомъ случаѣ отличительнымъ свойствомъ его таланта...

Скажемъ въ заключеніе, что актеры, передавая крестьянскую рѣчь, немилосердно ȍкали; половины рѣчей по этому нельзя было разобрать. Къ чему это непремѣнное ȍканье, едва хотятъ представить крестьянъ? Въ нашей народной рѣчи, или даже въ простонародной, это ȍканье ничего существеннаго не составляетъ. Гдѣ ȍкаютъ, но гдѣ и ȁкаютъ; то и другое въ равной мѣрѣ. Прочтите „Толковый Словарь Даля",—вы найдете, что если мѣстами народъ ȍкаетъ, то мѣстами-же онъ ȁкаетъ такъ немилосердно, что въ народѣ-же на этотъ счетъ составились прибаутки.

Газета „День" 1864 г.

„Князь Александръ Михайловичъ Тверской", историческая хроника въ 5-ти дѣйствіяхъ *Н. А. Чаева.*

Пьеса г-на Чаева „князь Александръ Михайловичъ Тверской", съ которою большинство читающей публики знакомо развѣ только по наслышкѣ, появилась наконецъ въ печати, въ № 9-мъ Библіотеки для Чтенія. Привѣтствуемъ ее, какъ отрадное явленіе въ нашей журналистикѣ за послѣднее время.

Наша литература очутилась именно въ такой полосѣ, что идеалы былаго времени въ ней пропадаютъ, а возникаютъ новые. Мы какъ будто чувствуемъ канунъ ихъ появленія; по крайней мѣрѣ, самое вѣяніе ихъ становится день ото дня ощутительнѣе. Самобытность, какъ нашъ вчерашній гаданный сонъ и народность, какъ недавнее наше исканіе, насъ привели къ рубежу... На нашихъ глазахъ совершается, можетъ быть, новый періодъ литературы,—зачинается во-очію, можетъ быть, новая эпоха въ нашемъ развитіи, эпоха, которая теперь можетъ уже значить только одно: это уже самò обрѣтеніе нашей народности; это, наконецъ, нашей самобытности—осуществленіе.

Никто, впрочемъ, не подумаетъ, что мы именно новую пьесу г-на Чаева „князь Александра Михайловичъ Тверской" хотимъ отнести къ числу тѣхъ яркихъ явленій въ литературѣ, съ которыхъ начинается новое лѣтосчисленіе и отъ которыхъ ведется цѣлый последующій періодъ. Не вдругъ являются такія произведенія во всякой литературѣ. Долго перебраживаютъ въ обществѣ тѣ полу-ясныя стремленія и не скоро складываются тѣ убѣжденія и идеалы, которые даютъ имъ ходъ. Смутные и неопредѣленные, они долго носятся въ воздухѣ, пока область ихъ вѣянія станетъ могущественнѣе и шире, пока явится всюду несмѣтное множество ихъ предвозвѣстниковъ—и сами они дозрѣютъ и выяснятся съ достаточной полнотою. Тогда-то найдутъ они наконецъ мощнаго художника для ихъ всецѣльнаго истолкованія передъ толпою и для творческаго воплощенія на глаза міру—художника, который съ такой невѣдомою силой откликнется всѣмъ струнамъ, до тѣхъ поръ молчавшимъ безъ отзыва и съ такой всеобъемлющей полнотою выведетъ на свѣтъ Божій все таившееся лишь въ предчувствіи, что еще надолго хватитъ и послѣ него работы--послѣдующимъ поколѣніямъ донимать изъ глубины его духа и идти ему въ слѣдъ.

Но для насъ уже въ высшей степени важны и такія произведенія, которыя хотя на одинъ шагъ приближаютъ родное искусство къ вожделѣнной эпохѣ и хоть намекаютъ на самобытность и на самостоятельность нашей мужающей литературы. Все, что проникнуто вѣрнымъ чувствомъ народности и запечатлѣно ея духомъ, для насъ не можетъ не имѣть глубокой важности и выдвигается само собою на первый планъ. И мы именно хотимъ сказать, что пьеса г-на Чаева „князь Александръ Михайловичъ Тверской" изо всѣхъ произведеній текущей беллетристики именно этимъ выдѣляется вонъ изъ ряду, — каковы-бы ни были ея недостатки.

„Псковъ. Палата со сводами на княжемъ дворѣ; по стѣнамъ лавки, накрытыя полавочниками; полъ устланъ коврами; вверху полукруглая слюдяная оконица, сквозь нея видны по временамъ женскія головы"— такою картиной открывается 2-я сцена II-го дѣйствія, лучшее мѣсто въ цѣлой драмѣ. Псковъ излюбилъ Тверскаго князя Александра; Псковъ хочетъ въ своей избѣ быть самъ большой, ему не надо Новогородцевъ, одна тягота ему отъ нихъ... Псковъ, заслышавъ, что Московскій князь наѣхалъ въ Новгородъ свою вотчину, и теперь хочетъ попритянуть себѣ и ихъ городъ— Псковъ тревоженъ на своемъ вѣчѣ. Онъ боится за излюбленнаго князя. Послы Московскаго входятъ на княжій дворъ, и Псковичи валятъ толпою туда же. Послы лукаваго Московскаго князя зовутъ Александра Тверскаго на судъ, въ Орду; не просто зовутъ, они его требуютъ. Князь Александръ такое требованіе отклонилъ. Ему, Тверскому князю, дѣти котораго сами на великомъ княженьи сиживали, ему Москва не господинъ; хочетъ онъ слушать ханскаго велѣнья—слушаетъ; не хочетъ—своей головой отвѣчаетъ. Другую пѣсню тогда заигрываютъ послы: только не пойдетъ князь въ Орду на судъ къ хану, всей землѣ разоренье будетъ... „Я въ Орду идти не прочь! отвѣчаетъ уже на это князь вольной-волею. Храни Богъ, чтобы изъ-за меня какое лихо христіанамъ содѣялось; лучше я одинъ умру, нежели все христіаство изгибнетъ"...„нѣтъ! вмѣшивается народъ, не ходи, князь! они только головы твоей ищутъ! мы всѣ изомремъ, подъ ножъ пойдемъ съ тобою,—не ходи князь! Долой Новгородцевъ! будь у насъ княземъ на Псковѣ",—и вотъ князю подносятъ ото всего города хлѣбъ-соль на блюдѣ,—звонятъ вѣче,— выносятъ княжескій стягъ и несутъ его передъ Александромъ,— оповѣщаютъ поповъ: шли бы они съ образами на встрѣчу! и вотъ уже раздается звонъ *во вся*,—шумятъ-идутъ въ городской соборъ

къ Святой Троицѣ. Станетъ тамъ народъ крестъ цѣловать любимому князю, а князь—народу.

Но не даромъ еще во все продолженіе этой сцены мелькали и женскія лица въ томъ потайномъ, слюдяномъ окошечкѣ! Кромѣ шумливыхъ соглядатаевъ изъ народа, втихомолку еще тутъ присутствовали князевы ближніе, его кровные. Если народъ, эта новая родная семья князя, разразился тутъ же въ палатѣ бурнымъ, импровизированнымъ вѣчемъ, прогнавшимъ Новгородцевъ и провозгласившимъ князя, — тамъ, за потайнымъ слюдянымъ окошечкомъ, только слабый стонъ княгининъ и ея обморокъ сказались въ отвѣтъ на рѣшеніе князя: ѣхать въ Орду! И въ такомъ сопоставленіи бурной народной драмѣ драмы семейной, внутри князева семейства, въ покоѣ его домашнихъ, вся картина несказанно выигрываетъ въ ея глубоко-поэтическомъ смыслѣ.

Другая картина. „Тверь. Весеннее ясное утро; огородъ за хоромами; гряды; хмѣльникъ; черемуха въ цвѣту; крыльцо; видны верхи теремовъ. Между двумя деревьями качель. Вдали городская деревянная стѣна; надъ ней синѣетъ полой и мѣстами видны поемные луга“. Какая родная, будто из-дѣтства памятная картина! въ ней оживаетъ память всего того, что давно было затеряно нами среди стриженыхъ аллей во французскомъ вкусѣ или прилизанныхъ цвѣтниковъ съ англійскимъ газономъ!... Въ этомъ простомъ и безъискусственномъ возсозданіи какъ много непосредственнаго чутья Русской природы и какимъ теплымъ колоритомъ согрѣта она въ пьесѣ г-на Чаева. Сцена, которая происходитъ у здѣшняго хмѣльника (сцена княжича съ няней, князя-отца и княгини-матери), сама еще исполнена чего-то утренняго, и сама обдаетъ читателя свѣжестью майскаго воздуха. Свиданье съ дѣтьми ихъ дядей и вообще вся эта встрѣча съѣхавшейся родни — картина чисто-русская! „Вотъ мои; старшаго ты знаешь, а этотъ вотъ Псковичъ; во Псковѣ родился!“ или: „поди ко мнѣ (цѣлуетъ и гладитъ его по головѣ), наши роды, наша кровь! Дѣдъ вылитый! А кой годокъ-отъ?“ или: „Привезу когда къ тебѣ своихъ.... Я самъ къ тебѣ, по Волгѣ, всей семьей пріѣду. Лѣтомъ какъ-нибудь, насадъ наладимъ, да и спустимся къ вамъ погостить на Ярославль“, — какъ, говоримъ, все это вѣрно прочувствовано авторомъ и живо истолковываетъ читателю патріархальность древняго русскаго быта—суть еще и современной Русской жизни въ ея неиспорченномъ видѣ.

Еще новая картина. „Верхъ деревянной башни. Темная ночь. Громъ. Освѣчаетъ. Волги не видать. Княгиня, няня и княжичъ у ней на рукахъ, три сѣнныя дѣвушки, два отрока съ фонарями,— всѣ всходятъ на башню и смотрятъ въ окно“ — не каждая ли опять здѣсь черта живьемъ схвачена изъ той Русской дѣйствительности, которую авторъ захотѣлъ воплотить въ своей драмѣ? Это — проводы князя въ Орду... Вѣтеръ доноситъ уже только отрывочныя рѣчи съ берега Волги; „якорь!... отчаливай!“ Княгиня зоветъ: прощай!... Постойте! Няня, Мишу! — схватываетъ сына на руки и выставляетъ въ окно — Мишу-то благослови! зоветъ она, благослови еще!...

У иныхъ авторовъ, при всей кажущейся вѣрности схваченнаго формализма, дѣло всегда и ограничивается однимъ формализмомъ, такъ что кубки меда, которыми они угощаютъ своихъ героевъ, кажутся для читателей или для зрителей картонными; и мечи, которыми заставляютъ ихъ махать, кажутся бумажными; и огонь, которымъ они освѣщаютъ ихъ походные шатры — бенгальскимъ.— Здѣсь, у г-на Чаева, напротивъ того, всякій штрихъ и полуштрихъ поражаютъ полнотою бытовой правды, — всякая подмѣченная имъ черта и всякій имъ схваченный образъ обдаютъ читателя воздухомъ тогдашней эпохи. Весь тогдашній бытъ съ своей плотью и кровью, со своей „душою живою“ отражается въ прекрасныхъ картинахъ нашего автора, такъ глубоко имъ прочувствованныхъ, а потому и вѣрно возсозданныхъ.

Время, изображенное авторомъ въ его драмѣ, это, какъ видитъ читатель, такъ называемый удѣльный періодъ, — періодъ, который обыкновенно каждый изъ нашихъ историковъ спѣшитъ обойти и неохотно на немъ останавливается. Вся эта борьба князей, усобица городовъ между собою, наконецъ самое Монгольское иго съ вѣчными поѣздками князей въ Орду и съ наводами ими самими Татаръ на Русскія области — представлялись обыкновенно у насъ какою-то нескладицей, крайне запутанной и въ тоже время до нельзя однообразной, скучной и мало понятной. Не то, чтобы этотъ періодъ былъ въ самомъ дѣлѣ однообразенъ или представлялъ мало живыхъ характеровъ: вопреки всѣмъ историкамъ, онъ чрезвычайно богатъ содержаніемъ и, можетъ быть, наиболѣе характеризуетъ складъ всего Русскаго быта и строй всей Русской жизни; онъ *народенъ* въ высшей степени.

Посмотрите какъ теперь освѣщена вся эта эпоха въ драмѣ

г-на Чаева и какую яркую выразительность получаетъ періодъ — столь безцвѣтный у нашихъ историковъ!.. Послушайте какъ всѣ эти (въ нашихъ учебникахъ и въ ученыхъ диссертаціяхъ приводимыя курсивомъ) выраженія лѣтописей: „стягъ великокняжескій“, „волость“, „вѣче“, „вѣчевой колоколъ“, „отчина“, „кормиться вотчиной“ и пр., — выраженія, которыя намъ выдавались точно за китайскія диковинки, — какъ они всѣ просто разгаданы авторомъ и вездѣ вѣрно поставлены на своемъ мѣстѣ. Они схвачены такъ сказать, въ ихъ домашней физіономіи и выступаютъ передъ нами не какъ мертвыя и казенныя формулы, а какъ крещеныя имена живыхъ существъ и онѣ намъ совершенно понятны.

Вся древняя Русь—Русь еще и нынѣшняя въ ея истинномъ видѣ—оживаетъ въ драмѣ „князь Александръ Михайловичъ Тверской“. Всѣ эти села съ приселками и города съ пригородами, Москва, Новгородъ, Псковъ, село въ Псковѣ, село въ Новгородской области—представляются намъ, какъ „поменьшіе міры“ одного великаго Русскаго міра!.. все это малыя общины одной великой общины: Русской земли!.. Святая Троица—Соборъ во Псковѣ, которой „хочетъ до гроба послужить князь Александръ“, Святая Софія въ Новгородѣ, святой Успенскій Соборъ въ Москвѣ,—наконецъ та деревянная церковь съ рубленной главою, которая вездѣ виднѣется вдали въ сельскихъ картинахъ пьесы—вотъ тѣ средоточіи, у которыхъ происходитъ мѣстная жизнь этихъ „поменьшихъ міровъ“ и къ которымъ стягивается вся ихъ дѣятельность!.. „Наша святая, православная непорочная вѣра!“ за которую ѣдетъ князь Михаилъ пострадать въ Орду, — вотъ тотъ лозунгъ, на который равно откликаются всѣ эти тьмочисленные міры и въ которомъ вся земля Русская сливается согласнымъ хоромъ, и слышитъ свое несокрушимое единство. Мірскія сходки Псковитянъ, ихъ вѣче,—взаимныя перебранки городовъ между собою и ихъ счеты другъ съ другомъ,—отношеніи князей къ народу, а народа къ нимъ,—наконецъ счеты самихъ князей другъ съ другомъ,—все это выше всякой похвалы въ драмѣ по своей вѣрности.—Мы во-очію знакомимся со всѣмъ этимъ своеобразнымъ міромъ и бытомъ, какъ будто всѣ эти волненія и радости и горести выведеннаго народа сейчасъ слышутся намъ и на нашей улицѣ.

„У насъ мало историческихъ памятниковъ“, то и дѣло слышались въ былое время сѣтованія занимавшихся Русскою исторіей — „у насъ нѣтъ тѣхъ, мощно запечатлѣнныхъ народнымъ гені-

емъ образцевъ, которыя на Западѣ встрѣчаются на каждомъ шагу и такъ облегчаютъ трудное дѣло самосознанія! У насъ или вовсе не существовало такихъ памятниковъ, или они не уцѣлѣли!“... У насъ, отвѣчаемъ, всюду эти драгоцѣнные памятники! у насъ вездѣ передъ глазами мощно запечатлѣнныя народнымъ геніемъ, образцы... только мы ихъ не видимъ; по крайней мѣрѣ, еще въ недавнее время мы были слѣпы къ нимъ. Вся жизнь нашего народа, весь его бытъ и складъ, все его созерцаніе и весь его обычай... вотъ этотъ, у всѣхъ на виду, громадный памятникъ творчества коренныхъ Русскихъ началъ и Русскаго генія! Какъ нашъ *народный* языкъ, нынѣшній языкъ многомилліоннаго православнаго крестьянства, оказывается, подъ конецъ всего, настоящимъ языкомъ нашихъ предковъ, языкомъ самихъ нашихъ древнихъ государственныхъ актовъ и грамотъ,—также точно и самый бытъ, которымъ сейчасъ живетъ наше многомилліонное православное крестьянство, оказывается подъ конецъ же всего, бытомъ самой нашей исторіи. Вглядываясь въ него пристально и всецѣло, угадываешь невольно все, что̀ безъ того въ Русской исторіи кажется загадочнымъ и непонятнымъ.

Русскіе писатели, пытавшіеся воскрешать народные идеалы и воспроизводить Русскую народность, всѣ болѣе или менѣе страдали однимъ общимъ недугомъ; какая-то кора слѣпоты лежала у всѣхъ на глазахъ—едва присматривались къ Русской народности. Чуждая полусочувственная цивилизація, которая цѣликомъ перенесла въ наше общество несродныя намъ формы жизни и несвойственные нашей Русской природѣ идеалы—вотъ та среда, которая становилась поперегъ между Русскими писателями, и самимъ народомъ,—вотъ что̀ застило глаза писателю, когда онъ присматривался къ русской народности даже въ нашихъ крестьянахъ. Обращеніе къ тому, уже сознательное, стоило нѣкоторымъ изъ нашихъ писателей, очевидно, большихъ усилій надъ собою. Бо̀льшая часть изъ нихъ до сихъ поръ не умѣетъ найтись въ своемъ затруднительномъ положеніи, когда приходится — какъ сказалъ И. С. Тургеневъ — „сжечь все, чему поклонялся, поклониться тому, что сжигалъ“... Въ г-нѣ Чаевѣ поражаетъ та̀ именно особенность, что такое обращеніе далось ему безъ малѣйшей борьбы, а какъ-бы само собою. Очевидно, онъ не кланялся тому, что теперь другіе сжигаютъ, а равно и для того, чтобы кланяться *своему*, ему нечего сжигать. Это уже непосредственное чувство Русской народности и соприкосновеніе съ нею всѣмъ своимъ собственнымъ складомъ и всѣмъ своимъ существомъ.

Авторъ обладаетъ удивительною способностью переносить коренныя Русскія черты современнаго быта во времена давно-прошедшія и конкретировать ихъ въ духѣ тогдашней исторической дѣйствительности; авторъ обладаетъ непосредственнымъ чутьемъ угадывать еще и въ современной дѣйствительности, на нашихъ глазахъ происходящей, то̀ самое, чего корни таятся въ отдаленной старинѣ. Ему одно другимъ досказывается и объясняется.

Даже эта любовь автора ко всему, въ чемъ только сказывается для него русская народность; эта горячая ревность ко всему, что въ жизни нынѣшняго народа способно истолковать забытыя преданья исторіи; эта постоянная художественная игра фантазіи истолковывать себѣ нынѣшнею русскою дѣйствительностью и сегоднишними нравами давно-минувшую русскую дѣйствительность, и обратно истолкованіемъ тогдашнихъ нравовъ и той дѣйствительности освѣщать многое, что безъ того остается непонятнымъ сейчасъ въ нынѣшней жизни народа,—такая, говоримъ, внутренняя работа, непрестанно происходящая въ душѣ самого поэта, мѣшаетъ въ г-нѣ Чаевѣ—художнику. Тотъ или другой штрихъ кажется автору вѣрнымъ со стороны бытовой правды, онъ его и вноситъ; тотъ или другой оборотъ рѣчи плѣняетъ его своимъ народнымъ пошибомъ, онъ сейчасъ и употребляетъ его. Уразумѣніе быта и склада нашей „хрестьянской“ жизни и живаго мѣткаго языка нашего „хрестьянства“,—само по себѣ уже составляетъ для него конечную цѣль, переходитъ въ какое-то пристрастіе, въ какую-то исключительность; какъ будто однимъ этимъ исчерпывается для него сполна вся задача художественнаго произведенія. Исключительность такого рода придаетъ пьесамъ г-на Чаева исключительный-же отпечатокъ: и по языку и по сочиненію сейчасъ отличишь ихъ. Скажемъ прежде о языкѣ „Александра Тверскаго“, а напослѣдокъ и о сочиненіи.

Языкъ нашей пословицы и поговорки, (а такимъ именно языкомъ говоритъ все наше многомилліонное крестьянство) безспорно лучшій образецъ языка изъ всѣхъ тѣхъ, которые только извѣстны въ нашей литературѣ; ни Ломоносовская рѣчь, ни стиль Карамзинскій, ни наконецъ нынѣшняя фраза большинства нашихъ беллетристовъ не могутъ съ нимъ равняться и рано-ли, поздно-ли, должны будутъ ему уступить. Этотъ языкъ, какъ мы уже упомянули выше, оказывается еще тѣмъ самымъ языкомъ, которымъ вообще говорили въ до-Петровскую старину наши предки и писались

наши старинныя государственныя грамоты. Для знакомыхъ съ историческими памятниками сами собой будутъ узнаваться въ драмѣ г-на Чаева многія рѣченія, цѣлыя предложенія и фразы, даже цѣлыя мѣста, которыя перенесены имъ цѣликомъ изъ нашихъ лѣтописей, изъ нашихъ актовъ; въ тоже время всѣ рѣчи его дѣйствующихъ лицъ имъ подслушаны еще у самого народа — все равно въ старинной ли народной пѣснѣ онѣ подслушаны или въ устныхъ разсказахъ крестьянъ. Г-нъ Чаевъ хорошо сдѣлалъ, что разгадалъ это тождество и органическое единство нынѣшней крестьянской рѣчи съ языкомъ вообще народно-русскимъ. Онъ также превосходно сдѣлалъ, заставивъ своихъ героевъ говорить не тѣмъ напыщеннымъ слогомъ, какимъ говорятъ патріотическіе герои г-на Кукольника: черезъ это языкъ его драмы приблизился уже довольно близко къ искомому Русскому народному языку. Но онъ и самъ заплатилъ дань тому, что ему съ такой лихвой услужило: если въ чемъ-нибудь и можно теперь упрекнуть его языкъ, такъ въ томъ именно, что онъ у него исключительно крестьянскій и крестьянскій попреимуществу. Всѣ эти мѣстные оттѣнки говора, кристализованные въ какія-то нормы; всѣ эти частицы и прибаутки *простонародья*, возведенныя въ какую-то необходимую принадлежность; наконецъ многія совершенно ненужныя отступленія отъ общей литературной рѣчи, — составляютъ существенный и характерный недостатокъ языка г-на Чаева. Болѣе искусный художникъ не сталъ бы, напримѣръ, всякій разъ наше литературное (оно же и вполнѣ Русское) *для чего* коверкать въ *для-ча*, развѣ-развѣ подорожилъ бы этимъ легкимъ оттѣнкомъ въ площадной рѣчи простонародья; у г-на Чаева всѣ лица говорятъ на одну стать.

Какъ бы ни приходилось вывѣрить языкъ въ одномъ духѣ и въ одномъ тонѣ, у искуснаго художника всегда остается возможность хотя легкимъ намекомъ оттѣнить языкъ и боярина и языкъ холопа, даже языкъ Псковича или Черниговца, чтобы ихъ читатель отличалъ въ художественномъ представленіи. У г-на Чаева, напротивъ того, и князь, и холопъ, и Псковичь, и Черниговецъ всѣ говорятъ на одну стать. А между тѣмъ въ общемъ тонѣ языка его драмы—и нѣтъ единства, нѣтъ внутренней ровности. Рядомъ съ превосходнымъ Русскимъ языкомъ то и дѣло скрыпятъ еще прибаутки простонародности, ея обороты и сокращенія, ея *манера*. „Пра“, вмѣсто право, „што“ вмѣсто что, „коли“ вмѣсто когда, „ты этта“ вмѣсто ты это, „нешто“ вмѣсто а то чтожъ? наконецъ это безпре-

станно повторяемое „батъ“ и т. п. — зачѣмъ это нужно? Только однимъ и можно объяснить все это въ драмѣ г-на Чаева. Нашъ авторъ такъ полюбилъ разговорную рѣчь Костромичей или Переяславцевъ (живую рѣчь нашего крестьянства, открывшую ему секретъ искомаго народно-русскаго языка) что — когда приступилъ къ своей драмѣ — ему слышался по неволѣ самый выговоръ Костромичей или Переяславцевъ, самый мѣстный провинціальный обычай ихъ растягивать или сокращать слова въ произношеніи, и онъ находилъ особенное удовольствіе воспроизводить даже самое это, — большая ошибка!

Мы договорились и до главнаго обвиненія автору: хотимъ сказать въ заключеніе о недостаткѣ драмы со стороны художественной. Отсутствіе строгаго плана въ ней поражаетъ читателя, — погрѣшности противъ него (такія напримѣръ, каково цѣликомъ все 1-е дѣйствіе) легко бы были исправлены всякимъ, даже и менѣе даровитымъ, художникомъ. Но, какъ мы сказали (и какъ тоже самое замѣтили по поводу другой пьесы г-на Чаева „Сватъ Ѳадѣичъ“) дѣйствіе и все движеніе драмы тормозится у него бытовою характеристикой лицъ. Отмежевавъ себѣ вѣрную обрисовку нравовъ и характера избранной эпохи въ какую-то спеціальность, авторъ за тѣмъ уже не видитъ никакой художественной задачи или не находитъ болѣе силъ и средствъ въ себѣ, чтобы, при такой спеціальности, совладать еще и съ высшею, художественною цѣлью. Мы тѣмъ охотнѣе отмѣчаемъ этотъ недостатокъ въ разбираемой нами драмѣ, что въ ней однакожъ сквозятъ сильные художественные задатки, и даже въ своемъ теперешнемъ видѣ она обличаетъ, какъ бы лишь въ намекѣ и въ возможности, стройную художественную цѣльность.

Соперничество Тверскаго князя съ Московскимъ, Александра Михайловича съ Калитою, вотъ что̀ является главнымъ содержаніемъ драмы, — тѣмъ основнымъ положеніемъ, изъ котораго развиваются второстепенныя. Оно служитъ центромъ всего дѣйствія, къ которому сводятся отдѣльныя мотивы пьесы и изъ котораго исходятъ частныя коллизіи. Характеръ благороднаго, благовѣрнаго князя Тверскаго Александра Михайловича, по тогдашнимъ обстоятельствамъ исторіи слагается именно въ тотъ самый характеръ, который неменуемо долженъ вызвать драму, что̀ разыграна въ пьесѣ г-на Чаева... Благородный характеръ благовѣрнаго князя именно означаетъ — прежде всего недруга Татаръ; потомъ такого князя,

который ищетъ лишь своего, а не посягаетъ на чужое, — князя, готоваго голову свою положить за Русскую землю; князя не умѣющаго кривить душою и не способнаго къ темнымъ продѣлкамъ въ Ордѣ, съ помощью которыхъ такъ удобно выситься передъ прочими князьями и обирать свой собственный народъ въ пользу хана, сочетавъ ханскую выгоду съ своею собственной. Это самое ставитъ такого князя въ непремѣнный антагонизмъ съ Московскимъ, Иваномъ Даниловичемъ Калитою, политика котораго прямо противоположна и которую такъ хорошо истолковалъ г-нъ Чаевъ въ своей драмѣ.— Этотъ князь, другъ Татаръ, ѣздитъ въ Орду то и дѣло и исподволь прибираетъ къ своимъ рукамъ чужое,—является даже мстителемъ за обиды Татарамъ, приводитъ непокорныхъ подъ ихъ руку, — законъ, правду и сердобольность, даже свое смиреніе передъ Богомъ, свою молитву обращаетъ въ какіе-то небесные пути для достиженія самыхъ земныхъ и корыстныхъ цѣлей, въ какую-то наружно-благочестивую маску внутренняго лукавства. Народное чувство, какъ понятно, стоитъ въ этой сшибкѣ двухъ соперниковъ, за благовѣрнаго Тверскаго князя, за благочестиваго Александра. Въ драмѣ, которая возникаетъ, такимъ образомъ, изъ напряженнаго состоянія этихъ двухъ борящихся началъ — и самъ народъ, какъ дѣйствующее лицо, займетъ видное мѣсто въ пользу князя Александра. Народъ въ постоянной тревогѣ: то готовиться умереть за Александра, то радуется и торжествуетъ на его радости, на его княжемъ торжествѣ. Внутренняя домашняя жизнь княжескихъ покоевъ, все семейное счастіе, тишина или буря въ этой жизни — опять въ полной зависимости отъ той главной коллизіи и обусловлены ея напряженіемъ. Герой пьесы, князь Александръ Михайловичъ, въ постоянномъ соприкосновеніи то съ своимъ недругомъ, Московскимъ Иваномъ, то съ народомъ, то съ своими домашними, является, такимъ образомъ, не по прихоти автора и не случайно, а по глубокой необходимости истиннымъ средоточіемъ всей драмы, всего происходящаго дѣйствія... Отдѣльныя, эгоистическія личности бьются во взаимной борьбѣ, и падаютъ, и погибаютъ, и всѣ — каждый по своему достигая личныхъ своекорыстныхъ цѣлей — довольны и не довольны по своему, ропщутъ и сѣтуютъ или радуются по человѣчески... А то, что̀ всѣ они вмѣстѣ призываютъ какъ свое лучшее чаяніе, и о чемъ не перестаютъ сокрушаться всѣ порознь, и чего никакъ не видятъ и не примѣчаютъ во всей драмѣ, происходящей между ними — то̀ и видитъ и примѣчаетъ за нихъ чи-

татель въ нихъ самихъ, — въ этихъ свободно-дѣйствующихъ лицахъ видитъ онъ и примѣчаетъ осуществленіе напрасно-призываемаго ими чаянія... Сами они, эти своенравныя и свободно дѣйствующія лица, представляются читателю (и въ этомъ заслуга художника) лишь слѣпыми орудіями, лишь — тайными для самихъ себя — исполнителями судебъ Провидѣнія, на которое они и ропщутъ и сѣтуютъ по своему... Единодержавіе Москвы (которое наконецъ замиритъ всѣ эти княжескія усобицы и перестанетъ тогда братское кроворазлитье) надвигается уже издали какъ сила какая-то, передъ которой народъ останавливается въ недоумѣніи, — а темная Орда, объ которой только слухъ слышенъ на разстояніи всѣхъ пяти актовъ, въ концѣ 5-го дѣйствія является на-лицо передъ зрителемъ, какъ deus ex machina въ греческой трагедіи, и именно какъ древнее fatum, какъ рокъ, повершаетъ все дѣло.

Такъ понимаемъ мы внутренній строй пьесы г-на Чаева; по крайней мѣрѣ, такого рода художественная цѣльность обнаруживается сама собою въ его драмѣ. Приходится отъ души пожалѣть, что авторъ самъ недовольно воспользовался всѣмъ тѣмъ, чего художественные зачатки уже такъ сильно обозначились въ его произведеніи; приходится отъ души пожалѣть, что, взявъ себѣ въ спеціальность вѣрное изображеніе нравовъ и подробную характеристику избранной эпохи, онъ остановился на одномъ этомъ.

И онъ далъ намъ не драму въ строгомъ смыслѣ этого слова, а этюдъ — не болѣе.

Газета „День“ 1865 г.

„Стихотворенія Н. Некрасова“. Ч. III. Спб. 1864 г.

Стихотворенія, появляющіяся въ нашихъ журналахъ, представляютъ мало замѣчательнаго: по содержанію они сливаются въ какое-то безличное общее мѣсто, — по формѣ это, большею частію, жалкая посредственность.

Стихотворенія г. Некрасова являются между ними, какъ блестящее исключеніе. Всѣ они рѣзко запечатлѣны индивидуальной физіономіей поэта; въ каждомъ изъ нихъ невольно узнаёшь въ лицо — самого автора. Правда, самое содержаніе его поэзіи обусловливаетъ въ его стихахъ прозаизмы, какъ элементъ неизбѣжный; но каждая его пьеска доведена всегда до той степени литератур-

наго изящества и порой исполнена такой, совершенно особенной граціозности, что нельзя не признать за авторомъ истинно поэтическаго таланта.

Дѣло однакожъ не въ этомъ; какъ бы ни были сами по себѣ художественны или не художественны стихотворенія г-на Некрасова—не въ этомъ его значеніе. Онъ у насъ одинъ изъ полнѣйшихъ представителей поколѣнія сороковыхъ годовъ. Идеи нашего тогдашняго передоваго *большинства*, духъ и настроеніе, по преимуществу господствовавшіе въ тогдашнемъ обществѣ, нашли себѣ въ немъ яркое и полное выраженіе. Если онъ поэтъ, то по преимуществу именно этого періода—и вотъ въ этомъ, по нашему мнѣнію заключается его главная сила.

Промежутокъ времени, центромъ котораго являются сороковые годы, дѣйствительно составляетъ въ нашей литературѣ отдѣльный и рѣзко обозначенный періодъ... Можно утвердительно сказать, что изъ всѣхъ поэтовъ за этотъ промежутокъ, г-нъ Некрасовъ останется навсегда самымъ характернымъ.—Если всю нашу послѣ-Петровскую литературу, за всѣ ея полутораста лѣтъ, зовутъ „отрицательной", то уже именно за тотъ ея промежутокъ, центромъ котораго являются сороковые годы, ей въ особенности пристало такое названіе. Вся наша ложная, чуждая народу и такъ хваленая цивилизація достигала тогда видимо nec plus ultra своего развитія. Что представлялъ тогда весь живой организмъ народный? Рабство многомилліоннаго крестьянства, достигнувъ своей апогеи, налагало и на всю нашу общественную жизнь одинъ складъ, вносило и во всѣ многоразличныя гражданскія отношенія одинъ духъ... Извѣстный стихъ поэта въ его пьесѣ „Парадный Подъѣздъ".

„Волга! Волга! весной многоводною
Ты не такъ затопляешь поля и пр.

если что̀ и характеризуетъ—лишь тогдашнее „крѣпостное" состояніе, которымъ съ 18-го вѣка заболѣлъ народъ не по собственной охотѣ. Но не въ лучшемъ положеніи находилось и само цивилизованное меньшинство (хотя оно было въ другомъ плѣну, которымъ даже хвалилось). Мнимо-русская мысль, въ конецъ истощивъ себя призраками какой-то отвлеченной гуманности и какого-то отвлеченнаго прогресса, въ лицѣ *тогдашнихъ* ея передовыхъ представителей, не могла уже, озираясь кругомъ, не ожесточаться противъ настоящаго, но ничего не видѣла и въ будущемъ. Безъ всякой

вѣры въ прошлое своего народа, а потому и съ отчаяніемъ за будущее, она — эта мнимо-русская мысль „передовой интеллигенціи“ — переходила въ какой-то послѣдній протестъ — на все обращенный и всему безпощадный.

Г-нъ Некрасовъ вѣрный сынъ этого періода, — не двигатель, не властитель думъ своего поколѣнія, онъ самъ его непосредственное созданіе, — не руководитель толпы или вѣщій истолкователь ея движеній — онъ всегда лишь невольный и самый искренній ея представитель. Поэтъ не первоклассный, онъ не стоитъ выше своего времени, для того, чтобы могъ онъ отнестись къ нему съ самообладаніемъ. Его лира никогда не достигаетъ той высоты строя, откуда вся происходящая передъ глазами поэта дѣйствительность — каковы бы ни были ея уклоненія въ темную сторону — для него не утрачиваетъ положительнаго значенія Божьей правды и красоты.—При высотѣ поэтическаго строя сами эти уклоненія только рѣзче оттѣняютъ для поэта и выясняютъ ему собственный его идеалъ; сталкиваясь съ ними поэтъ лишь къ нему, къ своему идеалу, и становится наиболѣе чутокъ; тѣмъ ревнивѣе охраняетъ его чистоту, тѣмъ еще неумолчнѣе его-то и вызываетъ на глаза міру. Такаго положительнаго значенія поэзія г-на Некрасова лишена вовсе.

Протестъ и протестъ... вотъ смыслъ каждаго стихотворенія г-на Некрасова порознь и всѣхъ ихъ вмѣстѣ; въ немъ — и только въ немъ — весь паѳосъ его лиры. Но разъ выговорено это слово, выговорено еще и то̀, что сарказмъ, иронія и желчная язвительность, хандра, невѣріе и отчаяніе... словомъ сказать, всѣ эпитеты, которыми передаются больше отрицательныя силы души, чѣмъ положительныя и зиждущія ея способности — будутъ и самыми характеристическими эпитетами для его музы.

Тутъ рѣчь вовсе не о томъ, конечно, на сколько могъ самъ тогдашній періодъ располагать или не располагать къ гимну, — благопріятствовалъ или нѣтъ одѣ? Поэтъ будетъ только отчасти правъ, сославшись на самый уже характеръ своего періода, который даже не давалъ ему другихъ болѣе отрадныхъ впечатлѣній,— не давалъ мѣста ни одному чувству въ его болѣвшей груди, кромѣ протеста. — Дѣло въ томъ, что протестъ, какъ всякая отрицательная сила, только тогда имѣетъ значеніе, когда является лишь какъ орудіе положительныхъ силъ. Окружавшая дѣйствительность, положимъ, и отвергнута — но гдѣ-же самый идеалъ?.. Честенъ только тотъ протестъ, который вырывается изъ груди ради ясно-сознан-

наго идеала и ради несокрушимой вѣры въ него. А наши протестующіе пѣвцы и прорицатели, эти въ своемъ родѣ vates минувшаго періода, похвалятся ли — взамѣнъ отвергаемой ими Россіи — ясносознаннымъ ея идеаломъ? Похвалятся-ли они несокрушимою вѣрой въ него? Похвалятся-ли они, наконецъ, какою-нибудь вѣрой?..

Вотъ уже въ Россіи на вѣкъ отмѣнено то скорбное рабство, котораго такъ не напрасно содрагались *всѣ* ея пѣвцы прежняго періода. Развѣ однакожъ не продолжаютъ *нѣкоторые* изъ нихъ, еще и въ наши дни, скорбныхъ сѣтованій на прежній ладъ? Больше того; давая теперь угадывать какъ бы скрытую досаду, что, сломивъ крѣпостное ярмо въ Россіи, отняли у нихъ теперь самое право на вѣчное негодованіе, лишивъ ихъ навсегда источника самыхъ яростныхъ вдохновеній — не даютъ-ли еще они угадывать и того, что самое обращеніе къ „низшей братіи", и вѣчныя взыванія къ ея бѣдствіямъ подчасъ могли исходитъ не изъ чистаго движенія любвеобильнаго сердца, а быть результатомъ нѣкоторыхъ судорожныхъ порывовъ души и плодомъ весьма больныхъ фантазій.

Впрочемъ, говоря это, мы всего менѣе имѣемъ въ виду лично г-на Некрасова; нѣтъ никакого повода выставлять именно его въ примѣръ прорицателей такого рода. Вся эпоха сороковыхъ годовъ богата ими. Но на сколько само направленіе поэта носитъ на себѣ несомнѣнный отпечатокъ своего времени и на сколько для насъ важно опредѣлить такой отпечатокъ, мы не колеблясь говоримъ: да, и у г-на Некрасова эта „великая народная скорбь" и „тяжкая доля Русскаго крестьянства" (тема почти всѣхъ его стихотвореній) сплошь подернуты лживымъ оттѣнкомъ и весь его паѳосъ, по этому поводу, зиждется на лживыхъ основаніяхъ.

Ограничимся однѣми тѣми пьесами, которыя вошли въ третій, недавно-изданный томъ его стихотвореній,—томъ, который намъ и подалъ поводъ къ настоящему разбору. Пьеса „Размышленія у параднаго подъѣзда" одно изъ извѣстнѣйшихъ стихотвореній г-на Некрасова въ этомъ родѣ; паѳосъ поэта въ немъ отъ начала и до конца бьетъ неудержимымъ ключемъ... Какое однакожъ въ результатѣ и изъ него вынесемъ впечатлѣніе, кромѣ... самаго неглубокаго протеста? Строфы въ пользу „сѣятеля и хранителя родной земли", въ которыхъ повидимому сказалась такая чудная задушевность, вдругъ разразились въ буквальное ничто при концѣ стихотворенія. Взятыя какъ бы лишь для одного ихъ сопоставленія съ предыдущимъ образомъ „параднаго подъѣзда", на которомъ

сосредоточено все чувство вражды поэта, эти строфы теперь сполна заглушены тѣмъ яростнымъ чувствомъ. Лишь на него, такимъ образомъ, сошелъ и весь паѳосъ пьесы. Самая тема стихотворенія, такъ грандіозно по видимому затронутая поэтомъ, эта тема „великой народной скорби, которая пуще переполнила Русскую землю, чѣмъ Волга многоводной весной поля ея заливаетъ", не обратилась ли тутъ въ жалкую выходку простаго мелодраматизма о бѣднякѣ, вѣчно угнетаемомъ богачемъ и знатнымъ?—Нѣтъ! наша мнимая, не народная цивилизація, которою такъ кичится, въ розни съ народомъ, Русское передовое сословіе, образуетъ тотъ иной, въ аллегорическомъ смыслѣ—также „Парадный подъѣздъ", двери котораго для бѣднаго мужика, „сѣятеля и хранителя родной земли", еще безжалостнѣе захлопнуты ливрейнымъ швейцаромъ. Одно изъ двухъ: или вовсе не существуетъ какого-то особаго горя, которымъ, изо всѣхъ народовъ въ мірѣ, страдаетъ будто бы одинъ только Русскій народъ, или въ этой-то именно розни и все наше горе. Вдумайся только поэтъ въ это немнимое горе Русской земли—и его размышленія у парадного подъѣзда никакъ не разразились бы.... чтобы не сказать школьною, скажемъ мелодраматической выходкой.

Прочтемъ тутъ же его стихотвореніе „Жница", или какъ оно озаглавлено въ III-мъ томѣ: „въ полномъ разгарѣ страда деревенская". При картинѣ, спѣлымъ колосомъ волнующагося поля,—картинѣ жатвы, такъ всегда любезной для крестьянина и которая своимъ видомъ бодрой живости и довольства ничѣмъ въ веселости не уступитъ Нѣмецкому или Французскому пейзажу сбора винограда,—зачѣмъ опять у нашего поэта все тѣ же раздирающіе вопли о „трудной Русской долюшкѣ?" И почему же это названо „Русскою" долюшкой? „Нестерпимый зной", „столбъ насѣкомыхъ", который „жалитъ, щекотитъ, жужжитъ", серпомъ своимъ „баба порѣзала ноженьку голую"—другихъ впечатлѣній не умѣла уловить фантазія поэта для своей картины. Преувеличенное изображеніе, во что бы то ни стало, скорбнаго бабьяго вида поэтъ доводитъ еще, если можно такъ выразиться, до самыхъ плотяныхъ красокъ: „слезы-ли, нѣтъ-ли у ней подъ рѣсницею, право сказать мудрено, въ жбанъ—замкнутый грязной тряпицею, канутъ они—все равно!" и все повершаетъ наконецъ это до цинизма жестокое восклицаніе: „Вкусны-ли, милая, слезы соленыя, съ кислымъ квасомъ пополамъ?" Это уже какое-то самоуслажденіе скорбью; сла-

дострастіе своею собственною болью,— а искреннее человѣческое состраданіе бываетъ ли склонно къ такимъ преувеличеніямъ?

Капитальнѣйшею пьесой разбираемаго III-го тома должно будетъ назвать недавнюю поэму г-на Некрасова: „Морозъ, Красный Носъ"—безспорно замѣчательнѣйшее произведеніе и изо всѣхъ его сочиненій. Съ обыкновенными его недостатками, тутъ проглянули еще всѣ творческіе проблески его несомнѣннаго поэтическаго таланта. Какъ въ цѣломъ сочиненіи поэмы, такъ и въ отдѣльно-исполненныхъ ея картинахъ чрезвычайно много художественной силы. Сцены сельской жизни и нашей сѣверной природы мѣстами тутъ достигаютъ полной поэтической правды. Заключительныя строфы поэмы (Дарья въ лѣсу; безутѣшныя сѣтованія вдовы незамѣтно переходятъ въ больной бредъ засыпающаго отъ мороза человѣка и мало-по-малу разрѣшаются въ полное ледяное спокойствіе...) представляли художественную задачу, не легкую для разрѣшенія — и авторъ вышелъ изъ нея побѣдителемъ.

Трудная доля Русской крестьянской семьи, особливо въ лицѣ ея матери — такая опять, повидимому, тема выбрана поэтомъ. Онъ самъ ее намѣчаетъ по пунктамъ, какъ въ чиновной бумагѣ, разъ-два-три — съ первыхъ-же строфъ:

Три тяжкія доли имѣла судьба,
И первая доля: съ рабомъ повѣнчаться,
Вторая: быть матерью сына раба,
А третья: до гроба рабу покоряться,
И всѣ эти грозныя доли легли
На женщину Русской земли.
Вѣка протекали — все къ счастью стремилось,
Все въ мірѣ по нѣскольку разъ измѣнилось,
Одну только Богъ измѣнить забывалъ —
Суровую долю крестьянки.

Но читатель однакоже съ первыхъ словъ слышитъ, что тутъ готовится что-то совсѣмъ другое, а никакъ не простое изображеніе сельскаго быта. Гробъ, покойникъ, могила, холодъ, морозъ... такими впечатлѣніями открывается поэма. Какъ будто „трудная крестьянская доля" въ дѣйствительности еще не довольно трудна, чтобы лишь цѣною такихъ скорбныхъ эффектовъ завербовывать къ ней участіе! Какъ будто эта раздирающая картина: грòба, могилы, смерти хозяина въ домѣ, безъ котораго по міру пойдутъ вдова и дѣти — для всякаго другаго общества и при всякой другой обстановкѣ можетъ быть на много смягчена въ своемъ роковомъ смыслѣ?...

Но тягостное впечатлѣніе, которое сразу обнимаетъ душу читателя въ началѣ поэмы, ничто въ сравненіи съ тѣмъ подавляющимъ ужасомъ, который авторъ ему неожиданно преподноситъ въ концѣ. Дарья, вдова схороненнаго Прокла, на тѣхъ же дровняхъ, которыя сейчасъ отвезли мужа на кладбище, поѣхала въ лѣсъ за хворостомъ: иззябли въ нетопленной избѣ, пока мать была у могилы, ея малютки-сироты! Тамъ, въ глубинѣ лѣса, вся мертвая тишь котораго такъ страшно обаятельно передана поэтомъ, бѣдная вдова рубитъ не рубитъ дрова, а заливается своимъ безутѣшнымъ горемъ... И дѣти больше теперь не дождутся матери; къ нимъ теперь, круглымъ сиротамъ — она больше не вернется домой: умерла и родимая ихъ, она замерзла въ лѣсу! Съ неимовѣрной художественной силой живописуетъ поэтъ состояніе того леденящагося спокойствія, которое тамъ закрадывалось въ грудь его безутѣшной Дарьи, ея смертную улыбку, могильный покой самаго лѣса, все холодное безучастіе глубоко-безстрастной природы! Вершинами деревъ прошла бѣлка...

Комъ снѣгу она уронила
На Дарью, прыгнувъ на соснѣ,
А Дарья стояла и стыла
Въ своемъ заколдованномъ снѣ.

Было бы ужасно, когда бы поэтъ, не найдя никакого примиренія для своей героини, на вѣки запечатлѣлъ ее въ воображеніи читателя въ образѣ вдовы осужденной по гробъ на страданіе. Но болѣе-ли усладительно впечатлѣніе этого леденящаго спокойствія, съ которымъ теперь — на глазахъ читателя — закаменѣлъ Дарьинъ образъ? Самое еще ея морозное застываніе, съ иглами на бровяхъ, съ бѣлымъ пушистымъ инеемъ въ рѣсницахъ, съ коченѣющей улыбкой на бѣлыхъ губахъ, въ поэмѣ переходитъ въ какое-то сладострастное истолкованіе смерти и ея леденящихъ объятій. И какое же надо имѣть глубоко-мрачное творчество, чтобы изъ самаго этого ужаса создать себѣ *примиреніе*, и въ немъ свести на-нѣтъ весь смыслъ человѣческихъ упованій! Самое безвыходное горе, самое отчаянное невѣріе въ возможность какого-бы ни было примиренія; всѣ невообразимѣйшія человѣческія страданія обращаются въ нуль въ сравненіи съ этимъ сарказмомъ, съ *этимъ найденнымъ* примиреніемъ. И чѣмъ больше ему такъ язвительно сочувствуетъ авторъ въ своей героинѣ, тѣмъ ужаснѣе оно для души читателя. Ужасно... не за Дарью; покойница тутъ, ей Богу, ни причемъ: даже

относительно героини все это въ поэмѣ звучитъ „искусственно" и фальшиво; а ужасно за самое вдохновеніе того поэта, въ которомъ это искренно и правдиво. Въ цѣлой нашей литературѣ нельзя бы привести образчиковъ еще болѣе безпощадной ироніи и злѣйшаго отрицанія, какъ тѣ, какими наполнены заключительныя строфы поэмы. Не слышится-ли въ нихъ уже какой-то всеподавляющій протестъ противъ самой жизни, все ея таинство и самый мигъ смерти обратившій въ ничто, въ простую игру слѣпаго случая, въ безцѣльное броженіе силъ грубой природы?... И не есть-ли же это буквальное, положительнѣйшее nihil самаго отчаяннаго скептицизма?

Нѣтъ, какъ бы г-нъ Некрасовъ ни прикидывался народнымъ поэтомъ, но свѣжей струи Русской народности, прежде всего, и не слыхать въ его поэзіи, — именно народныхъ-то струнъ и не достаетъ его лирѣ. Какъ бы сильно и художественно онъ ни затрогивалъ, въ своихъ скорбныхъ мотивахъ, вѣчно одну и ту же тему о „Русскомъ горѣ", о „трудной Русской долюшкѣ",—изъ каждой его строчки внятно слышишь, что въ дѣйствительности онъ не знакомъ, если не съ истинными размѣрами, то съ ихъ истиннымъ смысломъ. Какъ бы ни обращался онъ съ своими обѣтованіями къ низшей братіи, инстинктивное чувство за Русскій народъ невольно подсказываетъ, что толпа не приметъ его обѣтованій. Это его горе и сокрушеніе по „Русской родной землѣ" прежде всего горе и сокрушеніе по своей собственной эгоистической тоскѣ, ничего не имѣющей общаго съ тоскою народа, — тоскѣ, которая отчасти и сама является лишь какъ конечный плодъ нашего мнимаго, оторваннаго отъ народной почвы, образованія съ его вѣчно-безплоднымъ стремленіемъ къ какому-то отвлеченно-гуманитарному и космополитическому прогрессу. У такого образованія не можетъ быть ни скорбей, ни радостей, общихъ съ народомъ. Идеалы, которые преслѣдуются представителями такого образованія, не будутъ идеалами Русскаго народа и, напротивъ того, его истинные идеалы — отнюдь не ихъ. Если подчасъ они и толкуютъ народу о своихъ страданіяхъ и о своемъ плачѣ, то не про этотъ-ли именно ихъ плачь, обращенный къ „сѣятелямъ родной земли", будетъ умѣстно сказать:

Не *съ ними* плачешь, а *объ нихъ*!

Такъ сказалъ другой поэтъ, котораго можно бы во всѣхъ отношеніяхъ поставить въ противоположность теперь разбираемому нами.

Мы припоминаемъ, прекрасное по своему глубокому смыслу, стихотвореніе Константина Аксакова: *Къ гуманисту,*— къ нему и отсылаемъ для дальнѣйшаго разъясненія нашей мысли.

Лучшими мѣстами, какъ и цѣлыми стихотвореніями г-на Некрасова, мы считаемъ тѣ изъ нихъ, въ которыхъ поэтъ, какъ бы наперекоръ себѣ, высказываетъ свое непосредственное чувство къ Россіи, какъ къ своей родинѣ — и оно тогда выливается у него отъ полноты сердца, безъ всякихъ предвзятыхъ темъ. Припомнимъ его чудные стансы, сейчасъ послѣ тяжкой годины Севастополя, гдѣ онъ ободряетъ свою родину этими, такъ исполненными теплаго чувства, словами:

...Краше твой вѣнецъ терновый
Побѣдоноснаго вѣнца!

и въ которыхъ онъ обращаетъ на себя милостивыя ея благословенія, по крайней мѣрѣ за то, что

— — И подъ чужими небесами
Я пѣсни родинѣ слагалъ.

Изъ стихотвореній другихъ отдѣловъ можно сюда-же отнести тѣ, въ которыхъ обычная безутѣшная тоска поэта вдругъ, какъ бы осѣненная какимъ свѣтлымъ лучемъ, вся разрѣшается тихими слезами о собственномъ паденіи; чувство покаянія и обращенія становится ему доступно, и весь онъ — готовность на обновленіе. Вотъ эта-то никогда неугасающая въ немъ до конца „теплая искра“ дѣлаетъ его талантъ наиболѣе симпатичнымъ, и даетъ слышать что-то особенно-задушевное, что-то нестарѣющееся въ доброй отъ природы душѣ поэта. Пьесу, которая въ III-мъ томѣ озаглавлена „Рыцарь на часъ“, можно поставить въ примѣръ стихотвореній подобнаго рода. Остается только жалѣть, что г-нъ Некрасовъ какъ бы стыдится въ себѣ этихъ своихъ лучшихъ порывовъ и самъ ихъ всегда торопится заглушить безпощаднѣйшею прозой. Мы, по крайней мѣрѣ, совершенно не понимаемъ, какъ самаго этого ироническаго названія „Рыцарь на часъ“, не безъ умысла приданнаго стихотворенію, такъ еще и его конца, очевидно къ нему придѣланнаго.

Въ нашей бѣглой газетной статьѣ мы многаго не сказали, что невольно должно придти на умъ по поводу стихотвореній г-на Некрасова. Петербургъ зоветъ г-на Некрасова по преимуству своимъ поэтомъ. И это не даромъ; Москвича въ немъ конечно никто никогда и не заподозритъ... Критикъ долженъ будетъ

опредѣлить еще на сколько самое „отрицательное направленіе“ въ въ частности у г-на Некрасова окрашивается въ какой-то ничтожный, именно мѣстный характеръ,— на сколько наконецъ и самъ нашъ поэтъ представляется созданіемъ именно — Петербурга.

Но мы писали не критику и не полный разборъ всѣхъ его сочиненій, а лишь краткую библіографическую замѣтку по поводу недавно изданнаго III-го тома его стихотвореній.

Газета „День“ 1864 г.

Сочиненія С. Т. Аксакова. „Дѣтскіе годы Багрова внука“ Изданіе второе. Москва. 1874 г.

Когда лѣтъ тридцать тому назадъ вышла въ свѣтъ маленькая книжка, скромно озаглавленная Записки объ уженьѣ рыбы, всѣ ее прочитали съ восхищеніемъ и признали, въ своемъ родѣ, за художественно-литературный образецъ.

Всѣхъ поразило въ ней, со стороны внутренняго содержанія, необычайно свѣжее чувство природы, а со стороны формы—неподражаемый русскій языкъ. Слышалось притомъ что содержаніе и форма тутъ взаимно обусловлены другъ другомъ: какъ будто именно въ даръ за прямо-русскую душу художника ему дался и этотъ прямо-русскій языкъ.

Въ послѣдствіи, авторъ этой книжки занялъ первенствующее мѣсто въ ряду современныхъ писателей такими капитальными произведеніями, какъ Семейная хроника и Дѣтскіе годы Багрова внука. Многіе изъ критиковъ тогдашняго времени пытались опредѣлить его значеніе въ русской литературѣ и старались объяснить его литературный характеръ. Иное было сказано вѣрно, иное нѣтъ.

Намъ кажется, что именно уже въ первомъ своемъ сочиненіи, въ этихъ Запискахъ объ уженьѣ рыбы, будущій авторъ Семейной хроники самъ далъ ключъ къ разумѣнію всей своей послѣдующей дѣятельности. Съ удивительною ясностью и простотой, лучше всѣхъ другихъ, самъ онъ далъ возможность опредѣлить: въ чемъ его самобытность? Въ самомъ дѣлѣ, если бы кто спросилъ насъ: въ чемъ же заключается вообще духъ произведеній С. Т. Аксакова и въ чемъ состоитъ его литературный характеръ,—мы сочли бы за лучшее, въ отвѣтъ на это, привести соб-

6

ственныя слова автора Записокъ объ уженьѣ рыбы; мы, пожалуй, привели бы еще и одинъ замѣчательный эпиграфъ, не случайно приложенный къ этой книгѣ.

Вотъ эти прекрасныя слова: „Чувство природы врожденно намъ, отъ грубаго дикаря до самаго образованнаго человѣка. Противоестественное воспитаніе, насильственныя понятія, ложное направленіе, ложная жизнь — все это вмѣстѣ стремится заглушить мощный голосъ природы, и часто заглушаетъ или даетъ искаженное развитіе этому чувству. Конечно, не найдется почти ни одного человѣка, который былъ бы совершенно равнодушенъ къ такъ-называемымъ красотамъ природы, то-есть: къ прекрасному мѣстоположенію, живописному далекому виду, великолѣпному восходу или закату солнца, къ свѣтлой мѣсячной ночи; но это еще не любовь къ природѣ: это любовь къ ландшафту, декораціямъ, къ призматическимъ преломленіямъ свѣта; это могутъ любить люди самые черствые, сухіе.... Ихъ любовь въ природѣ внѣшняя, наглядная, они любятъ картинки, и то не надолго; смотря на нихъ, они уже думаютъ о своихъ пошлыхъ дѣлишкахъ и спѣшатъ домой въ свой грязный омутъ, въ пыльную, душную атмосферу города... Но Богъ съ ними. Деревня, не подмосковная, далекая деревня, въ ней только можно чувствовать полную, неоскорбленную людьми жизнь природы. Деревня, миръ, тишина, спокойствіе! Безъискусственность жизни, простота отношеній! Туда бѣжать отъ праздности, пустоты и недостатка интересовъ; туда же бѣжать отъ неугомонной, внѣшней дѣятельности, мелочныхъ, своекорыстныхъ хлопотъ, безплодныхъ, безполезныхъ, хотя и добросовѣстныхъ мыслей, заботъ и попеченій! На зеленомъ, цвѣтущемъ берегу, надъ темною глубью рѣки или озера, въ тѣни кустовъ, подъ шатромъ исполинскаго осокоря или кудрявой ольхи, тихо трепещущей своими листьями въ свѣтломъ зеркалѣ воды, на которомъ колеблются или неподвижно лежатъ наплавки ваши, улягутся мнимыя страсти, утихнутъ мнимыя бури, разсыплются самолюбивыя мечты, разлетятся несбыточныя надежды. Природа вступитъ въ вѣчныя права свои, вы услышите ея голосъ, заглушенный на время суетней, хлопотней, смѣхомъ, крикомъ и всею пошлостью человѣческой рѣчи. Вмѣстѣ съ благовоннымъ, свободнымъ, освѣжительнымъ воздухомъ, вдохнете вы въ себя безмятежность мысли, кротость чувства, снисхожденіе къ другимъ и даже къ самому себѣ. Непримѣтно, мало-по-малу разсѣется это недовольство собою, эта пре-

зрительная недовѣрчивость къ собственнымъ силамъ, твердости воли и чистотѣ помышленій—эта эпидемія нашего вѣка, эта черная немочь души, чуждая здоровой натурѣ русскаго человѣка, но заглядывающая и къ намъ за грѣхи наши."

Неправда ли, въ этихъ приведенныхъ словахъ сказалось уже цѣлое направленіе, цѣлая будущая программа, такъ блистательно оправданная потомъ послѣдующими сочиненіями автора?

Кто читалъ эти строки еще въ то время, когда онѣ были напечатаны въ первый разъ, то-есть задолго до появленія послѣдующихъ сочиненій С. Т. Аксакова, стяжавшихъ ему нынѣшнюю славу, тотъ невольно думалъ еще тогда: авторъ не даромъ такой удивительный знатокъ и русской природы и нашей родной рѣчи. Не даромъ у него проронился и этотъ намекъ о „здоровой натурѣ русскаго человѣка". И хотѣлось еще, прочитавъ эти строки, сказать ему: покажите же намъ наконецъ эту „здоровую натуру русскаго человѣка", этихъ простыхъ русскихъ людей, если вы ихъ знаете въ самомъ дѣлѣ. Пушкинъ, повидимому, сулилъ намъ это, говоря:

Я опишу простыя рѣчи
Отца иль дяди старика,
Дѣтей условленныя встрѣчи
У старыхъ липъ, у ручейка.

и умеръ рано. Гоголь, повидимому, хотѣлъ того же—и изнемогъ.

И вотъ, именно въ отвѣтъ на такіе запросы, явилась напослѣдокъ Семейная хроника, потомъ Дѣтскіе годы Багрова внука; русское чувство наконецъ утолилось этими мастерскими картинами и живыми типами русской жизни и русскаго быта— хотя правда и въ тѣсномъ уголкѣ хроники, именно семейной. Намъ припоминается удачное выраженіе изъ одной лучшей критики, по поводу Дѣтскихъ годовъ Багрова внука. Ото всей книги—сказано въ ней—вѣетъ какимъ-то особеннымъ благосостояніемъ душевнымъ, и это душевное благосостояніе, по мѣрѣ чтенія, переливается въ душу самого читателя. Совершенно вѣрно; удачнѣе нельзя бы и передать того впечатлѣнія, которое вообще производятъ на душу сочиненія нами разбираемаго писателя; но должно признаться, что это „душевное благосостояніе", о которомъ говоритъ критикъ автора, подъ конецъ всего, и есть не что другое, какъ та же „здоровая натура русскаго человѣка", о которой сказалъ авторъ.

А вотъ и тотъ эпиграфъ, о которомъ мы упомянули, что онъ былъ не случайно приложенъ къ Запискамъ объ уженьѣ. Онъ состоитъ изъ слѣдующихъ стиховъ:

Есть однако примиритель,
Вѣчно юный и живой,
Чудотворецъ и цѣлитель,—
Ухожу къ нему порой.
Ухожу я въ міръ природы,
Въ міръ спокойствія, свободы,
Въ царство рыбъ и куликовъ,
На свои родныя воды,
На просторъ степныхъ луговъ,
Въ тѣнь прохладную лѣсовъ
И—въ свои младые годы.

Не есть ли это опять въ нѣкоторомъ родѣ цѣлая программа всей литературной дѣятельности нашего автора и даже его литературная характеристика?

Въ самомъ дѣлѣ, прочитавъ его увлекательное описаніе царства рыбъ, всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали продолженія записокъ о царствѣ куликовъ,—гдѣ картины природы—этого чудотворца и цѣлителя, этого міра спокойствія и свободы—должны были выступить еще ярче и шире въ обаятельныхъ описаніяхъ. Но когда, дѣйствительно, въ отвѣтъ этимъ ожиданіямъ, появились Записки ружейнаго охотника Оренбургской губерніи, въ нихъ до такой степени живо сказалось что описанные авторомъ воды, лѣса и степи—ему родныя мѣста, что невольно просилось еще, чтобъ онъ населилъ, наконецъ, и живымъ людскимъ населеніемъ эти свои родныя воды и степи... Семейная хроника уже наговаривалась сама собою. Но, въ свою очередь, и воспоминанія объ этихъ родныхъ мѣстахъ, куда переселился „дѣдушка Степанъ Михайловичъ“, у автора сливались съ воспоминаніями собственнаго дѣтства; это всякій слышалъ въ каждой строкѣ, читая Семейную хронику — при всей, такъ-называемой, объективности возсозданныхъ въ ней лицъ. Не даромъ и приведенные стихи эпиграфа объ уходѣ въ міръ природы, на просторъ степныхъ луговъ, на свои родныя воды, въ тѣнь прохладную лѣсовъ, вѣнчались заключительнымъ стихомъ:

И—въ свои младые годы.

Дѣтскіе годы Багрова внука явились такимъ образомъ необходимымъ заключительнымъ звеномъ художественныхъ созда-

ній автора; ими достойно завершилось его творчество; ими—говоря языкомъ художественной критики—циклъ всѣхъ его сочиненій замкнулся самъ въ себѣ.

Трудно сказать: какому изъ двухъ капитальныхъ произведеній С. Т. Аксакова — Семейной хроникѣ или Дѣтскимъ годамъ Багрова внука—отдать предпочтеніе въ художественномъ совершенствѣ? Если въ Семейной хроникѣ всѣ типы представляются очерченными рѣзче и крупнѣе, если мѣстами само содержаніе представляется оживленнѣй и драматичнѣй, если затрогиваемые ею мотивы иногда глубже и, наконецъ, отъ начала до конца въ ней больше лиризма,— за то въ Дѣтскихъ годахъ Багрова внука отъ начала до конца поражаетъ удивительная ясность, такъ-сказать тонина поэзіи, которая еще постоянно скрадывается чисто эпическимъ спокойствіемъ гармонически-стройнаго разсказа. Про Дѣтскіе годы Багрова внука вообще можно сказать, что это цѣлая дѣтская эпопея.

Наконецъ этотъ неподражаемый русскій языкъ С. Т. Аксакова, въ которомъ у него рѣшительно нѣтъ соперниковъ, именно въ Дѣтскихъ годахъ достигаетъ своего высшаго предѣла. Въ связи съ какою-то цѣломудренною чистотой, которою вѣетъ отъ всѣхъ его произведеній, именно еще этотъ языкъ дѣлаетъ то, что всѣ его книги составляютъ любимѣйшую библіотеку русскихъ дѣтей и нашей школы.

Въ этихъ видахъ нельзя не поблагодарить издателя за то, что второе изданіе Дѣтскихъ годовъ, противъ перваго, удешевлено ровно вдвое; но именно въ этихъ же видахъ нельзя не пожелать еще новыхъ изданій этой книги, которыя сдѣлали бы ее по цѣнѣ еще болѣе доступною именно нашимъ школамъ.

„Московскія Вѣдомости“ 1874 г.

„Рой Θеодосій Саввичъ на спокоѣ“. Повѣсть *г-жи Кохановской.*

I.

Талантъ г-жи Кохановской слишкомъ общепризнанъ, чтобы два-три слова о новомъ ея произведеніи въ томъ самомъ изданіи, гдѣ оно появилось, могли быть сочтены за рекламу. Мы

думаемъ напротивъ, что — какъ сама повѣсть „Рой“ наиболѣе подходитъ по своему содержанію къ газетѣ *День*, — также точно и критика этой серьезно-замѣчательной повѣсти тутъ на своемъ мѣстѣ.

Новое произведеніе г-жи Кохановской безспорно характернѣйшее изо всѣхъ ея произведеній: именно на „Роѣ“ остановится будущій критикъ для оцѣнки какъ достоинствъ такъ и недостатковъ этой писательницы. Если живопись образа — всегда съ яркостью масляной картины Тиціана, а не блѣднымъ очеркомъ карандаша — составляетъ неподражаемое достоинство г-жи Кохановской, — въ „Роѣ“ эта живопись выступаетъ до-нѐльзя. Если въ каждой повѣсти г-жи Кохановской поражаетъ пристальное знакомство съ стариннымъ бытомъ — не урывками вычитанное изъ книгъ знаніе о немъ, а какое-то непосредственное къ нему отношеніе автора, цѣльное и живое — всё это васъ ослѣпитъ въ „Роѣ“. Если наконецъ чудные вымыслы поэта, творческіе сны и грёзы художника доведены всегда у г-жи Кохановской до формъ столь опредѣлительныхъ и достигаютъ такой реальности, что всякій образъ кажется только сейчасъ списаннымъ съ натуры, вся же повѣсть случившимся анекдотомъ, — то и это отличіе г-жи Кохановской особенно бросится на глаза въ „Роѣ“. Точно также и всѣ своеобразныя недостатки этого таланта, всѣ рѣзкости его склада — проглянули именно въ „Роѣ“ съ особенной силой. О томъ рѣчь въ концѣ.

Но кромѣ того, что нельзя умолчать о новой повѣсти г-жи Кохановской, какъ о наиболѣе характеризующей талантъ автора; — нельзя еще обойти молчаніемъ эту повѣсть именно въ настоящую минуту при современномъ состояніи нашего... сказать бы: журнально-литературнаго рынка.

Художественныхъ повѣстей, вообще говоря, нѣтъ. Наша такъ называемая изящная словесность сошла на романъ-фельетонъ, или даже просто на фельетонъ. На мѣсто художественнаго языка тутъ вылощенная фраза и коротенькая строка; на мѣсто мысли и содержанія (другая стихія художественнаго произведенія), здѣсь такъ называемый, „интересъ современности“.

Но пикантный скандалъ, разсказанный во второй книжкѣ журнала, хотя бы онъ и точно случился въ первомъ мѣсяцѣ года, развѣ еще это современность? Но требованіе, чтобъ литературное произведеніе читалось легко, тò-ли это значитъ, чтобы авторъ не-

премѣнно коротко срывалъ свою фразу и скакалъ воробьемъ у полей печатнаго листа то и дѣло съ новой строки?

Легко читается повѣсть г-жи Кохановской отъ доски до доски въ одинъ присѣстъ, и оттого это: чтò строка, тò образъ! Одинъ развиваясь въ другомъ, возсоздаютъ они выводимый міръ съ такою гармонической полнотою, что само впечатлѣніе складываясь все стройнѣе и цѣльнѣе въ душѣ читателя съ ходомъ повѣсти, только уже на послѣднихъ ея строкахъ чувствуетъ себя вполнѣ оправданнымъ и вполнѣ удовлетвореннымъ. Повѣсть г-жи Кохановской представляетъ дѣйствительный интересъ современности и это оттого, что Русской литературѣ, Русскому искусству, Русскому таланту было и есть всегда современно одно: стремиться понять Русскую жизнь, Русскій міръ и бытъ, выразить нашъ идеалъ, который за насъ никакъ не возьмутся разгадывать ни Нѣмецъ, ни Французъ, ни Англичанинъ.

Тому десять лѣтъ назадъ, обо всемъ этомъ не избѣжать бы долгихъ объясненій... Теперь довольно коротко сказать. Поэзія — ничто иное, какъ одна изъ формъ сознанія: чѣмъ же еще инымъ и можетъ она быть, у того или другаго народа въ частности, какъ не прежде всего—*само*сознаніемъ его?—За тѣмъ, нѣтъ надобности задаваться и вопросомъ: отчего наша полуторастолѣтняя литература не произвела ни одного положительнаго типа, не создала ни одного прямо-Русскаго идеала? Отчего вся она „отрицательная"? отрицательная тогда, когда самъ художникъ къ міру, имъ выводимому, стоялъ отрицательно, — отрицательная и тогда, когда очевидно художникъ къ своему содержанію относится положительно, но ужъ самъ, имъ обрѣтенный, идеалъ выходитъ отрицаніемъ идеала Русскаго.

Отчего бы это впрочемъ не происходило, важно тò, что такого рода „отрицательное направленіе" дошло наконецъ до своего рубежа... Тотъ нашъ Сіонъ, по которому мы такъ неустанно сокрушались и котораго такъ тщетно искали въ нашихъ долголѣтнихъ странствованіяхъ—Русскій міръ и бытъ, какъ положительное въ Божьемъ мірѣ явленіе; словомъ сказать, этотъ идеалъ, въ тщетныхъ поискахъ за которымъ изнемогъ даже столь великій художникъ какъ Гоголь, дано было наконецъ намъ почувствовать въ наши дни. Мы разумѣемъ появленіе въ свѣтъ такого капитальнаго литературнаго произведенія, какъ „Семейная хроника" С. Т Аксакова.

Критика привѣтствовала въ созданіяхъ автора „Семейной хронники“ именно зорю совершающагося періода нашей литературы, по преимуществу періода народнаго самосознанія. Всѣ ждутъ этого періода, когда свѣются наконецъ съ жизни и съ „изящной словесности“ намъ чужіе, полусочувственные идеалы, наносные, а потому мнимые типы (еслижъ дѣйствительно Русскіе, то лишь отрицательные типы), — а вживѣ и во-очію послышимъ мы въ родномъ искусствѣ: Русскій міръ, Русскій духъ, — и раскроется наконецъ міру до сихъ поръ загадка міру — сама Русская народность.

Критика, повторяемъ, привѣтствовала въ созданіяхъ автора „Семейной хроники“ ничто другое, какъ именно такое „на рубежѣ“ нашего сознанія, нашей литературы — и критика была права. Разъ наша литература, послѣ „отрицательнаго“ направленія по отношенію къ идеаламъ русской жизни, явила примѣры положительнаго отношенія къ нимъ; разъ, говоримъ, та задача, подъ которою изнемогъ Гоголь, была съ удивительною простотой разрѣшена, — то ужъ для русской современной мысли (разумѣемъ нашихъ корифеевъ художниковъ) двигаться впередъ — значитъ двигаться въ данномъ направленіи. Напротивъ того, снова выводить „лишнихъ людей“ на сцену, значило-бы ужь идти назадъ. Нигилизмъ, — единственно имъ оказывается въ концѣ концовъ процвѣли всѣ наши мнимые, полусочувственные идеалы! Нигилизмъ — вотъ послѣдній образъ, которымъ старо-отрицательное направленіе литературы довершило свои послѣдніе шаги впередъ... вотъ крайняя ступень развитія всѣхъ нашихъ до-Онѣгинскихъ и по-Онѣгинскихъ „лишнихъ людей“: отсюда путь ихъ пройденъ и циклъ ихъ философіи замкнутъ. Затѣмъ.... но затѣмъ или наши старые таланты разбудятъ въ себѣ новыя струны, нѣмѣвшія долго въ тайникахъ ихъ души безъ отзыва, или явятся таланты новые... Или неизбѣжно литература получаетъ тотъ видъ беллетристики, ничѣмъ не связанной ни съ недавнимъ прошлымъ ни съ близкимъ будущимъ, тотъ ничтожно-фельетонный и какой-то казуистическій характеръ, въ которомъ видимъ ее нынче.

Ничего не имѣя общаго съ такого рода беллетристикой, — появясь если не во вслѣдъ „Семейной хроникѣ“, то одновременно съ нею на горизонтѣ нашей литературы, и г-жа Кохановская также стоитъ въ ней именно *на рубежѣ*, о которомъ мы сейчасъ упоминали. Въ томъ ея сила, въ томъ ея значеніе, въ этомъ ея

безспорно первенствующее мѣсто. Можно этому таланту желать коренныхъ исправленій; пожалуй можно чему-то (мало впрочемъ и умѣя опредѣлить — чему именно) не сочувствовать въ его направленіи; однакожъ должно сказать, что это сильный, могучій талантъ. Яркій и самобытный, взялся онъ за тему нашихъ художниковъ не по старому; съ нимъ наше русское искусство сдѣлало дѣйствительный шагъ впередъ... Потому что всякій образъ, тотъ или другой поэтическій типъ изъ нашего роднаго быта или русской старины (былъ бы онъ лишь вѣрно угаданъ, да не звучалъ той фальшью, при которой крестьянинъ неминуемо переходилъ въ пейзана, а бояринъ въ Кукольниковскаго героя) составитъ истинное пріобрѣтеніе нашего едва зарождающагося искусства и долженъ праздноваться какъ истинная побѣда въ области едва зачинающагося народнаго самосознанія.

Въ этомъ смыслѣ (недостатки, повторяемъ, опять вопросъ особый и мы ихъ подробно разсмотримъ въ концѣ) новое поэтическое произведеніе г-жи Кохановской „Рой-Ѳеодосій Саввичъ на спокоѣ" нельзя не привѣтствовать, какъ современность — самую свѣжую и самую животрепещущую.

II.

Безрубежная ширь и пустошь дикопорожнихъ земель, вся ихъ непочатая мощь въ пустынности и суровой безслѣдности человѣческаго труда, природа чуть не первобытная и красота сильная, могучая, но лицомъ къ лицу съ которой жутко человѣку подъ иной часъ, — такою картиной открывается повѣсть г-жи Кохановской и лучше бы нельзя начать „Роя". Хоромы боярыни Пущиной, которые поставлены на двѣнадцати сырыхъ дубахъ (но надо въ подлинникѣ видѣть ихъ описаніе!); сама боярыня, которая свѣту своему милому Саввѣ Григорьевичу „сына на пасѣкѣ подъ дубомъ родила и тутъ-же рой огребла", — служанка ея Лободенка „что родилась она въ такой годъ, когда неурожай на рожь былъ и люди кормились лободою", которая разсказываетъ *о райскомъ вравіи* боярынѣ; и вступившій въ опочивальню (такъ что дверь подалась тяжелымъ, столѣтнимъ рыпомъ) староста статный мужикъ... нѣтъ баба! староста-дѣвка Марина Калинична, — всѣ эти образы, одинъ во слѣдъ другому вызванные какъ живые на глаза читателю, сразу переносятъ въ тотъ бытъ и міръ, который и могъ взяться только въ томъ „любо Русскомъ раздольи". Онъ состоитъ въ кровномъ

родствѣ съ тою нетронутой, сообщившей ему свое здоровье, суровою природой, которую авторъ такъ глубоко почувствовалъ и такъ восхитительно нарисовалъ въ началѣ.

„Рой“, чуть не отрокомъ взятый изъ роднаго дому царскою службой и на ней оставившій пол-жизни, возвращается наконецъ домой. Послѣ того, какъ уже не одинъ разъ онъ матери снился пчелинымъ роемъ, который кругомъ летаетъ и кануну по своей душѣ проситъ — въ ту самую минуту, когда „Богу вдова и на людяхъ сирота“ мать его боярыня Пелагея Поликарповна затосковала по немъ даже до смертной тоски — пріѣзжаетъ онъ въ свой родительскій домъ, хочетъ осѣсть на своемъ корени, Бѣломъ-Колодцѣ, и пожить другую оставшуюся половину жизни „на спокоѣ“. Читатель слышитъ однакоже, что это „на спокоѣ“ боярина Пущина будетъ таково, что другому оно было бы подъ силу развѣ-развѣ, какъ цѣлый подвигъ жизни. По особенному пріему автора, который вслѣдъ за описаніемъ той шири и пустоши, не показавъ еще „Роя“ на глаза читателю, даетъ ему его угадывать какъ бы въ предчувствіи, читатель уже предрасположенъ въ его пользу. По тому *диву*, что всѣ мѣты-примѣты Бѣло-Колодезной Роевой земли, хоть никѣмъ не хранимы стоятъ, а еще самъ за ними всякій хоронится; по тому диву, что даже охотнички-разбойнички не пытаютъ лиха на Роевой землѣ, а еще сами съ молодцоватымъ почтеніемъ всегда „здравствуютъ невидимому Рою на пасѣкѣ и шапки ломаютъ, сами того не зная: сидитъ-ли онъ тамъ или стоитъ одинъ дубъ-верховѣтъ?“ — читатель уже невольно слышитъ, что не только силой своего Бѣлоколодезнаго крестьянства да премьеръ-майорскаго званія великъ и силенъ этотъ *бояринъ на спокоѣ*, а еще великъ онъ и силенъ иною силой, нравственной и высокой.

На раскрытіи этой-то именно великой и сильной силы все того-же Русскаго міра и быта, (которыхъ онъ, этотъ Рой, „материнскою силой подъ дубомъ на пасѣкѣ рожденный“, является какъ бы съ ногъ до головы непосредственнымъ самородкомъ,) и сосредоточена *идея* произведенія. Эта идея обусловливаетъ отношеніе частей къ цѣлому, руководитъ автора въ размѣщеніи мельчайшихъ подробностей, заставляя иное выдвинуть на первый планъ и залить свѣтомъ, другое оставить на заднемъ планѣ, какъ бы въ полутѣни. Давъ заслышать себя съ первыхъ же строкъ художественному сознанію читателя, эта идея на разстояніи цѣлой повѣсти являетъ свое органически-стройное развитіе даже до по-

слѣдней строки... И хотѣлъ-ли, не хотѣлъ-ли того авторъ, во всякомъ случаѣ таково именно сочиненіе повѣсти.

Истинно изумительно, какъ удалось г-жѣ Кохановской въ ея сжатомъ и больше чѣмъ необъемистомъ разсказѣ совмѣстить такое множество прямо Русскихъ мотивовъ, прямо народныхъ типовъ и характеровъ! Все, чему мало находя оправданія въ нашей полуиностранной дѣйствительности, мы болѣе угадывали какимъ-то внутреннимъ глохшимъ безъ развитія чутьемъ, или припоминали себѣ еще изъ-поры дѣтства по разсказамъ няни; все, что даже у болѣе народныхъ изъ нашихъ художниковъ прослышивалось только мелькомъ и являлось лишь смутнымъ отрывочнымъ сномъ,— все это находитъ себѣ у г-жи Кохановской самое яркое и полное выраженіе.

Наше Русское крестьянство и этотъ диковинный сельскій *міръ* разгаданы авторомъ въ Роѣ, какъ никогда еще въ литературѣ. Читая этотъ высоко-художественный разсказъ про Знаменскихъ крестьянъ, Ртищевскаго корени, какъ ясно сознаешь всю лживость „пейзановъ" нашихъ идилликовъ и всю безконечную разницу между тѣми пейзанами и этими истыми мірянами-крестьянами автора „Роя". Невольно слышишь и всю одностороннюю фальшь тѣхъ нашихъ художниковъ, которые правда выводятъ крестьянъ болѣе или менѣе живыми людьми, однакожъ непремѣнно у нихъ вся идея созерцаемой жизни сводится лишь къ плачу навзрыдъ да къ страданію. Собственное ихъ лазаретное чувство ничего не умѣло угадать въ крестьянской долѣ, кромѣ доли незавидной, — никакого свѣжаго здоровья, никакой своей радости, никакой отъ Бога благодати. Крестьянство у г-жи Кохановской является, чѣмъ оно должно быть, чѣмъ оно есть. Трудно предпочесть тотъ или другой отдѣльный штрихъ, которымъ авторъ обрисовываетъ крестьянскій бытъ. Надо будетъ выписывать цѣликомъ Дёминъ разсказъ — и послѣ каждаго его слова критику ничего не останется договаривать: всякій образъ тутъ самъ выговариваетъ свой смыслъ до конца, все тутъ поразительно-вѣрно, все сама живая правда. Сцены крестьянъ, навѣщающихъ свою боярышню въ плѣну у Гама, отческіе совѣты ей старика-старосты и его прощанье съ сиротой, когда себѣ на смѣну онъ привелъ Дёму; всѣ вообще эти крестьянскія сцены отъ самаго начала, гдѣ міръ приходитъ прощаться съ умирающей боярыней — лучшія сцены въ цѣломъ „Роѣ". Онѣ выше всякихъ похвалъ; за ними во всякой бы

литературѣ было признано достоинство первоклассныхъ красотъ; у насъ такое за ними достоинство должно признать вдвойнѣ. Физіологъ Русскихъ общественныхъ нравовъ можетъ наконецъ остановиться на крестьянахъ автора Роя, не страшась болѣе за погрѣшность въ ихъ выставленіи. По нимъ онъ совершенно разгадаетъ тайну той устойчивости и прочности, той цѣльности нашего крестьянскаго быта, при которыхъ эта наша Русская демократія является демократіей самою аристократической въ мірѣ: инстинктамъ демоса или плебса тутъ и мѣста нѣтъ.

Боярыня Пущина, въ важную ли минуту жизни, въ простомъ ли дѣйствіи повязыванія платка на свое державное чело, всегда является „истинно-великою боярыней". Она не упуститъ случая упомянуть, что „молъ, Пущины или Ртищевы не обсѣвками въ полѣ слыли"; она не попуститъ, чтобъ служанка ея Лободенка коснулась кровнаго ея внука „своей холопьей продерзкой рукой". Самъ Рой-Пущинъ, всегда „тихій и важный бояринъ" и всѣ вообще лица, являющіяся у г-жи Кохановской выразителями класса дворянскаго, одинаково вѣрны своей бытовой правдѣ. Ни одна черта не пропущена, та или другая рѣзкость ничѣмъ не подглажена; даже сама маленькая спѣсь бояръ выставлена на показъ безъ утайки. Но такъ своеобразенъ Русскій міръ, что сама эта спѣсь достойна удивленія. Съ нею уживается рядомъ (правильнѣе даже сказать: одно изъ другаго вытекаетъ) другое явленіе: это — при всемъ уваженіи ко всякой традиціи и до мелочей сознанномъ отличіи собственно такъ называемаго ранга, ради условнаго свѣтскаго этикета — полное-же чувство братства и равенства ко всѣмъ и со всѣми ради живѣйшаго сознанія единой всѣхъ человѣчности. Въ повѣсти г-жи Кохановской дано наглядно понять, какимъ образомъ Русскій человѣкъ, столь разборчивый въ своемъ этикетѣ, совершенно чуждъ въ тоже время того „лжаго духа," который напр. характеризуетъ отношеніе Польскаго пана-родака къ хлопу, или вообще бѣлой кости къ *вилену*, созданное западнымъ феодализмомъ.

III.

Разбойнички-охотнички, которыхъ такъ хорошо знаетъ наша народная пѣсня и которые, дѣйствительно, составляютъ цѣлый отдѣльный бытовой типъ въ Русской жизни, также нашли въ г-жѣ Кохановской достойнаго разгадчика. Этотъ бытовой типъ взялся у насъ не даромъ: по безрубежной шири Русскаго царства, по кру-

тоярамъ Волжскаго побережья и по всѣмъ незаселеннымъ украйнамъ, искони вѣковъ у насъ было привольно гнѣздиться такому люду. Разбой составлялъ ихъ ремесло; собственно это и были разбойники; однакожъ многія историческія условія подчасъ придавали ихъ промыслу и имъ самимъ особенный оттѣнокъ. Народъ часто въ нихъ видѣлъ только „гулящихъ людей", удалыхъ молодцевъ, предпочитавшихъ лѣсныя трущобы да рѣчные крутояры государственной неволѣ, иногда даже какъ бы защитниковъ своихъ... Особливо въ XVIII вѣкѣ, послѣ всѣхъ насильственныхъ новизнъ Петра, Бироновщины и тому подобныхъ явленій, разбой прикрылся такою свѣтлотѣнью. Представители его весьма часто были ни что другое, какъ тѣ же „широкія, талантливыя натуры", которыми богата Русская жизнь и на всѣхъ поприщахъ. Преступникъ притомъ всегда по нашему народному воззрѣнію: несчастный; отвращеніе ко злу за нимъ, какъ за человѣкомъ, всегда предполагается въ равной долѣ со всѣми „крестьянами",—совѣсть его рано-ли, поздно-ли проснется: и онъ такой же, какъ и всѣ, „хрестьянинъ". Даже чѣмъ сильнѣе преступная натура, тѣмъ энергичнѣй предполагается ей очнуться,—чѣмъ ниже человѣкъ упалъ—тѣмъ ему скорѣе содрогнуться и тѣмъ выше встать... Такъ или иначе, но мотивъ кающагося разбойника, этотъ евангельскій а потому всемірный образъ разбойника благоразумнаго едва-ли въ литературѣ какого другаго народа почувствованъ такъ глубоко, какъ въ нашей. Имъ звучатъ наши лучшія народныя пѣсни; не только въ пѣснѣ,—поминутно въ жизни сказываются эти мотивы. Бѣжавшій отъ рекрутства Родимка,—который на пасѣкѣ у Роя не преминулъ укорить Нѣмцевъ да Компанейцевъ, табачное зеліе и проч., а въ отвѣтъ объ своей кручинѣ заливщійся пѣснью, сказавшей его тайну,— какъ нельзя болѣе вѣренъ типу разбойничка-охотничка такого рода: типъ, повторяемъ, народный!

Проѣзжій купецъ, который подъ Бѣлградомъ изъясняетъ Рою, что̀ значутъ воровскія примѣты: сѣть разостланная на сухомъ пескѣ и торчащіе вѣники; попъ съ попадьей, которыхъ Рой изъ Бѣлгорода повезъ въ деревню; умѣлая сваха Мышаткина Авдѣевна, которая словомъ, какъ макомъ сѣетъ; косая Шутиха Дуровна,—всѣ лица, наконецъ, которыя хотя бы мелькомъ проглянули въ „Роѣ", всѣ безъ исключенія, съ той или съ другой стороны, договариваютъ русскую жизнь, являются типическими обращиками его быта. Но и кромѣ лицъ, вся обстановка, всѣ такъ-называемыя *положенія*— чисто-русскія, чисто-народныя. Невѣста, вышедшая погулять въ

садъ, въ нашъ Русскій, яблонный „зеленый“ садъ, который „тихо шумитъ и подъ бѣлымъ цвѣтомъ вѣтви раскидистыя до земли клонитъ“, такъ что и невѣсту, заслушивающуюся соловья, кудрявая съ ногъ до головы осыпала бѣлымъ цвѣтомъ; чудное сказаніе о родовой иконѣ, по которой и источнику дано названіе Купина, куда сходился народъ для молебновъ о дождѣ и тогда народъ „какъ жемчугъ обнизывалъ звонкую, текучую струю“; безродная сирота у злой родни въ плѣну, „заброшенная въ своемъ сиротливомъ загонѣ и въ чужой немилой семьѣ затаенная ото всѣхъ людей, и, между тѣмъ, какъ бѣльмо на глазу у всѣхъ въ домѣ“,— какія это народныя картины! „Забереженыя крохи“, т. е. отъ молодости оставшіяся въ сундукахъ собольи шубки и юбки, дѣвичьи повязки и къ нимъ глазетовыя тѣлогреички насыпнаго серебра съ золотымъ кружевомъ: „что все это приноситъ недовелося, а теперь для своей невѣсты пригожается“ — совѣты, которые боярыня Пущина даетъ молодой отъ стараго ума-разума: „есть, молъ у тебя совѣтная ночь. Ты, радость, мужу тихо да совѣтно скажи. Не внялъ онъ, и въ другой скажи“ и пр. пр.—какія это вѣрныя черты русскаго быта. Когда мы читали все это въ „Роѣ“, намъ казалось, что вся наша родная старина проносится передъ нами, что гдѣ-то и когда-то мы читали, мы слыхали обо всемъ этомъ... Но напрасно стали бы доискиваться того беллетриста, у кого-бы можно было вычитать это. Знакомо это лишь потому, что уже съ дѣтства, по инстинкту, бываетъ знакомо все, что родное, все что свое. Нѣтъ никакой возможности даже кратко перечислить всѣхъ прямо-русскихъ картинъ и мотивовъ, которые въ „Роѣ“ какъ низанный жемчугъ, одинъ къ другому, подобраны авторомъ. Отъ картины, основной въ повѣсти, построенія храма во славу Троицы, — работа, при которой сама боярыня Пущина подвозила песокъ въ телѣжечкѣ и въ которой вся округа принимала участіе *), до картины мелькомъ-мелькнувшей на глазахъ читателя: чѣмъ, напр. былъ набитъ Демьяновъ сундукъ **), ничто не пропущено г-жею Кохановской. Отъ цар-

*) „Отъ старца столѣтне-стараго до дитя младенчески-малаго, что мать при себѣ за ручку вела и оно въ горсточкѣ землицу несло и песочкомъ играло у новой церкви“.

**) Рывшись въ которомъ, Гамъ отыскалъ между прочимъ „упокойника батюшки еще дѣдовъ рубль не такой, какъ нынѣ рубли, а настоящій, *рубленный*, серебряный рубль“ (тотъ же гаманъ съ полсотней червонцевъ да тремя дорогими каменьями, что Роевъ отецъ далъ сыну, отпуская на службу, беречь про черный день).

ской грамоты, бережно зарытой въ скрынькѣ въ сырой дубъ отъ недобрыхъ людей (и эту грамоту больше чѣмъ черезъ полтораста лѣтъ, какъ того царя и въ живыхъ не было, прочитывали и прослушивали всѣ стоя, вставъ съ своихъ мѣстъ,) до этого замѣчанья Дёмы, что къ счастью же на томъ дубѣ орелъ гнѣздо свилъ, потому что „того дуба ни молнія не разитъ, ни человѣкъ къ нему не подступаетъ, а орелъ, коли выбралъ дубъ, на немъ и 20 лѣтъ живетъ не смѣняя“ и даже до этого новаго, вслѣдъ за симъ упоминанія, что все это ему еще самъ родитель „*хоть не на смертной постели*“ открылъ—ничего же не пропуститъ мимо и самъ читатель, безъ ущерба цѣлому.

Не можемъ однако не остановиться еще на одномъ поэтическомъ образѣ. Только на второмъ, или даже на третьемъ планѣ является онъ въ повѣсти, но удивительная его законченность невольно бросается въ глаза: говоримъ о Маринѣ-Калиничнѣ, объ этой „царь-дѣвицѣ“, какъ ее недаромъ зоветъ Рой. Эта дѣвка прежде старостила за своего больнаго отца, потомъ—какъ въ народной пѣснѣ Василиса Микулична подбирала волосы по мужичьему, надѣвала платье мужское, садилась на добра коня—такъ и она, чтобъ сподручнѣе мужицкое дѣло вести, мало по малу отцовъ нарядъ приняла, на коня сѣла, подрѣзала косу, шапку вздѣла и (тоже и про Микуличну говоритъ пѣсня) совсѣмъ бы молодецъ, да по примѣтамъ дѣвку знать. Первая поразившая всѣхъ примѣта въ Василисѣ Микуличнѣ была ея рѣчь съ про́визгомъ: „сказала такъ звонко, какъ на гусляхъ проиграла“; „сказала тѣмъ голосомъ, что первымъ на хороводѣ слылъ“, первая-же примѣта, которою обозначаетъ и авторъ свою Марину Калиничну. Рой, осматриваясь по пріѣздѣ, задумалъ изъ первыхъ дѣлъ смѣнить старосту; „сколь долго коню оглобли ни бить, думалъ онъ, а въ запряжкѣ ему да быть; на томъ свѣтѣ стоитъ, чтобъ дѣвкѣ бабой быть и квашню бабью мѣсить“. Староста-дѣвка, румянѣя дѣвичьимъ лицомъ и свѣтя темносѣрыми глазами, отвѣчала звонко и голосисто:—„коли я почну тѣ бабьи повадки являть,—скидай дѣвку со старовства, сажай къ квашнѣ!“ Что же? осмотрѣвшись на своемъ хозяйствѣ, „золото-дѣвка!“ Рой сказалъ: лучше не найти-бы старосты! она однимъ глазомъ спитъ, другимъ видитъ, востро за мужиками глядитъ. Года̀ прошли, Рой не сыскалъ старосты лучше; онъ хотѣлъ ее старостой назначить и въ ту деревню, куда она замужъ пошла; онъ весь свой вѣкъ тужилъ по такомъ старостѣ. Но, вопреки боярскому хо-

тѣнію и разумѣнію, сама Марина Калинична старостить въ ту деревню не пошла... почему? потому что слово ея исполнилось: пришло и ей до квашни! слово, на которое, какъ оказывается, Рой не обратилъ достойнаго вниманія. Она полюбила того самаго „умника-разумника“ Дёму, за него замужъ пошла; она, выражаясь собственнымъ ея языкомъ, явила тѣ бабьи повадки! А какъ Русская дѣвица, выходя замужъ, прощается съ своей косой, со всей дѣвичьей красотой и тогда (говоря словами извѣстной русской пѣсни) на вѣкъ игры ея доиграны, допѣты ея пѣсеньки, и басеньки ея добаяны, — также точно и сама Русская царь-дѣвица, разъ завела домъ-семью, перестаетъ быть царь-дѣвицей и тамъ ужъ она вся — только мать, только жена. Черта въ авторѣ глубокаго пониманья народной жизни,—критикъ долженъ отмѣтить ее.

Выраженіе *Русскій міръ и бытъ*, которое мы такъ часто приводимъ и котораго, говоря о повѣстяхъ г-жи Кохановской, дѣйствительно нельзя избѣжать, ничуть однакожъ не значитъ: все, что только есть въ мірѣ наилучшаго, все лишь самое возвышенное. Кто былъ-бы склоненъ заподозрить г-жу Кохановскую въ желаніи возвеличить Русскій міръ и бытъ до фанатической апоѳеозы,— тотъ, прочтя уже одинъ эпизодъ о Гамѣ, конечно разувѣрится вполнѣ. Дѣло въ томъ, что наша псевдонародная литература ни въ какомъ случаѣ не умѣла вывести на сцену тотъ или другой прямо-русскій типъ,—не умѣла тогда, какъ желала выводить героевъ, не умѣла и тогда, какъ рисовала злодѣевъ. Этотъ Гамъ, который „всякаго мертваго далеко слышитъ“ и пр. и пр., потомъ всѣ его шесть дочерей, Гамовки, съ седьмою падчерицей („зависть, взаимная ненависть, женская ревность и злоба старѣющихъ дѣвокъ, ищущихъ жениховъ и гуляющихъ подъ рукою, все это вмѣстѣ, какъ клубокъ змѣй, свилось въ сводной семьѣ Гама...“) — можно смѣло сказать, что во всей нашей литературѣ нѣтъ еще другихъ типовъ, которые-бы также рельефно изображали всю темную темь человѣческой природы, и въ тоже время были-бы до такой степени русскими! это истинно темь нашего русскаго темнаго царства.

Гамъ, который „днемъ упыремъ человѣчью кровь пьетъ, а ночью Богу молитву чтетъ да поклоны бьетъ, а самъ, чорта боясь озирается: тутъ-ли позади Шутиха-Дуровна на подстилкѣ лежитъ;“ который образною свѣчей палитъ бороду старостѣ Демьяну, и, задумавъ похитить чужое, ставитъ похищенному чудотворному образу „золоченую свѣчу въ руку толщины, нарочно за ней въ Бѣл-

городъ ѣздилъ"... кто въ немъ не угадаетъ по однимъ этимъ чертамъ именно русской природы и типа взятаго живьемъ изъ нашей дѣйствительности? Его дочери (которыя, пока отецъ, отходя ко сну благословляетъ вмѣсто нихъ, на ихъ кроватяхъ пучки соломы укутанные въ одѣяла, проводятъ время въ гульбищахъ, въ мыльной банѣ за оврагомъ, гдѣ дымъ коромысломъ и ночи напролётъ) эти Гамовки, которыя жили на колдовствѣ и ворожбѣ, такъ что „подсыпать", „подлить", „вынуть слѣдъ"—ужъ это ихъ дѣло..... кто опять въ нихъ не угадаетъ истинныхъ продуктовъ русскаго темнаго царства?

Въ высокой степени художественenъ вышелъ у автора образъ Шутихи-Дуровны. Такія черты, какъ „поглядѣть на нее—дура; а послушать, какъ она сдуру да умныя рѣчи говоритъ, такъ и не разберешь, кто дуракъ-то выходитъ? Ты-ли, что за умника слывешь или она, дура, изъ твоего ума взяла да жгутъ свила и честитъ тебя черезъ лобъ" — черты общія всѣхъ прикидывающихся дурачковъ: этотъ типъ распространенъ въ нашей народной литературѣ. Но вотъ черта уже конкретнѣй: „просто сказать: за тѣмъ она и въ дурахъ слыла, что умнѣе всѣхъ за десятеро была и отъ своего дѣвка большаго разума поняла: что дураку-то вольнѣй на свѣтѣ живется, чѣмъ умному, и стриженой дѣвкѣ *у Гама* быть въ чести хоть собачьей—и она дурость свою, какъ вольную нищету, съ горя-ума приняла". Въ иной средѣ, чѣмъ у Гама, то̀-ли бы она отъ своего большаго ума поняла? Эту *стриженую* дѣвку уже разъ мы видѣли въ „Роѣ", именно въ Маринѣ Калиничнѣ. (Не то ли же, въ самомъ дѣлѣ, это явленіе, лишь въ отрицательномъ своемъ полюсѣ!) Обязанность Шутихи (сзади Гама въ молельнѣ на рогожкѣ на порожкѣ лежать, чтобъ ему не страшно было одному по долгимъ зимнимъ ночамъ) даетъ этой Шутихѣ окончательный складъ. „Кабы не рукъ поганить, задушила-бы чорта въ молельнѣ!" говоритъ она,—и тутъ вылилась вся ея индивидуальность. Сказала—и въ роковую для Гама ночь сдержала слово... безъ ея участія, во всякомъ случаѣ тутъ не обошлось. Авторъ прямо утверждаетъ, что Гамъ повѣсился въ ту ночь; художественный тактъ понятенъ; но проговорился-же авторъ: на поясѣ Шутихи-Дуровны повѣсился Гамъ. Что касается до нея самой, то пусть, когда она идетъ безпоясна на освященье храма Троицы, и не говорила бы она (на вопросъ: куда дѣвался ея поясъ?) своихъ знаменательныхъ словъ: „посгодился чорту, а дура въ займы да-

ла“,— развѣ, и безъ ея словъ, уже не догадывается читатель, куда направится *талант этой стриженой дѣвки* среди Гама и Гамовокъ? По всей ея дикой силѣ, этой ея дрожи и хохоту, по заволакиванью косящихся глазъ, по ея уму-горю — читатель угадываетъ что въ ту роковую ночь, именно женская женственность этой шутихи будетъ въ состояніи вынести тò, чему содрогнулись бы (о чемъ даже и говорятъ-то шопотомъ) и мужественный Дёма, и самъ Рой. Мы не говоримъ, что она убила Гама; она не остановила самоубійцу: еще свой поясъ взаймы дала.

Но если бояринъ Өеодосій Саввичъ Пущинъ-Рой (въ которомъ центръ — и движенія всей повѣсти и выговариваемаго ею смысла), если онъ затѣмъ только слушалъ Дёминъ разсказъ объ изувѣрствѣ и ханжествѣ Гама, чтобъ изречь ему проклятіе; если онъ затѣмъ только и столкнулся съ Гамомъ, чтобъ исхитить изъ его плѣна сироту-боярышню и чтобы вынесть оттуда краденую святыню, которой по своему моляся Гамъ только ругался святынѣ,— то съ кѣмъ будетъ Рой душа въ душу? Кому отъ него хвала и честь? Какая-жъ у негò святыня и òнъ какъ молится?...

IV.

Весь образъ Роя будто высѣченъ изъ цѣльнаго гранита.

Если безхарактерность, шаткость отъ постоянныхъ компромиссовъ во всѣхъ сферахъ жизни; при чемъ вся она, безъ всякаго ужъ спроса объ идеалѣ, стремится лишь постоянно изъ двухъ золъ выбирать только меньшее — являются чертами измельченныхъ нравовъ и извращенья быта,— то найдите имъ черты противоположныя — и вами будетъ найдена лучшая характеристика Роя. Онъ производитъ постоянное впечатлѣніе могучей силы и за нимъ остается всегда крупнота нрава. Какъ тотъ бытъ и міръ, которые его породили, поражаютъ именно цѣльностью своей, этой нерушимой силою устоя,— такъ печать именно такой-же цѣльности бросается глазамъ и въ Роѣ. Вотъ человѣкъ, о которомъ можно прямо сказать, что онъ всю жизнь шелъ столбовой дорогой, не потерпѣлъ ни одной сдѣлки съ совѣстью, ни въ какомъ случаѣ не двоилась его воля, не дробилось его сознаніе. Въ топорныхъ, разъ навсегда прочно утвержденныхъ межахъ, признавалъ онъ хорошее и дурное, доброе и недоброе, согласное съ чувствомъ долга и беззаконное — и не было середины для симпатіи или антипатіи этой цѣльной

натуры. Всѣ сочетанія людской правды или неправды, столь хитросплетенныя для колеблящагося сознанія, столь мудреныя для анализа и рефлексіи, — просты и несложны являлись онѣ для его чуткаго, нетронутаго чувства; не было же у него разладу между словомъ и дѣломъ. Эта-то цѣльность, повторяемъ, всего дороже намъ въ героѣ новой повѣсти г-жи Кохановской: сама по себѣ она ужъ предполагаетъ много добротности и силъ въ душѣ человѣка. Вся правдивость и прямота Роя, бодрость его и привѣтливость, его спѣхъ на добро, самая эта мѣрность и сановитость не оставляющія его даже и тогда, когда онъ въ попыхахъ; эта его всегдашняя тихая ровность самому себѣ, отчасти придающая ему видъ какъ бы человѣка тяжеловатаго на подъемъ, — всѣ эти его типическія черты больше или меньше составляютъ принадлежность и всякой подобной натуры: цѣльной и нравственно-здоровой, дородной что называлось встарь.

„Гдѣ же Рою и осѣсть-то было — (выписываемъ это обращеніе автора, заранѣе огаваривая трудность чтенія отъ нашей общей привычки больше къ французскому, чѣмъ къ русскому языку) — какъ не на пасѣкѣ — не подъ дубомъ-верховѣтомъ, гдѣ и на свѣтъ-то Божій явился сударь Пущинской Рой?... И это свое мѣсто родимое, куда какъ его сударь Рой чтилъ и любилъ! Словно ему дубъ верховѣтъ скиніею свидѣнія былъ. И заглянуть подъ его вѣтви высокія, тамъ и святыню въ сѣни повидать можно было. На великой той радости рожденія сына, покойный Савва Григорьевичъ, Бога благодаря и творя память на всю жизнь, повелѣлъ написать икону св. Троицы подъ дубомъ у Авраама — икону *родимую* или *мѣрную*, въ мѣру роста рожденнаго младенца, и поставилъ ту икону, чтобъ быть ей мѣстною: на самомъ томъ мѣстѣ! Зарубилъ ее высоко, подъ вѣтвями, въ самый тотъ дубъ верховѣтъ. И потерявши сына, когда его царская служба взяла... Савва Григорьевичъ, чая смерти въ болѣзной тоскѣ своей, — здѣсь, на этомъ мѣстѣ, подъ верховѣтъ-дубомъ и дубъ себѣ великій въ гробъ долбилъ... и когда уже въ постели почувствовалъ, что его конечный часъ пришелъ: „Несите меня (повелѣлъ), положите. Пусть я тамъ умру, гдѣ Ѳедосеюшка родился“ — и всѣмъ тѣмъ: иконой святою, рожденьемъ своимъ и смертью отца, то мѣсто почтённо и велико Ѳеодосію Саввичу подъ верховѣтомъ было“. — Тàкъ ознаменовывала и закрѣпляла благочестивая наша старина всякую малѣйшую подробность своего обыденнаго быта, осмысливая и

освящая каждое его дѣйствіе, каждому мѣсту пріурочивая свое благочестивое воспоминаніе. Въ патріархальной поэмѣ Гомера, Одиссеева мѣта-примѣта — дубовый корень, на которомъ утвердилъ онъ брачное Пенелопино ложе — съ необычайною силой знаменуетъ всю нерушимую крѣпость первобытной семьи; изслѣдователь Русскаго семейнаго быта будетъ то и дѣло находить въ немъ такіе-жъ вѣковѣчные символы!

„Мамврійскій дубъ!“ даетъ названіе прозорливый отецъ Іоасафъ любимому мѣстопребыванію Роя и эта новая черта для насъ въ такомъ художникѣ, какъ г-жа Кохановская, не должна пропасть даромъ. Истинно-библейскимъ духомъ проникнуто все это благочестивое житьё-бытьё Роя на пасѣкѣ. Онъ проводитъ дни въ полномъ самоудовлетвореніи человѣка, который въ здравости духа и отъ полноты сердца благодаритъ Творца за жизнь, — съ полнымъ сознаніемъ правости и чистоты первой ея прожитой половины и въ увѣренности, что имѣетъ надежныя основы для послѣдующей. Какъ онъ нашелъ послѣ отца, такъ и его дѣти послѣ него найдутъ свой корень хорошо повитымъ всѣми дорогими залогами, всѣми крѣпкими завѣтами, напутствующими ихъ для доброй въ мірѣ жизни.

Рой, по возвращеніи на родное пепелище, создаетъ храмъ святой Троицѣ. Рой не пропускаетъ ни одной обѣдни. Рой знаетъ весь кругъ церковный, Рой за Четьи-Минеями... Какія, повидимому, рутинныя черты благочестія, въ сотый и тысячный разъ повторяемыя на всѣ лады, чуть заходитъ рѣчь о „живомъ чувствѣ вѣры въ простомъ, Русскомъ человѣкѣ“. Но надо опять видѣть, какъ онѣ затронуты авторомъ „Роя“, чтобы сразу понять и всю ложь прежняго ихъ выставленія въ нашей литературѣ, и весь ихъ дѣйствительный смыслъ въ дѣйствительной русской жизни. Живое чувство вѣры и набожность — какъ проявленіе этого чувства — нѣтъ спору, весьма существенны въ натурѣ Русскаго человѣка. Чѣмъ однакожъ тѣ или другія черты существеннѣе въ бытѣ народа, тѣмъ меньше онѣ могутъ быть оцѣнены и разгаданы въ тотъ періодъ литературы, когда общество, еще не высвободясь изъ-подъ подчиненія чуждой (если не высшей такъ болѣе развитой цивилизаціи) волнуется ея мнимыми и полусочувственными идеалами. Строки Евгенія Онѣгина въ описаніи „простой, Русской семьи“ Лариныхъ, строки, означенныя при прежней цензурѣ точками и отвѣчающія стиху: „имъ квасъ, какъ воздухъ, былъ потре-

бенъ“ (*) — вотъ, безъ преувеличенія, обращикъ того отрицательнаго отношенія, въ которомъ вся наша прошлая литература состояла къ этому „живому чувству“ Русскаго люда. А „святая Русь“, „православный народъ“ — эти истинно-народные символы Русскаго духа; эти вѣщіе лозунги, которые изъ конца въ конецъ по всѣмъ вѣкамъ непрерывно звучатъ въ нашей исторіи — если они и появлялись въ патріотическихъ драмахъ или поэмахъ нашихъ псевдо-классиковъ, то непремѣнно звучали невыносимою фальшью или оставались мертвою буквой. Художникамъ еще и нашихъ дней особенно несчастливится — именно чуть коснется у нихъ этого „живаго чувства простаго Русскаго человѣка“. Припомнимъ всю фальшивость и мертвенность такого показнаго чувства хоть-бы въ героинѣ романа Дворянское Гнѣздо... Беллетристъ сейчасъ же становится смѣшонъ и жалокъ, и онъ невольно обличаетъ всю унизительную пустоту и ничтожество своего крайняго разумѣнія, едва захочетъ нарисовать, напр., образъ простой Русской дѣвушки, кающейся передъ строгимъ духовникомъ и разсказывающей потомъ съ увлеченіемъ объ испытанныхъ ею впечатлѣніяхъ, или даже сдѣлаетъ и болѣе смѣлую попытку нарисовать женщину, которая бы, по его понятіямъ, „вся ушла въ церковь“. (Эту попытку сдѣлалъ г. Писемскій въ героинѣ Евпраксіи).

Великимъ знатокомъ Русскаго народнаго быта въ самой святынѣ его вѣрованій является авторъ „Роя“. Во всѣхъ этихъ сценахъ, одушевленныхъ высоко-религіознымъ интересомъ — и построенія храма и его освященія, „когда новый престолъ благодати объявляется на святой Руси у Пущина сударя на Бѣлыхъ ключахъ“, и хотя бы чтенія самыхъ этихъ Чети-Миней въ горенкѣ на пасѣкѣ, — авторъ видимо выбираетъ себѣ задачу по силамъ и понимаетъ о чемъ онъ говоритъ.

Таково это „живое чувство“ въ его Ѳеодосіи Саввичѣ, что самъ читатель на разстояніи всей повѣсти, кажется не менѣе Роя заинтересованъ тѣмъ, чтобы храмъ его — былъ и благополучно оконченъ и въ пору освященъ, дня за два до Троицы, чтобы совсѣмъ былъ готовъ къ своему храмовому празднику. Не замѣшалось въ этомъ „живомъ чувствѣ“ ни единой черты какого-нибудь

*) Вотъ они: „Два раза въ годъ они говѣли, любили сельскія качели; въ день Троицынъ, когда народъ, зѣвая, слушаетъ молебенъ, они роняли слезки три на утренній пучокъ зари...“

темнаго, извращенно-религіознаго инстинкта, ни въ чемъ не проглянула мертвящая буквальность... вездѣ духъ, иже животворитъ. Потому прежде всего сочувствуешь Роеву храмозданію и его молитвословію въ этомъ самомъ храмѣ и на этомъ именно мѣстѣ „у дуба, на пасѣкѣ“, что въ нихъ прежде всего слышишь сознанье о томъ, что „Бога нигдѣ не возьмешь руками,— а въ душу примешь его покаяніемъ на всякомъ мѣстѣ“, что именно при взглядѣ на его храмъ и при его-то освященіи такъ невольно изъ души вырвется восклицаніе, по такой художественной необходимости вложенное авторомъ въ уста Преосвященному: „сердце наше велелѣпный храмъ Ему, дѣти!“.

Что́ особенно высоко мы цѣнимъ въ изображеніи духовности Роя, это — если позволено такъ выразиться — именно эманципацію религіознаго чувства: освобожденіе вѣрующаго духа отъ оковъ всякой условности, совершенное обращеніе во внутрь себя, перенесеніе святыни храма — въ святыню чувства, Бога — въ душу, неба — въ свой нравственный міръ. Это такое обращеніе вѣры въ самую жизнь, введеніе ея во весь свой бытъ и въ свой каждый поступокъ, что для человѣка рушится рознь неба и земли и онъ доходитъ почти до явнаго чувства Бога. „Словно съ того родительскаго слова: глядя на Бога — разсказываетъ о себѣ Рой — самъ Господь Богъ поглядѣлъ на меня. Сталъ я опасно подъ Богомъ ходить. Куда я нийду — на муштрѣ солдатской стою, а Божьи великія очи словно они глядятъ на меня. Подъ призоромъ Божьихъ очей, юность-то моя неразумная Христовъ свѣтъ разума приняла“.— И вдовѣетъ-ли Пелагея Поликарповна — это „Богу вдовѣетъ“ она; любятъ-ли другъ друга женихъ и невѣста: „гори наша любовь свѣчей передъ Господомъ“ говоритъ Рой. Онъ не ее одну беретъ дѣвой, а и самъ дѣвственикъ: „чистъ Богу и тебѣ стою — говоритъ онъ невѣстѣ,— и въ сердце тебѣ мою Божью тайну даю“.

Въ Роѣ мы конечно не найдемъ всей полноты Русскаго духа и его всестороннихъ богатствъ; конечно и самъ авторъ не задавался задачей представить въ своемъ героѣ воплощенную національность. Довольно того, что это живой Русскій человѣкъ, въ прямо-русскомъ значеніи котораго никто не усумнится. Это притомъ и всего менѣе въ собственномъ смыслѣ герой; это зауряд русскій человѣкъ, взятый во всѣхъ типическихъ моментахъ его жизни: родился, взятъ на службу, вернулся домой, женится, живетъ на

спокоѣ. И авторъ, можетъ быть, за тѣмъ только своего героя-зарядъ русскаго человѣка стереотипируетъ въ этомъ послѣднемъ состояніи, что оно куплено цѣною всей прошлой жизни его, и вся она, ясная, какъ въ зеркалѣ глядится въ ясности такого... „На-Спокоѣ".

Что однако въ Роѣ дѣйствительно народно и что истинно въ немъ составляетъ воплощенную національность — это именно та его религіозность и духовность, о которыхъ мы сейчасъ говорили. И потому это, что въ немъ „сынѣ крѣпкаго мороза, на Руси, питавшемъ себя жаркимъ глубокомысліемъ обоихъ Сирійцевъ, украшенномъ всѣмъ богомудріемъ св. отецъ, изучавшемъ такихъ учителей, какъ Богословъ и Златоустъ и Василій Великій", то живое чувство вѣры выступаетъ еще какъ чувство, по преимуществу, нашего Русскаго православія. „Здравствовать міру на его мірскомъ житьѣ-бытьѣ и Христовомъ спа́сеньи" привѣтствуетъ Рой православное крестьянство села Знаменскаго. И такое почти отождествленіе всего житья-бытья, всего подвига жизни, со Христовымъ спа́сеньемъ въ народномъ привѣтѣ — знаменательно въ высшей степени. Русскій людъ (и это хорошо даетъ чувствовать повѣсть г-жи Кохановской) во всей полнотѣ быта, въ цѣломъ строѣ своихъ отношеній другъ къ другу, какъ бы ищетъ только повторить тотъ чаемый идеалъ, который по его понятіямъ, „у Бога въ небѣ" — и вся наконецъ земная жизнь на столько его веселитъ и радуетъ, на столько для него получаетъ великую цѣну, на сколько лишь она отражаетъ тотъ идеалъ, на сколько именно его онъ въ ней угадываетъ и предвкушаетъ. Міряне и всѣ эти „поменьшіе міры", сливающіеся въ одинъ великій „Божій міръ" — какъ на иконѣ тьмочисленный народъ царей и іерарховъ сливается въ одну церковь у Божьяго престола, — міряне ищутъ повторить этотъ идеалъ, осмысливая и слагая все свое существованіе какъ бы въ одно непрестанное хваленіе Богу. Таковъ на своей пасѣкѣ и самъ сударь Рой, этотъ вѣрный сынъ народа.

Здравостью духа назвали мы въ другомъ мѣстѣ то благочестіе, съ которымъ онъ, по слову апостола, „непрестанно радуется, всегда молится" у своего, какъ сказалъ Іоасафъ, Мамврійскаго дуба. Но вотъ эта-та здравость духа нетронутаго, цѣльнаго и почти первобытнаго человѣка и такое-жъ чувство вѣры — не составляютъ ли и не выражаютъ ли они еще главнѣйшей силы и полнѣйшей мощи здоровой же натуры Русскаго человѣка, — сына той

безрубежной шири, той чуть не первобытной природы, которой всю непочатую мощь въ началѣ повѣсти такъ глубоко почувствовалъ и такъ восхитительно нарисовалъ авторъ!

Таково однакожъ въ Русскомъ человѣкѣ это неутолимое чувство приближенія къ своему идеалу и полнѣйшаго соединенія съ нимъ, что какъ бы Рой ни жилъ благочестиво на своей пасѣкѣ, а по собственному-же сознанію „праведность его едва права". Есть иной міръ жизни: высшей; это ужъ святость. Съ Роевымъ міромъ „едва правой праведности" тотъ міръ граничитъ какъ соприкасающійся эпизодъ... И тѣмъ сильнѣй по производимому впечатлѣнію на читателя, тѣмъ художественнѣй та эпизодичность, съ которой появляется въ разсказѣ и оставляетъ его (какъ бы незамѣтно, что оставилъ) величавый обликъ Іоасафа,—старца, котораго чудная природная нѣжность поравняется развѣ его же видимой суровости, этой второй природѣ его, то-есть привычкѣ, оставаясь постоянно одинъ на одинъ съ собою, къ себѣ-то самому и быть прежде всѣхъ суровымъ и строгимъ.

Тѣмъ сильнѣй производитъ впечатлѣніе еще сама недосказанность и другой сцены: выхода изъ церкви.—„Всѣ" спросилъ онъ приблизившагося келейника.—Всѣ, владыко... Но на церковномъ порогѣ подступилъ человѣкъ несмѣлымъ порывомъ и принялъ благословеніе—и руки преосвященнаго Іоасафа... опустились на эту послѣднюю голову, свалявшуюся чернымъ руномъ волосъ.— *И будутъ послѣдніи первіи*, глаголетъ Господь", давая минуту отдыха себѣ и своимъ утружденнымъ рукамъ, тихо молвилъ владыко Іоасафъ". И ни слова больше,—а читатель узналъ эту „руномъ свалявшуюся голову" разбойника Родимки, которую ужъ видѣлъ одинъ разъ ночной порой на пасѣкѣ у Роя и тогда же слышалъ по его душѣ, что рано ли, поздно ли, явится онъ сюда и при дневномъ свѣтѣ.

Сейчасъ написанныя строки сложились у насъ въ головѣ тотчасъ же, едва мы дочитали повѣсть до заключительныхъ словъ ея, въ № 13 *Дня:* „И вотъ въ послѣдній день этихъ шести недѣль давши славу Богу и уже отпировавши пиръ на всякую большую и малую душу, осѣлъ нашъ сударь Рой золотой и началъ жить себѣ и поживать въ домашнемъ своемъ На Спокоѣ".

Признаёмся мы и не ждали никакого другаго окончанія; слѣдующіе нумера газеты продолжались уже безъ повѣсти—мы и не ожидали опять встрѣтить ея заглавія. Такъ, на сколько мы

понимаемъ идею автора, повѣсть казалась намъ оконченною до послѣдней возможности художественнаго; и когда, послѣ пробѣла, мы прочитали новую главу, окончаніе,—мы не измѣнили своего мнѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, за исключеніемъ двухъ-трехъ добавочныхъ чертъ, которыми мы воспользовались при изложеніи повѣсти и которыя легко бы было самому автору перенести въ главы предшествовавшія, — что̀ новаго сказала эта послѣдняя глава? Для насъ, по крайней мѣрѣ, она только разрушила стройность впечатлѣнія. Все, что въ ней мы нашли сверхъ „праведности едва правой" Роя, мы уже имѣли въ предчувствіи — именно въ выставленіи Іоасафа, наконецъ въ его пророческомъ намёкѣ о возможности „послѣднему быть первымъ",—на этомъ-бы и остановится. Оно, какъ мы сказали, только усиливалось именно своимъ характеромъ соприкасающагося эпизода, и должно бы сюда войти не болѣе какъ въ такомъ видѣ. Говоря о недостаткахъ повѣсти, мы еще возвратимся къ этой главѣ.

V.

Въ золотой порѣ середины человѣческой жизни, когда цвѣтъ и сила ея застаиваются на долгій промежутокъ какъ бы въ спокойномъ равновѣсіи; въ той сказочной порѣ, когда обыкновенно Иванъ Царевичъ достигаетъ берега своихъ желаній и женится на прекрасной царевнѣ, — стереотипируетъ авторъ своего героя. Длительность этой золотой поры на глазахъ читателя, ея продолжающееся дѣйствіе на разстояніи всей повѣсти производятъ впечатлѣніе какого-то особеннаго спокойствія, совершенно эпическаго. Сама картина построенія храма, этого непрерывнаго, въ каждой главѣ совершающагося обѣта всей жизни Роя, способствуетъ такому впечатлѣнію. Больше всего однакожъ ему способствуетъ весь эпическій складъ и пріемъ повѣсти; эпическое же отношеніе (на сколько оно возможно) и самого автора къ выводимой жизни, къ народному быту.

Народный бытъ и народная жизнь взяты въ „Роѣ" съ ихъ эпической стороны. Непорушенная въ своей цѣльности, еще безъ всякихъ задатковъ какого бы ни было раздвоенія, къ тому же еще и не осложненная сильнѣйшимъ развитіемъ индивидуализма, вся эта жизнь проносится въ повѣсти такимъ яснымъ потокомъ, какъ бы одно свѣтлое и ничѣмъ не возмущенное празднество. Все тутъ

правда и все тутъ добро; — если зло и явилось, какъ ихъ отрицаніе, то затѣмъ только, чтобы потерпѣть себѣ пораженіе. Весь крестьянскій міръ, прежде всего, выступаетъ такъ безлично и такъ эпически... міръ сѣющій, пашущій, въ старикахъ своихъ собирающійся на сходку, отдыхающій на заваленкѣ и пр. и пр. Но также безлично и столь же эпически выступаютъ въ повѣсти и всѣ остальные: и Дёма и Калинична, и сирота Ртищева, и боярыня Пущина и самъ Рой. „Умный разумникъ" по отношенію къ первому; „дѣвка староста" ко второй; „величава" къ боярынѣ Пущиной; „тихъ и важенъ" къ Рою—таковы разъ навсегда за ними удержанныя, стереотипныя ихъ черты, по которымъ отличаешь ихъ силуэты. Все остальное, главнымъ образомъ, поглощено въ нихъ бытомъ одной жизни, движущейся на глазахъ читателя, и опредѣляется лишь частнымъ положеніемъ, которое каждый изъ нихъ въ ней занимаетъ. Личнаго въ нихъ лишь на столько, на сколько всякой отдѣльной живой единицѣ предоставлено выражать себя въ хорѣ или въ хороводѣ... Дёма напримѣръ староста, и это опредѣляетъ въ его образѣ все — даже до походки; боярыня Пущина вдова—и этимъ ея вдовьимъ значеніемъ поглощена въ ней вся личность, вся она какъ бы лишь выраженіе такого „о Богѣ вдовства" боярыни. Самъ Рой, главное дѣйствующее лицо повѣсти, постоянно же исчезаетъ и теряется за своимъ бытовымъ типомъ, тихимъ и важнымъ — „боярина на спокоѣ".

Особливо боярышня Ртищева, Анастасья Никаноровна, выступаетъ на сцену въ такомъ эпическомъ ореолѣ. Именно ея положеніе, прежде *сироты*, потомъ *невѣсты*, по складу нашего Русскаго эпическаго созерцанія, возлагаетъ на ея долю такого рода безличность. Оба эти состоянія: сирота-невѣста, по преимуществу предполагаютъ въ лицѣ совершенное его сокрытіе за своимъ бытовымъ значеніемъ. И у автора, та особенность эпическаго пріема съ которымъ онъ ставитъ всѣ свои лица передъ читателемъ, именно въ сиротѣ и невѣстѣ Настасьѣ Никаноровнѣ достигаетъ своего крайняго предѣла и получаетъ свой наибольшій смыслъ. Только съ этой лишь точки зрѣнія и можно любоваться, напр., прелестною сценой сироты-невѣсты у ручья купины, или напр. понимать всю эпическую дѣйствительность, всю поэтическую возможность этого ея обращенія, „здравствуй міръ Божій на всѣ четыре стороны!" или: „словно я пташка залетная на чужой сторонѣ, словно, я утка заплывшая на морской волнѣ"—обращенія и невозможныя и недопустимыя ни

при какомъ другомъ строѣ жизни, ни при какомъ иномъ созерцаніи.—Но вотъ вопросъ: самое такое созерцаніе возможно-ли въ наше время? будетъ-ли оно вполнѣ естественно въ современномъ поэтѣ? Эпическая форма теперь будетъ-ли вполнѣ искренна?....

Наша „изящная словесность" не только по своему содержанію, но еще и по формѣ своей никогда не была народной. Достояніе лишь ограниченнаго цивилизованнаго меньшинства, она только его и выражаетъ; она говоритъ на его полуиностранномъ языкѣ и рядится въ любимую имъ форму Французскаго романа. Но художникъ (положеніе возможное именно лишь при такомъ состояніи литературы), который задался бы у насъ задачей найти для воплощенія своихъ думъ и идеаловъ форму вполнѣ народную, очутился бы въ трудной дилеммѣ. Былевая пѣсня, Сказаніе, Житіе—вотъ почти все, къ чему сводится несомнѣнно народное творчество нашей литературы—и вотъ тотъ неизбѣжный прототипъ, который невольно соблазнитъ художника. Но не надо забывать, что всѣ эти образцы нашего народнаго творчества въ то-же время еще и образцы той простой, безъискусственной и самородной поэзіи, которые едва-ли возможны въ нашъ вѣкъ,—то-есть въ періодъ творчества личнаго и сознательнаго; въ періодъ поэзіи искусственной, грамотной и образованной. Спросимъ теперь: если-бы тотъ или другой художникъ призналъ, подъ страхомъ отступничества, ту безлично-эпическую форму Былины или Житія единой истинно-народной, а потому и обязательной для себя формой, въ какое бы положеніе онъ себя поставилъ?

Подчинивъ возсоздаваемую имъ жизнь умышленно эпическому созерцанью, художникъ однакожъ не одинъ разъ возмутитъ его невольнымъ потокомъ лиризма. Постоянный цензоръ собственнаго творчества, онъ будетъ только прикидываться „не мудрствующимъ лукаво", лишь подлаживаясь и лишь поддѣлываясь подъ безъискусственные пріемы простой, самородной поэзіи. Стоя по своему развитію подчасъ выше, подчасъ ниже выводимаго быта, онъ не одинъ разъ то приклонится и присядетъ, лишь бы приравнять себя подъ его уровень, то явится самымъ запальчивымъ и заинтересованнымъ его адвокатомъ. Тогда какъ эпическій пѣвецъ (для котораго патріархальный и весь цѣльный міръ его былины есть бытіе же и его собственнаго сердца; и вѣра и языкъ его героевъ по необходимости его-жъ языкъ и вѣра) постоянно сокрытъ и исчезаетъ въ своемъ твореніи,—нашъ художникъ, напротивъ того, обличая на каждомъ

шагу невозможность отнестись къ выводимому міру эпически и только маскируя такую невозможность этимъ какъ бы полнѣйшимъ слитіемъ своихъ чувствованій съ чувствованіями героевъ, этимъ вящимъ отождествленіемъ своего взгляда на вещи и своего языка съ ихъ языкомъ и взглядомъ,—на каждомъ же шагу будетъ проглядывать и высовываться въ своемъ произведеніи. Какъ первый тѣмъ глубже переноситъ слушателя въ строй первобытныхъ вѣрованій и во всю простоту патріархальнаго быта, чѣмъ вольнѣе отдается собственному творчеству и глубже уходитъ въ самого себя; такъ второй, чѣмъ глубже заходитъ въ патріархальный бытъ выводимаго міра, тѣмъ постоянно сдержаннѣе долженъ быть въ собственномъ чувствѣ, тѣмъ пуще долженъ свое личное творчество, свое личное созерцаніе держать насторожѣ. Личина безъискусственнаго пѣвца тамъ и здѣсь однакожъ спадетъ съ современнаго художника: то пробьется она его живымъ лирическимъ порывомъ, то скажется его натуральной современной фразой; авторъ въ своемъ произведеніи выглянетъ весь безъ личины—и покосятся тогда всѣ контуры его повѣсти, замѣшаются его герои, вся та манерная безъискусственность и простота прозвучитъ диссонансомъ,—и все произведеніе представится какою-то задачей внѣ возможности рѣшить ее, какою-то неестественной попыткой, слишкомъ форсированной натяжкой.

Намъ кажется, что повѣсть г-жи Кохановской представляетъ несомнѣнную попытку въ этомъ родѣ,—и вотъ откуда объясняются, какъ всѣ ея положительныя достоинства такъ и недостатки, вся ея—съ одной стороны—невыразимая прелесть, съ другой же, вся ея, чтобы не сказать фальшь, вычурность. Съ одной стороны восхищаешься этимъ живымъ, въ высшей степени пластическимъ и такъ сказать народнымъ языкомъ автора; съ другой: въ немъ самомъ слышишь какую-то натянутость, постоянно угадываешь какую-то неискренность, такъ сказать *сдѣланность* его. Дивишься таланту автора, такъ мощно и такъ цѣльно переносящему въ патріархальный, чуть не первобытный міръ; такъ дышешь вольно въ его сочувственной средѣ и такъ охотно бы хотѣлъ отдаться созерцанью автора; съ другой стороны: свою собственную точку зрѣнія видишь въ постоянномъ разладѣ съ авторскою, или правильнѣе съ тою, которую онъ насильственно принимаетъ,—слышишь въ немъ не вольнаго разсказщика, а именно человѣка въ маскѣ, котораго эта маска давитъ и тяготитъ. Какъ всякая намѣренность въ

низведеніи себя до низшей простоты производитъ уже впечатлѣніе юродства, — такъ съ одной стороны и повѣсть г-жи Кохановской всею особенностью своего пріема, всею своею формой озадачиваетъ читателя и бременитъ его; съ другой же: повѣсть эту, какъ по ея содержанію, такъ именно еще и за эту самую форму, хотѣлось бы назвать по преимуществу Русской, по преимуществу народной. Возвращая насъ къ безличному эпическому творчеству нашей былины или сказанія, она какъ бы намекаетъ и даетъ угадывать въ предчувствіи тотъ новый искомый видъ повѣсти, ту ея возможную новую еще не найденую форму, въ которыхъ должна воплотиться наша Русская, народная повѣсть. Малѣйшая попытка въ этомъ родѣ въ рукахъ менѣе искуснаго художника, вышла бы только жалкою и смѣшною; какую же мощь таланта, въ самомъ нашемъ осужденіи, признаёмъ мы за авторомъ Роя, когда говоримъ: трудъ г-жи Кохановской не удался ей лишь въ той степени, въ которой достигнуть этого не было уже и во власти современнаго художника.

Въ самомъ дѣлѣ, если вообще невозможно грамотному, образованному искусству и личному сознательному творчеству подражать самородной, безъискусственной поэзіи, то-есть: современному художнику стать Гомеромъ своего народа, или, по крайней мѣрѣ, безыменнымъ слагателемъ Житія, то не вдвойнѣ-ли еще это не возможно именно Русскому художнику по отношенію именно къ нашему народному быту? Нѣтъ сомнѣнія, что самъ авторъ Роя призналъ такую невозможность, когда о крестьянинѣ, боязливомъ путникѣ, подъѣзжавшемъ къ Роевымъ владѣніямъ, говорилъ, что „не лѣшаго побаивался онъ, зная *въ непорушенной силѣ своихъ преданій*“ и пр. И такъ, „непорушенная сила преданья“, вотъ главное въ цѣльномъ созерцаніи того крестьянина! — Если же нашъ народный бытъ не только не непорушенъ въ своей цѣльности, а еще и прямо отвергнутъ цѣлымъ новымъ бытомъ; если со всей страстностью безконечной полемики цѣлая доктрина поднялась на его отрицаніе, а другая на его защищеніе,—то возможно-ли эпическое къ нему отношеніе, даже и такого таланта какимъ безспорно надѣленъ авторъ Роя, человѣкъ однакожъ настоящаго времени, стоящій въ самомъ жару той самой полемики?

Что это невозможно, оно сказалось въ его произведеніи; оно, то тамъ, то здѣсь проронилось въ самомъ содержаніи и отразилось въ его языкѣ. Авторъ выступаетъ то и дѣло заинтересованнымъ

адвокатомъ того самаго міра, котораго хочетъ быть лишь безстрастнымъ эпикомъ; мѣстами онъ вноситъ въ свое произведеніе сентенцію, доктрину; мѣстами слышно раздвоеніе между художественнымъ образомъ, явно употребленнымъ въ томъ а не другомъ смыслѣ, и тѣмъ смысломъ, который однакожъ невольно съ нимъ долженъ соединять авторъ, какъ человѣкъ новаго времени, и т. д.

Роевъ обозъ потянулся черными лѣсами, страшными въ ту пору разбоемъ: „попутчики голосъ по голосу и духовное пѣніе завели. Идутъ и поютъ—поютъ себѣ и шагъ за шагомъ идутъ... и что-то лѣса тѣ другимъ хоромъ стали! Божье пѣтое слово проняло ихъ насквозь. Густые да сплошные, они словно Давидовскими гуслями стали и Господня слава гремѣла по нимъ“. Невѣста молится на зарѣ: „напротивъ солнца пошла и на восходъ его подъ лучами стала. И сама какъ лучъ тонка и высока, молитвою Богу горитъ“, она здравствуетъ Божьему міру и слегка ему на стороны поклонилась. И Ѳеодосію Саввичу, лежа вь кустѣ, на землѣ, будто ему изъ куста показался, что на то ея здравствованіе всему Божьему міру по Удолью деревья всѣ и окружные лѣса вершинами на малъ часъ принаклонилися и поклонилась ей вся небесная красота“. Разбойникъ кается въ лѣсу: „простирались вверхъ руки въ мольбѣ и человѣкъ босыми ногами въ землю ушолъ, и у стопъ его ногъ земля процвѣла мхами и изъ подъ снѣгу встала лазоревыми цвѣтами—оттого-ли, что онъ подъ солнцемъ молитвой стоялъ—словно на лицѣ его свѣтъ тотъ солнца сіялъ“. Рой на утренней молитвѣ и духовность его велика: „и словно по тому великому человѣка слову, концы небесъ просвѣщались зарею—насупротивъ лица, устно исповѣдающагося Богу, всходило солнце“.

Конечно, всѣ эти наклоны лѣсовъ, лазоревые цвѣты, ореолъ лица молящихся и пр. только передача впечатлѣнія, живопись поэзіи и ничего больше: никакъ не буквально понятыя чудеса. Но вся эта живопись только и имѣетъ смыслъ въ той безъискусственной поэзіи, которая еще вѣрила бы во всѣхъ же этихъ образахъ дѣйствительному чуду,—которая бы искренно желала подобнаго чуда. Для современнаго человѣка (для котораго отсутствіе тутъ лазоревыхъ цвѣтковъ и поклоновъ со стороны лѣса ничуть бы не умалило достоинства молитвы) именно и была бы дорога и такъ близка его сердцу та наивность, та неподражаемая простота, что желала-бы такого прямаго чуда. Но этого неестественно ожидать отъ

современнаго автора: надо ему избѣгать и подобной живописи; въ разсказахъ современнаго писателя и живопись такаго рода совсѣмъ не у мѣста. Сентенція звучитъ у автора больше всего въ послѣдней главѣ; разсужденія Роя съ іереемъ по преимуществу изобличаютъ такого рода недостатокъ. Вся же эта глава страдаетъ и выставленьемъ на показъ доблести русскаго быта и міра. Мы не хотимъ сказать, что сама эта доблесть преувеличена: русскій міръ — мы искренно въ томъ убѣждены — могъ бы выказать образцы ея еще высшіе. Но та страстность, та заинтересованность автора, которыя прежде всего мѣшаютъ ему быть спокойнымъ эпикомъ выводимаго міра, онѣ-то и обнаруживаются въ томъ впечатлѣніи выставки, того „на показъ" доблестей Русскаго человѣка. Это же особенно слышится напр. въ Соломоновомъ судѣ Роя. — Въ одномъ мѣстѣ разсказа Дёмы *(о мірѣ)* проглянуло то, что мы назвали доктриной; для опредѣленія этого именно недостатка однимъ этимъ образцомъ и ограничимся. Авторъ, безъ сомнѣнія, не имѣлъ своей задачей изслѣдовать сполна: что̀ такое крестьянскій міръ? и былъ вправѣ ограничиться лишь извѣстными сторонами этого органическаго явленія. Напр. выставивъ такъ увлекательно всю силу міра, какъ дружнаго братства, которое не дастъ погибнуть бѣдняку (съ міру пониткѣ—голому рубашка), авторъ ничуть не коснулся той его стороны, откуда сила эта является дикимъ страшилищемъ: разумѣемъ деспотію общины, хотя бы самодурной, надъ отдѣльнымъ лицомъ. Авторъ, повторяемъ, былъ совершенно вправѣ, говоря объ мірѣ, ограничиться любой стороной его. Но если бы авторъ вполнѣ цѣльно, вполнѣ эпически обнималъ этотъ свой образъ, если бы именно не замѣшалась сюда доктрина, онъ бы не обременилъ еще своего образа двумя-тремя лишними чертами, которыя тутъ производятъ впечатлѣніе діаметрально-противуположное желаемому самимъ авторомъ... Эта похвальба Дёмы: „двухъ-то и трехъ сподручно по зашеямъ выгнать и въ тюрьму засадить; а пятьдесятъ человѣкъ — вѣдь это счетанныхъ сто рукъ" — не заключаетъ въ себѣ объективной правды. Это ужъ такъ называемая „субъективность" — самого автора. Кажется намъ, скажемъ въ заключеніе, что эпическій разскащикъ приберегъ бы и для Гама и для всего Гамовскаго Удолья что-нибудь доброе, что-нибудь не отталкивающее; онъ бы не побоялся, по крайней мѣрѣ, выставить его усадьбу хорошо обстроенной, чисто поддержанной (какъ это отчасти даже и свойственно Гаму); онъ бы, по крайней мѣрѣ, заставилъ выть

волковъ не исключительно въ Гамовыхъ дачахъ и не только бы эти волки были страшны въ ту ночь, когда повѣсился Гамъ. Довольно высчитанныхъ примѣровъ для того, чтобъ указать, какъ въ самомъ содержаніи проглядываетъ субъективное противорѣчіе художника съ объективностью того вѣчно-вѣрнаго самому себѣ, стройнаго, безстрастнаго созерцанія, которое свойственно вполнѣ искреннему эпическому поэту.

А разъ такая невозможность созерцать народный бытъ во всей его цѣлости, какъ бы глазами самаго народа (эпическое созерцаніе и есть по преимуществу созерцаніе народное), проронилась въ самомъ содержаніи „Роя,“ — дѣлается уже само-собою понятно: каковъ тотъ языкъ, въ который облеклось это содержаніе? Языкъ этотъ, ровный своему содержанію и постоянно лишь въ мѣру своего содержанія, одинаково не выдержитъ своего народнаго строя, и подъ конецъ всего—это лишь искусственно народный языкъ. Мы не говоримъ о неподражаемой пластичности языка г-жи Кохановской, въ которой она не имѣетъ соперниковъ; не выписываемъ отдѣльныхъ примѣровъ: они безчисленны, что̀ ни фраза — это яркими масляными красками написанная картина! Не говоримъ и о тѣхъ восхитительныхъ оборотахъ, которые такъ прямо выхвачены изъ устной народной рѣчи, да развѣ еще могутъ повстрѣчаться въ пѣсняхъ,—напримѣръ: „двѣ ласточки-касаточки промелькнули *и назадъ взялись*“ или при описаніи ночевки въ полѣ: „разложили костеръ да наловили рыбы, *а ночь тепла, а трава мягка*“... и тысячѣ подобныхъ красотъ, которымъ авторъ лучше насъ судья, потому что онъ всегда такъ умѣючи ими пользуется. Мы не говоримъ и объ этомъ особенномъ умѣніи г-жи Кохановской найти для выраженія своего понятія такое одно слово, которое было бы незамѣнимо цѣлымъ десяткомъ другихъ... „Шелохнулась“ говоритъ г-жа Кохановская про шелковую завѣсу царскихъ дверей, при описаніи, какъ подступалъ воръ-Минка къ Причастію. Перечтите вновь это мѣсто въ подлинникѣ и попробуйте замѣнить это „шелохнулась“... Нѣтъ, всѣ достоинства такого рода составляютъ несомнѣнныя красоты превосходнаго русскаго языка г-жи Кохановской и ея мастерской рѣчи; они же и слишкомъ общепризнаны, чтобы нужно было теперь долго на нихъ останавливаться.

Но мы говоримъ о множествѣ провинціализмовъ, просторѣчій, наконецъ просто нескладныхъ отдѣльныхъ словъ или фразъ,

которыми преиспещренъ языкъ „Роя". И признаёмся, весь ихъ наплывъ — даже у г-жи Кохановской еще небывалый — мы себѣ объясняемъ именно тѣмъ, что по духу задуманной повѣсти автору требовался языкъ особеннаго склада: — не общелитературный, а прямо народный русскій языкъ. Мы полагаемъ, что этотъ народный языкъ отчасти и былъ тою самой личиной, которая прикрывала невозможность подступиться къ выводимому міру вполнѣ эпически; этотъ языкъ отчасти назначался играть роль среды между авторомъ и читателемъ, — между авторомъ, какъ современнымъ человѣкомъ, и тѣмъ *третьимъ лицомъ*, отъ котораго какъ будто и идетъ разсказъ. И вотъ, когда эта народная, русская, живая рѣчь (которая бы органически-свободно творилась въ самую минуту разсказа въ устахъ нашего народнаго Гомера), не давалась автору — тутъ всякій провинціализмъ и просторѣчіе всякое даже нескладное слово, лишь бы они звучали въ ритмъ, шли въ дѣло и годились автору. Кромѣ длинныхъ нескладныхъ рѣченій, сюда же надо отнести еще и такія рѣченія, въ которыхъ желаніе пластицизма доводитъ живопись слова почти до абсурда; напр. при описаніи Соломонова суда Роя сказано о ворѣ съ медомъ: „онъ сидѣлъ и ѣлъ свою поличную вину, свой вкушаемый грѣхъ".

Оборотъ „видать", вмѣсто видно, можно повстрѣчать въ нашей пѣснѣ; пусть это отчасти провинціализмъ, отчасти просторѣчіе; но употребленный къ мѣсту, онъ звучитъ хорошо. Когда въ представленіи *видно* или *невидно* выражается больше непрерывная чѣмъ временная, и больше постоянная чѣмъ случайная длительность (такъ напр. при точкѣ зрѣнія отъ одного села до другаго), оборотъ „видать" пожалуй мѣтокъ и живъ — и намъ нравится это: „Чапыжную дубраву видать" при описаніи видовъ Бѣлоколодезной пущи. Но авторъ пользуется имъ безъ всякаго разбора; тотъ же самый оборотъ, напр. при описаніи пасмурной ночи: „звѣздъ видать было мало въ принаклонѣ вѣтвей", уже не производитъ хорошаго впечатлѣнія. Но у автора есть еще провинціализмы и просторѣчія, нескладныя слова, которыя слѣдуетъ вычеркнуть безъ всякаго спора. „Гула̀" вмѣсто гудѣла, „ажно" вмѣсто *и даже* или *такъ, что*, „тако" вмѣсто *такъ* и проч. и проч. и проч. Зачѣмъ это нужно? Въ описаніи паденья Гамовыхъ боярышень, что такое это „поцялись?" не опечатка-ли вмѣсто пяти-

лись?*)—Гамъ, встрѣтивъ дорогихъ гостей на порогѣ, разчувствовался до слезъ. Когда онъ Роя съ матерью ввелъ въ гостинный покой и усадилъ по мѣстамъ, опять заплакалъ—въ другой разъ заплакалъ, хотѣлось сказать автору, и вотъ какую форму употребляетъ авторъ: „въ слезы расплакался *за ново* Гамъ". Не проще-ли и почему же не сказать: „снова?" Выраженія напримѣръ: домъ передѣланный за-ново и домъ передѣланный снова, или даже въ одной фразѣ: домъ снова былъ передѣланъ за-ново—лучше всего покажутъ, какъ иногда авторъ жертвуетъ ритму даже самимъ смысломъ слова. Притомъ, рѣчь пѣсенная или хоть просто устная и рѣчь письменная—это два розныхъ дѣла, у каждой свои условія. „Подруженьки ой Марью свѣтъ кликали"—такою пѣсней начинаетъ г-жа Кохановская свою повѣсть—и это *ой* годится лишь при напѣвѣ. Въ живой рѣчи разсказщика, передъ сонмомъ слушателей, народный пѣвецъ безсознательно творитъ языкъ — и ритмъ приходитъ не какъ заранѣе сознанная потребность, а какъ послѣдствіе; ритмъ дается такому пѣвцу какъ бы только въ даръ за народность, въ высочайшей степени, его языка. Если же самый ритмъ (допустимъ это) вынудитъ его перемѣстить удареніе, онъ и въ этого рода творчествѣ явится лишь безсознательнымъ истолкователемъ генія языка; напр. вмѣсто „до земли", онъ скажетъ „дò-земи" вмѣсто на землѣ „на-земи";—и однакожъ какъ былъ бы страненъ тотъ литераторъ, который, повстрѣчавъ эту форму въ народномъ языкѣ, предпочелъ бы ради своеобразности и въ именительномъ падежѣ „земь" вмѣсто земля.

Сравните языкъ Лободёнки и Дёмы съ языкомъ автора—и вы не только не почувствуете большой разницы, васъ поразитъ ихъ умышленное сходство, ихъ почти тождество,—умышленное, потому что грамотный и образованный Русскій писатель XIX вѣка не можетъ говорить языкомъ Дёмы или Лободёнки XVIII вѣка, какъ бы онъ ни прикидывался, что говоритъ съ ними однимъ языкомъ. Г-жа Кохановская на столько художникъ, что невольно и даже непримѣтно для себя оттѣнитъ рѣчь „продерзой холопки" свойственнымъ ей оттѣнкомъ; но она не на столько эпическій пѣвецъ, и главное — не того-же эпическаго вѣка, чтобъ въ языкѣ героевъ ея поэмы и въ ея собственномъ не было

*) Дѣйствительно опечатка, въ рукописи стоитъ „понялись"— но это едва ли не провинціализмъ. *Ред. „Дня"*.

никакой разницы. Ея натуральный языкъ прорвется,—и тогда вся манерность другаго, умышленнаго языка прозвучитъ, какъ фальшивая нота. Сравните всѣ эти „ажно“, „за̀-ново“, „та̀ко“ и пр. хотя бы съ этой натуральной, прорвавшейся рѣчью автора (при описанiи старинной *грубы*): „Онѣ складывались совершенно пустымъ и сквознымъ коробомъ безо всякихъ основъ и нынѣшнихъ сводовъ и оборотовъ внутри. Изразцы скрѣплялись продѣтою проволокой и по мѣстамъ обыкновенно мѣдною пуговицей, которая прихватывала и сдерживала на проволокѣ углы соединяющихся изразцовъ“. Не правда-ли какая вдругъ поразительная перемѣна? противъ тѣхъ „вычурностей“, какая простота рѣчи въ приведенномъ отрывкѣ? Точно, маска свалилась съ лица, и авторъ — болѣе не удушаемый ею — заговорилъ вольнымъ и естесственнымъ своимъ голосомъ.

Мы кончили нашъ разборъ „Роя“. Въ бѣглыхъ газетныхъ замѣткахъ мы не брали на себя задачи высказать всѣ неисчислимыя красоты новой повѣсти г-жи Кохановской. Какъ во всякомъ истинно-художественномъ произведенiи, ихъ открываешь въ „Роѣ“ тѣмъ больше, чѣмъ глубже проникаешь въ него. Но мы сочтемъ свою задачу вполнѣ оконченной, если намъ удалось хотя кратко передать самую харастеристику, какъ достоинствъ такъ еще и недостатковъ этой повѣсти.

Въ заключенiе, мы возвращаемся къ тому, съ чего начали. Значенiе г-жи Кохановской въ нашей литературѣ мы полагаемъ именно въ томъ, что она въ ней стоитъ „на рубежѣ“ такъ называемаго ея отрицательнаго направленiя и начинающагося „положительнаго“. Мы назвали еще другаго художника, автора Семейной Хроники, который занимаетъ подобное же мѣсто въ нашей литературѣ. Много сходнаго можно-бы отыскать какъ въ идеалахъ, такъ еще и въ самомъ языкѣ обоихъ художниковъ; но языкъ автора Семейной Хроники, какъ и самое его созерцанiе, ясенъ безъ всякой примѣси, всегда себѣ равенъ безъ всякой исключительности и только самый *родъ* его сочиненiй, слишкомъ исключительный, умаляетъ ихъ цѣну. Въ этомъ отношенiи г-жа Кохановская много превосходитъ его; горизонтъ прямо Русской жизни и прямо Русскаго быта, явившiйся прежде всего лишь въ тѣсной рамкѣ семейной хроники или семейныхъ воспоминанiй, значительно расширенъ ею. Но въ самомъ талантѣ ея есть какая-то примѣсь и нѣкоторая исключительность. Все еще нельзя сказать объ авторѣ,

что онъ непосредственно относится къ выводимому имъ Русскому міру и быту и ничего предвзятаго не вноситъ въ созерцаемый имъ Русскій идеалъ. Пожелаемъ этому самобытному таланту развитія именно въ этомъ отношеніи.

Газета „День“ 1864 г.

Текучая беллетристика.

„Отцы и Дѣти“ *И. С. Тургенева.* „Марево“ *г. Ключникова.* „Взбаламученное Море“ *г. Писемскаго.*

I.

Въ настоящее переходное время, когда вездѣ тѣснятся и отовсюду возникаютъ экономическіе, соціальные и политическіе вопросы—вся и литература у насъ сошла на публицистику.

Это не то значитъ, какъ полагаютъ иные, будто съ возмужаніемъ общества сейчасъ принимаетъ и литература такой же именно, будто болѣе зрѣлый характеръ. Это означаетъ лишь то, что художественной литературѣ, какъ вообще искусству, тогда только привольно на свѣтѣ, когда самому обществу живется легко и привольно;—а въ наши смутные, безпокойные и переходные дни мы едва успѣваемъ совладать и со „злобой дневи“.

За весьма рѣдкими исключеніями (чтобъ не указать даже въ единственномъ числѣ на недавнюю повѣсть г-жи Кохановской), не встрѣчаемъ мы въ нашей литературѣ глубоко-обдуманныхъ, величавыхъ по своему художественному строю произведеній. Романъ, сшитый на живую нитку и въ которомъ явный недостатокъ литературнаго интереса прикрытъ декораціею современнаго и соціальнаго интереса—вотъ все, что въ ней видимъ за послѣднее время. Въ нашихъ журналахъ въ отдѣлѣ „изящная словесность“ напрасно ищешь повѣсти или романа: это опять все та же публицистика; она только рядится въ форму повѣсти или романа. Таково „Марево“, таково „Взбаламученное Море“, таковъ невозможный и пресловутый романъ „Что дѣлать?“, таковы еще и „Отцы и Дѣти“,—къ чести сказать, послѣдній однакожъ романъ менѣе всѣхъ таковъ именно.

Вся ошибка „Отцовъ и Дѣтей“, по нашему мнѣнію, въ томъ, что, увлекшись духомъ времени, авторъ окружилъ свою главную идею цѣлою вереницею модныхъ идеекъ, обставилъ свою главную

фигуру толпою лишнихъ, завязалъ между ними произвольныя коллизіи для того лишь, чтобы высказать свой собственный трактатъ о старомъ и новомъ поколѣніи—и въ довершеніе всего едва-ли самъ не сбился: къ которому пристать на перепутьи? Тема „Отцовъ и Дѣтей“ (все ея значеніе, безъ сомнѣнія, въ одномъ типѣ Базарова) совершенно насильственно растянута въ романъ; уложись она въ одинъ изъ тѣхъ безподобныхъ очерковъ, которыми авторъ щеголяетъ въ Запискахъ Охотника—и нигилистъ Базаровъ много бы выигралъ. Выведи авторъ свой высоко-художественный типъ безъ всякихъ подставныхъ цѣлей, безъ всякой предвзятой мысли въ коротенькой повѣсти—она составила-бы истинное chef d'oeuvre между всѣми его произведеніями; теперь имъ остается у г-на Тургенева какъ и прежде—тотъ или другой очеркъ Записокъ Охотника.

„Марево“, напротивъ того, по сложности своего многосторонняго сюжета, дѣйствительно представляетъ какъ бы канву для цѣлаго романа. Его героиня притомъ задумана широко—и мы хотѣли бы сказать: излишне широко--чтобъ можно было на четырехъ-пяти страничкахъ исчерпать ея предполагавшійся характеръ. Оказывается однако, что автору недовольно цѣлыхъ четырехъ частей,—не для того даже чтобъ исчерпать этотъ характеръ сполна, а двинуть хоть на волосъ впередъ его разгадку: для читателя, по крайней мѣрѣ, какъ въ 1-й части такъ одинаково въ послѣдней, характеръ Инны застоялся въ полной неподвижности. Нечего много говорить о томъ, что если графъ Бронскій представляетъ дѣйствительный интересъ живой личности, и противъ воли даже автора становится истиннымъ героемъ на первомъ планѣ разсказа,—такъ напротивъ его Русановъ—этотъ собственный герой автора—ничего больше, какъ ходячая сентенція и (пусть даже разсмотрѣнный какъ характеръ) жалкая посредственность во всѣхъ отношеніяхъ. Читатель вначалѣ выноситъ терпѣливо эту ходячую сентенцію въ надеждѣ, что хоть черезъ нея по крайней мѣрѣ удастся автору выяснить свою героиню, а съ тѣмъ вмѣстѣ и всю необходимость загадочной Инны въ „Маревѣ“... Тщетная надежда! При томъ же остается читатель объ Иннѣ въ самомъ концѣ романа, что онъ вынесъ объ Иннѣ изъ первоначальныхъ строкъ. А дочитавшаго романъ до конца авторъ награждаетъ еще собственнымъ признаніемъ, прямо отъ своего лица, въ томъ что̀ читатель уже самъ чувствовалъ со второй части: въ томъ именно, что все это „Марево“ для са-

мого автора какая-то безсвязная путаница; что, вызвавъ дѣйствующихъ лицъ на сцену, онъ очутился въ положеніи волшебника, вызвавшаго духовъ и не умѣвшаго съ ними сладить. Двѣ-три живыхъ сцены, два-три характерныхъ положенія, много если одинъ (говоримъ о Бронскомъ) вполнѣ дорисованный характеръ—вотъ, что̀ собственно остается въ цѣломъ романѣ для оцѣнки его чисто-литературной художественной стороны. Все остальное ниспадаетъ до простаго фельетона личныхъ и отрывочныхъ, иногда будто дорожныхъ впечатлѣній самого автора по поводу всего, что только представлялось ему наиболѣе *пикантнымъ* во вчера-прожитой современности.

Но за авторомъ нельзя не признать другой заслуги, а за его романомъ другаго важнаго значенія. Какъ всякій правдивый публицистъ приноситъ въ настоящую минуту огромную пользу разоблаченіемъ польской интриги хотя-бы въ формѣ простой корреспонденціи прямо съ мѣста—также точно и такую же пользу обществу принесъ и авторъ „Марева“ своимъ романомъ. Бронскій, этотъ полякъ-чужеземецъ въ православномъ Кіевѣ, соединяющій съ лоскомъ утонченнаго образованія и вкрадчивыми на языкѣ рѣчами о либерализмѣ, всю нравственную негодность интригана; лжецъ и клеветникъ, рыцарь и артистъ измѣны—вотъ ничуть не преувеличенный и прямо изъ дѣйствительности выхваченный типъ Поляка въ томъ нашемъ полуополяченномъ краѣ! Это именно тотъ кумиръ, передъ которымъ къ стыду Россіи такъ недавно еще пассовали не только наши Коли и Инны (жаль, что Русановъ въ романѣ не живое лице, а сентенція), но даже сѣдовласые мужи... Это тотъ самый кумиръ, передъ которымъ, увы! еще пожалуй и долго суждено пассовать всякому полу-невѣжеству, обыкновенно накидывающемуся на лоскъ и блескъ, какъ на чистую монету. Такъ пассуетъ необтесанный купеческій сынокъ, попавъ въ дворянскую компанію. Пусть эта компанія будетъ жалка и ничтожна,—она, въ своихъ рукахъ, сдѣлаетъ все, что ей угодно изъ необтесаннаго сынка, лишь бы тотъ самъ добродушно вѣрилъ, что дѣйствительно попалъ въ самый аристократическій кружокъ міра!

Автора романа можно упрекнуть никакъ не въ томъ, что онъ преувеличивалъ ложь и зло изображаемой имъ интриги, а въ томъ развѣ, что онъ умалялъ ея значеніе. Онъ слишкомъ не серьезно и легко, и только лишь въ смѣшной каррикатурѣ выставлялъ все то̀, что такъ возмутительно являлось сплошь да рядомъ на дѣ-

лѣ и что, какъ видно, ему близко знакомо. Не говоримъ уже о сторонѣ Польскихъ патріотовъ, черная доблесть коихъ превзошла все, что только могъ объ нихъ подозрѣвать міръ; но мы говоримъ о самомъ Русскомъ обществѣ того полуополяченнаго края, на сколько авторъ именно его выводитъ еще впервые въ нашей литературѣ. Авторъ, напр., не могъ не знать, что не только юные гимназисты и недоучившіеся учители гимназій принимали участіе въ интригѣ Бронскаго. Весьма почтенные, съ виду, Русскіе люди стараго и молодаго поколѣнія легко обольщались ею и прямо или косвенно, вольно или невольно, били съ нею въ тактъ. Мировой посредникъ изъ Русскихъ, или даже коронный предводитель дворянства, подписывающій за одно съ Поляками, напр., оппозиціонное рѣшеніе мироваго съѣзда о томъ, что только сенатъ, а не мѣстная администрація смѣняетъ посредниковъ, хотя бы завѣдомо присягнувшихъ жонду,—Русскій помѣщикъ, который за одно же съ Поляками подписываетъ на выборахъ адресъ Замойскаго,—еще Русскій, который, заведя школу въ своемъ имѣніи, въ самый разгаръ борьбы за національность, обучаетъ своихъ Осиповъ и Ивановъ, такъ между прочимъ, Польскому языку—вотъ историческіе факты, а уже не романъ. Русскій, наконецъ, который постоянно за панибрата съ—инскимъ или съ—анскимъ, своими любезными сосѣдями, завѣдомо начальниками шаекъ—и эти начальники съ фамильярнѣйшею улыбкой передаютъ ему объ успѣхѣ вооруженія и показываютъ по секрету хороши-ли наготовленныя ими золотыя грамоты? и предлагаютъ ему, Русскому, въ случаѣ поѣздки напр. въ Москву, свободный пропускъ отъ Варшавскаго жонда, и нашъ Русскій не гнушается такимъ предложеніемъ, а съ той же фамильярной любезностью весь свой домъ предлагаетъ къ ихъ услугамъ на случай неудачи, а равно проситъ-же и защиты своему дому, если дѣло ихъ выгоритъ—и все это съ восхитительнымъ самодовольствомъ отъ своего либерализма и прогресса... что все это такое? какъ назвать эти и множество еще худшихъ явленій, которыя сплошь да рядомъ можно было видѣть еще такъ недавно? Вся эта нравственная гниль и порча наша, все это наше соціальное разложеніе—одно-ли оно только Марево, и напрашивается оно только-ли на каррикатуру? Авторъ, повторяемъ, слишкомъ поверхностно и фельетонно оглянулъ картину окружавшей его неурядицы, слишкомъ подчасъ легко и несерьезно толковалъ ея смыслъ;—будемъ ему однакожъ благодарны и за то, что оглянулъ онъ ее

довольно живо, сгруппировавъ ея частности въ одномъ общемъ дѣйствіи, и довольно со многихъ сторонъ за разъ.

„Марево", кромѣ того, имѣетъ за собой и ту важность, что оно составляетъ органическое звено въ текучей журнальной литературѣ. Безъ романа „Отцы и Дѣти" въ свое время—не было бы теперь „Марева"; даже „Что дѣлать?" и „Взбаламученное Море" служатъ ему въ извѣстномъ отношеніи, какъ и вообще другъ другу, неизбѣжными переходными звеньями. И какъ ни мало бы тотъ или другой критикъ цѣнилъ ихъ художественное достоинство,—должно однакожъ согласиться, что всѣ эти произведенія не только для насъ, современниковъ, даже и для внуковъ нашихъ могутъ имѣть своего рода занимательность. Дѣло въ томъ, что во всѣхъ этихъ романахъ, вольно или невольно, вполнѣ это сознавая или безъ всякаго о томъ подозрѣнія, авторы повѣдуютъ міру—до какой невообразимой путаницы понятій довело насъ наше мнимое просвѣщеніе, наше полурусское, оторванное отъ почвы, образованіе—и въ какихъ наконецъ безобразныхъ явленіяхъ, въ какомъ хаосѣ сумасбродства изживало свой вѣкъ и находило себѣ агонію все наше хваленое, предшествовавшее развитіе? Въ самомъ дѣлѣ, всѣ эти „новые люди"—накапунѣ еще столь рѣдкіе, придерживавшіеся больше общихъ сферъ жизни въ своихъ докторальныхъ разсужденіяхъ; ничуть по крайней мѣрѣ не пускавшіеся въ политику; потомъ ужъ посягающіе на роль реформаторовъ—хотя все еще въ довольно скромной сферѣ чисто соціально-экономическихъ интересовъ; вдругъ потомъ уже на нашихъ глазахъ наполняютъ улицу, втираются въ публику, лѣзутъ изо всѣхъ угловъ прямо затѣмъ чтобъ вмѣшаться въ политику. Еще одинъ шагъ и они ужъ отчаяннѣйшіе практики-реформаторы, приводящіе въ ходъ, ни много ни мало, дѣло измѣненія всего лица Европы,—въ частности же перебѣжчики въ Польскій лагерь.... Что все это, какъ не одинъ и тотъ же, постоянно движущійся на нашихъ глазахъ, духъ нигилизма? духъ, которымъ на нашихъ же глазахъ измираетъ вся лживая цивилизація нашего хваленаго предшествовавшаго развитія? Эфемериды, мимолёты этого духа столь быстрыми метаморфозами достигаютъ теперь конечной цѣли своего развитія, конечной своей погибели, что наши авторы за ними едва-едва успѣваютъ въ обгонку... Соперничествуя другъ съ другомъ, они ловятъ и никакъ имъ не удается поймать—вчера еще новое, нынче ужъ устарѣвшее—послѣднее видоизмѣненіе такого мимолёта!

Можно даже допустить, что отчасти самая уже эта эфемерность современнаго типа, отсутствіе какихъ-либо положительныхъ сторонъ въ нашихъ нынѣшнихъ мимолётахъ, наконецъ общая нынѣшняя шаткость и переходчивость—мало увлекательны для фантазіи художника и не они, конечно, способны его подвинуть на капитально-художественный трудъ. Пока беллетристъ исключительно занятъ погоней за ними, едва ли будетъ даже вполнѣ справедливо требовать отъ каждаго его этюда первоклассныхъ достоинствъ первоклассныхъ повѣстей и романовъ? Тотъ или другой уличный типъ, прежде чѣмъ онъ успѣлъ пропасть на улицѣ, сейчасъ ужъ подхваченъ ловкимъ фотографомъ; онъ вѣрно освѣщенъ въ двухъ-трехъ мѣстахъ, онъ—вообще говоря—эффектно выставленъ на показъ публикѣ.... Чего же болѣе?

Видишь много лицъ на улицѣ, при взглядѣ на которыхъ даже и на умъ не вспадетъ подумать, что вотъ именно для ихъ-то возсозданія слѣдовало бы воскреснуть Вандику или Веласкезу! которыя, напротивъ того, уже совершенно удовлетворительно передаются въ простой альбомной карточкѣ ремесломъ фотографа. Такъ отчасти и для всей той области современной Русской жизни, которую по преимуществу отмежевали себѣ наши беллетристы, совершенно же довольно ихъ спѣшныхъ и, большею частью, именно дагерротипныхъ произведеній.

Мы даже думаемъ, что сами наши авторы мало помышляютъ о вѣчности—въ виду подобныхъ своихъ твореній; что они приступаютъ къ нимъ безъ особеннаго священнаго трепета, и что добрый стихъ Малерба: „...Rose, elle a vécu, ce que vivent les roses, l'espace d'un matin...“ вотъ тотъ девизъ, которымъ сами они обыкновенно напутствуютъ въ міръ такихъ дѣтищей своей фантазіи! Минутный успѣхъ въ обществѣ, такъ же шумный какъ еще и мимолетный—вотъ все притязаніе подобныхъ произведеній во всякой литературѣ. Ничуть даже и не претендуютъ они, чтобы критика привѣтствовала въ нихъ художественное совершенство и оконченность usque ad unguem. Признанія хотя нѣкотораго литературнаго изящества—вотъ все, чего они себѣ могутъ требовать.

Мы такъ думаемъ; но совершенно иначе думаетъ о томъ же г-нъ Писемскій. Авторъ „Взбаламученнаго Моря“, по крайней мѣрѣ, думаетъ совершенно иначе о своемъ недавнемъ произведеніи.

Къ нему и переходимъ.

II.

Задумавъ написать многотомный романъ изъ современной жизни и написавъ о немъ свои фельетонные мемуары, авторъ ничѣмъ лучше не нашелъ кончить „Взбаламученнаго Моря“, какъ удивительною родомонтадой. Когда читатель менѣе всего подготовленъ считать его разсказъ оконченнымъ—или по крайней мѣрѣ столько же готовъ на то, какъ это было въ 3-й, 4-й или даже во 2-й части—авторъ поставивъ точку, вдругъ еще и раскланивается передъ публикой. Разсказъ нашъ конченъ, поясняетъ онъ недоумѣвающему читателю, явно подслушавъ такое недоумѣніе,—не смотрите на мой романъ, какъ на безцѣльный сборникъ всякихъ пошлостей; черезъ нѣсколько вѣковъ отсюда онъ непремѣнно обратится въ настольную книгу русскаго историка: это „вѣрная, хотя и не полная картина нравовъ нашего времени, и если въ ней не отразилась вся Россія, то за то тщательно собрана вся ея ложь“.

И такъ, *вся* ложь современной Россіи! Можно бы воздвигнуть гранитный обелискъ тому автору, который дѣйствительно бы истолковалъ *всю* ложь современной Россіи. Можно бы привѣтствовать новое первоклассное свѣтило въ нашей литературѣ, представь лишь оно дѣйствительно цѣльную, художественную картину современной эпохи. Дѣло однакожъ въ томъ, что нахватать справа и слѣва всякой всячины по части скандала—не значитъ изобразить ложь Россіи, а перелистовать хотя бы съ календарной точностью рядъ послѣднихъ происшествій вплоть до Петербуржскихъ пожаровъ—ничуть не значитъ разгадать современность.

Вся эта современность, вся эта хроника событій взяты авторомъ въ романѣ чисто съ ихъ внѣшней, и съ одной ихъ внѣшней стороны. Какъ само заглавіе *Взбаламученное Море* звучитъ, по отношенію къ проживаемой эпохѣ, чѣмъ-то лишь формальнымъ, ничуть не выражая сущности—также точно и въ самомъ романѣ ото всего нашего времени схваченъ только его формализмъ. Допустимъ, что то или другое явленіе нашего времени поразило васъ, когда съ нимъ еще впервые вы знакомились въ бѣглой, газетной статьѣ. Вы конечно тогда же болѣе или менѣе почувствовали его характеристическія стороны, тѣ или другія присущія ему особенности. Такъ какъ однако газета не брала на себя и задачи глубоко въ нихъ вдумываться, а просто излагала фактъ въ его общей, случайной обстановкѣ, вы тогда же замѣтили что многаго она

не досказала и объяснить не умѣла. Вы захотѣли, чтобы рядомъ съ газетнымъ изложеніемъ факта — именно художникъ возсоздалъ его образъ передъ вами и тогда-то, надѣетесь, вами будетъ разгадана вся его затаенная суть; тогда-то вся его конкретная необходимость объяснится. Романъ г-на Писемскаго никакъ не будетъ тою художественной картиной, которой бы вы пожелали въ дополненіе ко всему, о чемъ за послѣдніе годы вамъ доносили газеты; большей частью, вы въ немъ и найдете ихъ повтореніе: тѣ же слово въ слово факты и та же случайная обстановка. Начиная отъ телеграммъ и до фельетоновъ, газеты сплошь наполнялись извѣстіями, напр. о томъ, какъ туго принималось въ иныхъ мѣстахъ Положеніе крестьянами, разсказывались цѣлые о томъ анекдоты — въ подобномъ духѣ анекдотъ разыгрываетъ и г-нъ Писемскій въ своемъ романѣ; знанія же крестьянскаго быта у автора „не проси". Изрѣдка оффиціальный фельетонъ разсказывалъ, какъ въ то или другое имѣніе понадобилось ввести команду, какъ офицеръ скомандовалъ: съ лѣвой по одному маршъ! и проч. Съ лѣвой же по одному маршъ — командуетъ офицеръ и въ романѣ г-на Писемскаго. Другіе фельетоны озабочивались тѣмъ, что слишкомъ много нашихъ хлынуло за границу, что большей частью въ безплодномъ мотовствѣ наши скитальцы проводятъ время за границей, что особенно безобразничаютъ они въ Парижѣ и многимъ довелось побывать въ Клиши — то̀же самое и тѣмъ же фельетоннымъ слогомъ разсказываетъ и авторъ въ своемъ романѣ. Фельетонисты болѣе серьезные намекали то и дѣло на русскую заграничную прессу нашихъ refugiés, на Лондонскія изданія; обращали вниманіе и на то, до какой уродливости въ послѣднее время гласность дошла и у насъ, приводили тому примѣры... Тѣ же намеки и тѣ же примѣры у автора въ его „Взбаламученномъ Морѣ", ничего больше! какъ въ качествѣ, такъ почти и въ количествѣ, тоже самое.

Вся эта современность и вся эта хроника событій такъ-таки прямо и производитъ въ романѣ впечатлѣніе ширмъ, за которыми укрывается тщета его дѣйствительнаго содержанія и недостатокъ его собственнаго сюжета. Не станемъ, пожалуй, разумѣть подъ сюжетомъ непремѣнно запутанную завязку, которую авторъ блистательно развяжетъ къ концу; но никакой романъ — хотя бы самый нравоописательный — не можетъ обойтись тою постройкой, которую авторъ не воздержался придать своему „Взба-

ламученному Морю". Баклановъ задумалъ служить — посмотрите, какъ онъ служитъ; Баклановъ задумалъ въ отставку — вотъ онъ въ отставкѣ; потомъ ему захотѣлось въ деревню — вотъ онъ и поѣхалъ и живетъ въ деревнѣ; потомъ ему опять захотѣлось въ городъ — онъ въ городъ поѣхалъ; тутъ ему захотѣлось жениться — посмотрите, каковъ онъ въ семейной жизни... и пр. и пр.

При томъ талантѣ, который общепризнанъ за г-нъ Писемскимъ, нельзя бы и предполагать, что всѣ лица его новаго романа не удались ему въ одинаковой степени, что всѣ они представляютъ тѣ же китайскія тѣни, какими щеголяютъ наши дюжинные повѣсти и разсказы. Однакожъ должно сказать: ни въ одномъ еще изъ прежнихъ романовъ г-на Писемскаго не является такихъ блѣдныхъ дѣйствующихъ лицъ и такихъ мало опредѣленныхъ характеровъ, какими сплошь наводнено его „Взбаламученное Море". Въ цѣломъ романѣ только одинъ художественный типъ: это Софи Ленёва; типъ правда не глубокій, но за то — со всѣмъ обаяніемъ живой личности — строго выдержанный отъ первой минуты своего появленія до послѣдней и, вообще говоря, талантливо написанный типъ. Можно бы съ нимъ рядомъ поставить еще и братца ея, Виктора Басардина; къ сожалѣнію однако, этотъ вышелъ у автора уже слишкомъ каррикатуренъ. Степень его художественности была бы вполнѣ удовлетворительна для водевиля, но нельзя сказать того же о г. Басардинѣ, разъ онъ выведенъ въ романѣ.

Всѣ же остальные — эти Баклановы, Ливановы, Варегины и проч. не столько даже дѣйствующія, сколько высказывающія свой образъ мыслей лица! Читатель вынужденъ знакомиться съ этими идеалами автора и составлять свое объ нихъ заключеніе не столько по образу ихъ дѣйствій, сколько именно по образу ихъ мыслей — самый плохой, самый антихудожественный пріемъ для изображенія характеровъ. Всѣми же этими лицами, притомъ, авторъ слишкомъ ужъ безцеремонно пользуется въ своемъ романѣ, какъ удобнымъ экипажемъ, который безъ всякаго труда со стороны самого романиста, переноситъ его то и дѣло съ мѣста на мѣсто, давая осмотрѣть въ краткое время множество разнообразныхъ окрестностей. Иногда еще онъ ими пользуется прямо, какъ передатчиками собственныхъ мыслей и взглядовъ. Житейскія воззрѣнія криваго Варегина встрѣчаются явной симпатіей со стороны автора; заключительное въ романѣ слово о своихъ героиняхъ авторъ предоставилъ именно Варегину и только уже вслѣдъ

за нимъ скрѣпляетъ его собственнымъ авторитетомъ. Можно бы отмѣтить множество *репликъ* и Бакланова, которыя только изъ чувства скромности, конечно, авторъ уступаетъ ему, а не прямо высказываетъ отъ своего имени. Судя по тому, напримѣръ, какъ понимаетъ религіозность самъ авторъ въ своей героинѣ Евпраксіи, реплика Бакланова о религіозности по поводу Иродіады— очевидно принадлежитъ больше самому ему, чѣмъ Бакланову. Но еще и господинъ Ливановъ въ своихъ сентенціяхъ (при всемъ томъ, что его фигура „нарочито“ оттѣнена нѣкоторымъ характеристическимъ чудачествомъ), то и дѣло даетъ угадывать въ себѣ простаго передатчика мыслей автора. Все, что въ его длинныхъ сентенціяхъ объ обществѣ составляетъ противовѣсіе такимъ же сентенціямъ героя романа Бакланова—явно, какъ суффлеръ, подсказываетъ ему самъ авторъ. Даже самое это чудачество, на которое авторъ тычетъ пальцемъ и которое могло бы пожалуй имѣть дѣйствительное значеніе (характеризуя напримѣръ—къ чему въ свое время приводило даже такихъ умныхъ людей, какъ Ливановъ, давленіе окружавшей среды), чудачество это подчасъ производитъ самое невыгодное дѣйствіе на читателя. Оно даетъ въ себѣ угадывать какъ бы умышленную маску, подъ которой авторъ хотѣлъ только глубже укрыть и закрасить собственныя свои мысли, подшептываемыя Ливанову. Всѣ эти лица набраны въ романѣ безъ строгой надобности: художественнаго raison d'être они въ романѣ не имѣютъ. Тотъ же самый Ливановъ и почти въ томъ же видѣ могъ бы очутиться въ любомъ романѣ г-на Писемскаго,— какъ тутъ, такъ и тамъ производя одинаковое впечатлѣніе тѣхъ актеровъ, которыхъ обыкновенно не смотрятъ, а всѣ признаютъ за ними лишь неоцѣнимое достоинство, что они не портятъ игры остальныхъ и не мѣшаютъ общему впечатлѣнію. Кривоглазый Варегинъ (не скажетъ же г-нъ Писемскій, что таковъ именно типъ мироваго посредника!) также могъ бы пригодиться автору въ другомъ мѣстѣ, а не являться въ „Взбаламученномъ Морѣ“. Правда, тогда автору пришлось бы потрудиться надъ концомъ своего романа (развязываетъ его, если помнитъ читатель, именно Варегинъ своимъ декламаторскимъ искусствомъ, прежде на квартирѣ Евпраксіи, потомъ „идя по Невскому“); но читатель отъ этого только бы выигралъ.

Въ цѣломъ романѣ проглянула только одна серьезная попытка на характеръ; встрѣчается только одно лицо, видимо сто-

ившее автору изнурительной работы и не шуточныхъ усилій: это Евпраксія. Жаль, что попытка такъ ею и осталась. Евпраксіинъ образъ, при всѣхъ видимыхъ усиліяхъ со стороны автора овладѣть имъ, не дался ему въ руки... Потуги его творчества пропали даромъ. Въ Евпраксіи все ложь,— объ этомъ послѣ.

Г-нъ Писемскій, кромѣ того, вмѣшалъ и самого себя въ среду дѣйствующихъ лицъ романа. Софи Ленёва приглашаетъ его на литературный чай, она обращается къ нему по фамиліи: мосьё Писемскій! Мосьё Писемскій катается съ ней по пикникамъ, ѣдетъ съ Баклановымъ посѣтить въ тюрьмѣ Иродіаду.— Мосьё Писемскій реалистъ, говоритъ объ немъ, за литературнымъ чаемъ, Петцоловъ (и уже не мосьё Писемскій, выведенный въ романѣ), а самъ авторъ романа удивляется, какъ это Петцоловъ знаетъ это „*ученое слово*".— Можетъ быть, такое выставленье себя на показъ публикѣ многіе примутъ со стороны автора за щегольство своею крайней объективностью; можетъ быть иные взглянутъ на это какъ на простой недосмотръ, онъ-же зачеркнется самимъ авторомъ при второмъ изданіи. Одни, чего добраго, обидятся выходкой автора и сочтутъ ее, пожалуй, какъ гости въ Ревизорѣ, за „репримандъ неожиданный"; другіе, напротивъ того, примутъ это нововведеніе за что-то очень и очень милое. Что до насъ касается, мы видимъ въ такомъ занесеніи себя въ среду дѣйствующихъ лицъ—больше чѣмъ простую случайность и въ тоже время очень простую вещь. Авторъ—такъ представлялось намъ еще во 2-й и 3-й части—только прикидывается и только хочетъ увѣрить насъ, что обглядываетъ онъ какое-то „Взбаламученное Море" съ высоты творческаго пьедестала: уличный фланёръ, онъ просто глазѣетъ на ту или другую уличную сцену, въ которой прежде всего и самъ замѣшанъ. Такъ мы думали, а въ 5-й части невольно проговорился и самъ авторъ, что весь его романъ дѣйствительно его фельетонные мемуары. При фланёрствѣ такого рода не можетъ быть и спроса на цѣльное художественное созерцанье, не можетъ быть и рѣчи объ отраженіи „цѣлой, проживаемой эпохи". Мелкота взгляда и узкость созерцанія, которыя не затрудняютъ а даже облегчаютъ дѣло, когда напр. кто отдается созерцанью прелестей Софи Ленёвой,— онѣ мѣшаютъ дѣлу, онѣ не даютъ овладѣть имъ, когда напр. кто задается задачей объяснить себѣ хоть бы Евпраксіинъ характеръ. Та лёгость сужденья, то комфортабельное состояніе душевное, которыя склоняютъ то и дѣло г-на Писем-

скаго останавливаться на сценахъ въ родѣ посидѣлокъ съ Іоной Дѣдовхинымъ или на жизненныхъ вопросахъ въ родѣ того: что̀ прежде всего понадобилось молодому Бакланову въ деревнѣ? (см. о томъ особую главу) — эта лёгость сужденія и это комфортабельное душевное состояніе никакъ уже неумѣстны, когда напр. затрогивается воспоминаніе о Севастопольской годинѣ. Больше того, онѣ почти исключаютъ возможность вѣрно понять истинный смыслъ такихъ событій, какъ напр. то̀, что „Французскій и Бельгійскій посланникъ, съ утра еще велѣвшіе заложить себѣ экипажи и поѣхавшіе по стогнамъ града Петра видѣть agitation du peuple... enfin ce lion s'est reveillé"... совершенно обманулись въ своихъ ожиданіяхъ. (См. тутъ же собственныя слова автора о крестьянскихъ безпорядкахъ въ селѣ Безднѣ).

Та *„вся ложь"* Россіи, за которою авторъ такъ тщетно гоняется въ своихъ призрачныхъ Баклановыхъ, Ливановыхъ et tant d'autres—тяжело звучитъ для читателя часто еще въ между-строкахъ его романа: она даетъ себя поминутно угадывать въ самомъ созерцаньи автора; она ярко подчасъ обрисовывается изъ того отношенія, въ которомъ самъ авторъ стоитъ къ выводимому содержанію.

И намъ кажется, что напрасно даже касался авторъ въ своихъ легкихъ фельетонныхъ мемуарахъ такихъ не маленькихъ воспоминаній, какъ напр. о тяжкой годинѣ Севастополя, о Положеніи 19 февраля, или хоть бы даже о самихъ Петербуржскихъ пожарахъ. Намъ кажется, что слишкомъ мало надо уважать гражданское чувство своихъ соотечественниковъ, чтобъ позволить себѣ, наряду съ собственными припоминаніями о Софи Ленёвой, перемѣшивать еще эти думы и чувства, недавно передуманныя и перечувствованныя цѣлою Россіей! Не то̀ конечно оскорбительно, что художникъ, говоря о Софи Ленёвой, ихъ касается; оскорбительно то, что, затрогивая даже ихъ въ своемъ романѣ, авторъ остается все при той же мелкотѣ взгляда и цинизмѣ чувства, при томъ же своемъ узкомъ созерцаніи, которыя повидимому такъ комфортабельны для него, когда онъ любуется Софи Ленёвой, и которыя онъ пренаивно величаетъ въ себѣ реальностью, реализмомъ и реальнымъ направленіемъ.

Реальность, реализмъ, реальное направленіе! — какъ будто довольно произнести эти „ученыя слова", чтобъ ужъ и заручить читателя—всякую пошлость и всякій скандалъ принимать съ бла-

гоговѣніемъ! Какъ будто сами по себѣ эти названія много значутъ! какъ будто они придадутъ блескъ его героямъ, достоинство ихъ характерамъ! И что̀ хочетъ сказать г-нъ Писемскій, придавая по преимуществу себѣ титулъ реалиста? Развѣ г-нъ Колошинъ не такой же реалистъ въ „Зрителѣ“ и въ „Развлеченьи“, какъ г-нъ Писемскій въ своемъ „Взбаламученномъ Морѣ?“ Но шутки въ сторону, развѣ г-нъ Тургеневъ не реалистъ въ своихъ Запискахъ Охотника и во всѣхъ повѣстяхъ своихъ? Уже-ли онъ праздный мечтатель и пустой фантазеръ или, по малой мѣрѣ, отвлеченный идеологъ лишенный чувства дѣйствительности!

Рафаэль, этотъ идеальнѣйшій изъ художниковъ, безъ сомнѣнія въ тоже время и глубокій реалистъ въ своихъ произведеніяхъ,— и онъ даже наиболѣе реалистъ именно въ своей Мадоннѣ, этомъ безспорно идеальнѣйшемъ изъ всѣхъ его произведеній. Какую-бъ, наконецъ, имѣло цѣну его произведеніе, не будь въ немъ реальнаго? И такъ, въ какомъ же смыслѣ понимаетъ г-нъ Писемскій „ученое слово“? Ясно, что не въ Рафаэлевомъ. Теньеръ также великій художникъ; идеалистомъ его пожалуй не назовутъ, и г-нъ Писемскій, можетъ быть, за нимъ-то всего скорѣе признàетъ то громкое титло, которое даетъ лишь себѣ. Но неужели однако вся реальность Теньера, весь смакъ реальнаго его направленія по крайней мѣрѣ, по мнѣнію г-на Писемскаго, заключается въ томъ, что на каждой его картинѣ — сельскаго-ли праздника, кабацкой-ли попойки — онъ непремѣнно гдѣ-нибудь у забора, въ углу, спиной къ зрителю помѣститъ характеристическую фигуру (иногда цѣлую группу ихъ) въ реальнѣйшей изъ реальнѣйшихъ позъ, какъ можетъ быть сказалъ бы Петцоловъ? Если въ этой именно задней фигуркѣ— такъ всегда неизбѣжной у Теньера — признавать высочайшую реальность, то разница между нашимъ авторомъ и живописцемъ будетъ все-таки огромная: Фламандецъ отводитъ обыкновенно для своихъ любимыхъ фигурокъ лишь задній планъ картины, — а нашъ авторъ, во всей широтѣ ихъ дѣйствій, выдвигаетъ ихъ обыкновенно на первый планъ романа.

Г-нъ Писемскій, когда писалъ свое „Взбаламученное Море“ не могъ не чувствовать, что романъ его дѣйствительно назовутъ сборникомъ пошлостей и ему не избѣжать упрека въ такъ-называемыхъ сальностяхъ. Если-бъ онъ не чувствовалъ этого, не было-бъ ему и надобности заключать романа удивительною родомонтадой. Но онъ такъ выгораживаетъ себя, напередъ угадывая эти обвиненія:

„пускай насъ уличать, что мы наклеветали на дѣйствительность“. По счастію, ни намъ его въ томъ уличать нечего, ни самому автору подъ такой отводъ укрываться не приходится. Авторъ воленъ выбрать героевъ какихъ ему угодно; онъ можетъ изобразить въ своемъ романѣ грязь и пошлость вдесятеро сильнѣйшую. Автору только подивятся; подивятся пожалуй его наклонности созерцать человѣчество по скандальнымъ хроникамъ и уголовнымъ архивамъ, но не упрекнутъ въ сальностяхъ,— лишь бы только, выводя грязь и пошлость, самъ авторъ пребывалъ въ сторонѣ; лишь бы чувствовалось въ каждой строкѣ читателю, что авторъ стоитъ постоянно выше той сферы, которую выводитъ, и собственное его созерцаніе не замѣшано въ созерцаніе его дѣйствующихъ лицъ... Вотъ этого-то нельзя сказать объ авторѣ „Взбаламученнаго Моря“; онъ не только изобличаетъ грязь и пошлость, онъ останавливается надъ ней con amore, онъ — читатель слышитъ это то и дѣло въ строкахъ романа — еще тѣшитъ себя ею, онъ смакуетъ ее. Если его герои то и дѣло зовутъ себя „скотами и прескотами“ и хвалятся, что „взъерепенятъ“ другъ друга — смотришь, черезъ нѣсколько строкъ, авторъ безъ всякой необходимости прибѣгаетъ и самъ къ этимъ же энергическимъ выраженіямъ. Такъ и все остальное. Нѣтъ, какъ бы г-нъ Писемскій ни прикидывался смѣющимся лишь сквозь слезы, строки его собственнаго романа говорятъ не то: онъ самъ наравнѣ съ своими героями скачетъ вокругъ созданнаго кумира, онъ вмѣстѣ съ ними приноситъ жертвы одному Ваалу...

Вотъ потому-то, безъ сомнѣнія, читатель испытываетъ тягостное чувство при чтеніи его романа; а критика законно обвиняетъ „Взбаламученное Море“ далеко не въ пуризмѣ, хоть автору и кажется про себя, что онъ не клеветалъ на дѣйствительность.

III.

Поэтическое чувство и поэтическая способность не только не исключаютъ (какъ это полагаетъ г-нъ Писемскій) вѣрнаго пониманія дѣйствительности; а напротивъ того, они и составляютъ тайну той воспріимчивости и зоркости, которыми обыкновенно — по отношенію къ ней — отличаются поэты. Фантазёръ, замечтавшійся на луну и попавшій въ яму, это только пародія на поэзію; точно также, какъ философъ, оставшійся безъ огурцовъ — пародія напр. на науку.

Надо быть псевдо-поэтомъ, чтобъ отвертываться отъ дѣйствительности и только мнимая поэзія обѣгаетъ Божій міръ въ его дѣйствительномъ видѣ. Пѣвцы, воспѣвавшіе лишь героевъ да водопады, воброжавшіе что восхваляя „дѣвъ съ лилейными персями“, они тѣмъ самымъ „возлетаютъ горѣ и парятъ по поднебесью“... такіе пѣвцы, конечно, были псевдо-художниками, пожалуй псевдо-поэтами; но поэтами они не были. Однакожъ, признать это и значитъ именно — другими словами — признать во всякомъ истинномъ поэтѣ непремѣннаго реалиста; больше того: только такого художника и признать реалистомъ, въ которомъ угадывается еще несомнѣнный поэтъ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ реалистѣ-художникѣ откиньте всякое поэтическое чувство, только отнимите эту „душу живу“ отъ его реальнаго направленія — и что-жъ останется? Съ одной стороны, чисто внѣшняя и кропотливая копировка дѣйствительности, отражающая ее со всей случайностью дагерротипнаго станка; съ другой: мелкота, прозаизмъ взгляда. Прозаизмъ, сильно напоминающій индифферентный тонъ пошлыхъ свѣтскихъ умниковъ, желающихъ прослыть дѣйствительными мудрецами! Прежде всего не спрашивайте этихъ мудрецовъ: есть-ли что-нибудь святое, великое въ мірѣ? Точка зрѣнія на жизнь, откуда главнымъ въ ней интересомъ представляется хорошій обѣдъ и шампанское — вотъ ихъ основной принципъ. Автора „Взбаламученнаго Моря“ реалистомъ по нашему мнѣнію нельзя, а прозаикомъ должно будетъ назвать. Не реализмъ, а какое-то поражающее отсутствіе поэтическаго чувства — вотъ въ чемъ состоитъ его коренное отличіе и вотъ что составляетъ главную его характеристику. Съ одной стороны, оно выражаетъ себя у г-на Писемскаго въ совершенномъ отсутствіи всего, что только зовутъ высокимъ или грандіознымъ и что, условно говоря, и относится наиболѣе къ поэтической области; съ другой: оно обличается въ томъ, что всѣ его образы и картины непремѣнно лишены всякой поэтической стихіи.

„Самоваръ—говоритъ авторъ, описывая весеннее утро—шипѣлъ, горячился, какъ будто бы своей искусственной жизнью хотѣлъ перещеголять окружавшую его со всѣхъ сторонъ настоящую живую жизнь, въ которой и пчелы жужжали въ растущемъ около балкона чертополохѣ, и воробьи чирикали, разсѣвшись огромною кучей по палочкамъ въ горохѣ, и наконецъ изъ куртинъ съ цвѣтами и изъ травы на лугу слышались тѣ миріады звуковъ, которыми дышетъ

весенняя природа. Александръ всѣмъ этимъ безконечно наслаждался". Но читателю не вѣрится, что всѣмъ этимъ безконечно наслаждался Александръ... На читателя не пахнуло весной, когда онъ читалъ это описаніе; такъ памятное ему весеннее утро не ожило теперь въ его памяти... Въ картинѣ, нарисованной авторомъ, можно пожалуй видѣть наблюдательность, какую-то кропотливость въ собираніи штриховъ для своего образа, но поэзіи нѣтъ; а ее нѣтъ—нѣтъ и реальности. Нельзя, по крайней мѣрѣ, извинить въ этой прозаической картинѣ: воробьевъ, разсѣвшихся въ горохѣ—весною, т. е. тогда, во-первыхъ, когда горохъ не только еще не взошелъ, а даже едва-ли и посѣянъ, а во-вторыхъ, когда за хлопотливымъ выводомъ дѣтей (и потому еще, что именно ни горохъ, ни конопля не поспѣли) и сами воробьи не начинаютъ сбираться въ огромныя кучи.

Мы взяли à livre ouvert это описаніе, въ доказательство его прозаизма; приводить-ли доказательство тому, что у автора „Взбаламученнаго Моря" мало грандіознаго?! Даже когда среди его легкихъ и, большей частью, тривіальныхъ впечатлѣній промелькнетъ что-нибудь посерьезнѣе, автору какъ будто не терпится, чтобъ сейчасъ-же не умалить его значеніе и не свести почти на пошлость. Помянулъ-ли тотъ или другой изъ его героевъ высоту, на которой стоитъ Европа, авторъ сейчасъ вставляетъ отъ себя замѣтку, что во время самаго разговора о томъ, Лондонскій клоунъ шелъ по канату по крайней мѣрѣ на высотѣ пятидесяти саженъ. Заходитъ ли вопросъ о религіозномъ настроеніи кающагося преступника, авторъ безъ особеннаго труда сводитъ его на умопомѣшательство. Наконецъ, затрогивая впечатлѣніе и дѣйствительно грандіозное, какъ тò напр., которое при описаніи Петербуржскихъ пожаровъ даже у самого Бакланова „вышибло слезу изъ глазъ", авторъ и тутъ не утерпѣлъ, чтобъ не подпортить его блестками и тупоумія и юродства. Можетъ быть, авторъ такое nil mirari съ своей стороны принимаетъ за высочайшую ступень объективности? Да! можетъ быть это; но тѣ мудрецы, о которыхъ мы упоминали, также свое собственное nil mirari считаютъ въ себѣ знаніемъ высочайшей мудрости.

Еще два-три слова, краткихъ замѣчанія по поводу того, что насъ наиболѣе поразило въ „Взбаламученномъ Морѣ"—и мы кончаемъ. Первое—о крестьянахъ, какъ ихъ выводитъ авторъ; второе—объ его Евпраксіи, этой, видите-ли, „истой Славянки, чистѣйшей дочери Полянъ".

Замѣнивъ сюжетъ романа хроникой современныхъ событій, авторъ естесственно не могъ не остановиться съ достодолжнымъ вниманіемъ на главнѣйшемъ изъ нихъ: на крестьянской реформѣ. Понятно при этомъ, что на долю крестьянскихъ сценъ выпало много страницъ въ романѣ, и взгляду автора на это наше коренное сословіе было гдѣ развернуться во всю ширь. Такъ какъ впрочемъ въ крестьянахъ „Взбаламученнаго Моря“ нѣтъ ничего новаго противъ крестьянъ „Горькой судьбины“ или даже „Тысячи Душъ“, то говоря теперь о крестьянахъ „Взбаламученнаго Моря“, мы говоримъ о крестьянахъ, какъ ихъ понимаетъ г. Писемскій вообще. Прежде всего, они плохо говорятъ по-Русски.

Какъ вообще наблюдательность автора всегда обращена больше на внѣшнюю сторону, чѣмъ на сущность дѣла,—такъ и при выводѣ на сцену крестьянъ авторъ прежде всего озабоченъ тѣмъ, чтобъ они не иначе говорили какъ ломаными полуфразами, иногда даже не человѣческимъ языкомъ, а отрывочнымъ гамканьемъ, возгласами и междометіями, а они ужъ переходятъ почти въ животную рѣчь. Помнится, первыя сцены „Горькой судьбины“ ведутся сплошь на такомъ языкѣ—и намъ не приходилось слышать этого языка въ устахъ ни одного крестьянина. Странное дѣло! то или другое областное отличіе въ выговорѣ или въ выраженіяхъ, образцики чего можно найти у всѣхъ Русскихъ писателей (не всѣ же они Москвичи коренные), никому не придетъ въ голову принимать за что-то важное и существенное при ихъ характеристекѣ; а между тѣмъ, чуть заходитъ рѣчь про крестьянъ, на одномъ этомъ все и вертится! Можно указать даже у Пушкина такіе два-три оборота, такія два-три слова или названія, которыя дадутъ въ немъ угадывать мѣстное вліяніе напр. Псковской губерніи; можно указать цѣлые десятки словъ у Языкова, даже цѣлыя рѣченія, которыя изобличатъ въ немъ напр. Симбирскій говоръ; можно въ Гоголѣ то и дѣло узнавать Малоросса; въ авторѣ „Кириллы Петрова“ Украинца и т. д. И какъ однакожъ страненъ былъ бы тотъ авторъ, который, захотѣвъ со временемъ вывести на сцену того или другаго изъ приведенныхъ писателей, вдругъ на мѣсто художественнаго истолкованья ихъ характеровъ (того, напримѣръ, движенія, въ силу котораго Гоголь передъ смертью сжегъ свои Мертвыя Души) ограничилъ бы всю свою задачу тѣмъ, что испестрилъ бы ихъ Русскую рѣчь замѣченными отступленіями! Именно такая однакожъ странность случается всегда съ г. Писемскимъ, едва онъ пожелаетъ вывесть крестьянъ на сцену.

„Али въ самотко“, „онъ, паря, и въ самъ дѣль“, „не доятъ, чу, коровы“, „пёсъ экой“, „шутъ имъ, дьяволы, шутъ!“ или цѣлая фраза: „воля ужъ значитъ теперь: какое явленіе! подъ неволю тоже опять голову-то сунешь, такъ и не выцарапаешь“... Что это такое, и зачѣмъ это нужно?

Пусть авторъ даже скажетъ намъ, что всю эту дичь онъ лично стенографировалъ съ живой рѣчи,— она тѣмъ не менѣе никуда не годна: нимало не передаетъ типа Русскаго крестьянина, ни даже рѣчи его. Читайте пословицы Даля, читайте Сборникъ Былинъ Рыбникова; оцѣните этотъ всегда мѣткій и всегда молодцоватый въ своемъ оборотѣ языкъ Русскаго народа, Русскаго крестьянства—и гдѣ же онъ, куда дѣлся онъ въ пейзанскихъ сценахъ нашихъ беллетристовъ? Тѣсная, вполнѣ подчиняющаяся мѣстному вліянію, жизнь крестьянина конечно вводитъ и въ языкъ его множество характерныхъ отличій; но ими надо пользоваться умѣючи. Самая степень его развитія конечно также кладетъ своеобразную печать на языкъ крестьянина; но эту своеобразную печать крестьянскаго языка, какъ видно, не разгадать реалисту, если разумѣть подъ реализмомъ ничто другое, какъ отсутствіе поэтической стихіи. Живя почти непосредственной, цѣльною жизнью съ природой, ничуть не привыкнувъ къ анализу и рефлексіи, а привыкнувъ все представлять себѣ ὀбразно, крестьянинъ, понятно, и говоритъ такимъ языкомъ, что всякая его фраза — образъ и всякое же его представленіе — картина. Надо-ли ему сказать, что рожь высока родилась и густа, и стоймя стоитъ— не полегла,— крестьянинъ выразится, положимъ, такъ: „борону прислонить можно“. Хочетъ ли онъ изобразить свое прежнее довольство, избытокъ и богатство: „бывало въ хлѣбѣ дна не видѣлъ!“ скажетъ крестьянинъ. Толкуете-ли вы ему, что надо вывести повострѣй и круче гребень соломенной крыши: „такъ выведемъ, что ворона брюхо напоретъ“, отвѣтитъ вамъ крестьянинъ,— и вотъ все различіе его рѣчи отъ вашей, различіе коренное, существенное, которое въ полной связи съ внутреннимъ его созерцаніемъ, съ сущностью самой души его,— и вотъ именно одно такое отличіе и бываетъ по преимуществу важно.

Г-ну Писемскому не это важно; ему именно важно то полуидіотство и какое-то скотоподобіе, которыми обыкновенно онъ окрашиваетъ подъ одинъ цвѣтъ всѣ рѣчи выводимыхъ имъ на сцену крестьянъ. Ясно такимъ образомъ, что между собственной

своей особой и каждымъ изъ этихъ міранъ, которыхъ онъ выставляетъ какъ бы звѣрей на показъ публикѣ, авторъ полагаетъ непроходимую бездну. Въ мірской сходкѣ этихъ міранъ чудится ему кагалъ, а вся совокупность этихъ „поменьшихъ міровъ“ въ одномъ великомъ, „хрестьянскомъ мірѣ“ (какъ выражается Кохановская въ „Роѣ“) представляется уже гнѣздилищемъ какихъ-то чудовищныхъ, чуть не Тамерлановскихъ инстинктовъ.

„Онъ — говоритъ г-нъ Писемскій про Бакланова, объясняя ктò такое собственно его герой — онъ представитель того разряда людей, которые до 1855 года замирали отъ восторга въ Итальянской оперѣ и считали, что это высшая точка человѣческаго назначенія на землѣ, а потомъ сейчасъ же стали, съ увлеченіемъ и вѣрою школьниковъ, читать потихоньку *Колоколъ*“. Еслибъ авторъ „Взбаламученнаго Моря“ еще на одинъ шагъ продолжилъ характеристику этого героя, онъ непремѣнно долженъ бы былъ сказать слѣдующее. Къ суевѣрію объ Итальянской оперѣ примѣшивалось у подобныхъ героевъ и еще другое суевѣріе: они въ тѣхъ „поменьшихъ мірахъ“, о которыхъ мы сейчасъ говорили, дѣйствительно видѣли лишь страшилище Тамерлановскихъ инстинктовъ! именно эти-то герои ожидали эпохи 19 февраля 1861 года, какъ тотъ старикъ, въ сочиненіи г-на Костомарова, ждалъ пришествія Стеньки Разина: „о! *онъ* придетъ! ужъ *онъ* непремѣнно придетъ!“ восклицалъ онъ, по увѣренію г-на Костомарова, впадая въ какое-то неистовство. Намъ кажется, что эта послѣдняя черта весьма сближаетъ самого автора съ героемъ романа; а что намъ это кажется не бездоказательно, въ томъ расписался еще и самъ г-нъ Писемскій своей выходкой насчетъ крестьянина Антотона Петрова, разстрѣляннаго въ Безднѣ — выходка, на которую мы ужъ обращали вниманіе читателя.

Перейдемъ къ Евпраксіи. Положа руку на сердце, вѣроятно самъ авторъ не признаетъ за этимъ дѣтищемъ своей фантазіи — при всей видимой выдержанности его характера — ни дѣйствительнаго характера, ни глубокой правды. Что по крайней мѣрѣ до насъ касается, мы рѣшительно не видимъ въ Евпраксіи — живаго лица, дѣйствительной личности. Во всей ея фигурѣ поражаетъ какая-то *сдѣланность;* точно самъ авторъ прописывалъ ее себѣ по рецепту: возьми столько-то религіозности, — въ этомъ словѣ проглянетъ ея жесткость, въ томъ религіозность, — этотъ поступокъ выкажетъ благоразуміе, тотъ опять жесткость и т. д.

А въ заключеніе всего, когда рецептъ составленъ (отвѣтная на него сигнатурка изъ лабораторіи) слова Ливанова: „ты искупительная жертва вашего рода; родъ вашъ умный, честный, но жестокій... Прапрадѣдъ твой былъ наказнымъ дьякомъ въ пытной палатѣ" и проч. и проч. О художественномъ исполненіи характера, такимъ образомъ, тутъ не можетъ быть и рѣчи; вопросъ: на сколько удалась или не удалась автору его колоссальная попытка разгадать типъ „истой Славянки, чистѣйшей дочери-Полянъ", также лучше обойти молчаніемъ. Но для характеристики автора намъ — въ изображеніи Евпраксіи — въ высшей степени интересно выяснить то отношеніе, въ которомъ стоитъ самъ авторъ къ изображаемому лицу, и какъ самъ онъ себѣ истолковываетъ то, что пытается изобразить въ немъ.

Отличительною чертой Евпраксіи, одною изъ наиболѣе выдающихся сторонъ ея характера, постоянно является—видите-ли—ея „религіозность". Такъ, по крайней мѣрѣ, толкуетъ самъ авторъ и, при описаніи ея характера, то и дѣло употребляетъ это самое слово — въ его прямомъ и безспорномъ значеніи. И такъ, религіозность — вотъ идея самого автора въ изображеніи Евпраксіи. Чего же лучше? Въ нынѣшнее время, когда такъ много толкуется о сближеніи общества съ народомъ, а между тѣмъ чуть-ли не главной къ тому помѣхой служитъ равнодушіе верхнихъ классовъ къ тому, что составляетъ святѣйшее изъ народныхъ вѣрованій,— надо бы повидимому радоваться попыткѣ автора нарисовать лицо, которое стоитъ этимъ народнымъ вѣрованіямъ въ уровень, которое, — больше этого,— какъ лицо изъ общества, изъ образованной среды — явится еще свѣтильникомъ, истолкователемъ того, что толпа въ себѣ таитъ смутно и недосказанно?... Что, однакожъ, находимъ у автора? Увы, какъ во всемъ остальномъ, такъ и тутъ авторъ не идетъ далѣе формализма; да! и тутъ, вмѣсто идеи, опять схваченъ лишь мертвый остовъ ея... Весь ея формализмъ, вся ея обстановка, весь орнаментъ и декорумъ, а *идеи* какъ ни бывало!

Если, говоря напр. объ авторѣ „Роя", когда онъ касается глубоко-религіозныхъ струнъ въ душѣ человѣка и пишетъ сцены исполненныя глубокаго религіознаго интереса, — если про него можно сказать, что онъ выбираетъ себѣ задачу по силамъ — то никакъ нельзя того же сказать объ авторѣ „Взбаламученнаго Моря".

Можно бы еще допустить возраженіе, что мы превратно поняли мысль автора и приписываемъ ему въ изображеніи Евпраксіи именно противоположное его намѣренію. Авторъ, дескать, хотѣлъ въ ней изобразить ханжу,— скажетъ намъ, быть можетъ, г. Анненковъ, „критикъ Тысячи душъ“, если не ханжу, то именно формалистку,— формалистку, въ которой, за отсутствіемъ духа религіозности, возобладалъ лишь формализмъ. Но авторъ въ своемъ романѣ обрѣзалъ для себя всѣ пути къ подобному отступленію. Не говоря уже обо всѣхъ подробностяхъ (было бы скучно высчитывать — ихъ такъ много), въ которыхъ та же самая тема проводится на тотъ же ладъ, сошлемся на заключительное слово Варегина. А этотъ Варегинъ — умнѣйшая голова по собственному мнѣнію автора, хотя его разсужденія въ Палкиномъ трактирѣ еще не даютъ убѣдиться въ этомъ. Варегинъ, по своему авторитету, занимаетъ столь крѣпкую позицію въ романѣ, что его можно сравнить развѣ съ хоромъ Греческой трагедіи, за которымъ всегда послѣднее слово. Послушайте же, какимъ искреннѣйшимъ тономъ, притомъ даже на единѣ съ собственной совѣстью, когда ему не надо лицемѣрить, говоритъ онъ объ Евпраксіи, что она „вся спряталась въ церковь!“ И такъ, вотъ точка зрѣнія автора.

Человѣкъ — будь то̀ мужчина или женщина — который безстрастенъ ко всѣмъ житейскимъ приманкамъ; который уже выше мелочныхъ счетовъ и побужденій; который, запечатлѣвъ собственную борьбу въ духѣ любви и мира, любовь же и миръ несетъ всякому, кому еще тяжела эта борьба,—много-ли такихъ на свѣтѣ? Не такого-ли именно человѣка всякій бы пожелалъ въ судьи во всѣхъ нашихъ житейскихъ, эгоистическихъ дѣлахъ, въ примирители — во всѣхъ житейскихъ спорныхъ столкновеніяхъ? Не къ такому-ли именно человѣку всякій захотѣлъ бы прибѣгнуть, особенно въ ту минуту, когда такъ дорого бываетъ слово любви и участія — и нѣтъ его? И не про одного ли только такого человѣка можно подумать сказать то̀, что такъ, много не думая, осмѣливается говорить „умнѣйшій“ Варегинъ о героинѣ автора „Взбаламученнаго Моря“.

Положа руку на сердце, захотѣлъ-ли бы самъ авторъ себѣ въ ангела-хранителя свою героиню? Не довольно-ли ужъ онъ наказалъ и своего „милѣйшаго“ Бакланова, ссудивъ ему въ супружество свою героиню? Отъ религіозности, какъ ее понимаетъ ав-

торъ въ Евпраксіи, вѣетъ могильнымъ холодомъ... Понимаетъ-ли онъ ее еще иначе?

Бакланову — говоритъ авторъ — многое оставалось непонятнымъ въ Евпраксіи. А мы думаемъ, что не Бакланову и не въ Евпраксіи, а самому автору многое остается непонятнымъ въ „истой Славянкѣ, чистѣйшей дочери-Полянъ".

Газета „День" 1864 г.

Журнальныя замѣтки.

„Библіотека для Чтенія" и „Эпоха". — „Современникъ" и „Русское Слово". — Ихъ „общая идея". — „Нерѣшенный для *г. Писарева* вопросъ". — „Земскія силы" *г. Боборыкина* и „Лгуны" *г. Писемскаго*. — Споръ „Современника" съ „Русскимъ Словомъ" о нигилизмѣ и о Неграхъ. — Катастрофа въ станѣ „реалистовъ". — Еще новый споръ между „учениками Добролюбова" *объ эстетическихъ отношеніяхъ искусства къ дѣйствительности*. — Г-нъ *Варѳоломей Зайцевъ* объ Искусствѣ. — Замѣтка объ аскетахъ для г-на *Антоновича*. — Его Итоги. Отбой.

I.

Библіотека для Чтенія, а отчасти и Эпоха изъ силъ выбиваются, чтобъ отличиться хоть чѣмъ-нибудь отъ журналистики Московской. Въ ихъ направленіи только и характеристично одно это желаніе во что бы то ни стало „не думать говорить заодно съ Московскими изданіями" („Эпоха" № 10). Но ни Современнику, ни его пасынку Русскому Слову съ этой стороны, т. е. со стороны смѣшенія ихъ съ Московскою литературой, не грозитъ ни малѣйшей опасности. Съ постоянствомъ, достойнымъ лучшей цѣли, съ изумительной настойчивостью лектора, читающаго передъ пустою аудиторіей — оба эти журнала продолжаютъ охранять цѣлость „Петербуржской мысли" и развиваютъ все одни и тѣ-же глубокіе афоризмы.

Конечно, всякому — до своего. Однакожъ мы думаемъ что то знаменитое ученіе, которое процвѣло въ „оное недавнее время" пышнымъ туземнымъ цвѣткомъ Петербуржской почвы, должно-бы въ наши дни и отцвѣсть; съ тѣхъ поръ пора-бы у насъ ему и поблекнуть. Какъ знаменитый тотъ кактусъ, который цвѣтетъ нѣ-

сколько мгновеній—цвѣтокъ, лопающійся съ блескомъ и трескомъ на глазахъ зрителя, едва онъ подбѣжалъ къ нему, чтобъ полюбоваться—такъ и оно, это пресловутое ученіе. При первомъ-же появленіи развѣ не предстало оно сразу во всей своей красѣ передъ публикой? въ самый краткій періодъ своего существованія—развѣ уже не истощило всей своей энергіи?.. Оказывается, къ сожалѣнію, что въ Современникѣ и въ Русскомъ Словѣ оно нашло себѣ усердныхъ воздѣлывателей и слугъ столько-же незамѣнимыхъ, какъ и неизмѣнныхъ.

Говоримъ: къ сожалѣнію, потому что нынѣшнее время очень бы нуждалось въ самостоятельныхъ ȯрганахъ, которые-бы противились все болѣе и болѣе распространяющемуся у насъ въ литературѣ какому-то казарменному духу,—которые-бы не давали ей обратиться сплошь въ игру свободныхъ артистовъ на темы лишь самыя казенныя. „Я-бы назвалъ ихъ патріотами-шулерами, говоритъ про извѣстный сортъ людей авторъ сатиры „Физіономіи и Силы“ (когда-то... въ то еще прежнее время... помѣщенной въ „Русскомъ Вѣстникѣ“), я-бы назвалъ ихъ патріотами-шулерами, но общество давно предупредило меня, давъ имъ прозваніе благонамѣренныхъ“. Едва-ли можно привести примѣръ сильнѣйшей ироніи какъ здѣсь, въ этомъ сочетаніи шулерства съ благонамѣренностью! Однакожъ, она только какъ разъ по мѣркѣ тому явленію въ нашемъ обществѣ, которое ее вызвало. Да, намъ слишкомъ знакома эта затхлая благонамѣренность... Кто-бы теперь ни служилъ для нея безсознательной поддержкой; кто-бы они ни были въ нашей текучей литературѣ эти вольные или невольные одобрители этой тли, а грустнаго факта отрицать нельзя. Недавно еще для всѣхъ позорная, всѣми обличенная и не смѣвшая никуда показаться съ своимъ опороченнымъ лицомъ... въ наши, настоящіе дни, она, эта самая затхлая благонамѣренность, опять подымаетъ голову. Она начинаетъ опять смѣло величаться; она, гордо подбочениваясь, указываетъ на самую нашу литературу, на тѣ самые ȯрганы, которые еще вчера лучше всѣхъ изобличали ее, какъ будто въ нихъ себѣ нашла теперь надежный оплотъ и кричитъ: vae victis!

Было бы весьма желательно, говоримъ, по мѣрѣ усиленія этого скорбнаго явленія, встрѣчать въ разныхъ ȯрганахъ и справедливый отпоръ ему; было бы весьма желательно, чтобы не всѣ, по крайней мѣрѣ, служили его усиленію, прельстясь повальнымъ успѣхомъ. Но тѣмъ нежелательнѣе, чтобы тотъ или другой Пе-

тербуржскій журналъ процвѣталъ пышнымъ цвѣтомъ все одного и того же цвѣтка, которому, какъ мы сказали, давно бы пора и поблекнуть.

Характеръ и духъ журнала выражается не только въ руководящихъ статьяхъ самой редакціи, но и во всякой даже посторонней повѣсти или даже въ какомъ-нибудь невинномъ этнографическомъ очеркѣ, разъ онѣ приняты и одобрены редакціей. Это понятно: журналъ ничуть не простой сборникъ статей; онъ непремѣнно выражаетъ какое-нибудь извѣстное направленіе, служитъ какой-нибудь строго-опредѣленной идеѣ. Если наконецъ и можно указать у насъ на какой нибудь журналъ, превратившійся въ простой сборникъ, у котораго направленіе было, да все вышло... то это не въ примѣръ-же другимъ, да и не въ похвалу самому журналу. Въ этомъ отношеніи надо отдать полную справедливость Современнику; по строгой вѣрности самому себѣ онъ рѣшительно не имѣетъ соперниковъ. Отъ капитальнѣйшихъ статей его, блещущихъ глубокой ученостью, въ родѣ „Смитовское направленіе и позивитизмъ въ экономической наукѣ“, до повѣстей и повѣстушекъ въ родѣ „Фантазёрка“, до „литературныхъ мелочей Посторонняго Сатирика“, отъ А до Z, какъ говорятъ наши нижегородскіе Французы, все у него проникнуто одной идеей. Какъ духъ, розлитый въ твореніи, Современникъ себя вездѣ выражаетъ и отъ перваго своего листа до послѣдняго вездѣ познаетъ самъ себя... Въ этомъ искусствѣ стушевать всѣ многоразличныя статьи даже совершенно случайныхъ и постороннихъ авторовъ въ одинъ тонъ, придать цѣлой книжкѣ, каждому отдѣльному № одинъ цвѣтъ—пальма первенства рѣшительно принадлежитъ Современнику. За нимъ слѣдуетъ его пасынокъ, Русское Слово. „Меньшинство нашихъ новыхъ, послѣднихъ молодыхъ генерацій“, по увѣренію г. Щапова, „всецѣло отдалось естесствознанію и естесствоиспытанію“; можно и объ Русскомъ Словѣ полагать, что оно пишется отъ перваго своего листа и до послѣдняго „всецѣло“ лишь для этого „меньшинства послѣднихъ молодыхъ генерацій“.

Въ № 10 Современника мы съ жадностью обратились къ скромной, по заглавію, статьѣ, въ которой надѣялись найти какія-нибудь новыя указанія или соображенія по весьма интересующему въ настоящее время все общество, вопросу—Русской народности. Это „Этнографическіе очерки Кадниковскаго уѣзда Н. Пр—скаго“ Что же такое оказывается на самомъ дѣлѣ? Вся этнографія здѣсь

сведена на скандалъ, и только на одинъ скандалъ. Страненъ былъ бы, вѣроятно по мнѣнію самого Современника, тотъ человѣкъ, который, захотѣвъ напр. изучить чистоту семейнаго начала, положимъ, въ Петербуржской жизни, отправился бы не въ другое мѣсто, а на „шпицъ-балы“ Петербурга, въ его подозрительные дома, на тѣ вечеринки, которыя даются тамъ съ цѣлью совершенно спеціальной. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ трущобахъ Кадниковскаго уѣзда могутъ существовать своего рода и шпицъ-балы и вечеринки съ спеціальной же цѣлью. Но одинаково и тамъ: кто разъ пошелъ туда въ качествѣ гостя, забудь всѣ строго научные интересы этнографіи, а напередъ жди скандала. Статья г-на Н. Пр— скаго, однакожъ, въ томъ и находитъ художническое самоудовлетвореніе, чтобы всю ширь этнографіи — свести на скандалъ. Затѣмъ ничего больше и не остается въ умѣ читателя, пожелавшаго ознакомиться съ нравами Кадниковскаго уѣзда. Даже такія черты, которыя очевидно происходятъ отъ бѣдности, отъ скудости обстановки — такъ напримѣръ, что бѣднякъ, за неимѣніемъ бани, парится у себя въ печкѣ, гдѣ себѣ и щи варитъ; что, за неимѣніемъ работника, проситъ подчасъ свою-же собственную жену или работницу отворить ему печной заслонъ и т. п. — даже, говоримъ, и такія естественно-грубыя черты всякаго бѣднаго быта — у автора, при его настроенной фантазіи, сейчасъ обращаются въ обличеніе Кадничанъ въ томъ, чего у нихъ и на умѣ не было, а что̀ въ умѣ только самого̀ автора. Но, тутъ не Кадничане, а самъ авторъ всему виною; очевидно, въ своихъ научныхъ изысканіяхъ, онъ слишкомъ увлекся личными симпатіями: ему-бы воздержаться отъ скабрёзнаго (употребляемъ иностранное слово, потому что Русское, ему соотвѣтствующее, ужъ слишкомъ нелитературно). Вслушайтесь въ самую рѣчь его, въ музыку его описаній: свою собственную душу вылилъ онъ тутъ въ циническихъ пасторaляхъ. По необходимости выпишемъ нѣкоторыя мѣста, чтобъ не остаться бездоказательными: „важно! славно!.. вотъ такъ!!.. а-а-а. Это дядя мой хвосталъ, что было мочи, всѣ мѣста, какія бываютъ у пономарей“ или: „первый поцалуй прошелъ благополучно; за то въ другой разъ здоровенная дѣвчина такъ лизнула меня въ засосъ, что я принужденъ былъ немедленно плюнуть: такая мерзость“... или: „кикимору немедленно разваливаютъ на полъ и начинаютъ парить не вѣниками, а кулаками, и такъ взбутетенятъ бока и пр.“, „вздули кнутами... какъ онъ ни ругался, ни барахтался ногами и руками, такъ отодрали

шкуру, какъ еще не отдирали никому", „кузнецы не били ихъ кнутами, а драли за волоса, давали въ голову тумака, болѣе или менѣе горячаго", „нужно-же было-какъ-нибудь вычистить рыло", „или-же по примѣру Терехи, похватаютъ дѣвушекъ въ полѣ и давай набивать снѣгу за пазуху и вездѣ"... Неужели Современникъ серьезно думаетъ, что всѣмъ этимъ онъ описываетъ нравы дѣйствительно „Кадниковскаго уѣзда"?

Правъ Жанъ-Поль Рихтеръ: никогда человѣкъ такъ хорошо не передаетъ своего собственнаго характера, какъ когда описываетъ чужой...

II.

Переходимъ къ Русскому Слову.

Этотъ журналъ, какъ всѣмъ извѣстно и какъ самъ онъ о себѣ торжественно заявляетъ (см. № 10), служитъ одной общей идеѣ — съ Современникомъ. Онъ проводитъ тѣ же мiровые принципы,—онъ отличается тѣмъ же, чтобъ не сказать ругливымъ, скажемъ энергическимъ стилемъ,—наконецъ онъ столько же благороденъ, какъ Современникъ, въ своихъ полемическихъ прiемахъ. Каждая книжка Русскаго Слова составляетъ въ своемъ родѣ, образцовое произведенiе литературы и являетъ истинное chef-d'oeuvre петербуржскаго творчества.

Тутъ, въ статьяхъ научнаго или философскаго содержанiя, напр. въ статьѣ г. Щапова „Историко-географическое распредѣленiе Русскаго народонаселенiя"—мы знакомимся съ общими основами, такъ-сказать съ самимъ принципомъ того новаго ученiя, которое—если вѣрить его послѣдователямъ—рано-ли, поздно-ли, а непремѣнно перевернетъ вверхъ дномъ все человѣчество. Въ статьяхъ подобнаго рода авторъ чертитъ только общiй планъ „естественно-научнаго интеллектуальнаго саморазвитiя и самосознанiя" и касается лишь съ самыхъ общихъ сторонъ „лучшаго, естесственно-научно-мыслящаго меньшинства Русскаго общества". Даже свой заключительный выводъ, какъ тотъ, напримѣръ, что это „меньшинство нашихъ новыхъ, послѣднихъ молодыхъ генерацiй, всецѣло отдавшееся естесствознанiю и естесствоиспытанiю—вотъ вся искупительная надежда и весь залогъ молодой Европейской Россiи", даже говоримъ, и такого рода conclusio finalis авторъ удерживаетъ въ своемъ разсужденiи на высотахъ строго-транцендентальныхъ и никакъ не сводитъ еще съ выси чисто умозрительной. Дальнѣйшее

ознакомленіе съ этимъ удивительнымъ „меньшинствомъ" въ лицѣ Русскихъ реалистовъ и ихъ полное раскрытіе, дающее проникнуть даже въ самую лабораторію ихъ духа и заглянуть въ самый кабинетъ ихъ занятій, все это преподносится читателю уже въ фундаментальныхъ статьяхъ г-на Писарева. Этотъ изумительно-многорѣчивый публицистъ Русскаго Слова взялъ на себя трудъ въ послѣднихъ трехъ книжкахъ истолковать „нашей Русской безтолковости и сударынѣ-публикѣ" этотъ удивительный въ своемъ родѣ феноменъ Русской жизни, то-есть міровой типъ „Русскаго реалиста!"

Реалистъ, узнаемъ мы изъ статьи г-на Писарева, стоитъ выше обыкновенныхъ людей. „Человѣкъ вполнѣ реальный, говоритъ онъ, можетъ обходиться безъ того, что называется личнымъ счастіемъ; ему нѣтъ надобности освѣжать свои силы любовью женщины, или хорошею музыкой, или смотрѣніемъ шекспировской драмы, или просто веселымъ обѣдомъ съ добрыми друзьями. У него можетъ быть развѣ только одна слабость: хорошая сигара, безъ которой онъ не можетъ вполнѣ успѣшно размышлять. Но и это наслажденіе служитъ только средствомъ: онъ куритъ не потому, что это доставляетъ ему удовольствіе, а потому, что куреніе возбуждаетъ его мозговую дѣятельность". (Р. С. IX, стр. 6 въ Лит. Обозр.).

Наконецъ, надо-же читателю послѣ того, какъ онъ познакомился и съ общимъ принципомъ и съ домашними привычками реалистовъ, надо, говоримъ, читателю ознакомиться и съ тѣмъ еще, какъ оно, это наше „лучшее естественно-научно-мыслящее меньшинство" прикладываетъ къ жизни высоту началъ своего ученія? становится очень любопытно повидать, какъ „эта искупительная надежда" уже на самой практикѣ осуществляетъ высоту своихъ теорій? На полное знакомство читателя съ этимъ именно дѣломъ — отведено въ Русскомъ Словѣ довольно обширное мѣсто критикамъ г-на Варѳоломея Зайцова и К°. Тутъ — въ Библіографическомъ-ли Листкѣ, въ отдѣльныхъ-ли этюдахъ, въ родѣ „Славянофилы побѣдили" (Р. С. № 10) благородство полемическихъ пріемовъ „послѣднихъ молодыхъ генерацій, всецѣло отдавшихся естесствознанію и естесствоиспытанію", блеститъ во всей своей красѣ передъ публикой. Кстати ограничимся здѣсь однимъ маленькимъ обстоятельствомъ, чтобъ болѣе къ тому не возвращаться. Критику Русскаго Слова (въ № 10-мъ) пришло дѣло до насъ лично. Онъ очень недоволенъ нашимъ отзывомъ о Некрасовской поэзіи въ № 43

„Дня“ прошлаго года; мы охотно это допускаемъ. Но онъ ничего лучше не нашелъ сдѣлать, какъ — говоримъ его собственными словами — приписать намъ соображенія... Г-нъ Писаревъ въ своемъ „Нерѣшенномъ вопросѣ“ еще не указалъ критеріума для нравственной оцѣнки реалистовъ — и объяснить подобнаго рода приписку намъ соображеній... мы пока воздерживаемся. Но такъ какъ онъ уже указалъ намъ отъ чего зависитъ и чѣмъ обусловлено состояніе ихъ умственной, мыслительной способности, — такъ какъ для того, чтобы „успѣшно размышлять“, реалисту необходима „хорошая сигара“, то мы, по крайней мѣрѣ, хотимъ спросить теперь: какія сигары курилъ критикъ Русскаго Слова, когда писалъ, что стансы г. Некрасова къ родинѣ, въ которыхъ попадаются стихи: „И краше твой вѣнецъ терновый побѣдоноснаго вѣнца“, слѣдуетъ отнести „развѣ-развѣ въ отдѣлъ юмористическихъ?“

Русское Слово, сказали мы, выражаетъ то-же самое направленіе, которому служитъ и Современникъ; въ послѣднее время даже оба эти журнала обмѣнялись другъ съ другомъ депешами въ этомъ смыслѣ. Не смотря однакожъ на это, существуетъ между обоими журналами и великая разница. Направленіе у нихъ безспорно одно; но дѣло въ томъ, что г-нъ Писаревъ, этотъ главный сподвижникъ Русскаго Слова — неофитъ этого направленія самый яростный, самый честный — въ нѣкоторомъ смыслѣ даже „бѣдовое дитя“ его.

Когда г. Тургеневъ больно укололъ это направленіе въ своемъ Базаровскомъ типѣ, и когда критику Современника вовсе не показалось забавнымъ торчать передъ публикой, — насквозь пронизаннымъ мѣткою сатирой, какъ въ Пушкинскомъ собраньи насѣкомыхъ, — тогда г-нъ Писаревъ, напротивъ того, полюбилъ это положеніе. Онъ преклонился передъ типомъ Тургеневскаго нигилиста и заявилъ полную готовность стать съ нимъ рядышкомъ. Съ тѣхъ поръ, какъ умный Современникъ ни жметъ плечами, какъ онъ ни намекаетъ своему пасынку на всю забавность принятаго имъ положенія, какъ онъ ни склоняетъ его послѣдовать скорѣе собственной Современниковой политикѣ въ этомъ щекотливомъ дѣлѣ, — нѣтъ! г-нъ Писаревъ упорно стоитъ на своемъ. Вопросъ этотъ, т. е. чье изъ нихъ положеніе лучше? по его мнѣнію, далеко не разрѣшенъ еще окончательно; въ цѣлыхъ трехъ книжкахъ онъ трудится надъ доказательствомъ въ этомъ смыслѣ. Многорѣчивый публицистъ пишетъ цѣлую диссертацію на эту тему и на разстояніи

цѣлыхъ тридцати трехъ главъ своего сочиненія... выдѣлываетъ истинно-забавныя вещи передъ публикой.

Дѣйствіе происходитъ въ 1862 году. Въ февральской книжкѣ „Русскаго Вѣстника“ появляется романъ Тургенева: Отцы и Дѣти“...—такъ приступаетъ г-нъ Писаревъ къ своей главной темѣ. Въ памяти читателя естественно опять воскресаетъ полузабытая фигура Базарова, возникаетъ невольное представленіе и о цѣломъ направленіи, насквозь—какъ мы сказали—пронизанномъ мѣткою сатирой... Тогда г-нъ Писаревъ снова разоблачается передъ публикой и самъ становится въ позицію Базарова,—онъ охотно воспринимаетъ на себя всѣ удары критики, которые сыпались на этого героя,—съ Базарова снимаетъ онъ ихъ на себя, а по временамъ, напротивъ того, свое собственное *я* переноситъ на Тургеневскаго героя, объясняетъ о себѣ публикѣ, какъ онъ, авторъ „Нерѣшеннаго Вопроса“ дѣйствовалъ-бы или даже дѣйствуетъ въ подобныхъ обстоятельствахъ... и какъ самъ онъ мыслитъ и чувствуетъ сходно съ Базаровымъ. И авторъ видимо озабоченъ еще, чтобъ публика какъ можно пристальнѣе разсмотрѣла его,—онъ подловчается, какъ бы дать ей оглянуть себя и съ этой, и съ той, и съ другой стороны, онъ хочетъ дать ей на него наглядѣться—во всѣхъ положеніяхъ и со всѣхъ точекъ зрѣнія!. Для чего все это? а для того, что на Базарова наклеветали, наклеветали на реалистовъ—и клевета эта разсѣется въ прахъ тогда только, когда всѣ реалисты, подобно автору „Нерѣшеннаго Вопроса“, выкажутся наконецъ, со всѣхъ сторонъ, передъ публикой нараспашку. „Если, говоритъ авторъ, наша публика, ни съ того, ни съ сего, совершенно несправедливо оплевала Тургеневскаго Базарова, то каково-же поступаетъ она съ живыми Базаровыми, которыхъ понять гораздо труднѣе и которымъ однако больно и досадно, когда на нихъ сыпятся незаслуженныя оскорбленія отъ отцовъ, матерей, сестеръ, и особенно, особенно отъ любимыхъ женщинъ? Подумайте, сударыня-публика...“ и пр. („Русское Слово“ № 10, стр. 19 Лит. Об.). Лучше бы нельзя передать всего высокаго комизма, le haut comique, какъ говорятъ Французы,—въ которомъ нашлись наши реалисты послѣ удара, нанесеннаго имъ авторомъ „Отцовъ и Дѣтей“.—Лучше бы нельзя, говоримъ, передать всей забавности ихъ нынѣшняго положенія—какъ оно передано тутъ, въ этихъ строчкахъ, авторомъ „Нерѣшеннаго Вопроса“ и это, очевидно: отъ полноты души!

„Говорятъ, что реалисты непочтительны къ своимъ родителямъ—неправда!—Реалисты возстановляютъ дѣтей противъ родителей—неправда!—Реалисты не уважаютъ женщинъ—неправда!—Реалисты отрицаютъ бракъ—и это неправда!—Откуда-жъ вы, милые Русскіе журналисты, взяли всѣ ваши обвиненія противъ реалистовъ? Изъ романа Тургенева? Нѣтъ врёте, тамъ нѣтъ этихъ обвиненій" (тамъ-же стр. 57). И оказывается даже, что собственно говоря одни только реалисты на свѣтѣ и способны какъ къ браку, такъ и къ почитанью родителей и ко всему, что есть добродѣтельнаго въ мірѣ. Оказывается еще, что сама поэзія ничуть реалистами не прогнана со свѣту, какъ объ этомъ разглашали же клеветники ихъ, а напротивъ того: коренное ихъ мнѣніе состоитъ именно въ томъ, что „и Гейне, и Гетё, и Шекспиръ должны занять свое мѣсто на ряду съ Либихомъ, Дарвиномъ и Ляйелемъ" (№ 11, стр. 23 Лит. Обозр.). Что-жъ такое однако? недоумѣваетъ читатель,—если реалисты и искусство признаютъ, и родителей почитаютъ, и брака отрицать не думаютъ, словомъ сказать, люди себѣ какъ люди,—въ чемъ-же наконецъ ихъ коренное отличіе? Не берутъ-ли они, по крайней мѣрѣ, „принципъ естественнаго побужденія" во главу угла всей своей философіи и—чувственные люди—не проповѣдуютъ-ли религію наслажденія?—Нѣтъ. Авторъ „Нерѣшеннаго Вопроса", отвѣчаемъ читателю, приходитъ, напротивъ того, чуть не къ аскетизму. Мы уже видѣли, что реалистъ выше обыкновеннаго смертнаго: онъ не нуждается ни въ освѣжающей любви женщины, ни въ шекспировской драмѣ; увидимъ и болѣе того. Реалистъ даже сообщества съ людьми избѣгаетъ, веселыхъ книжекъ не читаетъ и круглый годъ постится. „Человѣкъ строго-реальный, говоритъ г-нъ Писаревъ, видится только съ тѣми людьми, съ которыми ему „нужно" видѣться, онъ читаетъ только тѣ книги, которыя ему „нужно" прочесть, онъ даже ѣстъ только ту пищу, которую ему „нужно" ѣсть, для того, чтобы поддерживать въ себѣ физическую силу. Особенность человѣка съ реальнымъ направленіемъ состоитъ исключительно въ томъ, что онъ менѣе другихъ честныхъ и умныхъ людей нуждается въ отдыхѣ; можно сказать, что онъ отдыхаетъ только тогда, когда спитъ. Вся остальная часть его жизни проходитъ за работой и вся эта работа клонится только къ одной цѣли: уменьшить массу человѣческихъ страданій"...

Читатель изумленъ окончательно. Все это, представляется

ему, такія уже не маленькія вещи, которыя,— по самой малой мѣрѣ, — такъ-называемый „принципъ естественнаго побужденія“ — убиваютъ наповалъ. И такъ, если реалистъ въ дребезги разбиваетъ еще этотъ кѣмъ-то проповѣдуемый принципъ и притомъ брака не отрицаетъ, родителей почитаетъ, и поэзію признаётъ... въ чёмъ-же, въ чёмъ наконецъ его коренное отличіе отъ насъ грѣшныхъ? почему онъ все же не такъ себѣ человѣкъ, какъ и всѣ мы прочіе, а реалистъ непремѣнно? Читатель вновь и вновь перечитываетъ статью г. Писарева; онъ хочетъ, по крайней мѣрѣ, подсторожить: на какихъ именно условіяхъ, съ какими неизбѣжными оговорками... признаётъ реалистъ и бракъ, и родство, и искусство? Въ этихъ-то не сулящихъ добра оговоркахъ, въ этихъ лукавыхъ условіяхъ, пожалуй, и сидитъ Мефистофель. Читатель скоро убѣдится однакожъ, что подъ конецъ всего и онѣ оказываются такъ невинны и немудрёны, что не стоили и помину; всякій ихъ давно знаетъ, эти оговорки, и всякій ихъ принимаетъ, эти условія; — много-много, если для ихъ сознанія требуется быть — не то что реалистомъ — а просто: гимназистомъ. Дѣло въ томъ, оказывается, что напр. при всемъ почтеніи дѣтей къ родителямъ (когда первыя стоятъ по своему образованію выше) „приходится имъ страдать отъ того, что нѣтъ возможности разслышать и понять другъ друга“; бракъ хорошъ тогда, когда молодая чета сходится на основаніи единства нравственныхъ интересовъ, такъ что этому ихъ единству со дня на день предстоитъ крѣпнуть, и никуда негоденъ, когда уже съ самаго начала оба глядятъ врозь,— и вотъ реалистъ единственно лишь противъ браковъ послѣдняго рода. Поэты такіе, какъ Гёте и Шекспиръ, приносятъ дѣйствительную пользу обществу, потому что „все тò безусловно полезно, что заставляетъ насъ задумываться и что помогаетъ намъ мыслить“, притомъ, еще „никакое научное изслѣдованіе не опредѣлитъ вамъ душевную болѣзнь цѣлой эпохи съ такою ясностью, съ какой нарисуетъ ее великій художникъ“ и проч. и проч. Слѣдовательно, реалистъ не противъ поэтовъ или поэзіи; — онъ относится „съ глубокимъ и совершенно искреннимъ уваженіемъ къ первоклассным поэтамъ всѣхъ вѣковъ и народовъ“,—но онъ противъ той поэзіи, которая только „потѣшаетъ мелкими фокусами безплоднаго фиглярства“, противъ такого поэта, который „козявка, копающаяся въ цвѣточной пыли“... Не были-ли мы правы, когда ручались читателю въ совершенной благонадежности автора, и

не въ самомъ ли дѣлѣ — для того, чтобы плодить подобныя разсужденія и о бракѣ и о поэзіи — реалистомъ не зачѣмъ быть, а довольно быть — гимназистомъ?

Гимназистъ высшаго класса, впрочемъ, не повторилъ-бы тѣхъ ошибокъ, которыя потомъ дѣлаетъ реалистъ-авторъ, и вотъ въ чемъ начинаетъ уже оказываться мало-по-малу дѣйствительная разница между ними. Кто разъ сознательно понялъ, что „все то безусловно полезно, что заставляетъ насъ задумываться и помогаетъ намъ мыслить"; кто понялъ наконецъ смыслъ и задачу искусства хотя бы въ области одной поэзіи, тотъ непремѣнно-бы уяснилъ себѣ ту же самую задачу, тотъ-же самый смыслъ и въ области всѣхъ остальныхъ искусствъ. Реалистъ, оказывается, этого не понимаетъ. „Обо всѣхъ другихъ искусствахъ, пластическихъ, тоническихъ и мимическихъ я выскажусь очень коротко и совершенно ясно", говоритъ г-нъ Писаревъ на стр. 34-й ноябрской книжки — и ясность выходитъ дѣйствительно поразительная! Какъ „одному желательно выпить передъ обѣдомъ рюмку очищенной водки", такъ „другому побаловаться вечеромъ на скрипкѣ или на флейтѣ; четвертому — придти въ восторгъ и въ ужасъ отъ взвизгиваній Ольриджа въ роли Отелло."—„Вслѣдствіе этого могутъ появиться на свѣтѣ великіе люди самыхъ различныхъ сортовъ: великій Бетховенъ, великій Рафаэль, великій Канова, великій шахматный игрокъ Морфи, великій поваръ Дюссо, великій маркеръ Тюря — „общество любителей водки", „общество любителей слоеныхъ пирожковъ", „общество любителей музыки"...

Реалистъ, оказывается, и Пушкина не понимаетъ. Онъ „пародія на поэта". „Пушкинъ, говорятъ напр., великій поэтъ и всѣ этому вѣрятъ. А на повѣрку выходитъ, что Пушкинъ просто великій стилистъ", говоритъ г-нъ Писаревъ. Гимназистъ, полагаемъ, избѣжалъ-бы и этой новой ошибки; пусть бы даже какой-нибудь недоучившійся учитель и вбилъ ему въ голову, что только „опредѣленіе душевной болѣзни цѣлой эпохи" даетъ право на титулъ поэта; всякій гимназистъ, мы предполагаемъ, раза три прочиталъ Евгенія Онѣгина. Прочихъ темъ уже и не касаемся; ограничиваемся лишь областью поэзіи. Довольствуемся взаимное отличіе понятій какъ гимназиста, такъ и реалиста—указать лишь на этомъ. Всякій, кто только дастъ себѣ трудъ всѣ тридцать три главы „Нерѣшеннаго Вопроса" прочитать въ подлинникѣ — легко пойметъ, почему мы такъ дѣлаемъ.

О реализмѣ и о нигилизмѣ есть что́ сказать, очень много такого, чего до сихъ поръ, къ сожалѣнію, никѣмъ не сказано. Не статья г-на Писарева, впрочемъ, можетъ подать къ этому поводъ.

III.

Съ новымъ годомъ журналистика у насъ какъ будто оживилась. Цѣлыхъ два изданія,—Библіотека для Чтенія и Отечественныя Записки,—нашли нужнымъ участить выходы своихъ книжекъ. Какъ Русскій Вѣстникъ былаго времени, оба эти журнала даютъ теперь своимъ подписчикамъ по двѣ книжки въ мѣсяцъ, т. е. выходятъ черезъ каждыя двѣ недѣли. Отечественныя Записки даже своимъ форматомъ, печатью, рубриками, всѣмъ наконецъ своимъ внѣшнимъ видомъ и внутреннимъ составомъ ищутъ напоминать тотъ прежній Русскій Вѣстникъ. Современникъ въ первомъ нумерѣ помѣстилъ новую пьесу г. Островскаго „Воевода или Сонъ на Волгѣ". Въ Русскомъ Вѣстникѣ печатается новый романъ графа Л. Н. Толстаго: „1805-й годъ". Эпоха открываетъ свою первую книжку драмой г. Чаева: „Димитрій Самозванецъ". Надо при томъ сказать, что и Отечественныя Записки съ Библіотекой для Чтенія, видимое дѣло, никакъ не согласны плѣнять публику лишь количествомъ. Поразивъ своихъ конкуррентовъ по журнальному дѣлу грубымъ оружіемъ количества, они помнятъ еще прекрасный девизъ нашего знаменитаго государственнаго человѣка: Non solum armis. Они, видимо, озабочены превзойти ихъ въ соревнованіи относительно самаго качества литературы: въ Библіотекѣ для Чтенія съ перваго-же нумера начинается новый романъ г. Боборыкина: „Земскія Силы", тема—какъ видитъ читатель—не маленькая; въ Отечественныхъ Запискахъ съ перваго-же нумера появляется новое изумительное произведеніе г-на Писемскаго, автора столь прославленнаго „Взбаламученнаго Моря".

Г-нъ Писемскій написалъ рядъ очерковъ подъ сборнымъ названіемъ: „Русскіе лгуны". Редакція Отечественныхъ Записокъ,—вѣроятно слѣдуя Русской пословицѣ: хорошенькаго по немножку,—не сразу даритъ своихъ читателей лгунами. Представивъ до пяти очерковъ въ своемъ первомъ нумерѣ, она—во второй книжкѣ заставляетъ потерпѣть читателя: не даетъ „Русскихъ лгуновъ" во второй январьской книжкѣ,—только уже въ третьемъ нумерѣ опять они являются на сцену въ двухъ скромныхъ очер-

кахъ. Объ этомъ новомъ произведенiи г-на Писемскаго, знаменитаго, какъ онъ самъ себя называетъ „ученика Гоголя", мы ниже дадимъ отчетъ читателю.

Не знаемъ, какъ на кого, а только на насъ вся эта возбужденность журнальной литературы къ январю и февралю мѣсяцу— не производитъ ничего чарующаго. Всякiй журналъ торопится зарекомендовать себя передъ публикой; редакцiи очевидно въ попыхахъ и способны удивить мiръ своей энергiей,—сразу является по два, по три капитальнѣйшихъ произведенiя въ каждомъ ὀрганѣ, а еще болѣе ожидается всякаго добра въ теченiи года, судя по объявленiямъ... Подумаешь, литература у насъ бьетъ неудержимымъ ключемъ, то и дѣло открываются новые родники творчества. Подумаешь, уже готова она обнять весь мiръ своимъ широкимъ, могучимъ потокомъ и уже не становится достаточно самихъ ὀргановъ для того, чтобы вмѣстить полноту ея животворныхъ струй; то и дѣло, и въ самомъ дѣлѣ, открываются новые ὀрганы. Подумаешь, наконецъ, само общество только-что не захлебывается у насъ, черпая отъ этихъ вдохновительныхъ струй и что оно въ этомъ мощномъ потокѣ сполна находитъ утоленье своей умственной жаждѣ, своему душевному голоду. Ничуть не бывало; все это мнимое обилiе нашей литературы, особливо эта перiодическая возбужденность ея къ первымъ мѣсяцамъ каждаго новаго года—прежде всего и свидѣтельствуютъ объ ея скудости и безсилiи. Грустно, а надо сказать: если сдѣлать добросовѣстный выборъ изо всего, что печатается въ десяткѣ нашихъ ежемѣсячныхъ толстыхъ журналовъ, то окажется что едва-едва достало-бы матерiала на одинъ журналъ, порядочно составленный. Нынѣшнее изобилiе ὀргановъ—не въ мѣру нашего дѣйствительнаго роста. Самая эта лихорадочная дѣятельность редакцiй—только подтверждаетъ это. Не даромъ нѣкоторыя изъ редакцiй такъ тщательно скрываютъ отъ своихъ читателей эту лихорадочную дѣятельность,—и скрываютъ, замѣтимъ, весьма неудачно. Странно однакожъ тὀ, что нашлись еще такiе журналы, редакцiи которыхъ именно ею-то, этой лихорадочностью своей энергiи, и хвалятся теперь передъ читателями; на нее-то, именно, и бьютъ въ своихъ объявленiяхъ!!...

Здѣсь будетъ умѣстно сдѣлать и еще одну замѣтку; къ ней современная журналистика давно подаетъ поводъ. Гордая со вчерашняго дня возбужденными у насъ толками объ такъ называемыхъ соцiальныхъ интересахъ, наша журналистика какъ будто уже

брезгуетъ теперь тѣми произведеніями, интересъ которыхъ чисто-художественный. Произведенія такого рода являются въ ней какъ бы уже на заднемъ планѣ. „Публицистика“, вотъ что̀ — по мнѣнію, нынче довольно распространенному — должно высоко поднять всякій журналъ, ищущій быть современнымъ; а журналистика прежнихъ дней, гдѣ все почти и ограничивалось художественнымъ отдѣломъ, представляется уже чѣмъ-то ребячески-смѣшнымъ и навѣки пережитымъ безъ возврата. Такое мнѣніе весьма ошибочно. Что̀ такое наша русская публицистика вообще, а та, которою блещутъ сегоднишніе журналы — въ особенности? Разработка соціальныхъ вопросовъ сходитъ въ нашихъ журналахъ, большею частью, лишь на пересмотръ полусочувствій и тощихъ тенденцій взаимно другъ у друга. Не жизнь народа производитъ все это множество вопросовъ, а лишь та „интеллигентная“ среда, которая потомъ такъ безкорыстно и трудится надъ ихъ — едва-ли кѣмъ-нибудь и прошеннымъ — разрѣшеніемъ, т. е. все дѣло ограничивается тѣснымъ кружкомъ самихъ литераторовъ. Какъ-то миражны, говоримъ, тощи, безтѣлесны и призрачны выходятъ у насъ тѣ „соціальные интересы“, которые вскакиваютъ на поверхности современнаго русскаго общества; публицисту приходится ихъ постоянно насиловать и становить на дыбы, да и самъ онъ горячится и суетится при этомъ за четверыхъ.

Въ народѣ, который страдаетъ почти полнымъ отсутствіемъ самосознанія, который опутанъ ложью полусочувственныхъ, чужихъ, заносныхъ тенденцій и идеаловъ... въ такомъ народѣ даже чувство своей пользы и выгоды не безошибочно. Надо еще произвести коренной переворотъ въ его сознаніи; надо способствовать рѣшительной реформѣ его понятій; надо возбудить въ немъ общій порывъ всѣхъ симпатій и антипатій его природы; коснуться, такъ сказать, самыхъ забитыхъ, захоронившихся и безотвѣтно-глохнущихъ тайниковъ души его; надо его призвать еще къ самочувствію по крайней мѣрѣ началъ своей народности... Никогда въ этомъ смыслѣ не производила публицистика такого неотразимаго дѣйствія на умы и никогда она не содѣйствовала реформѣ общественнаго сознанія въ такой степени, какъ собственно-художественная литература; — и это вполнѣ понятно. Хотя дѣйствіе публицистики, повидимому, всегда быстрѣе и въ пути короче, — оно всегда-же и безслѣднѣе, всегда мельче, никогда не бываетъ такъ прочно и такъ глубоко, какъ дѣйствіе произведеній художественныхъ и чисто-творческихъ. Такіе поэты, какъ Пушкинъ, Гоголь, способствовали

дѣйствительной реформѣ въ нашемъ общественномъ сознаніи: желательно знать, какіе публицисты похвалятся тѣмъ, что оказали хоть на половину столько-же услугъ нашему обществу, какъ тѣ поэты? Бодро ратуя лишь за пользу и противъ всего того, что имѣетъ, по ихъ мнѣнію, лишь идеальный характеръ,— ссылаясь, притомъ, единственно на опытъ и проповѣдуя вѣру лишь на основаніи опыта — наши юные реалисты, какъ еще и многіе мастистые мужи, между прочимъ тѣмъ и погрѣшаютъ въ своихъ сужденіяхъ, что слишкомъ тѣсно понимаютъ они свою „пользу", да что-то уже слишкомъ ограниченное разумѣютъ и подъ опытомъ. По ихъ понятіямъ, напримѣръ, какая въ томъ польза или какой въ томъ вредъ Русскому обществу, если его живописцы больше прославляютъ въ своихъ эскизахъ роскошь и нѣгу Итальянскаго неба, чѣмъ сумрачную природу собственной родины,— когда, умѣя прекрасно изобразить и Испанца, и Турка, даже миѳологическихъ богинь Олимпа, они — сущіе невѣжды относительно всего, что касается прямо-Русскаго быта? Что за бѣда, думаютъ эти наши маститые мужи и юные реалисты, въ томъ напримѣръ, что сами Русскіе архитекторы — закажи имъ только — тотчасъ набросаютъ тысячу проектовъ и греческой колонады, и новаго папскаго Ватикана, только ни за что на свѣтѣ не возсоздадутъ всей красы нашего древняго теремнаго узорочья или всего строго-высокаго и невыразимо глубокаго величія древнихъ церквей и соборовъ? Какой наконецъ, думаютъ они, вредъ и въ томъ еще, что сами наши Русскіе поэты болѣе чувствуютъ себѣ родственными чужіе и къ намъ заносные типы иноземной дѣйствительности, а не свои коренные Русскіе идеалы?... Опытъ исторіи всего человѣчества, однакожъ, съ самаго начала и до нашихъ дней включительно, показываетъ вотъ что̀: только тотъ народъ, который вполнѣ самобытенъ въ своемъ искусствѣ, который не ходитъ къ чужимъ народамъ ни для украшенія своихъ городскихъ улицъ и зданій заемными каріатидами и миѳологическими чуждыми божествами,— ни въ своей музыкѣ, ни въ живописи, ни въ поэзіи не гоняется-же за иноземными образцами, а самобытно создаетъ свои во всѣхъ сферахъ искусства и развиваетъ ихъ сообразно собственному народному быту,— только такой народъ, говоримъ, и оказывается еще всегда великимъ знатокомъ и того даже, что̀ ему пригодно и что́ для него вредно? куда направить свои симпатіи и на что обратить свою антипатію въ самыхъ даже вопросахъ меркантилизма и по-

литики? Такъ какъ смысломъ вообще всякаго искусства есть и было ничто другое, какъ народное самосознаніе, то, подъ конецъ всего, нами сейчасъ отмѣченный историческій опытъ ничего не представляетъ ни страннаго, ни неожиданнаго; не будемъ болѣе о томъ распространяться Замѣтимъ только, что у всякаго народа, на время запамятовавшаго коренныя начала собственной народности и порабощеннаго на время чуждою цивилизаціей, освобожденіе изъ-подъ ея гнета, возвращеніе къ своей народности — всегда начиналось, раньше чѣмъ въ сферѣ всѣхъ другихъ искусствъ, именно въ поэзіи. Пока музыка такого народа не производила еще ничего замѣчательно-самобытнаго, пока архитектура у него страдала еще всѣми заёмными образцами, взятыми на прокатъ у другихъ народовъ, — пока и живопись его находилась еще въ такомъ же рабствѣ, — поэзія, случалось не разъ, уже воскрешала съ чарующей силой прямо-народные идеалы и пробуждала въ эмансипировавшемся обществѣ свѣжее народное чувство. Вотъ почему, кажется намъ, всякій современный критикъ долженъ всѣми силами вооружаться противъ того узкаго, жалкаго взгляда, будто мы пережили теперь въ нашей литературѣ безвозвратно періодъ чистой художественности. Нельзя сочувствовать все болѣе и болѣе распространяющейся въ нашемъ журнализмѣ праздной, тощей и водяной публицистикѣ. Нельзя сочувствовать и тому, что современные наши журналы, все болѣе и болѣе отодвигая на задній планъ интересъ художественный, не въ шутку вообразили, что они умно и хорошо дѣлаютъ. Съ своей стороны, прежде всего, привѣтствуемъ въ нашей журналистикѣ именно то̀, въ чемъ сказалась настоящая художественная задача, что всего ближе отвѣчаетъ сущности искусства, являясь, если еще не прямо самосознаніемъ народа, такъ хотя искреннею къ тому попыткой. Новая пьеса г-на Островскаго въ первомъ нумерѣ Современника „Сонъ на Волгѣ“ — вотъ, безспорно, первое, что въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманіе и мы полагаемъ посвятить ей отдѣльный разборъ. Пока возвратимся къ нашимъ журнальнымъ замѣткамъ.

Что касается до новаго романа Библіотеки для Чтенія „Земскія Силы“, то онъ способенъ убѣдить читателя лишь въ слѣдующемъ: въ томъ, во-первыхъ, что художественная форма романа служитъ подчасъ автору только прикрытіемъ для все той-же водянистой и тощей публицистики; а во-вторыхъ, въ томъ, что общество наше живетъ и въ самомъ дѣлѣ, какъ мы сказали, больше

одними миражами. Самое „земство“, „земля“, „земское начало“, какъ ихъ понимаетъ г. Боборыкинъ, все это оказывается чѣмъ-то совершенно призрачнымъ въ романѣ. Всѣ эти нешуточныя, очень вѣскія и такъ сказать тяжелыя на подъемъ понятія — обращены г-мъ Боборыкинымъ въ легкое перушко, и оно — стоитъ только дунуть — носится куда ни попало. Оказывается еще, что тѣ „Земскія Силы“, созерцаніемъ которыхъ занятъ г-нъ Боборыкинъ, ничуть не въ состояніи дать обильнаго матеріала для дѣйствительнаго романа. Авторъ, можетъ быть, возразитъ намъ, что въ двухъ первыхъ нумерахъ Библіотеки для Чтенія мы прочитали только начало его колоссальнаго труда, а начало еще ничего не значитъ; весь-же романъ едва-ли даже умѣстится и во всѣхъ двадцати четырехъ книжкахъ Библіотеки для Чтенія. Нѣчто именно въ этомъ родѣ возражаетъ онъ редакціи Санктпетербуржскихъ Вѣдомостей (См. Библ. № 2 „С.-Петербуржскимъ Вѣдомостямъ“), осмѣлившейся отозваться неблагосклонно объ его романѣ. Но въ художественномъ произведеніи, отвѣтимъ автору, нѣтъ ничего незначущаго. При томъ во 2-й январской книжкѣ мы присутствовали уже вмѣстѣ съ авторомъ романа и на „Мировомъ Съѣздѣ“, слышали уже тамошніе „дебаты“, ознакомились по крайней мѣрѣ по слухамъ съ „волостнымъ правленіемъ“; наконецъ уже совершенно ознакомились съ героемъ романа, графомъ Сѣвскимъ, этимъ воплощеніемъ „земскихъ силъ“, и нѣсколько разъ побывали въ его кабинетѣ, т. е. въ самомъ пѣклѣ этихъ удивительныхъ силъ... Если не для послѣдняго нашего слова о „Земскихъ Силахъ“, то хоть по крайней мѣрѣ для перваго (вѣроятно, однакожъ, и послѣдняго), всего этого уже намъ слишкомъ достаточно. Романъ сшитъ на живую нитку, поражаетъ непростительною черновой работой — и весьма скученъ, какъ въ общемъ составѣ, такъ и въ своихъ подробностяхъ. Дѣйствіе открывается свисткомъ машины, которая привозитъ графа Сѣвскаго въ губернскій городъ Б*, гдѣ находится его постоянная квартира. Было-бы, положимъ, не такъ эффектно начать съ того, что графъ Сѣвскій напр. проснулся въ своей квартирѣ послѣ краткаго отдыха; но какъ вся первая глава, такъ еще и весь романъ могли-бы совершенно одинаково, какъ при первомъ, такъ и при второмъ началѣ, продолжаться строка въ строку и слово въ слово въ теперешнемъ его видѣ. Мало сказать, что романъ лишенъ всякой хотя-бы малѣйшей художественности; его нельзя отнести и къ разряду дагерротипныхъ. Нигдѣ въ немъ не

чувствуешь даже этой грубой, и дагерротипу доступной, правды: такъ мало жизненности во всемъ напускномъ и поддѣльномъ азартѣ его героевъ. Тоже должно сказать и по поводу такъ называемаго изобрѣтенія: простой внѣшней связи, чисто-внѣшней гармоніи и цѣльности, которыми славятся даже весьма дюжинные таланты, не достаетъ слишкомъ торопливому и прямо съ черна на бѣло пишущему свой романъ, г-ну Боборыкину. Такого рода спѣхъ работы, пожалуй еще простительный въ публицистикѣ, рѣшительно невыносимъ въ „Изящной Словесности". Для насъ только однимъ и объяснимъ въ современной журналистикѣ наплывъ подобныхъ произведеній. При неестесственномъ и далеко не по нашимъ силамъ развившемся у насъ журнализмѣ — запросъ на повѣсти и романы огромный; а легкая возможность подцвѣтить всякую беллетристическую дрянь такъ-называемымъ „соціальнымъ интересомъ" и придать ей пряности дешевыми варіаціями на современныя темы — и вовсе избавляетъ авторовъ отъ необходимости строго обдумывать, какъ общій планъ, такъ и подробности своихъ произведеній, — они и пекутся какъ блины. Учащенный выходъ книжекъ, задуманный въ нынѣшнемъ году Библіотекой для Чтенія и Отечественными Записками, грозитъ нашей беллетристикѣ окончательнымъ прогрессомъ въ этомъ родѣ.

Что касается до автора Взбаламученнаго Моря, то въ своихъ нынѣшнихъ „Русскихъ лгунахъ" послѣ того достопамятнаго романа — онъ уже и сейчасъ дивитъ міръ страшнымъ прогрессомъ. Если „Взбаламученное Море" отличалось хотя внѣшнимъ видомъ соціальнаго интереса и современности, то уже въ „Русскихъ лгунахъ" нѣтъ и этого. За то „Взбаламученное Море" тянулось чуть не весь годъ такъ себѣ просто, и авторъ только въ концѣ почувствовалъ надобность заключить его удивительною родомонтадой: здѣсь такая надобность почувствована имъ съ самаго начала. Тамъ мы только при заключеніи узнали, что трудъ г-на Писемскаго переживетъ вѣка и безъ него не обойдется ни одинъ будущій историкъ, — въ „Русскихъ лгунахъ" внушается это „почтеннѣйшей" публикѣ съ разу. Оговоривъ, что по этимъ съ виду легкимъ очеркамъ нашего отечества, можно будетъ со временемъ „почти безошибочно опредѣлить степень умственнаго, нравственнаго и даже политическаго развитія страны", г-нъ Писемскій съ отвагой столько же изумительной, какъ и несвязность его разсказовъ, приступаетъ къ самимъ очеркамъ.

„Русскіе лгуны“, „Die Russiche Lügner“, „Les menteurs russes“, „Russian Liars“... Прочтетъ это заманчивое заглавіе, и Русскій, и Нѣмецъ, и Французъ, и Англичанинъ; допустимъ — съ жадностью накинется на эти разсказы, такъ-таки и сулящіе именно Русскій — загадочный для всего міра — характеръ разгадать до тла и разобрать по ниточкѣ. Правда, авторъ обѣщаетъ разгадать характеръ не вообще Русскаго человѣка, а только Русскаго лжеца... Но шутка-ли самое это? Ложь бывала изображаема не разъ даже міровыми художниками; при томъ у всякой націи она выражается по своему и уловить національныя черты хотя бы лжи одной — достойно не только талантливаго, а даже и геніальнаго творчества! Гоголевъ Хлестаковъ развѣ не геніально созданное лицо въ этомъ смыслѣ? и не узнаётся-ли въ немъ еще не только Русскій лжецъ, а даже лжецъ того города, въ который онъ по почтѣ шлетъ письмо „его Благородію Тряпичкину?“...

Но, обратившись къ очеркамъ г-на Писемскаго, и Нѣмецъ, и Французъ, и Англичанинъ, а прежде всего всякій изъ Русскихъ, съ первыхъ-же строкъ почувствуетъ только ложь самихъ очерковъ. Начать съ того, что всѣ эти выведенныя лица не то что лжецы, какъ они громко названы авторомъ, а просто врали, разсказывающіе — и при томъ разсказывающіе весьма скучно — побасенки въ родѣ тѣхъ, которыми наполнены извѣстныя изданія не любо не слушай, существующія у всѣхъ народовъ и на всѣхъ языкахъ. Какого-нибудь намека на національную характеристичность, понятное дѣло, при этомъ и быть не можетъ. Нѣкоторые изъ остротъ, употребленныхъ авторомъ, попадаются даже въ подобнаго рода Французскихъ и другихъ иностранныхъ изданіяхъ. Пусть однакожъ авторъ отстаиваетъ свое право собственности на всѣ эти небылицы, — пусть онъ докажетъ, что даже въ тѣ иностранныя не любо не слушай эти всѣмъ извѣстныя завиранія попали только черезъ его посредство и никто другой, какъ онъ, остается ихъ подлиннымъ авторомъ — что̀ изъ этого? выиграетъ-ли черезъ это онъ сколько-нибудь въ характеристичности? Сомнительно.

IV.

Было-бы неправдоподобно утверждать, что у насъ подъ нигилизмомъ разумѣютъ что-то вымышленное и небывалое. Это образъ, взятый живьемъ изъ дѣйствительности. Подъ нигилиз-

момъ разумѣютъ у насъ нѣчто весьма опредѣленное и для всѣхъ хорошо извѣстное.

Не смотря однакожъ на это, два журнала—Современникъ и Русское Слово — постоянно отрицаются отъ нигилизма. Правда, Русское Слово отвергаетъ не самое направленіе, а то лишь толкованіе, которое за нимъ утвердилось въ обществѣ. Русское Слово даже признаётъ это направленіе за свое,— но оно окрещиваетъ его другимъ именемъ. Русское Слово вѣритъ — и вѣритъ съ искренностью, которой трудно-бы въ мірѣ отыскать равную — что публика мало вдумалась въ это глубокое направленіе и вся бѣда лишь въ этомъ. Если-бы только „не наклеветали на Тургеневскаго нигилиста", если-бы вдумалась только „сударыня-публика" въ истинное значеніе нигилизма, какъ реализма, а нигилистовъ, какъ реалистовъ—и тогда, представляется Русскому Слову, всѣ остальныя направленія журналовъ разлетѣлись-бы, а нигилизмъ одинъ восторжествовалъ-бы. И такъ, Русское Слово не отрицаетъ, какъ видимъ, самого направленія; оно только соболѣзнуетъ, что по поводу его публика вдалась въ ошибку. Но что касается до Современника, то сей опытный мужъ и слышать не хочетъ объ нигилизмѣ. Современникъ бьется объ закладъ, что нигилизмъ — именно праздная мечта художника и несбыточный вымыселъ. Подъ этимъ именемъ, утверждаетъ онъ, у насъ именно разумѣютъ что-то мнимое и небывалое,— что-то такое, словомъ сказать, чего даже подобія никогда не существовало въ нашемъ обществѣ, въ нашей литературѣ. Пусть въ этомъ случаѣ Современникъ, что называется только себѣ на умѣ; пусть онъ въ этомъ случаѣ — правъ; допустимъ, что нѣтъ и не было нигилизма!... А намъ, тѣмъ не менѣе, приходится говорить въ нынѣшнихъ журнальныхъ замѣткахъ о томъ самомъ направленіи, которое общество привыкло называть этимъ именемъ. Намъ припоминаются слова поэта: „роза, и безъ имени роза, пахла-бы розою"; мы будемъ говорить именно о томъ направленіи, въ которомъ Русское Слово и Современникъ — превосходствуютъ. Но какое-же это направленіе? если не имя, слѣдуетъ однако придать ему нѣкоторые признаки, по которымъ можно бы было отличать его отъ другихъ. Какое-же это направленіе? Самъ Современникъ, само Русское Слово опредѣляютъ его въ своихъ февральскихъ книжкахъ, какъ нельзя точнѣе. Они даютъ намъ возможность говорить объ этомъ многоименитомъ направленіи, не при-

бѣгая ни къ какому особенному имени, — и притомъ называть его такъ, что уже имъ нельзя будетъ отъ него отрицаться. Въ февральской книжкѣ Современника на 378-й страницѣ Современнаго Обозрѣнія, читаемъ:

„Возрожденіе нашей литературы началось, какъ извѣстно, съ 1855-го года. 1855-го года Современникъ совершенно переродился; физіономія Современника совершенно опредѣлилась и оставалась уже неизмѣнною во все послѣдующее время. Другіе журналы, если не поняли, то безсознательно почувствовали, что отъ Современника вѣетъ новымъ духомъ, что въ немъ появилась сила, опасная для нихъ и для всего журнальнаго statu quo“.

Этотъ новый духъ вѣющій названъ далѣе еще „зарею возрожденія нашей литературы“. И такъ, мы будемъ говорить только о немъ, о направленіи, которое здѣсь самимъ Современникомъ опредѣлено такъ категорически; и читатель, думаемъ, совершенно согласится съ нами, что безъ всякаго ущерба дѣлу можно будетъ теперь толковать о нигилизмѣ, называя его пожалуй и „новымъ духомъ вѣющимъ“ и „зарей возрожденія“. Мы даже готовы допустить, что нигилизмъ отъ этого только выиграетъ...

Не можетъ худое дерево приносить добрыхъ плодовъ,—вотъ та великая истина, которую нынче и Современникъ и Русское Слово подтверждаютъ на нашихъ глазахъ самымъ живымъ, самымъ нагляднымъ образомъ. Послѣднія книжки этихъ журналовъ поражаютъ такою „мерзостью запустѣнія“ (нельзя-бы выразиться иначе), что не остается никакого сомнѣнія на счетъ скорой смерти — не говоримъ обоихъ этихъ журналовъ, а того дѣла, направленія, идеи наконецъ... которымъ они думали служить. Далѣе идти нельзя, и дѣться ужъ некуда.

„Новый духъ вѣющій“ и „заря возрожденія“ уже вполнѣ тутъ оказались тѣмъ именно, чѣмъ они были съ самаго начала; они оказываются мертвымъ духомъ и зарею — къ ночи. Кто хотя сколько-нибудь сомнѣвался въ этомъ; кто еще хотѣлъ обманывать себя на счетъ дѣйствительнаго значенія „новаго духа“, вѣющаго отъ Современника съ Русскимъ Словомъ, тотъ именно теперь откажется отъ своей похвальной терпимости...

Заря возрожденія!! Новый духъ вѣющій?? Съ 1855 года (то-есть съ тѣхъ поръ, какъ въ Современникѣ завелись такіе сотрудники, какъ авторъ „Очерковъ Гоголевскаго періода“ и „Эстетическихъ отношеній къ дѣйствительности“ да г. Добролюбовъ), дѣйствительно, отъ Современника понесло особымъ духомъ.

Но если отдать себѣ отчетъ, какимъ именно — то придешь прямо къ противному заключенію объ этомъ журналѣ за этотъ періодъ, къ предположенію прямо навыворотъ тому, которое звучитъ въ словахъ заря или возрожденіе. Впрочемъ, что касается самого года, этого 1855 года, то на его счетъ возникли сомнѣнія. Что возрожденіе началось въ эту именно пору — за это стоитъ г. Антоновичъ; но другой духоносецъ этого періода, издатель Русскаго Слова г. Благосвѣтловъ утверждаетъ, что „возрожденіе Современника" случилось позднѣе. Ученые, кажется, должны будутъ принять второе мнѣніе, т. е. г. Благосвѣтлова. По крайней мѣрѣ, этотъ знатокъ неоспоримо доказываетъ, что Современникъ даже и въ 1857 году еще не возрождался; къ этому году „старый и дряхлый Современникъ" только „требовалъ возрожденія!" — говоритъ г. Благосвѣтловъ. И сей писатель вмѣняетъ себѣ въ особую заслугу, что самъ онъ, между прочимъ, „помогъ растрясти его обветшавшее зданіе и возродить новое". И такъ, г-нъ Благосвѣтловъ оказывается, послѣ всего, знатокомъ въ этомъ дѣлѣ не хуже самого г. Антоновича; послушаемъ-же, что онъ говоритъ о возрожденіи Современника. Опровергнувъ мнѣніе Посторонняго Сатирика, что эра возрожденія началась съ 1855 года, г. Благосвѣтловъ продолжаетъ:

„Кромѣ того, мнѣ было-бы не трудно доказать вамъ безчисленными выписками изъ критическаго отдѣла Современника, даже за 1856 годъ, что онъ и въ этомъ году еще не думалъ возрождаться. Такъ, въ 1856 году въ немъ дебютировалъ, какъ критикъ, П. В. Анненковъ... Первый-же отдѣлъ Современника въ этомъ году постоянно украшался слѣдующими сотрудниками: Фетъ, Майковъ, Грековъ, Полонскій, Дружининъ, Анненковъ, Гербель, Тютчевъ, Гончаровъ и tutti quanti. На первой книжкѣ Современника 1857 года читаемъ даже такую рекламу: съ 1857 года будутъ принимать исключительное и постоянное участіе въ Современникѣ: Д. В. Григоровичъ, А. Н. Островскій, графъ Л. Н. Толстой и И. С. Тургеневъ. Когда я вамъ указалъ на этотъ фактъ, вы отвѣтили, что они изгнаны изъ Современника. Какъ ни пріятно долженъ звучать этотъ трактирный терминъ въ ушахъ г. Некрасова, по отношенію къ его старымъ друзьямъ, но дѣло не въ томъ, что „ибо были изгнаны", а когда? До возрожденія Современника или послѣ? Если послѣ, то мы вправѣ считать не 1855 годъ эпохой возрожденія, а 1858 или 1859. Такъ оно и должно быть".

Далѣе, неутомимый изыскатель точной цифры года „возрожденія" Современника, г. Благосвѣтловъ, ставитъ на видъ еще слѣдующія, также довольно вѣскія, соображенія:

„Сколько мнѣ помнится, первая критическая статья автора „Эстетическихъ отношеній къ дѣйствительности“ была напечатана въ послѣдней книжкѣ Современника за 1855 годъ. Статья эта называлась: „Очерки Гоголевскаго періода Русской литературы“. Какъ-бы ни была превосходна эта статья сама по себѣ, но можно-ли было молодому сотруднику вдругъ перевернуть направленіе журнала и очистить его аугеевы ясли отъ тѣхъ, кто теперь пасется на зеленыхъ лугахъ Русскаго Вѣстника? Нѣтъ, нельзя... Поэтому очищеніе аугеевыхъ яслей происходило постепенно, и возрожденіе Современника, благодаря общимъ и стройнымъ усиліямъ Добролюбова и автора „Эстетическихъ отношеній“, совершилось гораздо позже, чѣмъ вы думаете. Такимъ образомъ, Современникъ вышелъ на новую дорогу не въ 1855 году, а позднѣе“ („Русское Слово“, февраль, „Литературное Обозрѣніе“, стр. 74—75).

Какое многостороннее и въ то-же время категорическое, какъ мы сказали, опредѣленіе того направленія, которое насъ занимаетъ! Будемъ пожалуй его называть эпохой возрожденія, зарею, самимъ сѣвернымъ сіяніемъ, если угодно. Развѣ публика его не узнаетъ и подъ этими сладкозвучными именами? Но тогда, по крайней мѣрѣ, ни Современникъ, ни Русское Слово болѣе не станутъ отъ него отрицаться. И такъ, что-жъ это былъ за новый духъ вѣющій? что за очищеніе? что за возрожденіе?

Не было той дикости, которой не проповѣдывала-бы вслухъ извѣстная часть Петербуржской журналистики за это время, и не было той грязной выходки, которую-бы она себѣ не позволила — вотъ существенныя доблести этой эпохи à la Renaissance. Наглость, изворотливость, какое-то мастерство лжи и побѣдительный блескъ во взорѣ отъ сознанія именно своей непревосходимости въ этомъ искусствѣ—вотъ коренныя отличія ея нравственнаго достоинства. Заносчивость школьника, тайкомъ прочитавшаго двѣ-три запрещенныхъ книжки, и его-же капитальное невѣжество — вотъ вѣчно одни и тѣ-же проблески этой „зари возрожденія“. Можно смѣло сказать, не было того истинно-достойнаго или мало-мальски порядочнаго произведенія въ нашей литературѣ, которое сейчасъ-же не подвергалось-бы со стороны этого новаго вѣющаго духа всяческому оплеванію и осмѣянію. Не было, напротивъ, мельчайшей брошюрки или статейки, ученаго волюминознаго трактата или бѣглой повѣстушки, появленіе которыхъ не привѣтствовалось-бы сейчасъ эпохой возрожденія въ трубы и въ литавры—лишь-бы авторъ въ нихъ, что называется, выкидывалъ колѣнце. И всякія средства считались позволенными для духоносцевъ этой эпохи, лишь-бы достигать своихъ цѣлей, лишь-бы давать

просторъ новому вѣющему духу. Искаженіе мыслей автора, перетасовка цитируемыхъ изъ него строчекъ, глумленіе надъ нимъ, сочиненіе на его счетъ небывалыхъ анекдотовъ, все допускалось въ полемикѣ не въ видѣ нечаянной обмолвки, а въ видѣ правила, очень сознательно принятаго для руководства.

Впрочемъ, намъ нѣтъ никакой надобности останавливаться надъ характеристикой всѣхъ блестящихъ свойствъ „возродившейся" литературы,— сами господа Благосвѣтловъ и Антоновичъ, эти первенцы „новаго вѣющаго духа" расточать передъ публикой все многообразіе даровъ его, въ сегодништхъ журнальныхъ замѣткахъ. Большіе искусники въ борьбѣ à la Renaissance, духоносцы этой великой эпохи,— они обратились теперь одинъ противъ другаго и разятъ другъ друга по всѣмъ правиламъ своего искусства. Современникъ и Русское Слово схватились между собою на смерть въ февральскихъ книжкахъ; читая эти книжки, видишь, какъ эта пресловутая эпоха возрожденія — сама себя наконецъ хоронитъ. Но прежде чѣмъ приступить къ описанію этой послѣдней борьбы, остановимся на одномъ эпизодѣ, который, собственно говоря, и подалъ къ ней поводъ, — это курьёзъ не изъ послѣднихъ. Возникла горячая полемика между Современникомъ и Русскимъ Словомъ по вопросу о Неграхъ, — разскажемъ вкратцѣ въ чемъ тутъ дѣло.

Видите-ли, многіе ученые особенно симпатичные для нашихъ реалистовъ — Гексли и Фогтъ напримѣръ — стоятъ на томъ, что млекопитающіе черной расы (т. е. Негры) и млекопитающіе бѣлой расы (т. е. Европейцы) — совершенно два разныхъ сорта млекопитающихъ. Если это такъ—а реалисты Русскаго Слова и не сомнѣваются, что оно такъ—тогда надо имѣть смѣлость своихъ убѣжденій! какъ говорятъ Французы. Такъ какъ „Фогтъ и Гексли, говоритъ Русское Слово, признаютъ Негра низшимъ по организаціи, чѣмъ бѣлый человѣкъ, то и рабство черной расы представляется явленіемъ совершенно естесственнымъ и нормальнымъ". На этомъ Русское Слово и стало себѣ въ побѣдительной позѣ человѣка, изумившаго міръ стойкостью своихъ убѣжденій. Мы находимъ, что съ точки зрѣнія чистаго реализма, Русское Слово право. Оно имѣетъ законное основаніе поглядывать теперь съ гордостью на противниковъ: вы, дескать, и принимаете взглядъ Фогта и Гексли, да боитесь выводовъ; а я, Русское Слово, разъ приняло ихъ взглядъ, такъ отстаиваю молодцомъ и вы-

воды, логически изъ него вытекающіе! Вѣроятно, вслѣдствіе опечатки, но въ подлинникѣ стоятъ даже не выводы, а выгоды. Однакожъ, это можетъ быть и не опечатка: съ точки зрѣнія чистаго реализма, пожалуй, представляется еще и выгодно на-слѣпо вѣрить авторитету Гекслей и Фогтовъ! „Но, какъ скоро взглядъ ихъ будетъ принятъ, то должны быть приняты и вытекающія изъ него логическія выгоды“ говоритъ Русское Слово (декабрь, 1864 г. Библ. листокъ, стран. 22, строки 7—9). Съ своей точки зрѣнія, повторяемъ, Русское Слово совершенно право. Пусть докажутъ ему, что съ точки зрѣнія глубочайшихъ интересовъ души человѣческой, всѣ люди между собою братья и нѣтъ болѣе Еллина, нѣтъ болѣе Скиѳа. Для реалиста, допустимъ, это не убѣдительно: оно и мелочно и случайно! Но какой-же онъ будетъ реалистъ, и еще развѣ онъ лиходѣй самому себѣ, чтобы не признавать различія бѣлой и черной расы млекопитающихъ, когда все это „обусловливается не какими-нибудь случайными признаками, а естественно-историческими!“

Чуткій Современникъ однакоже сразу смекнулъ, что тутъ дѣло не ладно. „Это промахъ! это со стороны новѣйшихъ реалистовъ непростительный промахъ!“ сейчасъ-же завопилъ этотъ ловкій и старѣйшій представитель естественно-историческаго принципа въ философіи.

Онъ не сообразилъ однако, что съ точки зрѣнія чистаго реализма, дилемма по вопросу о Неграхъ и точно выходитъ безвыходною! Вопросъ поставленъ Русскимъ Словомъ прямо. Принялъ основанія, прими и послѣдствія; стоишь на своемъ, что кромѣ естественно-историческаго принципа, все трынъ-трава на свѣтѣ—не возмущайся тогда и тѣмъ, напримѣръ, „что вопросъ объ отношеніяхъ бѣлой и черной расъ съ точки зрѣнія вопроса объ единствѣ или не единствѣ человѣческаго рода рѣшается иначе, чѣмъ съ точки зрѣнія чисто-филантропической!“ Кто не похвалитъ Русскаго Слова за откровенность? Такъ, совершенно такъ! Русское Слово окончательно выступаетъ, какъ бѣдовое дитя реализма!.. его искренность и простота въ доведеніи началъ своего ученія до абсурда—безпримѣрна! Взявъ за основу всей философіи извѣстное положеніе, Русское Слово—положимъ даже вмѣстѣ съ господами Фогтомъ и Гексли—дошло наконецъ путемъ самыхъ простыхъ умозаключеній до совершеннаго абсурда: „рабство Негровъ—явленіе вполнѣ нормальное“. Чего же лучше?

этотъ самый абсурдъ казалось бы и долженъ надоумить реалистовъ о неосновательности положенія, которое вольно-жъ имъ было и брать во главу угла всей философіи!

— Нѣтъ, вмѣшивается въ этотъ споръ Современникъ— въ нашемъ вопросѣ о Неграхъ... развѣ вы не видите въ чемъ все дѣло? Слушайте: и Фогтъ, и Гексли конечно правы, полагая существенную разницу между сортами млекопитающихъ; правы и вы, когда, отвергая точку зрѣнія какихъ-то высшихъ человѣческихъ интересовъ, все низводите исключительно къ млекопитанію. Но дѣло въ томъ, что „истинно-гуманные люди, особенно реалисты, должны заботиться о смягченіи даже рабства животныхъ, даже ихъ права защищать, не говоря уже о Неграхъ, которые все-таки люди".— (Современникъ №№ 11, 12. Посторонній Сатирикъ).

Истинно-гуманные люди (повторимъ опять эти напечатанныя слова Посторонняго Сатирика), особенно реалисты, должны заботиться о смягченіи рабства даже животныхъ! даже ихъ права защищать, не говоря уже о Неграхъ, которые все-таки люди!! Вотъ оно, истинное-то понятіе гуманности! Мудрость еще библейская завѣщала намъ совѣтъ: „блаженъ мужъ, иже и скоты своя милуетъ"; этотъ совѣтъ чтитъ еще и человѣкъ XIX вѣка, по скольку въ немъ выражено желаніе, чтобы въ своихъ отношеніяхъ человѣкъ даже на всю безсловесную природу переносилъ ту святость, ту нравственность, которыми должны быть запечатлѣны между людьми всѣ ихъ собственныя взаимныя отношенія. Но опытный реалистъ Современника понимаетъ всѣ вещи навыворотъ: самую гуманность людей къ людямъ, то-есть Европейцевъ къ Неграмъ, онъ ничѣмъ лучше не нашелъ оправдать и объяснить себѣ, какъ гуманностію къ животнымъ (?) и, признавая еще какія-то юридическія права за безсловесными, онъ едва-ли и всѣхъ человѣческихъ правъ, такимъ образомъ, не признаётъ въ одномъ... скотоподобіи.

Этотъ самый споръ о Неграхъ и привелъ къ катастрофѣ, разразившейся теперь въ февральскихъ книжкахъ Русскаго Слова и Современника. Первенцы „новаго вѣющаго духа", сыны „зари" и духоносцы великой „эпохи возрожденія"—съ одной стороны представитель Современника, съ другой стороны представитель Русскаго Слова—обмѣниваются передъ публикой взаимными любезностями во вкусѣ à la Renaissance и расточаютъ другъ на друга столь извѣстные дары реализма... Мы ничего лучше не можемъ сдѣлать,

какъ изложить этотъ послѣдній споръ реалистовъ въ формѣ діалога — и всѣ реплики, какъ одного, такъ и другаго передадимъ въ подлинникѣ.

Этотъ діалогъ ведутъ между собою оба главнѣйшіе представители того и другаго журнала. Со стороны Современника выступаетъ Посторонній Сатирикъ (ниже мы увидимъ, кто онъ именно); со стороны Русскаго Слова выступаетъ самъ издатель г. Благосвѣтловъ.

Посторонній Сатирикъ.—„...Лукавый попуталъ г-на Благосвѣтлова... Онъ весь о натюрель раскрылся передъ публикой, обнаружилъ все свое нутро и валитъ, валитъ неудержимо все, что тамъ у него, невѣдомо ни для кого, лежало спрятаннымъ въ его нутрѣ. И въ настоящую минуту я держу этого самообнаружившагося г. Благосвѣтлова у себя на ладони и покажу его со всѣхъ сторонъ почтеннѣйшей публикѣ“. (Современникъ, февраль, Литерат. мелочи, стр. 368).

Издатель Русскаго Слова.—„Ахъ вы лгунишка! Ахъ, вы сплетникъ литературный! И вы собираетесь посадить меня къ себѣ на ладонь и показать публикѣ? Но я совѣтывалъ-бы вамъ не садиться ни на чью ладонь, а спрятаться куда-нибудь въ сапогъ и не показывать вашихъ безстыжихъ глазъ ни въ редакцію Современника, ни своимъ знакомымъ. А вамъ, г. Некрасовъ, не стыдно помѣщать такую мерзость на страницахъ вашего журнала? Или вы на все махнули рукой?“ (Русское Слово, Февраль, Литерат. Обозрѣніе, стр. 72).

Посторонній Сатирикъ. — „Ахъ, какъ онъ безсовѣстно запирается и лжетъ, этотъ г. Благосвѣтловъ!... Ужъ этого я признаюсь не ожидалъ даже отъ г. Благосвѣтлова; я зналъ, что онъ пойдетъ на самыя крайнія мѣры, чтобы спрятать свой замаранный хвостикъ, но такого безсовѣстнаго запирательства я ужъ никакъ не ожидалъ. Я никогда не грозилъ родственникамъ г. Благосвѣтлова и даже не знаю, есть-ли они у него до седьмаго колѣна... Вы, г. Благосвѣтловъ, нѣкогда въ графской передней почивали, вмѣсто лавровъ, на связкѣ парадныхъ гербовыхъ ливрей... Да, г. Благосвѣтловъ, я могу гордиться милостями „одного лица“ (авторъ „Эстетическихъ отношеній“, какъ это объясняютъ спорящіе), гордиться потому, что я заслужилъ ихъ; эти милости безконечно почетнѣе и выше, чѣмъ всѣ барскія и графскія милости, которыя пріобрѣтаются усердною стойкой въ графской передней и искуснымъ хожденіемъ на заднихъ лапкахъ передъ господами... Та, та, та, вотъ я того и добиваюсь, чтобъ вы указали печатно погрѣшности „одного лица“; я знаю, что прежде находясь на службѣ у г. Краевскаго и графа Кушелева-Безбородко, вы смѣло говорили объ этихъ погрѣшностяхъ, а теперь вотъ молчите и даже стараетесь прикинуться поклонникомъ „одного лица“. Повѣрьте, если-бы я былъ богатымъ бариномъ и если-бы вы мнѣ хорошенько угождали, я-бы тоже озолотилъ васъ: я-бы подарилъ вамъ журналъ, я-бы далъ вамъ типографію, я-бы далъ вамъ на первоначальное обзаведеніе,—на молъ,

тебѣ за вѣрную службу и помни своего барина!“ (Тамъ-же, стр. 369, 371, 373, 375, 376).

Издатель Русскаго Слова.—„Укажите хоть одну фразу во всѣхъ моихъ статьяхъ, которая была-бы лаемъ противъ автора Эстетическихъ отношеній. Если вы не укажете, то оставайтесь лгуномъ, помноженнымъ на три. Зачѣмъ-же мнѣ было лаять на него?—посудите вы сами, умная голова. Но вы и тутъ лжете, т. е. вы рѣшительно ни одного слова не можете сказать, чтобы не соврать и не напечатать вашего вранья на 20 или 30 страницахъ. Хлестаковъ мой утверждаетъ, что я спалъ въ графской передней на ливреяхъ. Дѣйствительно, спалъ, и тогда-же убѣдился, что гораздо приличнѣе находиться въ обществѣ ливрейныхъ лакеевъ, чѣмъ въ такой компаніи, какъ литературный лгунишка Современника и его пріятель, говорящій поносныя слова въ лицо. Посторонній Сатирикъ не упустилъ даже случая укорить меня тѣмъ, что я угождалъ графу Кушелеву, чтобы получить отъ него Русское Слово въ подарокъ. Журналъ этотъ, какъ извѣстно всякому, былъ принятъ послѣ закрытія его на 8 мѣсяцевъ въ 1862 году и когда графъ Кушелевъ отказался продолжать его, я съ величайшимъ рискомъ принималъ журналъ, въ которомъ я уже работалъ около двухъ лѣтъ, и оставить его не хотѣлъ. Отъ такихъ подарковъ я никогда не отказываюсь. Независимость-же этого ȯргана отъ какихъ бы то ни было графскихъ или другихъ вліяній извѣстна даже швейцару Кушелева, а потому я отсылаю г. Посторонняго Сатирика за справкой къ этому почтенному старику. Что-же до типографіи, то она пріобрѣтена мною... за сколько именно—объ этомъ г. Посторонній Сатирикъ можетъ узнать у того же швейцара“ (Тамъ-же стр. 74, 76, 77).

Посторонній Сатирикъ.—„Я приглашаю г. Благосвѣтлова, чтобъ онъ себя смазалъ той размазней, о которой онъ говоритъ, такъ чтобы изъ него вышелъ настоящій бутербродъ съ размазней... Нѣтъ, другъ мой... я ужъ не назову васъ ни душкой, ни милашкой, а просто бутербродомъ, да еще гнилымъ... Я остроту эту (острота „бутербродъ“) заимствовалъ отъ одного изъ редакторовъ Русскаго Слова, который всегда называетъ г. Благосвѣтлова въ глаза самыми поносными именами... мнѣ слѣдовало-бы повѣдать публикѣ тѣ поносныя, но справедливыя имена, которыми одинъ изъ редакторовъ Русскаго Слова называлъ г. Благосвѣтлова. Но я прощаю“. (Тамъ-же, стр. 372, 377).

Издатель Русскаго Слова.—„Что это за редакторъ Рус. Слова? не укажетъ-ли г. Посторонній Сатирикъ. Если это тотъ самый господинъ, который въ безобразномъ видѣ явился на обѣдѣ только-что похороненнаго Свириденки и щеголялъ остротами Фокина противъ меня и противъ Рус. Слова вообще, то мнѣ остается только прибавить, что этотъ господинъ говоритъ поносныя слова только въ тѣхъ случаяхъ, когда ему подаютъ салазки изъ какого-нибудь журнала и говоритъ всегда заочно. Впрочемъ, человѣкъ, которому осталось только кувыркаться колесомъ вмѣстѣ съ Фокинымъ, можетъ и не сознавать того, что говорить поносныя слова въ глаза другому лицу—отвратительно и для собственной физіоно-

міи убыточно. Чтобы поправить это лганье, я приглашаю г. Посторонняго Сатирика справиться у людей, знающихъ близко мои бывшія отношенія къ этому остряку, выдумавшему бутерброды". (Тамъ-же, стр. 77).

Посторонній Сатирикъ.—„Вотъ и выходитъ, что вы шалопай и бутербродъ!.. Не опровергай г. Благосвѣтловъ моихъ словъ объ немъ, не называй меня лжецомъ, я-бы оставилъ свои слова безъ доказательствъ, и замаранный хвостъ г. Благосвѣтлова такъ бы и оставался скрытымъ отъ взоровъ публики" (Тамъ-же, стр. 377, 378).

Издатель Русскаго Слова.—„Вы пожалуй способны и на то, чтобы открыть какую-нибудь безыменную статью и навязать ее мнѣ или поручить такому герою, какъ г. Ив. Дмитріевъ въ „Будильникѣ", сочинить нарочно для моего обвиненія. Нѣтъ, не дѣлайте этого; а то я жестоко уличу васъ, и вмѣстѣ съ грязнымъ хвостикомъ подарю вамъ и колпакъ съ ослиными ушами". (Тамъ-же, стр. 76). Наконецъ считаю не лишнимъ предупредить васъ, что если вы намѣрены и на будущее время касаться нравственной стороны моихъ убѣжденій и лгать, подобно приведенному мною случаю, то прошу васъ ставить подъ такими обвиненіями ваше собственное имя; иначе я принужденъ буду снять съ васъ маску и показать своимъ читателямъ, съ кѣмъ я имѣю дѣло?" (Тотъ-же, тому-же. Русск. Слово. I т. или смотри выписку Совр. февр., стр. 375).

Посторонній Сатирикъ.—„О, я былъ-бы этому безконечно радъ, потому что ваша дерзость дала-бы и мнѣ право и поводъ снять съ васъ маску; раскрыть всю вашу подноготную и повѣдать всему міру повѣсть о томъ, какъ вы вдругъ сдѣлались издателемъ Русскаго Слова. (Совр., февр. 375).

Издатель Русскаго Слова.—„Я долженъ объявить, что подъ маской Посторонняго Сатирика дебютируетъ г. Антоновичъ и кромѣ г. Антоновича едва-ли кто сталъ-бы такъ умно и такъ прилично дебютировать" (Рус. Слово, стр. 78).

Мы выписали изъ подлинника только малую долю. Занавѣсъ надъ возмутительной оргіей приподнятъ нами лишь вполовину.

„Новый вѣющій духъ" никогда еще не разражался такъ смрадно, какъ въ этихъ статьяхъ—двухъ главнѣйшихъ дѣятелей „эпохи возрожденія". Читатель, надѣемся, видитъ наконецъ самъ, что этотъ „новый вѣющій духъ Современника и его возрожденіе"—духота разлагающихся міазмовъ и уже совершенное гніеніе.

V.

Мы не даромъ заподозрили лихорадочную дѣятельность и возбужденность, которую Петербуржская журналистика выказала въ началѣ года. Въ той возбужденности и въ той лихорадочности со стороны редакцій, мы усматривали самый плохой знакъ для оцѣнки

дѣйствительныхъ, наличныхъ силъ нашего *насилованнаго*, какъ намъ казалосъ, журнализма.

Были-ли мы правы, — лучшимъ на это отвѣтомъ служатъ сами факты. Библіотека для Чтенія, вызвавшись было выдавать по двѣ книжки въ мѣсяцъ, кончила тѣмъ, что не выдаетъ теперь ни одной, а отложила свое изданіе впредь до осени. Эпоха окончательно прекратилась. Что касается до Отечественныхъ Записокъ, то онѣ продолжаютъ выходить своимъ чередомъ; но каковы-бы ни были достоинства или недостатки этого журнала, ему недостаетъ души журнала — направленія. *Энциклопедизмъ* — не направленіе; а Отечественныя Записки только имъ и щеголяютъ. Волей-неволей, ограничиваемъ пересмотръ журналовъ опять Русскимъ Словомъ да Современникомъ.

Читатели не забыли, можетъ быть, что въ послѣднемъ спорѣ реалистовъ обѣ спорящія стороны ссылались поминутно на книгу „Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности". Эта книга для реалистовъ нѣчто болѣе священное, чѣмъ алкоранъ для мусульманина. „Эпоха возрожденія", „новый духъ вѣющій", нигилизмъ или реализмъ (назовите, какъ угодно) начинаютъ свою геджиру именно съ появленія этой книги. Вотъ, г. Пыпинъ заблагоразсудилъ издать эту пресловутую книжку вторымъ изданіемъ; можно-ли было сомнѣваться, что весь лагерь реалистовъ не иначе будетъ привѣтствовать это событіе, какъ капитальнѣйшее и замѣчательнѣйшее изо всѣхъ литературныхъ событій за послѣднее время. Появились „Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности" вторымъ изданіемъ—появились въ самомъ дѣлѣ и восторженныя импровизаціи на эту тему, какъ въ Современникѣ, такъ и въ Русскомъ Словѣ. Хвала отъ нихъ г-ну Пыпину!

Увы, однакожъ! оказывается много воды утекло съ тѣхъ поръ, какъ этотъ алкоранъ впервые озарилъ умъ легковѣрнаго мусульманина. Съ свойственной всякому неофиту вѣрой, тогдашній приверженецъ „Эстетическихъ отношеній къ дѣйствительности" сразу ожидалъ наступленія новой эры, новаго золотаго вѣка для всего человѣчества. Вся бѣда, видите-ли, заключалась въ томъ, что люди съ самаго начала придавали слишкомъ большое значеніе и слишкомъ огромную цѣну такимъ пустякамъ, каковы напримѣръ поэмы Гомера, статуи Микель-Анджело и картины Рафаэля! Нужно было явиться смѣлому уму, который ясно-бы выговорилъ, что вся подобная дребедень выѣденнаго яйца не стоитъ,—и тогда

дѣло въ шляпѣ. Тогда—представлялось юному неофиту — человѣчество, безъ всякаго сомнѣнія, сразу отречется отъ „отвратительныхъ, вредныхъ“ (какъ ихъ называетъ г. Зайцевъ) эстетическихъ наслажденій; все обратится сейчасъ же къ *„реализму“*; а ужъ отъ реализма до золотаго вѣка — рукой подать.

Довольно просмотрѣть извѣстную часть нашей журналистики лѣтъ за восемь, за девять тому назадъ (или даже Русское Слово за сію минуту), чтобы дѣйствительно убѣдиться, что тàкъ, а не иначе представляли себѣ наши юные неофиты. Что-же? за горами-ли у всѣхъ эти какія-нибудь восемь или девять лѣтъ!.. А поклонники новаго ученія уже отказываются отъ своего алкорана. Иниціатива въ этомъ дѣлѣ, comme de raison, принадлежитъ Современнику. Г-нъ Антоновичъ уже не одинъ разъ предостерегалъ реалистовъ Русскаго Слова отъ опасности крайнихъ выводовъ. Заботливость, съ которой онъ постоянно искалъ отпарировать смертельные удары, наносимые „реализму“ самыми горячими его поклонниками въ лицѣ гг. Писарева, Зайцева и К°, эта заботливость со стороны г. Антоновича—истинно умилительна. Но что хотите? Русское Слово (это, какъ мы назвали его въ другомъ мѣстѣ, *пагубное дитя реализма*) твердо стоитъ въ своемъ рѣшеніи: оно хочетъ довести до абсурда, непремѣнно скорѣйшимъ путемъ и до полнѣйшаго абсурда, всѣ апоѳегмы своего ученія, всѣ идеалы своего алкорана. Умилительная заботливость г. Антоновича, такимъ образомъ, пропадаетъ совершенно даромъ. Больше того: по вопросу объ „Эстетическихъ отношеніяхъ искусства къ дѣйствительности“ эта заботливость г. Антоновича обратилась прямо во вредъ реализму, въ ущербъ ему. Изъ похвальнаго желанія, чтобы по вопросу „объ Эстетическихъ отношеніяхъ искусства къ дѣйствительности“ *новый вѣющій духъ* не вовсе разошелся со здравымъ смысломъ, г. Антоновичъ предложилъ реалистамъ Русскаго Слова нѣкоторые компромисы, которые если и не удовлетворяли всѣмъ строгимъ требованіямъ чисто-кровнаго реализма, за то по крайней мѣрѣ спасали его отъ необходимости въ вопросѣ объ искусствѣ договариваться до абсурда. Какъ-же поступило въ этомъ случаѣ Русское Слово? Оно поступило рыцарски. Оно тутъ-же уличило г. Антоновича въ отступничествѣ отъ ихъ общаго алкорана,— и молодцомъ вывело на свѣжую воду всю его схизму. Какъ онъ ни уловчался согласить реальный взглядъ на искусство съ требованіемъ здраваго смысла, но Русское Сло-

во пресѣкло ему къ тому всѣ пути и отняло всякую возможность. Вопросъ о несолидарности реальной точки зрѣнія на искусство ни съ какой другою, удовлетворяющей требованіямъ здраваго смысла, этотъ вопросъ—поставленъ теперь Русскимъ Словомъ внѣ всякаго спора. Сей любопытный эпизодъ по поводу „Эстетическихъ отношеній искусства къ дѣйствительности“ мы и хотимъ разсмотрѣть въ нынѣшнихъ журнальныхъ замѣткахъ.

Вотъ какія мысли приходятъ на умъ г. Антоновичу, теперь въ 1865 году, когда онъ перечитываетъ книгу „объ Эстетическихъ отношеніяхъ искусства къ дѣйствительности“ (тому назадъ девять-десять лѣтъ открывшую новую эру нашей литературы, очистившую аугеевы ясли, по выраженію г. Благосвѣтлова).

„Эстетическое наслажденіе, говоритъ г. Антоновичъ, есть нормальная потребность человѣческой природы, удовлетворяемая прекрасными предметами; и невозможно придумать никакого основанія, которое-бы могло дать право воспрещать или даже порицать удовлетвореніе этой потребности. Значитъ, искусство, какъ удовлетвореніе этой потребности, полезно, если бы оно даже больше ничего и не давало человѣку, кромѣ эстетическаго наслажденія, еслибъ оно было просто искусствомъ для искусства, безъ стремленія къ другимъ высшимъ цѣлямъ. Кромѣ того, эстетическое наслажденіе полезно и тѣмъ, что оно значительно содѣйствуетъ развитію человѣка, уменьшаетъ его грубость, дѣлаетъ его мягче, впечатлительнѣе, вообще гуманнѣе, сдерживаетъ его дикіе инстинкты, неестесственные порывы, разгоняетъ мрачныя своекорыстныя мысли, ослабляетъ преступныя намѣренія и возстановляетъ въ человѣкѣ тихую гармонію, устраняя диссонансы, производимые всѣмъ, что есть дурнаго въ людяхъ и ихъ отношеніяхъ; и это очень понятно, потому что искусство удовлетворяетъ естесственной, нормальной потребности, а человѣкъ всегда бываетъ лучше и добрѣе, когда его натура удовлетворяется во всѣхъ ея нормальныхъ потребностяхъ“ (Мартъ, „Современникъ“ 1865 г.).

Кажется, ясно? Г. Антоновичъ билъ недавно въ набатъ противъ искусства, поэзіи и эстетическихъ отношеній, наравнѣ со всѣми своими сотоварищами по журналу; полагалъ наравнѣ съ недоучившимися гимназистами, что искусство не имѣетъ никакой цѣли и никакого внутренняго самооправданія, а потому должно быть безпощадно изгнано изъ общества; полагалъ наконецъ, что если искусство и можетъ къ чему стремиться, то развѣ-развѣ къ слѣпому подражанію природѣ, а слѣдовательно опять-таки должно быть изгнано: никакое, дескать, подражаніе напримѣръ яблоку или винограду, кистью и красками на холстѣ, не сравнится съ дѣйствительнымъ яблокомъ и виноградомъ, сладкими на вкусъ и

съѣдобными. Г. Антоновичъ, наговорившій тысячу вещей въ этомъ родѣ или и еще болѣе забавныхъ, которыя и имъ самимъ и его сотоварищами по журналу высказывались на всѣ лады въ столь недавное время,—г. Антоновичъ, теперь, или справившись съ болѣе серьезными гимназическими руководствами или наконецъ умудренный собственнымъ своимъ личнымъ опытомъ по части художествъ, измѣнилъ свои взгляды. Онъ кается и винится теперь въ тѣхъ непростительныхъ грѣхахъ шаловливой юности; онъ откидываетъ взглядъ на искусство, свойственный только недоучившимся гимназистамъ, и смиренно принимаетъ тотъ самый, къ которому давнымъ-давно обязываетъ здравый смыслъ всего человѣчества, никакъ не считающій за дребедень и пустяки ни поэмъ Гомера, ни статуй Микель-Анджело, ни картинъ Рафаэля.

Можно бы было радоваться, и только радоваться, такому внезапному превращенію мнѣній Современника. Правда, какъ новообращенный поклонникъ искусства и новичекъ въ дѣлѣ „эстетическихъ наслажденій", г. Антоновичъ изъ одной крайности впалъ въ другую: его тирада о смягченіи нравовъ, гармоніи и пр. уже слишкомъ сантиментальна. Онъ еще, очевидно, не додумался до того, что человѣкъ и въ своихъ эстетическихъ стремленіяхъ одинаково долженъ быть подчиненъ неумолимымъ запросамъ правды и нравственности; онъ не додумался до того, что эстетическія стремленія, безъ этихъ запросовъ, сами по себѣ ничуть еще не дадутъ никакой гуманности: какъ Нерона или Геліогабала, они, эти артистическія струны, эти эстетическія стремленія способны еще навести на чудовищное желаніе любоваться напр. пылающимъ Римомъ или судорожною агоніей празднолюбцевъ, задыхающихся подъ моремъ розъ и фіалокъ, въ видѣ шутки обрушенныхъ на нихъ съ потолка. Но не въ этомъ дѣло. Конечно, говоримъ, было-бы желательно, чтобъ г. Антоновичъ приступалъ къ апологіи искусства съ бо̀льшимъ знаніемъ дѣла и точнѣе-бы умѣлъ опредѣлить его полезность; но во всякомъ случаѣ, на первый разъ довольно уже и того, что Современникъ смѣло и рѣшительно объявилъ себя за искусство, и потребность „эстетическаго наслажденія" заботливо принялъ подъ свою опеку. Г. Соловьевъ (прежній критикъ Эпохи, а нынѣ Отечественныхъ Записокъ) такъ выражаетъ свои сочувствія къ новой мысли, высказанной г-номъ Антоновичемъ.

„На мысль о связи нравственно-эстетическаго начала съ гуманнымъ — говоритъ онъ — мы налегали во всѣхъ своихъ статьяхъ.

Это, можно сказать, самая дорогая, самая близкая намъ мысль. Еще въ ноябрѣ прошедшаго года мы говорили и доказывали, что нравственное чувство есть тоже, что чувство эстетическое, примѣненное только къ дѣйствительной жизни.— Въ январѣ нынѣшняго года, продолжаетъ г. Соловьевъ, мы еще точнѣе, короче высказали эту же мысль. Натуральное чувство — чувство эстетическое и гуманное чувство или чувство человѣческое, находясь въ неразрывной связи другъ съ другомъ, должны служить основой настоящаго воспитанія.— Мы не хотимъ сказать всѣмъ этимъ, заключаетъ г. Соловьевъ, чтобы г. Антоновичъ отъ насъ заимствовалъ. Когда приходитъ время нарожденія новой мысли, то она является во многихъ головахъ разомъ" („Отечественныя Записки", іюнь, книжка 1-я. Вопросъ объ искусствѣ).

И такъ, новая мысль, явившаяся во многихъ головахъ разомъ, народилась въ Петербуржской журналистикѣ нынѣшнимъ лѣтомъ. Эта новая для Петербуржской журналистики мысль,—мысль, заключающаяся въ томъ, что „искусство смягчаетъ нравы" и которую, сказать мимоходомъ, можно повстрѣчать еще въ калиграфскихъ прописяхъ прошлаго вѣка,—эта мысль подняла противъ себя цѣлую бурю въ станѣ реалистовъ Русскаго Слова.

„О, г. Антоновичъ вы просто превзошли самого себя! (восклицаетъ г. Писаревъ въ майскомъ нумерѣ Русскаго Слова). Г. Дудышкинъ и г. Incognito, г. Страховъ и г. Косица, г. Аверкіевъ и г. Николай Соловьевъ стремятся въ ваши объятія. „Хочу цѣловать! хочу цѣловать!" поютъ они хоромъ, и непремѣнно поцѣлуютъ васъ, тѣмъ болѣе, что вы, смягченные и разнѣженные искусствомъ, т. е. ихъ пѣніемъ, *сдержите* ваши *неестественные порывы*, *разгоните* ваши *мрачныя мысли*, *ослабите* ваши *преступныя намѣренія*, *возстановите* въ себѣ *тихую гармонію*, *устраните диссонансы, производимые всѣмъ, что есть дурнаго въ людяхъ*, и, слѣдовательно, не станете отвертываться отъ филистерскихъ безешекъ этихъ людей". (Р. С. V. „Разрушеніе Эстетики", стр. 29).

Но не одними „филистерскими безешками" грозитъ авторъ „Разрушенія Эстетики" г-ну Антоновичу.

„Вы! восклицаетъ онъ на страницѣ 28-й, вы, критикъ Современника, преемникъ Добролюбова и ученикъ автора „Эстетическихъ Отношеній", вы считаете вашей обязанностью принять подъ свое просвѣщенное покровительство... разныя эстетическія пожеланія!" И г. Писаревъ выписываетъ цѣликомъ эту убійственную цитату *преемника Добролюбова*: Искусство, какъ удовлетвореніе эстетической потребности, полезно, еслибы оно даже больше ничего и не давало человѣку, кромѣ эстетическаго наслажденія, если бы оно было просто искусствомъ для искусства, безъ стремленія къ другимъ высшимъ цѣлямъ". Значитъ, спрашиваетъ авторъ „Разрушенія Эстетики", выписавъ эту цитату „значитъ Добролюбовъ, сражавшійся въ теченіи всей своей жизни

противъ искусства для искусства, сражался противъ полезнаго явленія?! и слѣдовательно принесъ Русскому обществу очень много вреда?" („Разрушеніе Эстетики", стр. 28). „Это говоритъ критикъ Современника! — устыжаетъ въ заключеніе г. Писаревъ г-на Антоновича — и что всего любопытнѣе, онъ говоритъ это, прикрываясь „Эстетическими Отношеніями"! Знаете-ли вы, г. Антоновичъ, какое существенное различіе сохранилось до сихъ поръ между вами и г. Николаемъ Соловьевымъ? — Только то, милостивый государь, что вы пишете въ такомъ журналѣ, изъ котораго несравненно сильнѣе г. Николая Соловьева можете извращать понятія читающей публики" (Тамъ-же).

Хотя въ этихъ строкахъ, при всей рѣзкости негодованія противъ Современника звучитъ еще и косвенный мадригалъ ему: Современникъ въ сравненіи, напримѣръ, съ Отечественными Записками, все еще представляется реалисту страшною силой, ворочающею чуть не цѣлой Россіей; однакожъ на страницѣ 23 своего разсужденія, г. Писаревъ проговорился уже съ горькими слезами, что „реализмъ" окончательно утратилъ въ Современникѣ своего — когда-то лучшаго — сына, и отнынѣ вся „высота нравственной философіи" держится однимъ Русскимъ Словомъ. „О г. Антоновичъ! О, геніальный г. Антоновичь! Вы себѣ даже и представить не можете, какую пропасть умственной нищеты и нравственной мелкости вы обнаруживаете... Вы говорите откровенно всѣмъ вашимъ читателямъ, что вы никогда не способны возвыситься до пониманія той нравственной философіи, которую, два-три года тому назадъ, поддерживалъ Современникъ и которую въ настоящее время должно защищать отъ вашей жалкой близорукости одно Русское Слово (Тамъ-же, стр. 23).

Но нападеніе на г. Антоновича было сдѣлано въ Русскомъ Словѣ въ два размаха. Если г. Писаревъ пристыжалъ *преемника Добролюбова* болѣе съ точки зрѣнія отступленія отъ родовыхъ традицій; если онъ выводилъ зловредность новаго взгляда Современника на эстетику — не столько изъ сущности самаго искусства, сколько изъ предвзятыхъ, заранѣе разъ навсегда строго-опредѣленныхъ требованій „реализма", — то г. Зайцевъ, въ четвертомъ нумерѣ Русскаго Слова избралъ для той-же цѣли путь прямо противоположный. — Г. Зайцевъ касается самой сути дѣла; онъ, напротивъ того, заглядываетъ въ самую душу искусства — и потомъ, уже лишь на основаніи этихъ глубокихъ умозрѣній, читаетъ г. Антоновичу мораль объ эстетикѣ.

Правда, г. Зайцевъ высказываетъ не отъ своего имени всѣ тѣ великія истины, которыми мы готовимся поразить нашихъ читателей. Онъ только истолковываетъ мнѣнія автора „Эстетическихъ

Отношеній“ и твердо стоитъ на своемъ, что *„все это напечатано Русскими буквами въ книжкѣ: Объ эстетическихъ отношеніяхъ“*; извѣстный девизъ: не намъ, не намъ, а имени твоему — повторяется г. Зайцевымъ безпрестанно. Но для насъ это все равно; мы будемъ приводить всѣ тѣ великія истины прямо отъ лица г. Зайцева. Авторъ „Эстетическихъ Отношеній“, правда, не могъ-бы и пожелать для своей книги поклонника болѣе восторженнаго, чѣмъ рецензентъ Русскаго Слова; значитъ, допускать, что г-нъ Зайцевъ имѣлъ въ виду намѣренно исказить мудрость этого алкорана — нѣтъ никакой возможности. Если такимъ образомъ ихъ мнѣнія дѣйствительно тождественны, пусть и слава тогда принадлежитъ по праву, автору той книги а не г. Зайцеву. Но если г. Зайцевъ увлекся въ своихъ коментаріяхъ; если именно въ чаду восторга отъ „Эстетическихъ Отношеній“ онъ зашелъ далѣе своего учителя въ глубокихъ умозрѣніяхъ касательно сущности искусства — тогда мы думаемъ быть вдвойнѣ правы передъ авторомъ той книги, приписавъ не ему лично, а самому г. Зайцеву тѣ смѣлые и рѣшительные выводы. Итакъ, что-же такое искусство по мнѣнію г. Варѳоломея Зайцева? въ чемъ заключается, такъ-называемая, эстетическая потребность? и въ чемъ „старые эстетики“ находятъ внутреннее самооправданіе искусства, его raison d'être въ жизни?

Вотъ какъ это объясняетъ г. Варѳоломей Зайцевъ.

„Старые эстетики, говоритъ онъ, разсуждаютъ о происхожденіи искусства такимъ образомъ: человѣкъ чувствуетъ непреодолимое стремленіе къ прекрасному, но не находитъ его въ дѣйствительности; поэтому онъ самъ создаетъ предметы и явленія истинно-прекрасные, вполнѣ удовлетворяющіе его стремленію. Произведенія искусства несравненно прекраснѣе предметовъ, представляемыхъ дѣйствительностью; поэтому они одни могутъ удовлетворить эстетической потребности человѣка, — потребности вполнѣ нормальной и законной. Слѣдовательно, искусство имѣетъ полное и неоспоримое право на существованіе, какъ средство удовлетворить одной изъ первыхъ потребностей человѣка“ (Р. С. IV, стр. 30 Библіографіи).

О какихъ это эстетикахъ говоритъ г. Зайцевъ? Если о тѣхъ, которые естесственности предпочитали пудренный парикъ и фижмы; которые любятъ наслаждатся весеннимъ утромъ въ плохо-намалеванной картинѣ дюжиннаго пейзажиста и отплёвываются отъ него въ натурѣ; если, наконецъ, о тѣхъ, которые въ самомъ искусствѣ не хотятъ видѣть ничего болѣе, кромѣ опять той-же природы лишь въ подслащенномъ и подрумяненномъ видѣ, — тогда г. Зайцевъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія объ эстетикахъ и онъ лучше сдѣ-

лалъ-бы, если-бы вовсе закаялся говорить объ искусствѣ. Эти господа такая-же каррикатура на эстетиковъ, какъ напр. проповѣдующій необходимость сморкаться не въ платокъ а нà земь, или еще смазывать усы, вмѣсто pommade hongroise, слюнею — пародія и злая каррикатура на человѣка съ естесственными наклонностями.

Прекрасное — есть жизнь, продолжаетъ разсуждать г. Зайцевъ, — стремленіе къ прекрасному, т. е. къ наслажденію, вполнѣ свойственно человѣку, но видите-ли въ чемъ дѣло?

„Но эстетики отрицаютъ, чтобы сама жизнь, сама дѣйствительность могла удовлетворить этому стремленію, и для удовлетворенія его создаютъ искусство. Между тѣмъ реалистъ утверждаетъ, что внѣ дѣйствительности нѣтъ истинно-прекраснаго, что она вполнѣ удовлетворяетъ человѣческое стремленіе къ прекрасному. Это утвержденіе равносильно уже отрицанію искусства, потому что имъ вполнѣ доказывается его безполезность... Реалистъ говоритъ, что дѣйствительность вполнѣ способна удовлетворить человѣка съ нормальными, неизвращенными вкусами и желаніями; что въ ней онъ на каждомъ шагу можетъ встрѣтить прекрасное и наслаждаться имъ, и внѣ ея ни въ чемъ не найдетъ такого полнаго удовлетворенія своему стремленію къ наслажденію. Кажется, послѣ этого не можетъ быть уже и рѣчи объ искусствѣ, потому что если оно не можетъ дать того, что даетъ природа, дѣйствительность, то къ чему-же оно?“ (Тамъже, стр. 80 — 81).

Ясно кажется, что г. Зайцевъ понятіе „жизнь“ беретъ не въ смыслѣ какого-нибудь принципа или термина, какъ напр. жизненное начало или одухотвореніе, а въ самомъ тѣсномъ, можно даже сказать, въ грубомъ смыслѣ этого слова: жизнь, т. е. дѣйствительность, т. е. природа. Попробуемъ-же теперь приложить такое опредѣленіе прекраснаго — къ искусству, такъ, какъ г. Зайцевъ его понимаетъ; пока мы не возьмемъ ни живописи, ни ваянія, ни поэзіи, обратимся прямо къ зодчеству. Г-нъ Зайцевъ, какъ видно, беретъ всѣ понятія въ самомъ ихъ тѣсномъ, такъ-сказать, буквальномъ ихъ смыслѣ... Сразу, пожалуй, его озадачило бы и сбило съ толку, что и живопись, и ваяніе, и поэзія могутъ подчасъ выбирать темой для своего возсозданія не только не изящныя темы, а напротивъ отвратительныя до ужасу — и все-таки ихъ возсозданіе можетъ удовлетворить требованіямъ эстетиковъ. Если какое-нибудь изо всѣхъ искусствъ и подходитъ болѣе всего подъ формулу: „въ природѣ прекраснаго нѣтъ, слѣдовательно нужно создать искусство“, то это конечно — зодчество; его на первый разъ и выбираемъ. Что-же однако за галиматья выходитъ теперь, если попробовать выписанную цитату г. Зайцева — приложить къ зодчеству.

Что̀ въ состояніи дать жизнь-природа человѣку на мѣсто, напр. Римскаго Петра и Павла, или Венеціанскаго дворца дожей? Пещеру, разсѣлину въ скалѣ, медвѣдемъ вырытую и потомъ имъ брошенную берлогу — ни даже шалаша, прикрытаго вѣтвями; ни даже простаго сруба, накрытаго сверху соломой. Вотъ все, что по части зодчества въ состояніи дать жизнь, дѣйствительность, природа на удовлетвореніе эстетической потребности человѣка, которой, замѣтьте, г. Зайцевъ „не отрицаетъ". Онъ, какъ реалистъ, говоритъ только, что „въ жизни, въ природѣ человѣкъ на каждомъ шагу можетъ встрѣтить прекрасное и наслаждаться имъ", т. е.— по части зодчества — человѣкъ можетъ на каждомъ шагу встрѣтить и пещеру, и медвѣжью берлогу, и просто даже густой кустъ орѣшника—и наслаждаться всѣмъ этимъ. Онъ говоритъ еще: „внѣ природы, внѣ жизни человѣкъ ни въ чемъ не найдетъ такого полнаго удовлетворенія своему стремленію къ наслажденію". Т. е. по части зодчества, это опять выходитъ: *внѣ* шалаша, *внѣ* медвѣжьей берлоги, *внѣ* куста орѣшника человѣкъ ни въ Римскомъ Петрѣ и Павлѣ, ни въ Венеціанскомъ дворцѣ дожей — не найдетъ такого полнаго удовлетворенія эстетической потребности. Наконецъ его заключеніе: „Кажется, послѣ этого не можетъ быть уже и рѣчи объ искусствѣ, потому что если оно не можетъ дать того, что даетъ природа, дѣйствительность, то къ чему-же оно?" это заключеніе, говоримъ, въ частномъ приложеніи къ зодчеству — переходитъ въ нижеслѣдующее. Если природа, по части зодчества, предлагаетъ къ услугамъ человѣка для удовлетворенія его эстетическихъ потребностей и орѣховый кустъ, и медвѣжью берлогу, и удобную для житья разсѣлину въ скалѣ; а искусство для той-же цѣли лѣзетъ съ своимъ Петромъ и Павломъ и дворцомъ дожей—тогда къ чему-же оно?

Но довольно о зодчествѣ. Если оно, какъ мы сказали, всего ближе отвѣчаетъ той задачѣ, которую — по увѣренію г. Зайцева— искусству приписываютъ эстетики, то уже ваяніе и живопись, а особливо поэзія, ничуть ей не отвѣчаютъ такъ прямо, такъ непосредственно.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ живописецъ потому приступаетъ къ картинѣ, что нигдѣ и никогда въ жизни, въ дѣйствительности, въ природѣ, не встрѣчалъ ни одного прекраснаго лица, ни одного прекраснаго пейзажа? Напротивъ того, если онъ и пишетъ свой невыразимо-краснорѣчивый ликъ Мадонны, то именно потому, что,

вглядывавшись въ лицо человѣка, онъ поминутно угадывалъ въ немъ тѣ небесныя черты и тѣ внятно-говорящія сердцу движенія, тайну которыхъ и стремился разгадать, истолковать въ томъ цѣльномъ художественномъ образѣ. Если онъ пишетъ картину яснаго росистаго утра или знойнаго пламеннаго вечера, то именно потому, что въ самой природѣ, въ самой жизни картина внятно наговаривала ему тайну своей прелести—и вотъ именно ее-то, всю обаятельную поэзію того утра и того вечера — онъ и стремился дать всякому почувствовать, всякому истолковать внятно—въ своей картинѣ. Ту-же самую аналогію можно провести и для ваятеля и для поэта—въ области ихъ искусства. Это во-первыхъ. А съ другой стороны: развѣ и поэтъ, и ваятель, и живописецъ избираютъ темою своихъ произведеній непремѣнно добродѣтельнаго героя, непремѣнно Медиційскую Венеру? или, по крайней мѣрѣ, если не Психею, то такіе во всякомъ случаѣ образы, которые ничего не пробудятъ въ душѣ, кромѣ самыхъ сладостныхъ впечатлѣній?

Но художественныя повѣсти Гоффмана избираютъ для себя темой, большею частью, самую темную темь души человѣка; подчасъ онѣ рисуютъ такія смрадныя явленія, которыхъ человѣческое сердце не можетъ не содрагаться, которыя давятъ собой воображеніе и отталкиваютъ прочь отъ себя... Тѣмъ не менѣе однако, такъ какъ Гоффманъ несомнѣнный художникъ, или другими словами, такъ какъ повѣсти Гоффмана несомнѣнно художественныя произведенія, то и чтеніе ихъ доставляетъ эстетическое наслажденіе читателю. Извѣстны подобные примѣры и между живописцами. Одинъ изъ нихъ, напримѣръ, постоянно удалялся въ самыя мрачныя мѣстности, которыя находилъ въ своей округѣ; угрюмое, зловѣщее, все отталкивающее, все антипатичное для души человѣка—вотъ что, повидимому, въ цѣлой природѣ постоянно останавливало на себѣ раздумье этого художника. У себя дома, въ полусумракѣ, въ могильной сырости, онъ окружалъ себя всевозможными гадами, присматривался къ безобразнымъ лохмотьямъ паутинъ и плѣсени по старымъ стѣнамъ — и все причудливое разнообразіе этихъ гадъ и сумрачныхъ призраковъ онъ художественно воплощалъ въ своихъ картинахъ, исполненныхъ чудесной угрюмости. Точно также и ваятель очень часто задается задачей — не какую-нибудь грацію изваять изъ куска мрамора, а омерзительнаго сатира, полускота по своимъ животнымъ, плотскимъ наклонностямъ, — и опять-таки его произведеніе — „эстетики“ назовутъ и глубоко-художествен-

нымъ и способнымъ удовлетворить эстетическимъ потребностямъ, прирожденнымъ душѣ человѣка. Любопытно, какъ все это истолкуетъ г. Зайцевъ при помощи своей узенькой теоріи искусства и какъ онъ теперь съумѣетъ объяснить: почему-же, въ самомъ дѣлѣ, картины нашего чудака-живописца, о которомъ мы сейчасъ сказали, въ цѣломъ мірѣ признаны за художественныя произведенія, доставляющія эстетикамъ невыразимо-глубокое наслажденіе?

Объясненіе тутъ одно и другаго быть не можетъ. Дѣло въ томъ, во-первыхъ, что искусство вовсе *не произошло*, какъ живописно выражается г. Варѳоломей Зайцевъ; а во-вторыхъ — если ужъ и произошло оно, то, по крайней мѣрѣ, совсѣмъ не „такимъ образомъ", какъ онъ это объясняетъ. Всякое искусство — ваяніе-ли, музыка-ли, живопись-ли, все равно, сходитъ къ одному своему главному источнику: къ поэзіи; поэзія-же составляетъ прежде всего ничто иное, какъ только одну изъ формъ человѣческаго сознанія. Желать, чтобы поэзія, какъ и вообще искусство, вдругъ умолкла—рѣшительно тоже самое, что желать, чтобы одно изъ отправленій организма вдругъ перестало дѣйствовать. Иное сознается наукой, иное вѣрой, иное наконецъ именно тою формой сознанія, которую и зовутъ поэзіей. Музыкантъ, живописецъ, ваятель и поэтъ собственно называемый, всякій изъ этихъ художниковъ, въ своей области, ищетъ только выразить, истолковать себѣ и другимъ — тѣ созерцанія души человѣческой въ соприкосновеніяхъ ея съ внѣшнимъ міромъ, которыя не могутъ быть переданы никакимъ другимъ способомъ и ни на какомъ другомъ языкѣ, кромѣ какъ именно въ спеціальной области того или другаго искусства. Искусство, слѣдовательно, и не просто подражаетъ природѣ, и не ищетъ служить ей какою-то замѣной, и не имѣетъ притязаній тягаться съ нею, и ничуть-же не беретъ на себя задачи ее облагороживать. Задача искусства, относительно природы, состоитъ въ томъ именно, что оно—то въ звукахъ, то въ краскахъ, то въ словѣ — постоянно стремится передать все ея многоразличное дѣйствіе на внутренній міръ души человѣка. Но говоря о художникѣ, что онъ стремится передать внутренній міръ души своей—не то̀-ли именно и разумѣютъ подъ этимъ, что онъ стремится разгадать тѣ самые о̀бразы, тѣ впечатлѣнія и созерцанія, которыми, въ томъ или другомъ случаѣ, сама жизнь, дѣйствительность, природа наполняли его душу? А умѣть ихъ самому себѣ выяснить для того, чтобы передать и всѣмъ другимъ — не значитъ-ли ужъ

это, въ свою очередь, умѣть ихъ воплотить, концентрировать и комбинировать въ такомъ цѣльномъ и творческомъ образѣ, что самъ ужъ этотъ новый образъ сполна поглотитъ все ихъ внутреннее содержаніе? Это значитъ еще найти для своей *идеи* вполнѣ *конкретную* форму, такъ что они теперь другъ другомъ взаимно проникнулись и, какъ въ любомъ живомъ организмѣ, неотдѣлимы другъ отъ друга и представляютъ полное гармоническое единство. Вотъ это-то живое единство духа съ матеріей, идеи съ формой, всякой внутренней цѣли съ ея внѣшнимъ проявленіемъ, и принимается обыкновенно „эстетиками" за самый законъ красоты—какъ въ самой природѣ, такъ и во всѣхъ художествахъ. Соблюденія этого необходимаго условія и требуютъ они, прежде всего, отъ художественныхъ произведеній—для того, чтобы они и въ правду могли удовлетворять „эстетической потребности"; для того, чтобъ они могли служить дѣйствительнымъ источникомъ „эстетическаго наслажденія". Отсюда ужъ объясняется само собою, почему въ самомъ дѣлѣ „эстетикъ" въ состояніи любоваться не только чарующей взоръ Діаной или Венерой, но даже и отвратительно-уродливымъ Сатиромъ—лишь бы въ его изваянномъ образѣ сама идея ваятеля выразилась вполнѣ художественно; почему одинаково ему можетъ нравиться живопись, изображающая не розы и амуровъ, а хотя-бы даже и сумрачное шевеленіе гадовъ въ могильномъ смрадѣ—лишь-бы опять самая эта тема была „возведена въ перлъ созданія". Чѣмъ явственнѣе въ каждомъ данномъ образѣ выразится для восхищающагося зрителя вся тайна симпатіи, существовавшая между душой художника и выборомъ сюжета — тѣмъ, какъ понятно, художественнѣе будетъ само его произведеніе и тѣмъ глубже и неисчерпаемѣе становится само „эстетическое наслажденіе", доставляемое имъ.

Понятно, послѣ всего, что цѣль искусства (изображаетъ-ли оно Венеру, изображаетъ-ли Сатира) во всякомъ случаѣ „эстетики" не даромъ мотивируютъ идеею о прекрасномъ и естественнымъ стремленіемъ человѣка имъ любоваться. Понятно и то еще, что если и возможно предпочтеніе „прекраснаго въ искусствѣ" такому-же „прекрасному въ природѣ"—то единственно въ томъ одномъ смыслѣ, что въ природѣ всякое явленіе *существуетъ* безразлично; въ искусствѣ же оно *воспроизведено*, согрѣтое человѣческимъ чувствомъ и просвѣтленное его сознаніемъ.

Иначе понимаетъ всѣ эти простыя вещи г. Зайцевъ. Онъ,

какъ мы видѣли, никакъ не въ состояніи понять, что „эстетики“ весьма хорошо различаютъ задачи природы отъ задачъ искусства и однихъ съ другими не смѣшиваютъ; онъ никакъ не втолкуется въ простую истину, что у природы — одни задачи, а у искусства — свои. Онъ такъ-таки и думаетъ, что по мнѣнію „эстетиковъ“ яблоко и виноградъ тѣмъ именно прекраснѣе въ картинѣ, чѣмъ въ дѣйствительности, что, при художественномъ ихъ возсозданіи, самый вкусъ ихъ дѣлается — и слаще и сочнѣе. Онъ такъ-таки и думаетъ, что — по понятіямъ эстетиковъ — изваянная Венера тѣмъ кажется прекраснѣе живыхъ женщинъ, что и для всѣхъ удобствъ супружеской жизни она гораздо сподручнѣй! Выписываемъ подлинную цитату. Сказавъ, что объ искусствѣ не можетъ быть и рѣчи, „потому что если оно не можетъ дать того, что даетъ природа, дѣйствительность — то къ чему-же оно?“ онъ продолжаетъ сими словами:

„Отъ добра добра не ищутъ, а тѣмъ болѣе отъ полнаго наслажденія—слабой тѣни его? Все это какъ-то странно даже договаривать, потому что это ясно, какъ день, коль скоро допустить, что „дѣйствительность выше искусства“. Поэтому не мудрено, что эстетики до сихъ поръ не хотятъ идти на компромисъ (?!) съ такимъ мнѣніемъ, разрушающимъ въ прахъ всю теорію искусства. Трудно придумать, какой тутъ можетъ быть компромисъ (?!) при томъ онъ совершенно не нуженъ, потому что я не знаю, какія еще старыя дѣвы могутъ теперь раздѣлять отжившія эстетическія заблужденія? Авторъ „Эстетическихъ отношеній“, писавшій свою диссертацію въ эпоху, когда эти заблужденія считались неприкосновеннѣйшими истинами, посвятилъ большую часть своей книги единственно доказательству этого столь несомнѣннаго теперь для насъ положенія: *дѣйствительность выше искусства.* Если-же кто и теперь еще продолжаетъ твердить старое, то съ нимъ уже разговаривать не стòитъ: дать ему нарисованный обѣдъ, вмѣсто грубаго матеріальнаго, поженить его на какой-нибудь эрмитажной богинѣ—и пусть его пишетъ эстетическія критики. Любопытно знать, долго-ли выдержитъ? Впрочемъ такой опытъ совершенно безполезенъ: и безъ него можно навѣрное сказать, что ни одинъ эстетикъ еще не удовлетворялся искусствомъ, хотя-бы онъ былъ со всѣхъ сторонъ окруженъ произведеніями его. Ни одинъ еще эстетикъ не довольствовался созерцаніемъ яблока нарисованнаго, но постоянно всѣ они обнаруживали склонность полакомиться настоящимъ; ни одинъ не довольствовался статуями Венеръ, но обыкновенно всѣ влюблялись въ женщинъ съ плотью и кровью... Теперь для насъ совершенно очевидна нелѣпость эстетическихъ теорій, о которыхъ еще лѣтъ черезъ десять будутъ говорить, какъ говорятъ теперь о мнѣніи, будто міръ стоитъ на четырехъ китахъ, или будто холера ходитъ на курьихъ ножкахъ“. (Тамъ-же стр. 81—82).

Объ „эстетикахъ“ и объ „эстетикѣ“ — какъ теперь видитъ

самъ читатель — г. Зайцевъ, дѣйствительно, имѣетъ такое-же точно понятіе, какъ тѣ, кто думаетъ про міръ, будто онъ на четырехъ китахъ держится или про холеру — что она ходитъ на курьихъ ножкахъ. Но не забудемъ, что всѣ эти умозрѣнія объ искусствѣ и объ „эстетическомъ наслажденіи“ служатъ г. Зайцеву только прелюдіей для того, чтобы тѣмъ доказательнѣе въ концѣ концовъ обличить вольнодумство г. Антоновича, сказавшаго, что эстетическое наслажденіе нормально и искусство полезно. Вотъ какъ реалистъ Русскаго Слова къ этому переходитъ. Согласившись вполнѣ съ авторомъ „Эстетическихъ отношеній“, что все значеніе искусства, такимъ образомъ, ограничивается лишь слабою передачею и простымъ напоминаніемъ дѣйствительности, онъ поясняетъ эту мысль еще и примѣромъ изъ книги: „Море — прекрасно, но не всѣ могутъ любоваться имъ, поэтому для нихъ рисуются картины, изображающія море“. Потомъ, вооружившись этимъ текстомъ самого алкорана, „вообразите-же себѣ!“ восклицаетъ онъ преемнику Добролюбова и ученику автора *Эстетическихъ отношеній:*

„Вообразите себѣ, какая въ самомъ дѣлѣ великая цѣль искусства! чтобы какой-нибудь тамбовецъ, которому съ жиру пришла охота любоваться моремъ, потому что только съ жиру можетъ явиться такая фантазія — могъ немедленно удовлетворить ее, — если только, конечно, онъ въ состояніи заплатить какому-нибудь Айвазовскому 10,000 руб., не безпокоя свой жиръ путешествіемъ въ Петербургъ или въ Одессу! Какъ великъ подвигъ этого Айвазовскаго, избавившаго тамбовца за 10,000 руб. отъ необходимости или тащиться въ такую даль, или отказаться отъ наслажденія моремъ. Увѣнчайте Айвазовскаго! Онъ *великій* художникъ! знаменитый согражданинъ, честь отечества! И вотъ права его на благодарность родины — господинъ, наслаждающійся изъ Тамбова видомъ моря! И какъ прекрасно и полезно, если публика можетъ, такимъ образомъ, совершенно безвозмездно и безъ различія ранговъ и состояній, созерцать и море, и альпійскіе виды, и разныхъ кардиналовъ, и голыхъ женщинъ. Какъ не сказать, вмѣстѣ съ эстетиками-либералами, въ виду этого великаго значенія и этой грандіозной цѣли искусства, что оно полезно, хотя-бы не давало ничего человѣку, кромѣ эстетическаго наслажденія, хотя-бы было просто искусствомъ для искусства“ (Тамъ-же, стр. 86—87).

Bravo! Энергичнѣе того, какъ это сдѣлано тутъ, нельзя-бы довести „реальной“ точки зрѣнія на искусство — до абсурда. Мастеръ въ своемъ дѣлѣ г. Зайцевъ! Воображаемъ, какого *артиста* пошлетъ ему „ученикъ автора Эстетическихъ отношеній“ за эту восхитительную тираду!

Ну не досадно-ли же, *не обидно-ли* въ самомъ дѣлѣ? „Уче-

никъ", съ своей стороны, сдѣлалъ все для поддержанія и славы и книги своего учителя; по нынѣшнимъ временамъ онъ соорудилъ ей—добрыя подпорки. А эти „бѣдовыя дѣти" не только ихъ съ гамомъ разрушили, а еще и пальцемъ кажутъ: „поставилъ подпорки! поставилъ подпорки!"... Они кличутъ ученика „эстетикомъ-либераломъ". Они говорятъ ему въ лицо, что, „поставленный на этотъ разъ между *да* и *нѣтъ,* онъ съумѣлъ изобрѣсти, вмѣсто отвѣта, какой-то странный звукъ, похожій и на *да* и на *нѣтъ*, а главное, ни на что не похожій". Они сѣтуютъ, наконецъ, что „онъ въ одно и тоже время и принимаетъ всѣ мнѣнія автора „Эстетическихъ отношеній", и протестуетъ противъ тѣхъ, которые приходятъ къ *прежнимъ* выводамъ изъ этихъ мнѣній".

Таковъ-то... еще новый споръ старѣйшихъ дѣтей реализма съ юнѣйшими; мудрено рѣшить: чье изъ нихъ тутъ положеніе забавнѣй.

VI.

Послѣдній споръ реалистовъ Русскаго Слова съ реалистами Современника не ограничивается одними тѣми куріозами, на которые мы обращали вниманіе читателей „Дня" въ прошлыхъ журнальныхъ замѣткахъ.

Есть еще одинъ занимательный эпизодъ въ этомъ спорѣ, который мы и приберегли къ концу — не безъ намѣренія. Если помнитъ читатель, г-нъ Писаревъ въ своемъ „Нерѣшенномъ вопросѣ" между прочимъ такъ охарактеризовалъ реалиста: „человѣкъ строго реальный, говоритъ онъ въ одномъ изъ №№ Русскаго Слова, не нуждается для освѣженія своихъ силъ ни въ любви къ женщинѣ, ни въ драмѣ Шекспира, ни въ веселомъ обѣдѣ съ добрыми друзьями". Вотъ эти-то самыя слова и подали еще поводъ г-ну Антоновичу больно уколоть юнѣйшихъ представителей реализма. Въ своей статьѣ по поводу „Эстетическихъ отношеній искусства къ дѣйствительности", онъ между другими разсужденіями въ пользу и въ защиту искусства говоритъ слѣдующее:

„Говорятъ, будто-бы человѣкъ не долженъ предаваться никакимъ удовольствіямъ, даже эстетическимъ; будто-бы дѣльный и раціональный человѣкъ никогда не позволитъ себѣ наслаждаться какимъ-нибудь художественнымъ произведеніемъ, хотя-бы то было произведеніе высшаго искусства поэзіи; будто-бы такое наслажденіе только разслабляетъ человѣка и есть напрасная трата времени, которое гораздо лучше было-бы употребить на полезныя дѣла, и т. д. Такой сухой, аскетическій взглядъ на искусство понятенъ

и возможенъ только у людей, которые придумываютъ кодексъ человѣческихъ обязанностей не на основанiи реальныхъ свойствъ и потребностей человѣческой натуры, а на основанiи произвольныхъ, фантастическихъ воззрѣнiй, выработанныхъ мечтательнымъ идеализмомъ и прилагаемыхъ къ человѣку. Кто не держится этихъ воззрѣнiй, тому рѣшительно не пристало вооружаться противъ искусства и эстетическаго наслажденiя, а потому мы и думаемъ, что приведенныя аскетическiя воззрѣнiя на искусство скорѣе безсознательныя и необдуманныя выходки, чѣмъ сознательныя, отчетливыя сужденiя" (Современникъ. Мартъ 1865, стр. 61).

О какихъ *аскетахъ* говоритъ здѣсь г. Антоновичъ? Судя по признакамъ, которыми онъ ихъ характеризуетъ, должно быть про индiйскихъ факировъ. Эти господа, дѣйствительно, „придумываютъ кодексъ человѣческихъ обязанностей не на основанiи реальныхъ свойствъ и потребностей человѣческой природы"; ихъ воззрѣнiя на этотъ предметъ, дѣйствительно можно, пожалуй, назвать и фантастическими и мечтательными; они видятъ въ подвигахъ своего тѣлеснаго изнуренiя какую-то конечную цѣль и изъ самаго подвига, такимъ образомъ, *создаютъ себѣ кумира*. Нѣтъ мудренаго, при этомъ, что и взглядъ на искусство у этихъ грубыхъ аскетовъ вырабатывается совершенно исключительный, по дикости своей соперничествующiй развѣ-развѣ съ воззрѣнiями реалистовъ Русскаго Слова. Но исторiя представляетъ еще примѣры инаго аскетизма. Люди высокаго нравственнаго характера, безспорно первые свѣтила своего времени и до сихъ поръ озаряющiе своимъ свѣтомъ все человѣчество — нерѣдко также дивили мiръ суровымъ подвигомъ аскетической жизни. Исторiя этихъ людей, однакожъ, показываетъ, что весь „кодексъ" ими понимаемой нравственности — именно былъ сосредоточенъ на существеннѣйшихъ, реальнѣйшихъ свойствахъ человѣческой натуры и отвѣчалъ всѣмъ ея завѣтнѣйшимъ потребностямъ. Исторiя показываетъ еще, что эти „иные аскеты" не только, вопреки г-ну Антоновичу, не славились какимъ-то „сухимъ взглядомъ на искусство", а порой бывали еще лучшими его знатоками, — „благороднѣйшаго" по крайней мѣрѣ изъ искусствъ, какъ выражается г. Антоновичъ, поэзiи. Можнобы привести много примѣровъ тому, какъ эти „иные аскеты" охотно черпали для себя уроки мудрости изъ творческихъ произведенiй великихъ поэтовъ, какъ они еще и въ бесѣдахъ своихъ и въ перепискѣ съ друзьями нерѣдко цитируютъ и Виргилiя и Гомера.

Но дѣло не въ этомъ; о какихъ-бы аскетахъ ни говорилъ г. Антоновичъ, — Русскому Слову, повидимому, все равно. До-

вольно того, что г. Антоновичъ заподозрилъ этотъ орavailable органъ чистѣйшаго реализма въ какомъ-то *идеализмѣ*—и вотъ уже, по мнѣнію реалистовъ Русскаго Слова, это составляетъ обиду самую жгучую, упрекъ самый острый. Г-нъ Писаревъ—все въ той-же статьѣ „Разрушеніе эстетики"—разразился цѣлымъ потокомъ негодованія противъ *преемника Добролюбова* за одну эту возможность предположенія въ Русскомъ Словѣ какого-то... идеализма. Повидимому, реалистъ гораздо охотнѣе приметъ на себя обвиненіе во всѣхъ семи смертныхъ грѣхахъ разомъ—лишь-бы только быть избавленнымъ отъ подозрѣнія хотя-бы въ малѣйшей наклонности къ идеализму. Г-нъ Писаревъ лучше хочетъ приравнять себя и „горькому пьяницѣ" и „картежному игроку"; а отъ малѣйшаго сближенія съ идеалистами—рѣшительно уклоняется. Если ему, какъ „реалисту", не нужно ни освѣжающей любви женщины, ни драмы Шекспира, а весь онъ—воплощённое состраданіе къ человѣчеству и только о томъ и думаетъ день и ночь, какъ-бы „уменьшить массу человѣческихъ страданій",—то это безо всякой, не говоримъ борьбы съ самимъ собою, а даже безо всякой натуги. Это въ немъ совершается легко и просто; это органически неотдѣлимо отъ него; это наконецъ ему свойственно столько-же, какъ свойственно напр. Везувію изметать лаву. А какой-нибудь *идеи*, какого-нибудь подвига или по крайней мѣрѣ нравственнаго усилія надъ собой—при этомъ рѣшительно не полагается.

„Аскетомъ, говоритъ г. Писаревъ, ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать такого человѣка, который весь поглощенъ одною преобладающей страстью и который, нисколько не думая о борьбѣ съ самимъ собою, посвящаетъ удовлетворенію этой страсти всѣ свои силы и всю свою жизнь. Конечно, не назовете аскетомъ горькаго пьяницу, который пропиваетъ всѣ свои деньги и все свое здоровье; конечно, вы не назовете также аскетомъ отчаяннаго игрока, который нарушаетъ всѣ свои человѣческія обязанности, чтобы доставить себѣ сильныя ощущенія азартной игры." И точно также—заключаетъ г. Писаревъ—въ *реалистѣ* „страсть уменьшать массу человѣческихъ страданій" превозмогла всѣ другія. Неужели это не просто?

Но такъ какъ всѣ эти диспуты возбуждены книгой „объ эстетическихъ отношеніяхъ искусства къ дѣйствительности"; такъ какъ, притомъ, спеціальный трудъ—разбить схизму г-на Антоновича исключительно на основаніи текстовъ самого алкорана—взялъ

на себя г. Варѳоломей Зайцевъ,—то и обратимся опять скорѣе къ этому замѣчательному мыслителю Русскаго Слова, къ этому неподражаемому мастеру доводить начала своего ученія до полнѣйшаго абсурда. Вотъ что̀ говоритъ онъ.

„Если послушать либеральныхъ эстетиковъ, то подумаешь, что мы какіе-то пуритане или гернгуты, что мы возстаемъ противъ всякаго наслажденія вообще и хотимъ, чтобы всѣ зажили по монашески. Я вполнѣ убѣжденъ, что эстетики говорятъ это добросовѣстно, и думаю, что другимъ можетъ, пожалуй, показаться такая нелѣпость. Поэтому я не могу окончить этого разбора, не объяснивъ дѣло съ этой стороны. Долго объяснять его нечего; это можно сдѣлать въ двухъ словахъ, сказавъ, что мы отрицаемъ только *эстетическія* наслажденія, возстаемъ только противъ искусства, а вовсе не противъ всего, что можетъ быть пріятно человѣку, только противъ *искусственныхъ* потребностей, а вовсе не противъ реальныхъ“.

И такъ, только противъ *эстетическихъ* наслажденій возстаетъ г. Зайцевъ; а отъ реальныхъ онъ не отказывается. Надо ему отдать справедливость, это имъ высказано безъ застѣнчивости и вполнѣ откровенно. Противъ *эстетическихъ* наслажденій, (а не тѣхъ, въ чью пользу онъ призываетъ даже естественныя науки) возстаетъ г. Зайцевъ. „Эта разница между наслажденіемъ естественнымъ и искусственнымъ есть во всѣхъ наслажденіяхъ“ поясняетъ онъ далѣе.“ Несомнѣнно, что человѣкъ имѣетъ потребность наслаждаться; естественныя науки доказываютъ это, и каждый самъ знаетъ это по себѣ, слѣдовательно, отрицать это могутъ, повторяю, только люди, исковеркавшіе свою натуру или лицемѣрящіе“. Хотя-бы можно было напомнить г. Зайцеву, что его сотоварищъ по журналу и главный истолкователь всѣхъ тайнъ „реализма“, г. Писаревъ ставитъ рѣшительно на одну доску, какъ „освѣжающую любовь женщины“, такъ и „драму Шекспира“: онъ на то и на другое кладетъ одинаковый интердиктъ для „человѣка строго реальнаго“, но мы еще готовы допустить возможность такого разнорѣчія. Одинъ „реалистъ“; допустимъ, не нуждается въ „освѣжающей любви женщины“; другой обойтись безъ нея не можетъ и это ужъ ихъ домашнее дѣло доказывать между собою другъ другу на досугѣ, на сколько тутъ естественныя науки останутся въ барышахъ или въ накладѣ? Притомъ, увѣрившій всѣхъ что реалистъ не нуждается въ освѣжающей любви женщины, самъ-же г. Писаревъ проговорился, что никто не выноситъ такъ много и столь чувствительныхъ истязаній на свѣтѣ какъ всѣ безъ исключенія реалисты „и особенно, особенно отъ

любимыхъ женщинъ". Но послушаемъ г. Зайцева: въ чемъ-же наконецъ онъ полагаетъ такую вопіющую разницу между простымъ наслажденіемъ, рекомендуемымъ, по его словамъ, даже естественными науками и наслажденіемъ эстетическимъ, которое по его мнѣнію верхъ безнравственности? Откуда у него это клокочущее негодованіе и даже выступаетъ пѣна на губахъ — чуть онъ заводитъ рѣчь объ *эстетическомъ* наслажденіи?

Г. Зайцевъ, какъ-бы вѣрный данному напередъ слову „долго объяснять этого нечего", разрѣшаетъ это дѣйствительно со всего размаха. Такъ какъ *эстетическое* наслажденіе, видите-ли, относятъ преимущественно къ сферѣ искусства, то г. Зайцевъ, безъ малѣйшаго колебанія съ своей стороны, смѣшалъ это понятіе съ другимъ, вовсе сюда не относящимся. *Эстетическое* наслажденіе, т. е. наслажденіе, получаемое отъ искусства, онъ понялъ какъ наслажденіе искусственное, т. е. притворное, покупное. Станетъ-ли кто спорить, что, напримѣръ, покупная „освѣжающая любовь женщины"—явленіе крайне безнравственное и отталкивающее? Г. Зайцевъ (а еще „реалисты" безнравственный народъ — говорятъ!) также съ этимъ не споритъ. Г. Зайцевъ даже этотъ самый примѣръ и беретъ теперь для истолкованія своей ненависти къ „эстетическому наслажденію"; для окончательнаго сокрушенія искусства — въ области музыки, пѣнія по крайней мѣрѣ. Да, блудница, которая за деньги продаетъ свой развратъ — только съ такимъ отребьемъ человѣчества и нашелъ сравнить нашъ моралистъ безнравственное явленіе оперы, вообще эстетическаго пѣнія. Въ образѣ именно такого отребья человѣчества представляются реалисту Русскаго Слова — всѣ первоклассные пѣвцы, увѣнчанные цѣлой Европой; а публика, которая ими восхищается — представляется реалисту — покупщикомъ того разврата. Не вѣрите, читайте сами:

„Что можетъ быть естественнѣе любви къ женщинѣ и что законнѣе наслажденія этой любовью? Но какъ низко и презрѣнно становится это чувство и это наслажденье, какъ скоро они дѣлаются искусственными, какъ скоро настоящаго чувства нѣтъ, а есть, вмѣсто него, притворное, покупное... Естественное пѣніе, какъ изліяніе чувства, будучи произведеніемъ природы, а не искусства, заботящагося о красотѣ, имѣетъ, однако, высокую красоту; потому является въ человѣкѣ желаніе пѣть нарочно, подражать естественному пѣнію", говоритъ авторъ „Эстетическихъ отношеній". Послѣднюю фразу (поправляетъ г. Зайцевъ) слѣдовало-бы сказать немного иначе: является желаніе *слушать* пѣніе, подражающее естественному, и здѣсь пѣніе, становясь искусствомъ эстетическимъ, перестаетъ имѣть право

на существованіе. Если тебѣ грустно или весело, пой сколько душѣ угодно. Это естесственно и противъ этого могутъ возставать развѣ какіе-нибудь изувѣрные ханжи. Естесственное пѣніе является вслѣдствіе естесственной потребности, и оно даже полезно, какъ удовлетвореніе ея. Равнымъ образомъ, совершенно естесственно, если одинакія чувства овладѣли цѣлымъ обществомъ, чтобы оно пѣло вмѣстѣ. До сихъ поръ противъ пѣнія нельзя ничего сказать, и если оно доставляетъ наслажденіе поющимъ или присутствующимъ, — то и прекрасно. Но когда человѣкъ или общество заставляетъ или нанимаетъ людей, согласныхъ за деньги напускать на себя по заказу какія угодно чувства, подражать естесственному пѣнію, то пѣніе становится эстетическимъ искусствомъ и представляетъ тогда возмутительный видъ; тогда не знаешь, къ кому чувствовать болѣе сильное отвращеніе, — къ презрѣннымъ-ли скоморохамъ, надсаждающимся за плату, или къ людямъ, доводящимъ ихъ до такого униженія и своими неестесственными потребностями вызывающимъ въ обществѣ цѣлый классъ такихъ безстыдниковъ!“

Такъ судитъ г. Варѳоломей Зайцевъ объ искусствѣ.

VII.

Умѣть во-время отбой ударить — составляетъ не послѣднее мастерство нашихъ литературныхъ виртуозовъ. Современникъ обладаетъ этимъ мастерствомъ въ полной мѣрѣ. Если Русское Слово еще и до сего дни храбро ратуетъ въ новомъ вѣющемъ духѣ „эпохи возрожденія“; если оно съ каждымъ новымъ нумеромъ неудержимо стремится впередъ на пути доведенія до абсурда всѣхъ существеннѣйшихъ апоѳегмъ своего ученія, — то Современникъ избралъ теперъ путь прямо противуположный. Онъ не только все больше и больше поступается коренными началами своей доктрины, — онъ еще и не признаётъ ее когда-либо существовавшей. Онъ не только уклоняется отъ первоначальной чистоты своихъ извѣстныхъ міровоззрѣній, — онъ прямо утверждаетъ, что отъ роду въ нихъ не былъ повиненъ; а все такое взведено на него врагами, духомъ литературныхъ партій, составляетъ клевету на него — и только.

Пусть Русское Слово уличаетъ своего бывшаго собрата по реализму — въ ересяхъ и въ отступничествѣ. Всѣ краеугольныя основы, на которыхъ зиждется ихъ ученіе, и „эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности“ и „антропологическіе принципы въ философіи“ — имъ знакомы болѣе, чѣмъ кому либо. Учитель у нихъ, по ихъ собственному признанію, одинъ общій. Русское Слово найдетъ, безъ сомнѣнія, во всѣхъ фундаментальныхъ

статьяхъ этого нѣкогда „обновителя Современника“ неисчерпаемую сокровищницу для уличенія теперешняго Современника въ его нынѣшней кривдѣ. Въ интересѣ „новаго вѣющаго духа“ и „эпохи возрожденія“, Русское Слово, первенствующій теперь по реализму журналъ, не замедлитъ, надѣемся, изобличить козни и отступничество... своего когда-то добраго сотоварища, а нынче, что ни перваго супротивника. Наша задача другая. Мы именно хотимъ показать, какъ круто и беззастѣнчиво Современникъ сворачиваетъ въ сторону. И если умѣнье во-время отбой ударить, дѣйствительно, составляетъ не послѣднее мастерство нашихъ литературныхъ виртуозовъ, то пальма первенства и въ этомъ мастерствѣ, какъ во всѣхъ прочихъ виртуозностяхъ, принадлежитъ Современнику — по праву.

Послѣдняя книжка его за августъ мѣсяцъ есть въ тоже время и первая, вышедшая безъ предварительной цензуры. Право безцензурнаго изданія составляетъ для всякаго журнала какъ-бы новую эру; это понятно. Вотъ эту-ту эру Современникъ и избираетъ теперь для того, чтобы „*беспристрастно*“ оглядѣть все свое прошлое и чтобы — прежде чѣмъ двинуться въ новый путь — свести итоги. Статья, на которую мы теперь обращаемъ вниманіе читателя, такъ-таки и озаглавлена: „*Итоги*“. Она печатается, въ видѣ передовой статьи, съ первыхъ-же строкъ журнала. Прочтите эту трогательную, задушевную исповѣдь Современника; вы узнаете изъ нея много неожиданнаго и новаго. Вы, напримѣрь, узнаете изъ нея, что Современникъ, за которымъ въ послѣднее время подозрѣвали чуть не зміиную ядовитость, отличался напротивъ того всегда незлобіемъ голубя, — и что онъ идеалистъ отъ природы. Если до сихъ поръ его обвиняли въ матеріализмѣ, то это произошло частью отъ совершенно случайнаго недоразумѣнія публики, частью-же отъ злоумышленниковъ. Онъ-то, Современникъ, и ратовалъ, напротивъ того, одинъ въ цѣлой литературѣ противъ матеріализма. Если что-нибудь и возбудило его ненависть противъ всего, чѣмъ наше общество, въ простотѣ сердца, дорожило до знаменитой „эпохи возрожденія и очищенія аугеевыхъ яслей“; если онъ съ такой безпримѣрной запальчивостью нападалъ, то на искусство, то на науку, то на все на свѣтѣ, — такъ это единственно потому, что все на свѣтѣ, по его мнѣнію, коснѣло и погрязало въ матеріализмѣ самаго грубаго свойства. Онъ не могъ этого вынесть; онъ за долгъ поставилъ себѣ: исхитить общество, исхитить во что-бы

то ни стало и науку и искусство, изъ грубой власти такого сплошнаго матеріализма. Онъ стремился отъ начала во всемъ и всюду водворить духъ чистѣйшаго идеализма, который уже сроденъ ему отъ пеленокъ. Вотъ какъ Современникъ характеризуетъ ту прошлую литературу, которой онъ противуполагаетъ дальнѣйшую грядущую, освобожденную отъ предварительной цензуры.

Литературные òрганы, говоритъ онъ, „парадировали другъ передъ другомъ все болѣе и болѣе смѣлыми выходками, загоняя другъ друга все больше въ сферу совершенной откровенности, не стѣсняемой болѣе никакими предѣлами, ни даже приличіями. Это была настоящая скачка поверхъ всѣхъ препятствій, гдѣ логика, разсудительность, честность, все, что угодно и все, что служитъ обыкновенно руководствомъ для обыкновеннаго писателя и литературы, служило здѣсь только для удивленія ошеломленнаго зрителя, который долженъ былъ, дѣйствительно, только удивляться, какъ летѣла, поверхъ всего этого, его литература съ ея писателями“ (стр. 299).

Что-жъ,— весьма не дурно охарактеризовано! Такъ сейчасъ и припомнишь, напримѣръ, всю полемику съ г. Благосвѣтловымъ или съ Эпохой; не только полемику, а даже и самое прагматическое изложеніе научныхъ истинъ, въ родѣ, напр., тѣхъ, что „бей налѣво, бей направо по чемъ ни попало, лишь-бы расчистить мѣсто для потомства“. Невольно встрепенулись въ умѣ и приходятъ теперь на память цѣлыя вереницы то диковинныхъ выходокъ, то фантастическихъ — чтобы не сказать дикихъ — вѣроученій, которыми наводнялась журналистика извѣстнаго сорта,— и все это, какъ нельзя болѣе, укладывается въ тѣ опредѣленія, которыя мы выписали у автора „Итоговъ“. Дѣйствительно, эта была настоящая скачка поверхъ всѣхъ препятствій и тутъ все служило для удивленія ошеломленнаго читателя.— Этого еще не довольно.

„Если-бы у насъ спросили — продолжаетъ Современникъ — чѣмъ занималась литература за послѣднее время, то мы были-бы вправѣ сказать, что она писала не серьезно, а лицедѣйствовала, гаерствовала; а самый періодъ литературы могли-бы назвать вообще періодомъ гаерства и лицедѣйства“ (стр. 300. *Итоги*).

Весьма недурно и это. Опредѣленіе вообще вѣрно; всѣ эпитеты тутъ — мѣтки. Лучше-бы и не придумать клички для того періода литературы, который наконецъ разразился полемикой г. Антоновича съ г. Благосвѣтловымъ. Да, и гаерство и лицедѣйство... тутъ всего было. Читатель, на основаніи извѣстной аксіомы, что въ собствен-

ныхъ дѣлахъ всякій самъ себѣ лучшій судья,—читатель, говоримъ, вправѣ теперь придти къ заключенію, что никто лучше Современника и не могъ-бы въ охарактеризовать пресловутой эпохи,—что если здѣсь характеристика вышла такъ художественна и рельефна, то именно потому, что самъ Современникъ тутъ взялъ на себя дѣло самосознанія. Нигдѣ еще его искренность не стояла до такой степени внѣ всякихъ подозрѣній, какъ именно въ этихъ строкахъ; нигдѣ его безпристрастіе не выказывалось съ такой полнотою и такъ до-тла, какъ въ умѣлой характеристикѣ „гаерства и лицедѣйства!" Въ самомъ дѣлѣ, кто-жъ тутъ заподозритъ искренность Современника хоть на одну іоту? Еще ли же это не безпристрастіе? Увы, читатель! все это Современникъ говоритъ не о самомъ себѣ; о самосознаніи тутъ нѣтъ и помину. Видите-ли, существуютъ двѣ газеты, *Московскія Вѣдомости* и *Голосъ*; онѣ-то подняли это гаерство и лицедѣйство въ литературѣ; онѣ-то скакали поверхъ всѣхъ препятствій; онѣ-то дивили ошеломленнаго читателя а Современникъ не гаерствовалъ, не лицедѣйствовалъ и не дивилъ.

Современникъ вообще того мнѣнія, что обѣ названныя газеты — рѣшительно ничѣмъ не рознятся между собою и составляютъ одну *суть*. Эта *суть*, по его мнѣнію, ничто другое, какъ то „самое реакціонное" направленіе, которое во время оно предводительствовалось однимъ „Русскимъ Вѣстникомъ" и которому нѣкогда такъ побѣдоносно противодѣйствовалъ Современникъ. Времена своего побѣдоноснаго противодѣйствія — Современникъ называетъ прошлою литературой, и объ нихъ — онъ вспоминаетъ съ умиленіемъ. Нынѣшнее, по его мнѣнію, торжество Московскихъ Вѣдомостей и Голоса составляетъ уже *новую* литературу, или просто литературу. Статья „Итоги" иначе не подразумѣваетъ „литературу", какъ всецѣльно воплощенную лишь въ этихъ двухъ органахъ; все, что мы привели до сихъ поръ и все, что по поводу литературы выпишемъ далѣе — все это, такъ и должно разумѣть, относится исключительно къ Московскимъ Вѣдомостямъ съ Голосомъ. И такъ, эта литература гаерствовала и лицедѣйствовала, и она тѣмъ не менѣе торжествуетъ; а Современникъ и не гаерствовалъ и не лицедѣйствовалъ, и тѣмъ не менѣе, однако, онъ болѣе не побѣдоносенъ. Что-жъ это значитъ? И если та литература, въ самомъ дѣлѣ, ничего до сихъ поръ не производила и не производитъ, кромѣ гаерства и лицедѣйства, то

что-же однако производилъ и производитъ до сихъ поръ самъ Современникъ... и полно ужъ тогда производить-ли что-нибудь?

Вотъ, въ разъясненіе этихъ-то именно вопросовъ Современникъ и пишетъ статью „Итоги"; но виртуозъ, прежде чѣмъ дать въ ней прямые отвѣты на эти вопросы, находитъ для чего-то нужнымъ вывести на сцену фантастическаго какого-то̀ читателя, котораго — неизвѣстно почему — называетъ еще „самымъ разсудительнымъ читателемъ". Этотъ разсудительный читатель разсуждаетъ объ нынѣшней непобѣдоносности Современника приблизительно въ слѣдующемъ родѣ. Что-жъ, говоритъ онъ, Современникъ самъ виноватъ, упустивъ изъ своихъ рукъ побѣду. Прежде господствовавшая литература наговорила слишкомъ много крайностей и завела свое направленіе уже черезъ-чуръ далеко; поэтому теперь и царствуетъ новая литература, т. е. реакція. Разсудительный этотъ читатель, по нашему мнѣнію, говоритъ вздоръ. Онъ не видитъ самой простой вещи, той именно, что „обновленный Современникъ", собственно говоря, никогда и не былъ побѣдоносенъ. Тому назадъ лѣтъ десять, масса читателей накинулась съ удвоенной энергіей на всѣ существовавшіе журналы и книги — безъ разбора; это было частное слѣдствіе общей возбужденности за ту минуту. Эта масса держалась нѣкоторое время упадавшаго, т. е. „обновленнаго Современника" чисто по инерціи. То самое время, которое „обновленный Современникъ" величалъ зенитомъ своей славы — оно именно и было началомъ его ощутительнаго упадка въ общественномъ мнѣніи. Едва публика, даже въ своемъ большинствѣ, стала наконецъ раскусывать, какою пищей угощаетъ ее новая редакція Современника и какіе фабрикаты она вноситъ въ составъ своихъ пряностей — и масса читателей стала неудержимо отходить отъ Современника, пока наконецъ онъ и вовсе остался безъ читателей. Это вѣрно; нѣтъ ни одного разсудительнаго читателя, который-бы мыслилъ иначе.

Впрочемъ, виртуозу статьи „Итоги" фантастическій этотъ разсудительный читатель нуженъ совсѣмъ для другой цѣли. Поймавъ его на словѣ „крайности", виртуозъ сейчасъ-же и пользуется такимъ обвиненіемъ, чтобы доказать ему, какъ неосновательно обвиненіе Современника въ какихъ-бы то ни было крайностяхъ. „Въ томъ-то и дѣло, восклицаетъ удивительный артистъ, что самый разсудительный читатель, не довольный настоящей литературой, плохо понималъ и прежнюю. Такимъ образомъ вопросъ, дѣйстви-

тельно-ли вина въ этомъ случаѣ лежала на прежде-господствовавшей литературѣ, и проповѣдывала-ли она на самомъ дѣлѣ крайности, которыя-бы оправдывали происшедшую въ литературѣ перемѣну, не обратилъ до сихъ поръ серьезно ничьего вниманія, а между тѣмъ понятно, какое серьезное значеніе имѣетъ для насъ этотъ-то именно вопросъ" (301). За тѣмъ Современникъ и обращаетъ на этотъ вопросъ „самое серьезное вниманіе;" оказывается, послѣ всего, что никакихъ крайностей онъ не проповѣдывалъ; всегда отличался духомъ самаго умѣреннаго либерализма и преслѣдовалъ всегда одну цѣль: исхитить общество изъ грубаго матеріализма. Оказывается даже, что всѣ реформы, которыя произошли въ нашемъ отечествѣ, совершились именно такъ, какъ рекомендовалъ Современникъ, всегда умѣренно-либеральный; что даже наша администрація единственно въ немъ, въ одномъ Современникѣ, всегда находила дѣятельную поддержку; и что онъ, Современникъ—и никто, кромѣ его—и давалъ всегда отвѣты на мѣры, предлагавшіяся правительствомъ для публичнаго всесторонняго обсужденія. А вся остальная литература и безмолвствовала, и не давала отвѣта; а только гаерствовала и лицедѣйствовала. Такъ свидѣтельствуетъ о себѣ Современникъ.

Почему-же, если такъ, читающее общество отшатнулось отъ Современника? Это ужъ авторъ *Итоговъ* объясняетъ весьма просто. Дѣло въ томъ, видите-ли, что когда правительство задумало благія реформы, тогда вся литература обрушилась противъ реформъ; одинъ только Современникъ сталъ ихъ защищать. Общество было слишкомъ невѣжественно и дико, чтобы принять близко къ сердцу всѣ эти благія реформы и содѣйствовать ихъ скорѣйшему проведенію въ жизнь. Русскій Вѣстникъ отстаивалъ реакціонные инстинкты дико-невѣжественнаго общества; онъ тормозилъ всѣ реформы; когда даже онѣ совершались, онъ старался всячески умалить ихъ результаты; а Современникъ... Современникъ въ это время одинъ-одинёшенекъ и являлся глашатаемъ всѣхъ этихъ благихъ, правительственныхъ начинаній; онъ старался расположить въ ихъ пользу все общество, и, такимъ образомъ, понятное дѣло, противъ той реакціонной литературы—онъ принялъ характеръ... и въ самомъ дѣлѣ опозиціонный. Такъ какъ, при томъ, та литература—говоритъ Современникъ—выражала дѣйствительное большинство и пришлась своимъ реакціоннымъ характеромъ по вкусу всему дико-невѣжественному

обществу, то Современникъ, такимъ образомъ, принялъ еще опозиціонный характеръ уже противъ цѣлаго общества,—и, естесственное дѣло, общество должно было рано или поздно его возненавидѣть. „Не трудно, я думаю, понять—говоритъ авторъ „Итоговъ“—какое малое сочувствіе рисковала эта литература встрѣтить въ обществѣ вслѣдствіе именно такой постановки своего дѣла. Поставь она свое дѣло иначе, и нѣтъ сомнѣнія, что она встрѣтила бы гораздо большее число доброжелателей даже въ средѣ тѣхъ людей, грубой лестью инстинктамъ которыхъ отличаетъ до сихъ поръ себя московская публицистика“ (стр. 306). И такъ, вотъ откуда ненависть къ Современнику; а всѣ его выходки противъ искусства, науки и всего на свѣтѣ—тутъ рѣшительно ни причемъ. Авторъ „Итоговъ“, правда, касается и ихъ въ общемъ перечнѣ доблестей своего журнала, но мелькомъ и какъ-бы вскользь. Онъ только за тѣмъ и выводитъ ихъ передъ читателемъ, чтобы мимоходомъ освѣтить ихъ... въ совершенно новомъ, для читателя, свѣтѣ. Впрочемъ, освѣщеніе это уже устарѣло. Г-нъ Писаревъ, помнится, въ своемъ „Нерѣшенномъ вопросѣ“ уже пробовалъ „растолковать безтолковой сударынѣ-публикѣ“, что реалисты отрицаютъ не вообще искусство и поэзію, въ такихъ представителяхъ какъ Шекспиръ и Гете,—а лишь „ковырянье цвѣточной пыли козявкой“ и т. п. Съ малыми видоизмѣненіями тутъ повторяются такія же точно объясненія авторомъ „Итоговъ“.—„Война опозиціоннаго органа—говоритъ онъ—противъ художественнаго направленія состояла не въ униженіи художественности и искусства, не въ запрещеніи наслаждаться и требованіи аскетизма, а въ томъ, чтобы выучить читателя наслаждаться только тѣмъ, что дѣйствительно стоитъ наслажденія“ (стр. 307).

Особенно любопытно объясненіе, почему Современникъ долженъ считаться рыцаремъ идеализма, тогда какъ—судя по обманчивой наружности—всѣ его принимали за матерьялиста. Вотъ это объясненіе. Оговоривъ, что послѣ нападеній на искусство, предприняты были нападенія и противъ науки, „существовавшей у насъ,“—авторъ „Итоговъ“ такъ объясняетъ ихъ необходимость.

„Направленіе этой науки было въ самомъ грубомъ смыслѣ матеріалистическое. Она рѣшала міровые вопросы и только одни міровые. Наука, пытающаяся открыть конечныя причины мірозданія, гоняться за сущностью вещей и вмѣшиваться въ сферу теологическихъ вопросовъ, будетъ съ наглядной стороны конечно

казаться идеалистической. Но за то эта именно наука будетъ всего болѣе способствовать къ развитію самаго грубаго матеріализма. Нечего говорить, самое преисполненное матеріализма есть общество дикое и первобытное, и чѣмъ ближе къ этой границѣ, тѣмъ болѣе матеріализма, и какая-же культура оказываетъ болѣе пытливости къ чудесному, какъ не первобытная (стран. 309)".

Понятно-ли теперь читателю, что стоитъ только упразднить „сферу теологическихъ вопросовъ"— и сдѣлаешься идеалистомъ; Современникъ, упраздняя, должно быть, эту самую сферу, и стремился удовлетворить идеальнымъ потребностямъ. И такъ, всѣ эти обвиненія, издавна взводимыя на Современникъ, оказываются чистымъ недоразумѣніемъ со стороны публики. Автору „Итоговъ", послѣ этого, остается удостовѣрить своихъ читателей единственно лишь въ томъ, что всѣ остальныя невзгоды Современника обрушились на его голову — ну ей-же ей! — только за благородную оппозицію грубому невѣжеству общества и дикости нравовъ. Онъ къ этому и приступаетъ.

Въ какое положеніе была-бы поставлена реформа — спрашиваетъ авторъ „Итоговъ", разумѣя прямо эмансипацію крестьянъ — еслибъ она не услышала въ общественномъ мнѣніи ни одного слова въ свою поддержку противъ тучи невѣжества, прикрывавшагося научными предлогами?

„Кто-же сказалъ это слово въ ея поддержку? Его сказалъ единственный органъ, видѣвшій причину всѣхъ недостатковъ въ самомъ обществѣ... Слово это сказала оппозиціонная литература — она съ самаго начала объявила себя за вмѣшательство и освобожденіе съ землею. Отсюда начинается исторія болѣе или менѣе общаго раздраженія противъ нея и совершенно понятно почему. До сихъ поръ оппозиція ея раздражала лично отдѣльныя профессіи, небольшія группы людей. Споръ объ искусствѣ не нравился литературѣ, получавшей свой хлѣбъ отъ произведеній искусства: споръ противъ науки не нравился лицамъ, которыхъ кормила эта наука на казенныя деньги. Споръ-же за освобожденіе съ землею сразу расширялъ значительно сферу столкновенія и ставилъ оппозиціонную литературу въ противорѣчіе съ привычными нравами и понятіями цѣлаго общества".

Но вотъ, продолжаетъ авторъ, реформа осуществилась именно такъ, какъ рекомендовалъ ее добродѣтельный Современникъ.

„Послѣ этого понятно, восклицаетъ авторъ Итоговъ, съ какимъ чувствомъ должна была относиться и остальная литература и все общество къ оппозиціонной. Истинныя чувства остальной литературы, если они и не были ею заявлены немедленно, оказались спрятанными въ карманъ только до болѣе удобнаго случая. Кон-

сервативная литература, льстя дикимъ провинціаламъ, не могла простить себѣ свершившагося... Чувствамъ консервативной литературы естесственно было обрушиться прежде всего на оппозиціонный органъ. Начался періодъ мести"...

И вся послѣдующая литература, начиная съ романа г. Тургенева „Отцы и Дѣти" и до полемики „Моск. Вѣд." съ „Голосомъ" по поводу субсидій, выдается авторомъ „Итоговъ" за месть Современнику. Но при чемъ тутъ „*субсидіи* Голосу?" а главное, ратуя весьма основательно противъ *субсидій*, чѣмъ-же Московскія Вѣдомости досаждали собственно Современнику и притомъ за что-же они ему мстили? А за то именно, что крестьянская реформа, видите-ли, совершилась собственно тàкъ, какъ — изъ цѣлой литературы — рекомендовалъ ее одинъ Современникъ. Не правда-ли читатель, это ужъ Геркулесовы столбы... виртуозности?

Что касается до уваженія впредь — къ наукѣ и къ искусству, и къ идеализму вообще, то Современникъ обѣщается по этой части рѣшительно удивить всѣхъ своихъ будущихъ подписчиковъ. Онъ объ одномъ только жалѣетъ, — вотъ о чемъ.

„Мы ничего не желали-бы лучше — какъ говорить постоянно ровнымъ и спокойнымъ тономъ науки, не утрируя ни однимъ образомъ, ни знакомъ препинанія нашей мысли; но мы рискуемъ встрѣтить сплошь и рядомъ читателя, скучающаго наукой, объясняющаго, что онъ ждетъ отъ насъ журнала, а не научной книги. А потому, какъ видите, рѣзкость и живость есть неизбѣжная принадлежность самой журнальной формы и скуки, которую видитъ читатель въ наукѣ, а потому она и должна приниматься за то, что есть, и не бросать невыгодной тѣни на самую сущность мыслей. Впрочемъ, если только въ этомъ затрудненіе, то мы *готовы жертвовать* живостью изложенія, ради возможности выражать сущность тѣхъ мыслей, въ справедливость и силу которыхъ вѣримъ. И читатель долженъ знать отчасти, что это не пустая фраза съ нашей стороны, что за нами водятся иногда и мысли, и умѣнье вѣровать въ эти мысли".

Le style—c'est l'homme, „слогъ человѣка—самъ человѣкъ", говоритъ французская поговорка. Мудрено-ли, что, обѣщая своимъ будущимъ подписчикамъ отречься отъ преданій „эпохи возрожденія", Современникъ заранѣе предугадываетъ необходимость отказаться и отъ того стиля, которымъ та эпоха себя выражала?

Газета „День" 1864 г.

По поводу объявленія объ изданіи „**Полнаго критико-библіографическаго указателя**".

Библіографическихъ свѣдѣній не достаётъ текущей литерарѣ. Въ виду возрастающаго съ года на годъ количества книгъ и журналовъ и вообще увеличивающагося у насъ развитія книжнаго дѣла — полный библіографическій указатель составляетъ дѣйствительную потребность въ наши дни.

Получивъ объявленіе изъ Петербурга о предпринимаемомъ тамъ изданіи въ этомъ родѣ, мы отнеслись къ нему съ безусловнымъ сочувствіемъ. Но вотъ теперь получена еще и опубликованная программа этого изданія: она не такова чтобъ поддержать добрыя надежды. Отвѣтственный редакторъ-издатель г. Васильевъ выступилъ съ такою программой, что она явно обличаетъ въ его „Указателѣ" не строго-литературное предпріятіе, а что-то иное. „Издаваемый нами Полный критико-библіографическій указатель, говоритъ онъ, имѣетъ цѣлью сообщить читающей публикѣ перечень *всѣхъ русскихъ книгъ*, *имѣющихся въ продажѣ*, съ критическими отзывами о нихъ, основанными частью на личномъ знакомствѣ съ ними участвующихъ въ составленіи *Указателя* лицъ, частью заимствованными изъ рецензій лучшихъ періодическихъ и другихъ изданій. Въ составъ *Указателя* не войдетъ отчетъ о книгахъ духовнаго содержанія".—Итакъ, сразу сюрпризъ! Вся духовная литература выключена изъ „Указателя" безъ разговоровъ,—чѣмъ объяснить въ „Полномъ Указателѣ" такой немаленькій пробѣлъ? Во-вторыхъ, что̀ значитъ это сбивчивое, такъ легко и растяжимое и съуживаемое опредѣленіе: „*всѣхъ книгъ, находящихся въ продажѣ?*" О какихъ книгахъ, имѣющихся въ продажѣ, намѣревается сообщать Указатель" — да еще по указанію „лучшихъ изданій?" Если о старомъ хламѣ, о которомъ однакожъ не перестаютъ нѣкоторыя „лучшія періодическія изданія" благовѣстительствовать, какъ о „новомъ вѣющемъ духѣ" — кому нуженъ такой „Указатель?"

Притомъ, важно было-бы для публики, когда-бы ей время отъ времени, не переставали періодически сообщать о выходѣ всѣхъ появляющихся книгъ, для того чтобы каждый могъ слѣдить за новостями по своей спеціальности. А „Полный критико-библіографическій указатель", какъ теперь видно изъ объявленія, бу-

детъ изданіемъ не періодическимъ, а составитъ лишь не сразу, а въ нѣсколько пріемовъ изданный, сборникъ: напослѣдокъ и сойдетъ онъ на простой каталогъ. Но при всякой газетѣ, чуть не отъ всѣхъ книжныхъ магазиновъ, ежегодно разсылаются, въ видѣ объявленій, каталоги подобнаго рода. Простое собираніе ихъ въ одну кучу уже составитъ тотъ самый „Указатель", о которомъ объявляетъ теперь, какъ о новости, г. Васильевъ. Что-же новаго будетъ въ его „Указателѣ" противъ этихъ каталоговъ, имѣющихся почти во всѣхъ книжныхъ магазинахъ? Критическіе отзывы о книгахъ, выдержки изъ нихъ, ознакомленіе съ ихъ содержаніемъ? Но это бываетъ обыкновенно не лучшею стороной всякого „Указателя". Прежній мало распространенный „Книжникъ", какъ онъ ни былъ скуденъ съ самаго начала, тогда именно сталъ окончательно падать, когда къ простой заслугѣ указателя книжныхъ новостей прибавилъ еще и обязанность указывать публикѣ — какія книги должна она раскупать на расхватъ и какихъ она покупать не должна? Критическіе тутъ отзывы о книгахъ сходятъ или на рекламы, или на намѣренное ихъ освистаніе. Крайне жаль, поэтому, что главнымъ значеніемъ своего „Полнаго Указателя" (хотя и не періодическаго изданія, а только сборника-каталога, какъ видятъ читатели) самъ г. Васильевъ полагаетъ слѣдующее: „Изданіемъ *Полнаго критико-библіографическаго указателя* каждому дана будетъ возможность ранѣе пріобрѣтенія какой-либо книги составить понятіе о ея достоинствахъ и недостаткахъ". Такое заявленіе, по нашему мнѣнію, всего откровеннѣе высказываетъ несерьезность предпринимаего въ Петербургѣ изданія, которое привѣтствовалось нѣкоторою частью нашей журналистики — съ такимъ шумомъ.

Газета „Москва" 1867 г.

Перлы Русской журналистики.

Подъ этимъ заглавіемъ мы намѣрены приводить иногда выписки изъ современной публицистики не прибавляя отъ себя никакихъ коментарій. Критику тутъ дѣлать нечего: такъ эти красоты говорятъ сами за себя.

Одно изъ сильнѣйшихъ желаній Голоса. „Мы желали-бы, чтобъ тѣ изъ такъ-называемыхъ нигилистокъ, которыя

служатъ идеѣ сознательно и честно, отбросили все, что не составляетъ сущности дѣла. Къ чему эта вывѣска: стриженныя головы, очки, небрежность въ одеждѣ, портфель подъ мышкой и проч. и проч.? Скажутъ, что длинные волосы отнимаютъ много времени и требуютъ прислуги для убора головы? Пустяки! Можно причесать голову и съ нестриженой косой безъ помощи прислуги и употребить на это 10 минутъ. Положимъ, скажутъ, что нѣтъ основанія признавать косу, какъ нѣчто служащее украшеніемъ; но пока это хоть и условно, а признается украшеніемъ, и мы не видимъ причины идти противъ исконнаго убѣжденія. Если-же къ иному лицу идутъ болѣе коротенькіе волосы — прекрасно! мы противъ этого ничего не говоримъ: стригитесь и нравьтесь, мы ничего лучшаго не желаемъ"... (Голосъ, № 502).

Что̀ вообще Современникъ принялъ себѣ за правило? „Вообще Современникъ принялъ за правило наказывать всякую литературную ракалію тѣмъ-же оружіемъ, которымъ она сама согрѣшаетъ. Доказывать какой-нибудь ракаліи, что ея пріемы не хороши, не деликатны — дѣло трудное, доказательствами ея не проймёшь; а гораздо лучше каждую ракалію заставить на ея же собственной спинѣ почувствовать прелесть ея полемическихъ пріемовъ, можетъ быть и опомнится и на будущее время исцѣлится". (Совр. № 8).

Въ чемъ заключается, по мнѣнію Русскаго Слова, спасеніе и обновленіе Русскаго народа? „Микроскопъ и лягушка — вещи занимательныя, а молодежь — народъ любопытный. Ужъ если Павелъ Петровичъ Кирсановъ не утерпѣлъ, чтобы не зглянуть на инфузорію, то молодежь и подавно не утерпитъ, постарается завести себѣ свой микроскопъ, и проникнется глубочайшимъ уваженіемъ и пламенной любовью къ распластанной лягушкѣ. А только это и нужно. Тутъ-то именно, въ самой лягушкѣ-то и заключается спасеніе и обновленіе Русскаго народа... Ей-Богу, читатель, я не шучу". (1864. Русское Слово, № 3, Мотивы Русской жизни Д. И. Писарева).

Надѣясь, что все менѣе будетъ мелькать въ нашей публицистикѣ красотъ подобнаго рода для занесенія ихъ въ этотъ отдѣлъ, пока воздерживаемся и отъ обычнаго: *продолженіе впредь.*

Газета „День" 1864 г.

Упадокъ публицистики, замѣтка 1879 г.

Литература — отраженье
Лишь современнаго движенья, —
Что-жъ въ мірѣ суше и бѣднѣй
Литературы нашихъ дней?

Вся она сошла на фельетонъ, и рыцари современнаго фельетона еще вмѣняютъ себѣ въ особенную заслугу, что свели ее на фелье-

тонъ. Вслушайтесь, къ тому-же, что за дикая разноголосица кругомъ!.. Найдется-ли хоть одно событіе — начиная съ послѣдней войны до такого приключенія, какъ постановка на сценѣ драмы „Смерть Мессалины" — чтобъ по поводу ихъ не высказывалось у насъ двухъ, взаимно себя исключающихъ, мнѣній? Найдите хоть одно мнѣніе, поддерживаемое нынѣшней печатью, къ которому можно бы безоговорочно и всей душою примкнуть? Приведите еще хоть одинъ примѣръ и двухъ противоположныхъ взглядовъ — такихъ, чтобъ не стыдно было одинъ изъ нихъ признать за свой собственный? Нѣтъ, рыцари современной публицистики — или, что одно и то-же, современнаго фельетона — такъ изощрились въ хитросплетеніи лжи съ правдой, что, читая ихъ писанія, невольно думаешь: хоть-бы они по крайней мѣрѣ искреннѣй лгали! Даже отстаивая другъ передъ другомъ свои діаметрально-противуположные взгляды, они такъ изловчаются перепутывать ложь съ правдой, что, слушая обоихъ, не вѣришь ни одному.

И такимъ еще неподдѣльнымъ самодовольствомъ вѣетъ отъ ихъ писаній! такъ въ нихъ и прыщетъ то, что Французы зовутъ suffisance. Читатель, случается, краснѣетъ отъ ихъ строкъ уже съ перваго начала; а они тѣмъ беззастѣнчивѣй выкидываютъ колѣна передъ публикой и тутъ-же передъ ней расшаркиваются, какъ-бы заранѣе благодаря за взрывъ рукоплесканій. Да, въ послѣдніе годы уровень нашей печати — надо правду сказать — значительно упалъ.

Отчего это происходитъ? Оттого-ли, что въ послѣдніе годы увеличилась масса читателей — и по потребителямъ дается товаръ? Отчасти правда, что когда переводятся первоклассные магазины за недостаткомъ первоклассныхъ потребителей — тогда умножаются магазины средней руки, удовлетворяющіе потребностямъ большинства. Но это лишь отчасти правда; а на самомъ дѣлѣ наша публика вовсе не такъ ограничена въ своихъ требованіяхъ, какъ объ ней полагаютъ наши газетные публицисты. На дурной вкусъ публики ссылаются обыкновенно плохіе антрепренеры и плохія дирекціи театровъ. Ставя площадныя пьесы, которыя подъ силу ихъ труппѣ и имъ самимъ по плечу, они оправдываются обыкновенно тѣмъ, что сама публика любитъ площадныя пьесы. Но имъ мало кто вѣритъ, и напрасно слѣдуютъ ихъ примѣру распорядители нашихъ газетъ. Публика, повторяемъ, гораздо умнѣе и разборчивѣй въ своихъ требованіяхъ, чѣмъ про нее думаютъ наши газеты; она давно оцѣнила по достоинству нынѣшнихъ дѣльцевъ печатнаго слова.

Давно-ли—еще во времена Гоголя—ни одно званіе не почиталось въ нашемъ обществѣ такимъ же почетнымъ, какъ званіе писателя. Нашъ безсмертный поэтъ свидѣтельствуетъ въ своей „Перепискѣ съ друзьями“, что общественная совѣсть особенно смущалась въ его время, если именно писатель оказывался замѣшаннымъ въ какое-нибудь предосудительное дѣло. „А еще писатель!“ приводитъ Гоголь поразившее его слово одного простаго русскаго человѣка, невольно вырвавшееся у него, когда онъ услыхалъ, что писатель попался въ одномъ очень предосудительномъ дѣлѣ. Ныньче другое. Наши заурядные дѣльцы печатнаго слова такъ потрудились уронить его значеніе, что больше никто—даже между темными людьми—не вѣритъ въ святость ихъ призванія, какъ сами они въ томъ ни увѣряютъ,—не вѣрятъ больше и въ непогрѣшимость всего напечатаннаго. У публики даже образовались въ послѣднее время поговорки на этотъ счетъ. „Лжетъ какъ газета“, говорятъ ныньче про неслыханную ложь—и стыдно тѣмъ, кто содѣйствовалъ съ своей стороны народиться такой поговоркѣ. „Да вѣдь это въ газетахъ пишутъ!“ возражаютъ теперь обыкновенно про явную небылицу—и жаль тѣхъ нашихъ газетныхъ дѣльцовъ, которые своими подвигами стяжали такую печальную извѣстность своимъ кормилицамъ. „Да вѣдь онъ газетчикъ: онъ въ газетахъ пишетъ“... такими словами предостерегаютъ теперь обыкновенно, чтобъ не вѣрили на слово пасквилянту и клеветнику, и жалко и стыдно за тѣхъ, отъ кого такъ предостерегаютъ.

Чему-же приписать это оскудѣніе „духа живаго“ въ нашей литературѣ? откуда это сплошное измельчаніе трактуемыхъ интересовъ? это измельчаніе самого печатнаго слова? откуда этотъ хаосъ, вавилонское разносмѣшенье языковъ, дикая разноголосица, которые слышны всюду?

Наша „обновленная“ жизнь, послѣ упраздненія крѣпостнаго права, съ водвореніемъ новаго гласнаго суда, со многими нововведеніями, которыя и не снились прежнимъ поколѣніямъ—къ чему же она привела? неужели она не народила новыхъ талантовъ? неужели она не создала и не образовала—по выраженію Бецкаго—новой породы людей со всѣми достоинствами прежнихъ поколѣній, но безъ ихъ недостатковъ? Или, напротивъ того, неужели эти нынѣшніе дѣльцы печатнаго слова, миріадами выступившіе въ сотняхъ газетъ—они-то и составляютъ желанный плодъ нашего обновленія? неужели въ нихъ-то мы и должны привѣтствовать предста-

вителей новой лучшей эпохи, а въ ихъ дѣятельности, которая теперь у всѣхъ на глазахъ,—исполненіе всѣхъ нашихъ чаяній и обѣтованій?

Пускай въ этомъ увѣрены и всѣхъ въ этомъ увѣряютъ сами фельетонисты—но имъ не повѣритъ никто. Увы! въ томъ и горе, въ томъ и печальный выводъ всякаго безпристрастнаго наблюдателя событій: весь этотъ хламъ, все это хаотическое броженіе—отнюдь не первая ступень новаго начинающагося развитія, а послѣдняя крайняя ступень предшествовавшаго разложенія. Для того, кто безпристрастно наблюдаетъ событія, ясно какъ Божій день, что великія задачи и интересы русскаго народа, которые творятся себѣ втихомолку и поступаютъ впередъ на всемъ пространствѣ русской земли отъ Бѣлаго моря до Чернаго—ничего не имѣютъ общаго съ тѣми задачами и интересами, которые выдаются нашими господами публицистами за альфу и омегу ихъ собственныхъ вѣроученій. Они изъ силъ выбиваются, ратуя за прогрессъ; они топорщатся другъ передъ другомъ въ рѣшеніи собственныхъ міровыхъ задачъ; они горячо препираются между собою; они забрасываютъ грязью всякаго, кто попалъ имъ подъ руку; они взываютъ и къ нравственнымъ обязанностямъ и ко всему, что есть священнаго на свѣтѣ—и пляшутъ cancan. Они обращаются будто-бы къ цѣлой Россіи, къ нашей обездоленной провинціи, къ нашему селу... Ни нашей провинціи, ни нашей сельской Руси—до ихъ хитросплетенія кривды съ правдой дѣла нѣтъ.

Читающая публика, въ виду этого всеобщаго отрицанія, глумленія, фельетоннаго задора нашей публицистики, въ виду этого повальнаго cancan, который обуялъ нашу литературу—читающая публика держитъ себя въ сторонѣ отъ всего этого, какъ тотъ присяжный на судѣ, который съ одинаковымъ молчаніемъ выслушиваетъ и глумленія прокурора надъ подсудимыми и восторженные имъ диѳирамбы защитниковъ—пока наконецъ наступитъ грозный мигъ сказать ему свое: да или нѣтъ.

Въ качествѣ не присяжнаго публициста, а именно лишь одного изъ публики, позвольте обратиться къ вашей газетѣ—для продолженія этихъ писемъ къ публикѣ.

„Новое Время“ 1879 г.

Исторія съ исторіей для народа.

Это было въ концѣ тридцатыхъ годовъ.

Въ Москвѣ возникъ „кружокъ“; нѣмецкая философія и поэзія, тогдашнее состояніе русской литературы и русской науки, характеристика ихъ главныхъ дѣятелей и господствовавшихъ тогда направленій — все служило здѣсь матерьяломъ для дружескаго обмѣна идей, подвергалось общему суду, нерѣдко вызывало ѣдкую сатиру. Это была тогдашняя выдававшаяся молодежь, большею частью кончившая курсъ въ Московскомъ университетѣ; нѣкоторые живы до сихъ поръ и ихъ дѣятельность у всѣхъ на виду; другихъ уже нѣтъ: Василій Боткинъ, Станкевичъ, Бѣлинскій, Константинъ Аксаковъ.

Любопытнымъ памятникомъ этого именно кружка, отъ того времени, осталось—рѣдкое въ наши дни—изданіе: „Олегъ подъ Константинополемъ, сочиненіе К. Еврипидина“. Эта шутливая поэма написана Константиномъ Аксаковымъ и не предназначалась для печати; но такъ какъ она составляла ловкую пародію на тогдашнее стихотворство и на тогдашнюю ученость, такъ какъ она получила, именно черезъ „кружокъ“, большую извѣстность и въ обществѣ, то ее издали въ свѣтъ — впрочемъ, въ самомъ ограниченномъ числѣ экземпляровъ.

Безъ смѣху нельзя было читать нѣжныхъ воззваній къ дулебамъ, піитическихъ описаній образа жизни хорватовъ, героическихъ тирадъ разныхъ нормановъ... Въ довершеніе всего, когда герой поэмы досягалъ апогея своей славы, когда Олегъ схватился было уже за молотокъ, чтобъ „пригвоздить свой щитъ ко вратамъ Царя-града“,—авторъ вдругъ мѣнялъ декорацію, переносилъ зрителя въ университетскую аудиторію и заставлялъ скептическаго Каченовскаго читать съ каѳедры своимъ слушателямъ: „Помилуйте! какой Олегъ!? все сказки!“.

Это — сатира именно на тогдашнюю высокопарность и напыщенность, — пародія на тѣ тирады чуть не изъ философскихъ трактатовъ о государствѣ, которыми щеголяли тогдашніе лжеклассики и романтики, влагая ихъ въ уста своихъ героевъ — хотя-бы то былъ Глѣбъ Тьмутараканскій или самъ казакъ Ермакъ Тимоѳеевичъ. Это была еще пародія на тѣ школьныя доказательства и на тѣ школьныя опроверженія, которыми тогда щеголяли и дог-

матики и скептики нашей исторической науки. Но, главнымъ образомъ, это была пародія и сатира на стихотворство тогдашней эпохи, когда всякая риѳмованная и нериѳмованная проза, лишь бы закованная въ стопосложеніе, шла за стихи, а вычурность принималась за поэзію.

Шуткой, направленной противъ такихъ-то перловъ Россійской словесности, и явился въ свѣтъ „Олегъ подъ Константинополемъ" съ одобренія всего кружка.

Не забавно ли было, въ самомъ дѣлѣ, читать, какъ напримѣръ сродникъ Рюриковъ разсуждаетъ о томъ, что онъ изъ хаоса нестройныхъ элементовъ создалъ могучій организмъ государства

Гдѣ каждый членъ необходимъ, но только
Какъ членъ, какъ часть великаго явленья.

Или не забавно-ли было читать объ Олеговомъ питомцѣ, объ Игорѣ, какъ онъ изъясняется въ любви „съ дѣвой рая, съ ея волшебной красотой".

Онъ говорилъ—ему она внимала.
И онъ читалъ въ лицѣ ея любовь.

Самый псевдонимъ автора, выставленный на изданіи, К. Еврипидинъ, хорошо обличалъ пародію и заранѣе давалъ угадывать, что все это шутка—не болѣе. Изданіе, какъ мы сказали, выпущенное въ самомъ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, скоро истощилось въ продажѣ и тогда-же сдѣлалось библіографическою рѣдкостью.

Прошло съ тѣхъ поръ слишкомъ сорокъ лѣтъ.

Каково-же удивленіе! выдержки изъ этой шутливой брошюры вдругъ напечатаны теперь въ сочиненіи самаго новаго изданія (на немъ красуется 1879 годъ) и которое нимало не претендуетъ на шутливость, а посягаетъ, напротивъ того, на самую строгую дидактичность: въ „Исторіи Россіи", предназначенной для народа, для земской школы. Вотъ полное заглавіе этой изумительной книги: „Исторія Россіи для народа. Составилъ по программѣ и согласно требованіямъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія Н. Малининъ. Изданіе книжнаго магазина Ѳ. И. Салаева. Цѣна 1 руб. 40 коп. Москва, 1879 г."—Книга большаго формата, въ два пальца толщиною, свыше 425 страницъ не особенно крупнаго шрифта.

Книга, дѣйствительно, изумительная. Пускай г. Малинину пришла въ голову счастливая мысль украсить свои собственные

разсказы изъ русской исторіи творческими былинами избранныхъ поэтовъ; заучиваемыя событія—допустимъ—черезъ это легче удерживаются въ памяти; къ тому-же этотъ самый пріемъ у насъ въ большомъ ходу еще со временъ дѣтской исторіи Ишимовой. Пусть даже, вмѣсто того, чтобы къ мѣсту и съ выборомъ пользоваться дѣйствительными образцами лучшихъ поэтовъ, г. Малининъ сплошь и безъ разбору пересыпаетъ свою исторію длинными выписками изъ романа „Князь Серебрянный" и подлинными цитатами „Казенныхъ образцовъ исторіи для народа" министерской программы. Пускай онъ заваливаетъ свой учебникъ грудой сыраго матеріала пѣсенъ, изданныхъ не всегда въ безукоризненныхъ сборникахъ, и множествомъ стихотвореній такой плеяды, какъ Бенедиктовъ, Мей, Суриковъ, Губеръ и прочіе. Все это, къ сожалѣнію, въ области школьной педагогической литературы, мало кого изумляетъ. Но вотъ что истинно изумительно! какимъ образомъ педагогъ, готовящій исторію Россіи для народа, могъ простодушно принять пародію за самую истину? Какъ можно ироническую шутку молодаго писателя публично выдавать за задушевную исповѣдь его зрѣлаго творчества? Какъ можно было саркастическія, шутливыя описанія каррикатурныхъ Ольги и Олега—эту пародію на каррикатурныхъ героевъ нашихъ лжеклассиковъ и лжеромантиковъ—принять за настоящія и выдавать въ своемъ учебникѣ за самые точные снимки съ дѣйствительныхъ Ольги и Олега?... Вотъ что̀ даже и въ лѣтописяхъ нашей школьной педагогической литературы, истинно изумительно.

Выписываемъ эти любопытныя мѣста изъ труда г. Малинина. На страницѣ 17, въ главѣ о Вѣщемъ Олегѣ читаемъ:

„Покоривши сосѣднихъ славянъ, Олегъ, подобно Рюрику, сталъ рубить повсюду города и сажать туда своихъ мужей... Потомъ онъ сталъ уставлять размѣръ дани съ покоренныхъ окрестныхъ племенъ. Послѣ всѣхъ этихъ трудовъ, князь радовался, глядя на то, какъ русская земля росла и крѣпла. Въ одной повѣсти объ Олегѣ сочинитель влагаетъ въ это время (?) въ уста могучаго князя такую рѣчь:

Исчезъ хаосъ. Изъ элементовъ стройно
Возникъ живой, могучій организмъ,
Гдѣ каждый членъ, свободно, сообразно
Своей природѣ, дѣйствуетъ, живетъ;
Гдѣ каждый членъ необходимъ, но только
Какъ членъ, какъ часть великаго явленья;
Явленія, въ которомъ проявилась

Въ различіи единая идея.
Сей организмъ могучій:—государство!
Его единство:—я! Мои народы:—
Тѣ исполинскіе, живые члены,
Я имъ даю живительную силу,
Свободу и законъ я имъ даю.
Мной эта жизнь, въ могущественномъ тѣлѣ,
Равно, разнообразно разлита.

Но на совершенныхъ уже трудахъ по устройству Русской земли Олегъ не успокоился. Подъ конецъ своей жизни онъ вздумалъ побывать въ Греціи, въ этой старой обидчицѣ русскихъ торговыхъ людей и богатѣйшей странѣ. („Исторія Россіи для народа“. И. Малининъ, стр. 17).

Далѣе, въ статьѣ подъ заглавіемъ „Походъ на грековъ“, читаемъ:

„Олегъ взялъ богатую дань: много золота, драгоцѣнныхъ тканей, плодовъ и вина; потомъ, заключивъ съ греками первый письменный торговый договоръ, по которому русскіе купцы могли свободно торговать въ Греціи, онъ прибилъ въ знакъ побѣды на вратахъ Царя-Града свой щитъ и со славою вернулся въ Кіевъ. Въ упомянутой выше повѣсти Олегъ такъ говоритъ у вратъ Царь-Града:

Внимайте мнѣ, о вѣрные мои,
Безстрашные народы! Съ вашихъ стѣнъ
Внимайте, греки, рѣчи Государя!
Мой Цареградъ! Я взять его могу—
И не хочу! Но въ память дѣлъ кровавыхъ,
Битвъ и побѣдъ и, наконецъ, того,
Что Цареградъ въ моей былъ полной власти,
Что мой шатеръ раскинутъ былъ у стѣнъ;
Моей побѣды совершенной въ память,
Я прибиваю щитъ свой знаменитый
Къ высокимъ цареградскимъ воротамъ.
Пускай отсель, щитомъ моимъ прикрытый,
Смѣется онъ и бурямъ и врагамъ!
Пусть въ немъ съ сихъ поръ гремятъ побѣды клики;
На немъ мой щитъ красуется великій.
Ликуйте же и радуйтесь друзья,
Царьградъ неодолимый покорилъ я,
Свой грозный щитъ къ его вратамъ прибилъ я!“

Тутъ-то и слѣдуетъ быстрая перемѣна декорацій, переносящая зрителя въ университетскую аудиторію, гдѣ Каченовскій читаетъ съ каѳедры: какой Олегъ!? все это басни!.. Но у г. Мали-

нина непосредственно за этими стихами слѣдуетъ совсѣмъ другое, а именно:

„Народъ за умъ и храбрость назвалъ Олега Вѣщимъ, т. е. чародѣемъ, мудрымъ, пѣлъ и величалъ его въ пѣсняхъ. Не долго послѣ похода на грековъ жилъ еще Олегъ. Смерть его люди разукрасили поэтическимъ вымысломъ: князь будто-бы умеръ по предсказанію отъ своего любимаго коня, т. е. отъ змѣи, выползшей изъ черепа давно уже издохшаго коня". (Тамъ же, стр. 18).

Затѣмъ слѣдуетъ картина любви Игоря, въ статьѣ подъ заглавіемъ: „Борьба съ славянскими племенами и походы на грековъ", и такіе стихи изъ той же пародіи:

Однажды онъ съ охоты возвращался
И, опершись на лукъ упругій свой,
Товарищей ловитвы дожидался,
Задумчивый и сумрачный душой.
День вечерѣлъ; съ безоблачнаго свода
Сходило солнце—царь небесъ.
Казалося, въ молчаніи природа
Ждала таинственныхъ чудесъ...
...На берегу онъ озера стоялъ
И струи лѣнивый лепетъ
У ногъ его, слабѣя замиралъ.
Смятенный князь чего-то ожидалъ.
Тогда по озеру мелькая,
Явилась легкая ладья,
И, за кормой ея сверкая,
Лилась блестящая струя...
Младой пловецъ стремился къ брегу;
Лучъ солнца свѣтъ вечерній лилъ,
И вѣтерокъ съ какой-то нѣгой,
Его вѣтрило шевелилъ...
Тогда, предчувствіемъ пылая,
Предчувствіемъ любви святой,
Въ пловцѣ узналъ онъ дѣву рая,
Съ ея волшебной красотой.
Она вступила нà берегъ зеленый,
Стопой земли касаяся едва;
Онъ подошелъ, не смѣлый и смущенный,—
И полились изъ устъ его слова.
Онъ говорилъ—ему она внимала,
И онъ читалъ въ лицѣ ея любовь..."

Читатель самъ видитъ, что г. Малининъ отъ полноты души приводитъ всѣ эти цитаты „ничто же сумняся", какъ-бы еще давая разумѣть, что ихъ паѳосъ вполнѣ соотвѣтствуетъ паѳосу его собственныхъ разсказовъ.

Пріобрѣтя книгу г. Малинина, въ первые же дни ея появленія (годъ изданія обозначенъ 1879) и, при ея перелистываніи, случайно напавъ на стихи, только-что приведенные нами, мы остановились въ великомъ недоумѣніи. Явно „шуточные" стихи — показалось намъ — кѣмъ-то написаны на смѣхъ; не на смѣхъ же ихъ было приводить въ учебникѣ для народа, писанномъ „по программѣ и согласно требованіямъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія". Смущенье только увеличилось, когда, при болѣе внимательномъ осмотрѣ оглавленія, мы вдругъ нашли указаніе, что эти стихи принадлежатъ — не вѣрилось глазамъ — знатоку Русской исторіи, Константину Аксакову.

Но смущенье наше было разсѣяно самымъ добродушнымъ смѣхомъ одного собесѣдника, къ которому мы обратились за разъясненіемъ всей этой мистификаціи. Этотъ одинъ весьма близко знакомый съ „Московскимъ кружкомъ тридцатыхъ годовъ“ и болѣе чѣмъ только близко знакомый съ авторомъ „Олега подъ Константинополемъ“—именно И. С. Аксаковъ—раскрылъ намъ, наконецъ, весь истинный смыслъ этой мистификаціи. Ему-то мы и обязаны полнымъ изложеніемъ этой шутливой поэмы отъ начала до конца включительно съ лекціею Каченовскаго о небывалости Олега; также и тѣми немногими, здѣсь переданными, подробностями о „кружкѣ“, который ее издалъ.

Можно-ли болѣе неприличнымъ образомъ потревожить память покойнаго писателя, подписавшаго подъ шутливою пародіей шутливый псевдонимъ „К. Еврипидинъ“—какъ цитируя его bona fide за Еврипида.

Послѣ такого злаго приключенія съ авторомъ „Исторія Россіи для народа“, можно и воздержаться отъ дальнѣйшей оцѣнки его книги. Мы отмѣтили её отъ того только, что самое ея заглавіе можетъ иныхъ ввести въ обманъ и заставитъ пожалуй выписать этотъ „учебникъ“—тѣмъ болѣе, что на оберткѣ изданія поименованы многіе другіе педагогическіе труды г. Малинина—„Бесѣды о наглядномъ обученіи и отчизновѣдѣніи“ и прочіе—и подъ ихъ перечнемъ стоитъ внушительное: „Всѣ эти книги одобрены Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“.

„Новое Время“ 1879 г.

Къ „Слову о полку Игоревѣ“, по поводу изслѣдованій *М. А. Андріевскаго.*

Литература *Слова о полку Игоревѣ* умножилась еще однимъ трудолюбивымъ изслѣдованіемъ. Передъ нами цѣлыхъ три книжки, посвященныхъ разбору этого памятника,—и конца еще нѣтъ. Двѣ первыя озаглавлены: „Изслѣдованіе текста пѣсни Игорю Святославичу М. А. Андріевскаго. Часть I, глава I—III“ и тоже „глава IV“; третья—„Пѣсни Игорю Святославичу („Слово о полку Игоревѣ“) по чтенію М. А. Андріевскаго. Часть первая“. Въ первой книжкѣ, первая глава заключаетъ подробнѣйшее указаніе всей

литературы этого памятника со времени его изданія включительно по 1879 годъ; тутъ-же приложенъ и алфавитный указатель писателей, чьи труды поминаются. Вторая глава носитъ названіе: „Загадочность нашего памятника"; тутъ авторъ дѣлаетъ пересмотръ существующихъ о „Словѣ" мнѣній и приходитъ въ концѣ концовъ къ слѣдующему выводу: „Итакъ литературой нашего памятника если не ничего почти не сдѣлано, то, во всякомъ случаѣ, сдѣлано очень немного; слѣдовательно, для того, кто захотѣлъ-бы опознаться въ томъ хаосѣ, который представляетъ собою дошедшій до насъ текстъ пѣсни Игоревой, открывается широкое поприще—начинать работу надъ нимъ почти заново" (стр. 82, ч. I). Третья глава заключаетъ самый текстъ „Слова", какъ онъ сохранился въ копіи графа А. И. Мусина-Пушкина—въ сводной редакціи.

Во второй книжкѣ, заключающаяся въ ней единственная IV глава вся и посвящена работѣ, какъ выразился самъ авторъ, „начать заново и опознаться въ хаосѣ". Изъ строки въ строку, а въ каждой строкѣ изъ буквы въ букву,—авторъ перебираетъ весь подлинникъ. Трудолюбія здѣсь много, даже слишкомъ много. То же должно сказать и о восполненіи картинъ и цѣлыхъ мѣстъ поэмы параллелями изъ лѣтописныхъ повѣствованій и былинъ народныхъ. Много, даже слишкомъ много, и совершенныхъ реставрацій текста, причемъ иные стихи, даже цѣлыя строфы, переносятся съ мѣста на мѣсто, изъ конца въ начало и обратно. Въ этой книжкѣ до 200 страницъ.

Въ третьей книжкѣ, чтеніе „Слова", возстановленное авторомъ на основаніи собственныхъ изысканій—оканчивается лишь плѣномъ Игоря послѣ несчастной битвы, когда онъ пересѣлъ изъ сѣдла злата въ сѣдло Кощеево. Продолженія еще нѣтъ. „Книги эти—какъ значится на оберткѣ—продаются въ г. Екатеринославѣ, у Митрофана Александровича Андріевскаго, учителя реальнаго училища. Цѣна 1-й одинъ рубль съ пересылкой; 2-й цѣна 2 р. съ пересылкой и 3-й 10—копеекъ".

Мы съ намѣреніемъ ограничились простымъ изложеніемъ содержанія всѣхъ трехъ брошюрокъ, не высказывая относительно ихъ никакого собственнаго взгляда. Для занимающихся „Словомъ" во всякомъ случаѣ неминуемо ознакомиться съ ними, каково-бы ни было объ нихъ чье-либо мнѣніе. Чтобъ ознакомить однакожъ читателей съ пріемами г. Андріевскаго и нашимъ собственнымъ на нихъ взглядомъ—ограничимся хотя однимъ примѣромъ.

Авторъ отвергаетъ *„плачъ Ярославны“* въ томъ видѣ, какъ обыкновенно передаютъ это въ переложеніяхъ и даже на картинахъ. Во-первыхъ, это не могло быть въ городѣ Путивлѣ, по его мнѣнію; а во-вторыхъ, не восходила княгиня на городскую стѣну; не *„на забор҄алѣ“* плакала она. Путивль попалъ тутъ не къ мѣсту, по его мнѣнію; онъ здѣсь очутился совершенно случайно изъ предыдущихъ строкъ, притомъ искаженныхъ и невѣрно понятыхъ. Когда пѣвецъ описывалъ спѣхъ военныхъ приготовленій для похода на Половцевъ, онъ употребилъ выраженіе: кони ржутъ въ „путивлѣ“. Авторъ толкуетъ: „Собственное имя города Путивля явилось здѣсь совершенно случайно: путивля=путы, или коновязь, „припона“, съпѧтье=vincula (Восто.); *въ путивлѣ*, слѣд.=или въ путахъ, будучи спутаны, или: стоя „на припонѣ“, въ коновязи. Впрочемъ, съ неменьшею вѣроятностью можетъ быть допущено и чтеніе: къ путинѣ, чуя путину, то-есть путь-дорогу, походъ“. (Ч. I, гл. IV, стр. 168).

Разъ было невѣрно понято это *„въ путивлѣ“*, какъ собственное имя города, говоритъ авторъ, тотъ-же Путивль ошибочно былъ помянутъ и въ „плачѣ Ярославны“. Онъ его зачеркиваетъ и реставрируетъ: Ярославна плачетъ „въ Новѣградѣ“. Далѣе, авторъ продолжаетъ: „Выраженіе: *на забралѣ* кажется мнѣ очень подозрительнымъ: не женское это дѣло было—восходить на забрала: на нихъ обыкновенно, когда это нужно было, восходили мужи, а не жены. И чего ради Ярославнѣ, чтобы причитать, голосить, нужно было восходить на „заборало“? Не для того-ли, чтобы порисоваться своею печалью передъ публикой? Таковою она, кажется, и изображается въ гравюрахъ, помѣщаемыхъ иногда въ изданіяхъ нашего памятника и отдѣльно, въ иллюстраціяхъ. Но въ такомъ случаѣ, что̀-же общаго имѣла эта поэзія эффекта и жеманства съ народной поэзіей, поэзіей простоты и правды? Вотъ это-то соображеніе и заставляетъ меня быть подозрительнымъ по отношенію къ разсматриваемому поэтическому образу. Взглянемъ, въ какой обстановкѣ представляетъ себя горюша въ причитаніяхъ сѣвернаго края, сохранившихъ въ себѣ отголоски глубокой старины.“ И авторъ обращается къ причитаніямъ, которыя даютъ ему поводъ еще къ слѣдующимъ размышленіямъ: „Не передъ публикой плачетъ горюша, не среди городскаго шума, а за селомъ, на лонѣ матери-природы, въ тиши уединенія. Итакъ необходимо свести Ярославну съ несвойственнаго ей пьедестала, на которомъ она явилась въ

сохраненномъ текстѣ вслѣдствіе искаженія его". (Ч. I. стран. 244—245).

На основаніи всего вышеизложеннаго и скрѣпивъ еще свое разсужденіе одною лѣтописною выпиской, авторъ зачеркиваетъ „на заборалѣ", а вмѣсто того ставитъ *„заградье"*, пространство за городомъ, холмъ, лужайка, роща, садъ (стр. 245).

Все это, конечно, не такъ. Восхожденіе на городскую стѣну, смотрины именно съ *„заборала"* — при провожаніи войска въ походъ или при встрѣчахъ его по возвращеніи изъ похода — характеристическая черта нашей древности. Это такая картина, которая повторяется сплошь при описаніяхъ ожидаемой встрѣчи князя изъ похода или провожанія его въ походъ. Припомнимъ легенду о городѣ Зарайскѣ. Княгиня дожидалась своего князя изъ похода, всѣ „глазыньки проглядѣла", вперяя взоръ съ высокой башни въ дальнее поле; вдругъ, не дождавшись возвращенія, получаетъ худую вѣсть о гибели князя; не вытерпѣла, прямо съ башни и бросилась, и „заразилась" на̀ смерть: отсюда-де городъ Зарайскъ. Почему-же г. Андріевскому кажется неестественною та-же самая картина въ „Словѣ?" И Ярославна, рано, на зорѣ, смотритъ со стѣны, въ дальнее поле — одна-одинока. Развѣ г. Андріевскій не замѣтилъ тутъ же у поэта прекраснаго слова о княгинѣ, что она „зегзицею *незнаемь* рано кычетъ". Вѣчно сѣтуетъ осиротѣлая княгиня; вѣчно глядитъ въ дальнее поле. А притаилась, никто ея не увидитъ. Такъ именно кукуетъ въ рощѣ *„зегзица";* слышатъ ее всѣ, а гдѣ она,—и въ умъ не придетъ. И такъ, Ярославна могла плакать и со стѣны глядѣть въ поле — какъ прекрасно описываетъ древній пѣвецъ — и это еще вовсе не значитъ, чтобы она тѣмъ самымъ „рисовалась передъ публикой", какъ увѣряетъ г. Андріевскій.

Газета „Русь" 1881 г. Январь.

Одна изъ нашихъ газетъ.

Nomina sunt odiosa.

На свѣтѣ нѣтъ ничего хуже *полу-образованности.* Къ сожалѣнію, это самая распространенная, самая модная болѣзнь въ наши дни. Мало, все меньше, истинно-образованныхъ людей; а отъ *полу-образованности* куда только дѣться?

Въ чемъ-же заключается истинное образованіе и что̀ такое *полу-образованность?* — для разъясненія этого, мы и хотимъ разобрать одну изъ нашихъ газетъ.

Истинно-образованный человѣкъ, прежде всего, не кичится своимъ знаніемъ: увы! онъ достигъ той высоты, откуда уразумѣлъ всю полноту своего невѣдѣнія. Какъ тотъ Фаустъ, онъ охотно смѣшивается съ толпою; про истинно-образованнаго человѣка можно сказать, что онъ самый естесственный *ближній* и всегда искреннѣйшій другъ темнаго, такъ-называемаго, простаго народа. Простой народъ встрѣчаетъ его благословеніями: хвала тебѣ, благодѣтель человѣческаго рода! у насъ былъ голодъ, и ты накормилъ насъ, у насъ свирѣпствовала зараза — ты лѣчилъ насъ. А онъ клонитъ голову. „Добрые простые люди, за что̀ вы меня благословляете!“ — клянетъ онъ самого себя. „Я кормилъ васъ пустымъ отваромъ изъ сухихъ костей, и васъ больше поддерживали мохъ да лебеда, которые вы въ него подмѣшивали! я лѣчилъ васъ лѣкарствами, въ которыхъ самъ мало смыслилъ; безъ нихъ вы пожалуй меньше-бы умирали“. И безъ напускнаго смиренія чтитъ онъ въ нихъ, во всѣхъ этихъ бѣдныхъ труженикахъ, своихъ истинныхъ братій; каждому изъ нихъ — не съ поддѣльнымъ уваженіемъ, а любовно протягиваетъ руку.

Совсѣмъ иное дѣло *полу-образованность;* отъ нея такъ и прыщетъ самодовольствомъ; прежде всего, это рѣшительное *всезнайство.* „Наука“, „послѣднее слово науки“, „научное мышленіе“, или еще „естесственная наука и естесственно-научное мышленіе“ — вотъ слова, которыя у полу-образованности вѣчно на языкѣ. Ей хочется *до себя возвысить* „низшихъ братій“, она смотритъ на нихъ свысока и сердобольничаетъ объ нихъ — какъ тотъ франтикъ со стеклышкомъ въ глазу, котораго степные мужики обступили, дивясь на него какъ на заморское диво, а онъ вообразилъ, что у него просятъ милостыни.

Допустимъ, что тотъ или другой простолюдинъ, или даже цѣлая ихъ сходка, обратились-бы къ образованному человѣку съ вопросомъ: „что̀ такое громъ и молнія, — правда-ли, молъ, что умные люди до всего добралися?“ — Что̀ отвѣтилъ-бы имъ на это истинно-образованный человѣкъ? Знаменитѣйшій естесствовѣдъ своего времени, спеціалистъ физики, на это отвѣчаетъ такъ: „Друзья мои! къ сожалѣнію, наука объ этомъ весьма мало знаетъ. Прочтите мою собственную популярную книгу *Громъ и молнія*, и

вы убѣдитесь изъ нея, что на каждый отдѣльный фактъ удара молніи, повидимому, удовлетворительно объясненный, приводятся однакожъ еще рядомъ и другіе факты, которые уже всѣмъ возможнымъ объясненіямъ рѣшительно противорѣчатъ". А попробуй, въ грозу, мужикъ перекреститься на глазахъ нашего полу-образованнаго умника, — и можно вообразить, какую лекцію отчитаютъ ему наши доморощеные знатоки электричества!

Бѣдный селянинъ, допустимъ, какъ ни долго пробивался своею цѣлиною, съ горемъ наконецъ видитъ, что кормилица истощилась: приходится удобрять землю, хочешь не хочешь мѣняй сѣвооборотъ, а средствъ на это не хватаетъ. Вотъ онъ опять къ образованному человѣку, полагая въ простотѣ душевной, что у него и по этой части наука творитъ чудеса. Станетъ-ли истинно-образованный человѣкъ морочить своего темнаго собрата? что̀ можетъ онъ сказать ему болѣе слѣдующаго: „Наука, молъ, доказала одно: если земля истощена, требуются разные землеудобрительные туки; требуется еще введеніе лучшихъ сѣвооборотовъ; наконецъ, пожалуй, требуется и много другаго,— но всѣ такія требованія требуютъ и огромныхъ денежныхъ затратъ". А *полу-образованность* въ этомъ случаѣ говоритъ крестьянину другое: *полу-образованность* прямо приписываетъ плохой урожай пшеницы круглому невѣжеству крестьянина. Она ему внушительно подмигиваетъ: возвысься, любезный, до высоты моего собственнаго „естественно-научнаго мышленія"—тогда у тебя пшеница будетъ родить самъ-сто и потекутъ у тебя молочныя рѣки въ кисельныхъ берегахъ. А злонамѣренность къ этому добавляетъ: у тебя земля выпахалась, захвати землю сосѣда. Но это уже говоритъ злонамѣренность; а злонамѣренность и *полу-образованность* — замѣтьте — не всегда одно и то-же; не станемъ ихъ непремѣнно затушевывать въ одинъ черный цвѣтъ. Безспорно, что *полу-образованность* бьетъ въ руку злонамѣренныхъ людей, что она самое послушное орудіе въ ихъ рукахъ; но это отъ полноты невѣдѣнія, безъ малѣйшаго даже и подозрѣнія, что она дѣйствительно бьетъ имъ въ руку. Такъ и въ частномъ случаѣ о замѣнѣ „естественно-научнаго мышленія" болѣе простымъ правиломъ: „захвати землю сосѣда", *полу-образованность* сейчасъ пожалуй спохватится о какомъ-то гдѣ-то поминаемомъ „аграрномъ законѣ", вмигъ состряпаетъ пожалуй свой собственный „аграрный законъ" и тогда ужъ, чего добраго, дѣйствительно пойдетъ трубить во весь міръ, что именно лишь отъ несоблюденія ея „аграр-

наго закона" перестала пшеница родить самъ-сто. Но это отъ полноты невѣдѣнія, повторяемъ, опять-таки изъ-за боязни лишь передъ „послѣднимъ словомъ науки".

Простолюдинъ заботится не объ одномъ хлѣбѣ; онъ можетъ вопросить и о другомъ. „Правда-ли—озадачитъ онъ вдругъ образованнаго человѣка вопросомъ—что ныньче все измѣнилось? достаточно людямъ уже одного разсудка, чтобы все постигать, и незачѣмъ больше во что-либо вѣрить? Правда-ли, что нѣтъ ни добра ни зла, нѣтъ души; нѣтъ грѣха — даже въ убійствѣ? Правда-ли, что все чему мы привыкли вѣрить съ дѣтства, одинъ лишь предразсудокъ,—и правда-ли наконецъ, что все это современная наука доказала, какъ дважды два четыре?" Тутъ уже не можетъ быть и сомнѣнія, чтò именно отвѣтитъ истинно-образованный человѣкъ. Конечно, онъ скажетъ простолюдину: „Нѣтъ! неизмѣняема душа человѣка! Сумма даровъ души человѣческой все та-же, чтò была и въ тотъ день, когда Каинъ убилъ Авеля. Добро и зло, душа и тѣло, смерть и безсмертіе — это именно тѣ вопросы, о которыхъ одинаково можетъ судить какъ книжный мудрецъ, такъ и простолюдинъ; ни при чемъ тутъ наука; ни *да* ни *нѣтъ*, ни *за* ни *противъ*, ничего тутъ не докажетъ наука. Оттого-то, что эти вопросы существенны для насъ—открыты они даже младенцамъ. И ты, простолюдинъ, не вѣрь, чтобъ существовала, чтобъ могла существовать такая наука, которая-бы дала отвѣтъ на все, о чемъ именно сказано: „утаенное отъ мудрецовъ открыто младенцамъ".

На все на это, по крайней мѣрѣ, образованнѣйшій человѣкъ нашего вѣка, написавшій къ тому-же и *Исторію цивилизаціи*, отвѣчаетъ именно такъ:

„Я разсуждалъ, я сомнѣвался, я полагалъ, что достаточно силы человѣческаго ума для разрѣшенія задачъ, представляемыхъ вселенною и человѣкомъ, и достаточно силы воли человѣка для правильнаго устроенія его жизни. Но послѣ долговременной жизни, многой дѣятельности и тягчайшихъ размышленій, я пришелъ къ убѣжденію, при которомъ и пребываю, что ни вселенной, ни человѣка не достаточно для постиженія, для правильнаго устроенія самихъ себя. Богъ, сотворившій вселенную и человѣка, правитъ ими. Я снова возчувствовалъ, что я ребенокъ въ рукахъ Господа. Вижу Его присутствіе и дѣйствіе не только въ постоянномъ правленіи вселенною и въ сокровенной жизни души человѣ-

ческой, но и въ бытописанiи человѣческихъ обществъ, наиболѣе же въ ветхомъ и новомъ завѣтахъ",

Такъ отвѣчаетъ авторъ „Исторiи цивилизацiи".

А *полу-образованность* съ тупой насмѣшкой относится къ его рѣчамъ; ея собственныя убѣжденiя гораздо „передовѣе"; у нея ихъ больше, чѣмъ платьевъ въ гардеробѣ; по крайней мѣрѣ, свои модныя убѣжденiя она мѣняетъ также часто, какъ и свои модныя платья; изнашивая одни, выписываетъ новыя по мѣрѣ выхода новыхъ книжекъ, и послѣдне-оттиснутая типографскимъ станкомъ книга — для нея непремѣнно и послѣднее же слово науки.

Истинно-образованный человѣкъ знаетъ немощь и силу мудрости всѣхъ вѣковъ; во всѣхъ вѣкахъ знаетъ онъ тѣхъ „великихъ", истинныхъ гигантовъ человѣческой мысли, которые довели ее до той высоты и до тѣхъ предѣловъ — ихъ-же не переступитъ и сто девятнадцатый и тысячу сто девятнадцатый вѣкъ (если таковой будетъ). Въ этомъ смыслѣ и говорится про истинно-образованнаго человѣка, что онъ гражданинъ всѣхъ вѣковъ.

Полу-образованность, напротивъ, дальше своего носа ничего не видитъ; для нея всегда ея собственный, мизерный, напримѣръ нынѣшнiй XIX вѣкъ — всѣхъ дороже и всѣмъ прочимъ указчикъ (какъ-будто, въ самомъ дѣлѣ, и быть не можетъ сто девятнадцатаго вѣка!). *Полу-образованность* не знаетъ даже того простаго закона коловратности ограниченныхъ людскихъ мнѣнiй, повинуясь которому они изъ вѣка въ вѣкъ переходятъ лишь отъ одной крайности въ другую, вѣчно вертясь въ томъ-же коловоротѣ, — таково свойство ужъ „ограниченности" мнѣнiй! *Полу-образованность*, заслышавъ для себя въ первый разъ, напримѣръ, старую какъ мiръ погудку — попытку построить все мiросозерцанiе по вещественнымъ началамъ мiра, подмѣнивъ въ немъ даже идею добра и зла, положимъ, идеею вреда и пользы, — *полу-образованность*, говоримъ, непремѣнно накидывается на это, какъ на самую свѣжую новинку. Но, что̀ еще хуже, эту-то самую погудку—лишь попытку что-то такое доказать и что-то отвергнуть—*полу-образованность* принимаетъ уже непремѣнно за рѣшенное дѣло, выдаетъ уже за совершившiйся фактъ: то-то и то-то, молъ, доказано! а то-то и то-то отвергнуто! Странный *вольтъ-фасъ* для перехода гипотезы въ аксiому!

Но мы никогда-бы не кончили, еслибъ захотѣли исчерпать всю разницу между истиннымъ образованiемъ и *полу-образован-*

ностью. Это два совершенно разныя понятія. Лучше обратимся къ разбираемой нами газетѣ. Она представитъ намъ наглядный образчикъ модной болѣзни, которая такъ распространена въ наши дни. Мы не хотимъ называть газету по имени; ручаемся только, что приводимъ выписки прямо съ подлинника, и если не буквально, то лишь затѣмъ, чтобы хотя легкою завѣсой прикрыть искомое имя. Не наша вина, если покажется, что выписки, приводимыя нами, выбраны какъ-бы изъ многихъ газетъ и что мы всѣ ихъ ставимъ на одну доску; истинно говоримъ: охотно принимаемъ ее за единственную въ своемъ родѣ. Прочія виноваты ужъ сами, если больше или меньше сходствуютъ съ нею.

Итакъ, безъ выбора, какъ попало, просматриваемъ нумеръ за нумеромъ листки этой единственной въ своемъ родѣ газеты и беремъ тѣ строки, которыя сами попадаются на глаза; дѣлаемъ выписки чисто наудачу: „...При современныхъ понятіяхъ о культурѣ... кто виноватъ въ этомъ случаѣ, рѣшитъ наука... Однакожъ краніологія въ нашъ вѣкъ достигла результатовъ... на науку плюютъ руководители патріотическихъ партій... Это такой раритетъ... И вотъ наука дискредитируется въ глазахъ общества... Смѣшно и стыдно въ концѣ XIX вѣка... Надо дать родинѣ не рецидивистовъ безграмотности... вотъ чему научило насъ научное мышленіе... Недостатокъ надѣловъ съ каждымъ днемъ становится все яснѣе... Горемычный мужикъ каторжнымъ трудомъ не справляется съ платежами... прерія съ дѣвственной почвой... Гнетъ волостныхъ правленій настолько силенъ, что противъ него требуются также энергическія мѣры... высокій уровень умственнаго развитія... Для усвоенія элементарныхъ свѣдѣній по естесствовѣдѣнію требуется только наглядный методъ и не совсѣмъ забитый долбней дѣтскій умъ... Наша корреспонденія поднимаетъ и другой важный вопросъ, указывая на произволъ міра и волостныхъ старшинъ... Всѣ открытія и усовершенствованія, сдѣланныя наукой въ области агрономіи, остаются у насъ мертвою буквой... мы признаемъ необходимымъ введеніе естественныхъ наукъ...“

Итакъ далѣе, и такъ далѣе, все въ одномъ духѣ! Кому нужны всѣ эти „*раритеты*“? и отъ „рецидивистовъ безграмотности“ неужели еще не у всѣхъ болятъ уши? Никто конечно не предполагаетъ найти много смысла въ приведенномъ сумбурѣ; посмотримъ однакожъ есть-ли еще въ немъ хотя капля смысла?

Останавливаемся для примѣра на той статьѣ, откуда выпи-

сана фраза: „смѣшно и стыдно въ концѣ прогрессивнаго XIX вѣка“. Авторъ толкуетъ въ ней „о строѣ религіозныхъ представленій“, а въ этомъ строѣ у него попадаются, между прочимъ, такія диковинки: „культъ—создавалъ общины вѣрующихъ, церкви“. Черезъ десять строкъ поясняется, что являлся какой-нибудь сильный умъ, который процѣживалъ, сквозь фильтръ собственнаго сознанія и чувства, разныя субъективныя поправки прочихъ и дѣлался новаторомъ. „Онъ группировалъ вокругъ себя послѣдователей, церковь, основывалъ... новый культъ“. И такъ кто-же что̀ создавалъ и основывалъ: культъ-ли церковь, церковь-ли культъ? Притомъ, такъ какъ тутъ авторъ, съ полной развязностью и съ поразительной легкостью, толкуетъ заразъ и единовременно о всевозможныхъ *культахъ* „и Небу, и Ваалу, и Елогиму, и Юпитеру, и наконецъ“... наконецъ о томъ *культѣ*, новаторами котораго поминаетъ Нокса, Виклефа, Лютера, Гуса,—то и не ясно-ли, что въ концѣ концовъ у него выходитъ уже рѣшительный „рецидивъ безграмотности“? Гусъ безъ сомнѣнія не захотѣлъ отречься не отъ той церкви и принялъ мученическую смерть никакъ не за ту церковь, которую, видите-ли, создалъ и основалъ какой-то „культъ“ и которой вся цѣна—развѣ-развѣ написанная объ ней безграмотная страничка.

Переходимъ къ другой статьѣ, откуда мы выписали: *„высокій уровень умственнаго развитія и прерія съ дѣвственною почвой“*. Въ чемъ дѣло? Редакція проситъ „обратить особенное вниманіе на помѣщаемую ниже статью“ о процвѣтаніи сельскаго хозяйства въ Америкѣ. Обращаемъ. „Прежде всего... 800 милліоновъ акровъ—земли удобной для обработки!.. Земля на многія сотни миль представляетъ собою еще лугъ, прерію съ прекрасною дѣвственною почвой, обработываемую безъ особаго труда. Удобреніе въ большинствѣ совсѣмъ не нужно, и навозъ... разсматривается лишь какъ необходимое зло при содержаніи скота. Не рѣдко... скотные дворы и загоны, заваленные большими кучами навоза, вмѣсто очистки, идутъ на сломъ и переносятся на другое свѣжее мѣсто. Во многихъ мѣстахъ посѣвы пшеницы слѣдуютъ годъ за годомъ на однихъ и тѣхъ-же поляхъ почти безъ отдыха для земли, и что̀ въ другомъ мѣстѣ повело-бы къ полному истощенію ея, здѣсь по видимому проходитъ безнаказанно... Мало того, въ Америкѣ... дѣлаются оригинальные посѣвы пшеницы на невспаханной землѣ... что не мѣшаетъ очень часто ей родиться весьма хорошо“.

Достаточно. Не говоря о прочихъ благопріятныхъ условіяхъ: „естественныхъ удобствахъ для внутренней торговли, доставляемыхъ прекрасными судоходными рѣками и... милями желѣзныхъ дорогъ... и превосходствомъ американскихъ машинъ“, вполнѣ достаточно — соглашаемся—ужъ одной „преріи съ дѣвственною почвой“ — для процвѣтанія.

Но редакція-то что-жъ выводитъ изъ сихъ самыхъ строкъ, на которыя просила обратить „особенное вниманіе“? Редакція прежде всего приходитъ въ иступленіе отъ нашего собственнаго отечественнаго земледѣлія, упадокъ котораго грозитъ и голодомъ, и всевозможными бѣдствіями, такъ что требуются скорыя и рѣшительныя мѣры, иначе процессъ раззоренія земли Русской пойдетъ съ ужасающей быстротою,— и прямо вслѣдъ за симъ она-же, редакція, возвращается „къ старой, но вѣчно-новой истинѣ и твердитъ idem peridem“, что наибольшее образованіе народа есть главный источникъ для него всѣхъ благъ и преимуществъ, какъ въ его внутреннихъ дѣлахъ, такъ и въ международной экономической жизни... Итакъ, усиленныя энергическія заботы о народномъ образованіи — вотъ тотъ урокъ, который можетъ намъ преподать Америка.

Поразительно умозаключеніе! Переходъ отъ „преріи съ дѣвственною почвой“ къ „наглядному методу и не совсѣмъ забитому долбней дѣтскому уму для усвоенія элементарныхъ свѣдѣній по естествовѣдѣнію“,— что это за удивительный перескокъ мысли отъ однихъ причинъ къ противоположнымъ слѣдствіямъ!

Такимъ же перескокомъ отличается статейка о „*краніологіи*“. Парижскій корреспондентъ разбираемой нами газеты, очевидно нашъ соотечественникъ, приходитъ въ неподдѣльное изумленіе заразъ отъ двухъ вещей въ Парижѣ. Во-первыхъ, представьте, каковы тамъ суды! когда тамъ судится убійца, судъ его не оправдываетъ, а непремѣнно присуждаетъ къ казни — несмотря ни на какія заявленія адвокатуры о такъ-называемыхъ „аффектахъ“; несмотря и на демонстраціи ученыхъ экспертовъ, призываемыхъ взглянуть на преступника „съ краніологической точки зрѣнія“. А между тѣмъ, казалось-бы, „Франція классическая страна естествовѣдѣнія“! Именно, громадность результатовъ, которыхъ въ ней достигли естествовѣдѣніе вообще и краніологія въ особенности—и составляетъ второй предметъ удивленія Парижскаго корреспондента. Выходитъ, такимъ образомъ, что въ Парижѣ, заразъ

въ одно и то-же время — результаты краніологіи и такъ громадны, что приводятъ въ совершенный восторгъ нашихъ соотечественниковъ и такъ они ничтожны, что ихъ обыкновенно пропускаютъ мимо ушей и въ грошъ не чтутъ Парижскіе судьи. Читатель, въ концѣ концовъ, ужъ и самъ не знаетъ, чему болѣе удивляться изъ рапортуемаго въ корреспонденціи.

Интересы краніологіи, впрочемъ, высоко поставлены въ разбираемой газетѣ. Статья, изъ которой мы взяли фразу: „у всѣхъ живо еще впечатлѣніе отъ того тяжкаго обвиненія, которое взведено на психіатра, участвовавшаго въ дѣлѣ Качки", принадлежитъ чуть-ли не самой редакціи; по крайней мѣрѣ, кажется, это передовая статья; а, можетъ быть, мы и сбились: не то передовая статья, не то фельетонъ. Изъ-за чего-же въ ней поднятъ шумъ? Дѣло оказывается въ томъ что, не всѣ газеты отнеслись въ тотъ разъ съ равнымъ благоговѣніемъ къ показаніямъ призванныхъ въ судъ ученыхъ экспертовъ. Однѣ газеты, оказывается, всегда готовы слѣпо вѣрить ихъ отзывамъ; но есть другія, которыя — какъ вотъ впрочемъ и весь Парижъ, судя по собственной корреспонденціи разбираемой нами газеты — относятся критически къ показаніямъ экспертовъ. Что̀ изъ этого? Та-ли редакція права, которая заодно съ Парижемъ, или другая, которая заодно невѣсть съ кѣмъ, — это еще вопросъ. А между тѣмъ, послушайте, какими громами разражается авторъ этой статьи: „На науку плюютъ руководители патріотическихъ партій!... не понравился, видите-ли, приговоръ ученаго ареопага!... Развѣ такое отношеніе къ наукѣ можетъ возростить къ ней общественное уваженіе!... И вотъ наука дискредитируется въ глазахъ общества!"

Полно-такъ-ли?

Пора наконецъ перестать бить въ набатъ. Ни истинному образованію, ни истинной наукѣ ни откуда никакихъ опасностей не грозитъ. Не онѣ, а *лже-наука* и *полу-образованность* — вотъ что̀ наконецъ дискредируется въ глазахъ общества. И давно пора! и чѣмъ скорѣй дискредируется *полу-образованность* въ глазахъ общества — тѣмъ лучше.

Такъ какъ разбираемая нами газета съ особеннымъ блескомъ заявила о своемъ „*западничествѣ*", то мы, собственно для нея, и приведемъ въ заключеніе чистѣйшій образецъ мысли — съ Запада.

„У науки два предѣла и оба смыкаются. Первый — это простое естественное *невѣдѣніе*, въ коемъ родятся люди. Другаго

достигаютъ лишь возвышенные умы, когда, пройдя полный кругъ человѣческихъ знаній, приходятъ къ сознанію, что̀ ровно ничего не знаютъ,—и напослѣдокъ обрѣтаются въ томъ самомъ невѣдѣніи, съ котораго начали. Но это невѣдѣніе уже просвѣщенное: оно сознаетъ само себя. Между сими двумя, тѣ что вышли изъ первобытнаго невѣдѣнія и не могли возвыситься до втораго, получаютъ нѣкоторый лоскъ достаточной съ нихъ науки и умничаютъ какъ всезнайки. Они-то и мутятъ міръ; превратнѣе ихъ никто не судитъ о вещахъ. Простой народъ, да люди выдающихся способностей обыкновенно движутъ общее колесо міра; а тѣ относятся къ нему съ высока̀ и сами у него въ презрѣніи" *).

Такъ еще въ XVII вѣкѣ была геніально разгадана *„полу-образованность"* геніальнымъ Паскалемъ. Скажутъ-ли и про него, что онъ „дискредитируетъ науку"?

Газета „Русь" 1880 г.

Замѣтка для юриста „Русскихъ Вѣдомостей".

Юристъ „Русскихъ Вѣдомостей", написавшій въ № 270 передовую статью о patria potestas, повидимому, принадлежитъ къ образованнымъ людямъ. Едва-ли еще не обладаетъ онъ и дипломомъ отъ университета на ученую степень. По крайней мѣрѣ никто развязнѣе его не судитъ объ „области семейно-частнаго и общественнаго права". Онъ толкуетъ объ этомъ, какъ о своей спеціальности—и докторальнымъ тономъ. Онъ препирается съ Сенатомъ о lege ferenda; онъ громитъ отзывъ о славянской семьѣ нашего извѣстнаго цивилиста Побѣдоносцева; онъ ссылается еще на классическій примѣръ самоуправства консула Манлія Торквата,

*) „Pensées de Pascal", 1 part. art. VI,—XXV. Les sciences ont deux extrémités qui se touchent: la premiére est la pure ignorance naturelle oú se trouvent tous les hommes en naissant. L'autre extrémité est celle oú arrivent les grandes âmes, qui, ayant parcouru tout ce que les hommes peuvent savoir, trouvent qu'ils ne savent rien, et se rencontrent dans cette même ignorance d'oú ils étaient partis. Mais c'est une ignorance savante qui se connâit. Ceux d'entre deux qui sont sortis de l'ignorance naturelle et n'ont pu arriver á l'autre, ont quelque teinture de cette science suffisante, et font les entendus. Ceux là troublent le monde, et jugent plus mal de tous les autres. Le peuple et les habiles composent, pour l'ordinaire, le train du monde; les autres le méprisent et en sont mèprisés".

и съ шутливой игривостью упоминаетъ о добродѣтеляхъ Маріи Египетской; наконецъ, онъ настаиваетъ и на необходимости „гарантій“ всякаго рода.

Это-ли еще не „*интеллигентъ*“ во всей формѣ? Посмотримъ однакожъ: точно-ли одинъ дипломъ, хотя-бы и на ученую степень, въ состояніи что-либо гарантировать? еще правда-ли, что одна кличка „образованный человѣкъ“ — порука за дѣйствительную образованность?

Въ чемъ дѣло — выпишемъ съ буквальною точностью:

Между Московскимъ прокурорскимъ и губернскимъ правленіемъ произошло пререканіе по одному, очень любопытному поводу, а именно: возникъ вопросъ, можетъ-ли отецъ, въ силу присущей ему patria potestas или по нашему „отеческаго самодержавія“, подвергнуть тюремному заключенію сына своего безъ суда и слѣдствія. — Къ возникшему вопросу существующія учрежденія, въ томъ числѣ и Сенатъ, отнеслись, какъ оказывается, съ крайнею осмотрительностью. Не взирая на то, что въ Уложеніи о наказаніяхъ статья 1592 говоритъ прямо: „за упорное неповиновеніе родительской власти, развратную жизнь и другіе явные пороки, дѣти, по требованію родителей, безъ особаго судебнаго разсмотрѣнія, подвергаются заключенію въ смирительномъ домѣ на время отъ 2 до 4 мѣсяцевъ“, правительствующій Сенатъ, прежде чѣмъ произнести какой-либо общій приговоръ въ виду отдѣльно-возникшаго казуса, принялъ нѣкоторую предварительную мѣру. Продолжаемъ выписку: „Сенатъ счелъ нужнымъ предложить статсъ-секретарю Гроту собрать отъ губернаторовъ свѣдѣнія о томъ, какой практики держатся въ этомъ отношеніи тюремныя начальства разныхъ губерній; встрѣчались-ли какія-либо сомнѣнія и если встрѣчались, то — чѣмъ бывали разрѣшаемы“.

Итакъ, чего лучше? Казалось-бы, кому этимъ Сенатъ подалъ хоть малѣйшій поводъ для благороднаго негодованія? Въ Англіи, говорятъ, существуетъ писанный законъ о томъ, что мужъ властенъ вывести на публичный торгъ свою жену съ веревкой на шеѣ. Допустимъ, что при торгѣ подобнаго рода возникъ-бы казусъ, — казусъ, потребовавшій административнаго вмѣшательства для приведенія неотмѣненнаго закона въ дѣйствіе. Чѣмъ было-бы несообразно, еслибъ правительствующій органъ гуманной страны, прежде чѣмъ произносить какой-либо окончательный приговоръ по сему дѣлу, затребовалъ оффиціальныхъ свѣдѣній: въ какой однакожъ степени

пользуются, и еще пользуются-ли, британскіе лорды предоставленными имъ правами надъ ихъ супругами? Въ какой мѣрѣ практикуется, и еще практикуется-ли, постыдный торгъ въ свободной Британіи? (хотя, говорятъ, въ 30-хъ годахъ и нынѣшняго столѣтія несомнѣнно практиковался). Такой вопросъ, также изъ области семейно-частнаго права, не былъ-бы лишнимъ. Правда, заключеніе въ смирительный домъ на срокъ отъ 2-хъ до 4-хъ мѣсяцевъ дѣтей не идетъ и въ сравненіе съ публичною продажей взрослыхъ матерей семейства,—тѣмъ не менѣе однако нашъ правительствующій ȯрганъ въ данномъ случаѣ поступилъ именно такъ: онъ потребовалъ свѣдѣній. Юристъ „Русскихъ Вѣдомостей" разражается негодованіемъ. „Всѣ эти свѣдѣнія, говоритъ онъ, имѣли-бы значеніе при вопросѣ о lege ferenda, при законодательномъ обсужденіи вопроса, но при разъясненіи смысла закона, для каковаго разъясненія единственно компетентнымъ учрежденіемъ признается Сенатъ, разномысліе и колебаніе низшихъ мѣстъ едва-ли могутъ имѣть назидательное значеніе (?!)". И онъ еще выговариваетъ: зачѣмъ было давать дѣлу „необычное направленіе!" вольно-жъ, дескать, ждать затребованныхъ свѣдѣній „вмѣсто разрѣшенія спорнаго вопроса по смыслу существующихъ законовъ, какъ обыкновенно дѣлаетъ и долженъ дѣлать Правительствующій Сенатъ, призванный закономъ наблюдать за точнымъ, единообразнымъ примѣненіемъ законовъ".

Въ этомъ негодованіи,—какъ уже, безъ сомнѣнія, слышитъ самъ читатель,—звучитъ фальшивая нота. Не даромъ-же, чтобъ отнять у Сената самую возможность вопроса о lege ferenda, авторъ употребляетъ такое словоизвитіе при исчисленіи функцій нашего „правительствующаго" учрежденія, что далѣе не становится даже и грамматическаго смысла въ „разномысліи и колебаніи низшихъ мѣстъ". Да, это негодованіе поддѣльное; оно напускное. Не мѣра, принятая Сенатомъ, а сама 1592-я статья Улож. о нак., подавшая къ ней поводъ,—вотъ чтȯ „за обиду стало" высокообразованному юристу. Хотя приводимая имъ 1592-я статья буквально говоритъ о *дѣтяхъ* (законъ-же ограничиваетъ права родителей надъ дѣтьми, не только состоящими на службѣ, но даже поступившими въ школу), тѣмъ не менѣе авторъ положительно утверждаетъ: „сынъ можетъ быть уже совершеннолѣтнимъ, имѣть свою собственную семью, быть въ нравственномъ и умственномъ отношеніяхъ гораздо выше своего отца и тѣмъ не менѣе, подъ

страхомъ тюремнаго заключенія, обязанъ ему безпрекословнымъ повиновеніемъ. Сынъ даже не имѣетъ права, — увѣряетъ онъ, — для доказательства своей правоты, обратиться къ защитѣ общественной власти, такъ какъ требованіе отца приводится въ исполненіе безъ „особаго судебнаго разсмотрѣнія". Такимъ образомъ, само государство, по словамъ автора, преклоняется предъ властью „семейнаго самодержавія" и предоставляетъ въ его распоряженіе свои карательные органы и учрежденія, т. е. полицію и тюрьмы. „Личность сына уничтожается вовсе передъ лицомъ отцовскаго самовластія. Государство уступаетъ домовладыкѣ карательную функцію, судебную власть. Что̀-же еще требуется, чтобы признать въ нашемъ семейномъ правѣ наличность юридическаго начала?"

Удаченъ или не удаченъ самъ по себѣ этотъ ироническій каламбуръ о „наличности юридическаго начала", автору, оказывается, безъ него обойтись нельзя: *имъ-то* и брошенъ камешокъ въ чужой огородъ. Именно, въ этой „наличности" и заключается вся соль язвительнаго укора, а также этимъ однимъ и ограничивается все ученое возраженіе „идиллическому утвержденію юриста г. Побѣдоносцева о томъ, что семья славянская отличается совершеннымъ отсутствіемъ строгаго юридическаго начала". Впрочемъ едва нашъ юристъ напалъ на ненавистную статью о томъ, что „непокорныхъ, развратныхъ и явно порочныхъ дѣтей" (или, какъ говорится въ одномъ изъ узаконеній Петровскаго времени, *„дѣтину непобѣдимой злобы"*) предоставлено родителямъ отсылать въ смирительный домъ—тутъ уже негодованію автора нѣтъ предѣловъ; здѣсь оно ужъ не напускное. За эту статью достается не только одному г. Побѣдоносцеву, но и всѣмъ *„самобытникамъ"*—включительно съ Владиміромъ Мономахомъ. И авторъ внушаетъ еще, что расходиться съ нимъ во мнѣніяхъ по этому пункту — бѣда! По его увѣренію, во мнѣніи о „самобытникахъ" съ нимъ сходился даже самъ Гоголь! „Статья 1592-я—говоритъ онъ—по духу своему вполнѣ соотвѣтствуетъ господствующей тенденціи дѣйствующаго семейнаго права, порабощающаго личность дѣтей. Она принадлежитъ къ тому же типу самобытныхъ узаконеній, по поводу которыхъ первый западникъ, Петръ Великій, заявилъ, что у насъ дѣти находятся въ подчиненіи у родителей (Петръ этого *не заявлялъ*, замѣтимъ въ скобкахъ) *яко безсловесные скоты*. До изданія Свода Законовъ—увѣряетъ онъ—нигдѣ не была ограничена отцовская власть живота и смерти, а на основаніи Уложенія Алексѣя Михай-

ловича у насъ возможны были случаи, подобные той классической расправѣ, когда консулъ Манлій Торкватъ убилъ собственнаго сына. Такое поистинѣ *самобытное* развитіе отцовской власти существуетъ только у насъ!" восклицаетъ авторъ. „Самобытники"—продолжаетъ онъ—„выставляютъ, какъ основную особенность русскаго общественнаго строя, отсутствіе всякихъ ясно обозначенныхъ границъ полномочій власти, т. е. тотъ патріархальный бытъ, при которомъ все сводится къ личнымъ нравственнымъ качествамъ и настроеніямъ управителей. Съ этой точки зрѣнія и крѣпостное право не представляетъ ничего уродливаго: *нужно только, чтобы всѣ помѣщики обладали добродѣтелями Маріи Египетской!*"

Русскому юристу нашихъ дней не мѣшало-бы знать о крѣпостномъ правѣ нѣсколько болѣе того, чѣмъ разглагольствуютъ объ немъ ничему не учившіеся и обо всемъ пишущіе фельетонисты. Иное дѣло собственно такъ-называемое „*крѣпостное право*", этотъ продуктъ нашего XVIII вѣка, и иное дѣло—такъ-называемая „*патріархальность*", она-же въ русской исторіи искони бѣ. Первое встрѣтило грубый отпоръ въ самомъ-же XVIII вѣкѣ въ темной пугачевщинѣ; второе даже „въ грубыя и крѣпостныя" отношенія XVIII вѣка и двухъ первыхъ четвертей XIX вѣка вносило доброе, смягчающее начало. Русскому юристу нашихъ дней непростительно не знать, что именно XVIII вѣкъ придалъ санкцію собственно такъназываемому „крѣпостному праву" и что кодификація въ этомъ смыслѣ быстро шла по наклонной плоскоти уже послѣ „перваго западника", какъ онъ величаетъ главнаго героя этого вѣка. Напротивъ того и вопреки западнымъ началамъ, самобытность міра, самобытность общины у насъ искони вѣковъ существовала подъ сѣнью и охраной единоличной власти; какъ-бы въ параллель съ этимъ, и содружество общиннаго землевладѣнія съ личнымъ—составило у насъ характерное историческое явленіе. Издревле города и цѣлыя области говаривали о своихъ прирожденныхъ князьяхъ: „мы ихъ себѣ вскормили; остались они на нашихъ рукахъ сиротами безъ отца безъ матери и мы ихъ сиротство покрыли; сами выростили, сосватали и повѣнчали". Подобныя же отношенія, конечно въ силу древней патріархальности, а никакъ не указовъ Анны Іоанновны о вотчинахъ, ни даже Екатерины II о благородномъ россійскомъ дворянствѣ,—длились нѣкоторое время и въ извѣстной степени въ самомъ крестьянствѣ. Въ обоихъ случаяхъ формула этихъ отношеній одна и та-же: „какъ наши дѣды и отцы

съ вашими дѣдами и отцами за одно были, такъ и по насъ—наши дѣти и внуки съ вашими-же внуками и дѣтьми вмѣстѣ будутъ". Русскому юристу нашихъ дней—даже въ разсужденіи нынѣшней земской неурядицы—нельзя опускать изъ виду этихъ исконныхъ, несомнѣнно-народныхъ чертъ стариннаго русскаго быта. Безъ этого, а только всуе поминая имя Маріи Египетской—онъ ровно ничего не пойметъ въ русской исторіи, ни въ тысячелѣтней, ни въ сегоднишней.

Во всемъ, что̀ мы сейчасъ говорили, разумѣется нѣтъ, и помину о какой-либо такъ-называемой сословной розни или напротивъ о бывшемъ недавно въ модѣ сліяніи сословій. Въ наши дни пора всякому знать, что говядарь Мининъ и князь Пожарскій (вопреки лапидарному изреченію на ихъ памятникѣ, что одинъ былъ гражданинъ, а другой—князь) оба были равноправные граждане Русской земли; оба отъ ея имени подписывали тѣ-же государственные акты. (Вѣдь этотъ памятникъ былъ поставленъ еще въ началѣ нынѣшняго вѣка, въ 1818 году, еще въ эпоху „Благословеннаго"!).

Допускаемъ искренность въ желаніи ученаго автора—включить Петра непремѣнно въ число „западниковъ". На этомъ основаніи простимъ ему даже умышленное искаженіе словъ Петра. Подлинныя слова: „и хотя чада воли родительской подлежатъ, но не какъ скоты безсловесные", на бѣду для нашего автора—находятся какъ разъ въ томъ памятникѣ, гдѣ говорится еще: „мечтательнаго ученія вкусившіе человѣци глупѣйшіе бываютъ отъ неученыхъ. Ибо, весьма темни суще, мнятъ себя быти совершенныхъ; помышляя, что все что-либо знать можно, познали. Именованные неосновательные мудрецы не только не полезны, но и вельми вредны суть... Доводамъ ихъ не легко вѣрить, но посмотрѣть: тую ли имѣютъ силу, въ яковой они пріемлютъ. Многажды лгутъ господа оны, и чего не бывало приводятъ". Но хоть-бы и такъ! пусть тутъ говорилось-бы именно такъ о родительской власти, какъ угодно юристу, передѣлавшему эти слова по своему,—что̀ онъ черезъ это выиграетъ? Удачный-ли перифразисъ вложилъ онъ въ уста Великому, чтобы зачислить его въ одну партію съ собою? Допустимъ, что „первый западникъ" проглянулъ въ Петрѣ тогда именно, едва онъ произнесъ (чего, повторяемъ, онъ не произносилъ): у насъ дѣти находятся у родителей въ подчиненіи, яко безсловесные скоты. Согласимся и съ

тѣмъ что грубое варварство царило „въ древней русской семьѣ“ и только наконецъ Петръ внесъ въ нее „гуманизирующее“ начало. Однакожъ самъ „первый западникъ“, поступкомъ-ли съ царевичемъ Алексѣемъ „внесъ въ русскую семью гуманизирующее начало?“ Тезисъ господъ западниковъ о своемъ первообразѣ опровергнутъ или подтвержденъ этимъ его поступкомъ съ собственнымъ сыномъ? — какъ думаетъ объ этомъ авторъ, исказившій слова Петра? Или, можетъ быть, по мнѣнію западниковъ, Петръ самоличною расправой съ царевичемъ Алексѣемъ только подтвердилъ ихъ лестный о себѣ тезисъ?... Да, Петръ былъ образцово-несчастный отецъ; больше того: онъ былъ нашимъ историческимъ „плохимъ семьяниномъ“. Такимъ онъ жилъ — такимъ и умеръ. И однимъ ужъ этимъ за все отплатила ему роковая историческая Немезида: весь нашъ XVIII вѣкъ это больно чувствовалъ на себѣ.

Не хуже этой тирады о Петрѣ Великомъ вышелъ у разбираемаго нами автора и мадригалъ на долю Владиміра Мономаха. Еще и къ нему, свято-почившему князю, возводитъ онъ корни той злополучной для себя статьи дѣйствующаго Уложенія о наказаніяхъ, въ которой говорится о заблудшемъ сынѣ. Читайте сами: „законъ, корни коего, къ вящему удовольствію нашихъ *самобытниковъ,* теряются въ постановленіяхъ Домостроя, а то и въ завѣщаніи Владиміра Мономаха, значится въ ст. 1592 Улож. о нак.“ Тутъ и выписана статья, нами уже приведенная цѣликомъ.

Что-жъ это? у какихъ низинъ невѣжества мы наконецъ очутились! Весь не только ученый, а просто грамотный русскій міръ привыкъ видѣть въ „Поученіи“ Владиміра Мономаха чистѣйшій образецъ прямо русскаго народнаго характера. Тутъ мудрость и храбрость — безъ возношенія; тутъ сердечное мужество еще и съ нѣжностью; тутъ, бодрость души и тѣла, здравость смысла и духа; тутъ, весь освященный христіанскимъ смиреніемъ, благочестивый бытъ свято-пожившаго и свято-почившаго князя. И этотъ-то драгоцѣнный памятникъ, составляющій красу и славу своего времени не только въ русской, но и въ цѣлой европейской литературѣ за тотъ грубый вѣкъ, — однимъ словомъ, „Поученіе“ Владиміра Мономаха поставлено на одну доску съ „Домостроемъ“ Сильвестра!.. Приглашаемъ ученаго автора категорически указать: гдѣ, и въ какой редакціи нашелъ онъ во всемъ Поученіи Владиміра Мономаха хоть единую строку, хоть единое слово—о родительской власти? Это было-бы любопытнымъ научнымъ открытіемъ съ его

стороны. Ибо не надо быть юристомъ вообще, ни цивилистомъ въ особенности, достаточно уже быть просто грамотнымъ Русскимъ, чтобъ положительно утверждать: во всемъ „Поученіи“, по крайней мѣрѣ въ его извѣстныхъ редакціяхъ, нѣтъ ни единой строки, ни единаго слова о родительской власти. Правда, Владиміръ Мономахъ завѣщаетъ въ „Поученіи“, чтобы его дѣти никого не предавали смерти; но это онъ имъ не въ качествѣ своихъ сыновей и не о родительской власти говоритъ, а въ качествѣ князей—о смертной казни. „Никого не убейте; ни праваго, ни виновнаго смерти не предавайте, души христіанской не губите“—вотъ что̀ онъ говоритъ. Сохранилось одно единственное мѣсто въ писаньяхъ Мономаха, изъ котораго, дѣйствительно, можно узнать и о томъ, какъ онъ, родитель, относился къ своимъ дѣтямъ; но это въ его письмѣ къ своему двоюродному брату, къ крестному отцу его дѣтей,—не въ Поученіи же, а въ письмѣ къ Олегу. Вотъ это драгоцѣнное мѣсто: „Были рати и при умныхъ нашихъ дѣдахъ, при добрыхъ и блаженныхъ отцахъ нашихъ. Но вотъ я самъ пишу тебѣ, потому что принудилъ меня къ тому мой сынъ, а твой крестникъ. Прислалъ онъ мнѣ съ грамоткой своего мужа: уладимся, говоритъ, и смиримся, не будемъ мстить. И увидѣлъ я смиреніе своего сына—сжалился, устрашился Бога. Когда, говорю, онъ, и въ юности и еще въ безуміи, такъ смиренъ, я-то что̀-жъ грѣшенъ, грѣшнѣе пуще всѣхъ человѣкъ! И послушался я своего сына“... этимъ миротворнымъ письмомъ къ неукротимому дотолѣ противнику и покончилъ войну съ нимъ. Съ такою-то нѣжной почтительностью къ сыну и напротивъ съ приниженіемъ самого себя передъ нимъ—хотя-бы и въ извиненіе своей уступчивости передъ Олегомъ—отзывается Владиміръ Мономахъ о своемъ первенцѣ Мстиславѣ.—Вотъ у него, повторяемъ единственное мѣсто о „родительской власти“, другихъ нѣтъ.

А было время—и давно-ли еще?—дѣйствительно, было время, когда всѣ эти mauvaises plaisanteries со стороны автора и о Владимірѣ Мономахѣ, и о Маріи Египетской могли-бы ему стяжать лестную славу; ихъ признали-бы, пожалуй, за знаменіе великаго ума. Это—не далѣе начала нынѣшняго вѣка, говоря приблизительно, и ужъ никакъ не далѣе сороковыхъ годовъ во всякомъ случаѣ. Тогда у насъ царилъ „казенный катихизисъ“. Жизнь и школа были исполнены страшныхъ недоразумѣній. Про малое у насъ говорили: это великое. Земное величали небеснымъ. На глазахъ у всѣхъ воздымался все выше и выше нѣкій столпъ, гордѣе

вавилонскаго, и также мнилъ досягнуть небесъ. Наконецъ, хламъ заступилъ жизнь и завелась мерзость на мѣстѣ святѣ.—Про русскую народность тогда нельзя было и заикнуться. Правда тогда было пущено въ ходъ „православіе, самодержавіе, народность"... но это и обращалось въ публикѣ, именно какъ ходячая монета. Это и были въ своемъ родѣ тѣ — золото, серебро и мѣдь, которыя выпускались не иначе, какъ изъ государственнаго казначейства на непремѣнномъ условіи казенной чеканки, а безъ того даже не допускались въ обращеніи. Тогда-то и нездоровилось горше чѣмъ когда-либо дѣйствительной русской народности. И вотъ, все, что̀ считало себя мало-мальски образованнымъ; все, что хотѣло слыть либеральнымъ (а самостоятельные умы и тогда были въ такую-же рѣдкость, какъ въ наши дни),—все кинулось протестовать противъ всего на Руси, во что бы то ни стало. Напрасно честные одинокіе голоса старались во̀ время образумить кого слѣдовало. Нѣтъ, пошло повальное глумленіе на всю Русь. Что въ ней было хорошаго, что въ ней было дурнаго,— все смѣшалось въ одну темную „абракадабру". Обратилось даже въ моду: чѣмъ выше и священнѣй былъ тотъ или другой идеалъ въ глазахъ народа, тѣмъ язвительнѣй и нахальнѣй издѣваться надъ нимъ. За баранье стадо пошелъ весь народъ.— Но тогда это было, если не простительно, хоть сносно. Это приключилось съ дѣтьми за грѣхи ихъ родителей. Въ этомъ заключалась роковая казнь; это была заслуженная кара — въ свое время. Одно зло изгонялось другимъ и мы знаемъ, какія темныя силы породили его. Воспоминая тогдашніе типы, творчески воскрешая *силы* и *физіономіи*, которыя царили въ николаевскую эпоху, одинъ умный сатирикъ, въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, выразился такъ: „я назвалъ-бы этихъ людей патріотами-шулерами, но общество давно предупредило меня, давъ имъ названіе *благонамѣренныхъ*". Такъ вотъ какое было это доброе старое время! И оно прошло. Кто еще и въ наши дни повторяетъ уроки, затверженные изъ прошлаго, тотъ повторяетъ зады. Въ наши дни, когда уже пора образумиться, это — болѣе нестерпимо.

Отъ простаго народа, поглощеннаго непосредственнымъ бытомъ, разумѣется, нельзя и требовать какихъ-либо отвлеченныхъ началъ или логическихъ опредѣленій, къ которымъ привыкъ всякій, учившійся имъ съ дѣтства. Но ничто человѣческое народу не чуждо, и правду онъ чувствуетъ лучше иныхъ мудрецовъ. Отвлечен-

ный германскій мыслитель съ высотъ чистаго умозрѣнія вынесъ прекрасное опредѣленіе нравственности: „дѣйствуй всегда такъ, чтобы основа твоихъ дѣйствій могла служить правиломъ для всего человѣчества“. Не ту же-ли самую истину чувствуетъ своимъ неиспорченнымъ сердцемъ весь нашъ народъ, когда такъ жадно ищетъ универсальныхъ правилъ для своихъ поступковъ именно тамъ, гдѣ ихъ и слѣдуетъ искать: во вселенской мудрости своихъ вселенскихъ учителей и еще въ святомъ житіи тѣхъ, что отрекались отъ своего *я* въ пользу ближнихъ?

А наши полу-образованные умники, эти запоздалые птенцы еще дѣдовъ сороковыхъ годовъ—словно на поминкахъ у нихъ — продолжаютъ и въ концѣ вѣка, уже близящагося къ закату, старую злобу: „для насъ, молъ, Четіи-Минеи лишь *жупелъ* да *трусъ*, которыми пугаютъ замоскворѣцкихъ купчихъ; и что̀ тьмутороканская мгла, что̀ Владиміръ Мономахъ—все едино!“ расписываются они публично во всѣхъ газетахъ.

Такъ, по крайней мѣрѣ, въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ расписался авторъ передовой статьи о patria potestas.

Газета „Русь“ 1881 г. Октябрь.

II. Публицистика.

Полемика газеты „День“ съ „Московскими Вѣдомостями“ и газетою „Вѣсть“.

Наши близорукіе публицисты.

Въ одной брошюрѣ читаемъ:

„Éclairez-vous sur les maladies internes de la Russie, pour les mieux aggraver;

Apprenez quels sont ses embarras, pour les grandir; ses misères, pour les redoubler; ses faiblesses pour les éterniser;

A l'extérieur devinez les méfiances, écoutez naître les plaintes, soyez partout en même temps, pour tout entretenir et tout fertiliser;

Isolez la Russie, prenez lui ses alliances, suscitez lui des ennemis“ *).

Вотъ программа, которую могъ продиктовать, конечно, только злѣйшій врагъ Россіи. Авторъ, надо ему отдать справедливость, и не прикидывается нашимъ другомъ. Онъ открыто говоритъ, что гибель Россіи, что „сокрушеніе сѣвернаго колосса“—вотъ въ чемъ, по его мнѣнію, заключается задача всего человѣчества. Свою книжку онъ пишетъ въ этихъ именно видахъ; онъ еще надѣется доказать въ ней: какъ будетъ легко, какъ будетъ просто, по его мнѣнію, достигнуть Европѣ такой пресловутой цѣли!

Намъ, Русскимъ, можетъ-ли быть обидно, что тотъ или другой авторъ враждебной брошюры думаетъ не объ увеличеніи славы нашей родной Россіи, а объ ея сокрушеніи? Не товарищескихъ услугъ отъ враговъ и ждутъ себѣ обыкновенно: тутъ обиды нѣтъ никакой. Но вотъ что̀ истинно обидно! отчего-то наши противники серьезно думаютъ, что именно надъ нами-то, надъ Россіей—и сподручнѣе всего пробовать враждебные эксперименты! ни съ кѣмъ, какъ съ ней,—и всегда съ ней. Ни съ Франціей, ни съ Англіей—представляется имъ—враждебные эксперименты не удадутся,—а съ

*) Познайте внутреннія болѣзни Россіи, чтобъ ихъ какъ можно болѣе усилить; изучайте, въ чемъ ея затрудненія — чтобы ихъ увеличить; ея бѣды — чтобы ихъ удвоить; ея слабыя стороны — чтобы ихъ пріурочить на вѣкъ и пр.

Россіей непремѣнно удадутся. Несбыточная, невозможнѣйшая попытка, не мыслимая даже напр. относительно Турціи, непремѣнно имъ представляется—и легко-возможною и нельзя легче осуществимѣй надъ нами. Выходитъ по ихъ мнѣнію, что какъ будто-бы весь міръ отъ вражескихъ навожденій застрахованъ, а Россія отъ нихъ не застрахована; весь міръ, даже Турція, ни передъ однимъ изъ враждебныхъ экспериментовъ не спасуетъ,—а Россія непремѣнно спасуетъ. Почему такъ?

Развѣ Русскій народъ извѣстенъ за малодушнѣйшій въ свѣтѣ, или онъ недовольно ревнивъ къ своей государственной чести? Русскій-ли солдатъ извѣстенъ Европѣ за труса?... нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ. Сколько-бы мы ни вычисляли разныхъ условій, всѣ они будутъ на сторонѣ Россіи; на ея сторонѣ всѣ данныя, всѣ залоги, для того, чтобы быть могущественнѣйшею и безспорно первоклассною державой. И исторіей, и географіей она, противъ всякаго государства въ Европѣ, щедро надѣлена всѣми желательными дарами — для процвѣтанія самаго многосторонняго и для развитія самаго широкаго. Элементы порядка, прочности и незыблемости свойственны ей сторицей противъ всякаго государства Европы; элементы живучести, здравости смысла и духа, наконецъ матеріальнаго довольства и избытка — сторицей принадлежатъ ея народу противъ всякаго другаго. И что-же? Наперекоръ всему этому, наши враги ничуть не отчаяваются въ возможности поставить поперегъ ногу — всему нашему развитію. Они ничуть не считаютъ своего дѣла проиграннымъ и какъ вчера, такъ сегодня, готовы подымать вопросъ о самой цѣлости нашего государства!—Всѣ видимые шансы не на ихъ сторонѣ; а они, какъ-будто разсчитываютъ еще на какіе-то невидимые, сулящіе имъ вѣрный успѣхъ. Какъ-будто, при очевидной силѣ своихъ противниковъ, они мѣтятъ на какого-то невидимаго, ото всѣхъ сокрытаго союзника, который имъ всегда пособитъ и ихъ всегда выручитъ,—который ужъ сознательно-ли, безсознательно-ли, но всегда готовъ къ ихъ услугамъ, всегда за одно съ ними — и, въ то время даже, когда думаетъ дѣйствовать противъ нихъ, бьетъ съ ними въ тактъ. Кто-жъ такое этотъ, ото всѣхъ сокрытый, ихъ вольный или невольный союзникъ? Прислушаемся къ словамъ автора.

Познайте — говоритъ онъ — внутреннія болѣзни Россіи, для того, чтобы ихъ обратить въ неизлѣчимыя; изучайте, въ чемъ состоятъ ея затрудненія и увеличивайте ихъ; въ чемъ наконецъ ея

слабыя стороны—и ихъ пріурочьте ей на вѣкъ. И такъ, „внутреннія болѣзни Россіи“ —вотъ на что̀, прежде всего обращено зоркое вниманіе нашихъ недруговъ. Наши больныя мѣста, наши слабыя стороны—вотъ основа ихъ злорадостныхъ ожиданій... Смотрите, однакожъ, что̀ еще и вытекаетъ отсюда. Какъ-будто нѣтъ своихъ слабыхъ сторонъ, своихъ внутреннихъ болѣзней и у всякаго другаго государства?! Выходитъ однакоже, что именно у насъ, и только у однихъ насъ, противники наши ихъ полагаютъ неизлѣчимыми. „Роковые вопросы“ вездѣ, по ихъ мнѣнію, и временны и скоропреходящи, они вездѣ легко-исправимы,—у однихъ насъ, видите-ли, они и неразрѣшимы и вѣчно-возможны!? Опять, что-жъ это такое? Таковъ-ли уже самый ходъ событій, такой-ли ужъ у нихъ про насъ секретъ;—а только бѣдамъ всего міра—умаляться, а нашимъ—все рости, все множиться!? Не очутились-ли мы опять въ прежней дилеммѣ? И что-жъ это, наконецъ, за заколдованный кругъ, въ которомъ, повидимому, намъ суждено вертѣться?

Пусть Россія имѣетъ, въ самомъ дѣлѣ, множество такихъ отличій, которыя не допускаютъ поставить съ нею въ рядъ ни одного изъ государствъ въ мірѣ; въ нихъ-то, положимъ, и зрѣютъ зародыши нашей гибели. Положимъ—ихъ очень много, ихъ даже не вдругъ и сосчитаешь... Дѣло однакожъ заключается въ томъ, что сколько-бы мы ни ломали съ вами головы, читатель, сколько-бы мы съ вами ни разсматривали нашихъ собственныхъ недуговъ, стараясь придумать для нихъ уврачеваніе—мы никакъ не напали-бы на секретъ автора. Мы никакъ не очутились-бы у той точки зрѣнія, съ которой иностранные враждебные публицисты сію минуту уже усматриваютъ зачатки нашего разложенія и съ высоты величія которой запѣваютъ намъ свои похоронные гимны. Послушаемъ самого автора, обратимся къ его поучительной брошюрѣ. Въ чемъже, по его мнѣнію, эти „внутреннія наши болѣзни“, которыя онъ—ловкій хирургъ и медикъ—берется обратить въ неизлѣчимыя? въ чемъ, по его мнѣнію, „наши бѣды и несчастія“, которыя онъ—сострадательный человѣкъ—берется намъ пріурочить на вѣкъ? Слушайте:

„La nationalité russe est dérisoire. L'empire est un pêle-mêle confus de toutes les races, les quelles tendent incessamment à retourner vers leur berceau.—Les Finnois entre autres, qui ont été conquis sur la Suède, ainsi que ceux des gouvernements de Pétersbourg, de Vibourg, d'Onoletz (?) se distinguent des Russes par la langue, par les moeurs.—Pourquoi la Suède ne les reprendrait-elle pas un

jour? Et les provinces allemandes, pourquoi les cabinets de Vienne ou de Berlin n'y nourriraient-ils pas une propagande active?—Viennent les peuples de race tartare—ils sont originaaires d'Asie. Ils se divisent à l'infini. —Viennent après cela les peuplades du Caucase.—Compterons nous ensuite la race mongole, la race mantchoue, la race polaire, les races cosaques de la mer Noire, celle du Don, du Bug, du Mont Oural, d'Orembourg. On n'en finirait pas. Voilà donc l'Empire. Tous ces peuples, toutes ces races, tous ces ennemis par le sang et par les moeurs, sont unis par des liens factices" *).

Не были-ли мы вправѣ, сказавъ, что какъ ни ломать головы, а намъ никакъ-бы не придумать такого простаго разрѣшенія задачи?

Удивительное дѣло! въ цѣломъ мірѣ не повторяющееся явленіе! Фактъ заключается въ томъ, что существуетъ на свѣтѣ болѣе 50,000,000 Русскаго народа, имѣющаго одну вѣру и одинъ языкъ— а это, прежде всего, и промелькиваетъ между глазъ у всѣхъ западныхъ публицистовъ. Этотъ народъ занялъ огромную территорію и цѣлою своей тысячелѣтней исторіей запечатлѣлъ свое національное единство, какъ единство „Русской земли"—а это-то и не въ примѣту западнымъ публицистамъ. Фактъ, продолжаемъ, состоитъ въ томъ, что Русское государство можно поставить цѣлой Европѣ въ образецъ такого, которое само-собою, ото всей совокупности органическихъ условій, именно въ силу „единства и цѣльности народнаго духа" спородилось и сплотилось въ громадно-политическое тѣло,—а не случайно образовалось отъ какихъ-нибудь внѣшнихъ причинъ, въ родѣ династическихъ уній или выдѣловъ областей въ приданное. Именно единство сплошной отъ моря и

*) „Русская народность — достойна смѣху. Имперія — представляетъ какое-то разносмѣшеніе племенъ, которыя непрестанно стремятся возвратиться въ свое лоно. — Финны, между прочимъ, которые завоеваны у Швеціи, какъ и другіе, населяющіе губерніи Петербургскую, Олонецкую и Выборгъ, отличаются отъ Русскихъ и языкомъ и нравами — почему-бы Швеціи и не возвратить ихъ назадъ себѣ? А нѣмецкія провинціи... отчего-бы Вѣнскому и Берлинскому кабинету не распространять тамъ своего дѣятельнаго вліянія? — Дальше идутъ народы татарскаго происхожденія — они уроженцы Азіи. Они дѣлятся до безконечности — за ними слѣдуютъ народцы Кавказскіе. — Упоминать-ли, затѣмъ, о Монгольскомъ племени, о племени Манджурскомъ, о полярной расѣ? о казацкихъ племенахъ Чернаго моря, Дона, Буга, Уральскихъ горъ, Оренбурга? И конца-бы не было. Такъ вотъ — Имперія. Всѣ эти народы, всѣ эти племена, всѣ эти враги другъ другу по крови и по обычаямъ, связаны между собою совершенно обманчивыми узами".

до моря народности, единство вѣры, языка и всего обычая, словомъ сказать, „единство и цѣльность народнаго духа"—у насъ обусловливаютъ и наше великое политическое единство... А насъ-то еще и хотятъ увѣрить иностранцы, что мы, 50 милліоновъ, враги другъ другу по крови и по обычаю, мы только того и смотримъ, чтобы намъ расползтись врозь и разбрестись во всѣ стороны... Существуетъ, по ихъ мнѣнію, даже Австрійская народность „Kaiser-Königliche Nationalität", а Русской народности не существуетъ!.. Когда наши Русскіе путешественники, по улицамъ Берлина и Вѣны, на Адріатическомъ прибрежьѣ, то въ толпѣ нѣмецкихъ солдатъ, то въ толпѣ простыхъ ремесленниковъ или земледѣльцевъ, поминутно признаютъ какія-то родственныя для себя черты и, слыша звуки соплеменной рѣчи, безъ лексикона взаимно понимаютъ другъ друга, — тогда имъ не нужно глубоко-историческихъ изысканій и научныхъ изслѣдованій, чтобъ узнавать въ этихъ всюду мелькающихъ полуиностранцахъ—своихъ запамятованныхъ славянскихъ собратій... А наши враги и противники, грозящіе намъ не сегодня-завтра распаденіемъ цѣлой имперіи, имѣютъ еще наглость увѣрять насъ, что въ предѣлахъ нашей собственной территоріи мы другъ съ другомъ разноязычны,—что даже внутри Россіи самой—мы другъ другу чужіе!

Въ цѣлой Европѣ, говоримъ, нѣтъ еще другаго народа, который насчитывалъ-бы въ себѣ 50 милліоновъ человѣкъ и имѣлъ-бы одну вѣру, одинъ языкъ. Ни одно изъ ихъ государствъ, не только Gesammt-Vaterland, или даже сама Италія, такъ громко сегодня провозгласившая принципъ національности, но ни Франція, ни Англія, — не похвалятся передъ нами той прочностью узъ народныхъ, той цѣлиною сплошнаго грунта единой народности, какими изъ края въ край, отъ Бѣлаго моря и до Чернаго, поражаетъ земля Русская, — а по поводу нашей-то Русской народности и возникаютъ у нихъ еще сомнѣнія! — Величайшая въ мірѣ народность, безпримѣрная по своей единосущности и единокровности въ цѣлой Европѣ; народность, тѣмъ и досадная врагамъ, что не даетъ себя разнять по частямъ; народность, наконецъ, которая тѣмъ и страшна враждебному Западу, что надвигается она отъ востока, какъ цѣлина какая-то, какъ единая сплошная сила — вдругъ въ какую-же? въ „смѣха достойную народность" обратилась въ устахъ иностранца!! „La nationalité russe est dérisoire!" восклицаетъ нашъ авторъ, ничуть не конфузясь и не задумываясь ни мало. „La na-

tionalité russe est dérisoire!“ восклицаютъ про насъ наши политическіе противники и бьютъ въ ладоши.

Довольно. Не то странно, и оно даже ни мало не странно, что напавъ на мысль о достойной будто-бы смѣху безнародности Русскаго государства, враги наши злорадостно похлопываютъ въ ладоши. Странно тò, что наши собственные, отечественные (скажемъ, пожалуй, патріотическіе) публицисты—имъ въ этомъ случаѣ, какъ нельзя болѣе подбиваютъ въ тактъ. Тѣ изъ нашихъ публицистовъ, по крайней мѣрѣ, которые отъ полноты души признаютъ за Nichts „единство и цѣльность народнаго духа“,—которые хотѣли-бы милліоны квадратныхъ миль съ ихъ живымъ населеніемъ связать лишь внѣшнею силой государства, повить ихъ лишь его „грубыми“ путами... такіе публицисты, какъ нельзя болѣе, и конечно, сверхъ всякаго для себя ожиданія, подойдутъ на-руку нашимъ политическимъ нѐдругамъ и эти послѣдніе будутъ отъ нихъ въ самомъ неподдѣльномъ восторгѣ *).

А что̀ еще, если эти близорукіе публицисты, какъ сами они о томъ не разъ возвѣщали міру, дѣйствительно выражаютъ собой мнѣніе тысячей? Что̀, если они, и прямо сказать, въ этомъ случаѣ явились только безсознательнымъ выраженіемъ ходячихъ мнѣній самого большинства Русскаго общества? А если это такъ, то найдена будетъ и разгадка, которой мы до сихъ поръ такъ долго и такъ тщетно доискивались. Вотъ, значитъ, и союзникъ,— тотъ невидимый и ото всѣхъ сокрытый союзникъ, на котораго, прежде всего, мѣтятъ враги наши, при другихъ видимыхъ данныхъ къ своему неуспѣху. Само наше общество, это безнародное или даже антинародное общество,—само это печальное, продолжающееся еще и сейчасъ, нѣкоторое историческое недоразумѣніе, въ силу котораго наше общество не выражаетъ собою, кромѣ развѣ исключительныхъ случаевъ, сознанія нашихъ массъ народныхъ; наконецъ, тò несомнѣнное условіе, что ныньче общество и народъ въ ихъ взаимномъ соприкосновеніи дѣйствительно не похвалятся у насъ „единствомъ и цѣльностью народнаго духа“,—вотъ и разгадка тѣхъ невидимыхъ шансовъ, которые никогда не упускаются изъ виду нашими врагами и которые всегда къ ихъ услугамъ. Да,

*) „Зашла рѣчь о государственномъ единствѣ Россіи — „День“ съ славянофильскимъ презрѣніемъ отзывается объ интересѣ государственнаго единства, противопоставляетъ этой грубой дѣйствительности возвышенное Nichts, подъ именемъ „единства и цѣльности народнаго духа“. „Московскія Вѣдомости“ № 54.

само наше общество (и никто, кромѣ его) оказывается тѣмъ вольнымъ или невольнымъ союзникомъ ихъ, который, какъ мы сказали, всегда заодно съ ними, и когда даже думаетъ дѣйствовать противъ нихъ, собственно говоря—бьетъ съ ними въ тактъ.

По причинамъ, не отъ насъ зависящимъ, мы не можемъ быть яснѣе; но кажется мы говоримъ ясно. Читатель, думаемъ, понимаетъ нашу мысль. Ясно, что мы всего-то менѣе и видимъ опасности оттуда, откуда за насъ провидитъ ее авторъ враждебной брошюры, — опасность эта является для насъ совсѣмъ съ другой стороны. Если мы выписали его слова изъ враждебной политической брошюры, то именно для того чтобъ посмѣяться надъ ихъ невѣжествомъ; а когда съ ними совпадаютъ еще нѣкоторыя провѣщанія собственныхъ нашихъ „патріотическихъ" публицистовъ — въ томъ ужъ не наша вина. Тѣ и другіе, при всей розницѣ своихъ положеній, дѣйствительно между собою сходятся. Правда: что̀ составляетъ для однихъ радостную иллюзію, то̀ для другихъ является — темнымъ кошмаромъ; однакожъ всѣ эти, какъ иллюзіи, такъ и кошмары, будутъ подъ конецъ всего — одни и тѣ-же безтѣлесные призраки и ихъ должно поставить на одну доску. Тѣ, т. е. западные публицисты, очевидно, какъ нельзя лучше понимаютъ, что именно „единство и цѣльность народнаго духа" обусловливаютъ прочность государственнаго единства и одно это является за него порукой,—но имъ хотѣлось-бы не знать, что именно Россія-то и въ состояніи явить лучшій примѣръ подобнаго единства. Эти, т. е. наши близорукіе публицисты, казалось, не должны-бы блистать одинаковымъ невѣжествомъ относительно собственной своей отчизны; они, по крайней мѣрѣ, никакъ не могутъ принимать „les cosaques du Don, du Bug, d'Ural, d'Orembourg—on n'en finirait pas" за какія-то отъ Русскихъ отдѣльныя расы,—но такъ какъ, прежде всего, самое-то „единство и цѣльность народнаго духа" для нихъ не составляетъ ничего, кромѣ Nichts... то чего отъ нихъ и ожидать въ результатѣ, кромѣ самыхъ темныхъ и, вполнѣ ими заслуженныхъ, страховъ одного чисто-внѣшняго и нелѣпѣйшаго въ мірѣ сепаратизма? Спрашиваемъ всякаго, кто только хотя мало знаетъ: откуда наша Русская земля стала есть; спрашиваемъ: можно-ли серьезно раздѣлять опасенія этихъ „патріотическихъ" публицистовъ, которые и въ самомъ дѣлѣ—какъ-бы въ наказаніе за то, что не вдумались въ ор-

ганическую цѣльность нашего народнаго единства — не вшутку вообразили себя наканунѣ полнаго распаденія! Можно-ли сочувствовать тѣмъ патріотамъ, которые гордо увѣрены и другихъ стараются увѣрить, что у насъ, собственно говоря, внутри все обстоитъ благополучно, и общество у насъ ничуть не въ розни съ народомъ, — а вся бѣда и сама-то наша внутренняя болѣзнь заключается единственно въ легкой возможности внѣшняго къ намъ нашествія и въ безпримѣрномъ удобствѣ произвести у насъ территоріальное распаденіе! Нѣтъ, наша „внутренняя болѣзнь" — не въ этомъ; отъ „внутренней болѣзни" такого рода — мы лучше другихъ застрахованы. А вопросъ о существѣ нашей „внутренней болѣзни" самъ собою разрѣшается теперь на глазахъ читателя. Мы именно хотѣли сказать, что нашъ авторъ, пожелавъ ткнуть на нее пальцемъ на глазахъ всего міра, для всего-же міра промахнулся и, очевидно, не попалъ въ цѣль; но для насъ, истинно, его слово не мимо, и намъ онъ дѣйствительно указалъ прямо въ цѣль.

Размыслимъ только. Вся Русская исторія, вся наша жизнь народная (да, это несомнѣнно!) громко свидѣтельствуютъ въ пользу нашего единства; въ этомъ отношеніи всѣ данныя для насъ благопріятны; это само по себѣ — внѣ всякаго спора. Значитъ: вѣрны-ли мы сами Русской исторіи, мы вѣрны-ли всей нашей народной жизни?... вотъ единственно что̀ можетъ еще подлежать спросу, по поводу чего возникаютъ на нашъ счетъ подозрѣнія, объ чемъ въ насъ могутъ, пожалуй, сомнѣваться! Вѣрны-ли, повторяемъ, мы сами себѣ? вѣрны-ли мы, прежде всего, Русской народности?... Если да, то въ соприкосновеніи нашего общества съ народомъ, конечно, господствуетъ не что другое, какъ именно „единство и цѣльность народнаго духа",—и тогда никакое распаденіе для насъ не составляетъ угрозы и во всемъ у насъ проявляются благіе результаты лишь такой цѣльности и такого единства. Тогда, значитъ, изъ края въ край по всему нашему царству звучитъ одинъ Русскій языкъ, развиваются и идутъ вширь силы одного Русскаго народа, господствуетъ полнота одного Русскаго духа, — тогда и наша администрація своя народу, и наши академіи и университеты — свои-же народу, и все и вся у насъ только Русское, только Русскіе... Чего-жъ тутъ страшиться какой-то розни? и всякая, хотя-бы даже малѣйшая боязнь какого-то распаденія, въ такихъ обстоятельствахъ, не забавна-ли?

Тогда — Русскій народный духъ, богатѣя и развиваясь отъ многосторонняго въ немъ обилія внутреннихъ идіомовъ, будетъ только рости и крѣпнуть въ своемъ могуществѣ; тогда онъ станетъ именно могучъ внутренней притягательной силой; тогда всякая мелкая, смѣшанная и переходная національность, по нашимъ окрайнамъ, ему сама собой подчинится. Разъ, говоримъ, мы вѣрны сами себѣ, т. е. Русской народности — и тогда всѣ тѣ нагроможденные страхи — мнимые страхи. Но вотъ что̀ оказывается не мнимо, и вотъ въ чемъ для насъ уже истинная бѣда: иностранцы, какъ это ясно изъ приведенныхъ словъ враждебной брошюры, прежде всего, Русской-то народности и не примѣчаютъ въ насъ Русскихъ! Мы (общество по крайней мѣрѣ), очевидно, на ихъ взглядъ представляемся не довольно Русскими, не вполнѣ Русскими! мы на ихъ взглядъ и выходимъ еще какими-то врагами самимъ себѣ! А наша „патріотическая" публицистика, обратившая самое „единство и цѣльность народнаго духа" въ Nichts, и уже, по этому самому, достойно казнимая галюцинаціями сепаратизма — какъ нельзя болѣе имъ поддакиваетъ и бьетъ съ ними въ тактъ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ виду того громаднаго факта что вся Русская исторія и вся наша жизнь народная громко свидѣтельствуютъ въ пользу нашего единства и что въ этомъ отношеніи, какъ мы сказали, всѣ данныя для насъ благопріятны, — только однимъ теперь и можно объяснить себѣ вѣчныя угрозы нашихъ противниковъ, какъ нашей территоріи — опасностью распаденія, такъ и всему нашему народу — терроромъ какой-то розни, будто на вѣкъ ему прирожденной. Такъ какъ, говоримъ, Русская исторія на это данныхъ не даетъ; такъ какъ и наша жизнь народная на это данныхъ не даетъ-же, — то это означаетъ лишь, что на взглядъ этихъ нашихъ противниковъ мы (общество, выражающее себя въ той публицистикѣ), мы нашей собственной исторіи идемъ на перекоръ; ни ей, ни лучшимъ изъ народныхъ завѣтовъ, по ихъ мнѣнію, мы въ вѣрности не устоимъ; мы на ихъ взглядъ не Русскіе; мы на ихъ взглядъ еще сами себѣ выходимъ враги, что ни лучшіе! Затѣмъ, какъ себѣ ни истолковывайте всѣхъ этихъ обидныхъ на нашъ счетъ предположеній иностранцевъ, а на дѣлѣ они могутъ значить только одно. Они истинно значутъ, что у насъ „единство и цѣльность народнаго духа" нарушены; что съ одной стороны народъ нашъ, съ другой наше общество — никакъ „един-

ствомъ и цѣльностью духа“ не похвалятся; они другъ для друга — чужіе; это какъ-бы двѣ розныхъ силы, чуть-ли еще не поставленныя въ антагонизмъ между собою. Заключеніе отсюда ясное и прямое, что вотъ это-то раздвоеніе и составляетъ нашъ немнимый недугъ, — въ немъ-то и заключается та „внутренняя болѣзнь“ наша, которая одна должна страшить всякаго немнимаго патріота.

Весь живой организмъ нашей родной земли и Русскаго народа; тѣ внутреннія жилы и нервы, которыя органически связуютъ этотъ народъ отъ Бѣлаго моря и до Чернаго въ одно неразрывно-цѣлое и живое; ради которыхъ вся земля, на каждой точкѣ необозримой территоріи, движется однимъ чувствомъ, волнуется однимъ духомъ и бьется однимъ трепетомъ — вотъ что̀ важно, вотъ что̀ незамѣнимо-дорого и что̀ одно завѣтно съ точки зрѣнія прямо-Русскихъ, истинныхъ интересовъ. Только не угашайте этого животворнаго духа, только возбудите его-то именно и предоставьте ему полную свободу выражаться — тогда духъ великаго народа самъ собою ассимилируетъ все невеликое-малое, что соприкасается съ нимъ по окраинамъ; тогда послѣдуетъ органическое срощеніе частей — цѣлебное и заживляющее; явится въ нихъ само-собой къ нему тяготѣніе, и станетъ вольно совершаться кровообращеніе къ сердцу отъ периферіи... Именно нашей родной землѣ, именно нашему Русскому царству, съ избыткомъ дано всѣхъ этихъ важныхъ, существенныхъ залоговъ—для такого прочнаго навѣки нерушимаго единства, для такого органическаго тождества „единства и цѣльности народнаго духа“ съ самимъ государственно-политическимъ строемъ! Какъ дорого-бы дали всѣ западныя государства Европы, чтобы имѣть ихъ въ себѣ, хотя на одну малую долю въ той степени, въ которой ими надѣлена наша Россія... И какъ мелка или какъ намѣренно-слѣпа должна быть та отечественная публицистика, которая ничего больше, кромѣ возвышеннаго Nichts не видитъ въ „единствѣ и цѣльности народнаго духа“, которая лишь въ „грубыхъ“ путахъ государственности сознала всю поруку за единство,— которая ассимилирующему началу жизни предпочла простую нивеллировку; которая приняла средство за цѣль и форму — за духъ. Ей не было-бы никакого извиненія, этой публицистикѣ, если-бъ еще и сама она не являлась неизбѣжнымъ послѣдствіемъ и лишь наихарактернѣйшимъ признакомъ того самаго „раздвоенія“, той „нашей внутренней болѣзни“, о которыхъ мы говорили.

Прекрасно заботиться объ „единствѣ и цѣльности государства“ — но надо понимать, что только „единство и цѣльность народнаго духа“ и составляютъ надежнѣйшую поруку за такое желанное государственное единство. А хлопотать о Русскомъ „государственномъ единствѣ“ и въ то же время выдавать за Nichts „единство и цѣльность нашего народнаго духа“ (какъ это дѣлаютъ Московскія Вѣдомости) — это то же самое, что для крѣпости дуба вбивать ему свинцовыя сваи пòдъ-корень и желѣзный колъ въ самую сердцевину, — подпирать его гранитными столбами и окручивать обручами подъ самое живое. А рекомендовать за какую-то панацею противъ всѣхъ нашихъ дѣйствительныхъ золъ и недуговъ усиленіе лишь государственной машины — это значить развивать зло, усиливать наши недуги. Это, наконецъ, значитъ, какъ уже сто разъ было говорено, признавать механизмъ, а не организмъ въ самой государственной жизни великаго народа. Но если мы чѣмъ-нибудь вводили и вводимъ постоянно на нашъ счетъ въ заблужденіе иностранцевъ, если мы постоянно чѣмъ-нибудь и разжигаемъ въ нихъ увѣренность въ легкой возможности нашего сокрушенія; если, наконецъ, что-нибудь и манитъ ихъ постоянно пробовать надъ нами всякіе возможные и невозможные эксперименты — такъ это именно тò, что весь живой организмъ нашей родной земли до сихъ поръ постоянно для нихъ выступаетъ — лишь какъ бездушный механизмъ имперіи: не внутреннія, живыя связи даютъ имъ себя примѣчать во всемъ ходѣ нашей Русской жизни, а лишь искусственныя и чисто-внѣшнія связи одной государственной централизаціи. Полнота Русскаго народнаго духа и обильное развитіе внутреннихъ силъ Русскаго народа ни въ чемъ для нихъ до сихъ поръ не обнаруживаютъ своего замѣтнаго существованія: какъ будто даже ихъ нѣтъ вовсе. Съ точки зрѣнія истинной Россіи, они конечно не правы; конечно неправà и наша собственная публицистика, вдругъ захотѣвшая видѣть лишь бездушный механизмъ, а не живой организмъ въ жизни великаго русскаго царства. Нѣтъ, не про истинную Россію говорятъ они, и иностранные и „патріотическіе“ публицисты, когда придаютъ нашей родинѣ такіе бездушные признаки: въ ихъ воображеніи возстаетъ конечно, призракъ... какого-то безнародно-отвлеченнаго государства. Кто-жъ съ этимъ не согласится или кто съ этимъ будетъ спорить, что если-бы могло вдругъ оказаться на свѣтѣ такое чудище, такое неслыханное государство — то ему и въ самомъ

дѣлѣ долго никакъ-бы не устоять. Самыя однородныя части, вполнѣ свои другъ другу, захотѣли бы разойтись врозь — лишь-бы не пребывать въ подобной мертвечинѣ. Государство безъ самодѣятельности народной, въ которомъ духъ и геній народа чахнутъ въ бездѣйствіи и глохнутъ ни къ чему не призванные; государство, которое хочетъ самимъ собою и собственными государственными функціями замѣнить вездѣ народъ и его „душу живу"; которое, наконецъ, хочетъ удержать всѣ свои части лишь механической силой сцѣпленія и удерживается само лишь фокусомъ искусственной централизаціи — такое государство должно пасть, это неоспоримо. Не надо быть ни магистромъ политическихъ наукъ, ни даже глубокимъ знатокомъ одного государственнаго права, чтобъ предсказывать это. Но, повторяемъ, это про какое-то мнимое и призрачное государство говорятъ наши други и недруги, когда разумѣютъ все это,—про какую-то *притчу во языцѣхъ*, а никакъ не про нашу „истинную Россію".

„Сепаратизмъ"—вотъ кошмаръ, который преслѣдуетъ нашихъ „патріотическихъ", но вовсе не народныхъ и мало понимающихъ Русь публицистовъ. Почему-то еще всѣ эти мòроки нашего распаденія и сепаратизма представляются имъ за какой-то результатъ будто-бы позднѣйшихъ событій, отъ Севастопольской войны до Польскаго мятежа включительно. Они рекомендуютъ теперь и для нашей нынѣшней современности, какъ панацею — именно тó, что, въ нѣкоторомъ смыслѣ, дѣйствительно, составляло отличіе предшествовавшей эпохи... Слѣпцы! они рекомендуютъ противъ зла именно тѣ средства, чрезмѣрное употребленіе которыхъ — его, самое это зло, и породило!—Развѣ можно намалевать призракъ сепаратизма еще болѣе грозный, еще болѣе яркій и рѣшительный чѣмъ тотъ, который мы взяли цѣликомъ изъ разбираемой нами брошюры! Но когда-же про насъ писались подобныя брошюры? въ какое время наводняли онѣ собой всю западную публицистику? Знакомые съ нею не со вчерашняго дня должны будутъ признаться, что именно въ эпоху самаго сильнаго у насъ развитія „государства для государства" и являлись подобныя брошюры; въ то время, когда за единообразнымъ механизмомъ имперіи не было у насъ вовсе видно живаго народнаго организма,— тогда именно и возникало наиболѣе недоразумѣній по поводу нашего дѣйствительнаго народнаго единства. Брошюра изъ которой мы приводили цитаты писана въ то время, когда внѣшній блескъ нашего государ-

ства достигъ, казалось, полнаго своего лучезара; когда государство наше стояло въ зенитѣ своего наружнаго могущества и своей видимой славы *). Теперь, когда само правительство призвало къ жизни и къ обновленію милліоны Русскаго народа; когда само оно призываетъ народъ къ самодѣятельности,—всѣ эти мо̀роки и туманы, должно надѣяться, сдунутся и исчезнутъ. Но исполниться-ли эта свѣтлая надежда? есть-ли виды на осуществленіе ея? увы!... для того, чтобы она осуществилась — именно нужно, чтобы единство и цѣльность народнаго духа были для нашего общества не какимъ-нибудь Nichts, хотя-бы и возвышеннымъ, а стали-бы въ немъ живою дѣйствительностью, совершившимся фактомъ, — conditio, sine qua non.

Газета „День“ 1865 г.

Современныя темы. (Вопросъ объ общинѣ).

I.

„Дверь, по необходимости, или отворена или затворена“ говоритъ французская поговорка. Средняго положенія тутъ и въ самомъ дѣлѣ быть не можетъ; а непремѣнно, какъ въ чётѣ или въ нѐчетѣ, что-нибудь одно изъ двухъ.

Нашей публицистикѣ, повидимому, чуждъ здравый смыслъ этой поговорки. Тотъ или другой публицистъ, допустимъ, ясно и безоговорочно выразитъ свое желаніе затворить дверь; возражатель схватываетъ изъявленное желаніе публициста. Вы не желаете значитъ, говоритъ онъ, чтобы дверь оставалась отворена! — „Нѣтъ, я никогда не говорилъ этого!“ — восклицаетъ теперь нашъ публицистъ съ доблестнымъ жаромъ. И онъ храбро отрекается отъ прямаго логическаго вывода изъ его собственныхъ словъ. Онъ упрекаетъ еще своего возражателя въ умышленномъ искаженіи цитаты. Онъ сейчасъ-же взводитъ обвиненіе въ солидарности съ Польскимъ жондомъ и въ намѣреніи оскорбить цѣлое дворянство.

Такой именно случай произошелъ въ текучей публицистикѣ по поводу вопроса „о сельской общинѣ“. Было время, когда этотъ вопросъ держался на высотахъ чисто-теоретическихъ. Публика —

*) „Russie, Allemagne et France. Paris. 1844. D'après les notes d'un vieux diplomate, par Marc Fournier.

мало понимавшая, какой практическій результатъ окажется на дѣлѣ отъ разрѣшенія его въ ту или другую сторону — мало прислушивалась и къ отвлеченнымъ, диллетантическимъ спорамъ. Ей тогда едва-ли даже не казалось, что славянофилы, какъ вездѣ, такъ и въ этомъ вопросѣ, проводятъ только мысль о преимуществѣ смазныхъ сапоговъ передъ моднымъ ботинкомъ. Ей могло казаться также, что наши западники, эти гуманные прогрессисты, напротивъ того, и здѣсь, какъ вездѣ, отстаиваютъ грудью — цивилизацію, прогрессъ и гуманность.

Теперь не то. Трудная, дѣловая жизнь нашего отечества за послѣдніе годы измѣнила многое въ понятіяхъ общества и значительно отрезвила умы. Призраки отвлеченно-гуманитарнаго прогресса разлетѣлись, какъ мыльные пузыри... А многое, что для большинства нашихъ цивилизаторовъ и прогрессистовъ казалось едва-ли не мистицизмомъ, тò теперь громко сказалось само за себя въ жизни и объявилось насущною потребностью.

Всего лучше, когда та или другая теоретическая мысль, то или другое ученіе находитъ себѣ, наконецъ, провѣрку въ дѣйствительности. Мысль о Русской сельской общинѣ (такъ долго казавшаяся лишнею мечтой праздныхъ теоретиковъ) теперь, съ упраздненіемъ крѣпостнаго права, съ надѣленіемъ 20,000,000 крестьянъ землею, дождалась себѣ наконецъ такой провѣрки. Вопросъ о сельской общинѣ — т. е. о томъ, чѣмъ именно въ ней дорожатъ одни и чѣмъ она заслуживаетъ нареканія другихъ — представляется теперь во всей своей наглядности. Всякій можетъ теперь самъ провѣрить этотъ вопросъ: практическіе результаты того или другаго рѣшенія — всякому укажутъ, на чью сторону стать въ этомъ спорѣ. Дѣло оказывается въ томъ, что если удастся нашему крестьянству удержать вѣковое общинное начало, (при всѣхъ невыгодахъ, съ какими теперь сопряжено это вслѣдствіи неправильной постановки такъ называемой выкупной операціи) тогда ему удастся удержать за собою и ту землю, которая — если не обезпечиваетъ всѣхъ его нуждъ и потребностей, то по крайней мѣрѣ, обезпечиваетъ его навсегда отъ рабской участи западнаго пролетарія. Дѣло въ томъ что если наше крестьянство, напротивъ того, будетъ вынуждено отказаться отъ своего вѣковаго обычая владѣть землею всѣмъ селомъ коллективно, тогда и ему будетъ угрожать та-же злая участь. Вотъ въ какомъ видѣ поставленъ въ современной публицистикѣ вопросъ о сельской общинѣ,—и не мы его такъ постави-

ли. Утверждая, что общинное устройство не даетъ у насъ развестись массѣ бездомныхъ, безземельныхъ работниковъ и что съ уничтоженіемъ сельской общины эта масса развелась-бы у насъ неминуемо, сами противники сельской общины поставили вопросъ о ней — въ такомъ видѣ.

Но вопросъ, поставленный такимъ образомъ, даетъ-ли возможность хоть на минуту задуматься, въ какую сторону рѣшить его? Если дѣйствительно сельская община, этотъ вольный обычай народа, предохраняетъ Россію отъ пролетаріата; если, напротивъ того, съ отмѣною общины, нашему народу грозитъ именно эта кара западныхъ государствъ Европы, — то можетъ-ли быть сколько-нибудь странно, что въ нашей литературѣ раздаются голоса въ защиту общины? Странно то, что въ ней находятъ себѣ пріютъ голоса противные.

Странность эта увеличивается до колоссальныхъ размѣровъ и уже едва-ли удерживается въ предѣлахъ одной странности, когда борцы противъ сельской общины сами еще устанавливаютъ этотъ вопросъ со всей его рѣшительностью и во всей его неумолимой рѣзкости; когда они весьма категорически именно то́ и ставятъ въ упрекъ сельской общинѣ, что она не позволяетъ у насъ образоваться массѣ бездомныхъ, безземельныхъ работниковъ; когда самую необходимость уничтожить у насъ сельскую общину они беззастѣнчиво мотивируютъ ничѣмъ другимъ, какъ именно необходимостью расплодить у насъ пролетаріевъ! Споры о сельской общинѣ, такимъ образомъ, сошли въ современной публицистикѣ на оригинальнѣйшій вопросъ „о необходимости развести у насъ массу бездомныхъ, безземельныхъ работниковъ путемъ уничтоженія сельской общины". Преимущественно лишь съ одной этой стороны въ настоящее время и идутъ на нее нападки.

И надобно правду сказать, посчастливилось въ нашей журналистикѣ этому вопросу въ теченіи нынѣшняго года! Вотъ уже который мѣсяцъ наши патріоты — honni soit qui mal y pense — не перестаютъ его поворачивать на всѣ лады; они задѣваютъ его прямо и косвенно, то развивая въ цѣлыхъ фундаментальныхъ статьяхъ, то касаясь какъ-бы вскользь и мимоходомъ. Еще очень недавно одна извѣстная газета (мы не хотимъ назвать ее по имени) соболѣзновала съ видомъ полной искренности о томъ, что только пустые люди, маріонетки, журнальные борзописцы, а главнее враги Русскаго народа и сподручники чуть-ли не Польскаго

жонда могутъ не раздѣлять ея убѣжденій о священной необходимости предоставить, какъ можно скорѣе, крестьянамъ распродавать ихъ участки. Упраздненіе сельской общины, хотятъ насъ со всѣхъ сторонъ увѣрить, составило-бы истинную эпоху славы въ жизни нашего отечества: упраздненіе сельской общины — вотъ въ чемъ заключается и панацея противъ всѣхъ золъ на свѣтѣ.

II.

Петербуржское Вольное Экономическое и Московское Общество Сельскаго Хозяйства, какъ извѣстно, посвятили часть своихъ досуговъ на разработку именно этой темы. Первое изъ нихъ даже, въ лицѣ г-на Н. А. Безобразова, предложило „конкурсъ на соисканіе преміи за сочиненіе *объ устройствѣ сельскаго труда въ Россіи*". Всякій воленъ, безъ сомнѣнія, назначать изъ своихъ денегъ преміи за что угодно. Въ выборѣ темы для конкурса онъ только невольно раскрываетъ свои заповѣдныя намѣренія, ясно обнаруживая, какъ общественныя симпатіи, такъ и антипатіи свои. Въ программѣ этого конкурса особенно бросается въ глаза вотъ что: г-нъ Н. А. Безобразовъ проситъ своего конкуррента не просто указать на то или другое „устройство труда", которое было-бы наиболѣе выгодно; нѣтъ, повидимому, самъ предложитель преміи ужъ владѣетъ секретомъ наилучшаго устройства, съ выгодами котораго ничто не сравнится Но онъ заранѣе предвидитъ какія-то непремѣнныя условія и обстоятельства, которыя будутъ помѣхой его сельскому труду въ Россіи, какъ онъ его понимаетъ. И вотъ, назначая премію, онъ повидимому, все вниманіе своего конкуррента заранѣе устремляетъ лишь на это statu quo; онъ направляетъ всю его дѣятельность на устраненіе тѣхъ препятствій, прося лишь указать: „какому устройству *подлежалъ-бы* сельско-хозяйственный трудъ, какъ предопредѣленный". „Предопредѣленный"!! какъ понимать этотъ таинственный терминъ? Составители программы тутъ-же поясняютъ: „трудъ предопредѣленный, т. е. вызываемый мѣстными условіями и въ то-же время свободно-принимаемый порядокъ, привлекающій рабочія силы вокругъ поземельнаго капитала". Такъ какъ ни въ одномъ академическомъ словарѣ не встрѣтимъ подобнаго истолкованія термина „предопредѣленный", то невольно приходится заключить о самой преміи и конкурсѣ, что съ самаго начала въ нихъ самихъ уже есть что-то „предопредѣленное".

Кстати.—Нынѣшнее Вольное Экономическое Общество, въ лицѣ г-на Н. А. Безобразова, назначаетъ премію въ тысячу цѣлковыхъ за „предопредѣленное“ сочиненіе „объ устройствѣ сельскаго труда въ Россіи“. Но то-же самое Вольное Экономическое Общество, ровно сто лѣтъ тому назадъ — въ 1766 году — назначило отъ имени *неизвѣстной особы* премію въ тысячу червонцевъ за лучшее сочиненіе... на тему иную. Дѣло шло о поземельной собственности крестьянъ, о надѣленіи ихъ землею;—Общество хотѣло поощрить рѣшеніе этого вопроса въ положительномъ смыслѣ. Премія въ тысячу червонцевъ была предложена Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ за лучшее изслѣдованіе задачи: „Что́ полезнѣе для общества,—чтобъ крестьянинъ имѣлъ въ собственности землю, или токмо движимое имѣніе, и сколь далеко его права на то или другое имѣніе простираться должны?“ — Умная Екатерина, особенно покровительствовавшая этому Обществу, приняла горячо къ сердцу предложеніе такой задачи. Въ трудахъ Общества, вмѣстѣ съ публикаціей объ этомъ конкурсѣ, читаемъ: „Ея императорское величество, всемилостивѣйшая наша государыня, о патріотическомъ усердіи неизвѣстнаго предложителя изображеннаго выше сего вопроса толикое изволила оказать благоволеніе, что высочайше повелѣла тому, кто объявитъ о себѣ и докажетъ, что при предложеніи онаго вопроса прислалъ 1,000 червонныхъ въ Экономическое Общество, дать 2,000 червонныхъ“. Вотъ что одинъ изъ Русскихъ людей того вѣка писалъ о крестьянской собственности въ недвижимомъ имѣніи, въ сочиненіи, которое было признано Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ за одно изъ лучшихъ: „Каждый крестьянинъ, писалъ онъ, долженъ имѣть довольно земли для сѣянія хлѣба и паствы скота и владѣть оною наслѣдственнымъ образомъ такъ, чтобы помѣщикъ ни малой не имѣлъ власти угнетать какимъ-нибудь образомъ, или совсѣмъ оную отнимать. Наслѣдственное сіе въ земляхъ право не должно такъ далеко простираться, чтобъ крестьянинъ былъ въ состояніи данною ему землею располагать по произволенію; довольно, ежели онъ ею можетъ невозбранно и безпрепятственно пользоваться и отъ того себѣ получить пропитаніе. Для сей причины не дозволяется ему, подъ какимъ-бы видомъ онъ ни хотѣлъ сіе сдѣлать, продавать свою землю или дарить, или закладывать, или раздѣлять между многими дѣтьми“. („Русскій Архивъ“ 1865 г.). Этотъ эпизодъ, 1766 года, изъ жизни Вольнаго Экономическаго

Общества невольно припоминается намъ всякій разъ, когда читаемъ ежедневно повторяемую въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ програму конкурса, предложеннаго г-мъ Н. А. Безобразовымъ. Въ сто лѣтъ Общество, какъ видно, значительно ушло впередъ. Но возвращаемся къ нашей темѣ.

III.

Споръ о сельской общинѣ, сказали мы, въ текучей публицистикѣ сошелъ на весьма оригинальный вопросъ „о необходимости во всякомъ благоустроенномъ обществѣ пролетаріата и о разведеніи его искусственнымъ образомъ у насъ въ Россіи путемъ уничтоженія сельской общины“. Наши возражатели съ этимъ, пожалуй, не согласятся; они будутъ всячески отпираться отъ такой постановки вопроса; они обвинятъ насъ въ намѣренномъ искаженіи ихъ словъ. Московскія Вѣдомости скажутъ: мы толковали объ „источникѣ жизни“ и о „водвореніи экономической свободы“, а слово *пролетаріатъ* даже не произносили. Слово „пролетаріатъ“ они дѣйствительно тщательно обходили въ своихъ разсужденіяхъ. Но какими-бы сладкозвучными именами ни называли они предлагаемую операцію надъ сельской общиной— (операція состоитъ въ томъ, чтобы на мѣсто мірскаго, коллективнаго владѣнія землею, каждому крестьянину предоставить участокъ въ личную собственность съ правомъ отчужденія) — сущность дѣла отъ этого нисколько не измѣнится. Желаніе видѣть у насъ массу бездомныхъ, безземельныхъ работниковъ, проживающихъ въ чужихъ избахъ на хозяйскихъ харчахъ, — желаніе, для осуществленія котораго и предлагается та операція, — есть несомнѣнное желаніе видѣть у насъ пролетаріевъ, никакъ не иначе. Пусть это желаніе, при помощи строго-научнаго термина „водвореніе экономической свободы“, возводится въ какое-то послѣднее слово политической мудрости; пусть еще метафорой объ „источникѣ жизни“ ищутъ ему придать все благоуханіе поэзіи, — но дѣло говоритъ само за себя—и насъ нельзя обвинить въ искаженіи цитаты.

Даже, если мы предприняли разсмотрѣть исторію этого оригинальнаго вопроса, то именно за тѣмъ, чтобы показать, какъ часто наши патріотическіе публицисты, изъявляя желаніе затворить дверь, отрекаются въ то-же время отъ того, что они не хотятъ ее видѣть отворенной. Обзоръ этихъ споровъ о сельской общинѣ составитъ,

такимъ образомъ, эпизодъ — весьма не лишенный интереса для характеристики нравовъ современной патріотической публицистики.

Враги народа! маріонетки, повинующіяся ниткѣ ловкихъ интригановъ! пустые люди! журнальные борзописцы! исказители чужихъ словъ! сподручники Польскаго жонда! мужиколюбы! оскорбители цѣлаго дворянства!... вотъ тѣ удачные эпитеты, которыми осыпаны писавшіе противъ теорій „о водвореніи экономической свободы". При этомъ рекомендуются, кромѣ статей самой редакціи газеты, еще статьи гг. Бланка и Ржевскаго, Григорія Наличнаго и Заочнаго и тому подобныхъ персонажей — какъ тѣ сокровищницы патріотическаго духа, какъ неисчерпаемые кладези политической мудрости, которые должно противопоставить зловреднымъ теоріямъ „маріонетокъ".

Остановимся, прежде всего, на передовой статьѣ упомянутой газеты, гдѣ найдемъ цѣлую доктрину объ „источникѣ жизни", какъ редакція его понимаетъ. Оставляемъ въ сторонѣ всѣ невѣроятные промахи этой статейки, которые въ свое время въ „Днѣ" уже были указаны (такъ напр. кочеваніе изъ сословія въ сословіе, между прочимъ изъ купечества въ дворянство, объяснялось тутъ общиннымъ землевладѣніемъ), а прямо обратимся къ предмету, насъ интересующему. Сказавъ, что крѣпостное право было зло и отмѣна его составляетъ эру, редакція даетъ однакожъ почувствовать, что зло это еще не совсѣмъ миновало, а эра еще не совсѣмъ состоялась... Чего-то недостаетъ. За этой первой загадкой потянулся ихъ цѣлый длинный рядъ... Вольнонаемный трудъ не окупается, сельское хозяйство падаетъ: высчитаны всѣ бѣды, всѣ невзгоды Россіи... Разгадка всему: вредъ общиннаго землевладѣнія; крестьянская община—корень злу. Если допустить крестьянъ владѣть землею не по ихъ вѣковому обычаю всѣмъ міромъ, а каждаго порознь съ правомъ отчуждать свои участки („водвореніе экономической свободы"), тогда, и только тогда, является „необходимый, существенный элементъ вольнаго труда, котораго теперь недостаетъ". Спрашивается, что-жъ это за элементъ, которому сельская община не даетъ образоваться и который за уничтоженіемъ сельской общины образуется непремѣнно? Въ чемъ-же тутъ все дѣло?

„Дѣло въ томъ, отвѣчаетъ редакція, что системѣ труда принудительнаго съ ея внѣшними побужденіями можно противополагать только систему труда совершенно-свободнаго, при которой

должны сполна дѣйствовать другія, свойственныя ей побужденія". Съ этимъ пока нельзя не согласиться; крестьянинъ-общинникъ, послѣ манифеста 19 февраля, если идетъ въ работу, то, конечно, изъ другаго побужденія, чѣмъ онъ это дѣлалъ до манифеста. Если на долю каждаго смертнаго приходится довольно нуждъ и заботъ всякаго рода, то конечно на долю крестьянина приходится ихъ наиболѣе; и такъ, побужденіемъ вольному крестьянину трудиться— служитъ, безъ сомнѣнія, какъ всякому, ничто иное, какъ „надежда обезпечить себя и свое потомство въ случаѣ трудолюбія и страхъ попасть въ бо́льшую бѣду въ случаѣ нерадѣнія". Это такъ; но уже въ словахъ редакціи, что эти побужденія „должны *сполна* дѣйствовать", предчувствуется что-то неумолимое, что-то такое, съ чѣмъ едва-ли можно будетъ согласиться. „Гдѣ побужденія къ свободному труду недостаточно сильны—досказываетъ редакція—тамъ отъ него нельзя ожидать той энергіи, которая сдѣлала-бы его лучше труда принудительнаго. Хорошій заработокъ и съ другой стороны *опасность остаться на улицѣ*, вотъ что побуждаетъ человѣка къ физическому труду, когда внѣшняго принужденія не существуетъ (опасность остаться на улицѣ—должно быть *внутреннее* побужденіе!). Кто не желаетъ системы принужденія, и въ тоже время хочетъ смотрѣть на дѣло трезвыми глазами, тотъ долженъ допустить въ полной силѣ необходимыя условія свободнаго труда. Если мы побоимся допустить ихъ, если мы будемъ опасаться отчуждаемости крестьянскихъ участковъ и крестьянскихъ усадьбъ, то не увидимъ ни улучшенія крестьянскаго быта, ни оживленія сельскаго хозяйства. Первые шаги къ водворенію началъ экономической свободы въ крестьянскомъ быту всего удобнѣе, кажется, сдѣлать при поземельномъ устройствѣ государственныхъ крестьянъ" и проч.

Ясно-ли теперь, что́ такое разумѣетъ почтенная газета подъ водвореніемъ „экономической свободы"? Такъ какъ мы должны по необходимости предположить, что она „желаетъ смотрѣть на дѣло трезвыми глазами", то и касательно ея умозаключеній тутъ никакое сомнѣніе невозможно. Въ самомъ дѣлѣ, кто-же—имѣющій въ головѣ хоть каплю логическаго смысла—усомнится въ точномъ значеніи всѣхъ выписанныхъ силлогизмовъ? Какъ ихъ ни перебирайте между собой, въ какія взаимныя сочетанія ни ставьте— смыслъ будетъ постоянно выходить одинъ и тотъ же. „Для того, чтобы видѣть улучшеніе быта крестьянъ и оживленіе сельскаго хо-

зяйства, должно — по мнѣнію редакціи — допустить въ полной силѣ необходимыя условія свободнаго труда. Опасность остаться на улицѣ — во́тъ, по ея мнѣнію, необходимое условіе свободнаго труда. Для оживленія хозяйства и улучшенія быта крестьянъ, *слѣдовательно*, необходимо — по ея мнѣнію — въ полной силѣ подвергнуть крестьянина опасности остаться на улицѣ". Или „опасность остаться на улицѣ — вотъ необходимое условіе свободнаго труда. Допустите только отчуждаемость крестьянскихъ усадьбъ и участковъ (т. е. уничтожьте общину) — и тогда необходимое условіе свободнаго труда будетъ сполна дѣйствовать на крестьянъ. *Слѣдовательно:* допустите только отчуждаемость крестьянскихъ усадьбъ и участковъ (т. е. уничтожьте общину) и крестьяне сполна подвергнутся опасности остаться на улицѣ". Или наконецъ: „Пока не допущена отчуждаемость крестьянскихъ усадьбъ и участковъ (т. е. пока сельская община сохраняется), до тѣхъ поръ опасность остаться на улицѣ дѣйствуетъ на крестьянъ не въ полной силѣ. А для того, чтобы видѣть оживленіе сельскаго хозяйства и улучшеніе крестьянскаго быта, необходимо предоставить этой опасности сполна дѣйствовать на крестьянъ. Необходимо, *слѣдовательно*, допустить отчуждаемость крестьянскихъ усадьбъ и участковъ (т. е. сельскую общину уничтожить) для того собственно, чтобы въ полной силѣ подвергнуть крестьянина опасности остаться на улицѣ". Какъ ни поворачивайте, повторяемъ, этихъ ясныхъ силлогизмовъ, смыслъ постоянно будетъ одинъ и тотъ-же. И не то забавно, что все это выдается за какую-то глубокую мудрость; а забавно здѣсь то, что мудрецы, какъ дѣти, еще пожимаютъ плечами и значительно приговариваютъ для идилликовъ, не утратившихъ вѣру въ человѣчество, что увы! таково оно, это дѣло въ семъ мірѣ, кто смотритъ на него „трезвыми" глазами.

Всякій теперь, безъ сомнѣнія, самъ видитъ, что Московскія Вѣдомости — и никто кромѣ ихъ — употребляютъ терминъ „водвореніе экономической свободы" не иначе, какъ въ смыслѣ обезземеленія крестьянъ. Всякому очевидно, что Московкія Вѣдомости — и никто другой, какъ онѣ — мотивируютъ необходимость уничтоженія сельской общины — необходимостью имѣть бездомныхъ, безземельныхъ батраковъ въ государствѣ.

„Но позвольте, вмѣшивается въ этотъ споръ нѣкто г-нъ Григорій Наличный (см. „Московскія Вѣдомости", № 59-й и „Совр. Лѣт." № 14, — 1865 г.), позвольте: развѣ допущеніе отчуждаемости

крестьянскихъ усадьбъ и участковъ и отмѣна общины — одно и то же? Желая „водворить экономическую свободу“, мы хлопочемъ, правда, объ отчуждаемости крестьянскихъ усадьбъ и участковъ; но мы ничуть не высказываемъ желанія отмѣнять общину, а тѣмъ болѣе отмѣнять ее какимъ-нибудь принудительнымъ способомъ“. Дверь, по необходимости, или отворена или затворена,— отвѣчаемъ г. Григорію Наличному. Средняго положенія тутъ нѣтъ, и быть не можетъ.

Что такое „сельская община“ и что такое „отчуждаемость крестьянскихъ усадьбъ и участковъ?“ Это два такихъ понятія, которыя другъ друга взаимно исключаютъ. Міръ, село — вотъ коллективный собственникъ крестьянской земли, и, кромѣ его, никому изъ общинниковъ земля не принадлежитъ порознь въ полную собственность. Ни крестьянинъ крайняго двора, ни крестьянинъ перваго двора — не считаетъ земли, съ которой пользуется урожаемъ, своею. Ему ни разу даже не придетъ въ голову спросить себя: продавать или не продавать ее? Напротивъ того, у него постоянно бродитъ въ мысли, что какъ въ настоящую минуту — онъ, такъ въ прежнее время кто-нибудь другой изъ міра, изъ его предковъ въ общинѣ, по праву пользовался этой землею; точно также и въ будущее время, спустя много лѣтъ, когда самъ онъ выбудетъ изъ міра, новый членъ его общины—станетъ опять по праву пользоваться ею. При сельской общинѣ, при мірскомъ владѣніи землею, самого спроса „объ отчуждаемости или неотчуждаемости“ не существуетъ; а если въ полной силѣ господствуетъ обычай „неотчуждаемости“, то уже это какъ простое естественное послѣдствіе другаго обычая: самой общины. Допустите теперь „отчуждаемость крестьянскихъ усадьбъ и участковъ“. Что это можетъ значить иное, какъ не то, что вы „сельскую общину“ уничтожили? Уже не село, не міръ является теперь собственникомъ земли, а каждый крестьянинъ въ розницу. Прежде земля составляла коллективную собственность всего села, всего міра; теперь уже земля принадлежитъ въ личную собственность, каждому крестьянину въ розницу. Ясно, кажется, что „допустить отчуждаемость крестьянскихъ усадьбъ и участковъ“ и „уничтожить сельскую общину“—два понятія совершенно тождественныхъ,—два синонима. Допустить „отчуждаемость крестьянскихъ усадьбъ и участковъ“, пока община существуетъ, значитъ предрѣшать, предопредѣлять неизбѣжное уничтоженіе общины; значитъ не только ее надоумливать

занести самой на себя руку, но еще и непремѣнно приговорить ее къ тому. Станетъ-ли съ этимъ спорить г-нъ Григорій Наличный?

Но мы представимъ и еще одно доказательство этому даровитому публицисту Московскихъ Вѣдомостей, — доказательство, ясность котораго уже не допуститъ никакихъ возраженій. Согласимся: проповѣдники „водворенія экономической свободы“, настаивая на необходимости предоставить крестьянамъ отчуждать ихъ поземельные участки, ничуть не хлопочутъ объ отмѣнѣ общины; не хлопочутъ по крайней мѣрѣ о насильственномъ ея уничтоженіи. Но о чемъ-же они тогда хлопочутъ?

По дѣйствующему законодательству, крестьяне-общинники сейчасъ-же имѣютъ возможность передѣлить всю землю въ полную личную собственность,—а съ другой стороны имѣютъ возможность и выходить изъ общины, оставляя свои участки. О чемъ водворители экономической свободы такъ сильно хлопочутъ, допущенія чего они такъ пламенно жаждутъ за крестьянъ — тò, говоримъ, уже и сейчасъ даровано, тò уже и сейчасъ допущено. Сельская община сію-же минуту можетъ раздѣлить свою коллективную собственность между членами, она можетъ сію-же минуту упразднить себя—*если она сама того пожелаетъ.* Что справедливѣе такого ограниченія? Понятію о насильственномъ уничтоженіи сельской общины, мы, по необходимости, ничего не имѣемъ противопоставить сильнѣе, кромѣ понятія о добровольномъ ея уничтоженіи, т. е. объ уничтоженіи ея не иначе, какъ черезъ отобранное на то согласіе отъ самихъ мірянъ, отъ членовъ общины. Законоположеніе 19 февраля именно предоставляетъ это дѣло свободному приговору самихъ мірянъ, самихъ членовъ общины. Довольно согласія двухъ третей сельскаго общества — и сельская община упраздняется, и вся земля подѣлена въ личную собственность между ея членами. Разъ земля будетъ подѣлена въ личную собственность, тогда и „право отчужденія“, конечно, само собой будетъ вызвано, какъ необходимое ея послѣдствіе,— но не ранѣе. Намѣреніе законодательства, слѣдовательно, въ томъ только и могло состоять, чтобы дѣло это — если ему предстоитъ даже неминуемо совершиться—не иначе однако совершилось-бы, какъ по свободному на то соизволенію самихъ общинниковъ. Въ этихъ видахъ, законодательство было-бы вправѣ требовать и полнаго единогласія отъ членовъ сельскаго общества при рѣшеніи вопроса:

быть или не быть общинѣ? допущеніе-же двухтретнаго большинства на этотъ случай — болѣе чѣмъ умѣренно.

И такъ, о чемъ же говорятъ водворители экономической свободы? о какомъ еще новомъ, преднамѣренномъ и предрѣшенномъ „допущеніи отчуждаемости крестьянскихъ участковъ“ они хлопочутъ? Ясно, послѣ всего, что они толкуютъ объ уничтоженіи сельской общины во что-бы то ни стало; объ уничтоженіи ея даже въ томъ случаѣ, когда двѣ трети сельскаго общества на то не согласны, а одинъ крикунъ на сходкѣ согласенъ на это; они хлопочутъ, словомъ сказать, объ уничтоженіи сельской общины, вопреки желанію самой общины.

Кто-то изъ сотрудниковъ Московскихъ Вѣдомостей, замѣтимъ кстати (см. „Московскія Вѣдомости“ № 41, статья Василія Заочнаго), ухитрился видѣть въ стремленіи къ единогласнымъ рѣшеніямъ на сходкахъ — Польское *не позволямъ*. Но въ гуманномъ презрѣніи ко мнѣнію двухтретнаго большинства сельскаго общества неужели заключается идеалъ англійской свободы? Представимъ себѣ только эту картину, которую повидимому защитники „отчуждаемости крестьянскихъ участковъ“ такъ сильно желаютъ вызвать въ нашей сельской жизни. Большинство сельскаго общества, допустимъ, твердо стоитъ на своемъ рѣшеніи: коллективной собственности не дробить. Вдругъ является одинъ голосъ на всей сходкѣ: „хочу отчуждаемости участковъ!“... И общины — какъ не бывало! Конечно, если что̀-нибудь и способно напоминать всѣ прелести Польскаго *не позволямъ*, такъ именно вотъ эта картина.

IV.

Но какъ ни прозрачно выражаетъ редакція Московскихъ Вѣдомостей свою *трезвую* мысль о необходимости полныхъ безсобственниковъ въ государствѣ, о необходимости батраковъ бездомныхъ и безземельныхъ, а въ текучей публицистикѣ, однакожъ, можно указать примѣры, гдѣ та-же мысль выражена еще беззастѣнчивѣе, еще опредѣленнѣе. Г. Гр. Бланкъ, напримѣръ, говоритъ прямо и открыто, что „*идея вольно-наемнаго труда естественно и логично связана съ идеею личной свободы безъ земли. Чѣмъ меньше рабочій классъ надѣленъ землею, тѣмъ свободнѣе и возможнѣе наемъ рабочихъ*“. Нельзя-бы яснѣе формулировать вопроса, насъ занимающаго,— и сколько-же правды, сколько добросовѣстности въ перемежающихся обвиненіяхъ, направленныхъ противъ газеты „День“ за то̀, что

будто она искажаетъ, извращаетъ смыслъ всѣхъ положеній, представленныхъ антагонистами сельской общины. „День“ правда, привелъ нѣкоторыя изъ этихъ показаній къ логически изъ нихъ вытекающему результату; „День“, правда, уличалъ нѣкоторыхъ изъ этихъ антагонистовъ въ желаніи обезземелить народъ, развести у насъ массу бездомныхъ, безземельныхъ работниковъ... Но претендовать за это на газету, значитъ уже требовать, чтобы она отказалась отъ здраваго смысла, отъ способности къ логическимъ умозаключеніямъ... Кто ясно и безоговорочно выражаетъ свое желаніе *затворить дверь*, имѣетъ-ли тотъ право оскорбляться уликою, что онъ не желаетъ видѣть дверь отворенной? Напротивъ того, онъ долженъ быть весьма благодаренъ тому публицисту, который до конца растолковалъ его собственную мысль, его собственное намѣреніе.

Г-нъ Кузминъ (см. Современную Лѣтопись, 1865 г. № 14), повидимому, не согласенъ съ этимъ. Статья его „Деревенскія Замѣтки, II“ служитъ наилучшимъ доказательствомъ тому, какъ часто наши публицисты, настаивая на необходимости затворить дверь, распинаются въ то же время передъ публикой въ желаніи видѣть дверь отворенной. Г-нъ Кузминъ не иначе отзывается объ общинѣ, какъ придавая ей эпитеты „допотопной“, „кабальной“ и т. п. Г-нъ Кузминъ не только не уважаетъ въ нашемъ крестьянинѣ прирожденной его любви къ своему собственному крову, къ собственному своему куску хлѣба, а готовъ еще поставить ему въ вину всѣ эти антипролетарные инстинкты; онъ какъ-бы еще и издѣвается надъ ними. Въ „Днѣ“, напр., было замѣчено, что антипатія Русскаго народа къ бездомному батрачеству, къ проживанію „въ чужихъ теплыхъ избахъ на хозяйскихъ харчахъ“, сказалась между прочимъ въ народной поговоркѣ: „хоть щей горшокъ, да самъ большой!“ Въ „Днѣ“ было еще замѣчено, что крестьянинъ, указывая на свою избушку, подчасъ и весьма не казистую, съ гордостью говоритъ: „и гнилушки,—да свои!“ Г-нъ Кузминъ возмущается этимъ. „Мы утверждаемъ, говоритъ онъ, что пока крестьянинъ будетъ думать, что хоть и развалившаяся хата, да своя, что хоть горшокъ и пустыхъ щей, да не чужихъ... до тѣхъ поръ кабала будетъ висѣть надъ крестьяниномъ“. Г-нъ Кузминъ, наконецъ, самъ о себѣ спѣшитъ заявить, что онъ, наравнѣ съ Московскими Вѣдомостями, совершенно раздѣляетъ мысль о необходимости „водворенія экономической свободы“.

Казалось-бы, чего еще яснѣе? Говоря о „кабалѣ“, о „допотопности“ общиннаго землевладѣнія, настаивая на необходимости предоставить крестьянамъ отчуждать ихъ участки (т. е. это и есть уничтоженіе общины), казалось-бы говоримъ, и г-нъ Кузминъ, по примѣру Московскихъ Вѣдомостей, хлопочетъ не о чемъ иномъ, какъ объ уничтоженіи сельской общины? Нѣтъ. Онъ именно удостовѣряетъ, что ни малѣйшимъ образомъ объ уничтоженіи общины онъ не хлопочетъ. „Если — говоритъ онъ — защитники вѣчной общины, въ передовыхъ статьяхъ Московскихъ Вѣдомостей и въ корреспонденціяхъ, помѣщаемыхъ въ той-же газетѣ, ухитрились открыть намѣреніе разрушить общину, то они могутъ отыскать то-же мнимое намѣреніе и въ нашихъ замѣткахъ, въ предупрежденіе чего мы заявляемъ, что ничего подобнаго у насъ въ мысли нѣтъ и не было“. Прекрасно; согласимся: у г-на Кузмина въ мысли нѣтъ и не было намѣренія разрушить общину; но тогда какое-жъ было намѣреніе у него въ мысли? Кто говоритъ о необходимости „водворенія экономической свободы“ въ смыслѣ Московскихъ Вѣдомостей (а г-нъ Кузминъ самъ о себѣ свидѣтельствуетъ, что въ истолкованіи этого „ученаго“ термина онъ придерживается того-же смысла), тотъ, по необходимости, говоритъ объ уничтоженіи сельской общины; никакъ не иначе. Кто хлопочетъ объ отчуждаемости крестьянскихъ участковъ и крестьянскихъ усадьбъ, тотъ eo ipso хлопочетъ объ уничтоженіи сельской общины. Мы тàкъ думаемъ объ этомъ; но г. Кузминъ, кажется, иначе объ этомъ думаетъ. Кажется, онъ вовсе объ этомъ не думаетъ. Жалѣемъ...

V.

Крестьянская поземельная община, скажемъ въ заключеніе, поставлена самимъ дѣйствующимъ законодательствомъ въ необходимость, рано или поздно уничтожиться. Не мѣсто здѣсь рѣшать вопросъ: точно-ли, какъ говорятъ одни, сельская община составляетъ исконное обѣтованіе Славянскаго племени вообще, а нашихъ крестьянъ въ особенности, — или, напротивъ, какъ говорятъ другіе — сами крестьяне искали искони вѣковъ средства отъ нея освободиться? Но тò не подлежитъ сомнѣнію, что само дѣйствующее законодательство направляетъ нынѣшнихъ „временно-обязанныхъ крестьянъ“ къ отмѣнѣ ихъ вѣковой общины... Тò не подлежитъ сомнѣнію, что еслибъ современное законодательство не заключало въ себѣ этихъ условій, препятствующихъ сохраненію общины,

такъ не было-бы никакихъ причинъ и сомнѣваться въ ея долгомъ, если не вѣчномъ сохраненіи у народа. Скажемъ кратко, въ чемъ тутъ дѣло?

Крестьянинъ, владѣя при крѣпостномъ правѣ землею и отбывая помѣщику повинности всякаго рода, никакъ съ своей стороны не считалъ всѣхъ повинностей расплатой за то обладаніе землею. Владѣніе землею представлялось ему фактомъ внѣ всякаго спора, внѣ всякаго вопроса; это прежде всего. Считая свои повинности помѣщику только за естественную принадлежность своего крестьянскаго званія (какова напр. служилая повинность въ званіи дворянскомъ), крестьянинъ, говоримъ, никогда не думалъ считать землю, на которой сидѣлъ, вознагражденіемъ со стороны помѣщика за тѣ повинности; въ его представленіяхъ эта земля едва-ли даже была предметомъ чьей-нибудь абсолютной собственности; мы, наконецъ, будемъ весьма близки къ истинѣ, если скажемъ, что эта земля представлялась всегда крестьянину „государевой землею". Законоположеніе 19-го февраля, узаконивъ за крестьяниномъ часть посельной земли, внесла еще и взглядъ, что повинности крестьянъ помѣщику не иное что̀ составляютъ, какъ возмездіе за ту землю; наконецъ положеніемъ о выкупѣ, оно прямо направило крестьянъ глядѣть на землю, какъ на предметъ ихъ личной собственности, наравнѣ со всякимъ другимъ движимымъ и недвижимымъ имуществомъ. Легче всего это будетъ видно на примѣрѣ.

Крестьяне извѣстной деревни, допустимъ, пользуются по уставной грамотѣ извѣстнымъ надѣломъ и ежегодно выплачиваютъ оброкъ помѣщику. Правда, они разверстываютъ сумму оброка между собою пропорціонально тому количеству земли, которое приходится на долю каждаго. Но такъ какъ, при платежѣ оброка, не предвносится еще въ понятіяхъ крестьянъ никакой мысли объ обѣленіи этой земли срочными уплатами помѣщику, то и при разверсткѣ оброчныхъ платежей и самой земли между всѣми членами общества — пока не происходитъ никакого замѣшательства. Изъ нихъ всякій знаетъ, что если онъ заплатилъ оброка втрое болѣе противъ сосѣда, за то онъ пользовался и землей противъ него тройнымъ количествомъ; всякій знаетъ и то еще, что слѣдующій годъ, или черезъ три года, уже онъ, можетъ быть, заплатитъ вдвое-втрое меньше противъ своего сосѣда, потому что сосѣду понадобится тогда земли вдвое-втрое болѣе противъ него. Но дѣло совершенно измѣняется, едва крестьяне приступаютъ къ такъ назы-

ваемому выкупу, а особливо „къ выкупу съ дополнительнымъ платежемъ".

Теперь, внося, вмѣсто оброковъ, выкупные платежи, крестьянинъ хорошо понимаетъ, что онъ съ каждой срочной уплатой уже обѣляетъ землю, погашаетъ долгъ за нее. Если онъ уплачивалъ за четыре десятины, а сосѣдъ только за одну — съ какой-же стати ему терять свое? При платежѣ оброковъ онъ ничего не терялъ; онъ просто платилъ за то количество земли, которымъ онъ пользовался: сегодня могъ онъ пользоваться бо̀льшимъ количествомъ земли, завтра, — сосѣдъ его. Но при уплатѣ выкупныхъ платежей, т. е. при постепенномъ погашеніи долга за землю, при постоянномъ ея обѣленіи — дѣло, повторяемъ, выходитъ совсѣмъ другое. Уплачивая теперь за четыре десятины, крестьянинъ невольно задается вопросомъ: будетъ-ли онъ, платившій за четыре десятины, и собственникомъ этихъ четырехъ десятинъ, *когда земля совсѣмъ окупится?* не будетъ-ли, напротивъ того, собственникомъ этихъ четырехъ десятинъ кто-нибудь изъ потомковъ его сосѣда, который уплачивалъ все время лишь за одну десятину?... И вотъ замѣшательство, и вотъ естественное, неизбѣжное условіе крестьянамъ: едва такъ-называемая выкупная операція совершилась, хочешь не хочешь а дѣлить всю землю подворно... Количество душъ, въ которомъ выкупная операція застаетъ каждаго домохозяина, волей-неволей берется теперь нормой для разверстки земли между всѣми членами общины, а равно и для взноса выкупныхъ платежей. Сколько-бы лѣтъ ни платили домохозяева, они теперь ежегодно будутъ платить каждый все одну и ту-жу долю на свой пай: убудетъ-ли, прибудетъ-ли у нихъ душъ за это время. Всякій черезъ это обезпеченъ въ томъ, по крайней мѣрѣ, что со временемъ, когда земля сполна окупится, всякій дворъ будетъ безвозмездно пользоваться тѣмъ количествомъ земли, которое въ теченіи долгихъ лѣтъ онъ обѣлялъ мало-по-малу: никто не былъ плательщикомъ за сосѣда, а всякій самъ за себя.

Но если это такъ при простомъ выкупѣ; то при выкупѣ съ дополнительнымъ платежемъ — дѣло представляется еще рѣзче; тогда представляется еще болѣе необходимости волей-неволей раздѣлить мірскую коллективную собственность на подворные участки. Сорокадевятилѣтній промежутокъ слишкомъ продолжителенъ для того, чтобъ крестьянинъ могъ заранѣе представлять себѣ уже всю землю обѣлен-

нюю и на этомъ основанiи заранѣе-же ревновать свой участокъ къ участку своего сосѣда. При простомъ выкупѣ еще весьма возможно, что крестьяне сдѣлаютъ между собой договоръ, напримѣръ, слѣдующаго рода: „всю землю будемъ дѣлить по количеству душъ поровну и станемъ ежегодно уплачивать выкупные платежи съ каждаго двора по стольку, сколько приходится за нимъ паевъ земли, какъ-бы мы это дѣлали при простомъ наймѣ. По истеченiи же 49 лѣтъ, т. е. когда вся земля сполна окупится и намъ можно будетъ пользоваться ею даромъ, какъ своею собственною,— тогда всѣ старые счеты минуя, всю землю передѣлить вновь промежь себя по мiрскому приговору". Въ этомъ случаѣ, какъ видитъ читатель, не смотря на то, что идея выкупа уже съ самаго начала предвноситъ идею *собственности личной* и, такимъ образомъ, для сохраненiя сельской общины неблагопрiятна, въ этомъ случаѣ — говоримъ — крестьяне однакожъ все-таки могли-бы еще сохранить сельскую общину неприкосновенной. Тò, что мы выразили тутъ въ формѣ предполагаемаго договора, въ дѣйствительности встрѣчаемъ у крестьянъ, — и мы могли-бы указать живые примѣры тому, какъ, въ подобныхъ обстоятельствахъ, инстиктивныя ихъ стремленiя сохранить общину — принимаютъ исходъ именно такого рода. Но дѣло заключается въ томъ, что при „выкупѣ съ дополнительнымъ платежемъ" и этого исхода — для крестьянъ не становится; при „выкупѣ съ дополнительнымъ платежемъ" они вынуждены волей-неволей раздѣлить разъ навсегда землю между домохозяевами, и, такимъ образомъ, сельская община пропадаетъ. Понятно почему такъ.

Если казна разсрочиваетъ крестьянамъ уплату процентовъ съ погашенiемъ капитала на сорокъ на девять лѣтъ, то помѣщикъ, понятно, не можетъ разсрочить крестьянамъ взносъ ихъ такъ-называемаго добавочнаго платежа (т. е. пятая доля всей выкупной суммы) на срокъ столь продолжительный. Много если эта разсрочка разложится на 5, на 6 лѣтъ; большею частью, напротивъ того, крестьянамъ предстоитъ внести эту пятую долю всей выкупной суммы, въ теченiи двухъ лѣтъ или трехъ лѣтъ; иногда-же они вносятъ ее и единовременно въ первый годъ. Тысячу рублей на пять тысячъ или десять тысячъ рублей на пятьдесятъ тысячъ всей выкупной суммы приходится, такимъ образомъ, крестьянамъ внести единовременно или въ ближнiе годы... Какъ они будутъ разверстывать между собою внесенiе разомъ такого капитала? Понятно, съ каждаго

двора по числу душъ за данный моментъ; а слѣдовательно и количество выкупаемой земли, въ этотъ данный моментъ, хочешь не хочешь, должно быть разверстано по тому-же числу душъ — между всѣми домохозяевами. Если домохозяинъ перваго двора внесъ единовременно изъ выкупнаго добавочнаго платежа за десять душъ на свою долю, примѣрно 300 рублей серебромъ, — а сосѣдъ его внесъ только за одну душу, т. е. 30 рублей серебромъ, то для сохраненія справедливости и поземельный участокъ разъ навсегда долженъ быть опредѣленъ первому двору вдесятеро бо́льшій противъ двора сосѣдскаго.

Вотъ единственная причина (коренящаяся въ самомъ законодательствѣ 19-го февраля, а потому неотразимо дѣйствующая на крестьянъ), которая заставляетъ ихъ, повидимому, самихъ искать уничтоженія сельской общины; то-есть, когда выкупъ совершится, заставляетъ постоянно входить съ прошеніями къ мировымъ посредникамъ и въ губернскія присутствія — о передѣлѣ мірской земли разъ навсегда между дворами; отсюда недалеко уже и до „отчуждаемости крестьянскихъ усадьбъ и участковъ". Указываемъ на это обстоятельство именно въ разъясненіе антагонистамъ сельской общины. Помнится, они не разъ ссылались на этотъ фактъ, сами не понимая его значенія. Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" № 61, гдѣ передается (впрочемъ, въ весьма плохой стенографіи) бесѣда Общ. С. Х. по вопросу объ общинномъ землевладѣніи, редакція дѣлаетъ отъ себя замѣтку въ этомъ смыслѣ. Въ подтвержденіе словъ одного изъ говорившихъ ораторовъ, что *„въ Тульской губерніи многіе крестьяне тѣхъ имѣній, гдѣ сдѣланъ выкупъ, обратились въ губернское присутствіе съ просьбой о передѣлѣ земли на подворные участки"*, и въ опроверженіе другаго оратора, сказавшаго, что *„такъ какъ объ отказахъ отъ общиннаго владѣнія со стороны крестьянъ не слышно, то защитники общиннаго владѣнія видятъ въ этомъ подтвержденіе своихъ воззрѣній"*, редакція дѣлаетъ въ выноскѣ слѣдующее замѣчаніе: „Это не совсѣмъ точно. Во многихъ губерніяхъ (и кромѣ Тульской, о которой упоминается въ словахъ кн. Оболенскаго) крестьяне уже ходатайствуютъ объ отмѣнѣ общиннаго владѣнія".

Ходатайствуютъ, скажемъ и мы, ходатайствуютъ! во многихъ губерніяхъ и вездѣ, гдѣ вносятся крестьянами-собственниками „выкупные платежи", ходатайствуютъ они о раздѣлѣ земли на подворные участки! Но нельзя и не ходатайствовать.

Кажется, мы ясно показали, что при совершеніи выкупной операціи—такъ какъ она дана въ дѣйствующихъ положеніяхъ—нѣтъ никакой возможности крестьянамъ не ходатайствовать объ этомъ. Фактъ состоитъ именно въ томъ, что при дѣйствующемъ положеніи о выкупѣ, крестьянамъ—еслибъ они даже всѣми силами души хотѣли сохранить общинное владѣніе—сдѣлать этого не предвидится *почти* никакой возможности. Но поспѣшно выводить отсюда, что сами крестьяне-же и хлопочутъ всѣми силами души „объ отмѣнѣ общиннаго владѣнія"—значило-бы выводить изъ факта заключеніе именно на выворотъ тому, которое естественно изъ него вытекаетъ.

VI.

Заключеніе отсюда ясное и прямое..

Если положеніе о выкупѣ дѣйствительно привноситъ въ умы крестьянъ чуждое и смутное понятіе о правѣ ихъ личной собственности на землю каждаго порознь, то мы тѣмъ болѣе должны дорожить въ этомъ неудовлетворительномъ законоположеніи цѣлесообразною статьею о необходимости согласія двухтретнаго большинства сельскаго общества для подѣленія крестьянской земли на подворные участки. Допущеніе этой статьи умѣряетъ хоть нѣсколько абсолютность самаго Положенія о выкупѣ. Въ самомъ дѣлѣ, прямо-ли желали дать искони вѣковъ установившемуся воззрѣнію крестьянъ на мірскую землю — перейти со временемъ въ тѣсно-формулированный принципъ собственности личной; не имѣлось-ли только достаточно данныхъ для опредѣленія самого этого своебычнаго, укоренившагося въ крестьянствѣ, воззрѣнія для того, чтобъ ясно формулировать его и въ законѣ,— теперь все равно: допуская не иначе передѣлять общинную землю на подворные участки, какъ съ согласія самой общины—законодательство отдаетъ этотъ вопросъ на свободное разрѣшеніе самой общины, самаго народа, и притомъ какъ-бы откладываетъ рѣшеніе этого вопроса на практикѣ, чтобъ оно по крайней мѣрѣ совершилось не вдругъ.

Не странно-ли, послѣ всего, что наша Русская интеллигенція (по крайней мѣрѣ въ лицѣ Заочныхъ и Григоріевъ Наличныхъ) хоромъ вопіетъ о необходимости разрѣшить этотъ вопросъ сейчасъ же, сію-же минуту, именно вдругъ... и притомъ не иначе, какъ тѣмъ способомъ, который сама она рекомендуетъ? Не вдвойнѣ-ли странно и то, что наша текучая публицистика, въ лицѣ даже луч-

шихъ ея представителей, вторитъ гг-мъ Заочнымъ и Наличнымъ? Она не разработываетъ этого вопроса въ его истинномъ значеніи; она не видитъ поруки за его успѣшное разрѣшеніе въ томъ именно, въ чемъ одномъ пока лишь и позволено ее видѣть: въ неспѣшности, въ медленности, съ которой законодательство предоставило этому дѣлу двигаться въ его дальнѣйшемъ ходѣ. Sapienti sat *).

Передовая статья „Московскихъ Вѣдомостей" № 18 (1865 года).

Съ удовольствіемъ—послѣ цѣлаго ряда блѣдныхъ статей редакціи за послѣднее время — прочли мы premier-Moscou въ нумерѣ 18-мъ—это своего рода chef d'oeuvre публицистики. Какъ шахматная игра въ отвлеченные силлогизмы, эта статья представляетъ примѣръ удивительной ловкости. Когда, однакожъ, ex-cathedra цѣлую придуманную систему хотятъ навязать живому народу, одного шахматнаго мастерства недовольно. Пусть себѣ игра въ силлогизмы и очень блестяща, она все-таки игра и игра тѣмъ не менѣе; самые силлогизмы притомъ могутъ не то, чтобы вытекать одинъ изъ другаго, а — какъ изъ коробки ловкаго фокусника — другъ за другомъ выскакивать.

Что̀ новаго сказали Московскія Вѣдомости въ 18 нумерѣ? Ничего новаго противъ того, что̀ на разные голоса повторяли и прежде. Общинное владѣніе землею у нашихъ крестьянъ давно-бы пора — намъ, редакціи въ угоду — замѣнить собственностью личной! — вотъ что онѣ сказали. Но теперь это возводится въ цѣлое ученіе объ „источникѣ жизни" и о „водвореніи экономической свободы".

Если намъ, профанамъ въ „водвореніи экономической свободы", чѣмъ-нибудь и нравится общинное у насъ начало, — такъ тѣмъ именно, что зародилось оно на Руси само-собою, а не по мекленбургской командѣ; взялося изъ самого быта народнаго — а не изъ кабинетныхъ измышленій. Кажется, уваженіе къ жизни самой, довѣріе ко всему тому, что въ ней органически выросло и

*) Въ наши дни, послѣ двадцати лѣтъ, когда была писана эта статья, происходятъ уже крупныя замѣшательства въ крестьянствѣ по этому поводу. Еще яснѣе и подробнѣе изложено объ этомъ въ статьѣ, помѣщенной далѣе подъ заглавіемъ: *раскрѣпощенное крестьянство.* Примѣч. изд.

сложилось... все это такія темы, которыхъ сама редакція „Русскаго Вѣстника“ — у всѣхъ на свѣжей памяти — не спѣсивилась и не дичилась. Тѣмъ не менѣе, едва зашла рѣчь о такъ-называемыхъ „землевладѣльческихъ интересахъ“, — редакція видимо сбивается съ пути и сыплетъ въ своей блестящей статьѣ выводами и умозаключеніями прямо на выворотъ логикѣ и своимъ собственнымъ даннымъ.

Вотъ какими данными располагаетъ редакція, — вотъ тѣ положенія, на которыя сама она ссылается въ своемъ разсужденіи: доведенъ до свѣдѣнія редакціи тотъ фактъ, что переводъ съ барщины на оброкъ, который съ начала шелъ очень бойко, теперь почти совсѣмъ остановился. Мы пишемъ, не переходъ, а переводъ—и въ этомъ случаѣ только помогаемъ редакціи точнѣе выражаться. Такъ какъ она тутъ-же поясняетъ, что „въ этомъ ужъ никакъ нельзя видѣть признаковъ отсталости, а надобно видѣть важное указаніе и проч.“, то ясно, какъ день: не крестьянъ къ похвалѣ здѣсь клонятся рѣчи: именно сами помѣщики, значитъ, воздерживаются теперь — вездѣ, гдѣ еще барщина уцѣлѣла — переводить крестьянъ на оброкъ. Примемъ-же къ свѣдѣнію: „переводъ съ барщины на оброкъ, который сначала шелъ очень бойко, теперь почти совсѣмъ остановился“, это первое. Въ остальномъ, вотъ на что̀ обращаетъ вниманіе редакція: „обращаемъ вниманіе читателей, на помѣщаемое ниже письмо г-на Демидова, а также на замѣтку г-на Кузмина, помѣщенную въ послѣдне-вышедшемъ нумерѣ Воскресныхъ Прибавленій къ нашей газетѣ. Тутъ указывается коренная причина нашихъ неуспѣховъ въ сельскомъ хозяйствѣ,— причина, которую практическіе сельскіе хозяева начинаютъ все болѣе и болѣе сознавать“. Мы только сію минуту прочитали замѣчательную статью г-на Демидова, обратили въ свое время должное вниманіе и на замѣчательную-же статью г-на Кузмина. Но знаетъ-ли ученая редакція, чѣмъ обѣ эти статьи дѣйствительно замѣчательны? Да именно тѣмъ, что какъ изъ первой, такъ и изъ второй статьи выводится совсѣмъ не та коренная причина, которую сами Московскія Вѣдомости выводятъ изъ собственныхъ мекленбургскихъ умозрѣній.

Сказать кратко, вотъ какія убѣжденія высказываютъ и г. Кузминъ и г. Демидовъ въ своихъ замѣткахъ: „нѣтъ! говорятъ они, насъ больше не обманете! не отъ недостатка научныхъ знаній, даже не отъ недостатка капиталовъ на улучшеніе, машинъ, удоб-

ренія полей и т. п. приходится намъ, помѣщикамъ, отказаться теперь отъ прежняго хлѣбосѣянія,— а по болѣе простымъ причинамъ. Причина въ томъ, что хлѣба въ Россіи родится и безъ машинъ такъ много и такова у насъ его дешевизна, что даже нѣтъ и надобности затрачивать намъ свои капиталы на усиленное удобренье или на машины... не окупится. Одного того хлѣба, который снимается крестьянами съ ихъ надѣловъ („кромѣ того, природа надѣлила Россію широкою полосой чернозема, единственною на земномъ шарѣ", подсказываетъ въ передовой статьѣ сама редакція) и снимаемаго ими-жъ съ нанятыхъ полей, одного этого хлѣба уже съ избыткомъ довольно для того, чтобъ цѣна на хлѣбъ стояла на всѣхъ нынѣшнихъ рынкахъ столь низкая, что помѣщикамъ тутъ не изъ-чего и биться".

Все это мысли очень дѣльныя. Съ какой-же стати, мы помѣщики будемъ заводить въ каждомъ своемъ помѣстьи—то, громадныхъ трудовъ и капиталовъ стоющее хозяйство, которое въ своемъ краю, никакъ не изъ удовольствія, а изъ самой горькой необходимости устроиваетъ и „американскій колонистъ и англійскій фермеръ"? (американскій впрочемъ не всегда и устроиваетъ: развѣ не извѣстно редакціи, что мѣстами въ Америкѣ существуетъ и трехпольная система и залежная!) И такъ краснорѣчивое явленіе, что наши, на англійскій манеръ устроиваемыя русскія хозяйства, барышей помѣщикамъ не приносятъ, усилій ихъ не окупаютъ... только тò и значитъ, между прочимъ, что хлѣбъ у насъ и безъ подобныхъ образцовыхъ фермъ родится въ излишествѣ. Но изъ чего-жъ тутъ приходить въ отчаяніе? Упадокъ у насъ англійскихъ фермъ — при нашемъ, такъ-сказать, хлѣбномъ всеобиліи — еще вовсе не значитъ упадокъ хозяйства вообще.

Одинаково можно радоваться и другому подобному явленію, на которое также указываютъ въ своихъ статьяхъ и г-нъ Кузминъ и г-нъ Демидовъ. Въ краткихъ словахъ его можно передать слѣдующимъ образомъ: „работниковъ хорошихъ у насъ трудно достать — говорятъ они — уже потому одному, что дѣльныхъ хорошихъ парней самъ крестьянинъ въ работу на сторону отпускать не любитъ и самъ дорожитъ ими въ своемъ собственномъ обиходѣ; значитъ слоняется, большею частью, по нашимъ полевымъ заработкамъ только одно отребье. Притомъ, такъ какъ нашъ крестьянинъ уже своимъ собственнымъ надѣломъ достаточно обезпеченъ — а за дешевизной у насъ хлѣба, помѣщикамъ работнику

дорого платить не изъ-чего, то, понятное дѣло, нашъ крестьянинъ на заработки у помѣщика въ полѣ ничуть и не льстится и намъ притянуть его къ нашей полевой работѣ не становится никакой возможности". Опять мысль чрезвычайно дѣльная, въ которой намъ, помѣщикамъ, точно также давно-бъ ужъ пора спохватиться! Но, опять и опять, подаетъ-ли все это хотя-бы малѣйшій поводъ къ тому лихорадочному припадку, которымъ разразились Московскія Вѣдомости въ 18 №? Слава Богу, что Русскій крестьянинъ не мретъ съ голоду; слава Богу, что онъ не вынужденъ съ утра до ночи колотиться, какъ западный пролетарій, въ какомъ-то скотскомъ трудѣ, а иначе: ложись и умирай. У насъ нѣтъ этого; дай-же Богъ, чтобы и впередъ не было.

Вопросъ: что̀-же, однако, остается дѣлать намъ, помѣщикамъ, въ подобныхъ обстоятельствахъ, съ нашей собственною землею, оставшейся за надѣломъ? вопросъ этотъ, мы не отрицаемъ, тѣмъ не менѣе важенъ. Онъ только тогда даже и получаетъ свою наибо̀льшую важность, хотимъ мы сказать, когда именно здраво и честно проникнешься убѣжденіемъ въ томъ, что это не только ни съ чьей стороны не было грѣхомъ — дать Русскому крестьянину возможность не слоняться голодной собакой по свѣту, а напротивъ того: со стороны всѣхъ это было положительно прекраснымъ дѣломъ. Что̀-бы, впрочемъ, ни оставалось дѣлать намъ съ землею, ясно однакожъ, что никакъ не то, къ чему приходятъ сами Московскія Вѣдомости, говоря о государственныхъ крестьянахъ — чтобъ хоть ихъ скорѣй принудить слоняться: „Выкупъ и съ этой точки зрѣнія оказывается нисколько не желательнымъ". Остается дѣлать также и не то, къ чему, по ихъ-же увѣренію, пришли будто-бы многіе помѣщики, т. е. къ задерживанію перехода съ барщины на оброкъ, который „сначала шелъ очень бойко, теперь почти совсѣмъ остановился и въ этомъ никакъ ужъ нельзя видѣть признаковъ отсталости, а надобно видѣть важное указаніе на существенную потребность, ожидающую удовлетворенія".

Потребность эта, по увѣренію Московскихъ Вѣдомостей, состоитъ въ томъ, чтобы скорѣй и сейчасъ-же въ крестьянскомъ быту наплодить, какъ можно болѣе, неимущихъ работниковъ; если не уничтожить, то значительно сократить число хозяевъ, чтобы почти всякій изъ крестьянъ не хозяиномъ проживалъ въ своей собственной избѣ, а нанимался батракомъ въ „чужія теплыя и

сухія избы", чтобъ онъ дорожилъ спросомъ на трудъ, какъ уже лучшимъ своимъ на землѣ благополучіемъ! Только обратитесь, говоритъ почтенная редакція, „къ самому источнику жизни", такъ какъ я его понимаю; только осуществите мною рекомендуемое „водвореніе экономической свободы", т. е. общинное начало разрушьте — и дѣло въ шляпѣ.

Есть-же изъ чего биться-хлопотать, разрушать всѣми неправдами „общинное начало!" Разведется тогда, видите-ли, многое множество всякихъ неимущихъ батраковъ, готовыхъ за какую хотите плату наниматься въ работу, а огромное число собственниковъ-хозяевъ изведется. И все это говорится не только не покраснѣвъ въ лицѣ или не поморщась, а еще съ аристократическимъ блескомъ во взорѣ! И все это опять для того единственно, чтобы непремѣнно у насъ дать ходъ англоманіи, что-бъ во что-бы то ни стало, она процвѣтала!

Англійскій фермеръ въ своемъ краю, повторяемъ, отнюдь не изъ удовольствія, а по горькой необходимости прибѣгаетъ въ своемъ хлѣбосѣяніи къ неимовѣрнымъ пожертвованіямъ труда и капитала,— и въ Англіи все-таки хлѣба мало. У насъ даже и тѣни нѣтъ тѣхъ громадныхъ пожертвованій, а хлѣба производится вдоволь: онъ только-что не пропадаетъ въ закромахъ! Понятно при этомъ,— и иначе быть не можетъ, и даже иначе быть не слѣдуетъ,— что хозяйства тѣхъ помѣщиковъ, которые устроивались по образцу англійскихъ фермъ — не окупятъ издержекъ даже на работниковъ. Это-ли однакожъ за досаду почтенной редакціи? Пусть это не въ порядкѣ ея образа мыслей; но можно-ли не радоваться тому, что даже безъ тѣни тѣхъ хлопотъ и пожертвованій, а много дешевле и проще, „нашъ Русскій хлѣбъ у насъ родится?"

„Повсюду, говорятъ Московскія Вѣдомости, гдѣ отмѣнялись обязательныя отношенія, сельское хозяйство сейчасъ-же улучшалось. У насъ мы этого не видимъ (?). Напротивъ, вольнонаемный трудъ почти нигдѣ въ Россіи не приноситъ барышей, а во многихъ мѣстахъ даже не окупается". Не были-ли мы правы, сказавъ, что силлогизмы подчасъ могутъ не то, чтобы вытекать одинъ изъ другаго, а только другъ за другомъ выскакивать? Спрашивается, какъ здѣсь объяснить это, неподражаемое по своей смѣлости: напротивъ? и краснорѣчивое обстоятельство, что вольнонаемный трудъ не окупается, значитъ-ли съ какой-нибудь стати ухудшеніе хозяйства? Добросовѣстно-ли не называть вещь ея име-

немъ, а придавать ей всуе такое имя, которое невольно смущаетъ? добросовѣстно-ли неудающуюся у насъ англоманію (о хозяйствѣ крестьянъ тутъ нѣтъ и рѣчи) добросовѣстно-ли, говоримъ, неудающіяся у насъ попытки англоманіи называть вдругъ, чѣмъ-же? упадкомъ сельскаго хозяйства! Вотъ если-бы (какъ наканунѣ эмансипаціи кто-то угрожалъ этимъ) цѣны на хлѣбъ по всей Россіи удесятерились,— если съ отмѣной обязательныхъ отношеній цѣна на хлѣбъ вдругъ поднялась-бы въ такой ужасающей прогрессіи; что сколько-бы ни затрачивали англоманы трудовъ и капитала на свои образцовыя фермы, какой они дорогой цѣной ни привлекали-бы работниковъ къ своему полевому хозяйству — и праздныя ихъ фантазіи все-таки окупались-бы съ лихвою,— вотъ тогда было-бы, дѣйствительно, у мѣста это „напротивъ", и лишь этотъ единственный случай, такъ призываемый теперь Московскими Вѣдомостями, означалъ-бы не мечтательное ухудшенье. Это, какъ день, ясно. Удесятиреніемъ цѣнъ на хлѣбъ, повторяемъ, и грозили наканунѣ эмансипаціи всѣ ея противники. А нынѣшнее хлѣбное всеобиліе они-же зовутъ теперь вдругъ чѣмъ-же?... Упадкомъ хозяйства! его повальнымъ ухудшеніемъ!!...

Путемъ неудачи своего собственнаго сравненія Россіи съ Америкой, неудачи такъ еще усугубленной именно оговоркой, что „природа надѣлила Россію широкою полосой чернозема, единственною на земномъ шарѣ", вотъ-вотъ, думается, Московскія Вѣдомости сами наконецъ выдутъ на прямую дорогу и спохватятся объ настоящей коренной причинѣ неуспѣховъ у насъ англоманіи... Не тутъ-то было! здѣсь-то именно и поворачиваютъ они круто къ своему „источнику жизни".

„Главнымъ — говорятъ они — препятствіемъ къ водворенію экономической свободы (мы уже знаемъ, какъ понимать этотъ условный терминъ въ устахъ редакціи!) служатъ опасенія пролетаріата,— опасенія, занесенныя къ намъ съ запада Европы". Однако не съ больной-ли ужъ это головы на здоровую? Опасенье пролетаріата есть, и искони вѣковъ было, у Русскихъ въ крови: хоть щей горшокъ, да самъ большой! сложилъ Русскій человѣкъ пословицу,— и гнилушки — да свои! говоритъ нашъ крестьянинъ, указывая на свою избушку, подчасъ и въ самомъ дѣлѣ неказистую; это отвращеніе отъ пролетаріатства внѣдрено въ насъ всѣмъ нашимъ бытомъ, всею Русской исторіей... А вотъ не то-ли узкое пониманіе „экономической свободы", которымъ хо-

тятъ блеснуть Московскія Вѣдомости передъ профанами, не то-ли гуманное желаніе: обзавести насъ этимъ добромъ, пролетаріатомъ, проживающимъ въ „чужихъ теплыхъ избахъ"... вотъ, говоримъ, полно не это-ли занесено къ намъ съ запада Европы? утаить шило въ мѣшкѣ даже и Московскимъ Вѣдомостямъ не ухитриться! Кто болѣе не имѣетъ ни угла, ни собственности, тотъ рѣшительно пролетарій; никакъ не иначе. Если общинное начало будетъ у насъ, по волѣ Московскихъ Вѣдомостей, разрушено, а пролетаріатомъ мы все-таки не обзаведемся — тогда о чемъ-же и хлопочутъ Московскія Вѣдомости? вѣдь наши хозяйственныя строенія, эти „сухія и теплыя избы", по которымъ они такъ умиляются—опять останутся безъ пришлаго неимущаго люда, правильнѣй говоря: усадьбы нашихъ англомановъ—опять безъ рукъ!! Но такъ какъ Московскія Вѣдомости полагаютъ—и полагаютъ не безъ основанія — увидѣть въ крестьянахъ, послѣ бурь, сокрушившихъ ихъ общину, дѣйствительныхъ пролетаріевъ, т. е. полныхъ безсобственниковъ и работниковъ неимущихъ,— такъ какъ, безъ сомнѣнія, лишь на этомъ единственномъ основаніи они и провидятъ уже „сухія и теплыя избы" владѣльцевъ биткомъ набитыми всякимъ пришлымъ людомъ, благоденствующимъ „на сытныхъ, хозяйскихъ харчахъ"... то мы и вправѣ замѣтить имъ, что мѣшокъ у нихъ все-таки прорвался, и блеснуло шило.

Выскакиваніе неожиданныхъ силлогизмовъ, этотъ вылетъ внезапныхъ сюрпризовъ изъ коробочки съ фокусами, не прекращается до конца въ premier Moscou 18-го нумера.— Мы, напримѣръ, всѣ помѣщики, видимъ сплошь да рядомъ, что общинное владѣніе ничуть не мѣшаетъ разбогатѣвшему крестьянину купить гдѣнибудь къ своему углу, или даже на сторонѣ, собственность болѣе крупную, чѣмъ та, которая ему съ самаго начала, какъ point de départ и про всякъ черный день, предоставлена въ его душевомъ участкѣ; оказывается, что не только мѣшаетъ, отнимаетъ всякую къ тому возможность! Оказывается еще, что самое кочеванье изъ одного сословія въ другое — при всемъ томъ, что тутъ же на ряду съ крестьянами помянуты и купцы, какъ ихъ достойные соревнователи въ этомъ дѣлѣ—оказывается, говоримъ, что и оно, это кочеванье, имѣетъ своимъ источникомъ ничто другое, какъ ненавистное для Московскихъ Вѣдомостей общинное начало; объ табели о рангахъ, о сословныхъ привилегіяхъ съ одной стороны,—съ другой, о томъ обстоятельствѣ, что Положеніемъ

19-го февраля къ общинному владѣнію землей купечество не призвано, почтенная редакція повидимому совершенно запамятовала. Оказывается еще, что хотя и „колебаніе денежной единицы“ производитъ подчасъ тѣ-же гибельныя послѣдствія, какъ и общинное начало; однакожъ, во-первыхъ, для „упроченія денежной единицы“, въ рукахъ редакціи имѣется много средствъ и секретовъ, стоитъ лишь къ ней за этимъ обратиться (она проповѣдуетъ фритредерство и сожженіе кредитныхъ бумажекъ), а во-вторыхъ, самое „колебаніе денежной единицы“ менѣе гибельно и болѣе терпимо, чѣмъ во всѣхъ отношеніяхъ ненавистное общинное начало... и мало-ли еще чего оказывается изъ передовой статьи Московскихъ Вѣдомостей, хвалящейся, между прочимъ—чѣмъ-бы вы думали, читатель?—что мнѣнія ихъ раздѣляются тысячьми!!

Повальный успѣхъ, что и говорить, для Московскихъ Вѣдомостей очевидно дороже всего на свѣтѣ. Но къ несчастію, при ихъ спорѣ по поводу общиннаго начала, этотъ могучій аргументъ дѣйствительнаго большинства рушится на ихъ-же голову; да, этотъ великолѣпный аргументъ ихъ тысячей—обращается въ нуль. Не таково-ли, каково отношеніе единицы къ тысячѣ, еще отношеніе самой тысячи къ милліону? и на церковно-славянскомъ языкѣ не милліоны-ли переходятъ уже въ тьмы темъ?.. Большинство, именно такого объема, искони вѣковъ отстаивало у насъ на Руси, въ самой жизни, самымъ дѣломъ свое великое общинное начало во всѣхъ его историческихъ видахъ. Съ этимъ-ли именно большинствомъ угодно редакціи Московскихъ Вѣдомостей помѣриться?

Газета „День“ 1865 г.

Замѣтка для „Московскихъ Вѣдомостей“.

„Что такое неотчуждаемость недвижимой собственности? спрашиваютъ Московскія Вѣдомости въ 28-мъ нумерѣ. Что такое свобода или стѣсненіе свободы“? Ни то, ни другое, отвѣчаемъ ученой редакціи; а прежде всего, это, такъ-называемое, contradictio in adjecto. Тутъ, какъ въ выраженіи кругъ объ четырехъ углахъ, представляется противорѣчіе подлежащаго со сказуемымъ,—а вопросъ о свободѣ или объ ея стѣсненіи рѣшитель-

но ни при чемъ. Изъ того напримѣръ, что редакція имѣетъ право продать „Русскій Вѣстникъ" кому хочетъ, а „Московскихъ Вѣдомостей" никому не имѣетъ права продать — слѣдуетъ-ли сколько-нибудь, что, въ первомъ случаѣ, она чадо истинной свободы, а во второмъ — невинная жертва ея угнетенія? Слѣдуетъ одно: что „Русскій Вѣстникъ" принадлежитъ ей на правахъ личной собственности, а „Московскія Вѣдомости" сданы ей лишь на правахъ аренды — и ничего больше. Кромѣ аренды, жизнь выработала много и другихъ видовъ собственности неполной; если законодательство признаётъ ихъ, а не беретъ на себя ихъ насильственно разрушить — кому отъ того бѣда? Какое-жъ тутъ стѣсненіе?

Редакція „Московскихъ Вѣдомостей", допустимъ, въ качествѣ городскаго жителя, нуждается въ выгонѣ; у города есть свой выгонъ — и онъ имъ ссужаетъ своего сочлена. Городъ, правда, ни этого выгона, ни его сотой доли, ни даже его пядени — не уступитъ редакціи въ собственность; слѣдуетъ-ли изъ того однакожъ, что тѣмъ нанесено слезное огорченіе свободѣ?! Слѣдуетъ только, что собственникомъ выгона здѣсь является лицо коллективное, самъ городъ,—и ничего больше. Того по крайней мѣрѣ, что самое право горожанина на выгонъ здѣсь обернется въ какое-то стѣсненіе для него — не слѣдуетъ уже никоимъ образомъ. Допустимъ однакожъ, что редакція „Московскихъ Вѣдомостей" повела агитацію именно въ этомъ смыслѣ, и повела ее такъ удачно, что прежде четверть города, потомъ треть города, потомъ половина города и, наконецъ, обѣ трети города переходятъ на ея сторону: всякому пришло до своей собственной пядени — и тогда, съ общиннымъ городскимъ выгономъ... что́ сталось?

Что касается поземельнаго у нашихъ крестьянъ владѣнія, то мы хорошо знаемъ, — что̀ съ нимъ станется въ подобныхъ обстоятельствахъ. По смыслу дѣйствующихъ узаконеній, достаточно согласія именно двухъ третей сельскаго общества для того, чтобы ихъ коллективная собственность сейчасъ была раздроблена на участки и перешла-бы въ собственность личную между всѣми крестьянами въ розницу. По смыслу „Положенія", при томъ, у всякаго члена общины, если онъ того пожелаетъ, ничуть не отнята возможность изъ нея выписаться: пусть такой желающій соблюдетъ съ своей стороны извѣстныя формальности — и онъ воленъ идти на всѣ четыре стороны. Общинное владѣніе у нашихъ крестьянъ (хотятъ-ли того, чтобы оно сохранилось, хотятъ-ли того, что-

бы оно разрушилось) не лишено, въ своей теперешней обстановкѣ, многихъ дѣйствительныхъ причинъ и условій, способныхъ направить его скорѣе ко второму, чѣмъ къ первому. Къ чему-жъ придумывать еще какія-то мнимыя и разводить ихъ потоками самодовольнаго фразерства? Объ этихъ немнимыхъ причинахъ, препятствующихъ сохраненію общиннаго землевладѣнія, можно и должно говорить серіозно; но по поводу доктринерства „Московскихъ Вѣдомостей" разсуждать объ нихъ было-бы неумѣстно. Важно то̀, что въ нашемъ крестьянствѣ уже и сейчасъ замѣтно стремленіе уладить эти препятствія, устранить эти причины. Удастся-ли нашему крестьянству это доброе дѣло, сочтетъ-ли оно его наконецъ и само навсегда потеряннымъ, это вопросъ особый; но то́ важно, то́ честно, что разрѣшеніе этой великой задачи, какъ мы выше о томъ сказали, предоставлено самой жизни, отдано на свободное разрѣшеніе никого другаго, какъ самого народа. Есть ли тутъ изъ чего приходить въ отчаяніе?

Потерпѣвъ блистательное fiasco въ своихъ доказательствахъ тому, что главною причиной всѣхъ золъ на свѣтѣ — является общинное землевладѣніе, — ничуть потомъ не оправившись отъ своего промаха нынѣшнимъ софизмомъ о „неотчуждаемости", — ученая редакція, скажемъ въ заключеніе, разразилась скорбною выходкой: и дворянство, и еще кое-кого кромѣ дворянства, кого только не наускиваетъ она теперь противъ „Дня"?

Не знаемъ, существуютъ-ли на самомъ дѣлѣ, какъ это утверждаетъ редакція, какіе-то журналы и газеты, которые нудятъ ее постоянно наускивать; но если ей такъ всегда въ охоту касаться террористической памяти жонда, то какъ она не подумаетъ, наконецъ, хоть вотъ о чемъ: благороднаго негодованія — для такого отвратительно-безнравственнаго явленія, какъ жондъ народовый — уже слишкомъ много, оно за честь ему. Для насъ, по крайней мѣрѣ, онъ просто омерзителенъ; но вѣдь тѣмъ онъ, между прочимъ, и омерзителенъ, что былъ онъ ловокъ наускивать.

Газета „День" 1865 г.

Исключительно для г-на Григорія Наличнаго („Моск. Вѣд." № 59, 1865 г.)

Не надо думать, что противники сельской общины чрезмѣрно озабочены вопросомъ о благосостояніи народа. Говоря о необходимости разрушить сельскую общину, они меньше всего думаютъ о благосостояніи народа. Такъ какъ они даютъ ясно выразумѣть, что съ уничтоженіемъ сельской общины сейчасъ произойдетъ обезземеленіе большей части ея членовъ (явятся милліоны бездомныхъ работниковъ), такъ какъ еще, по ихъ мнѣнію, поземельная мелкая собственность ни въ какомъ случаѣ не простоитъ у насъ долгое время (опять-таки въ руки крупныхъ землевладѣльцевъ, значитъ, перейдетъ большинство крестьянскихъ участковъ)—то и дѣлается само-собою понятно: чѣмъ-же, собственно говоря, могутъ быть заинтересованы противники сельской общины въ ея разрушеніи и что́ у нихъ такое имѣется при этомъ въ виду?—мы не говоримъ всѣ противники, а только нѣкоторые изъ нихъ. Хотя въ соображеніяхъ такого рода обличается, подъ конецъ всего, большая несмысленность; но есть въ нихъ и логика своего рода, пожалуй даже остроуміе.

Однакожъ, такая несмысленность борцовъ противъ сельской общины начинаетъ въ послѣднее время превосходить всякое вѣроятіе и уже грозитъ фундаментальной опасностью перейти въ безсмысленность. Плачевная участь такого перехода постигла статью Григорія Наличнаго: „Не можно вѣкъ носить личинъ", напечатанную въ 59-мъ нумерѣ Московскихъ Вѣдомостей. Очень Григорію Наличному не нравится статья г. Гильфердинга: „О сельской общинѣ". Мысль, что общинное землевладѣніе у нашихъ крестьянъ удержится на долгое время, смѣшивается въ понятіяхъ г. Наличнаго съ „мечтой о медовыхъ рѣкахъ и кисельныхъ берегахъ", а, очевидно, не медовыхъ рѣкъ, ему плача и скрежета зубовъ (бездомныхъ рабочихъ и пролетаріевъ) хотѣлось-бы для человѣчества... О вкусахъ не будемъ спорить, а прямо обратимся къ логикѣ.

Григорій Наличный хвалится, что ему въ статьѣ г. Гильфердинга посчастливилось сдѣлать важную находку; а именно, въ статьѣ „О сельской общинѣ" будто-бы г. Гельфердингъ, ни много, ни мало, „самъ уже нанесъ себѣ смертельный ударъ, подсѣкающій у

самаго корня его любимую теорію“. Худое-ли дѣло! и всякій былъ бы не прочь отъ подобной находки въ статьѣ своего противника; если Григорій Наличный ею хвалится—въ этомъ, пока, нѣтъ ничего удивительнаго. Но вотъ что даже болѣе, чѣмъ удивительно: этотъ „ударъ“, если для кого-нибудь и точно оказывается смертельнымъ, то развѣ для здраваго смысла г. Наличнаго. „А вотъ и примѣръ, говоритъ онъ. Тотъ-же г. Гильфердингъ, такъ возвеличивающій крѣпость и твердость общиннаго устройства... тутъ-же наивно сознается, что если допустить независимость лица отъ общины, то наибольшее число крестьянъ сейчасъ-же продастъ свои поземельные участки“. Хорошъ „примѣръ“ г-на Наличнаго! для путаницы его понятій—дѣйствительно образцовый! Такъ какъ допущеніе внѣшнимъ закономъ независимости лица отъ общины въ отчужденіи участковъ и есть отмѣна общины, то софизмъ—ясенъ. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ „общинное устройство“ повинно въ томъ, что съ его отмѣной внѣшнею властью—крестьяне, пожалуй, какъ мухи на медъ, кинутся распродавать свои участки; какимъ образомъ, самое то обстоятельство, что одно лишь „общинное устройство“ спасаетъ ихъ отъ такого обнищанія—здѣсь общинному-же устройству ставится въ попрекъ и въ покоръ; наконецъ главное: какимъ образомъ, въ томъ и другомъ случаѣ, т. е. что при общинѣ крестьяне отъ такой западни гарантированы, а что съ ея отмѣной они непремѣнно въ такую западню попадутся, какимъ образомъ, говоримъ, въ этихъ двухъ дѣйствительныхъ положеніяхъ г. Гильфердинга ухитрился авторъ статьи „Не можно и пр.“ найти какое-то мнимое противорѣчіе,—все это осталось-бы тайной Григорія Наличнаго. Но тайна эта легко теперь объяснима догадкой, что „ударъ“ г. Гильфердинга для кого-то именно оказался „ударъ смертельный“.

Сельская община, допуская всѣхъ своихъ членовъ до равноправнаго пользованія землею, считаетъ собственникомъ этой земли—лишь себя самоё, лицо коллективное. Слѣдовательно, правительственное допущеніе въ ней отдѣльныхъ участковыхъ собственниковъ — было-бы со стороны законодательства самымъ вопіющимъ вмѣшательствомъ въ народный обычай, совершенно-насильственною отмѣной общиннаго землевладѣнія въ самомъ принципѣ. Слѣдовательно, не свободой это было-бы, а ея злостнымъ нарушеніемъ. Заключеніе отсюда прямое, что назовите это нарушеніе свободы—хоть раемъ самимъ, а сущность дѣла отъ того ничуть не измѣнится.

„И послѣ этого вы говорите, что народъ считаетъ общинное устройство священнымъ своимъ достояніемъ! Нѣтъ! это вы навязываете ему убѣжденія!“... такимъ неожиданнымъ возгласомъ повершаетъ авторъ диковинное заключеніе своего силлогизма. Мы готовы были уже самый этотъ силлогизмъ привѣтствовать за неподражаемый и непостижимый. Но, какъ видитъ теперь самъ читатель, вотъ это: „И послѣ того“, употребленное здѣсь ни къ селу ни къ городу, даетъ еще угадывать, что авторъ бываетъ подчасъ способенъ самого себя превосходить въ непостижимости.

Какъ не сказать, послѣ всего, что отмѣна крѣпостнаго права дѣйствительно намъ даетъ себя чувствовать всюду и во всемъ у насъ отражается! Съ отмѣною крѣпостнаго права вдругъ у насъ появились, какъ извѣстно, совершенно-особаго духа либералы, — явились совершенно-исключительнаго свойства ненавистники бюрократовъ, — являются теперь и борцы противъ сельской общины съ точки зрѣнія совершенно-же исключительной... И все это во имя гуманности и прогресса и непремѣнно въ перемежку съ англоманіей. Хотя въ Англіи, между королями, дѣйствительно былъ одинъ: Іоаннъ Безземельный, но у насъ-то для чего-же хотѣть сплошь — все однихъ безземельныхъ Ивановъ?!

Газета „День“ 1865 г.

Еще Григорію Наличному.

Здравый смыслъ и желаніе казаться остроумнымъ — не одно и то-же. У автора „не можно вѣкъ носить личинъ“, какъ помнитъ читатель, мы совершенно оспаривали первое; но мы ему не отказывали во второмъ. Теперь мы прочитали вторую статейку Григорія Наличнаго („Совр. Лѣт.“ 25 апр.) и не видимъ причинъ, почему-бы намъ измѣнить объ немъ свое мнѣніе?

Вступленіе, куда по справедливости слѣдуетъ включить и игривое заглавіе: „улика на лицо и запираться поздно“; потомъ заключеніе, куда вмѣстѣ съ анекдотами о почтмейстерѣ надо-же отнести и удачный псевдонимъ автора, — т. е., по крайней мѣрѣ, двѣ трети новой статейки Григорія Наличнаго обличаютъ въ немъ — самое искреннее желаніе казаться остроумнымъ. Капитальная часть, какъ прежде, обличаетъ отсутствіе логики. Мы не бу-

демъ, въ интересѣ читателя, распространяться о первомъ; а второе — съ двухъ словъ докажемъ.

Въ чемъ у насъ состоялъ споръ съ Григоріемъ Наличнымъ? Вотъ въ чемъ: разбирая статью г. Гильфердинга „о сельской общинѣ“ и желая доказать, что въ ней г. Гильфердингъ „самъ уже нанесъ себѣ смертельный ударъ, подсѣкающій у самаго корня его теорію“, г. Григорій Наличный привелъ тому доказательства весьма плохія. Имъ приведенный примѣръ не только не заключалъ въ себѣ никакого противорѣчія любимой теоріи г. Гильфердинга, а, напротивъ того, онъ лишь служилъ къ ея подтвержденію. Мы это доказали Григорію Наличному, а съ тѣмъ вмѣстѣ и всю его статейку оцѣнили по достоинству. Теперь г. Григорій Наличный въ претензіи на насъ, что мы оцѣнили ее по достоинству; но ему хотѣлось-бы еще, чтобы наши доказательства о сбивчивости его понятій — были яснѣе. Исполняемъ желаніе автора.

Въ чемъ состояла „любимая теорія“ г. Гильфердинга, которую г. Григорій Наличный подсѣкалъ въ самомъ корнѣ? Въ статьѣ г. Гильфердинга „о сельской общинѣ“ — и кто хоть десять разъ ее перечитаетъ, всякій подтвердитъ наши слова — нѣтъ ни одной голословной сентенціи въ пользу общины, даже болѣе: нѣтъ никакихъ сентенцій. Г-нъ Гильфердингъ развивалъ въ ней лишь одно положеніе и приходилъ изъ него къ одному-же выводу. „Пока существуетъ сельская община, говорилъ онъ, до тѣхъ поръ мы будемъ избавлены отъ пролетаріата“. „Только разрушьте сельскую общину, заключалъ онъ, и пролетаріатъ непремѣнно явится“. Вотъ эти два тезиса постоянно и проводятся въ цѣлой статьѣ; вся она и является мастерскимъ доказательствомъ лишь ихъ именно. Другихъ теорій нѣтъ въ статьѣ г. Гильфердинга; ни о какой другой теоріи тутъ не было и помину. Представимъ нѣсколько подлинныхъ выраженій. „Разрушеніе сельской общины должно вести къ пролетаріату. Если вы уничтожите въ Россіи общину, пространство ея не послужитъ противодѣйствіемъ пролетаріату. Лишенный общины, сельскій людъ выдѣляетъ изъ себя все бо̀льшее и бо̀льшее число пролетаріевъ. Сельская община даетъ каждому землевладѣльцу свою домашнюю кровлю, свой клочекъ земли и тѣмъ ставитъ его въ положеніе независимаго производителя. Если разрушить или упразднить у насъ сельскую общину, тогда весьма многіе крестьяне продадутъ свои участки; наибольшее число, безъ всякаго сомнѣнія, обратится въ беземельныхъ работниковъ или, другими словами, въ сель-

скихъ и городскихъ пролетаріевъ. Лишенный оплота сельской общины, народъ слабѣетъ; въ земледѣльческомъ классѣ цѣлыя массы людей становятся безземельными батраками, пролетаріями".—Вотъ, повторяемъ, и вся „любимая теорія" автора статей о сельской общинѣ! Какъ ни переворачивайте затѣмъ этихъ подлинныхъ выраженій, въ какія сочетанія ихъ ни ставьте,—а смыслъ остается постоянно одинъ и тотъ-же. Т. е., пока сельская община существуетъ, до тѣхъ поръ у каждаго крестьянина, дѣйствительно, есть своя кровля и свой кусокъ хлѣба; крестьянинъ, правда, всетаки долженъ работать, потому что, какъ во всякомъ, такъ и въ его быту, нуждъ и потребностей цѣлая охапка; но въ главномъ, т. е. въ кровѣ и въ кускѣ хлѣба, крестьянинъ обезпеченъ. Напротивъ того, если захотятъ сельскую общину разрушить, или, что то-же самое, захотятъ, чтобы собственникомъ земли было не село, лицо коллективное, а каждый крестьянинъ въ розницу—тогда многіе изъ крестьянъ лишатся возможности удержать за собой свои участки, вынуждены будутъ распродавать ихъ—и явятся у насъ со временемъ милліоны бродячаго, бездомнаго люда. Если, такимъ образомъ, авторъ статей „О сельской общинѣ" въ чемъ и полагаетъ крѣпость и твердость ея, такъ въ томъ именно, что не даетъ она у насъ образоваться массѣ бездомныхъ, безземельныхъ работниковъ. Если онъ за что-нибудь и „возвеличиваетъ" ее,—такъ ясно, кажется, что прежде всего за то именно, что она обезпечиваетъ каждому крестьянину свой кровъ и свой кусокъ хлѣба. Другой теоріи у г. Гильфердинга не было никакой, повторяемъ.

Припомнимъ-же теперь „примѣръ" Григорія Наличнаго,—примѣръ, который, по его мнѣнію, подсѣкаетъ у самаго корня эту любимую теорію.

Вотъ этотъ примѣръ: „тотъ-же г. Гильфердингъ, такъ возвеличивающій крѣпость и твердость общиннаго устройства... тутъ-же наивно сознается, что если допустить независимость лица отъ общины, то наибольшее число крестьянъ сейчасъ-же продастъ свои поземельные участки". Г. Наличный, кажется, ужъ и самое грѣхопаденіе человѣческаго рода хотѣлъ-бы приписать общинѣ! Но община, по мнѣнію ея защитниковъ, нисколько не повинна за людскіе грѣхи вслѣдствіе ихъ грѣхопаденія. Она только своимъ устройствомъ защищаетъ бѣдный людской бытъ—отъ крайней бѣдности и отъ полнаго обнищанія, въ которое наклонны впадать грѣшные и слабые люди. Если пьяница и пропоица, по грѣшной слабости,

пропьетъ свой надѣлъ въ кабакѣ — а до сего времени именно общинное владѣніе землей этого не допускаетъ,—справедливо-ли самое даже это не вмѣнить общинѣ въ заслугу, а ставить въ какую-то вину? Примѣръ—повторяемъ—для путаницы понятій Григорія Наличнаго дѣйствительно образцовый! Какъ-же онъ ухитрился тутъ видѣть какое-то противорѣчіе, какой-то смертельный ударъ?! Всякій, кто защищаетъ „любимую теорію“, т. е. крѣпость и твердость общиннаго устройства, прежде всего и ставитъ на видъ, что оно обезпечиваетъ кровъ и кусокъ хлѣба крестьянину, обезпечиваетъ его поземельный участокъ—даже послѣ Адамова грѣхопаденья. Всякій, кто страшится разрушенія сельской общины, того и боится, что крестьянинъ свой участокъ пожалуй пропьетъ; то̀ прежде всего и имѣетъ въ сознаніи, что крестьянинъ, прогулявъ свой участокъ, превратится въ пролетарія. Не только нѣтъ никакой надобности „отпираться“ отъ такого сознанія; но настоитъ великая надобность, чтобы оно стало у насъ наконецъ достояніемъ всѣхъ и каждаго. Авторы, подобные Григорію Наличному—иное дѣло; чѣмъ явственнѣе доказываютъ имъ неизбѣжность пролетаріата за уничтоженіемъ сельской общины, тѣмъ повидимому и горячѣй становится ихъ желаніе—ее скорѣе разрушить.

Газета „День“ 1865 г.

„О настоящихъ обязанностяхъ Русскаго дворянства“.

Брошюра. *Графа В. П. О. Д.* Paris. 1861 г. Rue de Lille.

Путаница понятій, хотя въ то-же время какая-то дѣтская простосердечность, тщетная попытка возвести свои жалкія, эгоистическія тенденціи въ какіе-то высокіе принципы,—вотъ отличительные признаки этой брошюры. Но мы останавливаемся на ней; мы хотимъ на нее обратить самое серьезное вниманіе общества, потому что брошюра эта, ничтожная сама по себѣ, имѣетъ другаго рода чрезвычайно важную знаменательность. Религія, обязанности гражданскія, незыблемость государственнаго порядка, правильность соціальныхъ отношеній, словомъ сказать, всѣ важнѣйшіе интересы, всѣ завѣты человѣческихъ обществъ перебираетъ авторъ въ своей брошюрѣ; онъ повидимому является ихъ рьянымъ защитникомъ и хочетъ только весь міръ убѣдить въ ихъ

истинности. На самомъ-же дѣлѣ, всѣ эти святѣйшія упованія, всѣ эти завѣтнѣйшіе интересы человѣческихъ обществъ онъ сводитъ къ утилитарной точкѣ зрѣнія своего лично-сословнаго эгоизма; останавливаясь на нихъ, онъ играетъ какъ-бы на струнахъ своего раздраженнаго сословнаго самолюбія... А черезъ это онъ даетъ поводъ всѣмъ, кто только не глубоко самъ вдумался въ эти интересы, и въ самомъ дѣлѣ считать ихъ мнимыми, изобрѣтенными, пожалуй, лишь для поддержки людей, подобныхъ автору, и существующими на свѣтѣ лишь въ угоду имъ однимъ. Нѣтъ! всѣ эти великіе интересы имѣютъ лучшихъ защитниковъ; всѣ они могутъ быть оправданы сами въ себѣ; а примѣшивать къ нимъ какія-то сословныя тенденціи — значитъ грязнить ихъ; примѣшивать къ нимъ какіе-то житейскіе разсчетцы — значитъ дѣлать возможною хулу на нихъ, утучнять почву для нигилизма, плодить его приверженцевъ.

Пусть не очень-то свысока осуждаетъ авторъ этихъ, больше достойныхъ сожалѣнія, чѣмъ презрѣнія, людей! До тѣхъ поръ не переведутся они въ нашей литературѣ, пока не переведутся еще и люди, подобные автору разбираемой брошюры! И мы говоримъ это безъ всякой малѣйшей враждебности къ автору: мы истинно цѣнимъ простосердечную искренность автора; мы видимъ въ его брошюрѣ самое незлостное заблужденіе. Но пусть и онъ цѣнитъ искренность тѣхъ, какъ и онъ, заблуждающихся людей, которыхъ онъ свысока третируетъ! Между нимъ, авторомъ брошюры „о настоящихъ обязанностяхъ Русскаго дворянства“, и тѣми господами, на которыхъ онъ такъ свысока смотритъ — большая солидарность. Вся причина существованія этихъ господъ въ нашей литературѣ — именно въ обиліи у насъ еще другаго рода людей, — людей, подобныхъ автору брошюры.

Авторъ жалуется, чуть не черезъ каждую страницу, на какихъ-то журналистовъ, которыхъ онъ сильно недолюбливаетъ. Онъ говоритъ про нихъ: „къ несчастью, на свѣтѣ много безсознательныхъ орудій разрушенія“. Онъ говоритъ, что въ нашъ вѣкъ нѣкоторыми господами многія истины выдаются за „отсталое, недостойное, нашего вѣка“. Онъ говоритъ, что такою напраслиной эти господа, будто-бы, подрываютъ „вѣру въ истинныя начала“. Онъ объявляетъ о себѣ, что онъ противъ этихъ господъ и самъ любитъ только то, что̀ „зиждется на твердомъ основаніи“.

Мы сами любимъ только то, что̀ зиждется на твердомъ осно-

ванiи; мы никому не уступимъ, ни даже самому автору, въ горячей любви ко всему тому, что̀ поддерживаетъ „вѣру въ истинныя начала". Люди, которые враждуютъ всему тому, что̀ „зиждется на твердомъ основанiи"—и намъ враги,— люди, которые дружатъ всему тому, что̀ поддерживаетъ вѣру въ начала лживыя — не друзья и намъ. Наконецъ, намъ нѣтъ-же никакой надобности нападать и на все остальное прочее, что авторъ спѣшитъ заключить въ свои объятiя; однакожъ мы спѣшимъ, спѣшимъ скорѣе отклонить отъ себя услужливую брошюру „о настоящихъ обязанностяхъ Русскаго дворянства". Мы спѣшимъ это сдѣлать потому именно, что всѣ аргументы, приводимые авторомъ, скорѣе могутъ подорвать, чѣмъ утвердить, вѣру въ то, что̀ для насъ воистину дорого. Дѣло въ томъ, что дѣйствительно отсталое созерцанiе автора; вся его манера понимать вещи; всѣ подпорки, на которыхъ онъ ищетъ опереть свои сословно-эгоистическiе интересы... именно таковы, что даже въ самыхъ смиренныхъ умахъ способны помутить „вѣру въ истинныя начала", возбуждая неизбѣжное желанiе протестовать противъ всего, протестовать во что бы то ни стало, лишь-бы не казаться одного поля ягодой — съ авторомъ брошюры. Прежде, чѣмъ писать „о настоящихъ обязанностяхъ Русскаго дворянства", автору было-бы лучше подумать: откуда развелось у насъ такое гибельное множество тѣхъ господъ, противъ которыхъ онъ ратуетъ? Увы! повторяемъ опять, только не существуй въ нашемъ обществѣ тѣхъ исключительныхъ — имѣвшихъ впрочемъ свою исторiю — воззрѣнiй, которыя раздѣляетъ авторъ брошюры, не было-бы у насъ еще и нигилизма; не было бы тогда и господъ, ратовать противъ которыхъ авторъ имѣетъ теперь наивность. Они взаимно поддерживаются, они плодятся другъ другомъ и другъ другомъ обусловлены... Между авторомъ разбираемой книги и тѣми самыми людьми, противъ которыхъ онъ ратуетъ, повторяемъ, большая солидарность. Для насъ появленiе такой брошюры, какова „о настоящихъ обязанностяхъ Русскаго дворянства", тѣмъ между прочимъ и больно, что, заглянувъ въ нее, какой-нибудь, напр. нигилистъ ...до потолка прыгнетъ отъ злой радости! Онъ станетъ рукоплескать появленiю такой брошюры; онъ скажетъ: „Господа! еще-ли я не правъ въ своемъ отрицанiи? вотъ посмотрите: выискался авторъ брошюры „о настоящихъ обязанностяхъ Русскаго дворянства", который захотѣлъ всѣхъ, въ томъ числѣ и меня, укрѣпить въ вѣрѣ „въ истинныя

начала“; а между тѣмъ приводитъ такіе аргументы и высказываетъ такія вещи, съ которыми не можетъ, не долженъ согласиться человѣкъ порядочнаго образа мыслей, отъ которыхъ оттолкнется всякое *человѣческое* сердце“. И брошюра этого самаго автора, брошюра, собственно говоря, не имѣющая никакого дѣла съ дѣйствительными „истинными началами“, а которая возится только съ собственными иллюзіями автора... что-же? она подастъ поводъ такому человѣку возмнить о самомъ себѣ, что онъ и дѣйствительно разбиваетъ уже „истинныя начала“, что онъ и вправду силенъ поколебать то, что̀ „зиждется на твердомъ основаніи“. Конечно, подъ конецъ всего, спохватится и онъ, что не дѣйствительныя „истинныя начала“ разбивалъ онъ, простодушный борецъ, а только иллюзіи людей, подобныхъ автору разбираемой брошюры; но еще всѣ-ли до того и доходятъ?

Нѣтъ, дѣйствительныя „истинныя начала“, которыми стоитъ міръ, крѣпче, чѣмъ это воображаетъ нашъ авторъ; они слишкомъ хорошо застрахованы, чтобъ можно было бояться за ихъ сокрушимость отъ всякихъ со вчерашняго дня мудрецовъ! „Истинныя начала“ одинаково посмѣются и такимъ мнимымъ своимъ врагамъ, какъ тѣ господа, противъ которыхъ выбивается изъ силъ авторъ брошюры, и такимъ мнимымъ-же друзьямъ своимъ, какимъ является самъ онъ, авторъ. Отъ взаимныхъ ошибокъ, которыя въ сущности взаимно уничтожаютъ только ихъ-же воззрѣнія, т. е. господъ того и другаго рода — стоятъ далеко въ сторонѣ дѣйствительныя „истинныя начала“. Мимо идутъ, ихъ не касаясь, какъ похвалы этихъ, будто-бы друзей ихъ, такъ и порицанія тѣхъ будто-бы, враговъ ихъ. Какъ праздно и суетно, по отношенію къ нимъ, хваленіе первыхъ, также праздно и суетно — негодованіе вторыхъ; и даже трудно-бы сказать: что̀ тутъ, по отношенію къ нимъ, одно другаго обиднѣй!

Но обращаемся къ самой брошюрѣ.

Первое истинное начало, по нашему мнѣнію, противъ котораго склонны возставать „бозсознательныя орудія разрушенія“, то̀ самое, о которомъ авторъ разсуждаетъ въ самомъ концѣ своей брошюры, уже на заднихъ страницахъ. Читаемъ на страницѣ 69-й: „Будемъ содѣйствовать благой цѣли народнаго религіознаго образованія, но сперва проникнемся убѣжденіемъ въ пользѣ и послѣдовательности нашихъ дѣйствій. Мы получили отъ промысла Божія наше назначеніе въ жизни, мы родились въ Россіи и креще-

ны въ православной вѣрѣ. Имѣемъ-ли мы право разрѣшить сразу наше недоумѣніе, отказываясь отъ своего назначенія? Однако это дѣлаютъ многіе изъ нашей среды". Оставляемъ всторонѣ плохую русскую грамматику автора; мы, нисколько не желая ни глумиться, ни издѣваться надъ выписанными словами, постараемся въ нихъ уловить самую мысль, хотя строго говоря, въ нихъ и недостаетъ точнаго грамматическаго смысла. Что-же, однако, это такое? Неужели самъ авторъ не откажется отъ этихъ словъ, когда глубже въ нихъ вдумается?

Недоумѣніе само по себѣ можетъ быть честнымъ, въ недоумѣніи грѣха еще нѣтъ. Кто недоумѣваетъ, тотъ eo ipso старается найти истину и нерѣдко бываетъ способенъ придти къ ней. Было-бы только недоумѣніе добросовѣстно, и можно сказать; оно непремѣнно доведетъ человѣка до истины, т. е. до того, что авторъ—съ его умѣньемъ выражаться—называетъ: „не отказываться отъ своего назначенія". Но „не отказываться отъ своего назначенія" и въ то же время не умѣть тому привести разумныхъ основаній, дѣлать это—какъ даютъ угадывать выписанныя нами слова—единственно отъ полноты своего недоумѣнія... это болѣе, чѣмъ простодушно. Притомъ, что за „благая цѣль", на которую здѣсь авторъ киваетъ головою? что это за „польза и послѣдовательность"—убѣжденіе, которымъ онъ совѣтуетъ проникнуться? Увы! Прочитавъ весь трактатъ въ подлинникѣ, читатель увидитъ, что цѣль эта у автора выходитъ чисто утилитарная; а „послѣдовательность" въ этомъ дѣлѣ прямо его приводитъ къ тому ученію, столько-же іезуитскаго какъ и полицейскаго характера, которое подрываетъ всѣ основы души человѣческой, которое отъ религіи отнимаетъ ея существеннѣйшее и самостоятельное значеніе въ жизни, обращая всю ее—только въ подпорку для какихъ-то внѣшнихъ, чисто мірскихъ цѣлей—не всегда даже и похвальныхъ. Это ужъ полицейскій взглядъ на религію.

Если нашъ безспорно первый и высочайшій интересъ авторъ низвелъ до такого вульгарнаго пониманія, то выписывать-ли цѣликомъ всѣ остальныя мѣста, въ которыхъ онъ трактуетъ о „гражданскомъ долгѣ", объ „обязанности дворянства" и т. п.? За исходный пунктъ всей своей философіи, всего своего эгоистическаго созерцанія, на которомъ онъ потомъ и зиждетъ весь свой кодексъ, какъ административный, такъ и общегосударственный—авторъ беретъ, сопредѣльное еще съ языческими временами, вѣ-

рованіе. Страшное это вѣрованіе состоитъ въ томъ, что всякій отдѣльный человѣкъ не иначе можетъ быть достаточенъ и доволенъ, какъ въ непремѣнный ущербъ другому,—что благосостояніе однихъ непремѣнно основано на *безсобственности* другихъ, что, словомъ сказать, одни—кровные спартанцы, а другіе—илоты. Читатель ждетъ, по крайней мѣрѣ, въ заключеніе Гамлетовскаго: *одинъ хохочетъ — плачь другой!* Авторъ, видимо, однакожъ самъ пугается такого рѣшительнаго вывода и ставитъ слѣдующую прикрасу: дѣло въ томъ заключается, видите-ли, что этотъ первый — весь лишь олицетворенная отеческая заботливость о послѣднемъ, такъ что этому послѣднему остается лишь радоваться и благодарить своего покровителя; онъ весь обращается въ олицетворенное уваженіе къ своему благодѣтелю, и выходитъ, что нѣтъ на свѣтѣ слаще и вожделѣннѣе тѣхъ узъ, которыя связываютъ ихъ обоихъ, въ самомъ идиллически-патріархальномъ союзѣ...

Но не полно-ли? кому не знакома эта старая погудка? кто еще не зналъ ея, тотъ доказалъ-бы только, что онъ — какъ остроумно выражается авторъ — „не читалъ даже и Сѣверной Пчелы". Старая погудка эта именно начинается съ „отеческой заботливости" собственниковъ къ пролетарію, владѣльцевъ къ крестьянину; повѣрь только этой старой погудкѣ нá-слово, и подумаешь, что крестьянинъ только, что не пляшетъ въ восторгѣ отъ этихъ патріархальныхъ узъ. Такъ или иначе, но съ этого, по крайней мѣрѣ, дѣйствительно начинается брошюра автора, и варіаціямъ на эту тему отведены въ книгѣ самыя первыя страницы. Къ крайнему изумленію для читателя, вдругъ промелькиваетъ — уже въ самой серединѣ брошюры—еще и новая аргументація въ томъ-же духѣ. Оказывается, что не только крестьянинъ, но даже, напр. и „купецъ" долженъ раздѣлять всю пріятность тѣхъ-же патріархальныхъ узъ. Оказывается, что уже изъ одного уваженія къ дворянству, купецъ долженъ лишать себя барышей, входить въ убытокъ—и за все это онъ имѣетъ получить отъ дворянъ „хорошее обращеніе и титулъ" — (собственныя слова автора, курсивомъ отмѣченныя въ подлинникѣ),—титулъ, которымъ онъ, авторъ, заранѣе *награждаетъ* купца: *„дворянскій совѣтникъ"*. Если читатель откажется вѣрить, пусть онъ прочтетъ это странное мѣсто въ самомъ подлинникѣ: даже по точному счету страницъ, оно какъ разъ приходится въ серединѣ брошюры.

А чѣмъ обыкновенно оканчивается эта, до слезъ патріар-

хальная идиллія? Увы! въ концѣ концовъ не слишкомъ-то добровольною оказывается со стороны мірянъ такая идиллическая патріархальность,— и вотъ, чтобы поунять идилликовъ, тутъ-то вотъ именно и приходится звать себѣ на помощь *„релегеозное“*, какъ выражается г-жа Падейкова, въ повѣсти Щедрина.—„Sancta simplicitas!“ кому интересъ религіозный сознательно дорогъ; кто безъ всякихъ недоумѣній почитаетъ въ немъ свѣтлѣйшее изо всего, что только есть свѣтлаго, желаннаго и миротворнаго въ жизни,—тотъ, думаемъ, воздержится выставлять его какимъ-то страшилищемъ, чтò уже приноситъ не *миръ мірови*, а какую-то, сказать-бы, полицейскую угрозу. Нѣтъ, въ этомъ послѣднемъ случаѣ, не на высочайшее, подобающее ему мѣсто, возводятъ этотъ нравственный интересъ всего человѣчества, а отводятъ ему самую загрязненную, послѣднюю ступень. Такъ или иначе, послѣднія страницы отданы авторомъ разсужденію о „религіозномъ образованіи народа“; а мы съ того начали.

О, какъ-же мы ошибались! какъ, съ нами вмѣстѣ, ошибались, оказывается, еще и лучшіе умы на западѣ, привѣтствуя небывалое въ мірѣ освобожденіе нашихъ крестьянъ — съ землею! Вѣдь мы, русскіе, какъ и они, иностранцы (наперекоръ увѣреніямъ автора о религіозной будто-бы необходимости полныхъ безсобственниковъ въ государствѣ), дѣйствительно радовались отъ всего сердца тому, что въ лицѣ крестьянъ пол-Россіи пріобрѣло собственность! Мы радовались, что черезъ это самое (при томъ, по нѣкоторымъ задаткамъ народнаго русскаго характера, и по другимъ особеннымъ условіямъ, уже исключительно принадлежащимъ нашей странѣ) отстраняется отъ нашего отечества страшная кара пролетаріата,—по крайней мѣрѣ пресѣчена возможность выработаться пролетаріату въ строго-формулированный принципъ, какъ это случилось на западѣ. Мы думали, что въ глубоко-нравственномъ разрѣшеніи у насъ этого экономическаго вопроса сами иностранцы послышали что-то грезившееся и имъ, но смутно; чего они и себѣ ищутъ, да не находятъ; чтò восходитъ у нихъ въ какую-то мечтательную утопію, а у насъ оно — сама мудрая дѣйствительность. Истинно, можно радоваться — и только радоваться — этому найденному у насъ примиренію выводовъ экономической науки съ нравственнымъ закономъ,— примиренію, безъ котораго крайнимъ результатамъ политико-экономической науки на западѣ приходится до сихъ поръ колебаться въ страшной дилем-

мѣ: приходится или все разумно-нравственное признать крайнею безсмыслицей, или, напротивъ того, крайнюю безсмыслицу, рѣшительную утопію—признать разумно-нравственнымъ основаніемъ для всего, если не существующаго, то имѣющаго открыть какую-то новую эру существованія...

Авторъ, однакожъ, дѣйствительно ставитъ подъ конецъ въ непремѣнное условіе человѣчеству Гамлетовское: *одинъ хохочетъ—плачъ другой;* посмотрите, чѣмъ онъ застращиваетъ; вслушайтесь только, чѣмъ онъ пугаетъ всѣхъ и каждаго, кто только не соглашается съ его личнымъ мнѣніемъ и отвергаетъ необходимость полныхъ безсобственниковъ въ государствѣ! Много не думая, такихъ людей всѣхъ подъ огулъ окрестилъ онъ и якобинцами, и коммунистами, и соціалистами... онъ уже стушевалъ противниковъ своего личнаго мнѣнія — всѣхъ въ одинъ черный цвѣтъ, — приравнялъ за-одно всѣхъ подъ одинъ унизительный уровень! Зачѣмъ такъ дѣлать?

„Нѣкоторые люди, говоритъ онъ, выразили желаніе сдѣлать рабочій классъ независимымъ отъ владѣльческаго, черезъ удѣленіе каждому работнику участка земли, который-бы онъ не былъ вправѣ отчуждать; другими словами, принуждать (?!) его быть сытымъ. Но—принужденная собственность (?!) простоитъ одинъ день и рушится въ слѣдующій. Соціализмъ и коммунизмъ не будутъ никогда религіей народовъ, какъ нѣкоторые мечтаютъ; они могутъ пройти по лицу земли, какъ опустошающее повѣтріе"... Еще обратите вниманіе на устрашенія въ послѣднихъ страницахъ, на строки объ „идеи равенства", о „безсознательныхъ орудіяхъ разрушенія" и т. п.

Что-жъ это такое? Какое странное сочетаніе понятій!! какое неожиданное сближеніе доводовъ несомнѣнно-консервативнаго автора разбираемой брошюры, т. е. нашего „россійскаго дворянина"... съ доводами вдругъ кого-же? безумныхъ Поляковъ, которые именно этими-же, слово въ слово, доводами отводили намъ глаза отъ ихъ захватовъ въ Русскомъ краѣ, надъ Русскимъ народомъ!... Нѣтъ, авторъ, конечно, если и прибѣгнулъ къ этимъ несчастнымъ доводамъ, то единственно оттого только, что не довольно вникнулъ въ нихъ; ясное дѣло, онъ ошибся—и ошибка именно произошла отъ того, что онъ всѣхъ противниковъ своего односторонняго мнѣнія, подъ огулъ, затушевалъ въ одинъ черный цвѣтъ!

Неужели и вправду, что-нибудь одно изъ двухъ: или надо

непремѣнно раздѣлять всѣ личныя заблужденія самого автора, какъ-бы они ни были антипатичны, или конецъ всему: попадешь непремѣнно въ якобинцы, коммунисты, соціалисты, утописты, въ эти изверги, желающіе хаоса? Нѣтъ, это неправда. Еслибъ оно въ самомъ дѣлѣ было такъ и не было-бы другаго выхода изъ этой дилеммы—пришлось-бы, ни много ни мало, содрогнуться за все человѣчество. Отвѣчаемъ, по крайнему нашему разумѣнію, за себя лично, за ту „славянофильскую" газету наконецъ, участвовать въ которой мы имѣемъ честь. И такъ, мы не соціалисты, не коммунисты, и якобинская идея равенства намъ противна, какъ мертвый духъ. Но въ то-же время не менѣе отталкиваютъ насъ и антипатичныя идеи самого автора: что „купецъ", напримѣръ, долженъ для себя почитать наградою титулъ *дворянскаго совѣтника*, — что полная безсобственность низшихъ братій составляетъ условіе sine qua non для процвѣтанія человѣческихъ обществъ, — что „неотказыванью отъ своего назначенія" въ дѣлѣ религіи способствуетъ утилитарная цѣль, а безъ того тутъ и впрямь какое-то недоумѣніе. Нѣтъ, съ этимъ мы никакъ и никогда не сойдемся; мы даже о самомъ авторѣ хотимъ думать, что въ дѣйствительной жизни и въ практическихъ своихъ сношеніяхъ съ ближними онъ совсѣмъ другой, чѣмъ въ теоріи; что—не глубокій мыслитель и авторъ—онъ однакожъ въ сущности прекрасной души человѣкъ. Есть мѣсто въ его брошюрѣ, которое въ состояніи тронуть своею искренностью; мы, по крайней мѣрѣ, такъ понимаемъ это мѣсто, хотя, можетъ быть, охотники до ироніи и здѣсь нашли-бы поводъ смѣяться.

„Пусть, говоритъ авторъ на 72-й страницѣ своей брошюры, люди съ воззрѣніями, совершенно противными моимъ, опровергнутъ мои мнѣнія, но пусть они докажутъ тогда и здравость своихъ собственныхъ началъ. Я буду радъ пасть умилостивительной жертвой для учрежденія (?) общихъ и здравыхъ понятій объ нашихъ обязанностяхъ".

Какимъ образомъ человѣкъ приходитъ къ сознанію святости и нерушимости религіознаго принципа, безъ всякихъ житейскихъ разсчетцевъ утилитарности; какимъ образомъ особливо вѣра нашихъ отцовъ, т. е. наша, какъ они писали въ своихъ незабвенныхъ грамотахъ, „святая, непорочная, православная вѣра", одна въ цѣломъ мірѣ хранящая въ своемъ лонѣ вселенскій обѣтъ, давно утраченный западнымъ католичествомъ,—какимъ образомъ, говоримъ, она оправдана въ себѣ самой и не оставляетъ мѣста ни для какого

недоумѣнія даже самому пытливому разуму,—объ этомъ, конечно, толковать не въ краткой газетной статьѣ (хотя-бы потому только что уже писателями первыхъ вѣковъ христіанской эры объ этомъ написаны цѣлые томы, мало кѣмъ изъ насъ прочитанные). Разсуждать о томъ, какимъ образомъ наше передовое сословіе—какъ болѣе или менѣе и въ прочихъ странахъ, однакожъ наше по преимуществу—можетъ въ одно и то-же время и не отличаться отъ другихъ сословій никакою особенной прерогативой и въ тоже время стать воистину передовымъ и „благороднымъ“ по преимуществу сословіемъ—задача также не головоломная для всякаго, кто хоть мало-мальски знакомъ съ Русскою исторіей. Какимъ образомъ, ничуть не раздѣляя мнѣнія о молочной рѣкѣ въ кисельныхъ берегахъ, можно однакожъ для всего человѣчества прозрѣвать періодъ времени лучшій прежняго, т. е. цѣликомъ языческаго или полуязыческаго,—какимъ, наконецъ, образомъ при очевидной невозможности, даже физически, чтобъ весь свѣтъ питался непремѣнно однимъ лишь бѣлымъ хлѣбомъ, ходилъ въ одномъ лишь бархатѣ, разъѣзжалъ-бы лишь въ вѣнскихъ дормезахъ... какимъ образомъ, говоримъ, можно и должно однако желать, чтобы въ цѣломъ свѣтѣ и бѣлый хлѣбъ и черный стали наконецъ пользоватья равнымъ нравственнымъ уваженіемъ; и больше не отворачивались-бы другъ отъ друга ни бархатъ съ серьмягой, ни вѣнскій дормезъ съ телѣгой—разсуждать объ этомъ и развивать все это было-бы не трудно съ самой неумолимой послѣдовательностью и съ строжайшимъ соблюденіемъ всѣхъ правилъ логики. Но по поводу краткой брошюры нашего автора едва-ли даже и умѣстно развивать цѣлую философскую систему? Ограничимся въ этой общей сферѣ вопроса (къ которой однакожъ авторъ непремѣнно притягиваетъ своего возражателя), ограничимся, говоримъ, хотя лишь однимъ краткимъ намекомъ. Мы ничуть и не споримъ съ нимъ, что останутся еще надолго, пусть даже навсегда, два класса людей: одни, напр., будутъ ѣсть бѣлый хлѣбъ, другіе—черный; что одного бѣлаго хлѣба про весь свѣтъ даже не хватитъ. Но потому только, это и невозможно, что собственно говоря: не это вовсе и нужно. А чтобъ, по крайней мѣрѣ, была снята съ чернаго хлѣба печать нравственнаго отверженія, которая по глупости людской несомнѣнно лежитъ на немъ,—вотъ что̀ дѣйствительно необходимо; но это и возможно. Если что̀ невозможно,—знайте: оно не нужно! если что̀ нужно,—знайте: оно возможно.

Какъ мы ни желали избѣгнуть общихъ разсужденій, такъ-сказать, о самомъ принципѣ, — какъ ни убѣждены, что самая краткость грозитъ намъ тутъ, пожалуй, опасностью быть или вовсе не поняту, или превратно истолковану, — мы однакожъ не уклонились, какъ видитъ читатель, отъ требованія автора доказывать ему, во что-бы то ни стало, здравость сужденій, которыми опровергаются наповалъ его собственныя. Но авторъ самъ весьма облегчаетъ намъ задачу, перенося собственные идеалы, изъ общей области отвлеченнаго мышленія — на почву **Русской** дѣйствительности: онъ говоритъ о дворянствѣ „Русскомъ", о народѣ „Русскомъ", о вѣрѣ *нашихъ отцовъ*. Значитъ остается только перейти на почву *Русской* исторіи... Пусть-же попробуетъ онъ всѣ свои, отчасти заморскія, тенденціи оправдать на Русской исторіи. А намъ Русская исторія говоритъ слѣдующее:

Изъ края въ край по всей Русской землѣ, черезъ всю ея исторію звучатъ непрерывно эти лозунги нашего духа, эти живыя его откровенія: „*святая* Русь", „наша *непорочная* вѣра", „земля Святорусская". Мы найдемъ во всѣхъ вѣкахъ у насъ мучениковъ за эту вѣру, страдальцевъ по Русской землѣ — изъ всѣхъ званій. Пусть авторъ укажетъ хоть на одинъ примѣръ, когда-бы нашъ народъ позволилъ себѣ свое лучшее и завѣтное обращать въ какую-то подпорку для мірскихъ цѣлей, или — по крайней мѣрѣ — когда такой грѣхъ случился, чтобъ не былъ онъ обличенъ сейчасъ же, какъ подобаетъ, въ самой-же исторіи. Не смотря однакожъ на это; не смотря на то, что нигдѣ и ни въ какомъ случаѣ религія не призывается туда, куда слѣдуетъ, призывать развѣ-развѣ полицейскую власть — укажите опять въ Русской исторіи (минуемъ всѣ возможныя случайности, а прямо переходимъ къ больному мѣсту автора) на какія-нибудь якобинскія выходки со стороны народа, на какіе-нибудь примѣры вражды различныхъ классовъ другъ къ другу, на демократическіе тенденціи въ западномъ, далеко не похвальномъ смыслѣ этого не нашего слова. Ихъ нѣтъ и не было. Разжигается у насъ политической похотью — не народъ.

И князь Пожарскій „утеръ поту за землю Русскую" и *говядаръ*召 Мининъ „утеръ поту за землю Русскую". Это для автора брошюры, повидимому, ново: онъ считаетъ привилегіей одного какого-нибудь класса — службу въ лучшемъ значеніи этого слова. При всей старинѣ, еще новѣе для автора будетъ, вѣроятно, то̀, что и „князь" Пожарскій и „говядарь" Мининъ одинаково подписывали одни и

тѣ-же акты и грамоты прямо другъ за другомъ,—и притомъ тàкъ, что ни тотъ, ни другой не видѣли въ томъ причины ни считать себя въ обидѣ, ни считать себя въ наградѣ,—и при томъ опять тàкъ (это ужъ скорѣе новость не для автора, а для тѣхъ господъ, которыхъ онъ такъ не долюбливаетъ), что ни Мининъ ничуть не скандализировался тѣмъ, что, обращаясь къ Пожарскому, говорилъ ему: „Послушай, князь!“ — ни Пожарскій не считалъ себя выше Минина по тому одному, что, обращаясь къ Минину, говорилъ ему просто „Послушай, Козьма!“ и Пожарскій конечно ходилъ въ парчѣ, Мининъ въ серьмягѣ; тотъ кушалъ бѣлый хлѣбъ, этотъ—черный; у того была колымага, у этого—телѣга.

Досказывать-ли намъ автору (по заглавію брошюры—защитнику дворянскихъ обязанностей, а на самомъ дѣлѣ — лишь дворянской политической прерогативы) и наше послѣднее слово объ Русской исторіи, о Русскомъ народѣ? Вотъ оно: Русскій народъ, всегда не злостный и чуждый рабскихъ, илотскихъ инстинктовъ, всегда тихій и консервативный (и это до такой степени, что сказать объ немъ противное — сказать клевету на него), въ иныхъ случаяхъ, дѣйствительно, тревожился; а было одно скорбное время, онъ помутился и до дна глубины. Но въ какихъ-же это бывало случаяхъ, и какое это было тò единственное, исключительное время? Объяснимся. Чуждый всякаго рабства, и оставаясь вполнѣ свободнымъ въ своихъ собственныхъ, прямо земскихъ отправленіяхъ, Русскій народъ добровольно призналъ надъ собою единую — лишь единую—власть; онъ поставилъ ее внѣ всякой возможности хотя-бы самому великому и превеликому сословію тягаться съ нею или вмѣшиваться въ ея волю; онъ во всѣ времена оказывалъ ей, во что-бы то ни стало, безпредѣльную преданность, довѣріе безграничное. Въ ней-то, по его сознанію, и пресѣчена возможность разъ на всегда для всякой, такъ-называемой, розни сословій; предъ лицомъ того, въ комъ народъ не иное что чтитъ, какъ собственную свою апотеозу, ни передъ какимъ сословіемъ ни одного изъ государствъ въ цѣломъ мірѣ—русскій народъ себя ниже не считаетъ. Послѣдній человѣкъ Русской земли не считалъ себя ни на волосъ ниже самого перваго боярина, дворянина или дворянскаго сына — по своему равному праву высказывать „земскую мысль“ своему государю, когда самъ онъ о томъ „всѣхъ людей Московскаго, Россійскаго государства“ спрашивалъ или когда та или другая мѣстная надобность доводила до того. — Нѣтъ, никогда не враждовалъ — дѣ-

лается при этомъ понятно само собою — русскій простой народъ никакому дворянству; но онъ вѣчно — на ряду съ тѣмъ — враждовалъ олигархіи и хотя-бы малѣйшему поползновенію къ ней. Если проявлялось хотя-бы малѣйшее поползновеніе къ олигархіи въ нашей исторіи, Русскій народъ въ ту-жъ минуту дѣйствительно затревоживался; это правда, это великая правда. — Случилось такое время, что олигархія чуть не довела государство до „конечной погибели" — тогда помутился Русскій народъ до дна глубины, встал напослѣдокъ, какъ одинъ человѣкъ для великаго своего народнаго дѣла, опять доискался своего желаннаго — и съ миромъ разошелся по домамъ.

Газета „День", 1865 г.

Юмористъ газеты Вѣсть.

Кипитъ, шумитъ событій лава,
Блаженъ, кто слышитъ Божій зовъ.
А. Цуриковъ.

Мы все думали, что еще не родился тотъ Колумбъ, который-бы намъ, русскимъ, открылъ наконецъ Россію, — а петербуржская газета Вѣсть, гдѣ ни взялась, и даритъ такимъ сюрпризомъ. При чувствѣ утонченнаго „haut ton", еще и удивительнымъ историческимъ чутьемъ одарена эта представительница... если не high-lif, по крайней мѣрѣ „крупно-землевладѣльческихъ интересовъ".

Въ чемъ смыслъ Русской исторіи? Органъ „крупныхъ землевладѣльцевъ" (см. № 40 Вѣсти) открылъ секретъ: „Отечество наше было поставлено въ особыя условія... издавна нашъ государственный строй слагался сообразно съ тѣми особенностями, въ которыя ставила Россію малонаселенность и обширность страны. Издавна главнѣйшею заботой прозорливѣйшихъ государственныхъ людей нашихъ, вникавшихъ въ самую природу вещей, было: сосредоточить рабочія силы вокругъ поземельнаго капитала, устепенить"... (какая мягкость оборота! что за утонченность въ выраженіяхъ!) „устепенить, такъ-сказать, эти силы и такимъ образомъ сдѣлать ихъ наиболѣе производительными, (въ чью пользу, капиталиста?!) Въ этомъ заключалась и одна изъ задачъ помѣстнаго дворянства. Такова наша исторія. Презирать ее, обходить выработанные ею выводы и проч. безумно".

Что-жъ? великосвѣтская точка зрѣнія на нашу исторію въ

этихъ немногихъ строкахъ, пожалуй и правду сказать, выяснилась въ конецъ.—И едва въ 40-мъ нумерѣ сдѣлано такое блестящее открытіе „о самой природѣ вещей“, какъ уже въ 43-мъ нумерѣ, поэтъ великосвѣтской газеты, г. Цуриковъ, даритъ „народное всесознаніе“ еще полнѣйшимъ откровеніемъ. Онъ пишетъ цѣлую оду Русскимъ демагогамъ. Нѣтъ, *братцы и друзья!* вы просто *демагоги!* и до *нелѣпѣйшаго вздора дошли по прихоти системъ!* все ищете бытовыхъ началъ *во тьмѣ постыдной заблужденья!*... говоритъ онъ прямо по адресу того направленія, которому служитъ газета День. А самъ онъ, г. Цуриковъ, доискался кореннаго разрѣшенія вопроса,—г-номъ Соловьевымъ или еще самимъ „знатокомъ народнаго быта“, г-мъ Буслаевымъ, даже не затронутаго.

„*Завѣтъ отцевъ, завѣтъ ихъ главный!*“ какъ свои пять пальцевъ знаетъ г-нъ Цуриковъ. Въ чемъ-же, г-нъ Цуриковъ, „завѣтъ отцевъ, завѣтъ ихъ главный“? Что̀ намъ такое, по вашему мнѣнію, завѣщала мудрость нашихъ предковъ?

„Намъ мудрость предковъ завѣщала,

отвѣчаетъ онъ, вотъ что̀:

„Изгнать, отвергнуть навсегда
Слѣпаго равенства начало,
Какъ гибель правды и суда!“

Но ...не поэтическая-ли это только вольность? будто ужъ и въ самомъ дѣлѣ, именно слѣпаго равенства начало, какъ гибель правды и суда, завѣщала намъ мудрость предковъ *изгнать, отвергнуть, навсегда?* Юмористично что-то... не шутитъ-ли поэтъ? Нѣтъ, вникните только въ дѣло,—отвѣчаетъ онъ:

„Понявъ народнымъ всесознаньемъ,
Что равенство есть бытъ татаръ,
Москва—

воля ваша однако, дальнѣйшую путаницу понятій наврядъ-ли даже поняла и москва-матушка, при всемъ ея „*народномъ всесознаньи*“

—премудрымъ сочетаньемъ
Гражданъ, священства и бояръ,
Низвергла иго супостата“.

Читатель! вы помните, безъ сомнѣнія, въ извѣстномъ романѣ г. Писемскаго „Тысяча Душъ“ тотъ знаменитый пассажъ, выше кото-

раго по его комизму ничего не представляетъ цѣлый-же этотъ романъ. Предводитель дворянства произноситъ спичъ за обѣдомъ. „Господа! обратился онъ къ сотрапезникамъ, при сей вѣрной оказіи я не найду ничего лучшаго, какъ еще разъ, вновь и вновь, повторить этотъ, такъ всѣмъ намъ извѣстный, текстъ: разумѣйте языцы и покоряйтеся, яко съ нами Богъ". Г-нъ Писемскій, въ этомъ случаѣ, оказывается, именно только предвосхитилъ идею возникающаго юмористическаго дарованія газеты Вѣсть.

Какъ вы думаете, читатель, чѣмъ на самомъ дѣлѣ заключаетъ шалунъ—финалъ своихъ провѣщаній? Выписываемъ съ буквальною точностью:

„Въ крестѣ Господнемъ миръ и слава,
Побѣда правды и любовь...
Кипитъ, шумитъ событій лава,—
Блаженъ, кто слышитъ Божій зовъ".

Г-нъ Цуриковъ съ обоими редакторами газеты Вѣсть, что̀ и говорить, прямо изъ разряда „блаженныхъ!" И зовъ, и любовь, и славу, и лаву они... всё слышутъ!

Газета День, 1864 г.

Газетѣ Вѣсть.

Названія, взятыя на прокатъ у иностранцевъ для выраженія явленій русской жизни, оказываются никуда непригодными. Такіе термины западной науки и жизни, какъ „аристократія", „демократія", „демократическія тенденціи"—ничего у насъ не выражаютъ. Но эти термины не тѣмъ однимъ не хороши, что ничего собою не выражаютъ; они дурны тѣмъ, что привнося съ собой чуждыя нашему быту понятія—еще путаютъ у насъ и сбиваютъ съ толку людей, даже весьма почтенныхъ. Разные политическіе аферисты, вѣроятно, поэтому и любятъ прибѣгать къ этимъ самымъ терминамъ. Газета „Вѣсть" орудуетъ ими безподобно; все что̀ въ нашей прошлой и современной исторіи не подходитъ сколько-нибудь подъ ея личные вкусы и наклонности—она сейчасъ же обзываетъ „демократическою тенденціей".

Русскому народному чувству злобныя тенденціи греческаго *демоса* или латинскаго *плебса* совершенно чужды. Никто изъ рус-

скихъ людей, въ комъ только не угасло живое чувство своей народности, сочувствовать ни „демократическимъ“, ни „аристократическимъ тенденціямъ“ (въ смыслѣ политическаго преобладанія черни или знати), конечно, не можетъ. У насъ не было, не представлялось даже надобности быть, ни сословной зависти, ни сословной похотливости къ власти; потому что нѣтъ и не было исключительныхъ привилегій въ этомъ смыслѣ для однихъ и исключительнаго гражданскаго ничтожества для другихъ. Если и бывали случаи, въ нашей исторіи, олигархическихъ попытокъ въ высшихъ сословіяхъ, то, во-первыхъ, онѣ больше происходили подъ вліяніемъ польскимъ или западно-европейскимъ, а во-вторыхъ, тотчасъ-же и разбивались о русскую дѣйствительность. А политическихъ бунтовъ изъ-за желанія овладѣть властью, со стороны низшихъ классовъ народа, у насъ *никогда* не бывало. Сама власть никогда не представлялась и не представляется русскому народному сознанію регаліей доблестнаго завоевателя, который высится и блещетъ своею сѣкирой надъ побѣжденнымъ и приниженнымъ народомъ (какъ Франкъ надъ Галломъ,— что и подало поводъ первому Наполеону опредѣлить французскую революцію мѣткимъ афоризмомъ: Галлы свергли иго Франковъ). Власть представляется у насъ тяжкимъ бременемъ для того, кого самъ народъ призвалъ воплощать въ себѣ эту власть. Всегда самая служба у насъ представлялась и представляется не прерогативой, а тяжестью, которую всякое сословіе отбываетъ государству по-своему. Всякій *властникъ* у насъ не потому представлялся великъ и славенъ и достоинъ всякаго послушанія, что вооруженъ тою именно сѣкирой, которою покорилъ себѣ народъ и надъ нимъ возвеличился; а потому, что самъ русскій народъ созналъ необходимость и власти и меча на землѣ, „пока человѣкъ находится въ грѣховной телѣсной немощи“. И русскій народъ въ этомъ случаѣ руководится даже и до сего дня не слѣпымъ историческимъ инстинктомъ, а яснымъ и отчетливымъ разумѣніемъ. Слова, поставленныя нами въ скобкахъ, были слышаны нами лично отъ мужика-старообрядца. Народъ добровольно, самъ, возвеличилъ эту власть и разъ навсегда крѣпко оградилъ ее отъ чьего-бы то ни было посягательства. Точно также и самыя сословія не потому возникли у насъ на Руси, что одни возвысились въ ущербъ другимъ, т. е. завоеватели надъ покоренными и настолько одни возвысились насколько другіе принизились,— а потому, что многообразныя, естественныя, бытовыя условія, занятія и образъ жизни, сами по себѣ, уже груп-

пирують одинаково-свободныхъ людей въ разные классы,— классы поминутно обновляющіеся и такъ-сказать перемежающіеся въ своихъ членахъ, одинаково для всѣхъ открытые и изъ которыхъ ни одинъ передъ другимъ не опозоренъ и всѣ вмѣстѣ составляютъ одинъ, свободный и православный, русскій народъ.

Таково русское народное воззрѣніе (крѣпостное право у насъ утвердилось въ имперскій періодъ, уже послѣ реформы Петра)...

Всѣ эти несомнѣнныя истины русской исторіи, конечно, не допускаютъ мысли о возможности у насъ какихъ-бы то ни было феодальныхъ притязаній и аристократическихъ тенденцій, а только феодальныя притязанія и вызываютъ вездѣ въ отпоръ себѣ злобу простонародья и черни; только существованіе „аристократическихъ тенденцій" и порождаетъ неизбѣжно „демократическія тенденціи": въ этомъ смыслѣ и обусловливаетъ самое появленіе демократическихъ партій. Такія рѣзкія, далеко еще не всѣ перечисленныя, особенности русскаго народа,—или, что то-же самое, русской исторіи,—конечно разъ навсегда упраздняютъ и дѣлаютъ ничтожными всѣ попытки создать что-нибудь и на русской почвѣ въ родѣ политическихъ образцовъ западнаго, германо-латинскаго міра, съ постоянною его внутреннею двойственностью и противорѣчіемъ, съ задатками борьбы и розни во всемъ общественномъ строѣ: съ натискомъ съ одной и съ отпоромъ съ другой стороны. По счастью, у насъ не было, какъ на Западѣ, феодальныхъ бароновъ, которые искали-бы удержать своихъ вассаловъ въ вѣчномъ ничтожествѣ и возвышались-бы надъ ними какъ участіемъ въ королевской власти, такъ и эксплоатаціей народа,— не было поэтому и *виленей*, вассаловъ всѣхъ родовъ и наименованій, которые-бы завистливо взирали на привилегіи высшихъ и стремились-бы ихъ исхитить, вынудить ихъ и для себя, въ равной со всѣми степени. (О крѣпостномъ правѣ, повторяемъ, говорить нечего: если оно и напоминало отношенія феодаловъ и виленей, то именно потому, что составляетъ продуктъ 18-го вѣка; ранѣе его не было и въ настоящее время оно уже отмѣнено). Гдѣ не было „аристократіи",— гдѣ не было, говоримъ, аристократіи въ западномъ, тѣсномъ смыслѣ этого слова,— тамъ не могло быть и „демократіи". Если-же гдѣ удастся создать „аристократію", тамъ необходимо явится и „демократія". Это какъ день ясно.

Надобно, чтобъ нашлись у насъ на Руси особенные охотники возжигать соціальныя страсти; надобно, чтобъ у насъ разви-

лась особенная страсть выситься надъ всѣмъ народомъ; надобно, говоримъ, искусственное возбужденіе чуждыхъ здоровой русской натурѣ аристократическихъ инстинктовъ и олигархическихъ стремленій—для того, чтобъ и у насъ могли завестись стремленія противоположныя, всегда возстающія на встрѣчу и въ упоръ стремленіямъ олигархическимъ; чтобъ и у насъ могли проявиться въ жизни инстинкты озлобленныхъ народныхъ массъ, дѣйствительно вредные и пагубные для человѣческихъ обществъ: но въ той-же мѣрѣ вредные и въ той-же степени пагубные, какъ и тѣ первые.

Такимъ образомъ всякій являющійся у насъ на Руси феодаломъ — повиненъ въ извѣстной доли демократическаго озлобленія, имъ необходимо возбуждаемаго; всякій проповѣдникъ на Руси аристократизма, какъ политическаго начала, есть въ то-же время и по тому самому пропагандистъ демократизма; всякій россійскій олигархъ in spe порождаетъ въ соотвѣтствіе себѣ демагога.

Есть въ Петербургѣ газета, которая, повидимому, изъ силъ бьется, чтобы создать въ обществѣ демократическіе и даже демагогическіе инстинкты. Можно было-бы даже подумать, что она и издается именно съ этою цѣлью тайнымъ обществомъ демократовъ; по крайней мѣрѣ отчаянные демократы должны-бы поставить ей и партіи, ее издающей, памятникъ за оказанныя ею услуги демократизму. Эта газета — „Вѣсть". Не она-ли, величая себя органомъ крупныхъ землевладѣльцевъ, стремится обособить крупное землевладѣніе политическою прерогативой и возвести его въ привилегированную политическую силу? Не она-ли постоянно и неутомимо проповѣдуетъ объ абсолютной неравноправности всѣхъ лицъ гражданскаго общества, объ абсолютной привилегированности однихъ и объ „илотствѣ" другихъ? Не ей-ли представляется власть — не какъ неизбѣжная роковая необходимость немощнаго человѣчества, а какъ вѣнецъ тріумфаторскихъ доблестей, его-же должно ревниво оберегать отъ прикосновенія илотовъ и отблескъ котораго непремѣнно однакожъ долженъ „отсіяваться" на привилегированныхъ избранникахъ? Не она-ли, эта газета „Вѣсть" или ея партія, постоянно твердитъ о какихъ-то „демократическихъ тенденціяхъ" и своими собственными аристократическими тенденціями вызываетъ, и пожалуй и вызоветъ на свѣтъ божій, и въ Россіи тенденціи ультра-демократическія? Не она-ли постоянно выставляетъ нашъ разумный, добрый, мирный народъ какимъ-то пугаломъ общественнаго спокойствія, напоминая ни къ селу ни къ

городу и Стеньку Разина и Пугачевщину? Ей не можетъ не быть извѣстно, что самъ русскій народъ въ своей исторіи заклеймилъ такія явленія мѣткими прозвищами — „воровской смутой“, „злобой „шпыней“, „буйствомъ сволочи“ и т. д., и что отчасти именно въ зачаткахъ, а далѣе уже и въ прямомъ утвержденіи у насъ крѣпостнаго права и надо искать разгадки такихъ явленій. И не сама-ли „Вѣсть“ и ея партія — хотя-бы и неумышленно — ищуть вызвать подобныя же явленія, вознося интересъ аристократическаго начала и крупной собственности превыше интереса національности, политическаго интереса государства и обезпеченія участи простаго народа — напр. въ нашихъ западныхъ губерніяхъ, Остзейскомъ краѣ и въ Царствѣ Польскомъ? Если-бы газета „Вѣсть“ съ такою-же рьяностью преслѣдовала всякій призракъ на Руси стремленій *олигархическихъ*, мы-бы еще повѣрили, что она точно желаетъ уберечь Русскую землю отъ развитія въ ней злыхъ демагогическихъ вожделѣній. Но рьяность „Вѣсти“ направлена только на такія начала равноправности и равноотвѣтственности передъ закономъ (не исключающія вовсе естественнаго разнообразія бытовыхъ условій), на такія начала, выработанныя всею нашей исторіей, всѣмъ нашимъ сознаніемъ и въ этомъ смыслѣ по преимуществу консервативныя, которыхъ малѣйшее нарушеніе въ пользу аристократическаго-ли или крупновладѣльческаго интереса — можетъ возродить тѣ именно страсти, которыя будто-бы такъ ненавистны этой газетѣ. Какъ же послѣ этого и не сказать, что партія, издающая эту газету, состоитъ дѣйствительно изъ отъявленныхъ демагоговъ??!...

Газета „Москва“, 1867 г.

Новая общественная организація и старый казенный строй.

Письма къ Публикѣ.

(I — XVIII. — *Московскія Вѣдомости* 1873 — 1874 гг.)

I.

Отсутствіе всякой администраціи, общая шаткость, повальная разнузданность, — вотъ что̀ поражаетъ въ селахъ.

У насъ любятъ задавать вопросъ: „удалось или не удалось крестьянское самоуправленіе?“

Это вопросъ праздный.

Вопросъ долженъ быть такъ поставленъ, какъ онъ поставленъ самою жизнью, — и ужъ одна правильная его постановка даетъ надлежащій отвѣтъ:

„Удалось или не удалось государству, не создавшему никакихъ новыхъ силъ, свойственныхъ новому порядку, и напротивъ отмѣнившему первоначальное учрежденіе мировыхъ посредниковъ, доставить милліонамъ народа судъ и правду? Удалось-ли ему обезпечить изъ края въ край надлежащій административный порядокъ?“

Не удалось и никогда не могло удасться; это ясно какъ день.

Кто близко знакомъ съ практикой такъ-называемаго крестьянскаго самоуправленія, тотъ удивляется тому, конечно, какимъ образомъ можно было обременить народъ новою тяжелою повинностью, — повинностью служебною, по такимъ дѣламъ, изъ коихъ развѣ-развѣ одна десятая касается собственно-крестьянскаго обихода.

Кто знаетъ на дѣлѣ, что̀ такое наше волостное правленіе, тотъ не издѣвается, конечно, ни надъ безграмотностью его формулъ, ни надъ дикостью нѣкоторыхъ его рѣшеній: все такое является прорицаніемъ не народной мудрости, а пьяныхъ писарей.

Но тотъ истинно дивится тому, какъ много навьючено на эту добрую лошадку и какъ, при своемъ тощемъ содержаніи, она еще усиливается тянуть тяжелый возъ въ гору.

Чтó найдется въ любомъ волостномъ правленіи? Множество бумагъ изъ стана, изъ уѣзднаго полицейскаго управленія, наконецъ приказы и наказы самой губернской власти. Масса дѣлъ объ отпускныхъ нижнихъ чинахъ; безконечная казуистика по дѣламъ рекрутскимъ; экстренные приказы о поимкѣ бѣжавшаго изъ острога арестанта; объ исправленіи спуска къ рѣчкѣ, которымъ ѣдетъ важное лицо; распоряженія относительно мѣръ противъ чумы рогатаго скота и улучшенія сельскаго коннозаводства.

Среди бумагъ такого рода тутъ встрѣтится еще и цѣлая длинная переписка по какому-нибудь экстренному дѣлу. Жалуется, напримѣръ, мѣстный священникъ на мѣстнаго сельскаго старосту: онъ де, староста, не задержалъ ночнаго вора, ломившагося къ нему въ усадьбу, отстоящую въ двухъ-трехъ шагахъ отъ селенія. А староста показываетъ, что его вѣдомство, по смыслу Положенія 19-го февраля 1861 года, не простирается на постороннія земли, буквально ограничиваясь *чертою его селенія*. А начальникъ уѣзднаго полицейскаго управленія, тѣмъ не менѣе, требуетъ формально: старосту предать суду за бездѣйствіе власти.

Прибавить надо, что въ самихъ крестьянскихъ дѣлахъ все сводится главнымъ образомъ на одно взысканіе недоимокъ, прежде всего казенныхъ, а потомъ и частныхъ. Уже только напослѣдокъ, и за вычетомъ девяти десятыхъ, найдутся наконецъ чисто-крестьянскія дѣла, несомнѣнно изъ ихъ обихода и исключительно ихъ собственнаго интереса. Но и по этимъ дѣламъ крестьянскому самоуправленію въ большей части случаевъ не остается ничего дѣлать... Почему? Потому что хотя законъ и предоставилъ крестьянину на разные случаи жизни разныя мѣры; однакожъ не указалъ бездѣлицы: какими еще способами приводить иногда въ исполненіе эти предписанныя мѣры.

Не мудрено поэтому, что всякій вновь назначенный сельскій староста проситъ какъ милости уволить его отъ должности. Изъ односельцевъ, однакожъ, никто не льстится украсить свою грудь должностнымъ знакомъ; и вотъ староство, подобно прочимъ должностямъ: и добросовѣстныхъ и судей, отбывается какъ тяжелая повинность по очереди.

Про сельскій сходъ можно сказать то-же самое, чтò и про древ-

ній Новгородъ съ его вѣчевымъ порядкомъ. Міръ только и собирается на сходку по такимъ дѣламъ, по которымъ мірское рѣшеніе заранѣе предполагается единодушнымъ, такъ что, безапелляціонное по существу, оно само собой и приводится въ исполненіе.

Напротивъ того, поднимите въ этой многоголовой толпѣ вопросъ, касающійся розно интересовъ каждаго отдѣльнаго лица, и затѣмъ, каково-бы ни было его рѣшеніе: откуда взять исполнительную власть для приведенія его въ дѣйствіе?

Старостѣ, дѣйствительно, предоставлено штрафовать своихъ односельцевъ; но при этомъ не указано, какимъ образомъ въ этихъ случаяхъ онъ долженъ дѣйствовать. Онъ, правда, облеченъ властью удалять буяновъ со сходки; но не указано при этомъ, какою силой ему совершить такое удаленіе; наконецъ ему не указано даже того, какою силой долженъ онъ докликиваться мірянъ на сходку, если имъ не угодно на нее пожаловать.

Чтò-жъ значитъ на дѣлѣ это безпомощное, единичное лицо старосты во многолюдномъ селеніи, гдѣ если и существуетъ какая-либо имущественная и личная безопасность, то на уговорѣ мира сосѣда съ сосѣдомъ.

Напротивъ того, малѣйшая враждебность — и человѣкъ не застрахованъ ни въ своемъ добрѣ, ни даже въ жизни! Онъ весь отданъ на произволъ окружающей злобѣ, подвергается всевозможнымъ нападкамъ, отъ которыхъ со стороны государства нельзя и ждать охраны; уберечь отъ которыхъ при современныхъ учрежденіяхъ или, правильнѣе, при ихъ полномъ отсутствіи, оно само признаётъ себя безсильнымъ.

Волостные старшины не многимъ отличаются отъ сельскихъ старостъ по своему авторитету. Про нихъ еще больше можно сказать: это такая исполнительная власть, у которой не имѣется никакой силы для исполненія.

II.

Лучшіе люди серіозно спрашиваютъ себя: можетъ-ли это длиться? Къ чему это ведетъ?...

Но „тѣ“ лучшіе люди—которые хлопотали въ свое время объ освобожденіи крестьянъ и надѣленіи ихъ землею—сами теперь въ великомъ недоумѣніи.

Они не могутъ отрицать зло; но спросите ихъ совѣта для его исправленія,—и кромѣ благодушныхъ общихъ фразъ, вы

ничего отъ нихъ не услышите. Они говорятъ: „отъ народа, растлѣннаго вѣковымъ рабствомъ, было-бы и несправедливо требовать чего-нибудь лучшаго на первое время. Слѣдуетъ просвѣщать молодое поколѣніе; слѣдуетъ вездѣ заводить школы; слѣдуетъ наконецъ дѣйствовать на улучшеніе сельскаго духовенства, и вотъ, въ будущемъ, черезъ два-три поколѣнія отсюда, народъ исправится“.

Нѣтъ, это не такъ. Нельзя откладывать на цѣлыя десятилѣтія осуществленіе того, въ чемъ потребность живо чувствуется каждую минуту. И если „міръ“ кричитъ, чтобъ его защитили отъ воровъ и отъ безправія, то его нельзя тщетно отсылать въ сельскую школу или къ приходскому священнику.

Дѣло заключается въ томъ, что единственнымъ органическимъ законоположеніемъ для крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, остается до сихъ поръ все-таки Положеніе 19-го февраля 1861 года. А между тѣмъ отъ него отъ самагò остаются въ настоящее время лишь разорванные лоскутки.

Нельзя забывать, что въ первое время крестьянской реформы, объ руку съ разными òрганами крестьянскаго самоуправленія, дѣйствовалъ еще въ полной силѣ и мѣстный мировой институтъ въ его истинномъ видѣ; а нынче этотъ послѣдній „весь вышелъ“. Вотъ чего не должно упускать изъ виду, говоря о Положеніи 19-го февраля 1861 г.; безъ того пришлось-бы утверждать, что въ этомъ краеугольномъ законодательствѣ на многомилліонное крестьянство съ самаго начала уже существовалъ огромный пробѣлъ и вопіющій просмотръ.

Дѣло заключается именно въ томъ, что этотъ пробѣлъ и этотъ просмотръ, которые въ настоящее время поражаютъ всю Россію, значительно восполнялись въ первое время крестьянской реформы, въ шестидесятыхъ годахъ, — именно тѣмъ значеніемъ, тѣмъ несомнѣннымъ авторитетомъ, которые были сообщены первоначальнымъ мировымъ учрежденіямъ: были тогда и мировые посредники и сельскіе мировые участки. Если крестьянское самоуправленіе въ настоящее время является безсильнѣе всякаго безсилія, то въ первое время было не такъ.

Мѣстныя мировыя учрежденія и авторитетъ первоначальныхъ мировыхъ посредниковъ давали смыслъ и силу крестьянскому самоуправленію, какъ оно было первоначально установлено. Мѣстная интеллигенція, облеченная не въ шуточное значеніе политической силы; среда, самостоятельно возвышавшаяся не только надъ уровнемъ

мужицкаго кумовства, но еще и поверхъ разныхъ уѣздныхъ и губернскихъ вліяній,—составляла силу благотворную, ничѣмъ не замѣнимую.

И сельскій староста, и волостной старшина, и вообще сельскій сходъ только тогда и могутъ имѣть какое-нибудь положительное значеніе, когда объ руку съ ними стоитъ мѣстное учрежденіе въ родѣ мироваго, какъ оно было первоначально установлено. Первоначальныя мировыя учрежденія ежеминутно выказывали свое нешуточное значеніе тамъ, гдѣ сельскій староста или старшина считали себя безпомощными, и представляли, повторяемъ, несомнѣнную политическую силу въ мѣстной жизни.

Весьма понятно, что центральная губернская власть не можетъ взять на себя будничное и повсемѣстное отправленіе тѣхъ обязанностей, которыми гарантируется миръ и спокойствіе каждой отдѣльной усадьбы на отдаленныхъ точкахъ всѣхъ въ губерніи уѣздовъ. Только мѣстные люди, связанные общимъ интересомъ съ родною мѣстностью, бывъ на то уполномочены самимъ закономъ, могутъ явиться на всѣхъ точкахъ недремлющими охранителями закона, и только на этомъ условіи всякая мѣстность могла-бы наконецъ признать себя управляемою „честно и грозно“, а не брошенною на произволъ судьбы.

Мировыя учрежденія, въ томъ видѣ какъ они существовали въ первое время, сослужили несомнѣнную службу цѣлой Россіи. Можно было надѣяться, что они въ будущемъ разовьются на пользу цѣлаго государства, въ духѣ истины и добра... Но ихъ подсѣкли.

III.

Не въ томъ бѣда, что тотъ или другой законъ несовершененъ, что тѣ или другія мѣропріятія мало практичны; бѣда въ томъ, что вся совокупность учрежденій, при ихъ нынѣшнемъ строѣ, гнететъ всею тяжестью работящее, зажиточное, достойное населеніе, и, напротивъ того, льготитъ и ставитъ въ какое-то привилегированное положеніе всякаго вора и тунеядца.

Бѣда въ томъ, что всякій работящій, зажиточный, достойный селянинъ, неся всѣ тяжести государства, не пользуется отъ него ни малѣйшею гарантіей; напротивъ того, негодяй и тунеядецъ ликуетъ, живетъ на чужой счетъ и еще громко хвалится тѣмъ, что вотъ работящій человѣкъ то и дѣло теряетъ свое и за

все про все отвѣчаетъ; а онъ, кабацкая голь, ничего не теряетъ и не отвѣчаетъ ни за что̀.

Введеніе по деревнямъ мировыхъ судей не только не успокоило сельское населеніе сознаніемъ, что вотъ, наконецъ, появилась правильно-организованная власть и болѣе законъ не дремлетъ; напротивъ того, оказало совершенно противоположное дѣйствіе.

Пока не было никакой власти — ея ждали; естественно было надѣяться, что рано или поздно, но мѣстная сельская жизнь получитъ ее наконецъ. Напротивъ того, со введеніемъ мировыхъ судей, для всѣхъ стало ясно, что сельское благоустройство сочтено окончательно устроеннымъ, и болѣе въ этомъ отношеніи ждать нечего. А между тѣмъ, съ первыхъ-же дней практики мировыхъ судей, народъ понялъ, что это такое правосудіе, которому ни одно живое дѣло сельской казуистики неподсудно, и такого рода карательная власть, которая проступки и преступленія оставляетъ безнаказанными.

Про мировой судъ и про мировыхъ судей вообще должно сказать: въ столицахъ они еще имѣютъ какое-нибудь значеніе, въ губернскомъ городѣ болѣе чѣмъ въ уѣздномъ, а въ селахъ не имѣютъ никакого значенія.

Понятно, во-первыхъ, что для двухсотверстнаго разстоянія нашихъ уѣздовъ, двухъ-трехъ мировыхъ судей совершенно недостаточно. Понятно, во-вторыхъ, что въ сельскомъ быту и казуистикѣ, вращающейся среди мѣстнаго простонародья, судья въ то-же время необходимо долженъ быть еще въ извѣстной степени администраторомъ. Отдѣленіе власти судебной отъ административной не предполагаетъ-же во всякомъ случаѣ совершеннаго упраздненія административной власти: въ селахъ при замѣненіи мировыхъ посредниковъ мировыми судьями именно и произошло это самое. Наконецъ, втретьихъ, весьма понятно, что масса дѣлъ, возникающихъ въ сельской жизни, именно такова, что по преимуществу требуетъ суда живаго, личнаго усмотрѣнія всѣхъ обстоятельствъ живьемъ на мѣстѣ въ самый моментъ возникшаго или возникающаго правонарушенія, а не тогда, когда за далью верстъ и времени всѣ его слѣды скрыты.

Собственно говоря, есть много темныхъ дѣлъ, которыя въ настоящее время только потому въ сельской жизни и возникаютъ, что всѣ увѣрены въ полномъ отсутствіи какой-бы то ни было сельской администраціи. Существуй только она, ихъ-бы и не начиналось.

Кромѣ сплошнаго крестьянства, въ селахъ живутъ еще церковные причты и промышленные люди, усадьбы коихъ гнѣздятся тамъ и сямъ въ перемежку съ крестьянскими; отпускные нижніе военные чины; пришлые и случайно заѣзжіе люди то въ качествѣ батраковъ, то въ качествѣ арендаторовъ или другаго рода антрепренеровъ, безъ опредѣленной усадебной осѣдлости; наконецъ, собственно такъ-называемые помѣщики, усадьбы которыхъ отъ одного уѣзднаго города до другаго тянутся непрерывными оазисами среди надѣловъ крестьянства, этого сплошнаго сельскаго населенія.

Случаевъ искать защиты отъ государства всѣмъ этимъ разнообразнымъ сельскимъ жителямъ въ ихъ взаимныхъ столкновеніяхъ весьма довольно, какъ впрочемъ у людей вездѣ на свѣтѣ.

Прослѣдимъ однако, чѣмъ разрѣшается для сельскаго жителя такое исканіе защиты.

Прежде всего требуется оторваться отъ своихъ занятій, ѣхать изъ дому верстъ за сорокъ или за пятьдесятъ къ мировому судьѣ, съ вѣчнымъ рискомъ не застать его дома. Далѣе, заставъ его дома или передавъ свое прошеніе его письмоводителю, приходится ждать около мѣсяца того только, чтобы вновь повторить то-же самое путешествіе уже по оффиціальному вызову, съ оштрафованіемъ въ случаѣ неявки.

Въ заключеніе, какое-же рѣшеніе выслушаетъ истецъ въ большей части случаевъ? Оно почти всегда одно и то-же, и всякому напередъ извѣстно.

Мировой судья, связанный формальнымъ судопроизводствомъ, а главное состоящій именно только судьею, а не администраторомъ; обязанный не пресѣкать преступленія и не то что не допускать нарушенія правъ и благочинія, а лишь карать тѣ проступки, которые подходятъ подъ точныя рубрики предоставленной ему юрисдикціи,—мировой судья, даже при всей осязательности вины виновнаго, или признаетъ его дѣяніе себѣ неподсуднымъ, или недостаточно ухватимымъ.

Таково будетъ его оффиціальное рѣшеніе, высказанное имъ просителю вслухъ; а дружелюбно и келейно онъ тутъ-же подтвердитъ просителю, что еще и не такія дѣла накапливаются у него ежедневно и ежедневно оканчиваются ничѣмъ. Въ вящее утѣшеніе просителю, онъ нерѣдко и самъ будетъ расточаться въ увѣреніяхъ, что сплошная безнаказанность и повальная разнузданность царятъ кругомъ; что и самъ онъ, мировой судья, живетъ у себя

въ имѣніи какъ въ осадномъ положеніи; что у него у самого, кирпичъ за кирпичемъ, заборъ разбираютъ по ночамъ, крадутъ пчелъ и улья и проч.

Допустимъ, однакожъ, что истецъ явился къ мировому судьѣ во всеоружіи уликъ и формальныхъ доказательствъ. Вотъ отвѣтчикъ уличенъ окончательно,— но въ концѣ концовъ, какая въ томъ радость истцу? Никакой ровно.

Карательная власть мироваго судьи ограничивается или оштрафованіемъ виновнаго, или такъ-называемымъ лишеніемъ его свободы. Мировой судья можетъ еще приговорить къ возмѣщенію причиненныхъ убытковъ. Но чѣмъ все это разрѣшается на практикѣ?

О возмѣщеніи убытковъ, а также объ оштрафованіи не можетъ быть и рѣчи. Въ отвѣтъ судьѣ, налагающему штрафъ или присуждающему къ возмѣщенію убытковъ, негодяй тутъ-же торжественно объявляетъ, что у него за душой нѣтъ ни полушки; что мировому судьѣ вольно писать, что̀ угодно,— а самъ онъ гроша мѣднаго не выплатитъ. И въ концѣ концовъ, такому-то тунеядцу, который кралъ, воровалъ и всячески безпутствовалъ именно затѣмъ и для того, чтобы быть сытымъ или даже, чтобы себѣ доставить чувственное удовольствіе, не мозоля рукъ работою,— такому-то тунеядцу назначаютъ въ видѣ страшной кары... что-же? Даровыя щи и совершенную праздность въ острогѣ, на недѣлю, на двѣ,— и чѣмъ дальше, тѣмъ для самого тунеядца лучше.

Наказаніе того штрафомъ, у кого за душой нѣтъ ни полушки — болѣе чѣмъ забавно, и самъ осужденный первый понимаетъ это какъ нельзя лучше. А наказаніе даровыми щами и совершенною праздностью того, кто именно лишь одного и добивался, чтобы быть сыту, не мозоля рукъ работою,—по меньшей мѣрѣ не цѣлесообразно.

Вотъ потому-то гулящій народъ и хвалится по деревнямъ, что никакого онъ суда больше не боится и что никакого суда больше нѣтъ, и что если есть еще люди, которые живутъ работою,— такъ они дураки.

IV.

Наказаніе сельскихъ негодяевъ штрафомъ, котораго никто не платитъ, и арестомъ, который доставляетъ даровыя щи и праздность,—это чистѣйшая безнаказанность и она въ изумительной прогрессіи плодитъ тунеядцевъ.

Гуманнымъ этого, конечно, назвать нельзя.

Иное дѣло тѣ преступленія, которыя совершаются въ припадкахъ страсти и составляютъ болѣзненныя проявленія иступленной воли. Но никто не станетъ отрицать, что масса преступленій и проступковъ въ простонародьѣ совершается именно въ тѣхъ видахъ, чтобы доставить себѣ нужное или желаемое безъ труда, избывъ работы. Гуманнѣйшій и самый логическій выводъ отсюда одинъ: кто не желаетъ трудиться вольнонаемнымъ трудомъ для доставленія себѣ куска хлѣба или удовольствій, а предпочитаетъ ихъ доставлять себѣ преступленіями и проступками, тому наказаніе: насильный трудъ и физическая боль.

Справедливо, что тѣлесное наказаніе въ томъ видѣ, какъ оно практиковалось во время крѣпостнаго права, составляло всероссійскую язву: оно растлѣвало и нравственно портило самихъ наказующихъ. Въ этомъ смыслѣ, отмѣна тѣлеснаго наказанія и была такъ всѣми и всѣмъ желательна. Но иное дѣло обычай похотливыхъ крѣпостниковъ, и иное дѣло: казнь, кара, уголовное наказаніе, которыя уже по самому лексическому значенію ничуть не означаютъ: пріискиванье способовъ для доставленія виновному пріятныхъ ощущеній.

Вообще должно замѣтить, что при гостинодворской цивилизаціи и при тупости дѣйствительнаго чувства человѣческаго достоинства,— ни одно понятіе неспособно такъ запутать общественное сознаніе, какъ пошло понимаемая *гуманность*.

Въ Англіи и вольнонаемный трудъ и гуманность завелись ранѣе, чѣмъ пошли у насъ на всѣхъ перекресткахъ „либералы“. Тѣхъ тунеядцевъ, которые предпочитаютъ кусокъ хлѣба и чувственныя удовольствія не заработывать трудомъ, а добывать проступками и преступленіями, — въ Англіи наказываютъ именно физическою болью и насильнымъ трудомъ. Ихъ заставляютъ работать... хуже, чѣмъ изъ-подъ плети. И вотъ именно тутъ-то, испытывая личнымъ опытомъ всю тяжесть невольнической работы, караемый наконецъ приходитъ къ сознанію, что гораздо лучше работать вольнонаемнымъ трудомъ чѣмъ трудомъ насильнымъ и что если нужда заставляетъ идти въ службу или работу, то служить и работать слѣдуетъ трезво и честно.

Странное дѣло! У насъ многіе теперь хлопочутъ объ оклейкѣ острожныхъ камеръ хорошими обоями, объ улучшеніи арестантскихъ обѣдовъ и ужиновъ, объ украшеніи всякимъ пріятнымъ

времяпрепровожденіемъ арестантскаго досуга,—и никому не приходитъ въ голову, что „гуманничая“ такимъ образомъ, они, что̀ называется, слышатъ звонъ да не знаютъ съ какихъ онъ сторонъ.

Система наказаній для такого рода преступниковъ, которые безпутствуютъ именно отъ лѣни и привычки къ тунеядству; нанимаются въ услуженіе и не служатъ; нанимаются въ работу и только все портятъ; вступаютъ въ обязательство и не исполняютъ его, а еще причиняютъ вредъ и убытки,—пенитенціарная система для такого рода преступниковъ одна: дача самаго черстваго куска хлѣба лишь за самую тяжелую усиленную работу и, вмѣсто чувственнаго удовольствія, физическія лишенья и физическая боль. Караемый такимъ наказаніемъ спохватывается наконецъ и доискивается до простой, указанной выше, истины: то-есть, что и въ самомъ дѣлѣ гораздо лучше работать вольнымъ трудомъ, чѣмъ трудомъ насильнымъ, и что если нужда заставила наниматься въ работу, то слѣдуетъ работать хорошо.

Когда масса проступковъ, повторяемъ, изъ того только и совершается кабацкою голью, чтобы не трудясь быть сыту, то наказывать штрафомъ, котораго не платятъ, или даровыми щами и праздностью въ острогѣ, значитъ просто оставлять негодяевъ безъ наказанія. Это значитъ плодить и размножать тунеядцевъ покровительствомъ самаго закона; это значитъ ставить ихъ въ льготное и привилегированное положеніе въ тѣхъ даже рѣдкихъ случаяхъ, если они не ускользаютъ отъ всепрощающей юрисдикціи нынѣшнихъ мировыхъ судей.

V.

Въ самомъ дѣлѣ, кто-же не понимаетъ, что именно при казуистикѣ, возникающей при нашемъ сельскомъ житьѣ-бытьѣ въ простонародьѣ, притомъ еще изъ такихъ отношеній, каковы именно отношенія нанимателей къ нанимаемымъ,—почти вся масса дѣлъ непремѣнно требуетъ, чтобы „судья“ былъ въ то-же время еще и въ извѣстной степени „администраторомъ?“ Только наши доморощеные Монтескьё примѣшиваютъ и тутъ ни къ селу ни къ городу малолѣтнія высшія соображенія о такъ-называемомъ „раздѣленіи властей“—и рѣшительно ничего не понимаютъ.

Спрашивается: мыслимо-ли какое-бы то ни было человѣческое общество при совершенномъ отсутствіи мѣстнаго административнаго начала? Спрашивается, наконецъ: возможно-ли, безъ вся-

кой мѣстной администраціи, существованіе многомилліоннаго крестьянства, у котораго въ прежнее время, по выраженію умной Екатерины, сколько было помѣщиковъ, столько-же было и администраторовъ по всей Имперіи?

При новомъ порядкѣ вещей (разумѣемъ упраздненіе крѣпостнаго права) слѣдовало-же создать и сельскую администрацію на новыхъ началахъ (первоначальныя мировыя учрежденія составляли такое начало, хотя и временно), на какихъ-бы то ни было началахъ, но создать ее нужно было.

Воображать, что тутъ можно будетъ чего-нибудь достигнуть палліативными мѣрами невозможно; проводить мысль, что горю можно пособить усиленіемъ центральной губернской власти; удесятереніемъ уѣздныхъ чиновниковъ и разсылкой новаго рода становыхъ или окружныхъ по селамъ; наконецъ, прибавкою десятка или двухъ десятковъ жандармовъ на уѣздъ, немыслимо.

„Новаго вина не вливаютъ въ старые мѣха"; мѣстная жизнь можетъ быть ведена только мѣстными людьми, которые составляютъ плоть отъ плоти и кость отъ кости своего роднаго мѣста, своей русской земли. Первоначальныя мировыя учрежденія, повторяемъ, были воистину мировыми учрежденіями; сами мировые посредники въ ихъ полномочіяхъ, по смыслу Положенія 19-го февраля 1861 г., составляли дѣйствительную силу. Безъ довѣрія къ мѣстной интеллектуальной силѣ,— къ людямъ, возвышающимся по своему образованію и способнымъ eo ipso быть *общественными* людьми, — никакія учрежденія, ни мировой судъ, ни даже само земство, невозможны и будутъ буквой безъ духа.

VI.

Врачи увѣряютъ, что сифилисъ еще никогда такъ не господствовалъ въ русскомъ сельскомъ людѣ, какъ въ послѣднее время. Размножающимися-ли фабриками, чугунками-ли, постояннымъ-ли приливомъ отпускныхъ солдатъ въ села — плодится это зло въ страшной прогрессіи; накапливалось-ли оно исподволь отъ непринимані никакихъ мѣръ въ прежнее время,—только фактъ заключается въ слѣдующемъ: какъ прежде русское село казалось застрахованнымъ отъ этой губительной заразы, такъ, напротивъ того, въ настоящее время изъ края въ край по цѣлой Россіи, во всѣхъ селахъ, эта болѣзнь пользуется самою печальною популярностью.

Молодежь, отбившись отъ стариковъ, живетъ на сторонѣ; если даже не гуляетъ,—а большею частью именно гуляетъ,—то заработки молодежи не поступаютъ домой. Пробившись такъ нѣсколько лѣтъ къ ряду, старики наконецъ силой удерживаютъ молодцовъ дома; они вопятъ и въ волостномъ правленіи и вездѣ, гдѣ только могутъ, объ исправленіи ихъ бунтующихъ сыновей. Такъ какъ однакожъ дома отъ такого блуднаго сына не становится не только радости, но и никакого житья, то семья пробуетъ сбыть его въ работники куда-нибудь по близости и у себя на глазахъ. Семья разсчитываетъ заработками своего безпутнаго члена уплатить по крайней мѣрѣ хоть часть его многолѣтнихъ недоимокъ. Однакожъ работники такого сорта (а въ работу большею частью изъ мѣстнаго населенія и нанимается одно отребье) успѣваютъ забрать жалованье въ свои руки, притомъ всегда впередъ, и спиваются съ круга.

Почти въ каждомъ селѣ кабакъ, а въ большихъ селахъ ихъ по нѣскольку. Гдѣ нѣтъ открытаго кабака, тамъ непремѣнно найдется нѣсколько потаенныхъ шинковъ съ продажей сквернаго вина. Сколько тутъ пропивается денегъ, это можетъ показаться даже невѣроятнымъ и неправдоподобнымъ. Кромѣ денегъ сюда несутъ еще мѣшки съ овсомъ и мукой, куръ, барановъ. Доходитъ до того, что домохозяинъ уноситъ въ кабакъ горшокъ недоваренной каши, только-что поставленный хозяйкою въ печь. Засѣданія въ этихъ заведеніяхъ становятся годъ отъ году все многолюднѣе, входитъ въ обычай именно тутъ совѣщаться о мірскихъ дѣлахъ.

Картежная игра царитъ въ селахъ. Прежде, и сравнительно въ не очень отдаленное время, не было и слышно въ селахъ про карты. Теперь играютъ почти всѣ; игра тянется насквозь всю ночь; нерѣдко играющая компанія кочуетъ изъ села въ село, и такимъ образомъ игра, начавшаяся въ одномъ мѣстѣ, оканчивается въ другомъ или третьемъ, поглотивъ нѣсколько сутокъ.

Нерѣдко приходится слышать, что народъ обремененъ податями, что народъ разоренъ; указываютъ на общія причины нашего обще-плохаго экономическаго состоянія, требуютъ въ извѣстномъ направленіи реформъ и улучшеній; это особый вопросъ. Равномѣрность податей и повинностей весьма желательна; законная свобода желательна одинаково для всѣхъ. Но въ настоящемъ случаѣ не о томъ рѣчь. Мы хотимъ только сказать, что соболѣзнованія нѣкоторыхъ петербуржскихъ фельетоновъ на ладъ Некрасовской

поэзіи о томъ, что бѣднякъ-крестьянинъ — горемыка, и бьется какъ рыба объ ледъ изъ-за насущнаго куска хлѣба, порѣзываетъ серпомъ голыя ноженьки и кислый квасъ смачиваетъ тайною слезою,— все это пошлый вздоръ.

Экономическія доказательства противъ этого; они у всѣхъ на глазахъ и ими подтверждается совсѣмъ другое.

Экономическая истина заключается въ слѣдующемъ: тамъ, гдѣ простонародье голодаетъ, гдѣ изъ-за куска насущнаго хлѣба народъ готовъ трудиться какъ волъ,—тамъ со всѣхъ сторонъ къ хозяину напрашиваются рабочіе; тамъ десятеро работниковъ ухаживаютъ и гоняются за однимъ хозяиномъ.

У насъ наоборотъ: десятеро хозяевъ гонятся за однимъ и тѣмъ-же работникомъ. И это не только при какихъ-нибудь спѣшныхъ безотлагательныхъ работахъ и не въ такихъ мѣстахъ, какъ за Волгою или въ Новороссіи, гдѣ отбиваніе другъ у друга рабочихъ оканчивается нерѣдко дракою, даже смертоубійствомъ; а почти сплошь, всюду, и для какихъ угодно работъ.

Сравнительно въ нетрудное время и для работъ весьма легкихъ (напримѣръ копать картофель) у насъ сплошь да рядомъ нельзя докликаться рабочихъ даже за такую плату въ день, которая обезпечиваетъ трехъ и четырехъ-суточный прокормъ. Если въ иномъ мѣстѣ и укажутъ на противоположные примѣры, это будутъ исключенія и частные случаи; вообще-же говоря, у насъ на ту или другую поденную работу, за такую плату, которая обезпечиваетъ прокормъ на нѣсколько сутокъ, ни работниковъ, ни работницъ не является; даже никто съ печки не двинется изъ-за этого. Это явленіе общее; а на ряду съ тѣмъ недоимки, нищета, запущенные долги и невзысканные штрафы...

Въ виду именно такого состоянія сельскихъ нравовъ, что̀ можетъ власть мироваго судьи, а другой власти нѣтъ; если она когда-то и была въ зародышѣ, то теперь „вся вышла“.

VII.

Если пьяная ватага дорогой изъ кабака остановилась у воротъ вашей усадьбы затѣмъ, чтобы доиграть тутъ свои игры и чтобы допѣть тутъ свои пѣсни, наконецъ просто для того даже, чтобъ обратить вашъ красный дворъ въ свой дворъ отхожій,— какое дѣло до всего этого мировому судьѣ?

Если вашъ работникъ, вмѣсто того, чтобы пахать на вашей, довѣренной ему, лошади, слеталъ на ней въ ближній кабакъ, откуда лошадь и вернулась одна даже безъ уздечки; а работникъ отыщется только на другой или на третій день гдѣ-нибудь подъ плотиной, — при чемъ тутъ будетъ юрисдикція мироваго судьи?

Если въ вашемъ пруду купаются для своего прохлажденія и безчинствуютъ пьяные, а ребятишки охотятся съ камнями за вашими утками и гусями и ребяческими голосами горланятъ такія пѣсни объ „Аннушкахъ", что не всегда ихъ услышишь даже отъ взрослыхъ фабричныхъ;—какое до всего этого дѣло мировому судьѣ?

Если въ зимнія сумерки къ вашей околицѣ подъѣхало на тройкѣ полдюжины молодцовъ съ дубинами, которыхъ вся округа знаетъ за отъявленныхъ воровъ,—къ какой власти прикажете отнестись, чтобъ избавиться отъ такого nocturno? Если не болѣе какъ черезъ часъ послѣ пріѣзда этихъ господъ, всѣ собаки на вашемъ дворѣ оказываются издохшими или издыхающими отъ отравы или отъ подкинутаго хлѣба съ иголками, къ кому обратиться въ ту самую минуту для охраненія и для отвращенія подобныхъ посѣщеній за будущее время?

Единственное лицо, въ нѣкоторомъ родѣ административное, къ кому можно обратиться во всѣхъ исчисленныхъ случаяхъ, это, конечно, не мировой судья, а развѣ-развѣ сельскій староста, опять все тотъ-же кругомъ безпомощный староста.

Похвальба пустить на дымъ избу, поджечь хлѣбъ, наконецъ просто придушить или топоромъ покончить, во всей силѣ царитъ въ сельскомъ быту; а ежедневный опытъ вопіюще свидѣтельствуетъ мірянамъ, какъ положительна и существенна такая похвальба...

Поддержки ни откуда, защиты никакой; безпомощность, полная безпомощность на сто верстъ кругомъ.

VIII.

Если правда, что краеугольный камень государственнаго спокойствія зиждется на спокойствіи сельской глуши и весь устой общественнаго порядка держится, главнымъ образомъ, тишиною и спокойствіемъ, миромъ сельскихъ массъ, — то это особенно должно считаться правдою у насъ въ Россіи, которая составляетъ какъ-бы сплошное сельское царство и гдѣ города и городское населеніе относятся ко всему остальному почти какъ капли къ морю.

Безъ преувеличенія должно сказать, что въ сельско-уѣздной жизни по селамъ нѣтъ житья...

Анархія со дня на день все болѣе поднимаетъ голову. Центральная губернская власть существуетъ себѣ, а анархія еще несомнѣннѣе заявляетъ о своемъ собственномъ существованіи въ селахъ... Чего слухомъ не слыхать было на Руси, зарождаются инстинкты въ народѣ, которыхъ ужъ нельзя называть народными, а прямо слѣдуетъ назвать инстинктами черни... Воровство и грабежъ одиночные начинаютъ переходить въ разбои шайками.

Разложеніе быта семейнаго, общественнаго, экономическаго, чувствуется въ быту крестьянъ — куда ни погляди. Лучшіе изъ нихъ жалуются на безправіе, на безгрозицу, сами вопятъ о помощи... Ея нѣтъ ни откуда.

Нынѣшніе „мировые посредники" (не въ насмѣшку-ли называть ихъ такъ въ теперешнее время?!) обращены въ простыхъ сборщиковъ податей, въ опекуновъ нижнихъ отпускныхъ военныхъ чиновъ; они принижены до послѣднихъ полицейскихъ чиновниковъ. За отказомъ порядочныхъ людей, они набираются изъ всякой всячины; не умѣютъ правильно написать ни проекта разверстанія, ни выкупнаго договора, такъ что въ наши дни, по дѣламъ этого рода, буквально не къ кому обратиться. Мировые судьи бездѣйствуютъ и безвластвуютъ, хотя и завалены дѣлами, и со всѣхъ сторонъ осаждаются просящими помощи и защиты. Земство точно игнорируетъ само себя (да ему, собственно говоря, другаго нѣчего и дѣлать). Все обращается сплошь въ мертвую букву. Душа убываетъ...

Прошло двѣнадцать лѣтъ съ обнародованія благословенно-памятнаго Положенія 19-го февраля 1861 года. Много съ тѣхъ поръ произошло всякихъ перемѣнъ въ русской жизни. Много совершено свѣтлыхъ дѣлъ; но совершились и черныя, вѣчно-скорбной памяти происшествія...

Такъ или иначе, но не даромъ прошли эти десять, двѣнадцать лѣтъ для внутренней жизни Россіи. Въ общественномъ сознаніи много „модныхъ истинъ" сбито со своихъ мѣстъ; по многимъ вопросамъ разныя спорныя точки зрѣнія замѣнились новою, при которой исчезаютъ прежнія взаимныя противорѣчія; напротивъ тò, что по другимъ вопросамъ прежде представлялось для всѣхъ единственно-возможнымъ и логически-необходимымъ, даетъ уже теперь угадывать всю свою нелѣпость — съ точки зрѣнія дру-

гихъ ново-открывшихся сторонъ. Тогдашнiе враги и противники нынче, по многимъ вопросамъ, очутились въ однихъ и тѣхъ-же рядахъ. Старинная вражда двухъ противуположныхъ лагерей, рѣзко-обозначившихся при первомъ подъемѣ вопроса объ освобожденiи крестьянъ, миновала... Само это „крѣпостное право“ похоронено. Настаётъ потомство, наступаетъ исторiя даже для шестидесятыхъ годовъ.

И вотъ на-лицо опять выдвигается на первый планъ одинъ и тотъ-же вопросъ, чтò и въ самомъ началѣ обновленiя русскаго общества въ нынѣшнее царствованiе. И этотъ вопросъ все громче день ото дня заявляетъ теперь о себѣ: быть или не быть у насъ истинному самоуправленiю? Существовать или не существовать истинному мировому институту? Развиваться и становиться на ноги или, напротивъ того, чахнуть и глохнуть мѣстной внутренней жизни, мѣстному политическому элементу?

Если существуетъ искренность въ отношенiи къ нему и полное довѣрiе, тогда и современнѣйшему изъ всѣхъ нашихъ современныхъ вопросовъ, вопросу о „сельскомъ самоуправленiи“ (который громко вопiетъ о себѣ) можно предвидѣть близкое и плодотворное рѣшенiе. Если-же нѣтъ, если полной искренности и довѣрiя не существуетъ къ мѣстнымъ, живымъ, внутреннимъ силамъ Россiи, тогда и толковать не о чемъ. Тогда и вопросъ о сельской администрацiи, о сельскомъ благосостоянiи, останется еще надолго открытымъ вопросомъ, пригоднымъ для импровизацiи всякихъ новыхъ чиновничьихъ бюрократическихъ затѣй и экспериментовъ; столь долго по крайней мѣрѣ, пока современная сельская дѣйствительность, которую мы старались охарактеризовать въ общихъ чертахъ, не приведетъ къ какому-нибудь — хочешь не хочешь — вынужденному рѣшенiю.

IX.

Когда Положенiе 19-го февраля 1861 года было по селамъ объявлено народу, выдался одинъ моментъ весьма замѣчательный. Про старый порядокъ уже было сказано на всю Россiю: le roi est mort, а новаго порядка еще не водворилось. Одновременное vive le roi не относилось ни къ кому; учрежденiя мировыхъ посредниковъ и съѣздовъ только позднѣе вступили въ силу: сельскiе мировые участки установились лишь впослѣдствiи.

Именно въ этотъ безвластный промежутокъ времени явилось смущеніе въ народѣ. Почувствовался страхъ какъ-бы предъ грозой. Мѣстами произошли частные безпорядки. Богъ знаетъ до какихъ размѣровъ они могли-бы достигнуть, еслибъ этотъ смутный промежутокъ времени продлился.

Но вотъ мировые посредники утверждены въ должности; вступили въ силу и мировые съѣзды: завелися (въ прямомъ смыслѣ этого слова) сельскіе мировые участки. На всѣхъ точкахъ уѣзда появилась правильно организованная власть; появились новыя учрежденія, свойственныя новому порядку вещей, и новые общественные люди, свойственные духу этихъ новыхъ общественныхъ учрежденій. Первоначальныя мировыя учрежденія явились воистину новыми учрежденіями, не имѣвшими ничего общаго со всею совокупностью прежнихъ бюрократическихъ, обусловленныхъ крѣпостнымъ правомъ, учрежденій. Они представили въ петербуржскій періодъ — свѣжее начало, вносимое въ обновленную русскую жизнь: иной *режимъ* противъ вчерашняго отжившаго свой вѣкъ.— Всѣ враги Россіи, которые злорадостно прислушивались ко всякому ея болѣзненному симптому, выставляли „крѣпостную" Россію страшилищемъ съ виду, безъ всякой, въ то-же время, внутренней силы. По ихъ увѣреніямъ, это была страна безъ народа, представлявшая одинъ мертвый механизмъ бюрократіи.

Въ отзывахъ о Россіи крѣпостныхъ временъ, конечно, было много преувеличеннаго и односторонняго; но дѣло въ томъ, что бюрократическій порядокъ, этотъ въ своемъ родѣ нашъ петербуржскій ancien régime, вовсе не составляя существенной принадлежности русской исторіи, самъ въ извѣстной степени обусловливался крѣпостнымъ правомъ и его обусловливалъ,— былъ въ возмездіе за него нашею казнью въ своемъ родѣ. При крѣпостномъ правѣ была немыслима народная самодѣятельность: оно только усиливало у насъ этотъ ancien régime и по необходимости служило къ его утучненію.

Отсюда понятно, почему наша лучшая журналистика пятидесятыхъ годовъ, призывая благожеланьями крестьянскую реформу, не переставала съ сокрушеніемъ указывать на эту все болѣе утолщавшуюся стѣну тройной и четверной бюрократіи, которая такъ непрошенно воздвиглась между народомъ и всѣмъ, что̀ движетъ народъ на его историческомъ поприщѣ. Много русскихъ поколѣній съ тѣмъ и сошли въ могилу, что преграда эта казалась для нихъ

неодолимою, и они читали на ней суровую надпись Дантова ада: „Оставь надежду навсегда!“

И вотъ, въ шестидесятыхъ годахъ не только возникла надежда, о которой не смѣли думать сошедшія въ могилу поколѣнія, но казалось совершается и самое осуществленіе надежды.

Народъ, коснѣвшій до того времени подъ ярмомъ крѣпостнаго права, вдругъ былъ призванъ къ самобытности. Объявилась, дѣйствительно, цѣлая новая многомилліонная жизнь со своеобразными требованіями, задачами, запросами. Потребовались и дѣятели которые могли-бы стоять къ этой жизни лицомъ къ лицу. Вопросы быта, возникавшіе въ народѣ, схватывались на мѣстѣ мировымъ учрежденіемъ; отчасти рѣшались тутъ-же мѣстными дѣятелями; отчасти переносились въ свой уѣздный городъ на мировой съѣздъ, а частью переносились еще выше, въ учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ еще болѣе центральныя, въ мѣстныя губернскія присутствія; откуда уже возводились, въ случаѣ надобности, въ сферы, соприкасавшіяся съ самыми вершинами власти.

Понятно, съ одной стороны, что такого рода вопросы, возникавшіе изъ самого народнаго быта, не могли иначе рѣшаться и въ сравнительно-высшихъ сферахъ, какъ именно въ томъ смыслѣ и въ томъ разумѣ, какъ они были сознаны самимъ народомъ—вездѣ у себя по разнымъ мѣстамъ. Здѣсь, такимъ образомъ, упразднялся даже самый поводъ для какихъ-либо мѣропріятій, источникомъ которыхъ является обыкновенно личное вдохновеніе удаленныхъ отъ мѣстности администраторовъ. Обнаруживая свою энергію лишь въ мѣру обращаемыхъ къ ней запросовъ, тогда власть только возводила въ нормы разнослучайности и крайности мѣстно-заявленныхъ требованій, регулируя ихъ въ видахъ общегосударственной пользы. Понятно, съ другой стороны, что самыя эти узаконенія и утверждаемыя нормы, приходившія обратнымъ путемъ въ народъ, какъ быстрые и желанные отвѣты на его собственные запросы, оказывали благотворное вліяніе на политическое воспитаніе народа и пріучали его къ здравому политическому смыслу. Народъ ежеминутно слышалъ, что сверху къ нему идетъ быстрое и желанное разрѣшеніе его собственныхъ недоумѣній,—отвѣтъ на запросы не какихъ-либо мнимыхъ, а дѣйствительно возникшихъ въ его быту потребностей, и притомъ лишь въ мѣру имъ самимъ вызванной энергіи.

Безъ преувеличенія можно сказать, что въ тотъ день, когда мировое учрежденіе будто какимъ чудомъ взялось въ народѣ и

среди народа, вся земля до послѣднихъ крестьянъ послышала себя наконецъ не мертвою грудой грубаго матеріала, а дѣйствующею, зиждущею силой самого государства, которое въ тотъ-же мигъ и само перестало казаться народу чѣмъ-то чуждымъ, чѣмъ-то стоявшимъ *внѣ* его и будто съ нимъ въ антагонизмѣ. Народъ объ руку съ мировымъ учрежденіемъ (которое служило опорой его собственному самоуправленію и являлось его продолженіемъ) живо чувствовалъ свою однородность и неразрывность, свою политическую солидарность со всѣмъ, чѣмъ только держится Россія, даже до самой вершины властедержательства. Той ветхой стѣны бюрократіи, застившей солнце отъ народа, какъ не бывало. Того самовластительства пришлыхъ, насланныхъ со стороны, чужеядцевъ, о которыхъ враги Россіи писали, что они ее держатъ въ осадномъ положеніи, не осталось и тѣни.

Мировой посредникъ, обращаясь поминутно въ народѣ и съ народомъ, то и дѣло успѣвалъ показываться на всѣхъ точкахъ ввѣреннаго ему участка; наконецъ, съ быстротой, не оставлявшею желать ничего бо̀льшаго, появляясь на зовъ каждаго именно тамъ, гдѣ особенно нуждались въ его скорой помощи, мировой посредникъ постоянно являлся для народа еще провозвѣстникомъ совершенно новаго порядка вещей и представителемъ еще неслыханнаго въ петербуржскій періодъ права. Какого-же новаго порядка? Какого новаго права? Того новаго порядка вещей, который сразу упразднялъ старинную систему внутренней политики, олицетворенной въ Гоголевскомъ Держимордѣ, и въ то-же время подсѣкалъ въ корнѣ доктрину будто безъ этой политики непремѣнно послѣдуетъ анархія,—того новаго права, по которому одинаково не допускалось и даже не мыслилось своеволіе какъ со стороны высшей, такъ и низшей братіи, ни даже со стороны сельскаго міра относительно своихъ членовъ,—того, наконецъ, новаго порядка вещей и новаго права, по которымъ „служба" обращалась по древней русской старинѣ въ дѣйствительное трудовое служеніе на пользу общества, а не въ чиновную регалію относительно своихъ подчиненныхъ, съ вѣчнымъ приниженіемъ въ свою очередь предъ собственнымъ непосредственнымъ начальствомъ—свойство всѣхъ бюрократій въ мірѣ.

Дарованныя Положеніемъ 19-го февраля 1861 года мировыя учрежденія явили у насъ на Руси дѣйствительный образецъ мѣстной правительственной власти, которая, находясь подъ живымъ

контролемъ власти центральной, то-есть губернской, не была ей обязана бюрократическою подчиненностью, а служила землѣ, сохраняя за собою чисто земскій, то-есть общественный характеръ: понятно, что чрезъ это она и служила дѣйствительную службу самому государству. Первоначальныя мировыя учрежденія, такимъ образомъ, представляли у насъ несомнѣнный зачатокъ истинной политической силы уже прямо земскаго, то-есть чисто-общественнаго характера.

Странно упускать изъ виду именно этотъ глубокій, существенный смыслъ, который прежде всего и порадовалъ Россію въ созданіи мировыхъ учрежденій. А его-то, какъ напослѣдокъ оказалось, проглядѣли быть можетъ сами такъ-называемые „друзья народа", сами устроители эмансипаціи. За то его зорко выглядѣли, такъ въ него и воззрились нѐдруги народа: его казенные командиры. Потомъ враги и друзья очутились въ однихъ рядахъ.... все смѣшалось въ дикой разноголосицѣ. Много скорбныхъ, черной памяти, происшествій тутъ примѣшалось на бѣду всему... Всходы, обѣщавшіе плодотворную жизнь, загибли. Загибло именно тȯ, чему только и слѣдовало мужать и крѣпнуть, развиваясь на общую пользу въ духѣ истины и добра.

X.

Призывались къ должности не насланные со стороны чиновники, а „мѣсту прирожденные" люди, для которыхъ охраненіе ихъ сельскаго участка было уже простымъ самоохраненіемъ.

Цензъ — не столько имущественно-высокій, сколько высокій по образованію — служилъ порукой, что самое это охраненіе будетъ ведено по справедливости и на основаніи чувства долга, ибо истинно-гуманное образованіе въ томъ и состоитъ, чтобы возвышаться надъ своимъ личнымъ или сословнымъ эгоизмомъ — въ интересѣ общественной правды.

Вся мѣстная интеллигенція (мы въ правѣ выразиться такъ именно по требованію ценза высокаго развѣ лишь по образованію) была зачислена въ списокъ кандидатовъ на должности мировыхъ посредниковъ. Если въ первое время мировыми посредниками явились исключительно дворяне, то потому только, что въ тѣ времена они же исключительно были и землевладѣльцами.

Но изъ общаго списка кандидатовъ кого-же напослѣдокъ утвердить въ должности? Кому еще предоставить самое право этого

утвержденія? *Во-первыхъ*, число мировыхъ участковъ, а слѣдовательно и посредниковъ, не ограничено закономъ; самому обществу предоставлено опредѣлить ихъ число въ мѣру мѣстныхъ потребностей. Такимъ образомъ, въ иныхъ губерніяхъ и по многимъ уѣздамъ, лицъ внесенныхъ въ списокъ оказывалось въ наличности менѣе чѣмъ требуемыхъ должностей. *Во-вторыхъ*, даже шансы и этого окончательнаго выбора уравновѣшены съ замѣчательнымъ тактомъ. Списки кандидатовъ, по ихъ одобреніи уѣзднымъ дворянскимъ собраніемъ, передавались мѣстному губернатору, который и „назначалъ мировыхъ посредниковъ по совѣщаніи съ губернскимъ и уѣзднымъ предводителями дворянства". Это было вполнѣ нормально: въ первое время, когда самое дворянство являлось въ крестьянскомъ дѣлѣ заинтересованною стороной, губернская власть, какъ представительница государственныхъ интересовъ, являлась нейтральною стороной между помѣщикомъ и крестьяниномъ, и даже по преимуществу какъ-бы адвокатомъ послѣдняго.

Мировые посредники, такимъ образомъ избранные не безъ соблюденія извѣстныхъ гарантій въ пользу крестьянства, имѣли на своей сторонѣ всѣ задатки, чтобы пользоваться равнымъ довѣріемъ обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ. Иные публицисты наивно полагали, что довѣріе обѣихъ сторонъ было необходимо мировымъ посредникамъ лишь на первое время, для размежеванія имущественныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами; словомъ, для разрѣшенія на практикѣ лишь экономической стороны крестьянской реформы. Но если это довѣріе въ самомъ дѣлѣ требовалось даже для того, чтобы правильно отводить надѣлы, то во сколько-же еще разъ оно было необходимѣе для того, чтобъ установить правильныя юридическія отношенія между вчерашними крѣпостными и ихъ старинными вотчинниками; для того, чтобы заложить первые основные краеугольные камни всего будущаго земскаго развитія?

Необходимость такого довѣрія, а вмѣстѣ и авторитета, только тогда получаетъ свой наибольшій смыслъ, когда мы взглянемъ на мировыхъ посредниковъ именно какъ на водворителей и установителей новаго порядка вещей въ сферѣ ужъ вовсе не однихъ имущественныхъ отношеній. Именно на ихъ долю выпала высокая обязанность: ввести въ дѣйствіе и обезпечить дальнѣйшее преуспѣяніе крестьянскаго самоуправленія, даннаго законоположеніемъ 19-го февраля 1861 года. Имъ была вручена и довѣрена сильная правительственная власть, при которой мѣстное сельское населе-

ніе не должно было казаться брошеннымъ на произволъ судьбы; при которой власть и старшинъ и старостъ, и обязанности на нихъ возложенныя закономъ, не казались еще пустыми словами, лишенными на практикѣ всякаго значенія. Напротивъ того, земскій миръ никогда не былъ обезпеченъ такъ прочно и не имѣлъ столько силы какъ первые годы по обнародованіи Положенія 19-го февраля 1861 г.

Такъ какъ вначалѣ самъ мировой посредникъ учреждалъ весь волостной порядокъ, организовалъ и сельскіе и волостные сходы, въ случаѣ ихъ сверхъ-правныхъ рѣшеній объявлялъ ихъ ничтожными, утверждалъ въ должности и приводилъ къ присягѣ волостныхъ старшинъ, временно ихъ удалялъ собственною властью, а чрезъ мировой съѣздъ и по утвержденіи губернаторомъ вовсе отрѣшалъ отъ должности; наконецъ, какъ „отъ крестьянъ и помѣщиковъ, такъ и отъ посторонних лицъ, принималъ жалобы на общественныя управленія, на сельскихъ и волостныхъ должностныхъ лицъ", внося эти жалобы со своимъ заключеніемъ на рѣшеніе мироваго съѣзда,— то весьма понятно, что въ должности мироваго посредника сосредоточивалось существенное значеніе достаточно-сильной правительственной власти; а не была она лишь слѣпымъ орудіемъ высшихъ бюрократическихъ сферъ съ бюрократическимъ-же безсиліемъ въ своей собственной.

Припомнимъ что самъ законъ возложилъ на сельскихъ старостъ и на старшинъ напримѣръ слѣдующія обязанности: „Принимать мѣры для охраненія благочинія и порядка и безопасности лицъ и имуществъ отъ преступныхъ дѣйствій; предупреждать, чтобы не было потравъ и порубокъ; задерживать бродягъ, распоряжаться подачею помощи въ чрезвычайныхъ случаяхъ; наблюдать за нераспространеніемъ въ народѣ вредныхъ тольковъ и слуховъ; дѣлать предварительныя дознанія, задерживая виновныхъ и охраняя слѣды преступленій; вообще предупреждать и пресѣкать преступленія и проступки; принимать полицейскія мѣры для открытія и задержанія виновныхъ; прекращать буйство и имѣть надзоръ за лицами подозрительнаго поведенія; задерживать безпаспортныхъ".

Насколько самъ законъ считалъ эти обязанности, возложенныя на сельскихъ старостъ и старшинъ, существенными, видно между прочимъ изъ того, что при исчисленіи дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію мироваго посредника, поименованы особымъ пунктомъ именно „жалобы на допущеніе старостою или старшиной безпорядковъ въ исполненіи полицейскихъ обязанностей".

Не надо забывать еще и того, что при всей самостоятельности волостнаго суда, о чемъ будетъ говорено ниже, онъ не былъ выключенъ изъ-подъ контроля мироваго посредника. Исполненіе приговоровъ волостнаго суда предоставлено *старостѣ и старшинѣ подъ ихъ общею отвѣтственностью.* Такимъ образомъ (принимая на собственный страхъ приведеніе въ исполненіе приговоровъ волостнаго суда) и староста и старшина, естественно, обращались къ мировому посреднику то за совѣтомъ, то за содѣйствіемъ во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ. Притомъ, по статьѣ Положенія о принятіи жалобъ на неправильныя дѣйствія „сельскихъ и волостныхъ должностныхъ лицъ", посредникъ даже былъ обязанъ пріостановить неправильное рѣшеніе въ случаѣ жалобы обиженной стороны и самую жалобу съ своимъ заключеніемъ внести въ мировой съѣздъ.

Наконецъ, дѣла по нѣкоторымъ судебно-полицейскимъ разбирательствамъ возлагались самимъ закономъ прямо на мироваго посредника, именно: по найму землевладѣльцами людей въ разныя работы, въ услуженіе и въ хозяйственныя должности,— а этимъ исчерпывается девять-десятыхъ всѣхъ дѣлъ сельской казуистики. Притомъ, хотя всякое рѣшеніе мироваго посредника подлежало обжалованію; но въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ напримѣръ при спѣшныхъ полевыхъ работахъ, рѣшенія его немедленно приводились въ исполненіе.

Хотя такое несомнѣнно-правительственное значеніе мировыхъ посредниковъ, конечно, заставляло ревниво къ нимъ относиться всѣхъ привыкшихъ считать какую-бы то ни было административную власть своимъ собственнымъ крѣпостнымъ правомъ; но крестьяне, вышедшіе изъ крѣпостной зависимости, благословляли власть мировыхъ посредниковъ, видѣли въ ней задатокъ и основу своего собственнаго самоуправленія и вообще земскаго.

XI.

Дѣла сверхъ-правныя для мировыхъ посредниковъ рѣшались въ уѣздныхъ мировыхъ съѣздахъ. Съ ними, замѣтить кстати, ничего не имѣютъ общаго нынѣшніе съѣзды мировыхъ судей ни по вѣдомству дѣлъ, ни по тому расположенію, съ которымъ все окружающее уѣздный городъ сельское населеніе относилось бывало къ первоначальнымъ съѣздамъ мировыхъ посредниковъ.

Кромѣ того, что тутъ разбирались болѣе важныя дѣла, возникавшія собственно изъ имущественныхъ отношеній (по уставнымъ грамотамъ, по разверстаніямъ и т. п.), существенное значеніе мироваго съѣзда обусловливалось именно тѣмъ, что его вѣдѣнію подлежали жалобы самихъ крестьянъ, помѣщиковъ, а также и посторонних лицъ „на неправильныя дѣйствія общественныхъ управленій, на сельскихъ и волостныхъ должностныхъ лицъ". Народъ не напрасно видѣлъ въ то время въ мировомъ съѣздѣ лишь продолженіе крестьянскаго мироваго устройства. Посредникъ, которому по мѣстнымъ обстоятельствамъ подана жалоба на волостное управленіе или даже на волостныхъ судей, представляетъ ее на разсмотрѣніе мироваго съѣзда со своимъ заключеніемъ, и зная дѣло во всей его живой обстановкѣ, естественно является его докладчикомъ. Мировые посредники всѣхъ участковъ и всѣ тѣ кандидаты къ посредникамъ, которые экстренно призваны къ занятіямъ, составляютъ этотъ мировой съѣздъ; предсѣдательствуетъ-же на немъ мѣстный предводитель дворянства.

И какъ самъ мировой посредникъ, такъ и весь этотъ мировой съѣздъ за предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя, для крестьянина, для народа — власть ему весьма близкая, ему своя. Стекаясь сюда изо всѣхъ мировыхъ участковъ, со всѣхъ точекъ уѣзда, по такимъ дѣламъ, по которымъ власть ихъ собственнаго мироваго посредника оказывалась сверхправною, крестьяне были напередъ увѣрены, что на этомъ мировомъ съѣздѣ найдутъ себѣ нелицепріятную и неподкупную правду. Здѣсь получали они безотлагательное рѣшеніе по большей части жалобъ на неправильныя дѣйствія своихъ старшинъ, старостъ, волостныхъ судей и вообще мірскихъ управленій.

По дѣламъ, возникавшимъ изъ имущественныхъ отношеній, здѣсь крестьяне получали безотлагательное удовлетвореніе при законности ихъ притязаній. Въ противномъ случаѣ, когда именно приносили жалобу на отказъ своего мѣстнаго мироваго посредника, получали по крайней мѣрѣ авторитетное подтвержденіе цѣлаго съѣзда о незаконности ихъ притязаній съ разъясненіемъ всѣхъ тѣхъ обстоятельствъ и поводовъ и статей Положенія, вслѣдствіе коихъ просьба ихъ съ самаго начала не подлежала удовлетворенію.

Наконецъ по всѣмъ дѣламъ, окончательное рѣшеніе коихъ зависѣло отъ губернскаго присутствія, мировой съѣздъ, на глазахъ крестьянъ, на глазахъ самихъ просителей, съ истолкованіемъ

всѣхъ къ тому основаній, препровождалъ бумаги въ губернское присутствіе, откуда къ слѣдующему-же мировому съѣзду они въ большей части случаевъ, особенно въ первое время, возвращались уже съ отвѣтомъ.

Составъ самого губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія уравновѣшенъ съ безукоризненнымъ тактомъ.

Въ немъ засѣдали, въ равномъ числѣ, какъ члены отъ дворянства (естественные представители помѣщичьихъ интересовъ), такъ и члены отъ правительства (защитники интересовъ крестьянъ); наконецъ, самому губернатору отведено тутъ предсѣдательское кресло.

Предоставленіе въ губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи предсѣдательскаго кресла губернатору имѣетъ въ этомъ случаѣ существенную важность. (Слѣдуетъ притомъ принять въ соображеніе, что и губернскій предводитель дворянства полагается непремѣннымъ членомъ присутствія). Неоспоримо, что именно центральной губернской власти принадлежитъ общій контроль всѣхъ вообще мѣстныхъ учрежденій губерніи въ государственныхъ видахъ. Было-бы дѣтски-забавно оспаривать полную справедливость такого контроля, или видѣть въ томъ какое-то слезное огорченіе мѣстному мировому институту... все это были-бы опять лишь малолѣтнія высшія соображенія! Съ другой стороны, въ этомъ предоставленіи губернатору предсѣдательскаго кресла въ губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи сказалась еще чутко-разгаданная потребность минуты. Для губернской власти это вовсе не было въ то время лишнею наддачей правъ, а скорѣе возложеніемъ на нее новыхъ тяжелыхъ обязанностей.

Главная губернская власть, въ тѣ дни, черезъ мѣстное мировое учрежденіе, сама низошла къ народу. Именно въ тѣ дни, центральная губернская власть перестала выставлять себя какою-то чуждою народу силой, едва-ли не главною функціею коей полагается самоуслажденіе собственнымъ блескомъ; напротивъ, она оказывалась теперь необходимою функціей въ общемъ строѣ „государева-земскаго дѣла“, и получила для народа живое значеніе благодѣтельной власти, которой подлежатъ высокія задачи и дѣло жизни, а не одинъ декорумъ и холодный блескъ.

Никто не станетъ отрицать, что именно губернаторъ есть первое отвѣтственное лицо за спокойствіе губерніи и, въ этомъ смыслѣ, онъ долженъ быть не мнимымъ ея хозяиномъ. Въ первое время

крестьянской реформы и водворенія крестьянскаго самоуправленія это чувствовалось живо. Въ тѣ дни, главное отвѣтственное лицо за спокойствіе губерніи, по необходимости обратилось въ ея дѣйствительнаго — и рачительнаго и радушнаго хозяина. Почувствовалось то̀ еще, что если чѣмъ и слѣдовало усилить эту власть, то именно разомкнувъ ея бюрократическую подчиненность: болѣе приблизить ее, съ одной стороны, къ самому земству, къ самому народу, а съ другой — даже къ вершинѣ власти для ихъ живаго благотворнаго взаимодѣйствія; такъ, однакоже, чтобы оставляя за чисто-мѣстными учрежденіями характеръ по преимуществу земскій и общественный, удержать за властію центральной, именно по преимуществу государственный характеръ.

Само крестьянское самоуправленіе, сами мѣстныя мировыя учрежденія, въ силу того, что предсѣдательское кресло въ губернскомъ присутствіи было отведено губернатору, чувствовали относительно центральной губернской власти свое съ ней живое взаимодѣйствіе, государственную солидарность. Все мѣстное самоуправленіе находило въ губернской власти свою естественную опору и поддержку въ экстренныхъ случаяхъ; въ ея прочности видѣло свою прочность; по мѣрѣ надобности, именно въ ней черпало свою исполнительную силу, обращалось именно къ ней и за помощью и за совѣтомъ; наконецъ, черезъ нее могло восходить выше въ своихъ *дѣловыхъ* заявленіяхъ.

XII.

Положеніе 19-го февраля 1861 года, составляя органическое законодательство на все многомилліонное крестьянство, въ то-же время даровало освобожденному народу и все что̀ было нужно на первыхъ порахъ для начина истиннаго самоуправленія—именно въ его дѣловомъ смыслѣ, безъ всякихъ нелѣпыхъ притязаній. Оставалось только усовершать благодѣтельный законъ въ мѣру запросовъ жизни и восполнять его по мѣрѣ указаній опыта. Его, говоримъ, слѣдовало усовершать и восполнять, а не подсѣкать въ корнѣ. Все оно было *дѣловое*, и только *дѣловое*,—и слава Богу что такъ.

Тѣ дни, когда это законодательство не было подорвано позднѣйшими сепаратными циркулярами и не было еще принижено значеніе первоначальныхъ мировыхъ учрежденій, были самыми счастливыми днями для народа: порядокъ былъ полный.

Здравою, истинно-земскою жизнью вѣяло тогда, болѣе чѣмъ нынѣ при пресловутыхъ „земскихъ" учрежденіяхъ. Новый порядокъ вещей и новое право (провозвѣстниками чего въ народѣ явились тогда мировые посредники) оказывали на народъ доброе воспитательное вліяніе. Сельскія должностныя лица, и старосты и старшины, опираясь на мировыхъ посредниковъ, пользовались дѣйствительнымъ уваженіемъ народа и проникнуты были самоуваженіемъ. Полиціи не было предлоговъ „править" волостнымъ правленіемъ; она честно, въ точности исполняла непререкаемо принадлежащее ей значеніе исполнительной силы въ случаѣ какихъ-либо нарушеній, и хорошо помнила 59 статью одного изъ отдѣловъ Положенія: „Мѣстной полиціи вмѣняется въ обязанность исполнять немедленно и безотговорочно всѣ законныя требованія мироваго посредника".

Мировые съѣзды, часто повторявшіеся, привлекали въ уѣздный городъ мѣстное сельское населеніе, дѣйствительно служа его интересамъ и многосторонне ограждая его отъ всякой обиды. Городъ терялъ характеръ того казарменнаго зданія, гдѣ толчется народъ лишь для взноса податей, растеривая еще послѣдніе гроши при самомъ процессѣ взноса, и откуда всякій спѣшилъ выбраться какъ изъ тюрьмы на свѣжій воздухъ. Напротивъ, въ крестьянствѣ слышалось уже (какъ-бы пародія на извѣстное изреченіе XVI вѣка; „А есть-ли въ царствѣ Московскомъ правда? Въ Московскомъ царствѣ вѣра добра и красота церковная велика, а правды нѣтъ. Коли правды нѣтъ, то всего нѣтъ"), что въ уѣздномъ городѣ и „правда есть". Всѣ мировые участки, въ общности интереса уѣзда, почувствовали свою солидарность. Но мировые съѣзды, черезъ губернское присутствіе, стали еще живо ощущать свою собственную связь, связь самихъ уѣздовъ — въ мѣстномъ губернскомъ городѣ. Сознаніе обще-государственной солидарности, такимъ образомъ, само собою, безъ всякихъ „тенденціозныхъ" затѣй, шло въ ширь и въ высь. Надо-жъ было все это разрушить!..

Если-же, напримѣръ, тамъ и сямъ въ самòмъ мировомъ учрежденіи проглядывали какія-нибудь чуждыя *дѣловаго* характера поползновенія, являлась именно „тенденціозная" оппозиція со стороны уѣздныхъ съѣздовъ къ центральной власти губернскаго присутствія, — то само общественное мнѣніе, по крайней мѣрѣ въ своихъ лучшихъ ȯрганахъ, выводило на чистую воду забавность этихъ неумѣстныхъ попытокъ и малолѣтнихъ высшихъ соображеній

Такъ напримѣръ въ 1861 году, когда еще не было нанесено многихъ ранъ мировому институту и само наше общественное сознаніе не замѣшалось, какъ потомъ, въ дикой и повальной разноголосицѣ,—одинъ мировой съѣздъ позволилъ себѣ, въ видѣ борьбы съ губернскимъ присутствіемъ, единогласно нормализовать плату за сносъ крестьянской усадьбы въ 30 руб., ссылаясь на легальность постановленія въ томъ соображеніи, что „единогласное всѣмъ съѣздомъ опредѣленіе платы за сносъ усадьбы“ не кассируется губернскимъ присутствіемъ. Предложившіе на съѣздѣ этотъ билль особенно выставляли на видъ ту доблесть: молъ, это совершается въ оппозиціонномъ духѣ противъ губернскаго присутствія! а слѣдовательно тутъ, дескать, со стороны мироваго съѣзда, главное еще дѣло заключается именно въ „высшихъ соображеніяхъ“.

Сейчасъ въ одной изъ газетъ, издававшейся въ то памятное время, появилось прямо-же съ мѣста изобличеніе этого билля и всей забавности такихъ малолѣтнихъ высшихъ соображеній.

XIII.

У насъ не прекращаются съ нѣкоторыхъ поръ безконечные споры объ усиленіи или, напротивъ того, объ ослабленіи центральной губернской власти. Это споръ дѣтскій.

Власть, простирающаяся на цѣлую губернію, а слѣдовательно долженствующая eo ipso имѣть за собою болѣе государственный характеръ чѣмъ всякая мѣстная власть; власть, которая при надобности можетъ выказать себя какъ грозная политическая сила, а при надобности, смягчающая самый законъ,—можетъ-ли она взять на себя будничное, ежедневно и на всѣхъ точкахъ всѣхъ въ губерніи уѣздовъ нужное дѣло той администраціи, которая призвана охранять личную и имущественную безопасность всѣхъ и каждаго по отдѣльнымъ селеніямъ? Власть, помимо своихъ собственныхъ на ея долю выпавшихъ задачъ, долженствующая являться населенію цѣлой губерніи именно лишь по мѣрѣ экстраординарной надобности—можетъ-ли она функціонировать въ качествѣ той будничной власти, которая, по самому существу дѣла, должна быть ежедневно и непрестанно у всѣхъ на глазахъ?

Полномочія губернаторской власти, къ выгодѣ самихъ мѣстныхъ учрежденій, должны быть поставлены въ уровень и въ мѣру запросовъ мѣстной жизни: иначе напр. въ Остзейскомъ краѣ или юго и сѣверо-западномъ полуополяченномъ краѣ, и иначе въ

центральныхъ губерніяхъ; и опять иначе даже въ центральныхъ губерніяхъ въ случаѣ какихъ-либо тамъ или здѣсь особенныхъ обстоятельствъ. Но общее усиленіе этой власти, и повсюду, одинаково требуется лишь въ томъ смыслѣ, чтобъ эманципировать ее самоё отъ гнета высшихъ бюрократическихъ сферъ. Въ этомъ смыслѣ очень желательно, въ интересѣ самихъ мѣстныхъ учрежденій, никакъ не ослабленіе, а усиленіе центральной губернской власти. Теперь, оттѣсненная и сама отъ державы власти, гнётомъ высшихъ бюрократическихъ сферъ — она только ихъ слуга и есть; ея собственная подчиненность этимъ сферамъ и полная отъ нихъ зависимость — дѣлаетъ её, мало сказать слабою, а даже и вовсе непригодною для того, чтобъ она могла служить дѣйствительному благу общества. Она-же, повторимъ въ заключеніе, уже по самому существу дѣла должна оставаться вѣрна своему по преимуществу государственному характеру въ ряду собственно такъ-называемыхъ земскихъ и мировыхъ учрежденій губерніи.

Мировые посредники, въ то первоначальное время и чрезъ мировой съѣздъ и непосредственно, находились въ живыхъ сношеніяхъ съ центральною губернскою властью; они то и дѣло сносились съ губернаторомъ — уже какъ съ предсѣдателемъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Кромѣ того самое узаконеніе, что предсѣдателями мировыхъ съѣздовъ были уѣздные предводители дворянства, которые по дѣламъ службы состоятъ въ непрестанномъ общеніи и съ губернаторомъ и съ губернскимъ предводителемъ дворянства (а этотъ въ свою очередь состоитъ вторымъ лицомъ въ губернскомъ присутствіи),—все это пособляло установленію самыхъ тѣсныхъ, единственно-разумныхъ и всегда желательныхъ отношеній между властями мѣстными и губернскою, представляющими съ одной стороны земское, а съ другой — государственное начало.

Всѣмъ памятно какъ въ первое время крестьянской реформы сами губернскія присутствія считали для себя лестнымъ видѣть въ себѣ не что другое какъ лишь продолженіе тѣхъ-же мировыхъ учрежденій, первымъ звеномъ коихъ являлся сельскій міровой участокъ; сами губернскія присутствія дорожили своею живою связью со всѣмъ мірскимъ или мировымъ устройствомъ, а слѣдовательно и вообще съ земскимъ самоуправленіемъ. Протоколы губернскихъ присутствій (мы говоримъ про первое время) печатались во всеуслышаніе на всю Россію; ихъ можно пе-

речитать и теперь и прямо изъ нихъ видѣть: правду-ли мы говоримъ.

При этомъ слѣдуетъ еще замѣтить вотъ чтó. Персоналъ губернаторовъ, какъ извѣстно, вовсе не былъ провѣренъ въ то время съ особливою тщательностью. На губернаторскія мѣста, когда повѣяло духомъ обновленія, вовсе не были назначаемы какія-либо новыя лица противъ обыкновеннаго; но таковъ былъ животворящій духъ памятнаго Положенія 19-го февраля 1861 года, такъ былъ искрененъ призывъ къ жизни всѣхъ лучшихъ живыхъ силъ Россіи и такъ искренне самое желанье, самый спросъ обновленія, что всѣ по неволѣ, не исключая и плохихъ губернаторовъ, старались стать въ уровень новой эпохи и великаго дѣла.

То-же должно сказать о мировыхъ посредникахъ. Развѣ всѣ они пришлись въ уровень прекраснаго закона? Всѣ-ли они удовлетворяли тому умственному цензу, который былъ для нихъ обязателенъ? Конечно, нѣтъ. Не всѣ были въ уровень, не всѣ удовлетворяли; закрались въ новыя учрежденія даже дѣльцы стариннаго закала. Но несмотря на это, всѣ прониклись важностью порученной имъ миссіи, почувствовали нравственный долгъ въ силу оказаннаго имъ довѣрія: таковъ былъ общій духъ учрежденія!

Какъ въ школѣ, помимо предписанныхъ программъ и указанныхъ предметовъ, важнѣе всего самый духъ заведенія, его общій нравъ и обычай,—такъ точно и въ педагогіи государственной важнѣе писаннаго закона объ учрежденіи—самъ духъ, водившій его строками. Отнимите только его... Чтò останется?

XIV.

Совершился фактъ на Руси, надъ которымъ стóитъ подумать.

Органическое законодательство на все многомилліонное крестьянство не было отмѣнено никакимъ новымъ закономъ, ни замѣнено другимъ. А на самомъ дѣлѣ, не прошло и пяти лѣтъ со дня обнародованія Положенія 19-го февраля 1861 года, оно уже оказалось разорваннымъ въ лоскутки.

Всѣмъ памятно какъ въ первое время крестьянской реформы, все чтò было лучшаго въ русскихъ общественныхъ силахъ, устремилось нá мѣста мировыхъ посредниковъ. Но, безъ сомнѣнія, не менѣе памятно еще и другое время: та злосчастная пора, когда всѣ эти лучшіе люди, будто сговорившись, въ обгонку другъ предъ другомъ, бѣжали со своихъ мѣстъ.

Иные весьма наивно объясняютъ это тѣмъ, что съ окончаніемъ срока введенія въ дѣйствіе уставныхъ грамотъ, видите-ли, бóльшая часть мировыхъ посредниковъ сочли свою задачу оконченною и долгъ, тяготѣвшій на ихъ гражданской совѣсти, исполненнымъ. Прилётъ въ глушь изъ столицъ, или даже изъ Дрездена и Парижа, этихъ лучшихъ русскихъ людей составлялъ, видите-ли, для нихъ немаловажную жертву; они были въ силахъ приносить ее, пока считали свое отечество погибающимъ; но сейчасъ-же удалились съ арены дѣйствія, едва успѣли обезпечить его, и дальнѣйшее благосостояніе усиліями ихъ трудовъ казалось имъ навсегда упроченнымъ.

Легко допустить, что многіе изъ столичныхъ снобсовъ, и даже изъ нашихъ именно Парижскихъ и Дрезденскихъ обывателей, не понявъ ни духа, ни смысла мироваго учрежденія, въ самомъ дѣлѣ бросались на мѣста мировыхъ посредниковъ, какъ на модную новинку. Но такихъ господъ, по счастію, нигдѣ не зовутъ лучшими людьми. По крайней мѣрѣ, не этимъ именемъ называли ихъ сами крестьяне, когда нѣкоторые изъ нихъ, дѣйствительно, появлялись въ глуши какъ прилетные гости, красуясь посредническими цѣпями: помнится, въ народѣ ихъ тогда называли „французами".

Можно будетъ, пожалуй, допустить и вотъ чтò. Многіе дѣйствительно лучшіе люди, не считавшіе самопожертвованіемъ трудовую обязанность мироваго посредника и житьё въ деревнѣ, п осто нуждались или во временномъ отдыхѣ, или въ періодическихъ отлучкахъ въ столицы.

Но именно подобнаго рода дѣятели, сколько извѣстно, не отказались-же впослѣдствіи принять участіе въ новомъ учрежденіи мировыхъ судей (по крайней мѣрѣ въ должности, если не участковаго, то почетнаго мироваго судьи). Ничто не мѣшало подобнаго рода сибаритамъ, вначалѣ посвятившимъ себя всецѣло должности мироваго посредника, сдать свою должность кандидату, не отказываясь на отрѣзъ и вовсе отъ своего участка. Кандидатовъ было много; всѣ служебныя преимущества и обязанности между посредниками и ихъ кандидатами сдавались другъ другу легко и полюбовно. И вотъ подобнаго рода дѣятели, временно хотя-бы на долго, отлучаясь изъ родныхъ селеній, могли-бы временно-же хотя на короткій срокъ, опять заглядывать въ свой родной уголокъ, являться дѣятельными членами въ своихъ мировыхъ участкахъ, поддерживая первоначальный духъ мироваго посредничества, завѣщанный первыми днями ихъ собственнаго служенія въ этой должности.

Наконецъ — и это главное — главный контингентъ мировыхъ посредниковъ состоялъ изъ тѣхъ-же дѣятелей, которые съ тѣхъ поръ и по сію минуту не перестаютъ, въ томъ или другомъ видѣ, служить крестьянскому дѣлу, обращаются въ земскихъ учрежденіяхъ и въ должности мировыхъ судей, оставаясь безвыѣздно на мѣстѣ. Скромные и по возможности образованные (даже свыше возможности, допускаемой денежными средствами образованные) люди, хранящіе добрыя преданія русской семьи и русскія вѣрованія; такіе люди и дѣятели въ мирной и сельской Россіи найдутся всегда вездѣ. Только они, эти несомнѣнно хорошіе и добрые люди, отличаются удивительною способностью — особенностью, впрочемъ, самаго мирнаго существа въ мірѣ, улитки,—сейчасъ уходить въ себя, едва на нихъ круто взглянутъ. Они забиваются въ свой уголъ, едва на дворѣ непогода. Но пусть выглянетъ солнце; пусть на дворѣ хоть мало прояснится; попробуйте, кликните кличъ, и вы сами удивитесь, какое множество высыпало этихъ мирныхъ и почтенныхъ людей, и гдѣ-же они въ самомъ дѣлѣ укрывались, пока на дворѣ шумѣла непогода?

Нѣтъ! причины повальнаго, а съ тѣмъ вмѣстѣ большею частью вынужденнаго бѣгства мировыхъ посредниковъ были совсѣмъ иныя. Если правда, что въ первое время серіозное чувство гражданской обязанности и чувство-же самоуваженія побуждали занимать эту должность, то мы въ правѣ предположить, что эти самые стимулы, а не иные, побуждали и къ обратному дѣйствію, когда обстоятельства измѣнились. Люди, которые простодушно увѣрены, что первоначальные мировые посредники обреклись на самопожертвованіе въ видахъ спасенія Россіи; а потомъ удалились съ арены, едва это спасеніе сочли достаточно обезпеченнымъ, и что они болѣе не захотятъ вернуться на свои мѣста, развѣ лишь опять въ случаѣ набатнаго призыва,—эти люди не понимаютъ ни прежняго капитальнаго значенія мироваго учрежденія въ его первоначальномъ видѣ, ни размѣровъ зла, въ которое сельская Россія повергнута его упадкомъ; да полно, не понимаютъ-ли они самую эманспиацію... нѣсколько на фальшивый манеръ?

XV.

Мировые посредники, едва возникли, встрѣтили много вражды къ своему учрежденію въ самомъ обществѣ.

Начать съ того, что съ первыхъ слуховъ о назначеніи въ эту должность какихъ-то отборныхъ лучшихъ людей изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, возбудилась ревность другъ къ другу съ затаенною боязнью: не очутиться-бы самому за штатомъ, попавъ слѣдовательно въ разрядъ худшихъ?

Эта ревнивость другъ къ другу могла со стороны казаться очень забавною; но нельзя отрицать, что ея источникъ коренился въ дѣйствительной неудовлетворительности самого закона. Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ мировому посреднику предоставлялось съ одной стороны несомнѣнное политическое значеніе, а съ другой стороны оно признавалось лишь естественнымъ послѣдствіемъ его права землевладѣнія въ данной мѣстности, то предпочтеніе однихъ другимъ получало уже характеръ личнаго предпочтенія, оцѣнки личныхъ нравственныхъ качествъ. Но если во всякомъ благоустроенномъ обществѣ правоспособность гражданъ, на основаніи ихъ личныхъ нравственныхъ качествъ, предполагается за всѣми одинаковая и малѣйшее нарушеніе этого правила чинитъ обиду,—то какое-же широкое поприще для этой обиды являлось именно тутъ при тогдашнихъ исключительныхъ обстоятельствахъ! Сочувствіе къ освобожденію народа, знаніе его нуждъ и потребностей; умѣніе съ нимъ говорить толково, наконецъ просвѣщенная заботливость о водвореніи законности и порядка,—вотъ безъ сомнѣнія тѣ нравственныя качества, которыя требовались прежде всего отъ мироваго посредника. Кто-жъ бы не захотѣлъ быть оффиціально признаннымъ за человѣка, обладающаго такими прекрасными качествами? Или кто-бы счелъ себя польщеннымъ, изъ людей дѣйствительно сочувствовавшихъ реформѣ, если, бывъ обойденъ, онъ признавался оффиціально какъ-бы лишеннымъ требуемыхъ достоинствъ.

Такъ какъ притомъ въ составъ мировыхъ посредниковъ попало все-таки не мало лицъ, не совсѣмъ хорошо понимавшихъ свою задачу, то весьма понятно, что общее неудовольствіе, обусловливаемое несовершенствомъ закона, въ частности могло еще находить весьма основательные поводы и выражаться весьма справедливымъ раздраженіемъ.

Неудовлетворительность назначенія посредниковъ смягчалась нѣсколько предоставленіемъ губернатору въ этомъ случаѣ дѣйствовать по совѣщаніи съ предводителями дворянства и еще тѣмъ, что число мировыхъ участковъ предоставлено было на волю самого

общества; но тѣмъ не менѣе законъ былъ несовершененъ, и это, какъ мы сказали, содѣйствовало накопленію мелочной, полузатаенной досады къ мировымъ посредникамъ. Если къ такой полузатаенной досадѣ присоединить разразившіяся въ послѣдствіи частныя неудовольствія нѣкоторыхъ помѣщиковъ уже за личныя распоряженія посредниковъ въ томъ или другомъ случаѣ, по ихъ мнѣнію неправыя, — то сдѣлается совершенно понятнымъ, почему мѣстное населеніе, въ лицѣ дворянъ, повидимому мало дорожило учрежденіемъ мировыхъ посредниковъ. И когда наконецъ съ высоты бюрократическихъ сферъ былъ возбужденъ вопросъ о такъ-называемомъ сокращеніи участковъ, то само общество отнеслось къ нему съ рѣдкимъ единодушіемъ, достойнымъ и лучшихъ цѣлей, и лучшихъ поводовъ. Впрочемъ, это случилось уже въ тѣ позднѣйшія времена, когда мировому учрежденію было нанесено столько ранъ и уже настолько принизили мировыхъ посредниковъ, что нечего было и жалѣть о ихъ сокращеніи, ни даже хотя-бы о совершенномъ распущеніи ихъ.

Противъ мировыхъ посредниковъ враждовали еще съ самаго начала тѣ люди, которые, привыкнувъ къ крѣпостному праву, остались-бы потомъ недовольны всякимъ порядкомъ и какими угодно учрежденіями. Стòитъ только себѣ представить, что накануне еще царило крѣпостное право; накануне еще жива была старческая, почти съ дѣтствомъ граничившая увѣренность въ какую-то чуть-ли не религіозную необходимость этого права въ Россіи; что, наконецъ, эта увѣренность еще накануне обнародованія Положенія разражалась пророчествами о томъ, что никакой отмѣны крѣпостнаго права не произойдетъ на дѣлѣ; что какихъ про тò ни пиши законовъ, а приводиться они будутъ въ исполненіе своимъ-же землякомъ, добрымъ русскимъ человѣкомъ... И вдругъ, òрганами власти для осуществленія Положенія 19-го февраля 1861 года явились новые люди совершенно неслыханнаго режима! Насупилась сѣдая деревенская старина Русская,—и махнувъ рукой, добродушно покорилась! Тутъ-то сказалась глубокая черта прямо-русской простоты душевной: всякій, кто даже, какъ коренастый грибъ на своей черноземной почвѣ, выросъ на почвѣ крѣпостнаго быта, всякій открещивался теперь отъ своихъ старинныхъ грѣховъ, какъ отъ обличенной ереси, и спѣшилъ заявить міру, что и онъ отъ міру не прочь.

И нерѣдко, въ виду именно такого „крѣпостника“, выросшаго въ захолусти, совѣстно дѣлалось за красовавшагося рядомъ съ

нимъ петербуржскаго чиновника въ черномъ фракѣ и цѣпи мироваго посредника, потому что именно въ немъ-то, подъ конецъ всего, при избыткѣ утонченныхъ манеръ и смѣшаннаго съ ядомъ либерализма, и угадывался дѣйствительный продуктъ высшихъ сферъ высшей пробы крѣпостнаго права. Когда мы говоримъ „крѣпостникъ", мы ничуть не разумѣемъ подъ этимъ именемъ непремѣнно помѣщика и тѣмъ менѣе такихъ помѣщиковъ, которые-бы вовсе не знались со столичнымъ духомъ. Напротивъ того, справедливость требуетъ сказать, что при введеніи уставныхъ грамотъ и вообще во все продолженіе размежеванія помѣщичьихъ и крестьянскихъ интересовъ, никто не принесъ столько дѣйствительныхъ жертвъ и не выказалъ такой готовности уступокъ, какъ именно эти незнавшіеся со столичнымъ духомъ помѣщики; отнюдь не съ ними приходилось и мировымъ посредникамъ препираться о какихъ-либо уступкахъ. Итакъ, люди, не привыкшіе ни къ какому порядку, кромѣ собственнаго произвола, и не перестававшіе считать крѣпостное право, даже послѣ его отмѣны, своею естественною привилегіей, первые сдѣлались отъявленными врагами первоначальнаго мироваго учрежденія — и это весьма сознательно.

XVI.

Въ Положеніи 19-го февраля 1861 года многое было намѣчено лишь въ половину, съ оговоркой, что впослѣдствіи будутъ сдѣланы измѣненія, соотвѣтственныя указаніямъ опыта.

Такъ, статья 15 Положенія о кр. учр. прямо гласила такъ: „Порядокъ избранія мировыхъ посредниковъ, по истеченіи трехъ лѣтъ, будетъ опредѣленъ особыми правилами".

Далѣе относительно волостнаго крестьянскаго суда посредники были поставлены закономъ въ положеніе неопредѣленное. Съ одной стороны, по обязанности принимать жалобы обиженной стороны на неправильныя дѣйствія „сельскихъ и волостныхъ должностныхъ лицъ", а также по возложеніи закономъ отвѣтственности за исполненіе приговоровъ волостнаго суда на сельскихъ старшинъ и старостъ, — посредники прямо были обязаны являться блюстителями правды волостнаго суда и мировой съѣздъ посредниковъ былъ совершенно въ своемъ законномъ правѣ уничтожать нелѣпые приговоры. Но, съ другой стороны, законъ съ какою-то тщательностью выгораживалъ какъ-бы абсолютное верховенство волостной юрисдикціи. Было-бы слѣпотствомъ отстаивать непогрѣшимость такой

излишне-преувеличенной ревнивости, въ виду накоплявшихся съ каждымъ годомъ уроковъ жизни. Требовалось опредѣленнѣе формуловать право и обязанность мироваго посредника входить въ разсмотрѣніе неправильныхъ дѣйствій волостныхъ должностныхъ лицъ (куда относятся и волостные судьи) по жалобамъ обиженной стороны, и еще опредѣлительнѣе признать за мировымъ съѣздомъ право и обязанность отмѣнять эти жалобы, разсматривая ихъ *по существу*, — что въ началѣ и дѣлалось, пока не было отмѣнено министерскимъ циркуляромъ.

То-же должно сказать по поводу постановленій сельскихъ и волостныхъ сходовъ. Хотя мировой посредникъ и имѣлъ легальное основаніе пресѣкать въ разныхъ видахъ самодурство общины надъ отдѣльнымъ лицомъ (такъ напримѣръ, при вызовѣ односельца изъ Сибири для старостава, за тѣмъ, чтобъ онъ дорогою цѣною откупился у міра отъ этой должности); но какъ близорукіе друзья, такъ и дальнозоркіе враги крестьянскаго самоуправленія отстаивали и въ этомъ случаѣ полную неприкосновенность мірскихъ рѣшеній: послѣдніе злорадствовали абсурднымъ рѣшеніямъ. Вообще мировой посредникъ, поставленный самимъ закономъ, въ силу возложенныхъ на него правъ и обязанностей, правительствующимъ лицомъ своего мироваго участка, въ то-же время былъ, такъ-сказать, неохотно и какъ-бы съ боязненною оговоркой признаваемъ за таковаго по буквѣ закона. Это составляло весьма вредную недоговоренность. Послѣ первыхъ лѣтъ практики мировыхъ учрежденій вполнѣ выяснилось, и съ каждымъ годомъ все настойчивѣе выяснялась эта потребность признать еще опредѣленнѣе и откровеннѣе административное значеніе посредника въ волостяхъ его мироваго участка. Требовалось даже предоставить ему иниціативу по многимъ дѣламъ. Такъ какъ эта должность была-бы земская, подъ непрестаннымъ контролемъ цѣлаго общества, не говоря уже о контролѣ губернской власти, то не предстояло ни малѣйшихъ опасеній за ея извращеніе въ должность недоброй памяти окружныхъ.

Еще дальше. Такъ какъ самъ законъ возложилъ на обязанность старостъ и старшинъ чисто-полицейскія обязанности, и такъ какъ, съ упраздненіемъ вотчинной по крѣпостному праву полиціи, почувствовалась надобность въ какой-либо новой полиціи, то самъ собою уже начиналъ возникать вопросъ и о полиціи земской, мѣстной.

Въ самомъ дѣлѣ, когда Положеніе 19-го февраля 1861 года возлагало на мѣстное самоуправленіе чисто-полицейскія обязанности по охраненію лицъ и имуществъ, относя это на сельскихъ старшинъ и старостъ,—то не было-ли ужъ этимъ продиктовано сознаніе о необходимости чисто-земской полиціи, помимо полиціи административной, государственной въ собственномъ смыслѣ? У насъ жалуются на бездѣйствіе полиціи при охранѣ общества. Уѣзднымъ полицейскимъ управленіямъ, ихъ начальникамъ и становымъ придаютъ въ помощь сотскихъ и десятскихъ. Но не говоря уже о томъ, что эти сотскіе и десятскіе значатся лишь въ графàхъ казенныхъ списковъ, а на самомъ дѣлѣ крестьянскія общества уклоняются отъ этихъ должностей и отбываютъ ихъ міромъ какъ повинность,—всѣмъ этимъ сотскимъ, десятскимъ, становымъ и начальникамъ уѣздныхъ полицейскихъ управленій буквально не достаётъ времени даже для того, чтобы только функціонировать въ качествѣ слугъ губернской власти; охрана общества отходитъ совсѣмъ на заднiй планъ; прямо сказать: ея нѣтъ вовсе.

XVII.

Антагонизмъ между новою общественною организаціею и старымъ казеннымъ порядкомъ (для всѣхъ, кто имѣлъ очи чтобъ видѣть и уши чтобъ слышать) обличался явно. Такъ какъ, при дѣйствующемъ у насъ ancien régime, сама даже губернская центральная власть только слѣпое орудіе и слуга высшихъ бюрократическихъ сферъ и ничего больше,—то именно черезъ нее и стало отражаться ихъ вездѣ-сущее и все-собой-наполняющее вліяніе — не во здравіе самобытному мировому институту. Предсѣдатели губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій, свѣрившись въ тонѣ по заданному камертону, болѣе ужъ не сбивались. Антагонизмъ между губернскими присутствіями и уѣздными мировыми съѣздами (прошелъ еще годъ-другой) сталъ уже обнаруживаться въ полной силѣ.

Въ первое время, обиженной сторонѣ предоставлялось приносить жалобы на дѣйствіе волостныхъ судей мѣстному мировому посреднику, и мѣстный мировой съѣздъ отмѣнялъ несправедливыя, а иногда, прямо сказать, дикія рѣшенія. Въ послѣдствіи было внушено, что законъ предоставляетъ мировому съѣзду лишь разсмотрѣніе того, соблюденъ-ли порядокъ и форма суда по случаю того или другаго частнаго постановленія, а отнюдь не разсмот-

рѣніе дѣла по существу. Словомъ, мировому съѣзду предписана лишь возможность *кассаціи* рѣшеній волостнаго суда въ случаѣ несоблюденія извѣстныхъ формъ судопроизводства, и напротивъ у него было отнято разсмотрѣніе жалобъ на волостной судъ—въ аппелляціонномъ смыслѣ. Крестьяне, привыкнувъ съ самаго начала находить себѣ въ мировыхъ посредникахъ защиту отъ неправильныхъ волостныхъ рѣшеній, а въ мировыхъ съѣздахъ видѣть высшую инстанцію, которая разсматриваетъ дѣло и всегда нелицепріятно его рѣшаетъ, отказывались вѣрить новому, для мировыхъ учрежденій обязательному, истолкованію закона. Они теперь становились въ тупикъ, задаваясь вопросомъ: что̀ за превращеніе постигло вдругъ и посредниковъ и мировые съѣзды, прежде ими, крестьянами, столь любимые? Долгое время они еще не могли привыкнуть къ такому нововведенію и продолжали искать себѣ — теперь возбраненной — защиты. Тогда-то началась эта невѣроятная и лишенная всякаго смысла процедура — обжалованія рѣшеній „волостнаго суда“ *въ кассаціонномъ порядкѣ.* Крестьяне, обиженные волостнымъ судомъ, упорствовали и настаивали, чтобы мировой посредникъ принялъ жалобу. Посредникъ, принявъ жалобу, надписывалъ на ней: „передать мировому съѣзду“. Мировой съѣздъ вызывалъ челобитчиковъ и судей и иногда волостнаго старшину и свидѣтелей для удостовѣренія касательно соблюденія или несоблюденія формъ судопроизводства. Вызванные являлись въ уѣздный городъ, превосходно излагали все существо дѣло; а мировой съѣздъ долженъ былъ выслушивать хотя-бы вопіющее и сердце надрывавшее рѣшеніе... и только надписывать одну и ту же убійственную резолюцію: „приговоръ утвердить, а жалобу оставить безъ послѣдствій“.

Съ этого времени отношенія самого народа къ посредникамъ стали измѣняться — и народъ былъ въ великомъ недоумѣніи: что̀ такое вдругъ попритчилось надо всѣмъ порядкомъ? Мировые съѣзды начали глохнуть...

У насъ много было толковъ противъ круговой поруки и вообще противъ общиннаго устройства. Но вотъ что̀ неоспоримо: разъ законъ обязываетъ общество круговою порукой, самъ-же онъ долженъ предоставить обществу право и удобство „удалять порочныхъ членовъ“. Кто близко зналъ дѣло въ его живой обстановкѣ и какъ оно происходитъ на мѣстѣ, тотъ ясно видѣлъ, какое геройство въ своемъ родѣ требуется со стороны общества для того,

чтобы составить наконецъ такой приговоръ объ удаленіи. Удаляемый естественно дѣлался злѣйшимъ врагомъ общества и всячески могъ ему вредить, самъ оставаясь безнаказаннымъ. Крестьяне постоянно въ этихъ случаяхъ просили объ одномъ: всякаго подвергавшагося мірскому приговору объ удаленіи немедленно препровождать куда слѣдуетъ, не оставляя на мѣстѣ. Сами мировые посредники ходатайствовали объ упрощеніи производства по этимъ дѣламъ, наконецъ о возможности отсылать приговоренныхъ, до времени, въ острогъ ближняго города, такъ какъ крестьянамъ невозможно было оставаться съ подобнымъ „порочнымъ членомъ“ въ добрыхъ отношеніяхъ. Но вмѣсто облегченія, предписывались постоянно лишь новыя, еще обременительнѣйшія для общества, тягости касательно удаленія порочныхъ членовъ; въ довершеніе была установлена исключительная мѣра, о которой конечно не просилъ ни одинъ изъ мѣстныхъ жителей. Всякому „удаляемому“ велѣно было, напротивъ, давать льготный срокъ, въ теченіе котораго онъ могъ на свободѣ пріискивать мѣсто для приписки себя къ новому сельскому обществу, буде найдется гдѣ-около желающее принять его. Такимъ удаляемымъ выдавались на сей предметъ особые виды, которые народъ и прозвалъ: „волчьи паспорты“. Именно во время установленія этихъ волчьихъ паспортовъ случилось дѣло, которое въ свое время было разсказано въ нѣкоторыхъ газетахъ и содѣйствовало быть можетъ окончательной отмѣнѣ этихъ волчьихъ паспортовъ. Нѣсколько человѣкъ, ходившихъ по такого рода паспортамъ, мстили своимъ односельцамъ поджогами; два-три раза крестьяне излавливали ихъ и представляли куда слѣдуетъ, но ихъ отпускали на волю; наконецъ, схваченные на мѣстѣ преступленія въ послѣдній разъ, всѣ они были сожжены народомъ.

Полиція, помнившая первое время уже приведенную нами статью о немедленномъ и безотговорочномъ исполненіи всѣхъ законныхъ требованій посредника, теперь также измѣнила тонъ. Мало-по-малу и начальникъ уѣзднаго полицейскаго управленія, и самъ становой, начинали освоиваться съ крестьянскимъ самоуправленіемъ настолько, что сами скликали, когда имъ представлялось нужнымъ, сельскій сходъ,—и съ волостнымъ правленіемъ настолько, что прямо уже отъ себя препровождали туда одну бумагу за другою, чего въ началѣ не было. За то, если требовалъ вмѣшательства полиціи въ томъ или другомъ случаѣ самъ мировой посредникъ (такъ напримѣръ,

если для приведенія въ дѣйствіе совершенно справедливаго приговора волостнаго суда не доставало средствъ у старосты и старшины, которымъ буянъ прямо грозился топоромъ), полиція, ссылаясь на священную неприкосновенность крестьянскаго самоуправленія, смиренно признавала себя „некомпетентною оказывать содѣйствіе". Можно подтвердить письменными документами, хранящимися въ архивахъ мировыхъ учрежденій, что оправданіе подобныхъ отреченій мѣстной полиціи отъ прямой своей обязанности исходило отъ самой губернской власти. Эта власть ссылалась на статью о приведеніи въ исполненіе приговоровъ волостнаго суда старостой и старшиной на ихъ общую отвѣтственность въ томъ будто-бы смыслѣ, что полиціи приводить эти приговоры въ исполненіе возбраняется. За то, если въ первое время губернаторъ проѣзжалъ по отдаленнымъ уѣздамъ ввѣренной ему губерніи, сами посредники, весьма естественно, считали долгомъ простаго общежитія привѣтствовать его и провожать въ своихъ мировыхъ участкахъ какъ главнаго хозяина всѣхъ въ губерніи мѣстныхъ мировыхъ учрежденій; и начальнику уѣзднаго полицейскаго управленія не было никакой надобности оповѣщать народъ о проѣздѣ губернатора,—теперь къ самому посреднику прямо изъ полиціи падало на столъ не то приватное письмо, не то оффиціальное сообщеніе о такого рода проѣздѣ, съ фразою въ концѣ: „о чемъ и считаю долгомъ увѣдомить для принятія къ свѣдѣнію".

Посредникъ, лишенный существеннѣйшихъ функцій своей прежней обязанности, былъ обращенъ теперь съ лихвою въ простаго писца, въ послѣдняго канцелярскаго служителя, былъ затопленъ въ чернилахъ. Масса дѣлъ чисто-нотаріальнаго характера была возложена на него; а по отношенію къ нижнимъ воинскимъ чинамъ, водворяемымъ въ селеніяхъ, посредникъ былъ обращенъ ни много ни мало въ полковаго писаря. По рекрутскимъ дѣламъ возникала нескончаемая казуистика; довольно было ничтожнѣйшей жалобы, лишенной всякаго основанія и значенія, обращенной прямо къ губернатору—для того, чтобы по поводу ея тянуть на цѣлый годъ „начальническую" переписку. Если посредникъ иногда, по простому чувству человѣчности, посягалъ въ это время вновь на какой-либо распорядительный поступокъ по жалобамъ на неправильныя дѣйствія сельскихъ и волостныхъ должностныхъ лицъ, онъ рисковалъ уже, по обвиненію въ превышеніи власти, быть отданнымъ подъ судъ. Онъ еще ссылался на высочайше-утвержденное Положе-

ніе, изъ губернскаго присутствія приходила бумага со ссылками на Уставы о службѣ гражданской. Губернское присутствіе, относительно мироваго съѣзда, обратилось прямо, по смыслу уставовъ о службѣ гражданской, въ высшую инстанцію, которая приказываетъ и предписываетъ... Положеніе 19-го февраля de facto было отмѣнено.

Возникаютъ учрежденія: „мировыхъ судей", затѣмъ такъ-называемыя „земскія". Народъ, возрадовавшись, думалъ найти хоть въ нихъ продолженіе и восполненіе сведеннаго на-нѣтъ мироваго института. Онъ кинулся къ нимъ съ своими нуждами, требованіями, запросами... увы! на нихъ печать мертвизны. И сердце народа отвернулось отъ мертворожденныхъ учрежденій.

Все это такія разрозненныя, разчлененныя, изолированныя отъ органической совокупности прàва, канцеляріи и Приказы, которыя замыкаются порознь сами въ себѣ и стукаются лбомъ о верхнія, поставленныя надъ ними бюрократическія ступени.

Въ этихъ „Письмахъ" мы позволили себѣ выразиться, что кто истолковывалъ удаленіе мировыхъ посредниковъ со службы разными несбыточными поводами, тотъ ровно ничего не понималъ и не смыслилъ — въ дѣйствительномъ мировомъ институтѣ. Его значеніе въ томъ и заключалось, что оно предоставляло живымъ внутреннимъ силамъ Россіи дѣйствительную самодѣятельность ко благу всего государства; оно создавало въ самомъ обществѣ здоровый политическій элементъ и притомъ съ несомнѣнными залогами органическаго развитія. А когда нѣтъ этого — нѣтъ и земства.

„Московскія Вѣдомости" 1873—1874 г.

Современный фельетонъ изъ газеты „Русь" (1880 — 1881 гг.)

Скрытыя причины явнаго зла.—Нѣчто о XVIII вѣкѣ.—Раскрѣпощенное крестьянство и, распущенное въ народъ, дворянство.—Мнимое земство.—Страшенъ сонъ—милостивъ Богъ.

I.

Положеніе 19-го февраля 1861-го года, какъ всѣмъ извѣстно, освободило народъ отъ крѣпостной зависимости; но оно-же (что̀

мало кѣмъ сознано) установило въ началѣ истинныя основы для истиннаго самоуправленья. На первыхъ порахъ, по освобожденіи народа, всюду взялись дѣйствительныя мировыя учрежденія и настоящія, въ полномъ смыслѣ этого слова, земскія силы.

При участіи мировыхъ посредниковъ крестьянское самоуправленіе было тогда не то̀ что теперь. Безъ всякихъ претензій, а только дѣловымъ образомъ—и вполнѣ еще правоспособное въ собственномъ дѣлѣ—переходило оно истинно въ мѣстное самоуправленіе вообще. Обставленное мировыми посредниками по всѣмъ участкамъ, а черезъ нихъ восходя до уѣздныхъ мировыхъ съѣздовъ, оно надежно на нихъ опиралось и черпало въ нихъ многую силу; а эти въ свою очередь (то-есть мировые сельскіе участки и уѣздные съѣзды) исходя изъ крестьянскаго самоуправленія и неразрывно съ нимъ функціонируя, служили еще его естественнымъ продолженіемъ, развивая его до самоуправленія—ужъ вообще мѣстнаго, всеуѣзднаго, земскаго.

Разумѣется, это не могло нравиться собственно такъ-называемой бюрократіи: ни ея низинамъ, ни ея вершинамъ. Со стороны первыхъ ожесточеніе противъ мировыхъ учрежденій выражалось тогда въ самой простой и грубой формѣ:—„вы у насъ послѣдній кусокъ хлѣба отняли!“ говорили тогда волостнымъ старшинамъ полицейскія управленія, уѣздныя казначейства и проч. А въ высшихъ бюрократическихъ сферахъ то-же самое ожесточеніе одухотворялось еще въ болѣе тонкую борьбу собственно изъ-за принципа власти. Власть была ими вдругъ почувствована, какъ-бы выскользнувшею изъ рукъ и переданною въ извѣстной степени въ самый народъ—въ лицѣ общественныхъ людей, его передовыхъ дѣятелей.—Зачуявъ, такимъ образомъ, въ дѣйствительныхъ мировыхъ учрежденіяхъ конецъ своего régime et raison d'être, на нихъ и обрушилась всею тяжестью вся, сверху до низу, наша закоренѣлая бюрократическая система.

Это понятно; менѣе понятно (слѣдуетъ однакожъ и это понять рано или поздно), что у насъ сама „публика“—*одного поля ягода* съ нашею бюрократіей. Въ этой-то круговой порукѣ и вся бѣда. Публика и бюрократія у насъ—продуктъ одного и того-же творчества. То и другое вышло у насъ въ исторіи изъ одной и той-же лабораторіи, ей-же имя: XVIII-ый вѣкъ.

Далѣе мы будемъ имѣть случай громко хвалить нашъ XVIII вѣкъ (едва-ли еще слышались ему похвалы громче и искреннѣй!),

а теперь сойдемъ въ его глубокую тьму, откуда вышло само крѣпостное право. Да! есть нѣкоторое „специфическое зло", исшедшее несомнѣнно изъ страшной лабораторіи нашего XVIII вѣка, и этимъ специфическимъ зломъ оказываются у насъ проникнуты насквозь и проѣдены до мозга костей (вотъ злѣйшіе-то бюрократы!) люди даже самыхъ независимыхъ общественныхъ положеній, и самыхъ вольныхъ профессій. Не были отъ него избавлены ни академическая ученость, ни университетская каѳедра, ни публицистика, начавшаяся у насъ съ *курантовъ.* Это специфическое зло кладетъ свое особое клеймо на все, чего коснулось; тьмитъ всѣхъ, кого затронуло; налагаетъ на всѣхъ нѣкоторый „казенный" штемпель, по которому и отличишь сразу „бюрократа", кто-бъ онъ по своему званію ни былъ — будь это самъ крупный землевладѣлецъ изъ покойной партіи газеты „Вѣсть"; будь это торговаго званія человѣкъ, лишь-бы изъ тѣхъ, кто себя не причисляетъ къ купцамъ, а зоветъ *негоціантомъ;* будь это наконецъ ремесленникъ и мѣщанинъ — лишь-бы нарядился во фракъ; будь это въ концѣ концовъ крестьянинъ, распростившійся со своимъ сельскимъ міромъ и надѣломъ — для трактира, и также облекшійся въ пиджакъ. Нынче, за билліарднымъ кіемъ, въ пиджакѣ съ толкучаго рынка, чего добраго, ужъ превращенный въ трактирнаго героя, и крестьянинъ сталъ „западникъ" хоть куда!... Итакъ не только собственно такъ-называемые бюрократы, но и сама „*публика*", такимъ образомъ, очутились въ странномъ положеніи относительно не мнимыхъ, а дѣйствительныхъ мировыхъ учрежденій. Всѣмъ захотѣлось скорѣйшей ихъ отмѣны. Наша „наука" говорила одно въ пользу скорѣйшей отмѣны; наши знатоки „мѣстныхъ нуждъ и потребностей", вторя имъ, поддакивали другое; представители high-lif третье; „гуманные" люди ужасались, какъ это приставили къ народу опекуновъ какихъ-то; каждый несъ свое, и все смѣшивалось въ дикомъ хорѣ всеобщей разноголосицы.

Говорили, что мировые посредники составляютъ какое-то status in statu: это-де нетерпимо съ государственной точки зрѣнія. Говорили еще, что въ этомъ учрежденіи представляется смѣшеніе власти административной и судебной, — а это, молъ, противорѣчитъ „наукѣ". При томъ это учрежденіе будто-бы годилось лишь какъ *временное*, единственно, видите-ли, для отмѣны крѣпостнаго права и якобы даже созданное лишь — ad hoc; а у общества есть вѣчные интересы и болѣе живыя потребности: борьба съ

жучкомъ, почты, телеграфы и прочее; что именно въ сихъ видахъ слѣдуетъ временное замѣнить вѣчнымъ и т. д., и т. д.

Какъ будто въ самомъ дѣлѣ можно отдѣлять судебную власть отъ административной на низшихъ ступеняхъ государева дѣла, въ нижайшихъ изъ его отправленій! Какъ будто предупрежденіе и пресѣченіе преступленій не составляетъ еще существеннѣйшей стороны, не говоримъ „самоуправленія“, а простой самоохраны общества!... Что касается до борьбы съ гессенской мухой, то и это хорошее дѣло отступаетъ совершенно на задній планъ передъ главнымъ интересомъ земли: охраненія вкругъ себя тишины и спокойствія, чтобы прежде всего личная и имущественная безопасность земскихъ людей была гарантирована. Это-ли потребность *временная?* Неужели она была свойственна лишь первымъ двумъ-тремъ шестидесятымъ годамъ, а въ настоящее время ея никто даже не ощущаетъ? Мировые посредники, правда, были изъяты изъ той лѣствицы четырнадцати классовъ, на которые у насъ дѣлится привилегированная публика. Но не это-ли забавное дѣленіе публики на привилегированную и непривилегированную противорѣчитъ здравымъ требованіямъ здравой государственной науки? Притомъ еще раздѣленіе самой привилегированной публики именно на четырнадцать классовъ, изъ которыхъ одни чины давно померли, а прочіе хотя и здравствуютъ даже съ прибавкой къ титулу „дѣйствительныхъ“—но ровно-же ничего дѣйствительнаго не выражаютъ,—не это-ли противорѣчитъ—ужъ не наукѣ, а простому.. чувству дѣйствительности? Наконецъ, въ нѣкоторой части публики, ненависть къ мировымъ посредникамъ и къ поддерживаемому ими крестьянскому самоуправленію знаете-ли на чемъ основывалась, читатель? на томъ, что при такомъ общемъ строительствѣ Русской земли упраздняется надобность въ созданіи палаты лордовъ съ ея послѣдствіями,—или обратно, упраздняется надобность даже и такихъ учрежденій, которыхъ-бы сама палата лордовъ явилась послѣдствіемъ. А вѣдь гдѣ лорды, тамъ и палата общинъ...

Вопросъ, повторяемъ, съ какой стороны ни погляди, тутъ представлялся весьма сложенъ, весьма сбивчивъ.

И случилось именно то̀, чего и слѣдовало ожидать. Не хватило народнаго самосознанія; молоды-зелены оказались его молодые ростки. Всѣ еще были падки на конфекты, которыя хотя и дурны, но хорошо блестятъ. Оказалась легкая возможность словить молодое, зеленое, недозрѣлое общество—на всякую либеральную удочку;

было еще много охотниковъ играть въ либеральные коньки. Пока дѣти занимались игрушками, у нихъ подъ носомъ вырвали не-игрушку; сокровище, только-что было имъ ввѣренное, они сами выронили изъ рукъ.

Произошелъ всѣмъ извѣстный поворотъ: органическое законодательство на все многомилліонное крестьянство не было отмѣнено никакимъ равномѣрнымъ законодательнымъ актомъ; а между тѣмъ, Положеніе 19-го февраля 1861 года—не прошло и пяти лѣтъ со дня его обнародованія—оказалось разорваннымъ въ лоскутки. Его уничтожили, *во-первыхъ*, разными циркулярами и административными распоряженіями; *во-вторыхъ*, общими мѣрами, низведшими дарованныя имъ учрежденія на степень низшихъ инстанцій, подчиненныхъ высшимъ—на общемъ основаніи Устава о службѣ гражданской; наконецъ, *втретьихъ*, новоявленными учрежденіями, въ которыхъ уже ничего не осталось ни мироваго, ни земскаго, кромѣ однихъ названій.

Разумѣется дѣйствовали „сферы;“ но была тутъ и полная круговая порука, неотрицаемѣйшая солидарность нашего вольнаго и невольнаго бюрократизма,—въ этомъ и вся бѣда, повторяемъ.

А по мѣрѣ того, какъ извращалось и искажалось Положеніе 19 февраля 1861 г.—одновременно сводилось на-нѣтъ и крестьянское самоуправленіе. Мудрено-ли, послѣ всего, что отъ теперешняго, сведеннаго на-нѣтъ, „такъ-называемаго крестьянскаго самоуправленія“ отворачиваются наконецъ еще вчерашніе его безсознательные поклонники и поборники? Нѣтъ мудренаго даже въ томъ, что теперь, когда въ самомъ дѣлѣ волостныя правленія съ ихъ волостными сходами и судами обратились ни во что другое, какъ въ экзекуціонные пункты становыхъ квартиръ и въ чернорабочія канцеляріи уѣздныхъ исправниковъ,—отъ нихъ уже начинаютъ мало-по-малу отворачиваться сами сельскіе міры! Нѣтъ мудренаго, говоримъ, что само наконецъ крестьянство не видитъ ровно никакихъ прелестей въ „самоуправленіи“ подобнаго сорта.

Мудрено другое. Истинно мудрено тò, что десятки и сотни нашихъ добровольныхъ бюрократовъ, словно ничего не позабывъ и ничему не научившись, все еще повторяютъ старые зады, продолжаютъ по прежнему судить и рядить о „крестьянскомъ самоуправленіи“—какъ ни въ чемъ не бывало. Они вглядываются, видите ли, въ разныя его современныя болѣзни и предлагаютъ тысячи разныхъ современныхъ медикаментовъ,—а главный-то фактъ, что оно

искажено противъ своего первоначальнаго вида, что оно лежитъ теперь искалѣченное, извращенное, опутанное разными неестественными путами — проглядываютъ; слона-то и не примѣчаютъ!

И ученѣйшіе юристы, и невѣсть чему учившіеся поставщики газетныхъ разглагольствій, пресеріозно совѣтуютъ, то замѣнить волость приходомъ, то вовсе ее уничтожить, то обратить ее во „всесословную" (упразднивъ, вѣроятно, консисторіи для духовныхъ, штабы для военныхъ, дворянскія опеки и купеческія и мѣщанскія управы для прочихъ сословій). Они-же совѣтуютъ, напримѣръ, дать право недовольнымъ рѣшеніями волостныхъ судовъ приносить апелляціи мировымъ судьямъ, забывая конечно, что девять десятыхъ дѣлъ сельской казуистики для юрисдикціи мировыхъ судей не подсудны и неухватимы. Забываютъ они, конечно, и то̀, что уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, казнитъ штрафомъ не свыше 25-ти рублей виновнаго, съ котораго не возьмешь и полушки, *или* предоставляетъ ему на 3 мѣсяца даровыя щи въ острогѣ, тогда какъ онъ именно изъ-за даровыхъ щей и чинилъ преступленія, вслѣдствіе чего нерѣдко и проситъ господина судью, не выходя изъ присутствія, о продленіи „законнаго" блага болѣе чѣмъ на 3 мѣсяца. Наконецъ забываютъ они еще главное, что (какъ это недавно на одномъ ученомъ рефератѣ выразилъ Орловскій губернскій гласный отъ крестьянъ) „судъ по X тому для народа убійство", а „мировые *судьи*" не были-бы и таковыми, когда-бы не судили по X тому. Въ томъ-то и дѣло, что живое русское право десятковъ милліоновъ народа (не точно было-бы сказать: обычное право) столкнулось теперь и сталкивается на каждомъ шагу съ правомъ, писаннымъ въ свое время *про служилыхъ людей*, а потомъ съ 18-го вѣка и далѣе, еще обращенное въ конгломератъ всевозможныхъ правъ — включительно даже съ магдебургскимъ, про многіе „классы" и разные „орднунги" (не совсѣмъ было-бы точно назвать его условнымъ терминомъ: писанное право). Такъ какъ-же возлагать всю надежду на юрисдикцію судовъ опять-таки бюрократическаго свойства, а не мировыхъ— въ истинномъ значеніи этого слова?

Что̀ сказать, напослѣдокъ, о самыхъ послѣднихъ модныхъ тенденціяхъ тѣхъ-же господъ? Теперь они ужъ совѣтуютъ, для поправки „крестьянскаго самоуправленія", возложить всю надежду на „такъ-называемыя земскія учрежденія"! Счастливцы! они вѣрятъ въ эти земскія учрежденія, гдѣ земскаго только одно названіе. Сча-

стливцы! они ужъ узрѣли міръ ранѣе сотворенія міра! готовы вѣнчать зданіе, у котораго не заложены и основы (основы были заложены, но ихъ разрушили, и теперь ихъ нѣтъ). Первоначальныя мировыя учрежденія, и одни они, были воинстину земскими учрежденіями; ихъ и слѣдовало восполнить, а не отмѣнять. Сельская сходка и сельскій міръ; далѣе, образуемый изъ выборныхъ, отъ каждаго селенія по одному съ десяти дворовъ, и предводимый волостнымъ старшиною волостной сходъ; далѣе мировой участокъ, обнимающій цѣлое гнѣздо волостей — во главѣ съ мировымъ посредникомъ; и еще далѣе: мировой съѣздъ изъ представителей всѣхъ мировыхъ участковъ — во главѣ съ уѣзднымъ предводителемъ, — вотъ были прежнія мировыя учрежденія. Въ нихъ было несомнѣнно больше земскаго духа, чѣмъ въ нынѣшнихъ номинальныхъ земскихъ учрежденіяхъ. Положеніе 19-го февраля 1861-го года, спора нѣтъ, было главнымъ образомъ озабочено *злобою дневи*, отмѣною крѣпостнаго права, и вся дѣятельность первоначальныхъ мировыхъ учрежденій по необходимости расходовалась на удовлетвореніе главной задачи и соотвѣтствовала злобѣ дня. Но всѣ будущіе запросы и всѣ задачи будущаго — которые вытекали какъ естественное послѣдствіе изъ отмѣны крѣпостнаго права—ясно намѣчавшіеся сами собой, были предусмотрѣны Положеніемъ: всѣ до одного были въ немъ предначертаны — и предначертаны весьма широко. Что̀ было даровано, о томъ еще во многихъ статьяхъ Положенія предрекалось, что оно въ свое время имѣетъ быть восполнено и усовершено.—Ясная, какъ Божій день, союзность каждой волости со своимъ мировымъ участкомъ, а каждаго изъ мировыхъ участковъ съ цѣлымъ уѣздомъ; больше того, самихъ уѣздовъ съ цѣлою губерніей, — весьма живо чувствовалась въ тѣ дни. Можно-бы сказать, уже воскресало, уже обновлялось, и свѣтило въ сознаніи — наше старинное, наше родное и завѣтное представленіе о Русской Землѣ, какъ о великомъ союзѣ всѣхъ этихъ неисчислимыхъ поменьшихъ міровъ, селъ съ приселками и городовъ съ пригородами, въ одномъ великомъ мірѣ: весь русскій народъ, вся Земля Русская! И надъ нею — единодержавная власть, никто развѣ ея. Надо-же было все это разрушить и замѣнить—увы, чѣмъ?

Народъ и ожидалъ восполненія закона, а не его отмѣны. Все, что̀ — какъ завтрашній запросъ и задача будущаго — было предусмотрѣно и предначертано въ самомъ Положеніи, какъ простое естественное послѣдствіе отмѣны крѣпостнаго права, то̀ —

уже чувствовалось всѣмъ деревенскимъ людомъ весьма живо. Тѣ запросы и задачи, ясныя какъ Божій день, приближались, приблизились уже. Вдругъ законъ былъ отмѣненъ, а не восполненъ. Послѣдовали новоявленныя учрежденія — ужъ „такъ-называемыя мировыя“ и лишь „такъ-называемыя земскія“. Они выскочили готовыми, какъ Минерва изъ головы Юпитера, и хвалимы лишь вольнымъ и невольнымъ бюрократизмомъ у насъ. Они явились не въ отвѣтъ на тѣ запросы и задачи будущаго, которые уже были прѣдусмотрѣны и предначертаны самимъ Положеніемъ, а въ совершенную ихъ отмѣну; не во исполненіи надеждъ, а въ ихъ полное сокрушеніе. И задачи, и запросы уже было объявились, и дѣйствительно чаяли себѣ желаннаго отвѣта; а тѣ новоявленныя учрежденія не только нѐдали отвѣта, а можно-бы сказать, выступили еще противъ нихъ, тѣхъ чаяній, какъ-бы недоброжелательнымъ встрѣчнымъ искомъ, дабы ихъ подсѣчь въ самомъ корнѣ и навсегда заглушить. Точно сказочною мертвою водой прыснуло тогда; ни впередъ, ни назадъ, все застоялось, плесневѣетъ и до сего дня. Ни мировые судьи, ни земскія учрежденія народа не удовлетворили. Только развѣ поставщики газетныхъ разглагольствій продолжаютъ еще и до сихъ поръ видѣть въ нихъ, особенно въ земскихъ учрежденіяхъ, богатый матеріалъ для вѣчно одной и той-же игры въ *„либеральные коньки“* и для своихъ малолѣтнихъ высшихъ соображеній. Въ извиненіе малолѣтнихъ высшихъ соображеній, впрочемъ, позволительно одно сказать: если дерево только-что было тронулось въ ростъ, а его сломаютъ — оно идетъ въ кривосукъ; такъ — если заглушить живые природные инстинкты — непремѣнно разовьются инстинкты извращенные.

Станетъ-ли кто отрицать, что едва волостные сходы и правленія обращены въ экзекуціонные пункты становыхъ квартиръ и въ канцеляріи уѣздныхъ исправниковъ, міряне никакъ не лучшія свои силы удѣляютъ на должности и волостныхъ старшинъ, и сельскихъ старостъ? не закрадываются-ли еще въ эти должности — прямо сказать — міроѣды? Какъ, слѣдовательно, забавенъ былъ-бы тотъ, кто вдругъ захотѣлъ-бы видѣть въ нынѣшнемъ обиходѣ, въ нынѣ обращающихся сельскихъ старостахъ и волостныхъ старшинахъ — цвѣтъ міра! какъ онъ ошибся-бы, принявъ ихъ за представителей добраго крестьянства, которые могутъ вѣрно высказать и крестьянскую мысль, и все чтò у мірянъ на душѣ! Не тоже-ли, сдается, можно будетъ сказать и про „гласныхъ“? Sauf le respect,

которымъ всякій изъ насъ обязанъ ко многимъ почтеннымъ дѣятелямъ сихъ учрежденій, никто не укоснитъ однакожъ признаться, что и земская мысль — секретъ для господъ „гласныхъ“. Какъ оно есть теперь по крайней мѣрѣ, ихъ мнѣніе — не мнѣніе земли. Далѣе мы еще вернемся къ земству. Не закрадываются-ли и въ „земство“ — прямо-же сказать — міроѣды?

Кому все еще не въ домекъ, что истинное самоуправленіе было въ извѣстной степени даровано, а для будущаго, еще въ болѣе широкихъ размѣрахъ, предначертано Положеніемъ 19 февраля 1861 года, — тотъ лучше-бы сдѣлалъ, еслибъ вовсе отказался судить о теперешнемъ состояніи „крестьянскаго самоуправленія“. Его нынѣшняя безтолочь составляетъ лишь прямое возмездіе за тѣ удары, за тѣ смертельныя раны, которые ему *во время оно* наносили. Эта расшатанность, разнузданность, безправица, совершенная безпомощность мірянъ; однимъ словомъ вся нынѣшняя повсемѣстная неурядица, именуемая еще на зло здравому смыслу—„самоуправленіемъ“—составляетъ вполнѣ заслуженное воздаяніе за совокупность не только тѣхъ „мѣропріятій“, но еще и „умоначертаній“, которыми его, наше истинное самоуправленіе, такъ послѣдовательно, такъ систематически и такъ неустанно калѣчили и искажали.

Надо быть добровольнымъ слѣпцомъ — нѣтъ! достаточно быть заклейменнымъ тѣмъ нашимъ казеннымъ штемпелемъ, который у насъ все тьмитъ и заститъ — чтобъ этого не видѣть.

Приходится, наконецъ, высказать горькую правду. Діагнозъ нашего главнаго недуга совсѣмъ не тотъ, въ чемъ его полагаютъ казенные діагносты. Пора наконецъ перестать лѣчить „крестьянское самоуправленіе“ по ихъ рецептамъ. Оно не выздоровѣетъ при невѣрномъ опредѣленіи болѣзни; отъ ихъ медикаментовъ ему — только пуще не поздоровится.

Непростительно воздыхать о неудавшемся, будто-бы, у насъ крестьянскомъ самоуправленіи и знать не знать, и вѣдать не вѣдать, что его — подсѣкли въ корнѣ.

Забавно дѣлать тысячи нелѣпыхъ діагнозовъ надъ кроватью совсѣмъ здороваго несчастливца, — а онъ лежитъ только стиснутъ и опутанъ грубыми неестественными, всевозможными просто-невозможными станками; и отъ него еще въ добавокъ отогнали прочь всѣхъ кровныхъ, всѣхъ *своихъ*, всѣхъ его ближнихъ, до него ласковыхъ, а облѣпили его чужими зашельцами, приставили къ нему жадныхъ до его крови приставниковъ.

Или скажутъ, что у русскаго крестьянина, какъ и вообще у крестьянскаго самоуправленія, нѣтъ и не было истинныхъ ближнихъ, настоящихъ своихъ радѣтелей?... и нѣоткуда имъ взяться?... и не вскормила ихъ еще, себѣ на радость, Русская земля!

Но прежде всего это было-бы клеветою именно на XVIII-й вѣкъ. Господа, за что-же вы его хвалите? Въ древней Руси не было образованія; не могло явиться и плода образованности: *общественныхъ людей*, *общественныхъ дѣятелей*, которые-бы въ общественныхъ дѣлахъ забывали свой личный и сословный эгоизмъ. Въ новой Россіи такіе люди есть: должны быть; послѣ XVIII вѣка нельзя быть тому, чтобъ ихъ не было у насъ вовсе; можно-ли говорить, что ихъ нѣтъ? Это будетъ клеветою на многихъ и многихъ изъ уѣздныхъ и губернскихъ предводителей, за которыхъ — какъ за единственно уцѣлѣвшихъ для нихъ близкихъ людей — даже и сейчасъ охотно держатся сами крестьяне. Это, наконецъ, будетъ уже на весь міръ явною клеветою на всѣхъ мировыхъ посредниковъ такъ-называемаго *перваго призыва*, которые сейчасъ разбѣжались и попрятались Богъ знаетъ куда — едва стали ихъ низводить на степень чиновниковъ, „подчиненныхъ высшимъ инстанціямъ на общемъ основаніи Устава о службѣ гражданской". Не въ этомъ-ли у насъ и вся бѣда? Есть у насъ, безспорно есть люди, проникнутые самоуваженіемъ настолько, чтобъ въ общественныхъ дѣлахъ забывать свой личный и сословный эгоизмъ. Но они-то первые, естественно, и страшатся подпасть всѣмъ непремѣннымъ уничиженіямъ чиновничества — да еще на законномъ основаніи.

II.

Кто сознательно радовался у насъ освобожденію народа (а не такъ какъ это простительно развѣ сэнтиментальнымъ институткамъ), тотъ радовался именно тому, что съ отмѣною крѣпостнаго права, отмѣнится и все, что̀ было съ нимъ совмѣстно. Многое, что̀ други и недруги въ насъ такъ язвительно злословили и, вынося соръ изъ избы, такъ безжалостно въ своихъ заграничныхъ изданіяхъ выставляли на показъ цѣлому свѣту—только и обусловливалось у насъ крѣпостнымъ правомъ. Описывая былую Россію, о! они щедры на негодованіе противъ насъ. Это, по ихъ увѣреніямъ, была страна безъ народа, представлявшая одинъ мертвый механизмъ бюрократіи. И какой бюрократіи? той, которая между властью и народомъ создала непроницаемую стѣну и преграду; черезъ нее всѣ мѣры

внизъ отражаются уже преломленными сквозь призму самихъ бюрократическихъ сферъ, а вверхъ не допускается проникнуть ни одному живому голосу; той бюрократіи, низины коей всячески эксплоатируютъ народъ, прислуживаясь лишь своему непосредственному начальству, а вершины всячески стараются находящуюся поверхъ себя власть еще болѣе изолировать отъ народа — такъ какъ при этомъ опи-то, собственно говоря, и пользуются безграничною властью, вовсе не имъ предоставленною; той бюрократіи наконецъ, которая въ силу этого вся сверху до низу состоитъ сама съ собою— и низины и вершины—въ эгоистической солидарности и смотритъ на всякаго къ ней непринадлежащаго земскаго человѣка какъ на своего естественнаго данника, годнаго лишь для наживы, а также вообще на землю и на весь народъ — какъ на матеріалъ, годный для эксплоатаціи.

Но говорившіе и писавшіе такъ не понимали главнаго. Все это было дѣйствительно создано у насъ 18-мъ вѣкомъ и двумя первыми четвертями XIX-го; но потому именно, что въ эту-же пору слагалось на дѣлѣ и возводилось въ законъ и восходило отъ силы въ силу фактически и юридически: „право помѣщиковъ на ихъ людей"; другими словами: этотъ самый лучезарный періодъ произвелъ и „крѣпостное право". А утвердилось оно—утвердилось и все тò, что съ нимъ было совмѣстно.

Государственная власть, въ періодъ узаконенія крѣпостнаго права, по необходимости сомкнула въ себѣ всю полноту власти лишь въ собственныхъ, исключительно-государственныхъ òрганахъ, заставляя по роковой необходимости однихъ ихъ исправлять должность какъ-бы даже представителей самихъ внутреннихъ силъ народа и по отдѣламъ чисто-земскимъ, чисто-общественнымъ.

И вотъ, та-же самая власть, уничтоживъ крѣпостное право, ту-жъ минуту почувствовала необходимость разомкнуть эту замкнутость, сдать часть власти назадъ: въ самый народъ и въ самое общество, предоставляя уже имъ самимъ исправлять должности по ихъ собственнымъ земскимъ и чисто-общественнымъ отправленіямъ.

Въ 1861-мъ году, незабвеннымъ Положеніемъ 19-го февраля, это было несомнѣнно предоставлено. Само общество было приглашено подъять нѣкоторое бремя власти, взять на себя нѣкоторую долю отвѣтственности. Призывъ обращенъ былъ къ живымъ внутреннимъ силамъ страны, къ самому обществу, къ нашему образованію, наконецъ.

Совершилось то̀, чего у насъ давно не бывало: настоящая власть, собственно такъ-называемая административная власть частью была передана самому обществу въ руки. Надо было и такихъ людей, которые-бы по своему образованію могли стать выше личнаго и сословнаго эгоизма. Такіе люди нашлись: общественные дѣятели принялись за общественное дѣло. Эти званные явились истинною политическою силой своей страны; это ужъ была политическая сила самого общества, самого земства. Въ ихъ лицѣ земство дѣйствительно ощутило себя пріявшимъ нѣкоторое бремя власти и нѣкоторую долю отвѣтственности. Первоначальныя мировыя учрежденія не въ шутку были мировыми. Тогда каждый сельскій міръ и каждая волость не стояли одиноко, затерянными осколками *чуждаго* для себя государства; оно имъ стало *свое*, и они сознали себя живыми его звеньями. Въ мировомъ участкѣ они слышали не только собственную солидарность (союзность), но черезъ него еще и свою солидарность (союзность) съ своимъ уѣздомъ, съ своею губерніею, со всѣмъ своимъ государствомъ — не по одному взносу платежей и не только по отбыванію повинностей. Первымъ малымъ звеномъ этого великаго союза, первою едва глазу замѣтной ячейкою, органической клѣточкою этого вселенскаго міра— былъ именно мировой участокъ; далѣе и ниже ужъ онъ распадался на свои атомы. Во главѣ мироваго участка стоялъ „всесословный" человѣкъ, земству свой. Это — противъ того, что̀ было наканунѣ еще при крѣпостномъ правѣ — ужъ, конечно, не бюрократическій régime; а нашъ желанный, искони намъ свой, но запамятованный съ XVIII вѣка. Казалось о̀жило наше самосознаніе. Въ новизнахъ именно заслышалась старина: обществу дано было самоуправленіе. Въ перспективѣ виднѣлось земское собраніе всего уѣзда — не похожее, конечно, на нынѣшнее.

Но тутъ и вопросъ, — не о томъ, конечно, возрадуются-ли этому собственно такъ-называемыя бюрократическія сферы? Боязливость не выронить-бы власти изъ собственныхъ рукъ — составляетъ искони вѣковъ отличительное свойство всевозможныхъ бюрократій на свѣтѣ; это ужъ, по существу дѣла, непремѣнная принадлежность всякихъ бюрократическихъ сферъ. Спустите въ народъ — не старинное право выбирать изъ себя губныхъ старостъ, то-есть самосудъ даже уголовный, а только хотя-бы судебно-*полицейскую* власть (безъ чего, собственно говоря, нѣтъ не только самоуправленія, ни даже простаго самоохраненія), бюрократія и тутъ

почтетъ себя въ слезной обидѣ, ибо изъ ея собственныхъ рукъ выронилась эта власть. Поэтому совершенно-праздный вопросъ: какъ должна была отнестись казенная система нашего бюрократизма къ самоуправленію, едва возникшему у насъ? На это былъ данъ отвѣтъ вскорѣ. Изъятыя изъ ихъ вѣдомства, мировыя учрежденія были сейчасъ-же втянуты ими и внесены въ общій кругъ инстанцій, подчиненныхъ однѣ другимъ; мировые дѣятели, не взирая на Положеніе, были принижены на общемъ основаніи Устава о службѣ гражданской. Лучшіе русскіе люди, только что было явившіеся на призывъ послужить общему дѣлу, попрятались кто куда; всѣ разбѣжались. Это понятно.

Тутъ вопросъ важнѣе. Сама наша „интеллигенція" довольно ли сильна по части русскаго народнаго самосознанія? все-ли только одному доброму научилъ ее XVIII вѣкъ?

Спросимъ, напримѣръ: стыдилось-ли русское передовое сословіе величать себя передъ *подлымъ* народомъ („подлый народъ" излюбленный терминъ XVIII вѣка) *шляхетствомъ* на западный образецъ? „Шляхетскій корпусъ" — терминъ также XVIII вѣка. Передовое сословіе, напротивъ того, съ XVIII вѣка гордилось сравненіемъ себя со *шляхетствомъ*. „Благородно владѣющее мечемъ", оно еще искало сравнить себя съ noblesse d'épée... во всѣхъ отношеніяхъ на западный образецъ. Уже зудила его, чуждая Руси, политическая похоть. Разъ — наперекоръ старинному завѣту древней Руси — власть изъ „неудобьносимаго бремени" обратилась въ громоблещущую прерогативу — мудрено-ли, что и *привилегированное сословіе* (опять-таки терминъ XVIII вѣка) стало разжигаться политическою похотью, пыталось даже совершать то одно, то другое политическое прелюбодѣяніе — и хорошо, что это не удавалось. Довольно указать на одно это — и всякій пойметъ, что въ самомъ дѣлѣ не „блистательный такъ-называемый періодъ" былъ лучшею школой для русскаго самосознанія.

Можно было напередъ ожидать: молодо-зелено окажется на первыхъ порахъ наше народное самосознаніе; мы не оцѣнимъ существо дарованныхъ правъ, не удержимъ простаго настоящаго русскаго земскаго самоуправленія: наше le или the zemstwo тутъ не опознàетъ само себя. Нашелся, правда, малый кружокъ лицъ, сознательно отнесшихся къ дѣлу; и хвала тому обществу, которое ихъ выставило. Этотъ кружокъ, однакожъ, оказался слишкомъ тѣсенъ и малъ. Большинство, тò самое, которое изо всѣхъ силъ про-

изводило тогда агитацію противъ собственно такъ-называемыхъ бюрократическихъ сферъ — оно-то еще (прямо имъ въ руку) и накликáло скорѣйшую отмѣну тѣхъ не мнимыхъ мировыхъ учрежденій, которыми воистину былъ нанесенъ ударъ ни чему иному, какъ обще-казенному строю и бюрократическому ancien régime.

Въ сущности, вольному и невольному бюрократизму хотѣлось одного и того-же: продлить себѣ вѣку. Такъ какъ обновленіе Русскаго быта и строя въ національномъ духѣ совершенно упразднило-бы régime et raison d'être ихъ обоихъ,—имъ, обоимъ вмѣстѣ, и захотѣлось тогда окончательной и заключительной реформы... на западный образецъ. Было пущено въ ходъ „иностранное модное слово“.

III.

Съ тѣхъ поръ, какъ мировые посредники такъ-называемаго *перваго призыва* заняты были „введеніемъ въ дѣйствіе уставныхъ грамотъ“ и вдругъ удалились со сцены, прошло около пятнадцати-шестнадцати лѣтъ. Легко-ли дышалось, жаловались-ли на безтолочь, на всеобщую неурядицу, на повсемѣстный безпорядокъ за все первое трехлѣтіе (1861 — 1863), пока они дѣйствовали,— многіе еще помнятъ. Для тѣхъ-же, кто этого не знаетъ по личному опыту, кто не жилъ тогда въ деревнѣ, воскресимъ теперь прямо по незабвенному историческому акту, по Положенію 19-го февраля 1861 года — тѣ минувшіе дни.

Тогда волости цѣлыми гнѣздами собирались въ мировой участокъ. Во главѣ каждаго участка стоялъ „мировой“—*не судья*, изъ мѣстныхъ, изъ земскихъ людей. Его вѣдѣнію подлежали: иски, споры и жалобы, возникавшіе изъ поземельныхъ отношеній, жалобы какъ помѣщиковъ, такъ и всѣхъ постороннихъ лицъ въ участкѣ, на дѣйствія мѣстъ и лицъ общественнаго крестьянскаго управленія; также жалобы и самихъ крестьянъ, и ихъ обществъ на дѣйствія помѣщиковъ и на прочихъ лицъ въ участкѣ; кромѣ того, жалобы крестьянъ-же на ихъ собственныхъ должностныхъ лицъ, какъ сельскихъ, такъ и *волостныхъ*. На него возлагались: утвержденіе волостныхъ старшинъ въ ихъ должности и вообще дѣла по избранію должностныхъ лицъ сельскаго и волостнаго управленія; дѣла по удаленію крестьянъ изъ общества по мірскимъ приговорамъ. На него, наконецъ, были возложены дѣла *судебно-полицейскаго* разбирательства: по найму землевладѣльцами людей

въ разныя работы, въ услуженіе и въ хозяйственныя должности (въ томъ числѣ управляющихъ); по отдачѣ въ наемъ земель; по потравамъ полей, луговъ и угодій и по порубкамъ.

Въ уѣздномъ городѣ постоянно велись мировые съѣзды мировыхъ (не судей) подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя, куда и переносились жалобы „на сельскихъ и волостныхъ должностныхъ лицъ", слѣдовательно и на волостныхъ судей (это было отмѣнено уже министерскимъ циркуляромъ). Понятно, „приговоры волостнаго суда исполнялъ волостной старшина на свой собственный страхъ и на свою личную отвѣтственность", слѣдовательно по закону и не исполнялъ иныхъ: страшился принять на свою отвѣтственность, и едва чувствовалъ въ томъ надобность по закону—всегда находилъ просвѣщенное руководство въ мировомъ участкѣ. Никакое, не только нелѣпое, а просто обидное постановленіе волостнаго суда безъ обжалованія и безъ надлежащаго разсмотрѣнія не оставалось. Земская полиція безотговорочно исполняла тогда всѣ законныя требованія мироваго посредника, а сама въ волостныя правленія и вообще во все крестьянское самоуправленіе не вступалась. Становыхъ народъ словно перестал слухомъ слышать и видомъ видѣть; тогда становые объѣзжали волостныя правленія мимо.

Такъ шло, ясное какъ майское утро, первое время по отмѣнѣ крѣпостнаго права. Земскій миръ никогда еще не былъ, ни потомъ, ни прежде, такъ проченъ; самоуправленіе только радовало тогда.

А что происходило на сценѣ послѣ того, какъ мировые посредники перваго призыва съ нея удалились? Слѣдующее: земство расчленили, его розняли по частямъ. Мировые съѣзды подъ предсѣдательствомъ уѣздныхъ предводителей и оставшіеся приниженными на службѣ мировые посредники были совсѣмъ устранены отъ крестьянскаго самоуправленія. Каждому сельскому міру и каждой сельской волости была предоставлена полная свобода задыхаться и спираться въ своихъ собственныхъ подонкахъ: вольный исходъ куда-либо въ ширь или въ высь — былъ отнятъ у нихъ; мировой участокъ прежде разрушился, а потомъ и совсѣмъ опустѣлъ. Это было сдѣлано, впрочемъ, изъ гуманности и либерализма, чтобъ не было опекуновъ у народа: да не коснется ничья чуждая рука уважаемыхъ крестьянскихъ учрежденій, ихъ святаго самоуправленія, а кольми паче самосуда! (Положимъ, что свои

земскіе люди, мѣстные старожилы, всѣ личные землевладѣльцы, для окольнаго крестьянства — чужіе; только неужели прямые зашельцы и приставники со стороны—ему свои?) Такъ или иначе, волостное управленіе обратилось въ учрежденіе чисто-сословное и узко-сословное, въ консисторію своего рода; та про духовныхъ, а это про крестьянъ, съ тою разницей, что въ консисторіи одни предсѣдатели съ духовенствомъ-же, а здѣсь предсѣдательствуетъ становой или исправникъ. — Но почему-же — возразятъ — земство разчленено? Мѣстное населеніе—отвѣчаемъ—тогда только и мыслится „земствомъ", когда рядомъ съ простонародною массою предполагаются и „годные для дѣла", просвѣщенные мѣстные-же люди; иначе земство не мыслимо, иначе — ни земли, ни народа. Это и понимала древняя Русь! встарину крестьянамъ писали: „вы бы, между собой свѣстясь всѣ вмѣстѣ, поставили себѣ въ головахъ дѣтей боярскихъ (нынче можно-бы сказать: *личныхъ землевладѣльцевъ*), въ волости человѣка три или четыре, которые-бы грамотѣ умѣли и которые годятся, да съ ними лучшихъ людей крестьянъ, и между собою лихихъ людей, разбойниковъ, сами обыскивали-бы по нашему крестному цѣлованію въ правду, безъ хитрости". Но этой простой истины въ наши дни постичь не могутъ приверженцы вольнаго и невольнаго бюрократизма. Они ухитряются видѣть земство тамъ, гдѣ его ужъ рѣшительно нѣтъ. Отъ крестьянства совсѣмъ отрѣзали прочь тѣхъ, „*которые-бы грамотѣ умѣли и которые годятся*", а этихъ въ свою очередь совершенно изолировали отъ крестьянъ. Общимъ интересомъ у тѣхъ и другихъ оставалось по крайней мѣрѣ главное, изъ-за чего ютятся въ общины: хоть не самоуправленіе, такъ самоохраненіе, простая потребность самоохраны. Но функціонировать по этой части предоставлено новому коеффиціенту, должно быть, земства-же: становому!... Если не на земствѣ, то во всякомъ случаѣ на волостяхъ оставлена тяжесть такого функціонированія. А чѣмъ-же, спрашивается, занимается тѣмъ временемъ новоявленное, уже „такъ-называемое земство"? Ему, во 1-хъ, предоставлено судиться по X тому; а во 2-хъ ловить гессенскую муху, заводить школы и больницы. Но все, что̀ рознято на части и разчленено—никакъ не съютится въ живой организмъ; на всемъ такомъ печать мертвизны: таково „земство". Притомъ, если у него вырвали изъ рукъ главный интересъ, изъ-за котораго люди ютятся въ общину — интересъ самоохраны, — то все остальное уже мало его заботитъ. Со-

блюденіе мира и тишины, пресѣченіе и предупрежденіе преступленій вокругъ себя, имущественная и личная безопасность,—вотъ чѣмъ, безъ сомнѣнія, мирный земскій людъ прежде всего заинтересованъ. А когда именно это и выключено изъ круга его интересовъ,—могутъ-ли сами школы и больницы особенно занимать его?

Насколько всѣ эти „мѣропріятія" и „умоначертанья" превосходны; насколько все это „дѣлопроизводство" послѣднихъ пятнадцати-шестнадцати лѣтъ благопріятно для внутренней тишины и спокойствія,—мы и видимъ теперь. Результатами именно этой пятнадцати или шестнадцатилѣтней неустанной дѣятельности на пагубу истинныхъ мировыхъ учрежденій—мы и наслаждаемся теперь. Все, что̀ теперь обнаруживается повсемѣстно и у всѣхъ передъ глазами—и есть ничто другое, какъ результатъ того „дѣлопроизводства", тѣхъ „мѣропріятій" и „умоначертаній".

Крестьяне не считаютъ болѣе волостныхъ правленій собственными своими учрежденіями; никакъ, по крайней мѣрѣ, не считаютъ ихъ за о̀рганы самоуправленія. Помимо „казенныхъ старшинъ", заводятъ они tacito consensu своихъ не-гласныхъ стариковъ,—ихъ и слушаются втихомолку, къ нимъ и обращаются въ разныхъ случаяхъ. Мало они уже вѣрятъ и въ „казенные волостные сходы", а складываются tacito consensu въ никому невѣдомыя гнѣзда многими деревнями, и что̀ имъ вѣдать надлежитъ, про то̀ вѣдаютъ втихомолку. А на полосатыхъ столбахъ возлѣ „казенныхъ" волостныхъ правленій красуется гербъ и буквы М. В. Д. Уже не только становой и исправникъ распоряжаются тамъ, что̀ называется, какъ у себя дома, но и послѣдній сотскій и десятскій, и самъ „непосредственный начальникъ сихъ нижнихъ чиновъ земской полиціи конный урядникъ"—первоприсутствующіе и непрерывно-присутствующіе тамъ члены. Компанію симъ господамъ чиновникамъ дѣлаютъ тѣ самыя „сельскія и волостныя должностныя лица", которыя нынче обратились въ чиновниковъ-же,—вслѣдствіе чего міряне ихъ почти и выбирать не выбираютъ.

Что̀-жъ это такое?... Міряне отказываются вѣрить въ свой собственный міръ, собираемый по командѣ казенныхъ сотскихъ и десятскихъ, казенныхъ волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ? Такимъ міромъ они гнушаются! Слава Богу, если гнушаются; только еще и спасенье, если гнушаются. То „специфическое зло", которымъ нѣкогда обуевались у насъ однѣ вершины и которымъ были насквозь пропитаны лишь верхніе слои,—уже не

касается-ли, и въ самомъ дѣлѣ, послѣднихъ низинъ? уже не грозитъ-ли и корнямъ дерева? — То была у насъ прежде „казенная благонамѣренность“, „казенная наука“; потомъ завели „казенный либерализмъ“, въ концѣ концовъ является и „казенное самоуправленіе“.—*Казенное самоуправленіе!* вѣдь ужъ это кругъ объ четырехъ углахъ, или еще такая отворенная дверь, которая въ то-же время и затворена. Договорились до абсурда.

Ясно, кажется, послѣ всего, что самый вопросъ: *удалось или не удалось у насъ крестьянское самоуправленіе?* оказывается въ сущности совсѣмъ другимъ, чѣмъ съ виду; чѣмъ когда его ставятъ pro forma. Въ сущности, вопросъ становится такъ: послѣ того, какъ Положеніе 19-го февраля 1861 года отворило широко дверь для народнаго самоуправленія, что̀ произошло на дѣлѣ за послѣднія пятнадцать-шестнадцать лѣтъ? оно-ли, это „новое“ начало, намъ искони свойственное и лишь запамятованное въ эпоху крѣпостнаго права, одержало верхъ или, напротивъ, самъ нашъ бюрократическій ancien régime подавилъ его молодые ростки? Вотъ о чемъ приходится спрашивать. И правдивый публицистъ долженъ будетъ отвѣчать: нашъ бюрократическій ancien régime на первыхъ порахъ одержалъ полную побѣду; старинная система нашего ветхаго бюрократизма совсѣмъ втянула въ себя зачавшееся у насъ самоуправленіе и его сполна поглотила.

Только легче-ли кому отъ того?

Говорятъ иные (и мы сами повторили ихъ слова): тутъ сама публика виновата. Нѣтъ тѣхъ „сферъ“, которыя-бы, въ самомъ дѣлѣ, сознательно вели къ тому и готовы ужъ были хвалиться побѣдой. Но если таковыя существуютъ и, дѣйствительно, имѣли слабость, какъ Наполеонъ при Ватерлоо, похвалиться побѣдой, — то и имъ, какъ ему, надлежитъ теперь имѣть мужество записать въ свой дневникъ: „все было потеряно тогда, какъ все было достигнуто“.

Мы опять у того-же порога, съ котораго пошли. Въ теченіи цѣлыхъ пятнадцати-шестнадцати лѣтъ, оказывается, дѣйствительно ровно ничего не сдѣлано для охраненія внутренней тишины и спокойствія; ни на́ волосъ не двинулось впередъ рѣшеніе трудной задачи о строительствѣ Русской земли послѣ отмѣны крѣпостнаго права, — а вслѣдъ за эмансипаціей это первое-бы дѣло. Но и великъ результатъ, добытый цѣною этихъ послѣднихъ пятнадцати-шестнадцати лѣтъ; всѣмъ ихъ дѣятелямъ великое благода-

ренье. Въ теченіи всѣхъ этихъ пятнадцати-шестнадцати лѣтъ предлагалось-же у насъ за панацею одно иностранное „*модное слово*“. Въ отпоръ иностранному стали наконецъ довольно-же громко предлагать одно русское, также „*модное слово*“. И что̀-жъ! Не вѣрятъ больше никакимъ „*моднымъ словамъ*“,—ужъ ни своимъ, ни иностраннымъ. „Все это будетъ одна и та-же казенщина“—говорятъ—„а нужно дѣло!“ Вотъ истинная, неоцѣненная заслуга всѣхъ дѣятелей сихъ послѣднихъ пятнадцати-шестнадцати лѣтъ,—хотя, можетъ быть, сами они и не желали-бы выслушать себѣ такого благодаренья.

И такъ, снова — здорово. Даромъ прошли пятнадцать-шестнадцать лѣтъ. На сценѣ опять то-же и тѣ-же. О, тяжелый нашъ внутренній неотвязчивый вопросъ!

Гони его въ одну дверь, а онъ — въ другую.

IV.

Читатель—и все равно сельскій-ли, городской-ли читатель—знаете-ли, кому вы обязаны своимъ мирнымъ спокойствіемъ на Руси? знаете-ли, кто охраняетъ безопасность и вашей личности, и собственности? кто не только бережетъ васъ, и усадьбу вашу, и домъ вашъ, и всю семью вашу отъ воровъ и разбойниковъ и въ годину бѣдствій,—а еще заботится объ васъ съ истинно-материнскимъ попеченіемъ и на всѣхъ путяхъ жизни? Знаете-ли, къ кому вамъ слѣдуетъ обратиться въ случаѣ тѣхъ или другихъ невзгодъ—въ общежитіи не рѣдкихъ? И кто̀ непремѣнно вамъ поможетъ скорою помощью?

Это—Губернское Правленіе. Не вѣрите? читайте сами. Раскройте II томъ Свода Законовъ, книга II, раздѣлъ второй, глава первая, статья 715, и вы найдете: „Губернское Правленіе управляетъ дѣлами общаго благоустройства, охраняетъ права личности и собственности, общую безопасность, тишину и спокойствіе“. Мало этого, тамъ-же пунктъ 14-й втораго параграфа статьи 716 гласитъ: „Въ Губернскомъ Правленіи производятся слѣдующія дѣла по охраненію безопасности и общаго спокойствія: попеченіе объ установленіи, и утвержденіи и сохраненіи въ ненарушимости благонравія, порядка, мира и тишины въ городахъ, селахъ и деревняхъ, на земляхъ и на водахъ, такъ-же и на дорогахъ, по губерніи пролегающихъ“. И такъ, вотъ кто̀ „*производитъ попеченіе*“ объ васъ „и на земляхъ и на водахъ“! Вотъ вамъ къ кому обращаться за

скорою помощью въ тѣхъ будничныхъ, то мелочныхъ, то очень крупныхъ заботахъ, которыя нынче и „на водахъ, и на земляхъ, и на дорогахъ пролегающихъ“ ежедневно нарушаютъ мирное благополучіе гражданъ.

Но легкомысленъ былъ-бы тотъ читатель, который-бы этому посмѣялся. Особенно былъ-бы тутъ неумѣстенъ ироническій смѣхъ тѣхъ господъ публицистовъ и юристовъ, которые весьма-же серьезно толкуютъ теперь о перемѣнахъ, по ихъ мнѣнію необходимыхъ, въ составѣ то однихъ, то другихъ совѣтовъ, тѣхъ или другихъ комитетовъ и департаментовъ. Господа серьезные публицисты! что̀ Губернское Правленіе, что̀ тотъ или другой комитетъ или департаментъ — въ сущности это одно и то-же. Тотъ хорошо сдѣлаетъ, кто оставитъ Губернскія Правленія совсѣмъ въ покоѣ.

Пора наконецъ сознать очень крупный и въ то-же время весьма простой фактъ. Всѣ существовавшія у насъ съ XVIII-го вѣка и видоизмѣнявшіяся административныя учрежденія — худы-ли они хороши-ли — всѣ были цѣлесообразны въ свое время: съ одной стороны они обусловливались крѣпостнымъ правомъ, а съ другой еще и сами обусловливали его.

Крѣпостное право, этотъ истинный цвѣтокъ нашего XVIII-го вѣка, этотъ продуктъ послѣ-Петровскаго времени — вотъ что̀ обусловливало административный строй прежняго времени и вообще весь нашъ бюрократическій ancien régime, который съ XVIII-го вѣка повелъ свое родоначаліе.

Можно съ видомъ великой учености толковать о разныхъ административныхъ учрежденіяхъ и административныхъ преобразованіяхъ временъ Петра I-го, II-го или III-го. Можно съ отмѣннымъ глубокомысліемъ доказывать, какъ благія начинанія по устроенію у насъ административной части въ Бироновщину при Аннѣ Ивановнѣ, не осуществились потомъ отъ тѣхъ или другихъ причинъ при Елисаветѣ Петровнѣ. Можно взирать съ неподдѣльнымъ благоговѣніемъ на блистательные труды въ семъ направленіи послѣдующаго періода. Можно наконецъ писать цѣлыя магистерскія или даже докторскія дисертаціи восхищаясь блистательнымъ завершеніемъ административныхъ учрежденій въ вѣкъ Александра I, когда „*умнѣйшій человѣкъ Россіи*“, по отзыву Наполеона I, Сперанскій (потомъ графъ) скопировалъ французско-императорскія учрежденія на ихъ цезарскій образецъ. Но вся такая эрудиція пропадетъ совершенно даромъ. Къ сожалѣнію или, напротивъ, къ нашему великому

счастью, блистать ею передъ публикой нѣтъ никакой необходимости. Ибо, въ концѣ концовъ, дѣло сводится къ слѣдующей простой аксіомѣ: все законодательство касательно административнаго устройства въ Россіи, начиная съ Петра I-го и въ продолженіи всего XVIII-го вѣка, потомъ до половины XIX-го, обусловливалось крѣпостнымъ правомъ; росло и развивалось по мѣрѣ роста и развитія самого крѣпостнаго права, а также собственнымъ ростомъ и развитіемъ содѣйствовало его росту и развитію. Это несомнѣнно. Съ одной стороны, само законодательство касательно управленія Имперіею, мало-по-малу (иногда какъ-бы не въ примѣту для законодателя, а иногда и весьма въ примѣту) все болѣе создавало и утверждало крѣпостное право; а съ другой стороны, и оно, все болѣе утверждаясь въ Имперіи, допускало и находило совершенно по себѣ, совершенно удовлетворительною, ту, исподволь-утверждавшуюся и окончательно у насъ водворившуюся административную систету. Въ этомъ отношеніи вся исторія XVIII-го вѣка и даже двухъ первыхъ четвертей XIX сводится у насъ къ одному и тому-же: съ одной стороны благоспоспѣшествовали образоваться помѣщичьему крѣпостному праву и утверждали его на законномъ основаніи; съ другой стороны, все что почило на крѣпостномъ правѣ, благоспоспѣшествовало вящему развитію и укрѣпленію самóй системы, его образовавшей: тутъ рука руку моетъ. Такъ какъ притомъ вообще „чуждое политическое начало", внесенное въ нашу исторію Петромъ I-мъ, заквасилось еще у насъ на собственной родной закваскѣ, то въ частности и произведенное XVIII вѣкомъ „крѣпостное право" сохраняло нѣкоторыя патріархальныя черты старины до-Петровской и глядѣло на этомъ ононаніи (какъ и многое другое) роднымъ обычаемъ, свойственнымъ намъ искони. Будущій русскій историкъ безъ труда отличитъ (какъ вообще такъ и въ частности), чтó тутъ составляетъ родной обычай старины и въ чемъ тутъ новизна, да еще совершенно чужая, — для этого требуется только историку быть во-истину Русскимъ, а не Шлецеромъ, Эверсомъ, Миллеромъ и прочими, такъ долго обучавшими насъ Русской исторіи. „Патріархальность" и „оффиціальность" — двѣ вѣщи несовмѣстныя, одно исключаетъ другое. Итакъ, ошибаются тѣ, которые наивно разумѣютъ подъ „крѣпостнымъ правомъ" какой-то „обычай". Прямое его начало въ реформахъ Петра; царствованіе Анны Ивановны, Елисаветы Петровны, Петра II-го и III-го, наконецъ вѣкъ Екатерины II-й — вотъ истин-

но то время, когда этотъ „обычай“ все шелъ въ гору и окрѣпъ. Въ царствованіе Александра Павловича былъ уже апогей крѣпостнаго права; при Николаѣ Павловичѣ звѣзда на зенитѣ покосилась, стала падать. Мудрено-ли, что теперь, когда наконецъ покончено съ крѣпостнымъ правомъ, — и всѣ административныя учрежденія, которыя были съ нимъ совмѣстны, представляются у насъ непригодными и совершенною аномаліею? Иначе быть не можетъ. Старая административная система потому только прежде и годилась, что, собственно говоря, само крѣпостное право составляло sui generis политическую систему; оно было въ нѣкоторомъ родѣ всеобъемлющею административною организаціей; всѣ прочія служили только ей въ добавокъ и лишь ее замыкали.

Послѣ совершившагося перелома, послѣ отмѣны крѣпостнаго права, немыслимы и тѣ административныя учрежденія, которыя были съ нимъ совмѣстны. Теперь началось новое, или пожалуй, мы опять вернулись къ старинѣ, когда у насъ не было крѣпостнаго права. „Въ старые мѣхи не вливаютъ новаго вина“: нужно и устройство новое, или, пожалуй, то древнѣйшее, которое уже существовало на Руси, пока въ ней не было крѣпостнаго права, не было еще слѣдовательно и правительственныхъ „бюрократическихъ учрежденій“.

Бюрократическія учрежденія и во всякой странѣ, гдѣ заведутся, составляютъ истинную „язву отечества“; тѣмъ болѣе это должно про нихъ сказать въ Россіи. Не какія-либо основныя и верховныя учрежденія Руси (они неизмѣнны и неколебимы въ сознаніи русскаго народа) обличаются колеблющимися по освобожденіи отъ крѣпостнаго права, а лишь тѣ второстепенныя, третьестепенныя и всѣхъ неисчислимыхъ низшихъ степеней, которыя только въ силу крѣпостнаго права и могли еще существовать.

Иное дѣло все то, что̀ составляетъ неизмѣнный и неколебимый завѣтъ тысячелѣтней исторіи цѣлаго русскаго народа, и совсѣмъ иное дѣло тѣ правительственныя бюрократическія учрежденія, тотъ нашъ ancien régime, который у насъ лишь съ XVIII вѣка зрѣлъ и росъ по мѣрѣ роста и созрѣванія крѣпостнаго права. Первое, послѣ отмѣны крѣпостнаго права, теперь стало еще завѣтнѣй и дороже всему русскому народу, чѣмъ было прежде: именно отмѣною крѣпостнаго права оно и засвидѣтельствовало всему міру живую и животворящую силу свою. А второе, сейчасъ по отмѣнѣ

крѣпостнаго права, и обличаетъ — на глазахъ всего же народа — полную свою несостоятельность.

Отъ этого могутъ приходить въ отчаяніе лишь люди непомнящіе у насъ своего родства съ народомъ; они-то и ищутъ теперь пособить „не въ авантажѣ обрѣтающемуся“ бюрократизму окончательною реформой на западный образецъ. Пустивъ въ ходъ „иностранное модное слово“, въ немъ и видятъ они le fin mot de la chose. Имъ это свойственно; въ нихъ это логически-необходимо. Та часть нашей интеллигенціи, которая запамятовала свое родство съ народомъ, какъ извѣстно, ведетъ и все родоначаліе русской исторіи лишь съ XVIII-го вѣка; а девять вѣковъ она произвольно выключила изъ нея. Теперь, когда увялъ пышный цвѣтокъ XVIII-го вѣка и все, что́ было съ нимъ совмѣстно; когда именно изъ-за дали вѣковъ и даже цѣлаго тысячелѣтія въ новизнахъ отзывается сама старина наша, — интеллигенція, запамятовавшая свое родство съ народомъ, ничего болѣе не пойметъ во всемъ совершающемся. Ей приходится что-нибудь одно изъ двухъ: *или* отречься отъ своего излюбленнаго, хваленаго, XVIII-го вѣка (а вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ того лживаго политическаго принципа, который былъ имъ занесенъ въ нашу исторію) однимъ словомъ отъ цѣлаго такъ-называемаго „блистательнаго періода“, въ томъ смыслѣ какъ его понималъ до сихъ поръ нашъ „казенный катехизисъ“, *или* еще громче прежняго, и уже во всеуслышаніе, провозгласить родоначаліе всей Русской исторіи лишь съ XVIII-го вѣка; но тогда, признавъ лживое начало, принять и le fin mot de la chose — лживое послѣдствіе такого начала. Въ такой-то дилеммѣ очутилось у насъ теперь сознаніе всѣхъ запамятовавшихъ свое родство съ народомъ! Имъ не связать прошедшаго съ настоящимъ.

V.

Будущій русскій историкъ придетъ въ изумленіе передъ колоссальностію того факта, который совершился, совершается, на Руси во вторую половину XIX-го вѣка. Съ тѣхъ поръ какъ „пошла Русская земля и стала есть“, въ ней не было организованнаго въ сословіе крестьянства. „Православнымъ христіанствомъ“, можно сказать, былъ весь народъ; но здѣсь не мѣсто распространяться о временахъ древнихъ. Зачатки крѣпостнаго права примѣчаются собственно въ такъ-называемый „Московскій періодъ“; но и здѣсь еще искать его рано. Вовсе не при Борисѣ Годуновѣ (какъ это полагается

большинствомъ чуть-ли еще не до сихъ поръ) началось такъ-называемое крѣпостное право; даже вплоть до самого Петра I-го его не было. Въ старину дѣлались лишь попытки прекратить переходы съ мѣста на мѣсто, унять старинную угрозу не только сельскихъ, но и городскихъ населеній: „всѣ разбѣжимся, всѣ пойдемъ розно". Старинныя мѣры прикрѣпленія ограничивались, большею частью, финансовою цѣлью, чтобы не прекращался государю оброкъ съ земли: запустѣетъ земля — прекращалась съ нея и подать; а свободные русскіе люди черезъ тѣ узаконенія еще не становились „подданными" помѣщика. Притомъ, въ такомъ прикрѣпленіи сказывалось еще и воззрѣніе на крестьянина, что онъ вообще не предполагался безземельнымъ; тягловое отношеніе крестьянина къ землѣ и сознавалось государствомъ,— а крестьянъ на своз еще не продавали. Слѣдовательно, тутъ было нѣчто другое, а не—цвѣтокъ XVIII-го вѣка—помѣщичье крѣпостное право. Петръ I-й актуально захолопилъ не холоповъ; крестьянъ собственно такъ-называемыхъ онъ поравнялъ съ рабами. Рабы были изъ плѣнныхъ или изъ продававшихся въ неволю; Петръ и крестьянъ сравнялъ съ ними. *Во-первыхъ*, онъ по всему государству перевелъ подать съ земли на душу. При этомъ дворовые помѣщичьи люди — прежде ничего не платившіе государству, ибо не имѣли собственности и составляли господскихъ рабовъ—сдѣлались плательщиками подушныхъ наравнѣ съ крестьянами. А на практикѣ черезъ это крестьяне утратили всю разницу, которая прежде ихъ отличала отъ господскихъ рабовъ, — тѣмъ болѣе, что вообще за подушныя сталъ отвѣчать предъ государствомъ помѣщикъ. „Чтобъ всѣхъ помѣщики писали своихъ подданныхъ, какого они званія ни есть!" вотъ собственныя слова Петра въ указѣ, который начинается словами: „слышу я, что въ нынѣшнихъ переписяхъ пишутъ только однихъ крестьянъ".— *Во-вторыхъ*, Петръ I-й обязалъ одинаковыми тягостями службы какъ владѣльцевъ унаслѣдованныхъ или даже покупныхъ вотчинъ, такъ и владѣльцевъ *помѣстій*. Прежде, государство раздавало помѣстья за службу, строго наблюдая, чтобъ *„земля изъ службы не выходила"*. Владѣвшіе помѣстьями и несли за то службу. Такъ-называемые *„нѣтчики"* лишались помѣстій, но вотчинъ— по крайней мѣрѣ если не унаслѣдованныхъ, такъ покупныхъ—не лишались. Петръ I-й обязалъ одинаковыми тягостями службы и одинаковымъ лишеніемъ имущества за неявку какъ владѣльца помѣстья, такъ и *вотчины*. А на практикѣ это опять значило: онъ уничто-

жилъ старинное различіе между *вотчиной* и *помѣстьемъ*, обративъ и помѣстную землю въ крѣпостную. Этимъ разорвалась старинная солидарность крестьянина съ землею, на которой онъ сидѣлъ, вообще утратилось старинное тягловое отношеніе къ землѣ. Императрица Анна Ивановна, окончательно „милосердуя о своихъ подданныхъ, пожаловала-повелѣла какъ помѣстье, такъ и вотчину именовать одно недвижимое имѣніе: вотчина". Стали ужъ крестьянина мыслить безъ земли, стали его продавать на своз. Прогрессъ въ этомъ направленіи шелъ быстро. При Екатеринѣ—заимствуемъ чужое выраженіе — подъ вліяніемъ западныхъ теорій, возведено какъ-бы въ санкцію это новое христіанское рабство. Юридическое отношеніе крѣпостнаго крестьянина къ помѣщику равняется почти настоящему рабству: и лице крестьянина, и все его имущество признается неотъемлемою собственностью помѣщика. Земли и души жаловались тогда щедро: столько-то тысячъ душъ одному, столько-то тысячъ другому. Вольность дворянству „*не служить*", данная Петромъ III и подтвержденная Екатерининскою жалованной грамотою, окончательно обратила „владѣнье душами" въ прерогативу благороднаго шляхетства, искоренивъ самую память о тягловомъ значеніи земли (впрочемъ, въ правительствѣ и въ публикѣ, а не въ народѣ). Изъ XVIII-го вѣка крѣпостное право перешло въ XIX-й, какъ нѣчто уже будто-бы освященное незапамятной древностью, незыблемое, основное. Но звѣзда покосилась. Государь Александръ II-й кончилъ съ крѣпостнымъ правомъ; *то есть*—чего еще не бывало на Руси да и въ цѣломъ мірѣ—организовалъ свыше чѣмъ въ 20 милліоновъ цѣльное, законченное само въ себѣ, надѣленное земельной собственностью и сознающее себя безпримѣрно-великою общиной, рѣзко очерченное сословіе. Крестьянство на Руси—пройдя сквозь цѣлый рядъ вѣковъ разными законными и незаконными перипетіями — явилось напослѣдокъ такою организованной силой, подобія которой еще не представляетъ ни одна исторія въ мірѣ. Въ нашей новѣйшей исторіи пришло, повидимому, къ тому-же, съ чего началось; рабовъ нѣтъ, крѣпости одних лицъ другимъ — болѣе не существуетъ; пышный цвѣтокъ XVIII-го вѣка отцвѣлъ, — но и получилось нѣчто новое, чего не было. Прежніе крестьяне (говоримъ про московскій, уже позднѣйшій періодъ) слоняясь съ мѣста на мѣсто, не составляли организованной силы въ государствѣ. Десятки, сотни и тысячи ихъ рядились отдѣльными рядами поименно, каждый за себя, съ

князьями и не князьями, съ крупными и мелкими землевладѣльцами подчасъ со своимъ-же братомъ — съ крестьяниномъ землевладѣльцемъ; не только не были крѣпки лицамъ, ни даже землѣ, Тогда они являлись разрозненными единицами — безъ всякой силы; сосѣдъ сосѣду былъ чуждъ въ каждомъ селеніи. Пройдя, отъ начала XVIII-го вѣка, сквозь страшное полуторавѣковое, и болѣе чѣмъ полуторавѣковое, ярмо — крестьянство сплотилось въ цѣльное, единое сословіе, болѣе всѣхъ прочихъ проникнутое единствомъ корпоративнаго духа. Теперь они имѣютъ землю и составляютъ организованнѣйшее сословіе — въ цѣлую треть, если не больше, общаго народонаселенія всего государства. Вотъ какого рода историческая формація, пройдя сквозь XVIII вѣкъ, сомкнула настоящее съ прошедшимъ! Прикрѣпленіе крестьянъ, начинавшееся со слабыхъ попытокъ въ XVII-мъ вѣкѣ, обратилось въ полную крѣпостную неволю въ XVIII и въ двухъ первыхъ четвертяхъ XIX-го. Но что̀-же? не эта-ли крѣпость на цѣлыя 250 лѣтъ и принесла въ концѣ концовъ результатъ прямо противоположный недавней неволѣ, воротивъ конецъ къ началу? Путемъ этого болѣзненнаго процесса нашъ „соціальный" вопросъ рѣшенъ наконецъ такъ, что нынѣшній крестьянинъ не захочетъ больше вернуться къ „Юрьеву дню" до-Годуновскихъ временъ.

Не можемъ удержаться, чтобъ не сдѣлать тутъ выписки изъ недавно напечатаннаго, хотя молодаго, но въ высшей степени талантливаго произведенія покойнаго князя В. А. Черкаскаго: „*Очеркъ исторіи крестьянскаго сословія*" (Русскій Архивъ, 1880 года, № 3). Слова глубокаго знатока крестьянскаго дѣла — тутъ будутъ вполнѣ умѣстны.

„Крѣпость внесла въ волостную жизнь живое сознаніе общиннаго единства. Соблазнительный Юрьевъ день въ конецъ разрушилъ всю непосредственность первоначальнаго родоваго единства въ волости, не замѣнивъ ея никакимъ новымъ началомъ. Волость постепенно утратила и память о древнемъ родствѣ, дружбѣ и единодушіи близкихъ сябровъ, и наконецъ, механически сложенная изъ чуждыхъ другъ другу пришлецовъ, въ концѣ XVI вѣка уже не представила даже довольно элементовъ нравственнаго единенія, чтобы дружно противостать правительству и отвергнуть насильственное укрѣпленіе. Но крѣпость, снова создавъ для бездомнаго крестьянина-бродяги твердую осѣдлость, снова по неволѣ сблизивъ его съ сосѣдомъ и на цѣлыя 250 лѣтъ неразрывно соединивъ его съ однимъ и тѣмъ-же волостнымъ обществомъ, влила въ него твердое сознаніе единства интересовъ всего крестьянскаго міра, научила его видѣть въ каждомъ селянинѣ брата по происхожденію

и надеждамъ, по страданіямъ и страстямъ; словомъ, крѣпость снова возсоздала нравственную, общественную жизнь волости, создала для нея корпораціонные интересы, возвысила ее на степень огромной и могущественной общины, общины гражданской и политической, съ опредѣленной политическою цѣлью и твердостью сознательнаго единодушія. Такимъ образомъ два съ половиной вѣка уничиженія породили для селянина самые блистательные результаты".

Сочиненіе, писанное авторомъ задолго до освобожденія отъ крѣпостнаго права (въ сороковыхъ годахъ, когда авторъ былъ студентомъ Московскаго университета), торопитъ этотъ желанный мигъ. Авторъ провидитъ лучшее будущее русскаго крестьянства — лучшее и противъ западныхъ *виленовъ*.

„Западная эманципація крестьянъ — говоритъ онъ — оставила ихъ бездомными бобылями, безъ поземельной собственности, безъ политическаго достоинства, даровала имъ какъ-бы въ насмѣшку безплодную и незавидную свободу и вмѣстѣ съ тѣмъ зародила въ огромныхъ размѣрахъ пролетаріатъ, эту страшную язву, которая уже болѣе ста лѣтъ непримѣтно точитъ все ветхое зданіе европейской гражданственности и грозится когда-нибудь поглотить вѣковые плоды ея въ вѣчно отверстыя челюсти неутолимаго зѣва. У насъ пролетаріата нѣтъ, и нѣтъ для него почвы во всей Россіи, ибо для русской волости есть лишь одинъ правильный, нормальный выходъ изъ крѣпостнаго состоянія, — это есть общинный политическій бытъ волости, основанный на твердой поземельной собственности. Намъ остается сдѣлать лишь одинъ послѣдній шагъ, и тогда горделивый Западъ съ удивленіемъ узнаетъ, что гдѣ-то, далеко отъ образованнаго міра, на Востокѣ, безъ похвальбы и шарлатанства, свершилось то явленіе, котораго онъ вмѣстѣ такъ желаетъ и страшится, которое даже въ демократической Франціи слыветъ еще доселѣ какой-то несбыточной утопіей, блистательной химерою. Но когда-же настанетъ для Россіи вожделѣнный день? Когда-же клепало мірское снова созоветъ возродившуюся общину сельскую на благодарственное молебствіе Господу?"

Чаяніе многихъ поколѣній исполнилось: крѣпостной неволи больше нѣтъ. Да совершится и другая половина тѣхъ-же чаяній многихъ поколѣній: пускай водворится благоустройство въ Русской землѣ на коренныхъ русскихъ началахъ, которое, было, мы и вовсе запамятовали въ *„крѣпостной вѣкъ"*. Или вся наша тысячелѣтняя исторія не имѣетъ ровно никакого смысла (въ чемъ, къ сожалѣнію и хотятъ насъ увѣрить непомнящіе родства съ народомъ), или весь ея великій, истинно-всемірный смыслъ въ томъ и заключается, чтобы въ свободной, не вѣдающей плѣна, *землѣ* — само еще и *государство* было у насъ символомъ свободы, а не плѣна.

VI.

Всмотритесь какая задача надвинута Русскою исторіею въ наши дни. Владѣющаго землей и составляющаго у насъ политическую общину крестьянства — полагаютъ 82% всего населенія. Теперь, когда въ крестьянствѣ упразднились прежнія его раздѣленія и разновидности, оно стало *едино.* Изъ условнаго термина, выражавшаго сословность, оно опять обратилось въ „православное христіанство", чѣмъ только и было искони. Передъ нимъ всѣ прочія сословія — не дѣйствительность, а слабая тѣнь! Оно, можно бы сказать, „всесословно" у насъ. По такому народу ужъ и не предполагается какихъ - либо *„классовъ-сословій"* надъ нимъ; надъ такимъ народомъ можно предполагать единственно интеллигенцію. Но такъ у насъ и пошло изначала; верхній русскій классъ никогда не составлялъ сословія въ тѣсномъ, въ западномъ смыслѣ этого слова. Это верхній строй, передовая рать своего народа — и больше ничего.

Требуется уравновѣсить интеллектуальною силою, силой выдающихся изъ народа личностей, силою общественной — эту многомилліонную массу поглощеннаго непосредственнымъ бытомъ и пребывающаго въ общинѣ или въ громадѣ простонародья. Нашъ вѣрный историческимъ завѣтамъ и отличающійся здравымъ смысломъ православный народъ—дождется-ли, дождался-ли, наконецъ, достойной себя интеллигенціи? Вѣдь все родное, и симпатіи и антипатіи свои, народъ больше *чувствуетъ,* чѣмъ *сознаетъ.* Стихійное сознаніе народа скрыто въ его нѣдрахъ лишь на степени живучаго инстинкта. На то у него и интеллигенція, чтобъ путемъ личнаго сознанія выяснить народный идеалъ. Многое, что̀ народу дорого и завѣтно, самъ онъ при всемъ желаніи—просто ужъ по убожеству своему—иначе не въ состояніи и выразить какъ не свыше лубочной картины. Возвести все такое въ „перлъ созданія" чья-жъ опять и обязанность какъ не его интеллигенціи? Не хотѣлось-бы думать еще и въ наши дни, что русскій народъ ею обездоленъ. Хотѣлось-бы все больше со дня на день убѣждаться общею совокупностью обстоятельствъ, что интеллигенція у него есть, наконецъ будетъ. Безъ того нельзя ужъ теперь ступить ни шагу. Пока у насъ не объявится истинное, въ прямомъ русскомъ смыслѣ *земство*— невозможно становится на Руси никакое, хотя-бы самомалѣйшее

дѣло. Ужъ не говоря о рѣшеніи міровыхъ вопросовъ, ни даже какихъ-либо вопросовъ экстренной государственной важности — простое рѣшеніе насущнаго, какъ черный хлѣбъ, вопроса о крестьянскомъ самоуправленіи невозможно безъ того.

Патріоты, не помнящіе родства съ народомъ, дошутились у насъ въ послѣднее время ужъ до самой плохой шутки—дальше идти некуда. Грозно-правдивую филиппику изрекли они сами на себя устами одного изъ своихъ, который съострилъ въ недавнюю войну: „c'est la plus grande impuissance du monde", говоря про Русскую державу. Пора наконецъ свое родство вспомнить. Мы, благодаря Бога, вовсе не „parvenus", не какіе-нибудь „со вчерашняго дня происшедшіе". Вольнò-жъ намъ было отрицаться Руси ранѣе XVIII вѣка и лишь изъ него производить все! Намъ пріятно было невѣдѣніе, что крѣпостное право—это мутное пятно XVIII вѣка—никогда еще не сгущалось до такой тьмы, какъ именно въ самомъ „ореолѣ" нашего лучезара. Простительно-ли было самопроизвольно вычеркивать девять вѣковъ изъ тысячелѣтней исторіи народа и все его родоначаліе сводить лишь ко вчерашнему дню— кануну нашего собственнаго вольнаго и невольнаго бюрократизма. Притомъ, въ этомъ первенцѣ любви, чѣмъ именно восхищались? Все, чтò было въ XVIII вѣкѣ временнаго и преходящаго, чтò составляло его очевидную болѣзнь (не мимо слово: въ болѣзняхъ рождается чадо), было возвеличено на пьедесталѣ, а его безсмертную славу — проглядали.

Ее проглядываютъ, ее не хотятъ признавать, увы! еще и до сихъ поръ...

Господа казенные хвалители XVIII вѣка, за чтò-же наконецъ вы его хвалите? Бѣдный *великій* Петръ! Не изъ-за того-ли бился онъ и мучился весь вѣкъ въ кровяхъ и страстяхъ, чтобъ водворить наконецъ образованіе въ Русской землѣ — а его послѣ татарщины (она-ли еще длится до сихъ поръ?) страхъ какъ не доставало! Получивъ въ наслѣдіе темную, испорченную страну, искалъ онъ и не находилъ въ ней плода образованія: *общественныхъ дѣятелей*, и самъ сдѣлался первымъ „общественнымъ дѣятелемъ" на Руси. И все, надъ чѣмъ онъ потрудился, хотя поздно, хотя только цѣлымъ рядомъ воспитавшихся и перевоспитавшихся поколѣній, доставило наконецъ Русской землѣ этихъ *истинно-общественныхъ людей* для служенія *общественному дѣлу!* Бѣдный *великій* Петръ, за чтò-же нынче казенные хвалители твоего вѣка вырываютъ у

тебя изъ рукъ твою лучшую заслугу, хотятъ вычеркнуть изъ исторіи твою безсмертную славу?

Признайте наконецъ XVIII вѣкъ тѣмъ, чѣмъ онъ былъ съ самаго начала и чѣмъ онъ безсмертенъ въ Русской исторіи—сознаніе въ мигъ расчистится. Признайте именно, что онъ „рождалъ чадо", т. е. образованіе, которое на первыхъ порахъ было во многихъ отношеніяхъ... только карикатурой на образованіе! Любите, хольте и лелѣйте новорожденнаго—больше, гораздо больше, чѣмъ это дô сихъ поръ дѣлалось,—но самихъ мукъ рожденія отнюдь не возводите въ идеалъ. Да! самымъ болѣзненнымъ, мучительнымъ и невзрачнымъ процессомъ рождалъ онъ *образованіе*, котораго такъ долго не доставало Русской землѣ; то самое *образованіе*, которое долженствовало ей дать—искомое и ненаходимое древнею Русью—еще и плодъ образованности: *общественныхъ дѣятелей*, способныхъ возвышаться надъ личнымъ и сословнымъ эгоизмомъ—въ общесттвенныхъ дѣлахъ; въ государствѣ это даетъ только образованность. Сознайте это; а чтобъ это сознать, придется еще многое осудить въ XVIII вѣкѣ и признать въ немъ лживымъ, неизбѣжнымъ лишь временно и отвергнуть теперь уже сознательно,—и обновится самъ собою нашъ свѣтлый древній русскій идеалъ. Земля и государство въ союзѣ; мнѣніе и власть заодно; общественные земскіе люди ведутъ по мѣстамъ общественное земское дѣло,—это и есть земля; безъ того ни земли, ни народа. А какъ надъ землею одно солнце, такъ и надъ народомъ—одна только единоличная верховная власть, больше ничья. Вотъ несомнѣнно идеалъ древней Руси! Даже государи суроваго Московскаго періода приглашали землю его выполнить; только не могъ онъ быть тогда выполненъ. Дико-невѣжественной злобы—„die russische Bosheit"—вотъ чего, послѣ татаръ, много накопилось въ Москвѣ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ современникъ несчастнаго Бориса Годунова, друга нѣмцевъ. Древней Руси того и не доставало, чтó ей взялся наконецъ доставить XVIII вѣкъ.

Ужъ на чтó былъ суровъ и грозенъ—особенно до смуты, до Романовыхъ—суровый и грозный Московскій періодъ. Но и во времена Московскаго правительства, оно со всей искренностью давало всѣмъ областямъ, всей землѣ—самое широкое самоуправленіе, не мыслимое-бы даже и въ наши дни. Только нигдѣ по мѣстамъ не обрѣталось еще тогда образованнаго земства, еще не было искомыхъ и ненаходимыхъ древнею Московскою Русью *общественныхъ дѣятелей*, которые-бы въ общемъ дѣлѣ забывали личный

эгоизмъ. Лишь „образованіе“, воздвигнутое Петромъ, стало мало-по-малу плодить у насъ этихъ людей, и наконецъ искомое оказалось найденнымъ. Безъ того, ровно-бы никакого смысла не имѣлъ нашъ историческій XVIII вѣкъ; нѐзачѣмъ было-бы ему въ нашей тысячелѣтней исторіи и являться такимъ, какимъ онъ былъ.

Въ правѣ-ли мы, однакожъ, утверждать, что искомое древнею Русью черезъ XVIII вѣкъ — въ новой Россіи къ концу XIX найдено наконецъ? Въ правѣ. Освобожденіе отъ крѣпостнаго права въ началѣ нынѣшняго царствованія свидѣтельствуетъ о томъ. Безъ длинныхъ разсужденій ограничимся лишь краткимъ доказательствомъ. Припомнимъ, что̀ было лѣтъ сто слишкомъ назадъ. „Блистательный періодъ“ уже вѣнчалъ тогда своего героя лучезарнымъ ореоломъ и вѣкъ кичился своимъ образованіемъ. Оставляя въ сторонѣ академическую и университетскую ученость, и громъ и оды, и тогдашнюю „эрудицію“ государственныхъ „персонъ“, опять-таки поищемъ искомаго въ земствѣ. Личности уже появились. То одинъ, то другой, а напослѣдокъ и многіе по захолустьямъ мѣняли старинные пиры, дымъ коромысломъ, да псарный дворъ — на тишину кабинетныхъ занятій. Простые люди, какъ Даниловъ или Болотовъ, возвращаясь со службы, заносили и въ родную глушь знанье языковъ и любовь къ книгамъ. Являлись и такіе esprits-forts, какъ князь Михайло Щербатовъ. Но чѣмъ-же прославился хоть-бы этотъ самый esprit-fort? Читайте исторію Екатерининскаго „наказа“.

Что̀ произошло, когда Екатерина созвала со всей Имперіи депутатовъ, учредивъ знаменитую Коммиссію для сочиненія проекта новаго уложенія? Изъ представителей всѣхъ сословій заикнулся ли тогда кто-нибудь о необходимости отмѣнить крѣпостное право? Напротивъ. Всѣ „классы-сословія“ (разумѣется, кромѣ тѣхъ, о комъ метался жребій) распространялись тогда о священно-религіозной необходимости крѣпостнаго права. Пришлось ослушаться господъ депутатовъ. Одни говорили тогда: „право имѣть деревни и рабовъ и покупать въ собственность людей должно принадлежать исключительно дворянскому корпусу; дабы, научась съ младенчества управлять своими деревнями, дворяне были тѣмъ способнѣе къ управленію частями имперіи“. А другіе тогда возражали на это: „покупать людей необходимо и купечеству, для ихъ домашнихъ нуждъ, ибо безъ того купечеству въ исправленіи домовой экономіи и полицейскихъ дѣлъ обойтись невозможно“. Кромѣ купеческаго, не было-ли и еще одного сословія, которое также указывало и на свою безъ покупки лю-

дей невозможность? Да, и духовенство стояло на томъ-же. Итакъ, вотъ о чемъ ходатайствовали депутаты отъ всѣхъ сословій сто лѣтъ тому назадъ. Воздадимъ благодарность власти, которая ихъ не послушалась.—А что̀ совершилось въ наши дни, въ началѣ нынѣшняго царствованія? Всякому современнику великой эпохи извѣстно, съ какой готовностью, съ какой доброй волей была брошена прерогатива тѣми, кто уже вмѣнялъ себѣ за стыдъ пользоваться ею. Извѣстно и то, что сословіе, терявшее при этомъ, не ограничивало дѣла только *личнымъ освобожденіемъ;* оно вспомнило древнее русское воззрѣніе о солидарности крестьянина съ землею. Значитъ, образованіе уже дало настоящихъ „общественныхъ людей".

„Позвольте однакожъ",—возражаютъ страстные, прости имъ Господи, озлобленные голоса, — „дѣло происходило вовсе не столь умилительно, какъ о семъ повѣствуется. Матеріалы исторіи освобожденія цѣлы; зачѣмъ-же и кого морочить! Прочтите труды разныхъ тогдашнихъ Комитетовъ, и что̀-жъ окажется? *Меньшинство*, вездѣ лишь одно меньшинство подписывалось въ пользу великаго дѣла. А *большинство*—или вовсе его не хотѣло, или склонялось къ нему далеко не съ такой абсолютностью".

Принимаемъ такое возраженіе въ полной силѣ.

Оно гораздо важнѣй, чѣмъ сами возражатели полагаютъ. Опять, значитъ, возблагодаримъ ту власть, которая склонилась на мнѣніе „меньшинства"—въ пользу тьмы темъ. Но сторицей возблагодаримъ нашу родную русскую исторію и нашъ великій русскій народъ, для которыхъ свята именно лишь такая власть, что̀ не связана *условнымъ* меньшинствомъ или большинствомъ. Нечего условнаго вообще не любитъ русскій народъ. Велика власть, какъ ее понимаетъ русскій народъ. Она живой человѣкъ и руководится сердцемъ; на ней тяготѣетъ преданіе многовѣковыхъ былыхъ судебъ и богобоязненность въ предначаліи будущихъ; въ таинствѣ своего одинокаго могущества и на единѣ съ своею собственной совѣстью она вѣчно еще какъ-бы съ глазу-наглазъ съ цѣлымъ многомилліоннымъ народомъ. Довѣріе именно къ такой власти внушаетъ окончательную смѣлость утверждать, что въ наши дни у русскаго народа есть наконецъ достойная его интеллигенція, которой можно ввѣриться—хотя еще и не въ желанномъ *большинствѣ*. Безъ того, нельзя-бы и ручаться такъ смѣло.

Тысячелѣтняя исторія русскаго народа замиряется въ наши дни съ XVIII вѣкомъ, который долгое время въ ней стоялъ ка-

кимъ-то выродкомъ. Наше настоящее—всѣ это слышатъ—смыкается наконецъ съ нашимъ прошлымъ. Русское многомилліонное крестьянство уже готово, во всесословномъ сліяніи, перейти въ *земство.*

VII.

Вотъ у всѣхъ передъ глазами неотрицаемый фактъ: существуетъ, съ одной стороны, вышедшій изъ крѣпостной зависимости, многочисленный людъ, всецѣло поглощенный непосредственнымъ бытомъ и пребывающій въ общинѣ. Съ другой стороны, видятся и личные землевладѣльцы; живутъ съ народомъ объ руку и такіе мѣстные люди, которые—говоря стариннымъ терминомъ—„грамотѣ умѣютъ и которые годятся". Какъ ихъ сомкнуть органически для земскаго дѣла? Этотъ вопросъ ставится самъ собою, очевиднымъ фактомъ. А нельзя прямо приступить къ его рѣшенію: уже и на пути къ его рѣшенію успѣли нагромоздиться всякіе кривотолки.

Кругомъ разноголосица. Одни будто въ горячешномъ бреду, пророчатъ, что сельская община непремѣнно развалится отъ причинъ небывалыхъ. Другіе въ вялой апатіи отрицаютъ возможность найти на Руси хоть пятокъ людей, которые-бы не были „*крѣпостниками*"!! То вялый, то очень энергическій, но въ сущности одинъ и тотъ-же „отрицательный" вздоръ! И вздоръ ошеломляющій,—ибо тѣ-же самые, что̀ отрицаютъ возможность найти на Руси хоть пятокъ „*некрѣпостниковъ*" для мирнаго веденія сельско-уѣзднаго дѣла,—расточаются въ увѣреніяхъ о всеобщей зрѣлости и рѣшительной готовности всѣхъ и каждаго для того, чтобъ завѣдывать высшими государственными дѣлами и двигать судьбами міра.

Тѣ самые, что̀ прозираютъ паденіе крестьянской общины отъ „мало-земелія" и пр. не видятъ, что законъ „о выкупѣ крестьянами ихъ надѣла" вынуждаетъ мірянъ разбивать ихъ коллективную собственность.

Нѣтъ-ли въ нашей сельской общинѣ—какъ она поставлена самимъ законодательствомъ—не мнимыхъ, а дѣйствительныхъ причинъ для ея сокрушенія? нѣтъ-ли и особенныхъ гнетущихъ обстоятельствъ, на которыя-бы ропотъ крестьянина былъ правъ и честенъ? Нѣтъ-ли, въ самомъ дѣлѣ, въ нашемъ крестьянствѣ—вотъ предлагаемъ вопросъ—нѣкотораго глухаго, затаеннаго протеста противъ нѣкоторой неправды, которой само оно, наше крестьянство, неспособно даже ясно и формулировать, но чутье которой свидѣтель-

ствуетъ въ немъ живучесть и вѣрность историческаго инстинкта?— Есть; объ этомъ и сто́итъ размыслить.

Съ другой стороны, нѣтъ-ли какихъ вредныхъ признаковъ, исторически-роковыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ въ складѣ самого нашего передоваго сословія, призваннаго первенствовать въ земствѣ? Можно-ли еще на это сословіе положиться, что оно явится опорой, а не помѣхой земскому дѣлу? Слѣдуетъ размыслить и объ этомъ.—Только убѣдившись въ здравости обоихъ элементовъ, образующихъ земство, и можно ставить вопросъ: какъ ихъ сомкнуть органически?

Въ газетахъ, выдающихъ себя за „*либеральныя*“, разыгрывались варіаціи на тему: мужикъ просилъ хлѣба, а ему подали камень. Въ доказательство такого жестокосердія приводились цифры и статистическія выкладки. Къ сожалѣнію, ими хотѣли доказать одно, а доказали другое. Повидимому, хотѣли доказать ненадобность личной земельной собственности въ Россіи, необходимость ее уничтожить въ пользу общиннаго землевладѣнія—да царитъ оно одно сплошь отъ Бѣлаго моря до Чернаго! А на дѣлѣ доказали, что надо выселить пол-Россіи во внутренность центральной Африки: ибо только тамъ возможно было-бы удовлетворить пылкихъ статистиковъ, увеличивъ „минимумы и максимумы“ до желаемыхъ ими размѣровъ. Отличающійся здравымъ смысломъ, толковый русскій народъ — неужели въ этомъ случаѣ раздѣляетъ химеры господъ, самозванно выдающихъ себя за его либеральную интеллигенцію?

Въ народѣ не безъ черни.

Простонародныя вожделѣнія собственно такъ-называемой черни, можетъ быть, и сходятся въ извѣстной степени съ вожделѣніями нѣкоторой части нашей самозванной интеллигенціи. Но *чернь* или собственно такъ-называемое „*простонародье*“ не одно и то-же, что̀ самъ народъ. Такъ-называемыхъ простонародныхъ инстинктовъ, инстинктовъ черни—не должно смѣшивать съ здравымъ смысломъ и здравымъ толкомъ народа; это двѣ вещи розныя. Въ каждомъ сословіи есть свои отбросы и подонки; довольно ихъ и въ сословіи крестьянскомъ. Отбросы и подонки рѣшительно всѣхъ сословій — вотъ изъ чего скучивается гнѣздилище всевозможныхъ дурныхъ инстинктовъ; изъ нихъ-то и слагается *чернь* въ собственномъ смыслѣ этого слова. А наше крестьянство — отнюдь не чернь. Пьяницы и пропоицы, вообще такъ-называемая „кабацкая голь“, умножаются у насъ съ каждымъ

годомъ въ удивительной прогрессіи отъ нынѣшняго statu quo. Бѣда, если наконецъ вся совокупность обстоятельствъ слагается такъ, что льститъ инстинктамъ черни, а здравомысленнымъ требованіямъ народа ни отвѣта, ни привѣта. Отъ какихъ-бы причинъ такая совокупность обстоятельствъ ни слагалась, но изъ такого положенія слѣдуетъ скорѣе выдти. Между прочимъ, именно отъ *лже*-образованія, *лже*-гуманности и *лже*-либерализма такая совокупность обстоятельствъ и слагается.

Что русскій народъ не раздѣляетъ ничьихъ химеръ—причинъ на то слишкомъ много. Надѣлъ, отведенный крестьянину какъ point de départ и про запасъ на черный день, не лишаетъ его возможности и не избавляетъ еще отъ старанія пріобрѣсти трудомъ гдѣ-либо землю и въ *личную* собственность. Между крестьянами въ наши дни можно встрѣтить богатыхъ *личныхъ* землевладѣльцевъ, и число ихъ съ каждымъ годомъ не убавляется, а растетъ (то-же ли можно будетъ сказать про дворянъ-землевладѣльцевъ?). Такъ было и встарину: наряду съ *общиннымъ* землевладѣніемъ существовала на Руси также и *личная* земельная собственность; наряду съ помѣстною землею (не отчуждаемой, а дававшейся лишь въ пользованіе) были земли отчуждаемыя и покупныя. Личными землевладѣльцами и тогда, какъ опять нынче, бывали сами крестьяне. Но и тогда, какъ теперь, никому изъ русскаго крестьянства и не мерещилось той медовой Аркадіи, гдѣ текутъ „молочныя рѣки въ кисельныхъ берегахъ", ибо русское православное христіанство помнитъ лучше своей самозванной интеллигенціи непреходящее слово: „въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой" и всегда его помнило. Въ отвѣтъ на мечты объ Аркадіи довольно-бы и этого; но слишкомъ назойливы прорицанія о томъ, что сельская община развалится отъ малоземелья—чтобъ ограничиться однимъ этимъ. Приведемъ убѣдительный примѣръ въ доказательство, если не нелѣпости, такъ наивности такихъ прорицаній. Ограничимся на сей разъ крошечною мѣстностью, райономъ земли всего какихъ-нибудь въ семь или восемь верстъ въ квадратѣ, знакомой намъ какъ свои пять пальцевъ. Эта не фантастическая мѣстность покажетъ, какъ шатки и валки показанія статистиковъ, витающихъ въ отвлеченныхъ формулахъ—пригодныхъ развѣ для астрономическаго пространства. Наши вольные и невольные бюрократы, впрочемъ, тѣмъ и отличаются отъ живыхъ людей, что витаютъ своими отвлеченностями именно въ заоблачныхъ безвоздушныхъ пространствахъ, и до живаго дѣла—

имъ и дѣла нѣтъ. Вотъ цѣлый уголокъ имѣній, гдѣ крестьяне всюду получили по Мѣстному Положенію высшій надѣлъ въ три десятины на душу. Разсмотримъ первое изъ нихъ. Тутъ въ каждой крестьянской усадьбѣ вы найдете яблоновый садъ. Въ эпоху крѣпостнаго права крестьяне уплачивали казенныя подушныя и господскіе оброки доходомъ съ однихъ этихъ яблоновыхъ садовъ. Такъ какъ здѣсь приходится, въ среднемъ выводѣ, три души (собственно, нѣсколько больше) на каждый отдѣльный дворъ, а на усадебную осѣдлость крестьянъ одна восемнадцатая доля ихъ общаго надѣла,—то результатъ приблизительно слѣдующій. При разсчетѣ на 100 душъ будетъ около тридцати дворовъ при трехстахъ десятинахъ всей земли; изъ нихъ лишь семнадцать десятинъ, и то меньше, подъ усадьбами. Слѣдовательно, 30 крестьянскихъ дворовъ, приложивъ трудъ къ разведенію яблоновыхъ садовъ и къ уходу за ними, оплачивали господскіе оброки и казенныя подати лишь тою землею, которая не выходила изъ черты усадебной осѣдлости; а сверхъ того въ остаткѣ: 283 десятины прочей земли для прочаго производительнаго труда.— Въ той-же крошечной мѣстности вотъ другой уголокъ. Порядокъ избъ расположенъ на отлогомъ скатѣ къ озеру; за нимъ до самой рѣки заливные луга; прямо въ озеро и уперлись крестьянскіе огороды. Яблоновыхъ садовъ нѣтъ; за то на низинахъ, заливаемыхъ вешнею водою, здѣсь богатые капустники: они и приносятъ тѣ выгоды, которыя тамъ доставлялись садами. Вотъ, напослѣдокъ, въ той же самой мѣстности, отсюда лишь на семь верстъ разстоянія, за рѣкою, третій уголокъ. Здѣсь уже, куда ни погляди, песокъ, да мохъ, да лѣсъ, да болота! Чтó-же? мѣстные крестьяне всю зиму заняты возкою дровъ изъ вѣчно-сводимыхъ и никогда не переводящихся здѣшнихъ „зарѣчныхъ“ рощей; а весной, какъ придутъ барки — нагрузкою дровъ на барки. Такой чисто-мѣстный промыселъ съ лихвой вознаграждаетъ здѣшнихъ сельчанъ, у которыхъ, по ихъ песчаному грунту, разумѣется, ни капустниковъ, ни яблоновыхъ садовъ нѣтъ и въ заводѣ. Мало этого: въ этомъ самомъ районѣ вотъ для образца — родовое имѣніе, уже болѣе трехсотъ лѣтъ удержавшееся въ одномъ и томъ-же роду. Крестьянъ отсюда никуда не выселяли; у дѣдовъ множились внуки; поколѣнья смѣнялись поколѣньями. Землевладѣльцъ послѣднихъ крѣпостныхъ временъ размежевался, наконецъ, съ крестьянами — по Положенію 1861-го года — на чемъ чтó кого застало. И ни ему, ни имъ — до сихъ поръ не тѣсно. Даромъ, что триста лѣтъ велась здѣшняя сельская

община! Почему-же, если она не поѣла сама себя цѣлыя триста лѣтъ, непремѣнно ужъ такъ теперь и проглотитъ сама себя завтра-же?

Было-бы странно утверждать, что таковъ лишь намъ знакомый уголокъ; а помимо его—завѣдомо повсемѣстная гибель и вся земля сошлась клиномъ! Прекрасно заботиться о благѣ милліоновъ и изучать ихъ нужды—скажемъ въ заключеніе; но и въ сихъ похвальныхъ упражненіяхъ не слѣдуйте нравамъ бюрократіи.

Отъ мнимыхъ и небывалыхъ опасностей, угрожающихъ сельской общинѣ, обратимся къ дѣйствительнымъ, —съ облаковъ спустимся на землю. На томъ-же ученомъ рефератѣ, гдѣ орловскій губернскій гласный отъ крестьянъ заявилъ, что „судъ по X тому для народа убійство", высказалъ онъ и горячее желаніе: чтобы ввѣкъ нерушимо стояла наша сельская община, никогда-бы не раздроблялась ея общинная (коллективная) земельная собственность между отдѣльными крестьянами въ розницу! Судя по тому, какъ поставлено у насъ выкупное дѣло—едва-ли этому быть.

VIII.

Раскрѣпощеніе крестьянъ было у насъ произведено отчасти по-русски, а отчасти въ разрѣзъ съ требованіями народной жизни и наперекоръ кореннымъ условіямъ русскаго быта—какъ-бы для отмѣны ихъ въ будущемъ. Русскаго въ „эмансипаціи" то̀, что крестьяне были отпущены не на̀ вѣтеръ на четыре стороны; а за ними оставили ту самую землю, на которой они сидѣли,—это было по-русски. А погрѣшность противъ исторіи вотъ въ чемъ. *Первое*, несомнѣнный фактъ (установленный XVIII-мъ вѣкомъ и двумя первыми четвертями XIX-го), что помѣщичье право простиралось на личность крестьянина и самъ о̀нъ почитался объектомъ крѣпостнаго права,—этотъ фактъ былъ замолчанъ и такъ обойденъ мимо, какъ-бы его и не было совсѣмъ; вмѣсто того изобрѣли фактъ мнимый и небывалый: будто собственникъ земли (помѣщикъ 60-хъ годовъ) сдавалъ часть ея крестьянамъ яко-бы въ аренду, за что и крестьяне—яко-же арендаторы—отбывали ему барщину или платили оброкъ. *Второе*, eo ipso самъ крестьянскій надѣлъ узаконялся не за сельскимъ *міромъ*, а за „крестьянами-собственниками" посредствомъ такой выкупной операціи, что исконная сельская община и съ тѣмъ вмѣстѣ коллективное владѣніе сельскою землею всѣмъ міромъ сообща—подтачивались въ корень. То и другое составляетъ уже вопіющее противорѣчіе съ

Русскою Исторіей: это уже насильственное вторженіе реформаторскаго закона во весь, вѣками сложившійся, крестьянскій бытъ.

Всѣмъ, вѣроятно, извѣстно, что коллективная собственность цѣлаго села, земельная мірская собственность, каждымъ изъ крестьянъ въ розницу (Сидоромъ, Иваномъ и т. д.) берется лишь въ пользованіе у міра; а ея приснымъ хозяиномъ и собственникомъ почитается самъ *міръ*, все село: *село*, *волость* (область); въ концѣ концовъ — если угодно — государство. Нельзя было нарушать этого безнаказанно тамъ, гдѣ повелся такой обычай искони. Всѣмъ еще болѣе извѣстно и тó, что въ самомъ дѣлѣ существовало у насъ (не тайно или негласно, а прямо Сводъ законовъ санкцировалъ это,—поэтому и прибѣгнемъ къ выраженію Свода), „крѣпостное право помѣщиковъ *на ихъ людей*". Земля-же, напротивъ того, состоявшая въ удѣлѣ такъ-называвшихся „*помѣстій*" (съ чѣмъ не должно смѣшивать „вотчинныхъ земель" и вообще пріобрѣтавшихся въ личную собственность, что всегда на Руси бывало) именно, такъ-сказать *помѣстная земля* отнюдь не почиталась личною собственностью мѣнявшихся то и дѣло служилыхъ людей, получавшихъ ее лишь во временное кормленіе. По старинному русскому воззрѣнію, утвердившемуся въ народѣ еще въ московскій періодъ, народъ продолжалъ, даже до послѣднихъ дней, видѣть въ такихъ земляхъ все еще прежнія помѣстья, раздававшіяся во время оно „помѣщикамъ" на такъ-называемомъ „помѣстномъ правѣ": такая земля со всею совокупностью даней и пошлинъ, лежавшихъ на ней, отбываемыхъ и платимыхъ ея старожилами, ходила по рукамъ между служилыми людьми (помѣщиками) какъ жалованье отъ государства, глядя по тому: какую кто изъ нихъ службу несъ, и состоялъ-ли еще на государевой службѣ или уже изъ нея выбылъ.

Разумѣется, послѣ Петра I, Анны Ивановны и т. д. (какъ уже мы и говорили о томъ въ своемъ мѣстѣ) „помѣстье" и „вотчина" смѣшались. Тѣ и другія имѣнія составляли въ послѣднее время одну и ту-же помѣщичью собственность, и самое слово „помѣщикъ" къ этому времени вконецъ утратило свой прошлый смыслъ. Разобрать чуть не за двѣсти лѣтъ всю эту пертурбацію, произведенную петербуржскимъ періодомъ (чтобъ выяснить: какія именно земли въ чьихъ помѣщичьихъ рукахъ составляли встарь „вотчины", пріобрѣтавшіеся куплею и какія были собственно такъ-называемыя „помѣстья", ходившія по рукамъ за службу) не было-бы физиче-

24*

ской возможности; — при томъ даже и юридически уже это мыслилось ни къ чему не ведущимъ. Ибо, всѣ имѣнія въ 60-хъ годахъ пришли въ послѣднія руки (въ чьихъ рукахъ застала ихъ крестьянская реформа) прямо по купчимъ; если и по наслѣдственнымъ раздѣламъ, то наслѣдники дѣлились изъ рода въ родъ по денежной-же раскладкѣ между собою, слѣдовательно пришлись каждому по той самой разцѣнкѣ, какъ-бы обошлись и при покупкѣ. Однимъ словомъ, незачѣмъ было ни съ какой стати разбираться въ путаницѣ, затянувшей, не въ одно сто лѣтъ, все это дѣло въ такой узелъ, что его и развязать нельзя было. Тѣмъ не менѣе однако въ крестьянствѣ смутно бродила память, заронившаяся изъ глубокой старины, именно о томъ, что земля на удѣлѣ „помѣстій" составляетъ собственность развѣ-развѣ государеву, то-есть государственную; а „помѣщикамъ" (въ старомъ-же смыслѣ этого слова) дается лишь во временное кормленіе, за временную-же ихъ службу государству и ходитъ по рукамъ между ними (что̀ собственно и было встарь). Сидя на такихъ земляхъ, старожилы никогда не смущались вопросомъ: сгонятъ-ли ихъ съ мѣста? напротивъ, бывало, само государство смущалось постоянною боязнью: полно, усидятъ-ли на мѣстѣ еще сами міряне, одолѣваемые разными тягостями, не разбѣгутся-ли они розно? Для старожиловъ занятое ими мѣсто казалось ихъ собственнымъ коренищемъ; если не въ мѣру увеличивались тягости — они волей-неволей снимались съ него; а нѣтъ — сидѣли, даже изъ вѣка въ вѣкъ. Сколько „помѣщиковъ" ни мѣнялось — старожилы отбывали въ ихъ пользу что̀ пошло изстари (тѣмъ помѣщикъ и кормился) и почитали все такое въ нѣкоторомъ родѣ своею собственною службой никому другому, какъ государю-же, то-есть именно Русской землѣ, какъ государству.

Не надо думать (какъ это пытались у насъ утверждать нѣкоторые изъ отчаяннѣйшихъ доктринеровъ), будто встарь вовсе не было личной земельной собственности на Руси и будто-бы по какому-то ultra-русскому воззрѣнію земля никакимъ образомъ и ни въ какомъ случаѣ даже не мыслится объектомъ собственности личной. Это чистое заблужденіе или, въ концѣ концовъ, сходитъ на простую игру словъ. Объ руку съ общиннымъ землевладѣніемъ не переводилась личная земельная собственность на Руси. Объ этомъ спросите хоть всѣ древніе монастыри—еще въ Кіевскій періодъ. Одинъ изъ первыхъ митрополитовъ Московскихъ и всея Руси, святой

Алексій, развѣ не „купилъ на свое серебрецо“ землю, составляющую подъ Москвой до-нынѣ собственность митрополичьяго дома? Такъ могли тогда пріобрѣтать землю въ личную собственность и всѣ люди, даже разбогатѣвшіе крестьяне, — всѣ, кромѣ разумѣется кабальныхъ холопей, этихъ прямо рабовъ—при извѣстныхъ условіяхъ и въ извѣстныхъ обстоятельствахъ. А что объ руку съ личной земельной собственностью не переводилось-же и такъ-называемое „общинное землевладѣніе“ на Руси; что нѣкоторымъ образомъ оно даже, пожалуй, предшествовало у насъ всякому иному способу владѣнія землей,—это также неоспоримо да и вполнѣ понятно именно у насъ и для насъ, русскихъ. Искони славяне, всѣ роды-племена славянскія, владѣли землей сообща, — это ужъ по существу дѣла выходило такъ; но вопросъ о личной земельной собственности тутъ ни причемъ (подробнѣе распространяться обо всемъ этомъ—здѣсь не мѣсто). Какъ отголосокъ такой именно исконной старины славянской, землевладѣніе и по селамъ велось „общинное“ мірское—искони-же. Садились-ли родомъ-племенемъ, товариществомъ-ли или ватагами—все равно: землевладѣніе складывалось въ такой формѣ. Въ такой-же формѣ переходило оно изъ вѣка въ вѣкъ — дальше и дальше въ послѣдующіе вѣка. Во весь Московскій періодъ, повторяемъ, не міряне боялись: какъ-бы ихъ не согнали съ мѣста? а боялось государство: какъ-бы сами еще міряне, по своимъ тягостямъ, не разбрелись розно? Принимались мѣры не къ тому, чтобъ ихъ согнать, а чтобъ ихъ удержать.

Послѣ всего сказаннаго, надо полагать, дѣлается совершенно ясно, что въ „крѣпостномъ“ крестьянствѣ даже до самаго послѣдняго времени, то-есть когда стала твориться „эмансипація“— между крестьянами держался смутный инстинктъ совершенно особаго рода, и это былъ вѣрный историческій инстинктъ. Имъ казалось, что при раскрѣпощеніи не можетъ быть и помину о землѣ, на которой они сидятъ; что ихъ съ этой земли не сгонятъ, въ этомъ они не сомнѣвались: совсѣмъ не въ этомъ заключался для нихъ весь вопросъ. Крестьянство чаяло—именно какъ подарка свыше—что наконецъ снимутъ съ него ту незаслуженную кабалу, въ которую оно такъ нечаянно попало — именно по указу свыше; что наконецъ раскрѣпостятъ-же его отъ той холопьей неволи, въ какую оно — Богъ знаетъ за чтó — попало именно заодно со всѣмъ старииннымъ рабьёмъ и тогдашнимъ холопьемъ. Въ этомъ оно и видѣло дѣйствительное раскрѣпощеніе; а что отведутъ такъ-

называемый „крестьянскій надѣлъ“—въ этомъ во 1-хъ не усматривало себѣ никакого подарка, а во 2-хъ помнило еще и тó, что отъ подобныхъ подарковъ, въ извѣстныхъ случаяхъ и при извѣстныхъ обстоятельствахъ, бывало, оно еще бѣгало и разбредалось розно. Анъ, вышло не такъ; вышло, что крестьянскій надѣлъ (этотъ иксъ, въ которомъ крестьянство и не думало видѣть какого-то дара свыше и отъ котораго даже чуть чтò — бывало, бѣгало и брело розно) отводился еще какъ нѣчто такое, что его крестьянство во 1-хъ обязано хочешь не хочешь „выкупать“, а во 2-хъ и выкупать посредствомъ какой-то такой „операціи“, которая окончательно сбиваетъ съ толку, путаетъ всѣ мірскіе счеты и разсчеты до абсурдной невозможности распутать ихъ хоть когда-либо и ворочаетъ кверху дномъ всѣ исконныя прирожденныя понятія о мірскомъ передѣлѣ, и о присной земельной собственности цѣлаго села: вчерашняго, днешняго и завтрашняго, то-есть вѣкующаго изъ вѣка въ вѣкъ „сельскаго міра“.

Вотъ не мнимыя, а дѣйствительныя страданія нынѣшней крестьянской сельской общины... насильственно впущенныя внутрь крестьянства самимъ законодательствомъ. День ото-дня, годъ отъ году, эти страданія по существу дѣла будутъ рости и множиться, а изъ десятилѣтія въ десятилѣтіе дадутъ себя знать даже цѣлому государству... Опомнятся-ли и поймутъ-ли наконецъ все это дѣло—хоть поздно... тѣ, кому о томъ вѣдать надлежало съ самаго начала, какъ только еще приступали къ „эмансипаціи“?...

IX.

Во времена крѣпостнаго права вся земля подъ крестьяниномъ и сама его личность считались собственностью „привилегированнаго владѣльца населеннымъ имѣніемъ“. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, довольно заглянуть въ Сводъ Законовъ, IX томъ, раздѣлъ I, отдѣленіе 4 и еще раздѣлъ IV, глава VII, отдѣленія 1, 2, 3 и 4. Объектомъ крѣпостнаго права былъ несомнѣнно самъ онъ, крестьянинъ — грѣха таить нечего; и сами крестьяне ничуть не таили этого грѣха во весь свой кабальный періодъ, когда ихъ смѣшали съ холопями. Напротивъ, они очень сознательно указывали на тò и, съ своей точки зрѣнія, даже въ грѣхъ того не вмѣняли. Въ ихъ смутномъ представленіи — вопреки указамъ не только Петра I-го, переложившаго подать съ земли на душу, а даже Петра III-го, освободившаго дворянъ отъ службы — все еще дли-

лась старина незапамятная. (Когда Петръ III освободилъ дворянство отъ службы — не вдомёкъ это было для тогдашняго крестянства; стала тогда носиться молва, что и ихъ, крестьянъ, черезъ то̀ освобождаютъ отъ крѣпости). Землю, на которой крестьяне сидѣли какъ грибы сидятъ на землѣ, почитали они просто своею родной почвой. А именно за то, что *служилое сословіе* тянетъ государству службу — представлялось имъ — и они, крестьяне, тянутъ разныя повинности, въ числѣ коихъ полагалась и сама эта крѣпостная страда помѣщикамъ. Только слишкомъ много и сверхзаконно, казалось имъ, злоупотребляютъ этой повинностью; отъ власти и ждали они терпѣливо конца злоупотребленіямъ. Смутное сознаніе такого рода длилось въ крестьянствѣ даже до самаго Положенія 1861 года; имъ тогда представлялось совершенно естественнымъ, что у нихъ изъ-подъ ногъ не вырвутъ почвы, на которой они выросли какъ грибы, а затѣмъ — выводъ ясный. Послѣ „воли", казалось имъ, останутся на нихъ однѣ подати государству: государство безъ податей не стоитъ,— это всѣ знаютъ. Пожалуй, думалось, прибавится еще новая раскладка и по самоуправленію, ибо всякое управленіе также во что-нибудь обходится. Эти двѣ подати казалось имъ, и останутся впередъ; но третьей подати уже никакой не будетъ. Но съ помѣщикомъ, казалось имъ, всякіе разсчеты послѣ „воли" будутъ начисто смыты, покончены разъ навсегда. Помѣщику, думалось имъ, что-нибудь одно изъ двухъ: *либо* вмѣнится за искупъ „грѣха" долговременное тѣмъ грѣхомъ пользованіе; *либо*, если государство разсудитъ, что по справедливости надо удовлетворить и помѣщика, такъ не на нихъ, крестьянъ, или по крайней мѣрѣ не на нихъ однихъ, падетъ тяжесть такого удовлетворенія, а поступитъ такое удовлетвореніе со всего-же государства. Такъ, по своей простотѣ (не понимая XVIII вѣка), полагало крестьянство; но иначе все это было формуловано закономъ. При эмансипаціи, была почувствована надобность заразъ, въ одно и то-же время,— и пріурочить крестьянину землю, на которой онъ выросъ, и обойти даже самый вопросъ о вознагражденіи помѣщиковъ за потерю рабочей силы, т. е. „крѣпостнаго права на ихъ людей" (терминъ въ Сводѣ Законовъ употребляемый). Поэтому, точка зрѣнія была принята такая: будто крестьянинъ платилъ оброкъ или справлялъ барщину именно за землю, которою пользовался отъ помѣщика.

Исторически, это было невѣрно; отсюда и всѣ смущенія,

которыя щемятъ нашу сельскую общину даже *до дня сего*. Смущеніе тутъ многое: одно касается вопроса о возможности или невозможности сохранить общину въ цѣлости, тогда какъ этому противорѣчитъ постановка выкупной операціи; другое касается уже сущности самихъ, взносимыхъ послѣ воли, податей.

Весьма понятно, что разъ было принято, будто барщина или оброкъ составляли какъ-бы арендную плату за quasi-арендуемую землю (а самого „грѣха“ какъ не бывало; его, словно, знать не зналъ и вѣдать не вѣдалъ законъ!),—и самый „выкупъ крестьянскаго надѣла“ явился лишь капитализаціею оброка. Съ каждымъ годомъ, посредствомъ взноса такъ-называемыхъ выкупныхъ платежей, земля теперь все болѣе обѣляется. Это и заставляетъ крестьянъ относиться ревниво къ выкупаемымъ участкамъ, волей-неволей дробить мірскую коллективную собственность. Внося выкупные платежи, а особливо внеся еще къ тому-же такъ-называемый дополнительный платежъ (пятая копѣйка), крестьяне и не могутъ не ревновать обѣляемыхъ участковъ! Дворъ, заплатившій втрое-вчетверо противъ сосѣдняго двора, ревнуетъ получить и участокъ обѣленной земли—втрое-же и вчетверо бо̀льшій—противъ сосѣдняго двора, заплатившаго соотвѣтственно меньше. Такая ревность чувствовалась изначала; недалеко время — будетъ свирѣпствовать. Запросы въ этомъ смыслѣ становятся день ото дня жгучѣе; прошло почти пол-срока — для иныхъ по крайней мѣрѣ, кто пошелъ на выкупъ ранѣе — до полнаго обѣленія земли; притомъ умножились случаи разныхъ частичныхъ выкуповъ посредствомъ единовременнаго взноса,— то купцомъ, скупающимъ у крестьянъ участки подъ фабрики или подъ дачи, то своимъ-же братомъ, разбогатѣвшимъ крестьяниномъ. Изъ этого происходитъ, а еще болѣе: произойдетъ впослѣдствіи—великій сумбуръ. Очень приходится подумать: не грозитъ-ли окончательное раздробленіе коллективной мірской собственности; вся она, пожалуй, разобьется на отчуждаемые участки. Чуждое сельскому міру и привнесенное въ него со стороны, внѣшнимъ закономъ, представленіе о выкупѣ земли, какъ капитализаціи оброка,— чревато для сельской общины бездною роковыхъ послѣдствій. Выпутается-ли она изъ громоздящихся тутъ противорѣчій, удержится-ли цѣло и нерушимо — Богъ вѣсть.

Это-же самое, чуждое сельскому міру и привнесенное въ него лишь со стороны, представленіе—отражается и другимъ смущеніемъ въ народѣ. Доброе крестьянство само не въ состояніи

ясно формуловать своего протеста; но оно угадываетъ нѣкоторую напраслину какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ прямо она и есть. Вѣрное историческое чувство (по которому прежде крестьянамъ было въ недомекъ: какъ это Петръ III снялъ со служилаго сословія повинность службы или, по крайней мѣрѣ, въ то-же время не освободилъ и ихъ отъ крѣпости самому служилому сословію), наводитъ крестьянина на мысль о нѣкоторой „исторической неправдѣ“ и по взиманію податей за сію минуту.

Онъ, крестьянинъ, охотно платитъ свою казенную подать; по его понятію, всѣ сословія одинаково, въ томъ или другомъ видѣ, каждое по своему роду, несутъ равныя повинности передъ государствомъ. Но выходитъ, что, платя эту неотрицаемую свою первую подать, онъ въ то-же время выплачиваетъ еще какую-то *свою-же*, исключительно одному ему свойственную, ужъ *третью* подать—составляющую якобы *злой рокъ* именно лишь его сословія. Говоримъ: *третью*, ибо вторую крестьянинъ платитъ опять наравнѣ со всѣми-же, или еще и болѣе всѣхъ, по содержанію своихъ, такъ-называемыхъ „органовъ самоуправленія“ и земскихъ. Ничуть не отрицается русскій крестьянинъ обязанностей своихъ; напротивъ, по своему русскому воззрѣнію весьма здраво ихъ понимаетъ. Онъ даже не претендуетъ, чтобъ его вовсе обѣлили отъ всякихъ повинностей, якобы беднѣйшаго изо всѣхъ! онъ и „бѣднѣйшимъ-то“ себя даже не почитаетъ — напримѣръ, противъ мѣщанъ. Онъ именно самъ хочетъ, наравнѣ со всѣми, участвовать въ поддержкѣ благосостоянія своего государства; даже этой чести въ исключительность никому не уступитъ: государство безъ податей не стоитъ, повторяетъ онъ всѣмъ, кто его вздумалъ-бы учить противному. А онъ, по справедливости (кто-жъ изъ понимающихъ не станетъ въ этомъ случаѣ на его сторону?) недоумѣваетъ только по поводу этой *третьей* подати, для которой, истинно говоря, не должно-бы найтись и мѣста въ русской исторіи; а она взялась въ ней именно *злымъ рокомъ*.

Ново-ли все, что̀ мы говоримъ теперь? И да, и нѣтъ. Для толкующихъ безъ всякаго пониманія о полномъ, будто-бы, въ наши дни истощеніи платежной силы крестьянъ—это должно быть ново. Для разумѣющихъ русскую исторію включительно съ эмансипаціей — новаго тутъ нѣтъ. Задолго до эмансипаціи, когда всѣ умы были заняты прiисканіемъ лучшихъ способовъ для рѣшенія трудной задачи—ужъ говорилось объ этомъ и предсказывалось все это.

Уже тогда разоблачали неправильность того формулированія, которое предполагалось быть внесеннымъ въ законъ. Особенно припомнимъ наиболѣе искреннее и серьезное, а потому, вѣроятно, и наиболѣе осмѣянное—свидѣтельство одного изъ тогдашнихъ богачей, который самъ вышелъ изъ народа и въ силу этого, можетъ быть, вѣрнѣй прочихъ и судилъ объ этомъ дѣлѣ. (Мы говоримъ, о статьѣ г. Кокорева: „Милліардъ въ туманѣ“). Итакъ, вотъ чтó еще въ тѣ годы говорили русскіе люди, отличавшіеся русскимъ здравымъ смысломъ: само государство — говорили они — допустило въ Русской землѣ быть грѣху крѣпостнаго права; несправедливо было-бы — какъ отпустить на волю крестьянина безъ земли, такъ и не вознаградить законнаго владѣтеля населеннымъ имѣніемъ за потерю крѣпостнаго права. Посему непремѣнно дайте надѣлъ крестьянину: для него это почва, на ней-же онъ выросъ! Но и не опредѣляйте, что вознаграждаете помѣщика за отобранную для крестьянина землю, а выясните дѣло на чистоту, какъ оно есть. Притомъ, такъ какъ *все и вся* допустили у насъ крѣпостное право, то и за отнятіе у владѣльца, закономъ подтвержденной, хотя въ сущности беззаконной, привилегіи — пускай заплатитъ не одинъ крестьянинъ, а все и вся, цѣлое-же государство, притомъ заразъ и единовременно, чтобъ завтра-же и слѣдъ простылъ всего, чтó было наканунѣ. Милліардъ, вызываемый въ этихъ видахъ цѣною всеобщихъ пожертвованій, такъ тогда и остался въ туманѣ. Но мысль была здравая, чисто-русская. Она вполнѣ соотвѣтствуетъ русскому историческому народному воззрѣнію на Русскую Землю вообще, а въ частности на землевладѣніе въ ней. (Говоримъ про *помѣстья*, а не *вотчины*, ибо всегда въ Русской исторіи бывала и частная, личная собственность, простиравшаяся на землю покупную. Землю покупали въ собственность „на свое серебрецо“ и монастыри и лично—духовные и свѣтскіе, дворяне и крестьяне и всякій кто могъ. Говоримъ тутъ исключительно про „государевы земли“, отдававшіяся въ помѣстья). Это нашъ весьма существенный, историческій принципъ. Безслѣдно не могло пройти его нарушеніе. Несоблюденіе этого именно принципа, этой здравой русской мысли, и сказывается, и отзывается, и отдается теперь нѣкоторымъ смущеніемъ въ народѣ.

Тутъ дѣло вовсе не въ томъ, и ужъ во всякомъ случаѣ не въ одномъ томъ, что сумма взимаемыхъ податей — составленная изъ разныхъ слагаемыхъ,— превосходитъ въ наши дни платежную

силу крестьянъ; нѣтъ! прямое отрицаніе самой сущности одного изъ слагаемыхъ. Народъ какъ-бы доискивается своей исторической правды, самъ не умѣя достаточно опредѣлить: въ чемъ тутъ состоитъ ея нарушеніе. Тѣмъ болѣе трудно ему опознаться въ современныхъ обстоятельствахъ, что во всемъ остальномъ — по всѣмъ прочимъ правамъ и обязанностямъ, включительно съ правомъ землевладѣнія и съ повинностію рекрутской — историческая русская правда уже возстановлена. Тѣмъ больнѣй щемитъ его нѣкое чуждое, вторгнувшееся въ его жизнь начало, изъ котораго онъ никакъ даже въ своемъ сознаніи, не выпутается и его изъ себя не выбьетъ. Лишь по поводу одного этого (какъ иначе и быть не можетъ при стихійномъ сознаніи) и бродятъ въ немъ нѣкоторыя смутныя чаянія, слагаются цѣлыя миѳическія легенды. Это однакожъ — какъ надѣемся, видитъ наконецъ самъ читатель — инстинктъ вполнѣ національный, вполнѣ историческій, — а вовсе не какой-либо анти-правительственный или анти-консервативный; совершенно напротивъ. Такъ дòлжно будетъ сказать по всей справедливости, безпристрастно разглядѣвъ все дѣло.

Вотъ мы высчитали всѣ безъ утайки не мнимые поводы къ смущенію нашей сельской общины; другихъ нѣтъ. Ясно, послѣ всего, что они однакожъ больше чисто-финансоваго свойства, а не какія-либо собственно-соціальные или даже экономическіе въ тѣсномъ смыслѣ. Соціально-экономическихъ затрудненій не было тутъ: ихъ, словно нарочно, состряпали и внѣдрили въ крестьянскій бытъ посредствомъ самого закона. Поздно, конечно, передѣлывать дѣйствующій законъ, имѣющій за собою свыше чѣмъ десятилѣтнюю давность; но дѣлу можно пособить чисто-финансовыми путями. Можно еще простыми денежными средствами, если не въ корнѣ исправить дѣло, то по крайней мѣрѣ значительно предотвратить дурныя послѣдствія. Сама уже предпринимаемая финансовымъ вѣдомствомъ такая мѣра, какъ отмѣна подушныхъ, могла-бы содѣйствовать тому. Вообще, все это дѣло (главное *выкупъ*) можно еще исправить, пожалуй и до конца, финансовою-же мѣрой. Какихъ-либо органическихъ, гнѣздящихся внутри самой общины, поводовъ къ ея смущенію или разложенію—не было и нѣтъ. Первые два-три года по ея освобожденіи, пока неприкосновенно со стороны высшихъ бюрократическихъ сферъ дѣйствовалъ дарованный Высочайшимъ Положеніемъ мировой институтъ, не было въ ней и той безтолочи, которая царитъ теперь. Пока запросъ о дальнѣйшемъ развитіи этого миро-

ваго института въ мѣру новыхъ требованій обновленной жизни не былъ подкошенъ встрѣчнымъ выпускомъ учрежденій мертворожденныхъ,— до тѣхъ поръ и сельская община, и вообще земскій миръ были прочны. Если теперь ихъ, какъ червякъ какой, все болѣе подтачиваетъ съ каждымъ днемъ... это ужъ свойство всякой мертвизны. Это лишь общій результатъ всего „дѣлопроизводства", всѣхъ „мѣропріятій" и „умоначертаній", всего нашего statu quo, который мы и пытались изобразить въ началѣ скорбнаго фельетона. Единственно возможный выходъ изъ statu quo—это органическое возсоединеніе всего, что́ было насильственно отторгнуто другъ отъ друга, рознято на части и разчленено.

Хоть теперь, послѣ новаго скорбнаго истекшаго промежутка времени, готовъ-ли наконецъ русскій міръ къ дѣйствительнымъ мировымъ учрежденіямъ? Наше *личное* землевладѣніе въ содружествѣ-ли съ *общиннымъ?* передовое сословіе, призванное первенствовать въ земствѣ, будетъ-ли ему наконецъ въ опору, а не въ помѣху? простой русскій народъ и выдавшаяся надъ нимъ его образованная часть—въ добромъ-ли у насъ союзѣ, въ полномъ ли между собой единеніи? Не уклонимся дать посильный отчетъ и объ этой „исторической формаціи" подобно тому, какъ это было сдѣлано въ предыдущихъ статьяхъ кратко о сословіи крестьянскомъ.

X.

Кто сознательно усвоилъ себѣ историческую истину, что отъ начала, „какъ пошла Русская Земля и стала есть", въ ней не было сословія *рабствующихъ,*—тотъ уже принялъ логическое послѣдствіе этой посылки: не было на Руси и сословія *господствующихъ.* Это такъ ясно, что ученые нѣмцы, первоначальные у насъ заводчики исторической науки, всячески старались затемнить это: всѣми неправдами выводили нашихъ *русскихъ* варяговъ нашего роднаго Варяжскаго моря *отъ нѣмецъ.* Какъ однакожъ ни усердствовали они снабдить насъ „чуждымъ завоевательнымъ элементомъ" и какъ имъ ни вторятъ даже сейчасъ нѣкоторые наши доморощеные *фряги*, здравый смыслъ отказывается вѣрить нелѣпымъ баснямъ—хотя-бы и научнымъ. Гдѣ не было завоеваннаго народа, который-бы sub jugo прошелъ въ классъ рабовъ, тамъ не высились надъ нимъ пришлые тріумфаторы съ своимъ героемъ, не могло образоваться и класса „*господъ*". Одно при другомъ; безъ перваго нѣтъ втораго, и обратно. „Мужи" и „именитые люди"

выходили у насъ отовсюду изъ народа, изъ всѣхъ званій. Народъ зналъ князя, а боярина не слушалъ; бояринъ и крестьянинъ по подчиненію были передъ княземъ равны; самъ народъ торопилъ желанный переходъ княземой власти въ государеву,— таковы у насъ историческіе факты. Отечески-семейная власть домовладыки въ домѣ и старѣйшины-князька въ цѣломъ родѣ-племени— съ характеромъ такъ-называемой патріархальности,— вотъ истинный первообразъ (прототипъ) государевой власти на всемъ протяженіи русской исторіи— отъ единодержавія Святаго Владиміра и во весь Велико-княжескій періодъ, а за нимъ и въ царскій.

Когда въ „*Смуту*" весь государственный нарядъ былъ разрушенъ, самъ народъ поднялся „очищать отъ воровъ" родную землю, и не прежде успокоился, какъ поставивъ надъ собой власть по старому, по бывалому. Земля и государство опять сошлись въ дружное единство. Самъ еще сынъ избранника, по всѣмъ важнымъ дѣламъ, собиралъ Землю на совѣтъ. Отпускали къ нему дальные концы „именитыхъ и неименитыхъ и всякаго званія— лишь-бы добрыхъ и богобоязненныхъ людей" на земскій соборъ. И эти всякаго званія *богобоязненные* люди совѣтывали государю по старинѣ: „мысль наша такова, а воля твоя, государь",— и что̀ ни первый бояринъ, что̀ ни послѣдній крестьянинъ— были передъ государемъ равны.

Въ политическихъ формулахъ, вообще должно сказать, русскій народъ видитъ мало проку, и всегда видѣлъ въ нихъ лишь злую необходимость грѣшнаго людскаго быта на землѣ; не въ нихъ ищетъ своего золотаго вѣка и не онѣ составляютъ его чаяніе. Русскій народъ никогда не представляетъ своего вѣнценосца въ языческомъ образѣ римскаго тріумфатора, величающагося своимъ лучезарнымъ ореоломъ, а всегда— изнемогающимъ подъ бременемъ возложенной на него власти. Такими-же точно глазами смотритъ русскій человѣкъ и на свою собственную власть, которую на разныхъ чередахъ государственной службы предоставляетъ ему главный властедержатель. Онъ видитъ въ ней лишь необходимое зло, такую тяжелую повинность, безъ которой нельзя обойтись въ дѣлахъ „міра сего". А чуть заслышатся въ воздухѣ происки власти какъ политической себѣ прерогативы— русское народное чувство въ ту-жъ минуту начинаетъ смущаться. Такъ было во все время русской исторіи: и ранѣе того, какъ церковь „раскололась", и послѣ того.— Правда, что чистый христіанскій идеалъ заслонялся

еще съ древнихъ временъ въ нашей исторіи *кесарскимъ* идеаломъ, завѣщаннымъ міру языческимъ Римомъ. Извѣстно, напримѣръ, что и въ суровый Московскій періодъ потомокъ святыхъ князей, клавшихъ въ Ордѣ свою голову за народъ, хвалился... вдругъ чѣмъ же? своимъ мнимымъ происхожденіемъ „отъ Римскаго императора Августа кесаря". Гордецовъ можно-бы спросить: съ такими стремленіями къ языческому римскому идеалу — не совпадаютъ-ли еще у насъ на Руси и сами зачатки крѣпостнаго права? Нѣсомнѣнно такъ. По крайней мѣрѣ, позднѣе — и чѣмъ далѣе, тѣмъ хуже — какъ будто все болѣе подразумѣвается и у насъ нѣкоторая тайная, въ молчаніи состоявшаяся, сдѣлка между громоблещущею прерогативой и ея ближниками, съ видомъ соучастія въ одномъ и томъ-же политическомъ прелюбодѣяніи. Подросли зачатки „кесарства" въ Московскій періодъ, — въ ту - же мѣру выросли и зачатки крѣпостнаго права. Но все это смутно и гадательно, а главное: было еще и крайне наивно — въ патріархальный Алексѣя Михайловича вѣкъ.

Лишь слѣдующему за нимъ періоду дано было внести въ русскую жизнь *„чуждое начало"*. Осуществить западную, на римско - языческой закваскѣ, теорію о неравенствѣ классовъ — о пришлыхъ нѣмецкихъ завоевателяхъ и о туземныхъ рабахъ, о „подломъ народѣ" и о „цивилизованной публикѣ" (ибо публикою въ собственномъ смыслѣ и зовется все, что̀ тянетси за господами), короче: „о крѣпостномъ податномъ состояніи" и о „привилегированномъ политическомъ корпусѣ господъ" – вполнѣ осуществить эту теорію, говоримъ, суждено у насъ было уже XVIII вѣку и законнымъ его дѣтищамъ: двумъ первымъ четвертямъ XIX-го.

Но скорбная исторія нашихъ послѣднихъ дней — что̀ иное, какъ не тяжкое искупленіе грѣховъ такъ-называемаго „блистательнаго періода?" Лживый блескъ много потускнѣлъ за послѣднее время, и дай Богъ, чтобъ мы вовсе перестали „блистать". Все-ли выплачено „до послѣдняго кодранта" — вотъ мучительный вопросъ. Не оставлять-бы никакихъ темныхъ счетовъ отъ XVIII вѣка; скорѣй-бы изъять ихъ изъ оборота русской исторіи, ибо до тѣхъ поръ не успокоимся, пока не будутъ искуплены всѣ до одного.

Съуживаемъ нашу задачу; сводимъ, въ частности, все лишь къ одному скромному вопросу, насъ интересующему теперь: мы говоримъ о возможности или невозможности земскаго у насъ самоуправленія послѣ отмѣны „привилегіи владѣть душами". — Кто

пережилъ крѣпостное право, тотъ можетъ свидѣтельствовать какъ очевидецъ: плѣнъ, созданный закономъ, былъ у насъ напослѣдокъ закономъ и отмѣненъ. Законъ, создавшій плѣнъ, самъ его и разрушилъ. Не осталось-ли только въ насъ, внутри самого общества, нѣкотораго еще худшаго плѣна, надъ которымъ уже и не властенъ законодатель? Вопросъ въ одномъ этомъ.

Про нашъ передовой классъ, собственно какъ про „дворянское сословіе", можно будетъ въ концѣ концовъ сказать то-же самое, что́ въ своемъ мѣстѣ было сказано и о сословіи крестьянскомъ. „Служилое сословіе", пройдя сквозь цѣлый рядъ вѣковъ законными и не законными перипетіями, пришло напослѣдокъ къ тому-же, съ чего и началось: опять распущено въ народъ. Теперь это опять уже, въ истинномъ смыслѣ этого слова, лишь *служилое сословіе*; это передовой строй, передовая рать своего народа — и больше ничего. Оно ни для кого не замкнуто, какъ въ первый день русской исторіи, такъ и въ нынѣшній день; никакихъ исключительныхъ преимуществъ и какихъ-либо обидящихъ привилегій въ себѣ не заключаетъ. Въ православномъ братствѣ полноправнаго народа — это лишь его старшій братъ; старшему брату — самъ народъ радъ. Не что́ другое, а само бытовое первенство, обусловливаемое навыкомъ службы и образованія, при близости къ народу, даетъ перевѣсъ дворянству, напримѣръ, въ нынѣшнемъ такъ-называемомъ земствѣ. Можно сказать про русское „*дворянство*", что сословности въ тѣсномъ смыслѣ, эгоизма касты, въ немъ нѣтъ: духъ въ немъ истинно-всесословный. Отъ того-то и въ такъ-называемыхъ земскихъ учрежденіяхъ, и въ городскихъ Думахъ, всѣ представители „нижнихъ сословій" и выдвигаютъ большею частью своими кандидатами дворянъ противъ прочихъ, наиболѣе проникнутыхъ эгоизмомъ корпоративнаго духа. Но первенствомъ такого рода, основанномъ на образованіи и навыкѣ къ службѣ при всей близости къ народу, дворянство и въ правѣ гордиться какъ лучшимъ своимъ достояніемъ; его-то и должно оно упрочивать за собою всѣми силами; завѣщая въ непремѣнное наслѣдіе и своимъ потомкамъ—какъ свое главное, существенное отличіе, не только никому не обидное, но для всѣхъ желательное. Это такое наслѣдіе, при соблюденіи котораго и въ нихъ, въ потомкахъ, всегда будетъ видѣть народъ своихъ передовыхъ руководителей, лучшихъ дѣятелей роднаго русскаго дѣла, а вовсе не какихъ-то чужепородныхъ западныхъ рыцарей, презрительно относящихся къ vilains. Забавно, что мало-

смыслящіе въ русской исторіи хватаются обѣими руками за старинное „мѣстничество", указываютъ по крайней мѣрѣ хоть на него, какъ на оправданіе будто-бы и у насъ западнаго генеалогическаго принципа. Но мѣстничество, какъ показываетъ уже самое названіе, ведетъ счетъ по мѣстамъ, по выслугѣ и по отличіямъ; а генеалогію заранѣе предполагаетъ у всѣхъ тяжущихся, напримѣръ Рюриковичей, одну и ту-же. Знатное происхожденіе уважается тутъ лишь настолько, насколько обличаетъ себя въ быту притязающаго, какъ живая, реальная сила (какъ и не чтить чести обнаруживающейся реально?)—а безъ того въ противномъ случаѣ мыслится ничтожнымъ. Собственно о принципѣ „бѣлой и черной кости", татарской орды или западнаго феодальнаго баронства,—тутъ, слѣдовательно, нѣтъ и помину.

Если на чтó и можно указать въ нашемъ передовомъ сословіи, какъ на извращеніе историческихъ инстинктовъ; если въ его симпатіяхъ и антипатіяхъ что-либо и представляется противорѣчащимъ здравому русскому смыслу,— все это опять-таки связано роковыми нитями съ общею эрой извращенія нашихъ историческихъ инстинктовъ—съ XVIII вѣкомъ, а въ немъ имѣетъ прямымъ источникомъ: „исключительно-сословную привилегированность владѣть крѣпостными людьми". Термины: „подлый народъ" и „благородно владѣющее мечемъ шляхетство" не мыслимы одинъ безъ другаго, въ розницу: они единовременны и совмѣстны. Власть тріумфатора отражается по необходимости и на всѣхъ ближнихъ, на всѣхъ сотріумфаторахъ, какъ прерогатива; ея отблескъ становится похотью и въ нихъ. Народъ, въ ихъ глазахъ, *спадаетъ* при этомъ въ бездну, откуда представляется лишь скопищемъ дикихъ силъ. Но разъ только допустить похотливость, ужъ ей и конца нѣтъ. Въ „привилегированномъ сословіи" является еще неизбѣжное искушеніе: нельзя-ли замкнуться и болѣе никого не допустить въ свой очарованный кругъ? этого мало: нельзя-ли еще создать въ самомъ себѣ нѣчто болѣе привилегированное? увѣнчаться, напримѣръ, собственнымъ блескомъ, создать особую верхушку,—и такъ далѣе, и такъ далѣе, безъ конца. Весь XVIII вѣкъ нашей исторіи исполненъ и преисполненъ политическою похотью такого рода и представляетъ многочастные и многообразные подвиги и попытки именно въ этомъ духѣ; ихъ печальный отзвукъ продолжается до позднѣйшихъ временъ. Нашъ знаменитый юриспрудентъ, напримѣръ, оставившій по себѣ памятникомъ бюрократическія учрежденія на наполеоновскій

цезарскій образецъ, между прочимъ, измышлялъ у насъ еще „аристократическую конституцію“,—для чего и кургузилъ русскую исторію, весь ея до-Петровскій періодъ отсѣкалъ прочь. Юриспрудентъ правъ: ему иначе нельзя было и поступить для предвзятой цѣли, какъ вычеркнуть всю древнюю русскую исторію, положивъ ея начало лишь съ кануна своего собственнаго бюрократизма. Но о мертвыхъ довольно.

„Сословность“ въ томъ видѣ, какъ она царила у насъ еще недавно, совмѣстна лишь съ крѣпостнымъ правомъ. „Сословность“, въ смыслѣ привилегированнаго положенія однихъ и полнаго рабства другихъ, составляла у насъ, дѣйствительно, *чуждое начало*. Законодатель ее отмѣнилъ. Теперь, послѣ отмѣны бывшихъ привилегій, а съ другой стороны,—по распространеніи на всѣхъ одинаково существующихъ правъ и повинностей,—собственно говоря „сословій“ у насъ нѣтъ. Это тѣни, существующія лишь въ Сводѣ Законовъ, который ихъ и насчитываетъ чуть не столько, сколько дней въ году. Призраки, тѣни слетѣли, какъ и слѣдовало ожидать, въ русской исторіи,—а что́-жъ осталось налицо? Два элемента, *личный* и *общинный*, а совмѣстно съ тѣмъ и двѣ формы землевладѣнія (*общинная* земельная собственность и *личная*),—вотъ двѣ струи, которыя прошли сквозь всю нашу исторію и проняли у насъ весь бытъ народный. Долго колебались онѣ въ разныхъ неопредѣленностяхъ, пока наконецъ теперь, только напослѣдокъ, закрѣпли и строго опредѣлились. Съ одной стороны, общинное землевладѣніе или по крайней мѣрѣ, бытъ *міра-громады*, съ другой стороны, землевладѣніе *личное* и элементъ *личный*,—вотъ два единственныхъ критеріума, которыми существенно отличается и опредѣляется нынче весь православный людъ; иныхъ критеріумовъ нѣтъ. Можно, пожалуй, прибавить къ этому: *безземельность*; но это не въ свойствѣ русскаго народа, да и не въ духѣ русской исторіи. Русскій человѣкъ по преимуществу *земскій*, а земецъ безъ земли или, по крайней мѣрѣ, не при землѣ—даже не мыслимъ.

Если вообще можно сказать, что *злоба дневи* состоитъ у насъ нынче въ необходимости установить равновѣсіе и согласіе между обоими элементами земства—нашимъ *личнымъ* и нашимъ *общиннымъ* элементомъ,—то въ частности это значитъ еще уравновѣсить другъ другомъ и обѣ формы землевладѣнія, для ихъ живаго взаимодѣйствія на благо и споспѣшествованіе другъ другу,—а не противопоставлять ихъ другъ другу въ разрѣзъ.

Но тутъ, ни много ни мало,—завязывается истинный punctum saliens новѣйшей русской исторіи; мудрено-ли, что всѣ накопившіеся у насъ антагонизмы именно на этомъ пунктѣ и не сойдутся никакъ? Съ одной стороны, всѣ *истинно-земскіе* русскіе люди,—начиная отъ богатѣйшаго старовѣра какого-нибудь города Волжска и бѣднѣйшаго изъ подмосковныхъ крестьянъ до самой высоты, гдѣ русскій земскій духъ чувствуется quand même традиціонно какъ живое историческое начало,—тянутъ инстинктивно въ одну сторону, сознательно или безсознательно хотѣли-бы лишь такой новизны, въ которой-бы старина наша слышалась. Съ другой стороны, весь продуктъ нашей лабораторіи, ей-же имя XVIII вѣкъ, вся собственно такъ-называемая бюрократическая система и съ ней *одного поля ягода* сама наша „буржуазная публика,“—тянутъ въ противоположную сторону, повидимому хотѣли-бы такой новизны, чтобъ окончательно стерлась съ лица земли старина наша. Одни, радуясь, что, въ силу историческаго хода вещей, „*чуждое начало*“ валится наконецъ само собою, только и желали-бы одного,—чтобъ въ дальнѣйшей русской жизни всякое „*чуждое начало*“ было смыто до-чиста. Другіе, напротивъ того, въ „чуждомъ началѣ“—какъ рыба въ водѣ: безъ него все теряютъ, безъ него утрачиваютъ даже свое raison d'être, и видя, что оно нынче „не въ авантажѣ“, ищутъ всѣми силами только упрочить его навсегда посредствомъ того или другаго компромиса—лишь-бы этотъ компромисъ подтвердилъ и на будущее время ихъ raison d'être, гарантировалъ-бы имъ непремѣнно дальнѣйшее существованіе. Приверженцы вольнаго и невольнаго бюрократизма, всѣхъ видовъ и разнообразнѣйшихъ профессій, при кончинѣ ихъ сезона, теперь—какъ августовскія мухи у насъ.

XI.

Если надо указать на контингентъ личностей, которыя-бы выдавались надъ народомъ по своему образованію и въ то-же время не были ему чужды—высящихся надъ сельскимъ міромъ и въ то-же время ему близкихъ,—его можно найти повсемѣстно, лишь не тамъ, гдѣ обыкновенно ищутъ и, разумѣется, не доищутся никакъ. Его, безъ сомнѣнія, и слѣдуетъ искать по мѣстамъ, въ селахъ, внутри всѣхъ нашихъ областей, объ руку и вмѣстѣ съ самимъ народомъ,—а напримѣръ, не въ сѣверной столицѣ на Невскомъ проспектѣ, или еще и не въ Москвѣ на Кузнецкомъ мосту, ни даже на Одес-

скомъ взморьѣ близъ памятника дюка де-Ришельё. Безспорно, на всѣхъ исчисленныхъ пунктахъ можно во всякое время повстрѣчать много гуляющей публики. Это именно тѣ самые пункты, гдѣ кажетъ себя во всемъ блескѣ и во всѣхъ видахъ наша, не по днямъ, а по часамъ размножающаяся буржуазія (а гдѣ завелась буржуазія, тамъ разводится и пролетаріатъ). Здѣсь-же, разумѣется, и наплывъ размножающагося также не по днямъ, а по часамъ пролетаріата. Это, притомъ, центры нашей собственно такъ-называемой бюрократіи. Наконецъ, именно здѣсь сосредоточивается многочисленнѣйшее представительство нашего „гелертерства" и „литерата". Но, къ сожалѣнію, совсѣмъ не это нужно для нашего зачинающагося „самоуправленія"; ему, пожалуй, horribile dictu! весь этотъ не по днямъ, а по часамъ размножающійся контингентъ не столько даже на пользу, сколько во вредъ. Для „мѣстнаго самоуправленія" требуется контингентъ иной,— не тотъ, который жуируетъ или стремится жуировать по городамъ, по своимъ и иностраннымъ, а который трудится на мѣстѣ.—Это контингентъ мѣстстныхъ „личныхъ землевладѣльцевъ", преданныхъ своей родной мѣстности и своему родному дѣлу; другаго нѣтъ и быть не можетъ; если кто знаетъ еще другой подобный—пускай назоветъ.

Правда, множество личныхъ землевладѣльцевъ давнымъ-давно у насъ распродало свою старину и разбѣжалось въ Парижъ и Дрезденъ,— туда имъ и дорога! Правда, много такихъ, которые-бы и рады остаться въ своихъ гнѣздахъ; но все еще продолжающійся кризисъ загналъ ихъ неволей въ тѣсноту, въ городъ. Слава Богу, однакожъ есть еще такіе, которые (несмотря на то, что личное землевладѣніе безъ „абсентеизма" составляетъ нынче въ нѣкоторомъ родѣ подвигъ!) усиленно держатся на родныхъ мѣстахъ: ни за что̀ не хотятъ разставаться съ русскою сельскою долей; изыскиваютъ средства приноровиться къ новому сельскому быту и хозяйству и проложить ему новые пути; трудятся и тянутъ лямку въ сѣрой деревенской глуши—за одно съ мѣстнымъ людомъ. Это безъ сомнѣнія, при всей скромности ихъ занятій, самые почтенные дѣятели, самые необходимые люди Русской земли въ настоящее время. Это еще безспорно и самая здравая часть нашей интеллигенціи,— никто ближе ихъ не стоитъ къ народу. А между тѣмъ, при всемъ нынѣ дѣйствующемъ строѣ, вообще при нынѣшнемъ statu quo, они-то и поставлены, противъ прочихъ классовъ россійскаго населенія, въ самое нестерпимо-стѣснительное положеніе; притомъ, ихня-

го-то голоса и не слыхать въ разноголосицѣ нашего гелертерства и литерата; объ нихъ-то и забыли, словно ихъ нѣтъ!

Нѣтъ, не забыли! напротивъ того, какъ въ тѣ годы, когда приступали къ ломкѣ дѣйствительныхъ мировыхъ учрежденій и къ замѣнѣ ихъ мертворожденными,—такъ еще и теперь по поводу именно этихъ, „близкихъ къ народу *мѣстныхъ людей*" и ведется (кому это нужно, каждому для своихъ цѣлей) самая безсмысленная, самая нелѣпая и въ то-же время самая ожесточенная агитація. А безчисленные наши приверженцы нашего вольнаго и невольнаго бюрократизма, почти вся наша „цивилизованная публика", частью сознательно а частью безсознательно, имъ вторитъ. Эти-то „близко стоящіе къ народу мѣстные люди" и выдаются до сихъ поръ за главную и чуть-ли не за единственную помѣху въ дѣлѣ мѣстнаго самоуправленія вообще, а крестьянскаго въ особенности. Бойтесь! еще живъ духъ крѣпостничества въ помѣщикахъ! пропагандируется у насъ въ разныхъ сферахъ. Оно, пожалуй, и можно-бы устроить самоуправленіе раціональнѣй, да нельзя положиться на личныхъ землевладѣльцевъ: дескать, „крѣпостники".

Эти галлюцинаціи, повторяемъ, пущены въ ходъ еще со времени замѣны дѣйствительныхъ мировыхъ учрежденій мертворожденными, и для всѣхъ неподверженныхъ галлюцинаціямъ — становятся наконецъ крайне подозрительны: онѣ просто не хороши. Ими сознательно пользуются тѣ „злѣйшіе изъ крѣпостниковъ", для которыхъ, значитъ, *сама Русская земля представляется объектомъ крѣпостнаго права;* а между помѣщиками, безъ объекта старыхъ временъ, безъ крѣпостныхъ людей, даже немыслимо какое-либо крѣпостничество въ наши дни. Кто теперь разглагольствуетъ о какомъ-то „крѣпостничествѣ" помѣщиковъ, мало того, что говоритъ вздоръ, — тотъ еще не смыслитъ въ чью руку онъ бьетъ своимъ вздоромъ, и чѣмъ это искреннѣй — тѣмъ достойнѣе сожалѣнія. Крѣпостниковъ, не въ вымершемъ а въ живомъ смыслѣ этого слова, нынче три вида. Во-первыхъ, это тѣ „злѣйшіе изъ крѣпостниковъ", для которыхъ было-бы истинно какъ кость поперекъ горла всякое дѣйствительное самоуправленіе въ Русской землѣ: оно упраздняетъ ихъ raison d'être. Имъ нужно мнимое самоуправленіе; у нихъ готовъ его либеральный проектъ такого сорта, при которомъ они переймутъ еще болѣе привилегій и особыхъ прерогативъ — на себя сверху. За ними слѣдуютъ (ихъ неизбѣжные спутники, послѣдующая ложь за ложью предыдущей) тѣ

крѣпостники, которые готовы весь свѣтъ перекроить по своему и для которыхъ точно также менѣе всего пріятно прочное самоуправленіе, упраздняющее даже тѣнь надобности ихъ непрошеннаго вмѣшательства; для нихъ нѣтъ лучше на свѣтѣ какъ всеобщая рознь да безправица. Есть, наконецъ, третій видъ крѣпостниковъ: это тѣ, которые свою узенькую, тощую, жиденькую, съ чужи заимствованную мораль и доктрину, весь свой модненькій, пошленькій и ничтожненькій символъ вѣры,— хотѣли-бы силой навязать православному народу, вмѣсто имъ признаваемаго символа вѣры.— Иныхъ крѣпостниковъ современная русская дѣятельность не представляетъ; да иныхъ и быть не можетъ.

Напрасно-бы ихъ стали искать въ контингентѣ личныхъ землевладѣльцевъ. Нынче личное землевладѣніе свободно и всесловно у насъ. Теперь личными землевладѣльцами состоятъ всѣ: и дворяне, и крестьяне, и купечество, и духовенство, и мѣщане, и цеховые... однимъ словомъ всѣ, кого Сводъ Законовъ насчитываетъ чуть-ли не столько, сколько дней въ году. Если въ такъ-называемыхъ земскихъ учрежденіяхъ „низшія сословія“ охотно выставляютъ своими кандидатами представителей именно изъ дворянства, какъ „сословія“ наименѣе проникнутаго узкимъ, эгоистическимъ „сословнымъ“ духомъ и наиболѣе близкаго самому народу,— тѣмъ лучше, когда такъ создалось самою нашей исторіей. Ломать это вдругъ, безъ надобности, насильственно, внѣшнимъ закономъ было бы столько-же странно, какъ и искусственно созидать какія-либо новыя „сословныя“ перегородки. Довольно уже, что не существуетъ на законѣ основаннаго неравенства сословій; а что̀ бытомъ установлено, то и уравнивается лишь бытомъ; что̀ въ волѣ народа, то и предоставьте его волѣ. Надъ народомъ, пребывающемъ въ общинѣ, высится уже одна его интеллигенція, элементъ *личности*; скажемъ, пожалуй, *публика* — любимое слово нашихъ буржуа. Вотъ этотъ *элементъ* здоровъ-ли у насъ? спрашивать приходится ужъ объ одномъ этомъ. Когда, дѣйствительно, сословій больше нѣтъ и руководить народомъ призывается его интеллигенція, то и очень приходится спросить, точно-ли она въ своемъ умѣ? точно-ли она здорова? Нѣтъ, не въ передовомъ „сословіи“, которое нынче распущено въ народъ, приходится искать темныхъ пятенъ, которыя бы претили ввѣрить народъ его руководительству, а развѣ ужъ въ самой нашей интеллигенціи вообще. Сама наша такъ-называемая „публика“ — эта оторванная отъ своего народа, носимая вѣ-

тромъ чужихъ доктринъ и вѣяній, безпочвенная публика — еще не составляетъ-ли истиннаго темнаго пятна на нашемъ народѣ?

Употребимъ однакожъ съ своей стороны всѣ старанія, чтобъ и насчетъ этихъ темныхъ пятенъ совершенно успокоить читателя; въ дѣйствительности они вовсе не такъ страшны, какъ это представляется съ виду. Конечно, если принять за серьезное все, что̀ очи видятъ и уши слышатъ на Невскомъ или на Кузнецкомъ мосту или даже на взморьѣ близъ памятника дюка де-Ришельё; если на слово повѣрить тѣмъ газетамъ, которыя все происходящее на сихъ именно пунктахъ и констатируютъ за общественное мнѣніе Россіи, — тогда, пожалуй, все сплошь представится у насъ въ какихъ-то роковыхъ темныхъ пятнахъ. Но сто̀итъ только перенестись отъ сихъ пунктовъ, отрѣшась отъ всей ихъ шумихи, туда, въ „ширь и гладь“ Русской земли; сто̀итъ только прислушаться, что̀ говорятъ на всемъ ея протяженіи, отъ Карпатовъ до Бѣлаго моря и отъ Бѣлаго моря до Каспійскаго; сто̀итъ лишь опознаться и дать себѣ ясный отчетъ, что̀ на Руси дѣйствительность и что̀ въ ней миражъ, — и легко становится на душѣ, и весь кошмаръ разсѣялся: темныхъ пятенъ какъ не бывало.

Вольно-жъ намъ было такъ долго направлять всю свою энергію лишь на то, чтобъ во что́-бы ни стало исказить всю родную исторію, непремѣнно обернувъ ея теченіе прямо противъ русла! Наплодивъ буржуазію, мы наплодили и пролетаріатъ. Вольно-жъ намъ было устроиться такъ, что мы стали наконецъ какою-то притчей во языцѣхъ! У однихъ насъ цивилизаціей зовутъ то́ самое, что подрываетъ родной бытъ и перестанавливаетъ его на чужое стремя; на это, повидимому, у насъ и направлена вся энергія. Объ насъ даже на чужой сторонѣ, не только дома, сложилась пословица: молъ все на Руси, къ удивительному ея счастью, дѣлается не „благодаря оказываемой энергіи“, а вопреки ей; молъ, въ критическіе моменты Руси самъ „русскій Богъ“ ее выручаетъ, и какъ разъ съ противоположной стороны, прямо съ другаго конца, откуда его всего менѣе ожидаешь. Пора перестать давать поводъ къ такимъ поговоркамъ!

XII.

Казенный катехизисъ ничуть не преувеличиваетъ, уподобляя первые творческіе дни нашего „блистательнаго періода“ — первымъ днямъ міозданія. Въ извѣстномъ лапидарномъ двусти-

шіи: „Россія тьмой была покрыта много лѣтъ, Богъ рекъ: да будетъ Петръ! и бысть въ Россіи свѣтъ“, нѣтъ піитической гиперболы. Мгновенно, по командѣ съ барабаннымъ боемъ, вдругъ тогда, откуда ни возьмись, явилась у насъ „цивилизованная публика“ *со всѣми аппартиненціями и депенденціями;* были тогда „всѣ вѣрные подданные изъ тьмы невѣдѣнія на ѳеатръ славы всего свѣта изъ небытія въ бытіе произведены“. (Поэтъ не правъ въ томъ, что принялъ за „образованіе“ лишь муки и болѣзни его рожденія). Явились тогда у насъ и „гелертерство, и литератъ“ и „бюрократія“, — все, чего прежде вовсе не было. Тогда-же процвѣлъ „городъ“ на Руси; стала съ тѣхъ поръ въ жертву городу приноситься вся сельская Русь. Возвышать *городъ* въ ущербъ *селу*, принижать сельское сословіе, а превозносить городскія,—вотъ что̀ сдѣлалось, въ нѣкоторомъ родѣ, девизомъ нашей мнимой цивилизаціи, обратилось у насъ въ традиціонный лозунгъ. Все было придумано, чтобъ заставить народъ кочевать изъ сословія въ сословіе; всѣ соблазны были пущены въ ходъ, чтобъ люди повсемѣстно отрывались отъ занятій, въ которыхъ выросли... Все это едва-ли еще и сейчасъ не почитается знаменіемъ государственной мудрости у насъ.—Мудрено-ли, что, такъ долго и такъ старательно уродуя свою родную исторію, мы напослѣдокъ мало-по-малу стали получать отъ нея и результаты—прямо на выворотъ нашему родному быту?

Въ наши дни начинаютъ серьезно помышлять о томъ: полно, правда-ли еще, что всѣ эти сѣверныя Пальмиры, замоскворѣцкіе Парижи и тьмутараканскія Венеціи, дѣйствительно выражаютъ собой Русскую землю,—ее, отъ Карпатскихъ горъ до Камчатки и отъ Бѣлаго моря до Хвалынска? Лучшія изъ нашихъ газетъ уже отказываются принимать за здравый и умный толкъ народный—все, что̀ слышится даже съ адвокатской или иной трибуны. И академическая ученость, и университетскія каѳедры, и *куранты* — даже до сихъ поръ у насъ *не свои* русскому народу. Кольми паче отнюдь не общественное мнѣніе Россіи все, что̀ слышится въ кафе-шантанахъ, артистическихъ и не артистическихъ кружкахъ, на шпицъ-балахъ, жирныхъ обѣдахъ и завтракахъ à la fourchette, которыми такъ тѣшится во всѣхъ цивилизованныхъ городахъ, а особенно въ столицахъ, наша день ото дня размножающаяся буржуазія. А гдѣ она тѣшится, тамъ не безъ ропота и день-же ото дня все болѣе распространяющагося проле-

таріата. Надо, конечно, чтобъ были „о́рганы“ и у этой публики. Еще въ томъ нѣтъ предосудительнаго, что нѣкоторыя изъ нашихъ газетъ такъ и лѣзутъ изъ кожи быть „о́рганами“ именно этой публики; но что они подчасъ принимаютъ ея комеражи за универсальную точку зрѣнія — вотъ что̀ хуже чѣмъ предосудительно. Нынче, въ столь прославленное трактирною цивилизаціей время, чего добраго, ужъ и самъ крестьянинъ, повторяемъ, нарядившись въ пальто съ Толкучаго рынка, за билліарднымъ кіемъ — ничѣмъ не отстаетъ отъ прочей „публики“ и плыветъ съ ней „по теченію“.

Безъ сомнѣнія, отъ такого именно „цивилизованнаго крестьянина“ и приходятъ въ восторгъ нѣкоторыя изъ нашихъ газетъ, хвалясь... чѣмъ-бы вы думали, читатель? Тѣмъ, что онѣ проводятъ въ народъ „само-моднѣйшую цивилизацію“, и самъ онъ бѣжитъ къ нимъ на встрѣчу. По ихъ увѣреніямъ, нѣтъ выше блага для народа, какъ проникнуться ихъ фельетоннымъ либерализмомъ; и чудится имъ: ужъ весь міръ, дѣйствительно, захлебывается такимъ блаженствомъ.

Молчитъ—не провинція: она уже заговорила! готова и провинція явить образцы своего мѣстнаго *гелертерства* и своего мѣстнаго *литерата*,—а молчитъ многомилліонная, трудящаяся на родной нивѣ и на родныхъ промыслахъ сельская Русь; молчатъ, за одно съ ней, ея ближніе, всѣ трудящіеся и мирно живущіе объ руку съ нею. Объ чемъ-же они молчать?

О томъ, конечно, о чемъ долго-же молчали — помните — въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, въ самый разгаръ „польщизны“, пока заговорили наконецъ! Все и теперь—объ одномъ и томъ-же. О томъ, что жалкому „фельетонному либерализму“ нашихъ дней и этому мизерному „по теченью публики“ буржуазныхъ газетъ лучше-бы и не соваться на встрѣчу народу. Еще знаютъ-ли они, что̀ такое „стремя народа?“ не хвалиться-бы имъ неумной похвальбой и не накликать на себя грозной съ нимъ встрѣчи!

Дай-же Богъ, чтобъ не „стремя народа“, вѣрное само себѣ тысячу лѣтъ, вдругъ теперь обернулось вспять; а чтобъ „теченіе публики“ образумилось наконецъ и пошло по стремени народа, и слились-бы въ общій ходъ мирными струями — да идутъ вмѣстѣ въ свѣтлую русскую историческую даль. И мы вѣримъ, что именно такое желанное сліяніе совершается... совершится.

Какъ-бы ни старались насъ увѣрить въ противномъ, какъ еще ни бьются нѣкоторыя изъ нашихъ газетъ доказать прямо на

себѣ обиліе въ текучей современности всякихъ темныхъ пятенъ,— мы хотимъ имъ не вѣрить, мы отказываемся имъ вѣрить. „Краски чуждыя съ лѣтами“— повторяемъ мы за нашимъ поэтомъ — спадутъ „ветхой чешуей“. Лишь-бы гдѣ не было умышленной злой воли; ибо не тѣ во тьмѣ, кто не видитъ, а о комъ слово: „лучше было-бы, когда-бъ вы были слѣпы“. Итакъ, надо-же отдѣлять по крайней мѣрѣ въ сознаніи „дворянство, разсѣянное по всѣмъ областямъ и доселѣ проживающее объ руку съ крестьянствомъ, которое тянетъ за одно съ ними лямку въ глуши“... отъ „публики вообще“... той самой, которая жуируетъ и на Невскомъ и на Кузнецкомъ... или у памятника дюка де-Ришельё.

Искренно вѣримъ въ совершенную достаточность у насъ доброй, здравой и свѣтлой интеллигенціи, этого народнаго разумѣнія— хотя, можетъ быть, еще и не въ желанномъ большинствѣ и хотя бы еще только, по крайней мѣрѣ, для столь простаго и скромнаго дѣла, какъ „устройство и веденіе въ Русской землѣ сельскаго мироваго участка“.

XIII.

„Мѣстное самоуправленіе“ вообще и собственно „крестьянское“ неотдѣлимы. Стоило ихъ разорвать „дѣлопроизводствомъ“, начавшимся съ 1863 года,—и нѣтъ ни того, ни другаго. Нынѣшнія „мировыя“ и „земскія“ учрежденія—таковы лишь по имени: они не только не возродили мѣстнаго самоуправленія, уже требовавшаго восполненія, а еще подсѣкли въ корнѣ и то самое, которое зачиналось. Искалѣченное и извращенное всѣми мѣрами, оно бьется изъ силъ опять встать на ноги: а теперь сами они, эти учрежденія, его парализуютъ.

По мѣрѣ того, какъ введеніемъ въ дѣйствіе уставныхъ грамотъ упразднялись вчерашніе „крѣпостные люди и господа душевладѣльцы“— вездѣ на ихъ мѣстѣ фактически и водворялось земство. Всеобщимъ утвержденіемъ уставныхъ грамотъ отмѣнились повсюду крѣпостныя отношенія — пришелъ часъ и расширить мѣстное самоуправленіе: ибо изъ „крестьянскаго“, въ тѣсномъ смыслѣ, оно переступило въ земское вообще. Вдругъ... какъ съ неба свалились учрежденія, которыми законъ былъ не восполненъ, а отмѣненъ: „мировые“ судьи съ бюрократической процедурой суда! мнимые „земцы“ *гласные*—съ бюрократическими управами по уѣздамъ и съ особенно-бюрократической, съ „нарочито-бюрократическою“

Губернскою Управой въ губернскомъ городѣ! Съ тѣхъ поръ самоуправленіе—какъ въ параличѣ.

Стòитъ лишь разсмотрѣть: чтò было даровано Положеніемъ 19-го февраля 1861 года; чѣмъ полагалось восполнить въ близкомъ будущемъ это дарованное и чѣмъ оно, въ противность тому, разрѣшилось de facto при выпускѣ ново-явленныхъ учрежденій; стòитъ лишь сопоставить: чтò было тогда и чтó сталось теперь,—и дѣло будетъ ясно само собою.

Тогда на всемъ пространствѣ, на всѣхъ пунктахъ уѣзда, каждый отдѣльный сельскій *міръ* съ сельскимъ старостой во главѣ—представлялъ первую исходную точку мѣстной административной власти. Поскольку дѣло тутъ ограничивалось спеціально-крестьянскимъ интересомъ (бытомъ міра-громады и общиннымъ землевладѣніемъ со всею совокупностью вытекавшихъ отсюда правъ и обязанностей), постольку и сельскій міръ оставался еще чисто-сословнымъ, исключительно-крестьянскимъ учрежденіемъ, и былъ самъ себѣ господиномъ. Но и въ каждой изъ этихъ отдѣльныхъ точекъ, въ каждомъ изъ уединенныхъ сельскихъ міровъ—завязывался нѣкоторый punctum saliens, обращавшій ихъ въ органическія клѣточки и живыя ячейки мѣстнаго самоуправленія вообще. Не надо забывать, что кромѣ разверстки мірскихъ надѣловъ и повинностей, передѣловъ мірской земли, семейныхъ раздѣловъ и тому подобнаго, чтò было всецѣло предоставлено сельскому сходу,—еще инаго рода обязанности были возложены на его предводителя, на сельскаго старосту—и ими онъ подчинялся „мировому участку". Вотъ онѣ: „мѣры для охраненія благочинія, порядка и безопасности лицъ и имуществъ отъ преступныхъ дѣйствій; наблюденіе за нераспространеніемъ вредныхъ слуховъ; предупрежденіе, чтобъ не было потравъ хлѣба, побоя травы, лѣсныхъ пожаровъ и порубокъ въ лѣсахъ; соблюденіе въ цѣлости межевыхъ знаковъ; задержаніе бродягъ, бѣглыхъ и военныхъ дезертировъ; распоряженіе подачею помощи въ чрезвычайныхъ случаяхъ, пожарахъ, наводненіяхъ и другихъ бѣдствіяхъ; въ случаѣ совершенія преступленія предварительное дознаніе, задержка виновныхъ, охраненіе слѣдовъ преступленія". Это уже функціи чисто-административнаго свойства; ихъ дѣятельнымъ и законнымъ выполненіемъ заинтересованы были не только общинные землевладѣльцы міряне, а еще сами личные землевладѣльцы; даже послѣдніе больше первыхъ.

Далѣе—волостной сходъ. Это уже сборъ нѣсколькихъ сель-

скихъ міровъ, соединившихся въ лицѣ домохозяевъ — по одному съ десяти дворовъ. Тутъ уже предводителемъ является *волостной старшина*, избираемый мірянами всей волости. Ему подчинены всѣ сельскіе старосты; онъ наблюдаетъ за ними и властенъ подвергать ихъ дисциплинарнымъ взысканіямъ. Его власть—совокупность власти всѣхъ старостъ въ отдѣльности; при старшинѣ полагается уже и цѣлый правительственный óрганъ — „волостное правленіе". Его судебно-аминистративная власть простирается почти исключитель- но лишь на крестьянское сословіе; но въ извѣстной степени и нѣкоторыми нитями соприкасается уже со всѣмъ мѣстнымъ населеніемъ, задѣваетъ и всю прилегающую округу. Вотъ какого рода обязанности возложены на волостнаго старшину, между прочимъ: „...Онъ объявляетъ законы и распоряженія правительства, наблюдаетъ за нераспространеніемъ между крестьянами подложныхъ указовъ и вредныхъ для общественнаго спокойствія слуховъ; охраняетъ благочиніе въ общественныхъ мѣстахъ, безопасность лицъ и имуществъ отъ преступныхъ дѣйствій; принимаетъ мѣры для возстановленія нарушенной тишины, порядка и безопасности; распоряжается поданіемъ помощи въ чрезвычайныхъ случаяхъ; предупреждаетъ и пресѣкаетъ преступленія и проступки; принимаетъ мѣры для открытія и задержанія виновныхъ, и пр." Однимъ словомъ, „*волостной старшина*" уже прямо объявляется Положеніемъ тѣмъ административнымъ лицомъ, которое „*отвѣтствуетъ за сохраненіе общаго порядка, спокойствія и благочинія въ волости*".

На этой второй степени мѣстной административной власти, вмѣстѣ съ расширеніемъ района ея дѣйствій, увеличилась она и сама въ объемѣ. Ея напряженіе выступить изъ сословной замкнутости на охрану мѣстнаго самоуправленія вообще въ качествѣ всесословной прямо-земской власти — здѣсь уже такъ ощутительно, что чувствуется потребность подвергнуть ее, съ одной стороны, дѣятельному и раціональному контролю, а еще: перемѣстить уже въ дальнѣйшемъ развитіи на высшую, новаго порядка, ступень, передавъ въ болѣе интеллигентныя руки. Людей, которые, стариннымъ терминомъ говоря, „*грамотѣ умѣютъ и которые годятся*", Положеніе нашло въ личныхъ землевладѣльцахъ: образуется „сельскій мировой участокъ", складывается цѣлое гнѣздо волостей: тутъ соединяется мѣстное населеніе безъ различія сословій. Предводителемъ мироваго участка, по Положенію 19-го февраля 1861 года, полагается мировой посредникъ изъ мѣстныхъ жителей, изъ мѣстныхъ личныхъ

землевладѣльцевъ. Такимъ образомъ, оба элемента—и общинное и личное землевладѣніе—доискиваются наконецъ своего естественнаго центра для совмѣстнаго дѣйствія по самоуправленію: въ „мировомъ участкѣ“ они, въ интересахъ самоуправленія, смыкаются наконецъ заодно. Сельскій міръ съ его старостой и волостной сходъ съ его старшиною и правленіемъ, соприкасаясь лишь нѣкоторыми нитями съ общимъ строемъ мѣстнаго управленія, оставались еще, по существу дѣла, иститутомъ чисто-крестьянскимъ, почти исключительно сословнымъ. Напротивъ того, *мировой участокъ* именно ужъ по существу дѣла—*всесословный!* Это есть зародышъ земства, первая ступень его самоуправленія: ужъ не крестьянскаго, а земскаго вообще. Достаточно-ли могъ ручаться за охраненіе тишины и спокойствія мироваго участка стоявшій во главѣ его мировой посредникъ—видно изъ существа возложенныхъ на него обязанностей и дарованныхъ ему правъ. Не упоминаемъ уже о предоставленномъ ему судебно-*полицейскомъ* разбирательствѣ споровъ по найму въ работы, въ услуженіе и въ хозяйственныя должности; ни объ отдачѣ въ наемъ земель, по потравамъ и порубкамъ и тому подобное, что́ уже было нами прежде указано въ своемъ мѣтѣ. Минуемъ также предоставленное ему разбирательство по искамъ и спорамъ, возникающимъ изъ поземельныхъ отношеній, какъ по жалобамъ помѣщиковъ и посторонникъ лицъ на крестьянъ, на ихъ общества, на мѣста и на лица ихъ управленія, такъ и обратно; еще, напримѣръ, и по жалобамъ на допущеніе старостой или старшиной безпорядковъ въ исполненіи ихъ полицейскихъ обязанностей. Упомянемъ лишь кратко о томъ, что просьбы мировому посреднику приносились вездѣ и во всякое время безъ всякихъ формальностей, даже о довѣренныхъ было можно заявить словесно; что никакихъ формъ не полагалось для дѣлопроизводства: онъ могъ предоставить одной изъ сторонъ, въ случаѣ согласія на то другой, *принять на душу* справедливость показанія, могъ приглашать и окольныхъ сосѣднихъ людей, извѣстныхъ ему по безпристрастію; отъ него положительно требовалось, чтобъ онъ входилъ въ переписку лишь въ крайности и оканчивалъ-бы дѣло, по возможности, въ одно засѣданіе. Остановимся подробно на исчисленіи его административныхъ обязанностей:

„Волостной старшина утверждается въ должности мировымъ посредникомъ и приводится имъ къ присягѣ на вѣрность службы; до него относятся и вообще дѣла: по избранію должностныхъ лицъ

сельскаго и волостнаго управленія, по взысканію съ нихъ вслѣдствіе жалобъ на нихъ или вообще нарушенія ими служебныхъ обязанностей; по удаленію крестьянъ изъ обществъ мірскими приговорами и по жалобамъ на всякое незаконное съ чьей-бы то ни было стороны препятствіе къ увольненію крестьянина изъ общества. Въ случаѣ постановленія приговора сельскимъ или волостнымъ сходомъ по предмету, ихъ вѣдѣнію не подлежащему, онъ объявляетъ сей приговоръ ничтожнымъ, взыскиваетъ или предаетъ суду виновныхъ въ самовольномъ созваніи схода; назначаетъ сроки для волостныхъ сходовъ и разрѣшаетъ экстренные; принимаетъ жалобы на рѣшенія волостныхъ сходовъ для разсмотрѣнія на Мировомъ Съѣздѣ; жалобы крестьянъ на сельскихъ должностныхъ лицъ рѣшаетъ самъ, а на волостныхъ передаетъ на разсмотрѣніе Мироваго Съѣзда. Ему-же приносятся жалобы на дѣйствія волостныхъ и сельскихъ управленій отъ всѣхъ прочихъ частныхъ лицъ, къ крестьянскому обществу не принадлежащихъ. Волостные старшины и сельскіе старосты, за маловажные проступки по должности, подвергаются посредникомъ замѣчаніямъ, выговорамъ, денежному штрафу до пяти рублей или аресту до семи дней; въ случаѣ болѣе важныхъ нарушеній по ихъ должностямъ, онъ присуждаетъ сельскаго старосту и помощниковъ волостнаго старшины ко временному удаленію или же окончательному отрѣшенію отъ должности, а волостнаго старшину ко временному удаленію отъ должности и, съ утвержденія начальника губерніи, окончательному отъ оной отрѣшенію. За преступленія по должности всѣ должностныя лица волостнаго и сельскаго управленій предаются общему суду— или непосредственно мировымъ посредникомъ, или по рѣшенію Мироваго Съѣзда.— Всѣ начальствующія лица требованія свои о взысканіяхъ съ волостнаго старшины и сельскаго старосты, по дѣламъ ихъ вѣдомствъ, заявляютъ мировому посреднику.— Мѣстной полиціи вмѣняется въ обязанность исполнять, немедленно и безотговорочно, всѣ законныя требованія мироваго посредника.— Должности мировыхъ посредниковъ особеннаго класса не присвоивается; но въ правахъ служебныхъ и въ порядкѣ взысканій по службѣ они состоятъ въ равной степени съ уѣздными предводителями дворянства“.

Вотъ какого рода правительственное, политическое значеніе присвоивалось мѣстнымъ жителямъ, личнымъ землевладѣльцамъ, которые удостоивались стать во главѣ сельскаго мироваго участка. Кто не забылъ начала нашего современнаго фельетона, тотъ самъ видитъ теперь: правы-ли мы были, сказавъ, что власть въ тѣ дни оказала великое довѣріе народу. „Совершилось то—сказали мы— чего у насъ давно не бывало: настоящая власть, собственно такъ-называемая административная власть, частью была передана самому обществу въ руки. Надо было и такихъ людей, которые-бы по своему образованію могли стать выше личнаго и сословнаго эгоизма. Такіе люди нашлися: общественные дѣятели принялис

за общественное дѣло. Эти званные явились истинною политическою силой своей страны; это ужъ была политическая сила самого общества, самого земства. Въ ихъ лицѣ земство дѣйствительно ощутило себя прiявшимъ нѣкоторое бремя власти и нѣкоторую долю отвѣтственности“.

Всюду, на всѣхъ точкахъ воскреснувшихъ сельскихъ *мiровъ*, началась новая жизнь; интересы сословный и всесословный скрещивались въ мировомъ участкѣ и возвышались до интереса *земскаго* вообще. Чудная эта была новизна, которая, вслѣдъ за отмѣной крѣпостнаго права, взялась будто сама собою! Въ чемъ она заключалась и куда вела — это всѣми чувствовалось весьма живо. *Новизна* именно заключалась въ старинномъ нашемъ, въ земскомъ *самоуправленiи;* а оно вело къ отмѣнѣ ветхаго, отжившаго свой вѣкъ, *бюрократическаго* режима, къ упраздненiю той самой *бюрократiи*, которая, за крѣпостное время, стала между землей и государствомъ — непроницаемой китайской стѣною. Въ соотвѣтствiе съ зародившимся мировымъ участкомъ преобразился тогда и уѣздный городъ: по сбору здѣсь мироваго съѣзда, весь онъ обратился въ соборъ тѣхъ мировыхъ участковъ. Сама губернiя начала было преображаться въ тѣ дни. Перестала центральная губернская власть сыпать отъ себя сверху внизъ, какъ изъ рога изобилiя, всякими „мѣропрiятiями“ и „умоначертанiями“, а только прислушивалась книзу и всюду давала откликъ и поддержку, гдѣ ее спрашивали и въ ней нуждались. Она тогда обнаруживала энергiю лишь въ мѣру обращаемыхъ къ ней запросовъ снизу. Она стала тогда лишь передатчикомъ и скорымъ докладчикомъ нуждъ земства — до самой высоты власти. Стремя зачавшагося самоуправленiя, захватывая все болѣе въ ширь и въ высь, предуказывало уже цѣлесообразность соотвѣтственныхъ измѣненiй и въ самихъ Губернскихъ Правленiяхъ и въ разныхъ Департаментахъ и Комитетахъ...

Прошло два года со дня обнародованiя Положенiя 19 февраля 1861 года, всюду были введены въ дѣйствiе уставныя грамоты — наступилъ и тотъ срокъ, который былъ отмѣченъ въ самомъ Положенiи какъ новая эра будущаго самоуправленiя. Коротко сказать, вотъ что̀ совершилось за этотъ перiодъ: предвозвѣщенное въ близкомъ будущее обратилось уже въ настоящее; крѣпостное право de jure и de facto кончилось навсегда; мѣстное самоуправленiе, въ началѣ лишь собственно „крестьянское“, вы-

росло въ земское вообще; а „мировой участокъ“, сразу явившійся зародышемъ земства и первою ступенью его самоуправленія, сдѣлался еще и органическою клѣточкой и живою ячейкой не только земскаго, но и государева дѣла вообще. Стало опять на Руси тò, что *искони бѣ:* земское и государево дѣло у насъ — неотдѣлимы, земля и государство — одно.

Соотвѣтственно съ совершившимся фактомъ, ожидали и восполненія закона. Мы видѣли, что мировые посредники были поставлены прямыми начальниками мѣстной администраціи всего участка; однакожъ, съ другой стороны, законъ какъ будто избѣгалъ въ точности формулировать это: на другой день, послѣ еще вчерашняго крѣпостнаго права, и нельзя-бы иначе изъ справедливыхъ опасеній за самостоятельность, только что вылупившихся изъ яйца, мірскихъ сельскихъ управленій. Но когда они стали на ноги и сословная рознь ликвидировалась — слѣдовало точнѣе формулировать это въ интересѣ столько-же авторитета власти, какъ и гарантіи подчиненныхъ; а главное это требовалось въ интересѣ мѣстнаго управленія, на которое стали уже посягать — со стороны, извнѣ. Не въ угоду-же собственно бюрократическихъ административныхъ сферъ была и сначала допущена та недоговорка!.. Еще ревнивѣй и боязненнѣй отнесся законодатель къ неприкосновенности волостнаго суда и правленія. Обязывая мироваго посредника принимать жалобы на дѣйствія волостныхъ должностныхъ лицъ для разсмотрѣнія на мировомъ съѣздѣ, законъ ставилъ его блюстителемъ волостнаго суда и управленія; но въ то-же время и требовалъ отъ него полнаго невмѣшательства. Съ ликвидаціей всякихъ крѣпостныхъ отношеній надо было точнѣе формулировать и это; слѣдовало, по нѣкоторымъ по крайней мѣрѣ дѣйствіямъ волостнаго суда и управленія, прямо еще обязать мироваго посредника въ нихъ непремѣнно вмѣшиваться: ибо иначе воцарялся произволъ *волостнаго писаря* и изъ интеллигентныхъ рукъ дѣло переходило на практикѣ въ полуграмотныя и невѣжественныя. Сохраненіе всеобщей тишины и спокойствія, предупрежденіе и пресѣченіе преступленій, обязательное для старостъ и старшинъ, по необходимости уже указывало на заведеніе мѣстной, чисто-земской полиціи для мироваго участка. Притомъ, въ этомъ, очевидно, были заинтересованы не одни крестьяне, но и помѣщики и всѣ постороннія лица, къ крестьянскому обществу не принадлежащія (въ томъ числѣ сами,

напримѣръ, приходскіе священники и причты); а между тѣмъ, районъ дѣйствій селькаго старосты все еще опредѣлялся по вчерашнему: чертою крестьянскаго надѣла (священника, на его землѣ, воръ могъ грабить въ глазахъ старосты безпрепятственно, и этотъ не обязанъ былъ защищать). Слѣдовало наконецъ, въ этомъ отношеніи, сомкнуть все земство; привлечь всѣхъ къ общему интересу охраненія, на всѣхъ возложивъ и его тягость. Наконецъ, многія земскія потребности были лишь вскользь намѣчены Положеніемъ: когда оно разрѣшало сельскимъ и волостнымъ сходамъ заботы о хлѣбныхъ магазинахъ, объ училищахъ и богоугодныхъ заведеніяхъ, объ исправленіи дорогъ и мостовъ и о прочихъ мѣстныхъ нуждахъ и потребностяхъ,—этимъ, очевидно, уже предрѣшался вопросъ: и о народномъ продовольствіи, и о народномъ образованіи, и о народномъ здравіи, и о путяхъ сообщенія, и пр. и пр. Все это теперь, когда крестьянское самоуправленіе уже de facto обратилось въ земское, слѣдовало подтвердить de jure, опять-таки сомкнувъ и въ этихъ интересахъ уже все земство безраздѣльно, всесословно.

Напослѣдокъ, и еще одно необходимое добавленіе и восполненіе наговаривалось тогда само собою. Земская дѣятельность возросла уже количественно и качественно; естественно было ожидать: не оказали-бы на нее вконецъ вреднаго воздѣйствія прямо противоположныя и враждебныя всякому самоуправленію собственно такъ-называемыя бюрократическія сферы! Возникалъ вопросъ объ уравновѣшеніи взаимодѣйствія тѣхъ и другихъ. Представлялось благовременнымъ: и ихъ, бюрократическія учрежденія нашего ancien regime, видоимѣнять мало-по-малу въ соотвѣтствіе зародившемуся мировому институту, ассимилировать и ихъ. Однимъ словомъ, къ концу того срока, по истеченіи котораго Положеніе объявляло, что и самый „*порядокъ избранія мировыхъ посредниковъ будетъ опредѣленъ особыми правилами*“, а существовавшій полагался лишь *временнымъ на первые три года* (ст. 14 и 15 Полож. о губ. и уѣзд. по кр. д. учрежд.), совершилось именно то́, чего и должно было ожидать. Крестьянское самоуправленіе черезъ мировой участокъ выросло до земскаго вообще; образовавшееся земство вполнѣ надѣялось, что — въ какой угодно формѣ, именно по особымъ опредѣленнымъ правиламъ — ему будетъ предоставлено всегда имѣть въ наличности мѣстныхъ *властъ имущихъ* людей и ихъ контролировать, заведется земскій сборъ—и какъ *мнѣніе* цѣлаго

мироваго участка на мѣстѣ, и какъ высшая компетенція (уѣздное земское собраніе) всѣхъ мировыхъ участковъ въ совокупности. На той степени, которой самоуправленіе достигло въ эти годы, оно оказывало напряженіе въ двоякомъ смыслѣ: *первое* сомкнуть въ себѣ всю полноту, всю совокупность подлежавшихъ ему функцій, дотолѣ еще частью оторванныхъ другъ отъ друга и разсѣянныхъ гдѣ-гдѣ (сомкнувшись въ то-же время и еще плотнѣе во всесословное единство) *второе* по старинѣ еще и перейти, на высшихъ чередахъ своего призванія, изъ дѣла земскаго въ дѣло государево вообще, если и когда его о томъ спросятъ.

Суждено-ли было осуществиться этой русской правдѣ — на это современная русская исторія, съ 1863-го года, дала крутой отвѣтъ: предварительно мѣстный мировой институтъ былъ уничтоженъ, втянутъ въ общее подчиненіе гражданскихъ инстанцій на общемъ основаніи Устава о службѣ гражданской; мировой участокъ прежде разрушился, а потомъ совсѣмъ опустѣлъ: былъ да весь вышелъ. А вслѣдъ затѣмъ явились ужъ такъ-называемыя мировыя учрежденія (*судъ* и *судебные* съѣзды) и лишь такъ-называемыя земскія учрежденія, которыя всѣмъ тѣмъ желаніямъ и чаяніямъ положили конецъ.

Эти учрежденія, прежде всего, совсѣмъ разчленили земство по суставамъ, розняли его на мертвыя части. Отъ крестьянскаго самоуправленія отрѣзали прочь всѣхъ, *„кто грамотѣ умѣетъ и которые годятся“*; сельскимъ и волостнымъ управленіямъ предоставлена была полная свобода задыхаться въ ихъ подонкахъ сколько душѣ угодно. Охраненіе какъ всеобщей тишины и спокойствія, такъ и цѣлости межевыхъ знаковъ; предупрежденіе и пресѣченіе преступленій, также и нарушеній благочинія—опять предоставлено вѣдать Губернскому Правленію (его слугамъ по крайней мѣрѣ: исправнику и становымъ). А съ жалобами на дѣйствія мѣстъ и лицъ сельскаго и волостнаго управленій и проч. и проч. и проч. не къ кому ужъ стало и обратиться. (О миѳическомъ непремѣнномъ членѣ и миѳическомъ уѣздномъ присутствіи — всѣ, даже крестьяне, старались игнорировать). Мировому судьѣ, что̀ ни дѣло прямо изъ сельской казуистики, всё оказывалось неподсудно. До него относятся лишь казусы, подведенные въ параграфы; хорошо, какъ дѣло угодитъ чуть не въ уголовное и есть къ тому-же налицо цѣлый арсеналъ доказательствъ: масса и живыхъ свидѣтелей, и письменныхъ документовъ, — тогда онъ и

разсудитъ ad hoc. А вообще до тишины и спокойствія — ему дѣла нѣтъ.

А что-же дали *„Земскія Учрежденія?“* Прежде всего „либеральный“ (то-есть *лже*-либеральный, ибо въ наши дни это синонимы) намекъ на какое-то (никѣмъ, впрочемъ, изъ русскихъ, изъ земскихъ людей непрошенное) *лживое* политическое представительство, на выборъ какихъ-то форменныхъ депутатовъ. Изъ 526-ти, напримѣръ, личныхъ землевладѣльцевъ уѣзда, на основаніи статута о земскихъ учрежденіяхъ, надлежало выбрать 13 „гласныхъ“: видимое дѣло, — это какіе-то депутаты! Такое предположеніе подтверждается еще тѣмъ, что изъ сихъ тринадцати, видите-ли, *двое* удостоиваются чести попасть въ губернскій городъ, быть избраны и посланы въ „губернскіе гласные“. Судя по аналогіи и приходилось заключить, что, фильтрируя „собраніе господъ гласныхъ“ изъ уѣзднаго города въ губернскій, имѣлось въ виду именно ни что иное, какъ собрать въ концѣ концовъ fine fleur гласныхъ — куда-жъ какъ не въ столицу! Намекъ для земскаго русскаго человѣка истинно противный именно тѣмъ, что заранѣе подсказываетъ *вмѣсто мнѣнія земли* съ его живымъ земскимъ соборомъ въ случаѣ надобности — жалкій инструментъ фальшиваго общественнаго мнѣнія! Кто ужъ по одному этому не угадаетъ въ нашихъ такъ-называемыхъ „земскихъ учрежденіяхъ“ чистѣйшаго образца творчества собственно такъ-называемыхъ бюрократическихъ сферъ!

Но что-же затѣмъ остается существеннаго въ „земскихъ учрежденіяхъ“ помимо этого „лжелиберальнаго“ намека? Ровно ничего, чего-бы ужъ не заключалось въ Положеніи 19-го февраля 1861-го года; съ тою только разницей, что тамъ оно упоминалось какъ-бы мимоходомъ и предоставлялось народной самодѣятельности свободно и широко; а здѣсь оно регламентировалось строго вообще, а въ частности еще было втиснуто въ вящій канцеляризмъ уѣздныхъ и губернскихъ управъ. „Надзоръ за порядкомъ въ училищахъ, больницахъ, богадѣльняхъ и всякаго рода общественныхъ заведеніяхъ, учрежденныхъ волостью на собственный счетъ; а также за исправнымъ содержаніемъ въ волости дорогъ, мостовъ, гатей и перевозовъ и проч.“—все это ужъ было исчислено и поименовано въ незабвенномъ Положеніи, какъ неотрицаемое земское дѣло. Никакой не было и надобности возводить все это въ нѣкій чинъ. Но все это, только одно это, это-же самое — лишь подвер-

гнутое стѣснительной регламентаціи и втиснутое еще въ канцеляризмъ земскихъ управъ — подробно поименовывается и подробно перечисляется, уже съ шумомъ, какъ великое и „либеральное“ право „земскихъ учрежденій“,— ничего больше.

Скажутъ-ли, что излишкомъ является раскладка и разверстка, опредѣленныхъ свыше, повинностей и денежныхъ сборовъ; а главное: самому земству предоставленъ порядокъ ихъ счетоводства? Но во-первыхъ, веденіе счетоводства не есть право; это скорѣй ново-прибавленная повинность! а во-вторыхъ, ужъ и это упоминалось въ Положеніи при общемъ перечнѣ дѣлъ, подлежащихъ мірскому вѣдѣнію: „раскладка всѣхъ лежащихъ казенныхъ податей, земскихъ и мірскихъ денежныхъ сборовъ, равно какъ земскихъ и мірскихъ натуральныхъ повинностей и порядокъ веденія счетовъ по означеннымъ податямъ и сборамъ“ (ст. 51 Общаго Положенія).

XIV.

Съ тѣхъ поръ все застоялось: строительство Русской земли, парализованное, лишилось силъ. Разрѣшеніе трудной задачи внутренняго управленія не только не двинулось ни на̀-волосъ впередъ: этими вновь нагроможденными учрежденіями оно еще затормозилось. Въ дѣйствительное, только что было зачавшееся земство— въ наше едва зачавшееся самоуправленіе — эти учрежденія (въ ихъ мертвомъ видѣ) вбились какъ клинъ, вонзились какъ заноза. Какъ это ни печально, однакожъ оно истинно такъ.

Благоразумные люди скажутъ пожалуй: не благоразумно отмѣненіе дѣйствующихъ учрежденій, слѣдуетъ ихъ видоизмѣнить и исправить. Такое возраженіе можетъ быть двухъ родовъ. *Или* скажутъ это мужественно-серьезно: тогда противъ этого и возражать было-бы дѣтствомъ; *или*, напротивъ того, это скажутъ дѣтски-легкомысленно: тогда это и не сто̀итъ серьезнаго возраженія. Въ самомъ дѣлѣ, если новымъ мировымъ судьямъ предоставить судить не по X тому; если измѣнить весь уставъ наказаній, налагаемыхъ мировыми судьями; если ихъ поставить въ прямое отношеніе къ сельскимъ и волостнымъ управленіямъ, возстановить ихъ административное значеніе въ возобновленномъ мировомъ участкѣ; если, наконецъ, въ довершеніе всего, ихъ избраніе и контроль надъ ихъ дѣйствіями поручить дѣйствительному земскому собранію уѣзда, а не мнимому (какъ теперь, напримѣръ: не три-

надцати „гласнымъ“ изъ 526-ти мѣстныхъ личныхъ землевладѣльцевъ),—тогда другое дѣло. Эти преображенные мировые судьи, дѣйствительно, будутъ соотвѣтствовать деревенской глуши и ихъ учрежденія болѣе никто не назоветъ мертворожденнымъ. То-же должно сказать и о преображенныхъ „земскихъ учрежденіяхъ“. Назовите ихъ, пожалуй, анти-земскими, лишь-бы они стали земскими въ существѣ. Преобразите ихъ такъ, чтобъ ихъ преобразованіе было равносильно ихъ полной отмѣнѣ въ нынѣшнемъ видѣ— перестанутъ звать мертворожденными и ихъ.

Итакъ, не станемъ напередъ оспаривать господъ серьезныхъ оппонентовъ, благоразумныхъ людей. Какія они проектируютъ измѣненія и исправленія въ мнимыхъ „земскихъ учрежденіяхъ“—это имъ самимъ лучше знать, имъ и книги въ руки. Только напередъ можно предречь одно ихъ благоразуміямъ. Чѣмъ болѣе захотятъ они сохранить въ неприкосновенной цѣлости, а только лишь отчасти и лишь гдѣ-гдѣ вложить въ эти учрежденія новое лучшее— тѣмъ болѣзненнѣй будетъ послѣдующій процессъ, когда разными ломанными и кривыми путями земская русская правда станетъ въ нихъ доискиваться сама себя. Такъ или иначе, но эти учрежденія, въ ихъ теперешнемъ видѣ, рѣшительно не привлекательны для настоящаго земства. Примѣръ Земли Войска Донскаго свидѣтельствуетъ о томъ. Безспорно, у казаковъ и самоуправленіе собственно казацкое (съ 1835 года, впрочемъ, передѣланное правительствомъ); не станемъ оспаривать и того, что въ наше время изъ нѣдръ самого казачества все чаще слышатся отдѣльные голоса противъ казачины во всей ея первобытной суровости; допустимъ, наконецъ, что есть между казаками и особые любители обще-губернскаго Положенія, прямо даже охотники свести на него Землю Войска. Тѣмъ не менѣе однако, такъ-называемыя „земскія учрежденія“ въ томъ видѣ, какъ они вышли готовыми изъ бюрократическихъ сферъ, не пріемлются тамъ — ни большинствомъ, ни меньшинствомъ. Дѣло въ томъ, что тамъ не существовало крѣпостнаго права — слѣдовательно, въ той или другой формѣ существовало уже русское самоуправленіе: истинное самоуправленіе и не мирится съ мнимымъ, — сущность заключается въ этомъ.

Все это разъяснится уже самымъ нагляднымъ и убѣдительнымъ образомъ, если мы хоть вкратцѣ разсмотримъ наконецъ: что̀-жъ такое на самомъ дѣлѣ эти хваленыя, пресловутыя „зем-

скія учрежденія", о которыхъ большинство читателей судитъ лишь по наслышкѣ? Къ наглядному разъясненію теперь и приступимъ.

XV.

Читатель! знаете-ли вы, что̀ такое такъ-называемыя „Земскія Учрежденія?" Нѣтъ, вы не знаете, что̀ такое такъ-называемыя „Земскія Учрежденія!" Всмотритесь въ нихъ.

Перенесемся въ уѣздъ одной изъ среднихъ губерній. Въ немъ, при отмѣнѣ крѣпостнаго права, когда вводились въ дѣйствіе уставныя грамоты, числилось (excusez du peu!) — 526 личныхъ землевладѣльцевъ при 30-ти тысячахъ мужескаго пола душъ крѣпостнаго населенія. Этотъ уѣздъ — одинъ изъ наиболѣе населенныхъ въ губерніи и въ то-же время наименьшій по количеству земли. Государственныхъ повинностей тутъ уплачивается, сравнительно съ земскими, не много: изъ общаго обложенія, сколько теперь падаетъ на землю, лишь одна пятая часть идетъ на государственныя повинности. Итакъ, если безъ земскихъ учрежденій, вы платили-бы государственныхъ повинностей всего-на-все сто рублей, то теперь вы имѣете удовольствіе на каждые сто рублей приплачивать еще по четыреста рублей сверхъ того, собственно за то, что введены въ дѣйствіе такъ-называемыя земскія учрежденія. Какая-жъ отъ нихъ радость? Слѣдующая: изъ 526-ти личныхъ землевладѣльцевъ 13 человѣкъ имѣютъ право быть выбранными въ *гласные.*

Казалось-бы, по дѣламъ собственной мѣстности всѣ званные, да только мало являющихся на зовъ, — при бюрократическомъ „земствѣ" совсѣмъ на выворотъ. Изъ сказанныхъ 526-ти личныхъ землевладѣльцевъ только 13 человѣкъ избираются въ *гласные*, а остальные 513 буквально обращаются въ безгласныхъ, устраняются отъ всякаго мѣстнаго контроля. Не можетъ быть — возражаетъ читатель — вѣроятно, эти 13 *гласныхъ* составляютъ только какое-либо непрерывно-функціонирующее учрежденіе, а все прочее населеніе и контролируетъ ихъ, собирается выражать имъ свое довѣріе или недовѣріе на уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ. Ничуть не бывало! вотъ, именно эти самые 13 человѣкъ (изъ 526 личныхъ землевладѣльцевъ) и составляютъ „Уѣздное Земское Собраніе". Правда, кромѣ личныхъ землевладѣльцевъ, въ *гласные* избираются еще крестьяне: и міряномъ (общинному землевладѣнію) предоставлено здѣсь выбрать 11 *гласныхъ;* кромѣ того, два *глас-*

ныхъ полагается собственно отъ города, — такимъ образомъ, въ добавокъ къ 13-ти гласнымъ отъ личныхъ землевладѣльцевъ нужно приложить столько-же отъ города и крестьянъ — всего 26 человѣкъ. Но пока „крестьянское самоуправленіе“ находится въ вѣдѣніи становыхъ и исправниковъ, — до тѣхъ поръ странно вообще ссылаться на крестьянское „будто-бы самоуправленіе“ вообще,— а по приложенію его къ „земскимъ учрежденіямъ“ въ частности. Кто истинно расположенъ къ крестьянскому самоуправленію, тотъ eo ipso и почитаетъ его не существующимъ болѣе въ наши дни; въ своемъ теперешнемъ извращенномъ видѣ, это такой факторъ, который фактически лишенъ всякаго серьезнаго значенія — по отношенію къ „земскимъ учрежденіямъ“ въ особенности. Притомъ, имѣя въ виду не теорію, а прямо практику „земскихъ учрежденій“ (какъ она возстаетъ на глаза въ уѣздѣ, нами избранномъ для изслѣдованія) мы имѣемъ полное основаніе прослѣдить лишь дѣятельность именно этихъ 13-ти гласныхъ отъ личныхъ землевладѣльцевъ, выбранныхъ изъ общаго ихъ количества 526-ти. Итакъ, лишь эти 13 человѣкъ и составляютъ „уѣздное земское собраніе“. Они, только они, выбираютъ изъ своей среды трехъ мировыхъ судей для уѣзда съ городомъ; изъ свой-же среды выбираютъ предсѣдателя управы и двухъ членовъ (въ случаѣ надобности и болѣе, не свыше шести); наконецъ, и двухъ депутатовъ въ губернскій городъ. Они, по своему усмотрѣнію, назначаютъ себѣ жалованье, распредѣляютъ раскладку повинностей и контролируютъ сами себя. Изъ сихъ 13-ти гласныхъ четверо (и никакъ не менѣе троихъ) попадаютъ на мѣста съ жалованіемъ въ управѣ; трое на жалованіе мировыхъ судей; двое заинтересованы быть избранными въ губернскіе гласные. Такимъ образомъ, человѣкъ восемь или девять изъ сихъ тринадцати — лично заинтересованы, чтобъ такъ-называемое уѣздное земское собраніе непремѣнно состоялось; они-то и составляютъ *гласныхъ*, непремѣнно присутствующихъ на земскихъ собраніяхъ. Остальные, обманувшись въ ожиданіи попасть въ число лично-заинтересованныхъ, перестаютъ на нихъ являться. Такъ какъ, однакоже, требуется, чтобъ присутствовало не менѣе 12 *гласныхъ* для признанія собранія состоявшимся, то *гласные* отъ крестьянъ и служатъ на практикѣ удобнымъ для сего запаснымъ контингентомъ. Оборотная сторона медали нашихъ земскихъ учрежденій представляетъ, такимъ образомъ, слѣдующее: шесть-семь вакансій на мѣста съ жалованьемъ отъ

земства (а то и больше, ибо управы могутъ увеличивать число членовъ и призывать разнаго рода людей по спеціальностямъ, назначая имъ вознагражденіе по своему усмотрѣнію) привлекаютъ— искателей мѣстъ. Если въ уѣздѣ еще не установилась, не кристаллизировалась „управа“, а также предвидятся вакансіи на мѣста „мировыхъ судей“, стекается довольно много „искателей“; потомъ, обманувшіеся въ ожиданіяхъ, отстаютъ съ каждымъ разомъ, и ихъ уже стекается менѣе. Въ „гласные“ идутъ, прежде всего, затѣмъ, чтобъ получить право на мѣста съ жалованіемъ отъ земства; то-есть достоинство „гласнаго“ является искомымъ лишь для дальнѣйшаго искомаго, безъ перваго невозможно второе.

Ничего нѣтъ предосудительнаго, конечно, человѣку, нуждающемуся въ средствахъ жизни, искать ихъ тою или другою службой. Но нельзя не сказать, что такого рода службы лишь на тѣхъ поприщахъ и цѣлесообразны, гдѣ нѣтъ помину о какомъ-либо политическомъ представительствѣ, а все ограничивается— трудомъ по найму. Кому, напримѣръ, не извѣстны старинныя „*Писцовыя книги*“—эти изумительные, въ своемъ родѣ, акты нашихъ старинныхъ дьяковъ? Ни одно „земство“, конечно, не имѣетъ въ настоящее время такихъ образцовыхъ описей своей губерніи или даже своего уѣзда, какія велись въ старину. Понятно само собой, что для составленія подобнаго рода „Писцовыхъ книгъ“ требуются спеціалисты и трудъ ихъ достоинъ вполнѣ сообразнаго награжденія. У „земскихъ учрежденій“, допустимъ, накапливается много подобнаго труда; было-бы нелѣпо воображать, что изъ среды самого земства явятся охотники-трудолюбцы, которые поведутъ его даромъ. Но для дѣлъ подобнаго рода земство всегда-бы нашло достойныхъ лицъ, нуждающихся въ трудѣ; они бы и приглашались: служить по найму. Но выходитъ совсѣмъ иное дѣло, когда „искатели мѣстъ“ драпируются еще въ плащъ политическихъ представителей...

Изъ тринадцати *гласныхъ* нашего уѣзда—шесть человѣкъ состоятъ на жалованьи отъ земства, двое—не льстясь на него—избираются въ губернскіе гласные; эти восьмеро и составляютъ „политическое представительство“ уѣзда. Для того, чтобъ набралось всѣхъ 12 гласныхъ и уѣздное собраніе состоялось, есть еще запасъ гласныхъ—изъ крестьянъ. Большею частью, уѣздныя собранія и составляются; однакожъ не безъ того, чтобъ вовсе не

было случаевъ публикаціи: „за неприбытіемъ гласныхъ, собраніе не состоялось“.

Но оставшіеся за штатомъ 513 личныхъ землевладѣльцевъ контролируютъ-же, по крайней мѣрѣ, своихъ мѣстныхъ дѣятелей? имѣютъ, по крайней мѣрѣ, на это право? И не контролируютъ, повторяемъ, и не имѣютъ на то никакого права. Уѣздное земское собраніе, повторяемъ, только и состоитъ изъ сихъ 13-ти. Имъ участь всѣхъ остальныхъ—вручена безповоротно и безапелляціонно. Не было-бы странно, еслибъ 526 личныхъ землевладѣльцевъ избрали изъ своей среды 13 человѣкъ для того, чтобъ ихъ облечь властью, какъ мѣстныхъ людей или администраторовъ; пожалуй еще, еслибъ ихъ выбрали именно какъ своихъ депутатовъ. Весьма понятно, что такое количество судей-администраторовъ на уѣздъ или даже депутатовъ отъ уѣзда въ губернію—достаточно, даже съ излишкомъ. Разъ они для этого выбраны—имъ и принадлежала-бы *власть* и *дѣйствіе* впредь до новыхъ выборовъ; мѣстное населеніе и выразило-бы имъ свое довѣріе или недовѣріе, удовольствіе или неудовольствіе, или новымъ ихъ выборомъ, или замѣною ихъ другими дѣятелями. Но предоставить этимъ 13-ти—контроль надъ самими собою... болѣе чѣмъ странно. *Дѣйствіе* и *власть*, разумѣется принадлежатъ не всѣмъ, а лишь нѣкоторымъ избраннымъ; но *мнѣніе* и *контроль*, разумѣется-же само собою, неотъемлемо и неразрывно принадлежать должны всему мѣстному населенію. Если-бъ даже захотѣли создать какіе-то еще особые „òрганы“ мнѣнія и контроля всюду по мѣстамъ,—то тогда только они явятся цѣлесообразны, когда въ принципѣ все мѣстное населеніе будетъ признано правоспособнымъ.

Скажемъ въ заключеніе, что, по мѣстному бюджету уѣзда, одна четвертая часть денежнаго сбора на земскія повинности—идетъ собственно на содержаніе управы; а ко всему бюджету про свой уѣздъ (напримѣръ 40 тысячъ, изъ которыхъ 10 тысячъ на уѣздную управу) прибавляется еще половина—еще 20 тысячъ—для отсылки въ губернскую управу (всего будетъ 60 тысячъ). Изъ этихъ отсылаемыхъ въ губернію, часть денегъ, точно также, поступаетъ собственно на содержаніе губернской управы. Это тó учрежденіе, которое существуетъ на счетъ уѣздныхъ. Мы ничуть не преувеличимъ, сказавъ, что существеннѣйшее взаимо-дѣйствіе между управами уѣздными и губернскою выражается лишь въ томъ, что уѣздныя управы ищутъ эмансипироваться отъ несооб-

разнаго и чисто-бюрократическаго давленія губернской управы... возникаетъ цѣлая масса дѣлъ по пререканіямъ уѣздныхъ управъ съ губернскою. Уѣзду нуженъ мостъ гдѣ-нибудь у себя на рѣчкѣ— требуется разрѣшеніе губернской управы; а губернская управа находитъ ближе къ себѣ пункты, требующіе мостовъ. Доходитъ, наконецъ, до того, что и въ такихъ дѣлахъ, какъ страхованіе отъ огня (предпріятіе, безспорно, тѣмъ выгоднѣйшее, чѣмъ пространнѣй захватывается районъ дѣйствія), уѣзды охотно-бы взяли на себя и рискъ, и выгоду предпріятія,—лишь-бы освободиться отъ зависимости, и въ этомъ отношеніи, содержимой на ихъ-же счетъ нарочито-бюрократической губернской управы.

XVI.

„Страшенъ сонъ — милостивъ Богъ“, подъ такимъ заглавіемъ писалась для одного изъ первыхъ мартовскихъ нумеровъ „Руси“ послѣдняя статья, которая должна была заключить „Современный фельетонъ“. Но „современныя“ событія омрачили русскую исторію несмываемымъ пятномъ позора. Мы не были въ силахъ продолжать... Послѣ долгаго перерыва, печатаемъ статью въ томъ видѣ и лишь въ томъ размѣрѣ, какъ она была написана до „*злосчастной эры*“.

Одновременно съ эмансипаціей сталъ у насъ обнаруживаться *либерализмъ* особаго сорта: его источникомъ была худо скрытая досада за отнятіе крѣпостнаго права. Что̀ было потеряно снизу, то̀ хотѣли наверстать сверху.

Справедливость требуетъ сказать, что вовсе не дворянство, какъ цѣлое сословіе, разжигалось политической похотью такого рода. Напротивъ, изъ его-же среды раздавались тогда громкіе голоса: „пора предать забвенію разные акты XVIII-го вѣка, которыми навязывали русскому дворянству несвойственный и чуждый его духу феодальный характеръ! надо служилому сословію окончательно слиться съ народомъ, стать воистину его передовою ратью — и только“. При тогдашнихъ кривотолкахъ нужно было имѣть великое мужество, чтобъ рѣшиться провозгласить это. Глашатаи этихъ простыхъ истинъ были сочтены одними — за „юродовъ“, другими — за враговъ отечества и дворянства, даже за возбудителей одного сословія на другое, и проч.

Справедливость требуетъ сказать болѣе того: мы говоримъ про мѣстное дворянство, а вовсе не про тотъ беземельный пролетаріатъ, который ищетъ въ столицахъ карьеры или чисто-городскихъ профессій, изъ нихъ-жъ и произошелъ. То самое дворянство, которое было разсѣяно по захолустьямъ и вовсе даже не участвовало ни въ тогдашнихъ *большинствахъ*, ни въ тогдашнихъ *меньшинствахъ* предуготовительныхъ комитетовъ; однимъ словомъ, помѣстное дворянство въ его разительномъ большинствѣ и съ своимъ дѣйствительно лучшимъ выраженіемъ (въ лицѣ меньшинства комитетовъ), все это второстепенное дворянство — самымъ православнымъ христіанскимъ образомъ, именно по простотѣ, отпраздновало великую реформу. Скрѣпя сердце, быть можетъ за послѣднія растериваемыя крохи, но невольно увлекаясь волной общаго народнаго восторга, тогда всякій и изъ послѣднихъ этихъ бѣдняковъ спѣшилъ отъ себя заявить міру: „и я на старосту не челобитчикъ и отъ міру не прочь".

Прочь отъ міру и челобитчикомъ на старосту явилась партія — не великая числомъ, но по связямъ въ цѣломъ государствѣ и по вліянію огромная.

Итакъ, говоримъ, появился *либерализмъ* дурнаго сорта. Духоносцы новаго повѣявшаго духа высказывались съ той неудержимостью, которая едва-ли даже откровенности дѣлаетъ честь. „*Не себѣ, такъ и не другимъ*" — сдѣлалось въ нѣкоторомъ родѣ ходячимъ лозунгомъ, уличнымъ девизомъ. Никто громче ихъ не кричалъ тогда противъ „бюрократіи" вообще, а „высшихъ бюрократическихъ сферъ" (министерскихъ) въ особенности. Однакожъ, ихъ рѣчьми увлеклись немногіе; только добровольные слѣпцы вдались въ обманъ. Тотъ, кто имѣлъ очи, чтобъ видѣть, и уши, чтобъ слышать, отдавалъ себѣ вѣрный отчетъ во всемъ, что́ вкругъ него происходило. „Господчина хочетъ, чтобъ ей царь присягалъ" — такъ тогда говорили въ народѣ; отъ грѣха помиловалъ Богъ. Русскій народъ „бюрократіи" не любитъ — это безспорно; но онъ моталъ себѣ на усъ втихомолку. Этимъ рьянымъ филиппикамъ, вдругъ грянувшимъ противъ „высшихъ бюрократическихъ сферъ", и этимъ торжественнымъ завѣреніямъ цѣлой клики „либераловъ", что они готовы, пожалуй, для блага народа, тяжелѣйшую часть бюрократическихъ обязанностей снять на себя — цѣны не придавали.

Никто собственно не отрицалъ, что они *либералы;* но всякій чувствовалъ, что ихъ либерализмъ посыпанъ мышьякомъ.

И въ самомъ дѣлѣ, послѣ того, какъ реформа состоялась въ самомъ широкомъ либеральномъ смыслѣ и путемъ прямо-русскимъ (т. е. и народъ былъ освобожденъ съ землею, и началось самоуправленіе), могъ-ли народъ придавать какую-либо цѣну завѣреніямъ тѣхъ *либераловъ*, которые проповѣдывали еще наканунѣ: „нелѣпо насильно заставлять быть сытымъ (sic); предоставленіе земли въ коллективную собственность мірской сходки есть пагубный коммунизмъ; пролетаріатъ составляетъ необходимую виновную причину прогресса (sic); въ видахъ прогресса въ Россіи — необходимо допустить обезземеленіе крестьянъ"?

Можно-ли было точно также хоть въ грошъ ставить ихъ ненависть къ „бюрократическимъ сферамъ", когда у народа вслѣдъ за эмансипаціей явилось на первыхъ порахъ истинное самоуправленіе и не мнимый мировой институтъ, а эти-же самые господа сразу оказались, въ явную себѣ улику, его злѣйшими врагами? Ненависть этихъ господъ къ мировымъ учрежденіямъ, дарованнымъ Положеніемъ 19 февраля 1861 года, могла поровняться лишь съ такою же ненавистью къ мировому институту — развѣ еще самихъ „бюрократическихъ сферъ". (Здѣсь приходится повторить сказанное).

У бюрократіи есть низины, есть и вершины. Ожесточеніе къ мировымъ учрежденіямъ со стороны низинъ бюрократіи выказывалось тогда, конечно, въ самой безцеремонной, простой и грубой формѣ. Полицейскія управленія, уѣздныя казначейства и тому подобныя учрежденія, прямо говорили тогда волостнымъ старшинамъ: „вы у насъ послѣдній кусокъ хлѣба отняли!" Но въ высшихъ бюрократическихъ сферахъ это-же самое ожесточеніе одухотворялось еще въ болѣе тонкую борьбу собственно изъ-за принципа власти, которая вдругъ была почувствована какъ-бы ускользнувшею изъ собственныхъ рукъ и переданною въ извѣстной степени въ самый народъ, въ лицѣ *общественныхъ людей*, его передовыхъ дѣятелей. Бюрократію всю сверху до низу охватило тогда горькое чувство: боязнь за собственную ненужность; пожалуй, за конечное свое упраздненіе при дальнѣйшемъ развитіи дѣйствительныхъ мировыхъ учрежденій.

Но это-же самое боязненное чувство одинаково щемило тогда и проповѣдниковъ „виновной причины прогресса въ безземеліи крестьянъ". Эти господа, какъ извѣстно, проповѣдывали еще необходимость создать изъ нихъ нѣкоторую особую привилегированную верхушку въ самомъ дворянствѣ; дабы, въ случаѣ надобности, да-

вать и надлежащій отпоръ прогрессу, на безземеліи основанному. При извѣстности такого рода, можно-ли было сомнѣваться, что какъ ни играй они въ антагонизмъ съ высшими бюрократическими сферами, а въ сущности и сіи и оные—одно. Въ самомъ дѣлѣ, разъ девизомъ либерализма „крупныхъ землевладѣльцевъ“ было выкинуто „закрѣпощеніе власти въ свои руки“, непростительно было сомнѣваться, что и сами высшія бюрократическія (министерскія) сферы въ семъ либерализмѣ ни отъ кого не отстанутъ; можно было сомнѣваться лишь въ томъ: еще кто кого на семъ пути обгонитъ? Да, это было очевидно для всѣхъ: и высшія бюрократическія сферы, и ихъ мнимые антагонисты, эти *особаго сорта* высокоимущественные либералы, въ концѣ концовъ, непремѣнно сольются въ одинъ лагерь: на умѣ у нихъ — одно. Такъ и вышло. Ненависть къ дѣйствительному народному самоуправленію и къ истинной свободѣ Русской земли—мгновенно всѣхъ ихъ побратала. Въ виду настоящаго своего грознаго супротивника, этого выросшаго изъ земли самоуправленія съ его немнимымъ мировымъ институтомъ, вчерашніе мнимые антагонисты и вступили другъ съ другомъ въ священный союзъ. Съ тѣхъ поръ, ихъ общими дружными усиліями— и пошло́, пошло́... Стали они вырабатывать параграфъ за параграфомъ, и статья за статьей, вмѣсто Положенія 19 февраля 1861 года—свой собственный „либеральный проектъ“ (тогда и было пущено въ ходъ иностранное модное слово). Стали съ тѣхъ поръ и „либерализмъ“, и „лже-либерализмъ“ у насъ на Руси—синонимы.

Когда-нибудь будущій русскій историкъ разскажетъ эту удивительную, многострадательную повѣсть о томъ: откуда, послѣ недолгаго свѣтлаго промежутка, въ который установилось всеобщее довѣріе въ воцареніе добра и правды, законности и порядка, и все изъ края въ край отличалось дѣйствительнымъ земскимъ единодушіемъ и крестьянское самоуправленіе опиралось на мѣстное самоуправленіе, которое шло въ гору и требовало соотвѣтствующихъ измѣненій и дополненій, — откуда вдругъ въ Русской землѣ „рознь стала есть“. И начался этотъ въ своемъ родѣ „Sturm- und Drang-Periode“, за который все смѣшалось въ дикой разноголосицѣ, и ложь перепуталась съ правдой, и либерализмъ проѣлся насквозь мышьякомъ; и всѣ почувствовали себя въ хаосѣ, въ какомъ-то лабиринтѣ безвыходныхъ противорѣчій. Вмѣсто словъ съ здравымъ опредѣленнымъ смысломъ—вдругъ стали во множествѣ выкидываться на всѣхъ перекресткахъ условные „пароли“, сами по себѣ не-

лѣпые, безсмысленные и ровно ничего не значащіе, весь смыслъ которыхъ именно и заключался въ ихъ значеніи „паролей“.

Въ неурядицу, несомнѣнно свидѣтельствовавшую о нашемъ собственномъ внутреннемъ худосочіи, впутались еще съ чужой стороны, прямо уже нерусскія постороннія примѣси. Зло удвоилось; болѣзнь осложнилась. Кто и вызвалъ духовъ, ужъ не умѣлъ справиться съ ними. Признаки злаго недуга начали представляться противорѣчивыми, симптомы сбивчивыми. Напослѣдокъ, опытный глазъ даже искусныхъ врачей не умѣлъ болѣе отличить признаковъ, въ которыхъ, вмѣстѣ съ болѣзнью, сказывались и потуги ея для самоисцѣленія,—отъ дѣйствительныхъ признаковъ ея злокачественности. Предложенныя лѣкарства даже и добрыми врачами, пошли внѣдрять болѣзнь еще глубже внутрь организма, утучняли самый ядъ болѣзни, обостряя ее.

Когда-нибудь будущій русскій историкъ непремѣнно откроетъ многое, чтó еще таится во мглѣ для самихъ современниковъ, и тогда онъ назоветъ по имени все и всѣхъ, чему и кому сами современники не даютъ именъ.

О, какія это мучительныя въ Русской исторіи—эти, для нашего внутренняго устроенія, хуже чѣмъ просто потерянныя или только даромъ пропавшія — послѣднія шестнадцать - семнадцать лѣтъ! сколько еще, во время ихъ, нагромоздилось новаго, имѣющаго рухнуть, столпотворенія!.. какъ еще и еще напутали и перепутали всюду—всякихъ хитросплетеній лжи съ правдой!.. усугубился на всѣхъ распутіяхъ жизни этотъ либерализмъ, пропитанный мышьякомъ!.. Выросло—и уже дѣйствуетъ—цѣлое поколѣніе, воспитанное лишь на „*пароляхъ*“. Неповинное въ ихъ унаслѣдованіи, оно уже теперь въ двойномъ обманѣ.

Въ нашу задачу не входитъ, впрочемъ, подробное разоблаченіе опутавшей все русское общество интриги,—мы говоримъ лишь о крестьянскомъ и земскомъ самоуправленіи у насъ. Довольно будетъ сказать, что подъ шумокъ этого именно „либерализма“ (съ тѣхъ поръ, повторяемъ, у насъ либерализмъ и лже-либерализмъ—синонимы!), когда на всѣхъ перекресткахъ стали, будто по щучьему велѣнію, раздаваться „либеральные пароли“— окончательно было искажено Положеніе 19 февраля 1861 года. Мировыя учрежденія были подавлены; административная власть, переданная въ мѣру мѣстныхъ нуждъ и потребностей, въ руки самому обществу—была у него отобрана назадъ; наблюдать за нераспростра-

неніемъ въ народѣ фальшивыхъ указовъ и зловредныхъ слуховъ и вообще вѣдать „тишину и спокойствіе“ опять предоставлено становымъ и исправникамъ: снова да здравствуютъ губернскія правленія! и да погибнетъ мѣстное самоуправленіе съ крестьянскимъ; сгинь-пропади они въ разныхъ мертворожденныхъ учрежденіяхъ.

Въ уѣздномъ городѣ опять полицейскія правленія и уѣздныя казначейства съ ихъ собратьями подняли голову (миѳическое уѣздное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, какъ уже было сказано, всѣ старались игнорировать); они стали хвалиться передъ волостными старшинами и ниспровергнутымъ мировымъ институтомъ, что не долго они поцарствовали, не надолго отняли было у „чиновниковъ“ кусокъ хлѣба! Сходки пошли сбираться у кабака; бюрократическое растлѣніе стало, наконецъ, касаться уже низинъ: „очиновничились“ сами волостныя и мірскія управленія...

— Какъ? спроситъ въ недоумѣніи читатель — и только въ этомъ зло? Неужели слѣдуетъ лишь воскресить *сельскій мировой участокъ* — и это все, что̀ нужно?

Отвѣчаемъ: относительно сельскаго и волостнаго устройства — да! въ этомъ все зло! Бюрократическія сферы, уничтоживъ первоначальныя мировыя учрежденія, которымъ слѣдовало обновиться послѣ указаннаго въ Положеніи срока (введенія повсюду уставныхъ грамотъ), поглотили и втянули въ себя сполна крестьянское самоуправленіе, и все снова подчинили своему собственному, отжившему свой вѣкъ, ancien régime. Возобновленіе сельскаго мироваго участка съ его мѣстнымъ завершеніемъ — не мнимымъ уѣзднымъ собраніемъ, съ правоспобностью блюсти у себя „тишину и спокойствіе“, а слѣдовательно, вообще вѣдать всю живую совокупность мѣстныхъ интересовъ, для того чтобъ возводить ихъ, по мѣрѣ надобности, изъ участка въ уѣздъ, оттуда въ губернію и далѣе, — возобновленіе мироваго участка — да! это составляетъ вопіющую необходимость „великой и обильной Руси“, въ которой „наряда“ вовсе нѣтъ. — И только всего? неужели этого довольно, неужели не мало этого?

Отвѣчаемъ: этого мало, если все это будетъ возобновлено *безсознательно*, такъ что и вновь, пожалуй, отмѣнится простыми министерскими циркулярами, какъ уже и было, — тогда этого мало.

Если-же это будетъ возобновлено *сознательно* (для правильнаго роста въ ближайшемъ будущемъ) какъ первоначальная и исходная мѣра, лишь-бы вновь земская жизнь пошла съ самаго низу

вверхъ съ своими задачами, со всѣми своими запросами; если при этомъ, одновременно съ самимъ ростомъ этой первоначальной мѣры, станетъ преобразовываться, сообразно съ нею, и весь *уѣздъ* и вся *губернія*, — тогда это очень много; это все, что̀ надо. Это, ни много ни мало, цѣлая программа будущаго административнаго переустройства, сообразно съ указаніемъ жизни и дѣла, а не по кабинетнымъ измышленіямъ петербуржскаго либерализма, насквозь пропитаннаго мышьякомъ. И не надо быть пророкомъ, чтобъ заранѣе указать, что подобное измѣненіе немедленно вызоветъ необходимѣйшее измѣненіе — въ центральной губернской власти на благо и самого земства, и государства. Въ настоящее время губернаторы лишь слуги министра внутреннихъ дѣлъ такіе-же, каковы, относительно самого губернатора, такъ-называемые начальники полицейскаго управленія. Измѣненіе-же, на благо земства и государства, въ существѣ центральной губернской власти немедленно отзовется затѣмъ и въ сообразномъ-же измѣненіи самого министерства.

Только въ послѣднее время стало у насъ возможно говорить объ этомъ: ибо само правительство, очевидно, начинаетъ видѣть аномалію, въ которой у насъ находится такъ-называемое министерство внутреннихъ дѣлъ.

Собственно говоря, оно только и мыслимо (особенно при русскомъ основномъ законѣ объ нашемъ единомъ Властедержателѣ) какъ развѣ министерство полиціи; иное дѣло учрежденіе статъ-секретаріата или доклада государю по земскимъ и внутреннимъ дѣламъ; но оно требуетъ, прежде всего, и иной организаціи всего хода самихъ „внутреннихъ дѣлъ". Правительственныя сообщенія послѣднихъ временъ о томъ, что предполагается учредить особое министерство полиціи — хорошо показываютъ, что наше министерство внутреннихъ дѣлъ нѣчто другое, нѣчто особое — едва-ли еще гдѣ и слыханное! Оно само функціонируетъ за цѣлую Россію, за всю внутреннюю жизнь русской земли и народа...

На этомъ была недописана статья до предположеннаго конца; затѣмъ предполагалось разсмотрѣть возможность устройства самоуправленія прямо на русскій образецъ, и естественно возникалъ вопросъ: оно-ли наконецъ можетъ надѣяться взять верхъ, или суждено намъ пройти сквозь искусъ „фальшиваго инструмента фальшиваго общественнаго мнѣнія", который неустанно изготовлял-

ся — и неужели еще изготовляется и до сихъ поръ? нашими лже-либералами. Судя по *антинаціональности* того большинства нашей полу-русской „публики“, которое, собственно говоря, составляетъ лишь ничтожное, мизернѣйшее меньшинство относительно тьмы-темъ и десятковъ милліоновъ Русскаго народа, можно было надѣяться только развѣ по поговоркѣ: „страшенъ сонъ — милостивъ Богъ“. Убійственная вѣсть изъ Петербурга 1-го марта кончила „современныя“ событія. Все, что̀ было писано по ту сторону 1-го марта, остается уже безъ прямаго отношенія къ тому, что̀ происходитъ теперь, по сю сторону злосчастной эры. Теперь все скомкано и самое положеніе обострилось. — Въ „современномъ фельетонѣ“ тѣхъ прежнихъ дней можно еще было говорить о нашемъ внутреннемъ вопросѣ на языкѣ не для всѣхъ понятномъ, бо̀льшею частью иносказательно, почти всегда *выставляя истину подъ вуалью;* теперь надо-бы говорить безъ утайки.

Газета „Русь“ 1880—1881 гг.

Объ нашемъ statu quo.

О Кахановской Коммиссіи у насъ начинаютъ подозрѣвать, что она ломаетъ голову надъ квадратурой круга. Ничѣмъ больше нельзя объяснить долговременности и безплодности ея занятій. Она, повидимому, даже запамятовала: какая лихая бѣда ее вызвала на свѣтъ?

Задача была въ томъ, помнится, чтобъ упорядочить наше внутреннее управленіе, улучшить его систему. Улучшаютъ то, чего не находятъ удовлетворительнымъ, и если что̀ упорядочиваютъ, значитъ, то въ порядкѣ не состоитъ. Какое-же это вѣдомство было у насъ найдено до того не въ порядкѣ, что и потребовалось немедленно измѣнить его? То самое, надо полагать, въ чьемъ вѣдѣніи и сосредоточены внутреннія дѣла. Они у насъ въ одномъ и томъ-же положеніи—страхъ какъ долго. Не только за время усидчивыхъ занятій долговременной коммиссіи, а они, наши „внутреннія дѣла“, еще задолго до отмѣны крѣпостнаго права, находились въ томъ самомъ положеніи — въ какомъ стоятъ сейчасъ, спустя слишкомъ 20 лѣтъ послѣ его отмѣны. Само по себѣ ужъ одно это свидѣтельствуетъ о нѣкоторой ненормальности ихъ. Допустимъ— хотя и это мало вѣроятно — что напримѣръ вѣдомство иностранныхъ дѣлъ, или еще почтъ и телеграфовъ, или наконецъ всякое другое, могутъ пожалуй коснѣть въ одномъ и томъ-же положеніи независимо отъ того: существуетъ въ имперіи крѣпостное право

или ужъ отмѣнено. Но чтобъ „внутреннія дѣла“ того или другаго государства, какъ за время крѣпостнаго права, такъ и послѣ его отмѣны, могли пребывать въ одномъ и томъ-же китаизмѣ—это невѣроятно. А между тѣмъ у насъ оно такъ. Сводъ Законовъ не допускаетъ сомнѣнія на этотъ счетъ. Для „внутреннихъ дѣлъ“ у насъ полагается специальное министерство и „охраненіе внутренней безопасности“ непререкаемо ввѣрено ему. Оно такъ и зовется министерство внутреннихъ дѣлъ. Что̀ собственно разумѣютъ у насъ подъ „внутренними дѣлами“, то̀-ли самое, что́ и во всѣхъ прочихъ государствахъ или нѣчто иное неудобовразумительное—это вопросъ особый и предметъ другой статьи. Но „внутреннія дѣла“, въ немъ сосредоточенныя, дѣйствительно дѣлаютъ у насъ изъ этого министерства что-то изъ ряда вонъ даже въ ряду всѣхъ прочихъ министерствъ. Всѣ остальныя никнутъ и блекнутъ передъ нимъ. Это—воплощенное „всеприсутствіе“ такъ-сказать.

Подъ нимъ идутъ по всѣмъ губерніямъ губернаторы и при нихъ губернскія правленія. Въ губернскомъ правленіи, если вѣрить Своду Законовъ, производится очень много дѣлъ по охраненію безопасности и общаго спокойствія. А именно: „попеченіе объ установленіи, утвержденіи и сохраненіи въ нерушимости благонравія, порядка, мира и тишины въ городахъ, селахъ и деревняхъ, на земляхъ и на водахъ, тоже и на дорогахъ, по губерніи пролегающихъ (Св. Зак. томъ II, раздѣлъ второй, глава первая, ст. 715; тамъ-же пунктъ 14, параграфъ второй статьи 716). Вотъ чѣмъ—если вѣрить Своду Законовъ—„управляютъ“ губернскія правленія и вотъ о чемъ они „производятъ попеченіе“.

Подъ ними—и чѣмъ ниже, тѣмъ все болѣе раздробляясь—идутъ полицейскія управленія. Господа уѣздные исправники также „вездѣ на мѣстахъ принимаютъ мѣры для прекращенія возникающихъ безпорядковъ и предупрежденія возобновленія оныхъ въ будущемъ“. Эти „ближайшіе и непосредственные на мѣстахъ о̀рганы представителя высшей правительственной въ губерніи власти“ также „имѣютъ неослабный надзоръ за охраненіемъ общественной безопасности“ и обо „всемъ доводятъ до свѣдѣнія губернатора“.

Подъ ними—дробясь въ свою очередь еще и еще мельче—идутъ полицейскіе участки—„станы“ со становымъ приставомъ во главѣ. Всякому изъ сихъ чиновъ поручается уже „ближайшій и непосредственный надзоръ за охраненіемъ вообще благоустройства, тишины и повиновенія законамъ какъ въ селеніяхъ ввѣреннаго ему

участка, такъ и внѣ оныхъ"... Для сего, а равно и для прекращенія какихъ-либо неустройствъ, еслибъ оныя возникли, „поручается употреблять, смотря по обстоятельствамъ, надлежащія внушенія и наставленія, приглашая, если нужно, къ участію въ томъ и мѣстное духовенство".

Наконецъ подъ ними, уже безчисленные какъ песокъ морской, слѣдуютъ „миѳическіе" сотскіе и десятскіе, не безъ того однакожъ, чтобъ не было еще поставлено и надъ ними ближайшаго непосредственнаго начальства въ лицѣ „полицейскихъ урядниковъ". На сихъ нижнихъ чиновъ, еще сильнѣе чѣмъ даже на становыхъ, возложенъ опять-таки: „ближайшій надзоръ за соблюденіемъ, въ предѣлахъ ввѣреннаго имъ участка, правилъ относительно общественнаго благоустройства и благочинія". Они вездѣ „предупреждаютъ и останавливаютъ нарушителей этихъ правилъ", вездѣ „водворяютъ порядокъ" и вездѣ „составляютъ протоколы". Наблюдая и за наводненіями, и за подозрительными личностями, и за истребленіемъ бѣшеныхъ животныхъ, полицейскіе урядники обязаны напослѣдокъ ни много, ни мало: „подавать помощь каждому, если будетъ только усмотрѣно, что кто-либо въ ней нуждается, и прекращать всякій безпорядокъ". (Циркуляръ министерства внутреннихъ дѣлъ 26 іюля 1878-го года, № 83).

Итакъ, прежде всего во главѣ всего, цѣлое особое министерство охраняетъ у насъ „внутреннюю безопасность"; потомъ „дѣлами общаго благоустройства" управляютъ губернскія правленія; затѣмъ и уѣздныя полицейскія управленія „принимаютъ на мѣстѣ всѣ надлежащія мѣры"; еще потомъ и становые пристава „употребляютъ смотря по обстоятельствамъ надлежащія внушенія и наставленія, приглашая духовенство"; наконецъ полицейскіе урядники, сотскіе и десятскіе „вездѣ составляютъ протоколы". Столько протоколистовъ, выпускающихъ свои протоколы подъ литерами М. В. Д.! столько разныхъ мундировъ, съ обозначеніемъ этихъ литеръ! Столько сановниковъ и чиновниковъ, и нижнихъ чиновъ, охраняющихъ „всеобщую тишину и спокойствіе", — казалось-бы какъ не спать спокойно? И, вотъ ужъ который годъ, никому спокойно не спится на Руси; всѣ мы нынче живемъ sur le qui vive—отъ мала и до велика.

Скажутъ-ли „все такое происходитъ не по винѣ бюрократическихъ учрежденій, блистательно служившихъ свой вѣкъ, пока длилось крѣпостное право. А, видно грѣха таить нечего, рано мы

собой похвастали: еще не дозрѣлъ у насъ народъ до *правоваго порядка!* видимое дѣло, не былъ онъ достаточно подготовленъ для благъ эмансипаціи: ему, по грубости, весь правовой порядокъ—горше египетской кабалы!..." Такъ говорятъ сегодня и наши консерваторы и наши либералы, еще вчера привѣтствовавшіе эмансипацію какъ сентиментальныя институтки. Такое отчаяніе за необразованный народъ ужасно,—только не съ больной-ли ужъ это головы на здоровую, господа?

Кто не въ шутку видѣлъ *барщинное ярмо* тамъ, гдѣ его совсѣмъ не было: въ древней Руси,—тому естественно было восхищаться и дѣйствительнымъ ярмомъ, принимая всѣ подъяремныя учрежденія блистательнаго имперскаго періода за послѣднее слово науки и за всесовершенный политическій образецъ. Такъ какъ, притомъ, образецъ взятый напрокатъ у Запада, былъ по самой сущности вещей революціонный и конституціонный, то и le fin mot de la chose, послѣднее заключительное слово всѣхъ нашихъ западниковъ—наговаривалось и договаривалось само собою. Только не напрасно-ли они принимали эмансипацію за осуществленіе ихъ собственнаго идеала? Кто ихъ уполномочивалъ принимать этотъ именно даръ за свое *политическое наканунѣ?* Знаютъ-ли они еще? это былъ, напротивъ того, нашъ поворотный пунктъ къ родной исторіи, какъ разъ возвратъ къ старинѣ!

Кто сознательно привѣтствовалъ у насъ отмѣну беззаконія, именуемаго крѣпостнымъ правомъ, тотъ радовался именно тому, что съ нимъ рухнетъ и все чуждое, выросшее и нагромоздившееся въ беззаконный періодъ. Выраженіе про крестьянъ: „*подлая чернь*" образовалось только въ XVIII-мъ вѣкѣ и лишь въ началѣ XIX-го вошло во всеобщее употребленіе. Въ этотъ-же вѣкъ выросло и нагромоздилось у насъ множество антинаціональныхъ, чуждыхъ Русскому народу, бюрократическихъ учрежденій. Когда-бъ освобожденіе народа послѣдовало не въ русскомъ смыслѣ (то-есть, были-бы крестьяне отпущены подлинно какъ чернь, уличный сбродъ всякихъ отщепенцевъ и негодяевъ изъ разночинцевъ, какъ тьмочисленныя скопища бездомовныхъ батраковъ безъ семьи и крова, безъ земли и мірскаго самоуправленія, а съ однимъ „правовымъ порядкомъ"), тогда-бы и манифестъ о подобной эмансипаціи не стóилъ даже пера, которымъ-бы его подписали. Тогда, и только тогда, восторжествовалъ-бы у насъ правовой порядокъ и бюрократическое зданіе чего добраго, пожалуй-бы, увѣнчалось. Да, тогда-бы правовой поря-

докъ сейчасъ отростилъ когти и пошелъ-бы всюду запускать свою лапу; онъ-бы и возцарствовалъ напослѣдокъ. Но разъ крѣпостное право было отмѣнено въ правду по-русски — не быть этому!

Совершенная правда: разъ было отмѣнено ржавое пятно имперской послѣ-Петровской Россіи, именуемое крѣпостнымъ правомъ — болѣе ужъ нельзя обходиться и ржавыми, анти-національными, бюрократическими учрежденіями, которыя были съ нимъ совмѣстны. Но слѣдуетъ-ли изъ этого, что ихъ должно увѣнчать конституціей? избави Боже продлить имъ вѣку! А изъ этого слѣдуетъ только, что должно какъ можно скорѣй и на этотъ разъ ужъ вполнѣ искренно обратиться къ родной старинѣ, отъ роду и не знавшей бюрократіи.

Въ этомъ случаѣ, Положеніе 19-го февраля было послѣдовательно какъ нельзя болѣе. Освободивъ народъ отъ имперской язвы крѣпостнаго права, оно одновременно еще застраховало его и отъ другой имперской язвы, отъ бюрократическихъ коллегій, давъ ему сразу чисто-земское устройство на русскій образецъ. Оно именно *явило въ новизнахъ старину*. Оно, это незабвенное Положеніе, узаконило народу его издревле-освященное мірское устройство и возвратило ему назадъ — отнятое было у него крѣпостнымъ правомъ — родное земское начало. Оно санкцировало для многомилліоннаго православнаго крестьянства его старинное обычное самоуправленіе, *„призвавъ лучшихъ людей крестьянъ и поставя у нихъ въ головахъ* — говоря по старинѣ — *дѣтей боярскихъ, которые-бы грамотѣ умѣли и которые годятся“*, — вышло *земство*, не нынѣ-дѣйствующія мнимыя земскія учрежденія, а наше истинное древне-русское земство. Завелись тогда по всей Руси не мнимые, а дѣйствительно „мировые участки“ — и тогдашній сельскій мировой участокъ съ мировымъ посредникомъ во главѣ значилъ много. Общественные дѣятели, свои земству, мѣстные люди занимались не писаніемъ протоколовъ — они этимъ даже вовсе не занимались — а вели государево-земское дѣло по старинѣ. Когда нужно, вели писцевое дѣло съ точностью, толково и дѣльно: такъ именно составляли и крѣпили уставныя грамоты и планы крестьянскихъ надѣловъ. А когда нужно, вели и прямое „государево дѣло“ по своимъ мѣстамъ: „Сами-бы вы, господа — какъ писалъ въ старину царь такимъ боярскимъ дѣтямъ и лучшимъ крестьянамъ — лихихъ людей разбойниковъ сыскивали-бы по нашему крестному цѣлованію въ правду безъ хитрости“. Такъ ведя государево-зем-

ское дѣло по своимъ мѣстамъ, они при надобности и по мѣрѣ важности, возводили его еще въ уѣздъ, въ губернію и выше. Тотъ или другой важный спросъ народной жизни достигалъ тогда и высоты престола—зародившись именно въ темномъ и безвѣстномъ участкѣ. Куда вдругъ дѣлись, сами собой снялись прежнія, еще вчерашнія, препоны между землей и государствомъ; исчезъ вчерашній расколъ. Земское и государево дѣло опять соединилось,— таково русское устройство искони бѣ. Всѣ тогда наши „внутреннія дѣла" возвратились къ себѣ по домамъ и очутились — чего давно не бывало — на своихъ собственныхъ мѣстахъ. Вчера еще пребывали они гдѣ-то на сторонѣ, въ совершенно постороннемъ для себя мѣстѣ, вдругъ ихъ отпустили къ себѣ по домамъ и изъ чужихъ рукъ они перешли въ свои.

Тогдашній сельскій мировой участокъ, одинъ самъ по себѣ, значилъ гораздо болѣе чѣмъ всѣ нынѣшнія „такъ-называемыя земскія учрежденія", взятыя вмѣстѣ.

Что тогдашній сельскій мировой участокъ, повидимому столь незначительный, въ дѣйствительности значилъ много въ нашихъ внутреннихъ дѣлахъ,— объ этомъ лучше всего и спросить самого тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ. Его собственными о себѣ отзывами переполнены всѣ тогдашнія газеты — включительно съ оффиціальными,— любопытные могутъ и сейчасъ читать ихъ. „Я — говорилъ онъ прощаясь со своими сослуживцами и завѣщая имъ на разставаніи хранить ту-же политику — я держалъ авторитетъ своего министерства высоко". И въ отвѣтъ на это, директоры департаментовъ и канцелярій, и начальники отдѣленій, и столоначальники начальниковъ отдѣленій, и прочіе члены столоначальниковъ — единогласно кричали *ура* и апплодировали своему любимцу. Что̀ значитъ на министерскомъ языкѣ выраженіе: „держать авторитетъ высоко"— тогдашнее состояніе нашихъ „внутреннихъ дѣлъ" не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія на этотъ счетъ. Тогда Положеніе 19 февраля 1861 года, отдѣльными циркулярами министра внутреннихъ дѣлъ, уже все было разорвано въ лоскутки; мировые посредники перваго призыва совсѣмъ разбѣжались со службы чуть не поголовно, и крестьянское самоуправленіе уже было подсѣчено въ корень.

Итакъ, отмѣна крѣпостнаго права и неурядица не синонимы. Кто скажетъ: отмѣнили крѣпостное право — все и пошло вверхъ дномъ, тотъ будетъ явно уличенъ во лжи: ибо это исторически

невѣрно. Не отсюда еще пошла неправда и не съ этого началась смута. Если теперь являются охотники нашептывать такія дурныя рѣчи, а другіе къ нимъ склоняютъ ухо — съ одной стороны это будетъ жалкое недоразумѣніе, съ другой еще — и крѣпостническая клевета. Прежде всего, это будетъ именно черною клеветой на благословенное и цвѣтущее время, послѣдовавшее сейчасъ за эмансипаціей, когда вездѣ объ руку съ крестьянствомъ дѣйствовали, въ однихъ рядахъ съ народомъ, мировые посредники перваго призыва. Вездѣ водворялись миръ и тишина съ неимовѣрнымъ успѣхомъ и съ прочностью небывалой. Опираясь на „власть имущихъ“ мѣстныхъ лучшихъ людей своего мироваго участка, крестьянское самоуправленіе тогда гордилось и, за исключеніемъ вольныхъ и невольныхъ бюрократовъ, всѣхъ радовало собой. Расколъ между правителями и управляемыми исчезъ мгновенно, его какъ не бывало. Тогда весь земскій порядокъ — былъ проченъ какъ никогда; значитъ, не въ отмѣнѣ крѣпостнаго права безпорядокъ, а въ чемъ-то другомъ.

Смута началась позднѣе. Она послѣдовала уже за этимъ именно небывало-свѣтлымъ промежуткомъ — и какъ-бы въ законное воздаяніе за его незаконную отмѣну. Всего на одинъ краткій мигъ дано было нашимъ „внутреннимъ дѣламъ“ побывать на родинѣ и вообще земскому строю обновиться по старинѣ. Вскорѣ всѣ мѣропріятія и умоначертанія склонились къ тому, чтобы такую дерзкую въ петербуржскій періодъ небывальщину — прекратить форменнымъ порядкомъ. Весь внутренній строй, установленный Положеніемъ 19 февраля, былъ отмѣненъ безповоротно.

Вмѣсто его придумали „такъ-называемыхъ мировыхъ судей“ и „такъ-называемыя земскія учрежденія“; это одинъ и тотъ-же старый хламъ прежняго бюрократизма — только въ повапленномъ видѣ. Мировые судьи — это тѣ самые чиновники по юстиціи, корымъ девять-десятыхъ дѣлъ сельской практики не подсудно. Имъ предоставлено вступаться самымъ бюрократическимъ образомъ лишь въ тѣ дѣла, гдѣ нарушенъ „правовой порядокъ“, а гдѣ просто безпорядокъ — хотя-бы вопіющій, отъ котораго житья нѣтъ — это не по ихъ части. Притомъ, какъ истые юриспруденты, они судятъ по Х-му тому; а имущественныя отношенія (да и одни-ли имущественныя), у народа своеобразны и въ Х-й томъ не вписаны; онъ же многомилліонный и составляетъ у насъ 90 процентовъ всего населенія! Наконецъ и Уставъ Наказаній, налагаемыхъ мировыми

судьями, очевидно, соображенъ въ духѣ... опять-таки сентиментальныхъ институтокъ. Ибо наказывать теплымъ угломъ и даровымъ хлѣбомъ того вора, который самъ о себѣ заявляетъ: *кому острогъ, а мнѣ хоромы*, который для того только и кралъ, чтобъ быть сытымъ безъ работы — дамски-несообразительно. А присуждать къ штрафу, въ пользу хозяина, такого голыша, у котораго за душой ни полушки — наивно.

А что-жъ такое „земскія учрежденія“ въ томъ видѣ, какъ они существуютъ? Съ виду — это либеральная гримаса, а въ дѣйствительности — обуза и налогъ. Съ дѣйствительнымъ земствомъ они общаго ничего не имѣютъ. Они могутъ еще нравиться, пожалуй, совершенно платонически — неисправимымъ доктринерамъ, охотникамъ до игры въ парламентъ, и ужъ вовсе не платонически — охотникамъ до земской наживы. Одинокія усилія честныхъ земцевъ тутъ пропадаютъ даромъ. Бюрократическія уѣздныя управы и „нарочито бюрократическія“ губернскія — это сущіе, сосущіе паразиты земства; господа гласные — это его самозванцы; а составляющіеся изъ нихъ „уѣздныя и губернскія собранія“ — всесословныя болтушки, — и ничего больше. Одно дѣло *безсословность* въ томъ смыслѣ, чтобъ не было предоставлено прерогативъ и привилегій однимъ общественнымъ классамъ на счетъ другихъ и въ ущербъ прочимъ. И со всѣмъ другое дѣло искусственное взбалтываніе общественныхъ классовъ, разнствующихъ между собой ужъ по самому быту, въ одну и ту-же либеральную яичницу. Первое совершенно въ русскомъ духѣ; въ русской исторіи отъ начала не было сословій въ западномъ смыслѣ; если ихъ внесли — это было *чуждое начало*. А второе — уже насильственное смѣшеніе и чисто революціонная нивеллировка всѣхъ общественныхъ группъ подъ одинъ и тотъ-же ранжиръ въ обликъ одного и того-же разночинца. Первое свойственно Русскому народу; второе — лишь Петербургу. Сочувствовать такого рода „всесословнымъ болтушкамъ“, поэтому, и могутъ развѣ отщепенцы да разночинцы. Однимъ словомъ, и „мировые судьи“, и „земскія учрежденія“ — это *своя отъ своихъ*, одного поля ягода — со всѣмъ прежнимъ ржавымъ порядкомъ и со всѣмъ прочимъ бюрократическимъ хламомъ. Положеніе 19 февраля, отмѣнивъ крѣпостное право, обновило Русскій народъ по старинѣ, давъ народу дѣйствительныхъ мировыхъ дѣятелей въ лицѣ мировыхъ посредниковъ, и вездѣ по мѣстамъ завелось свое земское самоуправленіе, — которому и предстояло-бы только орга-

нически развиваться до мѣстныхъ общихъ *земскихъ міровъ* и т. д. А эти, смѣстившія ихъ, хотя и новоявленныя, но стараго закала, мертворожденныя учрежденія — опять повернули весь строй на старую торную бюрократическую дорожку.

Съ этого мига и начались замѣшательства и пошла всеобщая шаткость. Разъ эмансипація была произведена по-русски — то-есть народъ былъ отпущенъ съ землею и съ своимъ мірскимъ устройствомъ, а не какъ агломератъ всякихъ отщепенцевъ, сдерживаемыхъ лишь „правовымъ порядкомъ“ — естественно было и всей правительственной системѣ также обратиться въ родную сторону. Освобожденному народу и возвратили родное земское начало и вездѣ ему на первыхъ порахъ дались не мнимыя мировыя учрежденья: то и другое послѣдовало одновременно въ русскомъ духѣ. Надо было двигаться и впередъ, уже не теряя изъ виду прямой русской дороги. Эмансипація была именно нашимъ поворотнымъ пунктомъ къ родной старинѣ и къ родной исторіи: съ нею кончился вчерашній разрывъ съ народомъ, образовавшійся въ имперскій періодъ черезъ установленіе крѣпостнаго права, черезъ дарованіе одной части населенія надъ другою феодальныхъ правъ; чрезъ заведеніе съ одной стороны класса господъ. съ другой класса рабовъ. Какъ только это кончилось и наша новизна сомкнулась съ нашей стариною,—расколъ кончился. Но нельзя было остановиться на распутіи, надлежало идти впередъ или назадъ. Идти впередъ— значило на этотъ разъ уже всѣмъ политическимъ строемъ и цѣлою правительственною системой, вполнѣ свободно и совсѣмъ искренно, обратиться къ родной старинѣ, выступить на историческій національный путь. А идти назадъ — значило въ этомъ случаѣ ужъ совсѣмъ отречься отъ родной старины, окончательно усвоить себѣ — со всѣми-же его послѣдствіями — западный противуположный путь. Первый — это истинно-народный и въ то-же время истинно-царскій путь, таковъ нашъ русскій путь искони бѣ. Второй... но второй, именно потому уже только что онъ западный... искони бѣ конституціонный. Вся сельская, вообще земская Россія ни минуты и не подозрѣвала, чтобы былъ возможенъ какой-либо иной исходъ, кромѣ своего собственнаго роднаго; она тому и радовалась въ эмансипацію, что народъ напалъ, казалось, на свое стремя. Вся бюрократическая Россія, воплощенная оффиціальнымъ Петербургомъ, видимое дѣло, съ первыхъ-же дней эмансипаціи — предпочла второй путь. И пошло, пошло!...

Вдругъ, словно по командѣ: *налѣво кругомъ!* все на ходу затормозилось; фронтъ цѣлаго общества былъ перевернутъ, и мы ракомъ попятились назадъ: на только что было брошенную дорогу. Это было ужасное время. Съ одной стороны, весь нашъ ancien régime (то-есть, весь блаженной памяти и еще „нарочито“ графомъ Сперанскимъ усовершенствованный бюрократическій порядокъ) не захотѣлъ уступить мѣсто новому народившемуся порядку вещей, *явившему въ новизнахъ старину*,— и повелъ отчаянную борьбу за существованье. Признать земскую Россію —для петербуржской бюрократіи это прямо значило-бы занести на себя руку! Съ другой стороны, и вся наша мнимая цивилизованность XVIII-го вѣка и двухъ первыхъ четвертей XIX-го („жеманство — больше ничего“, какъ сказалъ великій поэтъ), спятившая было у насъ всю публику въ сторону отъ народа на западный революціонно-конституціонный путь—то-же не хотѣла помереть мирною кончиной. „Правовой порядокъ въ той или другой, какъ угодно, лишь-бы окончательной формѣ“, чтобъ только всему отживающему дать снова жить — таковъ сдѣлался всеобщій лозунгъ всего и всѣхъ почуявшихъ свою близкую кончину. И потянулся нашъ своего рода Sturm- und Drang-Periode... одинъ за другимъ тогда наши знаменитые руководители „внутреннихъ дѣлъ“ пошли все глубже и глубже вписывать свои собственныя имена въ его скорбныя страницы. Это было мертвящее, тлетворнымъ духомъ дохнувшее время, готовое даже провозгласить конституцію — лишь-бы вновь расколоть землю и государство!

Опять стали выдавать Русскій народъ за тьмочисленную чернь, за тьмы-темъ разсѣянныхъ, разбросанныхъ и ничѣмъ другъ съ другомъ не сцѣпленныхъ единицъ, кромѣ всеобуздывающаго „правоваго порядка“; а власть, взявшуюся у этого народа изъ собственныхъ нѣдръ и которая ему была своя, желанная и родная — опять ему противопоставили какъ нѣчто постороннее для него, стоящее отъ него гдѣ-то поодаль и особнякомъ, чуждое и чуть-ли даже не враждебное начало. О, тріумфаторы, зарящіеся на власть, какъ на свою собственную политическую прерогативу!— вамъ дѣйствительно приходится зачеркивать восемь вѣковъ нашей исторіи, дабы и начинать ея лѣтосчисленіе лишь съ кануна вашего собственнаго „авантажа“. Агитація такого политическаго раскола, разумѣется, была ведена подъ шумиху всякаго либерализма. Пить давали щедро. Направо и налѣво, какого кто хотѣлъ вина—

такое и давали. Наслѣдственная палата лордовъ для однихъ; вызовъ депутатовъ изъ гласныхъ въ другую палату — для другихъ; сепаратизмъ и раздробленіе для третьихъ, — у всѣхъ текло по усамъ что̀ кому любо. Множество либеральныхъ коньковъ было тогда пущено въ ходъ, и на всѣхъ перекресткахъ раздавались либеральные пароли. Публика, спятившая было у насъ въ сторону отъ народа, рукоплескала... Нѣтъ, не публика! даже и въ ней добрая часть уже отрезвилась отъ всеодуряющаго угара; уже и въ публикѣ начался — а на половину произошелъ — благодатный поворотъ къ народности. Не публика, а тотъ искусственно разведенный петербуржскимъ періодомъ и покровительствуемый у насъ самимъ законодательствомъ, все болѣе и болѣе разростающійся классъ общества, который самъ о себѣ возвѣщаетъ съ похвальбой: „разступитесь, господа, разночинецъ идетъ!“ эти послѣдніе обращики нашей мнимой цивилизаціи, эти эфемириды новаго повѣявшаго духа, вотъ кто,—они рукоплескали, какъ угорѣлые, повальному чиновному либерализму. Повѣявшій духъ—не оспариваемъ того—кромѣ столицъ, заразилъ и провинцію. Не только на Невскомъ проспектѣ, а даже на Кузнецкомъ мосту, даже гдѣ-нибудь на Одесскомъ взморьѣ близъ памятника дюка де-Ришельё — вездѣ раздавались одни и тѣ-же модные пароли. Всѣ наши сѣверныя Пальмиры, и замоскворѣцкіе Парижи, и тьмутараканскія Венеціи — другъ передъ другомъ ревновали и соперничали... все въ одномъ и томъ-же. Оный „казенный либерализмъ“ сталъ напослѣдокъ касаться уже и низинъ. Какой-нибудь отбившійся отъ міра крестьянинъ и обратившійся въ мѣстнаго туза кулакъ; или самъ даже дармоѣдъ и міроѣдъ — „господинъ волостной старшина“, побратавшійся тѣмъ временемъ на всѣхъ постоялыхъ дворахъ и во всѣхъ сельскихъ трактирахъ, а заодно и въ волостномъ правленіи, съ теперешнимъ своимъ „*сотоварищемъ по службѣ*“, полицейскимъ урядникомъ, — всѣ прониклись до мозга костей одною и тою-же сифилизаціей, съ позволенья сказать. Да! и откачнувшійся отъ міра крестьянинъ, распростившійся съ своею сельской общиной, распродавшій въ чужія руки свой крестьянскій надѣлъ, предварительно имъ обращенный въ подворный участокъ; самъ даже бородатый православный пахарь — сбрилъ бороду, одѣлся въ пиджакъ и ничѣмъ ужъ больше не хотѣлъ отличаться отъ любаго бахвальщика изъ разночинцевъ!.. Проклятье, народное проклятье, начинало слышаться по всей сельской земской Руси и со дня на день все громче призывалось на

голову тѣхъ, кто — сознательно или безсознательно — велъ къ такому разложенью.

Въ какомъ-же видѣ предстояла она все это время, наша сельская Русь; поправилась-ли, обновилась-ли родная?.. по прошествіи этихъ десяти, и пятнадцати лѣтъ, и больше — съ того дня, какъ огласилось по ней, какъ благовѣстъ, незабвенное Положеніе 19 февраля 1861 года?

Ее стало узнать нельзя съ тѣхъ поръ. Гдѣ та всеобщая, какъ ясное майское утро, радость обновленія? гдѣ прежнія всенародныя благословенія?

Все, что̀ ей принесла съ собой эмансипація какъ свой законный даръ, было въ пухъ и прахъ разсѣяно „казеннымъ либерализмомъ". Мѣстное самоуправленіе, дарованное Положеніемъ 19-го февраля 1861 года и оповѣщенное въ немъ самомъ, какъ имѣющее восполниться и обогатиться въ близкомъ будущемъ — просто-напросто было отобрано назадъ или, еще хуже, задавлено и загромождено выпускомъ новоявленныхъ мертворожденныхъ учрежденій.

Пока дѣйствовало это незабвенное Положеніе, о какихъ-либо „бюрократическихъ комитетахъ и коллегіяхъ" не было слуха; хотя многіе изъ нихъ и влачили свой жалкій вѣкъ — просто объ нихъ не было помину, а не то чтобы заводить еще новые! Тогда самъ мировой съѣздъ, собиравшійся въ уѣздномъ городѣ — коллективная власть, правоспособно вѣдавшая крестьянское дѣло цѣлаго уѣзда — состоялъ изъ тѣхъ-же мировыхъ посредниковъ, которые имъ завѣдывали по мѣстамъ вполнѣ-же правоспособно — каждый въ своемъ участкѣ. Всему народу и каждому сельскому обществу — чуть что̀ — было на кого опереться и выходъ въ ширь и въ высь былъ общедоступенъ. Теперь каждому сельскому обществу и всему народу была предоставлена полная свобода задыхаться сколько угодно въ его собственныхъ подонкахъ; выходъ куда-либо въ ширь и въ высь былъ отнятъ у него. „Людей, которые-бы грамотѣ умѣли и которые годятся", совсѣмъ отрѣзали отъ него прочь; политика „внутреннихъ дѣлъ", повидимому, состояла даже въ томъ, чтобъ ихъ противупоставить въ непремѣнный антагонизмъ другъ съ другомъ. Любой мѣстный тузъ, хотя-бы то былъ безграмотный цѣловальникъ, значилъ теперь гораздо болѣе на цѣлый уѣздъ, чѣмъ всѣ грамотные цѣлаго уѣзда. Сельскій мировой участокъ, давно не существовавшій de jure, кончился de facto. Объ этомъ впрочемъ нельзя было и жалѣть, ибо какъ только удалось втянуть мировыхъ по-

средниковъ въ общій „Уставъ о службѣ гражданской“, ихъ прямо ужъ обратили въ канцеляристовъ и бухгалтеровъ, рапортовавшихъ губернатору о нижнихъ воинскихъ чинахъ, водворяемыхъ или только находящихся въ отпуску по деревнямъ. Однимъ словомъ, ни прежніе мировые посредники, ни прежнее крестьянское самоуправленіе даже по имени не существовали. Въ волостныхъ правленіяхъ и на волостныхъ сходахъ всѣ входящія и исходящія бумаги — прямо уже бланкировались литерами М. В. Д. А инструкція полицейскимъ урядникамъ прямо внушала имъ, что „имъ ввѣрено и поручено, вмѣстѣ съ волостными старшинами, одно общее дѣло“. Охранять всеобщую тишину и спокойствіе опять было предоставлено уѣзднымъ управленіямъ и губернскимъ правленіямъ. Туда-же попало и миѳическое уѣздное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе съ миѳическимъ непремѣннымъ членомъ. Все это, какъ видитъ читатель, дѣйствительно одна и та-же миѳическая область однихъ и тѣхъ-же миѳовъ!

И стало наконецъ жить нельзя православному люду. Народъ всюду мотался за правительствомъ; но начальства и разныхъ вѣдомствъ вездѣ наплодилось много, а правительства нигдѣ нѣтъ. Отцы жаловались на дѣтей, мужья на женъ, жены на мужей, дѣти на родителей; хозяева на рабочихъ, рабочіе на хозяина; нанимавшій въ услуженіе на нанявшагося служить, — нигдѣ никому ни въ чемъ управы. По извѣстному закону бюрократическаго наростанія, начальства все прибывало: у каждаго начальства еще помощники начальства, потомъ помощники помощниковъ начальства, и т. д. безъ конца. Также точно плодились и вѣдомства, одно умножая другое. Напослѣдокъ, начальствъ и разныхъ вѣдомствъ развелось такъ много, что ходи цѣлый день безъ шапки отъ одного къ другому — и къ вечеру вернешься все-таки не добившись толка и никѣмъ не выслушанный по своему дѣлу, — главное, что̀ всѣмъ нужно, въ томъ и не правоспособенъ никто. И земство начальствуетъ, и мировой судья начальствуетъ, полицейскій урядникъ начальствуетъ, и непремѣнный членъ начальствуетъ, и исправникъ, и губернаторъ, и становой, и всѣ начальствуютъ — а защиты ни отъ кого. Это-ли наконецъ „всеобщая тишина и спокойствіе вездѣ, даже на водахъ и дорогахъ по губерніи пролегающихъ?“... А тѣмъ временемъ, православнымъ мірянамъ сельской глуши столичныя вѣдомости, нумеръ за нумеромъ, сообщали еще объ ужасахъ, творившихся на глазахъ у всѣхъ среди бѣлаго дня въ са-

момъ Петербургѣ. „Господи, твоя воля! крестились православные, чтò-жъ это такое словно попритчилось надъ цѣлою Россіей!... до того-ли ждать будемъ, пока громъ грянетъ?...“

Такое-то *„современное положеніе“* къ концу семидесятыхъ годовъ и сдѣлало для всѣхъ жизнь нестерпимою. Стали догадываться міряне не только о томъ, что наши „внутреннія дѣла“ неблагополучны, а прямо еще о томъ: въ чемъ заключается неблагополучіе ихъ? Стала умолкать и газетная болтовня о прелестяхъ казеннаго либерализма. Вся эта шумиха, поднятая столичнымъ и провинціальнымъ, черезъ мѣру у насъ расплодившимся „литератомъ“, надоѣла всѣмъ до всеобщаго-же ожесточенія. День ото дня громче заслышивался серьезный, басовой, народный голосъ... Никого болѣе не удовлетворялъ „statu quo“ нашихъ внутреннихъ дѣлъ; сами ихъ оффиціальные руководители пошли мѣняться что-то ужъ очень часто. Гора-горой наконецъ вступились въ это дѣло тѣ, кому тогда было ближе всѣхъ до нашихъ внутреннихъ дѣлъ. Но гора родила мышь: назначили какую-то коммиссію и, помнится, г-на Каханова предсѣдателемъ оной.

И грянулъ громъ!... остепенилось-ли хоть на мигъ вѣтреное племя? Отъ бездны, въ которую мы скользили, — мы, Богъ далъ, уберeглись. Въ томъ судорожномъ движеніи, которое человѣка, падающаго надъ водой въ обморокъ, заставляетъ инстинктивно отскочить въ сторону, чтобъ упасть на сухое мѣсто — такъ и мы тогда вдругъ рванулись къ берегу отъ зіявшей подъ ногами бездны. Спасибо и за то, но этого мало. Надо совсѣмъ пробудиться и, давъ обмороку пройти — въ добрый путь, за дѣло! Вотъ, мы начинаемъ мало-по-малу опоминаться; мы уже, кажется, совсѣмъ опомнились отъ ударившаго грома. Ясное-ли однакожъ вёдро привѣтствуетъ насъ на пути?... Оглядываемся кругомъ, и чтò-же видимъ? На сценѣ то-же и тѣ-же. Нашъ неугомонный внутренній вопросъ — гони его въ одну дверь, онъ въ другую — опять стучится и толкается, напоминая собою сущую *злобу дня.* Онъ съ тѣхъ поръ, какъ мы остановились на распутіи послѣ эмансипаціи, все такой-же, все одинъ и тотъ-же. Послѣ того, какъ его заминка привела насъ къ бурному злополучному періоду, къ этому Sturm-und Drang-Periode, мы ни на волосъ не двинулись впередъ въ его разрѣшеніи, хотя, — слава Богу и на томъ! — повторяемъ, въ рѣшительный моментъ кризиса рванулись къ родному берегу и отъ бездны ушли. Надо уже идти теперь прямо, не теряя болѣе изъ

виду прямой русской дороги, — да не будутъ послѣдняя горше первыхъ, если опять-таки собьемся.

То-же самое *„современное положеніе“*, вызвавшее тому назадъ много лѣтъ Кахановскую коммиссію, длится даже и *до сего дня*. Оно то-же — слово въ слово. Кахановская коммиссія достаточно-ли вдумалась въ эту современность?

Объ этой коммиссіи пишутъ теперь во всѣхъ газетахъ, что она занята преобразованіемъ нашего *„сельско-уѣзднаго управленія“*. Желательно спросить: въ какомъ духѣ она хочетъ преобразовать его? Въ русскомъ-ли національномъ духѣ? Добрый путь! но онъ ужъ былъ давно найденъ, и чтобы къ нему возвратиться — нѣтъ надобности засиживаться такъ долго. Для этого стóитъ только обратиться къ незабвенному Положенію 19-го февраля 1861 года и возстановить весь внутренній строй, установленный имъ тогда съ самаго начала. Безъ сомнѣнія, его надо будетъ установить уже такъ, чтобъ на этотъ разъ и всѣ прочія учрежденія не только не подрывали его, а напротивъ еще и сами служили-бы ему естественнымъ продолженіемъ и его достойно замыкали, пріобщась одной и той-же родной стихіи и дѣйствуя въ одномъ и томъ-же національномъ духѣ. Слѣдовательно, надлежитъ самую малость: на этотъ разъ установить весь внутренній строй, завѣщанный Положеніемъ 19-го февраля 1861 г., не такъ и не для того, чтобы господа директоры департаментовъ и канцелярій, начальники отдѣленій и столоначальники начальниковъ отдѣленій и прочіе чины столоначальниковъ — вновь апплодировали его быстрой отмѣнѣ. Да! возстановить тотъ самый, очень небольшой и незначительный съ виду, сельскій мировой участокъ, который дѣйствовалъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, — но такъ, чтобъ ужъ онъ во вѣки вѣковъ не былъ сломанъ сепаратными циркулярами того или другаго министерства — въ этомъ вся сила! и въ одномъ этомъ дѣйствительное разрѣшеніе нашихъ „внутреннихъ дѣлъ“. Никакой квадратуры круга тутъ нѣтъ.

Или, можетъ быть, Кахановская коммиссія затѣваетъ преобразованіе „сельскаго уѣзднаго управленія“ совсѣмъ не въ духѣ Положенія 19-го февраля, а въ противуположномъ? Но тогда это духъ не другой какой, а тѣхъ-же самыхъ учрежденій, противъ коихъ собственно говоря — и потребовалось въ концѣ-концовъ защитить и оградить наше „сельско-уѣздное управленіе!“ Ужъ не въ собственномъ-ли своемъ духѣ преображаетъ коммиссія село и

уѣздъ — по скольку и она *своя отъ своихъ* всѣхъ министерствъ и всѣмъ министерствамъ, взятыхъ и взятымъ вмѣстѣ (хотя и съ вѣчно-враждебнымъ для прочихъ, непремѣннымъ преобладаніемъ одного изъ нихъ?) Но этотъ духъ вездѣсущій и всё наполняющій, онъ-же и сейчасъ дѣйствуетъ въ преизбыткѣ. Вверху онъ воплощенъ департаментами и отдѣленіями, а подъ ними губернскими правленіями и уѣздными управленіями, и т. д. и т. д. Если въ этомъ именно духѣ Кахановская коммиссія преобразовываетъ наше „сельско-уѣздное управленіе" — ей слѣдуетъ немедленно-же закрыться, объявивъ прямо, что напрасно вообразили наши внутреннія дѣла въ разстройствѣ; напротивъ того, у насъ все обстоитъ благополучно.

Или развѣ она ищетъ такъ расколоть „государево-земское дѣло" пополамъ, чтобъ оно въ одно и то-же время было и расколото и цѣло? Не ищетъ-ли она примирить санктъ-петербуржскій режимъ съ мірской сходкой, русское самоуправленье съ нѣмецкимъ штатсъ-рехтъ и земство съ бюрократизмомъ? Такъ! рѣшительно такъ! Она ужъ стыдится разныхъ *„послѣднихъ словъ науки и либеральныхъ доктринъ"* нашихъ доморощеныхъ Монтескьё о раздѣленіи властей и о прочемъ — достойныхъ нынче скорѣе не государственныхъ русскихъ людей, а развѣ-развѣ русскихъ курьеровъ, но... Какъ-же безъ того? Безъ нихъ нельзя и приступить къ постройкѣ такой овчарни, чтобъ и волки сыты и овцы были цѣлы. Теоретически она, пожалуй, и готова-бы допустить для земской Россіи прямо русское устройство согласное съ мірскимъ устройствомъ самихъ крестьянъ; но практически ей очевидно хочется удержать весь прежній казенный строй, то-есть все ветхое чиноначаліе уѣздныхъ управленій и губернскихъ правленій, имъ-же нѣсть числа департаментовъ и отдѣленій. Но такая задача чѣмъ лучше квадратуры круга? Нѣтъ! петербуржскій бюрократизмъ и наше родное земское устройство — двѣ вещи несовмѣстныя. Одно исключаетъ другое. Кахановская коммиссія напрасно-бы искала совмѣстить несовмѣстимое и примирить непримиримое. На это ей мало и тѣхъ новыхъ пяти лѣтъ, которыя по слухамъ она уже и испрашиваетъ себѣ для новыхъ занятій. Еще два пятилѣтія, три и четыре пятилѣтія — сколько-бы ей ни давали новыхъ пятилѣтій — она не доищется круга о четырехъ углахъ или еще такого четыреугольника, что̀ былъ-бы равенъ кругу.

Газета „Русь" 1885 г.

По поводу разныхъ политическихъ событій, некрологи, замѣтки и мелочи.

О польскомъ катехизисѣ.

(Отвѣтъ Ципринусу, г. Пшеславскому).

Въ 294 нумерѣ Санкпетербуржскихъ Вѣдомостей 1872 года, по поводу Польскаго катехизиса, напечатана статья, все содержаніе которой сводится къ слѣдующему:

„Такъ какъ Польскій катехизисъ, по разсказамъ нѣмецкихъ и русскихъ газетъ, найденъ на одномъ убитомъ повстанцѣ; а между тѣмъ не доказано, кто именно былъ убитый и гдѣ онъ убитъ, и кто снялъ съ него бумагу, и гдѣ эта бумага находится? — то, слѣдовательно, ничего подобнаго Польскому катехизису не существовало, а это сказки нѣмецкихъ и русскихъ газетъ“!?

Такое жалкое словоизвитіе разведено на трехъ столбцахъ академической газеты, украшено ссылками на Монтэня, на 81 и 366 статьи Устава гражданскаго судопроизводства и приправлено цѣлымъ букетомъ выраженій въ родѣ: „j'ai compté sans mon hôte“ и „какъ говорятъ французы ставить точки надъ *i*“ и „les beaux esprits se rencontrent“, „onus probandi“, „corpus delicti“, „febris recurrens“, „argumentum crucis“, „sic“, „situations“, діагностика, элоквенція и пр. и пр.

Въ заключеніе, русская публика, мало чѣмъ отличающаяся „отъ дикарей Тасманіи или Новаго Южнаго Валлиса“, объявляется лишенною всякихъ *врожденныхъ* доблестей и получаетъ назиданіе заимствовать ихъ хоть со стороны... взявъ въ образецъ, конечно, того самаго публициста, которому хорошія манеры свойственны отъ рожденія и который еще ихъ усовершенствовалъ въ себѣ навыкомъ латыни и французскихъ поговорокъ.

Отмѣтивъ дурной тонъ этой статьи, скажемъ два - три слова о самомъ содержанія.

Пресловутый Польскій катехизисъ, этотъ „katechizm rycerski“,

несомнѣнно существуетъ. Онъ составляетъ такой-же историческій фактъ, какъ самъ жондъ народовой, какъ учрежденіе кинжальщиковъ, какъ Орсиніевы бомбы. Было-бы дѣльнѣе, быть можетъ, возразить, что этотъ „katechizm rycerski" не есть собственно творческій продуктъ Magnae Poloniae, а скорѣе можетъ почитаться произведеніемъ интернаціоналки. Но кому-же неизвѣстно, что именно поляки служатъ главнымъ контингентомъ для самой интернаціоналки?

Пресловутый Польскій катехизисъ, повторяемъ, есть несомнѣнный историческій фактъ. Его литографическихъ оттисковъ на польскомъ языкѣ не отрицаютъ сами поляки. Такъ какъ, съ одной стороны, онъ принадлежалъ именно къ числу тѣхъ изданій, которыя читались въ 60-хъ годахъ обыкновенно стоя у камина; а съ другой стороны, такъ какъ онъ во всякомъ случаѣ не составлялъ литературной драгоцѣнности или по крайней мѣрѣ не принадлежитъ къ тѣмъ перламъ отечественной литературы, которыми бываетъ пріятно на вѣки украсить свою библіотеку, то весьма вѣроятно, что литографическихъ брошюрокъ этого „katechizm rycerski" въ настоящую минуту сыщется немного. Но въ 60-тыхъ годахъ, по всей Польско-русской украйнѣ (укажемъ для примѣра на Каменецъ-Подольскъ) этотъ „katechizm rycerski" не составлялъ библіографической рѣдкости. Въ нѣкоторыхъ кружкахъ его приписывали Людовику Мѣрославскому. Молодежь хвалилась, что не только по общему духу катехизиса, но еще и по самому стилю, по его бойкому, энергическому польскому языку, именно въ Мѣрославскомъ она угадываетъ катехизатора. И такъ, подлинникъ самимъ полякамъ не представлялся неловкимъ переводомъ съ Нѣмецкаго; это отнюдь не былъ

...разыгранный Фрейшицъ
Перстами робкихъ ученицъ.

Притомъ, зачѣмъ забираться къ дикарямъ „Тасманіи или Новаго Южнаго Валлиса"? Въ самой польской печати найдется коечто объ этомъ „katechizm rycerski". Въ тѣ-же 60-ые годы въ тѣхъ, же мѣстностяхъ, была распространена еще другая брошюра, также на польскомъ языкѣ, но уже не литографированная, а печатная, и — если не измѣняетъ память — изданная въ Парижѣ. Эта другая, печатная польская брошюра составляетъ почти отъ слова до слова отвѣтъ на статьи того „катехизиса рыцерскаго"; она перечисляетъ

пунктъ за пунктомъ все, что̀ „катехизисъ рыцерскій“ предписываетъ для житейскаго обихода и, какъ-бы въ параллель тому, предлагаетъ съ своей стороны для руководства — тоже, но не также.

Какъ „katechizm rycerski“ молодежь приписывала (справедливо или несправедливо) Мѣрославскому, такъ этотъ второй катехизисъ, служившій отвѣтомъ на первый, приписывали въ тѣхъ-же кружкахъ — Юліану Клячкѣ (Juljan Klaczko). Кто-бы ни былъ ея авторомъ, но ужъ эта польская брошюра существуетъ на глазахъ цѣлой Европы, хоть и не пользуется европейскою извѣстностью.

Она озаглавлена: „Katechizm nierycerski“. На мѣстѣ авторской подписи поставлены начальныя буквы: J. K.

„*Русскій Архивъ*“ 1873 г.

Намеки тонкіе.

. . . . Ukrainki,
Podolianki, Volynianki i Litvinki!
. . . I rosumny i naivny!
Модн. Польскій романсъ.

„Давно вы у насъ въ Польшѣ?“

— Я полагалъ, что я еще въ Россіи —

„Да. Но мы здѣсь привыкли такъ называть“.

Этотъ разговоръ происходилъ лѣтомъ 1863 г. въ Волынской губерніи... Пусть однако читатель не подумаетъ, что мы начинаемъ романъ. Этотъ разговоръ дѣйствительно происходилъ въ Волынской губерніи, и даже его можно прочитать въ прошломъ № 52 *Дня*, гдѣ г-нъ Кокошкинъ подробно описываетъ свое трехмѣсячное пребываніе на Волыни.

Понятно, на что намекалъ шутливый шляхтичъ. Но во-первыхъ, этотъ восхитительный намекъ, столь художественный въ устахъ пана, разъѣзжающаго цугомъ, *съ-бичемъ*, въ коляскѣ,— какъ онъ вышелъ грубъ у „незначительнаго шляхтича, разъѣзжающаго по уѣзду въ нетачанкѣ!“ А при томъ, въ потокѣ остальныхъ Волынскихъ впечатлѣній самого автора, пропадаетъ этотъ восхитительный намекъ, какъ мимолетная случайность.

Уже въ Кіевѣ, начиная отъ простаго магазинщика, который подаетъ вамъ из-залавка ноты „Piesni i dumki ruskiego narodu“

или флаконъ духовъ съ надписью „Woda aromatyczna“ и до наилюбезнѣйшаго графа съ вкрадчивыми рѣчами о либерализмѣ и о прочемъ — вы не найдете ни одного поляка, который не выбивался-бъ изо всѣхъ силъ дать вамъ, русскому, почувствовать, что здѣсь вы не у себя дома, что здѣсь вы, русскій, въ гостяхъ (удивительно даже, какъ сюда попали!), что, словомъ, здѣсь ужъ не Россія... Польша, и все тутъ.

Допустимъ, что вы подъѣхали къ Бессарабской границѣ.— Бытъ русскаго народа вы знаете; вы найдете, что съ весьма малыми отличіями, онъ таковъ-же на православныхъ берегахъ Волги и Днѣпра, какъ Оки и Днѣстра. Но вамъ любопытно взглянуть, какъ поживаютъ здѣшніе Подольскіе паны въ своихъ маэтностяхъ.

Вотъ вы встрѣчаете графа**. Васъ, пожалуй, поразитъ, зачѣмъ и среди толкотни машинъ своего знаменитаго сахарнаго завода, гдѣ вы его застали, ясновельможный въ своемъ — только что съ иголочки — Парижскомъ фракѣ? Но графъ еще любезно объяснитъ, что тутъ ихъ на заводѣ и донашивать, эти несносные фраки! Послѣ каждаго вечера не бросать-же бальный фракъ!.. И вамъ еще станетъ смѣшно: какъ это вы не догадались сразу, что тутъ все дѣло въ экономіи?

Но для чего-же непремѣнно графъ**? Онъ пожалуй эксцентрикъ, и по немъ не судите о всѣхъ. Вотъ другой, еще крупнѣе, землевладѣлецъ ****. За его обѣдомъ вы будете кушать отличнаго павлина. Лучшихъ павлиновъ, какъ у **** нѣтъ въ цѣломъ уѣздѣ, и павлиній-же токъ у него заглядѣніе. Великолѣпный павлиній токъ!

„Давно-ли вы изъ Россіи?“... такъ спрашиваетъ панъ.

— Я изъ Москвы, отвѣчаете вы, три недѣли. (Вы изъ Тулы, вы изъ Тамбовской губерніи... но дѣло въ томъ, что вы упираете съ особеннымъ удареніемъ на этомъ: *изъ Тулы*, *изъ Тамбовской губерніи)*.

И что-жъ? Ни за что на свѣтѣ не проронитъ панъ вашего „изъ такой-то губерніи“. Хоть вы что̀ — онъ стоитъ себѣ на своемъ.— „Мнѣ изъ Россіи пишутъ, говоритъ онъ. У васъ въ Россіи, говоритъ онъ. Но у насъ тутъ“...

У васъ въ головѣ начинаетъ путаться. Неужели, думаете вы, академическій календарь обманулъ меня? Тамъ, помнится, Каменецъ-Подольскъ показанъ въ Россіи! Да нѣтъ, впрочемъ, я и прогоны такъ платилъ! Я вѣроятно ослышался: невнятно говоритъ панъ!

— Эта мебель, спрашиваете вы разстановочно, не отъ Гамбса-ли у васъ изъ Петербурга?

„Нѣтъ я изъ Россіи ничего не выписываю!“ разстановочно отвѣчаетъ панъ.

Но, — продолжаете вы, все еще колеблясь, — въ Петербургѣ мебель...

„Да, — не колеблясь, отвѣчаетъ панъ, — говорятъ, что и въ Россіи можно найти сносную. Но мебель (впрочемъ и все!) я всегда беру изъ Вѣны, или прямо изъ Парижа“.

Парижъ, думаете вы, конечно ужъ на что прямѣй! но какъ же разсѣять мглу-то, которую панъ, какъ чародѣй, навелъ на ваши очи?.. Однакожъ — думаете вы — и то сказать: и календарь академіи, и 60 милліоновъ народа такъ-ли ужъ непогрѣшимы въ своихъ сужденіяхъ, какъ Римскій папа?... Впрочемъ нѣтъ, право мнѣ все только слышится, — и вотъ вы перебираете тысячи мѣстныхъ издѣлій или природныхъ богатствъ, которыми славится та или другая губернія... Ни за что! ничѣмъ не уловишь пана.

Панъ лучше согласится кончикомъ своего мизинца, въ великій праздникъ, пожать руку своему управляющему, чѣмъ выговорить это ваше „губернія“, это: часть извѣстнаго цѣлаго, ему-же имя Россія. Перебравъ въ умѣ новыя десятки темъ (и послѣднее повстаніе въ Кіевскомъ округѣ, и извѣстную энергію мѣстныхъ крестьянъ и проч. и проч.), вы наконецъ не находите ни одного разговора невиннѣе разговора... напр. объ сѣнѣ.

— Какъ однакожъ, говорите вы, тутъ въ Подольской губерніи или въ здѣшнемъ, по крайней мѣрѣ, уѣздѣ, вездѣ ощутителенъ недостатокъ въ сѣнѣ! Въ Тамбовской, напр., губерніи пудъ стòитъ...

„Да, отвѣчаетъ панъ, въ Россіи дешево сѣно, но у насъ нѣтъ“.

— Позвольте однакожъ, возражаете вы, все зависитъ отъ того: въ какой именно губерніи? Не скажу, чтобъ оно было дешево, напр. въ Московской. Проше пана! когда панъ говоритъ: въ Россіи дешево сѣно, какую именно губернію разумѣетъ онъ?

„Вообще въ Россіи!“ вѣжливо отвѣчаетъ панъ. „То-есть, я говорю противъ нашего!“ еще вѣжливѣе добавляетъ онъ.

— Нѣтъ! нѣтъ, — ни шагу не отступаете вы (и допустимъ даже, что вопросъ о цѣнахъ на сѣно ваша спеціальность), — этотъ вопросъ для меня такъ важенъ въ статистическомъ отношеніи, что... проше пана указать, въ какой именно губерніи у насъ сѣно

дешево? Въ Московской оно, пожалуй, дороже, чѣмъ въ Минской, Витебской...

„Гм! гм!“ сдѣлаетъ панъ... „У насъ на Литвѣ!“...

И вдругъ какой-то заколдованный поворотъ въ рѣчахъ Подольскаго пана — вы чувствуете — окончательно уже сбиваетъ васъ съ толку. Прежде панъ только и зналъ свое: „у васъ въ Россіи... У насъ“ — безъ означенія гдѣ. Совсѣмъ иное теперь, едва вы коснулись именно Минской, Витебской, Виленской, Ковенской, Гродненской (— о другой плеядѣ не упоминаемъ; въ одной изъ нихъ и происходитъ наша фантастическая бесѣда о сѣнѣ).

— Послѣ сѣна, говорите вы прежнимъ тономъ статистика, послѣ сѣна, весьма важная статья: лѣсъ.

„О, да! Лясъ!“... соглашается панъ.

— Никто, конечно, не назоветъ Подольскую губернію особенно лѣсистой, говорите вы, но въ сравненіи хотя-бы съ Тульской...

„Тутъ у насъ“, скорѣе перебиваетъ панъ, „большихъ лѣсовъ нѣтъ; но вотъ *у насъ* на Литвѣ... О! *у насъ на Литвѣ*!“...

— Да, — соглашаетесь вы, — даже въ Нижегородской губерніи такихъ лѣсовъ, какъ напр. въ Гродненской, Ков...

„Въ Россіи, перебиваетъ Подольскій панъ, конечно, у васъ лѣсà также есть; но *у насъ* въ Литвѣ, о! вотъ *у насъ* въ Литвѣ“...

И проч. и проч. безъ обмолвки. Затверженный урокъ!

Шляхтичъ, разъѣзжающій по уѣзду въ нетачанкѣ, о которомъ разсказываетъ г-нъ Кокошкинъ, намекаетъ, по крайней мѣрѣ, что называтся, напрямки. „Давно-ли вы у насъ *въ Польшѣ?*“ озадачиваетъ онъ пріѣзжаго москвича, — въ самомъ центрѣ Волынской губерніи. И это не лишено комизма.

Но не вдесятеро-ли больше комизма въ этихъ *намекахъ тонкихъ* нашихъ пановъ, разъѣзжающихъ обыкновенно съ-бичемъ, по пански? И если, какъ тому шутливому шляхтичу, одинаково и ихъ ясновельможествамъ грезится—не смотря ни на какіе уроки исторіи — все еще католическая держава на православныхъ берегахъ Днѣпра и Днѣстра; если въ своихъ очаровательныхъ между-строкахъ: „у васъ въ Россіи—у насъ тутъ, и у насъ на Литвѣ“ ни на что другое и намекаютъ они, какъ на тотъ-же всеподавляющій образъ Magnae Poloniae, — то о какихъ другихъ намекахъ въ мірѣ можно сказать удачнѣе, съ поэтомъ:

Намеки тонкіе на то,
Чего не вѣдаетъ никто?

Пока поляки у себя дома, состраданіе къ нимъ наша слабость. Пусть разсказываютъ о самыхъ смѣшныхъ вещахъ: какъ они косами возьмутъ Варшавскую цитадель — и намъ больно, а не смѣшно. „Польшѣ польское, Руси русское“ — таковъ былъ искони вѣковъ девизъ русскаго народнаго чувства. Но они постоянно намекаютъ на то, что хотятъ еще хозяйничать *у насъ дома;* намекаютъ даже на то, что это... sine qua non для ихъ государства!..

Намекнемъ-же и мы имъ, что тѣмъ самымъ они упраздняютъ нашъ прекрасный, русскій девизъ. Угодно-ли его замѣнить роковымъ *ихъ собственнымъ:* или все Русь, или все Польша?

Газета „День“, 1864 г.

Изъ Каширскихъ писемъ *).

1) Въ польскую смуту.

Русскимъ дворянамъ-помѣщикамъ едва-ли приходилось когда-нибудь выслушивать столь возмутительную клевету на свое сословіе, какъ та, на основаніи которой, между прочимъ, польская революція избрала именно нынѣшнее время крестьянской реформы— для своихъ черныхъ подвиговъ. Адресъ Петербургскаго дворянства съ этой стороны достаточно вразумилъ нѣкоторыхъ; но пусть еще примутъ къ свѣдѣнію всѣ, кому о томъ вѣдать надлежитъ, что и всѣ-же губерніи, всѣ уѣзды необъятной Россіи одинаково сходятся „въ скорби и *негодованіи*“ по поводу польскихъ смутъ и связанныхъ съ ними обще-европейскихъ политическихъ замысловъ.

Можетъ-ли быть иначе? Вражда къ Польшѣ, какъ извѣстно,

---

*) Ив. Серг. Аксаковъ, начавъ издавать День, особенно дорожилъ мѣстными корреспонденціями о ходѣ „крестьянскаго дѣла“; — крестьянскому дѣлу въ тѣсномъ смыслѣ и посвящены Письма изъ Каширы. Здѣсь приводятся только три изъ нихъ. Одно можетъ служить образчикомъ именно тогдашней казуистики по дѣламъ этого рода; притомъ оно служитъ прямымъ подтвержденіемъ тому, о чемъ есть косвенный намекъ въ „Письмахъ къ Публикѣ“. Два остальныхъ письма имѣютъ болѣе общее значеніе. То, которое помѣщается первымъ, относится къ тому времени, когда въ отвѣтъ на польскія притязанія, пошли со всѣхъ сторонъ адресы къ царю отъ русскаго народа. На второе письмо ссылается между прочимъ М. П. Погодинъ въ своемъ изслѣдованіи о древнихъ городахъ, упоминаемыхъ въ исторіи. *Примѣч. изд.*

не только не нуждается на Руси въ-какомъ нибудь насильственномъ возбужденіи, а напротивъ того пользуется искони вѣковъ роковою популярностью. Нынѣшнія-ли наглыя на древнія Русскія области притязанія поляковъ, да ихъ постыдные происки у западныхъ державъ прибавятъ намъ къ нимъ сочувствія? — Въ нашемъ многомилліонномъ крестьянствѣ всѣ до одного готовы умереть за святой, православный Кіевъ. Въ нашей исторіи находимъ примѣры, что едва грозитъ опасность государственной цѣлости, изъ края въ край раздаются слова: „хотя есть между нами которые недоволы, Бога - для отложимъ то на время“ (такъ писали въ незабвенныхъ грамотахъ 1612 года) и вся нація подымалась, какъ одинъ человѣкъ. — Война, на которую такъ назойливо хотѣлось-бы полякамъ подбить всѣхъ нашихъ друзей и недруговъ, — съ нашей стороны можетъ-ли быть теперь иная, какъ народная во всемъ знаменательнѣйшемъ смыслѣ этого слова, — и девизъ „за вѣру“ уже не прозвучитъ на этотъ разъ Византійской риторикой!

Если русское дворянство когда-нибудь вправѣ сказать о себѣ, что оно выполнило лучшую задачу всякаго дворянства въ мірѣ, т. е. явилось сознательнымъ выраженіемъ воли народныхъ массъ, стало живымъ голосомъ своего народа — то конечно въ настоящемъ случаѣ. И если-бы въ нашей Русской природѣ лежало болѣе наклонностей къ шуму всякихъ манифестацій и демонстрацій, если-бы притомъ—необходимо и это сказать—нашему обществу было болѣе предоставлено свободы высказываться по политическимъ дѣламъ,— по всей Россіи стоялъ-бы теперь такой всенародный гулъ, что, конечно, попризадумался-бы французскій министръ выдавать, передъ нашимъ правительствомъ, гамъ и фальшфейеръ Парижской журналистики за тотъ будто-бы гнетъ общественнаго мнѣнія, который понуждаетъ и его правительство — мутить въ Польшѣ.

Есть и еще одно обстоятельство, которое проглядываютъ польскіе патріоты и враждебныя намъ правительства. — Грустно, а надо сказать: великая крестьянская реформа въ нашемъ отечествѣ возбуждала съ самаго начала въ цивилизованномъ и либеральномъ Западѣ не столько искренних сочувствій, сколько самыхъ злорадостныхъ ожиданій. Друзья наши или (что тоже) наши недруги горько обманулись въ своихъ разсчетахъ; однакожъ они до сихъ поръ никакъ не могутъ простить намъ своего разочарованія: имъ жаль было-бы вовсе разстаться съ своею иллюзіей — и нѣтъ-нѣтъ, опять-таки крестьянская реформа ихъ тѣшитъ злорадостными

надеждами и задоритъ... на всякія посягательства. Но знаютъ-ли они, какой *главный* обнаружился до сихъ поръ результатъ отъ этой реформы? Результатъ капитальный и, не преувиличивъ скажемъ, величественнѣйшій изъ величественныхъ.

Да именно тотъ, что вслѣдствіе царскаго слова непосредственно народу, вся Русь изъ края въ край, весь православный міръ, наше многомилліонное крестьянство во-очію спознало и вдругъ почувствовало, какъ еще никогда, свое великое всенародно-государственное единство *). Вся-же земля, отъ Вислы и до Камчатки, отъ Бѣлаго и до Чернаго моря, животворно сознала свой крѣпкій союзъ съ государемъ *всея Россіи.*

Никогда еще нашъ народъ не былъ проникнутъ столь осязательною идеей своего государственно-народнаго единства, какъ сейчасъ. Это-то сознаніе, которымъ теперь народъ проникнутъ, капитальнѣйшій изо всѣхъ обнаружившихся результатовъ крестьянской реформы, и мы тѣмъ пуще обращаемъ вниманіе на несомнѣнный фактъ, что его страннымъ образомъ какъ-то и у насъ до сихъ поръ проглядываютъ.

Газета „День“ 1863 г.

---

2) Города Тѣшиловъ и Лопасня.

Изо всѣхъ 12-ти уѣздовъ Тульской губерніи (свыше милліона пятидесяти трехъ тысячъ жителей) Каширскій представляетъ — за исключеніемъ Бѣлевскаго — наименьшую цифру населенія; а именно, почти ровно съ Алексинскимъ — 67,600 жителей. Хотя впрочемъ Богородицкій и Ефремовскій уѣзды и насчитываютъ въ себѣ, противъ нашего, безъ малаго вдвое; однакожъ по плотности своего населенія, относительно занимаемаго пространства, Каширскій тѣмъ не менѣе одинъ изъ первыхъ. За вычетомъ городскихъ, вотчинниковъ и крестьянъ казеннаго вѣдомства, собственно крѣпостнаго бывшаго населенія остается 60 тыс. 560 душъ обоего пола. Такъ какъ притомъ вообще замѣчается перевѣсъ женскаго надъ мужскимъ, то мы весьма приблизимся къ точности, опредѣливъ у насъ

*) Подъ этимъ стояла выноска редактора: „это замѣчаніе кажется намъ совершенно вѣрнымъ. Всякій, кто слѣдитъ за ходомъ крестьянскаго дѣла, былъ неоднократно поражаемъ тою однородностью, какая обнаружилась въ крестьянствѣ всѣхъ концовъ и краевъ Россіи, не исключая и Юго-Западнаго“. *И. С. Аксаковъ.*

общее число мужскихъ душъ временно-обязаннаго крестьянства круглою цифрой въ 29 тыс. —(селъ-приходовъ на все это населеніе приходится 77; вообще-же деревень и жилыхъ мѣстечекъ 403).

Пріятно знать, что въ настоящую минуту почти все это крестьянское населеніе уже *дѣйствительно* надѣлено землею... Уставныя грамоты введены почти всюду.

Нашъ уѣздъ, какъ и вся Тульская губернія, составлялъ нѣкогда часть области Рязанской. Если вы взглянете на карту древней Рязани, гдѣ довольно густо обозначаютъ населеніе между Окою и Проней, вы увидите, что мѣсто нынѣшняго Каширскаго уѣзда теряется въ княжествѣ, вовсе не отмѣчаемое жилыми мѣстностями: наша историческая географія болѣе не находитъ тутъ многихъ городковъ, имена которыхъ такъ звучны въ отдаленной древности. Ока составляла здѣсь границу Рязано-Московскую и ея правый берегъ слылъ рязанскимъ; Коломна, хотя и на лѣвомъ берегу, была рязанскимъ-же городомъ. Для московскихъ князей Окское побережье всегда было важно, какъ военная, сторожевая линія отъ набѣга степныхъ хищниковъ; московскіе князья и оспаривали постоянно это побережье у князей рязанскихъ: всѣ здѣшніе побережные города входили эпизодически въ составъ то одного, то другаго княжества, когда наконецъ уже въ XV вѣкѣ и вся Рязань слилась окончательно съ Московскимъ государствомъ. Но и по присоединеніи, вся эта мѣстность долгое время оставалась по прежнему тою степной украйной, откуда московское правительство постоянно ожидало варварскихъ вторженій; черезъ нея былъ имъ всегдашній „лазъ на Москву", и Ока съ тѣмъ вмѣстѣ долго-долго еще не утрачивала своего значенія военно-укрѣпленной линіи. Отъ Серпухова до Коломны все ея побережье было усѣяно сторожевыми городками. Тѣшиловъ, Сенькинъ-Перевозъ и другія названія, нынче вызывающія собою только представленія заливныхъ луговъ и мирныя картины сельской жизни, постоянно поминаются еще въ XV и XVI вѣкахъ, какъ пункты татарскихъ переходовъ. Такъ напримѣръ, въ знаменитое нашествіе крымцевъ при Ѳедорѣ, когда Годуновъ блистательно отразилъ ихъ уже въ виду Кремля, ханъ „перелѣзъ Оку подъ Тѣшиловымъ". Въ позднѣйшее время Ока мало-помалу сдаетъ съ себя значеніе военно-укрѣпленной линіи мѣстамъ болѣе удаленнымъ на югъ и глубже уходящимъ въ степь; отъ царствованія Алексѣя Михайловича слѣды этой линіи до нынѣшняго времени сохранились въ Тамбовской губерніи и др.

Но до сего-же дня сохранились слѣды и тѣхъ еще укрѣпленій, которыя съ незапамятныхъ временъ воздвигнуты здѣсь на берегахъ Оки. Всякому извѣстно, что Серпуховъ, Коломна и — на срединномъ между ними разстояніи — Кашира до сихъ поръ, по старинному выраженію, стоятъ, Богъ далъ, здорово. Но, если не ошибаемся, никому напротивъ того не извѣстно, что и самые промежуточные пункты, когда-то также извѣстные города, дошли до насъ черезъ цѣлый рядъ столѣтій, если не въ каменныхъ развалинахъ, то по крайней мѣрѣ въ земляныхъ развалахъ и живо сказываютъ о своей многовѣковой старинѣ. Мы не слѣдимъ за всѣми ими, а преимущественно за тѣми двумя, имена которыхъ то-и-дѣло повторяются въ лѣтописи и въ княжескихъ договорныхъ, а между тѣмъ ихъ мѣстонахождение до сихъ поръ составляетъ задачу археологовъ: это именно городки Тѣшиловъ и Лопасня *). Оба они, какъ можно догадываться уже по одному тому, что не сохранились между главными, уцѣлѣвшими до сихъ поръ городами, составляли только промежуточные второстепенные пункты. Такъ оно и дѣйствительно оказывается изъ обзора нынѣшнихъ селеній. Противъ самаго устья рѣки Лопасни, впадающей въ Оку, почти на мѣрной серединѣ между Каширой и Серпуховымъ, лежитъ на нынѣшнемъ берегу Тульскомъ, (а тогда Рязанскомъ), селеніе *Городищи*. Нынче его всякій проѣдетъ не замѣтивъ: одиноко стоятъ тутъ, почти рядомъ другъ возлѣ друга, двѣ небольшія церкви и кругомъ никого нѣтъ живущихъ кромѣ причта. Но въ народной памяти это селеніе *Городищи* живетъ еще и доселѣ, какъ большое мѣстечко со многими церквами и кипѣвшее многолюдствомъ. Да даже и сейчасъ въ народѣ вамъ не иначе назовутъ это мѣсто, какъ „четырехъ церквей", хоть сейчасъ ихъ двѣ. Но что важнѣе устныхъ преданій, даже самаго мѣстоположенія противъ устья Лопасни, кототорая здѣсь пала въ Оку,— Лопасни, давшей, безъ сомнѣнія, свое названіе и, лежавшему насу-

---

*) Карамзинъ передъ названіемъ Тѣшиловъ ставитъ знакъ вопроса. Старый городъ Лопасню, несомнѣнно лежавшій на правомъ берегу Оки, иные смѣшиваютъ съ подмосковнымъ селомъ того-же имени. Г. Иловайскій въ своей диссертаціи 1858 г. „Исторія Рязанскаго княжества", помянувъ въ перечнѣ приОкскихъ городовъ Тѣшиловъ и Лопасню, оговариваетъ, что положеніе ихъ остается для насъ пока *неизвѣстнымъ*". Назвавъ эти мѣста „загадочными" и справедливо замѣтивъ, что во всякомъ случаѣ это были скорѣе большія села, чѣмъ города, оговариваетъ опять: „по крайней мѣрѣ отъ нихъ *не осталось никакихъ ясныхъ слѣдовъ*".

противъ ея, древнему городу,—тутъ ясно сохранились слѣды значительныхъ земляныхъ укрѣпленій, неоспоримо изобличающихъ древнія твердыни. Итакъ, вотъ древняя Лопасня. Промежуточнымъ-же пунктомъ между Серпуховымъ и самимъ этимъ Городищемъ—и опять на мѣрной почти серединѣ — стоитъ село, которое и до сихъ поръ зовется Тѣшилово. Здѣсь, если еще не болѣе, то столько-же ясно сохранились слѣды древнихъ укрѣпленій; а свѣжая молва, которую во многихъ отношеніяхъ еще рано называть и преданіемъ, помнитъ тутъ существованіе монастыря, указываетъ клады, иконы, зарытыя въ землю, разную церковную утварь и пр. Мѣсто игуменовой келіи до сихъ поръ даетъ себя угадывать въ названіи Игумновка, данное молодому сосняку на сосѣдней вершинѣ.—Слѣды земляныхъ укрѣпленій, о которыхъ мы говоримъ, въ главномъ характерѣ вездѣ одинаковы и встрѣчаются во многихъ мѣстахъ Окскаго побережья. Это большею частью гористое, укрѣпленное самою природой, мѣстоположеніе; но съ ясными слѣдами еще и искусственной обработки. Природный утёсъ дугообразно окопанъ глубокимъ рвомъ, иногда двойнымъ и тройнымъ рядомъ правильныхъ рвовъ, при чемъ образуется такое-же число правильныхъ уступовъ и площадокъ; иногда—какъ въ Тѣшиловѣ—примѣтны слѣды воротъ, иногда—какъ здѣсь-же — сохраняются въ народѣ и самыя ихъ проименованія.

Археологи нашли-бы для себя много занимательнаго въ обоихъ названныхъ селеніяхъ и помимо самихъ урочищъ. Хотя, къ сожалѣнію, здѣшніе храмы лишены вовсе старинныхъ бумагъ; но многое въ нихъ до сихъ поръ уцѣлѣло фактическимъ доказательствомъ ихъ древности. Въ *Городищахъ* одна изъ двухъ церквей, такъ-называемая Старая, до сихъ поръ не имѣетъ косящетыхъ оконъ; они волоковыя. Войдите въ нее, и васъ обдасть стариною. Допустимъ, что молва, дающая храму болѣе 500 лѣтъ, преувеличиваетъ; пускай — хотя-бы и по старинному своему образцу — онъ поновлялся и передѣлывался въ XVII, даже въ XVIII в.; но есть въ немъ отдѣльные предметы несомнѣнной, глубочайшей древности: многіе образа, снятыя царскія двери или разрозненныя ихъ половинки, прибитыя къ стѣнѣ въ видѣ простыхъ иконъ и пр. То-же должно сказать и о храмѣ Тѣшиловскомъ.

Обаяніе историческаго имени таково, что разъ это имя выговорено, нельзя обойти вовсе молчаніемъ всѣхъ навѣваемыхъ имъ воспоминаній. Городокъ Лопасня поминается постоянно какъ спорный

городъ между Рязанскими и Московскими князьями, то и дѣло переходитъ изъ рукъ въ руки. Иванъ Калита, по своему завѣщанію, всю Лопасенскую волость оставляетъ за своимъ родомъ; однакоже въ 1353 году рязанцы неожиданно нападаютъ на Лопасню и опять возвращаютъ себѣ этотъ городокъ; здѣсь тогдашній, московскій, намѣстникъ былъ ими захваченъ въ плѣнъ. Далѣе, Лопасня снова является въ рукахъ московскихъ князей; а война съ Рязанью Димитрія въ 1371 г. опять вызвана домогательствомъ Лопасни со стороны рязанцевъ. Донской, въ походѣ на Мамая, подъ Коломной узнаётъ объ такой называемой *измѣнѣ* Олега, повертываетъ на западъ и переходитъ Оку въ бродъ близъ Лопасни; здѣсь-же онъ оставилъ воеводу Тимоѳея Васильевича дожидаться прихода остальныхъ. Замѣчательно, что возлѣ нынѣшняго селенія *Городищи* и сейчасъ существуетъ бродъ на Окѣ: тутъ въ лѣтніе мѣсяцы переходятъ съ берега на берегъ пѣши, даже для сѣнокосу.— Названіе Тѣшилова поминается въ самой отдаленной древности. Нѣтъ причинъ сомнѣваться, что это тотъ самый Тѣшиловъ, который поминается въ Рязанской области при походахъ Святослава Ольговича 1146—1147 г. (когда первый разъ поминается и Москва; именно черезъ здѣшній Тѣшиловъ и долженъ былъ ѣхать Святославъ Ольговичъ изъ тогдашнихъ своихъ владѣній для свиданія съ Юріемъ въ Москвѣ). И уже совершенно несомнѣнно: это тотъ самый Тѣшиловъ, который въ XV и XVI в. отмѣчается почти каждый разъ при всякомъ набѣгѣ крымцевъ. Иногда тѣмъ дѣло и оканчивается, что до Москвы они не дойдутъ, а только разграбятъ или сожгутъ Тѣшиловъ и др. рязанскія мѣста.

Замѣчательны здѣсь многіе насыпи и курганы, часто попадающіеся по полямъ всего нашего уѣзда; мѣстами они постепенно спахиваются. Положимъ, есть между этими курганами собственно сторожевые; но нельзя отнести ихъ всѣ въ одинъ этотъ разрядъ. Мѣстная, глухая молва, которую вы не разъ услышите то тамъ то сямъ по уѣзду, прямо сказываетъ, что эти курганы „остались отъ Литвы“.

Въ XVII вѣкѣ, во все продолженіе смутнаго времени, города Тула, Кашира, Коломна, Алексинъ, Веневъ и другіе поминаются то-и-дѣло или какъ занятые ворами, или какъ исходные пункты разобщенныхъ царскихъ, и измѣнныхъ, и литовскихъ войскъ: нынѣшній Каширскій уѣздъ былъ мѣстомъ ихъ постоянныхъ переходовъ и стычекъ. Изъ достопамятныхъ дѣлъ этого времени, разыгравшихся на мѣ-

стѣ нынѣшняго Каширскаго уѣзда, нельзя, по крайней мѣрѣ, не упомянуть о самомъ главномъ: это славная Вòсьминская побѣда, которую одержали князь Андрей Васильевичъ Голицынъ и Борисъ Михайловичъ Лыковъ 1607 года 5 іюня. Въ ихъ донесеніи царю сказано просто: *„въ 12 верстахъ отъ Каширы, на рѣчкѣ Восьмѣ“*. Восьма эта впадаетъ въ Безпуту. Встрѣтивъ воровъ подъ предводительствомъ князя Телятевскаго, царскіе воеводы разбили ихъ въ прахъ — „на-голову побили, и ихъ воровскихъ воеводъ, нарядъ, и набаты, и знамена, и коши всѣ поимали, и живыхъ языковъ больше пяти тысячъ взяли; а имали ихъ и побивали на тридцати верстахъ“. Побѣду эту тогда отпраздновали по всей Россіи благодарственными молебнами съ колокольнымъ звономъ и, оповѣщая объ ней всѣ города, патріархъ Ермогенъ въ своихъ окружныхъ грамотахъ называетъ эту побѣду „великою“. Слава ея еще увеличена тѣмъ, что въ началѣ боя мятежники было совсѣмъ смяли царское войско; но тогда воеводы кинулись сами въ первые ряды и, сказавъ, что лучше умрутъ на мѣстѣ, побѣдили. Нельзя при описаніи этой битвы опустить безъ вниманія и слѣдующей отмѣтки: воры, бывъ разбиты, „сѣли въ буераки и городокъ себѣ сдѣлали“; надо ихъ было выбивать силой изъ этой импровизованной крѣпкой засады. — Дѣло въ томъ, что эти буераки, или по мѣстному названію *вершины*, составляютъ характеристическую особенность всего Каширскаго уѣзда. Представляя, то какъ-бы естественные и гладкіе скаты полей, то каменистые обрывы напольныхъ и лѣсныхъ рѣчекъ или разсѣлины и трещины осѣдающаго грунта, то луговые долочки и какъ - бы вымоины осохшаго дна морскаго — эти вершины рѣшительно въ каждомъ изъ здѣшнихъ имѣній (при всей ихъ раздробленности) не одинъ разъ остановятъ землемѣра на пути его измѣреній съ астролябіей и цѣпью.

Газета „День“ 1862 г.

---

3) Отвѣтъ г-ну П. Н. Воронцову-Вельяминову;

Мы прочитали „отвѣтъ“ г. Воронцова - Вельяминова на одно изъ нашихъ Каширскихъ писемъ. Насъ очень поразилъ тонъ статьи г. посредника 6 участка и свое удивленіе мы уже выразили въ напечатанной замѣткѣ; но теперь и сами даемъ отвѣтъ.

Авторъ „отвѣта“, (онъ-же, какъ самъ объясняетъ, авторъ и „билля“ о нормѣ въ 30 р. за сносъ крестьянскихъ усадьбъ) напалъ изъ цѣлаго ряда Каширскихъ писемъ на шестое. Вотъ въ чемъ существенно состоитъ оно; *первое:* каширскій мировой съѣздъ въ засѣданіи 25 апрѣля установилъ разъ навсегда общую норму въ 30 руб. для вознагражденія крестьянъ при обязательномъ переносѣ ихъ усадьбъ; *второе:* имѣлъ-ли съѣздъ юридическое основаніе, взамѣнъ особо-опредѣляемаго на каждый отдѣльный случай вознагражденія, установить строго-неподвижную норму? *третье:* особливо-же столь низкую, какъ 30 рублей? *четвертое:* не имѣлъ.

И мы рѣшительно остаемся при своемъ мнѣніи. Хотя г. Воронцовъ-Вельяминовъ приводитъ цѣлыхъ „четыре довода“ въ доказательство полной легальности своего „билля“ и нашей дерзости (sic) не почитать его таковымъ,—однакожъ не эти четыре подобранныхъ довода могли прибавить намъ скромности. Повторяемъ: нѣтъ юридическаго основанія назначать мировому съѣзду для этихъ случаевъ общую норму, а въ тридцать-же рублей норма положительно низка. Это доказывается уже тѣмъ однимъ, что самъ предложившій ее—и предложившій съ такою легкостью въ тѣсномъ засѣданіи съѣзда—сейчасъ однако почувствовалъ себя совсѣмъ иначе, когда эта цифра *30 рублей* пошла гулять по свѣту въ листахъ газеты. Другой фактъ: хотя съѣздъ и назначилъ, было, норму въ 30 руб., но въ цѣломъ уѣздѣ, къ великой его чести, укажите хотя одну уставную грамоту, по которой такое вознагражденіе было-бы дѣйствительно ограничено 30-ю рублями; не вездѣ-ли вдвое и больше противъ нормы автора „билля и отвѣта?“ Еще-ли-же наше мнѣніе объ ея удивительной низкости невѣрно, когда оно такъ блистательно оправдано совѣстью всѣхъ помѣщиковъ и всѣхъ-же посредниковъ нашего уѣзда!

Но почему-то г. Воронцову-Вельяминову угодно, во что-бы то ни стало, отстаивать полную легальность своего, совершенно празднаго, какъ самъ онъ теперь видитъ, „билля“—и вотъ онъ ухватывается за соломенки. Предложеніе это, видите-ли, говоритъ онъ, основано на 4-хъ пунктахъ; ни болѣе, ни менѣе. Ниже, взявъ защиту его „билля“ сами на себя, мы предложимъ 5-й пунктъ, одинъ, который былъ-бы тяжеловѣснѣе всей статьи г. Воронцова-Вельяминова, но пока послѣдуемъ за его собственными:

1) „На Сводѣ Законовъ о благоустройствѣ крестьянъ“. На это мы ему вотъ что̀ отвѣтимъ. Допустимъ, что Собакевичъ, или

Ноздревъ, или даже и самъ сладчайшій Маниловъ проектируетъ переселить всю деревню за сосѣдній оврагъ. Ему, допустимъ, возражаютъ, что на основаніи Положенія того не приходится. Тогда является жалоба въ маниловскомъ духѣ: „такъ, молъ, для самихъ мужичковъ будетъ лучше“ — и жалоба непремѣнно-же преиспещрена ссылками на законъ и на статьи... напримѣръ строительнаго Устава. Деревня, видите-ли, стоитъ на косогорѣ и строена вкривь и вкось, а тѣ или другія статьи гласятъ: улица должна обстраиваться прямо въ линію и т. п.

2) „На томъ, что многія губернскія присутствія опредѣлили это вознагражденіе въ размѣрѣ 25 — 30 р. на каждый крестьянскій дворъ“. Итакъ губернскія присутствія-же, замѣтьте, а не уѣздные съѣзды — въ этомъ значительная доля самаго спора; а притомъ: какихъ именно губерній? Пусть докажетъ г. Воронцовъ-Вельяминовъ, что тѣхъ именно губерній, которыя находятся въ одинаковыхъ условіяхъ съ нашею; пусть онъ еще возьметъ на себя трудъ доказать и тò даже, что такое назначеніе составилось не отъ какихъ-нибудь тамошнихъ благопріятныхъ причинъ, а единственно отъ недостатка щедрости. Даже и тогда не останется-ли пожалѣть лишь объ одномъ, какъ г. Воронцовъ-Вельяминовъ не нашелъ себѣ въ цѣлой губерніи лучшихъ примѣровъ для подражанія? Притомъ, такъ какъ автору отвѣта, безъ сомнѣнія, извѣстно-же, что ненадобность приводить къ единообразію оговорена даже закономъ, то не странно-ли эту-то самую оговоренную ненадобность возводить въ законъ?

3) Вотъ еще на чемъ основано предложеніе г. Воронцова-Вельяминова: „на циркулярѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, по коему, поясняетъ онъ, выдается на каждый *совершенно* сгорѣвшій дворъ 45 р.“. Но дворъ, во-первыхъ, можетъ-ли и *сгорѣть* не совершенно? а 45 рублей — тѣ-же-ли тридцать? Но и помимо того, что здѣсь въ видахъ уравненія авторъ соблазнился сдѣлать грамматическую ошибку, — развѣ можно серьезно сравнивать чуть не подаяніе погорѣвшему съ вспомоществованіемъ крестьянину переселяемому — предметъ строго-юридически обязательный для помѣщика? При опредѣленіи нормы на эти случаи слѣдовало-бы, кажется, игнорировать этотъ циркуляръ; а авторъ отвѣта утверждаетъ, что только его незнаніе заставило насъ вооружиться противъ его „билля!“

Наконецъ 4) „На томъ, что предложенные имъ 30 р. ассиг-

новывались единственно на постройку строеній сверхъ добавочнаго матеріала и различныхъ льготъ, предоставленныхъ крестьянамъ ст. 85 и 87 Мѣст. Положенія". Наконецъ, конечно, угодно шутить г. Воронцову-Вельяминову: въ разсужденіи законовъ ожидаемы-ли такіе qui pro quo? Льготамъ авторъ придаетъ эпитетъ *различныя*, ссылается на двѣ статьи. Такъ какъ по 87 ст. льгота состоитъ лишь въ томъ, что въ теченіи 3-хъ лѣтъ со времени переселенія, крестьяне безвозмездно пользуются старой усадебной землею, и только, — то *различныхъ* льготъ остается искать лишь въ 85 статьѣ; а въ ней о льготахъ нѣтъ и помину. Въ 85 статьѣ изъясняется обратный случай тому, по поводу котораго вносилъ свое предложеніе г. Воронцовъ-Вельяминовъ 25 апрѣля, т. е. тотъ случай, что, переселяя крестьянъ, помѣщикъ имъ самъ „устроиваетъ новыя усадьбы", и больше ничего, и ни о какихъ льготахъ, повторяемъ, слова нѣтъ! Простительны-ли же такіе qui pro quo, и довольно-ли для читателей разъяснилась та мгла, которую г. Воронцовъ-Вельяминовъ, какъ чародѣй, навелъ на наши очи? Но канцелярскій слогъ затѣмъ и канцелярскій, чтобъ сразу не дать разглядѣть: въ чемъ тутъ мгла? Попробуемъ въ другой разъ. Въ Положеніи, говоримъ, двѣ непосредственно одна за другою слѣдующія статьи, 85 и 86, сопоставлены другъ другу, какъ два разныхъ рѣшенія одной и той-же задачи. Помѣщикъ переселяетъ крестьянъ — вотъ задача. Но 85 статья предлагаетъ ея рѣшеніе однимъ путемъ: самъ помѣщикъ устроиваетъ для крестьянъ усадьбы; едва тронетъ стѣны, конечно, половину матеріала поломаетъ, на половину его „окажется негоднымъ" и тутъ-то и стоитъ вполнѣ внушительное упоминаніе: добавить матеріалъ! А слѣдующая, 86 — другимъ путемъ, обратный случай: помѣщикъ только платитъ деньги переселяемымъ, даетъ „денежное вспомоществованіе" и не устроиваетъ усадьбъ. Ясно, такимъ образомъ, что Положеніе подъ „денежнымъ вспомоществованіемъ" не что̀ другое и разумѣетъ, какъ взносъ денегъ, вмѣсто устроенія усадьбъ съ добавкою матеріала, плотничной работой, перевозомъ и проч., и г. Воронцову-Вельяминому приводить 85 статью рѣшительно не приходится. Не приходиться и намъ увлекатся какимъ-то фантастическимъ смысломъ „денежнаго вспомоществованія", а слѣдуетъ понимать его единственно такъ, какъ оно для всѣхъ обязательно по буквѣ и смыслу закона. Но такъ какъ цифра 30 р. дѣйствительно, при первомъ-же шумѣ гласности, оказывается для ея по-

борника слишкомъ мала, и такъ какъ притомъ въ 85 статьѣ г-нъ Воронцовъ-Вельяминовъ мелькомъ прослышиваетъ выраженіе „съ добавкою матеріала", а въ 87 звучитъ „льгота", то онъ сейчасъ же три статьи соединяетъ въ одно опредѣленіе; въ ссылкѣ-же на нихъ серединную опускаетъ и остаются двѣ крайнія „нарочито нужныя". Пускай въ другомъ мѣстѣ г. посредникъ 6 участка, нашего уѣзда, печатно утверждаетъ, что по Положенію предоставлено помѣщику отрѣзать отъ крестьянскаго надѣла 10% заливнаго луга. Такъ какъ по закону предоставлено отрѣзать лугу то 2%, то 50% (смотря по отношенію луговаго надѣла къ общей его пропорціи), то ясно, что г. Воронцова-Вельяминова тутъ сбилъ частный, для поясненія приложенный примѣръ: молъ, лугъ относится къ остальной землѣ, какъ 1:10; тутъ, слѣдовательно, просто одно незнаніе и ничего больше. Но какъ-же назвать, какъ не... иллюзіей, эти „30 р. сверхъ добавочнаго матеріала и различныхъ льготъ предоставленныхъ крестьянамъ ст. 85 и 87"?

Норма для этихъ случаевъ все-таки необходима (принимаемъ защиту „билля" сами на себя) и притомъ именно весьма низкая норма, для того, чтобы не дать крестьянамъ возможности упорствовать безосновательно: а это можетъ случаться.— Одно такое возраженіе, какъ мы сказали, было-бы тяжеловѣснѣе всѣхъ филиппикъ г-на Воронцова-Вельяминова. Но въ томъ-то и дѣло: тутъ, какъ это особенно оказывается изъ второй статьи автора, можетъ быть, и заключенъ самый нервъ спора. Ясно, что установленіе подобной нормы, если даже допустить необходимость ея, составляетъ дѣло во всякомъ случаѣ центральнаго органа, а не мѣстныхъ; пусть даже уѣзднымъ съѣздамъ принадлежитъ инициатива, пожалуй самое опредѣленіе нормы, но во всякомъ случаѣ санкція — губернскому по крестьянскимъ дѣламъ присутствію. Мы рѣшительно думаемъ, что въ этомъ нѣтъ для мироваго института никакихъ слезныхъ огорченій. Но, возразитъ намъ г. Воронцовъ-Вельяминовъ, позвольте однакожъ, на основаніи статей Положенія, Присутствіе не входитъ въ дѣла по обязательному переселенію, если 1) не поступило обжалованія, 2) самое рѣшеніе съѣзда было единогласно; а рѣшеніе о нормѣ въ 30 рублей, допустимъ, было единогласно *) слѣдовательно, тутъ со стороны Присутствія даже касса-

---

*) О предполагаемомъ единогласіи тутъ намѣренно упомянуто глухо и условно; на самомъ-же дѣлѣ не было законнаго единогласія. Въ составъ миро-

ція такого рѣшенія невозможна, и еще слѣдовательно: норма въ 30 р. непремѣнно легальна.

Ужъ, конечно, не слѣдовательно! Дѣло въ томъ, что со стороны уѣзднаго съѣзда такое рѣшеніе некомпетентно само въ себѣ; а кассировать подобныя рѣшенія не только губернское присутствіе вправѣ, а еще это составляетъ и прямую его обязанность, по юридическому значенію того лица, которому Положеніе отводитъ въ присутствіи предсѣдательское кресло. — Губернское присутствіе, конечно, не станетъ кассировать единогласнаго рѣшенія съѣзда объ отдѣльномъ случаѣ перенесенія усадьбъ, какъ при „устроеніи" самимъ помѣщикомъ, такъ одинаково и при „денежномъ вспомоществованіи"; не станетъ оно при послѣднемъ случаѣ кассировать и рѣшенія о размѣрѣ вознагражденія, опредѣленнаго на одинъ разъ. Но губернское присутствіе непремѣнно станетъ кассировать даже и единогласное рѣшеніе съѣзда по опредѣленію о нормѣ, потому что оно тутъ войдетъ въ разсмотрѣніе дѣла не о перенесеніи усадьбъ въ томъ или другомъ селѣ, съѣздомъ единогласно рѣшеннаго, а въ дѣло объ установленіи нормы, при чемъ даже и не требуется отъ съѣзда единогласія: такое со стороны съѣзда рѣшеніе даже и обжалованнымъ быть не мыслится. Крестьянину, который имѣетъ-же право обжаловать рѣшеніе съѣзда, когда тутъ уловить мигъ для обжалованія Присутствію, что его усадьбу оцѣнили въ 30 рублей? При длящемся еще на съѣздѣ опредѣленіи нормы (допустимъ даже, что изъ квартиры съѣзда проведенъ телеграфъ въ зданіе Присутствія) рано обжаловать; вотъ не замеръ еще глухой стукъ ладони по столу, за которымъ засѣдаетъ съѣздъ, въ знакъ состоявшагося рѣшенія — а и самый телеграфъ ужъ лишній: опоздалъ крестьянинъ обжаловать. Эта норма — уже законъ. Есть притомъ статья Положенія, которую при этомъ нельзя проглядѣть: именно 122 статья объ Учр., лишь примѣчаніе къ которой даетъ съѣзду право

ваго съѣзда, какъ извѣстно, входитъ членъ отъ правительства—представитель и защитникъ интересовъ крестьянъ. Въ этотъ разъ, то-есть на мировомъ съѣздѣ 25-го апрѣля, членъ отъ правительства случайно отсутствовалъ; это самое и побудило автора билля „оппозировать на законномъ основаніи"; только это случайное отсутствіе члена отъ правительства и дало возможность хвалиться, будто-бы легально состоявшимся „единогласіемъ". Въ полемикѣ можно было воздержаться и умолчать о такомъ невыгодномъ для нашего опонента обстоятельствѣ; но когда всё это уже отходитъ въ вѣчную память — нѣтъ надобности писать исторію ad usum Delphini. *Позднѣйшее примѣч.*

эти дѣла при единогласіи рѣшить окончательно; статья, по которой, если даже съѣздъ рѣшитъ и единогласно,—предусмотрѣна возможность ему самому почувствовать необходимость обратиться къ центральному ȯргану — и это вполнѣ понятно. Случай, нами теперь разбираемый, давалъ непремѣнно такую возможность самому почувствовать — и въ этомъ, повторяемъ, не заключалось-бы никакихъ стѣсненій для мироваго института.

Мы уважаемъ мировой институтъ, къ которому (какъ объ насъ разноситъ г-нъ П. Н. Воронцовъ-Вельяминовъ въ своемъ „отвѣтѣ") мы будто-бы „подрываемъ всякое довѣріе". Мы слишкомъ уважаемъ и въ съѣздахъ и въ должности посредниковъ именно ихъ мировой институтъ, а потому-то и принимаемъ горячо къ сердцу всякое вольное или невольное, съ простоты или даже вслѣдствіе претензіи на глубокость, его искаженіе. Неужели-же г-ну П. Н. Воронцову-Вельяминову могло простодушно казаться, что, ратуя за свой „билль", онъ напримѣръ прогрессистъ и шелъ впередъ; именно таки отстаивалъ высокость, самостоятельность, наконецъ идею мироваго учрежденія? А мы, осуждая его „билль", — ретрограды? Не въ самомъ-ли же дѣлѣ, подъ конецъ всего, тутъ — война за идею!

Такъ, рѣшительно такъ! Новый мученикъ собственныхъ убѣжденій, тутъ г. Воронцовъ-Вельяминовъ ведетъ войну за идею — и вотъ разгадка, почему онъ отстаиваетъ свой, злополучный для него билль. У передоваго человѣка бѣгаютъ зрачки на глазахъ, передъ нимъ проносятся призраки — и вотъ съ ними-то воюетъ изнемогающій Титанъ! Видитъ авторъ отвѣта, какъ самъ печатно сослался, что были уже многіе примѣры такихъ нормализацій и всѣ они многіе — увы! были не отъ съѣздовъ, а отъ Присутствій! Въ этомъ-ли же, наконецъ, самый-то и нервъ! На это-ли именно съ доблестнымъ жаромъ указываетъ авторъ „билля и отвѣта", когда намъ выражаетъ свое полное неудовольствіе по поводу того, что мы, вотъ, упомянули-же о объявленіи со стороны губернскаго присутствія ничтожнымъ его нормы въ 30 р., а о доблестномъ на то возраженіи съѣзда не упомянули! Но вѣдь есть-же, отвѣчаемъ, и предѣлъ всему. Не забавно-ли, ведя войну за идею, тѣшить себя однѣми дѣтскими галлюцинаціями? Но въ простой вопросъ о сельскихъ усадьбахъ впутывать еще какія-то малолѣтнія высшія соображенія — это ужъ слишкомъ юмористическая попытка!

Удивительно, какъ все еще у насъ до сихъ поръ высшія со-

ображенія состоятъ въ непремѣнной связи съ самыми низкими нормами за сносъ крестьянскихъ усадебъ.

Газета „День“ 1863 г.

Монументъ въ память освобожденія крестьянъ,

задуманный проф. *Щуруповымъ* *).

Профессоръ Щуруповъ задался художественною задачей. Онъ задумалъ сочинить монументъ въ память великихъ реформъ нынѣшняго царствованія. Пусть это будетъ нѣчто необычайное, что-нибудь истинно-колоссальное — таковъ смѣлый замыселъ художника. „Торжественный доступъ къ царю-благодѣтелю осчастливленнаго Русскаго народа, чрезъ отверстыя врата Александромъ II, въ царскіе чертоги, къ правосудію, народному просвѣщенію и свободному труду“ — таковà идея этого монумента, какъ ее толкуетъ самъ авторъ. Посмотримъ-же, какъ она, эта идея, выразилась въ его монументѣ.

Кому изъ Москвичей не извѣстенъ огромный холмъ (покрытый лѣтомъ зеленой муравою, такъ что его и косятъ), спускающійся отъ самой подошвы Николаевскаго дворца къ набережной Москвы-рѣки и здѣсь внизу замыкающійся кремлевской, зубчатой стѣною? Вотъ этотъ-то самый холмъ и избралъ г. Щуруповъ мѣстомъ для своего монумента; даже правильнѣе будетъ сказать, что самъ онъ, этотъ историческій холмъ, и долженъ теперь преобразиться въ каменный монументъ, задуманный художникомъ.

Предположите, что верхняя часть этого холма срыта; нижняя, напротивъ того, понадсыпана этою снятою лишнею землею,—и вотъ, вмѣсто нынѣшняго косогора, тутъ предполагается необъятная площадь, „могущая вмѣстить до 15,000 народа“. Представьте далѣе эту народную площадь выстланною гладкимъ плитнякомъ; и снизу и сверху, при томъ, тутъ расположены пространныя, широкія лѣстницы. На мѣсто нынѣшняго зеленаго косогора, такимъ образомъ, по проекту г-на Щурупова будетъ растилаться передъ дворцомъ, какъ-бы необъятная каменная терраса, съ широкими ходами-переходами къ низу, къ самой рѣкѣ; къ верху — къ самымъ сѣнямъ

---

*) Модель этого монумента, отлично сдѣланная, въ одну шестнадцатую долю натуральной величины—была выставлена на показъ Московской публикѣ.

царскаго дворца. Нельзя не согласиться, что сооруженіе подобнаго рода — весьма-бы украсило здѣшнее мѣсто; нельзя не согласиться, пожалуй, и съ тѣмъ даже, что самая идея художника сказалась бы въ этомъ сооруженіи довольно живо и наглядно. Особенно это скажется всякому, если только представить себѣ эту площадь покрытою тьмочисленнымъ народомъ, отъ набережной, по широкимъ переходамъ, выше и выше до подножія дворца... Да, всякій монументъ долженъ выговаривать свою идею именно такимъ живымъ и наглядным образомъ; а не аллегорическими завитушками, не загадками-ребусами, не тѣми разными гіероглифическими знаками, къ которымъ обыкновенно прибѣгаетъ или испорченный вкусъ или бездарность.

Тѣмъ страннѣе для насъ, что — объ руку съ такимъ художественнымъ замысломъ—самъ г. Щуруповъ прибѣгаетъ въ немъ... опять-таки къ разнымъ аллегоріямъ и къ дѣтски простодушнымъ загадкамъ-ребусамъ,—ко всей той „эмблематикѣ“, которая пошла у насъ въ ходъ со временъ Петра на показъ всему міру, что и мы дескать, „къ обществу политическихъ народовъ присовокуплены“. Дѣло вотъ въ чемъ: если-бы среди каменной площади г. Щуруповъ поставилъ напр. Лобное мѣсто, подобное тому, которое мы видимъ у подошвы Василія Блаженнаго, — мы сочли-бы его сочиненіе вполнѣ законченнымъ. Тутъ могли-бы показываться цари народу, совершаться народныя молебствія, возвѣщаться царскіе манифесты, наконецъ просто тутъ могли-бы слышаться вѣщіе голоса. Но г. Щуруповъ тутъ, посреди этой проектированной имъ площади, ставитъ тріумфальныя ворота — и, къ сожалѣнію, въ нихъ-то и полагаетъ всю *суть* своего монумента; даже самое слово *монументъ* онъ пріурочиваетъ исключительно этой именно тріумфальной аркѣ. „Въ верхней части монумента (т. е. этихъ тріумфальныхъ воротъ) поставлена сидячая фигура Россіи... Въ правой рукѣ фигуры жезлъ съ лавровымъ вѣнкомъ и короною, въ вѣнкѣ; раскрытая кисть руки — символъ народной клятвы... Нижній конецъ жезла поражаетъ змія, т. е. враговъ отечества...“ и т. д. и т. д. Словомъ сказать, все, какъ надо; тутъ и жезлъ, и лавръ, и щитъ, и змій, и раскрытая кисть руки, и сидячее положеніе фигуры... все заключаетъ какую-нибудь невинную загадку въ родѣ дѣтскаго ребуса. Тутъ есть, между прочимъ, и благодѣтельный помѣщикъ, одѣляющій крестьянъ высшимъ, низшимъ и среднимъ надѣломъ, и *первый свободный крестьянскій плугъ* (?).

Почему г. Щуруповъ полагаетъ, что его „сидячая фигура“ — сама Россія, да еще и въ минуту обновленія? На лбу у нея этого не написано; а судя по сидячему положенію, можно скорѣе придти къ заключенію, что „фигура“ очень устала. Осмѣливаемся думать, что если-бы г. Щуруповъ выкинулъ изъ своего монумента эту „сидячую фигуру“ и всю какъ есть тріумфальную арку, то-есть самый-то „монументъ“, — тогда его сочиненіе много-бы выиграло. Мы вообще думаемъ, что идея г. Щурупова превратить въ народную площадь нынѣшній косогоръ — сама по себѣ; а его „сидячая фигура“ съ тріумфальной аркой — также сама по себѣ. Первому можно еще сочувствовать; но второму ни подъ какимъ видомъ... зачѣмъ портить Кремль?

Еще одно замѣчаніе. Г-нъ Щуруповъ полагаетъ окаймить нижнюю линію (къ набережной) „фасадомъ галлерей“; — а для этого... уже не только портить, „сломать предварительно, въ этомъ мѣстѣ, кремлевскія стѣны“. Галлереи эти, видите-ли, весьма будутъ важны для интересовъ этнографіи. Г. Щуруповъ предполагаетъ собрать „въ галлереяхъ для всегдашняго храненія крестьянскіе костюмы — (почему-бы не старыя, архивныя дѣла?), земледѣльческія орудія, утварь и пр. необходимыя принадлежности крестьянскаго быта настоящаго времени“. Вотъ что называется: смѣшивать пріятное съ полезнымъ! И „эстетическія“ потребности заѣзжаго петербуржскаго туриста будутъ удовлетворены при обзорѣ монумента г-на Щурупова, и его „реализмъ“ не останется въ накладѣ: въ этихъ самыхъ галлереяхъ онъ всегда найдетъ удовлетвореніе своей любознательности, если не по части зоологіи, то хоть по этнографіи. Шутки въ сторону, неужели г. Щуруповъ серьезно думаетъ, что лучшимъ мѣстомъ для этнографической выставки были-бы его монументальныя галлереи? и неужели, въ интересахъ этнографіи, необходимо ломать, рушить въ дребезги, и обращать въ мусоръ кремлевскія стѣны!

Москва, вѣроятно, не захочетъ видѣть разрушенія ни одной пядени, ни одного вершка отъ многовѣковыхъ стѣнъ кремлевскихъ; пусть даже для ихъ сохраненія пришлось-бы ей вовсе лишиться — монумента г. Щурупова.

Газета „День“ 1865 г.

Царевичъ въ Ниццѣ.

(Наканунѣ 12 апрѣля).

„Упадаетъ звѣзда поднебесная, не становится у насъ Царевича!“... лучше какъ этимъ народнымъ стихомъ не выразить-бы сердечнаго смущенія всей Москвы, внезапно омраченной на Свѣтломъ Праздникѣ телеграммами изъ Ниццы.

Въ воскресенье, 11-го апрѣля, шелъ въ Москвѣ народный молебенъ; этотъ день принадлежитъ исторіи. Никогда кремлевскія стѣны не видали еще торжества болѣе умилительнаго по святости выразившихся здѣсь чувствъ и болѣе возвышеннаго при всей простотѣ. У подошвы Ивана Великаго, передъ святыми соборами, въ виду царскихъ дворцовъ и теремовъ, насупротивъ историческаго Краснаго крыльца и Грановитой палаты—Москва молилась объ угасающей жизни того, кого еще такъ недавно провожала, полнаго жизнью, и кого вновь готовилась привѣтствовать, въ этихъ самыхъ стѣнахъ, какъ счастливаго молодаго супруга, — въ сопутствіи *ея*, уже признанной народнымъ чувствомъ и какъ онъ — юной, какъ онъ — прекрасной Цесаревны.

Двигался крестный ходъ изъ Успенскаго собора. Колыхались, какъ-бы воинство небесныхъ силъ, несмѣтныя хоругви. Колѣнопреклонялась вся площадь. Холодный, сѣверный вѣтеръ крутился вихремъ и взметалъ пыль на толпу; было вьюжно и зловѣще-угрюмо въ воздухѣ. Часы Спасской башни били своимъ, привычнымъ для москвичей, звономъ уже не одну четверть на всю площадь; уходило время за̀-полдень. Въ тотъ полдень, въ тѣ-же самыя мгновенія— мы знаемъ изъ доносившихся телеграммъ — что̀ происходило на далекой чужой сторонѣ, на полу-итальянскомъ югѣ, тамъ, куда за молитвами, обращались и мысли и сердца молящихся. Это были минуты приготовленія къ смерти и предсмертныхъ прощаній. Человѣческое воображеніе было-бы безсильно создать для таинства смерти обстановку еще болѣе раздирающую, сочетать при ней множайшія условія еще болѣе трогательныя. Жизнь, за которую при ея угасаніи, у постели больнаго, изнемогали сердца присутствовавшихъ — за нея молилась и далекая Москва, въ родномъ Кремлѣ. Тамъ и здѣсь было одно общее сердечное бѣдствованіе. Въ вѣковыхъ многосудебныхъ стѣнахъ Кремля, въ явѣ всѣхъ символовъ бодрствующаго надъ Россіей Божьяго Промысла, можно бы-

ло не иначе молиться, какъ заранѣе чтя святость всѣхъ Его опредѣленій. „Совершилась воля Всевышняго“ — такія слова въ ту же ночь раздались изъ Ниццы.

Тѣмъ былъ великъ, и навсегда останется истинно-великимъ, этотъ единодушный порывъ Россіи, что въ немъ сказалась, съ небывалой еще очевидностью, несказанно-великая любовь. И кто видѣлъ ея всенародное выраженіе, кто въ Московскомъ Кремлѣ видѣлъ это 11-ое апрѣля 1865 года, тотъ пережилъ въ своемъ сердцѣ историческій мигъ, на всю жизнь незабываемый.

„*Московскія Вѣдомости*“, апрѣль 1865 г.

4-е апрѣля.

(Передъ всенароднымъ молебствіемъ въ Кремлѣ 10-го апрѣля).

Темныя силы выслали къ намъ свое исчадье. Переодѣтый въ русское платье; съ прокламаціями въ карманѣ; съ пузырькомъ стрихнина для самоотравленья, — до послѣдняго шагу не содрогнулся супостатъ. — Богъ явилъ чудо.

Кто ты? спрашиваетъ огорченный Монархъ. Душа болитъ услыхать русское имя.

„Я русскій“, лжетъ злодѣй. „Я—клевещетъ онъ, обращаясь къ народу — за васъ, что вамъ земли не дали“. И народъ задушилъ-бы лжеца, растерзалъ-бы клеветника въ куски; но живъ Государь. Онъ остановилъ. Лжецъ преданъ суду. А такіе-же тогда-же ходятъ по городу; снуютъ какіе-то молодцы по лавочкамъ. „Это помѣщики, лгутъ они, подослали убить царя за то, что онъ у нихъ землю отнялъ. А царь, клевещутъ они, хочетъ у нихъ ужъ всю землю отнять и крестьянамъ отдать“. Явно—это одни и тѣ-же лжецы: въ слѣпотѣ смутчики сами себя обличаютъ. Мрачныхъ золъ желали они накликать Россіи...

Богъ явилъ чудо! при первомъ извѣстіи о происшедшемъ воскликнула вся Русь и перекрестилась. Во всѣхъ подробностяхъ, которыя теперь до насъ доходятъ, дѣйствительно, усматриваемъ *чудо*. Но вѣруемъ, объявиться оно (только объявится-ли, по маловѣрію?) и до конца всѣмъ людямъ... Поможетъ-ли *Сотворившій чудо* — всенародно молимся о томъ — ясно вывести на свѣтъ міру и... сатанинскій умыселъ, которымъ супостаты грозили царству.

„*Московскія Вѣдомости*“ 1866 г.

Самооборона.

Въ ужасѣ отъ петербуржскихъ злодѣяній, всѣ дивятся на руси: какъ это обывательство Сѣверной Пальміры не приступитъ къ самооборонѣ отъ злоумышленниковъ и бунтарей? Долженъ наконецъ самъ городъ, въ помощь и въ дополненіе существующихъ отъ полиціи дѣленій, разбиться на мелкіе мірскіе участки—по полу-сотнѣ, по четверти-сотни, а то и по десятку домовъ. Пускай станутъ во главѣ каждаго мірскаго участка добрые и богобоязненные, какъ писалось встарину, всѣмъ вѣдомые люди; если кому нельзя и кого общество уволитъ отъ мірскаго дѣла, тотъ по крайней мѣрѣ денежно будетъ участвовать въ немъ; можно приглашать въ помощь изъ сосѣдняго участка, вообще изъ своихъ знакомыхъ. Въ такомъ мірскомъ участкѣ, какъ въ міру, не укроется никто. Только круговая порука да мірской приговоръ, собственно говоря, и составляетъ настоящее засвидѣтельствованіе личности; а прописка паспорта въ канцеляріи—одно стѣсненье народу: у вора всегда фальшивый видъ. Обывательскій совѣтъ, разумѣется, каждаго изъ своихъ знаетъ въ лице; будетъ знать и всякаго новопришлаго, черезъ третьихъ лицъ, черезъ свидѣтельство общихъ знакомыхъ. Даже сибирякъ съ москвичемъ не такъ удалены другъ отъ друга, какъ это кажется съ виду, черезъ посредство именно третьихъ лицъ, общихъ знакомыхъ. Откуда-бы кто ни пришелъ—лишь-бы самъ не боялся огласки о себѣ—всякій на всякомъ-же мѣстѣ найдетъ свидѣтельствующихъ о немъ—черезъ третьихъ, четвертыхъ и такъ далѣе лицъ, если не обще-знакомыхъ прямо между собою, то опять-таки черезъ посредство и у нихъ, въ свою очередь, третьихъ, четвертыхъ и такъ далѣе лицъ—лишь-бы дѣйствительно знакомыхъ. Тогда все боящееся свѣта, все нуждающееся въ утайкѣ, все неимущее должнаго свидѣтельства о себѣ—по неволи удалится, ибо иначе обличится. Чужаго человѣка угадываютъ какъ птицу по полету и глядя именно потому: на кого онъ ссылается? кто за него въ отвѣтѣ? или, по крайней мѣрѣ, кто свидѣтельствуетъ о немъ? Такъ, при мірскомъ управленіи и круговой порукѣ, искони было на Руси; такъ ведется и сейчасъ не только въ деревняхъ да селахъ—а во всѣхъ старинныхъ городахъ съ исконнымъ русскимъ населеніемъ. Въ чемъ-же и самоуправленіе, какъ не въ самоохранѣ прежде всего? въ чемъ еще, какъ не въ томъ, чтобы,

глядя по дѣламъ, сообразоваться и въ собственныхъ дѣйствіяхъ своихъ? Новѣйшее либеральное „самоуправленіе“, дарованное въ наши либеральные дни всѣмъ городскимъ населеніямъ вообще, а столичнымъ въ особенности... неужели въ одномъ томъ: да многоглаголятъ въ Думахъ своихъ?

Газета „Русь“ 1881 г.

Храмъ на крови.

На неповинно-пролитой крови Царя-Мученика воздвигнется храмъ: желательно, чтобъ проклятое пятно — мѣсто паденія самого изверга, бросившаго бомбу—осталось за стѣнами храма. Его наружная стѣна можетъ идти такъ, чтобы съ внутренней стороны, какъ разъ у закладки, и пришлось мѣсто, отмѣченное черною плитою, огороженное рѣшеткой — мѣсто царской крови. Негасимая лампада передъ образомъ Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ всего болѣе приличествуетъ на этомъ именно мѣстѣ этого храма Голгоѳы.

Если этого не допускаетъ мѣстоположеніе улицы, пускай напримѣръ входныя ступени, попираемыя ногами, займутъ злодѣйское мѣсто или еще иначе, — лишь-бы не смѣшалось съ нимъ „мѣсто свято“. Такое замышленіе строитель можетъ выполнить разными способами — и даже не въ ущербъ, а пожалуй въ возвеличеніе красоты зданія. Пускай строители примутъ въ уваженіе это, если простодушное то и душевное, желаніе многихъ и премногихъ „простыхъ русскихъ людей“.

Газета „Русь“ 1881 г.

Подобно бюллетенямъ.

Подобно бюллетенямъ съ театра войны, появляющимся въ удовлетвореніе публики, жаждущей извѣстій о важныхъ дѣйствіяхъ, — въ газетахъ то-и-дѣло сообщаются извѣстія о безотлагательной скорости суда надъ схваченными преступниками или торжественности его будущей обстановки. Какъ-будто малѣйшее сомнѣніе, въ томъ или другомъ, повергаетъ общество въ отчаяніе. Никто и не изъявляетъ нетерпѣнія, никто и не жалуется на заминку. Зачѣмъ же въ успокоеніе общества, то-и-дѣло повторять новыя и все но-

выя, никѣмъ непрошеныя, увѣренія: отсрочка-де самая краткая, судъ самый торжественный, и *вся недолга.*

Общество въ отчаяніи совсѣмъ отъ другаго. Его, напротивъ того, смущаетъ: возможно-ли при спѣшности, хотя и торжественнаго суда, полное раскрытіе адскихъ умысловъ? Близость резолюціи отнимаетъ послѣднюю надежду, что разслѣдованіе долгой крамолы хоть наконецъ будетъ произведено съ должною полнотою и во всей многосторонности. Нѣтъ! если *вся недолга* кому на̀-руку, то кому-либо другому, а никакъ не публикѣ. Пока злоумышленники живы въ рукахъ правосудія и еще длится разслѣдованіе ихъ умысловъ, возможно надѣяться на поимку сообщниковъ; по крайней мѣрѣ длительностью разслѣдованія они парализованы.

Убійственныя посягательства послѣднихъ лѣтъ непростительно и безсовѣстно равнять какимъ бы то ни было прежнимъ заговорамъ, когда-либо въ русской исторіи существовавшимъ: бунтъ-ли это „дикихъ" стрѣльцовъ, „цивилизованныхъ" ли декабристовъ! Но были-же обнаружены ихъ, далеко не столь коварные и безчеловѣчные, замыслы до-тла—хоть не въ годъ и не въ мѣсяцъ. Начало славныхъ дней и Петра и Николая... увы! къ горю русскаго народнаго чувства, „мрачили-жъ мятежи и казни". Но и тотъ, который „всеобъемлющей душой на тронѣ вѣчный былъ работникъ", и „другой, во всемъ пращуру подобный", вывели крамолу наружу на весь міръ. И стало возможно: „въ надеждѣ славы и добра глядѣть впередъ безъ боязни".

Газета „Русь" 1881 г.

Нѣчто о смутѣ.

„По поводу извѣстій о крестьянскомъ настроеніи", „о тревожныхъ слухахъ въ крестьянствѣ"... подъ такими заглавіями встрѣтили мы цѣлый рядъ статей,—и вотъ чѣмъ наполнены въ послѣднее время разныя газеты. Онѣ приводятъ ужасающіе примѣры и легковѣрія крестьянъ, и ихъ нелѣпыхъ ожиданій, на такомъ легковѣріи основанныхъ. Но можно удивляться не тому, что въ темной массѣ ходятъ темные слухи, а совершенно другому. Во-первыхъ, истинно удивительно, какъ въ настоящее время, при теперешней полной крестьянской безправицѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вообще при нашей

земской безправицѣ (ибо крестьянское и вообще земское самоуправленіе уничтожено было еще давно, выпускомъ разныхъ мертворожденныхъ учрежденій, отъ которыхъ селу никакой пользы не было и нѣтъ),—какъ еще, говоримъ, держится хоть какой-либо порядокъ и распорядокъ въ нашихъ селахъ и весяхъ. А во-вторыхъ, удивительно и тò, какъ разные публицисты не додумаются до сихъ поръ о простыхъ причинахъ происходящаго недуга вообще, а въ частности „легковѣрія крестьянъ", и проч.

Для уврачеванія „легковѣрія" и проч. одни теперь предлагаютъ школы, другіе „вѣнчать зданіе", третьи еще не вѣсть что̀. Пускай эти господа заглянутъ въ „Положеніе 19-го февраля 1861 года". Они найдутъ тамъ, что въ былое время, при истинномъ крестьянскомъ самоуправленіи, когда оно опиралось на сельскій мировой участокъ и черезъ него, этотъ всесословный мировой участокъ, переходило въ самоуправленіе земское вообще,—тогда было не такъ, какъ теперь. Одною изъ существенныхъ функцій мѣстной администраціи было именно: „наблюденіе за нераспространеніемъ между крестьянами подложныхъ указовъ и вредныхъ для общественнаго спокойствія слуховъ (ст. 83 п. 1). Тогда не было никакихъ „лживыхъ слуховъ"; а казалось-бы, когда-же какъ не тогда и волновать-бы имъ все крестьянство изъ края въ край. Весьма понятно, что „крестьянское самоуправленіе" при существованіи мироваго участка не спиралось и не задыхалось въ волостномъ правленіи, какъ въ низшей инстанціи становыхъ квартиръ. Тогда ему былъ выходъ черезъ сельскій мировой участокъ въ уѣздный мировой съѣздъ и черезъ него въ губернское присутствіе, а уже отсюда до самыхъ высотъ власти. Тогда свѣтъ сельскаго мироваго участка и не давалъ утвердиться никакому темному слуху, и весьма скоро разрѣшалъ его, если-бы и появился „темный слухъ". Тогда, при свѣтѣ сельскаго мироваго участка, даже и въ послѣднихъ звеньяхъ мѣстной власти, между сельскихъ старостъ, статья Положенія 19-го февраля 1861 года о наблюденіи за нераспространеніемъ въ народѣ „лживыхъ слуховъ"—не оставалась мертвою буквой. Безъ того, все въ мертвую букву и обратилось теперь.

Газета „Р у с ь" 1882 г.

Отчего пала Римская имперія?

Самыя краткія изрѣченія великихъ людей служатъ нерѣдко къ ихъ полной характеристикѣ.

Съ неподражаемымъ искусствомъ умѣлъ ими пользоваться покойный Герценъ, и подслушивая ихъ въ устахъ то глубокомысленнаго фрунтовика, то прозорливаго администратора, возвышалъ до степени всероссійскихъ куріозовъ. Наши нынѣшніе дѣятели, наши нынѣшніе великіе люди — о, какъ много потеряли они безъ него для талантливой оцѣнки ихъ сегоднешнихъ „умоначертаній".

Одинъ изъ новѣйшихъ правителей, прибывъ недавно къ своему посту, далъ сразу почувствовать цѣлой губерніи, что онъ все нашелъ запутаннымъ и распущеннымъ, и что онъ-то вотъ наконецъ придастъ всему надлежащій строй. Приступивъ къ обзору собственной канцеляріи, онъ съ ужасомъ увидалъ вдругъ въ массѣ прочихъ бумагъ... рапортъ къ своей особѣ волостнаго правленія. Рапортъ конечно не могъ быть переданъ изъ волости непосредственно, а развѣ-развѣ пройдя всѣ подобающія инстанціи. Губернаторъ вручилъ эту злосчастную бумагу правителю дѣлъ, и внушительно тыкая въ нее пальцемъ, прибавилъ:

„Вотъ отчего пала Римская имперія!"

И подумать только, что у насъ на Руси такихъ новыхъ Гиббоновъ... не перечтёшь!...

„*Современныя Извѣстія*" 1873 г.

Средство догнать Европу.

Можно пожалуй оспаривать: точно-ли еще Европа обогнала насъ въ торговомъ, научномъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ; но что своимъ новымъ стилемъ она обогнала насъ на цѣлые 12 дней въ году — это неоспоримо.

Петръ Великій — былъ мастеръ догонять Европу. Онъ перевелъ въ свое время новый годъ со стариннаго счета на первое января форменнымъ указомъ, при громѣ пушекъ и барабановъ. Но передъ переводомъ Юліанскаго счисленія на Григоріанское — и онъ отступилъ. Куда дѣвать недочетъ цѣлыхъ 12-ти дней въ году для того, чтобъ получить возможность съ нашего 19 декабря прямо перескочить на 1-е января новаго стиля? Какимъ образомъ вдругъ

нашъ старый стиль, имѣющій такую важность и въ гражданскомъ и въ церковномъ отношеніи, перевести на новый, не производя никакихъ замѣшательствъ?

Весьма просто. Для этого только стоитъ форменнымъ указомъ (далеко не то, что сдѣлалъ Петръ Великій) постановить слѣдующее: впредь, до уравненія стараго стиля съ новымъ, всѣ високосные годà учитывать за простые, т. е. въ каждомъ високосѣ считать въ февралѣ мѣсяцѣ, какъ обыкновенно, 28 дней; а сверхштатное 29-е число, пока исполнится мѣра, откидывать. Такимъ образомъ, каждый високосный годъ мы будемъ нагонять Европу на цѣлыя сутки; а по истеченіи какихъ-нибудь 12-ти високосовъ съ небольшимъ, и вовсе поравняемся съ ней, какъ ни въ чемъ не бывало.

Дѣло совершится исподволь, безъ всякаго замѣшательства. А люди питающіе по предразсудку затаенный страхъ къ високоснымъ годамъ, будутъ еще имѣть удовольствіе избавиться отъ него на цѣлые 12 високосовъ.—Если такое открытіе, скажемъ въ заключеніе, не можетъ идти въ сравненіе напр. съ открытіемъ Америки Колумбомъ, то однакожъ другое извѣстное открытіе, приписываемое тому-же Генуэзцу, имѣетъ уже съ нимъ много сходнаго.

Газета „*Москва*“ 1867 г.

У гроба князя В. А. Черкаскаго.

...Есть картина извѣстнаго художника: лежатъ два трупа, отъ ногъ до половины въ длину прикрытые погребальнымъ покровомъ; голова у каждаго изъ покойниковъ хранитъ на шеѣ кровавую отмѣтку, полученную на плахѣ. Это два борца за великую свободу своего народа и за независимость своего государства. Они пали въ борьбѣ и казнены врагомъ; но самая ихъ смерть запечатлѣла торжество нравственнаго начала надъ зломъ. Трупы и смерть на картинѣ, но отъ этой картины вѣетъ невыразимо-глубокимъ примиреніемъ: наглядно изображается въ ней чувство совершённаго подвига, и это чувство „исполненнаго гражданскаго долга“ краснорѣчивѣе всякихъ словъ даетъ себя слышать въ величавомъ безмолвіи покойниковъ.

Этотъ гробъ, прибывшій въ Москву изъ далека (изъ самаго Царьграда), который несли на себѣ черноморскія волны—безмолвіемъ своимъ также краснорѣчиво говоритъ о „чувствѣ исполнен-

наго гражданскаго долга". Русская земля выслала въ Болгарію одного изъ своихъ талантливѣйшихъ дѣятелей; Москвичи провожали его благословеніями на новую дѣятельность, которую предъуказывало памятное, въ Кремлѣ сказанное, Царское слово.

Какъ мучительны были для него и для цѣлой Россіи дни, недѣли и мѣсяцы нашего вынужденнаго бездѣйствія во время нерѣшительнаго мира, увѣнчавшагося константинопольскою конференціей, и какъ потомъ еще мучительнѣе было время, протекшее въ нерѣшительности самой войны.

Ждавшіе его возвращенія хорошо знаютъ, чего теперь они лишились. Какъ-бы онъ сумѣлъ представить намъ, возвратясь въ родную Москву, всю эпопею этой мученической войны; какими неимовѣрными кознями (со стороны не столько даже враговъ, сколько самихъ друзей нашихъ) было обставлено уже самое начало этой войны; съ какими невѣроятнѣйшими затрудненіями, невообразимѣйшими препятствіями приходилось бороться на каждомъ шагу... Онъ разсказалъ-бы намъ весь истинно-трагическій смыслъ нашего Плевнинскаго сидѣнія, и намъ еще явственнѣе представилось-бы какъ великъ Русскій народъ; какъ въ отчаяннѣйшія минуты всеобщаго къ себѣ недовѣрія приходилось дивиться величію того народнаго духа, который всегда въ труднѣйшія эпохи нашей исторіи проявлялъ себя въ простыхъ людяхъ. Правъ онъ былъ, когда въ тѣ минуты всеобщаго невѣрія такъ горячо вѣрилъ въ Русскій народъ и гласно высказывалъ, что вся будущность нашей исторіи не въ насъ, вверху, а въ этомъ народѣ. Какъ-бы онъ разсказалъ намъ и о своей радости, о своей сбывшейся вѣрѣ, когда въ концѣ концовъ былъ сломленъ врагъ... Онъ разсказалъ-бы намъ также, какъ онъ былъ въ огнѣ, хотя отъ него прямо этого и не требовалось, и какъ пули, ядра и картечь пощадили его... Но менѣе пощадила его та борьба, которую ведутъ не съ оружіемъ въ рукахъ и отъ которой надрывается энергія, чахнетъ духъ, теряется наконецъ и здоровье. Онъ разсказалъ-бы намъ сколько, при всѣхъ невзгодахъ, удалось русскому уму посѣять добрыхъ сѣмянъ урывками и на ходу, и какія широкія задачи постепенно надвигались сами собою по переходѣ черезъ Балканы, въ виду Царьграда, на рубежѣ встрѣчи восточно-греческаго и восточно-славянскаго міра—взаимныхъ славянскихъ счетовъ, унаслѣдованныхъ вѣками.

„*Московскія Вѣдомости*" 1878 г.

Θедоръ Васильевичъ Чижовъ.

(Некрологъ).

Стало меньше еще однимъ общественнымъ дѣятелемъ. Скончался Θедоръ Васильевичъ Чижовъ, извѣстный авторитетною дѣятельностью во многихъ финансово-промышленныхъ учрежденіяхъ и предпріятіяхъ; извѣстный еще тѣмъ, что это былъ „мыслящій человѣкъ", которому были особенно доступны интересы искусства и литературы; извѣстный, наконецъ, высокимъ личнымъ характеромъ.

Давно ожидаемая по его хилости и хворости катастрофа все-таки была неожиданною: онъ умеръ на рукахъ друга своего, Г. П. Галагана, почти за разговоромъ о томъ, какъ, оправившись отъ своей болѣзни, пріѣдетъ къ нему въ Малороссію отдохнуть въ деревнѣ. Только за полчаса предъ этимъ онъ пожалъ руку другому своему другу, И. С. Аксакову, прося навѣстить завтра и радуясь, что болѣзнь видимо проходитъ и ему дѣлается лучше. Разрывъ артеріи мгновенно прекратилъ эту, до послѣдняго мига, бодрую жизнь.

Конецъ этого человѣка выразилъ его жизнь.

Дневникъ, который покойный велъ аккуратно съ 14-лѣтняго возраста до 66 лѣтъ, нашли на его столѣ дописаннымъ до своей послѣдней страницы: уже роковое „*14 ноября 1877 года*" было занесено покойнымъ за весь день съ утра до вечера въ этотъ дневникъ, какъ въ половинѣ одиннадцатаго пришла смерть.

Естественно было подумать о его посмертныхъ распоряженіяхъ. Послѣ него осталась образцовая библіотека и, въ разныхъ предпріятіяхъ, состояніе свыше милліона. Самый этотъ дневникъ человѣка, который въ жизни своей сходился со столькими замѣчательными людьми и чья жизнь была исполнена столькихъ своеобразныхъ эпизодовъ, подавалъ ближнимъ поводъ къ раздумью. Оказалось, что библіотека покойнымъ завѣщана любимой имъ Москвѣ, Румянцевскому музею; ему-же и дневникъ, съ просьбой напечатать его и издать лишь по истеченіи сорока лѣтъ со дня его смерти; а состояніе завѣщано имъ родному городу Костромѣ, на устройство, по его мысли, одного высшаго техническаго училища и трехъ дополнительныхъ къ нему заведеній въ трехъ назначенныхъ имъ уѣздахъ его родины.

„*Московскія Вѣдомости*" 1877 г., ноябрь.

Ю. Ѳ. Самаринъ.

Еще убыло у насъ интеллектуальной силы...

Въ Берлинѣ, 19 марта, скончался Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ. Какъ замѣчательнѣйшій дѣятель по крестьянскому вопросу въ эпоху преобразованія; какъ авторъ *Писемъ объ Іезуитахъ*; какъ издатель богословскихъ сочиненій Хомякова и *Окраинъ Россіи*,— онъ извѣстенъ цѣлой Россіи и Европѣ, и даже Европѣ еще болѣе чѣмъ Россіи.

Кромѣ того, Юрій Ѳедоровичъ — какъ другой рано угасшій для русскаго общества дѣятель, Константинъ Сергѣевичъ Аксаковъ, котораго покойный былъ другомъ и товарищемъ, — Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ принадлежалъ къ тѣмъ немногимъ у насъ людямъ, самая личность которыхъ составляетъ уже великую общественную силу. Это былъ удивительно-трезвенной, безукоризненно-чистой и почти аскетически-трудовой жизни человѣкъ.

Въ исторіи русскаго самосознанія его имя не затеряется даже въ вѣкахъ.

Что-то роковое сказывается еще разъ въ этой новой преждевременной кончинѣ талантливаго русскаго человѣка.

„*Московскія Вѣдомости*" 1876 г., мартъ.

Т. Н. Грановскій.

(*Два слова ученика о наставникѣ, студента* ***).

Для печальнаго, надгробнаго служенія отворила свой входъ Университетская церковь въ пятницу, октября 7-го; для скорбнаго торжества собрались въ нее и студенты. Молчаливо сошлись они ко гробу своего любимаго наставника, чтобы принести ему послѣднее благодареніе и чтобы никому не уступить своего дорогаго права донести на собственныхъ рукахъ, до могилы, драгоцѣнную ношу. И, предшествуемый священнымъ клиромъ, обрѣтая цвѣты по дорогѣ, тронулся роковой гробъ.

Такъ, должно примириться съ мыслію: нѣтъ Т. Н. Грановскаго! знавшіе его ужъ не найдутъ его въ своемъ кругу; а мы,

его слушатели, болѣе не увидимъ нашего благодушнаго наставника, входящаго своею тихою поступью въ аудиторію, съ добрымъ взоромъ, съ выраженіемъ спокойной думы на лицѣ; не услышимъ болѣе его симпатичнаго голоса.

Кто изъ насъ, причастныхъ Московскому Университету, не чувствуетъ теперь, что, потерявъ Грановскаго, мы потеряли что-то родное, что-то особенно-близкое этому Университету? — Въ самомъ дѣлѣ, не было-ли еще съ дѣтства завѣщано намъ имя его, намъ теперешнимъ студентамъ, цѣлымъ рядомъ предшествовавшихъ поколѣній? Съ давняго времени не стало-ли для насъ однозвучнымъ его имя съ самимъ именемъ Университета? Въ какихъ-бы фазахъ университетской жизни мы ни припомнили его, вездѣ видимъ его окруженнаго равною любовью и уваженіемъ. На лекціи-ли? Аудиторія, въ которой слышится его знакомый голосъ, всегда полна и число слушателей не ограничивается однимъ факультетомъ, который явился его слушать по обязанности. На экзаменѣ? какъ довѣрчиво подходитъ каждый къ добродушному наставнику. На диспутѣ? какъ ждали мы, молодые слушатели, когда со всѣхъ сторонъ заслышатся возраженія: онъ что скажетъ, онъ нашъ любимый учитель? — и какъ жадно вслушивались въ рѣчь его!

Не сухую науку передавалъ онъ; его ученіе было проникнуто духомъ живой истины, которая вездѣ одна: что въ наукѣ, что въ жизни. Та-же благородная душа, тотъ-же гуманный характеръ, та-же безоблачность взгляда, тѣ-же прекрасные порывы, которыми отличался покойникъ въ жизни, глубоко чувствовались и въ чтеніяхъ его.

Стараться облегчить тягость нашей общей потери мыслію, что со смертью своею не умеръ онъ для насъ своими заслугами и тѣми памятниками своего таланта, которые онъ оставилъ намъ, не согласно съ дѣйствительностью такой потери. Какъ будто можетъ окупиться чѣмъ-нибудь все то, что онъ готовилъ для насъ въ будущемъ, что до сихъ поръ таилъ въ себѣ, что съ собой унесъ въ гробъ—и чему нѣтъ возобновленія, нѣтъ замѣны?

Онъ избаловалъ насъ, своихъ слушателей, оживленностью и легкостію рѣчи, тактомъ въ выборѣ выраженій, поэтическимъ возсозданіемъ лицъ и эпохъ... до того, что привыкнувъ обыкновенно слышать безукоризненное чтеніе, мы ужъ невольно замѣчали, если иногда случалось ему прочесть что-нибудь безъ расположенія. Но мы знали, что профессоръ не прочитывалъ ни одной лекціи по соста-

вленной тетради, а прямо приступалъ къ ней; и сколь ни обширныхъ приготовленій требовало содержаніе его лекціи, форма ея рождалась въ головѣ его при всходѣ на каѳедру и въ минутный промежутокъ отъ привѣтствія слушателямъ „Мм. Гг.!“ до вступительнаго предложенія,—промежутокъ, къ которому такъ привыкли всѣ его слушатели.

Сознавая важность его таланта, спрашивали: почему онъ не даетъ намъ чего-нибудь полнаго? чего-нибудь такъ обширнаго, какъ обширенъ талантъ его? зачѣмъ онъ не возьмется за какой нибудь трудъ, который-бы могъ онъ завѣщать своимъ почитателямъ и потомству? Но кто имѣетъ право требовать отъ дающаго болѣе того, что онъ самъ даетъ? Будемъ-же благодарны и за то, что онъ далъ намъ. А далъ онъ намъ много. Вліяніемъ своихъ чтеній онъ въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ возбудилъ чувство любви къ истинной наукѣ, воспиталъ привязанность къ прекрасному, уваженіе къ великому и состраданіе къ упадающему; онъ вселялъ въ умы чистоту помышленій и открывалъ имъ свѣтлое воззрѣніе на міръ.

Ученики чтили его какъ наставника, любили какъ человѣка. Въ его образѣ для нихъ плѣнительно слилось значеніе избраннаго служителя науки съ значеніемъ человѣка, которому доступно было все человѣческое, который правду своей науки вноситъ не въ отмѣренную рамку часовыхъ уроковъ, но въ самую жизнь свою, такъ что и слышалась она у него во всѣхъ его словахъ и дѣйствіяхъ.

При громадной учености, онъ былъ совершенно чуждъ педантизма; онъ отличался готовностью съ одинакимъ участіемъ выслушивать возраженія отъ равнаго себѣ и низшаго; онъ пріобрѣталъ себѣ уваженіе и славу безо всякаго съ своей стороны домогательства.

Миръ его праху! Пусть-же всякій изъ насъ оцѣнитъ всю важность потери, которая такъ неожиданно насъ поразила, — и пусть имя Грановскаго на вѣки останется въ нашемъ Университетѣ однимъ изъ лучшихъ его преданій, однимъ изъ лучшихъ его залоговъ.

„Московскія Вѣдомости“ 1855 г.

Статьи разнаго содержанія.

Замѣтка по поводу толковъ одной газеты о „школѣ представительства“.

Въ одной изъ московскихъ газетъ печатаются весьма „тенденціозные“ доклады о преніяхъ губернскаго земскаго собранія по поводу такъ-называемаго крестьянскаго самоуправленія. Читая эту газету, нельзя было не дивиться: изъ-за чего она коверкаетъ все наше крестьянское самоуправленіе, а также и самыя пренія объ улучшеніи его? Теперь газета проговорилась. Недовольная постановкой, какую приняло это дѣло въ собраніи съ самаго начала, газета торжествуетъ теперь, что „оно“ затормозилось при дальнѣйшихъ преніяхъ. „Ко всякимъ преобразованіямъ — говоритъ она — слѣдуетъ прибѣгать съ большою и большою осторожностью и, не прибѣгая въ ломкѣ уже установившагося правоваго порядка, исправлять лишь его темныя стороны. Крестьянская волость есть школа, гдѣ крестьянинъ учится самоуправленію и *представительству;* если эта волость будетъ уничтожена—уничтожится и самая школа“. Жалкому „либерализму“ нашихъ дней нельзя-бы откровеннѣе росписаться въ своей лживости! вотъ и разгадка, почему „тенденціозная“ газетка коверкаетъ все наше крестьянское самоуправленіе и самыя пренія о немъ.

Правовой порядокъ, установившійся въ такъ-называемомъ крестьянскомъ самоуправленіи, увы, слишкомъ извѣстенъ въ наши дни. Это совершенная безтолочь. Искаженный противъ Положенія 19-го февраля 1861 года и парализованный такъ-называемыми „земскими учрежденіями“, которыя пребываютъ въ параличѣ, онъ сведенъ на „нѣтъ“. И общинные землевладѣльцы, то-есть сами крестьяне, и землевладѣльцы личные, то-есть земельные собственники рѣшительно всѣхъ сословій, находящіеся въ уѣздѣ, ищутъ и и не находятъ властей, которыя-бы имъ обезпечивали—уже не

говоримъ управленіе, а просто-на-просто охраненіе. А между тѣмъ собираются тяжкіе поборы и на содержаніе крестьянскихъ учрежденій, и на чиновниковъ земскихъ управъ, на такъ-называемое просвѣщеніе, медицинскую помощь и пути сообщенія. Крестьяне платятъ въ иныхъ мѣстахъ своимъ старшинамъ до тысячи рублей жалованья и повсемѣстно повторяютъ одно: „мы готовы-бы платить и вдвое, лишь-бы была польза для спокойствія и для скораго разбора всякихъ дѣлъ отъ старшины; а такъ какъ *теперь* поставлена эта должность, по насъ она и гроша не стоитъ". То-же самое говорятъ міряне о своихъ старостахъ и вообще обо всемъ своемъ управленіи, которое „ни гроша не стоитъ", а имъ стоитъ большихъ денегъ. Что-же касается до земскихъ поборовъ, то всякій, особенно изъ владѣльцевъ большихъ имѣній, знаетъ горькую истину по опыту; приходится платить столько, что, въ десятилѣтней сложности, на эти самыя деньги можно-бы давно завести въ имѣніи особую лѣчебницу и школу и даже улучшить пути сообщенія,—а между тѣмъ всего этого и нѣтъ какъ нѣтъ для заплатившаго.

Какая-же наконецъ прибыль отъ всего этого „правоваго" порядка? Единственная — для говоруновъ, для „цивилизованныхъ" невѣждъ, которыхъ кругомъ такъ много въ наши дни; для „дѣльцовъ" всякаго рода, которыхъ однакожъ всего менѣе можно назвать людьми дѣла. Это—повсемѣстная игра въ парламентики и забава драпироваться въ плащъ политическихъ представителей. То, было, однѣ городскія думы и земскія собранія оказывали самое искреннее желаніе обратиться въ *говорильни* и ужъ возбуждали вопросъ о необходимости воздвигнуть трибуны для ораторовъ, — теперь мало этого! Хотятъ уже обратить и самыя волости въ такія же *говорильни*. Нельзя не поблагодарить „тенденціозную" газету, что она откровенно высказала свой взглядъ на „волость" какъ на *школу представительства*. Съ этой точки зрѣнія, дѣйствительно, становятся объяснимы всѣ нелѣпости, которыя она проектируетъ въ видахъ улучшенія крестьянскаго и земскаго самоуправленія — безъ того необъяснимыя!

Бѣдная Русская земля! Болѣя душой по современному „крестьянскому и земскому" такъ-называемому „самоуправленію", всякій русскій человѣкъ утѣшался по крайней мѣрѣ сознаніемъ, что никто, благодаря Бога, не принимаетъ еще серьезно ни разныхъ думскихъ, ни разныхъ земскихъ ораторовъ, какъ и старостъ и стар-

шинъ у сельскихъ міровъ—за выразителей *мнѣнія земли*, за ея политическихъ представителей.

А между тѣмъ, въ одномъ этомъ, какъ теперь оказывается, и заключается весь недостатокъ современнаго строя, по мнѣнію „тенденціозныхъ" газетъ. Охотники играть въ парламентики только и добиваются улучшенія въ этомъ смыслѣ. Все улучшеніе „праваго порядка" въ крестьянскихъ и земскихъ учрежденіяхъ, по ихъ мнѣнію, лишь въ томъ и должно теперь заключаться, чтобъ самъ законодатель санкцировалъ наконецъ, если не прямо сказать міроѣдовъ то во всякомъ случаѣ лишнихъ и никому не нужныхъ „оффиціаловъ"—въ званіи *представителей*. Въ остальномъ, по ихъ мнѣнію, даромъ что кругомъ безтолочь—полнѣйшій порядокъ.

Отъ души желаемъ всѣмъ земскимъ собраніямъ вообще, а Московскому въ частности, имѣть въ виду иныхъ цѣнителей ихъ дѣятельности по вопросу о крестьянскомъ самоуправленіи, чѣмъ листки подобныхъ газетъ.

Газета „Русь" 1882 г.

Для защитниковъ дипломатіи въ „Новомъ Времени".

(Замѣтка при предостереженіи, данномъ газетѣ „Русь").

Въ „Новомъ Времени", съ нѣкоторыхъ поръ, поражаетъ постоянно одна и та-же тактика въ ея полемикѣ съ редакціонными статьями „Руси".

Какой-то, вѣроятно непрошенный, защитникъ нашей дипломатіи, по поводу нападокъ на нее газеты „Русь", твердитъ въ „Новомъ Времени" одно и то-же: „Такъ, молъ, говоритъ публицистъ, не несущій никакой отвѣтственности за совершающіяся событія, а дипломатія за нихъ отвѣчаетъ". Или еще: „публициста не останавливаетъ неизвѣстность послѣдствій, а дипломатія всѣ послѣдствія предусматриваетъ и предвидитъ".

Почему-же однако „дипломатія послѣдствія предвидитъ?" а публицистъ „даже и не предусматриваетъ послѣдствій?" Что касается въ частности нынѣшнихъ смутъ на Балканскомъ полуостровѣ, то можно сказать совершенно напротивъ: именно публицистика предвидѣла ихъ, предсказывала ихъ дальнѣйшія усложненія вслѣдствіе неправильныхъ дѣйствій дипломатіи, развивала напе-

редъ всѣ дальнѣйше-возможныя формы этихъ осложненій,—такъ и вышло. А дипломатія ровно ничего не предусматривала и не предвидѣла. Нельзя даже сказать и того, чтобъ она на этотъ разъ понесла какую-либо „отвѣтственность за совершившіяся событія". Она благоденствуетъ себѣ по прежнему, какъ-бы намекая на то, что и впредь будетъ предвидѣть и предусматривать по прежнему.

Непрошенный защитникъ дипломатіи, можетъ быть, разумѣетъ подъ *отвѣтственностью за событія* и подъ *извѣстностью или неизвѣстностью послѣдствій* что-нибудь совсѣмъ другое, а не то, чтò обыкновенно разумѣется подъ этимъ. Можетъ быть, онъ разумѣетъ подъ этимъ тайные договоры державъ между собою: одной дѣлать то и это, другой воспользоваться чужимъ въ свое время, третьей не переступать такого-то предѣла; если-же, молъ, переступитъ предѣлъ, тогда обѣ державы пойдутъ на эту третью, и т. д. и т. д.? Это-ли именно непрошенный защитникъ дипломатіи зоветъ „знаніемъ послѣдствій" и „отвѣтственностью за событія"?

Но ни о чемъ другомъ, какъ именно объ этомъ,—да! объ этомъ самомъ,—толкуетъ вѣдь и вся публицистика, уже не предвидя и не предусматривая, а прямо заднимъ числомъ провѣряя событія, сложившіяся и слагающіяся послѣ того, какъ Германія и Австрія вступили въ entente cordiale между собою во всеуслышаніе всего міра, а потомъ—по всеобщему-же увѣренію—попала въ этотъ союзъ и третья держава, противъ которой, собственно говоря, тотъ двойственный союзъ и былъ затѣянъ. Развѣ не прошлыя событія, памятныя еще съ Берлинскаго конгресса, привели къ настоящимъ, и сами еще грядущія-то событія—уже не зрѣютъ ли въ настоящихъ?

Странная недогадливость непрошеннаго защитника дипломатіи! Ее упрекаютъ именно въ томъ, что тогда какъ великая держава не проиграла ни одной битвы и ея народъ готовъ, какъ всегда такъ и нынѣ, стать поголовно за свою честь и за свои интересы,—она, дипломатія, добровольно даетъ связать по рукамъ и по ногамъ великую державу, и впредь повидимому намѣрена заботиться лишь о томъ, чтобъ покрѣпче связать эти напутанныя путы. Да, ее упрекаютъ именно въ этомъ. А чтò она отвѣчаетъ... нѣтъ, не она, а ея непрошенный защитникъ чтò отвѣчаетъ въ ея оправданіе? Помилуйте — говоритъ онъ — дипломатія тутъ не виновата. Попробуй только она „отвѣтить на совершающіяся событія" иначе чѣмъ до сихъ поръ отвѣчаетъ — тогда отвѣтятъ и

ей такими *послѣдствіями*, какихъ публицисты и не чаятъ! Какими-же *послѣдствіями* однако? Полагать надо — сколько-бы они ни составляли дипломатическую тайну, невѣдомую публицистамъ— „послѣдствія" эти и будутъ тѣ самыя, которыя напередъ были оговорены и чуть-ли даже не испрошены самòю дипломатiей-же!.. Эти, чтò-ли—*послѣдствія* она и *предусматриваетъ и предвидитъ?*

Въ нумерѣ „Новаго Времени" отъ 25 ноября мы прочитали слѣдующее:

„Русь воздвигла цѣлый обвинительный актъ противъ нашей дипломатіи — обширный (10 преступленій!) и нещадный; взамѣнъ же политики, которой, по ея мнѣнію, держится русская дипломатія, газета предлагаетъ слѣдующее:

„Прежде всего признать, хоть передъ собой, откровенно свои—не то что ошибки, но лживость всего нашего политическаго пути съ Берлинскаго конгресса; не разсчитывать впредь на „единодушіе" и „дружбу" державъ, — сознать себя, какъ Россію, славянскою державою, въ сферу вліянія которой входитъ все православное славянство со всѣмъ Балканскимъ полуостровомъ, съ Босфоромъ включительно, поднять высоко русское, оно-же и славянское знамя; изгнать изъ министерства иностранныхъ дѣлъ всѣ традиціи, всѣ привычки, всѣ пріемы по отношенію къ Европѣ молчалинскаго свойства. Въ частности-же: уважить наконецъ мольбу болгарскаго народа, выраженную отъ имени народнаго собранія извѣстною депутаціей, возвратить болгарамъ прежнее благоволеніе; затѣмъ заявить Австріи и Сербіи вполнѣ серіозно, что Россія не потерпитъ ни новой войны между Сербіей и Болгаріей, ни какого-либо вознагражденія Сербіи изъ болгарской территоріи, ни вступленія хотя-бы одного австрійскаго солдата и по какому-бы то ни было поводу — въ предѣлы сербскаго государства... Остальное доскажется само собою ходомъ вещей"...

Дипломаты, отъ которыхъ требуется предвидѣть и предусматривать всѣ послѣдствія каждаго шага, могутъ только позавидовать положенію публициста, котораго неизвѣстность послѣдствій не останавливаетъ въ заявленіи своихъ мнѣній, даже самыхъ рѣшительныхъ"...

Понимаетъ-ли непрошенный защитникъ нашей дипломатіи, какую онъ оказалъ медвѣжью услугу этими строками?!

Какъ?! одно даже сознаніе лживости политическаго пути съ Берлинскаго конгресса и одно даже сознаніе себя славянскою державою—уже навлекаетъ на насъ со стороны тройственно-двойственнаго союза такія *послѣдствія*, которыхъ наша дипломатія трепещетъ!? Какъ?! въ то время, когда Австрія распоряжается Сербіею якобы вассальною провинціей, намъ только „возвратить прежнее благоволеніе болгарамъ и заявить Австріи и Сербіи, что ни

новой войны между Сербіей и Болгаріей, ни вознагражденія Сербіи изъ болгарской территоріи мы не потерпимъ"... это одно ужъ вмѣняется въ какое-то преступленіе и въ такой *рѣшительный* шагъ, что дипломатія опять-таки дрожитъ за его „послѣдствія?" И эти-то самыя „послѣдствія" — она уже и предусматриваетъ и предвидитъ?! Да что̀-жъ это такое? Непрошенный защитникъ дипломатіи не слишкомъ-ли поднялъ завѣсу съ тѣхъ тайнъ, которыхъ не должны-бы вѣдать публицисты и которыя составляютъ лишь достояніе однихъ дипломатовъ?...

Въ томъ-же нумерѣ газеты, совершенно въ такомъ-же духѣ, защищаетъ нашу дипломатію еще одно длинное, *сообщенное* „Новому Времени", письмо.

Послѣ длинныхъ разглагольствій о худомъ поведеніи короля Милана и князя Болгарскаго; нисколько впрочемъ не убѣдительныхъ разглагольствій, а переливающихъ изъ пустаго въ порожнее, въ явное доказательство лишь собственной благонамѣренности автора, то-есть его полнѣйшаго почтенія къ Берлинскому трактату,— авторъ заканчиваетъ такъ:

„Не доказываетъ-ли все то, чему мы теперь свидѣтелями въ Болгаріи и Сербіи, что для молодыхъ славянскихъ государствъ единственно безопасной, мудрой и желательной политикой можетъ быть лишь такая, которая согласовалась-бы съ духомъ политики Россіи".

Ну, что̀-жъ? отчего-бы и не согласоваться „съ духомъ политики Россіи?" Только въ чемъ-же она, эта русская политика, и въ чемъ ея духъ? Тому и другому желательно было-бы получить хоть примѣръ. Авторъ исполняетъ это желаніе. Вслѣдъ за вышеприведенными строками, онъ, ничтоже сумняся, пишетъ слѣдующее:

„Примѣромъ для славянскихъ государствъ Балканскаго полуострова можетъ служить князь Николай Черногорскій, который, оставшись вѣрнымъ славянскимъ преданіямъ, своимъ твердымъ, непоколебимо честнымъ образомъ дѣйствій сумѣлъ сохранить со своими сосѣдями правильныя, мирныя и достойныя отношенія. Слѣдуя такому благому примѣру, правительства другихъ славянскихъ государствъ не представили-бы образованному міру печальное зрѣлище настоящей междоусобицы".

Не поздоровится отъ такихъ похвалъ,— не говоримъ князю Николаю, разумѣется онъ тутъ ни причемъ,— а опять-таки нашей самозащищающейся дипломатіи! Быть предоставленнымъ въ полное распоряженіе Австріи или отсиживаться отъ нея — вмѣстѣ съ

орлами — на одинокой скалѣ, которая у подошвы какъ желѣзнымъ кольцомъ обтянута австрійскими-же владѣніями, включительно съ Босніей и Герцеговиной, — вотъ къ чему ведетъ и по собственнымъ словамъ защитника нашей дипломатіи — вотъ что̀ значитъ: „согласоваться съ духомъ русской политики!!"

Позволимъ себѣ выразить въ заключеніе, что защитники нашей дипломатіи въ „Новомъ Времени", очевидно, непрошенные. Никакой дипломатіи въ мірѣ не поздоровится отъ такихъ медвѣжьихъ услугъ.

Мы отказываемся вѣрить, чтобъ наша дипломатія дрожала за тѣ робкіе и скромные шаги, которые съ нашей стороны были бы развѣ-развѣ черепашьими шагами — по сравненію, напримѣръ, съ pas de géant графа Кевенгюллера. Мы рѣшительно отказываемся вѣрить и въ тѣ *послѣдствія*, которыя составляютъ якобы тайну ясновидѣнія нашихъ дипломатовъ; а за одно со всею европейской публицистикой ясно видимъ status quo — всей-же европейской политики.

Ни для кого не тайна, что объединенная Германія не совсѣмъ еще почитаетъ себя объединенною со стороны своего единоплеменнаго сосѣда, владѣющаго между прочимъ и Чехіей. Ни для кого не тайна, что реальные интересы склоняли ее въ свое время именно къ союзу — не съ Австріей, а съ Россіей. Если Россія своею пассивною и антинаціональною политикой отвратила отъ себя одно время Германію, — никто другой какъ она-же сама и натолкнула ее на союзъ съ Австріей. Въ политикѣ куютъ желѣзо пока оно горячо и пользуются тѣми средствами, которыя подъ рукой—не въ будущемъ, а въ само̀й современности. Нѣтъ мудренаго, что Германія всячески толкаетъ свою нѣмецкую сосѣдку на славянскій Балканскій полуостровъ. Умно дѣлаетъ, что толкаетъ,— всё, что̀ можно сказать, пока Россія по прежнему коснѣетъ въ антинаціональной и пассивной политикѣ своей. Но допустите только перемѣну фаса, попробуй только Россія выступить на свою прямую дорогу; разъ она честно и грозно во всеуслышаніе объявитъ активную и національную политику съ своей стороны,— завтра-же неминуемо произойдетъ вольтъ-фасъ и на ея флангахъ. Не изъ чего будетъ—въ счетахъ съ Россіей—жертвовать костями ни одного Померанскаго мушкатера. Толкать нѣмецкую сосѣдку къ славянамъ — выгодно лишь при пассивной и антинаціональной политикѣ единственной и единой державы славянъ. При оборотѣ

ея политики изъ пассивной въ активную и изъ антинаціональной въ національную,—такъ можно судить по географической, этнографической и политической картѣ современной Европы и всего земнаго шара, — найдется и для Померанскаго мушкатера — лучшая работа, чѣмъ безплодно жертвовать своими костями.

Газета „Русь“ 1885 г.

По поводу овацій г. Тургеневу.

Неумолкаемые газетные толки объ обѣдахъ и прочихъ оваціяхъ г-ну Тургеневу истинно изумительны. Они не позволяютъ сомнѣваться, что хозяева этихъ овацій и распорядители этихъ обѣдовъ не столько чествовали дорогаго гостя, сколько самихъ себя. Имъ хотѣлось не его посмотрѣть, а себя показать.

Они оказали-бы больше уваженія своему сотрапезнику, а главное публикѣ—еслибъ, сидя за однимъ столомъ съ авторомъ „Записокъ Охотника“, не обращали его въ орудіе личныхъ цѣлей и своихъ собственныхъ манифестацій.

Это любимѣйшій писатель нашей нынѣшней, потянувшейся послѣ Пушкина и Гоголя, переходной поры, когда все у насъ по пословицѣ: отъ одного берега отстало, а къ другому не пристало.

Ранѣе Пушкина и Гоголя тянулся, какъ извѣстно, такъ-называемый Карамзинскій періодъ: то было доброе старое время, вполнѣ увѣренное въ себѣ. Русскій XVIII-й вѣкъ завершился тогда, въ первой четверти XIX-го, характерною эпохою Александра „Благословеннаго“. Она считаетъ блистательнѣйшими памятниками своего творчества, съ одной стороны — исторію Рюриковъ и Олеговъ въ костюмѣ римскихъ Цезарей, а съ другой — бюрократизмъ графа Сперанскаго въ духѣ Наполеоновскаго цезаризма. Въ поэзіи она заклеймила себя извѣстнымъ двустишіемъ: „Россія тьмой была покрыта много лѣтъ, Богъ рекъ: да будетъ Петръ — и бысть въ Россіи свѣтъ“. Лучше какъ этимъ двустишіемъ нельзя-бы и выразить (вошедшаго потомъ цѣликомъ въ нашъ казенный катехизисъ) взгляда Бироновъ, Миниховъ и Остермановъ на реформу Петра. И нужно было народиться двумъ великимъ, истинно-народнымъ геніямъ (они-же нарождаются лишь вѣками), чтобъ наконецъ покончить съ такого рода нѣмецко-русскимъ самосознаніемъ. Пушкинъ и Гоголь,

не даромъ взявшіеся у насъ послѣ „сентиментальнаго Карамзинскаго“ періода, замкнули собой эту эпоху — и расчистили дальнѣйшій путь. Благодаря этимъ двумъ гигантамъ, Петровскій переворотъ былъ наконецъ пережитъ русскимъ самосознаніемъ. Послѣ нихъ для всѣхъ стало ясно: къ чему на самомъ дѣлѣ, отъ московской старины путемъ петербуржской новизны, перешла Русь? Коротко сказать: отъ Котошихинскаго боярина къ Евгенію Онѣгину — выигрышъ не весьма великій. А Гоголь договорилъ еще, что областная Россія — губернская и уѣздная — упала или, если это вамъ лучше нравится, возвысилась въ то-же время до Сквозниковъ-Дмухановскихъ, Собакевичей и Ноздревыхъ. Дальше въ этомъ направленіи идти было некуда. Новая задача намѣчалась сама собою. Была желательна ужъ такая новизна, чтобы въ ней... старина наша слышалась.

На рубежѣ двухъ эпохъ — между Пушкинско-Гоголевскимъ періодомъ и тѣмъ новымъ, котораго еще только чаетъ нынѣ-обновляющаяся Россія — въ русскомъ обществѣ громко сказался лозунгъ: *русская народность*. И знаменательно: возвращеніе къ искомому родному идеалу совпало и сомкнулось у насъ съ освобожденіемъ крестьянъ и даже (такъ, по крайней мѣрѣ, говорятъ иные) съ зарею освобожденія будто-бы нашихъ славянскихъ братій. Еще въ шестидесятыхъ годахъ, помнится, г-нъ Гильфердингъ утверждалъ, что слѣдующій великанъ русскаго творчества, имѣющій замѣнить великаго Пушкина и открыть новую эру нашей литературы, будетъ народнымъ писателемъ ужъ не только для однихъ русскихъ, но и для всѣхъ славянъ.

Оставляемъ это на отвѣтственности думающихъ такъ; но какъ-бы тамъ ни было, однакожъ, судя нашу литературу по ея нынѣшнимъ образцамъ, не близко это время, если даже тому и быть. Особенно не фельетонная публицистика нынѣшнихъ дней способна убѣдить, что наступила или по крайней мѣрѣ уже близка новая эра. Вся нынѣшняя литература сошла у насъ на фельетонъ и убѣждаетъ въ противномъ. Она во-очью показываетъ намъ, что мы—жалкое, вѣтренное племя межеумочной переходной эпохи—переживаемъ окончательное разложеніе и конечную гибель ея. (Симптомами *новаго* можно будетъ, пожалуй, назвать романъ, напримѣръ, графа Толстаго „Войну и миръ“ или еще много раньше появившуюся передъ тѣмъ „Семейную хронику“ и т. п. сочиненія, — но это ужъ не фельетоны). Мы говоримъ про то вымираніе, которое нынче себя явно обличаетъ

въ нашей „фельетонной“ литературѣ,—все равно: будетъ-ли это научный трактатъ ученѣйшаго профессора, отрицающаго русскую народность даже въ русскихъ народныхъ пѣсняхъ; будетъ-ли это многотомный романъ на французскій ладъ плодовитѣйшаго изъ нашихъ Зола̀; передовая-ли статья либеральнаго газетнаго антрепренера, или въ тѣсномъ смыслѣ собственно такъ-называемый фельетонъ. Въ нихъ-то духъ разложенія! и міазмы такого разложенія нынче въ воздухѣ кругомъ.

Мы совершенно согласны съ „Новымъ Временемъ“ (пусть это каламбуръ, во всѣхъ смыслахъ согласны): нѣтъ болѣе *западниковъ*, нѣтъ болѣе *славянофиловъ:* тому доказательство на лицо. Про славянофиловъ во время оно писали, что они отстаиваютъ варварство и ходятъ въ мужицкихъ сапогахъ; а нынче (еще до мира въ послѣднюю войну) объявлено даже въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, что *„наше дѣйствительное варварство ходитъ въ лаковыхъ сапогахъ и бѣлыхъ перчаткахъ“*. Такъ измѣняются людскія мнѣнія! а вотъ есть-же такіе фельетонисты — они спятъ и видятъ славянофиловъ тьмы-темъ. Какъ тѣ августовскія мухи, которыя тѣмъ больнѣе кусаютъ, чѣмъ ближе ихъ смерть,—они все настойчивѣе съ каждымъ днемъ въ своихъ натискахъ именно на славянофильство!

По ихъ мнѣнію — не русскій народъ, а одни только *„славянофилы“* — эти исконные враги и *„гуманности“* и *„прогресса“* и *„либерализма“* — сущіе враги напослѣдокъ и моднаго иностраннаго слова — этого le fin mot de la chose ими обожаемой „западной государственной науки“. Risum teneatis, amici! за него-то и ради его именно, оказывается теперь, славятъ они и воспѣваютъ еще хоромъ самого̀ автора Записокъ Охотника! Онъ имъ привезъ съ собой, видите-ли, прямо изъ-за границы это „модное слово“, и оно у него въ карманѣ. Одинъ онъ, видите-ли, этотъ „неисправимый западникъ и истый постепеновецъ“— не взирая ни на что̀: ни даже на то, что тогда былъ юнъ, а теперь сѣдъ какъ лунь — остался вѣренъ традиціямъ сороковыхъ годовъ! Тогда какъ все вкругъ него измѣнилось, одинъ онъ по прежнему остается неизмѣннымъ воплощеніемъ „людей сороковыхъ годовъ“; одинъ онъ соблюлъ въ цѣлости ихъ символъ вѣры... Что-жъ это такое однакожъ?! Какъ бы ни были хороши моды сороковыхъ годовъ: допустимъ даже, что въ свое время они были—на что̀ лучше,—неужели однако пріятно попасть въ компанію нынѣшнихъ франтовъ этихъ модъ?

Допустимъ, что въ энциклопедическомъ лексиконѣ русскаго образованія за то время слово *„западникъ“* — было самымъ моднымъ словомъ и пользовалось всеобщимъ почетомъ. Но вѣдь и лексиконъ такихъ именно словъ, какъ *прогрессъ, гуманность* и *либеральность* еще не былъ опошленъ тогда,—а въ этомъ все дѣло! Бѣда въ томъ, что нынче ужъ давнымъ-давно моды сороковыхъ годовъ износились и донашиваютъ ихъ теперь одни гаеры толкучаго рынка литературы... какъ тѣ лакеи, которые донашиваютъ обноски съ барскаго плеча.

Мы живо помнимъ то *„эстетическое нѣчто“*, которому поклонялись и которое — помнится — потомъ сжигали люди сороковыхъ годовъ. Что-жъ они такое, въ самомъ дѣлѣ, проповѣдывали? чему поклонялись? что боготворили? въ чемъ заключался ихъ символъ вѣры? Ахъ, это было прекрасное, немножко и гуманное и либеральное, именно *„эстетическое нѣчто“*, далѣе котораго и не шелъ ихъ символъ вѣры. Ближайшіе наслѣдники Евгенія Онѣгина (этого, главнаго родоначальника всѣхъ *„лишнихъ“* людей, чужеземцевъ на Руси)—тогда, въ сороковыхъ годахъ, они еще не очень отдалились отъ своего блестящаго прототипа, отъ самого М-г Онѣгина. Но вотъ, поколѣніе за поколѣніемъ, отцы народили дѣтей и, въ свою очередь, дѣти сдѣлались отцами. Г-нъ Тургеневъ, чувствовавшій себя весьма привольно въ сферѣ „лишнихъ людей“ Онѣгинскаго типа, нѣсколько смутился однако, очутившись подъручку съ Базаровымъ. Нашелся-ли онъ въ этомъ, сравнительно-же говоря, новомъ для себя товариществѣ? Какъ художникъ, онъ вѣрно постигъ сущность „новаго вѣющаго духа“ и самъ-же мѣтко его окрестилъ нигилизмомъ. Но, какъ мыслитель, онъ растерялся и едва ли не расшаркнулся... передъ старшими изъ духоносцевъ, по крайней мѣрѣ. Съ художниками это впрочемъ бываетъ: вызовутъ духа и не съумѣютъ съ нимъ сладить. Да! эти позднѣйшіе и наконецъ само-позднѣйшіе нынѣшніе „лишніе люди“, являющіеся чужими на Руси—это плоть отъ плоти и кость отъ кости однихъ и тѣхъ же родоначальниковъ и слѣдить за ихъ генеалогіей поможетъ— въ его повѣстяхъ—самъ г. Тургеневъ.

Одною изъ существенныхъ принадлежностей того самаго *„эстетическаго нѣчто“*, какъ извѣстно, всегда было возведеніе въ цѣлый культъ *„освѣжающей любви женщины“* (заимствуемъ чужое выраженіе, рано умершаго Писарева). Можно-бы сказать: на этомъ именно мотивѣ и сосредоточивались главнѣйшія апоѳегмы ихъ уче-

нія. Этимъ какъ-бы констатировался другой фактъ, что при вѣрѣ въ *„эстетическое нѣчто"*, пожалуй, на одни эти мотивы въ концѣ концовъ и сойдетъ искомѣйшій идеалъ человѣчества.

Замѣчательно, что герои и героини повѣстей и романовъ г. Тургенева (—говоримъ повѣстей и романовъ, слѣдовательно сюда не входятъ Записки Охотника—), всѣ безъ исключенія, мучатся любовною истомой и играютъ въ любовь—начиная отъ Андрея Колосова до героевъ и героинь „Нови". Хотя можетъ иногда казаться, что они заняты міровыми вопросами, рѣшаютъ какія-то до неразрѣшимости сложныя гражданскія задачи,—но, на самомъ дѣлѣ, неразрѣшимая проблема у нихъ вѣчно одна и та-же: „освѣжающую любовь женщины" возвести въ недосягаемо-высокій идеалъ чисто-олимпійскаго небожительства. Такъ какъ, на бѣду, эта дольняя и очень низменная страсть предназначена въ общей экономіи природы лишь для закладки первой соціальной ячейки, именуемой у земнородныхъ семейнымъ бытомъ (а этимъ, какъ извѣстно, не стѣсняются лишь небожители Олимпа), то и разрѣшить мудреную задачу, смертнымъ людямъ, хоть ты что̀, никакъ не удаётся. Не знаемъ: замѣчено-ли это всѣми или никѣмъ еще не замѣчено, но въ высшей степени характерно въ повѣстяхъ и романахъ г. Тургенева то неслучайное обстоятельство, что всѣ его героини, всѣ до одной, вовсе не рождаютъ дѣтей; всѣ онѣ—какъ въ народѣ говорится—неродимки! Если-же съ кѣмъ изъ нихъ такой грѣхъ случится, то непремѣнно умираютъ родами; наконецъ, вскорѣ послѣ родовъ. Даръ многочадія между героями г. Тургенева достаётся въ удѣлъ лишь поруганнымъ и осмѣяннымъ,—и преимущественно выпалъ на долю тому простяку-толстяку, наиболѣе осмѣянному изъ всѣхъ прочихъ помѣщиковъ, степному помѣщику, о которомъ въ шутливой стихотворной поэмѣ прямо и подчеркнуто, что онъ, comme de raison...

И былъ, какъ слѣдуетъ отцемъ
Необозримаго семейства.

Когда г. Тургеневъ, начавъ съ Андрея Колосова, прошелъ разными Рудиными изъ десятилѣтія въ десятилѣтіе до своего Базарова, и, вызвавъ духа, не умѣлъ съ нимъ сладить, и послѣ того принялся за *„Призраки"* и „съ изнеможеніемъ въ кости" дошелъ до своего *„Довольно"*—(другими словами, когда, начавъ съ *„эстетическаго нѣчто"*, вѣнчающагося извѣстною формулой: въ земной

любви осуществить идеалъ олимпійскихъ небожителей, онъ, въ концѣ концовъ, дошелъ до инаго *нѣчто*, *„это было нѣчто тѣмъ страшнѣйшее, что оно не имѣло опредѣленнаго образа и было что-то тяжелое, мрачное, изжелта-черное, пестрое какъ брюхо ящерицы... гнилымъ, тлетворнымъ холодкомъ несло отъ него...“*)—тогда философскій циклъ г. Тургенева замкнулся самъ въ себѣ; замкнулся—говоримъ—циклъ произведеній писателя, принадлежащаго къ *„людямъ сороковыхъ годовъ!“* Да! онъ „неисправимый западникъ!“ скажемъ, пожалуй въ заключеніе его собственными словами. Но Богъ милостивъ: несказанное добродушіе самого этого признанія подаетъ добрую надежду: авось-либо онъ на старости лѣтъ исправится.

Никакихъ проблемъ, сказали мы, не рѣшается въ Запискахъ Охотника; но онѣ и останутся навсегда въ въ его твореніяхъ лучшимъ образцомъ. Правда, въ нихъ иногда мелькаетъ (отпечатокъ публицистики того времени) тенденціозность „западника“, ратующаго противъ крѣпостнаго права и не понимающаго въ то-же время, что крѣпостное право у насъ — плодъ „западничества“ самого Петра. Простите художнику; онъ только платилъ дань своему вѣку: тогда все, что почитало себя наилучшимъ въ мыслящей Россіи, вольно иль невольно, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, накликало... чтобъ не сказать: сами не знали что̀, скажемъ „отмѣну Петровской крѣпостной реформы“; то-есть сбывшееся на нашихъ глазахъ такъ-называемое улучшеніе быта крестьянъ. Не эти строки (то-есть въ которыхъ мелькаетъ тенденціозность такого рода) доставили, конечно, славу Запискамъ Охотника; строки въ этомъ духѣ всегда выходили сильнѣй и даже талантливѣй, напримѣръ, у Герцена: къ тому-же въ публицистикѣ имъ и настоящее мѣсто. Но та поэтическая прелесть картинъ сельской Руси; тотъ поэтическій огонекъ, которымъ дышатъ у художника очерки нашего, въ лаптяхъ да въ сермягѣ, деревенскаго люда; эта виртуозность и художественная форма Записокъ Охотника—вотъ что̀, безъ сомнѣнія, доставило имъ громкую славу. Въ нихъ, какъ мы сказали, главная слава ихъ автора. Въ нихъ — sauf le respect къ тѣмъ именно строчкамъ, которыя мы только-что оговорили — художникъ далъ объективную картину; отразилъ жизнь какъ въ зеркалѣ, чистомъ отъ всякихъ пятенъ. Въ прочихъ его повѣстяхъ и романахъ гораздо чаще проглядываетъ прямо такъ-называемая субъективность автора; она нѣтъ-нѣтъ и выступитъ мутнымъ пятномъ на зеркальномъ отраженіи возсоздаваемаго, въ которое глядится самъ

авторъ и въ которомъ онъ, съ головы до ногъ, осматриваетъ лишь самого себя. Это, переходя отъ Колосова къ Рудину, отъ Рудина къ Базарову, отъ Базарова къ Нежданову — тянется все одна и та-же нескончаемая вереница, одна и та-же генеалогія „лишнихъ“ людей на Руси. И чувствуется поминутно, что самъ авторъ не выбьется никакъ изъ эпохи, къ которой до мозга костей принадлежитъ самъ; что запуталось и его собственное имя въ родоначаліи, въ верхнихъ вѣтвяхъ того многовѣтвистаго родословнаго древа.

Но чѣмъ смѣлѣе обнажали мы всю мнимую славу тѣхъ, будто-бы, соціально-политическихъ и народо-либеральныхъ заслугъ г. Тургенева, за которые его хоромъ величаютъ нынче и застольные ораторы и газетные фельетонисты (заслугъ, которыхъ и не подозрѣвали за г. Тургеневымъ его искреннѣйшіе почитатели и открытіе которыхъ для него самого, вѣроятно, было нечаянностью) — тѣмъ охотнѣе перейдемъ къ оцѣнкѣ и къ защитѣ всего, что воистину для всѣхъ дорого въ его симпатичномъ талантѣ и что́ было въ немъ, напротивъ того, глубоко оскорблено и даже, прямо сказать, поругано дѣльцами нашего печатнаго слова шестидесятыхъ годовъ.

Преемникъ золотаго вѣка нашей литературы, когда въ ней гремѣли имена Пушкина и Гоголя, да! онъ не посрамилъ взлелѣяннаго ими русскаго искусства; онъ не измѣнилъ ни одному изъ лучшихъ преданій. Онъ возвысилъ, а не уронилъ русское слово; онъ къ неувядаемымъ образцамъ нашего молодаго искусства прибавилъ новые дѣйствительные-же образцы. Онъ могъ-бы, какъ самъ Пушкинъ, по праву отвѣтить разъяренной толпѣ, черни, метущей соръ съ улицъ:

. . . . . полезный трудъ!
Но, позабывъ свое служенье,
Алтарь и жертвоприношенье,
Жрецы-ль у васъ метлу берутъ?

Онъ художникъ — и въ томъ его великая сила; не навязывайте ему тѣхъ модныхъ идей, которыя и изнашиваются какъ моды; болѣйте вашими болячками сколько вашей душѣ угодно — ихъ не вѣдаетъ здравая Русь.

Пускай у г. Тургенева поэтическое міросозерцаніе не велико и внутреннее его содержаніе не громадно. Въ широкой и много-

сторонней сферѣ сердечной жизни человѣка, самъ онъ облюбовалъ лишь тотъ мирный укромный уголокъ, въ самой кротости котораго уже есть своя обаятельная заманчивость, какъ въ музыкѣ. Это тотъ, истому души нѣжащій мірокъ, который составляетъ, именно какъ музыка, рай души для утонченнаго сластолюбца, для счастливаго празднаго лѣнивца, вся жизнь котораго — одно безпрерывное поэтическое far-niente и весь трудъ котораго въ пріисканіи себѣ новыхъ артистическихъ наслажденій. Сама природа у г. Тургенева, всѣ его ландшафты и пейзажи — подернуты тою-же нѣгою и мягкой прелестью; словно сама природа улыбается у него тою-же взаимною улыбкой самого любующагося на нее счастливца.

Распространяться-ли объ совершенствѣ художественной формы его произведеній? это общеизвѣстно. О чемъ-бы онъ ни завелъ разсказа: о милой-ли встрѣчѣ въ уголкѣ Италіи, или пускай это будетъ отталкивающее свиданье полуодурманеннаго лейтенанта Ергунова съ подозрительной корчемницей — все у него запечатлѣно могуществомъ творчества и онъ является удивительнымъ виртуозомъ въ своемъ разсказѣ. Вотъ что̀, конечно, притягиваетъ читателей къ сочиненіямъ г-на Тургенева; заставляетъ ихъ перечитывать по нѣскольку разъ; держать ихъ у себя настольною книгой для того, чтобы минутами, въ разныхъ настроеніяхъ духа, раскрывать ихъ на выдержку — въ надеждѣ всякій разъ найти откликъ душѣ. А поэтъ — сказалъ еще Пушкинъ — „какъ эхо, даетъ на все отвѣтъ; ему-жъ нѣтъ отзыва“.

Нѣтъ мудренаго, что при такомъ Божьемъ дарѣ, г. Тургеневъ бралъ иногда, темою для своихъ мастерскихъ картинъ, и нашу уличную современность. Что-жъ изъ этого? весь интересъ картинъ даже такого рода — у г. Тургенева въ ихъ художественной отдѣлкѣ! опять-таки въ силѣ самого поэтическаго таланта — а ни въ чемъ другомъ. Никого даже, напримѣръ, не занимало и не занимаетъ: сочувствуетъ или не сочувствуетъ самъ онъ героямъ „Нови“ (напримѣръ, такъ неудавшемуся его перу, этому по мысли автора дѣйствительно-герою, а на самомъ дѣлѣ лишь какому-то „цивилизованному кулаку“ г-ну Соломкину?); хотѣлъ-бы онъ или не хотѣлъ, чтобъ его собственный сынъ былъ вылитый Базаровъ? Всѣ только говорили и говорятъ одно: чѣмъ объективнѣе относился художникъ къ выводимымъ героямъ — тѣмъ было лучше; чѣмъ, напротивъ того, болѣе проглядывала въ ихъ выставленіи его собствен-

ная субъективность — притомъ рѣшительно все равно: въ одобреніи-ли героямъ, въ порицаніе-ли — тѣмъ это было хуже.

Всѣ распри, бурныя еще до сихъ поръ, о сочувствіяхъ или несочувствіяхъ такого рода, какъ помнитъ самъ г. Тургеневъ, начались съ появленія „Отцевъ и Дѣтей", и — надо наконецъ раскрыть горькую истину — онъ самъ въ томъ виновенъ. Въ этомъ злощастномъ романѣ сдѣлана имъ, какъ художникомъ, непростительная ошибка.

Въ чемъ вся сила „Отцевъ и Дѣтей"? Единственно въ художественной статуэткѣ самого Базарова. Ему-бы имъ, Базаровымъ, и ограничиться! и дать-бы лишь одну эту художественную статуэтку, — какъ онъ далъ намъ, напримѣръ, Гамлета Щигровскаго уѣзда въ Запискахъ Охотника. Но художникъ на этотъ разъ не вытерпѣлъ и дѣйствительно, уступилъ требованіямъ, видите-ли, *современниковъ!* А чему онъ уступилъ, тѣмъ и казнился. Базаровъ, появясь въ окруженіи цѣлой ярмарки самаго моднаго товара, истинно произвелъ впечатлѣніе тенденціозной диссертаціи о старомъ и новомъ поколѣніи, — а романа все-таки не вышло. Почитатели и лучшіе цѣнители таланта г. Тургенева тогда-же, съ самаго начала, были изумлены такимъ оборотомъ. Выходило и вправду такъ, что въ народившемся новомъ „*дитяти*" какъ-будто обобщились всѣ дѣти Русской земли, а въ Аркадіевомъ папашѣ — всѣ отцы православной.

Сама русская тьмочисленная молодежь шестидесятыхъ годовъ — (мы знаемъ и утверждаемъ это) — вовсе не сочла г. Тургенева своимъ прорицателемъ. Она оскорбилась, напротивъ того, и ставила ему въ вину: зачѣмъ онъ выродковъ изъ молодежи принялъ за ея общій образецъ? неужели и всѣ „отцы" на Руси были папашами во вкусѣ „*людей сороковыхъ годовъ?*" Что было тогда, то̀ еще длится и сейчасъ. Дѣйствительная, многочисленнѣйшая русская молодежь, какъ тогда, такъ и теперь, не перестаётъ сѣтовать на почтеннаго автора: зачѣмъ всю ее затушевалъ онъ въ одинъ цвѣтъ: — притомъ даже возвелъ ее коллективно какъ-бы въ нѣкій, обязательный и лестный для нея чинъ?!

Фельетонисты возразятъ намъ, пожалуй, что „*Современникъ*" и „*Русское Слово*" въ разгаръ шестидесятыхъ годовъ говорили иное и если на что-нибудь сѣтовали, такъ совсѣмъ на другое. Да! (мы знаемъ и утверждаемъ и это): дѣйствительно, и „*Современникъ*" и „*Русское Слово*" были тогда даже еще, словно, лично заинтере-

сованы, чтобы вся *„сударыня-публика“* непремѣнно почитала и принимала выродка изъ молодежи за ея настоящій образецъ. Они были готовы всѣхъ обобщать въ одинъ типъ съ собою; они, помнится, даже хвалились, что тѣмъ выполняютъ лишь требованіе цѣлой „естественно-научно-мыслящей Россіи“. Мы и не говоримъ, что у насъ совсѣмъ перевелись охотники отождествлять себя съ цѣлою Россіей и выдавать выродковъ за образецъ! Чего добраго, найдутся пожалуй еще и сейчасъ охотники расписываться въ своей любви исключительно къ выродкамъ, причисляться непремѣнно имъ въ родню и, не смотря уже на свои сѣдѣющіе волосы, льститься на лакомый чинъ *„исполняющихъ должность молодежи“*. Любопытно было-бы узнать: не преподносился-ли титулъ *„знатока молодежи“* и самому автору „Отцевъ и Дѣтей“ среди множества другихъ застольныхъ тостовъ? Титулъ *„знатока русской народности и воплощенія національной совѣсти...“* вѣдь преподнесли-же ему!

Что г. Тургенева, ужъ конечно, нельзя причислить къ тѣмъ, такъ-называемымъ отрицательнымъ русскимъ писателямъ, отношеніе которыхъ и къ русской природѣ и къ русскому народу чисто-отрицательное — не мы будемъ объ этомъ спорить. Восхитительно описывая югъ Италіи, гдѣ ночь пахнетъ лимономъ,—онъ въ то-же время и къ русскому ландшафту и пейзажу относится съ роднымъ дружествомъ; изъ чисто-русской природы написаны имъ мастерскія картины. Очерки нашего, въ лаптяхъ да въ сермягѣ, деревенскаго люда — какъ мы сказали — запечатлѣны у него неподражаемо-вѣрнымъ колоритомъ. Но отсюда до глубокаго пониманія „русской народности и воплощенія собой національной совѣсти“ — далеко. Пускай г. Тургеневъ остается неотрицаемо-великимъ художникомъ даже тогда, когда въ глубинѣ души русскаго человѣка доискивается тѣхъ, граничащихъ съ убожествомъ, сердечныхъ чертъ, вся сила которыхъ въ ихъ немощи — именно эти черты задѣты имъ, напримѣръ, въ разсказѣ *„Живыя мощи“*. Но... но того писателя, который, вдумываясь въ подобные мотивы, дошелъ лишь до вопросительнаго знака, которымъ и заканчиваются всѣ его *„странныя исторіи“* и съ отцемъ Алексѣемъ, и съ провинціальною барышней M-lle Софи, и съ *„Собакой“*; который ничего лучшаго не нашелъ на своей родинѣ противупоставить грубой силѣ римскихъ легіоновъ, кромѣ „сарынь на кичку!“ — воля ваша, такого писателя, при всемъ признаніи за нимъ мощнаго поэтическаго таланта, русскій народъ воплощеніемъ своей совѣсти не назоветъ.

Итакъ, на всѣхъ празднествахъ, на которыхъ многолюднѣйшая и разнообразнѣйшая толпа, еще такъ недавно, чествовала нашего обще-любимѣйшаго писателя и дорогаго гостя... присутствовало также неимовѣрное количество разныхъ фельетонистовъ (хотя-бы то были профессора и магистры, адвокаты и сами доктора правъ, техники и финансисты, медики и всякія артисты). Они продолжаютъ еще, съ разными коментаріями отъ себя, описывать эти праздники до сихъ поръ. Всѣ, въ одинъ голосъ и будто по сговору, повторяютъ одно и то-же; славя въ г. Тургеневѣ— не вѣсть чтó! а объ его главномъ существенномъ значеніи (слона-то и не примѣтили!) — всѣми-же умолчано до конца.

Переслушать только застольныхъ ораторовъ и фельетонистовъ— чего тутъ нѣтъ! г. Тургеневъ и великій рѣшитель соціалистическихъ задачъ, и символъ лучшихъ общественныхъ стремленій! и громитель (были да всѣ вышли) славянофиловъ! и провозвѣстникъ, только-что привезеннаго имъ, прямо изъ заграницы, послѣдняго западнаго слова, окончательнаго le fin mot de la chose...

Уймётся-ли наконецъ легкое, вѣтренное племя! Дѣла-ли они, вправду, хотятъ? куда ни оглянись кругомъ, всюду—его страхъ какъ требуется. Зачѣмъ было нужно громоздить и городить для г. Тургенева соціально-политическія и народо-либеральные подмостки... пригодные развѣ-развѣ господамъ фельетонистамъ для ихъ собственнаго пьедестала? Уберите ихъ прочь; ему они не годятся. Возьмите ихъ назадъ себѣ.

1879 г. Мартъ.

Изъ письма къ М. Н. Каткову.

...„Стряхнуть съ себя кошмаръ" (какъ будто это изъ ничего взялось или налетѣло со стороны) вотъ ваше выраженіе о нынѣшнихъ напастяхъ. „Надо усилить власть, нужны рѣшительныя дѣйствія нестѣсненной власти и кошмаръ стряхнется", вотъ и предлагаемая панацея. Но ..если только не будетъ чудотворенія откуда-жъ больной, безъ рукъ и безъ ногъ, возьметъ силы, чтобъ *нести одръ свой и ходить?* Тутъ слѣдствіе берется за причину.

..Не знаменательно-ли въ самомъ дѣлѣ? посягаютъ на тишайшаго изъ царей тамъ, гдѣ долго терпѣли тирановъ! И въ какой

богопротивной странѣ посягаютъ еще такъ, какъ въ царелюбивой Россіи! Приходится по маловѣрію вовсе отчаяться въ Провидѣніи, или — именно вѣруя въ правду Божьяго суда на свѣтѣ — только и можно еще не приходить въ отчаяніе отъ совершающихся злодѣяній (потому что, кто вѣруетъ, тотъ кается: *праведно казнитъ Богъ*; тотъ еще и спрашиваетъ себя: чему „грозя" научаетъ?)

Уже иностранцы дивятся беззавѣтной лихости, размашистости и безшабашности, какими отличается радикализмъ нашихъ радикаловъ. Максъ Мюллеръ, сказавшій о нигилизмѣ нѣчто такое, чего вовсе не говорилось у насъ или кто-то тамъ другой, сказавшій что-то въ томъ-же родѣ, начинаютъ объ этомъ (хотя и по своему по иностранному) весьма близкое къ правдѣ говорить. Въ самомъ дѣлѣ, это что-то неслыханное и невиданное въ мірѣ; ничего подобнаго ни въ чьей исторіи нѣтъ.

Призывающіе Божье имя всуе повторяютъ только одно: вѣра оскудѣла! преданья благочестивой старины молкнутъ! И никто изъ нихъ не только не высказалъ съ каѳедры всенародно или келейно съ глазу-на-глазъ, какъ на духу, кому должно — никто изъ нихъ даже себя-то не спросилъ: а почему вѣра убыла, а не прибыла? чѣмъ мы сами родную исторію исказили? И казенные проповѣдники вторятъ слово въ слово: налетѣлъ кошмаръ. Что Богъ не до конца погнѣвался, этого не отрицаютъ; такъ-таки и упираютъ на то: „сотворилъ чудо"; но урока не даётъ, покаянія не ждетъ: чудо выходитъ даромъ. Да въ чёмъ-же наконецъ и каяться, если все обстоитъ благополучно?

Нѣтъ! и зло, и наша немощь бороться со зломъ, всѣ эти нынѣшнія напасти, окутавшія насъ черной мглою — такъ что мы съ головой какъ безъ головы, и съ руками какъ безъ рукъ, и съ ногами какъ безъ ногъ — это не пустой мòрокъ воображенія. Это не кошмаръ, отъ котораго вздрогнувъ во снѣ, просыпаются сновa-здорово. Это дѣйствительный параличъ, дѣйствительный упадокъ силъ, — крахъ извнутри организма. Пока мы не одумаемся, что „*нигилизмъ*" вовсе не какая-то мразь, налетѣвшая съ вѣтра, а наша собственная проказа — гниль, выступившая по всему тѣлу отъ прокаженности самого тѣла — до тѣхъ поръ мы слѣпцы въ своей болѣзни. Пока не одумаемся, что сами эти „имъ-же подобало придти, но лучше было-бы повѣсить жерновъ на шею и броситься въ воду" вовсе не случайно-одиночные выродки нашего собственнаго здороваго степенства, а грѣховная плоть отъ грѣховной пло-

ти нашей и грѣховная кость отъ грѣховныхъ костей нашихъ,— до тѣхъ поръ всѣ-всѣ въ слѣпотѣ... не тѣ, кои уже заболѣли; но, главнымъ образомъ, еще и почитающіе себя здоровыми. До тѣхъ поръ нѣтъ и видовъ на исправленіе: не перестанетъ болѣзнь, пока причины, её производящія, продолжаютъ длиться.

Много грѣховъ въ Русской исторіи, но есть одинъ — всѣ прочіе самъ въ себѣ содержащій. Не трудно-бы опредѣлить его однимъ словомъ.. оно не русское; можно-бы назвать подлиннымъ именованіемъ.. для русскаго слуха это необычайный варваризмъ,— на родной языкъ все это непереводимо.

...Да! это цѣлый лживый принципъ, занесенный къ намъ съ чужи. Въ родной исторіи онъ дѣйствительно составляетъ *„чуждое начало“*. Тѣмъ хуже. Нигдѣ онъ, лживый, не составляетъ и такого сильно-дѣйствующаго яда, такого великаго и смертнаго грѣха, какъ у насъ, — никто въ немъ такъ и неповиненъ какъ мы. На родинѣ у себя дома, гдѣ онъ выросъ и образовался, онъ даже не составлялъ грѣха. Къ кому онъ перешелъ по наслѣдству — и тѣ точно также, менѣе насъ повинны въ томъ. (Ибо, кому чего не дано — съ тѣхъ и не взыщется). Разумѣется, ядъ — вездѣ ядъ: но тамъ это ядъ оклиматизированный. У язычниковъ, въ свое время, это было даже нѣчто такое, что возвышало и облагораживало ихъ; оно значило для нихъ именно humanitas и divinitas, восполняя хоть чѣмъ-нибудь пустоту безвѣрія. Больше того, тамъ оно нѣкоторымъ образомъ и замѣняло религію, такъ какъ кромѣ — собственно говоря — не было никакой. Но что, зародившись въ древлеязыческомъ мірѣ еще библейскихъ временъ, достигло апотеозы при Рождествѣ Христовѣ въ античномъ urbi et orbi terrarum и по прямому наслѣдству распространилось на весь католическій западъ (а объ исчезнувшей съ лица земли Византіи по этому поводу лучше не упоминать), тò можетъ быть сошло-бы безнаказанно и было-бы еще въ-пору какому-нибудь облатынившемуся славянству... но намъ, православному русскому народу и царству, рѣшительно не къ лицу и даромъ не сойдетъ. Понятно почему такъ. Чтò составляло и составляетъ пожалуй даже религіозность, пока оставалось и остается у себя дома при родныхъ пенатахъ, тò обращается въ сущую иррелигіозность — не у себя, и безъ нихъ. Ибо можно вовсе не знать Бога; но когда говорятъ: „Господи!“, — тогда ужъ не подмѣниваютъ одного другимъ. (Съ тѣхъ взыщется, кому дано). Что такое религіозность, — отъ начала нашей эры, — всѣмъ извѣстно.

„Да будетъ воля Твоя!“ и еще: „воздадите кесарево кесареви, а Божіе Богови“ — отъ начала нашей эры — вотъ въ чемъ заключается религіозность. Обратное тому, слѣдовательно, будетъ иррелигіозность. Это то̀, когда всё, о чемъ сказано: „воздадите Богови“, люди воздаютъ кесареви и молятся — вопреки и на перекоръ молитвѣ Господней — да будетъ и на небеси, яко-же у насъ на землѣ. Это — иррелигіозность.

— „И это все по поводу кошмара!“ — восклицаете вы съ негодованіемъ — по поводу современныхъ, на нашихъ глазахъ совершающихся, событій!. этакъ пожалуй можно все свести къ Адаму!“.

Совершенно вѣрно. Все зло на свѣтѣ, дѣйствительно, сходитъ къ Адамову грѣхопаденью. Какъ вездѣ, такъ и въ русской исторіи, грѣхи людскіе сводятся всѣ къ тому. Если даже не въ московскій, а еще въ удѣльный періодъ, не одни государи московскіе, а хоть-бы напримѣръ Галицкіе князья, искушались и соблазнялись западнымъ римскимъ идеаломъ; если наконецъ тотъ или другой потомокъ Святаго Владиміра льстился производить себя отъ Августа Цезаря, — никому никогда этого и не вмѣняли въ святость. Не за это въ русской исторіи причисляли къ лику святыхъ. Все такое (o, dive Caesar!) при древле-отческомъ благочестіи почиталось за грѣхъ.

Бремя земной власти и тягость земнаго величія, какъ ихъ понимаетъ русскій народъ, чтится имъ за вѣнецъ терновый, а не лавровый; это—выражаясь по старинѣ—„неудобь-носимое бремя“. Народъ искренно вѣритъ и въ нынѣшнемъ своемъ страстотерпцѣ, что онъ несетъ терновый вѣнецъ самодержавія, какъ неудобь-носимое бремя. Таковы, въ совѣсти и во мнѣніи русскаго народа, всѣ его православные русскіе цари; таковы-же, по его мнѣнію, должны быть и царскіе слуги, кого, по мѣрѣ надобности, вседержитель власти облекаетъ во власть. Если-же въ чемъ-нибудь и когда-нибудь проглядывала у насъ западная „политическая похоть“ и превозносился еще, на соблазнъ православныхъ, древлеязыческій кесарскій идеалъ,—народная совѣсть тѣмъ смущалась и (со времени еще Іоанновъ вплоть до Петра) находила во всѣхъ классахъ общества достойныхъ выразителей своихъ. На обличеніе того являлись именитые бояре и дворяне (Берсень, Кикинъ) и міряне не оставившіе именъ; не только святые митрополиты, но и простые юроды. И благо народу, когда такъ! Безъ того, при отчужденіи отъ него верхнихъ классовъ, когда оные возводятся въ

чинъ и штатъ, а онъ безчиновный останется за штатомъ—въ немъ заблаживаетъ глухое противленіе и безтолковый толкъ. Лишенный единовѣрныхъ единомышленниковъ вверху и просвѣтительнаго руководительства сверху, истощается онъ тогда въ мучительно-безплодныхъ потугахъ уже не народнаго, а прямо сказать „простонароднаго“ темнаго полу-сознанья: тутъ немощь и скудость! убожество, а подчасъ дикость,— это уже расколъ.

Первый, въ нашей исторіи, Ѳеофанъ Прокоповичъ, „звычный“ сподвижникъ Петра перваго, впервые, провозгласилъ „Великаго священнѣйшимъ величествомъ“. Одновременно съ тѣмъ господа-сенатъ съ канцлеромъ во главѣ, говорившіе „именемъ всероссійскаго государства подданныхъ его величества всѣхъ чиновъ народа“, ликуя восклицали: „vivat! vivat! vivat! и мы къ обществу политичныхъ народовъ присовокуплены“. Тогда-же цѣлое учрежденіе (коего суб-префектъ кіевскихъ училищъ впослѣдствіи состоялъ Вице-Президентомъ) также при звонѣ колоколовъ и при звукахъ трубъ и литавръ и барабановъ, при громѣ пушечной и ружейной пальбы, при многочастно-и-многообразно измѣнявшихся обстоятельствахъ того времени—многочастно-же и многообразно расточалось въ санкціяхъ и давало свои бенедикціи и беневоленціи тому-ли единому, чему слава, честь и поклоненіе — всегда, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ? Достойно возблагодаримъ Великаго! Создавъ по собственной инціативѣ для „пользы отечества“ и „нуждъ государственныхъ“ правительственное учрежденіе съ титуломъ святѣйшаго, истинно было геніально и сдѣлать его именно „правительствующимъ“, замѣнивъ и соборное тутъ начало коллегіальнымъ: безъ того, несмысленные фанатики, нынѣ обличаемые всѣмъ міромъ, явились-бы прозорливцами и свѣтомъ міру. Новизна—могли-бы въ противномъ случаѣ по праву сказать, нынѣ говорящіе это неправо — возвела въ санкцію тò самое, что встарину почиталось за грѣхъ. Не было и нѣтъ этого. Единое непогрѣшимое во вселенной соблюдено чисто и непорочно въ нашей исторіи, по милости Божіей, до сего дни, какъ встарь такъ и сейчасъ. Благодаря именно геніальному преобразованію, все такое не только не смущаетъ православной совѣсти, даже вовсе и не касается ея. Но наши слѣпотствующіе упрямцы (одни—придерживающіеся буквы идѣ-же духъ; другіе — тамъ и высокоумствующіе о духѣ, гдѣ все держится только на буквѣ) и слѣпотствуютъ нынѣ вдвойнѣ. Протестъ этихъ упрямцевъ —будутъ-ли то, повторяемъ, рабы безгра-

мотности или еще вольнодумствующіе доктринеры — лишенъ на этотъ разъ серіознаго смысла и, при данномъ положеніи, не имѣетъ достаточнаго основанія. Безъ того, и въ противномъ случаѣ, онъ имѣлъ-бы то и другое. Не одна эта реформа, къ тому-же, а всѣ многочисленныя реформы великаго Преобразователя (ихъ-же смыслъ одинъ — водворить на Руси образованіе) послѣ его смерти (виноватъ-ли онъ въ томъ?) разумѣется, исказились и извратились. Особенно въ вѣкъ Бироновъ и Миниховъ, когда, говоря слогомъ историковъ, пигмеи продолжали идти путемъ великана — понятное дѣло — подражатели заимствовали лишь однѣ недостатки; умѣли слѣдовать лишь худому, а великому подражать не умѣли. А добрая русская почва, дающая плодъ сторицей, и рыхла и мягка! какъ было на нашемъ родномъ черноземѣ не выrости до колоссальныхъ размѣровъ — во пшеницѣ и плевеламъ.

Чуждое политическое начало (разъ оно попало на нашу черноземную цѣлину и заквасилось еще у насъ роднымъ квасомъ) быстро шло въ гору; при такъ-называемомъ „Благословенномъ“ превзошло всякую мѣру, (вспомните появленіе декабристовъ); а при „Незабвенномъ“—отцѣ нынѣшняго страстотерпца—достигло апогеи,—это ужъ былъ кульминаціонсъ-пунктъ. Тогдашняя эпоха, выразившаяся при празднованіи ея 25-ти-лѣтняго юбилея извѣстною патріотической картиной (порфирофоръ въ небесномъ лучезарѣ, а снизу колѣнопреклоненные поліархи кадятъ лучезару и крестятся на него), эта самая эпоха уже произвела Герцена, Бакунина, Огарева и пр. и пр. Вотъ — исторія.

Остановимся на этомъ. Если-бы ужасаясь того страшнаго прогресса, съ какимъ росъ горній грѣхъ Русской исторіи, кто спросилъ-бы: скажите, чѣмъ все это кончится? — не нашлось-бы отвѣта (ибо еще и сейчасъ, когда уже отвѣтъ данъ, не разумѣютъ отвѣта). Конечно — иные возразятъ пожалуй — еслибъ явился Божій пророкъ среди русскаго народа, онъ предрекъ-бы еще въ XVIII-мъ вѣкѣ и въ двухъ первыхъ четвертяхъ XIX-го, чѣмъ это кончится? Должно быть, неоткуда было взяться пророку. Да никто и не спрашивалъ. Кому тогда было до пророковъ? Когда всѣ коллегіи... ликовали вкупѣ, и всѣ чины дѣлали всякія учтивства „комплименты и реверансы“ другъ другу въ аванзалахъ и—сверху до низу—всѣ взаимно обмѣнивались рукопожатьями между собой; а по высшей политикѣ — едва успѣвали заживо подносить титулы отцевъ и матерей патріотическихъ, а по смерти „поставляти нари-

цаемые трофеи" при громахъ музыки и пальбы—до пророковъ-ли тутъ было? Но теперь, но въ наши дни... впрочемъ, безъ преувеличенія сказать: въ наши дни и знаменія были и пророчества совершились. Только слѣпой смотритъ и не видитъ; только глухой слушаетъ и не слышитъ. Бѣда въ томъ, что не всѣ-ли знаменія, возможныя для нашего вразумленія, и не всѣ-ли пророчества, съ избыткомъ достаточныя для предостереженія, уже истощились? Если Божья милость долготерпѣлива, то и гнѣвъ Божій не коснитъ. Неужели все еще требовать знаменья? неужели все ждать пророка?

Развѣ неизвѣстно хоть кому-нибудь: чѣмъ кончилось Вавилонское столпотворенье? Или развѣ спрашиваютъ когда-нибудь: что бываетъ при оскудѣніи духа, чего не миновать при постоянномъ угашеніи его? Открылось небывалое разносмѣшеніе въ людяхъ, и гордыня, мнившая досягнуть небесъ, погреблась въ собственныхъ развалинахъ своихъ—вотъ чѣмъ кончилось Вавилонское столпотворенье, — отвѣтитъ ученикъ даже приходской школы. Ужъ нельзя будетъ людямъ живымъ быть—вотъ что̀ бываетъ при угашеніи духа. Вѣдь, это все равно, какъ если-бы кто спросилъ: что̀ будетъ съ людьми, когда даже и совѣсть ихъ отберутъ въ казну? Все и будетъ казенное, станутъ люди какъ мертвецы—это ясно какъ день. А что̀ послѣ того будетъ? То̀ что всегда бываетъ, когда мертвецы учатъ жизни. Встанутъ среди нихъ—плоть отъ плоти ихъ и кость отъ костей ихъ—безбожные изувѣры и скажутъ: уже нынѣ все ничто, и вы сами насъ этому научили. Уже смѣщенъ престолъ Истины въ мірѣ.. И устрашатъ неистовые даже героевъ брани лихостью на всякую гибель—лишь-бы до аду низверглось то̀, что похвалилось досягнуть небесъ. „Что нибудь въ этомъ родѣ будетъ", —вотъ что̀, разумѣется, отвѣтилъ-бы всякій благоразумный человѣкъ (къ чему Пророкъ?) на вопросъ: чѣмъ все это кончится?—глядя на патріотическую апоѳеозу, что и на небеси якоже на землѣ, и снизу кадятъ тому.

...Всего этого иностранцамъ не понять; даже что̀ такое русскій человѣкъ зоветъ *казенщиной* они не возьмутъ себѣ въ толкъ...

И такъ легко казалось-бы! такъ это возможно теперь... Вѣдь кто по совѣсти сказалъ-бы какъ на духу: „вотъ въ чемъ грѣхъ"—тотъ, по совѣсти, долженъ-бы былъ теперь и прибавить къ тому: „сбывается слово: постраждутъ добрые и невинные; злая-же и вины—отцевъ ихъ". Теперь безсовѣстно даже было-бы этого не прибавить.

Такъ какъ-же быть? Уже нѣтъ у насъ ныньче Благовѣщенскихъ протопоповъ Сильвестровъ, врывающихся въ царскія палаты прямо съ улицы; ни патріарховъ Ермогеновъ, говорящихъ съ лобнаго мѣста на красной площади всенародно; нѣтъ даже игумна какого-нибудь монастыря, „котораго государева монастыря и отецъ игуменъ на его-же государевомъ дворѣ живетъ"... Такъ что-жъ, что нѣтъ? Другой вѣкъ — другіе нравы! За то ныньче — газеты. Развѣ онѣ не говорятъ всенародно? Тотъ или другой газетный листъ не врывается-ли, какъ въ хижину, такъ и во всѣ палаты, прямо-же съ улицы? У насъ есть „патріотическіе" публицисты наконецъ. Тотъ или другой изъ нихъ можетъ быть удостоенъ высокаго довѣрія. Вамъ лично не извѣстенъ-ли одинъ.. Преступленіе теперь со стороны всякаго русскаго, не разорвавшаго связи со своимъ народомъ и понимающаго чѣмъ болѣетъ и скорбитъ весь народъ, преступленіе молчать. Но еще хуже говорить тàкъ, какъ не умолкаютъ и не умолкаютъ призывающіе Божье имя всуе...

Не ликованье о чудесахъ, а покаянье по поводу многократныхъ, непрекращающихся предостереженій — вотъ что̀ теперь всѣмъ намъ нужно.. Да будетъ покаянье — тогда спасена и обновлена Россія. А если его нѣтъ и царитъ прежняя увѣренность что все обстоитъ благополучно и каяться не въ чѣмъ — вотще были всѣ предостереженія, ужъ не истощились-ли? Тогда все будетъ, что вамъ угодно и чего не угодно, пожалуй нелѣпая петербуржская конституція будетъ... но и будутъ послѣдняя горшая первыхъ...

Всѣ прочіе русскіе грѣхи содержатся въ этомъ.. И зло безбожныхъ изувѣровъ, и еще злѣйшее зло — это всеобщее поступничество имъ и потаковничество имъ обще-растлѣнной среды — все отсюда-же. Всѣ наши нынѣшнія кривоблужданія — по какимъ-бы то ни было разностороннимъ и многостороннимъ вопросамъ — отсюда-же. Все исходитъ изъ одного этого пункта. Радіусы всѣхъ нынѣшнихъ противорѣчій и разнорѣчій — сводятся къ одному и тому-же центру и исходятъ всѣ изъ него...

Москва, 14-го Февраля 1880 г.

Послѣсловіе отъ автора.

Мы кончили; чѣмъ-же заключимъ „*Наше Переходное Время*?“ Кто не прочиталъ-бы книги, а только перелистовалъ ея содержаніе, пожалуй, могъ-бы укорить автора. Такой изъ читателей скажетъ пожалуй: „какъ это въ одной и той-же книгѣ, на однѣхъ страницахъ, ведется непримиримая полемика съ *Московскими Вѣдомостями* о нашей народности и о сельской общинѣ — въ духѣ направленія „Бесѣды“ и „Дня“; а на другихъ страницахъ изъ самихъ *Московскихъ Вѣдомостей* перепечатываются какія-то Письма къ Публикѣ.. не въ бровь, а въ глазъ soi disant славянофиламъ? Такія имена, какъ съ одной стороны И. С. Аксаковъ, а съ другой М. Н. Катковъ, — совмѣстны-ли другъ съ другомъ? вѣдь это антиподы нашей литературы! Можно-ли балансировать между ними?“

Какъ ни щекотливъ подобный вопросъ для авторской совѣсти — смѣло говоримъ — наша книга совершенно застрахована на этотъ счетъ. И который изъ читателей такъ благосклоненъ, что осилилъ-бы ее отъ начала до конца, разумѣется, не сдѣлаетъ подобнаго упрека; если онъ и удивится — то совсѣмъ другому.

Не удивительнѣе-ли, что самъ вѣчно-памятный ȍрганъ, противъ кого велась непримиримая полемика (когда онъ взялъ подъ свое покровительство только что слагавшуюся партію еще не возникшей газеты *Вѣсть)*, потомъ самымъ дружескимъ и радушнымъ образомъ открылъ свои вѣскія столбцы для нашихъ Писемъ къ Публикѣ, тогда какъ въ нихъ, что̀ и въ той самой полемикѣ, смыслъ и духъ рѣшительно одинъ и тотъ-же? Менѣе-ли удивительно и то́ еще, что если эти Письма къ Публикѣ, въ самомъ дѣлѣ, возбудили при своемъ появленіи „гнѣвъ и негодованіе soi disant славянофиловъ“.. что-же однако? Все, что въ нихъ

было высказано впервые въ семидесятыхъ годахъ, скоро потомъ, въ началѣ восьмидесятыхъ, стало высказываться на всѣ лады въ памятной-же (и едва-ли ужъ только по-имени славянофильской?) газетѣ *„Русь“*.

И такъ, если по самому жгучему и современнѣйшему изъ нашихъ современныхъ вопросовъ, именно о новой общественной организаціи и о старомъ казенномъ строѣ (по вопросу, на которомъ особенно не сходятся всѣ накопившіеся въ нашемъ обществѣ антагонизмы) — мы сошлись и, такъ сказать, примиряемъ даже „антиподовъ нашей литературы“ (какъ угодно звать нѣкоторымъ), неужели мы это должны принимать себѣ за укоръ? Мы это принимаемъ себѣ за честь. Оба имени, въ равной мѣрѣ неотдѣлимы въ нашихъ собственныхъ литературныхъ воспоминаніяхъ и мы съ одинаково-благодарственной памятью относимся къ обоимъ.

Благодарственно поминаемъ и прочія изданія, давшія пріютъ нѣкоторымъ изъ здѣсь-же напечатанныхъ статей — хотя и въ небольшомъ числѣ; наконецъ, отъ души желали-бы помянуть такимъ-же добрымъ привѣтомъ всё и всѣхъ, противъ чего и противъ кого имѣли непріятность только полемизировать. Но нѣкоторые давнымъ-давно не существуютъ, какъ-бы засвидѣтельствовавъ своимъ преждевременнымъ прекращеніемъ давно-сказанное про нихъ и слово, что „долго длиться это не можетъ“; другіе...

Но другіе — если-бы и сейчасъ самымъ недружелюбнымъ образомъ отнеслись къ нашему Сборнику — вѣроятно сдѣлали-бы это не изъ какого-нибудь преднамѣреннаго разсчета или банальныхъ побужденій, а по невольно-вспыхнувшему антагонизму собственныхъ убѣжденій, представляющихся имъ вполнѣ-же искренно — и болѣе справедливыми, и болѣе миротворными, и во всѣхъ отношеніяхъ универсальнѣйшими противъ высказываемыхъ и проводимыхъ здѣсь въ Сборникѣ. Тому-же, по крайней мѣрѣ, просимъ вѣрить и съ своей стороны, всѣхъ съ кѣмъ намъ приходилось не соглашаться. Что касается до насъ лично, мы были-бы только благодарны за указаніе нашихъ промаховъ, а тѣмъ болѣе заблужденій — какъ ни горько и ни больно было-бы ихъ обличеніе. Позволимъ однако себѣ въ заключеніе высказать и въ этомъ отношеніи одну добрую надежду. На почвѣ русскихъ интересовъ едва-ли у русскихъ людей найдутся дѣйствительныя несогласія? Никакихъ другъ другу враждебныхъ литературныхъ партій — въ сущности — у насъ нѣтъ. „На русской почвѣ“ — повторимъ эти

вполнѣ-искреннія и къ сожалѣнію такъ мало оцѣненныя прекрасныя слова М. Н. Каткова, сказанныя имъ на *Пушкинскомъ праздникѣ* —„на русской почвѣ, люди искренно желающіе добра, могутъ сталкиваться и враждовать между собою въ общемъ дѣлѣ только по недоразумѣнію“.

Довольно было розни и всякихъ споровъ въ нашей прошлой литературѣ! Время новому дѣлу и лучшей задачѣ. Пора наконецъ подумать: нѣтъ-ли у насъ у всѣхъ и какого-нибудь дѣйствительно-общаго интереса, — на чемъ, при всѣхъ видимыхъ разногласіяхъ и кажущихся отличіяхъ другъ отъ друга — всѣ становятся единогласны и всѣ до одного сходятся единодушно.

КОНЕЦЪ.

Замѣченныя опечатки:

Стр.	Строк. сверху	Напечатано:	Слѣдуетъ:
78	13	леденящагося	леденящаго
87	29	не	ни
88	2	хроники	хроники
130	4	воброжавшіе	воображавшіе
189	6	какого-тò	какого-то
196	27	зглянуть	взглянуть
211	1	стө	сто
247	14	пердовой	передовой
252	19	крестянскихъ	крестьянскихъ
290	29	телѣсной	тѣлесной
354	16	систету	систему
365	26	Нечего	Ничего
431	38	1885 г.	1886 г.

П. А. Вяземскаго, И. С. Аксакова, князя В. Ѳ. Одоевскаго и др.) со снимкомъ. Цѣна каждому выпуску ОДИНЪ РУБЛЬ, за пересылку 10 к.

ИЗЪ ПАМЯТНЫХЪ ЗАПИСОКЪ ГРАФА ПАВЛА ХРИСТОФОРОВИЧА ГРАББЕ. (1812-й годъ). М. 1873. Цѣна 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

МЕЛОЧИ ИЗЪ ЗАПАСА МОЕЙ ПАМЯТИ. Литературныя Записки Михаила Александровича Дмитріева. М. 1869. Цѣна 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

ВОСПОМИНАНІЯ ГРИГОРІЯ ИВАНОВИЧА ФИЛИПСОНА. Цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

JOURNAL TENU PAR LA PRINCESSE TOURKESTANOW ET LETTRES DE CHRISTIN A UNE DAME DE SA CONNAISSANCE. Ц. 1 р. 50 к.

*

Въ Петербургѣ и Москвѣ, въ книжныхъ магазинахъ М. О. Вольфа продаются сочиненія Ѳ. П. ЕЛЕНЕВА:

ВЪ ЗАХОЛУСТЬИ И СТОЛИЦѢ. Экономическій и общественный бытъ провинцій. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

ПЕРВЫЕ ШАГИ ОСВОБОЖДЕНІЯ ПОМѢЩИЧЬИХЪ КРЕСТЬЯНЪ ВЪ РОССІИ. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

„ЭКОНОМИЧЕСКІЕ ПРОВАЛЫ“

ПО ВОСПОМИНАНІЯМЪ СЪ 1837 ГОДА.

Сочиненіе В. А. КОКОРЕВА.

Цѣна **ПЯТЬ** рублей.

Вся вырученная сумма назначается на устройство, въ половинномъ разстояніи между Москвой и Петербургомъ, лѣтняго безплатнаго помѣщенія для учащагося юношества, не имѣющаго средствъ освѣжать свои силы пребываніемъ въ каникулярное время въ здоровомъ деревенскомъ воздухѣ.

Получать можно въ С.-Петербургѣ, на углу Знаменской улицы и Ковенскаго переулка, въ домѣ № $^{16}/_{17}$, и въ Москвѣ въ Конторѣ «Русскаго Архива», на Ермолаевской Садовой, № 175.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

Русскій Архивъ

1888 года

(ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ).

„Русскій Архивъ“ выходитъ въ 1888 году на прежнихъ основаніяхъ. **Двѣнадцать книжекъ** „Русскаго Архива“ составятъ три большіе тома, съ приложеніями.

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1888 году съ пересылкою и доставкою—**девять** рублей.

Для Германіи — **одиннадцать** рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ **двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается **въ Москвѣ**, въ Главной Конторѣ „Русскаго Архива“, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ; въ **Петербургѣ** на Невскомъ Проспектѣ въ домѣ 49, кв. 74-я, и въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“.

Годовыя изданія „Русскаго Архива“ 1884, 1886 и 1887 получаются, со всѣми приложеніями, по 9 р. за каждый годъ съ пересылкою. Годы **1874, 1877, 1878, 1879** и **1880** по 7 р. съ пересылкою. Годъ 1881 (съ двумя книжками „Сѣверныхъ Цвѣтовъ“ и большимъ портретомъ Екатерины Великой) по 8 рублей. Остальныя годовыя изданія „Русскаго Архива“ вышли изъ обыкновенной продажи.

Предметная роспись „Русскому Архиву“ за первыя 20 лѣтъ изданія (1863 — 1882) продается по **одному** рублю съ пересылкою.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **ПЕТРЪ БАРТЕНЕВЪ.**

РУССКІЙ АРХИВЪ

1888

3.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1888.

Въ конторѣ **РУССКАГО АРХИВА**

(Москва, Ермолаевская Садовая, д. 175).

можно получать новонайденное сочиненіе Императрицы

ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ:

ЖИТІЕ ПРЕПОДОБНАГО СЕРГІЯ РАДОНЕЖСКАГО.

Съ предисловіемъ П. И. Бартенева и со снимкомъ.

Цѣна 50 к. съ пересылкою.

Книги изданныя Русскимъ Архивомъ:

MEMOIRES DE LA COMTESSE EDLING

demoiselle d'honneur de Sa Majesté l'Impératrice Élisabeth Alexeevna. Малая 8-ка, 284 стр., на веленевой бумагѣ. Цѣна 3 рубля или 6 франковъ съ пересылкою. Получать можно въ Москвѣ, въ Конторѣ „Русскаго Архива“ (Садовая, д. 175) и на Кузнецкомъ Мосту, въ книжномъ магазинѣ Готье. Въ Петербургѣ на Невскомъ, д. 49, кв. 74 у Л. Ѳ. Зміева. Въ Парижѣ: rue Bonaparte, 28, у Леру (Ernest Leroux).

Стихотворенія **В. А. Жуковскаго**. Цѣна 50 коп.

Стихотворенія **А. С. Пушкина**. Цѣна 40 коп. Въ этотъ сборникъ вошли стихотворенія, которыя появились при жизни поэта, а изъ посмертныхъ только наилучшія и вполнѣ его достойныя.

Стихотворенія **Ѳ. И. Тютчева**. Новое изданіе. Цѣна 50 коп.

Стихотворенія **Н. М. Языкова**. Цѣна 40 коп. За пересылку каждаго изъ этихъ сборниковъ—5 коп.

Выписывающіе всѣ четыре книжки получаютъ ихъ съ пересылкою за 1 р. 20 коп.

А. С. Пушкинъ. Два выпуска его новонайденныхъ сочиненій, его бумаги, черновыя его письма и наброски, выдержки изъ его записокъ, переписка его и письма къ нему разныхъ лицъ, замѣтки на его сочиненія и статьи о немъ (князя П. П. Вяземскаго, по бумагамъ Остафьевскаго архива, П. И. Бартенева, Г. С. Чирикова, Зеленецкаго, М. Н. Лонгинова, князя П. А. Вяземскаго, И. С. Аксакова, князя В. Ѳ. Одоевскаго и др.) со снимкомъ. Цѣна каждому выпуску ОДИНЪ РУБЛЬ, за пересылку 10 к.

ИЗЪ ПАМЯТНЫХЪ ЗАПИСОКЪ ГРАФА ПАВЛА ХРИСТОФОРОВИЧА ГРАББЕ. (1812-й годъ). М. 1873. Цѣна 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

ПУТЕШЕСТВІЕ СТОЛЬНИКА П. А. ТОЛСТАГО *).

Городъ Ульмунцъ великій каменный и зѣло изрядной крѣпостью построенъ, и кругомъ его вòды немалыя пропущены во рвахъ. Тотъ городъ сдѣланъ въ двѣ стѣны каменныя толстыя. Въ томъ городѣ зàмокъ, т.-е. верхній городъ, изрядный каменный. Монастырей и церквей западныхъ каменнаго строенія много изряднаго. Домы жителей того города каменные великіе изряднаго строенія; палатъ высокихъ много въ четыре жилья въ высоту. Въ большомъ городѣ на площади ратуша, т.-е. таможня великая строенія каменнаго; на воротахъ той ратуши сдѣланы часы великіе удивительнаго строенія: тѣ часы бьютъ перечасье мусикійскимъ согласіемъ, и какъ тѣ часы станутъ бить перечасье, въ то время видимо, что люди, вырѣзанные изъ дерева, бьютъ въ колокола руками. Ниже того сдѣланы два человѣка рѣзные изъ дерева и учнутъ въ тожъ время трубить на трубахъ. И съ одной стороны у тѣхъ часовъ выходятъ люди пѣшіе рѣзные жъ изъ дерева, и съ другой стороны тѣхъ же часовъ выѣзжаютъ на лошадяхъ люди, вырѣзанные изъ дерева такъ же, чтò и вышепомяненные пѣшіе изъ-за стѣны. Сдѣланы тѣ всѣ люди изрядною работою. Въ зàмкѣ того города домъ выстроенъ бископскій великій каменный изрядною архитектурою; а бископа въ Ульмунцѣ въ бытность мою не было для того, что незадолго до моегò пріѣзда въ Ульмунцъ умеръ. Около того города садовъ изрядныхъ много, въ которыхъ водъ пропускныхъ изрядныхъ же много.

Въ томъ городѣ монастырь езувитскій великій строенія каменнаго изряднаго; въ томъ монастырѣ академія изрядныхъ, высокихъ наукъ, и студентовъ зѣло много, которые учатся разнымъ наукамъ; изъ тѣхъ студентовъ много честныхъ, высокихъ породъ людей избранныхъ государствъ въ той академіи учится. Студенты до философіи и до теологіи тамъ же учатся и математицкихъ наукъ. Въ томъ

---

*) См. выше, стр. 161.

монастырѣ костелъ богатый, и былъ я въ томъ костелѣ во время вечерни; въ то время играли въ томъ костелѣ на органахъ изрядныхъ и на иныхъ многихъ инструментахъ разныхъ. Тотъ городъ имѣетъ около себя дивныя крѣпости, построенъ весь на подошвѣ дикаго камня. За городомъ Ульмунцомъ монастырь каменный великій, въ которомъ живутъ законники Римскіе и называются Камендулы; люди ихъ не видятъ, и въ костелѣ стоятъ тайно и живутъ безмолвно.—Того жъ числа изъ города Ульмунца я поѣхалъ и пріѣхалъ ночевать въ мѣстечко Гралецъ, отъ Ульмунца двѣ мили. По той дорогѣ отъ Ульмунца много домовъ изряднаго строенія каменнаго великихъ.

Мая въ 19-й день. Проѣхалъ городокъ каменный Вышковъ; пріѣхалъ обѣдать къ корчмѣ.

Мая въ 20-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ мѣстечко Бирницъ, отъ корчмы три мили. По обѣ стороны той дороги множество по полямъ и по дорогамъ виноградовъ и орѣховъ Волоскихъ и черносливовъ и иныхъ плодовитыхъ деревъ растетъ разныхъ родовъ. Того же числа пріѣхалъ ночевать въ городъ Никольшпуркъ, отъ Бирница одна миля, отъ Ульмунца до Николшпрурка девять миль цесарскихъ, а Московскихъ 45 верстъ, а отъ Москвы до Николшпурка 1607 верстъ съ полуверстою. Городъ Николшпуркъ державы цесарской, въ немъ три города каменныхъ. Верхній городъ на высокой горѣ, въ немъ построенъ домъ великій каменный и монастырь езувитскій каменный же. На томъ помяненномъ дворѣ въ верхнемъ городѣ погребъ цесарскій великій каменный, въ томъ стоитъ вино Венгерское; въ томъ погребѣ очень одна бочка безмѣрно велика, въ которую вливается вина 800 ведръ; другая въ томъ же погребѣ бочка мало той помяненной бочки меньше, въ ту вмѣщается 800 ведръ. На тѣхъ бочкахъ обручи желѣзныя, и повѣшаны тѣ бочки на толстыхъ желѣзныхъ чѣпяхъ невысоко для того, чтобъ отъ помоста съисподи не гнили. Когда въ тѣ бочки питье будутъ вливать, тогда на верхъ ихъ всходятъ на лѣстницахъ, которыя лѣстницы на тѣ бочки надѣланы хорошими матерьялами. Изъ тѣхъ бочекъ подчивали меня виномъ Рейнскимъ. Въ томъ же великомъ погребу и иныхъ бочекъ немалыхъ зѣло много. Въ томъ же верхнемъ городѣ садъ великій построенъ и зѣло изрядный. Въ томъ же городѣ двѣ фонтаны изрядныя, а въ нижнемъ городѣ три фонтаны. Въ томъ городѣ домовъ великихъ каменнаго изряднаго строенія много, также и прочіе домы всѣ каменные же, а деревяннаго строенія въ томъ городѣ нѣтъ. Товаровъ всякихъ въ томъ городѣ много. Много домовъ Жидовскихъ въ Николшпуркѣ и въ нихъ жителей Евреевъ много. Въ томъ городѣ и около города по полямъ и по дорогамъ виноградовъ растетъ зѣло много, изъ которыхъ виноградовъ Николшпурка-города

жители вино имѣютъ свое. По сторонѣ того города великая и зѣло высокая каменная гора, на которую я ходилъ и видѣлъ въ ней подѣланы образы Страстей Христа Іисуса въ печурахъ изрядною работою рѣзною изъ дерева; дѣланы образы всѣ въ мѣру человѣческаго возраста. Сначала сдѣлано моленіе Христово, образъ того, когда Господь Іисусъ молился при страстяхъ Своихъ, глаголя: «Отче, аще возможно, да идетъ чаша сія отъ Меня». Потомъ мало выше въ той же горѣ сдѣланы три образа апостольскіе Петра, Іакова Іоанна въ образѣ ихъ спящихъ; потомъ мало выше сдѣлано во образъ Христа въ темницѣ сидяща; тотомъ еще мало выше сдѣлано во образъ облаченія въ багряную ризу Христа Господа; потомъ мало выше сдѣлано во образъ Господа Іисуса въ терновомъ вѣнцѣ бывша и трость въ десницѣ Его; потомъ еще выше сдѣланы во образъ, когда задѣша понести крестъ Его; потомъ выше, на полу той же горы сдѣлана каплица, т.-е. малая церковь во имя Маріи Магдалины. Потомъ на верху самой горы поставленъ образъ Распятія Христова рѣзной; на той же горѣ сдѣлана пещера и камень отваленный во образъ самого гроба Христова. Потомъ на той же горѣ сдѣланъ образъ Воскресенія Христова, а все то вышеписанное строеніе сдѣлано изрядною рѣзною работою изъ дерева и расписано красками живописнымъ письмомъ. У того мѣста, гдѣ сдѣлана пещера и камень отваленъ во образъ гроба Господня, сдѣланъ вертоградъ, приличая тому, что гробъ Господень былъ въ вертоградѣ, и насажено въ то мѣсто деревъ плодовитыхъ изрядныхъ разныхъ родовъ. На той же горѣ сдѣланъ костелъ каменный во имя св. мученика Севастьяна; въ томъ костелѣ поставленъ образъ его рѣзной подобной тому какъ онъ былъ за Христа мученъ: привязанъ къ верху и выстрѣлено въ тѣло его стрѣлъ, въ руки, въ ноги и во чрево; тотъ его святый образъ зѣло изряднымъ мастерствомъ сдѣланъ. Въ томъ же костелѣ на алтарѣ за стекломъ положенъ образъ мученика Севастьяна рѣзной въ одеждѣ, также предивною работою сдѣланъ, и мало внизъ сверху той горы стоитъ дерево засохлое, на которомъ между сучья стоитъ образъ великомученицы Екатерины рѣзной работы не великъ, мѣрою въ кіотѣ подобенъ осми-листовой иконѣ. О томъ образѣ тамошніе жители сказываютъ, откуда тотъ образъ и кѣмъ принесенъ, того не вѣдаютъ, и многожды-де Езувиты покушались и вносили тотъ образъ въ костелъ и невидимою-де рукою божественною относится тотъ образъ паки на тожъ дерево и всегда обрѣтается на однихъ сучьяхъ.

Мая въ 21-й день. Поѣхалъ я изъ города Николшпурка и переѣхалъ границу Муравскую съ Ракоцкою землею, на которой есть замокъ каменный, называется Дрознагофъ. Въ томъ замкѣ домъ великій

каменный, и вокругъ того дома пропущена вода. Тотъ замокъ — вотчина вольнаго барона, и на томъ мѣстѣ рѣчка Дрозна, отъ Николшпурка Польск. мили, и пріѣхалъ обѣдать къ мѣстечку Болкерштофъ. Въ томъ мѣстечкѣ строеніе все каменное; отъ Болкерштофа до Николшпурка 3 мили. И въ томъ мѣстечкѣ сдѣланы Страсти Христовы предъ самымъ предмѣстьемъ. Первое подобно тому какъ въ Николшпуркѣ на горѣ моленіе Господне и ученикомъ спящимъ; второе— Господь Іисусъ связанъ и обнаженъ, и біенъ, и терзанъ за власы; третье—положеніе на главу Господню терноваго вѣнца; четвертое— Господь несетъ крестъ Свой на гору и ударенъ о камень; пятое—распятъ Господь на горѣ, и подъ крестомъ сдѣлано снятіе со креста и положенъ на колѣняхъ у Пречистой Своей Матери; шестое—положеніе во гробъ, и сверху положенъ камень, а на камени сдѣланъ образъ Спасителевъ въ терновомъ вѣнцѣ и на шеѣ чѣпь. Того-жъ числа изъ того мѣстечка Болкерштофа пріѣхалъ ночевать въ мѣстечко Воткерштеръ, отъ Болкерштофа 3 мили.

Мая въ 22-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ столичное цесарское мѣсто, въ городъ Вѣну, отъ Воткерштера 3 мили, отъ Варшавы до Вѣны 79 миль цесарскихъ, которыя при миляхъ Польскихъ гораздо велики, а Московскихъ числятъ 395 верстъ, однакожъ будетъ больше; а отъ Москвы счисляютъ до Вѣны всего 1702 версты съ полуверстою, къ чему я по своему смыслу прилагаю еще 300 верстъ или больше, и всего число слишкомъ 2000 верстъ. Вѣна—городъ каменный, великій, зданіе въ немъ великое каменное древнихъ лѣтъ, высокое и богатое по пяти житій въ высоту; есть палаты, а деревяннаго строенія въ немъ нѣтъ. Городъ Вѣна зѣло людный, рядовъ и лавокъ въ немъ много, и товаровъ всякихъ изрядныхъ много-жъ. Вѣнскіе жители ѣздятъ въ каретахъ и кареты имѣютъ изрядныя богатыя, и зѣло ихъ много также каретъ извозничьихъ много стоитъ по улицамъ, и лошади въ каретахъ изрядныя. Въ томъ городѣ много монастырей и церквей западныхъ каменныхъ, изряднымъ мастерствомъ сдѣланныхъ, а Греческой вѣры монастырей и церквей въ немъ нѣтъ ни единой. Хлѣба и всякихъ запасовъ, мяса и рыбъ и всякой живности много, а цѣна тому всему немалая, при Московскомъ дороже. Тотъ городъ Вѣна—столица цесарская, въ томъ городѣ домъ цесарскій великій каменнаго строенія изряднаго древнихъ лѣтъ. Въ то время какъ я пріѣхалъ въ Вѣну, цесаря въ Вѣнѣ не было, а былъ тогда въ вотчинѣ своей, отъ Вѣны 4 мили цесарскихъ, со всѣмъ своимъ домомъ. Дѣтей у цесаря три сына: большой его сынъ Іосифъ, который есть король Венгерскій, другой сынъ Кароль есть князь Устрійскій, и третій малинькой, да три дочери.

Въ Вѣнѣ костелъ соборный каменный великій и зѣло высокій, построенъ во имя архидіякона Стефана, сдѣланъ древнею изрядною работою со многими рѣзьбами. Прежде сего на томъ костелѣ стоялъ гербъ Турецкаго салтана, а нынѣ тотъ гербъ съ того костела скинутъ, и поставленъ на томъ мѣстѣ крестъ. Подъ тѣмъ городомъ Вѣною течетъ рѣка Дунай на пять проливовъ, а самая средина той рѣки течетъ безмѣрно быстро. Черезъ ту рѣку Дунай черезъ всѣ проливы подѣланы мосты деревянные на высокихъ деревянныхъ столбахъ. На той рѣкѣ Дунаѣ многія мельницы и укрѣплены на берегу желѣзными чѣпьми; въ тѣхъ мельницахъ мелятъ всякій хлѣбъ, и толчеи хлѣбныя многія-жъ. А когда въ рѣкѣ Дунаѣ вода прибудетъ, тогда тѣ мельницы и толчеи тѣми помяненными чѣпьми желѣзными привинтятъ къ берегу, а когда вода убудетъ, тогда ихъ спустятъ отъ берега далѣ на воду. Изъ тѣхъ помяненныхъ рѣки Дуная пяти проливовъ два пролива подъ самою городовою Вѣнскою стѣною. Близко рѣки Дуная сдѣланъ цесарскій звѣринецъ, въ томъ звѣринцѣ всякихъ звѣрей множество. На берегу у рѣки Дуная, не доѣзжая Вѣны, построенъ домъ цесарскій каменный великій; подлѣ того цесарскаго дома построены многіе загородные домы сенаторовъ Нѣмецкихъ великіе каменнаго строенія, и сады изрядные многіе и великіе со изряднымъ богатымъ украшеніемъ; около садовъ изрядныя ограды каменныя, и въ садахъ палаты изрядныя жъ дивнаго строенія рѣзнаго изъ бѣлаго камня. Въ Вѣнѣ стоялъ за городомъ подлѣ рѣки Дуная въ слободѣ, близко городовой стѣны на постояломъ дворѣ подъ гербомъ Золотаго Барана, около Вѣны. Городъ сдѣланъ изрядною крѣпостью въ три стѣны.

Мая въ 23-й день. Былъ я въ Вѣнѣ въ соборномъ костелѣ архидіякона Стефана во время обѣдни. Обѣдню въ то время отправлялъ апатъ, т.-е. игуменъ и съ нимъ 4 человѣка дьяконовъ. Во время той обѣдни музыка играла на разныхъ инструментахъ зѣло изрядно, и при игранной музыкѣ вспѣвали также изрядно зѣло и согласно, а музыкантовъ и вспѣваковъ было 74 человѣка. Стояли тѣ музыканты и вспѣваки помяненные не на хорахъ. Нанизу въ томъ костелѣ у столпа высоко сдѣлано великое мѣсто подобно какъ чуланъ, со всѣхъ сторонъ оставленъ окончинами; около окончинъ многія рѣзьбы деревянныя изрядныя золоченыя подѣланы во многихъ мѣстахъ. На томъ мѣстѣ становится цесарь, когда слушаетъ въ томъ костелѣ обѣдню. Въ томъ же костелѣ близко алтаря поставлено мѣсто, обитое бархатомъ золотнымъ, на томъ мѣстѣ поставлены изрядныя кресла, надъ тѣми креслами и надъ всѣмъ мѣстомъ сдѣланъ изрядный балдахинъ, т.-е. мѣсто арцыбископское, и ставится на томъ мѣстѣ арцыбископъ. Тотъ костелъ св. Стефана зѣло длиненъ и неузокъ; въ томъ костелѣ мно-

жество рѣзьбы изъ бѣлаго каменя изрядной древней работы, также много въ немъ украшенія разными мраморами. На большомъ престолѣ въ томъ костелѣ стоятъ четыре ковчега серебряныхъ, части мощей есть св. архидіякона Стефана; тѣ помяненные ковчеги серебряные сдѣланы дивною чеканною работою.

Потомъ былъ я въ домѣ цесарскомъ. Тотъ домъ зѣло великій, сдѣланъ четыреуголенъ, строеніе все каменное вокругъ того дома, палаты многія зѣло высокія въ шесть житій вверхъ на томъ цесарскомъ дворѣ поставлены. По сторонамъ 14 фонарей сдѣланы, въ тѣхъ фонаряхъ по вся ночи горятъ свѣчи; также въ Вѣнѣ у всѣхъ жителей дома поставлено на улицахъ по фонарю, въ которомъ по вся ночи горитъ масло, и отъ тѣхъ фонарей въ Вѣнѣ по вся ночи бываетъ по улицамъ и переулкамъ великая свѣтлость. У самой городовой стѣны тотъ помяненный цесарскій домъ сдѣланъ, и какъ предъ сего были подъ Вѣною Турки и стояли таково близко отъ цесарскаго дома, что изъ пищалей въ цесарскій домъ стрѣлять имъ было мощно, и палаты цесарскія въ то время отъ Турецкой пушечной стрѣльбы были разбиты до половины; а гдѣ ихъ проклятыхъ бусурманъ были подкопы, въ тѣхъ мѣстахъ вырывано стѣны городовой и всякаго каменнаго строенія сажень по 300 въ длину, а нынѣ всѣ тѣ разбитыя и вырванныя мѣста задѣланы. Подлѣ того цесарскаго дома сдѣланъ домъ цесарскій же конюшенный каменнаго строенія великаго, построенъ древнею модою. Въ Вѣнѣ изъ домовъ сенаторскихъ славный домъ маршалкова зятя, который называется Индетенбрехтъ. Тотъ домъ построенъ зѣло изрядно дивною архитектурою по пропорціи, и работа изрядная.—Того же дня былъ я въ монастырѣ законниковъ Римскихъ, которые называются Августяне; тѣ законники тамъ ходятъ босы и окромя своего начальника съ людьми не говорятъ. Въ тотъ монастырь цесарь приходитъ тайно изъ своего дома стѣною. Тотъ монастырь зѣло богатъ; въ костелѣ того монастыря сдѣлано цесарское мѣсто изрядное, такое жъ какъ и въ соборномъ костелѣ святаго Стефана. А когда цесарь въ тотъ монастырь не изволитъ придтить, тогда слушаетъ обѣдню въ костелѣ, который сдѣланъ въ его цесарскомъ домѣ. Въ Вѣнѣ на площади между рядовъ сдѣланъ великій и зѣло высокій столпъ изъ алебастра и изъ гипса преудивительною Италиянскою работою, которой работы мало гдѣ на свѣтѣ обрѣтается; на строеніе того столпа издержано казны цесарской многое число: 1100 золотыхъ червонныхъ. На верху того столпа поставленъ образъ Св. Троицы рѣзной предивной работы, а посреди того столпа ниже помяненнаго святаго образа поставлена его цесарская Леопольдусова персона, сдѣлана изъ алебастра; предъ помяненнымъ образомъ Св. Троицы то подобіе

цесарское стоитъ на колѣняхъ. У того жъ столпа поставленъ образъ Пресвятой Богородицы, предъ которымъ образомъ всегда стоитъ возженная лампада, и по вся дни къ тому столпу бываетъ процессія, т.-е. ходъ со святыми крестами, которую процессію и я видѣти получилъ. Ходилъ протопопъ и четыре человѣка дьяконовъ, и 14 человѣкъ шли въ той процессіи въ рудожелтыхъ объяринныхъ кафтанахъ, несли въ рукахъ витые черные посохи, на верху тѣхъ посоховъ круги серебряные подобны рипидамъ; на тѣхъ кругахъ воображены образы Распятіе Господне и Пресвятой Богородицы и иныхъ святыхъ. Въ той процессіи было много изрядныхъ великихъ свѣчъ несено. Около помяненнаго столпа было также много возженныхъ свѣчъ великихъ поставлено, и музыка была цесарская вся—74 человѣка. Та процессія всегда бываетъ къ тому столпу изъ костела святыхъ апостоловъ Петра и Павла.

Мая въ 24-й день. Ходилъ я гулять въ ряды, и товаровъ въ рядахъ изрядныхъ всякихъ множество, а паче много зѣло серебра, изрядныхъ великихъ вещей чеканной и рѣзной, и сканной и гладкой предивной работы. Во время бытности моей въ Вѣнѣ была ярманка, на трехъ пляцахъ торговали, гдѣ я видѣлъ на малыхъ прилавкахъ лубяныхъ множество дорогихъ товаровъ: алмазовъ, яхонтовъ и жемчугу изряднаго и иныхъ многихъ драгоцѣнныхъ вещей золотыхъ съ разными каменьями дивной работы. Изъ тѣхъ помяненныхъ трехъ пляцъ на одномъ пляцѣ или площади монастырь есть Езувитскій; близко того монастыря среди площади сдѣланъ столпъ мраморный, на немъ поставленъ образъ Пресвятой Богородицы рѣзной, одѣянъ въ солнце и луну подъ ногами, какъ пишетъ апостолъ святый Іоаннъ Богословъ въ Апокалипсисѣ. На той же площади сдѣланы двѣ фонтаны изрядныя, изъ которыхъ текутъ изрядныя чистыя воды. Изъ тѣхъ же помяненныхъ трехъ площадей на другой площади сдѣланъ столпъ и двѣ жъ фонтаны. На третьей площади сдѣлана ратуша великая каменная, къ ней сдѣланы двѣ лѣстницы каменныя широкія, изрядныя; на рединѣ у стѣны той ратуши поставлено подобіе дѣвицы, вырѣзано изъ бѣлаго камени съ покровенными очми во образъ Правды, якобы судитъ, не зря на лицо человѣческое, праведно. На той же площади сдѣланъ столпъ каменный, на томъ стоитъ повѣшано со всѣхъ сторонъ катское оружіе *). Въ томъ мѣстѣ у этого столпа бываетъ испытаніе и казнь виннаго.—Того жъ числа обѣдалъ у меня Московскій посланникъ, иноземецъ Адамъ Адамовъ Вейтъ, и по обѣдѣ поѣхали мы съ нимъ гулять въ цесарскій садъ. Онъ Адамъ поѣхалъ въ своей

*) Т.-е. снаряды палача. П. Б.

каретѣ, а я себѣ нанялъ карету на весь день, далъ за то одинъ ефимокъ, въ которой каретѣ заложены были два возника изрядные. Тотъ помяненный цесарскій садъ отъ города Вѣны разстояніемъ меньше Московской полуверсты и суть зѣло великъ и устроенъ изрядно; травы въ немъ и цвѣты изрядные посажены дивными штуками, и деревъ плодовитыхъ въ томъ саду разныхъ родовъ множество и посажены по пропорціи, также иныя деревья плетены вѣтвьми многія, и листья на нихъ обрываны по пропорціи жъ, а померанцовыя и лимонныя деревья въ великихъ, изрядныхъ горшкахъ каменныхъ и поставлены по мѣстамъ. Прешпектива зѣло изрядна. Также многія травы и цвѣты сажены въ горшкахъ разныхъ изрядныхъ и ставлены архитектурально. Въ томъ же саду вмѣсто столповъ подѣлано подобій человѣческихъ мужеска и женска пола изъ мѣди изрядною работою много. Среди того сада сдѣлана фортана изрядная каменная, изъ которой течетъ вода чистая изъ восьми мѣстъ по препорціи; въ срединѣ той фонтаны сдѣлано пять подобій Сиринъ, т.-е. до пояса человѣкъ отъ головы, а отъ пояса хвостъ подобіемъ рыбъ. Тѣ Сирины сдѣланы изъ бѣлаго камени, и изъ нихъ изъ всѣхъ вода жъ течетъ. Также около той фонтаны много изъ бѣлаго камени подобій разныхъ гадскихъ *), изъ которыхъ изо всякаго подобія истекаетъ вода. По сторонамъ той фонтаны другія двѣ великія и стройныя фонтаны, изъ которыхъ ѝверху изъ 9-ти мѣстъ исходитъ вода. По сторонамъ тѣхъ помяненныхъ двухъ фонтанъ по двѣ фонтаны малыхъ; тутъ же близко стѣны сдѣлана фонтана изрядною штукою; въ той помяненной стѣнѣ подѣланы семь мѣстъ, въ которыхъ во всякомъ мѣстѣ возможно сѣсть одному человѣку, а противъ всякаго мѣста сдѣлано по фонтанѣ, изъ которыхъ въ тѣ мѣста брызжетъ вода. Въ томъ же саду на одной сторонѣ сдѣлана площадь выше того сада, на которую площадь всходятъ по лѣстницѣ; та лѣстница каменная великая, сдѣлана изрядною работою. Кругомъ той помяненной площади посажены деревья плодовитыя изровненныя изрядно. На сторонѣ той площади сдѣлана стѣна каменная изрядною и дивною работою, какой работы во всемъ свѣтѣ мало обрѣтается; убрана та стѣна цѣнными невеликими каменіями и раковинами и иными разными всякими вещами; изъ той стѣны изъ одного мѣста истекаетъ вода изрядными фонтанами. Отъ того мѣста сдѣлана гора немалая, на той горѣ сдѣланъ прудъ въ длину 50 саженъ, поперекъ 12 саженъ; выкладенъ весь бѣлымъ каменемъ. Тутъ же сдѣланъ домъ цесарскій великій каменнаго строенія четвероуголенъ, со всѣхъ сторонъ огороженъ палатами изрядными, великими и

*) Т.-е. пресмыкающихся. П. Б.

высокими; длинныя стѣны того дома саженъ по 100, а поперечныя саженъ по 50, и перегороженъ тотъ домъ на три палаты. На томъ дворѣ въ высоту три жилья; внизу тѣхъ палатъ одна великая палата, что̀ называется театрумъ, въ которой для увеселенія цесарскаго бываютъ комедіи.

Мая въ 26-й день. Былъ я въ шпиталѣ, т.-е. въ больницѣ или въ больничномъ домѣ. Тотъ шпиталь сдѣланъ внѣ города Вѣны въ слободѣ, на другой сторонѣ проливы рѣки Дуная; въ томъ шпиталѣ сдѣлана палата зѣло длинная, въ той палатѣ противъ дверей поставлены подъ стекломъ въ кіотѣ кости человѣческія, собраны по подобію и связаны проволокою мѣдною. Тѣ кости того человѣка, который тотъ шпиталь сначала строить началъ. Въ той же палатѣ подлѣ стѣнъ поставлены изрядной столярной работы кровати многія, около всякой кровати поставлены завѣсы зеленыя и постланы на тѣхъ кроватяхъ постели хорошія и покрыты бѣлыми простынями, и на всякой кровати одѣяло хорошее. На тѣхъ кроватяхъ лежатъ болящіе, и у каждаго больнаго стоитъ въ головахъ по кружкѣ съ питьемъ, а кружки всѣ оловянныя; также у всякаго больнаго по полотенцу бѣлому. Нынѣ тотъ шпиталь строится казною цесарскою. Подлѣ того шпиталя аптека сдѣлана хорошая для лекарствъ помяненнымъ болящимъ, и дохтуръ приставленъ къ нимъ; и лекари и аптекари въ той аптекѣ особые, всѣ на цесарской платѣ. По срединѣ той длинной палаты, въ которой лежатъ болящіе, сдѣлана каплица, то есть малая церковь, гдѣ повсядневно за болящихъ отправляютъ обѣдни Римскіе законники рано поутру. И столы поставлены, на которыхъ тѣ болящіе ѣдятъ; а по другую сторону той длинной палаты сдѣланъ садъ небольшой, и насажено въ немъ винограду, и подѣланы мѣста для того: которые болящіе учнутъ отъ болѣзней своихъ уздравлятися, тѣ въ тотъ садъ ходятъ гулять для прохладу. Въ тотъ шпиталь примаютъ болящихъ всякаго чина безъ платы; только усматриваютъ того наипаче, который болящій не имѣетъ себѣ никакого споможенія, тѣхъ въ тотъ шпиталь принимаютъ и покоятъ и лечатъ ихъ съ прилежаніемъ; также въ тотъ шпиталь принимаютъ иноземцовъ пріѣзжихъ, который заболитъ, и держатъ тамъ болящихъ до тѣхъ мѣстъ, какъ который совершенно выздоровѣетъ; а когда будетъ совершенно здоровъ, тогда ему свобода куда хочетъ идтить безъ заплаты; никто съ него въ томъ шпиталѣ ничего не возьметъ, только то дѣлаютъ для вѣры христіанской и для спасенія души.

Въ Вѣнѣ обыкновеніе такое, что по вся недѣли подважды рано поутру выѣзжаютъ за городъ на поля сенаторскія дѣти и шляхта на

ученіе воинскихъ дѣлъ, гдѣ учатся биться на шпагахъ, на копьяхъ, на пистолетахъ и на иныхъ оружіяхъ.

Мая въ 27-й день. Была въ Вѣнѣ процессія великая, то есть ходъ со кресты. Въ той процессіи былъ цесарь, цесарева и дѣти ихъ всѣ, гдѣ я видѣлъ цесаря, цесареву и дѣтей всѣхъ. Та процессія бываетъ въ Вѣнѣ по вся годы для празднества Тѣлу Христову по обыкновенію западной церкви. Въ навечерьѣ той процессіи цесарское величество со всѣмъ домомъ своимъ пришелъ изъ похода въ Вѣну и ночевалъ въ загородномъ своемъ дворѣ. Та процессія началась Мая въ 27-й день такимъ поведеніемъ. Прежде собралось множество народу въ костелѣ первомученика Стефана и изъ того костела пошли чинами: прежде пошли ремесловые люди каждаго ремесла со своею хоруговью, хоругов несутъ семь человѣкъ, а за хоруговью идутъ всѣ по два человѣка въ рядъ безъ шляпъ, за ними мѣщане, потомъ купеческаго чину люди, каждый имѣетъ въ рукахъ четки. Въ шестомъ часу того дня пришелъ къ тому св. Стефана костелу цесарь. Передъ нимъ ѣхали сенаторы и ближніе люди въ каретахъ по 6 лошадей; было ихъ 9 каретъ, кареты и шоры не зѣло уборны, а лошади въ каретахъ изрядныя, а въ каждой каретѣ сидѣло по 4 персоны, а въ иныхъ и больше и меньше. За тѣми каретами ѣхалъ литаврщикъ да два человѣка трубачей, за ними цесарскій сынъ меньшой Карлусъ; въ той же каретѣ противъ его сидѣлъ дядька его; за тою каретою ѣхалъ большой цесарскій сынъ, король Венгерскій Іосифъ въ каретѣ жъ; въ той же каретѣ противъ его сидѣлъ дядька его. Тѣ помяненные оба цесарскихъ дѣтей дядьки сидѣли съ ними въ каретахъ безъ шляпъ. За ними ѣхалъ цесарь въ каретѣ, съ нимъ рядомъ сидѣла по лѣвую сторону цесарева, противъ ихъ сидѣла сестра цесарева родная, короля Польскаго умершаго Михаила Вишневецкаго жена, а нынѣ она за другимъ мужемъ, за Лотарингскимъ курфирстомъ. Съ цесарскою сестрою рядомъ сидѣлъ въ той же каретѣ ближній цесарскій человѣкъ. За цесарскою каретою ѣхала большая цесарская дочь; въ каретѣ жъ противъ ея сидѣли меньшія цесарскія двѣ дочери; въ той же каретѣ въ двеpяхъ сидѣла мама ихъ. За тою каретою ѣхали верхами 80 человѣкъ ближнихъ людей, зѣло нарядны, и лошади подъ ними изрядныя; за ними шли 13 каретъ, во всѣхъ по 6 лошадей было; въ тѣхъ каретахъ сидѣли сенаторскія жены и дочери - дѣвицы, по 4 и по 5 персонъ въ каретѣ, въ хорошихъ и зѣло богатыхъ уборахъ, на которыхъ много зѣло было великихъ алмазовъ. За тѣми каретами ѣхали двѣ роты рейтарскихъ въ красныхъ суконныхъ кафтанахъ съ кружевами изрядными и съ карабинами изрядными жъ. Подъ ними подо всѣми лошади гнѣдыя прединныя, рублевъ по сту лошадь и болѣе; чепраки на

всѣхъ лошадяхъ желтые. Около цесарскихъ каретъ шли солдаты въ золотыхъ да въ черныхъ одеждахъ съ кружевами, выбраны люди человѣчные высокаго возрасту. По правую сторону тѣ солдаты шли всѣ съ изрядными алебардами; а по лѣвую сторону съ драбантами, а тѣ алебарды и драбанты изряднаго мастерства, насѣчены золотомъ, а ратовиши у всѣхъ обшиты бархатомъ съ галунами. Кареты цесарскія всѣ подобіемъ Волоскимъ съ окончинами, обиты кожами черными, и гвозди черные, и шоры на лошадяхъ во всѣхъ цесарскихъ каретахъ не золоченыя, а возницы сидятъ на лошадяхъ, а не на козлахъ; а лошади во всѣхъ цесарскихъ каретахъ были великія и зѣло изрядныя, всѣ гнѣдыя, во всѣхъ каретахъ его по шести лошадей. На самомъ цесарѣ платье было все черное и неуборное, на плечахъ чѣпь золотая, на ней виситъ голубь золотой да крестъ алмазный; и дѣти его оба Іосифъ да Карлусъ въ черномъ платьѣ; на большомъ его сынѣ, Венгерскомъ королѣ Іосифѣ, также чѣпь золотая, только голубя нѣтъ, а на меньшомъ сынѣ чѣпи не было. Сама цесарева и дочери его всѣ въ черномъ, только зѣло много на нихъ алмазовъ великихъ. И какъ пришелъ цесарь въ костелъ св. Стефана и сѣлъ на своемъ мѣстѣ, и въ то время съ процессіею пошли изъ костела. Прежде больнишные идутъ по два человѣка, а передъ ними несутъ хоругвь, потомъ законники Римскіе Августины, платье на нихъ черное, босы, только одни подошвы подвязаны ремнями; за ними полмѣрцы, то есть безмолвники; потомъ Бенедиктіяне, на нихъ верхнія одежды черныя, а нижнія бѣлыя; потомъ Капуцыны въ сѣрыхъ одеждахъ и бороды небритыя. Потомъ Францишкане въ сѣрыхъ же одеждахъ; потомъ Доминикане, наверху черныя одежды, а подъ исподомъ бѣлыя, а каждые законники несли передъ собою свою хоругвь. За тѣми законниками несли хоругвь и шли свѣтскіе люди знатные, купцы, а промежъ шли по два человѣка Езувитовъ, за ними несли хоругвь, а за хоругвью шли нѣсколько малыхъ ребятъ въ зеленыхъ кафтанахъ, на шеяхъ бѣлые платки; тѣ ребятки—рожденные отъ блядокъ выблядки; за ними также малые ребятки въ синихъ одеждахъ; то тѣ которые самыя сироты, не имѣютъ отцовъ и матерей и не имѣютъ чѣмъ питаться. Тѣхъ кормятъ и поятъ, одѣваютъ и обуваютъ и учатъ цесарскою казною. За ними шли студенты изъ школъ, знатныя особы, за ними несли двѣ хоругви; за тѣми хоругвіями шли 8 человѣкъ дьяконовъ и два человѣка священниковъ въ золотномъ одѣяніи; за тѣми священниками шелъ апатъ, то есть архимандритъ, въ рукахъ несъ крестъ, а передъ нимъ несли посохъ, а на головѣ у него шапка сдѣлана по обыкновенію западной перкви. Потомъ шли еще свѣтскіе люди, и за ними несли двѣ хоругви, а за тѣми хоругвіями шелъ такой же апатъ, за нимъ

несли 4 хоругви вмѣстѣ, и за ними шли дворяне и всякіе цесарскаго дому начальные люди. Потомъ шли литаврщики и трубачи, а за ними шли пѣвчіе и идучи воспѣвали; за пѣвчими цесарскіе ближніе люди и 4 человѣка дохтуровъ, за ними шли сенаторы; за тѣми сенаторами сенаторы жъ старые лѣтами, честные люди, всѣхъ ихъ 38 человѣкъ, а тѣ несли великія возженныя свѣчи бѣлаго воску. За ними шли 12 человѣкъ священниковъ и 6 человѣкъ дьяконовъ, всѣ несли въ сосудахъ серебряныхъ святыя мощи. За ними шелъ бискупъ, несъ мощи первомученика Стефана; за нимъ шелъ кардиналъ, кругомъ его несли 12 свѣчъ запаленныхъ великихъ, изъ бѣлаго воску сдѣланныхъ. Передъ нимъ шли 2 дьякона съ кадилами и несли шапку его; надъ нимъ несли 4 человѣка ближнихъ цесарскихъ людей балдахинъ изрядный, сдѣланъ изъ золотаго аксамиту, четвероуголенъ на серебряныхъ литыхъ четырехъ сохахъ. Тотъ кардиналъ несъ въ сосудѣ тѣло Христово по обыкновенію Римской церкви, освященный оплатокъ. Передъ тѣмъ кардиналомъ шелъ одинъ человѣкъ съ колоколомъ и въ тотъ колоколъ звонилъ для того, чтобъ народъ, стоящій по улицамъ, предъ сакраментомъ падалъ на колѣни. За помяненномъ кардиналомъ шелъ меньшей цесарскій сынъ, за нимъ шелъ большой цесарскій сынъ король Венгерскій Іосифъ. Тѣ цесарскія дѣти оба несли свѣчи зажженыя великія. За ними шелъ самъ цесарь съ золотою свѣчею; по обѣ стороны цесаря шли ближніе его люди, графы, а подъ руки цесаря никто не велъ. Одинъ человѣкъ изъ сродниковъ цесарскихъ шелъ по правую сторону, имѣя на себѣ чѣпь золотую, а подлѣ цесарскихъ дѣтей шли дядьки жъ. Позади цесаря шла цесарева, по лѣвую руку велъ ее маршалокъ, надъ нею несли балдахинъ изрядный; за цесаревою шла цесарская сестра, о которой выше упоминалось; за нею шла цесарская большая дочь, а потомъ шли двѣ цесарскія меньшія дочери. Сестру цесарскую и цесаревенъ всѣхъ трехъ вели подъ лѣвыя руки сенаторы старые лѣтами, честныя особы и несли надъ ними надо всѣми сенаторскія дѣти балдахины круглые, и позади ихъ подолы одеждъ ихъ несли за ними робятки - недоросли. За цесаревнами шли дѣвицы, сенаторскія дочери и жены сенаторскія жъ, а всякая сама надъ собою несла балдахины круглые, изрядные и въ рукахъ у всякой четки. И, обшедъ съ тою процессіею городъ, пришли къ столпу рѣзному, о которомъ въ сей книгѣ выше упоминалось, который поставленъ на площади. У того столпа отправляли духовную литію. Тутъ былъ цесарю постланъ коверъ, и на томъ коврѣ поставлены кресла, и передъ креслами поставлена была скамья и покрыта алтабасомъ. И пришедъ къ тому мѣсту, цесарь со всѣмъ своимъ домомъ стоялъ на колѣняхъ, а вкругъ помяненнаго столпа стояла пѣхота, 4 роты въ изрядномъ платьѣ съ

ружьемъ. Начальные люди той пѣхоты всѣ въ золотныхъ кафтанахъ съ запонами алмазными. А отъ того столпа паки пришли къ тому жъ помяненному великому соборному св. архидіякона Стефана костелу и обошли тотъ костелъ вокругъ, а хожденіе имѣютъ Римляне на правую сторону. И какъ кардиналъ вошелъ въ тотъ великій костелъ, и въ то время въ томъ костелѣ заиграла вся музыка на троихъ органахъ и на скрыпицахъ, на фіолгалбахъ, на арфахъ, на штормахъ, на цитрахъ, на флейтахъ, на трубахъ, на литаврахъ, на сиповкахъ, на барабанахъ и на иныхъ многихъ инструментахъ разныхъ мусикійскихъ, и такой былъ шумъ, что невозможно было слышать человѣческаго голоса. И цесарь, вошедъ въ костелъ, поклонясь и отдавъ свѣчу, пошелъ изъ костела такимъ же образомъ, какъ и въ костелъ шелъ, и передъ нимъ дѣти его, и изъ костела, сѣдчи въ тѣже кареты, пошли на загородный свой дворъ и, на томъ дворѣ обѣдавъ, послѣ кушанья, пошелъ паки въ походъ въ тоже село, изъ котораго приходилъ. Во время помяненной процессіи по всѣмъ церквамъ въ Вѣнѣ бываетъ звонъ, однакожъ великихъ колоколовъ въ Вѣнѣ нѣтъ. Цесарскимъ дѣтямъ—большому Іосифу, королю Венгерскому, 19 лѣтъ, а меньшому Карлусу, князю Устрійскому 16 лѣтъ.

Всего бытности моей было въ Вѣнѣ шесть дней.

Мая въ 28-й день. Поѣхалъ я изъ Вѣны, нанявъ фурмановъ, въ Италію до городка Местра, который городъ въ Венецкой провинціи на морскомъ берегу, и далъ тѣмъ фурманамъ за провозъ себя и людей, будучихъ при мнѣ, по 8 золотыхъ червонныхъ со всякого человѣка, и того числа пріѣхалъ ночевать въ мѣстечко Дрейсехкирхъ. Въ томъ мѣстечкѣ домы строенія каменнаго, отъ Вѣны 4 мили.

Мая въ 29-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ городъ Найштатъ, отъ Дрейсехкирха 4 мили. Тотъ городъ немалый, строеніе въ немъ все каменное. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать подъ Алпенскія горы въ деревню Нунклицъ, отъ Найштата 3 мили. Не доѣзжая той деревни за одну милю, проѣхалъ городокъ каменный, который называется Нейкирхъ.

Мая въ 30-й день. Поѣхавъ изъ деревни Нунклицъ, ѣхалъ между высокихъ каменныхъ горъ; на правой сторонѣ на высокой горѣ на самомъ верху видѣлъ монастырь каменный, въ немъ живутъ Римскіе законники Капуцины, и въ полу-горѣ и среди горъ строенія каменнаго и жилищъ есть немало. Также между тѣхъ горъ вода изрядная течетъ. И пріѣхалъ того дня обѣдать въ мѣстечко Шотвейнъ, отъ Нунклица одна миля. Въ томъ мѣстечкѣ замокъ цесарскій каменный и осматриваютъ тутъ всякихъ проѣзжихъ людей и берутъ съ товаровъ и фурмановъ пошлины, которые фурманы бываютъ у торговыхъ

людей; а съ меня и съ фурмановъ, которые меня везли, ничего не имали, потому что у меня были проѣзжіе листы царскаго и цесарскаго величествъ. Въ томъ мѣстечкѣ перемѣнили фурманы, которые меня везли, оси и дышла у колясокъ и у телѣгъ, наняли въ коляски и въ телѣги быковъ, на которыхъ ѣхали на горы, потому что на лошадяхъ въ томъ мѣстѣ въѣхать на горы невозможно, а нанимали тѣхъ быковъ фурманы на свои деньги. И отъ того мѣстечка почали видѣться оболока, лежащія на горахъ и выше оболоковъ лежащихъ видѣться горы, и о тѣ горы оболока стираются; а иныя оболока съ тѣхъ горъ подымаются высоко, однакожъ еще ниже верховъ самыхъ тѣхъ помяненныхъ горъ. Отъ Вѣны до помяненныхъ горъ 12 миль цесарскихъ, а Московскихъ 60 верстъ.

Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ мѣстечко Пеглибокъ, отъ Шотвейна 3 мили. Ѣхалъ того дни горами самыми высокими. Телѣги везли на быкахъ, а самъ я и люди, бывшіе при мнѣ, шли пѣши, а всего пути на быкахъ везли телѣги и коляски одну милю до Острожка, который Острожекъ граничитъ Устрійскую землю съ Германіей. Отъ Вѣны до Германской границы 13 миль Нѣмецкихъ, а Московскихъ 65 верстъ.

Тѣми помяненными горами путь зѣло прискорбенъ и труденъ. По дорогѣ безмѣрно много каменью великаго остраго, и дорога самая тѣсная, а горы безмѣрно высоки каменныя, и дорога узка; только можно по ней ѣхать въ одну телѣгу и то съ великимъ страхомъ для того, что дорога лежитъ не черезъ горы, подлѣ горъ; и проложена та дорога въ полгоры, и по одной сторонѣ той дороги пребезмѣрно высокія каменныя горы, съ которыхъ много спадаетъ на дорогу великихъ камней и проѣзжихъ людей и скотовъ побиваетъ, а по другую сторону той дороги зѣло глубокія пропасти, въ которыхъ течетъ рѣка немалая и зѣло быстрая. Отъ быстраго теченія той рѣки непрестанно тамъ есть шумъ великій властно какъ на мельницѣ, и много проѣзжихъ людей въ тѣ пропасти съ дороги съ возами и лошадьми упадаетъ и побивается до смерти и въ помяненной рѣкѣ утопаютъ, а за тою рѣкою паки такія жъ пребезмѣрно высокія горы. Когда кто по той дорогѣ чрезъ тѣ помяненныя горы ѣдетъ, то непрестанно бываетъ въ смертномъ страхѣ, доколѣ съ тѣхъ горъ съѣдетъ. На тѣхъ горахъ всегда лежитъ много снѣговъ, потому что для безмѣрной ихъ высокости великіе тамъ холоды, и солнце никогда тамъ промежъ ими лучами своими не осѣняетъ.

На Германской землѣ много строенія домовнаго деревяннаго. Народъ Германскій мужеска полу и женска неблагообразенъ и убогъ. Многіе поселяне носятъ кафтаны сермяжные, также и женскій полъ

платья носятъ особою модою, зѣло короткое, только по колѣни, а на головахъ женскій полъ носитъ шляпы высокія, тонкія, валеныя изъ бараньей шерсти. Около шеи носятъ широкія полотняныя брыжи подобны брыжамъ, какъ Жиды и Жидовки носятъ, которые живутъ въ Польшѣ.

Въ Германіи вода зѣло ко употребленію человѣческому нездорова, которой воды во всей Германіи я не пилъ и проѣхалъ всю Германію безъ потребленія мнѣ питья съ великою нуждою. Отъ той воды въ Германіи люди многіе мужска и женска полу имѣютъ подбородки зѣло великіе около шеи, а паче на гортаняхъ желваки великіе, и отъ того многіе изъ нихъ и говорятъ съ великою трудностью; а та ихъ болѣзнь бываетъ имъ отъ того, что вышеписанную воду употребляютъ себѣ въ питье и въ явствы всегда; и такъ съ малаго возрасту начнутъ тѣ желваки на горлѣ и на всей шеѣ рость и до кончины того человѣка растутъ, а излечить того никто никакимъ способомъ не можетъ, и съ тѣми болѣзнями люди живутъ до самой Итальянской границы, и за границею въ Италіи есть ихъ малое число.

Мая въ 31-й день. Поѣхалъ изъ Пеглибока; пріѣхалъ обѣдать въ мѣстечко Кимберкъ, отъ Пеглибока 2 мили. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ городъ Прукденмуркъ, отъ Кимберка 3 мили.

Тотъ день ѣхалъ я помяненными Алпенскими горами; въ правую сторону были зѣло высокія каменныя горы, а въ лѣвую сторону превеликій глубокій ровъ, въ которомъ течетъ зѣло быстрая рѣка, а по другую сторону той рѣки такія жъ высокія каменныя горы, что̀ и на правой сторонѣ. По тѣмъ горамъ жилыхъ мѣстъ зѣло много, домы есть великіе строенія каменнаго изряднаго, и монастырей каменнаго же строенія много. Жители тутошные, Германцы, бородъ не брѣютъ. Городъ Прукденмуркъ каменный немалый, и за̀мокъ въ немъ на высокой горѣ. Башни и стѣны каменныя, и въ городѣ всякое строеніе каменное жъ. Подъ тѣмъ городомъ течетъ рѣка, которая называется Муръ, черезъ которую я подъ тѣмъ городомъ переѣхалъ по мосту. У того мосту три анбара каменныхъ, въ которыхъ анбарахъ 24 жернова мелятъ хлѣбъ; тутъ же есть и желѣзный заводъ, и не одинъ, въ Германіи желѣзныхъ заводовъ зѣло много. Между тѣхъ помяненныхъ высокихъ горъ домовъ и деревень строенія каменнаго зѣло много въ полугорахъ, и внизу, и наверху самыхъ горъ. Не доѣзжая помяненнаго городу Прукденмурка, переѣхалъ я рѣку Ренцыхъ, которая течетъ между горъ по каменью.

Іюня въ 1-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ городъ Люнкъ, отъ Прукденмурка 2 мили. Тотъ городъ Люнкъ великій, домы въ немъ и всякое строеніе каменное изрядное. Подъ тѣмъ городомъ рѣка течетъ помя-

ненная Муръ. Та рѣка немалая, подлѣ которой рѣки ѣхалъ тою дорогою немало. На той рѣкѣ по дорогѣ жилья много. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ деревню Трантофъ, отъ Люнка 2 мили.

Іюня во 2-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ мѣстечко Книтифортъ, отъ Трантофа 2 мили. Въ томъ мѣстечкѣ за́мокъ каменный, а стоитъ то мѣстечко на той же помяненной рѣкѣ Муръ. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ Ауфонфолтъ, отъ Книтифорта 3 мили. Не доѣзжая той деревни за полмили, проѣхалъ городъ немалый, который называется Людембуркъ.

Іюня въ 3-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ деревню Гандмаркъ, отъ деревни Ауфонфолтъ 3 мили. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ мѣстечко Наймуркъ, отъ Гандмарка 3 мили.

Іюня въ 4-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ деревню Гиртъ, отъ Наймурка 3 мили. Не доѣзжая той деревни за милю, проѣхалъ городъ Фризихъ. Въ томъ мѣстѣ два города каменныхъ, и кругомъ за́мка вода. Въ томъ городѣ живетъ бискупъ, то-есть епискупъ Римской церкви. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ деревню Терфанъ, отъ Гирта 2 мили.

Іюня въ 5-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ деревню Маутпрукъ, отъ Терфана Польскихъ 4 мили. Не доѣзжая той деревни за двѣ мили, проѣхалъ городъ каменный Сентфантъ. Въ томъ городѣ двѣ фонтаны мѣдныя изрядныя, изъ которыхъ непрестанно текутъ воды чистыя. Въ томъ городѣ много продажныхъ лошадей Нѣмецкихъ изрядныхъ. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать къ корчмѣ, которая называется Буканецъ, отъ Маутпрука 3 мили. Та корчма построена близко великаго озера, которое называется Бенедекцинъ.

Іюня въ 6-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ городъ Филехъ, отъ помяненной корчмы 2 мили. Тотъ городъ Филехъ великой, цесарской области; въ немъ монастырь каменный да 4 костела каменныхъ, домы и всякое строенье въ немъ все каменное, и домовъ великихъ много. Подъ тѣмъ городомъ течетъ рѣка великая, которая называется Драхъ; та рѣка многимъ больше Москвы рѣки. Въ томъ городѣ я того числа ночевалъ для того, что фурманы, которые меня везли, того города жители и въ томъ городѣ имѣли свои домы. Также и я радъ былъ покою отъ великаго труда, который принялъ себѣ въ дорогѣ, переѣзжая чрезъ великія помяненныя каменныя горы, и не столько я чрезъ тѣ горы ѣхалъ, сколько шелъ пѣшъ и всегда имѣлъ страхъ смертный предъ очима. Въ томъ городѣ Филехѣ прежде моего пріѣзду за семь лѣтъ было трясеніе земли полдва часа, и отъ того трясенія костелы каменные и домы строенія каменнаго многіе разрушились, гдѣ нынѣ на тѣхъ новое зданіе видимо суть, а на иныхъ мѣстахъ и до сего

времени разрушенное строеніе не починено; а которые домы во время того трясенія и не разрушились, однакожъ многіе имѣютъ на палатахъ разсѣлины, которыя и нынѣ знатны суть.

Іюня въ 7-й день. Отъѣхавъ отъ города Филеха полмили, пріѣхалъ къ ручью, который течетъ изъ горъ, имѣя въ себѣ воду теплую, въ которой водѣ болящіе многіе моются и получаютъ отъ болѣзней свободу, также и здоровые моются, желая лучшаго здоровья, гдѣ и я мылся здоровый и потомъ былъ здоровъ храненіемъ десницы Вышняго Бога. Та вода тепла отъ своего существа, а горячести въ ней нѣтъ. И проѣхавъ тотъ теплой воды ручей, пріѣхалъ того дня обѣдать въ мѣстечко Областенъ, отъ Филеха 2 мили. Того жъ числа ѣхалъ самыми высокими горами каменными. Такъ же, какъ и выше упоминалось, съ одну сторону дороги великія и зѣло высокія каменныя горы, а съ другую сторону презельная глубокость, въ которой глубокости отъ теченія быстрыхъ водъ великій непрестанный шумъ. Въ той глубокости во многихъ мѣстахъ же можно видѣть дно, гдѣ отъ видѣнія той глубокости приходитъ человѣку великое страхованіе. Въ томъ вышеписанномъ мѣстечкѣ на горѣ на самой высотѣ построенъ монастырь каменный изрядный, въ которомъ живутъ законники Римскіе—Бенедиктіане. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ мѣстечко Тарфцилъ, отъ мѣстечка Областена 2 мили. Того жъ дня ѣхалъ я самымъ труднымъ и тѣснымъ путемъ по горамъ, какого прискорбнаго пути во вся дорогу себѣ не видалъ.

Іюня въ 8-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ мѣстечко Пантафелъ, отъ Тарфцила 2 мили. Того дня ѣхалъ также между великихъ каменныхъ горъ. То помяненное мѣстечко на границѣ цесарской со Италіею, съ Венецкимъ владѣніемъ. Граничитъ цесарскую землю со Италіею рѣка Пантафелъ; та рѣка невеличка и неглубока, течетъ по каменью. Въ томъ мѣстечкѣ черезъ ту рѣку сдѣланъ каменный мостъ, и на срединѣ того мосту сдѣлана каменная башня, на которой башнѣ съ цесарскую сторону сдѣлалъ цесарскій гербъ, а со Итальянскую сторону поставленъ гербъ Венецкаго княжества—левъ во образъ св. евангелиста Марка. Въ томъ мѣстечкѣ и по всей той помяненной рѣкѣ живутъ на одной сторонѣ цесарцы, а на другой сторонѣ Итальянцы Венеціяне. Стоялъ я въ томъ мѣстечкѣ въ цесарской сторонѣ; тутъ смотрѣли Итальяне мою проѣзжую грамоту, которая мнѣ дана съ Москвы и отъ цесарскаго величества изъ Вѣны и другіе мои проѣзжіе листы, которые я имѣлъ при себѣ изъ Польши; также осматривали у меня торговыхъ всякихъ вещей, чего и не нашли; и того смотрѣли, нѣтъ ли кого при мнѣ больныхъ людей и, видя меня и при мнѣ бывшихъ всѣхъ здоровыхъ, дали мнѣ свой проѣзжій листъ до перваго Итальянскаго города Венецкой же провинціи.

Отъ Вѣны до Итальянской границы 55 миль цесарскихъ=275 верстъ, къ которымъ я прикладываю по своему разсужденію еще 150 верстъ или больше для того, что Нѣмецкія мили зѣло велики. И ѣхалъ я отъ Вѣны до Итальянской границы 12 дней, гдѣ видѣлъ много смертныхъ страховъ отъ того пути и великіе терпѣлъ нужды и труды отъ прискорбной дороги. Того жъ числа, переѣхавъ границу, поѣхалъ во Италію между тѣхъ же помяненныхъ великихъ каменныхъ горъ, такимъ же вышеписаннымъ тѣснымъ и прискорбнымъ мѣстомъ. Отъ той помяненной границы отъѣхавъ одну милю, пріѣхалъ къ за́мку, который каменный за́мокъ на самой дорогѣ въ горѣ. У того за́мку одержали меня, не пустя въ за́мокъ, и спрашивали, котораго я государства человѣкъ и куда ѣду, и имѣю ли при себѣ листъ проѣзжій отъ цесарскаго величества Римскаго, гдѣ я показалъ имъ проѣзжую Великаго Государя своего грамоту, которая мнѣ дана съ Москвы отъ Посольскаго Приказу, также цесарскіе и королевства Польскаго проѣзжіе листы, которыхъ смотря у меня за городомъ капитанъ взялъ ихъ, носилъ въ городъ и казалъ генералу, потомъ принесъ ко мнѣ тѣ листы, всѣ мнѣ отдалъ, только взялъ къ себѣ тотъ листъ, который мнѣ дали на вышепомяненной Итальянской границѣ, для того что такіе листы всегда у проѣзжихъ берутъ и оставляютъ въ за́мкѣ, и пустили меня въ тотъ за́мокъ свободно. По тому за́мку, гдѣ путь мой належалъ ѣхать, стояли солдаты съ ружьемъ; тотъ за́мокъ самый малый и, проѣхавъ я тотъ за́мокъ, ѣхалъ того числа самымъ тѣснымъ и нужнымъ путемъ между самыхъ тѣсныхъ горъ и пріѣхалъ того числа ночевать въ мѣстечко Решентъ Венецкой державы.

Іюня въ 9-й день. Отъ мѣстечка Решента отъѣхавъ одну милю, выѣхалъ изъ помяненныхъ великихъ каменныхъ тѣсныхъ горъ, а ѣхалъ тѣми горами самымъ прискорбнымъ путемъ 11 дней, а мѣрою тѣхъ горъ 46 миль цесарскихъ, а Московскихъ 230 верстъ, а я числяю слишкомъ 300 верстъ. На тѣхъ на всѣхъ горахъ много жилыхъ мѣстъ, и пріѣхалъ того числа обѣдать въ мѣстечко Ашпиталь, отъ Решента 2 мили, и, не доѣхавъ того мѣстечка, поѣхалъ въ Венецкую жъ провинцію, городъ Винцехъ, того числа. Какъ съѣхалъ съ горъ, по обѣ стороны дороги многіе суть винограды и сады, и стѣны около виноградовъ и садовъ каменныя были. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ Венецкій же городъ Санктисданиль, отъ Ашпиталя 3 мили. По той дорогѣ зѣло много по обѣ стороны виноградовъ и садовъ изрядныхъ.

Іюня въ 10-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ деревню Градишкутъ, отъ Санктисданиля 2 мили. Не доѣзжая той помяненной деревни, переѣзжалъ въ дву мѣстахъ рѣку Таяменъ, которая рѣка не ши-

рока и не глубока, течетъ по каменью несказанною быстротою. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ деревню Кардиналъ, отъ Градишкута 2 мили.

Іюня въ 11-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ мѣстечко Шецелей, отъ Кардинала 2 мили. То мѣстечко каменное и домы всѣ построены въ виноградахъ, строеніе древнее. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ городъ Венецкой же державы, который называется Кундіянъ, отъ Шецелея 2 мили. Того дня ѣхалъ все между виноградовъ и между садовъ изрядныхъ. Тотъ городъ великій, поставленъ на высокой горѣ каменной; въ немъ два за́мка и домы въ немъ дивнаго строенія, всѣ каменные. У домовъ построены сады изрядные, въ которыхъ множество виноградовъ и деревъ плодовитыхъ: лимоновъ, помаранцевъ и иныхъ всякихъ, и винаградное плетенье около деревъ разныхъ изрядными фигурами. Іюня въ 12-й день, отъѣхавъ отъ того города полмили, переѣзжалъ на горѣ рѣку Піяву на паромѣ въ дву мѣстахъ. Та рѣка велика и быстра зѣло, и пріѣхалъ обѣдать въ городъ Тривизъ, Венецкой же провинціи, отъ Кундіяна до Тривизу 3 мили. Городъ Тривизъ великій, въ немъ строеніе все каменное изрядное и садовъ дивныхъ много, и воды въ немъ пропускныя изрядныя. Отъ Кундіяна до Тривизу по обѣ стороны дороги сады великіе и зѣло изрядные, въ которыхъ садахъ домовъ много немалыхъ, каменнымъ и деревяннымъ строеніемъ.

Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ городъ Местръ, отъ Тривиза 2 мили. То городъ Венецкой же державы, построенъ на пристани морской, отъ котораго ѣздятъ въ Венецію моремъ, а сухаго пути къ Венеціи далѣ того города нѣтъ. Отъ Тривизу до Местра дорога избранная, и по обѣ стороны той дороги сады изрядные и дивные; въ тѣхъ садахъ много предивныхъ построено палатъ; въ тѣхъ же садахъ множество виноградовъ и всякихъ плодовитыхъ деревъ: лимоновъ, помаранцевъ, цукатовъ, миндаловъ, оливъ, каштановъ, персиковъ, сливъ, разныхъ родовъ дуль, грушъ, яблокъ, орѣховъ Грецкихъ, черешни, вишень и иныхъ всякихъ овощей. У тѣхъ домовъ у многихъ построены каплицы предивныя, то-есть малыя церкви. Тѣ городы всѣ отъ границы цесарской до Местра и самый Местръ державы Венецкой республики.

Отъ цесарской границы до Местра, до морской пристани 20 миль цесарскихъ, а Московскихъ 100 верстъ, а будетъ и полтораста. Отъ Вѣны до пристани морской 75 миль Нѣмецкихъ, а Московскихъ числятъ 325 верстъ, гдѣ я прикладываю Московскихъ 200 верстъ еще или больше. Отъ Москвы до той вышеписанной морской пристани 2027 верстъ съ полуверстою, гдѣ будетъ еще по моему счисленію безъ мала 1000 верстъ.

Городъ Местръ великій каменный, и домовъ великихъ строенія

каменнаго въ немъ много. Тотъ городъ весь въ садахъ, и воды въ немъ есть пропускныя многія; отъ того города до Венеціи ѣздятъ моремъ въ баркахъ и въ піотахъ, и въ гундалахъ; а какимъ образомъ тѣ суды сдѣланы, о томъ буду писать подлинно ниже. А пролива та, которою отъ города Местра выѣзжаютъ въ море, неширока и не глубока, и духъ отъ той воды зѣло тягостный. Отъ Италъянской границы до Местра Венеціанскій женскій полъ по городамъ убираются зѣло нестройно въ платье, главы имѣютъ жены и дѣвицы непокровенны, всегда ходятъ простоволосы, а въ городѣ Местрѣ убираются женскій полъ Венецкимъ уборомъ изрядно. Изъ Местра въ Венецію и изъ Венеціи въ Местръ непрестанно по вся часы множество людей мужеска полу и женска и дѣвицъ переѣзжаютъ въ вышеименованныхъ судахъ. Отъ Москвы до того помяненнаго пристанища ѣхалъ я пять недѣль; въ тѣхъ же недѣляхъ много дней простаивалъ по многимъ мѣстамъ, чего счисляю всѣхъ простоянныхъ дней шесть недѣль, а отъ Вѣны до морской пристани ѣхалъ я 16 дней.

Въ Местрѣ я жилъ три дня, доколѣ въ Венеціи нанялъ себѣ дворъ, на которомъ будучи въ Венеціи стоялъ со всѣми при мнѣ будущими тамъ людьми.

Іюня въ 15-й день. Въ городѣ Местрѣ съ постоялаго двора до морской пристани пріѣхалъ я на тѣхъ же фурманахъ, которые меня везли изъ Вѣны. Та морская пролива въ самомъ Местрѣ; тутъ съ фурманскихъ телѣгъ складчися, всѣлъ со всѣми при мнѣ бывшими людьми и вещами въ барку и поѣхалъ къ Венеціи, гдѣ проѣхалъ поставленныя двѣ заставы на той проливѣ безъ осмотру, которыя Венецкія заставы осматриваютъ у проѣзжихъ торговыхъ людей заповѣдныхъ товаровъ. На берегу той же проливы поставлена каменная каплица, то-есть малая Римская церковь; въ той каплицѣ стоитъ образъ Пресвятой Богородицы, въ которую каплицу всѣ проѣзжіе подаютъ милостыни по силѣ, и, въѣхавъ изъ той проливы въ море, поднялъ на баркѣ парусъ и перебѣжалъ въ Венецію зѣло скоро. Мѣсто Венеція вся стоитъ въ самомъ морѣ, и, въѣхавъ въ той же баркѣ въ улицу, пріѣхалъ къ самому тому двору, который я нанялъ себѣ для стоянія. Тотъ домъ великій, и палатъ на немъ много, строеніе каменное все изрядное; на томъ же дворѣ и колодезь изрядный, въ которомъ вода чистая, изрядная всегда бываетъ.

Венеція мѣсто зѣло великое и предивное цесарскаго столишнаго города Вѣны многимъ вдвое больше. Около Венеціи стѣнъ городовыхъ и башенъ проѣзжихъ и глухихъ нѣтъ. Домовное строеніе все каменное предивительное и зѣло великое, какихъ богатыхъ строеніемъ и стройныхъ домовъ мало гдѣ на свѣтѣ обрѣтается. Въ Венеціи по всѣмъ улицамъ

и по переулкамъ по всѣмъ вездѣ вода морская, и ѣздятъ во всѣ домы въ судахъ, а кто похочетъ идтить пѣшъ, также по всѣмъ улицамъ и переулкамъ проходы пѣшимъ людямъ изрядные ко всякому дому, и ко всякому дому двои воротъ, однѣ въ водяныя улицы, а другія на сухой путь; и многіе улицы и переулки раздѣлены на двѣ половины: водянаго пути, а другая — сухаго. Въ Венеціи лошадей и никакого скота нѣтъ, также каретъ, колясокъ, телѣгъ никакихъ нѣтъ, а саней и не знаютъ. Въ Венеціи по улицамъ чрезъ воды подѣлано множество мостовъ каменныхъ и деревянныхъ. Хотящаго жъ подлинно о Венеціи вѣдать отсылаю до читанія Венецкой исторіи, которая печатная на Итальянскомъ языкѣ; здѣсь повѣствованіе о Венеціи прекращаю для продолженія времени, а что̀ могу о предивныхъ вещахъ, въ Венеціи обрѣтающихся, опишу малое нѣчто и здѣсь.

Въ Венеціи церковь каменная благочестивой Греческой вѣры во имя великомученика Георгія; та церковь строенія древняго, въ той церкви святыя иконы Греческихъ писемъ, у той церкви живетъ Греческій митрополитъ Мелетій и съ нимъ священники бѣлые и иноки Греческаго закону, и архидьяконъ, и дьяконъ всѣ Греки. Въ Венеціи Римской вѣры соборная церковь каменная во имя св. евангелиста Марка. Та церковь зѣло велика и сдѣлана предивнымъ мастерствомъ, въ ней многіе столпы мраморные и иные дивные, великіе. Въ той церкви, сказываютъ католики-Венеціане, будто нынѣ есть мощи всѣ цѣлыя евангелиста Марка; а гдѣ онѣ лежатъ, того будто никто не вѣдаетъ окромѣ одного прокураторя. А Греки говорятъ всѣ, что святыхъ Марка евангелиста мощей въ той церкви нѣтъ, а Венеціане то ставятъ себѣ за великую укоризну, кто скажетъ, что мощей его у нихъ въ томъ костелѣ нѣтъ.

Снаружи въ той церкви надъ западными дверьми на папертной кровлѣ поставлены четыре подобія конскія, сдѣланы изъ мѣди и вызолочены, величествомъ на малую Нѣмецкую лошадь, всѣ въ одну мѣру. Тѣ кони сдѣланы предивнымъ мастерствомъ, а были они прежде въ Константинополѣ, стояли у церкви св. Софіи, и какъ древне Венеты завоевали Константинополь, въ то время оттуда тѣхъ коней взяли и привезли въ Венецію и на вѣчную славу поставили у соборной католицкой церкви св. Марка.

Близко того костела у самыхъ алтарей построенъ домъ Венецкаго князя, котораго Венеціане называютъ своимъ языкомъ принципомъ. Тотъ домъ сдѣланъ изряднымъ мастерствомъ, весь каменный, и рѣзьбы въ томъ домѣ по палатамъ многія каменныя Итальянской предивной работы и около того дому также рѣзьбы изрядныя многія жъ. Построены палаты на томъ дворѣ, и вмѣсто ограды въ тѣхъ палатахъ

построены разные приказы для управленія всякихъ дѣлъ. На тотъ княжескій дворъ сдѣланы ворота каменные великіе подъ палаты съ площади, которая площадь называется Пяцасанмарка; въ тѣхъ воротахъ сидятъ многіе писари подобны Московскимъ площаднымъ подъячимъ, которые пишутъ челобитныя и иныя всякія нужды, кому что будетъ потребно. Товаровъ на пищу, то-есть хлѣба и харчу всякаго, мясъ, рыбъ и живности всякой въ Венеціи множество, только при Московскомъ все дорого, а паче всего премногое множество всякихъ фруктовъ и травъ, которые употребляются въ пищу и зѣло дешевы, и во весь годъ въ лѣтѣ и въ зимѣ фрукты, то-есть гроздье и травы, не переводятся; также и цвѣты во весь годъ бываютъ, и много цвѣтовъ продаютъ всякихъ для того, что Венеціанки жены и дѣвицы употребляютъ цвѣты въ уборы около своихъ головъ и около платьевъ.

Въ Венеціи во всѣхъ домахъ въ палатахъ жилыхъ печей нѣтъ, только дѣлаютъ въ жилыхъ палатахъ камины, гдѣ раскладывается огонь, а печи имѣютъ только въ харчевняхъ, гдѣ пекутъ хлѣбы и пироги и всякія на пищу потребы.

У вышепомяненнаго княжескаго дому съ правую сторону моря въ томъ мѣстѣ стоитъ галера великая, выкрашена въ красную краску, и пушки на ней поставлены по обыкновенію, также шеглы и раины съ парусами, и весла, и всякіе инструменты на ней въ готовности. На той галерѣ многіе сидятъ галіоты, то-есть работные люди, осужденные за злыя дѣла и въ вѣчную работу на галеры отдаются, и всѣ тѣ работники всегда скованы; съ той галеры тѣхъ работныхъ людей отдаютъ на другія галеры, которыя ходятъ для войны съ Турками въ Морею, а та вышепомяненная красная галера съ того мѣста, гдѣ стоитъ, никуды никогда не выступаетъ, а когда случится Венецкому князю куды идтить мимо помяненной красной галеры, тогда съ той галеры за почесть княжескую стрѣляютъ изъ пушекъ и тѣмъ ему поздравляютъ.

Венеціане мужескій полъ одежды носятъ черныя, также и женскій полъ любятъ убираться въ черное жъ платье; а строй Венецкаго мужскаго платья особый. Которые первые люди называются прокуратори и шляхта, т.-е. дворяне, носятъ подъ исподомъ кафтаны черные самые короткіе только до пояса, камчатные и тафтяные и изъ иныхъ парчей и около подолу пришиваютъ листы черные многіе, а штаны носятъ узкіе и чулки и башмаки черные, а верхнія одежды черныя жъ, долгія, до самой земли и широкія и рукава зѣло долгіе и широкіе подобно тому, какъ прежде сего на Москвѣ нашивалъ женскій полъ лѣтники; а правую полу у тѣхъ верхнихъ одеждъ опушиваютъ черевами большими вершка на три шириною, вверхъ шерстью, и на лѣвомъ плечѣ

носятъ черные суконные мѣшки мѣрою въ длину по аршину слишкомъ, а поперекъ пол-аршина или мало уже.

Головы и бороды и усы брѣютъ и носятъ волосы накладные великіе и зѣло изрядные, а вмѣсто шляпъ носятъ шапки черныя жъ суконныя, опушены овчинами черными и никогда ихъ на головы не надѣваютъ, только носятъ въ рукахъ.

Купецкіе люди носятъ исподнее платье такъ же, какъ и вышепомяненные дворянскихъ породъ, а наверху носятъ епанчи черныя и красныя суконныя, а иные многіе носятъ епанчи черныя камчатныя и тафтяныя и бархатныя травчатыя для легкости; а которые похотятъ купецкаго чину люди, носятъ многіе платье Французское, а волосы накладные всѣ купцы носятъ, изрядныя шляпы хорошія носятъ съ перьемъ, а больше все употребляютъ въ платье цвѣту чернаго. Женскій полъ и дѣвицы всякаго чину убираются зѣло изрядно особою модою Венецкаго убору и покрываются тафтами черными сверху головы даже до пояса, а иныя многія убираются по-французски. Въ женскомъ платьѣ употребляютъ цвѣтныхъ парчей травчатыхъ больше, и народъ женскій въ Венеціи зѣло благообразенъ и строенъ и политиченъ, высокъ, тонокъ и во всемъ изряденъ, а къ ручному дѣлу не очень охочъ, больше заживаютъ въ прохладахъ. Народовъ всякихъ пріѣзжихъ людей въ Венеціи всегда множество: Гишпановъ, Французовъ, Нѣмецъ, Итальянцевъ, Аглицанъ, Голанцевъ, Свеянъ, Шходовъ, Армянъ, Персовъ и иныхъ всякихъ, которые пріѣзжаютъ не столько для торговыхъ промысловъ или для ученія, сколько для гулянія и для всякихъ забавъ; только нынѣшнее лѣто Турковъ не бываетъ для того, что у нихъ съ ними война, а прежъ сего, сказываютъ, и Турковъ въ Венеціи бывало много, и домъ для Турецкихъ торговыхъ людей построенъ великій каменный и палатъ на немъ множество, а нынѣ тотъ дворъ стоитъ пустъ. А Грековъ въ Венеціи, которые живутъ домами и промышляютъ торгами, больше пяти или шести тысячъ человѣкъ, также много Араповъ, Венгровъ, Индѣйцевъ, Герватовъ. А паче всѣхъ народовъ много Жидовъ, которые въ Венеціи имѣютъ особое свое мѣсто, окружено ихъ Еврейскими домами подобнаго роду, и двои въ то мѣсто ворота; въ томъ ихъ мѣстѣ построены у нихъ двѣ ихъ больницы каменныя, и домы ихъ зѣло богатые, строеніе все каменное пребезмѣрно высокое, въ высоту восемь и девять житей, и будетъ всѣхъ Жидовъ въ Венеціи безъ мала съ десять тысячъ, и зѣло тамъ Евреи богаты, торги имѣютъ великіе, у многихъ Жидовъ ходятъ по морю свои корабли. У одного Жида кораблей по семи и по осьми есть собинныхъ, а больше всего торгуютъ тѣ Евреи товарами дорогими, алмазами, яхонтами, изумрудами, лалами, зернами Бурмицкими и жемчугомъ, золотомъ, серебромъ и ины-

ми подобными тому жъ вещми. Ходятъ тѣ Жиды въ черномъ платьѣ, строй платья ихъ таковъ, какъ купцы Венецкіе носятъ, и волосы накладные носятъ изрядные, бороды и усы брѣютъ, только для признаку носятъ шляпы алыя суконныя, чтобъ было знатно, что они Еврейской породы; а которые Жиды не хотятъ носить алыхъ шляпъ, тѣ повинны заплатить въ казну всей Рѣчи Посполитой съ человѣка 5 дукатовъ на годъ Венецкой монеты (то будетъ 2 червонныхъ золотыхъ) и тѣмъ будетъ вольно носить черныя шляпы. Многіе Жиды въ Венеціи убираются по-французски, а жены ихъ и дочери Жидовки убираются изрядно и зѣло богато по-венецки и по-французски, множество носятъ на себѣ алмазовъ и зеренъ Бурмицкихъ и иныхъ каменій изрядныхъ и запонъ дорогихъ. Народъ Жидовскій въ Венеціи мужескъ и женскъ полъ изрядно благообразенъ, а ружья имѣть при себѣ Евреямъ въ Венеціи никакаго невозможно.

Грековъ въ Венеціи тутошнихъ жителей мало богатыхъ, а всѣ Греки въ Венеціи убираются въ платье подобно тому, какъ и Венеціане купецкіе люди; а иные малые люди ходятъ и по-гречески въ кафтанахъ, а жены ихъ убираются всѣ по-венецки, а иныя по-французски. Народъ Греческій въ Венеціи мужескій и женскій полъ некрасоватаго подобія и зѣло лживы во всякихъ дѣлахъ и въ вѣрѣ благочестивой Греческой мало тверды и непостоянны.

А всѣ Венеціане, дворяне и купцы, которые ходятъ въ Венецкомъ обыкновенномъ платьѣ, шпагъ и никакого оружія при себѣ не носятъ, только имѣютъ при себѣ подъ одеждами тайно невеликіе штылеты подобны ножамъ остроколымъ; а которые носятъ платье Французское, тѣ имѣютъ при себѣ шпаги. А когда кому изъ Венеціанъ, имѣющему при себѣ шпагу, потребно будетъ идтить до своего князя или до канцеляри или до сенату, тотъ повиненъ шпагу свою оставить въ сѣняхъ.

Мясо и рыбу и всякіе фрукты, то есть гроздье, продаютъ въ Венеціи въ вѣсъ въ фунты, что̀ называется по-итальянски лиры, а торгуютъ всякимъ харчемъ и живностью по вся дни на площади при морѣ близко соборной церкви св. Марка.

Въ Венеціи воздухъ тягостенъ, и бываетъ духъ зѣло грубый отъ морской воды.

Іюня въ 16-й день. Былъ я въ церкви благочестивой Греческой св. великомученика Георгія. Та церковь хорошаго строенія каменнаго. Иконъ въ ней мѣстныхъ: на правой сторонѣ отъ царскихъ дверей образъ Спасовъ, подлѣ него образъ чудотворца Николая, а по лѣвую сторону царскихъ дверей образъ Пресвятой Богородицы, подлѣ него образъ мученика Георгія; а въ сѣверныхъ и южныхъ дверяхъ затворовъ никакихъ нѣтъ, какимъ обыкновенно быть во благочестивыхъ

Греческихъ церквахъ на Москвѣ и во всей Россіи, только въ тѣхъ дверяхъ сдѣланы рѣшетки рѣзныя деревянныя низкія, въ поясъ человѣку; а святыя иконы въ той церкви всѣ письма Греческаго хорошія, а въ алтарѣ той церкви письма стѣнныя хорошія Греческія жъ. Въ царскихъ дверяхъ затворовъ нѣтъ же, только завѣсъ красный камчатный, на немъ нашитъ крестъ. Въ той церкви подлѣ стѣнъ подѣланы мѣста, какъ можно стоять во всякомъ мѣстѣ одному человѣку. Паникадило въ той церкви немалое серебряное, и лампадъ, и подсвѣчниковъ серебряныхъ много великихъ. Въ той церкви противъ алтаря надъ западными дверьми построены великіе хоры, заставлены рѣшетками деревянными; подъ тѣми хорами сдѣланы два чулана и оставлены рѣшетками жъ деревянными; изъ нихъ въ одномъ чуланѣ на правой сторонѣ ставятся инокини Греческаго закону, а въ другомъ чуланѣ и на помяненныхъ хорахъ ставятся жены и дѣвицы Греческія. Въ той церкви служатъ обѣдни и вечерни и заутрени Греческимъ языкомъ. Иноки-Греки ходятъ въ рясахъ да въ камилавкахъ, а мантіи и клобуковъ мало носятъ; а инокини такъ же ходятъ властно какъ и на Москвѣ инокини. Въ той церкви иконостасъ низкій, и тотъ писанъ по стѣнѣ надъ царскими и надъ сѣверными и надъ южными дверьми. Подѣланы въ стѣнѣ немалые ящики, въ тѣхъ ящикахъ поставлены мощи святыхъ во многихъ серебряныхъ ковчегахъ за стеклами. Въ той церкви на престолѣ одежды верхней и нижней нѣтъ, только два покрова сверху. Священники у той церкви Греческіе бѣлые, неженатые и бороды и усы брѣютъ, и въ службѣ всякой, когда священникъ служитъ безъ дьякона, то всегда читаетъ Евангеліе стоя въ царскихъ дверяхъ, оборотясь на Западъ; когда бываетъ въ сослуженіи дьяконъ со священникомъ, тогда Евангеліе дьяконъ читаетъ на каѳедрѣ на лѣвой сторонѣ церкви у стѣны, высоко надъ церковными сторонними дверьми, лицомъ на Полдень. Проскомидію читаютъ на единой великой просфорѣ, на которой есть пять изображеній креста четвероконечнаго. Во время святой службы, когда священникъ или дьяконъ говоритъ ектеніи, тогда поютъ «Кіерелейсонъ» робятки малые въ алтарѣ, также и послѣ Херувимской пѣсни по «Достойно есть» поютъ все въ алтарѣ жъ, а на слова Христовы священники и Греки никто не кланяются. А когда бываетъ великій выходъ, тогда всѣ припадаютъ на землю и стоятъ на колѣняхъ; также когда говоритъ священникъ «Святая святымъ», тогда всѣ упадаютъ на землю; а когда выходъ со Евангеліемъ и съ честными Дарами, тогда кадятъ Евангеліе и честные дары малые робятки въ стихаряхъ и опоясаны поясами. Митрополитъ имѣетъ облаченіе властно какъ и Россійскіе митрополиты, только имѣетъ вмѣсто шапки митру съ крестомъ и служитъ властно такъ какъ и Россійскіе

митрополиты, только облачается не всегда равно: въ Господскіе праздники и Богородичны и великихъ святыхъ облачается среди церкви, а въ праздники святыхъ нарочитыхъ облачается на своемъ мѣстѣ; а мѣсто его сдѣлано въ церкви на правой сторонѣ къ алтарю бокомъ, такъ же и всѣ мѣста подѣланы, гдѣ стоятъ приходящіе въ ту церковь люди, къ алтарю бокомъ; и священники и дьяконы стоятъ по тѣмъ мѣстамъ и поютъ обѣдни и вечерни и заутрени къ алтарю бокомъ же, а особыхъ крылосовъ нѣтъ. А когда митрополитъ служитъ обѣдню за упокой усопшихъ, тогда облачается въ алтарѣ; а иногда тотъ помяненный Греческій митрополитъ Мелетій служитъ обѣдню безъ архіерейской одежды, въ однихъ ризахъ и безъ митры, какъ и простой священникъ. А часовъ предъ литургіею въ той церкви никогда не читаютъ; во время святой службы царскихъ дверей не завѣшиваютъ, Херувимскую пѣснь поютъ по крылосамъ, а «Достойно есть» поютъ на одномъ крылосѣ, причастныя поютъ по крылосамъ же; а робятки, которые въ сослуженіи со священникомъ въ алтарѣ въ стихаряхъ бываютъ по два человѣка, тѣ ходятъ предъ престолъ и завѣсомъ царскія двери задвигаютъ; а когда во время святой литургіи читаютъ Апостолъ, тогда священникъ стоитъ въ царскихъ дверяхъ лицомъ на Западъ. По обѣдни псалма «Благословлю Господа на всякое время» и стиха «Да исполнятся уста моя» никогда не говорятъ по заамвонной молитвѣ, и отпускъ бываетъ литургіи во явленіе святаго тѣла и крови Христовы. «Благослословенъ грядый во имя Господне» говорятъ въ алтарѣ. Во всю обѣдню монахи Греческаго закону камилавокъ не снимаютъ; только скидаютъ камилавки, когда говоритъ священникъ «Святая святымъ» и во время явленія Пречистыхъ Тайнъ.

Того жъ числа былъ я на пристани морской, гдѣ видѣлъ много кораблей и всякихъ судовъ разныхъ, гдѣ всегда бываетъ множество всякихъ батиментовъ, то есть судовъ.

Іюня въ 17-й день. Былъ я въ помяненной Греческой церкви и слушалъ литургію, гдѣ мнѣ иноки и священники и всѣ Греки зѣло были рады и со всякой учтивостью меня привѣтствовали.

Іюня въ 20-й день, то есть въ день недѣльный, паки былъ я въ той же Греческой церкви у литургіи святой. Того числа святую литургію служилъ одинъ священникъ по вышеписанному обыкновенію, а митрополитъ въ той церкви стоялъ во время святой литургіи на своемъ мѣстѣ на коврѣ въ архіерейской мантіи со источниками и въ клобукѣ черномъ и посохъ держалъ въ рукахъ архіерейскій подобенъ Московскихъ архіереевъ посохамъ. Во время той святой литургіи послѣ «Достойно» принесли мнѣ отъ архіерея образъ св. великомученика Георгія печатный на пергаментѣ да свѣчу великую бѣлаго воску

писанную изрядно. Принявъ я тотъ образъ и свѣчу, далъ тому, кто мнѣ принесъ, золотыхъ червонныхъ по силѣ. По отпускѣ той святой литургіи митрополитъ самъ служилъ молебенъ; въ служеніи того молебна стоялъ митрополитъ на своемъ мѣстѣ, а не среди церкви. Облаченіе на немъ было епитрахиль да омофоръ, а на главѣ камилавка, а священниковъ и дьяконовъ въ облаченіи съ нимъ не было, и ектеніи на молебнѣ говорилъ самъ митрополитъ; а во время святой литургіи, когда священникъ говоритъ заамвонную молитву, тогда митрополитъ на своемъ мѣстѣ сидитъ. Борода у митрополита нестрижена, а усы подстрижены; и многіе Греки въ той церкви во время святой литургіи сидятъ въ шапкахъ и въ тафьяхъ и стоятъ во всю обѣдню въ тафьяхъ. Того жъ числа былъ я въ Римскомъ соборѣ на берегу моря, живутъ при немъ Езувиты; тотъ костелъ великъ и сдѣланъ репьемъ, кругловатъ, и богатства въ немъ зѣло много. Въ томъ костелѣ полъ весь аспидный и сдѣланъ узоромъ изъ разныхъ аспидовъ. При всѣхъ алтаряхъ въ иконостасахъ столпы великіе алебастровые и зѣло предивной работы, также въ томъ костелѣ по стѣнамъ много предивной рѣзной алебастровой работы.

Іюня въ 24-й день, то есть въ день праздника Рождества Іоанна Предтечи, въ Греческой помяненной церкви служили литургію митрополитъ, и съ нимъ было въ сослуженіи семь человѣкъ священниковъ. Въ то время среди церкви поставленъ былъ рундукъ о двухъ ступеняхъ въ высоту и покрытъ ковромъ; на томъ рундукѣ поставлены кресла изрядныя рѣзной работы золоченой, обиты бархатомъ червчатымъ съ золотными галунами и бахрамами, а противъ тѣхъ креселъ передъ царскими дверьми поставленъ образъ Іоанна Предтечи на налоѣ, и надъ тѣмъ Предтечевымъ образомъ поставленъ балдахинъ на четырехъ сохахъ серебряныхъ, и по угламъ поставлены четыре подсвѣчника высокіе серебряные, и въ нихъ въ каждомъ по свѣчѣ бѣлаго воску, писанныхъ изрядныхъ, запалены, а помяненный балдахинъ обитъ.

Священники облачались всѣ прежде архіерейскаго въ церковь приходу; облаченіе на всѣхъ священникахъ было бѣлое камчатное, оплечья у ризъ и подольниковъ нѣтъ, также архидьяконъ и дьяконъ обои ожидали митрополита въ церкви въ облаченіи, а стихари на нихъ бѣлые камчатные, по бокамъ связаны лентами. При входѣ архіерейскомъ въ церковь архидьяконъ и дьяконъ встрѣтили его въ церковныхъ дверяхъ съ кадилами и, входя, говорилъ архіерей по обыкновенію Греческимъ языкомъ и началъ облачаться, а облачали его священники, которые съ нимъ были въ сослуженіи; поддьяконовъ и поддьяковъ у того архіерея нѣтъ ни одного, только въ стихаряхъ три человѣка робятокъ-недорослей, которые и по вся дни бываютъ въ со-

служеніи со священниками. А каково облаченіе у того архіерея, о томъ писалъ я выше сего подлинно. А какъ вшедъ въ церковь архіерей цѣловалъ святыя иконы, въ то время пѣли «Достойно есть» Греческимъ языкомъ, а во время его облаченія кадили его архидьяконъ и дьяконъ, а какъ архіерей облачился, тотчасъ и начали обѣдню, а часовъ не читали. А началъ литургію перво въ сослуженіи священникъ въ алтарѣ, архидьяконъ говорилъ первую ектенію предъ царскими дверьми стоя, а другой дьяконъ съ нимъ же стоялъ рядомъ, и окончa ектенію, поклоняся архіерею, пошли архидьяконъ и дьяконъ въ алтарь, одинъ въ сѣверную, другой въ южную дверь, такъ же и всѣ ектеніи одинъ архидьяконъ или дьяконъ говорилъ, а другой съ нимъ же стоялъ. По ектеніямъ пѣли «Кіерелейсонъ» въ алтарѣ; когда начали пѣть «Блаженни», тогда священники служащіе пошли въ алтарь, только остались при митрополитѣ два священника.

Въ выходъ со Евангеліемъ несъ Святое Евангеліе архидьяконъ, а другой дьяконъ шелъ передъ нимъ съ кадиломъ и несъ въ рукахъ трикирій. Архіерей, поцѣловавъ Святое Евангеліе и осѣняя трикиріемъ, пошелъ въ алтарь, запѣвъ «Пріидите поклонимся» и, вшедъ въ алтарь, кадилъ алтарь, а церковь не кадилъ, и трикиріи во всю литургію не гасили, держалъ ихъ дьяконъ въ рукахъ. Во время «Трисвятаго» въ алтарѣ «Святый Боже» пѣли, и осѣнялъ митрополитъ, только безъ креста. На горнемъ мѣстѣ, архіерей не сходилъ, только обошелъ и съ нимъ всѣ священники служащіе престолъ во время «Трисвятаго». Апостолъ чёлъ дьяконъ передъ царскими дверьми, стоя предъ образомъ Іоанна Предтечи, который стоялъ подъ балдахиномъ; архіерей въ то время сидѣлъ на стулѣ въ царскихъ дверяхъ. Евангеліе челъ архидьяконъ на вышепомяненной каѳедрѣ лицомъ на Полдень, а митрополитъ въ то время стоялъ въ царскихъ дверяхъ, на люди оборотясь лицомъ. Послѣ Евангелія, также и по Херувимской пѣсни, осѣнилъ архіерей народъ одною свѣчею. Во время великаго выхода архіерей былъ въ алтарѣ, а шли на выходъ всѣ служащіе съ нимъ священники. Архидьяконъ шелъ съ кадиломъ и несъ на рукѣ амоѳорій, а дискосъ несъ другой дьяконъ; за нимъ священникъ несъ потиръ, а прочіе священники несли святыя мощи въ ковчегахъ, а дьяконъ, который несъ дискосъ, ничего не говорилъ, а говорилъ идучи архидьяконъ. А во время того великаго выходу звонили на колокольнѣ во всѣ колокола. Во время Херувимской пѣсни алтарь кадилъ самъ митрополитъ, а церковь кадилъ архидьяконъ, стоя въ царскихъ дверяхъ, и какъ съ большимъ выходомъ пришли къ царскимъ дверямъ, митрополитъ прималъ дискосъ и потиръ въ царскихъ дверяхъ и говорилъ по обыкновенію архіерейскому и, проговоря, отнесъ на пре-

столъ. Во время всей литургіи, ни въ самое причащеніе Божественныхъ Тайнъ, царскихъ дверей не завѣшиваютъ, а ко святому причащенію служащіе священники и дьяконы приступаютъ съ правой стороны. А какъ служитъ архіерей и которые съ нимъ бываютъ въ сослуженіи священники, и у нихъ во время служенія служебниковъ не бываетъ, и молитвъ они въ литургіи не говорятъ, а говоритъ надлежащія молитвы одинъ архіерей, а священники приклоняся слушаютъ, а онъ говоритъ таково громко, что имъ было можно слышать. Во время явленія Святыхъ Даровъ звонъ былъ на колокольнѣ великій во всѣ колокола, а предъ царскими дверьми въ то время держали шесть свѣчъ запаленныхъ великихъ бѣлыхъ, и по заамвонной молитвѣ отпускъ; потомъ архіерей сѣлъ на своемъ мѣстѣ въ церкви и раздавалъ антидоръ, сидя, служащимъ священникамъ и народу всему. Пошедъ митрополитъ тогда изъ церкви, просилъ меня, чтобъ я пошелъ къ нему въ келью, за которымъ его прошеніемъ былъ я того времени въ домѣ его. Въ первой его кельѣ обиты всѣ стѣны трипомъ цвѣтнымъ, и поставлены кресла многія обиты кожею; въ другой кельѣ по всѣмъ стѣнамъ множество книгъ въ шкафахъ; третья келья обита вся малиновыми камками, и креселъ въ ней много обитыхъ бархатомъ зеленымъ; у передней стѣны постланъ коверъ, и поставлены на томъ коврѣ изрядныя кресла, гдѣ сѣлъ самъ митрополитъ и меня посадилъ на другихъ креслахъ близко себя и привѣтствовалъ меня съ великою любовью. Потомъ принесли на великихъ серебряныхъ мисахъ конфектовъ изрядныхъ, которыми меня потчивалъ и подносилъ мнѣ винà винограднаго бѣлаго невеликимъ склянишнымъ кубкомъ изряднымъ; потомъ, отпустя меня, проводилъ до лѣстницы съ великимъ пріятствомъ.

Іюня въ 26-й день. Былъ я на оружейномъ дворѣ, который дворъ по-итальянски зовется арсиналъ; тотъ дворъ зѣло великъ, строеніе все каменное хорошее, и какъ я пріѣхалъ къ тому двору и велѣлъ о себѣ сказать генеральному мажору, которому тотъ дворъ велѣно вѣдать. Тотъ мажоръ велѣлъ меня на арсиналъ пустить и велѣлъ мнѣ на томъ дворѣ показать все, чтò тамъ у нихъ есть и чтò надлежитъ видѣть пріѣзжему иноземцу. Ворота на тотъ дворъ сдѣланы изрядныя, передъ тѣми воротами сдѣланъ великій рундукъ каменный, и около того рундука подѣланы рѣшетки изрядныя желѣзныя; по обѣ стороны того рундука поставлены два великіе льва, сдѣланы изъ бѣлаго камени предивною рѣзною работою; и въ тѣхъ воротахъ стоитъ караулъ, немало солдатъ, которые мнѣ на тотъ дворъ съ саблею идтить возбранили, и саблю свою я по обыкновенію ихъ отдалъ тѣмъ вышепомянутымъ солдатамъ. Пришелъ на тотъ дворъ, и на томъ дворѣ въ дву мѣстахъ построены палаты великія въ высоту о двухъ жильяхъ. Под-

волоки въ тѣхъ палатахъ во всѣхъ деревянныя писанныя; въ тѣхъ палатахъ подлѣ стѣнъ положено множество всякаго ружья дивными фигурами, репьями и всякими узорами: постолеты, карабины, мушкеты, шпаги, также латы, ледунки и всякія къ служилому дѣлу надлежащія вещи на конницу на 15.000, а пѣхотѣ, которыя бываютъ на галерахъ и на иныхъ судахъ, на 25.000 человѣкъ; и всегда тамъ-то ружье чисто и готово, для того что непрестанно его смотрятъ и чистятъ, а самаго хорошаго ружья въ тѣхъ палатахъ нѣтъ. На томъ же дворѣ амбары, гдѣ стоятъ пушки, съ которыхъ видѣлъ я 34 пушки великихъ, также среднихъ и малыхъ пушекъ много и мазжеровъ, изъ которыхъ мечутъ гранаты и бомбы, много-жъ; а ядра пушечныя и гранаты покладены всѣ изрядными фигурами. На томъ же дворѣ подѣланы великія палаты, гдѣ выливаютъ пушки мѣдныя; на томъ же дворѣ дѣлаютъ всякія суды: корабли, каторги, галіоты, марцильяне и иныя всякія къ морскому плаванію суды, и всегда бываетъ на томъ дворѣ работныхъ людей для строенія морскихъ судовъ по 2.000 человѣкъ, и тѣхъ работниковъ съ того двора никогда никуды не спускаютъ, а исходитъ тѣмъ работнымъ людямъ на жалованье по 25.000 дукатовъ на годъ Венецкихъ, а дукатъ Венецкій имѣетъ въ себѣ Московскихъ денегъ 15 алтынъ. На томъ же дворѣ сдѣланъ великій каменный погребъ, въ томъ погребу сдѣлано великое творило каменное, и въ то творило изъ-за стѣны льютъ виноградное красное вино, а изъ того творила то вино цѣдятъ гвоздьми и раздаютъ вышепомянутымъ работнымъ людямъ по вся дни по мѣрѣ всякому человѣку. Въ томъ же погребу и бочекъ множество съ виноградныыъ виномъ бѣлымъ и краснымъ для тѣхъ же работниковъ, и разносятъ вино работнымъ людямъ великими ушатами. На томъ же дворѣ видѣлъ я два гундала, то-есть малыя морскія суды рѣзныя золоченыя съ кровлями, обиты бархатомъ рудожелтымъ; тѣ гундалы подобны есаульнымъ стругамъ, которые бываютъ на Волгѣ. Въ тѣхъ вышепомянутыхъ гундалахъ ѣздитъ гулять по морю князь Венецкій, также въ процессіи въ нихъ ѣздитъ. На томъ же дворѣ стоитъ галера, то-есть каторга средней мѣры, ни велика, ни мала; вся сдѣлана рѣзною работою изрядною золоченая съ кровлею. На той галерѣ я былъ, а та галера вымощена вся узоромъ, а по сторонамъ сдѣланы лавки, а въ серединѣ сдѣлано мѣсто рѣзное золоченое для Венецкаго князя; въ той галерѣ князь Венецкій по вся годы ходитъ на море отъ Венеціи три версты въ день Вознесенія Господня съ процессіею обручать море, гдѣ опускаетъ съ той галеры въ море перстень золотой. Та галера сдѣлана зѣло многимъ богатствомъ и изряднымъ мастерствомъ.

Іюня въ 29-й день. Ѣздилъ я на море съ мастеромъ своимъ съ капитаномъ Георгіемъ, прозваніе Раджи, у котораго я учился морскихъ дѣлъ, и былъ съ нимъ на двухъ корабляхъ. Тогожъ дни былъ я въ монастырѣ, въ которомъ живутъ законники Римскіе Георгіяне, которые носятъ одежды наверху черныя, а на исподи бѣлыя такъ, какъ и Доминиканы. Въ томъ помяненномъ монастырѣ законники всѣ породъ дворянскихъ честныхъ; костелъ въ томъ монастырѣ великій каменный, сдѣланъ зѣло богатою рукою; столпы въ томъ монастырѣ, также и снаружи того костела, всѣ мраморовые; въ томъ костелѣ помостъ весь мраморовый же, мощенъ узоромъ съ алебастровыми досками. Въ томъ костелѣ рѣзьбы каменной преудивительной много, въ томъ костелѣ на хорахъ стоятъ органы великіе и зѣло изрядные, и всякое строеніе въ томъ костелѣ и во всемъ томъ монастырѣ предивное. Того-жъ числа былъ я въ другомъ монастырѣ, въ которомъ живутъ законники Римскіе Капуцины, которые носятъ одежды сѣрыя, сдѣланныя изъ сермяжныхъ суконъ, и ходятъ всегда босы. Тѣ капуцины мяса никогда не ѣдятъ. Въ томъ монастырѣ костелъ великій каменный; законниковъ въ томъ монастырѣ сто человѣкъ; тѣ законники бородъ не брѣютъ и живутъ въ кельѣ по одному человѣку и кромѣ воды никогда ничего не пьютъ и имѣнія при себѣ никакого кромѣ книгъ не имѣютъ. Въ томъ монастырѣ показывали мнѣ много въ ковчегахъ мощей святыхъ, между которыми особо показали съ великимъ почтеніемъ власы Пресвятой Богородицы. Въ томъ монастырѣ былъ я въ библіотекѣ, гдѣ видѣлъ множество книгъ, больше 2.000 разныхъ языковъ печатныхъ и письменныхъ.

Іюля въ 1-й день. Былъ я на дворѣ одного Венеціанина, гдѣ дѣлаютъ парчи золотыя изрядныя и серебрянныя и шелковыя всякія. Тѣ мастеры дѣлаютъ парчи зѣло поспѣшно и хорошо и при Московскомъ цѣною дешево. Того-жъ дни былъ я въ монастырѣ у Кармилитановъ. Въ томъ монастырѣ костелъ великій, стѣны того монастыря всѣ снаружи сдѣланы алебастромъ рѣзнымъ предивною Итальянскою работою. Въ томъ монастырѣ иконъ писанныхъ ничего нѣтъ, всѣ иконы рѣзныя изъ алебастру, сдѣланы преудивительною работою. У многихъ престоловъ въ томъ костелѣ стѣны и столпы аспидные и помостъ весь въ томъ костелѣ аспидной. Въ томъ же монастырѣ садъ немалый, въ которомъ винограду и деревъ винныхъ ягодъ, и черносливовъ, и сливъ, и мушкатныхъ орѣховъ, и деревъ кипарисныхъ множество, гдѣ я гуляя мѣшкалъ часъ довольный.

Іюля въ 6-й день. Былъ я на дворѣ одного Венецкаго шляхтича, у котораго прежде сего былъ дядя родной папою Римскимъ. Тотъ его домъ великій строенія каменнаго, и палаты на томъ дворѣ снаружи

изрядныя, въ серединѣ тѣхъ палатъ обитья изрядныя, всѣхъ палатъ 16, обиты камками Французскими разныхъ цвѣтовъ, и какая палата какимъ цвѣтомъ камкою обита, въ той палатѣ и стулы обиты тою же камкою и кресла такія-жъ. У дверей во всѣхъ палатахъ завѣсы бархатныя малиновыя съ широкими золотными кружевами. У него-жъ двѣ палаты обиты бархатами Венецкими, одна малиновымъ, другая голубымъ, и стулы въ нихъ и кресла такія-жъ. У него-жъ одна палата обита шпалерами золотными изрядными.

Іюля въ 8-й день. Ѣздилъ я изъ Венеціи въ мѣсто, которое называется Мурана, отъ Венеціи съ полверсты. Въ томъ мѣстѣ видѣлъ, гдѣ дѣлаютъ стекла зеркальныя великія и сосуды склянишные всякіе предивные и всякія фигурныя вещи стекольчатыя. Того жъ дни былъ я въ монастырѣ у законниковъ Георгіянъ и былъ въ библіотекѣ ихъ. Та библіотека сдѣлана палата великая, въ ней всякихъ книгъ 15.000, построена зѣло изрядно, шкафы орѣховые, гдѣ лежатъ книги. Въ той же библіотекѣ стоятъ два глобоса великихъ зѣло, одинъ небесный, а другой земленоводный. Тѣ глобосы вокругъ мѣрою по 4 сажени. Въ той же библіотекѣ и другіе два глобоса малые за стеклами поставлены изрядно; въ той палатѣ подлѣ стѣнъ поставлено много картинъ писанныхъ изрядныхъ, и все въ томъ монастырѣ строеніе каменное дивное; и былъ у того монастыря въ саду, гдѣ видѣлъ виноградовъ множество, переплетены по дугамъ надъ дорогами. Въ томъ же саду много деревъ винныхъ ягодъ, которыя и я ѣлъ уже поспѣлыя совершенно.

Іюля въ 9-й день. Ѣздилъ я изъ Венеціи моремъ на островъ, который называется Лида; на томъ острову сдѣланъ дворъ, на которомъ дворѣ сидятъ солдаты. Тотъ дворъ каменный, отъ Венеціи до того острова одна верста; дворъ тотъ немалый, и въ немъ бываетъ солдатъ по 400 человѣкъ заперты; на томъ дворѣ и у воротъ поставленъ караулъ; изъ того двора тѣхъ солдатъ никогда не выпускаютъ ни въ Венецію, ни для какихъ нуждъ, а когда тѣмъ солдатомъ потребно будетъ плыть на море, тогда ихъ отвозятъ на корабли и галеры, а тѣ солдаты всякихъ розныхъ иноземческихъ народовъ, также и Венеціане, которые за вины осуждены въ тотъ чинъ, а иноземцы такимъ случаемъ, что ихъ тайно крадутъ убогихъ людей и на тотъ дворъ продаютъ, и за кого не будетъ заступника, тотъ до кончины своей съ того двора свободы себѣ не получитъ; ни самъ князь Венецкій не имѣетъ такой власти, чтобъ оттуда кому учинить свободу, развѣ самая вся республика можетъ что дѣлать. И подлѣ того двора сдѣланъ монастырь, въ который тѣ помяненные солдаты приходятъ къ пѣнію.

Іюля въ 11-й день. Была въ Венеціи процессія, празднуютъ католики тотъ день Святому Кресту Христову; изо всѣхъ монастырей

и костеловъ сходятся священники, законники и мірскіе люди въ костелъ св. Марка евангелиста съ хоругвіями и со крестами; а князь Венецкій въ тотъ день ѣздилъ за проливу морскую въ монастырь, гдѣ живутъ Капуцины, и оттолѣ паки возвратился къ дому своему моремъ, а ѣздилъ такимъ образомъ. Передъ нимъ ѣхалъ гундалъ непокрытый, въ которомъ везли 6 знаменъ; въ томъ же гундалѣ ѣхали трубачи и трубили, за ними ѣхалъ князь Венецкій въ рѣзномъ золоченомъ карбасѣ съ кровлею; кровля того карбаса вся обита алымъ бархатомъ, и по бархату шито золотомъ изрядно и зѣло богато. Въ томъ карбасѣ князь Венецкій сидѣлъ въ серединѣ въ креслахъ, передъ нимъ стоитъ столъ золоченый, на столѣ положена подушка золотная, на той подушкѣ положенъ обнаженный мечъ. По сторонамъ того карбаса плывутъ 4 гундала невелики, сдѣланы рѣзною работою изрядною и вызолочены всѣ; кровли на всѣхъ 4-хъ гундалахъ обиты вишневымъ бархатомъ, и по немъ шито изрядно золотомъ; въ тѣхъ гундалахъ никто не ѣхалъ, везли ихъ порожнія; а съ княземъ Венецкимъ въ карбасѣ сидѣли посолъ папы Римскаго по правую сторону, а по лѣвую сторону сидѣлъ посолъ Французскій, а подъ ними сидѣли Венецкіе прокуратори. Въ томъ же карбасѣ на носу стояли 6 человѣкъ и держали солношникъ круглый аксамитный золотной князя Венецкаго; позади того карбаса плыли такіе же два золоченые рѣзной работы карбаса, въ которыхъ ѣхали Венецкіе жъ прокуратори, и какъ князь Венецкій пріѣхалъ къ своему дому и вышелъ изъ карбаса на землю и пошелъ въ костелъ св. Марка, предъ нимъ несли двѣ подушки да стулъ, и за тѣмъ шли два человѣка начальниковъ, а за ними шелъ самъ князь; одежда на немъ золотная Венецкой моды широкая, сверхъ той одежды по плечамъ короткая епанча горностаевая шерстью кверху, на головѣ у него шапка золотная особливою модою; съ нимъ шли рядомъ по правую сторону папежскій, а по лѣвую сторону Французскій посолъ, позади его несли мечъ обнаженный да солношникъ. Потомъ шли прокуратори все по два человѣка рядомъ, одежды на всѣхъ прокураторяхъ байберековыя красныя, а сдѣланы Венецкою модою и подбиты золотными парчами, а иныя двоеморховыми бархатами. У каждаго ихъ мѣшокъ на лѣвомъ плечѣ аксамитный, золотной; а шло тѣхъ прокураторей 40 человѣкъ. Какъ пришелъ князь въ костелъ, начали служить обѣдню, служили священниковъ 3 человѣка. Въ то время играли на органахъ и вспѣвали на хорахъ, и въ то время проходили чрезъ ту церковь всѣ, которые приходили со кресты. Въ той процессіи видѣлъ я безмѣрно много костельныхъ богатствъ. Сдѣланы горы великія серебрянныя, и на верху тѣхъ горъ святыя мощи въ изрядныхъ ковчегахъ, и надъ святыми мощами балдахины изрядные золотные на серебрянныхъ

сохахъ четвероугольные; и какъ всѣ прошли и обѣдня скончилась, князь изъ костела пошелъ тѣмъ же путемъ и такимъ же чиномъ, какъ и въ костелъ шелъ. А какъ въ костелѣ св. Марка отправляли обѣдню, что по-итальянски называется миса, а въ то время по всему тому костелу множество было возженныхъ лампадъ съ деревяннымъ масломъ, да и непрестанно въ томъ костелѣ лампады горятъ съ масломъ многое число.

Іюля въ 24-й день. Въ Венеціи былъ дождь и вѣтръ великій зѣло отъ Востоку, и въ томъ дождѣ былъ великій градъ подобенъ яйцу Русской курицы, только не круглый, на края островатъ; и во многихъ палатахъ Венецкихъ жителей тѣмъ градомъ выбило окончины, и въ садахъ всякій плодъ съ деревъ сбило и деревья поломало, и такая была великая и темная туча, что невозможно было ничего видѣть властно какъ ночи осенней, и страхъ былъ зѣло великій на всѣхъ, а было того времени съ четверть часа, а начался тотъ вѣтръ въ 12-мъ часу дня, и тѣмъ вѣтромъ дву человѣкъ Грековъ, которые шли улицею, сорвало съ берегу и кинуло въ море, гдѣ и потопли; и на морѣ тѣмъ вѣтромъ опрокинуло многія суды. Въ тожъ время опрокинуло одинъ гундалъ близко отъ Венеціи, въ которомъ ѣхалъ знатный господинъ сенату Венецкаго для своей потребы, и потопило его море, котораго тѣло, также и иныхъ многихъ потопшихъ тѣлеса, привезли того жъ числа въ Венецію.

Іюля въ 25-й день. Въ недѣлю было погребеніе одному Гречанину благочестивой вѣры, котораго вышепомяненнымъ вѣтромъ утопило въ морѣ; несли его изъ дому на погребеніе на одрѣ, оболочено было тѣло его въ черную одежду и на головѣ подобно тому, какъ на мертвыхъ бываетъ саванъ. Подъ тѣломъ его постланъ коверъ, и на коврѣ подъ головою положена подушка атласная желтая. Лицо его было непокровенно, руки у того мертвеца сложены по обыкновенію православному, и въ рукахъ держалъ цвѣтъ, сдѣланъ изъ бѣлаго воску. Предъ гробомъ несли хоругвь, на которой написанъ образъ Николая Чудотворца; и за тѣмъ тѣломъ шли много народу со свѣчами, и духовные люди Римской вѣры шли въ бѣлыхъ одеждахъ за тѣломъ его со свѣчами, одинъ попъ католицкій шелъ въ епитрахили, и передъ гробомъ шли католики и пѣли, а за гробомъ шли и Греческіе священники не въ облаченіи со свѣчами, а свѣчи несли всѣ возженныя; а шли всѣ въ шляпахъ и принесли тѣло его въ Греческую церковь великомученика Георгія и поставили посреди церкви высоко, и около гроба стояли съ большими свѣчами и отпѣвали его Римскіе духовные сидючи и какъ они отпѣли и пошли изъ церкви, и потомъ тѣло его начали отпѣвать Греческіе священники; всѣ надѣли на себя стихари, а ризъ

не надѣвали и царскія двери не отворяли, и стояли священники не около тѣла, по своимъ мѣстамъ, гдѣ и по вся дни ставятся въ церкви А отпѣвали Греческимъ языкомъ и зѣло кратко и стихиру цѣлованія не пѣли и послѣ отпѣванія и по расходу изъ церкви людей то мертвое тѣло взявъ взнесли въ палату, гдѣ изъ того мертвеца лекари выбирали мокроту и внутреннюю всю изъ него вынули, разрѣзавъ утробу его, и изъ головы его мозгъ вынули жъ и погребли внутреннее его и мозгъ у той помяненной Греческой церкви, гдѣ его отпѣвали, а вмѣсто внутренней его во утробу и вмѣсто мозгу въ голову насыпали травъ и бальсамовъ и скипидару налили и положили пакони и зашили; а когда мозгъ вымали, тогда кость головную сверху стирали пилою, какъ растираютъ дерево и, такъ устроя, тѣло его и кости безъ мокроты отвезли въ Левантъ, то-есть на Востокъ, гдѣ онъ имѣлъ свой домъ и рожденіе.

Августа въ 7-й день. Былъ я въ домѣ Венецкаго князя. Домъ его каменный. Прежде былъ въ палатѣ, въ которой отправляютъ всякихъ пословъ. Та палата великая, подволока въ ней вся рѣзная золоченая деревянная и между рѣзьбами много изрядныхъ живописныхъ писемъ. У передней стѣны на срединѣ поставлено княжеское мѣсто, и отъ того мѣста по обѣ стороны лавки сдѣланы, на которыхъ садятся прокураторы. Въ той палатѣ стѣны всѣ обиты конами *) золотными. Потомъ былъ въ другой палатѣ, гдѣ бываетъ у Венетовъ тайная дума; только въ ней бываетъ въ совѣтѣ съ княземъ Венецкимъ 24 человѣка прокураторей, а прокураторы у Венеціанъ первые люди подъ принципомъ, то есть по князю и, когда умретъ князь Венецкій, тогда изъ тѣхъ прокураторей въ князи обираютъ стараго лѣтами. И въ той помяненной палатѣ уборовъ никакихъ нѣтъ, одно княжеское мѣсто поставлено, обито краснымъ атласомъ. Потомъ былъ въ судебной палатѣ, гдѣ и судъ ихъ видѣлъ. Въ той палатѣ сидятъ за столомъ три человѣка судей, передъ ними лежитъ книга, и стоитъ у того стола подъячій, въ рукахъ держитъ бумагу. Одинъ человѣкъ, передъ тѣми судьями стоя, говоритъ и смотритъ въ тетради, которыя держитъ у себя въ рукахъ, и говоритъ громко, а другой суперникъ его стоитъ молча и слушаетъ словъ его и, проговоря тотъ, сколько ему было потребно, уклонясь судьямъ, отступилъ мало, и началъ говорить суперникъ его, и на ихъ слова пристаютъ и говорятъ и судьи къ подъячему, который стоитъ съ бумагою, приказываютъ писать декретъ, то есть вершеніе дѣлу и указъ; и тотъ указъ бываетъ прочтенъ обоимъ суперникамъ,

*) Такъ. П. Б.

и того дня тотъ судъ и вершился. Въ той палатѣ надъ дверьми вырѣзано изъ камени изображеніе человѣка женска полу во образъ Правды: имѣетъ глаза завязаны, еже не смотрѣти на лицо сильное или убогое въ судѣ, и во единой рукѣ держитъ вѣсы, то есть мѣрило правды, а въ другой рукѣ мечъ, то есть отмщеніе за обиду. Потомъ былъ я въ оружейной княжеской палатѣ, которыхъ есть три палаты. Въ тѣхъ палатахъ ружья много и убрано изрядно узорами, и славятся Венеціане ружьемъ древнихъ лѣтъ, котораго имѣютъ у себя немало изряднаго, а самой дорогой цѣны ружья тамъ нѣтъ. Въ тѣхъ же палатахъ видѣлъ одну малую пушку, сдѣлана изъ краснаго желѣза, и по ней вырѣзаны травы и вызолочены изрядною работою. Въ тѣхъ же палатахъ видѣлъ 12 пищалей Турецкихъ изрядныхъ и наручей булатныхъ и щитовъ Турецкихъ же много, чѣмъ Венеціане славятся, что то ружье и наручи и щиты у нихъ завоеванные у Турковъ. Покоевыя Венецкаго князя палаты на верху всѣхъ его палатъ; уборы въ нихъ не зѣло богатые.

Обычай Венетамъ знатнымъ людямъ по вся дни ѣздить изъ домовъ своихъ къ княжескому двору, и въ палаты его входить кромѣ покоевыхъ его палатъ всякаго чину людямъ не возбранено, не только мужеска полу, и жены и дѣвицы ходятъ и гуляютъ, кто похочетъ, между тѣхъ княжескихъ палатъ. Приходятъ въ сѣни торговые люди и продаютъ калачи и коврижки носятъ на вѣхахъ, и кто похочетъ покупаютъ и ѣдятъ безъ стыда. А на дворѣ княжескомъ и около двора его по вся дни бываетъ многолюдно, а для управленія всякихъ дѣлъ и всѣ приказныя палаты построены на томъ помяненномъ княжескомъ дворѣ, и до самаго князя Венецкаго всякому человѣку, имѣющему нужду, доступить свободно такимъ обыкновеніемъ: князь Венецкій имѣетъ обыкновеніе сидѣть для управленія всякихъ дѣлъ въ свободные дни кромѣ праздниковъ въ палатѣ съ прокураторями въ особой палатѣ, и когда князь съ прокураторями въ ту палату придутъ, тогда у дверей той палаты станетъ одинъ человѣкъ на то устроенный и дверь отворяетъ и затворяетъ и никого просто въ ту палату не пуститъ, а пускаетъ челобитчиковъ въ ту палату такимъ обычаемъ: когда князь и прокуратори въ той палатѣ сядутъ, тогда выдетъ изъ той палаты секретарь и у всѣхъ челобитчиковъ поберетъ челобитныя, которыя поитальянски называются суплики, и напишетъ тѣхъ челобитчиковъ имена на роспись и челобитныя ихъ отнесетъ къ князю въ палату, и по той росписи челобитчиковъ въ ту палату передъ князя кличутъ по одному человѣку и, какъ челобитчикъ въ ту палату передъ князя придетъ, и помяненный секретарь того челобитчика челобитную прочтетъ передъ княземъ и, учиня по той челобитной указъ,

изъ палаты того челобитчика отпустить. Потомъ кликнутъ другаго, и такъ того дня всѣхъ челобитчиковъ отправятъ; а не отправя челобитчиковъ князь и прокуратори изъ той палаты не выйдутъ, сколько бы челобитчиковъ на который день ни было.

Въ помяненной Греческой церкви великомученика Георгія таковъ есть обычай: съ перваго числа Августа передъ той церковью поставляется сѣнь, сдѣлана такъ, какъ дѣлаются въ садахъ прешпективы, и обита красными камками, а по камкамъ дѣлано бѣлымъ крахмаленымъ каморткомъ фрукты и всякіе узоры зѣло предивно, и крыльцы и шпренгели писанные, и въ срединѣ шпренгеля поставленъ образъ Пресвятой Богородицы Греческаго письма, обложенъ богатымъ окладомъ, мѣрою тотъ образъ безъ мала аршинъ, въ окладѣ того образа много каменья изряднаго; та икона древняго Греческаго письма, и кругъ той святой иконы поставлено 50 шандаловъ серебряныхъ, въ которыхъ изрядныя, изъ бѣлаго воску сдѣланныя, свѣчи горятъ великія, и между тѣхъ шандаловъ поставлены 20 кувшиновъ серебряныхъ же, а въ нихъ цвѣты и травы всякіе, и стоитъ тотъ образъ на томъ мѣстѣ до 15-го числа Августа; а для освященія водъ перваго числа Августа изъ той Греческой церкви ходу не бываетъ, а освящаютъ воду въ церкви послѣ литургіи, а митрополитъ Греческій при томъ освященіи водъ не бываетъ, святилъ воду одинъ служащій священникъ и безъ дьякона.

Августа въ 15-й день. Въ той Греческой церкви служилъ святую литургію митрополитъ, и при немъ было въ службѣ священниковъ восемь человѣкъ и одинъ архидьяконъ, а въ то время вышепомянутый Пресвятой Богородицы образъ съ помяненнаго шпренгеля былъ снятъ, и та вышеписанная сѣнь изъ церкви была вынесена вонъ. На архіереѣ облаченіе было изрядной парчи золотной тканой, на ней кресты. По отпускѣ литургіи была процессія: прежде несли шесть свѣчъ восковыхъ бѣлыхъ на высокихъ серебряныхъ подсвѣчникахъ, за ними шли 12 человѣкъ студентовъ, которые учатся въ Греческой школѣ; за ними несли на носилкахъ преждепомянутой Пресвятой Богородицы образъ, который стоялъ среди церкви надъ сѣнью; за тѣмъ образомъ шли священники, и за ними митрополитъ съ посохомъ; по обѣ стороны митрополита шли по одному человѣку священниковъ, а подъ руки его не вели. Надъ образомъ Пресвятой Богородицы несли балдахинъ, сдѣланъ четвероугольникъ изъ золотнаго аксамиту на четырехъ высокихъ серебряныхъ сохахъ. Позади митрополита одинъ купецкій человѣкъ Грекъ несъ благословенный крестъ, и съ нимъ шли рядомъ два человѣка купецкихъ же людей Грековъ; потомъ шли весь народъ со свѣчами великими запаленными по два человѣка въ рядъ, между которыми и я былъ въ той процессіи. И такъ обошли ту Гре-

ческую церковь съ тѣмъ Пресвятой Богородицы образомъ трижды и паки въ ту церковь вошли южными дверьми, а предъ выходомъ изъ церкви въ ту процессію молебнаго и иного пѣнія не начинали, а пѣли во время того ходу Богородичны, и пришедъ въ церковь была эктенія и потомъ отпускъ. Того же числа въ той же Греческой церкви было причастниковъ пречистыхъ и предражайшихъ Христовыхъ Таинъ 30 человѣкъ Грековъ; тѣ причастники всѣ причащалися до начатія литургіи, и во время причащенія ихъ никакого пѣнія не было. Священникъ съ божественнымъ таинствомъ стоялъ въ царскихъ дверяхъ въ одномъ подризникѣ да въ эпитрахили и причащалъ причастниковъ изъ потира лжицею.

Августа въ 17-й день. Изъ Венеціи поѣхалъ я въ городъ Падву въ піотѣ, а найму далъ за ту піоту, въ которой меня свезть изъ Венеціи въ Падву, пять дукатовъ Венецкихъ. Та піота была добрая сицарской *) работы, писанная вся снаружи, а изнутри золоченая съ великими окончинами. Полавошники камчатые красные, и у оконъ завѣсы тафтяныя красныя для защиты отъ солнечнаго зною. Въ той піотѣ столъ покрытъ ковромъ изряднымъ и, какъ отъ Венеціи переѣхали въ той піотѣ море, въѣхали въ рѣку, которою надлежало намъ ѣхать до Падвы. Тутъ піотчикъ, который меня въ той піотѣ везъ, нанялъ лошадь и ту піоту привязалъ къ той лошади и той лошадью везъ меня въ той піотѣ до Падвы. На той рѣкѣ, которою я въ Падву ѣхалъ, есть въ четырехъ мѣстахъ учинены запоры, которые запоры отворяются и затворяются инструментами на желѣзныхъ чѣпяхъ, для того что та рѣка маловодна, и піоты на ней безъ тѣхъ запоровъ ходить не могутъ, а тѣми запорами въ той рѣкѣ умножается вода, и піоты великія проходятъ безъ препятствія. И пріѣхалъ я въ той піотѣ изъ Венеціи въ Падву однимъ днемъ. Отъ Венеціи до Падвы 25 миль Италъянскихъ. Стоялъ въ Падвѣ въ остери, то есть на постояломъ дворѣ, а жилъ въ Падвѣ 5 дней. Падва—мѣсто великое, стоитъ на ровномъ мѣстѣ; близко города есть лѣса небольшіе. Падавская фортеца каменная изъ города отсыпана землею широко, около стѣнъ пропущена вода, шириною той воды будетъ больше 20-ти саженъ. Домовъ великихъ въ Падвѣ каменнаго строенія много, изъ которыхъ одинъ садъ Венецкаго кавалера зѣло великъ и строеніе дивнаго въ себѣ имѣетъ много. Также въ томъ саду множество деревъ лимоновыхъ, помаранцовыхъ, каштановъ, орѣховъ Грецкихъ, винныхъ ягодъ, яблонь, дуль, грушъ, сливъ, вишень, черешни, персиковъ или шепталы, виноградовъ разныхъ, бѣлыхъ и черныхъ, цукатовъ, райскихъ яблонь и иныхъ плодовитыхъ всякихъ деревъ много. Въ томъ же саду

*) Такъ. П. Б.

есть изрядныя фонтаны, изъ которыхъ текутъ штуками воды изрядныя чистыя; среди того саду построенъ чердакъ каменный изряднымъ мастерствомъ, около того чердака посажено вокругъ изрядною удивительною работою и штукою деревья, которыя вѣтвьемъ и листьемъ сплелися плотно, а между тѣмъ деревьемъ подѣланы дороги шириною, какъ можетъ пройтить одинъ человѣкъ, а по нуждѣ два въ рядъ, которыми дорогами проходятъ къ тому чердаку, и если кто знающій не проводитъ тѣми дорогами между тѣхъ помяненныхъ деревъ, никакой человѣкъ до того чердаку дойтить не можетъ, хотябъ по тѣмъ дорогамъ ходилъ цѣлый день; и когда пойдетъ по тѣмъ дорогамъ и дойдетъ даже въ средину, тогда уже и назадъ безъ провожатаго не выйдетъ. Въ томъ же саду есть прешпективъ изрядныхъ Итальянскихъ писемъ; много также и иныхъ удивительныхъ вещей въ томъ саду, которыхъ нынѣ подробну описывать для продолженія времени оставлю. Въ Падвѣ церковь западная великая во имя католицкаго святаго Антонія Падовскаго, въ которомъ костелѣ, сказываютъ, и тѣло его лежитъ подъ престоломъ. Та церковь сдѣлана изряднымъ основаніемъ и зѣло длинна и широка, имѣетъ на себѣ семь главъ великихъ. Въ томъ костелѣ около престоловъ изрядное строеніе изъ алебастру и изъ разныхъ цвѣтовъ аспидныхъ каменій, и помостъ въ томъ костелѣ сдѣланъ изъ разныхъ цвѣтовъ мраморовъ предивною работою. Показывали намъ въ той церкви многія мощи святыхъ апостолъ и святыхъ мучениковъ и иныя многія святыни, между которыми показали намъ языкъ и сказывали, что тотъ языкъ святаго Антонія Падовскаго; а гдѣ лежитъ тѣло св. Антонія, около гробу его виситъ множество лампадъ серебряныхъ великихъ и малыхъ, которыхъ я могъ счесть сто тридцать, а иныхъ, которыя есть по всей церкви, не могъ за величествомъ церкви исчислить. У той церкви живутъ католицкіе законники, которые называются Францишкане. Въ срединѣ того костела по стѣнамъ знать стѣнное письмо по многимъ мѣстамъ древней Греческой работы.

Въ Падвѣ есть другой костелъ во имя святой мученицы Іустины, которой и восточная церковь празднуетъ Сентября во 2-й день купно съ Купряномъ, прежде бывшимъ волхвомъ. Та церковь зѣло велика, длиною будетъ трехаршинныхъ 70 саженъ, а шириною саженъ трехаршинныхъ 40, сдѣлана на крестовидномъ фундаментѣ, имѣетъ на себѣ пять главъ великихъ; въ той церкви сдѣланъ полъ изъ разныхъ цвѣтовъ мраморовъ удивительнымъ мастерствомъ около престоловъ и по стѣнамъ зѣло удивительной работы изъ разныхъ цвѣтовъ аспидовъ также изъ алебастру много; столповъ мраморовыхъ и алебастровыхъ въ томъ костелѣ множество, и иныхъ изрядныхъ фи-

гуръ сдѣланныхъ изъ алебастру въ той церкви пречуднымъ мастерствомъ множество.

Тѣло св. мученицы Іустины лежитъ въ томъ костелѣ подъ престоломъ, а видимо быть не можетъ. Въ томъ костелѣ показывали намъ мѣсто, сдѣлано тѣсно зѣло подъ костельнымъ помостомъ; противъ того другое мѣсто также тѣсное зѣло, а сказывали мнѣ, что въ тѣхъ мѣстахъ въ древнія лѣта были человѣкъ мужеска полу да дѣвица, труждалися Христа ради, и ежели то правда, что въ тѣхъ мѣстахъ жили тѣ два человѣка, и тому зѣло почудитися можно, потому что тѣ оба мѣсты сдѣланы таковы тѣсны, что человѣку тамъ на ногахъ стоять просто невозможно, только всегда стоять на колѣняхъ; къ тому-жъ еще въ тѣхъ мѣстахъ такая темнота, что ни откуды ни малаго свѣту тамъ нѣтъ. Въ томъ же костелѣ сдѣлано въ одномъ мѣстѣ изъ аспиднаго камени подобно тому, какъ обычай есть въ Венеціи дѣлать надъ колодезями водными, и въ серединѣ того помяненнаго аспиднаго камени положена желѣзная рѣшетка, и скрозь ту рѣшетку какъ опустятъ въ глубокость прутъ желѣзный, прилѣпивши къ нему возженную восковую свѣчу, и въ той глубокости видится множество костей человѣческихъ; а сказываютъ, что тѣ кости суть святыхъ мучениковъ, а именъ тѣмъ святымъ мученикамъ за продолженіемъ времени не знаютъ, однакожъ почитаютъ тѣ мощи за святыя. Въ той же церкви есть у алтаря на лѣвой сторонѣ въ стѣнѣ высоко на хорахъ органы, которыхъ подобныхъ, сказываютъ, нигдѣ не обрѣтается, и для меня на тѣхъ органахъ во время бытности моей въ той церкви играли; въ тѣхъ органахъ удивительно, что пребезмѣрно громогласны и кажется такъ отъ голосовъ тѣхъ органовъ, якобы всей церкви потрясатися. На тѣхъ органахъ сдѣлана звѣзда золоченая, которая во время игранія на тѣхъ органахъ блескаетъ, преходя по трубамъ тѣхъ органовъ; потомъ въ тѣхъ органахъ свищетъ подобно птицѣ канарейкѣ или соловью; потомъ въ тѣхъ органахъ, когда отопретъ всѣ голосы и трубы, тогда не останется ни одинъ инструментъото всей музыки, который бы въ тѣхъ органахъ не отзывался играніемъ: вначалѣ органы, цимбалы, скрипицы, басы, шторты, арфы, флейты, виліочамбы, цитры, трубы, литавры и иные всякіе мусикійскіе инструменты; когда запретъ многіе голосы, тогда на тѣхъ органахъ будутъ отзываться трубы властно какъ трубятъ трубачи на двойныхъ на перекличкахъ, якобы одни издалека, а другіе изблизка; и иныя многія штуки есть въ тѣхъ органахъ, которыхъ нынѣ для умедленія описывать подробно оставляю. При томъ монастырѣ живутъ Доминикане, имѣютъ себѣ кельи дивнаго изряднаго строенія и между келій имѣютъ предивныя огородки, въ которыхъ разныхъ травъ и цвѣтовъ и зелій всякихъ имѣютъ

множество; подъ кельями ихъ построены великіе и зѣло изрядные погребы, въ которыхъ мнѣ показывали множество великихъ бочекъ, наполненныхъ виноградными винами бѣлыми и красными. Въ томъ ихъ монастырѣ видѣлъ я аптеку изрядную, въ которой есть многія лекарства. Въ той же аптекѣ видѣлъ я воду, которая устроеніемъ дохтурскимъ проходитъ сквозь пять чашъ каменныхъ, и пилъ я ту воду за потчиваніемъ дохтурскимъ, который мнѣ сказывалъ, что та вода зѣло ко здоровію человѣческому потребна, и видомъ та вода пребезмѣрно свѣтла. Въ Падвѣ есть академія дохтурская великая, въ которой бываетъ студентовъ по 1.000 человѣкъ и больше. Пріѣзжаютъ въ ту академію для дохтурскихъ наукъ изъ разныхъ государствъ честные люди, и бываетъ та академія заперта Іюня съ первыхъ чиселъ по Сентябрь, и въ тѣ мѣсяцы въ той академіи науки и дѣйства никакого не бываетъ. Обыкность тамъ о студентахъ имѣютъ такую: который студентъ науку свою дохтурскую скончитъ, того студента инспекторъ его повиненъ взять за руку и водитъ его въ Падвѣ по всѣмъ улицамъ, а передъ ними идутъ многіе люди и кричатъ «виватъ»; а отъ того студента, скончившаго дохтурскую науку, устроенъ на то одинъ человѣкъ, который передъ нимъ идетъ и мечетъ деньги народу, которые тому студенту кричатъ «виватъ». Тѣ деньги народъ подбираетъ и кричитъ «виватъ, виватъ», а все то чинится казною того студента, который скончилъ свою науку, и потомъ того студента инспекторъ его со Езувитами въ костелѣ коронуетъ. Въ то время въ томъ костелѣ, гдѣ студента коронуютъ, народъ быть не повиненъ, только одни Езувиты или иные законники и инспекторъ его, то-есть мастеръ. И короновавъ его, дадутъ ему изъ той академіи отъ мастера его листъ о мастерствѣ его и по обыкновенію какъ надлежитъ изъ той академіи его съ честью отпустятъ. Есть въ Падвѣ академія, гдѣ учатъ лошадей; тамъ сдѣланы палаты великія, и при тѣхъ палатахъ сдѣлана конюшня, а передъ палатами и передъ конюшнею есть площадь, на которой лошадей учатъ.

Харчъ всякій и хлѣбъ въ Падвѣ предъ Венецкимъ дешевле малымъ, а фрукты всякіе, то-есть гроздіе Венецкаго дороже. Падва—мѣсто гораздо велико, однакожъ малолюдно, только наполняется пріѣзжими людьми, которые въ Падву со всѣхъ странъ пріѣзжаютъ для наукъ.

Есть въ Падвѣ домъ генеральскій зѣло великъ, и множество на немъ палатъ построено предивнымъ мастерствомъ со изряднымъ украшеніемъ. Ворота на тотъ генеральскій дворъ сдѣланы подъ палаты, которыя палаты построены на томъ дворѣ вмѣсто ограды. Надъ тѣми воротами сдѣлана башня, на которой устроены часы изрядною рабо-

тою. Близко того двора генеральскаго есть другой домъ капитанскій, также величества немалаго и строенія предивнаго; имѣетъ на себѣ множество палатъ со изряднымъ украшеніемъ.

Между тѣхъ вышеписанныхъ домовъ есть построена палата зѣло велика, длиною 50 саженъ трехаршинныхъ, а въ ширину 30 саженъ трехаршинныхъ. На той палатѣ своду и потолоку накатнаго нѣтъ, только та палата имѣетъ на себѣ кровлю желѣзную на дугахъ желѣзныхъ. Та палата по-итальянски именуется юстиція, еже есть приказная палата, и въ той палатѣ поставлены столы подобно тому, какъ бываютъ подъяческіе столы въ Московскихъ приказахъ и огорожены рѣшетками деревянными. Въ ту палату приходитъ на всякій день много людей для всякихъ дѣлъ.

Есть въ Падвѣ домъ, въ которомъ дѣлаютъ всякія сукна, а самыхъ добрыхъ суконъ тамъ сдѣлать не умѣютъ, и лучшему сукну Падовскому цѣна аршинъ Венецкій по 14 лиръ Венецкихъ, а Московскихъ денегъ будетъ въ 14 лирахъ рубль или меньше; а цвѣты тѣхъ суконъ дѣлаютъ всякіе.

Еще въ Падвѣ огородъ, который надлежитъ ко академіи дохтурской, сдѣланъ округлый и изряднымъ мастерствомъ; имѣетъ въ себѣ устроенныхъ 5 фонтанъ изрядныхъ, изъ которыхъ истекаютъ чистыя, изрядныя воды. Въ томъ огородѣ много травъ и коренью, которыя употребляются въ дохтурское дѣло до лекарствъ. Въ Падвѣ во многихъ мѣстахъ пропущены скрозь городъ воды текучія, и построены на тѣхъ водахъ мельницы, которыя мелятъ всякій хлѣбъ. Товаровъ всякихъ въ Падвѣ предъ Венецкимъ малое число и въ цѣнѣ всякіе товары Венецкаго дороже гораздо.

Костеловъ въ Падвѣ немного, только всѣ каменные изряднаго строенія, и богатства въ костелахъ много. Домовъ въ Падвѣ много Венецкихъ кавалеровъ, построены у нихъ тѣ домы для пріѣздовъ ихъ въ Падву; когда похочетъ кто гулять, тогда ѣздятъ изъ Венеціи жить въ Падву, а когда тѣ кавалеры живутъ въ Венеціи, тогда тѣ ихъ Падовскіе домы стоятъ порожни. Однакожъ у тѣхъ ихъ домовъ построены предивные огороды и сады, и въ огородахъ подѣланы хорошія фонтаны, и иныя многія удивительныя вещи, и скрозь тѣ огороды пропущены прокопныя воды изрядныя. Жители Падовскіе при Венеціанахъ люди бѣдные, а изъ прокураторей и кавалеровъ Венецкихъ въ Падвѣ никто не живетъ, хотя и домы свои имѣютъ, только на время въ тѣ домы пріѣзжаютъ для увеселенія.

Будучи въ Падвѣ, иноземцу пріѣзжему человѣку потребно жить остерегательно и въ ночи поздно ходить одному изъ дому въ домъ не надобно для того, что въ Падвѣ отъ студентовъ бываетъ пріѣзжимъ

обида, а временемъ и убивство; однакожъ съ оружіемъ ходятъ и поздно, кому есть какая потреба.

Бывши я въ Падвѣ, желалъ видѣть изрядной и дивной вещи и на всемъ свѣтѣ славной, еже есть источникъ горячихъ водъ, которыя воды имѣютъ въ себѣ естественную горячность. И нанявъ коляску, поѣхалъ я изъ Падвы къ тѣмъ источникамъ горячихъ водъ послѣ обѣда и доѣхалъ до нихъ однимъ часомъ, ибо тѣ горячія воды разстояніемъ отъ Падвы 5 миль Итальянскихъ; а какъ я до тѣхъ горячихъ водъ отъ Падвы ѣхалъ, и по обѣ стороны той дороги видѣлъ многіе домы и сады и огороды изрядные дивнымъ мастерствомъ построены. Когда жъ я до тѣхъ горячихъ водъ доѣхалъ, и видя ихъ зѣло удивлялся, ибо истекаютъ многіе источники на горѣ не гораздо высокой и проходятъ тѣ источники разно, единъ другому въ противное, а на верху средины той горы есть совокуплено той горячей воды якобы малое озерко, и изъ того озерка одинъ источникъ отведенъ по желобамъ немного одаль, и построена на томъ источникѣ мельница каменная, которая мелетъ всякій хлѣбъ. Смотри разума тѣхъ обитателей Итальянскихъ: и ту воду, которую на всемъ свѣтѣ за диво ставятъ, даромъ не потеряли, ища себѣ во всемъ прибыли. Другіе источники тѣхъ горячихъ водъ приведены съ той помяненной горы въ домъ, который домъ построенъ близко тѣхъ источниковъ горячихъ водъ, и въ томъ домѣ тѣхъ горячихъ водъ источники проведены въ палату, въ которой палатѣ устроены два творила немалыя каменныя, и въ одно изъ тѣхъ творилъ та горячая вода пущена, а въ другое творило пущена студеная вода, и изъ творила въ творило сдѣланы трубы, гдѣ тѣ воды, горячая и студеная, проходить могутъ и мѣшаться, чтобъ въ тѣхъ творилахъ могли мытися люди; ибо той горячей воды, не растворя холодною водою, невозможно человѣку ни единаго въ нее перста обмочить за великою естественною горячестью. И, такъ растворя ту горячую воду холодною водою, входятъ въ тѣ творила люди и моются для здоровья, понеже дохтуры Падовскіе говорятъ, что та горячая отъ естества своего вода къ здравію человѣческому зѣло употребительна. А какъ той горячей воды не растворишь холодною водою, и въ ней по нуждѣ можетъ малое мясо свариться, а яйцо куричье безъ нужды сварится въ ней скоро. И видятся тѣ источники горячихъ водъ, якобы въ нихъ вода всегда кипѣла, и бываютъ въ тѣхъ горячихъ водахъ всегда густые пары подобны дыму, а имѣютъ тѣ пары духъ къ обонянію человѣческому тяжелый подобно тому, какъ пахнетъ нефть горѣлая или скипидаръ. А изъ которой горы тѣ источники горячихъ водъ идутъ, та гора каменная и со всѣхъ сторонъ скатиста, имѣетъ на себѣ продушины тѣсныя какъ можно рукѣ человѣческой пройтить, и изъ тѣхъ

продушинъ проходитъ паръ тому жъ подобенъ, какъ и отъ вышеписанныхъ горячихъ водъ и съ такимъ же неполезнымъ обоняніемъ, а горячести изъ тѣхъ продушинъ большой не бываетъ. И по горѣ той ходитъ свободно землею, на ней и каменье горячести не имѣетъ же, а которые источники тѣхъ горячихъ водъ отведены отъ той вышеобъявленной горы вдоль по желобамъ и по прокопнымъ мѣстамъ по землѣ, и въ тѣхъ мѣстахъ, также близко той горы, горячесть имѣютъ всегда ровную какъ и на самой горѣ, а что далѣ отъ горы та горячая вода идетъ, то и горечести ея убываетъ, и простываетъ та горячая вода подобно тому, которая вода бываетъ грѣта огнемъ, и сказываютъ, что и въ другомъ мѣстѣ близко тѣхъ помяненныхъ источниковъ горячихъ водъ есть такіе же горячихъ водъ источники во всемъ подобны вышеписаннымъ горячихъ водъ источникамъ; только за нѣкоторымъ препятіемъ я къ тѣмъ горячимъ водамъ не ѣздилъ. А около сихъ вышеписанныхъ горячихъ водъ источниковъ, которые я видѣлъ, знатно древнихъ лѣтъ строеніе, старые фундаменты каменныхъ зданій, и вновь есть построенныя небольшія палаты, и въ нихъ малое число жителей.

Посемъ, видя тѣ источники горячихъ водъ, того жъ числа паки пріѣхалъ въ Падву и, въ Падвѣ ночевавъ одну ночь, поѣхалъ изъ Падвы паки въ Венецію въ той же вышеписанной піотѣ, въ которой изъ Венеціи ѣхалъ въ Падву, а далъ провозу отъ Падвы до Венеціи также пять дукатовъ Венецкихъ и ѣхалъ изъ Падвы до Венеціи тою же вышеписанною рѣкою, которою ѣхалъ изъ Венеціи въ Падую *). Около той рѣки отъ Венеціи въ Падву по берегамъ малыя мѣста, гдѣ строенію и садовъ не было; на всѣхъ на 25 верстахъ по обѣ стороны той рѣки многіе домы и зѣло изряднымъ мастерствомъ сдѣланы каменнаго строенія, также сады и огороды предивные и превеликіе построены, въ которыхъ много деревъ есть разныхъ родовъ плодовитыхъ, между которыми множественное число виноградовъ разныхъ родовъ бѣлыхъ и красныхъ и всякихъ изряднаго обонянія травъ и цвѣтовъ предивныхъ. А ѣхалъ я изъ Падвы въ Венецію такъ же какъ изъ Венеціи въ Падву, припрягши къ піотѣ лошадь, и пріѣхалъ къ морю, гдѣ увидѣлъ Венецію на послѣднемъ часу того дня, котораго поѣхалъ изъ Падвы. Въ томъ часу вода морская прибывала и изливалась въ море къ берегамъ; для того я тою вышеписанною піотою на греблѣ въ Венецію доѣхать не могъ, а вѣтру въ то время никакого не было, и морскою водою піоту нашу относило къ берегу, что̀ видя, нанялъ я себѣ малую барку и, переложась изъ вышеписанной піоты въ ту барку,

*) Такъ. П. Б.

пріѣхалъ въ той баркѣ въ Венецію того жъ числа въ 3-мъ часу ночи, слава Богу, во всемъ добромъ здоровьѣ. А какъ ѣхалъ изъ Венеціи въ Падву и изъ Падвы въ Венецію, въ тѣ дни обѣдалъ на дорогѣ въ остеряхъ, то есть на постоялыхъ дворахъ, которыя построены по берегамъ той вышеписанной рѣки, которою мы въ Падву и изъ Падвы ѣхали; и въ тѣхъ остеряхъ всякіе проѣзжіе люди ѣдятъ и пьютъ, кто что похочетъ—мяса или рыбу или фрукты, то есть гроздіе всякое, также и вино двойное или паче изрядная анисовая водка, которую сидятъ изъ виноградныхъ винъ, что̀ по-итальянски называется аква вита, также виноградныя вина красныя и бѣлыя. Тамъ ихъ есть довольно, кто сколько изволитъ. А кому случится въ остеряхъ заночевать, и въ нихъ кровати съ постелями и съ бѣлыми простынями и съ одѣялами изрядныя готовы, а за все за то потребно хозяину заплатить деньги по договору. Въ тѣхъ же остеряхъ держатъ тавлеи и карты, кто чѣмъ похочетъ забавиться, всего того много, только за все потребно платить хозяину деньги; тутъ же и табакъ продаютъ дымовой и носовой и трубки, чѣмъ табакъ пить.

Когда по вышепомяненной рѣкѣ изъ Венеціи въ Падву или изъ Падвы въ Венецію идутъ піоты и на запорахъ той рѣки, о которыхъ я подлинно выше сего писалъ, повиненъ хозяинъ піоты заплатить на всякомъ пропускѣ установленную цѣну, по чему съ какого судна положено имать; а живутъ у тѣхъ пропусковъ для сбора тѣхъ денегъ устроенные на то люди, и построены имъ въ тѣхъ мѣстахъ домы, а ворота на тѣхъ пропускахъ бываютъ всегда заперты для того, чтобъ вода накоплялась въ рѣкѣ для проѣзду судовъ и для того, чтобъ ни малая лодка безъ платежа той установленной пошлины не проѣхала. Тою же рѣкою изъ дальнихъ мѣстъ гоняютъ въ Венецію лѣсъ и доски на всякое домовное строеніе, и съ того лѣсу на пропускахъ берутъ по тому-жъ установленную пошлину, а безъ того въ тѣ запоры отнюдь никого не пропустятъ.

Августа въ 23-й день. Былъ я въ Венеціи въ западной церкви, въ которой видѣлъ мощи преподобнаго Саввы Освященнаго, положены подъ алтаремъ за желѣзною золоченою рѣшеткою; тѣ его святыя мощи всѣ нетлѣнны, есть на костяхъ и кожа и жилы, только челюсти и шея предалися волею Божіею тлѣнію. И одежда на мощахъ его исподняя и мантія, которыя носилъ на себѣ въ жизни своей—все цѣло; вмѣсто пояса о чреслахъ его чѣпь тонкая желѣзная, ни малой ржавчины не имѣетъ. И сподобился я тѣ святыя преподобнаго отца мощи поцѣловать въ правую руку, а сверхъ ризъ его покрыты святыя его мощи покровомъ атласнымъ золотнымъ.

Августа въ 25-й день. Былъ я отъ Венеціи за проливою морскою въ монастырѣ, гдѣ живутъ законницы-дѣвки, которые называются Бе-

недиктіанки, то есть закону св. Бенедикта. Въ томъ монастырѣ въ костелѣ надъ престоломъ лежатъ мощи святаго Аѳанасія Великаго за рѣшеткою и за стекломъ; видно, что лежитъ подобіе человѣческое въ одеждѣ святительской, какія одежды носятъ архіереи западной церкви, и съ нимъ по правую сторону положенъ посохъ; а совершенны ль есть его святыя мощи, того видѣть невозможно, а говорятъ тамошніе жители, что тутъ отъ мощей св. Аѳанасія есть одна нѣкоторая часть кости, а прочія части во образъ тѣла его всего подѣланы изъ дерева.

Августа въ 27-й день. Въ монастырѣ дѣвическомъ Римской же вѣры былъ праздникъ по ихъ Римскому календарю 5-го числа Сентября Св. Захарія Пророка, и въ томъ монастырѣ въ костелѣ надъ престоломъ высоко поставленъ гробъ, и въ томъ гробѣ положены мощи Св. Пророка Захарія, отца Предтечева, которыя его святыя мощи и я сподобился видѣть всѣ цѣлы, и на главѣ его положена шапка, какъ пишутъ на иконахъ древняго обыкновенія священническія шапки, и покрыты мощи его святыя покровомъ. Въ томъ же костелѣ на другомъ престолѣ лежитъ кость глàвная Св. Григорія Нанзіанзина да глава Ѳеодора Секіота. Въ томъ же костелѣ на третьемъ престолѣ поставленъ гробъ, а въ немъ положены кости глàвныя святыхъ мучениковъ Савина да Панкратія. Въ томъ же костелѣ надъ четвертымъ престоломъ положены двѣ главы: одна мученика Мартирія, а другая Стефана, папы Римскаго. Въ томъ же костелѣ надъ пятымъ престоломъ поставленъ гробъ, а въ немъ положена глава мученика Бонифація; къ той главѣ придѣлано подобіе всего тѣла человѣческаго изъ дерева.

Всѣ тѣ вышеписанныя святыя мощи принесены въ Венецію изъ Константинополя въ древнія лѣта, когда Венеты воевали Царь-городъ.

Августа въ 29-й день. Былъ я въ монастырѣ святыхъ апостолъ Іоанна и Павла. Въ томъ монастырѣ церковь западная зѣло великая каменная, къ той церкви придѣлана каплица, то-есть малая церковь каменная-жъ, и въ той каплицѣ надъ престоломъ стоитъ образъ Пресвятыя Богородицы древняго Греческаго письма. Мѣрою та святая икона въ высоту какъ образъ Пресвятыя Богородицы Лахернской, а шириною меньше того, окладъ и ризы на той святой иконѣ все серебрянное чеканное. Тотъ чудотворный образъ въ Венецію принесенъ изъ Царя-града, а сказываютъ, что сія святая икона древле подала исцѣленіе отсѣченной рукѣ Св. Іоанна Дамаскина. Въ томъ вышеписанномъ монастырѣ Іоанна и Павла живутъ законники католицкіе, которые называются Доминикане, одежды носятъ подъ исподомъ бѣлыя, а наверху черныя. Въ томъ же монастырѣ шпиталь, то-есть больница; въ томъ шпиталѣ бываютъ больные приходящіе разныхъ народовъ мужеска полу. Того жъ числа въ Греческой вышепомяненной церкви видѣлъ я мощи Св. Предтечи Іоанна въ ковчегѣ—кость одного перста.

206-го года, Сентября въ 10-й день, нанялъ я себѣ мѣсто въ кораблѣ, на которомъ мнѣ для ученія надлежащаго своего дѣла ѣхать изъ Венеціи на море, и быть мнѣ на томъ кораблѣ полтора мѣсяца или и больше отъ того числа, котораго числа поѣду на томъ кораблѣ изъ Венецкаго порту, то-есть пристанища въ морѣ.

Сентября въ 12-й день. Выѣхалъ изъ Венеціи на кораблѣ и ночевалъ на кораблѣ и стоялъ на кораблѣ томъ подъ Венеціею до 15-го числа того жъ Сентября, а въ 15-е число Сентября пошелъ нашъ корабль отъ Венеціи и сталъ въ портѣ противъ острова Лиды, на которомъ острову сидятъ солдаты отъ Венеціи близко, и стоялъ въ томъ мѣстѣ корабль нашъ до 17-го числа того жъ мѣсяца, для того что вѣтру способнаго не было и выйтить изъ порту было невозможно. А выходятъ изъ Венецкаго порту корабли такимъ обычаемъ: когда корабль хочетъ идтить изъ Венеціи, тогда того корабля капитанъ повиненъ о томъ своемъ отъѣздѣ объявить въ арсеналѣ адмиралу; тогда ужъ изъ Венецкаго порту собою капитанъ на море выѣхать не свободенъ, а повиненъ ожидать отъ адмирала барки съ людьми, которые люди, пріѣхавъ отъ адмирала въ одной или въ двухъ баркахъ, и привяжутъ канаты за корабль и поведутъ корабль изъ порту на море греблею, а капитанъ того корабля повиненъ дать тѣмъ людямъ, которые поведутъ корабль изъ порту, 10 дукатовъ Венецкихъ; а какъ пріѣхавъ адмираловы люди привяжутъ канаты за корабль, тотъ корабль будетъ въ береженіи на адмиралѣ. И ежели въ то время, когда поведутъ корабль изъ порта, учинится кораблю какая гибель или поруха, то капитану того корабля долженъ платить адмиралъ; и для того адмиралъ усматриваетъ самой доброй погоды, когда хочетъ вывесть корабль изъ порту на море, чтобъ его вывесть безо всякой шкоды. А парусомъ изъ того порту никакому кораблю выйти невозможно, для того что мѣсто, которымъ корабли изъ того порту выходятъ въ море, тѣсно, ихъ корабельному шествію непотребно, и проходятъ то мѣсто корабли не безъ страху; а которому капитану есть нужда, чтобъ въ море изъ того порту выйти, и о томъ будетъ просить адмирала, чтобъ не умедля велѣлъ его корабль изъ порту вывесть въ море, а адмиралъ на то прошеніе никогда не склоняется, только усматриваетъ доброй погоды, чтобъ ему не потерять корабля, а самому бъ тѣмъ не быть въ большихъ убыткахъ, а обыкновеніе имѣютъ выходить изъ того порту больше ночью чѣмъ днемъ.

Сентября противъ 18-го числа въ 5-мъ часу ночи вывели насъ на кораблѣ изъ порту въ море адмиральскіе люди на двухъ баркахъ, и пошли мы на томъ кораблѣ поднявъ парусы вѣтромъ между Полуднемъ и Востокомъ, которымъ въ 6 часовъ убѣжали 30 миль Италь-

янскихъ, а Итальянская миля имѣетъ въ себѣ 1.000 саженъ трехаршинныхъ; аршинъ Итальянскій меньше аршина Московскаго двумя вершками, и всякая Итальянская сажень меньше Московской трехаршинной сажени шестью вершками. Въ томъ времени вѣтръ перемѣнилъ дыханіе, однакожъ былъ между Востокомъ и Полуднемъ, которымъ корабль нашъ въ 6 часовъ убѣжалъ 25 миль Итальянскихъ. И какъ корабль нашъ поровнялся противъ земли, которая называется Истрія, тогда мы свой корабль поворотили въ ту Истрійскую землю и пошли вѣтромъ восточнымъ, которымъ въ 7 часовъ ушли 28 миль Итальянскихъ. И въ томъ дни за часъ до ночи пришли въ Истріи подъ городъ Рувинъ. Тотъ городъ Рувинъ стоитъ на берегу моря на высокой каменной горѣ. Строеніе того города все каменное; въ томъ городѣ костелъ св. мученицы Ефимьи Прехвальныя, въ томъ костелѣ и мощи ея лежатъ, которыя и я сподобился видѣть; въ томъ же костелѣ видѣлъ той же св. мученицы перстень сдѣланъ изъ серебра съ хрусталемъ и поясъ той св. мученицы плетеный изъ серебряной проволоки. Въ томъ же городѣ у того вышеписаннаго костела сдѣлана колокольня каменная зѣло высока, а наверху той колокольни поставленъ образъ св. мученицы Ефимьи вылитъ изъ мѣди въ мѣру человѣческаго возраста. Въ томъ же городѣ на посадахъ много деревъ оливныхъ и на нихъ множество плода. Подъ тѣмъ городомъ стоялъ корабль нашъ до 25 числа Сентября.

ОПИСАНІЕ СОБЫТІЙ ВЪ ГРУЗІИ И ЧЕРКЕСІИ ПО ОТНОШЕНІЮ КЪ ОТТОМАНСКОЙ ИМПЕРІИ ОТЪ 1192 ГОДА ПО 1202 ГОДЪ ХИДЖРЫ (1775—1784).

Переведено съ Турецкаго.

Исторіографъ Турецкой имперіи, нынѣшній министръ юстиціи, Джевдетъ-паша началъ издавать свою „Исторію Турціи" въ первые дни царствованія султана Абдулъ-Меджида. Двѣнадцать томовъ in 8°, послѣдній изъ которыхъ появился въ печати въ 1885 году, обнимаютъ собою періодъ между 1774 и 1825 годами, періодъ упорной и до сихъ поръ продолжающейся борьбы Турокъ за свое существованіе, начавшейся послѣ слишкомъ продолжительнаго для чести и спокойствія христіанской Европы періода военныхъ успѣховъ мусульманскихъ завоевателей. Къ числу главныхъ историческихъ событій, описанныхъ Джевдетомъ-пашою, принадлежатъ, такимъ образомъ, и грозныя столкновенія Турціи съ нашимъ отечествомъ.

Я избралъ для перевода ту часть этой исторіи, которая состоитъ изъ описанія Кавказскихъ дѣлъ и потому представляетъ наибольшій интересъ для Русскаго читателя. При этомъ, чтобы ознакомить его съ міровоззрѣніемъ Турецкихъ историковъ, съ манерою и даже, до нѣкоторой степени, съ самимъ стилемъ ихъ описаній, я счелъ не безполезнымъ держаться въ переводѣ какъ можно ближе подлинника и сохранить всѣ Турецкія названія чиновъ, должностей, частей войска и даже нѣкоторыхъ предметовъ, рѣченій, молитвъ, обрядовъ и пр., объяснивъ ихъ значеніе въ многочисленныхъ примѣчаніяхъ.

Въ картинахъ, которыя рисуетъ Турецкій историкъ, хотя и въ нѣсколько смягченной формѣ, является тоже чувство фанатической ненависти и озлобленія противъ Россіи, тоже стараніе обвинять ее по всѣмъ пунктамъ (оставляя право за непогрѣшимою, въ его глазахъ, Турціей), какими запечатлѣны страницы произведеній его предшественниковъ Наимы, Васифа и другихъ.

Оскорбленное самолюбіе вслѣдствіе утраты прежней славы и прежняго вліянія на судьбу народовъ, утраты, наконецъ, части завоеваній въ Европѣ, Азіи и даже въ Африкѣ, не можетъ до нѣкоторой степени не оправ-

дывать и не представлять естественнымъ такое настроеніе въ писателяхъ народа, стоящаго, во всякомъ случаѣ, на низшихъ ступеняхъ цивилизаціи. Можно ли, со всею строгостью, осуждать такое ихъ настроеніе, если сопоставить его съ тѣмъ, которое водитъ перомъ не какихъ-либо газетныхъ корреспондентовъ, но перомъ большей части лѣтописцевъ Запада? Величіе Россіи не даетъ спать и колетъ глаза нашимъ сосѣдямъ, которые въ досадѣ своей обзываютъ его продуктомъ нашей алчности, нашего насилія, нашихъ интригъ. Въ каждомъ движеніи Россіи, заботится ли она объ огражденіи своихъ границъ, о распространеніи своей торговли, о защитѣ своихъ иноземныхъ единовѣрцевъ, западные историки, нисколько не менѣе Турецкихъ, усматриваютъ затаенные замыслы, посягательство на независимость сосѣдей, стремленіе къ захватамъ и вытѣсненіямъ; въ каждомъ успѣхѣ Россіи они видятъ вліяніе *рубля*; при каждой ея неудачѣ они ликуютъ и рукоплещутъ и стараются вызвать коалицію, чтобы по крайней мѣрѣ унизить, если не стереть съ лица земли, сѣвернаго колосса, имъ ненавистнаго.

Представляемый мною отрывокъ изъ „Исторіи" Джевдета, кромѣ данныхъ, въ общихъ чертахъ болѣе или менѣе намъ извѣстныхъ, заключаетъ въ себѣ подробности, почерпнутыя авторомъ, какъ увидитъ читатель, изъ рукописнаго журнала одного Турка, бывшаго въ самомъ лучшемъ положеніи для ближайшаго изученія Абхазскихъ береговъ и событій того времени.

1886 г. **М. Гамазовъ.**

Событія въ Гюрджистанѣ и Дагестанѣ.

Въ 22 году Хиджры (= 642 г.), во время халифатства блаженнаго Омара (да будетъ онъ угоденъ Богу!), Сэрака-бэнъ-Амрў, главнокомандующій мусульманскихъ войскъ, воевавшихъ Иранъ, послѣ покоренія Азербейджана, отрядилъ Бэкира-бэнъ-Абдуллаха и Абдуррахмана-бэнъ-Рабію для завоеванія Албаніи, какъ назывался тогда Дагестанъ. Бэкиръ - бэнъ - Амру, пославъ Абдуррахмана съ передовыми войсками, самъ двинулся вслѣдъ за нимъ въ Албанію. Когда подступили они къ Ширвану, правитель страны Шахріаръ, изъ рода царей Фарсійскихъ (Персидскихъ), пришелъ къ нимъ съ просьбою о пощадѣ, обязуясь за это удерживать отъ вторженія и безчинства Аланъ и Хазаровъ, народовъ Тюркскаго племени, жившихъ на сѣверной сторонѣ Джебени - Кафказа. Донесли объ этомъ Сэракѣ, который, найдя предложеніе выгоднымъ, довелъ его до свѣдѣнія блаженнаго Омара; халифъ далъ свое согласіе, и на этомъ условіи Шахріаръ получилъ пощаду. А по смерти Сэраки, Абдуррахманъ-бэнъ-Рабія, назначенный на его мѣсто, завоевалъ многое мно-

жество мѣстъ въ Дагестанѣ, обратилъ жителей ихъ въ мусульманскую вѣру, взялъ подать съ государей Гюрджистана и затѣмъ заключилъ миръ.

Когда распространилась вѣсть о новыхъ побѣдахъ этихъ въ Дагестанѣ, и стали, вмѣстѣ съ тѣмъ, ходить въ народѣ священныя преданія (хадисы) о святости Дербенда, овладѣніе которымъ считали кромѣ того необходимымъ для огражденія спокойствія и тишины южныхъ владѣній, то почетныя и знаменитыя лица вооружились для священной войны и многочисленными отрядами двинулись въ ту сторону.

Въ Джеханнумà [1]) разсказано, какъ, во дни Бэни-Умміà, воевалъ тѣ страны Муслимэ-бэнъ-Абдуль-Меликъ; какъ жители ихъ приняли Исламъ, какъ онъ взялъ Дербендъ и завоевалъ многія мѣста на Сѣверъ оттуда; какъ Мухаммедъ-бенъ-Езнидъ, изъ потомковъ Бехрамъ-Чубина, правившій Ширваномъ, и Тимуръ-капý, повелѣвали окрестными странами на цѣлый мѣсяцъ пути растоянія. Но въ 180 г. Хиджры (=796 г.) Хазары завладѣли Дербендомъ. Мусульманы были разбиты, принявъ въ дѣлѣ этомъ мученическій вѣнецъ въ числѣ ста сорока тысячъ—случай небывалый до того времени въ мусульманскомъ мірѣ.

Хазары—сокращенное названіе Хавазаръ—большое колѣно Тюркскаго племени, повелѣвали берегами Хазарскаго моря, получившаго отъ нихъ свое названіе. Море это принимало постепенно наименованія народовъ, въ разныя времена заселявшихъ берега его; такъ оно носило названіе Каспійскаго, Булгарскаго, Дейлемскаго, пока наконецъ за нимъ осталось наименіе Хазарскаго, какъ было сказано, отъ народа Хазаровъ. У насъ неправильно называютъ его Хазазскимъ моремъ (Бахри-хазазъ).

Шахъ Аббасъ, для привлеченія къ себѣ жителей Сѣвернаго Дагестана, постоянно посылалъ ханамъ и бекамъ его халаты и подарки; на этомъ-то основаніи Аджемы и привыкли считать Дагестанъ своею провинціею. Дагестанцы же, съ своей стороны, принимая подарки эти за приношенія и за нѣкотораго рода дань, въ тѣхъ случаяхъ когда, по какимъ бы то ни было причинамъ, они высылаться не могли, бросались грабить Иранскія земли; такъ что, когда, вслѣдствіе появленія Афгановъ, въ странѣ Аджемской пошли смуты, Дагестанцы, вторгнувшись съ Сѣвера въ Ширванъ и Рэванъ [2]) подъ тѣмъ предлогомъ, что они не получили въ тотъ годъ своего обычнаго дара, разграбили товары большаго числа Русскихъ купцовъ.

---

[1]) Космографія. Названіе однаго географическаго сочиненія на Турецкомъ языкѣ.

[2]) Эривань.

Русскимъ, захватившимъ посреди этихъ неурядицъ, на землѣ Аджемовъ владѣнія Дэмиръ-капу, въ силу заключеннаго ими въ послѣднее время мирнаго договора съ Тахмасипъ-шахомъ, уступлены были во владѣніе крѣпость Дербендъ, Баку и провинціи Гиланъ, Мазандэранъ и Астрабадъ. Но такъ какъ водвореніе Русскихъ въ тѣхъ краяхъ противно было интересамъ высокаго правительства, по смыслу стиховъ: «отвращать бѣду слѣдуетъ пока она еще не обрушилась», то высокое правительство, во дни султана Ахмэда, какъ объяснено было въ предисловіи къ этой книгѣ, поспѣшило завладѣть столицею Гюрджистана, Тифлисомъ, посадило отъ себя правителя въ Шемаху, центральный городъ Ширванской области и, построивъ крѣпость Фашъ [3]) на берегахъ Чернаго моря, къ которымъ посланы были имъ, для ихъ описанія, чиновники и инженеры, открыло оттуда путь въ Тифлисъ и облегчило тѣмъ доставленіе въ Тифлисъ и Дагестанъ оружія, подвозимаго флотомъ въ Фашъ. Но явившійся вслѣдъ за тѣмъ Надиръ-шахъ возвратилъ Персіи всѣ земли, захваченныя какъ Россіею, такъ и высокимъ правительствомъ. Что же касается жителей Дагестана, то такъ какъ они храбрѣйшіе и отважнѣйшіе изъ всѣхъ племенъ Кафказа, Надиръ-шахъ не успѣлъ распространить на нихъ своего вліянія и претерпѣлъ даже въ странѣ той сильное пораженіе.

Послѣ Надиръ-шаха, безпорядки въ землѣ Аджемской возгорѣлисъ съ новою силою, и жители странъ этихъ, естественнымъ образомъ, прибѣгли къ покровительству высокой монархіи, такъ что, въ царствованіе султана Махмуда I, задумано было даже овладѣть Дагестаномъ. Эту мысль питали до самаго времени султана Хамидъ-хана, и хотя предполагалось употреблять всевозможныя усилія, чтобы привлечь на свою сторону племена Кавказскія и приготовить изъ этого элемента силу противу Русскихъ; но кромѣ того, что обстоятельства не поблагопріятствовали этимъ видамъ, сами люди, стоявшіе въ то время во главѣ правительства, какъ по понятіямъ своимъ, такъ и по дѣйствіямъ, не способны были исполнить дѣла подобной важности.

Приведемъ здѣсь нѣкоторыя событія, почерпнутыя нами въ архивахъ, въ которыхъ мы искали подтвержденія факта этой борьбы.

Въ продолженіе споровъ съ Россіею по поводу Крыма, повелѣно [4]) было стараться привлечь и задобрить Кабартайцевъ.

Малый Кабартай искони подчинялся Россіи; Большой же Кабартай, Кайнарджійскимъ договоромъ, оставленъ былъ въ распоряженіи

---

[3]) Фашъ—Поти.

[4]) Въ подобныхъ оборотахъ рѣчи, гдѣ говорится о третьемъ лицѣ, вездѣ надо разумѣть Турецкое правительство.

Крымскаго правительства. Его величеству Абдулъ-Хамидъ-хану доносили такимъ образомъ: намъ неизвѣстно, уступили ли Крымцы Кабартай Россіи, а такъ какъ высокое правительство находится съ Россіей въ мирныхъ отношеніяхъ, то если мы будемъ стараться привлечь и задобрить Кабартайцевъ, мы нарушимъ условія трактата; къ этому будетъ приступлено только въ случаѣ открытія компаніи. Странное небреженіе! Лица, носившія названіе министровъ великаго правительства, и не вѣдали, въ какой уголъ заброшенъ, въ чьихъ рукахъ остался членъ, силою обстоятельствъ отторгнутый отъ тѣла имперіи! Не знали они, что Русскіе, съ того времени, не только водворились въ Кабартайской землѣ, но и начали уже простирать на насъ свои захватыванія.

Но вотъ еще странное обстоятельство: когда такимъ образомъ Русскіе овладѣли Кабартаемъ, Черкесскія племена, державшіяся нашей стороны [5]), боясь подвергнуться той же участи, прибѣгли къ защитѣ и покровительству высокой монархіи. Хаджи-Исмаиль, посланный Кызылъ-бея, начальника племени Бесни, и Хаджи-Мухаммедъ, повѣренный Арсланъ-бея, старшины Тимуръ-кёйскаго племени, прибывъ въ столицу, представили дѣло въ слѣдующемъ видѣ:

Какъ Кабартайцы, такъ и другія Черкесскія племена, старшіе слуги высокой монархіи, до самыхъ дней султана Баязида, служили ему, какъ конное войско, въ мирѣ и войнѣ. Послѣ того, при свиданіи съ Баязидъ-ханомъ, великій Хаджи-Гирей-ханъ просилъ его, чтобы онъ сказанныя племена отдалъ ему въ распоряженіе; просьба его была уважена, и съ тѣхъ поръ племена эти всегда служили ему. Малый Кабартай Русскіе сначала, тѣмъ или другимъ путемъ, привлекли на свою сторону, а въ послѣдствіи подчинили его себѣ уже силою; и такъ какъ Черкесы боятся, чтобы дѣло наконецъ не дошло и до нихъ, то они и ищутъ покровительства высокой монархіи и ни за что не подчиняются Россіи; а жители Чечны, входящей въ составъ Дагестана и отстоящей отъ Кабартая на четыре часа пути, по причинѣ своей глубокой религіозности, ведутъ даже войну съ Россіею. Изъ среды своей они въ состояніи вооружить до ста тысячъ человѣкъ и еслибы когда-нибудь высокая монархія показала имъ свою благосклонность, они сдѣлались бы рабами ея.

Просьбу свою изложили они въ этихъ выраженіяхъ на бумагѣ, въ донесеніи, которое по этому предмету повергнулъ Садри-аазамъ къ стопамъ его величества. Сановникъ этотъ выразилъ свое мнѣніе,

---

[5]) Т.-е. подчинявшіяся Турціи.

что такъ какъ Чеченцы не принадлежатъ къ Кабартаю, а составляютъ часть населенія Дагестана, то слѣдуетъ приласкать начальниковъ Фаша, Соуджака [6]) и правителя Чылдыра и распросить, какъ слѣдуетъ, что̀ это за народъ и какую власть признаетъ онъ.

Пока, такимъ образомъ, правительственныя лица высокой монархіи погружены были въ сонъ безпечности и оставались безъ всякихъ свѣдѣній о томъ, что̀ происходитъ въ государствѣ, Русскіе, со своей стороны, подвигались понемногу впередъ и, по овладѣніи Кабартаемъ, стали посягать на Анатолію и заниматься поджигательствомъ на всѣхъ границахъ высокой имперіи, такъ что вражда между государствами не прекращалась и, наконецъ, Россія, какъ описано было во второй части, не довольствуясь завладѣніемъ Крыма съ его зависимостями, добилась таки того, что ханъ Тифлискій (царь Грузіи) принялъ ея покровительство, и съ посредничествомъ его приступила къ привлеченію и покоренію себѣ хановъ Ирана съ одной стороны, и Соломона, хана Ачикъбашскаго (Имеретинскаго) съ другой. Что касается имперіи, то видя, что для водворенія спокойствія на границахъ Анатоліи, ей надо было постараться привлечь и приласкать народы Кафказа и этимъ средствомъ добыть себѣ необходимыя силы для противодѣйствія Русскимъ, она занялась было приготовленіемъ къ упроченію за собою, съ одной стороны, Черкесовъ, съ другой, жителей Дагестана, и дѣла принимали уже довольно хорошій оборотъ въ Гюрджистанѣ; но въ слѣдствіе несогласій между министрами того времени, плану этому не суждено было пользоваться надлежащимъ вниманіемъ и, какъ это видно будетъ изъ третьей главы, дѣло оставлено неоконченнымъ. Съ другой же стороны, крутыя дѣйствія нѣкоторыхъ начальствующихъ лицъ послужили поводомъ къ склоненію Ачикъ-башей на Русскую сторону.

По свидѣтельству нѣкоторыхъ Европейскихъ историковъ, хотя Соломонъ, ханъ Ачикъ-башскій и былъ человѣкъ дальновидный и не разомъ поддался Русскимъ; но когда Россійская императрица Екатерина и Потемкинъ принялись посылать къ нему разные подарки (между прочимъ, отправлены были отъ нихъ, однѣ за другими, двѣ драгоцѣнныя вещи, золотой кушакъ и корона), стойкость его пошатнулась; а по смерти его, вскорѣ за тѣмъ послѣдовавшей, сынъ его Давыдъ-ханъ пошелъ по пути, на который направилъ его отецъ при концѣ своей жизни, и принялъ покровительство Россіи.

По этимъ же источникамъ, Эрекли-ханъ (царь Ираклій) обратился къ Россіи и принялъ Русское подданство въ 97-мъ (1782 г.) году, а

[6]) Суджукъ-Кале есть искаженіе этого слова. Суджукъ по-турецки *колбаса*, а Соуджакъ *прохладная*.

именно за годъ до того, какъ и Соломонъ обнаружилъ въ первый разъ нѣкоторую склонность къ Россіи; сынъ же его, какъ сказано, предался ей совершенно. Но по нашимъ историкамъ, при всемъ томъ, что эти ханы сдѣлались приверженцами Россіи, все же высокая имперія имѣла съ ними значительныя сношенія, какъ это видно будетъ изъ слѣдующихъ событій.

Въ третьей главѣ изложено будетъ въ подробности, какъ, въ этотъ промежутокъ времени, съ появленіемъ въ Чечнѣ отважнаго героя Мансура, взволновались народы всѣхъ племенъ и возстали противъ Россіи и Гюрджистана; какъ Россія жаловалась и боролась съ этимъ непріятелемъ и какъ стычки Лезгинъ съ Гюрджійцами разводили волненіе съ другой стороны. Посреди событій 98-го (1783 г.) года, по описанію Васифа [7]), Аджарцы, населяющіе Чылдырскую провинцію, извѣстные съ давнихъ временъ могуществомъ силою, стойкостью и отвагою, отъ времени до времени, дѣлали набѣги на сосѣдственный имъ Гюрджистанъ, и упомянутый нами выше Соломонъ не разъ обращался къ правителю Чылдыра съ письменными жалобами по этому предмету, прося огражденія отъ наносимаго ему урона. Но такъ какъ, по причинѣ непроходимости мѣстъ, занимаемыхъ этимъ народомъ, управляться съ нимъ было дѣломъ нелегкимъ, да и кромѣ того наносимый имъ вредъ не касался Оттоманскихъ владѣній, а съ другой стороны торговля невольниками казалась выгодною для края: то правитель Чылдыра, правду сказать, не очень-то обращалъ вниманіе на эти жалобы. Между тѣмъ, общее положеніе дѣлъ вынуждало его не пренебрегать до нѣкоторой степени преданностью и расположеніемъ Соломона, и потому онъ дѣлалъ видъ будто бы удерживаетъ Аджарцевъ отъ набѣговъ и злодѣйствъ. Соломонъ, раздраженный опустошеніями, производимыми народомъ этимъ между жителями его земли, задумалъ, для отмщенія, вторгнуться въ Оттоманскія владѣнія. Пограничные жители, провѣдавъ объ этихъ замыслахъ, донесли о нихъ начальнику Фаша Эреклилй [8]) Халиль-пашѣ и бывшему начальнику Гуніи миръ-мирану [9]) Мехмедъ-пашѣ, знакомому, до мельчайшихъ подробностей, съ краемъ. Сановники эти обязались оказать помощь и условились между собою издали подавать другъ другу условные знаки, и между прочимъ, пушечными выстрѣлами изъ Фаша. Не подлежало сомнѣнію, что Аджарцы, по свойственной имъ отважности, ни въ какомъ случаѣ не побѣгутъ

---

[7]) Извѣстный Турецкій историкъ.

[8]) Уроженцу Ираклiи въ Анатоліи.

[9]) Одна изъ высшихъ военныхъ степеней между бригаднымъ и дивизіоннымъ генераломъ.

отъ непріятеля; да и кромѣ того, благодаря неусыпной бдительности, которая позволила имъ провѣдать о дѣйствіяхъ Соломона, этотъ послѣдній не посмѣлъ повести на нихъ ночную атаку, а приготовился нагрянуть на мѣстечко Чаку, зависѣвшее отъ Гуніи; но жители, узнавъ объ этомъ намѣреніи, отправили семейства свои и цѣнныя вещи въ горы, и когда Соломонъ, во главѣ сильнаго войска, подступилъ къ мѣстечку, это случилось 17 Джемазиль-Ахира 98 года (Апрѣль 1784 г.),и съ ожесточеніемъ принялся было грабить все, что оставалось на лицо, а страну предавать огню, заранѣе условленные знаки и пушечные выстрѣлы изъ крѣпости Фаша извѣстили всѣхъ о случившемся, и воины окрестныхъ мѣстъ, въ особенности же самъ Мехмедъ-паша, съ нѣсколькими сотнями храбрецовъ, подоспѣли къ мѣсту, бросились на непріятеля и отрѣзали ему, въ одномъ узкомъ проходѣ, дорогу. Грузинскія войска были разбиты и разсѣяны, и кетхуда [10]) Соломона былъ убитъ. Это жестокое пораженіе такъ сильно подѣйствовало на душу Соломона, что онъ съ горя умеръ. Правитель Чылдыра послалъ объ этомъ въ столицу доносеніе, а начальникъ Фаша сообщилъ туда всѣ подробности этого дѣла.

Вслѣдствіе этого, гостившій въ столицѣ Лэванъ-оглу Кейхосровъ [11]) былъ назначенъ правителемъ Ачикъ-баша и отправленъ для водворенія на мѣстѣ къ тогдашнему правителю Арзерума Джаникли [12]) Хаджи Али-пашѣ, который и направилъ его въ Ачикъ-башъ въ сопровожденіи восьми-тысячнаго отряда подъ командою своего кетхуды.

Между тѣмъ, въ Тифлисѣ происходили событія, весьма важныя по своимъ слѣдствіямъ. Оттоманскіе пограничные начальники донесли высокому двору, что правитель Тифлиса Эрекли-ханъ, уже давно замышляющій воевать Иранъ, имѣетъ намѣреніе прежде всего овладѣть Фашемъ и Батумомъ. Съ другой стороны, Хаджи-Мустафа-эфенди, бывшій кетхуда Садри-аазама, въ то время пребывавшій въ Арзерумѣ съ порученіемъ наблюдать за пограничными дѣлами, извѣщенъ былъ Чылдырскимъ вали, что Эрекли-ханъ, съ цѣлью облегчить выполненіе своего плана, разными обѣщаніями упрочилъ за собою содѣйствіе одного изъ значительныхъ жителей крѣпости Фаша. Вслѣдствіе этого, предписано было Джаникли-Хаджи-Али-пашѣ озаботиться усиленіемъ обороны этихъ мѣстъ и въ особенности отправить подкрѣпленіе въ Фашъ и Батумъ. Паша на это отвѣчалъ, что хотя по случаю мятежническихъ

---

[10]) Нѣчто въ родѣ начальника штаба, вообще же старшина, интендантъ.

[11]) Кейхосровъ сынъ Левана.

[12]) Уроженецъ Джаника. Область на южномъ берегу Чернаго моря.

и непріятельскихъ замысловъ Эрекли-хана и вслѣдствіе извѣстій о привлеченіи одного лица на его сторону, и необходимо было бы увеличить войско и запасы, для поставленія крѣпостей и всей границы въ оборонительное положеніе; но если отправить въ Фашъ и другіе пункты войско безъ денегъ и провіанта, оно не устоитъ и разбѣжится также, какъ сдѣлали это рекруты, посланные туда нѣсколько времени тому назадъ; съ другой же стороны, если войско это будетъ снабжено деньгами, то и другія войска, расположенныя по границѣ, будутъ въ правѣ ожидать того же, а для казны это было бы убыточно.

Поэтому паша, съ цѣлью отыскать и сообразить удобнѣйшій способъ обороны, вызвалъ Мустафу-бея, сына Гюнійскаго жителя Хаджи-Шахинъ-задэ Османа-паши, извѣстнаго многочисленностью людей своихъ и приверженцевъ, для того чтобы узнать его мысли о средствахъ защиты противъ ухищреній непріятеля. Мустафа отвѣчалъ, что если дадутъ ему званіе миръ-мирана и нѣкоторую сумму денегъ, онъ тотъ же часъ вступитъ въ крѣпость Фашъ съ пятью сотнями боеваго войска, и употребитъ стараніе для защиты мѣста; а въ случаѣ надобности, вліяніемъ, которымъ онъ пользуется въ краѣ, обязуется онъ собрать въ окрестностяхъ отъ четырехъ до пяти тысячъ человѣкъ и выйти съ ними на встрѣчу къ непріятелю.

Такъ какъ, въ самомъ дѣлѣ, вмѣсто того, чтобы посылать войско изъ другихъ мѣстъ, гораздо приличнѣе было воспользоваться ратными людьми изъ туземцевъ, хорошо знакомыхъ со всѣми условіями края, 14 Реджеба 98 года (Май 1784 г.) Мустафѣ-бею пожалованы были чинъ и пятнадцать тысячъ грушей [13]), и вмѣстѣ съ тѣмъ присланъ былъ, на имя Фашскаго коменданта визиря Халиля-паши, фирманъ, въ которомъ ему предписывалось изслѣдовать, безъ малѣйшаго потворства, настоящее положеніе дѣла, касавшагося до лица, привлеченнаго Эрекли-ханомъ на его сторону и о которомъ упомянуто было выше, и если будетъ доказано его предательство, схватить его, арестовать и обо всемъ донести въ столицу.

Вслѣдствіе упомянутаго союза и обязательствъ, заключенныхъ между Эрекли-ханомъ и Русскими, генералъ, пребывавшій въ Тифлисъ, разослалъ къ ханамъ Ирана и Дагестана письма, въ которыхъ объяснялъ, что такъ какъ Россія заключила съ высокою имперіею новый миръ и Эрекли-ханъ также возобновилъ съ нею свои обязательства, а сыновей своихъ послалъ заложниками въ Россію, то и они, равнымъ образомъ, прислали бы къ Эрекли-хану нѣсколько человѣкъ изъ дѣтей своихъ и родственниковъ для выраженія покорности.

---

[13]) Грушъ—піастръ или 5 к. сер. 15,000 грушей—750 р. сер.

Такое грубое и дикое увѣдомленіе привело хановъ въ крайнее негодованіе. Но такъ какъ въ то время въ Иранѣ не было самостоятельнаго государя, и каждый изъ хановъ отдѣльно управлялъ своими владѣніями, а между тѣмъ для противуборства съ непріятелемъ, имъ необходимо было слиться въ одно тѣло, то и оставалось имъ возложить всѣ надежды свои на поддержку высокой монархіи, на томъ основаніи, что они связаны были съ нею узами общаго имъ исповѣданія Ислама, и въ этихъ-то надеждахъ они отвѣчали Русскому генералу отказомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ отправили они съ нарочнымъ къ высокому правительству прошенія, въ которыхъ объясняли, что если оно окажетъ имъ помощь, они всѣ, до послѣдняго человѣка, готовы жертвовать жизнію въ состязаніи съ врагами. Вали Чылдыра, къ которому явился этотъ посланный, отправилъ его въ столицу.

Ясно было, что Русскіе, точно такъ же какъ они употребили Шахинъ-Гирея орудіемъ своего коварства и овладѣли черезъ это Татаристаномъ [14]), намѣревались, обманувъ Эрекли-хана, присвоить и Гюрджистанъ. Но какъ съ одной стороны, оказаніе помощи мусульманамъ, въ такомъ множествѣ живущимъ въ томъ краю, было по закону священною обязанностью, а съ другой, стремленіе Русскихъ наложить на этотъ край свои руки и въ политическомъ отношеніи было не только вредно для высокой монархіи, но даже могло быть и опасно для восточныхъ границъ владѣній Хакана [15]): то высокому правительству необходимо было употребить всѣ свои усилія въ настоящемъ дѣлѣ. На этомъ основаніи, извѣстивъ обо всѣхъ обстоятельствахъ правителей (вали), комендантовъ (мухафызъ) и начальниковъ (забытъ), Порта предписала имъ быть бдительными. Къ ханамъ же Ирана и Дагестана отправлены были отъ высокаго правительства грамоты, въ которыхъ оно увѣщевало ихъ не давать вѣры рѣчамъ Русскихъ, которые только съ виду кажутся сладкими, но скрываютъ отраву, и никакъ не поддаваться хитрости ихъ и обману, имѣя въ виду примѣръ дѣйствій ихъ съ Ляхами и Татарами, и потому съ полнымъ усердіемъ и согласіемъ оказывать твердость въ сопротивленіи и не допускать непріятеля до владѣній Ирана и Дагестана. Съ своей стороны, высокое правительство обѣщало во всемъ оказывать всевозможную помощь народамъ, исповѣдующимъ Единаго Бога [16]) и, съ цѣлью расположить ихъ къ себѣ и задобрить, каждому изъ нихъ прислало приличные подарки, въ родѣ

---

[14]) Крымъ.

[15]) Одинъ изъ титловъ Турецкаго султана.

[16]) Мусульмане называютъ христіанъ многобожниками, полагая, что въ Святой Троицѣ мы разумѣемъ трехъ Боговъ.

тѣхъ, которые доставлены были имъ въ дни султана Ахмеда и султана Махмуда. Подобныя мѣры высокаго правительства конечно должны были разстроить дѣйствіе замышляемой ловушки Русскихъ; а между тѣмъ посягательства Дагестанцевъ на Тифлисъ приняты были Русскими за предлогъ къ жалобамъ. Русскій посланникъ, при свиданіи съ рейсъ-эфендіемъ [17]), выразилъ ему свое неудовольствіе по поводу посягательствъ, направляемыхъ противъ Тифлиса, и хотя министръ и отвѣчалъ ему на это, что народы Гюрджистана и Мингреліи находятся въ подданствѣ высокой монархіи, а такъ какъ всякое правительство можетъ, по собственному усмотрѣнію, распоряжаться дѣлами своихъ подданныхъ, то заступничество, оказываемое имъ Русскими, принадлежитъ къ разряду неумѣстныхъ стараній. Но вопросъ этотъ все-таки не могъ обойтись безъ обсужденія членовъ совѣта, и потому дня два или три послѣ этого свиданія, а именно 10-го Сафера 99-го года (Декабрь 1784 г.) сдѣланъ былъ по дѣлу этому докладъ въ засѣданіи совѣта, собравшагося по поводу Мысрскихъ (Египетскихъ) дѣлъ. Вопросъ былъ поставленъ слѣдующимъ образомъ. Хотя, по трактату, Россія не имѣетъ права вмѣшиваться въ дѣла Гюрджистана, но какого рода отвѣтъ долженъ быть данъ Русскому посланнику на нѣкоторые основательные запросы его по поводу того, что Дагестанцевъ возбуждали къ посягательству на Тифлисъ, могущему подъ разными предлогами подать со стороны Россіи поводъ къ спорамъ, и что̀ сказать ему на счетъ Ачикъ-баша? Совѣтъ единодушно положилъ сообщить ему въ отвѣтъ на это, что высокое правительство отнюдь не признаетъ Тифлисскаго хана подвластнымъ Россіи, но что пока онъ не будетъ затрогивать и безпокоить Гюрджійцевъ, которыхъ оно считаетъ своими подданными, такъ же какъ и земли мусульманскія, а въ особенности единовѣрнаго Турціи Дагестана, правительство не измѣнитъ своихъ исконныхъ къ нему отношеній; что же касается Мингреліи, то имѣя въ виду спокойствіе жителей этого края, такъ же точно какъ спокойствіе и другихъ его подданныхъ, въ случаѣ если они не пожелаютъ принять назначеннаго имъ, передъ симъ, въ правители Кейхосрова, правительство не будетъ настаивать на его назначеніи, а посадитъ къ нимъ, согласно порядку издавна существующему (если только они того пожелаютъ) Давыда и вручитъ ему инвеституру. Если же, наконецъ, и на его принятіе они не изъявятъ своего согласія, то будетъ назначенъ къ нимъ кто-нибудь другой. Отвѣтъ этотъ и былъ сообщенъ Русскому посланнику.

---

[17]) Такъ прежде назывались министры иностранныхъ дѣлъ, нынѣшніе Хариджіе-назыры.

Однакоже Кейхосроевыхъ дѣлъ устроить было невозможно, и въ то время, когда Давыдъ принималъ въ руки свои управленіе страною, Русскіе, искавшіе какого-нибудь предлога къ вмѣшательству, воспользовались этимъ случаемъ и Давыда склонили на свою сторону. Хотя въ сущности ни Эрекли-ханъ, ни Давыдъ-ханъ не уступили Россіи земель своихъ, а только отдали себя подъ ея покровительство; но вѣдь Русскимъ стоитъ хоть на сколько-нибудь запустить въ дѣло руки свои, чтобъ не было уже болѣе никакой возможности отъ нихъ отдѣлаться, и оба хана разрушили такимъ образомъ основаніе власти своей собственными руками.

Но въ то время какъ высокое правительство, пріобрѣтя расположеніе жителей Кафказа, разсчитывало приготовить изъ нихъ силу противъ Русскихъ и считало Ачикъ-башъ въ числѣ своихъ владѣній, непризнаваніе Высокою Портою странъ этихъ мусульманскими землями и невниманіе къ разбоямъ Аджарскихъ мятежниковъ, вынудившимъ Эрекли-хана и Давыдъ-хана поступить подъ покровительство Русскихъ, были такими ошибками, которыхъ нельзя не признать за непростительныя преступленія. Какъ бы то ни было, но Русскіе, заручившись пособіями по всему Гюрджистану, распространили посягательства свои и на Персію.

При описаніи событій 93 (1779) года, говорено было, какъ съ ослабленіемъ власти Зендовъ, возникавшіе въ разныхъ мѣстахъ ханы стали искать себѣ самостоятельности, а власть Аги-Мухаммедъ-хана, распространявшаяся съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе, не пріобрѣла еще окончательной устойчивости, и какъ поэтому во всѣхъ краяхъ Ирана царствовалъ безпорядокъ. Али-Мурадъ-ханъ, изъ фамиліи Зендовъ, бывшій въ то время векилемъ (намѣстникомъ) Ирана [18]), съ цѣлью утвердить самостоятельность своей власти, вознамѣрился опрокинуть силу мелкихъ властителей Иранской земли, и на этотъ конецъ, черезъ посредство Эрекли-хана, просилъ помощи у Русскихъ. Русскіе же, только и ожидавшіе подобнаго случая для того, чтобы распространить свои захватыванья на Иранъ, обѣщали, на нѣкоторыхъ условіяхъ, помощь свою; и Мирзу-Мухаммеда, который былъ посланъ Мурадъханомъ въ Россію съ порученіемъ, возвратили въ Иранъ въ сопровожденіи одного почетнаго лица съ дорогими подарками. Но прежде чѣмъ Русскій посолъ доѣхалъ до Шираза, до него дошло извѣстіе о смерти Али-Мурадъ-хана и о возвышеніи Джафаръ-хана на степень

---

[18]) Собственно титулъ векиля принялъ на себя извѣстнѣйшій изъ этой династіи и замѣчательный правитель Керимъ-Ханъ, не пожелавшій именоваться шахомъ.

правителя Иранской земли, и онъ, не исполнивъ своего порученія, возвратился въ Тифлисъ.

Хойскій правитель Ахмедъ-ханъ, приверженный къ высокой державѣ и одинъ изъ сильнѣйшихъ хановъ Ирана, въ половинѣ этого девяносто девятаго года, извѣстивъ письмомъ Эрзерумскаго вали Хаджи-Али-пашу объ этихъ обстоятельствахъ, объяснялъ въ томъ же письмѣ, что желаніе *Москалей* [19]) заключить миръ съ Ираномъ основано на коварныхъ ихъ замыслахъ забрать въ свои руки мѣста, близкія къ ихъ границамъ и, занявъ Азербейджанъ войскомъ своимъ, посредствомъ тѣхъ же хитростей и вѣроломства, которыя они употребили противъ Ляховъ, мало-по-малу овладѣть всею пограничною линіею Ирана, а тамъ направить свои посягательства и захватыванія и на владѣнія высокой монархіи. Къ этому же, его диванъ-кятиби [20]) словесно выразилъ надежду, что высокое правительство, на основаніи единства исповѣданія Ислама, не откажетъ имъ въ защитѣ и покровительствѣ, добавляя, что если эта защита не будетъ оказана, много народа мусульманскаго будетъ задавлено врагами; онъ говорилъ, что такъ какъ въ Тифлисѣ, въ настоящее время, много Московскаго войска, то если и Ахмедъ-хану высокое правительство доставитъ отрядъ тысячи въ двѣ съ артилеріею и военными запасами и дано ему будетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, для отличія отъ другихъ, какое-нибудь почетное званіе съ одной стороны, жителей Ирана польститъ и успокоитъ подобное вниманіе и милость, съ другой Ахмедъ-ханъ найдется въ возможности, при появленіи непріятеля, встрѣтить его и съ нимъ помѣриться. Обо всемъ этомъ было отправлено Хаджи-Али-пашою донесеніе въ столицу.

Когда коварныя намѣренія Русскихъ противъ Ирана стали извѣстными, къ Иранскимъ ханамъ посланы были успокоительныя письма, а къ Ахмедъ-хану—почетные знаки и подарки отъ его величества, вмѣстѣ съ обѣщаніями помощи, обѣщаніями, исполненіемъ которыхъ приходилось озаботиться по мѣрѣ возможности; но, соображая, что посылка войска и пожалованье пашѣ званія прежде наступленія надобности были бы, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, небезопасны, высокое правительство, для того, чтобы не огорчить Ахмедъ-хана, предписало Али-пашѣ ограничиться, въ настоящую минуту, посылкою къ

---

[19]) Здѣсь съ умысломъ приведено это Малороссійское выраженіе, которымъ лучше всего передается названіе *Московлу*, потому что Турки любятъ употреблять его, говоря о Русскихъ. Какъ въ словѣ *Москаль*, такъ и въ словѣ *Московлу*, скрывается или насмѣшка или недоброжелательство, чтобы не сказать болѣе.

[20]) Секретарь совѣта

нему орудій и нѣкоторыхъ запасовъ, а затѣмъ дѣйствовать, во всякомъ случаѣ, съ осторожностью и соображаясь съ временемъ и обстоятельствами.

Такимъ образомъ поселилась вражда между ханами Ирана и Дагестана и Эрекли-ханомъ, а этотъ послѣдній былъ причиною того, что охлажденіе между высокою имперіею и Россіею усилилось.

Во время сэдарета [21]) Халиль-Хамидъ-паши получено было донесеніе отъ Сулеймана-паши, Чылдырскаго правителя, о томъ, что Эрекли-ханъ, для расширенія и исправленія новой дороги, призвалъ три тысячи Русскаго войска. Такъ какъ изъ этого ясно было, что Эрекли-ханъ приготавливался напасть на владѣнія мусульманскія, Сулейманъ-пашѣ предписано было неусыпно наблюдать за ходомъ дѣлъ, и чтобы задобрить Дагестантскій народъ, прославившійся своею силою, преданностью вѣрѣ своей и чрезвычайною храбростію, препровождены были къ нему приготовленные въ столицѣ царскіе подарки и милости для раздачи предводителямъ этого народа, съ цѣлью побудить его къ священной войнѣ. Этими подарками и назначеніемъ содержанія приказано было приласкать храбрецовъ и воиновъ [22]), прибывшихъ въ Чылдыръ и употребить ихъ въ дѣло въ минуту надобности.

Вслѣдствіе такихъ распоряженій, Сулейманъ-паша привелъ въ восторгъ народъ этотъ раздачею упомянутыхъ милостей, и въ Чылдырскую провинцію шли отряды за отрядами. Хотя, такимъ образомъ, народъ этотъ не имѣлъ недостатка ни въ одеждѣ ни въ помѣщеніи; но не дожидаясь для наступленія условной минуты и повинуясь врожденнымъ своимъ наклонностямъ къ разбою и грабежу, ни днемъ ни ночью онъ не оставался въ покоѣ. А такъ какъ удерживать ихъ отъ этого было трудно, а поощрять или даже извинять подобное поведеніе не согласовалось бы съ мирными условіями, то Сулейманъ паша, находясь между этихъ двухъ крайностей, не зналъ на что рѣшиться и совершенно растерялся. Наконецъ, онъ написалъ обо всемъ въ столицу. Но въ это же время Халиль-Хамидъ былъ смѣненъ, а новый садръ-Али-паша еще только приготовлялся къ выѣзду изъ Озу̇ [23]), и потому отвѣтъ могъ быть только написанъ по пріѣздѣ Али-паши въ столицу.

Вслѣдъ затѣмъ Высокая Порта, узнавъ о прибытіи одного судна изъ Батума, потребовала къ себѣ шкипера, чтобы распросить о положеніи дѣлъ Чылдыра и Тифлиса. Изъ показаній этого человѣка узнали, что собравшіеся въ Ахысхѣ (Ахалцихѣ) Лезгины и мусульмане той

---

[21]) Должность перваго министра Садр-и-низама, или великаго визиря.

[22]) Газатъ и Муджахидинъ—воины религіозной войны.

[23]) Очакова.

стороны, въ числѣ около пяти тысячъ человѣкъ, въ день христіанскаго *праздника красныхъ яицъ*, бросились въ Тифлисскую провинцію и захватили-было огромную добычу; но на возвратномъ пути ожидали ихъ многочисленные непріятели съ артилеріею и, неожиданно напавъ на войска мусульманскія, нанесли имъ совершенное пораженіе: многіе нашли въ дѣлѣ этомъ мученическій вѣнецъ, другіе были взяты въ плѣнъ, небольшое число, побросавшись въ протекающую въ томъ мѣстѣ рѣку, потонули, остальные, сражаясь, добрались до Ахысхи. Извѣстіе это было подтверждено и другими. Хотя въ дѣйствительности подобнаго событія позволено еще было сомнѣваться за отсутствіемъ донесеній отъ Сулеймана-паши, но такъ какъ, вслѣдствіе союза, существовавшаго между ханомъ Тифлисскимъ и Русскими, посланникъ ихъ конечно не преминулъ бы обратиться къ высокому правительству съ вопросами на счетъ этого дѣла, то оно считало необходимымъ запастись достовѣрными свѣдѣніями для приготовленія отвѣта непріятелю, и потому запросило о случившемся Сулеймана-пашу.

Въ отвѣтѣ своемъ, Сулейманъ-паша, распространяясь о предшествовавшихъ событіяхъ и напомнивъ о неполученіи имъ, какъ объяснено было, отвѣта на послѣднія его донесенія, доносилъ объ обстоятельствахъ разсказаннаго нами дѣла слѣдующимъ образомъ:

Лезгины сосѣднихъ съ Чылдырскими границами мѣстностей, въ числѣ тысячи воиновъ, сговорившись скрытнымъ образомъ съ нѣкоторымъ числомъ конныхъ бродягъ безъ имени, изъ Курдовъ и другой сволочи, шатавшихся въ окрестностяхъ Карса, Арзерума и другихъ мѣстъ, составили отрядъ и, не испросивъ разрѣшенія, отправились въ Тифлисскую провинцію. Забравъ богатую добычу и множество плѣнныхъ, возвращались они уже назадъ, пустивъ впередъ слабѣйшихъ изъ своего отряда вмѣстѣ съ награбленнымъ добромъ и прикрывая ихъ съ тыла остальными людьми годными къ бою; но въ то время, какъ они тихо подвигались, Гюрджійскія и Русскія войска, при орудіяхъ, засѣли въ засаду въ одномъ узкомъ проходѣ на пути ихъ и, налетѣвъ неожиданно на команду слабѣйшихъ, которымъ поручены были вещи и плѣнники, схватились съ ними; вслѣдствіе превосходства непріятельскихъ силъ, нѣсколько человѣкъ изъ мусульманскаго войска обрѣли въ дѣлѣ мученическій вѣнецъ, небольшое число ихъ потонуло въ рѣкѣ и наконецъ одна часть попалась въ плѣнъ; но въ то время какъ непріятель гналъ плѣнниковъ своихъ въ Сурамъ (находившійся по близости отъ мѣста побоища), подоспѣлъ мусульманскій отрядъ, остававшійся сзади дружно обнаживъ мечи свои, разсѣялъ непріятеля и, захвативъ у него до пятидесяти человѣкъ плѣнныхъ, возвратился, чрезъ сказанный проходъ, восвояси.

Въ этомъ дѣлѣ потеря мусульманъ, по словамъ начальника Лезгинъ, въ немъ участвовавшихъ, простиралась, убитыми и ранеными, изъ Лезгинъ и другихъ, всего до пятидесяти человѣкъ. Что же касается войскъ, состоявшихъ на императорскомъ жалованьѣ, то изъ нихъ не было въ экспедиціи ни одного человѣка. Неудача эта сдѣлавшись извѣстною въ столицѣ, хотя и распространила трепетъ въ сердцахъ жителей; но это произошло отъ того, что размѣры ея были увеличены легковѣрными охотниками разносить ложные слухи изъ простаго народа, подробностей же узнать было не откуда; а не донесено было тотчасъ же о событіи потому именно, что дѣло было не изъ важныхъ. Несмотря на это, однакоже, такъ какъ Лезгины, въ этомъ отношеніи, непохожи на другія воинственныя племена, и трудно держать въ дисциплинѣ и подчинять порядку народъ этотъ, помышляющій единственно о грабежѣ и насильствахъ, то нельзя было не страшиться, чтобы подобныя этой опасныя продѣлки, безъ которыхъ они и впредъ конечно не обойдутся, не кончились какою-нибудь катастрофою.

При обсужденіи обстоятельствъ дѣла; заключавшихся въ донесеніи Чылдырскаго правителя, министры сдѣлали заключеніе, что какъ раздѣленіе Дагестанскихъ войскъ, постоянно прибывавшихъ въ Чылдыръ, вслѣдствіе коварныхъ замысловъ Тифлисскаго хана, выражавшихся во всѣхъ его дѣйствіяхъ, противно правиламъ осторожности, такъ и при обязательствѣ Русскихъ на основаніи одного изъ условій заключеннаго съ нимъ новаго договора помогать ему и охранять границы его владѣній при появленіи непріятеля, подобное вторженіе Дагестанцевъ въ Тифлисскую провинцію будетъ конечно приписано Русскими дѣйствіямъ высокаго правительства и сочтено ими за нарушеніе трактата, а потому и могутъ взять они это за предлогъ къ ссорѣ: вслѣдствіе этого, имѣя въ виду двойное условіе сохранять войско во всемъ его составѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и исполнять свои обязательства, они отправили къ Чылдырскому правителю высочайшія инструкціи въ этомъ смыслѣ.

Между тѣмъ, Русскій посланникъ выразилъ желаніе переговорить о дѣлахъ съ рейсъ-эфендіемъ, который и принялъ его въ Нишатъ-Абадѣ. Упомянувъ о трактатѣ Россіи съ Тифлисскимъ ханомъ и о дѣйствіяхъ Чылдырскаго вали для возбужденія Дагестанцевъ съ явнымъ намѣреніемъ овладѣть Тифлисскою областью, онъ настаивалъ на смѣнѣ этого правителя; что же касается упомянутаго народа, онъ требовалъ, чтобы отказались отъ его содѣйствія и не допускали его разбойничать. Рейсъ-эфенди отвѣчалъ, что Лезгинскій народъ споконвѣку воевалъ съ Тифлисскимъ ханомъ, а потому нынѣшнее столкновеніе,

случившееся по прежнимъ примѣрамъ, было бы нелѣпо приписывать Чылдырскому вали; что и Тифлисскій ханъ, съ другой стороны, не имѣетъ обыкновенія сидѣть въ покоѣ и нерѣдко, при случаѣ, бьетъ и грабитъ Лезгинъ, тѣснитъ и обижаетъ жителей Ирана; въ особенности же, извѣстно за вѣрное, что онъ обложилъ Генджійскій участокъ въ Азербейджанской области; а что во всякомъ случаѣ, помогать жителямъ Дагестана и Ирана, какъ исповѣдующимъ Исламъ, есть обязанность его величества халифа всѣхъ мусульманъ. Послѣ долгихъ преній, аудіенція эта кончилась, а Садр-и-аазамъ отправилъ къ Чылдырскому правителю повторительное предписаніе воздерживаться отъ дѣйствій противныхъ условіямъ трактата. Вслѣдъ за тѣмъ и было получено отъ Чылдырскаго правителя донесеніе насчетъ экспедиціи Дагестанцевъ на Тифлисъ.

Дѣло въ томъ, что Россія, питавшая сильнѣйшія надежды овладѣть нѣкоторыми мѣстностями Ирана, для достиженія этой цѣли прибрала къ рукамъ Тифлисскаго хана; а этотъ со своей стороны, поддавшійся хитростямъ и обману Русскихъ, хотя и вступилъ въ подданство Россіи и старался разными подарками и обѣщаніями привлечь на ея сторону хановъ Дагестана и Азербейджана, но такъ какъ эти ханы исповѣдывали Исламъ и поняли очень хорошо вѣроломные замыслы Русскихъ, то, не питая ни малѣйшаго желанія склониться на ихъ сторону, отвѣчали ему положительнымъ отказомъ. Кромѣ того, затронутые заживо этою заботливостью Тифлисскаго хана привлечь ихъ къ себѣ и видя какъ онъ изыскиваетъ средства силою и войною заставить ихъ войти въ кругъ повиновенія, они прибѣгнули къ покровительству высокой монархіи и просили у нея помощи. Что касается высокаго правительства, то оно и прежде уже обнадеживало ихъ обѣщаніями помощи, дало даже въ этомъ смыслѣ приказанія нѣкоторымъ изъ своихъ должностныхъ и начальствующихъ лицъ и отправило монаршіе подарки народу Дагестанскому, извѣстивъ объ этихъ обстоятельствахъ именитыхъ визирей, тамъ находившихся.

Дагестанцы, самые воинственные изъ народовъ того края и болѣе всѣхъ жаждующіе боя, видя, какъ непріятель мало-по-малу захватываетъ мусульманскія земли, страшились, чтобы наконецъ не дошла очередь и до нихъ; а потому приглашенія склониться на его сторону и оказать повиновеніе, съ которыми обращался къ нимъ Тифлисскій ханъ, вызвали на чело ихъ потъ религіознаго рвенія, и всѣ они поклялись извести Тифлисскаго хана, какъ главное орудіе предусматриваемой опасности.

Вслѣдствіе этого, они послали къ Чылдырскому вали составленное на Арабскомъ языкѣ письмо, въ которомъ извѣщали его, что все

Дагестанское войско, подъ предводительствомъ храбрѣйшаго и старѣйшаго изъ нихъ, Аварскаго правителя Омай-хана [24]), намѣрено въ Іюлѣ мѣсяцѣ выступить въ походъ и идти прямо на Тифлисъ. Чылдырскій вали испуганъ былъ мыслію, что брань, такимъ образомъ затѣянная прежде чѣмъ Тифлисскій ханъ вторгнулся въ мусульманскія земли, непремѣнно взволнуетъ непріятеля и написалъ къ предводителю этого народа письмо слѣдующаго содержанія: «Пока Дженгетайскій правитель Ахмедъ-ханъ, посланный вами въ столицу съ вашимъ прошеніемъ, не возвратится съ отвѣтомъ высокаго двора, вамъ, по моему мнѣнію, приличнѣе всего оставаться на мѣстѣ вашего нахожденія». Но прежде еще полученія отвѣта на письмо это, онъ объ отправленіи его донесъ высокому правительству, испрашивая отъ него инструкцій какъ поступить въ случаѣ, если войска эти уже выступятъ въ походъ, и онъ узнаетъ, что они спустились въ область называемую Чаръ и Талы [25]). Но въ то время какъ высокое правительство на это донесеніе отправляло къ визирю отвѣтъ, что во время мира не пристало нападать на Тифлисскую землю и потому войска эти должно воротить, оно получило отъ правителей Арзерума и Чылдыра донесеніе, что Дагестанцы перешли рѣку Каныхъ [26]) и напали на Тифлисъ. Вотъ какъ это случилось.

Дагестанцы перешли рѣку Каныхъ и, нигдѣ не останавливаясь, прямо ворвались въ Тифлисскую область. Тогда Тифлисскій ханъ, взявъ съ собою при немъ состоявшій Русскій отрядъ съ артилеріею и его командующимъ, поспѣшно двинулся къ нимъ на встрѣчу въ Кахетію; но, увидя стремленіе потока Дагестанскихъ полчищъ, сообразилъ, что онъ не въ силахъ мѣриться съ ними и заперся въ хорошо укрѣпленныхъ и защищенныхъ твердыняхъ. Дагестанцы же прямо бросились на Тифлисъ; но, не имѣя при себѣ ни крѣпостныхъ орудій, ни снарядовъ, миновали Тифлисскую цитадель и обратились на находящіеся въ окрестностяхъ Тифлиса серебряные рудники [27]), съ цѣлью овладѣть ими. Однимъ налетомъ настигнувъ и разсѣявъ выступившаго противъ нихъ непріятеля, они заняли рудники и забрали большое число женщинъ и

[24]) Омаръ-ханъ, извѣстный въ Грузіи подъ искаженнымъ именемъ Омай-хана.

[25]) Нынѣшняя Джаро-Бѣлоканская провинція, гдѣ находится большое село Талы, такъ же какъ и наша крѣпость и городъ Закаталы.

[26]) Алазань.

[27]) Ахпатъ, Санаинъ и др. въ Лалварской горѣ, владѣнія князей Меликовыхъ Сомхетскихъ, со времени этого нападенія совершенно разорившихся.

малолѣтнихъ. Кромѣ того, одинъ отрядъ окружилъ крѣпость Лори [28]) въ четырехъ часахъ разстоянія отъ Тифлиса. На утро сильный гарнизонъ Гюрджійцевъ сдѣлалъ изъ крѣпости вылазку, врѣзался въ Дагестанскіе ряды и завязалъ съ ними рукопашный бой. Схватка эта, въ которой, съ обѣихъ сторонъ, употреблено было въ дѣло смертоносное оружіе, была ужасна. Но наконецъ Дагестанцы одержали верхъ. Въ этомъ побоищѣ однихъ Дагестанцевъ четыреста человѣкъ обрѣли мученическій вѣнецъ, да около семисотъ было раненыхъ. Съ непріятельской стороны пало народу безчисленное множество.

Страшное дѣло это повергло Тифлисскаго хана въ уныніе. Сложивъ сокровища свои въ крѣпости Тахтъ [29]), онъ размѣстилъ войска свои въ разныхъ пунктахъ для обороны страны, крѣпость же защищать взялся самъ.

Въ намѣреніи овладѣть Тифлисскою крѣпостью, Дагестанцы расположились въ Ахалкалакской степи и принялись посылать къ Чылдырскому правителю требованіе за требованіемъ о доставкѣ имъ орудій и снарядовъ. Чылдырскій вали сильно струсилъ, боясь подвергнуться отвѣтственности за эти нападенія на Тифлисъ безъ согласія и дозволенія высокаго правительства, и потому самъ отправился въ упомянутую степь и принялся уговаривать Дагестанцевъ, представляя имъ, что подходитъ зима, а овладѣніе крѣпостью требуетъ времени, къ тому же высокое правительство и не имѣетъ еще намѣренія воевать Тифлиса. Но всѣ эти увѣщанія остались безъ успѣха: Дагестанцы отвѣчали ему, что по случаю приближающейся зимы имъ трудно будетъ перевезти въ свою землю своихъ больныхъ и раненыхъ, по причинѣ ихъ множества, и что поэтому они рѣшились въ этомъ году зимовать на землѣ имама правовѣрныхъ. Такъ какъ не было сомнѣнія, что все это должно было повести къ конечному раззоренію бѣднаго класса и къ затрудненіямъ страны, по причинѣ недостатка въ ней продовольствія и другихъ потребностей, то вали успѣлъ, раздачею разныхъ подарковъ и почетныхъ одеждъ, поселить между начальниками войска разъединеніе, вслѣдствіе котораго Акушинскій кади (судья) и старшины Чартальскіе, отдѣлясь отъ войска съ четырьмя-пятью тысячами людей своихъ, ушли по домамъ.

Что же касается Омай-хана и Али-султана, то они подчиниться и послѣдовать этому примѣру не хотѣли; и только послѣ долгихъ усилій удалось наконецъ удалить ихъ изъ владѣній Хакана. Пра-

[28]) Теперь развалившаяся.

[29]) Вѣроятно сама Тифлисская крѣпость, которой часть называлась Шахи-Тахтъ.

витель Чылдыра, донося объ этомъ высокому правительству, добавлялъ: «Намѣреваясь овладѣть Гюрджійскою крѣпостью Даханъ, расположенною на рубежѣ Тифлисской земли и Ачикъ-баша (Дагестанцы), направились въ ту сторону, и по всему надо полагать, что до сихъ поръ уже завладѣли этимъ мѣстомъ. Тифлисскій же ханъ, оставленный отборными войсками своими, находится въ большомъ затрудненіи, побудившемъ Тифлисскихъ райетовъ [30]) разбѣжаться; которые изъ нихъ ушли въ Рэванъ (Эривань), которые въ Карабагъ, больше же четырехъ тысячъ семействъ изъ нихъ направились къ границамъ Карса; но такъ какъ племена, живущія въ тѣхъ мѣстахъ, угнали весь скотъ свой, они долѣе тамъ оставаться не могли и, перейдя границу Карскую, вошли въ Чылдыръ. Затѣмъ, по случаю огромныхъ издержекъ, понесенныхъ имъ въ томъ году, вали просилъ высокое правительство доставить ему значительную помощь деньгами». Но казна тогда была въ истощеніи, и удовлетворить всѣмъ его требованіямъ не было возможности. Али-паша, въ то время бывшій великимъ визиремъ, прислалъ къ нему отъ себя пять тысячъ піастровъ [31]) на издержки и нѣсколько одежды; доставивъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и копію переговоровъ съ Русскимъ посланникомъ, онъ сообщилъ ему высочайшую волю, чтобы, наблюдая условія трактата, онъ, въ тоже время, не отвращалъ отъ себя и не обезкураживалъ войска Дагестанскія.

Вслѣдъ затѣмъ, Чылдырскій правитель донесъ, что выпровоженные нѣсколько времени тому назадъ изъ владѣній Хакана Омай-ханъ и Али султанъ, на возвратномъ пути своемъ, осадили крѣпость Даханъ, разбили и разсѣяли враговъ, занимавшихъ ее; но такъ какъ, по общему закону кровавыхъ схватокъ, у нихъ оказалось много раненыхъ, и невозможно имъ было и думать перевезти ихъ на родину, а какъ, кромѣ того, зима уже въ то время наступила, и Русскія и Гюрджійскія войска, при пушкахъ, отрѣзали имъ пути, то они поневолѣ должны были воротиться въ Чылдыръ и просили дозволенія оставаться тамъ до весны; что онъ считаетъ труднымъ дѣломъ выгнать войско это, но что, въ тоже время, пребываніе его въ странѣ падетъ невыносимымъ бременемъ на пограничныхъ жителей. Совѣтъ, обсудивъ всѣ обстоятельства, нашелъ приличнымъ дозволить войскамъ этимъ оставаться тамъ до весны; но для того, чтобы избавить бѣдныхъ жителей отъ такого тяжкаго бремени, въ предписаніяхъ, отправленныхъ къ Чылдырскому вали по этому предмету, обѣщано было дня черезъ два, черезъ три,

[30]) Крестьянъ Тифлисской области, просто жителей.

[31]) Около 1000 рублей ассигнац.

выслать переводъ пятидесяти тысячъ піастровъ [32]), которые Арзерумскій вали долженъ-былъ монетному двору.

Когда, вслѣдъ затѣмъ, отставленъ былъ Али-паша, и великимъ визиремъ назначенъ былъ Юсуфъ-паша, а именно въ половинѣ 1200 года (=Апрѣль 1786 г.) получены были отъ Чылдырскаго вали новыя донесенія, въ которыхъ визирь объяснялъ, что Русскіе, на которыхъ отразилось предшествовавшее нападеніе Дагестанскихъ войскъ на Тифлисъ, приписывая экспедицію эту наущеніямъ и подстрекательствамъ пограничныхъ чиновниковъ высокаго правительства, направили на Тифлисъ войска и орудія. Въ тоже время Французскій посланникъ въ столицѣ получилъ отъ Французскаго же посланника въ Петербургѣ извѣщеніе, что, узнавъ объ отправленіи въ Тифлисъ войскъ и орудій, онъ видѣлся съ начальникомъ кабинета Русскаго правительства и запросилъ его, почему Россія, находясь въ мирныхъ отношеніяхъ съ высокимъ правительствомъ, посылаетъ въ Тифлисъ военный отрядъ и боевые снаряды и что глава кабинета отвѣчалъ ему, что эти слухи не имѣютъ основанія, скрывая такимъ образомъ истину. Зная изъ прежнихъ примѣровъ образъ дѣйствій Русскихъ, высокое правительство тотчасъ же предписало Чылдырскому правителю, всѣмъ племенамъ и народамъ тѣхъ мѣстъ, а также и Арзерумскому вали, увеличить свою бдительность и поступать во всемъ съ крайнею осмотрительностью; сверхъ того Чылдырскому вали приказано было приготовить въ Чылдырѣ четыре тысячи войскъ, а Арзерумскому находиться въ готовности и если только непріятель перейдетъ границу, въ туже минуту выступить изъ Эрзерума и, снесясь съ другими начальствами, употребить все свое стараніе, чтобы не допустить непріятеля причинить какой-нибудь вредъ.

Мутэселлиму [33]) Кастемунійскому внушено было также правительствомъ, что если Куладжъ-задэ, бывшій орудіемъ правителя, возьмется защищать крѣпость Батумъ съ пятью стами пѣхоты, онъ награжденъ будетъ званіемъ капуджи-баши [34]).

Пятьсотъ человѣкъ пѣхоты было отправлено изъ окрестностей Трапезонда для защиты крѣпости Фашъ. На случай же надобности кромѣ провіанта, заготовленнаго прежде сего, вновь были сдѣланы запасы, которые и разослали войскамъ.

Сверхъ того, для выдачи гарнизонамъ всѣхъ крѣпостей того края годоваго жалованья звонкою монетою, сдѣланъ былъ переводъ на Арзерумскую таможню.

---

[32]) 10,000 рублей ассигнац.

[33]) Начальнику-правителю.

[34]) Нѣчто въ родѣ камергера.

Русскіе, приписывая эти дѣйствія Дагестанцовъ возбужденіямъ Чылдырскаго правителя, еще съ прошлаго года домогались его смѣны. Считая Тифлисскаго хана однимъ изъ своихъ сановниковъ, а страну его входящею въ составъ своихъ владѣній, вредъ ему причиненный они относили къ себѣ, а потому, когда увидѣли, что показаніями Чылдырскаго вали не такъ-то занимаются, они готовились отплатить тою же монетою и сдѣлать нападеніе на Чылдыръ. Русскій посланникъ намекнулъ объ этомъ рейсъ-уль-куттабу (старшему секретарю) Атаулла-бэю, въ одномъ свиданіи, и препроводилъ къ нему даже ноту въ этомъ смыслѣ. Въ отвѣтъ на это, Атаулла-бей далъ на конференціи слѣдующее объясненіе. «Въ случаѣ какого-нибудь поступка или положенія, которые были бы противны условіямъ трактата со стороны Чылдырскаго правителя, или со стороны другихъ пограничныхъ властей, высокое правительство, безъ всякихъ постороннихъ указаній и понужденій, не замедлить распорядиться взысканіемъ или наказаніемъ. Но вражда между Дагестанцами и Гюрджійцами явленіе не новое: они споконъ вѣка били другъ друга и грабили. Высокое правительство не признаетъ, сверхъ того, законнымъ притязанія Русскихъ на покровительство въ отношеніи къ Тифлису; но если Русскіе изъ гордости и тщеславія, подъ предлогомъ безпорядковъ въ чужой землѣ, произведутъ вторженіе, высокое правительство будетъ естественно отвѣчать тѣмъ же, и стыдъ нарушенія договора падетъ на Русскихъ, которыхъ осудятъ за это всѣ другія правительства; дѣла же нарушителей договора, рано или поздно, всегда оканчиваются позоромъ». Въ этомъ же смыслѣ препроводилъ онъ и ноту къ Русскому посланнику. Но, принявъ въ разсужденіе, на основаніи предшествовавшихъ примѣровъ, что Русскіе могутъ исполнить подобное нападеніе, или же, соблазнивъ Дагестанцевъ лживыми обѣщаніями, такъ же какъ поступили они въ отношеніи Татарскаго народа, могутъ захватить ихъ сторону въ свои руки, въ концѣ тысяча двухсотаго года высокое правительство отправило къ жителямъ Дагестана высочайшія грамоты, для предваренія ихъ объ этихъ обстоятельствахъ и при этомъ царскіе подарки, для того чтобы задобрить и привлечь къ себѣ старшинъ этого народа. Для понужденія же къ бдительности пограничныхъ начальниковъ посланы были высочайшія повелѣнія съ повторительными на этотъ счетъ инструкціями.

Послѣ этого, а именно въ 1201-мъ (=1786—1787 г.), вслѣдствіе жалобъ Русскихъ по поводу Гюрджистанскаго вопроса, послѣдовали долгія пренія съ Русскимъ посланникомъ, и какъ будетъ объяснено ниже сего, главнымъ поводомъ объявленія войны, былъ именно этотъ Гюрджистанскій вопросъ; потому что Русскіе требовали, чтобы вторженія въ тѣ мѣста были прекращены, плѣнные ихъ возвращены,

и чтобы тѣхъ, которые впредь будутъ взяты, не продавали; высокое правительство, съ своей стороны, не хотѣло признать за Русскими присвоиваемое ими право покровительства въ отношеніи къ Эрекли-хану. Такъ какъ споръ этотъ не прекращался, то и отданъ онъ былъ наконецъ на разрѣшеніе дѣйствію острыхъ мечей.

Вслѣдъ за объявленіемъ войны, правителю Чылдырскому послано было повелѣніе, присоединивъ къ себѣ хановъ Дагестана и Азербейджана, отстраниться совершенно отъ Эрекли-хана и приказать упомянутому выше Аварскому хану Омай-хану, сильнѣйшему изъ Дагестанскихъ предводителей, вторгнуться въ Русскія владѣнія, а именно въ крѣпость Кызларъ (Кизляръ) [35]. Для извѣщенія сказанныхъ хановъ о настоящемъ положеніи дѣлъ, посланы были къ нимъ отдѣльныя предписанія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и разныя монаршія милости. Кромѣ того силахшуръ-мэхмедъ [36]) Салихъ-ага посланъ былъ въ Дагестанъ съ чрезвычайнымъ порученіемъ. Въ тоже время отправлены были къ Кабартайскимъ князьямъ письма для побужденія ихъ къ священной войнѣ (газо) [37]) и грамота, черезъ посредство Ванскаго мухафыза (губернатора) Тимура-пашу, въ которой приглашался онъ также сдѣлать нападеніе на Русскую землю.

Въ началѣ 202 г. (въ концѣ 1787 г.), вслѣдствіе полученныхъ изъ Чылдыра депешей, ханы Дагестана и Азербейджана, хотя и поклялись и обѣщались быть въ союзѣ съ высокою монархіею и идти на войну противъ враговъ; но по причинѣ несогласій, ихъ раздѣлявшихъ, и какъ нѣкоторые изъ нихъ оказались сторонниками Эрекли-хана, у нихъ не обошлось безъ раздоровъ, и стало ясно, что желаннаго союза вполнѣ добиться было нельзя. Что касается Омай-хана, то вступить въ Гюрджистанъ, сдѣлать нападеніе на Русскія земли, и наконецъ опустошить страну по дорогѣ Ананурской, по которой Русскіе очистили себѣ доступъ въ Гюрджистанъ, ему было легко; но указанная ему экспедиція на Кызларъ зависѣла отъ переговора съ Лезгинами, бывшими въ Чечнѣ, а для этого надо было предупредить его тремя мѣсяцами раньше. Все это онъ объяснилъ Салихъ-бею на словахъ и Сулейману-пашѣ письменно. Но такъ какъ, для похода на Гюрджистанъ, Сулейманъ паша, находя необходимымъ усилить

---

[35]) Кызларъ значитъ по-турецки дѣвы, дѣвушки, потому что городъ этого имени славился красотою своихъ женщинъ, служившихъ приманкою хищническимъ племенамъ Кавказа.

[36]) Отвѣчаетъ званію егермейстера.

[37]) Слово газо (газіа), изъ котораго картавые Французы сдѣлали свое razzia.

корпусъ свой, пригласилъ Омай-хана въ Чылдыръ, и какъ по этому послѣдній долженъ былъ присоединиться къ нему съ тридцатью тысячнымъ войскомъ, то онъ и требовалъ присылки ему помощи деньгами и продовольствіемъ.

Вскорѣ затѣмъ Салихъ-бей былъ убитъ своими людьми, изъ которыхъ нѣсколько человѣкъ были задержаны и приведены къ допросу. Объ этихъ обстоятельствахъ упомянуто въ нѣкоторыхъ сохранившихся бумагахъ.

Такъ какъ Джебэл-и-Кафказъ, какъ громадная стѣна, отдѣляетъ Россію отъ Анатоліи, то, съ пріобрѣтеніемъ силы въ Гюрджистанѣ, Русскіе и Анатолію подвергли опасности. Поэтому, для того чтобы уничтожить Эрекли-хана, или хотя, по крайней мѣрѣ, отдѣлить его отъ Русскихъ, найдено было, по времени, лучшимъ послѣдовать третьему способу, предложенному Омай-ханомъ, а именно опустошить страну по упомянутой дорогѣ и такимъ образомъ, отнявъ у Русскихъ озможность доставлять помощь и пособіе, изолировать Эрекли-хана и тѣснить его со всѣхъ сторонъ. Такъ какъ объ отвращеніи зла должно думать прежде, чѣмъ о пріобрѣтеніи выгодъ и объ оборонительныхъ дѣйствіяхъ прежде, чѣмъ о наступательныхъ, то посылка Омай-хана на Кызларъ была мѣрою несогласною ни съ временемъ, ни съ обстоятельствами. Такимъ образомъ, тогда какъ слѣдовало, въ случаѣ подобной важности, взять основаніе самаго дѣла и на этомъ уже основаніи строить свои дѣйствія, поворотъ узды желаній на такія трескучія и суетныя предпріятія какова была командировка, направленная на Кызларъ и другіе подобные промахи, сдѣлали то, что всѣ дѣйствія ограничились частными вторженіями въ Гюрджистанъ и уводомъ нѣсколькихъ плѣнныхъ; дѣла же, существенно полезнаго для правительства, никакого не могли добиться.

Тогда какъ въ самомъ началѣ кампаніи, громъ славы Шейха-Мансура еще раздавался въ ушахъ народовъ,—когда открылись двери войны, звуки орудій и ружей, бросавшихъ молніи къ своду небесному, заглушили громъ этой славы. Изъ слѣдующей главы видно будетъ, какъ мало, дѣяніями своими, оправдалъ онъ народныя ожиданія.

ЗАПИСКИ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА МУРАВЬЕВА-КАРСКАГО [1]).

1821 годъ.

Укрѣпленіе Вознесенское (на Восточномъ берегу Каспійскаго моря). Сентябрь 1821 года.

5-го. Поутру я послалъ патруль осмотрѣть то мѣсто, гдѣ наканунѣ видѣнъ былъ огонь; ничего не нашли, и послѣ сего я отправилъ Туркменъ опять къ Ишану въ кочевье. Ввечеру пришелъ сюда караванъ, изъ 30-ти верблюдовъ и 10 человѣкъ состоящій; они ѣдутъ отъ кочевья Ишана въ Красноводскъ за покупкой хлѣба; хотѣли тоже у меня хлѣба купить, но я не намѣренъ имъ его отдать по такой дешевой цѣнѣ, какъ я въ Челекенѣ отдалъ. Вчера пріѣхала также сюда мать украденнаго мальчика Шахъ-Магмета; она жалѣла, она плакала и рыдала о своей потерѣ. Ввечеру я былъ на транспортѣ. Ратьковъ иллюминовалъ пакетботъ и ночью производилъ пальбу. Видъ былъ прекрасенъ, только матросы его пустили нѣсколько боевыхъ патроновъ на мѣсто холостыхъ изъ ружей, и пули перелетѣли черезъ меня. У нихъ было гулянье, и Ратьковъ вѣрно не упустилъ случая выпить *).

6-го. Между капитанами судовъ нашихъ произошло неудовольствіе. Юрьевъ сталъ стрѣлять изъ орудій въ цѣль, не взирая на запрещеніе Ратькова. Ратьковъ пріѣхалъ ко мнѣ жаловаться, говоря, что у него не остается другаго средства какъ отрѣшить Юрьева отъ должности и поручить судно старшему по немъ. Я отвѣчалъ ему, что начальство мое надъ судами простирается только на движенія ихъ, но что въ такихъ случаяхъ онъ самъ имѣетъ полную власть. Онъ переписывался съ Юрьевымъ, и не знаю, чѣмъ у нихъ кончилось.—Вчера ввечеру притащили сюда изъ за версты вытесанный бѣлый камень,

---

[1]) См. выше, стр. 235.

*) Это былъ царскій день -именины императрицы Елисаветы Алексѣевны. П. Б.

имѣющій аршинъ вышины и почти два аршина въ толщину и ширину. Я его поставилъ среди укрѣпленія; на него наложится другой такой же камень, а на тотъ поставится крестъ, коего вершина будетъ отъ земли на четыре аршина. Памятникъ сей, на которомъ я намѣреваюсь высѣчь надпись, простоитъ нѣсколько столѣтій. Ввечеру я занялся распоряженіями для похода на Балканъ: велѣлъ, чтобы на Дарджѣ было заготовлено 40 верблюдовъ и столько же вооруженныхъ людей, а два человѣка дожидались моихъ приказаній на островѣ Дагъадѣ, противъ котораго, пришедши сѣвернымъ берегомъ залива, я остановлюсь и сдѣлаю настоящее распоряженіе для похода на Балканъ. Я говорилъ вчера долго съ Кіатомъ и нашелъ въ немъ совершенную готовность къ исполненію видовъ нашихъ. Я увижу первый опытъ его по возвращеніи Сеида, привезетъ ли онъ Алексѣя или нѣтъ.

7-го. Притащили сюда другой камень для подножія воздвигаемаго креста; камни должны имѣть около 200 пудъ тяжести всякій, однако одинъ изъ нихъ легко подняли на другой посредствомъ блоковъ, съ помощью одного опытнаго матроса, котораго мнѣ для сего прислалъ Ратьковъ. Подножіе вышло вышиною въ два аршина, на него подняли крестъ, изъ камня же высѣченный, который вдолбили въ верхній камень, а на немъ высѣкли надпись: *Сооружено во имя Вознесенія Господня въ 1821 году.* Весь памятникъ имѣетъ четыре аршина въ вышину. Ввечеру я изготовилъ инструкцію Ратькову для нашего похода, потомъ заѣзжалъ на суда.

8-го. Ввечеру къ большой радости моей возвратились Сеидъ и Таганъ-Ніасъ и привезли съ собой невольника Алексѣя. Бѣдный былъ такъ радъ, что онъ едва могъ произнести нѣсколько словъ; онъ долго молился съ усердіемъ, благодаря Создателя за освобожденіе свое. Послѣ того я сталъ его распрашивать. Онъ крѣпостной крестьянинъ Владимирской губерніи, г-дъ Жеребцовыхъ, ѣздилъ въ Астрахань на рыбный промыселъ и съ тремя товарищами на берегъ въ Мангышлакъ, для размѣна хлѣба на товаръ. У Мангышлакскихъ Туркменъ есть одинъ бѣглый солдатъ изъ Татаръ, который заманилъ ихъ безъ оружія въ кочевье; шесть человѣкъ вооруженныхъ напало на нихъ, въ томъ числѣ были Оразъ-Магмедъ и одинъ Мангышлакскій Туркменъ, ѣздившій въ Петербургъ посланникомъ съ просьбою, дабы Государь принялъ ихъ въ подданство (онъ послѣ сего возвратился въ свою родину, получалъ жалованье изъ Астрахани и грабилъ пріѣзжихъ матросовъ, которые были оплошны). Хозяина сихъ четырехъ, нѣкоего Алексѣя Ивановича Муромскаго, съ тремя другими связали. Этому порубили ногу; но онъ говоритъ, что не чувствовалъ сгоряча раны своей. Защищаясь отъ другаго удара, который ему хотѣли нанести,

онъ схватилъ въ руку саблю, порѣзалъ руку, но сломалъ саблю; другой Туркменъ набѣжалъ и порубилъ ему голову; тутъ онъ упалъ. Неистовые разбойники стали дѣлить добычу, одного старика и раненаго Сергѣя Степанова, прозвавшагося Алексѣемъ, взяли двое, въ томъ числѣ былъ Оразъ-Магмедъ; четверо же взяли остальныхъ двухъ здоровыхъ, всѣхъ продали въ Хиву, а Сергѣй одинъ остался, потому что не надѣялись, чтобы онъ выздоровѣлъ. Другая такая же лодка кусовая пріѣзжала вмѣстѣ съ сими четырьмя человѣками; на ней было три человѣка, которыхъ также захватили и продали въ Хиву. Кусовья сіи пріѣзжали на тюленій промыселъ и привозили для смѣны хлѣбъ. Сергѣй лежалъ три мѣсяца болѣнъ, наконецъ выздоровѣлъ и поѣхалъ съ хозяиномъ около Карабугаза; тутъ онъ его остановилъ и сказалъ ему, что онъ вѣрно его боится будучи наединѣ. Хозяинъ его мулла Оразъ-Магмедъ въ самомъ дѣлѣ боялся и обѣщался, клялся Сергѣю, что если Богъ его благополучно допуститъ до своего кочевья, то его ни въ Хиву, ни никому кромѣ собственныхъ родственниковъ не продастъ. Онъ сдержалъ въ семъ случаѣ свое слово, но потому единственно, что догадливый невольникъ сказался сыномъ богатаго купца и обѣщалъ ему за выкупъ свой казны палату. Нынѣ же, когда къ Оразъ-Магмеду пріѣхали Сеидъ и Таганъ-Ніасъ, онъ отъѣхалъ въ степь далѣе и не хотѣлъ сперва отдать Сергѣя; но послѣ, когда его увѣрили, что онъ долженъ его непремѣнно доброю волею отдать, дабы не лишиться онаго насильно (ибо я стращалъ его своими орудіями, хотя отъ него во ста почти верстахъ находился), онъ призвалъ Сергѣя и отпустилъ его, взявъ съ него обѣщаніе, что онъ пришлетъ ему 600 тилловъ, т.-е. 3000 р. ассигнаціями, сукна на три кафтана, ружье и капканъ. Сергѣй ему все обѣщалъ и пришелъ ко мнѣ съ сыномъ своего хозяина Курбаномъ и съ письмомъ отъ своего хозяина, которымъ онъ проситъ меня, чтобы я ему доставилъ обѣщанныя ему Сергѣемъ деньги и вещи, и объясняетъ, что онъ самъ не былъ на разбоѣ, когда захватили Сергѣя, и что онъ откупилъ его у Игдыровъ, захватившихъ его. Онъ просилъ Сергѣя мнѣ тоже самое сказать и, въ надеждѣ получить большія деньги, обѣщалъ женить своего сына на новой женѣ; но Сергѣй мнѣ правду объявилъ и сказалъ, что онъ изъ страха принужденъ былъ имъ все обѣщать. Разспросивъ его нѣсколько о степи, въ которой онъ три года находился и успокоивъ его, я его отправилъ на пакетботъ. Причина пребыванія Оразъ-Магмеда въ Мангышлакѣ была слѣдующая. За разныя воровства и безчинства Персіяне захватили одного изъ сыновей его въ плѣнъ и просили за выкупъ его 700 тилловъ; онъ поѣхалъ по всему берегу собирать милостыню для выкупа сына и случился на

Мангышлакѣ въ то время, какъ сей разбой сдѣлался; онъ надѣялся воротить потерю свою на Русскихъ и вмѣстѣ съ хищниками напалъ на обезоруженныхъ Музуръ.

Я многое кое-чего узналъ отъ Сергѣя на счетъ Туркменъ моихъ; между прочимъ, какимъ образомъ Кіатъ не приказывалъ везти сего невольника ко мнѣ, съ начала прибытія моего, когда Оразъ-Магметъ посылалъ его спрашивать, куплю ли я Сергѣя. Кіатъ, видя, что я уже самъ узналъ и приступилъ къ сему дѣлу, сдѣлался ревностнымъ, ибо другаго средства не было. Но теперь онъ поплатится еще двумя Русскими, которые у него находятся. Я дожидаюсь только, чтобы мои Туркмены нѣсколько успокоились; ибо они сами не понимаютъ, какимъ это образомъ случилось, что они у своего земляка увели человѣка для меня.

9-го поутру я поставилъ Курбана съ Сергѣемъ на очную ставку. Курбанъ хотѣлъ солгать, но Сергѣй его уличилъ въ томъ, что самъ отецъ его былъ на разбоѣ. Курбанъ боялся, дрожалъ; наружность его изображаетъ человѣка низкаго, злаго, алчнаго и труса. Онъ сталъ наступать Петровичу на ногу, дѣлая ему черезъ сіе знакъ, чтобы онъ его защищалъ; я грозился его повѣсить, но онъ не понималъ вину свою, что̀ весьма естественно, ибо воровство у нихъ вмѣняется въ достоинство. Я никому какъ вамъ не отдалъ невольника, сказалъ онъ. — Я съ тебя сорву кафтанъ, отвѣчалъ я, и черезъ три года, возвращая его тебѣ, буду просить 500 червонцевъ выкупу за него; благодари Бога, что ты благополучно возвратишься отсюда. Я не могу казнить тебя, хотя и чрезвычайно мнѣ сего хочется; но я тебя самъ зазвалъ, и ты потому можешь ѣхать; уѣзжай, убирайся скорѣе и не пріѣзжай въ другой разъ, потому что ты будешь на висѣлицѣ. Сергѣй! Дрогнула ли бы у тебя рука, еслибы ему надѣли петлю на шею и велѣли бы его на стеньгу вздернуть?—Не дрогнула бы, сударь. Курбанъ едва на ногахъ держался; я его прогналъ, давъ ему письмо къ отцу его такого содержанія: я ему писалъ, между прочимъ, что его бы слѣдовало какъ мошенника повѣсить и сына его; но что, боясь измѣнить своему слову, я его отпускаю, приказывая ему впрочемъ, чтобы онъ никогда не показывался къ Русскимъ, подъ опасеніемъ смерти. Дабы довершить вражду между вырученнымъ Сергѣемъ и Курбаномъ, я велѣлъ Сергѣю разругать порядкомъ своего бывшаго хозяина, что̀ онъ съ радостью и точностію исполнилъ. Послѣ сего я могу быть увѣреннымъ, что Сергѣй ни подъ какимъ видомъ не уйдетъ къ Туркменамъ.

Я дополнилъ надпись, которую дѣлалъ на крестѣ поставленномъ на памятникѣ, прибавивъ къ первой надписи (*Сооружено во имя Воз-*

несенія Господня въ 1821 году): въ правленіе Грузіею Алексѣя Петровича Ермолова, полковникомъ Николаемъ Муравьевымъ.

Туркмены мои, привезшіе сюда Сергѣя, рады, что услужили мнѣ, надѣясь на большія награжденія, но боятся своихъ алчныхъ единоземцевъ, которыхъ они лишили блистательной надежды получить 5.000 р. выкупа. Они сами не постигаютъ, какой случай ихъ подвинулъ на сей поступокъ.

10-го я узналъ еще причину огня, видѣннаго мною за крѣпостью въ ночь перваго отправленія Сеида. Сергѣй мнѣ сказалъ, что двое Туркменъ пріѣзжали къ нимъ въ кочевье и сказали, что три солдата наши хотятъ бѣжать; эти самые Туркмены отправились къ нашей крѣпости и цѣлую ночь шатались около насъ, въ ожиданіи, что солдаты, намѣревающіеся бѣжать, придутъ къ нимъ; они и развели огонь, но увидѣвъ, что къ нимъ люди ѣдутъ конные и на верблюдахъ, они бѣжали. Солдаты же, которыхъ они полагали, что хотѣли бѣжать, были тѣ, которые, по приказанію моему, прикинулись недовольными, для обстоятельнаго развѣдыванія о Сергѣѣ. Одинъ изъ сихъ Туркменъ теперь въ Челекенѣ, и я надѣюсь его увидѣть около Дарджи, гдѣ съ нимъ учиню расправу.

Вчера я получилъ огорченіе отъ Катани, который отвѣчалъ мнѣ, что онъ сюда не учиться пріѣхалъ, тогда какъ я ему показалъ ошибку, которую онъ сдѣлалъ въ чертежѣ. Я остановился наказаніемъ его, потому что личность моя была въ семъ замѣшана. Я видѣлъ неблагодарность и боялся осудить его пристрастно. Увидѣлъ опять, сколько доброе обхожденіе съ большею частью людей вредно. Сколько разъ я рѣшался перемѣнить сіе обхожденіе, сколько я неудовольствій за сіе получилъ и всегда измѣнялъ своему слову! Надобно мнѣ нравъ свой перемѣнить.

Вчера ввечеру пришелъ сюда Арчехъ, отецъ увезеннаго Шамамета. Онъ мнѣ жалокъ; я старался утѣшить его и обѣщался подать всякую помощь, которая во власти моей только состоитъ, для возвращенія его сына. Сынъ мой вашъ былъ, сказалъ огорченный отецъ.—«Я испытаю написать письмо къ ворамъ, если ихъ узнаютъ; буду стращать ихъ разореніемъ орудіями; можетъ быть страхъ подѣйствуетъ, и они его возвратятъ». Слухъ о моемъ укрѣпленіи, объ орудіяхъ, о солдатахъ усилился, и между Туркменами не иначе говорятъ, что у меня 5.000 солдатъ и 30 орудій.

11-го въ Воскресенье я ѣздилъ на пакетботъ слушать обѣдню и видѣлъ тамъ моего Сергѣя, который поведеніемъ своимъ заслужилъ всеобщую любовь. Онъ добронравенъ, неглупъ, усерденъ, старателенъ,

и получилъ до 60 рублей въ подарокъ отъ офицеровъ; матросы его одѣли тоже чѣмъ могли.

12-го. Вчера Катани, огорченный самъ своимъ поступкомъ, просилъ у меня извиненія. Я согласился замять сіе дѣло, посовѣтовавъ ему какъ впередъ себя вести, но болѣе всего взялъ сей случай для себя въ урокъ. Я вижу и сколько разъ уже видѣлъ, что слишкомъ ласковое обхожденіе не производитъ ничего добраго.

14-го я поѣхалъ на трехъ гребныхъ судахъ къ Кайпатѣ и смотрѣлъ пещеру, которая высѣчена въ каменной скалѣ. Входъ въ нее имѣетъ не болѣе аршина въ поперечникѣ и совершенно круглый; войдя въ оный, спускаются немного внизъ и входятъ въ комнату, которая имѣетъ сажень ширины, сажень вышины и около трехъ длины. Работа сія не Туркменовъ, они не имѣютъ и орудій для такой работы: непомѣрная лѣнь не позволяетъ имъ никогда приняться за сіе. Надобно думать, что сія пещера очень древняя и была высѣчена какими-нибудь зашельцами, для предохраненія себя отъ нападенія разбойниковъ; и въ самомъ дѣлѣ два человѣка съ ружьями, которые запасутся продовольствіемъ и водой, отобьются въ семъ мѣстѣ отъ большаго числа хищниковъ. Статься можетъ тоже, что пещера сія вырублена Русскими во времена Бековича; тутъ, можетъ быть, былъ передовой караулъ, ибо пещера сія находится на самой дорогѣ хищниковъ.

Отъ Кайпаты возвращаясь, я отправилъ Рюмина по сѣверному берегу залива къ Балкуи, для съемки сего мѣста, коего главныя точки уже были опредѣлены треугольникомъ съ Красноводской косы. Возвратившись я послалъ къ нему для прикрытія пакетботъ. Ввечеру поздно Рюминъ возвратился, почти окончивъ съемку. Онъ привезъ съ собой бѣлую землю, которую онъ тамъ нашелъ въ большомъ количествѣ; земля сія разсыпается, не имѣетъ никакого вкуса, и я никакъ не могъ узнать, къ какому она роду принадлежитъ.

16-го я отправилъ гребныя суда впередъ къ Балкуи съ Катани и велѣлъ ему занять лагерь между горами Балкуинскими и угломъ Умгали, на равнинѣ у самаго берега, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ я присталъ къ берегу, когда возвращался изъ Хивы. Я самъ остался въ Вознесенскомъ съ непомѣстившимися людьми; убравъ все и отплывая, зажегъ весь хворостъ, которымъ были сдѣланы засѣки. Въ нѣсколько минутъ все укрѣпленіе занялось большимъ пламенемъ. Скоро оно опустѣло, и каменный крестъ показался изъ угасающаго огня, какъ сирота окруженный голыми стѣнами и бастіонами. Лѣнивые Туркмены, пріѣхавшіе къ тому времени къ намъ на лодкѣ для покупки хлѣба, ожидали съ нетерпѣніемъ нашего ухода изъ крѣпости, дабы взять хворостъ, изготовленный въ большихъ кучахъ; какъ скоро

его зажгли, они подбѣжали и отложили себѣ особенную кучу. Къ вечеру я прибылъ въ лагерь, оставивъ часть людей на транспортѣ. Киржимъ, на которомъ я надѣялся все размѣстить и за которымъ уже давно посланы сыновья Кіатовы, еще не прибылъ за противными вѣтрами; сіе причиною, что первый переѣздъ мой не сдѣлался какъ мнѣ хотѣлось. Пакетботъ подтянулся къ намъ на гребныхъ судахъ; но транспортъ еще остался на мѣстѣ. Я посылалъ смотрѣть родникъ Моисеевъ, и въ немъ вода оказалась прекрасная и очень хорошая. Здѣшнее мѣсто почти удобно для строенія крѣпости: камень близокъ, вода есть; но горы, находящіяся въ одной верстѣ кругомъ отъ насъ, могутъ служить пристанищемъ для хищниковъ.

17-го. Поутру транспортъ пришелъ, легъ на якорь и сгрузилъ все чтò на немъ нашего было. Я ходилъ на скалу Умгали, которая имѣетъ 150 сажень вышины. Всходъ на нее очень труденъ; я принужденъ былъ разъ десять отдыхать; въ иныхъ мѣстахъ предстояли совершенно отвѣсныя скалы, по которымъ взлѣзать не иначе можно было какъ съ опасностью. Съ сей высоты открываются Челекенъ и почти весь Балканскій заливъ, который какъ въ планѣ виденъ; я взялъ направленія на главныя мѣста сего залива.—Со мной ходилъ Сергѣй, котораго я взялъ для того, чтобы показать мнѣ нѣкоторыя мѣста въ степи. Взлѣзши на гору, я сталъ сбрасывать съ нея большіе камни и смотрѣлъ на стремленіе, съ которымъ сіи камни летѣли внизъ. Сергѣй, повертывая съ солдатами одну изъ сихъ скалъ, неосторожно подвернулъ ногу свою подъ остріе оной, и скала, упавши ему на ногу, оторвала почти совсѣмъ большой палецъ лѣвой его ноги. Онъ не поморщился и не показалъ ни малѣйшаго знака боли. Я его отправилъ назадъ къ лагерю, засыпалъ ему рану табакомъ и перевязалъ ее кое-какъ. Онъ самъ спустился съ горы и дошелъ до лагеря; смотря на него, нельзя бы никакъ подумать, чтобы онъ имѣлъ такую сильную рану. Человѣкъ, сносящій такъ хорошо боль, не можетъ быть низкихъ и подлыхъ свойствъ. Ввечеру я впрягъ двухъ верблюдовъ въ орудіе и дѣлалъ разныя движенія съ онымъ. Послѣ нѣсколькихъ поворотовъ верблюды пріучились и повезли орудіе какъ лошади, дѣлая довольно скоро всѣ движенія съ передковъ; они не боялись и выстрѣловъ. До горы Кубы-Сенгиръ орудіе не можетъ идти берегомъ, но за Кубой-Сенгиромъ надобно будетъ оное на верблюдахъ везти.

18-го. Неудовольствія между Ратьковымъ и Юрьевымъ все еще продолжаются. Причиною сихъ неудовольствій и тотъ и другой: Юрьевъ ложно стыдится повиноваться Ратькову, Ратьковъ же подчасъ подгуляетъ и, думая мнѣ угодить, посылаетъ ему частые выговоры. Какъ-бы то ни было, Ратьковъ *пьянъ да уменъ, два угодья въ немъ*;

онъ добраго нрава и не трогалъ бы Юрьева, еслибъ тотъ не гнушался ему повиноваться.

Рюминъ сіи дни отличается прилежностью и знаніями своими; ему поручена съемка сѣвернаго берега залива, онъ ее отлично дѣлаетъ и неутомимъ; не знаю, долго ли продлится сіе рвеніе его.

Въ замѣнъ за сіе, я былъ вчера крѣпко огорченъ Катаніемъ. Замѣтя его неосторожность, я уже нѣсколько разъ запрещалъ ему удаляться въ горы одному, и между тѣмъ запрещалъ ему неоднократно уѣзжать на транспортъ безъ моего позволенія. Вчера Катани отпросился съ Юрьевымъ и офицерами транспорта въ Балкуинскія горы на охоту. Такъ какъ Юрьевъ сказалъ мнѣ, что онъ отъ берега отдаляться не будетъ и что онъ взялъ съ собой гребное судно, я не послалъ съ нимъ прикрытія. Солнце стало садиться, они не возвращались. Полагая, что съ ними случилось что нибудь непріятное, я хотѣлъ посылать солдатъ отыскивать ихъ, но узналъ вскорѣ отъ прибывшаго гребнаго судна, что они воротились. Я дожидался съ часъ Катани; наконецъ послалъ ему сказать, чтобы онъ воротился. Онъ приказалъ мнѣ отвѣчать, что когда кончитъ игру свою въ бостонъ, то тогда и воротится; я написалъ къ нему записку, въ которой говорилъ ему, что если сей отвѣтъ справедливъ, то бы онъ не возвращался, а прислалъ бы забрать свои вещи и человѣка. Онъ мнѣ во второй разъ послалъ тоже самое сказать, и я отправилъ къ нему вещи и человѣка, приказавъ остаться на транспортѣ. Мнѣ очень прискорбно было взять такую мѣру, но дѣлать было нечего: мое доброе и снисходительное обхожденіе съ нимъ сдѣлало его дерзкимъ.

19-го. Поутру я отправился. Всѣ тяжести и больные были на киржимѣ. Рюминъ съ отрядомъ пошелъ въ Упракскія горы, я пѣшкомъ съ остальными людьми обошелъ ихъ, слѣдовалъ берегомъ еще версты три и занялъ лагерь при вершинѣ большаго залива. Рюминъ вскорѣ пришелъ, гребныя суда также прибыли, и сверхъ того еще Туркмены притащили другой киржимъ нашъ, котораго я уже давно ожидалъ. Туркменъ въ нашемъ лагерѣ теперь до двадцати человѣкъ; они сами напрашиваются, хотя я имъ ничего не дарю. Я позволяю имъ оставаться со мной съ условіемъ только, чтобы они не лѣнились, и они хорошо выполняютъ свою обязанность; повиновеніе ихъ ко мнѣ и къ Кіату походитъ даже на повиновеніе сродное народу живущему въ обществѣ подъ начальствомъ одного владѣтеля. Туркмены-Іомуды очень желаютъ, дабы мы поселились на сихъ мѣстахъ; ихъ теперь тѣснятъ Персіяне, Хивинцы, Текё и Кёклинъ; первые двое гонятъ ихъ за воровство, послѣдніе же грабятъ ихъ. Они надѣются поселиться около насъ и приняться за хлѣбопашество, если земля къ тому удоб-

на будетъ. Богъ знаетъ, сродны ли они къ сему. Не дай Богъ мнѣ быть здѣсь учредителемъ сего заведенія.

Извѣстія пришедшія изъ Астрабада говорятъ, что шахъ Зади Шаманскій оцѣнилъ головы Кіата и Петровича, и что нѣкоторые Туркмены взялись ему доставить оныя. Осторожность наша должна усугубиться. Вчера суда за противнымъ вѣтромъ не могли скоро подойти къ намъ; они долго лавировали, приближаясь къ берегу, и поздно уже легли на якорь довольно далеко отъ берега, за мелководіемъ. Вчера я услышалъ черезъ Петровича отъ пріѣзжихъ матросовъ съ транспорта, что Катани проигрался тамъ; если сіе справедливо, то мнѣ много еще хлопотъ съ нимъ предстоитъ.

20-го. Поутру я послалъ Рюмина въ Упракскія горы, дабы кончить съемку оныхъ; онъ возвратился къ полдню, сдѣлавъ ее отлично хорошо. Я тотъ же часъ отправился. Рюминъ шелъ горами и снималъ мѣстоположеніе; съ нимъ былъ Юрьевъ, который съѣхалъ на берегъ, дабы слѣдовать со мною. Тяжести были всѣ нагружены на двухъ киржимахъ, отрядъ же шелъ берегомъ подлѣ горы. Къ вечеру все собралось къ косѣ Кубѣ-Сенгиръ, гдѣ я расположился лагеремъ. Куба-Сенгиръ высокая гора, составляющая второй берегъ моря; она выдается мысомъ въ заливъ; за ней же находится большой заливъ, на которомъ видѣнъ малый островъ Дагъ-аба. Вчерашній переходъ былъ около 15 верстъ. Но дорога была довольно трудна, особливо командѣ, шедшей по горамъ, гдѣ острые камни и возвышенія измучили народъ. Я получилъ вчера записку отъ Катани, которою онъ просилъ у меня извиненія. Я велѣлъ ему возвратиться ввечеру.

Ѣхавши по берегу верхомъ, я ускакалъ нѣсколько впередъ съ Сеидомъ и дорогой разговаривалъ съ нимъ, приглашая его со мной рядомъ ѣхать; но онъ никакъ не выѣзжалъ, а все ѣхалъ позади меня. Я взялъ подозрѣніе на него и сталъ примѣчать тѣнь его ружья, отражающуюся на скалахъ; я разспросилъ его о 12 червонцахъ, которые достались на долю Кіата и Петровича, изъ числа 40, которые ему были даны при отправленіи моемъ въ Хиву; онъ признался мнѣ въ семъ и, удивляясь, что я сіе зналъ, спросилъ, какимъ образомъ дѣло сіе могло дойти до меня. Я вычисленіями до сего дошелъ, отвѣчалъ я.—Какими?—Тѣми самыми, которыми я тебѣ предсказалъ лунное затмѣніе, когда мы поѣхали въ Хиву.—Мудреныя у васъ вычисленія; вычислите же мнѣ и узнайте, что̀ у меня теперь на душѣ есть? Съ симъ словомъ я примѣтилъ, что тѣнь его ружья сдвинулась съ мѣста. Я оборотился, ружье у него уже было въ рукахъ.—Сеидъ, спросилъ я, гдѣ кальянъ?—Онъ сзади остался, отвѣчалъ онъ.—Надобно его обождать: мнѣ курить хочется.—Подождемъ. Онъ замѣтилъ мою мысль и, дабы не

дать мнѣ подозрѣнія, повѣсилъ ружье на сѣдло и отошелъ отъ лошади. Къ тому времени показался отрядъ изъ-за камня. Подозрѣніе мое могло быть неосновательно, и потому я ничего ему не сказалъ, но буду впередъ осторожнѣе.

21-го. Около полудня мы выступили изъ лагеря. Берегъ, которымъ я шелъ отъ Кубы-Сенгира низокъ, къ оному приближаются въ иныхъ мѣстахъ горы изъ степи, горы сіи не высоки и голы, также какъ и вся степь. Островъ Дагъ-ада, на которомъ я нахожусь, отстоитъ около четырехъ верстъ отъ мыса. Жители же говорили, что островъ всего отстоитъ отъ берега на четыре выстрѣла ружейныхъ. Противъ сего острова на берегу находится колодезь Курдъ, въ коемъ вода такъ горька,что ее невозможно употреблять. И такъ мы отошли уже близъ половины нашего пути до Балкана; мелководіе не позволитъ судамъ далѣе подвигаться, и отсюда надобно будетъ взять другія мѣры для продолженія нашего путешествія.

22-го. Вчера поутру я ходилъ на южный берегъ острова, дабы выбрать удобное лагерное мѣсто, въ виду судовъ; суда стояли верстахъ въ семи отъ берега. Ратьковъ посылалъ дѣлать промѣры. Посланный имъ штурманъ встрѣтился со мной на берегу; онъ не нашелъ достаточной глубины, чтобы подойти гужемъ близко къ берегу, но сказалъ мнѣ, что они только нѣсколько подвинуться могутъ. Въ полдень я перенесъ лагерь на южный берегъ. Пакетботъ нѣсколько подвинулся и остановился въ трехъ верстахъ отъ берега; транспортъ же остался на старомъ мѣстѣ. Островъ Дагъ-ада имѣетъ около четырехъ верстъ съ Востока на Западъ и около версты поперечника; къ нему примыкаетъ съ сѣверо-восточной стороны еще небольшой каменный островокъ, имѣющій видъ треугольника. Самый же островъ состоитъ большею частью изъ камня; на срединѣ онаго есть нѣсколько горъ, тоже каменныхъ; между ними есть небольшое кочевье, недавно переселившееся сюда изъ Красноводска. Воды не имѣется на всемъ острову, впрочемъ жители никогда и не испытывали отрывать оную. Я вспомнилъ, что, будучи въ Петербургѣ въ прошломъ году, мнѣ говорилъ, кажется, графъ Нессельроде, что Надыръ-Шахъ, намѣреваясь завести крѣпость на сихъ мѣстахъ, посылалъ Англинскихъ офицеровъ, при немъ находящихся, для осмотра его. Неизвѣстно, отъ чего тогда сіе дѣло кончилось; можетъ быть и рыли здѣсь колодцы и не нашли воды, можетъ быть и не принимались за сіе. Еслибъ здѣсь нашлась прѣсная вода, то вѣрно лучше и безопаснѣе сего мѣста на всемъ берегу бы не было. Люди посланные сюда могли бы безъ большаго отягощенія жить здѣсь, и можетъ быть бы я самъ согласился провести здѣсь нѣсколько лѣтъ для занятій.

Ссора моя съ Кіатомъ кончилась вчера ввечеру. Поутру еще, бывши на старомъ лагерѣ, я вышелъ къ нему и звалъ его идти со мной для выбора мѣста. Онъ съ сердцемъ спросилъ меня, останутся ли Туркмены на берегу или перевезутъ ихъ на островъ. Я удивился, что ихъ до сихъ поръ еще не привезли. Тутъ Кіатъ сказалъ мнѣ, что они остались на берегу безъ воды и что будто матросы имъ воды не давали наканунѣ ночью. Я распросилъ матросовъ, и вышло сіе несправедливо. Кіатъ же полагалъ, что я самъ приказалъ матросамъ не давать на берегу воды. Причиною сего была лѣнь посланнаго Туркмена, какъ я выше сказалъ; но Кіатъ разупрямился. Я винилъ его, для чего онъ мнѣ о семъ поутру не сказалъ; онъ былъ сердитъ и отвѣчалъ мнѣ съ жаромъ, что онъ не смѣлъ мнѣ докладывать о семъ. Видя, что съ нимъ говорить нечего, я велѣлъ ему послать киржимъ за оставшимися Туркменами и спросить у него: намѣревается ли онъ перейти съ нами на ту сторону; онъ приказалъ мнѣ отвѣчать, что придетъ ко мнѣ просить увольненія. Я ушелъ и оставилъ приказаніе за нимъ смотрѣть, дабы, въ случаѣ еслибъ онъ уйти хотѣлъ, послать за нимъ въ погоню и остановить. День весь прошелъ безъ дѣла отъ сей ссоры. Ввечеру онъ ко мнѣ пришелъ, объяснился; я его заставилъ признаться въ своей винѣ, и мы помирились.

Ввечеру вчера приплылъ сюда Артёхъ, у котораго хищники украли сына; онъ, мнѣ кажется, болѣе горюетъ о деньгахъ, которыхъ онъ лишится для выкупа сына, чѣмъ о самомъ мальчикѣ своемъ.

23-го. Я перенесъ лагерь свой съ полверсты восточнѣе, потому что берегъ у того мѣста, гдѣ мы стояли, очень вязокъ; илъ простирался далеко въ море, и люди, разгружая лодки, вязли въ оной по колѣно. Илъ сей имѣлъ ѣдкія свойства, и солдаты, ходившіе по немъ, чувствовали сильное щипаніе въ ногахъ. Съ утра я послалъ 30 человѣкъ рабочихъ отрывать на острову прѣсную воду; вырыли нѣсколько колодцевъ, но вода вездѣ показывалась горькая и соленая; не менѣе того я велѣлъ продолжать поиски. Глина въ колодцахъ оказалась прекрасная и даетъ надежду, что вода покажется хорошая. Ввечеру я ѣздилъ на пакетботъ и приказалъ отправить транспортъ къ Балкуинскимъ колодцамъ за водой, дабы не имѣть недостатка въ оной, отправляясь на Балканъ. Между тѣмъ, дабы узнать обстоятельно о положеніи горъ и взять настоящія мѣры дтя достиженія оныхъ, я послалъ одинъ киржимъ съ письмомъ къ муллѣ Каибу на Дарджу, для привезенія ко мнѣ двухъ проводниковъ, знающихъ хорошо мѣста. Киржимъ вчера же ввечеру достигъ берега Дарджинскаго. И такъ я останусь здѣсь нѣсколько дней въ ожиданіи воды. Балканъ у насъ въ виду; тутъ послѣдніе труды наши должны кончиться.

24-го продолжали рытье колодцевъ; вырыли пятнадцать ямъ, изъ коихъ нѣкоторыя были глубиною въ пять аршинъ; но ихъ принуждены были бросить, потому что грунтъ былъ каменный; въ иныхъ же оказалась вода очень противнаго вкуса, горькаго и соленаго. Вчера пріѣхалъ сюда одинъ киржимъ, на которомъ было до 20-ти Туркменъ Челекенскихъ; они пріѣхали изъ Челекени для слѣдованія со мной на Балканъ и привезли извѣстіе, что Шахъ-Зади Астрабадской посылаетъ 5000 человѣкъ конницы на Балканъ для пойманія насъ. Силы сіи увеличены; но вѣроятно, что люди посланы для нападенія на меня. Я распрашивалъ вчера Туркменъ о дорогѣ нашей къ Балкану; надобно будетъ переѣхать сперва на Дарджу, потому что тамъ заготовлены верблюды, долженствующіе везти нашу воду, перевести же ихъ на сѣверный берегъ залива будетъ очень трудно, и дорога по сему берегу гораздо далѣе южной. И потому я рѣшился съ возвращеніемъ транспорта отправиться на Дарджу. До вершины залива три дни хода, безъ воды; 50 верблюдовъ повезутъ нашу воду, палатки и орудіе до колодцевъ Ахъ-тамъ, лежащихъ въ полусуткахъ ходу отъ горъ Балканскихъ и отдѣляемыхъ отъ Дарджы глубокимъ проливомъ, не имѣющимъ болѣе 5 саж. ширины. Киржимы и лодки не могутъ достигнуть онаго, потому что весь заливъ очень мелокъ. По сю сторону сего пролива есть развалины большихъ строеній. И въ семъ проливѣ былъ одинъ изъ рукавовъ старой Аму-дерьи; за нимъ на твердой землѣ находятся колодцы Ахъ-тамъ. Тамъ идетъ и большая дорога изъ Астрабада у подошвы горъ.

Пріѣхавшіе къ намъ гости для услугъ мнѣ въ тягость: они пьютъ воду, ѣдятъ, а пользы никакой не приносятъ. При томъ же я не могу надѣяться на нихъ при нападеніи, и потому я велѣлъ Кіату ихъ отправить, оставивъ только тѣхъ, которые намъ будутъ нужны.

Такъ какъ нельзя основываться на извѣстіяхъ, данныхъ Туркменами о Балканскихъ горахъ, то я и не помѣщаю здѣсь свѣдѣній собранныхъ отъ нихъ; я опишу горы по окончаніи опаснаго путешествія, предпринятаго мною, если возвращусь изъ онаго.

Вчера пріѣхалъ сюда еще Туркменъ Тохумъ-Мехтумъ съ жалобой, что у него украли чувалъ съ ковромъ и другими принадлежностями къ кибиткѣ, спрятанный имъ уже давно за камнемъ; къ сему мѣсту шелъ слѣдъ сапогъ, и нѣкоторые дурные войлока лежавшіе въ мѣшкѣ. Украденные прежде сего мѣшки съ пшеницей даютъ имъ поводъ приставать ко мнѣ съ такими просьбами; они мошенники; но жадность Ратькова подаетъ имъ поводъ къ симъ поискамъ, можетъ быть и справедливымъ. Я писалъ о семъ записку къ Ратькову, прося его, дабы онъ приказалъ обыскать команду; но онъ отвѣчалъ мнѣ, что

ничего такого у него на суднѣ не нашлось. Надобно будетъ принять другія мѣры для отысканія сего воровства.

25-го. Отправились прибывшіе Туркмены на Дарджу; имъ не объявилъ Кіатъ, что ихъ не нужно, а сказалъ имъ, что за ними пошлютъ. Послѣ того я отправилъ Юрьева съ Рюминымъ въ самую глубину Балканскаго залива для обслѣдованія его; они отправились на киржимѣ, взявши съ собой бударку, для слѣдованія далѣе, если за мелководіемъ они принуждены будутъ оставить киржимъ. Они ночевали отсюда верстахъ въ восьми.

26-го. Возвратились сюда Юрьевъ съ Рюминымъ, потому что на киржимѣ, на которомъ они ѣхали, оказалась течь; притомъ же киржимъ, по дурному устроенію своему, не удобенъ къ движеніямъ тогда какъ вѣтру способнаго нѣтъ, а на веслахъ онъ едва подвигается. Къ вечеру показался транспортъ, и въ надеждѣ, что онъ подойдетъ скоро, я отправилъ Юрьева съ Рюминымъ на катерѣ и бударкѣ (послѣднія гребныя суда, которыя у насъ оставались) въ заливъ, для узнанія обстоятельно мѣстъ, въ которыя мы пущаемся, ибо Туркменамъ ни въ чемъ вѣрить нельзя: перешеекъ Ахъ-тамъ, который они говорили имѣетъ 5 саж. ширины, вышелъ теперь по ихъ же словамъ 35 сажень.

Вчера я читалъ путешествіе Ладыженскаго по сему заливу и нашелъ его описаніе совершенно справедливымъ; онъ очень хорошо описываетъ воды и горы. Въ его время, т.-е. лѣтъ 60 тому назадъ, укрѣпленіе князя Бековича на Красноводской косѣ было все затоплено водой, и одна изъ батарей онаго составляла только островъ. Сіе было въ 1764 году. Ладыженскій рылъ на семъ острову и нашелъ уголь. Туркмены же говорили ему, что на семъ мѣстѣ была прежде деревянная стѣна и каменная башня. Ладыженскій посылалъ также суда для промѣра въ глубину залива; воды прѣсной нигдѣ тамъ не нашли и не подходили даже къ подошвамъ горъ, которыя неблизко отъ берега отстоятъ.

27-го. Поутру я обошелъ весь островъ и смотрѣлъ колодцы, около которыхъ солдаты трудились. Зашедши на восточную оконечность острова, я нашелъ пять кибитокъ и заходилъ въ нихъ. Тутъ было только трое мущинъ; остальныя все женщины, коихъ мужья отъѣхали въ Дарджу на время. Женщины повидимому были очень рады моему пришествію, мущины же приняли меня довольно сухо. Когда я уже отошелъ отъ кибитокъ съ полверсты, меня нагналъ одинъ изъ Туркменъ и просилъ воротиться, говоря, что имъ стыдно, что отпустили меня не подчивавъ ничѣмъ и просили меня возвратиться; я отвѣчалъ имъ, что безъ нихъ голоденъ не буду и ушелъ. Передъ вечеромъ пріѣхалъ сюда мулла Каибъ изъ своего кочевья, человѣкъ неглупый,

другъ Кіата и по неволѣ преданный намъ: ибо ему ни въ Астрабадѣ, ни въ Хивѣ пристанища нѣтъ. Онъ привезъ мнѣ извѣстіе, что одинъ старшина Туркменскій Надыръ-Ханъ, находящійся при Шахъ-Задѣ Астрабадскомъ, объявилъ ему, что мы сбираемся идти на Балканъ. Шахъ-Зади послалъ къ Казѣ-Тагану письмо, чтобы онъ приказалъ Туркменамъ разграбить насъ. Кази отвѣчалъ, что такъ какъ при насъ находятся Туркмены ему родственники, то онъ не можетъ рѣшиться приказать побить ихъ съ нами. Шахъ-Зади отвѣчалъ, чтобы, не взирая ни на что̀, разграбили насъ или ожидали бы его у себя, для приведенія ихъ въ послушаніе. Послѣ сего они стали сбираться въ числѣ 500 человѣкъ, большею частью пѣшихъ, для нападенія на насъ въ Балканѣ. Кази хотѣлъ о семъ письменно извѣстить Кіата, но побоялся, чтобы Персіяне не взяли подозрѣнія на него и послалъ съ симъ извѣстіемъ (для переданія его изустно Кіату) на Челекень одного Туркмена; посланный не засталъ Кіата въ Челекенѣ, остановился у него въ домѣ и сказалъ сіе женѣ его. Въ то самое время киржимъ отчаливалъ оттуда и шелъ на Дарджу. Туркменъ Нефесъ намъ знакомый, родственникъ Таганъ-Ніасу и пріятель Кіата, въ то время былъ на Нефтяныхъ колодцахъ; возвратившись въ кочевье и узнавъ сіе извѣстіе, онъ тотчасъ побѣжалъ чрезъ островъ на сѣверо-восточную оконечность онаго и развелъ большой огонь для сигнала киржиму. Киржимъ пришелъ къ огню, и онъ приказалъ людямъ на ономъ находящимся доставить сіе извѣстіе къ намъ, люди же сіи пристали къ Дарджинскому кочевью въ то время какъ мулла Каибъ оттуда отплывалъ, и передали дошедшую до меня вѣсть. По ихъ разсчету, непріятель долженъ былъ вчера еще прибыть къ колодцамъ Ахъ-тамъ, куда пристанутъ Юрьевъ съ Рюминымъ. Я тотъ же часъ велѣлъ переправить одного нашего Туркмена на Дарджу и приказалъ ему ѣхать всю ночь на Востокъ, достигнувши колодцевъ осмотрѣть слѣды и отдать записку Юрьеву, въ которой я его предостерегалъ. Туркмену же я далъ еще ракету, фальшфейеръ и швермеръ, дабы дать Юрьеву ночью о себѣ знать. Между тѣмъ послалъ Ратькову сказать, чтобы онъ командировалъ одного офицера на двухъ гребныхъ судахъ въ подкрѣпленіе къ Юрьеву; я хотѣлъ ихъ отправить въ ночь же, но сильный остовой вѣтръ и большое волненіе не позволили ихъ отправить.

Въ ожиданіи ночью судовъ, я сидѣлъ до перваго часа у Кіата въ кибиткѣ и разговаривалъ съ муллой Каибомъ о разныхъ предметахъ. Между прочимъ, говоря о вѣрѣ, онъ сказалъ мнѣ, что изъ Греціи или Турціи (Руми) привезли одну книгу, въ которой написано, что Богъ состоитъ изъ трехъ лицъ, что Россіянъ считается 12 колѣнъ, что нѣкій старикъ Павлосъ (Павелъ Апостолъ) училъ ихъ и

ходилъ по всѣмъ странамъ Россіи. Наконецъ состарѣвшись, онъ не могъ болѣе странствовать и велѣлъ себѣ изъ каждаго колѣна привести по одному молодому человѣку и построить имъ домъ, въ которомъ было 12 келій; въ каждой келіи онъ посадилъ по одному ученику и обучалъ ихъ всякаго порознь, не допуская одного до другаго. Когда онъ умеръ, ученики сіи сошлись и, разговаривая между собою, увидѣли, что ихъ знанія одни другимъ противорѣчатъ, и что имъ всѣмъ разныя ученія толковали. Они разошлись по всѣмъ концамъ Россіи и проповѣдывали двѣнадцати колѣнамъ свои ученія, отъ сего произошло, что въ Россіи двѣнадцать различныхъ вѣръ. Безпорядочныя головы Туркменъ такимъ образомъ постигаютъ вещи и, вмѣсто того, чтобы всякую вещь видѣть въ простомъ ея видѣ, они винтятъ себѣ воображеніе, дабы представить себѣ ее искаженную тысячью глупыми баснями. Положеніе Кіата здѣсь послѣ нашего выѣзда не завидное. Персіяне стараются его поймать, и онъ почти нигдѣ пристанища не имѣетъ; ему остается только одно средство переѣхать жить въ Россію, если мы здѣсь не заведемъ укрѣпленія, и онъ, кажется по всему, сего крѣпко желаетъ.

28-го. Поутру я послалъ два гребныя судна съ офицеромъ, для отысканія Юрьева, дабы его остерегли; но вскорѣ показались катеръ и бударка. Юрьевъ остановился въ 30 верстахъ отъ верха залива, за недостаткомъ глубины; отойдя отъ насъ 70 верстъ, вѣтръ остовой принудилъ ихъ воротиться, согнавши много воды изъ залива и оставя ихъ почти на мели. Они мало могли разсмотрѣть берега, но не замѣтили на горахъ лѣсу, какъ то Туркмены говорили; и въ самомъ дѣлѣ кажется, что извѣстія о изобиліи сихъ мѣстъ водою и лѣсомъ кажутся несправедливы. Дикари сіи не видали никогда мѣстъ похожихъ на жилье людей и, удивляясь растенію или прутику, называютъ его лѣсомъ.

Нѣкоторые колодцы продолжаютъ еще рыть и вырыли ихъ до 11 аршинъ глубины, но вода все еще не показывается. Вчера я приказалъ вырыть въ одномъ изъ брошенныхъ колодцевъ печь; глина здѣшняя очень хороша, и печь сдѣлали славную. Во время шествія моего на Балканъ, суда будутъ въ ней хлѣбы печь.

29-го Сентября я написалъ Ратькову отношеніе, которымъ я просилъ его доставить ко мнѣ, какъ скоро вѣтеръ утихнетъ, всѣ гребныя суда, для переѣзда на Дарджу, 40 анкороковъ воды и 25 матросовъ, которые должны слѣдовать со мной на Балканъ. Вѣтеръ продолжался цѣлый день, и потому я не могъ перебираться на Дарджу.

1-го. Вѣтеръ сталъ стихать, и я отправился съ половиной команды и орудіемъ на Дарджу, къ мысу Кара-Сенгиръ, отстоящему верстахъ

въ 15 отъ Дагъ-ады, препоручивъ остальныхъ Юрьеву, котораго я вытребовалъ отношеніемъ для слѣдованія со мной, и приказалъ ему на другой день, если вѣтеръ позволитъ, слѣдовать за мной на всѣхъ гребныхъ судахъ, которыя я ночью же отослалъ къ нему.

По прибытіи моемъ сюда я видѣлъ много джейрановъ, пошелъ за ними, но они не допустили меня.

2-го числа прибылъ сюда Юрьевъ съ остальнымъ отрядомъ; ввечеру я послалъ Кіата съ муллой Каибомъ въ кочевье, для приведенія верблюдовъ. По отъѣздѣ его я призывалъ Сеида и распросилъ его о горахъ; онъ признался мнѣ, что всѣ сказанія Туркменъ о горахъ Балканскихъ ложны. Богатыхъ родниковъ нѣтъ, лѣсу и инджиру нѣтъ. Туркмены хвастали, и теперь, какъ я къ Балкану приближаюсь, они всѣ начинаютъ понемногу сознаваться въ своей лжи, и Балканъ выходитъ такая же пустая, безплодная каменная гора какъ и тѣ, подлѣ которыхъ мы всѣ сіи дни шли.

3-го числа послѣ полдня возвратился Кіатъ и привелъ съ собою 50 верблюдовъ, 4-хъ лошадей и 46 Туркменъ, которые, не имѣя въ кочевьѣ воды и съѣстнаго отъ своей собственной лѣни, привалили ко мнѣ въ надеждѣ, что ихъ будутъ кормить и поить, хотя я Кіату уже давно говорилъ, чтобы онъ много народа не водилъ, положилъ ему ежедневную порцію воды и откупился 56 пудами пшеницы отъ тѣхъ голодныхъ и обжорливыхъ слугъ, которые въ Дагъ-аду ко мнѣ пріѣзжали. По прибытіи ихъ, ему я опять объявилъ, что не прибавлю имъ воды; но онъ удержалъ ихъ, въ надеждѣ что я перемѣню свое обѣщаніе.

Ввечеру я дѣлалъ ученіе съ пальбою, пріучалъ людей въ цѣль стрѣлять, а четырехъ верблюдовъ впрягъ въ орудіе для пріученія ихъ къ возкѣ его. Между тѣмъ росписалъ всѣхъ Туркменъ и верблюдовъ по своимъ мѣстамъ и хотѣлъ на другой день отправляться; но Туркмены объявили мнѣ, что отъ нашего лагеря должно идти верстъ до двадцати топью и высокими песчаными буграми, гдѣ наше орудіе не пройдетъ. Они предлагали отправить орудіе на киржимахъ съ одними Туркменами, къ другому Кара-Сенгиру (мысъ отстоящій отсюда на 20 слишкомъ верстъ), говоря, что отъ того мѣста орудіе можетъ свободно идти. Нельзя вѣрить сказаніямъ подлаго и безтолковаго сего народа; но въ семъ случаѣ неосторожно было бъ съ моей стороны пуститься въ безводныя песчаныя степи, гдѣ я могъ измучить людей, и потому

4-го, вчера до разсвѣта я послалъ Юрьева на Туркменской бударкѣ въ заливъ, по южному берегу онаго, къ сѣверному берегу Дарджи, для осмотрѣнія мѣста и узнанія, можно ли киржимамъ близко у берега остановиться. Юрьевъ ѣздилъ до Кара-Сенгира, возвратился передъ вечеромъ и донесъ мнѣ, что другой Кара-Сенгиръ, отлежащій

болѣе 20 верстъ отъ перваго, удобенъ для пристанища. И такъ я ввечеру послѣ захожденія солнца посадилъ всю команду на три киржима, нагрузивъ туда же орудіе, снаряды, часть провіанта и всю воду, размѣстилъ своихъ офицеровъ по киржимамъ и велѣлъ сниматься съ якоря; но передъ отъѣздомъ моимъ сдѣлалась у насъ остановка съ Кіатомъ. Видя, что я больше воды не дамъ, какъ сколько я обѣщалъ, онъ надулся и сталъ говорить мнѣ, что такимъ образомъ не принимаютъ людей пришедшихъ для службы, что Туркмены не видали еще ничего отъ насъ, почему бы они были привязаны къ намъ, и такъ далѣе. Я разсердился и съ угрозой сказалъ ему, что противъ неповиновенія я имѣю много средствъ; онъ усмирился, и я уѣхалъ по прибытіи крейсера или гребнаго судна, которое разъѣзжаетъ для караула въ заливѣ. Ночь была прекрасная, мы подвигались очень скоро на веслахъ и поутру были уже довольно далеко, за вторымъ Кара-Сенгиромъ, почти на половинѣ разстоянія отъ перваго до Балкана. Тутъ я вышелъ на берегъ и расположился лагеремъ сегодняшняго числа.

5-го послѣ полдня пріѣхалъ Кіатъ съ Туркменами и верблюдами, а вскорѣ за нимъ прибылъ и катеръ, который ходилъ крейсеромъ въ прошлую ночь; мы прошли на киржимахъ близъ 30 верстъ. Я хотѣлъ воспользоваться остаткомъ дня и еще проплыть верстъ 7, дабы на другой день придти однимъ переходомъ къ Ахтамскому колодцу; но только лишь я успѣлъ нагрузить киржимы, какъ вдругъ поднялся сильный восточный вѣтеръ намъ противный. Я принужденъ былъ выгрузить и остаться ночевать на томъ мѣстѣ. Ввечеру я распорядилъ все для скорѣйшаго подъема на другой день и нашелъ въ Кіатѣ необыкновенную готовность исполнять все, что̀ ему прикажутъ. Ссора наша видно была нелишняя. Сѣверный берегъ Дарджи, на которомъ мы ночевали, представляетъ открытую, безплодную и соленую степь. Берега нѣсколько вязки; кустарника для жженія немного; для насъ его было достаточно. По видѣннымъ слѣдамъ должно полагать, что здѣсь много джейрановъ, волковъ, оленей и пр. Ночью шелъ небольшой дождь; Балканъ же былъ почти цѣлый день закрытъ туманомъ.

6-го мы поднялись въ дорогу до свѣту. 50 верблюдовъ везли намъ воду, провіантъ, снаряды, орудіе и проч. тяжести. Я шелъ съ однимъ взводомъ въ полуверстѣ отъ главнаго отряда, который я поручилъ Юрьеву; одинъ взводъ шелъ направо, одинъ налѣво въ стрѣлкахъ, одинъ въ аріергардѣ и два при орудіи. Такимъ образомъ мы прошли 30 верстъ; дождь мочилъ насъ до половины дороги. Вязкій солончакъ, по которому мы шли, размокъ, и потому верблюды съ большимъ трудомъ могли вывезти орудіе. Мы шли все около сѣвернаго берега Дарджи, огибая култуки Балканскаго залива, который въ семъ

мѣстѣ едва имѣетъ 3 вершка воды, но очень топокъ. Въ правой рукѣ были у насъ песчаные бугры, покрытые кустарникомъ-жидовинникомъ. Передъ вечеромъ мы стали лагеремъ при урочищѣ Худай-Кули. Полуостровъ не имѣетъ ничего занимательнаго.

7-го мы поднялись очень рано и послѣ 16 верстъ, оставя въ лѣвой сторонѣ вмѣсто залива однѣ только иловатыя топи, мы пришли къ руслу древней Аму-дерьи, имѣющему въ семъ мѣстѣ крутые, но невысокіе берега. Мѣсто сіе имѣетъ около версты ширины; стоячая морская вода, которая въ немъ находится и въ нѣсколькихъ мѣстахъ прерывается, такъ солона и горька, что даже верблюды не могутъ ее пить. Она сжимаетъ всѣ члены того, который въ ней купается и покрываетъ ихъ солью. Вода имѣетъ близъ тридцати саженъ въ поперечникѣ, и направленіе сего рукава извилисто, такъ какъ обыкновенно рѣки бываютъ. Сѣверный берегъ онаго песчаный и имѣетъ воду разныхъ свойствъ, но вообще по нуждѣ годную къ употребленію. Мы прошли около 3 или 4 верстъ вверхъ по старому теченію Аму-дерьи, лѣвымъ берегомъ оной, и остановились на берегу воды имѣющей саженъ 30 въ ширину, 3 въ глубину. Не доходя сего мѣста въ правой рукѣ, въ полуверстѣ отъ насъ, есть кладбище Туркменское, среди коего построенъ куполъ изъ кирпича; строеніе сіе очень хорошо сложено и внутри выщекатурено. Тутъ похоронено три человѣка, коихъ гробницы внаружу сдѣланы и обложены по обыкновенію Туркменъ туровыми рогами, тряпками и разными бездѣлицами, принесенными покойникамъ въ жертву; на берегу же, противъ лагеря нашего, выстроена на кругѣ небольшая башня, которая, какъ говорятъ Туркмены, сдѣлана ими же для содержанія караула.

По прибытіи сюда, я тотчасъ велѣлъ сдѣлать плотъ изъ четырехъ анкороковъ, накрыть ихъ досками и переправить на ту сторону 3-хъ Туркменъ съ ружьями, для содержанія караула на песчаномъ бугрѣ, противъ насъ лежащемъ. Между тѣмъ я послалъ тоже. Туркменъ за Ахтамской водой; привезли воду соленую, но годную по нуждѣ для употребленія. Туркмены говорили, что она лучше Балкуинской и солгали, по обыкновенію своему, смотря на все въ увеличительное стекло.

Половина моего запаса воды уже кончилась, провіанту оставалось только на 6 дней, а на Балканъ идти съ лѣвой или съ правой стороны взадъ и впередъ надобно было 5 дней безъ отдыха отъ здѣшняго только мѣста и обратно сюда; при томъ же должно было переправиться черезъ вязкую и глубокую рѣку и оставить ее у себя въ тылу, переправиться же черезъ нее не болѣе можно какъ двумъ человѣкамъ въ разъ, на маленькомъ и дурномъ плоту. И потому я по-

лагалъ воротиться, съ остаткомъ воды, какъ я и сначала располагалъ сдѣлать, отправляясь сюда въ дорогу. Я предложилъ свое мнѣніе Юрьеву и другимъ офицерамъ. Юрьевъ уже давно о томъ же мыслилъ, хотя онъ и былъ въ совершенной готовности исполнить все что̀ я прикажу безпрекословно. Рюминъ тоже говорилъ. Катани, какъ горячій ребенокъ, не разсуждая ни о чемъ, рвался идти на Балканъ. Балканъ былъ у насъ въ виду довольно близко, и казалось, что не болѣе 15 верстъ до него; но жители утверждали, что если идти къ нему самой прямой дорогой, то до него близъ 30 верстъ, а подъемъ 15. Въ трубу ясно видно, что на немъ нѣтъ строеваго лѣса, а только кусты; отъ родниковъ уже Туркмены отказались, говоря, что они находятся за горой. И такъ не для чего почти было и идти, особливо разсчитавъ, что у насъ ни воды, ни провіанта не будетъ. Однако, желая достичь вполнѣ своего намѣренія и цѣли путешествія, я сталъ узнавать у жителей о водахъ, и узналъ, что при подошвѣ горы есть колодезь съ хорошей прѣсной водой, называющійся Беуръ-Кусьси. Дабы увѣриться въ истинѣ ихъ сказанія, я послалъ въ тотъ же вечеръ четырехъ Туркменъ за водой туда, рѣшившись, по возвращеніи ихъ, если вода покажется хорошая, послать въ горы офицеровъ, а самому остаться съ орудіемъ и защищать переправу.

Вчера 8-го поутру посланные Туркмены возвратились и привезли прекрасную воду; я въ тотъ же часъ велѣлъ переправить на ту сторону 34 верблюда и 12 Туркменъ, а за ними Юрьева, Катани и Рюмина, которые выбрали изъ всего отряда 32 человѣка. Пріѣхавшіе Туркмены сказали мнѣ, что у колодцевъ видѣли они свѣжіе слѣды пятнадцати человѣкъ конныхъ, проѣхавшихъ къ сѣверному берегу залива отъ Юга. Переправа посланныхъ мною продолжалась безъ малаго до полдня, такъ что, еслибъ я вздумалъ со всѣмъ отрядомъ переправляться, то я не прежде двухъ сутокъ могъ бы перебраться на ту сторону. Юрьевъ, коему повѣрено было начальство надъ отрядомъ, пошелъ къ горамъ и къ вечеру, какъ мнѣ въ трубу было видно, поднялся на верхъ горы, почему и должно заключать, что она не такъ далеко отсюда должна отстоять. Между тѣмъ я разсчиталъ остальной отрядъ свой на три взвода, сталъ ближе къ рѣкѣ, обвелся рогатками и фашинникомъ и послалъ 6 Туркменъ карауломъ на ту сторону рѣки, на песчаный бугоръ, съ котораго легко бы можно безпокоить насъ; ночью я отмѣнилъ цѣпь и секретные посты, потому что народа у меня мало осталось. Я пущалъ ночью ракеты, швермера, жегъ фальшфейеры и стрѣлялъ изъ ружей, дабы обратить на себя вниманіе непріятеля, буде онъ есть, и отвлечь его отъ Юрьева.

9-го къ вечеру возвратился Юрьевъ съ отрядомъ. Вотъ свѣдѣнія, которыя они доставили о Балканѣ. Колодезь Беуръ-Кусьси, изъ котораго мнѣ привозили воду, лежитъ у самой подошвы крутизны Балканскихъ горъ, поднявшись довольное разстояніе по отлогой возвышенности, составляющей начало Балканской горы и пересѣченной многими оврагами, составленными дождевыми рѣчками, текшими съ горы. Въ семъ мѣстѣ, отстоящемъ отъ переправы на 25 верстъ, гора вдается на Востокъ и составляетъ глубокое ущелье. Вода въ колодцѣ прекрасная. Около него растетъ нѣсколько инджировыхъ деревьевъ, винныя ягоды. Оттуда идетъ подъемъ на самую гору, подъемъ сей крутой и скалистой, по симъ скаламъ растутъ кое-гдѣ кипарисныя деревья и можжевелевые кусты, очень большіе и толстые, но негодныя ни къ какому строенію. Ночь съ 8-го на 9-е они ночевали на вершинѣ горы и хотя они были почти въ 30 верстахъ отъ меня, я могъ видѣть людей на вершинѣ въ зрительную трубу. Горы сіи лежатъ тремя рядами, въ ущельяхъ видно болѣе лѣса, но все такого же рода; родники, по словамъ Туркменъ, очутились далѣе и, кажется, что ихъ совсѣмъ нѣтъ. Какъ бы то ни было, путешествіе на Балканъ имѣло бы только одну пользу, ту, что въ другой разъ Русскимъ уже не нужно будетъ на него ходить. И Туркмены оказались лжецами. Горы сіи не заслуживаютъ никакого описанія.

10-го мы поднялись изъ Ахъ-тама и пришли ночевать, прошедши двумя или тремя верстами прежній лагерь нашъ при Худа-Кули. Дорога ничего не представляла занимательнаго. Двое Туркменъ приходили жаловаться на солдатъ, что будто ихъ дорогой били. Они солгали: ихъ только толкнули. Случилось, что одинъ изъ жалующихся былъ тотъ самый, который обнажалъ въ Балкуи ножъ на матросовъ, въ то время какъ мы стояли въ Вознесенскомъ. Я зналъ его и, призвавъ матросовъ, съ которыми онъ дрался, спросилъ, согласенъ ли онъ, чтобы я наказалъ своихъ, а его втрое. Онъ отказывался отъ обвиненія и не согласился на мой судъ; и такъ отсталъ отъ своего иска.

11-го мы пришли изъ Худа-Кули въ лагерь 5-го числа, гдѣ нашли ожидающіе насъ три киржима и катеръ, который крейсировалъ. Въ тотъ же вечеръ я послалъ катеръ къ пакетботу, приказавъ судамъ подвинуться къ кочевью Дарджинскому. На немъ поѣхали Юрьевъ и Катани. Оставшіеся Туркмены на киржимахъ переѣзжали на другую сторону залива для охоты; четверо изъ нихъ пошли въ горы къ роднику и нашли на дорогѣ своей двѣ переметныя сумы съ ячменемъ и одну съ мукой; они взяли ихъ и хотѣли нести добычу назадъ, какъ увидѣли семь конныхъ человѣкъ; у конныхъ были пики, но ружой не было, у нашихъ же ружья. Одни другихъ испугались и побѣ-

жали въ разныя стороны. Наши не могли непріятелю больше вреда нанести какъ разсыпать ячмень, который они въ торопяхъ не могли унести, и они привезли только одну муку, которой и питались до нашего прибытія. Эти люди, по примѣтамъ ихъ, должны быть Кёклены, и тѣ самые, коихъ слѣды видѣли два раза у подошвы Балкана; они оставили пожитки свои въ семъ мѣстѣ и пошли сѣвернымъ берегомъ залива, полагая насъ застать и уворовать оплошнаго человѣка, но не найдя насъ, возвратились и, заставши нашихъ Туркменъ на своихъ пожиткахъ, бѣжали, оставивъ ихъ имъ въ добычу. Они должны были проѣзжать мимо Балкана въ тотъ самый день какъ наши съ горы возвращались и вѣрно видѣли ихъ и скрылись.

12-го поутру я сѣлъ на киржимъ, отпустивъ еще наканунѣ Кіата съ верблюдами къ кочевью муллы-Каиба. Вѣтеръ хотя былъ противный, но слабъ; мы цѣлый день на веслахъ шли и подвинулись близъ двадцати верстъ; ввечеру вѣтеръ усилился, и мы легли на якорѣ, но вскорѣ опять потянулись. Къ полночи принуждены были опять лечь на якорѣ, не дойдя до перваго ночлега нашего на Дарджѣ, Кара-Сенгира.

13-го поутру на разсвѣтѣ поднялся свѣжій вѣтеръ; мы нѣсколько потянулись на веслахъ, дабы обойти косу Кара-Сенгиръ; обошедши ее, мы подняли паруса и прибыли около полдня сюда на западный берегъ полуострова, пройдя кочевья двумя верстами и ставъ за бугромъ, называемымъ Чадыръ-Детси. Выйдя на берегъ, я былъ встрѣченъ старшинами и Кіатомъ, которые уже два дни какъ пріѣхали. Я поставилъ палатки свои на берегу, суда подошли очень близко къ берегу и легли на якорѣ въ полверстѣ отъ меня. Я обѣдалъ на транспортѣ и отпустилъ матросовъ, ходившихъ со мной на Балканъ, на суда. Я здѣсь располагаю остаться нѣсколько дней для одаренія Туркменъ и продажи остальнаго товара.

14-го я раздавалъ подарки Туркменамъ, которые во все время вели себя хорошо и служили усердно. Что всего удивительнѣе было то, что всѣ остались довольными противъ обыкновенія; одинъ Кульчи только сдѣлалъ печальную рожу, не взирая на то, что подарокъ, ему сдѣланный, стоилъ гораздо болѣе заслугъ его, около 150 рублей. Отъ него именно я не ожидалъ сего. Прочіе Туркмены были скромны и довольны; но смѣшно было смотрѣть, какимъ они образомъ брали подарки. Они прятали ихъ подъ кафтаны, боясь показать ихъ своимъ товарищамъ и роднымъ, дабы не возродить между собою зависти и ссоры. Они выбѣгали какъ воры изъ моей палатки и, приходя въ кибитку къ себѣ, садились въ кружокъ, не смѣя встать, дабы не вы-

ронить вещей изъ-подъ полы, всѣ сидѣли и молчали, смотря другъ на друга, подозрѣвая одинъ другаго въ полученіи несмѣтныхъ богатствъ.

Ввечеру Кіатъ долго сидѣлъ у меня и говорилъ мнѣ объ опасностяхъ, предстоящихъ ему, по отъѣздѣ моемъ, со стороны Персіянъ; я утѣшалъ его и обѣщался ему распустить слухъ, что я возвращусь съ Кендерли и пріѣду къ Серебряному бугру зимовать. Онъ меня просилъ о семъ, говоря, что симъ только однимъ средствомъ можно удержать Персіянъ отъ разграбленія Іомудовъ. Онъ обѣщался дать въ Россію любаго изъ сыновей, и обоихъ, если я вздумаю ихъ взять. Словомъ, я нашелъ въ немъ совершенную преданность Россіи и готовность служить намъ чѣмъ только можно. Мнѣ жалко его положеніе: по отъѣздѣ нашемъ, онъ не смѣетъ выѣхать изъ Челекени, ибо вездѣ имѣетъ непріятелей.

15-го. Окончивъ дѣла съ Туркменами, я убрался на суда, дабы уже отсюда пуститься къ обозрѣнію Аджаиба, или втораго рукава Аму-дерьи; но прежде отплытія моего я хотѣлъ еще поблагодарить Сеида за освобожденіе изъ неволи Сергѣя. Я велѣлъ Сергѣю съѣхать на берегъ и, отдавъ ему кусокъ хорошей золотой парчи, приказалъ ему отдать его Сеиду. Кіата я отпустилъ въ Челекень, приказавъ ему черезъ четыре дня выѣхать къ кочевью, которое лежитъ на сѣверо-восточной оконечности острова и дождаться тамъ меня. Туркмены съ горестью разстались со мной, ибо они по прежнему начнутъ вести голодную жизнь.

16-го. Я отправился на трехъ гребныхъ судахъ для обозрѣнія южнаго берега Дарджи, гдѣ по словамъ жителей видѣли слѣды другаго рукава Аму-дерьи, называющіеся Аджаибъ, и развалинъ примѣтныхъ на томъ мѣстѣ. Путь былъ дальній, близъ 200 верстъ; но я надѣялся черезъ четыре дня возвратиться и отпустилъ между тѣмъ транспортъ за водой, а Туркменъ въ Челекень, взявъ съ собой одного Таганъ-Ніаса. Кочевье муллы Каиба по отъѣздѣ нашемъ стало съѣзжать съ мѣста; оно идетъ на Мангышлакъ, а оттуда въ Хиву, опасаясь остаться на Дарджѣ и идти прямой дорогой въ Хиву.

16-го. Я доѣхалъ до острова Арыгъ, лежащаго противъ ночлега нашего на косѣ Шихъ-Дервишѣ Челекенской, составляющей съ Челекенью узкій проливъ и очень мелкой, такъ что катеръ, сидящій на три фута въ водѣ, съ трудомъ могъ пройти. Безопасность Челекенскихъ жителей есть мнимая: они полагаютъ себя на неприступномъ острову; но непріятель, который имѣлъ бы нѣсколько смышлености и смѣлости, легко бы перебродилъ сіе мѣсто и могъ бы раззорить Челекенскихъ жителей. Къ вечеру я уже отплылъ близъ 40 верстъ и остановился ночевать на острову Арыгъ. Вечеръ и ночь были очень холодны, при-

томъ же дождь шелъ почти цѣлую ночь. На семъ острову есть могила трехъ Туркменъ, потонувшихъ въ прошломъ году на одной лодкѣ, которая ходила за водой въ Балкуи. Довольно странно, что утопшіе были въ ближайшихъ родственныхъ связяхъ между собою: дѣдъ, сынъ и внукъ.

17-го. Мы пошли далѣе, въѣхали въ заливъ Туръ-баши, находящійся на Югѣ Челекени, съ большимъ трудомъ могли перебраться черезъ заструги встрѣчавшіяся намъ. Киржимы Кіата нагоняли насъ; голодные и алчущіе Туркмены, сидящіе въ нихъ биткомъ, надѣялись быть накормлены нами; но мы перебрались и выѣхали въ открытое море, миновавъ островъ Ешекъ. Тутъ противный намъ вѣтеръ усилился, такъ что мы едва могли впередъ подвигаться: волна стала усиливаться и бить черезъ бортъ. Намъ еще оставалось болѣе 100 верстъ ѣзды открытымъ моремъ, съ противнымъ вѣтромъ. Въ три дни бы мы не добились до мѣста; провіанта и воды бы у насъ не стало, и потому я рѣшился воротиться и пріѣхалъ ночевать на Шихъ-Дервишъ на прежній ночлегъ мой.

18-го. Дабы не терять времени, я оставилъ Катани на берегу, приказавъ ему снимать берегъ и присоединиться ко мнѣ ввечеру, а самъ поплылъ къ кочевью, находящемуся на сѣверномъ берегу острова, гдѣ и поставилъ свою палатку. Пакетботъ, вмѣсто того чтобы сюда пристать, присталъ къ Копалчѣ противъ новаго кочевья, туда переселившагося съ Красноводска, и стоялъ очень далеко отъ насъ. Транспорта еще не было видно. Ночью я пущалъ сигналы пакетботу; онъ отвѣчалъ мнѣ, но вѣрно за противнымъ вѣтромъ не могъ подвинуться ко мнѣ.

19-го. Я послалъ катеръ къ пакетботу, приказавъ ему подвинуться ко мнѣ. Пакетботъ къ вечеру подвинулся; возвратившійся же катеръ привезъ извѣстіе, что на пакетботѣ умеръ одинъ артилеристъ морской отъ цынготной болѣзни. Онъ просилъ передъ смертью, чтобы его похоронили въ Бакѣ, а не здѣсь. Его похоронили на косѣ Копалчѣ, и алчные Туркмены, тамъ кочующіе, требовали съ Ратькова деньги за землю. На могилѣ покойника поставили крестъ деревянный. Ввечеру я ѣздилъ на пакетботъ и видѣлъ карты, по которымъ наши моряки ходятъ по здѣшнему морю. Ничего не можетъ быть грубѣе ихъ, и Туркменецъ пальцемъ на пескѣ начертитъ карту своихъ береговъ и нашихъ гораздо обстоятельнѣе и вѣрнѣе. Притомъ же понятія Ратькова и его офицеровъ соотвѣтствуютъ совершенно ихъ картамъ: они принимаютъ острова за горы, такъ что полуостровъ Дарджа, который начерченъ нѣсколько сходственно на видъ съ боку Балканской горы, изображаетъ по мнѣнію Ратькова самую гору въ профи-

лѣ, а не полуостровъ. «Только, говоритъ, гора не въ ту сторону поворочена; я это поправлю». Всѣ офицеры пакетбота, хотя я ихъ службою и доволенъ, похожи болѣе на Музуровъ чѣмъ на офицеровъ. Теперь занятія мои почти совсѣмъ кончились, осталось только снять верстъ 10 сѣвернаго берега острова, что̀ въ нѣсколько часовъ кончится. По прибытіи транспорта я уберусь отсюда, и смотря по времени и по оставшемуся у насъ провіанту, пущусь въ Кендерли или въ Баку.

21-го поутру мы увидѣли транспортъ, который стоялъ за Копалчинской косой. Непонятно, какъ онъ туда попался. Вѣтеръ былъ цѣлый день сильный, сѣверный. Подъ вечеръ начало стихать; въ полдень пріѣхалъ Кіатъ изъ своего кочевья и поставилъ свою кибитку подлѣ моего лагеря.

22-го транспортъ лавировалъ цѣлый день, дабы обогнуть косу Копалчу, за которою онъ попался и къ вечеру еще ни насколько не придвинулся къ намъ. Всѣ сіи дни погода стоитъ холодная, вѣтры сильные. Я посылаю всякій день матросовъ отыскивать два анкорока, одно ружье и три сумы, оставшіеся въ морѣ по разбитіи четверки; но поиски тщетны. Между тѣмъ мы живемъ здѣсь понапрасну, теряя время, въ ожиданіи транспорта, и терпимъ нужду.

23-го въ полдень транспортъ подошелъ наконецъ къ берегу; я въ тоже время отправился на суда и совсѣмъ перебрался на нихъ. Цѣлый день шелъ сильный дождь. Долгое пребываніе мое на берегу въ холодное и сырое время съ дурной пищей было причиной, что я съ особеннымъ удовольствіемъ вошелъ въ теплую и опрятную каюту судна.

24-го погода была прекрасная; я занимался перегрузкой на берегъ пшеницы, которая Кіату продавалась. Между тѣмъ Катани оканчивалъ планъ Челекенскаго острова, коего съемка была кончена Рюминымъ 22-го числа. Противъ всякаго ожиданія моего, окружная астролябическая съемка острова сошлась съ удивительною вѣрностью на здѣшнемъ мѣстѣ. Вчера я написалъ Кіату свидѣтельство на полученіе медали отъ главнокомандующаго, а Таганъ-Ніасу свидѣтельство въ его преданности къ Россійскому правительству. Я написалъ также воззваніе къ Туркменскому народу, для соединенія его подъ начальство Кіата. Бумага сія, которую я перевелъ на Турецкій языкъ, слѣд. содержанія.

Старшины Іомудовъ!

Просьба ваша дошла до главнокомандующаго надъ землями, лежащими между двухъ морей. Онъ милостиво взглянулъ на вашъ народъ. Видя преданность вашу и сострадая о вашемъ бѣдномъ положеніи, онъ послалъ меня къ вамъ для лучшаго узнанія васъ и дабы

болѣе увѣриться въ искренности вашихъ намѣреній. Къ сожалѣнію моему большая часть народа вашего удалилась отъ Балкана. Сношенія мои были почти съ одними Челекенскими обывателями, пребывающими постоянно въ праотеческомъ жилищѣ своемъ. Я знаю бѣдность и нужды ваши и требую содѣйствія вашего къ исполненію видовъ нашихъ, клонящихся единственно къ вашему благу.

Нѣкій старецъ, отходя въ вѣчную жизнь, завѣщалъ дѣтей своихъ жить дружно; онъ приказалъ принести къ себѣ пучекъ стрѣлъ и, не развязывая ихъ, велѣлъ сломать его; никто изъ нихъ не могъ сего сдѣлать; когда же онъ, развязавъ пучекъ, далъ каждому по одной стрѣлѣ врозвь, то всѣ стрѣлы сломали поодиночкѣ.

Такъ и вы, люди храбрые, презирающіе смерть, вмѣстѣ сильные, но врозь слабые, будете вѣчно несчастливы и бѣдны, пока не соберетесь подъ начальство единаго изъ васъ, вами же избраннаго, коего умъ, опытность и честность были бы вамъ извѣстны. Кіатъ-ага, пользующійся довѣрностію Россіи, назначенъ для собранія васъ. Онъ жертвовалъ всѣмъ, и спокойствіемъ, и имуществомъ, и связями для вашего блага. Будьте признательны, жертвуйте всякій десятою долею того, чѣмъ онъ пожертвовалъ, и скоро земля ваша будетъ процвѣтать торговлей и пышностію. Дремлющія силы ваши проснутся, и вы будете грозою нынѣ обижающихъ васъ. Вотъ мой совѣтъ: соберитесь къ старшему изъ васъ, разсмотрите мысль мою, основанную на многихъ опытахъ. Буде она понравится вамъ, отдайте Кіату должное почтеніе; буде нѣтъ, оставайтесь по прежнему и не жалуйтесь на судьбу, карающую васъ. Всякому изъ васъ предстоятъ сіи двѣ дороги; да изберетъ себѣ всякій ту, которая ему понравится. Я вамъ предсказалъ будущее ваше и въ томъ и въ другомъ случаѣ исполнилъ долгъ свой; осталось вамъ о себѣ подумать. Думайте и не теряйте времени въ исполненіи.

25-го я призвалъ Кіата и отдалъ ему бумагу для Туркменъ, приказавъ ему давать всѣмъ грамотнымъ людямъ списки съ оной; я подарилъ ему еще кое-какія бездѣлицы и отпустилъ его, приказавъ ему сегодня сюда пріѣхать, для окончанія дѣла. Я почти цѣлый день былъ занятъ съ нимъ и его бумагами, приказалъ ему изготовить старшаго сына своего для отплытія съ нами и пребыванія въ Бакѣ. Онъ охотно отдалъ сына своего, опасаясь, чтобы не прервалась всякая связь съ нимъ. Его положеніе въ самомъ дѣлѣ незавидное: онъ много былъ награжденъ отъ насъ и не заслуживалъ того иногда; но за то онъ лишился всѣхъ связей и торговли съ Астрабадомъ и не смѣетъ изъ Челекени никуда показаться; притомъ же онъ видѣлъ лучшее житье и, видя безплодныя степи своего отечества, боится терпѣть голодъ и быть докучаемъ своими единоплеменниками, называющими его своимъ начальникомъ когда ѣсть хотятъ, но мало повинующимися ему когда сыты. Онъ желалъ ѣхать въ Россію; но Вельяминовъ не позволилъ сего. Въ письмѣ, которое я вчера для него писалъ къ Вельяминову,

онъ просилъ меня написать, что онъ желалъ бы ѣхать къ Государю. Я утѣшалъ его и помѣстилъ все требуемое въ письмѣ; но врядъ ли желанія его исполнятся, и кажется, что мы никогда не покажемся на здѣшнихъ берегахъ.

26-го, окончивъ совершенно дѣла мои на Челекенѣ, я написалъ Ратькову отношеніе, дабы онъ плылъ въ Красноводскій заливъ къ Бековичевой крѣпости, гдѣ я хочу настоящимъ образомъ узнать, сколько людей можетъ довольствоваться тамошней водой; но между тѣмъ, такъ какъ у насъ недостатокъ въ сухаряхъ, то мы поплывемъ сперва къ Балкуи для печенія хлѣбовъ; а такъ какъ у насъ недостатокъ въ дровахъ, то мы поплыли сперва къ Копалчѣ, для набранія оныхъ. Боясь, чтобы вѣтръ не воспрепятствовалъ намъ плыть къ колодцамъ Балкуи, если мы пройдемъ на восточную сторону косы, мы обошли ее и легли на якорѣ по западную сторону, отошедши отъ конца версты четыре.

27-го мы набрали на косѣ дровъ и ввечеру, снявшись съ якоря, плыли часть ночи тихимъ и хорошимъ вѣтромъ въ Балкуи, гдѣ около 2-го часа пополуночи бросили якорь.

28-го высадили на берегъ команду для построенія печей и для печенія хлѣбовъ. Вчера ввечеру я занялся чтеніемъ Экартсгаузена науки о числахъ; она поразила меня своею новостью и замысловатостью. Я остановился тамъ, гдѣ не могъ понять и готовъ скорѣе винить себя въ недостаткѣ тѣхъ способностей, которыя потребны для постиженія сей книги, чѣмъ сочинителя. Если онъ заблуждается, то самыя заблужденія его доказываютъ въ немъ самое большое глубокомысліе; цѣль его книги величественна, дерзка, изложенія его смѣлы и рѣзки; если я не пойму его, я буду полагать, что отъ меня сокрыта его мудрость. Въ опроверженіе его нельзя ничего сказать; но можно легко предположить и понять, что другой человѣкъ, съ глубокимъ же умомъ и съ такою же проницательностью какъ Экартсгаузенъ и съ его стараніемъ изобрѣтать, поведетъ туже мысль по другой дорогѣ, совершенно разной отъ сей, отъ чего и заключенія его будутъ противны симъ. Въ наукахъ отвлеченныхъ, которыя едва можно науками назвать, а только мнѣніемъ, положенія мало доказываются и принимаются слушателями по хорошей раскладкѣ мыслей, а часто и по краснорѣчію. Дорога воображенія слишкомъ открыта; оно можетъ ввести въ заблужденіе и затмить здравый разсудокъ, долженствующій быть единственнымъ руководителемъ въ такихъ случаяхъ. Говорятъ: сіе есть, но не говорятъ: сіе не можетъ быть такъ и такъ, и потому оно есть сіе. Какъ я выше сказалъ, множество мнѣній, похожихъ на неосязаемую истину, мелькаютъ и принимаются, но которая изъ нихъ истина предстоитъ ли намъ развѣдать, неизвѣстно. Впрочемъ если онъ

ошибается, книга его вреда не сдѣлаетъ; напротивъ того она пріучаетъ правильно обсуживать вещи. Но часто попадается она людямъ слабымъ и съ предубѣжденіями, которые, не понимая ея, вѣруютъ ей, бросаютъ все прочее и не достигаютъ даже до нѣкоторой степени своего поиска или намѣренія. Мистики нынѣшняго времени.

29-го, вчера ввечеру я былъ въ банѣ, которую устроилъ Юрьевъ на берегу изъ парусовъ и изъ веселъ; баня была очень хорошая.

Вчера я принужденъ былъ остановить Катани, который вступилъ въ грубый споръ со здѣшнимъ штурманомъ. Онъ нѣсколько дней ѣздилъ по вечерамъ на пакетботъ, и я не зналъ до вчерашняго дни, что онъ тамъ играетъ въ карты и выигралъ нѣсколько денегъ у штурмана, который ему не хотѣлъ заплатить ихъ, отъ чего у нихъ и вышелъ споръ. Сдѣлавъ ему выговоръ, я просилъ командировъ судовъ запретить играть съ нимъ своимъ офицерамъ.

На сихъ дняхъ стояла все прекрасная погода; нынѣшнюю же ночь былъ порядочный дождь и гроза. Больныхъ у насъ немного; но тѣ, которые нездоровы, жалуются все заложеніемъ въ груди, противъ чего помогаютъ имъ кровопусканіе и Шпанскія мухи; причина же сихъ болѣзней должна быть въ томъ, что въ нынѣшнее осеннее время люди, выходя на берегъ, гдѣ лодки близко не подходятъ и разгружая гребныя суда, ходятъ въ водѣ иногда по поясъ.

30-го около полудня пакетботу сдѣлался способный вѣтеръ, и онъ снялся съ якоря; я послалъ на немъ Петровича въ Челекень для отысканія сына Кіата Якши-Магмеда и привезенія его сюда. Я боюсь, чтобы Кіатъ насъ не задержалъ здѣсь тѣмъ, что онъ привезетъ сюда сына своего, котораго я беру въ аманаты, тогда только, когда ему привезутъ изъ Астрабада ковры, которые я ему заказалъ уже давно привести для продажи намъ. Онъ имѣетъ должниковъ около Астрабада и велѣлъ въ счетъ долгу взять ковры, которые, продавъ намъ съ барышемъ, возвратятъ ему долгъ его; онъ не упуститъ сего случая и не посовѣстится задержать насъ, если можетъ только одинъ реалъ себѣ выгоды получить.

31-го погода начинаетъ портиться, вѣтры дѣлаются сильны, холодъ увеличивается, и настоящая осень становится довольно ощутительна.

1-го Ноября ввечеру я выѣхалъ было на катерѣ для охоты за утками, коихъ здѣсь несчетное множество; но вдругъ поднялся ужасно сильный западный вѣтеръ, и мы принуждены были возвратиться; дождь шелъ нѣсколько разъ, и ночью выпалъ небольшой снѣгъ.

2-го погода была холодная и дождливая, подъ вечеръ поставили въ каютѣ камелекъ; передъ вечеромъ я ѣздилъ, на катерѣ, на охоту

27*

за кишкалдаками, которыхъ несчетное множество по заливу. Юрьевъ ѣздилъ со мной; въ теченіи менѣе получаса мы убили ихъ девять.

3-го ввечеру послѣ зари возвратился пакетботъ и привезъ съ собой Якши-Магмеда съ слугой. Кіатъ, какъ я предвидѣлъ, долго бы задержалъ насъ въ ожиданіи своихъ ковровъ; онъ хотѣлъ также сюда ѣхать; но по приказанію моему его не взяли. Петровичъ, который туда ѣздилъ, утѣшилъ его тѣмъ, что я заѣду взять его съ собою въ Кендерли. Сильный вѣтеръ, третьяго дня бывшій, порвалъ якорный канатъ пакетбота, у котораго нѣкоторыя снасти на носу оборвались; волненіе было такое сильное, что онъ погружался совсѣмъ въ воду носомъ.

4-го я ѣздилъ на охоту красныхъ утокъ, которыхъ показалось несчетное множество. Стрѣлялъ изъ фалконета картечью по нимъ, потому что онѣ близко не подпущали, но ни одной не задѣлъ. Передъ вечеромъ прибылъ къ намъ Кіатъ. 40 барановъ, которые онъ привезъ, высажены на берегъ около Упрана и идутъ сюда берегомъ. Я ему отдалъ Таганъ-Ніаса, который уже сидѣлъ на пакетботѣ и котораго я хотѣлъ отправить впередъ на Челекень, дабы намъ не останавливаться въ слѣдованіи нашемъ къ Красноводску для высаживанія его на берегъ. Онъ здѣсь заболѣлъ; болѣзнь его не значительная была, но онъ тосковалъ по женѣ, которая осталась беременна и издержала въ теченіи лѣта 40 реаловъ, оставленные ей на домашніе расходы. Желаніе наказать ее, непомѣрное сребролюбіе, свойственное Туркменамъ и боязнь, чтобы его не увезли въ Грузію, заставили его притворяться. Онъ стоналъ какъ жестокій страдалецъ, не ѣлъ ничего, плакалъ какъ ребенокъ. Вчера онъ нѣсколько утѣшился, увидѣвъ Кіата.

5-го, вчера кончилась послѣдняя продажа казенныхъ товаровъ, которые я привезъ изъ Баки; осталась малость, которую я везу назадъ. Я простился съ Кіатомъ, обнадеживъ его въ покровительствѣ Россіи, буде мы не займемъ здѣшнихъ береговъ, что̀ кажется всего вѣроятнѣе случится. И такъ ввечеру мы совершенно были готовы отплыть отъ Балкуи. Купили барановъ, которыхъ пригнали Туркмены съ Дарджи.

6-го поутру мы снялись съ якоря и плыли къ Красноводскому заливу. Южный вѣтеръ заносилъ насъ близко къ отмели, идущей отъ Красноводской косы; для обойденія ея мы принуждены были лавировать, но немного, и около полдня легли на якорь, за недостаткомъ вѣтра. Передъ вечеромъ сдѣлался NO. Мы проплыли нѣсколько и на ночь легли на якорь.

7-го поутру мы поплыли, около полдня остановились за штилемъ. Пакетботъ стоялъ на мели, наткнувшись на подводную косу, идущую отъ внутренней оконечности Красноводска, называющейся Алемъ-

Сенгри. Подводная коса сія, имѣя крутые берега, простирается очень далеко по направленію Красноводской косы, ее должно обходить вблизи Копалчи. Къ вечеру мы сюда прибыли; по берегу видны были киржимы; кочевье же, бывшее здѣсь, все удалилось отсюда на Копалчу, Дагъ-Аду и Дарджу. Я послалъ узнать, какіе изъ Туркменъ здѣсь находятся. Привезли сюда одного муллу, отъ котораго я узналъ, что они ѣдутъ въ Карабугазъ съ пшеницей; ихъ девятнадцать человѣкъ, изъ коихъ только 6 рыбаковъ, которые здѣсь остаются для пропитанія себя рыбой.

8-го пакетботъ цѣлый день лавировалъ, ему вѣтеръ былъ противный; къ ночи онъ легъ на якорь въ нѣкоторомъ разстояніи отъ насъ, не вошедши однако въ култукъ.

Поутру я отправилъ работниковъ на берегъ для рытья колодцевъ, чтобы узнать навѣрное, много ли коса сія содержитъ воды и какого свойства. Коса Порокли не имѣетъ воды, и такъ туда и не ѣздили. Въ вершинѣ залива, гдѣ была крѣпость Фанъ-деръ-Вейдена, я еще рылся при первомъ прибываніи моемъ сюда и отыскалъ соленую воду; и такъ вода заключается только въ восточномъ рукавѣ косы, который отдѣленъ почти совсѣмъ отъ большой косы солеными озерами и топями, а соединяется съ ней только по берегамъ; на семъ мѣстѣ, подробно снятомъ мною, было тогда кочевье, которое нынѣ разбрелось по разнымъ мѣстамъ. Тутъ я вырылъ вчера около 70 колодцевъ, глубиной въ ростъ человѣческій; вода показывалась вообще прѣсная, но разныхъ свойствъ, однако годная къ употребленію. Она имѣетъ вкусъ нѣсколько сладкій, соленый и жирный. Песокъ и ракуша, въ которой ее отрываютъ, осыпается тотчасъ какъ покажется вода, и потому ее трудно добывать, не вставя въ яму распиленной бочки (которая бы удерживала обсыпь) или разбитаго котла. Вода сія имѣетъ тѣ свойства: первое, что если ее вырыть глубже четверти аршина, то она дѣлается горче, и все хуже чѣмъ глубже роешь; второе то, что если ее держать нѣсколько времени, то она тоже портится и бываетъ горьковатой, но годной по нуждѣ къ употребленію. Но она въ большомъ количествѣ, послѣ выбрасыванія сора, набирается и вездѣ показывается, и потому на семъ мѣстѣ есть возможность жить и завестись, если сіе сочтутъ за нужное; заливъ же Красноводскій очень удобенъ для якорныхъ стоянокъ большихъ судовъ. Трудно будетъ придумать, какимъ образомъ строиться на сей косѣ; ибо грунтъ состоитъ весь изъ ракуши, въ которой я не вижу возможности укрѣпить фундамента. Развѣ строить стѣны изъ Балкуинскаго камня, безъ фундаментовъ, такъ какъ построено Вознесенское укрѣпленіе; сіе укрѣпленіе хотя непрочное, но можетъ съ починкой стоять очень долго.

9-го поутру я послалъ рабочихъ на берегъ къ разоренной крѣпости Бековича, не желая отъѣхать отсюда, не удовлетворивъ страсти отыскивать древности.

Передъ полднемъ я ѣздилъ на пакетботъ, который поутру прибылъ, дабы узнать отъ Ратькова мысль его о поѣздкѣ нашей въ Кендерли; ибо провіанта у насъ становится мало, а въ нынѣшнее позднее осеннее время, когда вѣтры по большей части бываютъ сѣверные и порывистые, мы можемъ долго въ морѣ пролежать, и наконецъ терпѣть нужду въ съѣстныхъ припасахъ. Желая удостовѣриться въ возможности или невозможности сего пути, я спросилъ мнѣніе Ратькова, которому лучше должны быть извѣстны вѣтры здѣшніе. Основываясь на его мнѣніи, которое было не ѣхать въ Кендерли, я предписалъ ему, дабы онъ, по окончаніи промѣровъ въ здѣшнемъ заливѣ, извѣстилъ меня о наличномъ остаткѣ нашего продовольствія, также о возможности предпринять путь въ Кендерли.

Я ѣздилъ въ разоренную крѣпость. Рабочіе нашли въ землѣ одно ядро, гнилыя рогожи, кости, кремни, стекло, подборы сапожные и много слѣдовъ желѣза въ ракушѣ и пескѣ, которые, окиснувши ржавчиной, сломились около желѣза, на мѣсто котораго осталась только одна пустота, изображающая видъ его, какъ-то винта, сабли, гвоздя, казенной части ружья и пр. Послѣ полдня я оставилъ поиски, изрывъ крѣпость мѣстахъ въ 50 или больше.

10-го гребныя суда ѣздили для промѣровъ на конецъ подводной косы, отстоящей отсюда близъ 25-ти верстъ. Къ вечеру они возвратились, окончивъ свой промѣръ.

11-го я получилъ отъ Ратькова отвѣтъ на мою бумагу, которою онъ извѣщаетъ меня, что провіанта имѣетъ только по 27-е число сего мѣсяца, и сильные осенніе вѣтры препятствуютъ нашему плаванію въ Кендерли, могутъ насъ долго въ морѣ задержать и заставить насъ нужду терпѣть. Въ слѣдъ за симъ я ему предписалъ плыть въ Баку. И такъ мы въ тотъ же вечеръ снялись съ якоря и съ юго-восточнымъ вѣтромъ плыли всю ночь.

12-го мы продолжали плыть тѣмъ же вѣтромъ, но къ вечеру онъ перемѣнился и сдѣлался юго-западнымъ. Мы увидѣли Бакинскія горы передъ захожденіемъ солнца. Вѣтеръ очень усилился, и мы мало могли впередъ подвигаться, потому что насъ несло бокомъ къ островамъ, лежащимъ противъ Апшеронскаго мыса. Мы не знали своего мѣста; впереди видны были огни Индѣйскіе, которые приняли за шкоутъ, держались къ нимъ, но когда глубина стала уменьшаться, мы бросили якорь, опасаясь наткнуться на Шахову косу. Качка была чрезвычайно сильная; я цѣлый день не могъ ничего съѣсть, и въ сильной

степени испыталъ морскую болѣзнь. Всю ночь вѣтеръ былъ очень силенъ; передъ разсвѣтомъ онъ было утихъ, но къ разсвѣту опять поднялся.

13-го цѣлый день и ночь былъ сильный нордовой вѣтеръ, волненіе очень большое и качка очень безпокойна. На случай еслибъ насъ съ якоря сорвало, Юрьевъ сбирался въ Сару идти.

14-го поутру мы снялись съ якоря и пошли SW вѣтромъ, дабы обогнуть Шахову косу. Пакетботъ, который стоялъ отъ насъ верстахъ въ 10, сдѣлалъ на разсвѣтѣ нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ. Мы полагали, что онъ терпитъ бѣдствіе; однако онъ снялся съ якоря и, подходя къ намъ, сдѣлалъ опять нѣсколько выстрѣловъ и выставилъ флагъ, которымъ извѣстилъ насъ о смерти своего капитана. Мы держались къ нему и попались опять за косу, гдѣ за противнымъ вѣтромъ легли на якорь и простояли такимъ образомъ цѣлый день. Пакетботъ также бросилъ якорь. Мичманъ пріѣхалъ къ Юрьеву и донесъ ему, что Ратьковъ умеръ 13-го числа въ 9 часовъ вечера припадкомъ такимъ же, въ которые онъ часто падалъ, отъ невоздержности. Мичманъ принялъ командованіе судна. Цѣлый день качка крѣпко безпокоила насъ. Пакетботъ потерялъ третьяго дня одинъ якорь.

15-го поутру мы снялись съ якоря и шли хорошимъ вѣтромъ почти до сумерокъ; Баку уже видѣли, но не въѣзжали только въ заливъ за островъ Наргенъ. Вдругъ вѣтеръ усилился, и мы бросили якорь; ночь была ужасная, вѣтеръ былъ сѣверный и жестокій, волненіе ужасное. Я не могъ уснуть во всю ночь: судно наше носомъ уходило въ волны, и корма сильно билась объ шумную воду. Хотѣли рубить канатъ и пуститься на произволъ судьбы въ темную ночь; ибо боялись, чтобы не сломало мачтъ, но раздумали, въ надеждѣ отстояться на якорѣ. Было холодно, волна заливала людей на палубѣ, въ каютѣ не было мѣста, чтобы укрыться, все перепадало, на ногахъ нельзя было держаться. Сундуки, стулья, столы, книги, все въ ужасномъ безпорядкѣ ползало по полу вверхъ ногами и ушибало тѣхъ которые входили; къ тому же еще вода заливала каюту, а въ суднѣ открылась течь. Мы полагали, что на разсвѣтѣ 16-го буря утихнетъ; но вѣтеръ сдѣлался еще сильнѣе; навязали къ якорямъ другія сто саженъ каната, выправили ихъ, полагая, что судну будетъ легче; но оно не переставало биться и черпать носомъ воду, и потому рѣшились оставить якорь съ обоими канатами и идти въ Сару. Волны понесли насъ, безъ парусовъ судно хватало бортами воду, бѣлыя волны съ ревомъ ударялись объ насъ, такъ что едва слышна была команда. Поставили одинъ передній парусъ, который зарифовали, и такимъ образомъ волны пронесли насъ мимо острововъ и каменныхъ плитъ. Около

половины дороги до Сары вѣтеръ сталъ утихать, а съ нимъ и волненіе; къ вечеру стало почти совсѣмъ тихо, осталась только одна зыбь, которая насъ довольно еще качала. Обошли Куринскій камень и сегодня, во второмъ часу пополуночи легли на якорь около сѣверной оконечности острова Сары.

Итакъ въ нынѣшній походъ я видѣлъ всѣ ужасы моря. Годится увидѣть ихъ одинъ разъ, но не два.

17-го мы приплыли къ Сарѣ; ввечеру я съѣхалъ и былъ принятъ Семеномъ Александровичемъ Николаевымъ со всевозможнымъ гостепріимствомъ. Я былъ очень доволенъ, что достигъ спокойнаго и безопаснаго мѣста; но радость Катани была непомѣрная. Онъ очень молодъ, ребенокъ во многихъ случаяхъ, но благороденъ какъ рыцарь, не имѣетъ блистательнаго ума, и незнающій его назоветъ даже глупымъ, но недостатокъ его состоитъ въ томъ, что, попавшись въ покровительство Базилевича, онъ никогда не находился въ нуждѣ думать о себѣ и привыкъ не внимать ничему, не дослушивать, и потому сужденія его иногда такъ кривы, что озадачатъ всякаго. Онъ дѣлалъ ошибки, я имѣлъ слабость не взыскивать довольно строго за оныя; но все сіе служило ему иногда поводомъ еще болѣе забываться. Товарищъ же его Рюминъ мнѣ ужасно противенъ: скупой, самолюбивый, лгунъ и хвастунъ, хотя имѣетъ отличныя дарованія и рѣдкія способности. Онъ надмененъ, когда видитъ снисхожденіе, и потому я полагаю, что долженъ быть низокъ, когда увидитъ взыскательность. Скупость его не имѣетъ мѣры и противна своей низкостью, притомъ лѣнивъ и неблагодаренъ. Я нѣсколько разъ принужденъ былъ его побуждать къ трудамъ и стараюсь теперь всячески его отдалить отъ себя, дабы не имѣть передъ глазами отвратительныхъ его поступковъ. Трусость его явно оказалась при нападеніи 30 Туркменъ, когда мы стояли въ Вознесенской крѣпости, и онъ бѣжалъ съ бугра, оставивъ четырехъ солдатъ одниxъ, тогда какъ къ нему уже послано было подкрѣпленіе. Катани же въ то время бросался какъ бѣшеный и просился впередъ, такъ что я едва могъ его удержать въ своемъ мѣстѣ.

Сегодня послалъ я въ Ленкорань четырехъ солдатъ съ письмомъ къ подполковнику Василью Алексѣевичу Булгакову, прося его выставить лошадей на перевалъ, для слѣдованія въ Ленкорань, гдѣ я хочу устроить путь свой берегомъ до Баки; ибо цынготная болѣзнь показалась у людей моихъ, а съ нынѣшними осенними вѣтрами транспортъ, который еще имѣетъ нужду здѣсь остаться нѣсколько дней, можетъ пробыть очень долго въ дорогѣ: тогда количество больныхъ моихъ усилится, и изъ нихъ могутъ даже нѣкоторые умереть дорогою, чего бы мнѣ

весьма не хотѣлось, особливо довезши ихъ всѣхъ такъ благополучно до сего мѣста.

Островъ Сара имѣетъ около 8 верстъ въ длину и одной въ ширину; свойство земли ракуша и песокъ, но въ иныхъ мѣстахъ зеленѣется трава, и даже косятъ сѣно. Командиръ эскадры капитанъ-лейтенантъ Николаевъ имѣетъ здѣсь небольшой домикъ, и морскіе завелись здѣсь разными строеніями, камышинными. Каменныхъ только церковь и госпиталь, еще не конченные. Островъ сей, до пришествія Русскихъ безлюдный, нынѣ производитъ различныя огородныя зелья; на немъ видно нѣсколько деревьевъ ивовыхъ, насаженныхъ нашими. Обстроиваніе сіе всякій годъ увеличивается. Вода въ колодцахъ прежде была солоноватая, теперь же стала прѣсная. Мнѣ кажется, что, покоря Красноводскія косы, совершенно одинаковыхъ свойствъ съ симъ островомъ, можно точно такимъ же образомъ тамъ завестись какъ и здѣсь. Трудами побѣждается сама природа, и безплодныя степи принимаютъ видъ обработанныхъ странъ. Я съ любопытствомъ разсматривалъ здѣсь колодцы и строенія, дабы примѣнить здѣшнія средства къ предполагаемому заведенію на Красноводской косѣ.

Пакетботъ оставался на якорѣ, когда насъ носило бурей; неизвѣстно еще что съ нимъ случилось. Я не полагаю, чтобы онъ отдѣлался благополучно и считаю его погибшимъ, затопленнымъ или разбитымъ о камни и блуждающимъ безъ мачты и безъ руля среди бурнаго моря.

18-го поутру былъ у меня Николаевъ и звалъ меня отобѣдать къ себѣ. Ввечеру пришелъ отвѣтъ изъ Ленкорани отъ Булгакова, которымъ онъ извѣщаетъ меня о готовности лошадей, повозокъ и дрожекъ на перевалѣ.

19-го поутру я готовился къ отъѣзду въ Ленкорань, какъ случилось у насъ происшествіе весьма непріятное. Рюминъ, который давно уже выдаетъ себя за приближеннаго чиновника Алексѣя Петровича, съ которымъ въ ближайшихъ сношеніяхъ и Вельяминовъ, вывелъ меня наконецъ изъ терпѣнія. Когда мы въ Туркменіи жили на берегу, то онъ былъ послушенъ и учтивъ; какъ скоро же пріѣзжали на суда, то присутствіе Юрьева и морскихъ офицеровъ перемѣняло его совершенно: онъ показывалъ видъ человѣка довѣреннаго отъ главнокомандующаго и знающаго всѣ домашніе его поступки, не щадилъ въ шуткахъ своихъ никого изъ людей, къ которымъ онъ въ Тифлисѣ подступалъ съ должнымъ почтеніемъ, относился нѣсколько разъ очень худо объ нашей экспедиціи, говоря, что онъ сожалѣетъ, что поѣхалъ въ нее, и по прибытіи въ Тифлисъ оставитъ ее тотчасъ и явится въ роту. Дерзость его всякій день увеличивалась; я молчалъ, говорилъ съ нимъ всегда ласково, но наоборотъ видѣлъ, что онъ ласки мои приписывалъ къ

слабости и становился очень грубъ со мной, Катани ни во что́ не ставилъ, дѣлалъ ему непріятности и выводилъ его иногда изъ терпѣнія своимъ хвастовствомъ, высокомѣріемъ и грубостями. Я винилъ только себя въ томъ, что сначала не остановилъ его и надѣялся довести Рюмина до Баки безъ дальнѣйшихъ неудовольствій, а тамъ, отдаливъ его отъ себя, не имѣть съ нимъ никакихъ сношеній, кромѣ какъ по службѣ. Такъ какъ по Сальянской дорогѣ въ Баку имѣется очень мало лошадей на постахъ, я расчелъ, что намъ будетъ лучше раздѣлиться, дабы проѣхать сухимъ путемъ. Одному изъ моихъ офицеровъ надлежало впередъ ѣхать; я выбралъ Рюмина, какъ потому, чтобы не имѣть его при себѣ, такъ и потому, что ему теперь предстоитъ работа—черченіе плана Балканскаго залива. Третьяго дни ввечеру онъ просился со мной въ Ленкорань ѣхать, довольно грубымъ образомъ; я отвѣчалъ ему ласково, что въ Ленкорань не стоитъ труда ѣхать и что я его посылаю въ Баку только за тѣмъ, чтобы не было остановки мнѣ въ дорогѣ и чтобы онъ скорѣе могъ за дѣло приняться. Впрочемъ, что я бы и самъ не поѣхалъ въ Ленкорань, еслибы не имѣлъ нужды свидѣться съ Булгаковымъ. Вчера поутру я спросилъ его, когда онъ намѣренъ ѣхать. Вы можете еще день пробыть здѣсь, если вамъ нужно, сказалъ я; но мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы завтра отправились.—Я не могу завтра ѣхать, сказалъ онъ: у меня бѣлье не вымыто. Это не причина, отвѣчалъ я; да и бѣлье ваше можетъ поспѣть завтра.—Такъ я не поѣду, сказалъ онъ, я болѣнъ.—Если вы больны, подайте мнѣ рапортъ о болѣзни; я васъ здѣсь оставлю на Сарѣ и донесу о болѣзни вашей Ивану Александровичу Вельяминову.—Я самъ къ нему напишу, сказалъ онъ гордо. Я видѣлъ, что онъ хотѣлъ поддержать въ мысляхъ Николаева и другихъ офицеровъ ту ложную славу, которую онъ о себѣ пустилъ; онъ грозился мнѣ жаловаться на меня, я не вытерпѣлъ и послалъ его на бакъ, но тотчасъ велѣлъ ему идти въ каютъ-компанію. Я былъ очень разсерженъ такимъ дерзкимъ и неблагодарнымъ поступкомъ съ его стороны, отдалъ его отправленіе Николаеву и просилъ его отправить Рюмина въ Сальянъ водой, какъ скоро я пришлю ему изъ Ленкорани записку отъ купца Углева на его рыбный Кызылагачской промыселъ, по которой бы дали бударокъ для переѣзда черезъ обмелѣвшее устье Куры.

Около 10-ти часовъ утра я поѣхалъ съ Катани, Юрьевымъ и транспортскимъ мичманомъ Макаровымъ на перевалъ (такъ называется та часть берега твердой земли, которая всѣхъ ближе отстоитъ отъ юго-западной оконечности острова Сары)—переѣздъ имѣетъ не болѣе 5 верстъ. Тутъ я нашелъ бричку, дрожки и телегу, которыя ожидали меня съ самого утра съ однимъ офицеромъ Каспійскаго морскаго баталіона. Мы помчались берегомъ на Югъ, и послѣ 12 верстъ

ѣзды пріѣхали въ Ленкорань, гдѣ для меня была заготовлена квартира. Вскорѣ пришелъ Булгаковъ со своими офицерами. Я познакомился съ нимъ. Онъ долженъ быть человѣкъ умный, хитрый, строгій и исполнительный. Если судить по одному пріему, который онъ мнѣ сдѣлалъ, то я не могу назвать его иначе какъ хорошимъ и гостепріимнымъ; но, зная, что я служу при главнокомандующемъ, онъ могъ имѣть и кажется дѣлалъ сіи виды; такъ старались меня увѣрять Юрьевъ и Катани, которымъ очень не нравилось повиновеніе, въ которомъ онъ содержитъ своихъ офицеровъ. Мнѣ Булгаковъ понравился, но вообще его не любятъ офицеры его; они не любятъ строгости его, безъ которой однакожъ баталіонъ его не имѣлъ бы того вида, который онъ теперь имѣетъ. Говорятъ, что жители его любятъ, что онъ некорыстолюбивъ и справедливъ. Алексѣй Петровичъ знаетъ его съ очень хорошей стороны.

Я обѣдалъ у Булгакова и, поговоривъ съ нимъ о средствахъ, какія нужны для отправленія команды моей сухимъ путемъ, увидѣлъ, что хотя есть возможность, но затрудненій будетъ очень много, такъ что люди могутъ почти скорѣе на судахъ въ Баку прибыть, чѣмъ сухимъ путемъ, и потому рѣшился пустить ихъ моремъ, а самому ѣхать берегомъ, оставивъ одного трудно больнаго цынготнаго на Сарѣ. Я написалъ записку къ Николаеву, которою я позволялъ Рюмину еще день пробыть въ Сарѣ, но просилъ Николаева на другой день его отправить и уговорить его къ повиновенію, дабы я не принужденъ былъ употребить своей власти. Я писалъ, что прилагаю при семъ записку на Угловскую ватагу, по которой дадутъ Рюмину бударки для въѣзда въ Куру. Но записку адъютантъ Булгакова забылъ приложить.

Ввечеру я ходилъ смотрѣть крѣпость, на которой погибло столько Русскихъ на знаменитомъ штурмѣ генерала Котляревскаго; крѣпость земляная съ осмью бастіонами уже почти совсѣмъ осыпалась. 12 Англинскихъ орудій, которыя въ ней были взяты, были очень ветхи; нынѣ присланы изъ Тифлисскаго арсенала мастеровые, которые дѣлаютъ подъ нихъ новые лафеты и приводятъ ихъ въ порядокъ. Мнѣ показывали мѣсто, гдѣ наши взлѣзли на стѣну, мѣсто гдѣ Котляревскій былъ раненъ; я видѣлъ могилы храбныхъ Русскихъ солдатъ, коихъ осталось только 300 изъ 1500, и я со вниманіемъ слушалъ разсказы о семъ штурмѣ солдатъ и офицеровъ, показывавшихъ мнѣ мѣста, гдѣ они сами находились, съ уваженіемъ смотрѣлъ на небольшое укрѣпленіе сіе, за десять лѣтъ передъ симъ обагренное кровью 1.200 нашихъ соотечественниковъ и 6.000 Персіянъ. Я не буду упо-

минать здѣсь объ обстоятельствахъ сего ужаснаго штурма, который довольно извѣстенъ.

Мѣстоположеніе Ленкорани очень занимательно. Городъ состоитъ изъ камышинныхъ лачугъ, разбросанныхъ въ садахъ. Казенныя строенія, какъ-то казармы, лазаретъ и офицерскіе дома, выстроены очень порядочно и стоятъ особенно; домъ самаго Булгакова довольно великъ. Вездѣ видны слѣды дѣятельности. Рѣчка Ленкоранка украшаетъ городъ, въ устьѣ ея находится много киржимовъ. Зелень ни въ какое время года не скрывается въ сихъ мѣстахъ, деревья цвѣтутъ по два раза въ годъ, и луга покрыты яркой зеленью среди зимы. Но мѣста сіи и вообще все Талышинское ханство очень нездорово отъ болотъ, которыя отдѣляютъ какъ бы сказать широкую, длинную и плодоносную косу отъ высокой цѣпи снѣговыхъ горъ, отдѣляющихъ насъ отъ Персіи. Горы сіи покрыты лѣсами, населенными множествомъ тигровъ, барсовъ, медвѣдей и другихъ дикихъ звѣрей, такъ что охотникъ подвергается немалой опасности въ оныхъ. Въ ущельяхъ же текутъ быстрыя рѣки, по берегамъ коихъ живутъ Талышинцы намъ подвластные и вѣрные.

Булгаковъ говорилъ мнѣ, что тѣ 3.000 семействъ Муганскихъ кочевыхъ жителей, подвластныхъ Персіи, которые, будучи недовольны своимъ правительствомъ, въ прошломъ году или въ началѣ нынѣшняго перешли къ намъ и были поселены въ Карабагѣ, нынѣшнимъ годомъ опять всѣ бѣжали въ Персію. Пріобрѣтеніе было сдѣлано Булгаковымъ, а потеря генераломъ Мадатовымъ, который въ то время былъ на Кавказскихъ водахъ. Карабахское, Нухинское и Ширванское ханства ввѣрены въ его управленіе.

20-го былъ у Булгакова разводъ; порядокъ и выправка людей доведены у него до совершенства. Я любовался устройству его баталіона; послѣ развода мы ходили опять смотрѣть крѣпость и орудія Англинскія. Послѣ обѣда я отправился назадъ и къ вечеру возвратился въ Сару, на транспортъ; я нашелъ Рюмина еще не уѣхавшаго, потому что казакъ, возившій записку на Углинскую ватагу, отдалъ ее встрѣтившемуся ему Армянину, и я съ собой привезъ новую, которую вложилъ въ отправленіе Рюмину. Онъ поутру поѣхалъ, будучи въ дурномъ расположеніи, и я боюсь, чтобы по прибытіи въ Баку не нашелся бы вынужденнымъ принять самыя строгія мѣры для приведенія его въ надлежащее повиновеніе.

22-го я былъ цѣлый день занятъ писаніемъ рапорта къ Ивану Александровичу Вельяминову; я кончилъ занятія свои уже во 2 часу ночи. Я описывалъ Вельяминову дѣйствія экспедиціи, не поясняя ему, какое мѣсто я призналъ за лучшее для устроенія заведенія.

23-го я отправился на рыбный промыселъ купца Углева; мнѣ сопутствовалъ артилеріи морской лейтенантъ Линицкій. Я ѣхалъ на катерѣ корабля Вулкана, стоящаго въ Саринскомъ рейдѣ, ѣхалъ близъ 40 верстъ въ прекрасную погоду, на веслахъ, оставя въ лѣвой рукѣ полуостровъ Кызылъ-агачъ, на которомъ Татары имѣютъ богатое поселеніе. Ночь застала меня въ 5 верстахъ, не доѣзжая ватаги Углева; катеръ не могъ далѣе идти за мелководіемъ. Тутъ случилась купеческая лодка, съ которой я взялъ бударку и поплылъ къ ватагѣ, куда я черезъ часъ прибылъ и былъ принятъ со всевозможною привѣтливостью племянникомъ Углева, высланнымъ для моей встрѣчи. Я послалъ тотчасъ двѣ плоскодонныя полубарки за людьми и переночевалъ покойно въ прекрасномъ деревянномъ домикѣ. Промыслъ сей принадлежитъ Ленкоранскому хану; на немъ разжился купецъ Углевъ, который прежде былъ довольно бѣденъ, а нынѣ имѣетъ до милліона денегъ. Онъ десять лѣтъ платилъ только по 100 червонцевъ въ годъ откупу, нынѣ же будетъ платить по 1.000. Заведеніе его довольно обширное, и тутъ живетъ до 100 человѣкъ наемныхъ Русскихъ крестьянъ съ Приволжскихъ губерній, приходящихъ въ Астрахань для работы; у нихъ выстроены хорошія казармы, и поселеніе ихъ совершенно похоже на Россійское, чтó для меня показалось совершенно новымъ зрѣлищемъ послѣ Туркменскихъ степей и вообще Азіатскихъ строеній въ Грузіи. Углевъ отправляетъ ежегодно два шкоута съ рыбой и икрой въ Астрахань.

24-го я поплылъ къ Сѣверу на двухъ полубаркахъ, которыя подвигались на шестахъ очень медленно, потому что заливъ Кызылагачскій очень обмѣлѣлъ. Проѣхавъ такимъ образомъ около десяти верстъ, мы пришли къ устью рѣки Куры, гдѣ намъ надобно было перетащиться болѣе 200 сажень по илу, потому что воды въ семъ мѣстѣ почти совсѣмъ нѣтъ. Музуры всѣ пошли въ воду и кое-какъ перетащили наши полубарки въ настоящій фарватеръ Куры; тутъ были у меня заготовлены лодки, въ которыя я пересѣлъ и пошелъ бичевой вверхъ по рѣкѣ. Было уже поздно. Я надѣялся достичь въ эту ночь еще до ватаги Иванова, но не могъ и принужденъ былъ, прошедши двѣнадцать верстъ по рѣкѣ, остановиться ночевать на небольшомъ казачьемъ посту, гдѣ стоятъ два казака съ таможеннымъ разъѣзднымъ.

25-го я продолжалъ далѣе путь свой, проѣхавъ мимо ватаги Иванова, и къ вечеру, пройдя около 35 верстъ, прибылъ въ Сальянъ. Надворный совѣтникъ Ивановъ, Астраханскій Армянинъ, очень богатый человѣкъ, но, какъ всѣ говорятъ, безчестный, корыстолюбивый, и гордый. Онъ служилъ прежде въ Астраханской таможнѣ, гдѣ нажился, и былъ послѣ того подъ судомъ за разныя мошенничества.

Онъ имѣлъ на откупу всѣ устья Куры, гдѣ промыслъ очень великъ; онъ принадлежитъ Мустафѣ-хану Ширванскому, и за откупъ сей Ивановъ платилъ ежегодно по 17,000 червонцевъ. Нынѣ дѣла его пришли въ разстройство. Въ 1820 г. Ивановъ пріѣзжалъ въ Тифлисъ и былъ принятъ очень дурно Алексѣемъ Петровичемъ, потому что передъ побѣгомъ Мустафы-хана Ширванскаго онъ сдѣлалъ съ нимъ контрактъ на 10 лѣтъ впередъ, тогда какъ старый срокъ его откупа еще не кончился. Черезъ сіе плутовство казна должна лишиться сихъ выгодъ. Кромѣ того еще, черезъ сіе оказалось, что онъ былъ извѣщенъ о намѣреніи Мустафы-хана бѣжать, и дабы не заплатить обыкновеннаго откупа казнѣ, взялъ отъ него свидѣтельство въ полученіи денегъ впередъ, тогда какъ ему, можетъ быть, заплатилъ только самую малую часть откупа, чѣмъ ханъ былъ вѣрно очень доволенъ, ибо видѣлъ, что всего дохода долженъ лишиться. По случаю сего мошенническаго поступка, Алексѣй Петровичъ приказалъ уничтожить сей контрактъ. Ивановъ повелъ сіе дѣло въ Сенатъ и теперь тянется съ главнокомандующимъ, но долженъ будетъ уступить и пострадать важной потерей за свое плутовство.

Берега Куры по всему пути нашему были обработаны со тщаніемъ; мѣста сіи считаются плодороднѣйшими во всей Грузіи. Не знаю, вѣрить ли слышанному мною отъ людей знающихъ сіи мѣста, что съ сихъ полей посѣвъ получается въ 250 разъ. Если сіе и увеличено, то причиною сей лжи должны служить необыкновенные урожаи.

Въ Сальянѣ я остановился у офицера; тамъ находится команда, изъ 15 человѣкъ состоящая, Каспійскаго морскаго баталіона.

26-го я переправился черезъ сѣверный рукавъ Куры на козачій постъ, отстоящій отъ казармъ на двѣ версты; я шелъ черезъ базаръ и городъ, которые не представляютъ ничего занимательнаго. Строенія похожи на лачуги и сдѣланы изъ камыша. Базаръ бѣденъ. Нынѣ управляетъ Сальяномъ Ширванскій Гаджи-бекъ.

Отъ козачьяго поста я отправилъ вещи на арбахъ къ первому посту по дорогѣ, къ Баку лежащей, а самъ поѣхалъ впередъ верхомъ съ Катани и Туркменскимъ аманатомъ Якши-Магметомъ, сыномъ Кіатъ-аги. Станція была 65 верстъ, степью безводной и безплодной. Я пріѣхалъ на Перисагатскій постъ ночью, а арбы въ полночь.

27-го. Я проѣхалъ такимъ же образомъ другую станцію до керванъ сарая Гешъ-Куйла; переѣздъ былъ около 50-ти верстъ. Тутъ я былъ встрѣченъ бекомъ Бакинскимъ, выѣхавшимъ съ подставными лошадьми для меня.

28-го. Въ ужасно сильный вѣтеръ я прибылъ въ Баку, совершивъ самое гадкое путешествіе: ни одной деревни, ни зелени, ничего нѣтъ

по всей сей сторонѣ. Есть другая дорога изъ Сальяна въ Баку, нѣсколько лѣвѣе сей; она покружнѣе этой, и по ней есть одно только селеніе Наваги, извѣстное тѣмъ, что въ немъ формировалъ Петръ Великій Навагинскій пѣхотный полкъ.

29-го. Явился ко мнѣ поутру Рюминъ. Я нашелъ его въ другомъ расположеніи духа: съ отсутствіемъ постороннихъ, натянутая бойкость его и хвастовство изчезли; но онъ не перемѣнился въ чувствахъ своихъ неблагородныхъ и не приличествующихъ доброму человѣку съ честью. Онъ будетъ продолжать заниматься, и если дѣло пойдетъ по старому, я ограничусь наказаніемъ, сдѣланнымъ ему на транспортѣ; но никогда сердце мое не будетъ лежать къ сему человѣку.

Лейтенантъ Басаргинъ, командующій здѣсь брандвахтой на катерѣ, принялъ команду надъ пакетботомъ, по предписанію Николаева, который меня о семъ не извѣстилъ. Мичманъ Стяжнинъ, принявшій пакетботъ по смерти Ратькова, вчера сказалъ мнѣ, что покража, сдѣланная на Туркменскомъ берегу у Тохумъ-Мехтума, при Балкуинскомъ колодцѣ, отыскалась у одного матроса.

30-го. Я былъ посѣщенъ нѣкоторыми здѣшними чиновниками, въ томъ числѣ и Басаргинымъ, котораго я нашелъ мягче прежняго. Причиною ли сего чтеніе Экартсгаузена, надъ которымъ онъ ежедневно трудится? Всѣ вещи Туркмена Тохумъ-Мехтума украдены матросами пакетбота, которыя здѣсь продали и за которыя они поплатятся деньгами. Непонятно только, какимъ образомъ случилось, что третьяго дни былъ только одинъ воръ, котораго уличилъ матросъ же, а прочіе были всѣ невинны; сегодня же оказалось, что вся команда и урядники участвовали въ семъ воровствѣ. Морскіе офицеры просили меня не доводить сего происшествія до свѣдѣнія начальства, обѣщаясь внести тѣ деньги, которыя слѣдуетъ за ненайденыя вещи.

Я цѣлый день былъ дома; ввечеру написалъ одно длинное письмо къ батюшкѣ, въ которомъ объяснялъ ему всѣ случаи моего похода въ Туркменію, и другое къ Старкову, въ Нуху, которымъ я просилъ его извѣстить меня, есть ли возможность проѣхать отъ него до Карагачей, и дома ли Якубовичъ?

1-го Декабря я провелъ почти цѣлый день дома и занимался. Рюминъ и Катани чертили свои планы. Я началъ дѣлать описаніе Туркменіи. Ввечеру я былъ у коменданта Басаргина.

2-го числа ввечеру прибылъ сюда транспортъ Кура изъ Сары въ 24 часа.

3-го. Поутру высадили на берегъ команду мою, на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ я служилъ молебствіе, отправляясь въ Туркменію, на при-

стани, за крѣпостною стѣною. Послѣ молебствія я велѣлъ командѣ идти въ свои казармы, считаясь однако все еще при мнѣ: для возвращенія ихъ совершенно въ баталіонъ, я ожидаю повелѣнія отъ Вельяминова.

4-го. Я занимался поутру описаніемъ Балканскаго залива, которое долженъ представить въ Тифлисъ. Ввечеру писалъ письма, между прочими одно къ Шереметевой, въ коемъ я приложилъ письмо вырученнаго мною Сергія къ его матери, прося Надежду Николаевну, дабы она исходатайствовала ему волю у госпожи его Ольги Александровны Жеребцовой. Онъ Владимирской губерніи, Гороховскаго уѣзда, села Ѳоминокъ, деревни Сельцы, съ береговъ Волги; имя его Сергѣй Степановъ, прозвище же Обоимовъ. Поутру былъ у меня одинъ изъ новыхъ чиновниковъ таможни, присланныхъ на смѣну старымъ, которыхъ отдаютъ подъ судъ; онъ называется Кунтъ и извѣстенъ знаніемъ своимъ въ музыкѣ и игрою на скрипкѣ.

6-го. Поутру былъ у меня цѣлый содомъ: весь городъ (который я увѣрялъ, что не имянинникъ) приходилъ съ поздравленіями. Между прочими былъ у меня тоже инженеръ-капитанъ Газанъ или Фазанъ. Онъ былъ при строеніи крѣпости Тарку у Алексѣя Александровича Вельяминова, говорилъ, что уже всѣ оттуда разъѣхались, и Алексѣй Петровичъ долженъ быть въ Тифлисѣ. Сей Фазанъ, съ которымъ я еще въ Петербургѣ познакомился, выдавалъ себя за знающаго 18 языковъ и имѣющаго три или четыре ордена и баронство. 17 языковъ сбавили съ него, крестовъ не носитъ, а о баронствѣ ничего не слышно. О семъ старался Гозіушъ, начальникъ его, котораго взбѣсило непомѣрное хвастовство сего иностранца. Мое присутствіе не позволяетъ ему много хвастать; однако онъ уже пустилъ про себя славу у плацъ-маіора, что онъ приближенный Алексѣя Петровича. Рюминъ былъ радъ случаю тоже похвастать и удивлялъ здѣшнихъ жителей своимъ Французскимъ языкомъ, на которомъ онъ совсѣмъ почти ничего не знаетъ. Мнѣ очень противно смотрѣть на хвастовство сего мальчика, и еслибъ онъ былъ квартимейстерскій офицеръ, то бы я остановилъ его; но онъ мнѣ человѣкъ посторонній и въ Тифлисѣ перемѣнитъ свое обращеніе. Ввечеру былъ у меня Кунтъ; онъ игралъ на скрипкѣ. Искусство сего человѣка выходитъ изъ ряда обыкновеннаго, и я провелъ вечеръ съ большимъ удовольствіемъ.

7-го. Ввечеру былъ у меня Кунтъ; мы провели время, занимаясь музыкой.

ФЕЛЬДМАРШАЛЪ
КНЯЗЬ А. И. БАРЯТИНСКІЙ.

Глава VII *).

Письмо князя Воронцова.—Военно-административная дѣятельность князя Барятинскаго.—Перенесеніе штабъ-квартиры въ Хасавъ-Юртъ.—Измѣненіе въ дизлокаціи войскъ.—Постройка моста черезъ Терекъ.

Обращаюсь теперь къ той военно-административной дѣятельности князя Барятинскаго, за время командованія полкомъ, которая не имѣла прямаго отношенія къ внутренней жизни полка. Тутъ же я приведу нѣсколько писемъ къ нему князя Воронцова, изъ которыхъ будетъ ясно видно, какого высокаго мнѣнія тогда уже былъ нашъ маститый государственный человѣкъ о молодомъ полковникѣ, и какъ онъ къ нему относился.

„Лагерь на Турчидагѣ, 26 Іюня 1847 г. Мнѣ совѣстно, любезный князь, что не отвѣчалъ до сихъ поръ на ваше письмо, написанное по пріѣздѣ вашемъ въ Внезапную; но я его получилъ въ самомъ началѣ нашихъ дѣйствій противъ Гергебиля и борьбы съ холерою—нашимъ опаснѣйшимъ врагомъ, причинившимъ намъ много хлопотъ и болѣе непріятностей, чѣмъ когда нибудь могъ намъ причинить Шамиль. Онъ удовольствовался наблюдать за нами съ высоты горъ, не

*) См. выше, стр. 258.

осмѣлившись спуститься въ долину, чтобы встрѣтиться съ нами; холера же, напротивъ, атаковала насъ въ долинѣ, и мы бѣжимъ отъ нея въ горы. Это и побудило меня придти сюда по незараженной дорогѣ, для возстановленія здоровья войскъ, и вотъ уже 8 дней, т.-е. еще до прибытія нашего на Турчидагъ, какъ не было холернаго случая и вообще какой нибудь болѣзни въ лагерѣ. Турчидагъ вообще превосходное мѣсто для здоровья и какъ военная наступательная позиція: отсюда мы можемъ двигаться во всѣ стороны безъ опасенія, чтобы непріятель могъ догадаться о цѣли нашихъ дѣйствій. Я ожидаю только свѣдѣній объ исчезновеніи холеры или, по крайней мѣрѣ, о ея ослабленіи, чтобы спуститься и предпринять нѣсколько дѣйствій, съ цѣлью главнымъ образомъ прочно укрѣпить и успокоить линію, раздѣляющую покорныя намъ мѣстности отъ враждебной части Дагестана. Надѣюсь, что Богъ поможетъ намъ поставить Кази-Кумухъ, Акушу, Цудахаръ и Мехтулу въ такое безопасное положеніе, какимъ они никогда еще не пользовались. До сихъ поръ наши резервы осенью всегда далеко уходили назадъ, и эти провинціи становились жертвами непріятеля. Дай Богъ только, чтобы мы скорѣе отдѣлались отъ холеры, потому что съ такимъ бичемъ трудно дѣйствовать и дѣлать походы.

„Надѣюсь, что вы не особенно страдали отъ этаго зла во Внезапной. Могу себѣ представить то удовольствіе, которое ощутилъ храбрый полкъ при вашемъ пріѣздѣ, и я отъ всего сердца желаю того же, чего желаетъ и вся Кавказская армія, чтобы Кабардинцы, съ княземъ Барятинскимъ во главѣ, продолжали поприще успѣховъ и славы, обратившихся у нихъ въ привычку съ такихъ давнихъ поръ.

„Прощайте, дорогой князь, и не оставляйте меня безъ извѣстій о себѣ. Надѣюсь васъ посѣтить проѣздомъ, какъ только положеніе дѣлъ въ Дагестанѣ не будетъ требовать моего присутствія. Я очень нуждаюсь въ покоѣ; но когда я могу быть здѣсь полезнымъ, нечего думать объ отдыхѣ: нужно много терпѣнія, и милостивый Богъ приведетъ все къ хорошему концу. Навсегда преданный вамъ М. Воронцовъ“. Приписка собственною рукою: „Я былъ очень доволенъ, про-

читавъ въ приказахъ, что капитанъ вашего полка Кириленко произведенъ въ маіоры. Это отличный офицеръ".

Черезъ три дня, 29-го Іюня 1847 года, князь Воронцовъ снова писалъ: „Секретно" (къ сожалѣнію въ этомъ письмѣ оторванъ кусокъ бумаги, и нельзя воспроизвести вполнѣ смыслъ нѣкоторыхъ словъ).

„Пишу вамъ сегодня, дорогой князь, маленькое частное письмо о деликатномъ обстоятельствѣ, которое непремѣнно должно остаться между нами. Нѣкто Русальскій, о которомъ вы слышали, что онъ бѣжалъ изъ Воздвиженской къ Шамилю, и послѣ дѣла Слѣпцова возвратился къ намъ, посвятилъ мнѣ что-то въ родѣ записокъ, чтобы объяснить свое поведеніе, что̀ однако ему весьма трудно сдѣлать. Въ этихъ запискахъ онъ утверждаетъ, что побѣгъ, съ его стороны, былъ заслугою: ибо онъ желалъ извѣщать насъ о томъ, чему онъ могъ или думалъ научиться въ свое пребываніе у непріятеля. Онъ говоритъ, между прочимъ, что непріятель не только продолжаетъ покупать порохъ во всѣхъ укрѣпленіяхъ нашей линіи, въ особенности во Внезапной, но что тамъ есть даже военные изъ Поляковъ, которые имѣютъ политическія сношенія съ Шамилемъ. Я вамъ однако объявляю, что нисколько этому не вѣрю и во всемъ вижу только глупца, безъ всякихъ правилъ, желающаго выпутаться посредствомъ своихъ безсмысленныхъ выдумокъ... (оторвано) Члены этого суда, не знаю какъ составленнаго въ Грозной, не съумѣли бы отнестись къ значенію такихъ доводовъ и могли бы причинить бо̀льшую непріятность своими оффиціальными поступками; я только ограничился, спросивъ его, черезъ полковника Меллера, о болѣе формальномъ и подробномъ объясненіи того, что̀ онъ сообщилъ намъ, замѣтивъ ему, что такое важное показаніе не могло бы, даже въ его собственномъ интересѣ, остаться неразъясненнымъ, и безъ поименованія обвиняемыхъ людей или тѣхъ, кто ему эти извѣстія сообщили. Съ другой стороны, я не хотѣлъ скрывать отъ васъ этого дѣла, будучи вполнѣ увѣреннымъ, что въ вашемъ геройскомъ полку не могутъ быть люди способные на такую измѣну. Все таки можетъ быть вамъ придется, но только вамъ однимъ (не говоря объ этомъ кому бы то ни было) наблюдать за По-

ляками между офицерами и унтеръ-офицерами вашего полка и другихъ частей войскъ, во Внезапной находящихся. У васъ, между другими, есть кажется прапорщикъ Залѣсскій, который просилъ.... (оторвано) и которому было отказано.... въ Петербургѣ. Я рѣшительно ничего дурнаго о немъ не знаю; но можетъ быть онъ озлобленъ вслѣдствіе полученнаго отказа, и мнѣ помнится даже, что онъ просилъ о переводѣ изъ вашего полка въ какой нибудь линейный баталіонъ, или къ какой нибудь гражданской должности на границѣ Персіи или Турціи. Можетъ быть, приласкавъ его немного и не возбуждая въ немъ ни малѣйшаго подозрѣнія, вы пріобрѣтете его довѣріе, узнаете сущность его неудовольствій и вообще его образъ мыслей. Вы также легко можете узнать, мало-помалу и безъ всякой огласки, каковы привычки у Поляковъ въ вашемъ полку, съ кѣмъ они, внѣ полка, могутъ имѣть сношенія и вообще, каково ихъ расположеніе, каковъ образъ мыслей. Повторяю: все это должно непремѣнно остаться между нами, и если я вамъ объ этомъ пишу, то только по полному довѣрію, которое къ вамъ питаю и чтобы быть готовымъ въ случаѣ, если это нелѣпое показаніе.... (оторвано) дойдетъ до высшаго свѣдѣнія.... (оторвано). Отвѣчайте мнѣ письмомъ въ собственныя руки, секретно, также и послѣ, когда вы добудете нѣсколько свѣдѣній и остановитесь на какомъ нибудь рѣшеніи относительно этого обстоятельства“.

„PS. Я долженъ еще присовокупить на счетъ Залѣсскаго, что, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, въ которыхъ трудно сомнѣваться, онъ восторженный фанатикъ, считающій святымъ долгомъ дѣлать все, что̀ въ его власти для возстановленія Польши и причиненія всевозможнаго зла Россіи“.

У всѣхъ выдающихся своими талантами людей, по свойственной человѣческой натурѣ зависти, по злорадству, неизбѣжны враги и хулители; эти низменныя натуры не могутъ простить человѣку ни его ума, ни его успѣховъ, ни его движенія прямыми путями безъ заглядыванія съ задняго крыльца, ни его, весьма естественнаго, равнодушнаго, или даже нѣсколько презрительнаго, отношенія къ толпѣ, окружающей высокопоставленныхъ лицъ. Они готовы отрицать всякую за-

слугу ненавистныхъ имъ талантливыхъ людей, умалять всякое ихъ достоинство, отрицать даже такія черты, какъ личную храбрость, выказанную на глазахъ многихъ тысячъ людей; но за то всякую слабость, всякій незначительный недостатокъ преувеличатъ до громадныхъ размѣровъ. Одинъ скажетъ, напримѣръ: „пьетъ стаканами, да пребольшими", а другой уже: „нѣтъ, бочками сороковыми". Тоже, само собою, было и съ княземъ Барятинскимъ. Люди, усиливавшіеся во что бы ни стало низвести его съ пьедестала, на который онъ, что̀ бы ни говорили, сталъ не одними лишь близкими отношеніями къ покойному Государю Александру Николаевичу, между прочимъ, утверждали, будто онъ, по легкомыслію, выдумалъ какіе-то сношенія Поляковъ съ горцами, продажу имъ пороха и проч., ввелъ въ заблужденіе князя Воронцова и послѣ, когда все это оказалось чепухою, сдѣлался посмѣшищемъ Тифлисскихъ властей.

Теперь, прочитавъ вышеприведенное письмо князя Воронцова отъ 29-го Іюня 1847 г., можно видѣть, кто выдумалъ дѣло о Полякахъ и могъ ли князь Барятинскій стать, въ этомъ случаѣ, посмѣшищемъ властей. Да нужно еще сказать, что продажа горцамъ пороха вовсе не оказалась баснею; а только, какъ мнѣ помнится, юридически-виновныхъ не открыли.

Въ письмѣ изъ Темиръ-Ханъ-Шуры, 27-го Сентября 1847 г., князь Воронцовъ опять писалъ князю Барятинскому: „Дорогой князь, я получилъ вчера близъ Дженгутая ваше пріятное письмо отъ 21-го Сентября; такъ какъ я надѣюсь видѣть васъ черезъ нѣсколько дней, то откладываю до этой весьма для меня пріятной минуты, чтобы отвѣчать и поговорить съ вами о его содержаніи. Я прибылъ сюда сегодня около полудня, очень утомленный переѣздомъ, послѣ того какъ провелъ три недѣли безвыходно въ палаткѣ, вслѣдствіе воспаленія глаза. Славу Богу, глазъ кажется не пострадалъ, и я надѣюсь, что нѣсколько дней отдыха вполнѣ возстановятъ мои силы.

„Если ничто не помѣшаетъ моимъ намѣреніямъ, я выѣду отсюда 3-го въ Чиръ-Юртъ, и 4-го явлюсь къ вамъ во Внезапную просить гостепріимства; во всякомъ случаѣ, генералъ Коцебу заранѣе напишетъ вамъ, какъ только нашъ маршрутъ будетъ опредѣленъ. Я былъ очень тронутъ, что вы были такъ добры оказать съ вашими храбрыми Кабардинцами содѣйствіе нашимъ послѣднимъ успѣхамъ при Салты. Вы знаете, насколько я люблю вашъ полкъ, и какъ бы я былъ доволенъ если бы одинъ или два баталіона Кабардинцевъ были съ нами въ продолженіи послѣднихъ четырехъ мѣсяцевъ; но до всякаго дойдетъ своя очередь. Въ настоящее время на всемъ Кавказѣ есть только одинъ полкъ, всего годъ тому назадъ сформированный, Ставропольскій Егерьскій, котораго я еще не видѣлъ въ дѣлѣ съ непріятелемъ. До свиданья, дорогой князь; я въ нетерпѣніи васъ видѣть и обнять“.

Большою заслугою князя Барятинскаго было перенесеніе штабъ-квартиры Кабардинскаго полка изъ Внезапной въ Хасавъ-Юртъ. Въ запискѣ, представленной по этому предмету, онъ, между прочимъ, писалъ, что Хасавъ-Юртъ, расположенный почти въ центрѣ всей Кумыкской плоскости, соединяетъ всѣ выгоды въ военномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ: отсюда прямыя и удобныя дороги въ Аухъ, Ичкерію и Большую Чечню; земля для обработки удобная, вода превосходная, полкъ будетъ окруженъ лѣсомъ и покосомъ, которые не стоятъ ему ни капли крови; превосходные огороды, которыхъ во Внезапной не было; наконецъ, Хасавъ-Юртъ, не удаляя насъ отъ непріятеля, приближаетъ насъ на двѣнадцать верстъ къ линіи по Тереку. Самое же значеніе Внезапной, съ 1842 г., когда сюда переведенъ былъ Кабардинскій полкъ, уже далеко не то; ибо съ устройствомъ съ тѣхъ поръ укрѣпленій Хасавъ-Юрта, Чиръ-Юрта и нѣсколькихъ другихъ, съ переводомъ сюда штаба десяти-эскадроннаго драгунскаго полка и обнесеніемъ деревни Андреевой хорошею оградою, съ двадцатью башнями, условія обороны отъ внезапныхъ нападеній непріятеля совершенно измѣнились въ нашу пользу.

Вообще этотъ переводъ штабъ-квартиры былъ чрезвычайно важною мѣрою для обезпеченія Кумыкской плоскости и большой части Затеречнаго края отъ набѣговъ Чеченцевъ. Князь Воронцовъ, проѣзжая здѣсь въ Апрѣлѣ 1848 г., лично убѣдился въ значительныхъ выгодахъ расположенія полковаго штаба въ Хасавъ-Юртѣ, не только въ отношеніи общей обороны и дѣйствій противъ непріятеля, но и потому еще, что покосныя мѣста, пріобрѣтенныя для полка отъ Кумыковъ въ 1843 г., находясь у самаго Хасавъ-Юрта, избавляютъ отъ необходимости усиленнаго прикрытія косцовъ и неизбѣжныхъ при этомъ кровавыхъ жертвъ.

Кромѣ предложенія о переводѣ штабъ-квартиры, князь Барятинскій представилъ весьма основательное предположеніе объ измѣненіи дизлокаціи войскъ на Кумыкской плоскости, съ цѣлью наибольшаго обезопасенія жителей и обезпеченія сообщеній нашихъ съ Дагестаномъ съ одной и съ лѣвымъ флангомъ Кавказской линіи съ другой стороны. Большая часть его соображеній оказались вполнѣ основательными и были исподволь приведены въ исполненіе, а что осталось неисполненнымъ привело въ послѣдствіи къ нѣсколькимъ прискорбнымъ событіямъ, вынудившимъ наконецъ послѣдовать соображеніямъ князя Барятинскаго, вѣрный взглядъ котораго на положеніе края обнаружился, такимъ образомъ, уже въ самомъ началѣ его Кавказскаго поприща. Не вдаваясь въ подробности, приведу для примѣра только одну изъ предлагавшихся имъ мѣръ, значеніе которой будетъ ясно всякому, служившему на лѣвомъ флангѣ до назначенія князя главнокомандующимъ и до начала большихъ усиленныхъ дѣйствій въ Чечнѣ.

Въ упомянутой запискѣ князь Барятинскій, между прочимъ, предлагалъ въ Герзель-аулѣ, Куринскомъ и Умаханъ-Юртѣ держать по одному батальону Кабардинскаго полка и по три сотни казаковъ, съ двумя орудіями, въ видѣ подвижныхъ резервовъ; особенно важнымъ считалъ онъ послѣдній пунктъ, какъ обезпечивавшій постоянную переправу черезъ Сунжу и прикрывавшій ту часть Терека, которая чаще всѣхъ

подвергалась нападеніямъ непріятеля. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ полагалъ перевести расположенный въ Кизлярѣ линейный батальонъ на Кумыкскую плоскость, для занятія укрѣпленій и тэтъ-де-поновъ, освободивъ роты Кабардинскаго полка отъ гарнизонной службы, для дѣйствій въ полѣ.

Подвижной резервъ въ Куринскомъ былъ учрежденъ, и всѣмъ намъ, служившимъ тогда на Кавказской линіи, памятна громадная польза, оказанная этою частью подвижныхъ войскъ и Кумыкской плоскости, и Затеречнымъ станицамъ, не говоря о постоянной угрозѣ ближайшему непріятельскому населенію за Качкалыковскимъ хребтомъ; но въ Умаханъ-Юртѣ это учрежденіе не состоялось, и линейный батальонъ изъ Кизляра не былъ переведенъ,—по какимъ причинамъ, неизвѣстно. Можетъ быть по недостатку войскъ, особенно казаковъ, или изъ опасенія подвергнуть одинъ батальонъ пораженію, а быть можетъ просто по рутинѣ, неохотно идущей на нововведенія, тѣмъ болѣе въ то время, когда Тифлисскимъ штабомъ руководилъ генералъ Коцебу, извѣстный партизанъ военнаго бюрократизма.—И сколько же безнаказанныхъ набѣговъ совершили въ этой сторонѣ Чеченцы! Какъ дерзко атаковали они въ 1854 г. аулъ Истису и нашу роту, прикрывавшую его въ двухъ редутахъ! Непріятель уже ворвался въ аулъ, уже почти праздновалъ побѣду, которая тогда, во время Крымской войны, могла имѣть громадныя послѣдствія; но избѣгли мы этой катастрофы, какъ извѣстно, только быстрымъ появленіемъ барона Николаи съ шестью ротами Кабардинцевъ и той смѣлости, съ которою онъ рѣшился бросить эту горсть солдатъ на многотысячныя толпы горцевъ. При подвижномъ резервѣ въ Умаханъ-Юртѣ ничего этого случиться бы не могло. Впослѣдствіи важность Умаханъ-Юрта вполнѣ созналъ и графъ Евдокимовъ, поселившій здѣсь казачью станицу; а линейный батальонъ изъ Кизляра перевелъ на Кумыкскую плоскость Н. Н. Муравьевъ, еще въ началѣ 1855 г., тотчасъ по пріѣздѣ на лѣвый флангъ и ознакомленіи съ мѣстными обстоятельствами.

Было предположеніе построить въ Моздокѣ, на казенныя средства, мостъ черезъ Терекъ и, чтобы убѣдить началь-

ство въ пользѣ его, выставляли важное значеніе моста въ военномъ отношеніи. Князь Барятинскій, однако, сообразилъ всю несостоятельность подобныхъ доводовъ и представилъ записку, въ которой подробно и наглядно доказалъ, что мостъ нуженъ не въ Моздокѣ, а въ Наурѣ, какъ центральномъ пунктѣ Моздокскаго казачьяго полка; что изъ Наура полкъ въ нѣсколько часовъ можетъ прибыть на Сунженскую линію, подвергавшуюся частымъ нападеніямъ непріятеля, и въ случаѣ предпринимаемыхъ внезапныхъ движеній въ Чечню, когда каждый выигранный часъ составляетъ залогъ успѣха; что, наконецъ, поставка провіанта въ передовые магазины на Сунжѣ гораздо ближе и, по свойству мѣстности, удобнѣе изъ Наура, нежели изъ Моздока. Князь Воронцовъ, какъ видно изъ его письма отъ 8-го Февраля 1849 г., вполнѣ раздѣлялъ этотъ взглядъ, хотя князь Барятинскій, какъ начальникъ войскъ лишь на Кумыкской плоскости, коснулся вопроса выходившаго изъ предковъ его вѣдомства. Впрочемъ, этотъ мостъ, сколько мнѣ помнится, такъ и остался не построеннымъ; возвели же мостъ въ ст. Николаевской, противъ Стараго Юрта. Впослѣдствіи, уже по окончаніи войны, наконецъ построили въ Моздокѣ мостъ и перевели сюда почтовый трактъ вмѣсто прежняго направленія изъ Екатеринограда въ Владикавказъ, доставлявшаго нескончаемыя затрудненія и дорого стоившія работы въ борьбѣ съ множествомъ горныхъ рѣкъ, впадающихъ въ Терекъ. Теперь, съ проведеніемъ желѣзной дороги, само собою, измѣнились всѣ мѣстныя условія.

Глава VIII.

Военныя дѣйствія во время командованія полкомъ.—Дѣла 14-го Сентября, 19-го Ноября, 3-го, 6-го и 14-го Декабря 1847 г.—Отказъ въ производствѣ въ генералъ-маіоры и пожалованіе Владимира 3-й степени.—Письмо князя Воронцова.—Осада Гергебеля и дѣйствія тамъ князя Барятинскаго.—Письмо князя Воронцова.—Продолженіе дѣйствій подъ Гергебилемъ.—Взятіе Гергебиля и обратное выступленіе.—Еще два письма князя Воронцова.—Производство въ генералы.

Изъ дѣйствій собственно военныхъ, за время командованія княземъ Барятинскимъ Кабардинскимъ полкомъ, кромѣ обычныхъ тревогъ и отраженія безпрестанныхъ хищническихъ нападеній, слѣдуетъ указать на движеніе 14-го Сентября 1847 года съ отрядомъ къ аулу Зандакъ, при чемъ цѣль—разореніе этого аула и захватъ у наиба пушки, однако, не была да и не могла быть достигнута, потому что приходилось двигаться мимо нѣсколькихъ другихъ ауловъ; поэтому открытый заранѣе непріятелемъ отрядъ долженъ былъ поспѣшно отступать, и аріергардъ потерялъ ранеными двухъ офицеровъ и 18 рядовыхъ.

Здѣсь князь Барятинскій уже выказалъ вѣрный военный взглядъ: лишь только услыхалъ онъ сзади выстрѣлы, не теряя ни минуты приказалъ отступать и, благодаря свѣтлой лунной ночи, отступленіе совершилось въ совершенномъ порядкѣ. Опоздай онъ съ приказаніемъ объ отступленіи на какихъ-нибудь 40—50 минутъ, могла бы произойти катастрофа, такъ какъ непріятель съ чрезвычайною быстротою собрался въ значительныхъ силахъ, но къ счастью уже тогда, когда отрядъ успѣлъ пройти лѣсистыя пересѣченныя мѣста.

Этому движенію придавали особое значеніе, считая его отвлеченіемъ Чеченцевъ отъ помощи осажденному тогда княземъ Воронцовымъ въ Салтахъ непріятелю, и князь Воронцовъ въ письмѣ благодарилъ князя Александра Ивановича за эту диверсію. Хотя такое значеніе едвали серьезно можетъ быть приписано неудавшемуся набѣгу на Зандакъ; но это, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ оборонительной системы, которой исключительно держались здѣсь войска, было полезнымъ толчкомъ

для поднятія духа въ нашихъ войскахъ и возбужденія опасеній непріятеля, считавшаго себя неуязвимымъ. Осенью того же года въ составъ Чеченскаго отряда былъ вытребованъ батальонъ Кабардинскаго полка и, хотя съ однимъ батальономъ не въ правилахъ было выступать и полковому командиру, но генералъ Фрейтагъ, одинъ изъ лучшихъ боевыхъ генераловъ на Кавказѣ, лично весьма расположенный къ кн. Александру Ивановичу, вызвалъ его въ отрядъ, назначилъ начальникомъ колоннъ, которымъ предстояли болѣе жаркія дѣла и съ неподдѣльно-искреннимъ участіемъ старался передавать князю свои боевые пріемы въ горной и лѣсной войнѣ, и всѣ видѣли, какъ учитель оставался доволенъ ученикомъ.

19-го Ноября князь Барятинскій, съ отдѣльною колонною, ходилъ внизъ по рѣкѣ Мартану для истребленія Джарганъ-Юртовскихъ ауловъ, изъ которыхъ одинъ, сильно защищавшійся, былъ взятъ штурмомъ.

3-го Декабря, совершилъ онъ такое же движеніе по рѣкѣ Геленъ-Гойтѣ съ полнымъ успѣхомъ.

6-го Декабря генералъ Фрейтагъ рѣшилъ разорить аулъ Мало-Чеченскаго наиба, извѣстнаго Саабдуллы. Князь Барятинскій, которому поручено было исполнить это опасное предпріятіе, двинулся съ отдѣльною колонною, возложивъ главное дѣйствіе на второй батальонъ своего полка, подъ командою барона Майделя. Батальонъ бѣгомъ прошелъ лѣсную чащу, скрывавшую аулъ и, ворвался въ него почти безъ выстрѣла; мгновенно все было сожжено, истреблено и захвачена значительная добыча деньгами, оружіемъ и проч. Но главная и опаснѣйшая задача была впереди: нужно было отступить среди едва проходимой лѣсной чащи, по узкой извилистой дорожкѣ, по бокамъ коей были навалены вѣковые чинары, гдѣ сбѣгавшійся со всѣхъ сторонъ непріятель готовился къ отчаянному бою.

Началось отступленіе подъ руководствомъ князя, само собою, со всѣми мѣрами крайней осторожности и порядка. И тутъ-то Кабардинцы показали, до какого совершенства полкъ довелъ искусство отступленія въ лѣсахъ. Не даромъ называли его, „аріергарднымъ“ полкомъ.

Наибъ Саабдулла отчаянно бросался то съ одной, то съ другой стороны, но егеря мигомъ поворачивали на лѣво кругомъ и съ громкимъ ура бросались въ штыки. При одномъ такомъ поворотѣ быстрота удара была такъ сильна, что шесть проколотыхъ Чеченцевъ остались въ нашихъ рукахъ,—случай чрезвычайно рѣдкій съ непріятелемъ, считавшимъ величайшимъ стыдомъ и несчастіемъ оставить въ рукахъ гяуровъ тѣла своихъ убитыхъ.

Между тѣмъ, непріятель осыпалъ насъ изъ-за кустовъ и съ деревьевъ пулями. Гики Чеченцевъ, ура, выстрѣлы, изрѣдка лязгъ картечи, разсыпаемой по лѣсу, отдѣльные звуки рожковъ и какихъ-то рѣзкихъ выкрикиваній Чеченцевъ, все сливалось въ тотъ особенный, раздражающій нервы, хаотическій гулъ, который хорошо былъ знакомъ всѣмъ участникамъ походовъ въ Чечнѣ. По выраженію генерала Фрейтага, всѣ офицеры втораго батальона Кабардинцевъ произвели отступленіе черезъ трущобу, какъ на маневрахъ, благодаря чему потеря ограничилась 39-ю человѣками. Такой отзывъ, конечно, дѣлалъ не меньше чести и командиру полка, лично здѣсь распоряжавшемуся. Весь полкъ, послѣ двухъ лѣтъ и оставленія въ забвеніи, былъ въ восторгѣ отъ подвига своихъ товарищей и не могъ не видѣть, что онъ обязанъ этимъ главнѣйше своему командиру.

14-го Декабря князь Барятинскій опять былъ посланъ съ колонною изъ пяти баталіоновъ для истребленія еще одного чрезвычайно трудно-достигнутаго аула Богочарой, въ которомъ скрылись многіе Чеченцы изъ раззоренныхъ уже хуторовъ. Не взирая на тишину и скрытность выступленія до разсвѣта, непріятель, уже въ 4-хъ верстахъ отъ аула, открылъ наше движеніе, поднялъ тревогу и успѣлъ скрыть семейства и скотъ въ лѣса; однако были найдены еще значительные запасы и много свѣже-испеченаго хлѣба. Въ теченіи часа все сожжено, разорено, часть фуража взята и начато отступленіе. Опять въ аріергардѣ былъ 2-й баталіонъ, и въ этотъ разъ нужно было идти по узенькой тропинкѣ черезъ густой, заваленный срубами лѣсъ, гдѣ едва можно было протащить орудіе. Чеченцы, съ озлобленіемъ, отчаянно бросались на аріергардъ и цѣпи; а наши егеря отстаивали себя, по обык-

новенію, со всегдашнимъ мужествомъ и искусствомъ. Не взирая на 20 градусовъ мороза, до самаго выхода колонны на открытую поляну, происходило весьма жаркое дѣло, стоившее намъ 5 офицеровъ и 95 нижнихъ чиновъ.

За всѣ эти дѣла князь Воронцовъ представилъ князя Барятинскаго къ производству въ генералъ-маіоры. Результатомъ этого было слѣдующее письмо военнаго министра къ князю Михаилу Семеновичу: „Получивъ ваше письмо, любезный князь, отъ 22-го Марта, на счетъ князя Александра Барятинскаго, я поспѣшилъ представить оное Его Высочеству Наслѣднику Цесаревичу, согласно съ вашимъ желаніемъ. Его Высочество, ознакомясь съ содержаніемъ вашего письма, нашелъ, что слѣдовало бы подождать представленія генерала Фрейтага, о чемъ вы мнѣ писали въ предъидущемъ письмѣ. Представленіе это я получилъ нѣсколько дней тому назадъ. Вы измѣнили въ немъ предположенія Фрейтага о производствѣ полковниковъ, участвовавшихъ въ зимней экспедиціи, за исключеніемъ князя Барятинскаго, въ отношеніи котораго вы ссылаетесь на ваше письмо отъ 22-го Марта. Я повергъ письмо это воззрѣнію Государя, испрашивая его повелѣнія. Его Величество съ удовольствіемъ принялъ вашъ отзывъ объ усердіи князя Барятинскаго и его заботахъ о полкѣ; заслуживъ ваше одобреніе, онъ доказалъ умѣнье исполнить всѣ столь важныя обязанности своего поста, и нашъ Августѣйшій Повелитель отдаетъ ему, во всѣхъ отношеніяхъ, справедливость; но Его Величество находитъ, что не слѣдуетъ производить Барятинскаго въ видѣ исключенія, такъ какъ вы сами не надѣялись на производство болѣе старыхъ полковниковъ, участвовавшихъ вмѣстѣ съ нимъ въ зимней кампаніи. Эти соображенія побудили Государя пожаловать князю Барятинскому орденъ Св. Владимира 3-й степени, утвердивъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, ваше представленіе о другихъ полковникахъ“.

Копію съ этого письма князь Воронцовъ отправилъ князю Барятинскому при слѣдующей запискѣ, изъ Грозной, отъ 31-го Мая: „Пользуюсь отъѣздомъ Ермолова, чтобы послать вамъ копію съ письма ко мнѣ князя Чернышова. Вы въ немъ найдете доказательство справедливости, которую Его Вели-

чество Государь Императоръ оказываетъ вашему усердію и вашей службѣ въ этомъ краѣ. Наше присутствіе здѣсь сильно волнуетъ непріятеля: онъ уже больше не думаетъ о наступленіи, но собирается со всѣхъ сторонъ, чтобы быть на сторожѣ для защиты своихъ ауловъ. Съ нетерпѣніемъ ожидаю отъ васъ извѣстій, которыя, въ настоящую минуту, болѣе всего меня интересуютъ. Обнимаю васъ отъ всего сердца".

Въ 1848 году на Кумыкской плоскости продолжались постоянныя тревоги, перестрѣлки, нападенія; но перенесеніе штабъ-квартиры въ Хасавъ-Юртъ и расположеніе войскъ по указаніямъ князя Барятинскаго стѣснили дѣйствія горцевъ, и имъ уже рѣдко приходилось праздновать удачи.

Лѣтомъ этого года рѣшено было взять сильно укрѣпленный Шамилемъ аулъ Гергебиль; для этого былъ собранъ командующимъ войсками въ Дагестанѣ, генералъ-лейтенантомъ княземъ Аргутинскимъ-Долгорукимъ, значительный отрядъ, въ составѣ 15 баталіоновъ, въ число которыхъ были назначены два баталіона Кабардинскаго полка, которые 1-го Іюня выступили въ Темиръ-Ханъ-Шуру, подъ начальствомъ самого князя Барятинскаго.

5-го Іюня весь отрядъ двинулся къ Гергебилю. Шамиль хорошо зналъ о цѣли нашего движенія и сосредоточилъ сюда значительную массу горцевъ, съ семью орудіями; снарядовъ онъ не жалѣлъ, огонь открывалъ съ дальнихъ разстояній, стрѣляя навѣсно гранатами.

Послѣ артилерійской перестрѣлки, стоившей обѣимъ сторонамъ нѣсколькихъ человѣкъ, передовая позиція была занята 4-мъ Кабардинскимъ баталіономъ, къ которому на ночь высылались еще по два баталіона. Кругомъ Гергебиля были большіе густые сады, устроенные террасами; этимъ непріятель пользовался, чтобы тревожить войска внезапными ночными нападеніями.

23-го Іюня признано было необходимымъ занять глубокій оврагъ, лежавшій передъ расположеніемъ нашей позиціи, въ которомъ протекала небольшая рѣчка, разработать черезъ него удобное сообщеніе и укрѣпиться на противоположной сторонѣ возведеніемъ полеваго редута. Для этого были назначены пять баталіоновъ подъ начальствомъ генерала

Брюммера, съ княземъ Барятинскимъ въ качествѣ помощника. При выступленіи съ позиціи, оба Кабардинскіе баталіона двинуты впередъ для занятія оврага. Оставивъ двѣ роты при входѣ надъ оврагомъ, князь съ остальными шестью ротами спустился къ рѣчкѣ; отсюда двѣ роты онъ направилъ къ подъему, для составленія правой цѣпи, прикрывавшей оврагъ отъ Гергебиля, одну оставилъ у рѣчки въ резервѣ, а три роты двинулъ лѣвѣе на противоположный берегъ. Такимъ образомъ, изъ пяти Кабардинскихъ ротъ образовался полукругъ, подъ прикрытіемъ котораго инженеры приступили къ разработкѣ дороги черезъ оврагъ.

Непріятель въ значительныхъ силахъ вышелъ изъ Гергебиля и атаковалъ двѣ роты, бывшія въ правой цѣпи. Послѣ продолжительной перестрѣлки, егеря ударили въ штыки, оттѣснили горцевъ, но увлеченные преслѣдованіемъ, зашли слишкомъ далеко, попали подъ сильный артилерійскій огонь непріятельскаго укрѣпленія и вынуждены отступить. Въ это время толпа въ тысячу человѣкъ, спустившись съ окрестныхъ высотъ, отчаянно бросилась прямо въ шашки на три роты, стоявшія лѣвѣе; наши егеря, подкрѣпленные оставленною въ резервѣ у рѣчки ротою, встрѣтили непріятеля штыками. Горцы, захвативъ своихъ убитыхъ и раненыхъ, отошли, оправились и вторично ринулись въ атаку съ шашками въ рукахъ, оглашая воздухъ пронзительными гиками; они направили главный ударъ на оконечность лѣваго фланга, но опять были встрѣчены штыками, а когда подоспѣло подкрѣпленіе изъ трехъ ротъ Дагестанскаго полка, непріятель, не взирая на открытый изъ-за ближайшихъ деревьевъ и камней убійственный огонь, былъ окончательно прогнанъ въ горы.

Дѣло это стоило Кабардинцамъ немалыхъ жертвъ: 11 офицеровъ, въ томъ числѣ и маіоръ Кириленко, о которомъ князь Воронцовъ такъ лестно отзывался, убиты или получили тяжелыя раны, стоившія нѣкоторымъ жизни уже въ ближайшіе дни, и около 270 нижнихъ чиновъ. Самъ князь Барятинскій подвергался здѣсь чрезвычайной опасности: онъ стоялъ на возвышеніи, наблюдая за дѣйствіями 4-го баталіона, какъ вдругъ предъ нимъ, шагахъ въ 3-хъ—4-хъ, падаетъ граната;

какъ будто не замѣчая ея, князь совершенно хладнокровно продолжалъ передавать какія-то замѣчанія стоявшему близъ него подпоручику князю Дмитрію Ивановичу Мирскому; въ эту минуту послѣдовалъ разрывъ, на мгновеніе все покрылось дымомъ и пылью, раздались стоны... Александръ Ивановичъ и Мирскій остались цѣлы; а два солдата, стоявшіе гораздо дальше, были поражены осколками. Впрочемъ, чрезъ нѣсколько минутъ послѣ этого, Мирскій, посланный княземъ для распоряженій къ атакованнымъ ротамъ, уже получилъ жестокую рану ружейною пулею въ грудь. Когда его принесли на возвышеніе, гдѣ оставался князь Барятинскій, тотъ, увидѣвъ его съ одной кровавой дырой въ груди, а другой въ головѣ (фуражка была прострѣлена, и князь Мирскій вѣроятно трогалъ ее рукою выпачканною въ кровь), подумалъ, что онъ убитъ и сложилъ въ отчаяніи руки; но нагнувшись къ нему и замѣтивъ дыханіе, спросилъ: „Думаете ли, что останетесь живы?"—Не знаю, Богъ знаетъ.—„Имѣете ли мнѣ сказать что нибудь особенное?"—Нѣтъ.—„Въ такомъ случаѣ прощайте, мнѣ нужно спѣшить впередъ". Тутъ князь Александръ Ивановичъ перекрестилъ его, три раза поцѣловалъ и со слезами на глазахъ удалился.

Если князь Мирскій выжилъ отъ этой раны, то обязанъ этимъ лишь князю Барятинскому и полковому доктору Головинскому. Въ лагерѣ было сдѣлано все возможное для успокоенія и удобства раненаго, а по взятіи Гергебиля его отнесли въ Темиръ-Ханъ-Шуру, гдѣ онъ и выздоровѣлъ.

Въ этомъ же дѣлѣ былъ смертельно раненъ капитанъ Старосельскій, хорошій офицеръ, котораго князь Барятинскій, очень жалѣлъ. Онъ нѣсколько разъ заходилъ въ палатку узнавать объ его положеніи. Въ одно изъ такихъ посѣщеній, князь засталъ въ палаткѣ нѣкоего поручика Дорохова, переведеннаго изъ гвардіи, отличавшагося крайнею ограниченностью. При выходѣ изъ палатки, Дороховъ догналъ князя и просилъ возвратиться и утѣшить страдающаго—обѣщаніемъ представить его къ производству въ маіоры. Князь, въ порывѣ готовности чѣмъ нибудь облегчить положеніе Старосельскаго и полагая, что онъ же и послалъ Дорохова, возвратился въ палатку и обратился къ раненому съ утѣше-

ніями и обнадеживаніемъ двухъ наградъ: орденомъ и чиномъ. Каково же было однако смущеніе князя Александра Ивановича, когда Старосельскій слабымъ голосомъ отвѣчалъ: „Благодарю васъ; дай Богъ вамъ много лѣтъ жить и фельдмаршаломъ быть, а мнѣ теперь ничего больше не нужно, кромѣ гроба и могилы“... Затѣмъ припадокъ кашля, тяжелый вздохъ, и бѣднякъ отдалъ Богу душу...

Князь, со слезами на глазахъ, вышелъ изъ палатки и долго не могъ успокоиться, не могъ простить себѣ, что такъ необдуманно послушался Дорохова *).

По поводу этихъ дѣлъ князь Воронцовъ, 5-го Іюля, изъ Воздвиженской, писалъ князю Барятинскому слѣдующее письмо: „Мнѣ нужно было вамъ отвѣчать, любезный князь, на ваше письмо, присланное черезъ Кличева, какъ вчера прибыли Делингсгаузенъ и Али-Султанъ съ хорошими извѣстіями изъ Гергебиля. Я съ восхищеніемъ узналъ о прекрасномъ поведеніи нашихъ войскъ и въ особенности вашего

---

*) Во время осады Гергебиля, когда 3-й баталіонъ Кабардинскаго полка шелъ къ траншеямъ, князь Барятинскій произнесъ громко какое-то приказаніе. Ему показалось, что на это послѣдовалъ отвѣтъ въ критическомъ смыслѣ, и что голосъ былъ офицерскій. Князь приказалъ баталіонному командиру вызвать всѣхъ офицеровъ и предложилъ имъ сознаться, кто былъ виновникомъ происшествія. Послѣ минутнаго молчанія, сознался прапорщикъ Лалошъ. По возвращеніи въ лагерь, князь приказалъ арестовать Лалоша; но князь Мирскій, исполняя это приказаніе, замѣтилъ въ немъ какое-то неподходящее случаю настроеніе: Лалошъ былъ веселъ, шутилъ, выглядывалъ невиновнымъ, а увѣреннымъ въ своей безупречности. Онъ былъ вообще большой чудакъ: инженеръ путей сообщенія, не желавшій продолжать несочувственную ему службу, онъ вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ имѣніи Екатеринославской губерніи. Тамъ, поручившись за пріятеля, онъ потерялъ все состояніе и вынужденъ былъ опредѣлиться на службу въ Кабардинскій полкъ. Храбрый и благородный Лалошъ былъ способенъ на всякія крайности. Князь Мирскій догадался, что онъ принялъ вину на себя изъ излишняго благороднаго побужденія, чтобы не оставить пятна на товарищахъ-офицерахъ за несознаніе, и сообщилъ свою догадку князю, а онъ *понялъ* и *повѣрилъ*. Чрезъ сутки Лалошъ былъ освобожденъ изъ подъ ареста и пользовался послѣ постоянно благосклоннымъ вниманіемъ князя; догадка же впослѣдствіи оправдалась.

храбраго полка, и поздравляю васъ отъ всего сердца. Вполнѣ раздѣляю ваше сожалѣніе о Кириленкѣ, но это участь войны, и успѣхи никогда не бываютъ безъ жертвъ; поздравляю и васъ также съ участіемъ храбраго Майделя и вашихъ храбрыхъ Кабардинцевъ въ славной экспедиціи Веревкина*). Какъ только получу представленія отъ князя Аргутинскаго, я тотчасъ ихъ перешлю Государю. Князь пишетъ мнѣ о Али-Султанѣ, о Фелькерзамѣ и Пономаревѣ.

„Отличный способъ, которымъ вы заняли Гергебильскіе сады и соединились съ полковникомъ Евдокимовымъ**), не позволяетъ сомнѣваться на счетъ успѣха вашего предпріятія, и мы увидимъ еще дѣйствіе, которое произведутъ бомбардировка и кононада изъ всѣхъ орудій; гарнизонъ не можетъ быть обильно снабженъ жизненными припасами и лишенъ возможности ихъ пополнять. Непріятель думалъ, что его батареи съ Кара-Койсу не позволятъ вамъ утвердиться въ садахъ, что̀ вы однако сдѣлали.

„Я очень обласкалъ Али-Султана, сказалъ ему, что представлю къ чину, а пока подарилъ 50 червонцевъ на путешествіе; онъ хочетъ вернуться къ вамъ, чему я очень радъ: это дѣлаетъ ему честь. Я много говорилъ съ Кличевымъ; это человѣкъ съ умомъ и, надѣюсь, будетъ намъ очень по-

---

*) На время отсутствія князя Барятинскаго въ Дагестанъ, для начальствованія на Кумыкской плоскости былъ командированъ полковникъ Веревкинъ, который съ чисто-реляціонными цѣлями совершилъ движеніе къ аулу Ахметъ-Тала, никакого результата не достигъ, потерялъ напрасно много людей, выпустилъ массу снарядовъ и патроновъ; но донесеніе послалъ краснорѣчивое и, какъ видно, ему повѣрили....

**) По поводу этихъ словъ, основанныхъ на реляціи, нельзя не замѣтить, какъ часто между реляціями о военныхъ дѣлахъ и дѣйствительностью оказывается „дистанція огромнаго размѣра". Въ описываемомъ дѣлѣ подъ Гергебилемъ случилось именно такъ: полковникъ Евдокимовъ былъ посланъ съ колонною окружнымъ путемъ обойти Гергебиль, и только съ его появленіемъ Кабардинцы должны были двинуться чрезъ оврагъ въ сады; между тѣмъ ихъ послали, не дождавшись появленія Евдокимова, и они подверглись нападенію сосредоточеннаго непріятеля, а соединеніе не состоялось.. .

лезенъ; я ему тоже подарилъ денегъ и золотые часы. Онъ очень желаетъ поселить возлѣ Герзель-аула аулъ, и надо будетъ ему въ этомъ помочь; онъ обѣщаетъ наблюдать за хищниками, которые пробираются по берегамъ Терека для грабежей въ окрестностяхъ Кизляра".

„Прощайте, дорогой князь; желаю вамъ отъ всего сердца славы и счастья. Мы здѣсь дѣлаемъ, что можемъ, чтобы служить отвлеченіемъ, и мнѣ кажется, что мы задержали много народа, который безъ этого былъ бы противъ васъ. Возьмите скорѣе Гергебиль и возвращайтесь, какъ только можно будетъ, на вашу Кумыкскую плоскость, чтобы съ возвращеніемъ нашихъ трехъ баталіоновъ мы успѣли сдѣлать еще кое-что въ Малой Чечнѣ".

24-го Іюня войска прошли черезъ оврагъ уже безъ выстрѣла и соединились съ другою обходною колонною; редутъ былъ возведенъ, дорога проложена и цѣль достигнута: непріятелю отрѣзано всякое сообщеніе съ осажденнымъ ауломъ.

1-го Іюля, въ день тезоименитства Императрицы Александры Θеодоровны, былъ произведенъ 101 выстрѣлъ по непріятельскому аулу, въ которомъ отъ этого салюта вся верхняя часть обвалилась; 6-го Іюля всѣ осадныя работы были окончены, и открыта усиленная бомбардировка изъ 26 орудій и мортиръ. Восемнадцать часовъ, безъ промежутка, продолжался этотъ убійственный огонь, произведшій большое разрушеніе, особенно въ веркахъ, прикрывавшихъ воду. 7-го Іюля, ослабѣвшій уже значительно отъ потерь и недостатка продовольствія, непріятельскій гарнизонъ, въ виду возможности вскорѣ лишиться воды, дождался вечера, незамѣтно вышелъ изъ укрѣпленія и бросился въ разныя стороны, натыкаясь вездѣ на наши секреты, засады изъ охотниковъ, засѣки и т. п. Непріятель, понеся большую потерю, разсѣялся, бросивъ три орудія, много снарядовъ, оружія и проч.

Послѣ этого, въ теченіи цѣлой недѣли, продолжались разрушеніе Гергебиля посредствомъ фугасовъ, вырубка са-

довъ и разработка дороги къ аулу Аймяки, гдѣ рѣшено было возвести укрѣпленіе. Все время непріятель, изъ за Койсу, не прекращалъ огня, но вреда причинялъ намъ немного. 14-го и 15-го Іюля началась отправка назадъ осадной артилеріи и разныхъ тяжестей, а 16-го войска были сняты съ блокадной позиціи и отступили, при настойчивомъ преслѣдованіи непріятеля; отступленіе стоило намъ 4-хъ офицеровъ и 50 нижнихъ чиновъ.

Устроенные посредствомъ нововведенныхъ тогда гальваническихъ апаратовъ мины и каменометный фугасъ не произвели того дѣйствія, которое ожидалось: преслѣдовавшіе нашъ аріергардъ горцы были неожиданнымъ трескомъ и гуломъ озадачены только на нѣсколько минутъ, не понеся особаго урона. 17-го Іюля князь Барятинскій съ своими батальонами выступилъ обратно на Кумыкскую плоскость.

Въ это время князь Воронцовъ изъ Воздвиженской, отъ 12-го Іюля, писалъ слѣдующее: „Дорогой князь, позвольте мнѣ васъ поздравить отъ всего сердца съ счастливымъ и блестящимъ окончаніемъ Гергебильской экспедиціи, въ которой вы играли столь прекрасную роль. Я не сомнѣвался, что Гергебиль будетъ взятъ, но не могъ надѣяться, что это совершится такъ скоро; мы обязаны этимъ счастливымъ исходомъ храбрости нашихъ войскъ и умнымъ и энергическимъ мѣрамъ князя Аргутинскаго. И вотъ одна необходимая часть кампаніи счастливо окончена: возвращеніе нашихъ трехъ батальоновъ достаточно развязываетъ мнѣ руки, и я могу приняться за дѣла Малой Чечни; затѣмъ передать командованіе старшему и отправиться въ Кисловодскъ и на Правый флангъ, гдѣ мнѣ нужно побывать, и потомъ въ Ейскъ, чтобы тамъ сѣсть на пароходъ и уѣхать въ Алупку провести 2—3 недѣли въ удовольствіи и покоѣ.

„Не пишу вамъ сегодня больше, потому что я очень утомленъ писаніемъ во всѣ стороны; сегодня была очередь Одесскаго курьера, котораго нужно было отправить, пользуясь отходящею оказіею. Тѣ два человѣка, которые передадутъ вамъ это письмо разскажутъ про небольшую шутку,

съигранную нами съ нашими друзьями противной стороны. Она бы еще лучше удалась, еслибы наши люди могли узнать, каково было дѣйствіе гальванической мины: но только сегодня утромъ, по свѣдѣніямъ изъ непріятельскаго лагеря, мы узнали дѣло, которое разслѣдовали, пославъ людей на то самое мѣсто. Прощайте, любезный князь; цѣлую васъ отъ всего сердца; пишите мнѣ о себѣ и вѣрьте моей дружбѣ".

Затѣмъ отъ 31-го Іюля князь Воронцовъ писалъ еще: „Пользуюсь отъѣздомъ Джантемира, который отправляется къ князю Аргутинскому, чтобы извѣстить васъ, дорогой князь, о полученіи письма, присланнаго черезъ Веревкина. Я былъ бы очень радъ видѣть васъ; но единственный случай къ этому представляется въ Екатериноградѣ, гдѣ я буду 7-го или ночью на 8-е, съ тѣмъ, чтобы уѣхать оттуда 9-го; за тѣмъ я пробуду дней пять между Пятигорскомъ и Кисловодскомъ, но это быть можетъ для васъ слишкомъ далеко. Вамъ вѣроятно доставитъ удовольствіе узнать, что князь Аргутинскій назначенъ генералъ-адъютантомъ, а баронъ Николаи флигель-адъютантомъ; васъ, любезный князь, надѣюсь тоже скоро поздравить. Въ Петербургѣ были восхищены прекраснымъ окончаніемъ этой славной экспедиціи, притомъ такъ скоро и съ такою малою потерею. Батальоны и драгуны прибыли вчера въ наилучшемъ видѣ; сегодня они отдыхаютъ, а завтра мы выступимъ".

За взятіе Гергебиля князь Барятинскій былъ, наконецъ, произведенъ въ генералъ-маіоры свиты Его Величества.

Глава IX.

Болѣзнь и увольненіе въ отпускъ.—Письмо князя Воронцова.—Необъяснимое возвращеніе до срока отпуска.—Переписка по этому поводу.—Продолженіе командованія полкомъ.—Просьба объ увольненіи отъ командованія.—Прощаніе съ полкомъ.

Между тѣмъ князь Барятинскій чувствовалъ себя все послѣднее время нерѣдко больнымъ, и матушка его, княгиня Марія Ѳедоровна, очень объ немъ безпокоилась. Государь Николай Павловичъ, узнавъ объ этомъ, поручилъ военному министру сообщить главнокомандующему на Кавказѣ, что Его Величество предоставляетъ ему уволить князя Барятинскаго въ отпускъ на такой срокъ, какой онъ самъ пожелаетъ, если по мѣстнымъ обстоятельствамъ не встрѣтится къ тому препятствій, о чемъ князь Чернышовъ изъ Царскаго Села, отъ 6-го Октября 1848 г., извѣстилъ князя Барятинскаго особымъ письмомъ. Князь же Воронцовъ, по этому поводу, писалъ 2-го Ноября изъ Тифлиса слѣдующее: „Дорогой князь, мы посылаемъ Веревкина, чтобы замѣнить васъ во время вашего отпуска. Изъ письма военнаго министра я въ первый разъ услыхалъ о вашемъ желаніи получить отпускъ, а то вы бы давно его уже получили. Надѣюсь, что вы хорошо совершите путешествіе, и что мы васъ опять увидимъ не позже конца зимы для славы и пользы вашего храбраго полка и будущаго города Хасавъ-Юрта.

„Третьяго дня мы вернулись послѣ благополучнаго путешествія; но я почувствовалъ въ Александрополѣ чрезвычайное утомленіе и притомъ получилъ такой сильный насморкъ, отъ котораго никакъ не могу отдѣлаться. Прощайте, любезный князь; жена моя кланяется вамъ, а я прошу передать мое почтеніе и поцѣловать руку вашей матушки“.

Съ этимъ отпускомъ произошло что-то не совсѣмъ понятное. Доѣхавъ до Тулы, князь остался тамъ цѣлыхъ три недѣли, и такъ какъ онъ считалъ срокъ своего отпуска истекающимъ, то вмѣсто Петербурга уѣхалъ обратно на Кавказъ *). Вслѣдствіе этого, дежурный генералъ главнаго штаба Игнатьевъ, 16-го Января 1849 г., съ фельдъегеремъ послалъ князю Барятинскому слѣдующее письмо: „Государь Императоръ, извѣстясь, что ваше сіятельство, по случаю приближенія срока даннаго вамъ отпуска, возвращаетесь уже къ полку, соизволилъ выразить монаршую волю, чтобы вы прибыли въ Петербургъ и чтобы вамъ отсроченъ былъ отпускъ на неопредѣленное время, потребное для возстановленія вашего здоровья. Высочайшую волю сію имѣю честь сообщить вамъ, милостивый государь, къ исполненію черезъ нарочно посланнаго фельдъегеря. Главнокомандующему Кавказскимъ корпусомъ объ этомъ вмѣстѣ съ симъ сообщено. Примите увѣреніе и проч.“ На это князь Барятинскій, 28-го Января, изъ Ставрополя, послалъ генералъ-адъютанту Игнатьеву слѣдующій рапортъ: „Имѣю честь покорнѣйше просить ваше превосходительство повергнуть чувства глубочай-

---

*) Не могу не вспомнить при этомъ происшествія, служащаго рельефною чертою характера князя Барятинскаго. Въ Хасавъ-Юртѣ произошла дуэль между офицеромъ Кабардинскаго полка и инженеромъ путей сообщенія, который при этомъ былъ убитъ; начальству донесли, что инженеръ убитъ горцами въ окрестностяхъ Хасавъ-Юрта... Но по жалобѣ сестры его, было возбуждено дѣло, приказано произвести строгое слѣдствіе, которое могло имѣть весьма непріятныя послѣдствія. Замять дѣло можно было не иначе, какъ убѣжденіемъ сестры не повторять жалобы. Эта дама жила въ городкѣ, лежавшемъ на пути въ Петербургъ, куда князь отправлялся въ отпускъ. Ему доложили объ этомъ, объяснивъ, какъ хорошо бы было, еслибы онъ заѣхалъ къ г-жѣ А. и упросилъ ее отказаться отъ своей жалобы, такъ какъ дуэль происходила правильно и честно. Князь обѣщалъ это сдѣлать и дѣйствительно на пути подъѣхалъ въ своей каретѣ къ дому А., оказавшейся молодою и красивою. Чрезъ часъ времени, съ согласія мужа, она сѣла въ карету съ Александромъ Ивановичемъ и уѣхала въ Петербургъ, для свиданія съ родными. О жалобѣ, разумѣется, не было болѣе и рѣчи... Что ни говори и какъ не суди, нужно было быть человѣкомъ необыкновеннымъ для подобныхъ успѣховъ!

шей моей признательности къ стопамъ Его Императорскаго Величества. Я поспѣшу воспользоваться вновь всемилостивѣйше даруемымъ мнѣ отпускомъ, какъ только погода и дороги позволятъ мнѣ ѣхать безъ опасенія для моихъ глазъ. опять болѣе раздражившихся отъ весьма изнурительнаго и дурнаго пути. Я въ надеждѣ, что они здѣсь получатъ облегченіе, потому что на Кавказѣ снѣга уже почти нѣтъ. Предписаніе вашего превосходительства застало меня 24-го Января у самаго Ставрополя".

Вмѣстѣ съ тѣмъ, князь отправилъ рапортъ въ Тифлисскій штабъ, въ которомъ доносилъ, что прибылъ въ Ставрополь въ срокъ даннаго ему на полтора мѣсяца отпуска и что его догналъ фельдъегерь съ предписаніемъ дежурнаго генерала, съ котораго копію приложилъ при этомъ донесеніи штабу. Тутъ же князь пояснилъ, что болѣзнь, заставившая его пробыть три недѣли въ Тулѣ, усилилась на обратномъ пути при чрезвычайно дурной погодѣ и яркости снѣга, произведшихъ раздраженіе въ глазахъ, почему состояніе здоровья не дозволяетъ ему воспользоваться дарованнымъ продолженіемъ отпуска. Въ отвѣтъ на это донесеніе штабу, князь Воронцовъ 8-го Февраля писалъ слѣдующее: „Я получилъ ваше письмо отъ 24-го Января, и мнѣ очень жаль, что ваше здоровье все еще такъ разстроено. Утомительное и напрасное путешествіе, вами совершенное, вѣроятно этому причиною. Я надѣялся видѣть васъ здѣсь; но, повидимому, придется отъ этого отказаться. Такъ какъ я не имѣю никакого понятія о причинахъ, которыя вы или ваша матушка можете имѣть для вашей поѣздки въ Петербургъ, то я не могу выразить по этому поводу никакого мнѣнія, и мнѣ нечего вамъ повторять, что хотя я лично желалъ бы, чтобы вы оставались здѣсь, но вашъ отъѣздъ въ столицу зависитъ только отъ васъ. Еслибы генералъ Коцебу сообщилъ мнѣ хоть одно слово изъ вашего разговора съ нимъ въ Екатеринградѣ, я бы не преминулъ послать вамъ изъ Алупки полное согласіе на выѣздъ, если таково было ваше намѣреніе.

„Надѣюсь, что въ вашемъ будущемъ письмѣ вы мнѣ сообщите о своемъ выздоровленіи. Если вы останетесь у насъ, надѣюсь васъ увидѣть въ Хасавъ-Юртѣ весною. Въ концѣ концовъ мы исполнимъ ваше желаніе на счетъ постройки моста черезъ Терекъ въ вашемъ сосѣдствѣ; но если вы насъ покинете, то надежды изъ Хасавъ-Юрта сдѣлать родъ столицы будутъ очень слабы. Прощайте, дорогой князь; цѣлую васъ отъ всего сердца; жена моя вамъ кланяется“.

Изъ всего этого видно, что дѣло объ отпускѣ, какъ уже сказалъ я выше, остается чѣмъ-то не совсѣмъ понятнымъ; а между тѣмъ оно давало даже поводъ предполагать, что князь Барятинскій готовился оставить Кавказъ навсегда; носились различные слухи, отчасти романическаго свойства. Но насколько тутъ было правды, насколько фантазіи и обычныхъ сплетень, я рѣшительно не берусь сказать и оставляю этотъ эпизодъ безъ дальнѣйшихъ изслѣдованій, тѣмъ болѣе, что интересовать читателя можетъ князь Барятинскій, какъ фельдмаршалъ, покоритель Кавказа, какъ государственный человѣкъ, безгранично преданный родинѣ, дорожившій ея достоинствомъ, ея величіемъ и могшій оказать ей еще много важныхъ услугъ, если бы не стеченіе нѣкоторыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, да тяжкая болѣзнь и ранняя смерть.

По возвращеніи изъ отпуска, князь продолжалъ еще цѣлый годъ (1849) командованіе полкомъ. Время это ничѣмъ особеннымъ не ознаменовалось. Тогда еще слѣдовали ложной системѣ, основанной на ложной мысли „горы наши—плоскость наша“, и потому главныя дѣйствія велись въ Дагестанѣ, гдѣ безплодно проливалась кровь и растрачивались средства въ осадахъ и штурмахъ Шамилевскихъ укрѣпленій. Въ этомъ году брали Чохъ, и князь Аргутинскій потерпѣлъ явную неудачу, ибо отступилъ, удовольствовавшись бомбардировкой. На Лѣвомъ же флангѣ задачи въ этомъ году ограничивались работами по устройству штабъ-квартиръ и охраною края отъ непріятельскихъ нашествій. Такимъ образомъ, князь Александръ Ивановичъ исключительно предавался разнымъ мирнохозяйственнымъ дѣламъ, охранялъ Кумыкскую плоскость,

возводилъ постройки. Въ концѣ года князь рѣшился оставить командованіе полкомъ, о чемъ и написалъ князю Воронцову и, вмѣстѣ съ просьбой объ отпускѣ, просилъ, чтобы его мѣсто было предоставлено полковнику барону Майделю. По этому поводу князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, 6-го Марта 1850 г., писалъ, между прочимъ, слѣдующее: „Я получилъ, любезный князь, ваше письмо отъ 4-го Февраля и съ истиннымъ удовольствіемъ вижу, что вы не имѣете намѣренія оставить Кавказъ и что мы можемъ надѣяться на пріѣздъ вашъ сюда; отъ васъ будетъ зависить устроить это въ Петербургѣ, я же всегда встрѣчу васъ съ распростертыми объятіями. Я самъ всегда думалъ о Майделѣ, какъ вашемъ замѣстителѣ, и теперь это еще мое мнѣніе; потому что онъ соединяетъ всѣ нужныя для этого качества, да и всю карьеру онъ сдѣлалъ въ этомъ геройскомъ полку; но Нестеровъ предполагаетъ на это мѣсто Слѣпцова. Конечно, для этого есть много основаній; но мы не знаемъ кѣмъ замѣнить его,—не въ званіи командира казачьяго полка, но въ управленіи сосѣдними мирными горцами, съ которыми онъ въ такихъ отличныхъ отношеніяхъ. Я ожидаю сюда Нестерова и тогда рѣшу что̀ дѣлать. Вы вѣрно уже слышали о случившемся съ нашимъ добрымъ и славнымъ Нестеровымъ; надѣюсь впрочемъ, что это болѣзнь временная и что здѣсь, при лучшемъ уходѣ нежели во Владикавказѣ, онъ поправится“.

Прощаніе съ полкомъ носило характеръ Гомерическаго кутежа, о которомъ только старые Кавказцы могутъ имѣть понятіе. Шампанское изъ турьихъ роговъ, тосты, сопровождаемые залпами изъ тысячи ружей боевыми патронами и выстрѣлами со всѣхъ батарей, шумъ пѣсенниковъ, толумбасовъ, барабановъ, музыка, несмолкаемые крики ура, однимъ словомъ—оргія грандіозныхъ размѣровъ. Таковы были времена и нравы, вполнѣ соотвѣтствовавшіе всей боевой обстановкѣ и вѣчно полукочевой жизни на Кавказѣ.

На другой день послѣ кутежа, князь выѣхалъ черезъ Герзель-аулъ и Куринское въ Грозную, прощаясь съ выставленными по дорогѣ ротами, искренно скорбѣвшими при разставаніи съ безпредѣльно-любимымъ командиромъ.

Командованіе князя Барятинскаго составило для Кабардинскаго полка знаменательную эпоху. Боевая слава полка въ нынѣшнемъ столѣтіи основана въ командованіе Гулякова, этого лучшаго помощника князя Циціанова, погибшаго геройскою смертью въ дѣлѣ съ Лезгинами. Послѣ довольно долгаго промежутка времени, наступили неблагопріятно сложившіяся обстоятельства, при которыхъ Кабардинскій полкъ какъ бы стушевался, молва о его подвигахъ умолкла... Съ назначеніемъ командиромъ полковника Пирятинскаго, за тѣмъ Лабынцева, возродилась прежняя слава полка; его преемникъ Козловскій достойно поддержалъ ее; походы Вельяминова 1835—1836 г., періодъ между Ахульго и Дарго (1839—1845 г.) были рядомъ замѣчательныхъ подвиговъ Кабардинцевъ. Наконецъ принялъ полкъ князь Барятинскій, и слава полка упрочилась незыблемо. Никогда, быть можетъ, еще не назначался шефомъ человѣкъ, такъ тѣсно связанный съ ними какъ былъ связанъ князь Барятинскій съ Кабардинцами, съ которыми онъ совершилъ блестящій подвигъ въ 1845 г., какъ баталіонный командиръ, много—также славныхъ 1848—50 гг., какъ полковой, не говоря о сдѣланномъ имъ для полка по его устройству, по привлеченію отличныхъ офицеровъ, по поднятію въ немъ сознанія о своихъ высокихъ достоинствахъ.

Здѣсь, кстати, не лишне замѣтить, что при назначеніи командиромъ полка всѣ свои вещи, экипажи и проч. князь отправилъ изъ Петербурга водою въ Петровскъ, а оттуда уже на подводахъ въ Хасавъ-Юртъ, и сдѣлалъ онъ это не случайно, а съ цѣлью установить новый путь сообщенія между внутренними губерніями и Кавказомъ, и много объ этомъ говорилъ: доказательство, что его занимали и тогда уже не одни лишь военныя дѣла, а вопросы болѣе общегосударственные. Конечно, сообщеніе на Петровскъ существовало и до того; изъ Астрахани поставлялся провіантъ и другія военныя заготовленія на Кавказъ чрезъ Петровскъ, но все это были казенные транспорты; вообще же большею частью частныя сообщенія шли на Ставрополь, сухимъ путемъ.

За время командованія княземъ Барятинскимъ, дѣла въ полку и на Кумыкской плоскости шли отлично. Полкъ гордился своимъ командиромъ, а мѣстные жители и даже сосѣдніе непокорные горцы относились къ нему съ благоговѣніемъ и страхомъ. Его наружность и обращеніе, его щедрость и рѣшимость производили на нихъ какое-то чарующее впечатлѣніе. Имъ казалось, что для него все возможно, что онъ можетъ всякаго уничтожить или осчастливить.

Навсегда сочетавъ свое имя съ полкомъ, князь Барятинскій уже тѣмъ самымъ прочно связалъ и вообще память о себѣ со всею Кавказскою арміею. Время командованія полкомъ было для князя подготовительною школою къ тѣмъ послѣдующимъ его заслугамъ государству, которыя возвели его на степень фельдмаршала, на степень историческаго лица, покорителя Кавказа.

Глава X.

1850—1851.

Отъѣздъ по сдачѣ полка.—Назначеніе состоять при Кавказской арміи.—Переписка съ генераломъ Коцебу.—Пріѣздъ на Кавказъ въ свитѣ Наслѣдника.—Назначеніе командиромъ гренадерской бригады.—Командированіе въ Грозную.—Письмо князя Воронцова.—Цѣль военныхъ дѣйствій въ Чечнѣ.—Овладѣніе непріятельскимъ окопомъ.—Письмо князя Воронцова.—Блистательное дѣло 27-го Февраля.—Поздравленіе главнокомандующаго.—Возвращеніе въ Тифлисъ.

Сдавъ полкъ, князь Барятинскій поѣхалъ въ Грозную, чтобы откланяться своему ближайшему начальнику, генералу Нестерову, командовавшему 20-ю дивизіею и войсками на Лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи. Нестеровъ былъ прекрасный человѣкъ, весьма привѣтливый и добрый, старый Кавказскій служака, пользовавшійся особымъ расположеніемъ князя Воронцова.

Прогостивъ здѣсь нѣсколько дней, князь поѣхалъ въ Тифлисъ откланяться главнокомандующему. Къ удивленію, прощаніе было довольно холодное, не мало удивившее князя Барятинскаго; послѣ уже открылось, что причиною были интриги нѣкоторыхъ приближенныхъ къ князю Воронцову лицъ, возбудившихъ въ немъ неудовольствіе сплетнями, будто Александръ Ивановичъ критически относился къ распоряженіямъ его.

Затѣмъ князь Барятинскій уѣхалъ въ Петербургъ. Но не долго оставался онъ въ столицѣ: его очевидно манили къ себѣ Кавказъ и боевая дѣятельность. Онъ не могъ допустить, чтобы нѣкоторая холодность, проявленная главнокомандующимъ при прощаніи, могла имѣть серьезныя послѣдствія, тѣмъ болѣе въ виду всегда прежде оказываемыхъ ему расположенія и вниманія и такъ искренно выражаемаго въ письмахъ опасенія, что Александръ Ивановичъ уже не возвратится служить подъ его начальствомъ.

23-го Мая 1850 г., князь Барятинскій былъ назначенъ состоять при Кавказской арміи и долженъ былъ сопровождать Наслѣдника Цесаревича въ предпринятомъ путешествіи по Кавказу. Изъ письма бывшаго тогда начальника штаба Кавказской арміи, генералъ-адъютанта Коцебу, отъ 2-го Августа 1850 г., нужно заключить, что князь Барятинскій обращался къ нему съ вопросомъ, на какую должность можетъ онъ разсчитывать? И вотъ каковъ былъ отвѣтъ: „Я получилъ ваше письмо отъ 25-го Іюля изъ Керчи и, исполняя ваше желаніе, сообщаю съ полною откровенностью, что въ настоящее время на Кавказѣ рѣшительно нѣтъ подходящаго для васъ мѣста, и я сомнѣваюсь, чтобы оно вскорѣ могло быть. Если эти слова покажутся вамъ рѣзкими и лаконическими, примите во вниманіе мои принципы и то, что я только удовлетворяю вашему собственному обращенію къ моей откровенности; я увѣренъ, что оказываю вамъ дѣйствительную услугу, предупреждая васъ о томъ, что̀ васъ здѣсь ожидаетъ“...

Въ этихъ словахъ нельзя не видѣть намека на продолжавшееся неблаговоленіе къ князю Барятинскому главнокомандующаго князя Воронцова. Генералъ Коцебу, судя по многимъ письмамъ къ князю Александру Ивановичу, полныхъ выраженіями самой искренней оцѣнки его военныхъ заслугъ, не сталъ бы, конечно, говорить такимъ тономъ безъ положительныхъ причинъ. Остается допустить, что интриги еще торжествовали и быть можетъ совпадали съ несовсѣмъ ясными обстоятельствами разсказаннаго въ предыдущей главѣ отпуска и внезапнаго возвращенія.

Однако князь Барятинскій, проводившій лѣто въ Крыму, по полученіи отвѣта генерала Коцебу все-таки поѣхалъ на Кавказъ и явился въ Кисловодскъ, гдѣ тогда находился князь Воронцовъ съ супругою, генераломъ Коцебу и большею частью ихъ свиты. И здѣсь пріемъ главнокомандующимъ князя Барятинскаго былъ даже болѣе чѣмъ холодный. За обѣдомъ, къ которому его пригласила княгиня, Михаилъ Семеновичъ, со свойственной ему тонкой улыбкой, иронически напоминалъ о роскоши и пышности, царствовавшихъ въ Хасавъ-

Юртѣ, во время командованія княземъ Александромъ Ивановичемъ полкомъ, когда было „много трюфелей, но не было картофеля“ и т. п. Князь Барятинскій съ замѣчательнымъ хладнокровіемъ и тактомъ выслушивалъ это съ видомъ полнѣйшаго добродушія, вполнѣ увѣренный, что истина должна восторжествовать и интриганы будутъ посрамлены.

Между тѣмъ, Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ въ Сентябрѣ прибылъ на Кавказъ, и князь Барятинскій сопровождалъ Его Высочество во время путешествія. Говорить о выказываемомъ ему Наслѣдникомъ вниманіи, правильнѣе—дружескомъ расположеніи, было бы излишне: все предшествовавшее, въ бытность его адъютантомъ Великаго Князя, достаточно указывало на отношенія будущаго Государя къ Александру Ивановичу. Пишущій эти строки самъ былъ свидѣтелемъ, какъ Цесаревичъ, на мѣстахъ остановокъ и ночлеговъ, выходилъ съ княземъ Барятинскимъ подъ руку для прогулокъ, ведя съ нимъ очевидно самую дружескую бесѣду. Вездѣ гдѣ только представлялись малѣйшая возможность и случай, князь обращалъ вниманіе Великаго Князя на прекрасное состояніе войскъ, или дорогъ, зданій, на настроеніе туземнаго населенія и проч. Все это, само собою, относилось къ заслугамъ главнаго начальника въ краѣ, князя Воронцова, и вызывало со стороны Наслѣдника самые лестные отзывы. Князь Воронцовъ, вѣроятно предполагавшій, что Александръ Ивановичъ будетъ совершенно противно дѣйствовать, думавшій даже, что самое путешествіе должно считать какъ бы провѣркой его дѣятельности, тутъ только убѣдился, какъ напрасно возбудили его неудовольствіе противъ князя Барятинскаго и поспѣшилъ возвратить ему все прежнее дружеское расположеніе.

Послѣ отбытія Великаго Князя въ Петербургъ, 17-го Октября состоялся Высочайшій приказъ, которымъ князь Барятинскій назначенъ командиромъ Кавказской гренадерской бригады.

Должность эта, съ правами начальника дивизіи, считалась весьма почетною; гренадерская бригада составляла

родъ Кавказской гвардіи, большею частью занимала караулы въ Тифлисѣ, высылая только два-три баталіона для усиленія войскъ Лезгинской линіи, прикрывавшей Грузію отъ вторженія горцевъ. Для молодаго генерала назначеніе это было важнымъ шагомъ впередъ; но стремившемуся къ боевой дѣятельности князю Барятинскому оно не представляло особой привлекательности.

Въ туже осень генералъ Нестеровъ серьезно заболѣлъ сильнымъ нервнымъ разстройствомъ, и должность его исправлялъ генералъ-маіоръ Козловскій, предшественникъ князя Барятинскаго по командованію Кабардинскимъ полкомъ, старый Кавказскій вояка, но человѣкъ не особенно соотвѣтствовавшій такому мѣсту.

Князь Воронцовъ, давно оцѣнившій военныя достоинства Александра Ивановича и совершенно забывшій недавнее неудовольствіе, намѣтилъ его на мѣсто начальника Лѣваго фланга, въ случаѣ ухода Нестерова, и очевидно съ этою цѣлью, въ концѣ 1850 г., командировалъ его въ Грозную, для принятія участія въ предстоявшихъ въ Чечнѣ военныхъ дѣйствіяхъ. Вскорѣ послѣ выѣзда князя изъ Тифлиса на Лѣвый флангъ, князь Воронцовъ, 10-го Января 1851 г., между прочимъ, собственноручно писалъ ему: „Вы можете себѣ представить, съ какимъ нетерпѣніемъ я ожидаю извѣстія о вашихъ дѣлахъ и какъ я молю Бога, чтобы все окончилось благополучно и съ пользою. Мнѣ сообщаютъ, что Шамиль, какъ и слѣдовало ожидать, собирается противъ васъ; посмотримъ что онъ сдѣлаетъ. Прощайте, князь; я вамъ желаю славы, счастія и здоровья и дружески прошу васъ беречь себя не только въ отношеніи здоровья, но и вообще во всемъ, не рискуя собою: вамъ предстоитъ впереди такая прекрасная карьера, что не слѣдуетъ портить ее неблагоразуміемъ, выставляя себя впередъ тамъ, гдѣ долгъ отъ васъ не требуетъ“.

Проницательный государственный человѣкъ не ошибался въ предвидѣніи *прекрасной* карьеры молодаго генерала...

1-го Января 1851 года генералъ Коцебу писалъ князю Александру Ивановичу: „Спѣшу отправить вамъ письмо Наслѣдника Цесаревича, доставленное сегодня фельдъегеремъ; имъ же привезенъ мнѣ весьма лестный рескриптъ Его Высочества съ табакеркой, богато украшенной бриллiантами и съ его портретомъ. Сообщаю вамъ объ этомъ, зная ваше искреннее ко мнѣ расположенiе. Такую же табакерку и шашку, съ которой Великiй Князь Наслѣдникъ все время путешествовалъ по Кавказу, Его Высочество пожаловалъ князю Воронцову, великолѣпный браслетъ княгинѣ Воронцовой и замѣчательно прекрасное колье княгинѣ Дадiанъ, а княгиня Бебутова пожалована кавалерственной дамой ордена Св. Екатерины".

Главною задачею Чеченскаго отряда было уничтожить устроенный Шамилемъ Шалинскiй окопъ, долженствовавшiй преградить намъ дальнѣйшiй доступъ въ Большую Чечню, и затѣмъ препятствовать въ продолженiи рубки лѣсовъ отъ Шали къ рѣкѣ Басу. Окопъ этотъ, по свѣдѣнiямъ доставляемымъ лазутчиками, представлялся чѣмъ-то особенно грознымъ. Мы въ послѣднiе годы, особенно съ печальной памяти Даргинской экспедицiи 1845 года, были смущены невсегда удачными кровавыми штурмами укрѣпленныхъ Дагестанскихъ ауловъ; нашему воображенiю само собою рисовались возможныя неудачи и большiя потери при взятiи окопа, на защиту котораго Шамиль, повидимому, готовился употребить самыя напряженныя усилiя. Однимъ словомъ, въ теченiе почти цѣлаго года, высшiя военныя власти Кавказа были озабочены этимъ казавшимся столь опаснымъ предпрiятiемъ.

Въ первыхъ числахъ Января генералъ Козловскiй выступилъ съ отрядомъ изъ Грозной и, переправившись за Аргунъ, 4-го числа расположился лагеремъ. Князь Барятинскiй былъ назначенъ начальникомъ всей отрядной пѣхоты.

По произведенной рекогносцировкѣ, непрiятельскiй окопъ оказался въ полной исправности, устроенный съ замѣчательнымъ искусствомъ и тщательностью; непрерывная линiя туровъ шла во всю длину парапета, ровъ имѣлъ крутые откосы, на оконечностяхъ бастiоны и за ними еще отдѣльные редуты, окруженные рвомъ и парапетомъ съ живою изгородью;

во рвахъ оказалась замерзшая вода, проведенная издали, посредствомъ другаго рва, тянувшагося далеко въ лѣсъ; все было замѣчательно соображено.

Овладѣть этою укрѣпленною оградою предполагалось штурмомъ; но посланная 7-го Января для рубки лѣса и осмотра мѣстности колонна, не тревожимая непріятелемъ, дошла до опушки, и передъ нею, совершенно неожиданно, открылись поляны, по которымъ взоръ простирался до новой просѣки.

Такимъ образомъ планъ овладѣть грознымъ окопомъ, имѣвшимъ три сажени глубины и ширины, при четырехъ саженяхъ толщины и двухъ высоты, вмѣсто штурма, измѣнялся въ простое обходное движеніе, которое и совершилось 8-го числа. Многочисленныя толпы горцевъ съ удивленіемъ замѣтили наши войска въ тылу своихъ окоповъ и бѣжали, преслѣдуемыя кавалеріею. Окопы были заняты, по флангамъ ихъ двинуты въ лѣсъ баталіоны, а для прокопанія проѣздовъ въ валу назначены рабочіе.

Думать объ уничтоженіи вала на всемъ его протяженіи (750 саж.) не было возможности, потому что сильные морозы сковали щебенистую землю, и гладкая ледяная поверхность наружной отлогости бруствера противустояла всѣмъ усиліямъ кирокъ и лопатъ; должны были прибѣгнуть къ взрывамъ и съ великимъ трудомъ разработали три проѣзда для артилеріи. Можно себѣ представить, что̀ бы произошло, если бы окопы эти пришлось штурмовать.

Къ вечеру войска возвратились въ лагерь, а въ слѣдующіе дни начались постоянныя рубки, расширеніе просѣкъ и разрушеніе непріятельскихъ укрѣпленій. Все это сопровождалось перестрѣлками, иногда пустыми, а иногда, съ прибытіемъ изъ горъ новыхъ подкрѣпленій съ пятью орудіями, болѣе жаркими.

Князь Воронцовъ, въ письмѣ отъ 15-го Января, такъ выражалъ князю Барятинскому свое удовольствіе по поводу этихъ дѣлъ: „За нѣсколько часовъ до полученія вашего письма по почтѣ, мы видѣли князя Мирскаго *) съ великолѣпною новостью о дѣлахъ 8-го и 9-го Января. Ничто не могло быть

*) Дмитрія Ивановича, нынѣ члена Государственнаго Совѣта.

блистательнѣе и счастливѣе такого начала нашихъ зимнихъ дѣйствій. Вотъ и грозный окопъ въ нашемъ распоряженіи и къ тому же безъ всякой почти потери; распоряженія Козловскаго прекрасны, а пѣхота, подъ вашимъ начальствомъ, дѣйствовала какъ нельзя лучше. Мнѣ очень любопытно узнать: что́ же предприметъ Шамиль далѣе? Но всѣ шансы теперь на нашей сторонѣ, и я надѣюсь, съ Божьею помощью, намъ удастся вырубить побольше лѣсовъ и открыть вокругъ прекрасныхъ Шалинскихъ полей достаточно безопасныхъ дорогъ, чтобы мѣста эти были всегда въ нашемъ распоряженіи и доступны во всякое время года, даже для одного баталіона, чтобы непріятель не могъ тамъ для своего продовольствія ни сѣять, ни косить. Вся сѣверная часть Большой Чечни попадетъ, такимъ образомъ, въ наши руки точно также, какъ это уже случилось съ полянами Малой".

„Но прежде всего я желаю быть увѣреннымъ, что все начальство отряда будетъ единодушно и въ добрыхъ между собою отношеніяхъ. Я сдѣлалъ для этого возможное и въ письмѣ къ Козловскому, отдающему вамъ полную справедливость, выразилъ, чтобы онъ руководствовался единственно обстоятельствами, не увлекаясь предложеніями искать встрѣчъ съ непріятелемъ, если не представляется благопріятныхъ къ тому случаевъ".

Очевидный намекъ по адресу молодыхъ людей (вѣроятно въ томъ числѣ и князя Александра Ивановича), которые увлекались жаждою блестящихъ боевыхъ подвиговъ и могли легко подчинить своему вліянію такого человѣка, какъ Козловскій. „Съ этою цѣлью, прибавилъ князь Воронцовъ, я назначилъ начальникомъ штаба отряда барона Меллера-Закомельскаго, человѣка образованнаго, отлично знакомаго съ Чечнею, дабы онъ руководилъ и ободрялъ славнаго Козловскаго и старался сближать съ нимъ васъ, любезный князь, какъ одного изъ старшихъ и блистательнѣйшихъ генераловъ въ отрядѣ". Безъ сомнѣнія, были основанія подозрѣвать съ одной стороны неудовольствіе Козловскаго, который могъ видѣть въ князѣ Барятинскомъ подготовляемаго ему замѣстителя, съ другой недостаточно осторожное обращеніе князя Александра Ивановича съ Козловскимъ.

Вообще князь Воронцовъ поддерживалъ съ княземъ Барятинскимъ оживленную переписку и не скупился на изъявленіе ему знаковъ самого искренняго расположенія. Такъ, 20-го Февраля, онъ между прочимъ писалъ: „Пользуюсь отъѣздомъ Лорисъ-Меликова *) въ отрядъ, чтобы отвѣчать вамъ, дорогой князь, на ваши письма отъ 24-го Января и 4-го Февраля и поблагодарить васъ за всѣ интересныя подробности о нашихъ дѣлахъ въ Чечнѣ. Съ этой стороны дѣла идутъ какъ нельзя лучше; непріятель не рѣшается препятствовать продолженію нашихъ, столь необходимыхъ работъ по вырубкѣ лѣса; произведенныя уже работы громадны, и благодаря удачнымъ распоряженіямъ къ обезпеченію отряда продовольствіемъ, войска могутъ оставаться на правомъ берегу Аргуна до 1-го Марта, чего я постоянно желалъ; окрестности Шали превратятся въ совершенно открытыя поляны, принадлежащія болѣе намъ, нежели Чеченцамъ.

„По желанію генерала Козловскаго, я посылаю съ Лорисъ-Меликовымъ нѣсколько Георгіевскихъ крестовъ для распредѣленія между ротами, по выбору самихъ храбрецовъ, и я нахожу вполнѣ справедливою мысль о подобномъ вознагражденіи молодцовъ, отличавшихся во время этой полезной экспедиціи.

„Мнѣ нечего говорить о томъ удовольствіи, съ которымъ я васъ встрѣчу здѣсь.

„PS. Вы вѣрно уже слышали о женитьбѣ князя Александра Гагарина **) на милой княжнѣ Настинькѣ Орбеліани: здѣсь всѣ этимъ очень довольны, и я увѣренъ, что вы съ радостью примете это извѣстіе“.

Занятія отряда въ теченіе всего Января и Февраля продолжались обычнымъ порядкомъ, главнѣйшимъ образомъ устремленныя къ вырубкѣ возможно-широкихъ просѣкъ, расчисткѣ старыхъ, успѣвшихъ уже зарости, и рекогносцировкѣ окрестностей, въ которыхъ въ будущемъ предстояли дѣйствія.

---

*) Нынѣ графъ, членъ Государственнаго Совѣта.

**) Тогда Кутаисскій военный губернаторъ.

Нѣкоторые дни непріятель оказывалъ довольно сильное сопротивленіе, устраивалъ новыя искусственныя преграды, и при этомъ происходили довольно жаркія дѣла, стоившія намъ немалыхъ потерь.

27-го Февраля подъ начальствомъ князя Барятинскаго, была назначена колонна, въ составѣ 5-ти баталіоновъ, всей кавалеріи отряда и 10 орудій, для рубки лѣса отъ Шалинской просѣки къ Мезеинской полянѣ. Выступивъ въ 5 час. утра изъ лагеря, князь оставилъ для рубки лѣса 4 баталіона, при 4-хъ орудіяхъ, а съ остальными войсками двинулся впередъ, для осмотра мѣстности въ направленіи къ Чернымъ горамъ и остановился на Шавдонѣ, у Зармай-Юрта.

Къ этому времени относится попытка Шамиля образовать у себя нѣчто въ родѣ регулярной пѣхоты: были сформированы, преимущественно изъ Дагестанскихъ горцевъ, дружины, въ 500 человѣкъ каждая, которыя должны были дѣйствовать стройнѣе обыкновеннаго, не въ разсыпную, а по командѣ назначенныхъ начальниковъ. Именно 27-го Февраля 1851 года, Шамиль хотѣлъ испытать, каковъ будетъ результатъ этого нововведенія, и нѣсколько дружинъ двинулись довольно стройно отъ Герменчука къ Шали, на лѣвый берегъ рѣки Баса, вѣроятно не зная, что на ихъ флангѣ расположилась наша кавалерія, не внушавшая впрочемъ въ то время непріятелю особаго страха, потому что генералъ Нестеровъ, вообще соблюдавшій большую осторожность въ своихъ дѣйствіяхъ, особенно боялся пускать кавалерію въ дѣло вдали отъ пѣхоты.

Замѣтивъ необыкновенное движеніе довольно-стройныхъ массъ непріятельской пѣхоты и зная, что мѣстность между Шавдономъ и Басомъ совершенно открытая, князь Барятинскій рѣшился атаковать непріятеля, не давъ ему времени достигнуть лѣса. Драгуны и казаки съ четырьмя конными орудіями, на полныхъ рысяхъ, пошли впередъ, а баталіонъ съ двумя орудіями бѣгомъ за ними. Конныя партіи Чеченцевъ, слѣдовавшіе за своею пѣхотою, ринулись было на встрѣчу нашимъ, но, не выдержавъ натиска, обратили тылъ, а пѣшіе горцы, настигнутые на полянѣ, хотя и встрѣтили атакующихъ ружейнымъ огнемъ, не могли устоять противъ рѣ-

шительнаго удара драгунъ и казаковъ. Болѣе полутора верстъ ихъ преслѣдовали и рубили. Увлеченные боемъ, наши лихачи уже не останавливались ни передъ балками и оврагами, и перешли за рѣку Басъ, нанеся непріятелю такое пораженіе, какое онъ рѣдко испытывалъ. Болѣе 270 человѣкъ было изрублено, нѣсколько взято въ плѣнъ, захвачено немало оружія и лошадей.

Князь Александръ Ивановичъ проявилъ въ этомъ случаѣ одно изъ важнѣйшихъ качествъ военнаго человѣка: быстро сообразить и съ рѣшительностью выполнить предпріятіе, обѣщающее успѣхъ. Этимъ ударомъ, ошеломившимъ непріятеля, у него была отнята охота и къ образованію регулярной пѣхоты, и къ дальнѣйшему сопротивленію рубкѣ лѣса, для свободнаго прохода нашего за Басъ, гдѣ сгруппировалась тогда главная масса населенія Большой Чечни.

По поводу этаго дѣла, главнокомандующій 5-го Марта писалъ князю Александру Ивановичу: „Не знаю, застанетъ-ли васъ письмо это въ Грозной, потому что надѣюсь вскорѣ обнять васъ въ Тифлисѣ; но не могу отказать себѣ въ удовольствіи отъ всего сердца поблагодарить васъ и поздравить съ блистательнымъ подвигомъ, которымъ вы такъ славно заключили эту полезную зимнюю экспедицію. Здѣсь всѣ принимаютъ живѣйшее участіе въ вашемъ успѣхѣ, и мнѣ не зачѣмъ васъ увѣрять, сколько я и жена моя, умѣющіе васъ любить, желаемъ вамъ во всемъ полнаго счастія“.

По возвращеніи отряда въ Грозную, князь Барятинскій уѣхалъ въ Тифлисъ.

Глава XI.

Болѣзнь генерала Нестерова.—Командированіе на Лѣвый флангъ для исправленія должности начальника.—Награда за 27-е Февраля.—Письмо князя Воронцова.—Ожидаемое возвращеніе генерала Козловскаго.—Переписка съ Слѣпцовымъ.—Переписка съ генераломъ Коцебу и княземъ Воронцовымъ.—Случай выказать свои способности.—Исключительныя занятія военными дѣлами.

Вскорѣ послѣ этого были получены свѣдѣнія, что состояніе здоровья генерала Нестерова значительно ухудшилось, и онъ подвергся припадкамъ душевной болѣзни; но князь Воронцовъ боялся огорчить этого несчастнаго, заслуженнаго человѣка и его семью, и потому дѣйствовалъ въ отношеніи его съ крайне-осторожною деликатностью: не заявляя ему о неизбѣжномъ увольненіи отъ должности, старался удалить его, для леченія, въ Пятигорскъ и даже надѣялся, что, быть можетъ, въ продолженіи нѣкотораго времени, въ состояніи больнаго наступитъ поворотъ къ лучшему; между тѣмъ, за отсутствіемъ генерала Козловскаго, уѣхавшаго въ отпускъ, для временнаго пока занятія должности Нестерова, командировалъ въ Грозную князя Барятинскаго и вслѣдъ за его выѣздомъ, 9-го Апрѣля, писалъ ему слѣдующее: „Сію минуту получилъ я, дорогой князь, ваше письмо изъ Грозной, которое вполнѣ успокоило меня на счетъ того, что̀ могло случиться, если бы дѣла были приняты кѣмъ нибудь изъ окружающихъ Нестерова *). Теперь я полагаю, что ему ничто не воспрепятствуетъ уѣхать въ Пятигорскъ и не могу отказаться отъ надежды, что послѣ кровопусканій и другихъ лекарствъ, которыя онъ допустилъ себя употреблять, состояніе его не такъ скверно, какъ въ прошломъ году и что, быть можетъ, Богъ дастъ этому прекрасному, доброму человѣку, особенно при совершенномъ устраненіи на годъ или полтора отъ дѣлъ, возстановить свое здоровье. Съ будущей почтой я напишу г-жѣ Нестеровой нѣсколько словъ въ утѣшеніе; теперь же не хочу задерживать курьера, отправляемаго къ

*) Это былъ намекъ на оказавшійся недостатокъ въ нѣкоторыхъ казенныхъ суммахъ....

вамъ начальникомъ штаба и имѣющаго доставить вамъ пріятную и лестную новость, какъ Государь принялъ извѣстіе объ окончаніи зимней экспедиціи въ Чечнѣ. Фельдъегерь привезъ намъ эту новость совершенно какъ красное яичко къ Свѣтлому празднику, именно въ то время, когда мы отправлялись въ соборъ къ заутрени. Къ вамъ есть письмо отъ Наслѣдника Цесаревича съ звѣздою Анны 1-й степени, которую Его Величество вамъ пожаловалъ. Отъ всей души поздравляю васъ съ этою наградою и еще болѣе съ впечатлѣніемъ, произведеннымъ во всей Россіи вашимъ блистательнымъ дѣломъ 27-го Февраля, которое, по замѣчанію Государя, такъ достойно увѣнчало прекрасную и полезную экспедицію нынѣшней зимы.

„Всѣ извѣстія изъ Дагестана подтверждаютъ, какой эффектъ произвели успѣхи наши въ Чечнѣ и какой страхъ навели они тамъ. Затѣя Шамиля опять устраивать новыя укрѣпленія въ окрестностяхъ Шали чистая комедія и не можетъ имѣть другой цѣли кромѣ удержанія, хотя еще на нѣкоторое время, подъ своею тяжелою рукою бѣдныхъ Чеченцевъ и отвлеченія ихъ отъ мирныхъ переговоровъ съ нами; но онъ съ большимъ трудомъ можетъ заставить Тавлинцевъ (горцевъ Дагестана) опять взяться за работы, оказавшіяся столь безполезными въ прошломъ году, при лучшихъ для нихъ условіяхъ, и стоившихъ имъ такихъ жертвъ, при первой попыткѣ защищать ихъ.

„Ваше намѣреніе лично осмотрѣть и удостовѣриться, чтò они думаютъ предпринять, или уже дѣлаютъ, за Аргуномъ, очень хорошо; но я увѣренъ что вы сдѣлаете это не иначе, какъ вполнѣ обезпечивъ себя отъ возможнаго сопротивленія, взявъ съ собою лучшіе батальоны и сколько возможно лихихъ казаковъ, преимущественно изъ тѣхъ, которые были съ вами 27-го Февраля“.

Какъ въ этихъ нѣсколькихъ строкахъ очевидно проглядываетъ съ одной стороны воспоминаніе о кровавыхъ дняхъ Даргинской экспедиціи, когда Чеченцы показали свое умѣніе отчаянно защищаться въ лѣсахъ противъ нашихъ войскъ, и съ другой стороны, при всемъ расположеніи къ князю Барятинскому, опасеніе, чтобы молодость и боевая пылкость не

увлекли его за предѣлы должной осторожности. Послѣдствія показали однако, что опасенія были напрасны, и молодой, отважный генералъ, при рѣшимости и смѣлости, умѣлъ быть вполнѣ осмотрительнымъ.

Въ слѣдующемъ письмѣ, отъ 13-го Апрѣля, князь Воронцовъ обратилъ вниманіе на другое обстоятельство, болѣе административно-политическаго характера: „Вы получите сегодня отъ меня оффиціальное извѣщеніе объ одномъ очень запутанномъ дѣлѣ, которое, между нами будь сказано, было значительно осложнено въ генеральномъ штабѣ, гдѣ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ предписали (какъ бы по моему приказу) слишкомъ жестокую мѣру о возвращеніи въ Андреево всѣхъ безъ исключенія жителей, поселившихся на Аксаѣ, Сулакѣ и др., несмотря на многіе годы, которые они тамъ прожили.

„Такъ какъ мнѣ говорятъ, что это я приказалъ принять столь рѣшительную мѣру, не опредѣляя даже числа лѣтъ, истекшихъ со времени переселенія, разумѣется, я долженъ вѣрить, что это сдѣлалъ я; но, во всякомъ случаѣ, это была для меня неожиданность, или можетъ быть слѣдствіе моей разсѣянности, и я хотѣлъ бы помочь устранить эту жестокую мѣру. Не желаю брать на себя нравственной отвѣтственности передъ Богомъ за выселеніе семействъ, которыя прожили на одномъ мѣстѣ 25 или 30 лѣтъ, похоронили тамъ своихъ родныхъ и заставить ихъ силою перебраться въ Андреево, только потому что Андреевцы не столь сильны, чтобы могли одни защищаться. Предписываю теперь, чтобъ срокъ не былъ болѣе 10 лѣтъ, то-есть чтобы тѣ которые оставили Андреево ранѣе 1841 года не были бы принуждаемы туда возвратиться. Но можетъ быть въ числѣ этихъ семействъ окажутся выселенныя Шамилемъ насильно, 15 и болѣе лѣтъ тому назадъ,—тогда предоставляю вашему благоразумію и вашей опытности, убѣдясь въ ихъ количествѣ, разрѣшить имъ возвратиться, если вы увидите, что они дѣйствительно бѣдствуютъ на новыхъ мѣстахъ. Я желалъ бы, чтобы вы сами повели это дѣло, безъ посредниковъ; потому что я не знаю еще того способа обращенія съ туземцами, который примѣняетъ Майдель, вашъ же мнѣ хорошо извѣ-

стенъ. Кромѣ того, у васъ есть причина интересоваться участью этихъ семействъ, потому что вы, побуждаемые конечно весьма важными причинами, покинули крѣпость Внезапную (переводомъ полковаго штаба въ Хасавъ-Юртъ), что̀ очень ослабило защиту Андреева; это обстоятельство мѣшаетъ имъ считать себя въ безопасности съ тѣми средствами, которыми они располагаютъ. Скажите, князь, что́ вы думаете на счетъ этого дѣла, что́ предполагаете предпринять, въ особенности послѣ того, какъ побываете сами въ тѣхъ мѣстахъ. Признаюсь, мое всегдашнее намѣреніе было не требовать возвращенія въ Андреево тѣхъ, которые покинули его ранѣе моего управленія краемъ, т.-е. ранѣе 6-ти лѣтъ тому назадъ.

„Ожидаю новѣйшихъ подробностей о Нестеровѣ и о происходящемъ вокругъ васъ. Въ Петербургѣ могли бы очень безпокоиться, услыхавъ о болѣзни Нестерова, не зная всѣхъ принятыхъ по этому случаю мѣръ и того, что вы сами уже пріѣхали въ Грозную".

26-го Апрѣля князь Воронцовъ, между прочимъ писалъ: „Наканунѣ отъѣзда на Лезгинскую линію, отвѣчаю на ваше письмо отъ 13-го и сердечно благодарю за всѣ ваши распоряженія и за сообщенныя свѣдѣнія. Передавая о постоянствѣ Шамиля въ его намѣреніи производить новыя фортификаціонныя работы, вы не знакомите меня съ мѣстностью, гдѣ онъ конечно самъ понимаетъ всю ихъ безполезность, и на мой взглядъ, онъ только пользуется этимъ предлогомъ, чтобы привести въ Чечню Тавлинцевъ и черезъ нихъ поддерживать свое вліяніе среди бѣдныхъ Чеченцевъ, столько пострадавшихъ во время послѣдней зимней экспедиціи. Съ другой стороны, получаемыя нами извѣстія говорятъ о намѣреніяхъ Шамиля вторгнуться въ наши предѣлы; но, благодаря принятымъ вами и Слѣпцовымъ мѣрамъ, безопасность нашихъ границъ, конечно, обезпечена".

На слѣдующій день, за нѣсколько часовъ до выѣзда изъ Тифлиса, главнокомандующій, въ отвѣтъ на письмо отъ 19-го Апрѣля, еще благодарилъ князя Александра Ивановича за свѣдѣнія о Герменчукѣ и за сообщенный проэктъ дѣйствій въ Чечнѣ, который онъ вполнѣ одобрялъ и просилъ не свя-

зывать исполненія съ своимъ прибытіемъ на Лѣвый флангъ, а дѣйствовать соображаясь съ обстоятельствами и пользуясь благопріятной минутой; при этомъ князь Михаилъ Семеновичъ убѣждалъ держать предположеніе въ строжайшемъ секретѣ, обѣщая съ своей стороны никому объ этомъ не говорить.

Въ письмѣ отъ 11-го Мая, по возвращеніи съ Лезгинской линіи, онъ писалъ: „Сборища непріятеля не имѣютъ и не могутъ имѣть. мнѣ кажется, никакого серьезнаго значенія; что̀ же касается маленькихъ шаекъ, вездѣ прорывающихъ нашу линію, то неудачи, постигающія ихъ, отучатъ, надѣюсь, отъ хищничества, которое ихъ характеризуетъ. Я получилъ письмо отъ Слѣпцова, который въ восхищеніи отъ вашей любезности и счастливъ, что имѣетъ дѣло съ такимъ начальникомъ какъ вы. Что̀ касается до движенія, о которомъ вы говорили мнѣ въ вашемъ послѣднемъ письмѣ,—я попрошу васъ не ставить его въ зависимость отъ моего пріѣзда на лѣвый флангъ, но осуществить его когда обстоятельства, по вашему мнѣнію, будутъ благопріятствовать. Слѣпцовъ мнѣ также пишетъ о пользѣ набѣговъ въ Чечню, и вы могли бы составить общій планъ дѣйствій. Еще попрошу васъ, дорогой князь, въ случаѣ скораго возвращенія генерала Козловскаго для занятія своей должности на Лѣвомъ флангѣ, не оставлять Кавказской линіи и ожидать меня тамъ. Я имѣю въ виду сдѣлать вамъ нѣкоторыя предложенія, которыя доставятъ вамъ столько же удовольствія, сколько пользы нашимъ дѣламъ на линіи. Впрочемъ, намъ представится еще случай поговорить и обратить это въ предметъ нашей частной переписки“.

Это указаніе объ ожидаемомъ возвращеніи генерала Козловскаго „для занятія своей должности“ должно было однако немало огорчить князя Александра Ивановича, очевидно расчитывавшаго утвердиться въ занятомъ положеніи. Изъ весьма дружески-откровенной переписки его съ начальникомъ Сунженской линіи Слѣпцовымъ, этимъ лихимъ, много обѣщавшимъ въ будущемъ молодымъ генераломъ, видно, что оба были недовольны перспективой возвращенія Козловскаго. 20-го Мая Слѣпцовъ писалъ, между прочимъ, князю: „Письмо

главнокомандующаго поспѣшаю возвратить; эти отвлеченные намеки о возвращеніи генерала Козловскаго еще ничего положительнаго со стороны князя не обнаруживаютъ. Богъ милостивъ; для блага края устроится къ наилучшему". И это вовсе не была лесть со стороны Слѣпцова: самъ пылкій, боевой, весь охваченный жаждой военной дѣятельности, не изъ одного желанія наградъ и отличій, а ради достиженія дѣйствительныхъ успѣховъ и торжества надъ непріятелемъ, Слѣпцовъ не могъ не видѣть въ князѣ Барятинскомъ военнаго человѣка съ такими же качествами и стремленіями, не могъ не ожидать отъ него пользы нашему дѣлу въ краѣ. Онъ тѣмъ больше былъ убѣжденъ въ этомъ, что князь Александръ Ивановичъ, кромѣ личной инициативы, рѣшимости и полнаго знанія характера непріятеля, имѣлъ еще на своей сторонѣ близкія отношенія къ высшимъ властямъ, тогда какъ генералы, въ родѣ Нестерова и Козловскаго (при всѣхъ ихъ заслугахъ, опытности и другихъ достоинствахъ) по своему положенію, старались—одинъ чрезмѣрною осторожностью, другой неувѣренностью въ себѣ и желаніемъ имѣть на все разрѣшенія свыше, не быть по возможности вчинателями дѣлъ и потому не соотвѣтствовали духу и взглядамъ такихъ людей, какъ Слѣпцовъ, какъ князь Барятинскій. И послѣдующія обстоятельства вполнѣ оправдали такіе взгляды. Къ крайнему сожалѣнію, Слѣпцовъ не дожилъ до результатовъ: шальная пуля Чеченца, въ незначительномъ дѣлѣ, сразила героя. Это былъ Русскій витязь, предшественникъ Скобелева. У него не было случаевъ высказать такую силу и энергію военнаго таланта, какія выпали на долю Скобелева, но всѣ задатки къ проявленію такого же характера были на лицо. Перваго Провидѣніе хранило на поляхъ битвъ, но не спасло отъ внезапной смерти среди мира; второй, напротивъ, не успѣвъ оправиться отъ раны, полученной въ Маѣ 1851 г., палъ въ Декабрѣ того же года, оплаканный всѣмъ Кавказомъ.

Князь Александръ Ивановичъ обращался и къ генералу Коцебу съ вопросомъ о своемъ служебномъ положеніи, какъ слѣдуетъ заключить изъ короткой, лаконической записки послѣдняго, отъ 10-го Мая 1851 года: „Пишу къ вамъ за нѣсколько минутъ до выѣзда и только чтобы вполнѣ конфиден-

ціально отвѣчать двумя словами на ваше письмо, отъ 24-го Апрѣля: есть вѣроятіе, что вы останетесь на вашемъ мѣстѣ; но есть въ виду для васъ и другое, не менѣе важное мѣсто. Больше сегодня ничего не могу сказать" *).

Въ слѣдующемъ письмѣ (18 Мая) князь Воронцовъ опять возвращается къ вопросу о вторженіи въ Чечню. „Я получилъ, говоритъ онъ, письмо отъ Слѣпцова, который тоже находитъ полезными и могущими произвести нравственное впечатлѣніе подобные набѣги. Я уже писалъ вамъ, чтобы вы старались дѣйствовать вмѣстѣ, пользуясь благопріятными обстоятельствами; мое же присутствіе тамъ, при небольшомъ отрядѣ, вызоветъ со стороны непріятеля лишнія опасенія и можетъ стать причиной излишней потери, тогда какъ движеніе внезапное обѣщаетъ болѣе успѣха. Чрезъ нѣсколько часовъ я уѣзжаю въ Боржомъ, а въ концѣ Іюня или началѣ Іюля надѣюсь увидѣться съ вами на линіи и поговорить обо всѣхъ дѣлахъ". Къ этому письму прибавленъ Postscriptum о помолвкѣ сына князя Воронцова, Семена Михаиловича, съ г-жей Столыпиной. Приписку эту, какъ совершенно-частнаго характера, я не привожу здѣсь; но она доказываетъ, какія близкія дружескія отношенія были у старика Михаила Семеновича къ князю А. И. Барятинскому.

Затѣмъ, уже изъ Боржома, 9-го Іюня, князь Воронцовъ писалъ, между прочимъ, что онъ чрезвычайно доволенъ отличными отношеніями, установившимися между княземъ Александромъ Ивановичемъ и начальникомъ Сунженской линіи Слѣпцовымъ, отъ которыхъ можно ожидать наилучшей пользы для службы и для упроченія нашего вліянія надъ непріятелемъ. При этомъ, упоминая о полученномъ отъ Слѣпцова письмѣ (въ которомъ онъ извѣщаетъ о соображеніяхъ князя Барятинскаго по части администраціи Чеченцами, вполнѣ совпадающихъ съ его собственными заключеніями) князь

---

*) Какая это могла быть должность, не разъяснилось и въ послѣдующихъ письмахъ; но я имѣю основаніе думать, что была мысль назначить князя начальникомъ Праваго фланга Кавказской линіи на мѣсто генерала Евдокимова.

Воронцовъ заявляетъ желаніе, по прибытіи на линію, получить отъ Александра Ивановича подробную, на этотъ счетъ, записку, которую онъ могъ бы принять въ соображеніе съ такою же запискою отъ Слѣпцова, чтобы рѣшить тогда это дѣло, столь важное для будущаго положенія Большой и Малой Чечни. Въ этомъ же письмѣ главнокомандующій извѣщаетъ, что онъ надѣется между 1 и 3 Іюля быть въ Владикавказѣ, начать оттуда свой объѣздъ Лѣваго фланга и поговорить тогда обо всѣхъ серьезныхъ дѣлахъ, о чемъ упоминалъ уже и въ прежнихъ письмахъ.

Такимъ образомъ, князю Барятинскому, съ Апрѣля 1851 года, открылся обширный кругъ самостоятельной дѣятельности и дана возможность выказать тѣ замѣчательныя военныя качества, которыя, съ неимовѣрною скоростью, привели его къ высокой ступени главнокомандующаго и довершителя вѣковой борьбы Россіи съ непокорнымъ Кавказомъ. Здѣсь же, на Лѣвомъ флангѣ, онъ изучилъ характеръ туземцевъ что̀ дало ему возможность опредѣлить основы администраціи, наиболѣе соотвѣтствующей условіямъ ихъ быта. Въ этомъ отношеніи, однимъ изъ лучшихъ проявленій вѣрности взгляда князя Барятинскаго (взгляда, развивавшагося имъ еще во время командованія полкомъ и послужившаго впослѣдствіи основаніемъ всей системѣ горскаго управленія на Кавказѣ) было учрежденіе имъ, въ 1852 году, въ крѣпости Грозной народнаго суда для Чеченцевъ (Мехкеме) подъ предсѣдательствомъ Русскаго штабъ-офицера. Судъ этотъ такъ пришелся по нраву Чеченцамъ, что не только мирные, но иногда и непокорные обращались къ нему для рѣшенія своихъ дѣлъ. Съ тѣхъ поръ прошло уже болѣе 35-ти лѣтъ: но съ увѣренностью можно сказать, что и теперь подобный судъ, съ нѣкоторыми, на опытѣ основанными улучшеніями, былъ бы гораздо умѣстнѣе среди горцевъ, чѣмъ введенные тамъ, по Европейскимъ образцамъ, мировые и окружные суды, хотя и безъ присяжныхъ засѣдателей.

Само собою, по обстоятельствамъ того времени, главное вниманіе всего Кавказскаго начальства, особенно на Лѣвомъ

флангѣ, было обращено на военныя дѣйствія. Командованіе 20-ю дивизіею ограничивалось, большею частію, одною формальностью, тѣмъ болѣе, что 1-я бригада, полки Апшеронскій и Дагестанскій, постоянно находившіеся въ Дагестанѣ, были вполнѣ подчинены тамошнему командующему войсками, и отношенія ихъ къ начальнику дивизіи ограничивались лишь маловажными переписками, представленіемъ разныхъ вѣдомостей, отчетовъ и т. п. Инспектировать ихъ начальникъ дивизіи положительно не могъ, какъ потому, что для этого ему пришлось бы, на продолжительное время, оставлять свой раіонъ, требовавшій наибольшаго вниманія, въ виду ближайшаго сосѣдства непріятеля, въ виду самой доступной для него, во всякое время года, мѣстности Лѣваго фланга и наибольшей воинственности Чеченскаго племени, такъ и потому, что, пріѣзжая въ Дагестанъ (раіонъ другаго командующаго войсками, къ тому же старшаго чиномъ, какимъ былъ въ то время князь Аргутинскій-Долгорукій) начальникъ дивизіи могъ поставить себя къ нему въ щекотливыя отношенія и находить батальоны своей бригады разбросанными по всему обширному Прикаспійскому краю, не вездѣ и не всегда удобо-проѣзжаемому. Вторая же бригада—полки Куринскій и Кабардинскій—хотя находились у него постоянно подъ рукою, но тоже, большею частію, разбросаны были по разнымъ укрѣпленіямъ и отрядамъ, въ безпрерывныхъ передвиженіяхъ, въ военныхъ дѣйствіяхъ или на работахъ, такъ что тутъ было не до смотровъ, фронтовыхъ занятій и проч. Кругъ административной дѣятельности, хотя и чрезвычайно важный, не былъ тогда однако особенно обширнымъ на Лѣвомъ флангѣ: кромѣ населенія Кумыкской плоскости, управляемаго офицерами подъ ближайшимъ начальствомъ командира Кабардинскаго полка, да нѣсколькихъ ауловъ мирныхъ Чеченцевъ, еще не было значительнаго покорнаго туземнаго населенія; въ этомъ отношеніи всѣ остальные раіоны на Кавказѣ, какъ Дагестанъ, Лезгинская линія, Центръ и Правый флангъ, были гораздо важнѣе, имѣя подъ своимъ непосредственнымъ управленіемъ значительныя массы горскихъ племенъ.

Въ виду этихъ условій, читатель не долженъ удивляться, что въ изложеніи важнаго періода служебной дѣятельности князя Барятинскаго, въ теченіи 1851 и послѣдующихъ двухъ-трехъ лѣтъ, я почти исключительно буду говорить о его военныхъ соображеніяхъ и дѣйствіяхъ, имѣвшихъ чрезвычайно важное значеніе, не только въ данную минуту, но и какъ подготовленіе къ будущему. Можно рѣшительно сказать, что именно эти годы дѣятельности князя въ Чечнѣ были тою школою, изъ которой вышелъ вскорѣ главнокомандующій, вполнѣ увѣренный въ исполненіи взятой имъ на себя великой задачи. И самый планъ покоренія Восточнаго Кавказа, и мысль о заселеніи его Русскими людьми, возникли въ умѣ его во время этого командованія. О многомъ онъ и тогда уже представлялъ въ Тифлисъ; но тамъ, нужно сказать, относились къ его предположеніямъ, по меньшей мѣрѣ съ недостаточною серьезностью, если не съ нѣкоторою снисходительностью... Да, впрочемъ, и тогдашнія средства, бывшія въ распоряженіи князя Воронцова, не допускали возможности дать дѣйствіямъ болѣе обширные размѣры; наконецъ, какъ уже указано было выше, князь Воронцовъ старался соблюдать крайнюю осторожность въ предпріятіяхъ особенно на Лѣвомъ флангѣ, не забывая своей кровавой экспедиціи 1845 года въ Дарго и все же считая князя Барятинскаго еще молодымъ, могущимъ легко увлечься генераломъ.

МОСКВА ВЪ ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ НИКОЛАЕВСКАГО ЦАРСТВОВАНІЯ.

Изъ записокъ сенатора Кастора Никифоровича Лебедева [1]).

.... Моя домашняя лѣтопись остановилась на поѣздкѣ въ Москву. Въ теченіе двухъ лѣтъ я молчалъ и, признаюсь, напрасно: выраженіе мысли опредѣляетъ ее, уясняетъ и укрѣпляетъ убѣжденіе. Московское пребываніе съ 24 Декабря 1849 года по 22 Ноября 1851 во многихъ отношеніяхъ для меня замѣчательно.

Буйное время 1848 года все болѣе и болѣе утихаетъ, противодѣйствіе является опредѣленнѣе: папа возвратился въ Римъ, эрцъ-герцогъ Іоаннъ оставилъ свой постъ, учреждена коммиссія, Австріи и Пруссіи даны новыя конституціи, во Франціи ограничено право всеобщихъ выборовъ.

И у насъ духъ времени не прошелъ мимо. Хотя дѣло Петрашевскаго, Спѣшнева и др. не имѣло ничего важнаго, и напрасно связали его, въ указѣ, съ событіями Запада; но духъ времени, дерзкій духъ пытливости и самонадѣянности, виденъ и въ поступкахъ этихъ молодыхъ людей. Этотъ духъ времени имѣлъ послѣдствіемъ мѣры ограниченія въ разныхъ видахъ. Къ числу этихъ мѣръ принадлежатъ: положеніе о земскихъ повинностяхъ, новый тарифъ, измѣненія въ составѣ мелкихъ чиновниковъ и въ дѣлопроизводствѣ. Мѣры сіи по предмету своему чрезвычайно важны и будутъ имѣть большое вліяніе въ послѣдствіи; но онѣ начертаны спѣшно, приведены въ исполненіе не совсѣмъ обдуманно и потому не только не заслужили должнаго вниманія и признательности, но вызываютъ необходимость быть измѣненными и разъясненными. Исполнителями этихъ предначертаній были: о повинностяхъ М. Н. Муравьевъ, человѣкъ свѣдущій, но честолюбивый; по тарифу Тенгоборскій, знающій Австрію лучше Россіи; о сокращеніи чиновниковъ графъ Гурьевъ, получившій Андрея, какъ говорятъ въ Петербургѣ, pour le massacre des innocents [2]); по дѣлопроивводству

---

[1]) К. Н. Лебедевъ, въ то время, къ которому относится эта выдержка изъ его Записокъ, исправлялъ должность оберъ-прокурора въ 1-мъ отдѣленіи 6-го департамента Правительствующаго Сената. П. Б.

[2]) За избіеніе неповинныхъ.

кн. П. П. Гагаринъ, человѣкъ мало испытавшій себя и въ дѣлахъ канцелярскихъ, и въ дѣлахъ государственныхъ. Нельзя не замѣтить, что всѣ эти нововведенія исходили первоначально отъ Государя и не согласны съ воззрѣніями министровъ, а потому и поручены ихъ соперникамъ. Поэтому нельзя ожидать дружнаго ихъ содѣйствія, особенно при введеніи положенія о дѣлопроизводствѣ, положенія содержащаго въ себѣ много важнаго и говорящаго о децентрализаціи и объ усиленіи мѣстныхъ властей. Такое направленіе для Россіи слишкомъ раннее, но тѣмъ не менѣе весьма полезное, если хорошо примѣнить его. Нельзя не пожалѣть, что законодательныя работы у насъ слишкомъ подчинены отвлеченію, теоріи и по большей части разсматриваются чрезвычайно-односторонне и возникаютъ безъ опредѣленныхъ требованій или поводовъ. При этомъ нельзя не припомнить покойнаго Д. В. Дашкова, поборовшаго это направленіе въ лицѣ Сперанскаго, который былъ истый родоначальникъ теоретическаго и отвлеченнаго взгляда на законодательную работу. Въ Москвѣ это направленіе встрѣчаетъ постоянное и открытое порицаніе, не рѣдко поспѣшное и неосновательное. Оно выражается всѣми, высшими и низшими, начальствующими и подчиненными, въ кабинетахъ, въ клубахъ, а особенно въ гостинныхъ. При первой встрѣчѣ со мною генералъ-губернаторъ выразился очень подробно на счетъ Уголовнаго Уложенія 1845 года, весьма рѣзко замѣтивъ все пустое его многословіе, бездѣйствіе его въ лишеніи правъ и преимуществъ, вредъ распространеннаго порядка заключенія, въ государствѣ, гдѣ правъ и преимуществъ мало, а хорошихъ мѣстъ заключенія еще меньше. Осторожно говоритъ Филаретъ о новыхъ мѣрахъ по духовному вѣдомству; но, умышленно или неумышленно, онъ не исполнилъ указа Сѵнода и послѣ трехъ подтвержденій. Поверхностно бранитъ князь Сергій Михаиловичъ распоряженія по его части, посмѣиваясь надъ предположеніемъ принца Ольденбургскаго объ уменьшеніи приносимыхъ дѣтей. За то открыто и смѣло осуждается все что̀ дѣлается по Министерству Просвѣщенія. Здѣсь графъ Строгановъ и даже генералъ Назимовъ умѣютъ возвысить голосъ. Пріѣздъ князя Ширинскаго-Шихматова представлялъ что-то до невѣроятности забавное. Никто не противорѣчилъ его церковничьимъ взглядамъ, но никто также и тѣни не показалъ, что ихъ раздѣляетъ. Университетъ въ открытой борьбѣ съ этими взглядами, выражающейся въ Татьянинъ день и Филаретомъ. Молодежь профессоровъ совершенно-Нѣмецкой школы. Обуздать ее можетъ конечно не г. Назимовъ, весьма близорукій ученый. Вліяніе Университета весьма сильно, и стремленіе его внести науку въ общество упорно и не безъ успѣха. Основаніемъ этому слѣдуетъ считать отсутствіе живыхъ инте-

ресовъ въ жизни Москвы и сосредоточеніе въ Москвѣ опальныхъ людей. Чѣмъ Москвичи заняты? Картами? Карты въ Петербургѣ—орудіе связей дипломатическихъ, политическихъ и коммерческихъ, чего въ Москвѣ нѣтъ. Театрами? Они дурны. Балами? Они дороги. Явленію этому особенно способствовалъ графъ Строгановъ, противникъ графа Уварова. И тотъ и другой сдѣлали изъ науки трещетку и орудіе угодливости: министръ льстя Государю, попечитель льстя Московскому юношеству и лаская свое самолюбіе. Графъ Строгановъ принялъ мысль молодыхъ ученыхъ о національномъ направленіи науки и далъ молодежи болѣе свободы нежели слѣдовало, а далъ это единственно потому, чтобъ показать, что онъ независимѣе отъ министра, чѣмъ думаютъ. Этотъ бунтъ попечителя, безпрестанно выражавшійся въ сношеніяхъ на бумагахъ, кончился увольненіемъ графа Строганова; но этотъ спокойный и покорный Университетъ есть живое противорѣчіе принимаемымъ мѣрамъ. Правительство ограничиваетъ число университетскихъ слушателей, а Университетъ открываетъ чтенія, на которыхъ слушателей цѣлыя сотни. Университетъ такъ принялъ помощника попечителя В. Муравьева, что даже этотъ дерзкій человѣкъ растерялся и былъ на волосъ отъ того, чтобъ его графъ Закревскій выслалъ изъ столицы. Между тѣмъ ученіе въ Университетѣ по прежнему поверхностно, и нѣтъ ни одного человѣка, который бы понялъ настоящее значеніе высшаго образованія. Самый умный изъ генераловъ графъ Закревскій ничего не можетъ сдѣлать. Онъ ищетъ заговоровъ и тайны, моетъ голову неосторожнымъ болтунамъ; а знаетъ ли онъ, чтò читаютъ Рѣдкины, Вернадскіе, Катковы? Знаетъ ли онъ, какъ эта даровитая, но односторонняя школа соединила въ себѣ и голоса каѳедры, и голоса журналовъ, и голоса гостинныхъ? Какое есть имъ противодѣйствіе? Никакого; а поощреніе они находятъ во многомъ: Славянофилы, опальные, какъ и графъ Строгановъ, графиня Ростопчина, Стрекаловъ, Шиповъ, Болховской, Корфъ, Сушковъ, графъ В. Бобринскій, Корсаковъ, И. С. Храповицкій, Обручевъ, особенно Ермоловъ и многіе, многіе, наконецъ, праздная молодежь.

Московская ученая публика гораздо лучше и выше Петербургской; но ученые и литераторы дѣйствуютъ недобросовѣстно. Поставленные графомъ Строгановымъ молодые профессора, слѣдуя образцу, ищутъ популярности льстивыми возгласами у молодежи и порицаніемъ дѣйствительности стараются ввести науку, т.-е. себя, въ свѣтское общество. Они въ этомъ успѣваютъ и основываютъ успѣхъ свой, какъ на томъ, что они члены свѣтскаго общества, такъ и на монополіи, хваля другъ друга въ журналахъ и книгахъ. Изъ сочиненій ихъ болѣе замѣчательны: Аббатъ Сугерій Грановскаго, чтеніе отдѣланное чи-

стенько; Судьбы Италіи Кудрявцева, книга скучная, особенно по претензіи на ученость и самостоятельность выводовъ. Весьма хороши сборники Калачова (Архивъ) и Леонтьева (Пропилеи). Въ послѣднемъ хвалили статью «Римскія женщины» Кудрявцева; статья написана хорошо, хотя водянисто и гораздо хуже его же статьи, написанной имъ въ опроверженіе сочиненія графа Уварова, развившаго мысль Наполеона: les vraies vérités historiques sont difficiles à trouver. Добросовѣстны труды Калачева, Буслаева и Каткова. Разсужденіе Пахмана о доказательствахъ не достаточно серьезно; тоже по моему мнѣнію можно сказать и о произведеніи Соловьева «Исторія Россіи».

Торжеству молодыхъ людей способствуетъ бездѣйствіе старыхъ: Погодинъ со своимъ «Москвитяниномъ» погрузился въ меркантильность и исключительно занятъ своимъ древлехранилищемъ. Шевыревъ считаетъ себя выше ученаго сословія и мало изучаетъ науку. Позабавили они Москву споромъ о Лухмановскихъ рисункахъ, которые графъ Строгановъ называетъ холстинами, Катковъ полотнами, Шевыревъ картонами. Ихъ повезли въ Лондонъ на всемірную выставку, и Atheneum окончательно ихъ уничтожилъ.

Новые таланты Московскіе, кромѣ даровитой графини Ростопчиной, обѣщаютъ развиться: Евгенія Туръ (графиня Сальясъ, урожденная Сухово-Кобылина, ученица бывшаго профессора Надеждина), потомъ Тургеневъ со своими Записками Охотника, Писемскій съ повѣстями и комедіями, Островскій съ комедіей «Банкрутъ» (Свои люди сочтемся), Аксаковъ съ драмой «Освобожденіе Москвы», при единственномъ представленіи, на которое такъ негодовали Трубецкіе и другіе. Вообще мыслительность развита въ Москвѣ весьма сильно, и споры, пересуды, разговоры весьма распространены даже и въ среднихъ слояхъ. Молодыя и старыя женщины этому много способствуютъ. Отсутствіе служебной дѣятельности открываетъ поприще частной. Какъ можно такимъ головамъ, какъ Хомяковъ, Чаадаевъ и др., не служа и не неся никакой отвѣтственности, оставаться въ бездѣйствіи? Въ слѣдствіе многочисленности такихъ не служащихъ и не носящихъ никакой отвѣтственности лицъ, Москва смотритъ республикой, хотя ею управляетъ графъ Закревскій, не допускающій даже конституціонной монархіи. Служебная и общественная дѣятельность Москвы сосредоточивается въ слѣдующихъ учрежденіяхъ:

1. Сенатъ. Онъ, хотя еще и хранитъ старыя преданія, и въ немъ есть еще старые сенаторы не понимающіе и не знающіе дѣла, но уже есть и такіе, которые обходятся безъ секретарей: Дребушъ, Курута, Нечаевъ, Ахлестышевъ, Дашковъ. Взятки есть, но составъ канцерій вообще чище. Много имѣютъ вліянія на рѣшенія сенаторовъ

просьбы и Англійскій клубъ. Запущенія департаментовъ весьма велики. Послѣ уничтоженія канцеляріи 7-го департамента, надобно бы тоже сдѣлать и въ 6-мъ, гдѣ я нашелъ совершенный безпорядокъ, и съ 4-мъ, гдѣ М. Г. П—въ не отыскалъ (и донесъ министру) тысячу дѣлъ и въ 8-мъ, гдѣ въ Августѣ 1851 захвачены два секретаря и оберъ-секретарь по доносу о взяткахъ. Хорошо, что не было доноса о взяткахъ, данныхъ оберъ-прокурорамъ и сенаторамъ.

2. Генералъ-губернаторъ. Это графъ Арсеній Андр. Закревскій, свѣжій старикъ, истинно-добрый человѣкъ, съ умомъ и большими способностями, весьма дѣятельный и исполнительный, но человѣкъ безъ всякаго свѣтскаго образованія, поспѣшный и иногда грубый, часто находящійся подъ вліяніемъ жены и дочери. Онъ обставленъ очень дурно, и я не знаю ни одного человѣка около него, который пользовался бы уваженіемъ и довѣріемъ. Впрочемъ, къ чести графа, надобно сказать, что ни канцелярія, ни кто другой не вліяютъ на него, и онъ дѣйствуетъ самостоятельно. Страхъ 1848 года требовалъ начальника полицейскаго. Графъ Закревскій до сихъ поръ занятъ открытіемъ и предупрежденіемъ заговоровъ—какихъ, о чемъ, гдѣ? Зло производится нынѣ не заговорщиками. Зло распространяется гласностью письма̀ и общественной болтовни. Этого графъ понять не въ силахъ. Въ последнее время онъ самъ поддался Московскому вліянію и почти готовъ льстить мѣстной слабости: порицать, полиберальничать, пообсудить. Зло распространяется недовѣріемъ къ судамъ и властямъ. Въ этомъ отношеніи губернскія учрежденія не заслуживаютъ никакого довѣрія. Губернаторъ Ив. Вас. Капнистъ ни разу не объѣхалъ губерніи и лѣнивъ до крайности. Вице-губернаторъ ***, пользовавшійся общимъ презрѣніемъ, сбытъ въ Рязань въ губернаторы, по предстательству графа, который, къ моему удивленію, на вопросъ почему назначаютъ ***—ва губернаторомъ, отвѣчалъ: «тамъ былъ хуже!» (Кожинъ). На мѣсто ***, по желанію графини, назначили Беринга, который пріѣзжалъ ко мнѣ съ требованіемъ разъясненія: «подчинены-ли ему совѣтники?» Суды, особенно низшіе, до крайности дурны. Прокуроръ слабъ и, не поощряемый министерствомъ, ищетъ въ генералъ-губернаторѣ. Вообще личный составъ чиновниковъ весьма не удовлетворителенъ. Трудно графу Закревскому не быть въ ложномъ положеніи въ городѣ, гдѣ общество считаетъ себя аристократическимъ, гдѣ говорятъ по-французски.

3. Университетъ. Онъ хорошо поддерживаетъ свое достоинство. Генералъ Назимовъ не знаетъ и не понимаетъ ничего въ наукѣ. Это добрый, благородный человѣкъ, но не болѣе. Помощникъ его смѣло взобрался на мѣсто, но не знаетъ, какъ выбраться. Трудно предста-

вить, кто бы былъ такъ нелюбимъ, какъ Валеріанъ Муравьевъ. Университетъ—это главная и лучшая стихія Московской жизни.

4. Общество Сельскаго Хозяйства. Важное учрежденіе это совершенно въ рукахъ Степ. Ал. Маслова. Но общество лишилось души своей въ покойномъ кн. Д. В. Голицынѣ. Теперь оно болѣе говоритъ, нежели дѣйствуетъ. Наука сельскаго хозяйства много потеряла въ Павловѣ *). Предсѣдатель Гагаринъ, вице-президенты Шиповъ и Назимовъ. Общество требуетъ обновленія существеннаго. Оно робко и занято какими-то игрушками. Чтобъ оцѣнить главу его секретаря и директора Маслова, достаточно прочесть его донесенія о поѣздкѣ на всемірную выставку.

5. Воспитательный Домъ, т.-е. ссудная казна и ея учрежденія. Предсѣдатель кн. Серг. Мих. Голицынъ—царекъ Московскій. Начальникъ ссудной казны П. С. Полуденскій, а начальникъ Воспитательнаго Дома кн. А—ъ Петр. Оболенскій, итого ровно 250 лѣтъ. Можно судить, какой порядокъ и сколько дѣятельности. Есть тамъ два живыхъ лица: кн. Ник. Ив. Трубецкой и Ник. Петр. Мартыновъ; но злоупотребленія, вошедшія въ какой-то обычай, искоренить трудно: главный начальникъ кн. С. М. Голицынъ не имѣетъ никакой воли.

6. Дворцовое управленіе едва слышно, хотя время (Августъ и Сентябрь 1851 года) было для него самое благопріятное. Главнымъ здѣсь баронъ Боде, а значитъ все князь Грузинскій и, наконецъ,

7. Московская общественность—это Москва.

Можетъ быть, я мало знаю Московское общество, рѣдко посѣщая его по множеству дѣлъ; но эта стихія въ Москвѣ, по моему мнѣнію, составляетъ главнѣйшую замѣну служебной дѣятельности, очень въ Москвѣ незначительной и совершенно поглощаемой этою общественностью. Какъ Петербургскій, я, можетъ быть, не такъ понимаю эту общественность, но долженъ сказать, что проявленія ея заслуживаютъ вниманія правительства.

Общественность Московская проявляется въ клубахъ, театрахъ, общественныхъ собраніяхъ и въ гостинныхъ. Клубы: Англійскій, Дворянскій, Купеческій и Нѣмецкій, всѣ очень посѣщаемые. Особенно значителенъ первый, который графъ Закревскій называетъ Государственнымъ Совѣтомъ. Тамъ часто рѣшаются дѣла Сената, оканчиваются тяжбы сдѣлками, тамъ выражается оппозиція генералъ-губернатору заболтированіемъ его любимцевъ, тамъ свиданіе всѣхъ Московскихъ представителей. Бывали тамъ толки и пересуды, но при

*) Михаилѣ Григорьевичѣ. Это отецъ Н. М. Павлова, книга котораго „Наше переходное время" приложена къ „Русскому Архиву" 1888 года. П. Б.

графѣ Закревскомъ прекратились. Знающіе дѣло жалуются, что мала игра и что много молодыхъ людей—это бѣда. Но бѣда эта гораздо сильнѣе, въ другихъ клубахъ, гдѣ нѣтъ порядочнаго тона и средствъ и гдѣ праздная и разгульная вольность молодежи иногда принимаетъ видъ довольно сальной и пьяной компаніи, доходящей или до непростительной шалости, или до рукопашной расправы. Ограниченія клубной жизни настоятельно требуютъ маменьки и дочки, которыя скучаютъ въ опустѣвшемъ кругу семейномъ. Отъ скуки они ѣдутъ въ театръ.

Театры Московскіе весьма посредственны и имѣютъ то общее съ Петербургскими, что Французскій дразнитъ вниманіе зрителей не совсѣмъ пристойными фарсами, а Русскій, гдѣ, кромѣ Щепкина есть дарованія замѣчательныя, подавленъ требованіями мало образованныхъ зрителей и потому рѣдко серьезно изучаетъ пьесу и часто впадаетъ въ грубость. Если пріѣдетъ Эльснеръ или Самойловъ—восхищеніямъ нѣтъ конца. Цвѣты, обѣды, браслеты, стихи, отпряжка лошадей—словомъ, всѣ преувеличиванія людей мало видящихъ замѣчательнаго. Во всѣхъ этихъ преувеличиваніяхъ виновато конечно не правительство, а недостатокъ такта и порядочнаго обычая, вообще весьма трудно утверждающагося въ такой огромной деревнѣ, въ которой пріѣзжихъ на время гораздо болѣе постоянныхъ представителей общественности.

Ученыя собранія очень дѣятельны. Особенно это должно сказать объ Историческомъ Обществѣ, которое такъ много обязано графу Строганову и профессору Бодянскому; Общество Медицинское, гдѣ много трудятся ученый Полунинъ и химикъ Лясковскій, Общество Испытателей Природы, подъ предсѣдательствомъ старца Фишера.

Общества частныя, гостинныя, у многихъ лицъ, но особенно у графини Ростопчиной и у дяди ея Сушкова. Былъ я раза три у Погодина: собранія умныя, но немного табачныя и студентскія.

Графиня Ростопчина есть истинная Московка-демократка, либералка, талантъ смѣлый, языкъ рѣзкій, стихъ прекрасный. Она дурно пишетъ прозою. Въ прозѣ графиня Сальясъ-де-Турнемиръ беретъ верхъ надъ нею и надъ всѣми. Изъ мущинъ въ обществѣ главенствуетъ надъ всѣми всезнающій Хомяковъ, дѣйствительно замѣчательный человѣкъ; потомъ С. П. Шевыревъ, профессоръ съ большими свѣдѣніями. Удивительно, какъ этотъ ученый профессоръ мало пользуется уваженіемъ. Молодежь, по словамъ Плещеева, называетъ его камеръ-дихтеръ всѣхъ генералъ-губернаторовъ.

Департаментъ мой нашелъ я, въ полномъ смыслѣ слова, въ совершенномъ безпорядкѣ. Я пробылъ въ Москвѣ около двухъ лѣтъ и оставилъ департаментъ еще не окончательно устроеннымъ. Не стану говорить, что̀ перенесъ я непріятнаго въ теченіи этого времени. *Сенаторы*: Д. Н. Болговской и А. В. Дашковъ, престарѣлые, не присутство-

вали. Кн. Петръ Иван. Трубецкой и Серг. Гер. Батуринъ присутствовали всегда и рѣдко мѣшали; присутствовалъ не всегда, но всегда мѣшалъ старшій и умнѣйшій изъ всѣхъ ***, бывшій оберъ-прокуроръ Сvнода, человѣкъ правдивый и убѣждающійся, но въ высочайшей степени надоѣдливый, привязчивый, своенравный. Я не знаю человѣка, который любилъ бы его. Канцелярія ненавидѣла его. «Это напасть!» говорилъ оберъ-прокуроръ Зубковъ. «Это ничтожество!» говорилъ сенаторъ Мартыновъ. «Это медлительная смерть!» говорилъ кн. П. И. Трубецкой на слова ***: пять разъ отмѣрь, одинъ разъ отрѣжь. Мы сошлись съ нимъ, но немало это стоило моему самолюбію. Теперь я съ нимъ разстался по службѣ; желаю, чтобъ навсегда. *** женился на прекрасной дѣвушкѣ. Она умерла. У него осталось двѣ дочери и два сына: Юрій очень умный, но болѣзненный и еще сынъ болѣзненный. Нестерпимый по службѣ *** дóма человѣкъ хорошій, пріятный и хлѣбосолъ.

Дѣлъ, которыя довелось мнѣ вести, было много; упомяну о слѣдующихъ:

1. Дѣло Устинова объ убійствѣ полковника Якубинскаго. Дѣло огромное. Кто и за чтò убилъ молодаго богача, рѣшительно неизвѣстно. Можетъ быть камердинеръ, упорный Хохолъ; можетъ быть лекарь, вспыльчивый пріятель Устинова. Видно только, что каждая строка дѣла заплачена золотомъ Устинова. Замѣчательно, что по прибытіи моемъ въ Москву, я нашелъ дѣло для переписки въ Работномъ Домѣ.

2. Дѣло о растратѣ мѣдной монеты; въ растратѣ виновата Казенная Палата, но такъ какъ тамъ предсѣдательствовалъ Серг. Дм. Киселевъ (покойный), то признали виновными откупщиковъ и изъ нихъ одного Визигина. Опредѣленіе истребовано было въ министерство, куда я послалъ его безъ моего мнѣнія. Киселевъ зналъ о его разрѣшеніи прежде меня и, привезя мнѣ письмо Пл. Д. Илличевскаго къ брату его, просилъ, нельзя ли намъ сгладить натяжки, допущенныя по дѣлу для устраненія предсѣдателя: замѣчательная просьба добродушнаго человѣка.

Москва кишитъ преступленіями: въ разорившемся дворянствѣ поддѣльными векселями Загряжскаго,..... Бородина, Нилуса; въ купечествѣ подлогами безпрерывными; въ мелкомъ чиновничествѣ, гдѣ изъ подлоговъ и обмановъ сдѣлали родъ промысла.

Графъ Закревскій много переводитъ мелкихъ мошенниковъ, но мошенничества не переведешь, и оно все болѣе и болѣе втирается въ слои высшіе.

Въ этомъ отношеніи 6-й Московскій Департаментъ имѣетъ большую важность.

ГРАФИНЯ Е. П. РАСТОПЧИНА И ЕЯ ПРИВЕРЖЕННОСТЬ КЪ КАТОЛИЧЕСТВУ.

Графиня Екатерина Петровна Растопчина, урожденная Протасова, была супруга извѣстнаго Ѳеодора Васильевича Растопчина. Она родилась въ 1775 г. и, доживъ до глубокой старости, умерла на восемдесятъ второмъ году своей жизни въ Ноябрѣ 1856 года. Обстоятельства обнаружившія ея католичество состояли въ слѣдующемъ. Московской военный генералъ-губернаторъ князь Димитрій Владимировичъ Голицынъ, по дошедшимъ до него слухамъ, далъ знать митрополиту Филарету, что живущій у графини Растопчиной аббатъ Боржуа, въ подмосковномъ селѣ ея Вороновѣ, простеръ свою дерзость до того, что, вошедъ въ приходскую церковь, надѣлъ лежавшую въ оной священническую рясу и вошелъ въ алтарь; что мѣстный священникъ напомнилъ ему о неприличности сего поступка, но вѣроятно, находясь совершенно подъ вліяніемъ графини Растопчиной не донесъ о томъ начальству. Получивъ такое извѣстіе отъ генералъ-губернатора, Филаретъ поступилъ такъ. Онъ вызвалъ къ себѣ лично Вороновского священника Алексѣя Петрова и по увѣщаніи, чтобы онъ показалъ чистую истину съ изъясненіемъ, что, оказавшись неправодушнымъ, онъ принудитъ начальство отвести его отъ занимаемаго имъ мѣста, спрашивалъ его о религіозныхъ убѣжденіяхъ графини. Священникъ показалъ, что въ селѣ Вороновѣ у графини Растопчиной есть заведеніе для воспитанія дѣтей женскаго пола, числомъ ихъ (т. е. дѣтей) десять, всѣ Французской и Нѣмецкой націи; что въ этомъ заведеніи аббатъ Боржуа состоитъ учителемъ; что совершаетъ ли этотъ аббатъ какое-либо богослуженіе въ домѣ графини, священникъ утвердить сего не можетъ и наконецъ, что въ церковь приходскую и въ алтарь аббатъ Боржуа входилъ для посмотрѣнія новоустроеннаго придѣла, а священнической одежды никакой не надѣвалъ. Въ дополненіе къ своему показанію священникъ Петровъ присовокупилъ митрополиту, что слышалъ отъ дворовыхъ людей, что аббатъ въ домѣ графини богослуженіе совершалъ, а какое неизвѣстно.

Всего достовѣрнѣе и естественнѣе конечно было бы провѣрить показанія Вороновскаго священника чрезъ мѣстнаго благочиннаго, къ каковому способу и прибѣгалъ обыкновенно всегда на практикѣ митрополитъ Филаретъ въ дѣлахъ требовавшихъ такого или иного разслѣдованія. Но

въ данномъ дѣлѣ, по мысли митрополита, оказалось ненадежнымъ употребить для разслѣдованія мѣстнаго благочиннаго, который въ это время былъ самъ замѣченъ въ нѣкоторыхъ поступкахъ, такъ что въ умѣ владыки возникалъ вопросъ, можетъ ли онъ долѣе пользоваться довѣріемъ начальства по должности благочиннаго. Филаретъ продолжалъ развѣдываніе чрезъ окрестныхъ священнослужителей частнымъ путемъ и получилъ слѣдующія свѣдѣнія.

Сынъ графини*) вступилъ въ бракъ съ лицемъ Римского исповѣданія, графиня содержитъ въ своемъ домѣ многихъ Римско-католиковъ. Въ 1833 году, когда двое изъ крестьянъ, на вербной недѣлѣ, пришли было въ церковь исповѣдаться, управляющій, вытребовавъ ихъ изъ самаго храма, наказалъ жестоко за то только, что, вмѣсто исполненія дѣлъ господскихъ, они пришли въ церковь. Въ праздники православной церкви, не уважаемые Римскою церковью, управляющій занимаетъ народъ господскою работою. Вдовѣ Мишле графиня, обманутая иностранною фамиліею, сдѣлала пособіе; но, въ другой разъ, узнавъ, что она православная, не дала ей ничего и запретила являться впредъ. Въ имѣньи графини, въ саду, въ такъ называемомъ Голандскомъ домѣ, есть Римско-католическій храмъ алтарь около двухъ аршинъ вышиною, на немъ Распятіе и образъ Божіей Матери, ризница въ особомъ сундукѣ; въ лѣтнее время 1834 г. здѣсь было совершаемо богослуженіе пасторомъ Лябе; сей пасторъ въ православномъ храмѣ былъ и надѣвалъ въ ономъ ризы священническія.

Негласно допрашиваемые митрополитомъ священники основывали между прочимъ свои показанія на сообщеніяхъ дворовыхъ людей графини и одного лица, служившаго въ домѣ графини по найму. Эти послѣднія лица сообщали также и то, что сама графиня въ православномъ храмѣ бывала лишь тогда, когда у нея не было Латинскаго; а по устроеніи сего стала бывать въ первомъ только во время отлучекъ аббата. У нея находилось въ вотчинѣ училище изъ 12-ти дворянскихъ дѣвицъ, которыхъ обучаетъ постоянно мадамъ Турне́, а временно аббатъ. Эти дѣвицы были всѣ Римско-католическаго исповѣданія въ возрастѣ отъ 7 до 14 лѣтъ.

По собраніи этихъ свѣдѣній митрополитъ Филаретъ доносилъ Сѵноду, не благоугодноли будетъ обратить начальственное вниманіе на то, по какому праву отпадшая отъ православія графиня Растопчина имѣетъ Латинскую домовую церковь и не будетъ ли признано за нужное перевести въ другой приходъ Вороновскаго священника. Св. Сѵнодъ дозволилъ митрополиту перевести Вороновскаго свящ. въ другой приходъ. Аббатъ Боржуа оставилъ графиню и розысканъ не былъ.

Н. Кедровъ.

---

*) Старшій, графъ Сергѣй Ѳедоровичъ. П. Б.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ОБЪ А. Н. ОСТРОВСКОМЪ.

Послѣдніе дни жизни его въ Москвѣ (17—28 Мая 1886 г.).

....Еще задолго до отъѣзда своего семейства въ Костромское имѣніе Щелыково (Кинешемскаго уѣзда), Александръ Николаевичъ сталъ тосковать о томъ, что ему придется жить одному, въ гостинницѣ; а между тѣмъ семейство необходимо было отпустить въ деревню, чтобы привести въ порядокъ тамошнее хозяйство. Въ Москвѣ оставались его два сына, Михаилъ и Сергѣй Александровичи. Оба молодые люди были заняты своими экзаменами, первый въ университетѣ, второй въ гимназіи и жили отдѣльно отъ отца у одного изъ своихъ родственниковъ. Самъ же Александръ Николаевичъ поселился въ гостинницѣ Дрезденъ, на Тверской, противъ зданія генералъ-губернатора, въ № 34. Вскорѣ номеръ этотъ оказался для него неудобнымъ, такъ какъ выходилъ окнами на солнечную сторону, отъ чего въ номерѣ было душно, и поэтому Александръ Николаевичъ перешелъ въ другой, № 27, выходящій окнами на Сѣверъ. Здѣсь онъ былъ занятъ проектомъ преобразованія Московскаго Театральнаго Училища и составленіемъ для него новыхъ штатовъ, а также и многими дѣлами, относившимися до репертуарной части.

До выѣзда семейства въ имѣніе, Александръ Николаевичъ занималъ превосходную, помѣстительную и удобную въ хозяйственномъ отношеніи квартиру въ домѣ князя Голицына, противъ храма Христа Спасителя, на Волхонкѣ. Онъ жилъ въ этой квартирѣ нѣсколько лѣтъ сряду; но, съ занятіемъ при Императорскихъ Московскихъ театрахъ должности завѣдующаго репертуарною частію и Училищемъ, ему пришлось обзавестись экипажемъ и лошадьми для сообщенія съ театрами и школою, чего далеко не окупали отпускаемыя отъ казны средства на наемъ квартиры. Поэтому, пока не открылось для него казенной квартиры въ одномъ изъ театральныхъ зданій, онъ задумалъ поселиться поближе къ театрамъ. И вотъ, во второй половинѣ Мая, Пречистенская его квартира была очищена.

Какое подавляющее впечатлѣніе произвели на меня эти опустѣлые обширные аппартаменты, гдѣ такъ хорошо и уютно жилось Александру

Николаевичу съ семействомъ!.. Забыть не могу я того впечатлѣнія, когда 17 Мая я вошелъ въ его обнаженный кабинетъ. Куда исчезла роскошная библіотека Русскихъ и иностранныхъ драматическихъ писателей, Русскихъ и иностранныхъ литературныхъ знаменитостей!.. Куда скрылись со стѣнъ фотографическіе портреты артистовъ и писателей! Теперь за рабочимъ, еще неубраннымъ столомъ, сидѣлъ самъ Александръ Николаевичъ, блѣдный, съ старчески-болѣзненнымъ лицомъ и полузакрытыми вѣками. Еще наканунѣ я его видѣлъ не такимъ. Меня поразила такая внезапная въ немъ перемѣна. Въ кабинетѣ я засталъ И. И. Ш—на, стариннаго пріятеля Александра Николаевича.

— Ахъ, amicus! протягивая руку, съ легкимъ восклицаніемъ встрѣтилъ меня Александръ Николаевичъ. Садитесь! И онъ указалъ мнѣ на одинъ изъ порожнихъ стульевъ, очевидно позаимствованныхъ у управляющаго домомъ.

— Что̀ со мною было вчера! махнувъ рукой, нетвердымъ голосомъ произнесъ Александръ Николаевичъ—чуть не умеръ!.. Упалъ, вотъ тутъ на диванѣ (диванъ уже былъ убранъ). Еле-еле отходили... Какъ отдышался, не знаю...

Мы съ Ш—мъ переглянулись. Вѣроятно онъ тоже, что̀ и я подумалъ: „не хорошо!“ Ш—нъ скоро уѣхалъ. Бесѣдуя со мной о театральныхъ дѣлахъ (замѣчу кстати, что я былъ личнымъ секретаремъ покойнаго *), Александръ Николаевичъ постоянно потиралъ грудь противъ сердца. Я спросилъ, что̀ это значитъ?

— Сердце болитъ, былъ отвѣтъ.

Я пошелъ проститься съ семействомъ, такъ какъ въ этотъ день оно уѣзжало. Вернувшись къ Александру Николаевичу, я получилъ отъ него слѣдующее приглашеніе:

— Завтра, въ двѣнадцать часовъ, милости просимъ ко мнѣ на новоселье: Дрезденъ, № 34. Впрочемъ, Сергѣй Михайловичъ—знакомы съ Минорскимъ?—вамъ укажетъ. (Г. Минорскій—управляющій дѣлами г-жи Андреевой, въ домѣ которой находится ею же содержимая гостинница Дрезденъ).

Въ Воскресенье, 18 Мая, я опять засталъ у него Ш—на и попалъ какъ разъ къ завтраку. Александръ Николаевичъ предложилъ мнѣ рюмку водки и на закуску икры, причемъ улыбнувшись замѣтилъ:

— Только икра не наша, не съ „Божьяго Промысла“. Дома у него подавалась всегда икра, выписываемая съ Кавказа. Самъ онъ закусывалъ нехотя и жаловался вообще на отсутствіе аппетита, а въ Понедѣльникъ и на безпокойно-проведенную ночь, хотя, какъ и всегда, работалъ неутомимо. Тогда же, съ озабоченнымъ видомъ, онъ сказалъ мнѣ:

— Меня удивляло, почему изъ Петербурга больше двухъ недѣль я не получалъ никакихъ извѣстій. Оказывается, братъ-то Михаилъ Николаевичъ болѣлъ воспаленіемъ легкихъ... Отъ меня скрывали... Слава Богу, попра-

*) Былъ бы и оффиціальнымъ, еслибы не смерть Александра Николаевича.

вился; думаетъ, послѣ закрытія засѣданій въ Государственномъ Совѣтѣ, ѣхать за границу, на воды съ племянницами... Любочкѣ надо полечиться. (Племянницы, Марья и Любовь Сергѣевны, дочери давно уже умершаго ихъ роднаго брата).

Во Вторникъ, 20 Мая, съ 9 часовъ утра я былъ уже у Александра Николаевича, и мы занимались письмомъ къ Мишле, бывшему контрагенту Императорскихъ Театровъ, по поводу недоразумѣній, происшедшихъ при пріобрѣтеніи дирекціей оперы „Мефистофель", соч. Бойто. Александръ Николаевичъ имѣлъ справедливое основаніе быть недовольну этимъ контрагентомъ. Тревожили его также и бывшія у него на разсмотрѣніи театральныя дѣла, въ которыхъ онъ нашелъ безпорядокъ, и поэтому съ утра онъ былъ сильно взволнованъ. Пришелъ сынъ его, студентъ. Поручивъ ему написать письмо въ Петербургъ и отослать забытый у него проѣздомъ племянницею дипломатъ, онъ просилъ прибавить о себѣ, что нездоровъ, и снова занялся со мною.

Нѣсколько спустя, онъ всталъ, пройдясь по комнатѣ, опять сѣлъ противъ меня и, мѣняясь въ лицѣ, вдругъ устремилъ на меня свои потускнѣвшіе глаза, едва переводя духъ. Меня охватилъ страхъ за его жизнь. Такъ онъ молча просидѣлъ минуты три; лицо все болѣе и болѣе накрывалось смертною блѣдностью, губы посинѣли.

— Я сейчасъ умру... я умираю,—вдругъ произнесъ задыхающимся голосомъ Александръ Николаевичъ и вытянулся: глаза закрылись; голова скатилась за спинку кресла; руки свѣсились.

— Папа! Милый папа! закричалъ сынъ.

Отыскали въ шкапу чистое полотенце, намочили и положили его на голову. Сынъ вышелъ послать за докторомъ, а я, осторожно поднявъ голову Александра Николаевича, началъ цѣловать его. Онъ былъ неподвиженъ. Пробовалъ я пульсъ—не бьется... Вскорѣ онъ очнулся и велѣлъ сбросить съ головы компрессъ; потомъ, поддерживаемый мною, всталъ. Отъ сильнаго испуга меня било какъ въ лихорадкѣ. Онъ замѣтилъ это и сказалъ:

— Не трогайте меня... Вы дрожите... Стойте возлѣ... если буду падать, поддержите.

Не шевеля ни однимъ мускуломъ и нѣсколько откинувъ назадъ голову, онъ стоялъ предъ письменнымъ столомъ съ полузакрытыми глазами и чуть открытымъ ртомъ; дыханіе было медленное и неровное. Вдругъ полилъ съ него такой обильный потъ, что крупными каплями падалъ съ лица и рукъ. Сохраняя разъ принятое положеніе и не мѣняя бѣлья, онъ обтирался полотенцами. Кто-то спросилъ: можно ли принять доктора? (кажется, прибылъ врачъ Тверской части). Александръ Николаевичъ отказалъ. Онъ пользовался постоянно у профессора Остроумова, къ которому и посылалъ послѣ, когда припадокъ прошелъ.

Во время припадка нѣсколько разъ навѣдывался къ нему С. М. Минорскій. Будучи съ дѣтства знакомъ Александру Николаевичу, онъ съ рѣд-

кой, сыновней заботливостью ухаживалъ за нимъ, ночевалъ вмѣстѣ и дѣлилъ досужее время безотлучно въ его обществѣ. Однажды, даже онъ увлекъ тяжелаго на подъемъ Александра Николаевича освѣжиться за городъ и ѣздилъ съ нимъ на Воробьевы горы.

— Ну, вздохнулъ вольнѣе Александръ Николаевичъ,— боль проходитъ... остается только въ оконечностяхъ пальцевъ.

Обыкновенно онъ жаловался на ломоту въ груди и рукахъ, чѣмъ и вызывались эти мучительные припадки. Когда боль окончательно унялась, онъ сѣлъ и пробовалъ закурить, но тотчасъ же бросилъ. Курилъ онъ очень много и самъ крутилъ себѣ папиросы изъ табака крупной крошки, который получалъ, по собственному заказу, съ фабрики Бостанджогло. Бѣлья онъ не мѣнялъ, потому что боялся тронуться съ мѣста, и у него показался легкій ознобъ. Я накинулъ на него пледъ, въ который онъ укутался. Затѣмъ мы кончили письмо къ Мишлѐ. Припадокъ съ нимъ случился какъ разъ въ пріемный день, которыхъ у него было два на недѣлѣ: Вторникъ и Пятница. А кабинетъ для пріема находился въ зданіи Театральнаго Училища. Онъ аккуратно высиживалъ назначенные для пріема часы отъ 12 до 3, а иногда и дольше; потому что просителямъ и желающимъ его видѣть не было числа. За исключеніемъ служащихъ и артистовъ, которые входили къ нему безъ доклада, всѣхъ постороннихъ лицъ я записывалъ въ нарочно заведенные мною пріемные листы. Разъ я насчиталъ такихъ посѣтителей до 52. Иные являлись къ нему просто ни зачѣмъ, такъ только посмотрѣть на крупную литературную знаменитость...

По порученію Александра Николаевича я отправился въ Училище объявить, что пріема не будетъ впредъ до его выздоровленія и, кстати, доложить А. А. Майкову (бывшему управляющему Императорскими Московскими Театрами) о его болѣзни и желаніи съ нимъ видѣться. Александръ Николаевичъ всегда съ искреннимъ уваженіемъ отзывался о немъ...

Отдѣлавшись въ школѣ, гдѣ задержали меня драматическіе артисты, съ которыми въ то время возобновлялись контракты, около 5 ч. пополудни я завернулъ въ Дрезденъ провѣдать больнаго. Я нашелъ его въ номерѣ г. Минорскаго, гдѣ онъ разсматривалъ фотографическіе снимки нѣкоторыхъ сценъ и декорацій изъ его „Воеводы", вмѣстѣ съ исполнителемъ ихъ, М. М. Пановымъ. Въ 6 часовъ вечера навѣстилъ его А. А. Майковъ. Они бесѣдовали около часа, оставшись вдвоемъ. На другой день Александръ Николаевичъ ожидалъ къ себѣ профессора Остроумова. Прописанное имъ лекарство (кофеиновыя пилюли, кажется) не приносило ожидаемой пользы. Съ нимъ ежедневно повторялись припадки, хотя не въ такой степени какъ 20 числа. Попрежнему и спалъ плохо, и аппетитъ отсутствовалъ, и желудокъ не работалъ, не говоря уже о ломотѣ въ груди и рукахъ. Иногда послѣ припадковъ, онъ находился въ забытьѣ или засыпалъ, сидя въ креслѣ. Сонъ былъ непродолжителенъ и чутокъ. Домаш-

ній костюмъ его (въ теплое время) состоялъ изъ синяго трико пиджачной пары, сверхъ Русской изъ плотнаго чесунча рубахи; жилета не надѣвалъ; брюки въ таліи не застегивались. Бывало, послѣ припадка, спроситъ:— Блѣденъ я?

Конечно, стараешься его успокоить. Казалось, онъ избѣгалъ смотрѣться въ зеркало, хотя оно стояло тутъ же въ простѣнкѣ, между окнами. Куреніе табаку, при порокѣ сердца и сильномъ разстройствѣ всей нервной системы, безъ сомнѣнія, усложняло его болѣзнь, приближая къ преждевременной кончинѣ. Зайдя какъ-то къ нему съ воздуха, я задохнулся: до того номеръ пропитался никотиномъ. Я не выдержалъ и заявилъ откровенно:

— Простите, Александръ Николаевичъ, здѣсь дышать невозможно; кажется, и стѣны насквозь пропитаны табакомъ.

Надо замѣтить, что у него дозволялось курить безпрепятственно и, какъ на бѣду, его постоянные посѣтители, за ничтожнымъ исключеніемъ, были курящіе.

— Откройте, вонъ то окно и дверь настежъ, пускай просквозитъ; я покуда постою тамъ, сказалъ Александръ Николаевичъ и самъ скрылся въ спальню.

Дверь и окно были открыты; потянуло сквознякомъ.

— Довольно, проговорилъ онъ нетерпѣливо:—закройте окно; воздухъ проникаетъ сюда.

Какъ только онъ чувствовалъ себя болѣе или менѣе сносно, онъ не могъ сидѣть безъ дѣла и если работа уже не спорилась, какъ прежде, въ его рукахъ, то обдумывалась и зрѣла въ его головѣ. Въ послѣдніе дни жизни онъ, въ рѣдкихъ случаяхъ, брался за перо. Что̀ нужно было передать на бумагу, подъ его диктантъ записывали или я, или его старшій сынъ. Такъ, послѣдній писалъ черняки училищныхъ штатовъ, я—болѣе или менѣе серьознаго содержанія бумаги.

Грустно, что Александръ Николаевичъ придавалъ значеніе интригѣ. Это сильно поколебало и безъ того его плохое здоровье. Какіе-то шуты, съ цѣлью подорвать авторитетъ новаго театральнаго управленія (А. А. Майкова и А. Н. Островскаго), распустили по городу молву, что не прошло еще четырехъ мѣсяцевъ со времени его вступленія, какъ оно успѣло уже передержать по оперному бюджету до 30 тыс. рублей. Встревоженный шутовскою продѣлкой, Александръ Николаевичъ вытребовалъ изъ Театральной Конторы дѣла, касающіяся оперной труппы; но въ нихъ господствовалъ хаосъ, поставившій въ тупикъ и вызванныхъ для разъясненія чиновниковъ С. и З. Впрочемъ, г. З., ближе стоявшій къ цифрѣ, призналъ впослѣдствіи, что передержка по оперѣ сдѣлана была еще *прежнимъ* управленіемъ. Это успокоило Александра Николаевича. А, вѣдь, собственно говоря, еслибы и дѣйствительно была сдѣлана 30-титысячная передержка, много ли она значила въ сравненіи съ сдѣланными до сего милліонными передержками? Но ея не было, хотя, въ виду ожидавшагося тогда пріѣзда въ Москву Высочайшаго двора (къ 15 Мая 1886 г.), Александръ Никола-

евичъ озаботился на всякій случай усилить составъ оперной труппы двумя лишними контральто. Не въ этомъ-ли передержка?

Немало удивлялся Александръ Николаевичъ, что содержаніе главнаго капельмейстера, 5000 р., и плата за акомпаниментъ на рояли, 1000 р., отнесены были на оперный бюджетъ, а не на оркестровый, по прямому своему назначенію.

При такихъ-то обстоятельствахъ, однажды, поникнувъ головою и ударяя указательнымъ пальцемъ по театральнымъ бумагамъ, Александръ Николаевичъ, обращаясь ко мнѣ, сказалъ:—Да, amicus, да Николай Антоновичъ, приходитъ послѣдній актъ моей жизненной драмы!

Я не утверждаю, чтобы слова его относились исключительно къ театру. Были вѣроятно и другія причины, вызвавшія это восклицаніе.

Какъ при лицѣ, завѣдывавшемъ самостоятельно отдѣльною частью Императорскихъ Театровъ, у Александра Николаевича, чередуясь, дежурили ежедневно, по одному въ извѣстные часы, театральные капельдинеры. Несмотря, однако, на это, въ мое отсутствіе, желающіе его видѣть проникали къ нему свободно, даже безъ доклада. А это въ большинствѣ случаевъ весьма вредно отзывалось на его болѣзненно-впечатлительной натурѣ.

— Меня осаждаютъ разными вопросами, на которые хотѣлось бы отвѣчать; такъ, напримѣръ, по поводу новыхъ штатовъ,—жаловался онъ мнѣ: кто *имъ* сказалъ, что я занимаюсь составленіемъ штатовъ по администраціи, тогда какъ это дѣло вовсе не мое, а Аполлона Александровича (Майкова)... Сейчасъ приходилъ ко мнѣ N, очень взволнованный... Я успокоилъ его...

Немудрено было знать о томъ, что пересматривались штаты. Какъ Александръ Николаевичъ, такъ равно и А. А. Майковъ требовали къ себѣ дѣла изъ той же Театральной Конторы, изъ которой являлись къ нимъ просители. Просители эти, вѣроятно, ожидали такого же погрома, какой произошелъ при перемѣнѣ Московскаго конторскаго управленія въ 1882 году когда чуть не поголовно были оставлены за штатомъ заматорѣлые въ своемъ работники-чиновники. Тогда же, между прочимъ, послѣ нѣсколькихъ оскорбительныхъ для всякаго самолюбія вступленій (проникшихъ потомъ „въ печать“) главнымъ дѣятелемъ конторской реформы, водворявшимся въ Москвѣ, было внушено этимъ безотвѣтнымъ труженикамъ, что онъ присланъ „казнить и миловать“ ихъ. А, вѣдь, при одинаковыхъ условіяхъ труда, они получали крохи, 200—300 р. годоваго содержанія, въ сравненіи съ замѣнившими ихъ чиновниками, получающими 2000 и 1000 р. minimum. Какъ мы мало вѣримъ тому, чтобы въ наше время благоразумный человѣкъ могъ употребить выраженіе „казнить и миловать“, такъ точно напрасно пугались чиновники новыхъ штатовъ, еслибы имъ суждено было осуществиться при основанномъ въ 1886 г. и нынѣ упраздненномъ управленіи Московскихъ Театровъ. А еслибы и случились какія-либо перемѣны, то кумовство и родство остались бы, конечно, въ сторонѣ.

Въ число прочихъ дѣлъ, для разрѣшенія которыхъ Александръ Николаевичо оставался на нѣкоторое время въ Москвѣ, входило и возобновленіе контрактовъ по драматической труппѣ. По этому поводу привожу слѣдующій эпизодъ. Одному изъ старыхъ артистовъ-пенсіонеровъ Александръ Николаевичъ желалъ увеличить содержаніе; а такъ какъ, по неимѣнію свободныхъ суммъ, не представлялось возможности въ томъ году исполнить это, то онъ поручилъ мнѣ написать возобновленіе съ нимъ контракта на *одинъ годъ, а не на три на прежнихъ условіяхъ*, какъ просилъ онъ въ своемъ заявленіи. Въ виду уже ходившихъ между артистами слуховъ, что здоровье Александра Николаевича не прочно, артистъ, не рѣшаясь на личное объясненіе съ нимъ, упрашивалъ меня склонить Александра Николаевича на возобновленіе контракта согласно его ходатайству. Я долго не рѣшался уважить просьбу почтеннаго артиста, потому что этимъ надо было выразить или *недовѣріе* къ доброму намѣренію Александра Николаевича, или ужъ слишкомъ рѣзко намекнуть на *непрочность* его жизненнаго существованія. Наконецъ, вынужденный настойчивыми просьбами артиста, я скрѣпя сердце доложилъ Александру Николаевичу о его ходатайствѣ. Въ то время случился тутъ другой артистъ той же труппы.

— Что жъ онъ не довѣряетъ мнѣ? послѣдовалъ вопросъ.

— Кто его знаетъ, отвѣчалъ я уклончиво.

— Вотъ чудакъ-то! обратился Александръ Николаевичъ къ артисту:— я хочу въ будущемъ году ему прибавить, а онъ отказывается.

— Видите-ли, что, Александръ Николаевичъ, необдуманно возразилъ артистъ:— наши артисты запуганы этими театральными поручиками. Былъ примѣръ: одному артисту обѣщали возобновить контрактъ, а по истеченіи срока обманули. Понятно, что онъ боится, чтобы и съ нимъ не повторилось того же, если *опять пойдутъ эти поручики.*

Я обомлѣлъ отъ этихъ непригожихъ словъ артиста. Краснорѣчивѣе трудно было сказать что-либо почти на глазахъ умирающему человѣку. Однако, непригожество *убѣдительно* подѣйствовало на Александра Николаевича: не возражая артисту, онъ поручилъ мнѣ уступить ходатайству стараго актера.

Какъ бы желая доказать, что онъ не такъ безнадежно боленъ, какъ вообразилъ себѣ артистъ-посѣтитель, Александръ Николаевичъ не принялъ предложеннаго имъ, на выгодныхъ условіяхъ, способа перемѣщенія, отъ Москвы до Кинешмы, въ особомъ вагонѣ съ приспособленіемъ для него спокойной кровати, или висячей койки, въ родѣ гамака.

Самый продолжительный припадокъ былъ 24 Мая, въ Субботу; длился онъ съ 10 ч. утра до 4 ч. пополудни. Все это время Александръ Николаевичъ стоялъ на ногахъ, неподвижно: только подобнымъ положеніемъ, болѣе или менѣе, облегчались его страданія. Я и г. Минорскій находились возлѣ. Слегка зашумѣла дверь.

— Кто тамъ? спросилъ шопотомъ Александръ Николаевичъ.

— Авранекъ, шепнулъ я.

— Уведите его; узнайте, чтó ему нужно.

Я вышелъ съ г. Авранекомъ.

Итакъ, несмотря на болѣзненное состояніе, онъ принималъ всѣхъ имѣвшихъ съ нимъ, какъ съ начальникомъ репертуара и школы, служебныя отношенія, если не самъ лично, то поручалъ мнѣ, или же (когда я находился въ его присутственномъ кабинетѣ, а самъ онъ принять не могъ) адресовалъ ко мнѣ въ школу.

Въ тотъ день, т.-е. 24 Мая, я заходилъ къ нему три раза. У него безвыходно, если не ошибаюсь, съ 3 ч. дня и почти до ночи, сидѣлъ докторъ С. В. Добровъ, до пріѣзда котораго, послѣ ухода моего съ Авранекомъ, съ нимъ дѣлилъ время г. Минорскій. Во второй разъ я пришелъ довольно поздно, около $5^1/_2$ ч., а послѣ обѣда отправился къ Александру Николаевичу смѣнить кого-то изъ дежурившихъ около него и поговорить о дѣлахъ. Тогда, между прочимъ, онъ сказалъ мнѣ!

— Нѣтъ лучше смерть, чѣмъ такая жизнь!

И сидя въ креслѣ онъ долго дремалъ, то свѣсивъ голову на грудь, то закинувъ ее назадъ; потомъ, очнувшись, всталъ и проговорилъ:

— Дремится; пойду на постель.

Мы перешли въ спальню; онъ легъ; я накрылъ его пледомъ, въ который онъ плотно укутался.

Въ восемь часовъ вечера я опять навѣстилъ Александра Николаевича. Заставъ его еще спящимъ, я отправился въ номеръ С. М. Минорскаго, гдѣ, кромѣ хозяина номера, находились его братъ, С. В. Добровъ и оба сына Александра Николаевича. Наконецъ явился онъ самъ. В. М. Минорскій всячески старался развлекать его; но Александръ Николаевичъ мало слушалъ, слегка позѣвывалъ и, повидимому, былъ сосредоточенъ въ самомъ себѣ. Прохаживаясь по комнатѣ и ощупывая руки, онъ говорилъ:

— Кажется, мои руки и ноги возвращаются къ самочувствію.

Потомъ, присѣвъ, присоединился къ общему разговору о постройкахъ и коснулся своей усадьбы, но разсказывалъ уже не съ тѣмъ оживленіемъ, какъ бывало, о своемъ любимомъ Щелыковѣ, которое сравнивалъ съ нѣкоторыми мѣстностями Швейцаріи, но только не въ этотъ разъ.

Въ 9 часовъ я разспростился.

— Завтра у насъ Воскресенье... вы не приходите, сказалъ мнѣ Александръ Николаевичъ; а въ Понедѣльникъ, пожалуйста, пораньше, къ часамъ 9.

Въ Воскресенье заѣзжалъ къ нему А. А. Потѣхинъ, завѣдывающій Петербургскою драматическою труппой. На счетъ его визита Александръ Николаевичъ передавалъ мнѣ такъ.

— Вчера былъ у меня Потѣхинъ Алексѣй. Пріѣхалъ-то въ такое время, когда мнѣ было очень нехорошо. Я не велѣлъ его принимать, такъ самъ вошелъ, говоритъ: „узналъ, что ты нездоровъ; я только поцѣловаться съ тобой, поцѣловаться только“...

Такъ какъ дѣла, для которыхъ онъ оставался въ Москвѣ, были законченъ и находились уже въ моихъ рукахъ для передачи А. А. Майкову, я торопилъ его отъѣздомъ въ Щелыково; но его удерживало обѣщаніе профессора Остроумова навѣстить его въ Среду, 28 Мая. Въ ожиданіи этого посѣщенія Александръ Николаевичъ долженъ былъ остаться въ Москвѣ еще на два мучительныхъ дня. Положимъ, что у него была работа (корректированіе присланныхъ изъ Петербурга г. Мартыновымъ листовъ переводившейся имъ Шекспировской пьесы „Антоніо и Клеопатра"); но буквально ничѣмъ не могъ онъ заниматься: до того силы его ослабли, хотя и онъ бодрствовалъ духомъ и не терялъ способности къ умственной работѣ. Кстати сказать, наканунѣ его отъѣзда, 27-го Мая, заходилъ къ нему секретарь Общества Русскихъ драматическихъ писателей И. М. Кондратьевъ и просилъ его, какъ предсѣдателя Общества, подписать нѣсколько (не болѣе 15 экземпляровъ) квитанцій въ полученіи членскихъ взносовъ, заготовлявшихся заблаговременно для имѣвшихъ вновь поступить въ Общество драматическихъ писателей. Александръ Николаевичъ отклонился отъ этого нехитраго труда, потому что былъ не въ состояніи взять въ руки перо. Когда зашла рѣчь о южномъ берегѣ Крыма, коснулись виноградниковъ и Юрзуфскаго винодѣлья Губонина..... Договорились, наконецъ, до уженія рыбы на Черномъ морѣ. Между Александромъ Николаевичемъ и И. М. Кондратьевымъ на эту тему завязался оживленный разговоръ, въ который я вслушивался съ любопытствомъ, будучи самъ такимъ же рыболовомъ - охотникомъ, какъ они; но рѣшительно въ моей памяти не уцѣлѣло ни одного названія рыбъ, о которыхъ они упоминали... Лѣтомъ, въ часы досуга, уженіе рыбы и рыболовство вообще были любимымъ развлеченіемъ Александра Николаевича. Вотъ что разсказалъ онъ намъ, не безъ нѣкотораго юмора, о своемъ времепровожденіи въ Щелыковѣ. Когда задумывалось ловить рыбу сѣтью, у нихъ въ Щелыковѣ было такъ: впереди всѣхъ ѣдетъ „морской министръ". Министръ этотъ никто иной, какъ мѣстный псаломщикъ, Иванъ Ивановичъ въ подрясникѣ и широкополой шляпѣ, изъ-подъ которой, какъ крысій хвостикъ, торчитъ косичка. „Морскимъ министромъ" прозванъ онъ потому, что былъ руководителемъ и распорядителемъ всей охоты вообще. За министромъ ѣдутъ гости и семейство Александра. Николаевича; на облюбованномъ для ловли мѣстѣ раскидываются шатры. Начинается ловъ. Первымъ лѣзетъ въ воду министръ, направляя сѣть, за нимъ крестьяне въ рубахахъ и портахъ. Вода въ рѣкѣ (Меричкѣ, кажется) до того холодна, что, не смотря на самый знойный день, у ловцовъ не попадаетъ зубъ на зубъ по выходѣ изъ воды. Сейчасъ подается имъ водка, которая въ изобиліи: „пей—не хочу".

Вотъ чѣмъ занималъ насъ Александръ Николаевичъ за недѣлю до своей смерти, и разсказывалъ такъ увлекательно, что передавать его слова я не берусь.

Имѣя надобность кое-о-чемъ переговорить съ г. Кондратьевымъ, я

проводилъ его до швейцарской. Возвратясь, я нашелъ у Александра Николаевича его старшаго сына, а его самого подписывающимъ квитанціи. Да, онъ не хотѣлъ оставаться въ долгу ни у кого послѣ своего отъѣзда въ Кинешму, или въ Щелыково. Въ немъ уже не было жизни, а съ правами полной хозяйки господствовала смерть. Подписанныя имъ членскія квитанціи я сейчасъ же отослалъ къ г. Кондратьеву. Оставшись вдвоемъ, мы занялись опять объяснительной запиской по оперѣ, которую я вырылъ изъ находившихся у меня бумагъ. Необходимо было кое-что вписать въ нее. Когда подъ диктовку Александра Николаевича я писалъ, онъ слѣдилъ за каждымъ словомъ, просилъ прочесть написанное, обдумывалъ и вставлялъ новыя фразы. Гдѣ нужно было вписать цифры, указывалъ, откуда ихъ взять и какимъ порядкомъ вставить. Потомъ просилъ собрать со стола всѣ бумаги, касающіяся репертуара, и проекты штатовъ Театральнаго Училища съ объяснительною къ нимъ запискою; поручилъ часть ихъ сдать А. А. Майкову, а другую тщательно хранить. По мѣрѣ того, какъ я исполнялъ его распоряженія, онъ слѣдилъ за мною.

— Нѣтъ, нѣтъ, замѣтитъ: — этого не трогайте, это я беру съ собой—пьесы и корректуры... Посмотрите, нѣтъ-ли чего въ портфелѣ.. Пожалуйста, не оставляйте ничего театральнаго, забирайте *все*...

Тутъ только впервыя я замѣтилъ, съ какою ненавистью онъ относился ко всему театральному, и вспомнилось мнѣ, какъ 2 Января 1886 года (я, по обыкновенію, дѣлалъ ему визиты на другой день праздниковъ), онъ сказалъ мнѣ:

— Ну, окунулся я вчера въ *омутъ* *); не знаю, какъ изъ него вылѣзу.

Въ новый годъ, т.-е. 1 Января 1886 года, онъ посѣтилъ оба Императорскихъ Театра, гдѣ, какъ своему новому начальнику, представлялись ему артисты всѣхъ труппъ.

Капельдинеръ доложилъ о приходѣ В. Ѳ. Подпалаго, только что окончившаго курсъ студента-медика, занимавшагося прежде въ качествѣ репетитора съ дѣтьми Александра Николаевича.

— Просить, приказалъ Александръ Николаевичъ.

Онъ мягко и кротко сдѣлалъ выговоръ Подпалому, что забылъ о немъ. Тотъ оправдывался экзаменами, а самое главное незнаніемъ о томъ, что Александръ Николаевичъ находится въ Москвѣ, еслибы не случайная встрѣча съ однимъ общимъ знакомымъ.

Объяснительная записка по оперѣ еще лежала на столѣ (опера и особенно балетъ были больнымъ мѣстомъ Александра Николаевича въ репетуарѣ). Александръ Николаевичъ просилъ еще разъ прочесть тѣ мѣста, въ которыхъ сдѣланы поправки и, внимательно слушая, шевелилъ губами, какъ бы повторялъ про себя то, что̀ я читалъ. Когда мы кончили

---

*) Подъ „омутомъ“ подразумѣвалась *среда*, въ которую вошелъ А. Н. Островскій, но отнюдь не самый театръ.

съ запиской, онъ обратился къ Подпалому, спросивъ, по обыкновенію, нѣтъ-ли новенькаго.

Подпалый, не безъ ироніи, сообщилъ, что въ „Московскомъ Листкѣ“ напечатана замѣтка по поводу какой-то пьесы С. А. Юрьева, переведенной имъ будто *въ шесть недѣль*. Признаться, я мало слушалъ, будучи занятъ своими бумагами; поэтому не помню, о какой пьесѣ велась рѣчь.

— Съ Испанскаго-то въ 6 недѣль?! изумился Александръ Николаевичъ и усмѣхнулся.

Поразспросивъ съ большимъ участіемъ о болѣзни и сказавъ нѣсколько успокоительныхъ словъ, Подпалый вскорѣ разспростился съ Александромъ Николаевичемъ „до завтра“, обѣщая проводить его на вокзалъ, чѣмъ онъ остался доволенъ. Въ его же присутствіи, какъ медика, могущаго оказать полезныя услуги больному въ дорогѣ, я просилъ Подпалаго проводить Александра Николаевича до Щелыкова; на это, однако, послѣдній не согласился, не желая безпокоить Подпалаго.

— Должно быть, не будетъ, неоднократно говорилъ больной, съ безпокойствомъ посматривая на часы и думая о профессорѣ Остроумовѣ.

Это было въ день отъѣзда, въ Среду, 28 Мая.

Не явился и сотрудникъ профессора Остроумова, докторъ С. В. Добровъ. Зловѣщій признакъ: „послѣдній актъ жизненной драмы“ Александра Николаевича былъ уже подписанъ! Онъ и всѣ сознали это....

Вещи были уже уложены, и Александръ Николаевичъ сидѣлъ одиноко въ своемъ номерѣ, когда, пріийдя изъ школы, я сказалъ ему, что не достаетъ одного изъ документовъ, относящихся къ училищнымъ штатамъ. Это его озадачило.

— Не можетъ быть, возразилъ онъ: — я самъ пересматривалъ всѣ бумаги. Кромѣ корректуръ и моихъ литературныхъ бумагъ, никакихъ документовъ у меня не осталось... Впрочемъ, вонъ ключи; посмотрите въ этомъ чемоданѣ... И онъ указалъ на связку ключей. Открывъ чемоданъ, я осторожно выбиралъ изъ него вещи, пока, наконецъ, не дошелъ до бумагъ.

— Вотъ бумаги,—пересмотрите.

Искомое я нашелъ. Александръ Николаевичъ проворчалъ:

— Просмотрѣлъ какъ-нибудь. Уложите же вещи.

Онъ слѣдилъ и указывалъ, не трогаясь, впрочемъ, съ мѣста,— куда и какую вещь нужно было уложить. Пришелъ Подпалый. Александръ Николаевичъ, потирая рукой подъ печенью, жаловался ему на свои страданія.

— Не могу понять, что̀ у меня... вырѣзать да посмотрѣть бы... Воспаленіе слѣпой кишки, что ли... вотъ тутъ особенно мучительная боль...

Подпалый помялъ его животъ, выслушалъ грудь.

— А сердце какъ? пытливо спросилъ Александръ Николаевичъ.

— Ничего особеннаго, слукавилъ Подпалый: есть ненормальные скачки, но въ общемъ сердце въ порядкѣ.

Александръ Николаевичъ поникъ головой и задумался.

— Господи! воскликнулъ онъ, вскинувъ глаза кверху: — три дня ни-

чего не ѣлъ, три ночи... нѣтъ, не три... одну спалъ съ перерывами... двѣ ночи не спалъ... Что̀ за силы, что̀ за энергія въ шестьдесятъ-то слишкомъ лѣтъ!

И опять поникъ головой. Поникли и мы. У меня навернулись слезы.

Погода была сырая, когда мы въ 5-мъ часу пополудни поѣхали провожать Александра Николаевича на вечерній (въ 6 ч. 15 м.) поѣздъ Нижегородской желѣзной дороги. Онъ ѣхалъ въ каретѣ съ обоими сыновьями. Два брата Минорскихъ и я съ Подпалымъ ѣхали попарно, въ пролеткахъ. На пути къ вокзалу, Подпалый выразилъ сомнѣніе: „Дай Богъ ему добраться до Щелыкова“. Въ этомъ слышался отголосокъ профессора Остроумова и доктора С. В. Доброва.

На вокзалѣ подождалъ Александра Николаевича старый пріятель его И. И. Ш—нъ съ сыномъ, студентомъ Московскаго университета, ѣхавшимъ тоже въ Щелыково съ Александромъ Николаевичемъ и его старшимъ сыномъ. Пожалуй полчаса прошло, какъ мы уже пріѣхали на вокзалъ, а кареты не было видно; я начиналъ безпокоиться; наконецъ, показалася и она. Встрѣтивъ Александра Николаевича, я пошелъ рядомъ съ нимъ.

— Кажется, я не дойду, упаду, шепталъ онъ мнѣ.

Дойдя до буфета, Александръ Николаевичъ помѣстился въ темной половинѣ его, отказавшись идти въ свѣтлый залъ, гдѣ общій столъ.

— На что̀, возразилъ онъ: *свѣтъ* и такъ мнѣ надоѣлъ.

А самъ поглаживалъ грудь противъ сердца. На осунувшемся еще болѣе отъ утомленія въ дорогѣ и блѣдномъ лицѣ и въ потускнѣвшихъ, глубоко-впалыхъ глазахъ выражалось безконечное страданіе. Какъ ни старались его развлекать, невозможно было вызвать на сухихъ и посинѣвшихъ губахъ ту привлекательную улыбку, которою, бывало, онъ подкупалъ и побѣждалъ своихъ собесѣдниковъ. Мы пріѣхали чуть ли не за часъ до отхода; поэтому время, казалось, длилось убійственно, тѣмъ болѣе при такой печальной обстановкѣ. Минутъ за двадцать до отхода поѣзда онъ подозвалъ меня къ себѣ; всѣ прочіе удалились. Онъ разспросилъ меня обо всемъ, что̀ я сдѣлалъ по его порученію. Сообщеннымъ остался доволенъ. Строго наказалъ онъ мнѣ, чтобы я непремѣнно, „завтра же“ побывалъ у А. А. Майкова и, съ передачей надлежащихъ бумагъ, обо всемъ доложилъ ему подробно, а о результатахъ доклада отписалъ ему немедленно. Затѣмъ мы поднялись. Дошли до вагона; купэ уже было выбрано. Александръ Николаевичъ стоялъ на тормазѣ; мы, провожавшіе и отъѣзжавшіе съ нимъ студенты, сынъ его М. А. и молодой Ш—нъ, сгруппировались около него. Ударилъ второй звонокъ. Началось прощаніе. Со всѣми и со мной онъ дважды крѣпко разцѣловался. Въ ожиданіи третьяго звонка мы сошли съ тормаза на платформу.

Оставшись и стоя на тормазѣ, Александръ Николаевичъ почему-то вспомнилъ о вновь назначенномъ имъ помощникомъ режиссера оперной труппы М.

— Утвержденъ ли М. Аполлономъ Александровичемъ? спросилъ Александръ Николаевичъ.

Я отвѣчалъ утвердительно.

— Кто? М? спросилъ кто-то изъ сыновей Александра Николаевича.

— Да, отвѣчалъ онъ.

— Доволенъ!!..

— Еще бы! Теперь онъ министръ! пошутилъ Александръ Николаевичъ и добавилъ:—Очень радъ за него... Былъ забитъ, а неглупый, дѣльный человѣкъ...

Подпалый шепнулъ мнѣ: Замѣчайте, Александръ Николаевичъ повеселѣлъ.

Да и самъ Александръ Николаевичъ замѣтилъ, что онъ ожилъ и чувствуетъ себя лучше, приписывая это перемѣнѣ погоды. А погода была сѣрая; теперь только начиналъ попрыскивать мелкій, но частый дождь. Слѣдовательно, не погода, а воздухъ его освѣжилъ послѣ замкнутой жизни въ пропитанномъ табакомъ номерѣ.

Ударилъ третій звонокъ.

— *Прощайте,*—приподнявъ картузъ, сказалъ намъ Александръ Николаевичъ:—я очень доволенъ, господа, что вы меня проводили.

— *До свиданья,* поправилъ его я.

— До свиданья, произнесъ онъ тоже выразительно.

Поѣздъ заколыхался. Александръ Николаевичъ вошелъ въ вагонъ на ходу и помѣстился у окошка. Покуда поѣздъ медленно отходилъ, я шелъ рядомъ съ его купэ. Снявъ шляпу, я низко поклонился Александру Николаевичу. Онъ обмѣнялся поклономъ, не снимая картуза.

Не хотѣлось вѣрить, чтобы это было послѣднее разставанье. Но поѣздъ уносилъ его, и унесъ *далеко*, унесъ навсегда...

Я вздохнулъ вольнѣе, когда уѣхалъ Александръ Николаевичъ въ свое Щелыково. Я ожидалъ, впрочемъ, не я одинъ, а всѣ сочувствовавшіе ему ожидали, что, послѣ всѣхъ служебныхъ и прочихъ треволненій, при свиданіи съ семействомъ и вообще у себя дома, его нервы успокоятся, а живительный деревенскій воздухъ подбодритъ и возстановитъ его надломленныя силы. На другой день А. А. Майковъ выразилъ мнѣ крайнее сожалѣніе, что не извѣстили его о времени отбытія Александра Николаевича изъ Москвы: онъ тоже желалъ проводить его.

Вечеромъ я заходилъ въ „Дрезденъ". С. М. Минорскій показалъ телеграмму изъ Кинешмы такого содержанія: „Доѣхали благополучно. Островскій"; а дня черезъ два, т.-е. 1-го Іюня (въ Духовъ день) я получилъ отъ сопровождавшаго Александра Николаевича его старшаго сына письмо: „Мы доѣхали благополучно, въ вагонѣ ничего особеннаго не произошло. Только на лошадяхъ папѣ пришлось ѣхать въ пролеточкѣ и кутаться отъ дождя и вѣтра. Онъ васъ проситъ писать все, что ни случится въ Москвѣ".

Признаюсь, письмо не показалось мнѣ утѣшительнымъ, и Троицынъ день я провелъ тоскливо. Сырая погода съ мелкимъ какъ изъ сита дож-

демъ еще болѣе дѣйствовала на расположеніе духа. Ночь на Духовъ день я провелъ тревожно; къ утру только заснулъ. Вдругъ во снѣ, слышно для самого себя, я произнесъ: „Упокой, Господи, во царствіи Твоемъ раба Твоего Александра“.

И въ ужасѣ проснулся. Былъ десятый часъ утра. Вставши, я разсказалъ о снѣ домашнимъ. Меня утѣшали, что „сны всегда бываютъ наоборотъ“. Ни въ какіе сны я не вѣрю; но на этотъ разъ сонъ былъ въ руку.

3-го Іюня я отправился къ А. А. Майкову узнать, нѣтъ ли какихъ новостей по театру, дабы сообщить ихъ Александру Николаевичу, и А. А. Майковъ поразилъ меня двумя телеграммами: газетной и полученной имъ отъ семейства Александра Николаевича о кончинѣ его 2-го Іюня (т.-е. въ Духовъ день) въ десять часовъ утра.

Не помню, что̀ со мною было потомъ...

Въ тотъ же день, 3-го Іюня, вечеромъ я выѣхалъ по Нижегородской дорогѣ въ Щелыково, командированный Обществомъ Русскихъ драматическихъ писателей возложить серебряный вызолоченный вѣнокъ на гробъ его глубокоуважаемаго предсѣдателя, знаменитаго драматурга Александра Николаевича Островскаго, служившаго Обществу безвозмездно съ основанія его, т.-е. съ 21-го Октября 1874 года, ревностно и неутомимо...

Долго будетъ чувствоваться, не скоро забудется эта невозвратимая утрата не для одного только Общества Русскихъ драматическихъ писателей, но для театра и для всего Русскаго искусства!..

Н. А. Кропачевъ.

Москва, Февраля 1888.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

Русскій Архивъ

1888 года

(ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ).

„Русскій Архивъ“ выходитъ въ 1888 году на прежнихъ основаніяхъ. **Двѣнадцать книжекъ** „Русскаго Архива“ составятъ три большіе тома, съ приложеніями. Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1888 году съ доставкою—**девять** рублей.

Для Германіи — **одиннадцать** рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ **двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается **въ Москвѣ**, въ Главной Конторѣ „Русскаго Архива“, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ; въ **Петербургѣ** на Невскомъ Проспектѣ въ домѣ 49, кв. 74-я (Л. Ѳ. Зміевъ) и въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“.

Годовыя изданія „Русскаго Архива“ 1884, 1886 и 1887 получаются, со всѣми приложеніями, по 9 р. за каждый годъ съ пересылкою. Годы **1874, 1877, 1878, 1879** и **1880** по 7 р. съ пересылкою. Годъ 1881 (съ двумя книжками „Сѣверныхъ Цвѣтовъ“ и большимъ портретомъ Екатерины Великой) по 8 рублей. Остальныя годовыя изданія „Русскаго Архива“ вышли изъ обыкновенной продажи.

Предметная роспись „Русскому Архиву“ за первыя 20 лѣтъ изданія (1863 — 1882) продается по **одному** рублю съ пересылкою.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **ПЕТРЪ БАРТЕНЕВЪ**.